Лис-Арден

АЛМАЗ ТЕМНОЙ КРОВИ

ТРИЛОГИЯ

Нижний Новгород 2013

ББК 84 (2 Рос–Рус) 6–4
Л 63

Лис-Арден
Л 63 Алмаз темной крови: трилогия / Лис-Арден, – 2013 г. – ???692 с.

Три книги – «Танцующая судьба», «Песни Драконов», «Дудочки Судного Дня» – предлагают читателю стать свидетелем одной из великих игр, которыми творятся судьбы мира. Первая книга – это первое знакомство с Обитаемым Миром: уютным, замкнутым на себе, похожим на осколок когда-то огромного, настоящего мира. Однако все может изменить опасный артефакт, попавший в руки девушки с цветочным именем, обученной в храмовой школе танцев. И труппа бродячих артистов окажется в силе противостоять напастям, неподвластным обычным людям.

Вторая книга позволит увидеть, что случится с Обитаемым Миром, если оставшиеся боги – братья–близнецы, один из которых отказался от участия во всех делах, кроме увеселений, а второй одержим желанием выйти за четко означенные пределы. И какая судьба уготована Амариллис, потомку древнего рода, хранящего талисман настолько могущественный, что за ним охотятся все сильные мира?

Третья, заключительная книга трилогии, заглядывает в будущее Обитаемого Мира, покинутого на волю одного из малозаметных прежде богов, который решает исполнить пророчество и стать единовластным хозяином мира. Возможно, умирающему миру могут помочь старые боги. Руками людей, разумеется.

ISBN 978-5-91134-860-1

©Лис-Арден, текст, 2013
©Ножев В.И., иллюстрации (форзац), 2013
©Кий, иллюстрации, обложка, 2013

Оглавление

ПРОЛОГ 5

Книга первая. Танцующая Судьба 7
Глава первая. В гостях у Черного Лиса 11
Глава вторая. Дети Лимпэнг-Танга 31
Глава третья. «Стойка и пауза» – и еще пять правил школы Нимы 41
Глава четвертая. Дети Лимпэнг-Танга (продолжение) 55
Глава пятая. Подарочек 67
Глава шестая. Праздники Третьего Лета 75
Глава седьмая. Ветряки Эригона 86
Глава восьмая. Планы господина ратмана 99
Глава девятая. Мудрость господина ратмана 112
Глава десятая. Под иными ливнями 125
Глава одиннадцатая. Побратимы 143
Глава двенадцатая. Милость господина ратмана. 162
Глава тринадцатая. Ночной огонь 185
Глава четырнадцатая. Камень преткновения 201
Глава пятнадцатая. Благодарность господина ратмана 215
Глава шестнадцатая. Амариллис, боль моя 226
Глава семнадцатая. Линьяж 239
Глава восемнадцатая. Обретение 252
Глава девятнадцатая. Коронация 259

Книга вторая. Песни Драконов 267
Хроники дома Эркина 268
Глава первая. Золотые тавлеи 273
Глава вторая. Сыновья 288
Хроники дома Эркина 303
Глава третья. Танцовщицы Нимы 306
Глава четвертая. Ледяная птица 327
Глава пятая. Дорога тысячи путей 341
Хроники дома Эркина 350
Глава шестая. Лесные тропы 354
Глава седьмая. Должник Арчеша Мираваля 372
Песнь Первого Полета 384
Глава восьмая. Пепелище 388
Глава девятая. Пустыня 401
Глава десятая. Проклятые Земли 415
Песнь Открывающих Врата 426
Глава одиннадцатая. Проклятые Земли (продолжение) 429

Глава тринадцатая. Попытка 444
Глава четырнадцатая. Пьющий Песок 454
Песнь Мастера 465
Глава пятнадцатая. Хозяйка Арр-Мурра 467
Глава шестнадцатая. Игра 478

Книга третья. Дудочки Судного Дня 493
Глава первая. Виша из дома Вельда 499
Глава вторая. Тяжелый квест 513
Глава третья. Безупречный город 536
Глава четвертая. Коллекция дома Эредиа 552
Глава пятая. Немного истории 571
Глава шестая. Приключение 589
Глава седьмая. Плавающие сады Маноры 602
Глава восьмая. Оседлавшие ветер 619
Глава девятая. Нечестная игра 634
Глава десятая. Немного везения 652
Глава одиннадцатая. Истинный бог 662
Глава двенадцатая. День гнева 674

Эпилог 689

Пролог

По лестнице высокой каменной террасы, уходящей куда-то далеко вниз, к самому океану, со всех ног бежал мальчишка – легкий, звонкий как птичья трель, беловолосый и сероглазый северянин, одетый в простые полотняные штаны и рубаху-безрукавку. На террасе, сидя за каменным, вросшим в пол столом, его ждал мужчина – седой, средних лет, примечательный разве что полыхающими в глазах языками постоянно меняющего цвет пламени на том месте, где положено быть зрачкам. Перед ним был расстелен вышитый трехцветным золотом игральный плат, стояла деревянная чаша для подаяний, отполированная не одним тысячелетием, и лежал совсем небольшой мешок, завязанный крепкой веревкой.

–Я не опоздал? – выдохнул мальчишка, с размаху садясь напротив мужчины.

–Ты как всегда на полчаса раньше, Судри, – усмехнулся тот.

–Пьющий Песок, а мама не будет сердиться? – Мальчик с некоторым сомнением посмотрел на принадлежности для игры. – Она не очень-то одобряет…

–Твоя мама и точные науки не одобряет, – согласно кивнул Пьющий Песок, – и в махшит до сих пор как следует играть не научилась.

–Да ну? – изумился Судри. – А можно я сам расставлю фигуры?

–Нет. – Отрезал Пьющий Песок. Он осторожно развязал веревки у мешка, и, опустив полотняные края в деревянную чашу, высыпал его содержимое. Потом встал, взял обеими руками чашу и посмотрел на Судри:

–На что играем?

–На прошлое. – Мальчик поставил локти на стол, положил острый подбородок на переплетенные пальцы. – Давай.

И Пьющий Песок опрокинул чашу над игровым полем. С легким звоном из нее посыпались фигурки, уже в полете успевая выпрямиться, поудобнее перехватить меч или вскочить на коня. Они падали медленно, постепенно заполняя все поле, и оба игрока, затаив дыхание, наблюдали за их парением.

–Твой ход, – Пьющий песок протянул Судри пару старых, истертых игральных костей.

Книга первая

Танцующая Судьба

* * *

–А–а–апчхи ! ! !

Для молоденькой девушки она чихала чересчур громко и звонко; помнится, мама ее, еще когда была жива, в таких случаях всегда говорила: «Детка, ты хоть чуточку сдерживай себя, а то чих уж очень оглушительный получается, как будто ангел в серебряную трубу дунул». На что она неизменно отвечала: «Мамуля, если я буду сдерживаться, ангельских звуков уж точно не получится!» После чего они дружно смеялись.

–А–а–апчхи!!!–

Она выполаскивала в воде холодной лесной речки свое белье и неосторожно ткнулась лицом в какое-то водяное растение с невероятно пахучей пыльцой. В носу немедленно засвербело, защекотало... она несколько раз судорожно втянула в себя воздух и...

–А–а–апчхи!!! – и чихнула, что называется, от всей души.

Он торопился. Хотелось поскорее оказаться под благословенной сенью леса, услышать дыхание листьев, почувствовать под пальцами шершавую кожу деревьев, омыть слух птичьими голосами... да и важные новости задерживать не стоило. Хоть он и принадлежал к Вольным Лесным Стражам, не подчиняющимся никому из официальных иерархов, сознание долга было в нем очень сильно. Как, впрочем, и в любом из эльфов. Он пересек редколесье, отметив про себя непонятный шум, доносившийся со стороны луга, примыкавшего к замковому саду, спешился, подошел к берегу Быстрицы – речки, протекавшей как раз по опушке пограничного леса. Она сильно разлилась в этом году, будет, пожалуй, не по колено, как всегда, а и по пояс. На тот берег вели несколько камней, выставивших из воды свои блестящие мокрые спины. Он привычным, легким движением шагнул па первый камень, так же легко перепрыгнул на второй, ступил на третий, как вдруг...

–А–а–апчхи!!! –так чихнуть могла разве что серьезно простуженная медведица. От неожиданности он вздрогнул, подошва его тонкого сапога предательски заскользила по мокрому камню и...

–Плюх!!! – он полетел в воду... некрасиво, неизящно, совсем уж подурацки дрыгнув ногами.

Почти сразу он нащупал дно, встал (воды оказалось действительно по пояс), протер глаза, откинул с лица мокрые волосы. И тут его острых (во всех отношениях) ушей достиг злорадный, звонкий хохот.

–Ха–ха... ой… Ха–ха–ха–ха!!!

Она смеялась, показывая неизвестно кому на него пальцем и почти что всхлипывая. Невысокая, коротко стриженная, с мальчишески легкой фигуркой, одетая в просторную полотняную рубаху и короткие, до колен,

узкие штаны. Внезапно она хлопнула в ладоши, подбоченилась и запела на какой-то глумливый мотив видимо только что сочиненный куплет:

Эльф-воитель через речку
Припустился во весь дух,
Но, узрев в кустах овечку,
В воду кверху пузом – плюх!

Весьма довольная собой, она снова захохотала, прислонясь в изнеможении к стволу старой ивы. Продолжая смеяться, нахальная особа выкрикнула начало второго куплета:

На ушах повисла тина,
На башке – лягушка...

Тут и пение, и смех оборвались, а зубоскалка с изумлением уставилась на эльфийскую стрелу, пронзившую широкий рукав ее рубахи и пришпилившую ее саму к дереву.

Эльф усмехнулся, опустил лук и неторопливо пошел уже вброд посмотреть поближе на ту, что осмелилась сказать что-то о его ушах. Он промок насквозь, с длинных волос ручейками стекала вода, в сапогах хлюпало... но он ничего этого не замечал, поскольку был слишком зол и заинтересован. А девушка тем временем пыталась вытащить стрелу, бормоча невнятные ругательства и посекундно оглядываясь на приближавшегося неприятеля. Вот уже заскрипел песок под его шагами...

–Яншансинг инсыньятинг, у–у–у... порлог истигболи!!! Куш хелепсиз азис дустлар!!! – От таких слов, достойных вусмерть пьяного наемника–орка, эльф сначала покраснел, а потом хмыкнул. Уж что-что, а ругаться девчонка умела.

–Так–так, и что же это за королеву сквернословия я подстрелил? И что мне с тобой делать, негодница? Отстегать, что ли, лозой, да и отправить обратно в твой хлев?

–Только попробуй прикоснуться ко мне... ты, *укк фургат!*

От такого эльф даже поперхнулся, но не отступил. Он подошел вплотную к шипящей как камышовая кошка девчонке, легким мановением одной руки выдернул стрелу и, не глядя, точным движением опустил ее за спину, в колчан.

–М–да, стегать тебя, пожалуй, поздновато... а вот целовать – самое время...

Пытаясь вырваться из тонких стальных обручей эльфийского объятия, девушка слишком сильно дернулась, ударилась локтем о дерево и с присвистом втянула воздух сквозь оскаленные зубы – красивые, белые... вот только клычки у нее выдавались чуть больше, чем это положено обычным людям.

–Ого... – протянул эльф, – орчатская порода вылезла? Интересно, кто он был – дед, прадед?

Она уставилась на него глазищами, обычно мягко–серыми, как нильгайская замша, теперь же от злости бледно–голубыми, и промолчала. Эльф не стал развивать тему происхождения обидчицы, взял ее тонкими, сильными пальцами за подбородок...

–Не смей, ты...

Наклонился и уже через мгновение забыл обо всем на свете. Ее губы были похожи на лепестки розовых осенних георгин – такие же прохладные, нежно-упругие. Он целовал их, стремительно забывая о том, что это, по правде говоря, не входило в его первоначальные планы – он собирался всего лишь обидно шлепнуть ее пониже спины; а поцелуй затягивал его, искушал, дразнил... Он закрыл глаза, светло-синие и колючие, как мартовское небо, вздохнул, позволил своим губам стать ласковыми и чуть-чуть ослабил объятия. И тут же об этом сильно пожалел.

Ибо извернувшаяся змейкой девчонка весьма чувствительно пнула его коленкой в запрещенное всеми правилами честного боя место, а когда он со стоном согнулся вдвое, толкнула изо всех сил, повалив на траву, подхватила свое бельишко и была такова.

Уже давно стихли ее легкие, торопливые шаги, растревоженные ее чихом и хохотом речные птахи снова расселись по местам и завели свои нескончаемые разговоры, все дальше и дальше несла свои воды Быстрица... А эльф все лежал на пологом песчаном берегу и плечи его слегка вздрагивали.

Хэлдар, лорд Лотломиэль, Вольный Лесной Страж, лежал на земле промокший насквозь и смеялся, смеялся так легко и весело, как будто снова стал беззаботным ребенком.

Глава первая. В гостях у Черного Лиса

–Я очень рад, дядя Хэлдар, что ты все-таки успел на юбилей к барону. Жаль, почти все интересное пропустил; сегодня последний день... Ну ничего, постараемся наверстать.

–Ты ничуть не изменился, Тари. Все такой же неугомонный и восторженный; и о каком интересе ты говоришь? Как будто не видел я человеческих праздников... Напились, объелись, по кругу потопали – это у них называется танцами, а для полноты картины подрались. Что, разве не так?

–Представь себе, нет. Старик Гэлвин много что умеет, например, подбирать гостей. Суди сам. Первыми прибыли цверги, делегация от кланов Железа, Меди и Серебра.

–Ого...

–Вот именно, в большем составе – со спесивцами из клана Золота – они бывают разве что на королевских свадьбах... Слушай, а почему такая честь старому барону?

–Гэлвин сумел склонить престол Одайна на сторону цвергов в самый тяжелый период их войны с гномами; они уже голодали, всех летучих мышей успели приесть, а он привел обоз с продовольствием... такое не забывается.

–Это уж точно. Потом явились велигоры – целых четыре штуки, важные такие, ожерелья до пупа, дубинки все в резьбе.

–Это не дубинки, это парадные жезлы старейшин. Боевые дубины в три раза больше.

–Да?!.. Ничего себе... Ну, потом кое-кто из соседей: или такие же старые пройдохи, понимающие толк в увеселениях, или молодые прожигатели батюшкиных денежек. Несколько придворных остолопов с семействами – для смеху, очевидно; какие-то родственники. Как всегда, самыми последними явились наши – я и еще кое–кто из Стражи, Ливайна со свитой поклонников, Геран... слушай, а ты здесь какими судьбами?

–Случайно встретил Герана, а от него не отвяжешься.

–Ага. В общем, общество подобралось – что надо, угощение – выше всяких похвал, а самое главное – старик Гэлвин сумел зазвать к себе на целых четыре дня храмовую труппу Лимпэнг-Танга – всех до единого!

–Вот это интересно... Я ни разу не видел их выступлений, но слышал о них... многое. Ну и как они тебе?

–Потрясающе. И не делай такого скучного лица, дядя Хэлдар, сам увидишь – это такое... такое... Представь себе – ни один номер не повторяется, артисты – само совершенство...

–Будет тебе, Тари. Позволь мне хоть немного отдохнуть с дороги, вечереет уже... увидимся на пиру.

–Подчиняюсь... – молодой эльф склонил голову в шутливо–почтительном поклоне и вышел из комнаты.

Хэлдар закрыл дверь за своим болтливым племянником и огляделся. Отведенная ему комната была не слишком просторна, но вполне удобна. Она находилась в третьем этаже западной башни старого замка Гэлвинов, одного из самых старинных (по людским меркам, конечно) родов королевства Одайн; располагался замок на границе с эльфийским лесом Молодой Листвы и в былые времена не раз выполнял роль пограничного гарнизона. Теперь же, когда войны людей и эльфов канули в прошлое и старые обиды поросли быльем, он стал родовым гнездом баронского рода и гордо нес на фасаде герб Гэлвинов – черный лис на серебряном поле, по углам – пучки копий. Замок был построен из серого с черными прожилками камня, так что казалось, будто стены его – сплошь в трещинах, и вот-вот рухнут на головы беспечным обитателям. Куда как обманчивое впечатление... Гэлвины строили с умом: во время оно в раствор, скрепляющий камни, щедро добавляли сырые яйца, и даже, по совету мастеров, купили несколько бутылей густого и белого, как хорошая сметана, вяжущего сока какого-то неведомого южного растения (одна бутыль снадобья стоила как доброе стадо в сотню коров, правда, и разводили его на целую бочку...). Раствор с добавлением заморской диковины схватывал камни намертво, не выкрашивался и плевать хотел на любые потопы, а если уж до конца верить россказням смуглолицего и краснобородого купца, умудрившегося за три дня пребывания в старом доме Гэлвинов распродать весь свой запас бус, а также обрюхатить двух служанок, еще и защищал от ударов молнии... Насчет этого проверить пока не удавалось – боги миловали, а во всем остальном логово Черных Лисов удалось на славу.

Эльф расчесал волосы, заплел их на висках и закрепил низко на затылке легкой серебряной пряжкой: еще до прихода мальчишки Тари он успел умыться и сменить привычную одежду Вольного Стража (серебристо-зелено-бурую, в обиходе именуемую «лесная тень»), на более парадный камзол темно-красного атласа, штаны и рубаху белого шелка, серые сапоги нильгайской замши; сел в кресло, стоящее у окна, опустил подбородок на переплетенные пальцы рук, и попытался разобраться в том беспорядочно спутанном клубке, в каковой превратилось его такое дисциплинированное сознание.

Как назло, перед самым уходом из общей резиденции Вольных, куда стекались все новости и откуда все важные вести отправлялись в столицу, он наткнулся на Герана и не успел притвориться старым, замшелым пнем; грубить же другу не хотелось – в результате пришлось тащиться вместе с ним на это нелепое празднество. Немало повеселило его и прочитанное по дороге письмо от матери, вновь умоляющей его памятью отца вернуться домой, признать оскорбление – досадным недоразумением и занять достойное лорда Лотломиэль место при дворе Четырех Королей; в конце письма

матушка с рвением, достойным подкупленной свахи, перечисляла достоинства его невесты... Да еще это давешнее купание в ледяной воде Быстрицы...

Именно оно, и ничто другое. А все остальное не имеет ни малейшего значения, сказал Хэлдару внутренний голос. На самом деле тебя беспокоят мысли о той негоднице; и важно даже не то, что они... чересчур... их попросту не должно было быть, не так ли? Эльф думает о человеческой девушке? Рыбки в облачках порхают, гном весь трактир пивом за свой счет угостил... И при всем том они есть, эти мысли. И прогнать их тебе не под силу. Даже не пытайся.

Хэлдар резко встал, распахнул окно – пусть комната проветривается, и, заперев за собой дверь, направился по коридору к лестнице, ведущей вниз, в пиршественный зал. На последних ступенях он задержался, поскольку впереди него, в полутемном холле кто-то разговаривал.

–Ты все сделал, как я велела? Смотри у меня, недоумок, если перепутал стол... – Такой переливчатый, серебристый выговор мог быть только у эльфийки.

–Не извольте сумлеваться, госпожа, все сработано в чистом виде. Так как насчет денюжек? – Второй голос был хриплый и гнусавый, как у пьяного конюха.

–На, получи. И проваливай.

Две фигуры разошлись: одна – стройная, изящная – в ярко освещенный зал, вторая – приземистая, угловатая – в темный боковой коридорчик, и Хэлдар, недоумевая, какой же стол так заинтересовал красавицу Ливайну, неслышно прошел вслед за ней.

В пиршественный зал он вошел одним из последних; почти все гости уже расселись за столами, расставленными полукругом вдоль невысокого помоста, на котором должны были выступать приглашенные артисты, о которых Хэлдару уже приходилось немало слышать. Дети Лимпэнг-Танга были самой необычной труппой во всем обитаемом мире. Начать хотя бы с того, что они никому не принадлежали. Не было у них хозяина, который набивал бы свою мошну, богатея их трудами; своего главу, призванного от имени труппы вести переговоры и заключать контракты, они выбирали сами, открыто и честно. Стать членом этого актерского братства мог стать только очень талантливый, незаурядный артист; любой из Детей Лимпэнг-Танга мог заменить собою целый цирк или театр, мастерски владея несколькими видами искусств и имея свой неповторимый номер, который более никто не мог исполнить. Летом они колесили по королевствам и княжествам обитаемого мира, останавливаясь на ярмарках или в замках (случалось, что бароны и герцоги серьезно ссорились, выясняя, чья очередь принимать артистов у себя дома), а ни зиму оседали в каком-нибудь большом городе, арендуя здание театра или цирка.

И один раз в году, перед тем как начать повое странствие по градам и весям, артисты отправлялись в паломничество к храму своего легкого и веселого божества – Лимпэнг-Танга. Они недаром называли себя его детьми: всех их судьба приводила однажды на широкие белые ступени, ведущие в

святилище тихо смеющегося бога, и всех их он отметил особой милостью, призвав в свою труппу. Актеры везли Лимпэнг-Тангу цветы и новые зрелища, чтобы порадовать его взор и развеселить сердце. Они любили своего бога, хотя и знали, что в горькие дни помощи от него ждать бесполезно, ибо над темными силами он не властен; да и может ли кто-нибудь, кроме людей, справиться с горем и болью? Но Лимпэнг-Танг разворачивал крылья вдохновения за их спинами, давал им радость творить… он выходил к своим детям – вечно юный, рассыпающий смех бубенчиков, вплетенных в несчитанные косички – и плясал вместе с ними, и его узкие босые ноги не оставляли следов на высокой траве... И в такт его божественному дыханию вздрагивали, позвякивали серебряные колокольчики, которые он собственноручно вдевал каждому из своих артистов в левое ухо.

За центральным столом сидел хозяин замка, старый Черный Лис Гэлвин – невысокий сухопарый старик; на его загорелом морщинистом лице выделялись молодые, веселые глаза, словно бросающие вызов белоснежным сединам; на темно–зеленом камзоле тускло поблескивала баронская цепь черного золота – других драгоценностей Гэлвин не признавал. По левую руку от барона сидели две хорошенькие близняшки – его племянницы, по правую – его лучший друг и ближайший сосед, известный на все королевство врач Альвиц. За отдельными столами, уставленными внушительного вида утварью, сидели велигоры, разодетые ради торжественного случая в парадные меховые безрукавки: их длинные, обычно всклокоченные волосы были заплетены во множество косичек, каждая из которых заканчивалась деревянной бусиной; резные жезлы покоились у них на коленях. Рядом расположилась делегация цвергов, в серых, коричневых и серебристых одеждах, у каждого запястья были украшены массивными браслетами из металла клана; их прославленные усы, кое у кого спускавшиеся до середины груди, были щедро умащены благовониями. За другими столами сидели какие-то люди; эльфы расположились справа от баронского стола.

–Ну наконец-то, – приветствовал Хэлдара Геран, его давний знакомый по столице. – Я было решил, что ты заснул. Усаживайся поудобнее, да не забудь возблагодарить судьбу, она к тебе более чем благосклонна: все поздравления уже сказаны, ответные благодарности высказаны, и все могут спокойно наслаждаться гостеприимством барона, не скребя в затылке, вымучивая цветистые речи.

В это время хозяин замка встал и поднял правую руку, призывая к вниманию. Гул в зале затих.

–Мои дорогие, достославные гости, – обратился к собравшимся Гэлвин, – сердечно благодарю вас за то, что вы почтили мой праздник своим присутствием. – Он снова, на этот раз успокаивающе поднял руку, – я не собираюсь услаждать ваш слух долгой и нудной речью, скажу только, что сегодня, в последний день праздника, я желаю вам отменно повеселиться.

Для вас, и только для вас, я представляю самое лучшее от Детей Лимпэнг–Танга!..

Гости ответили барону восторженным ревом и рукоплесканиями. Ну еще бы – ведь «самое лучшее» состояло именно из тех номеров, каковые кроме артистов, носящих в левом ухе два маленьких позвякивающих колокольчика, исполнить не мог никто. Это были их коронные номера, которые удостоились похвалы Лимпэнг-Танга.

На дощатый помост–сцену из-за сооруженных для такого случая кулис вышел высокий темнокожий мужчина с белоснежными волосами, одетый в просторный темно-зеленый плащ.

–Это Лиусс,– зашептал на ухо Хэлдару Геран, – их нынешний глава, музыкант и великолепный фокусник.

–Ты что, все их знаешь? – поразился Хэлдар.

–Друг мой, в своем лесу ты невероятно отстал от жизни... нельзя же так! Я видел их выступления дважды, между прочим, приезжал специально для этого на ярмарки – да–да! Так и быть, я обо всем тебе расскажу... невежа.

Темнокожий Лиусс поклонился публике и сказал звучным, глубоким голосом:

–Господин барон и вы, досточтимые гости! Сегодняшнее наше выступление мы посвящаем славному хозяину замка Черного Лиса, да не умалится его пышный хвост!.. – И он резко вскинул руки, словно разбрасывая что-то из горстей, и вдруг из кончиков его пальцев вырвались десять снопов маленьких фейерверков. Тут же Лиусс сложил ладони вместе, развел их, и под потолком, прямо над головами гостей заклубилась совсем настоящая грозовая туча размером с небольшой ковер, глухо прогремел гром, сверкнула молния; фокусник дунул на тучку, и она разразилась настоящим дождем, однако капли, не долетая до пола, исчезали. Затем он очертил руками в воздухе полукружие – и на месте тучи заискрилась всеми своими семью цветами радуга. Барон Гэлвин улыбнулся: его покойная матушка очень любила рассказывать, что ее любимый сыночек появился на свет в бурную грозовую ночь, под раскаты грома и перестук дождевых капель. Лиусс поклонился, благодаря за аплодисменты, и объявил:

–Рецина и ее стальные кружева!

–О, это должен быть потрясающий номер. – Снова зашептал Геран, – Рецина, по слухам, владеет любым оружием со всего обитаемого мира: она с острова Мизоан, а тамошние женщины одолеют конного рыцаря даже вязальной спицей. Смотри, смотри!

–Слушай, отвяжись... дай поесть спокойно... Ничего себе!

–А я что говорил!

На сцену вышла высокая, смуглая женщина, одетая в короткие штаны, безрукавку змеиной кожи и легкие сандалии, на поясе, украшенном устрашающего вида клыками, висел длинный кинжал; ее ярко-синие волосы были за-

плетены в толстую недлинную косу, такого же цвета глаза окружала выцветшая татуировка; рисунки были и на кистях рук воительницы, и на лодыжках. Она остановилась в центре помоста, невозмутимо рассматривая публику. Вышедший следом Лиусс нес целую охапку настоящего боевого оружия, превосходно отточенного и отбалансированного. Он раздал его всем желающим (увы, на всех не хватило), подав хозяину замка редкостные в этих краях серпы смерти; когда-то один из таких серпов оставил длинный тонкий шрам на правой щеке барона, вставшего в свои неполные семнадцать лет под знамена Одайна в войне Безумного Солнца; молодой Гэлвин сумел тогда посчитаться с владельцем серпов, выпустив содержимое его смуглого живота на раскаленный песок пустыни... По условиям номера, зрители сами кидали Рецине оружие, без предупреждения – кто когда захочет.

Пока зрители рассматривали оружие, проверяя его подлинность и боевую готовность, из-за кулис вышел рыжий тип с деревянным барабанчиком. Он уселся, скрестив ноги, на краю сцены и принялся выстукивать ритм – сперва тихо и невнятно, затем все громче и громче... та-там... та-та-там... та-там... та-та-там... Огромные люстры, щедро поливавшие зал светом белых восковых свечей, несколько поугасли, светильники, расставленные по окружности сцены, разом лизнули воздух красными языками пламени. Голоса в зале умолкли.

Первым не выдержал какой-то цверг, запустивший в голову циркачке боевым топором, который она поймала без малейшего усилия, почти не двинувшись с места... Рецина стояла, гордо выпрямившись, держа массивную рукоять в вытянутых над головой руках; дав публике пару секунд полюбоваться сим зрелищем, она резко присела, подпрыгнула, и, выкрикнув боевой клич гномов, принялась вертеть тяжеленным топором словно тросточкой.

Чуткое ухо эльфа уловило глухой стон воздуха, вспарываемого ятаганом – Рецина отбила его, перехватила в воздухе толстую, удобную только для орка рукоять, а отслуживший топор отшвырнула, вогнав лезвие чуть ли не на половину в деревянный пол сцены. Грубое орочье уханье – и широкое лезвие превратилось в порхающего мотылька, кружащегося вокруг смуглой красавицы. Выпад... и на руке циркачки повисла, обвившись на запястье, разбойничья цепь. Она раскрутила ее, так, что шипастые шары со свистом рассекали воздух; зрителям казалось, будто над ее головою парит блестящий зонтик.

А затем почти одновременно в пол воткнулся ятаган, вокруг него, тускло зазвенев, обвилась цепь, а Рецина, взлетев в воздух, поймала глефу, отправленную в полет эльфийской рукою, приземлилась, перекувырнувшись через голову... и тут, нарушая ритм барабанной дроби, кто-то из гостей швырнул на сцену дротик, явно метя в сторону рыжего. Удар был отбит мастерски, быстро и точно; а барабанщик, подхватив один из обломков дротика, тут же изменил рисунок мелодии, дополнив глухие удары ладонью

звонким постукиванием палочки. А глефа порхала в руках Рецины, взлетала и кружилась. Потом в руки циркачки словно сами собой прилетели серпы смерти и, встреченные гортанным криком-клекотом, заплясали, повинуясь ее мастерству. И, наконец, пришел черед меча – серпы поймали его, словно два когтя; в помощь ему заблистал выхваченный из-за пояса кинжал. Вместе, в руках неутомимой воительницы, они действительно ткали в воздухе стальные кружева, неуловимый, звенящий и убийственный узор. Последний выпад, свистящий выдох, и меч дрожит, воткнувшись в пол, и замирает барабанная дробь, и огненные языки светильников вновь взлетают над бронзовыми чашами, осыпая тысячами искр замершее на краю сцены смуглое тело... а зрители, восхищенные и наэлектризованные, орут от восторга и неистово рукоплещут...

Пока гости барона Гэлвина приходили в себя и заливали возбуждение содержимым его винных погребов, Лиусс вместе с каким-то верзилой («это их силач, Орсон» – пояснил Геран) убрали со сцены оружие, вбили в пол несколько железных штырей для крепления растяжек и принялись устанавливать необычную трапецию: два высоких шеста, и на каждом поблескивают металлические скобы, с которых свисают серебристые веревки. Работа была закончена как раз тогда, когда зрители созрели для нового номера.

Оставшийся на сцене Лиусс повел руками и расположенные перед сценой светильники сами по себе несколько поугасли, зато ярко полыхнули другие – на стене позади помоста.

–Досточтимые гости, я с гордостью представляю вам «Паутину» – новый лучший номер Криоллы. Вы будете первыми, кто увидит и оценит его.

Как только фокусник покинул сцену, из-за кулис полилась негромкая, тягучая мелодия. Вскоре перед затаившими дыхание зрителями появилась девушка в костюме акробатки, словно облитая черным мерцанием; ткань обтягивала и голову Криоллы, полностью скрывая ее лицо. Под музыку, похожую на вечерние лесные шорохи, девушка принялась плести настоящую паутину, словно перепархивая с одного шеста на другой. Вскоре сеть была готова – серебристые концентрические круги, пересеченные прямыми линиями, гостеприимно светились в воздухе; в центре же застыло тело Криоллы – изящное и невесомое. В этот момент из-за кулис, с разных сторон появились еще два участника номера – двое мужчин, оба в костюмах, очень похожих на одеяния Вольных Лесных Стажей. Они приблизились к паутине и замерли, околдованные опасной красотой. А Криолла, изгибаясь и принимая соблазнительные позы, начала спускаться вниз. Вот она ступила на пол и подошла к одному из них; он раскрыл ей свои объятия, и она не уклонилась от них, и, увлекая его все ближе и ближе к паутине, обвила тело мужчины тонкой нитью, и он замер, спутанный ее смертоносной любовью. Второй Лесной Страж предпринял попытку подчинить хозяйку паутины своей воле; он наступал на нее, пока она покорно не отдалась в его руки, но подчиняясь и уступая, она незаметно вела

мужчину в свою сеть. Артисты не сказали ни слова, только блестели их глаза и тела ткали музыку танца, но Хэлдар отчетливо слышал бьющиеся в воздухе властный голос и нежный шепот.

«*Я принадлежу тебе вся, навсегда... и поэтому... ты... принадлежишь... мне...*» Тонкая нить падает на плечи возжелавшему хозяйку паутины, и все его попытки освободиться бесполезны – каждый отчаянный рывок лишь позволяет ей накинуть новую петлю на его тело. И вот наконец вторая жертва бессильно повисает в серебристом сплетении, запутавшись в собственных желаниях и нитях паутины, а госпожа паучиха поднимается наверх, где и застывает, распластавшись в зовущей, провоцирующей позе, поджидать новых охотников за своей любовью.

Завороженные волшебным зрелищем, зрители не сразу опомнились, но невнятные вначале хлопки переросли в поистине оглушительное одобрение. Артисты подошли к краю сцены, поклонились, и Криолла сняла с головы капюшон. Хэлдар увидел миниатюрное, почти треугольное личико, раскосые желтые глаза и прямые черные волосы, подстриженные лесенкой; один из актеров оказался очень похож на Криоллу – только выше ростом и длинные волосы собраны в хвост, скрепленный несколькими золотыми кольцами.

–Шонно, – протягивая ему руку, сказала зрителям Криолла и, повернувшись ко второму партнеру, засмеялась (было видно, что она очень радуется успеху) – и Лорка!

У этого были огненно рыжие волосы, вьющиеся вокруг головы лоскутами лесного пожара, зеленые, как молодой крыжовник, глаза, крупный нос и большой рот, любящий смеяться и целовать. Артисты еще раз поклонились и скрылись за кулисами. Вскоре на сцене оказался небольшой трон, украшенный с нелепой, бьющей через край роскошью. Зрители, переговариваясь и опустошая тарелки и кубки, запоглядывали на кулисы, гадая, кто же сейчас появится. И вот на сцену вышел высокий, стройный юноша; обратив к публике свое слишком красивое для человека, бесстрастное лицо, он негромко объявил:

–Его величество Хвергельмир Сокрушитель!

В тот же миг артист невероятным образом преобразился: все в нем вроде бы осталось прежним, но походка, осанка, выражение лица, взгляд... Вместо стройного юноши на сцене оказался кряжистый, приземистый старик с хитрым, упрямым лицом и бегающими прищуренными глазками. Под хохот публики, в котором выделялись всхрюкивания цвергов, он величественно прошествовал к трону и уселся, предварительно скинув на пол невесть откуда взявшуюся дохлую крысу.

–Э–э–э... тык-скыть, эта... ну, как эта... э-э-э... в общем, мое велицтво желает всем бла-ародным гостям процветать и зра… сва… вава… вать, – и он оглядел собравшихся с нескрываемым торжеством, весьма довольный своим красноречием.

Казалось, что от дружного хохота вздрагивают каменные стены замка и покачиваются люстры, смеялись все, даже эльфы, настолько злой и точной была эта пародия на короля гномов. Велигоры от восторга молотили своими жезлами по столам, грозя превратить их в щепу, снежно-седой Альвиц утирал выступившие от смеха слезы; прикрывая лицо рукой, постанывал насмеявшийся до икоты Геран, но солонее всех пришлось цвергам – они уже не в состоянии были смеяться, только повизгивали и похрюкивали, держась за бока. А шут Лимпэнг-Танга все поддавал и поддавал: он потребовал пива и выхлебал поднесенную кружку (разумеется, воображаемую) с неописуемой жадностью, булькая и давясь; затем принялся радушно угощать невидимого посла невиданным лакомством – целым яйцом всмятку, и при этом все бубнил про себя, что авось этот посол не такой обжора, как предыдущий, оставит и ему чуток угоститься...

Наконец, король гномов ушел за кулисы, волоча за собою дохлую крысу и объявив напоследок, что из нее выйдет недурной воротник на домашнюю мантию... Несмотря на все рукоплескания довольной публики, он так и не вышел на сцену.

–Геран, кто это был? – наклонившись к соседу, спросил всерьез заинтересованный Хэлдар.

–Это Арколь, их шут. Мог бы стать великим артистом, если бы обратил свой дар на что-нибудь более серьезное. Но он предпочитает смешить...

–Но ведь он... эльф?

–Полукровка, – дернув щекой, ответил Геран, – какая-то из наших высокородных дам развлеклась с человеком... ребенка, как водится, подбросила в приют Дочерей Добродетели...

Пир продолжался своим чередом. Гости развлекались в свое удовольствие: желающие напиться – опрокидывали бокал за бокалом, заливая вином парадные одеяния; желающие накушаться про запас – опустошали тарелки и подносы, распуская пояса; жаждущие общения – беседовали, и все без исключения ждали следующего выхода кого-нибудь из храмовой труппы Лимпэнг-Танга. Бесшумно сновали слуги, внося все новые и новые перемены блюд, меняя чересчур запачканные скатерти, опрыскивая пол душистой водой; праздник определенно удавался на славу. Хэлдар давно уже отодвинул от себя серебряный столовый прибор и, прихлебывая отменное баронское вино, рассматривал гостей. Все шло своим чередом, как и должно, но внутренний голос нашептывал ему, что вряд ли сегодняшний вечер закончится тихо и мирно, что-то назревало в воздухе... но вот что именно? Порой он ощущал, как мимо него проносятся дуновения чьих-то чувств – ревности? страха? радости? Вот и Геран как-то озабоченно потер лоб кончиками пальцев... На сцену снова вышел Лиусс.

–Гости славного барона, представляю вам Орсона и всю силу его рук!

А затем на подмостках снова появился Арколь. На этот раз его сопровождал Лорка, переодетый в женское платье; он следовал за шутом по пя-

там, вздыхая и охая. Сделав круг по смене, «девица» обратилась с жалобою к зрителям:

– И угораздило же меня, несчастную, влюбиться в ельфа! Ну что ты будешь делать с эдаким кавалером, и добро бы я ему не нравилась, так ведь нет, говорит, что мила я ему...

Хэлдар вздрогнул, Геран удивленно глянул на него.

А на сцене тем временем артисты разыгрывали настоящую комедию. В ответ на все улыбки и томные взгляды девицы, Арколь–»ельф» принимал изысканные позы, словно срисованные из придворного трактата о хороших манерах, и начинал воспевать достоинства своей избранницы... Она недвусмысленно подмигивала ему, а он распевал серенады. Она задирала подол чуть ли не до подбородка, демонстрируя полосатые чулки и кружевные панталоны, а он с изысканным подвыванием читал ей стихи. Сидящие за столом эльфы помрачнели и с деланным недоумением переглядывались, Тари так и вовсе покраснел от негодования. Но вот артисты скрылись в кулисах: под конец «ельф» почти что убегал от своей ретивой красавицы, а она, перед тем, как скрыться окончательно, обернулась к зрителям и крикнула, обращаясь явно к Тари:

–Эй, мастер эльф, может, ты не такой недотепа, а?! Приходи нынче на сеновал, проверим! – и под одобрительный смех публики нырнула под занавес. А уже через несколько секунд оттуда вышла уже другая пара: на этот раз Арколь изображал влюбленного цверга, который отнюдь не утомлял девушку чтением стихов, но стремился без лишних слов уволочь ее в ближайшие кусты... Хэлдар все более поражался незаурядному актерскому мастерству шута – настолько полно перевоплощался он в своего персонажа, доводя до зудящей оскомины самые характерные его черты. Ему не было нужды прибегать к сложному гриму или каждый раз переодеваться: он изменялся сам – и этого было довольно.

А на сцене бедная девушка не знала, как ей отбиться от чересчур назойливого кавалера Она то принималась просить его спеть любовную песню, то предлагала полюбоваться на восходящую луну, то требовала стихов в свою честь... Влюбленный же цверг в ответ на все ее просьбы не мог связать и двух слов, мялся, мямлил и поминутно распускал руки, получал оплеухи и, под подбадривающие крики зрителей, снова лез на приступ. В конце концов, девушка посулила ему немалую трепку и принялась кричать караул. Цверг, не дожидаясь, пока сбежится вся ее мужская родня, дал тягу во все лопатки, не забыв напоследок пригласить ее выйти ночью в сад...

Вдоволь, от души насмеявшиеся гости все еще хлопали актерам, когда на сцене снова появился Лиусс.

–Самые лучшие номера обычно приберегают напоследок, не так ли, досточтимые гости? Но для вас мы не станем скупиться. Вскоре вы увидите то, ради чего многие из вас переезжают из города в город, удостаивают своим посещением ярмарки... – тут он мельком, почти незаметно глянул на Герана.

– У Детей Лимпэнг-Танга еще найдется, чем удивить вас, наша особая программа закончится не скоро. Однако мы не будем испытывать ваше терпение. Высокочтимые гости, после небольшого антракта для вас будет танцевать Амариллис!

И, поклонившись, фокусник скрылся за кулисами.

–Геран?

–Ни слова, Хэлдар, ни слова, пока ты сам не увидишь этого. Пойдем, выйдем на балкон, здесь уже становится слишком душно, – и он потянул вниз расшитый ворот камзола.

Они встали и, раскланиваясь с другими прохаживающимися по залу гостями, прошли к высоким, распахнутым в ночной сад дверям. Нельзя сказать, чтобы барон уделял саду особое внимание, он почти не вмешивался во внутренние дела цветов и деревьев и не навязывал им посредством ретивого садовника своих представлений о естественной красоте; возможно, именно поэтому сад и был так хорош, что даже эльфы одобряли его... Хэлдар и Геран прошли немного по едва заметной тропке вглубь и остановились под огромной, цветущей липой; они поздоровались с деревом, на мгновение прижавшись лбом к прохладной коре, и заговорили.

–Ты вовсе не должен мне что-то объяснять, Геран. Если только не хочешь рассказать сам.

–Не знаю... боюсь, ты неверно истолкуешь мои слова.

–Несказанные слова толковать еще труднее. Мы как-никак друзья, или ты забыл об этом в столице?

–Нет, не забыл. Да и рассказывать вроде не о чем. Мне действительно небезразличен этот театр и эта девушка... Амариллис. Я увидел ее на коронационных праздниках, в Арзахеле, она танцевала во дворце... Это невозможно описать словами, Хэлдар, нужно было видеть, как столичные зрители, более чем пресыщенные, сидели как зачарованные. А я, как и полагается утонченному «ельфу», затосковал, и думал только о том, какое это счастье – любить... просто и только.

–Неужели? И она – вернее, ее искусство – настолько пленили тебя, что ты переезжаешь теперь с места на место, вслед за труппой?

–Если бы... Его величество Воды не жалует праздных гуляк; но я с особой охотой берусь за поручение, если место моей миссии совпадает с местом выступления некоей храмовой труппы... Тебе это кажется нелепым?

–Нет, нелепым не кажется, но вот неразумным...

–Брось, Хэлдар. Мы живем в драгоценных коконах всю свою жизнь, настолько длинную, что людям она даже представляется бесконечной. Туда не пойди – недостойно, с тем не заговори – не принято, этого не делай – неуместно... Ты вот в Лесную Стражу ушел, а я театром увлекся.

–М–да... Скажи, а кроме тебя, у этой... Амариллис есть еще поклонники… эльфы?

–Есть. Равно как и завистницы.

–Даже так?

–Одна из них сидит сегодня с нами за одним столом... да-да, Ливайна Златовласая собственной персоной. Тогда в Арзахеле один из ее верных рабов, украшение ее свиты, Гвальмай ...

–Гвальмай из Северной Гавани?

–Он самый... он так увлекся любимой танцовщицей Лимпэнг-Танга, что и думать позабыл о своей прежней даме. Принялся всячески ухаживать за циркачкой, чего только не делал, прямо-таки из кожи вон лез... – все напрасно, – не без злорадства сказал Геран, – и все это на глазах у Ливайны, каково?!

–И она его не отравила? Я знаю Ливайну, добрым нравом она никогда не отличалась...

–Это верно. Теперь она даже имени Гвальмая не выносит, страшно подумать, что она сделала бы с Амариллис... при возможности.

–Ты все–таки заставил меня заинтересоваться, Геран. Что ж... пойдем, посмотрим на это чудо.

–О глубины и волны! Как я мог так заболтаться! Скорее, я не могу пропустить ни минуты! – с этими словами Герам схватил друга за руку и почти бегом потащил его в залу.

Они сели за свой стол; за время их отсутствия слуги поменяли скатерть, поставили новые приборы и, судя по стоявшим в огромных плоских вазах фруктам, готовились подавать десерт. Рядом с местом барона Гэлвина двое слуг установили еще один стол, длинный и пустой, соединивший хозяйский стол со сценой. При взгляде на одного из них –низкорослого, кривобокого – Хэлдару вспомнился уродливый силуэт в полутемном холле... «стол не перепутал?. не извольте сумлеваться...» Эльф досадливо тряхнул головой. На сцену вышел Лиусс, неся гитару из поющего дерева, и вслед за ним – невысокая, изящная женщина в длинном черном платье, на лице ее выделялись ярко-карие глаза и чувственный, сладкий рот. В ответ на недоуменный взгляд Хэлдара Геран поспешил пояснить:

–Это Венона, певица... она всегда поет для Амариллис.

И в этот миг на сцене появилась та, о которой Хэлдар уже столько успел услышать. Но такого он никак не ожидал.

На ней был необычный парик – недлинные, прикрывающие плечи волосы самых разных цветов: черного, красного, синего, фиолетового, изумрудного, оранжевого... они переливались как драгоценные птичьи перья из лесов Нильгау. Из похожей ткани – темно-синей в основе, расшитой разноцветными блестящими нитями – была и одежда танцовщицы: короткий лиф, украшенный прозрачными, негромко позвякивающими подвесками, и длинная, в пол, плотно облегающая бедра и широкая книзу юбка; на маленьких босых ножках Амариллис поблескивали два резных серебряных браслета. Она походила на редкую певчую птичку, случайно залетевшую в распахнутое окно залы, или на невиданный цветок, украсивший гладь

паркового озерца. И все же она оставалась той самой грубиянкой, которую промокший насквозь Хэлдар не так давно целовал па берегу Быстрицы...

О да, дети Лимпэнг-Танга по праву считались лучшими артистами обитаемого мира: они знали свое дело. Только они могли так удивить, так развеселить, так очаровать зрителя. Томно покачивалось пламя в чашах светильников, заливая сцепу трепещущим золотистым зноем. Лиусс ласково перебирал струны, и гитара откликалась ему удивительным, волнующим душу звоном, им вторил голос Веноны, глуховатый, исполненный подлинной страсти, и все это сливалось в полную диковатой прелести мелодию.

... Только ночью ты по-настоящему открываешь глаза,
Только темнота поможет тебе увидеть меня...
Так сомкни же ресницы и открой свое сердце –
И не проси пощады у Любви...

Амариллис танцевала – и зрителям казалось, будто перед ними сама душа этой песни, воплотившийся зов Любви. Плавные, манящие движения рук, завораживающие переливы юбки, обнажающей порой в резком повороте стройные ноги – никто не мог отвести от этого глаз. Повинуясь голосу мелодии, танцовщица все ближе и ближе подходила к краю сцены, собираясь, по-видимому, перейти по пустому столу прямо под ясные очи господина барона и там закончить свое выступление.

... Ты счастлив и испуган, и песня твоя – как стон,
Это госпожа Любовь позвала тебя в свою страну.
Иди и ищи свое счастье,
И не проси пощады у Любви...

Амариллис закружилась, превратившись в диковинный цветок; неуловимое движение рук – и юбка, шелестя и волнуясь, опускается к ее ногам... по залу прокатывается согласный, стонущий вздох. Она же, оставшись в расшитом лифе и короткой, украшенной такой же хрустальной бахромою набедренной повязке, замирает на несколько секунд, словно милостиво позволяя собою полюбоваться.

Хэлдар был совершенно ошеломлен. Он не ожидал, что танец произведет на него такое впечатление... и понимал, что ничем не отличается сейчас от мальчишки Тари, сидящего вцепившись руками в подлокотники кресла, вытаращив глаза и с трудом переводя дыхание. Его взгляд, с огромным трудом оторвавшись от нежно-белой груди девушки, скользнул вниз, по ее животу, бедрам, щиколоткам...

Случайно. Необъяснимо. Беспричинно. Но его глаза опустились почему-то еще ниже, и он посмотрел на стол, стоящий у края сцены – сна-

чала мельком, бессознательно, затем с тревожным недоумением. Тонкая линия на ножке, почти под столешницей, невидимая для всех, не обладающих эльфийской зоркостью, «...стол не перепутал?..» Стол?!

Он повернулся в сторону Ливайны – на ее красивом лице застыла гримаска нетерпеливого ожидания, сквозь которую пробивалась злорадная, противная улыбочка... За считанные мгновения, прежде чем нога Амариллис ступила на подлость, он все понял и...

Застывшие в сладостном ожидании люди вздрогнули от грохота отброшенного Хэлдаром кресла. А он, перемахнув через стол, метнулся к краю сцены, и все-таки успел встать на колено и подставить свое плечо, взамен выбитой подпиленной ножки стола.

Нужно отдать должное артистам – они и бровью не повели, словно все произошедшее было давным-давно отрепетированным трюком. Песня плела свой прихотливый узор, танцовщица, без малейших колебаний пройдя по чуть накренившейся столешнице, продолжала искушать персонально Черного Лиса Гэлвина, а Хэлдар стоял, уставившись в пол, и не слыша ничего, кроме оглушительного стука собственного сердца.

Должно быть, странное это было зрелище: высокородный эльф, стоящий на колене, словно перед одним из четырех королей, и держащий на плече стол, на котором танцует полуобнаженная девушка... Наконец мелодия стала затихать.

... Кто бы ты ни был, не отвергай зова Любви,
Ибо только ради нее ты живешь на земле...

Хэлдар не увидел – почувствовал легкие шаги Амариллис. Он боялся поднять глаза, не знал, куда ему деваться от всего неминуемо последующего за его безумной выходкой; глубинная спокойная холодность, неизменно выручавшая в моменты сердечного волнения, покинула его, прихватив с собою невозмутимое достоинство. Он услышал, как Амариллис легко спрыгнула со сцены. Девушка наклонилась к нему, нежно провела пальцами по щеке, взяла склоненное лицо в ладони, приподняла его и, еле слышно прошептав: «Спасибо...», поцеловала эльфа в крепко сжатые, пересохшие губы. После этого она скрылась за кулисами под восторженный рев гостей Черного Лиса.

Собрав воедино последние остатки воли, Хэлдар заставил себя подняться; стараясь не глядеть по сторонам, он прошел на свое место, сел и попытался изобразить спокойное величие. Получалось неважно. Рука, державшая резной хрустальный бокал, почти заметно дрожала, стиснутый в прямую линию рот наотрез отказывался улыбаться, а сердце... а сердце, словно вознаграждая себя за долгие годы молчания и уныния, рвалось на волю, расправляло крылья, готовилось взлететь, захлебываясь ликующей песнью...

–Лорд Лотломиэль, я от всего сердца благодарю вас и остаюсь вашим вечным должником. – Звучный голос барона Гэлвина, поднявшегося с места, заставил эльфа оторвать свой взгляд от скатерти. – Вы спасли меня и мой дом от худшего из унижений – от осуществленной подлости. Друзья мои, воздадим же хвалу эльфийской зоркости и истинному благородству лорда Хэлдара!

С этими словами он поднял свой баронский кубок, приглашая гостей присоединиться к нему. Отпив глоток, Гэлвин добавил вполголоса, пристально глядя на эльфа:

– И мне кажется, что все мои словеса не идут ни в какое сравнение с благодарностью Амариллис... Не так ли? – и опустился на свое место.

Обычай требовал, чтобы Хэлдар произнес ответные благодарственные реплики, но сейчас он ограничился одним только поклоном. Гости, еще не пришедшие в себя после случившегося, переговаривались, бросая на страдающего от всеобщего внимания эльфа любопытно–завистливые взгляды. Артисты мудро выдерживали паузу, дабы почтенная публика могла переварить увиденное, и не мешали ей ненужными сейчас новыми впечатлениями.

–Хэлдар, очнись, – судя по голосу, Геран был встревожен, – не стоит так переживать. Ты только что спас девушку... ее могло убить этим столом, во всех смыслах! И как ты только заметил, что ножка сломана...

–Не сломана. Подпилена, – все так же не поднимая глаз, проговорил Хэлдар.

–Что?! Не может быть, неужели Ливайна... Какая гадость! Тем более, ты не должен сожалеть о том, что сделал. Это не было унижением, друг мой... Или, по-твоему, более благородно сидеть и смотреть, как по воле завистливой дамочки калечится бедная девушка?

Хэлдар бросил быстрый взгляд на собеседника: похоже, что Геран (да и многие другие) посчитали причиной его смущения якобы пострадавшее достоинство, не допускающее преклонения колен перед особой некоролевской крови. Это соображение успокоило его и позволило дотянуть остаток вечера в относительном равновесии.

Он открывал дверь своей комнаты, не веря, что наконец-то останется в желанном одиночестве. Это застолье казалось нескончаемым, не раз ему хотелось просто встать и уйти, презрев все мыслимые приличия. Ключ тихо щелкнул, повернувшись в замке, и эльф со вздохом облегчения вошел в полутемную комнату. Закрыл за собою дверь, повернулся к окну и замер, не веря своим глазам. В кресле, оставленном им у распахнутого окна, кто-то сидел, подобрав под себя ноги и сжавшись в комочек. И Хэлдар знал, кто этот кто-то.

–Как ты попала сюда? – ничего более достойного такого случая как-то не пришло ему в голову.

–Через окно. Все просто: узнала у мажордома, где твоя комната; дверь была заперта, а отмычку я так быстро сделать не могу. Пришлось караб-

каться по стене, благо плющ тут крепкий, что твоя лестница... а окно ты сам оставил открытым.

–Понятно... – эльф, неслышно ступая, прошел через комнату и уселся на широкий подоконник. Какое-то время они молчали, не в силах произнести ни одного разумного и связного слова. Первой решилась Амариллис.

–Я... я хотела поблагодарить тебя. Если бы не ты, я бы сегодня накрылась ногами при всем честном народе, а потом меня этим столом как муху бы прихлопнуло. И меня, и мою репутацию... позор и поношение! Это ведь выдра Ливайна все подстроила, верно?

–Да, – машинально ответил эльф, – это она... Послушай, не стоит благодарностей, я ведь не дракона сразил...

–Еще как стоит. Для вас легче дракона сразить, чем перед орчатской кровью на колено стать...

–Прости, это не мое дело...

–Да и не мое. Это дело моей прабабки: понесла ее нелегкая в лес по весне, сок успокой-дерева собирать. Вот и нарвалась она на костоломку, а та только проснулась, и была сильно не в духе спросонья. Ну и решила прабабкой закусить, чтобы настроение поднять. И если бы не проходил мимо орк, не было бы у Лимпэнг-Танга такой великолепной танцовщицы. Как любая нормальная девица, прабабка моя хлопнулась в обморок, при виде одновременно и костоломки, и орка. Хотя прадед был красавец, я его смутно, но помню – высокий, плечищи как коромысло, глаза золотые, на скулах – знаки клана... клыки, правда, не прятал. В общем, договорились они с костоломкой на нескольких треснувших ребрах и одной свернутой шее – костоломкиной, разумеется; а засим стал он девицу в чувство приводить. Уж не знаю, какими способами, но пробабке, судя по всему, понравилось. Настолько, что она вскорости ушла к нему насовсем, получив в приданое крепкое родительское проклятие. Мужнина родня оказалась более благосклонной, не стала ее в котле варить, а наоборот, очень даже полюбила. Вот такая история. Ты не уснул?

–Нет, – усмехнулся в темноте эльф, – не уснул... Занятные у тебя предки.

–Да уж... Дедуля, так тот вообще к пиратам подался, командовал головным кораблем у Фрагга-Освободителя.

–Охотника за рабскими галерами?

–Ага. А на одном из муспельских кораблей он нашел мою бабулю, ее везли на торги в Пойолу. Видно, мужчинам в нашем семействе на роду написано обретать своих будущих жен в самый неподходящий момент. Так вот, выковырял он бабулю из вонючего трюма... слушай, что-то я увлеклась. Вряд ли высокородного лорда Цветущих Сумерек интересует моя родня. Да и моя скромная персона – тоже. Пожалуй, мне пора. И вообще я тут ни при чем, это все мамочкино воспитание, это она приучила меня всегда говорить «спасибо».

–Ты приходила только для этого?

–Ну конечно. Лезла по плющу в окно, коленку ободрала... и все ради того, чтобы еще раз поблагодарить остроухого за проявленную доблесть! Она встала из кресла и выпрямилась во весь рост.

–Уже поздно. Пожалуйста, пропусти меня, я, пожалуй, удалюсь тем же путем, что и пришла. А не то, неровен час, кто-нибудь увидит меня, выходящей из твоей комнаты... Ты и без того уже в Вольных Стражах ходишь, куда ж после этого – за Край Света, что ли, подашься?.. – и она решительно шагнула к оконному проему.

–Не спеши, – Хэлдар встал и шагнул к Амариллис. – Я принимаю твою благодарность, но что мне делать с твоей невежливостью?..

Почти полная луна безмятежно покоилась па темно-синем бархате небес, подобно слитку молодого серебра; ветер, пролетая над землей, старался не тревожить уснувшие деревья и лишь слегка поглаживал их пышные кроны. Замок Черного Лиса наконец-то затих, улеглись спать даже самые несносные гости; тишина затопила все вокруг, наполнила теплый воздух шорохами, вздохами, шелестами – вкрадчивая тишина летней ночи.

Хэлдар протянул руку и тихо тронул кончиками пальцев волосы Амариллис – короткие, непослушные и неожиданно мягкие. Его ладонь скользнула вглубь этого шелковистого беспорядка и плотно легла на затылок девушки, другой рукой он обнял ее, сильно и ласково привлекая к себе в объятия.

– *Амариллис...*

Он шептал слова нежности, все больше и больше ужасаясь их пронзительной правде; Хэлдар со страхом и восторгом осознавал, что их рождает его сердце – холодное, гордое сердце эльфа; и после первого же прикосновения ее губ к его щеке он почти услышал, как треснула корка льда на этом сердце, и стала осыпаться мелкими осколками, безвозвратно тая, оставляя его беззащитным и счастливым...

–Мне страшно, Хэлдар... ведь уже ничего не изменишь, правда? Это случилось... и я не знаю, что мне делать. Как я буду теперь просто ходить, когда я могу летать?

Они стояли, крепко обнимая друг друга, словно ища поддержки и защиты. Остановилось время, пропали, истаяли каменные стены, притихли даже вечные звезды – они остались совсем одни, и их объятие стало на миг самым главным во всем мироздании.

... Амариллис лежала на животе, подпирая подбородок кулачком, накручивая на палец длинную серебристо-пепельную прядь эльфийских волос.

–Хэлдар, сделай милость, не откажи мне в одной маленькой просьбе...

–Сделать так, чтобы карета Ливайны опрокинулась в грязь?

–Вообще-то я имела в виду совсем не это, но идея неплохая. А что, ты на такое способен?

–И не только на такое... Иди сюда, – и он притянул ее к себе.

–Постой... да где же твоя хваленая эльфийская холодность?

–А я ее смыл. В воде Быстрицы. Не брыкайся, девочка... вот так.

И что же это за просьба?

–Да так, мелочь... Но ты все-таки отпусти мне одну руку, ну пожалуйста. Я хотела попросить разрешения потрогать твои уши, они такие... забавные и милые.

–Ах вот что... Разрешаю, – и Хэлдар, улыбаясь, наклонил голову. Но как только пальцы Амариллис приблизились к его уху, он сделал резкое движение, словно намереваясь куснуть дерзких пришельцев. Амариллис ойкнула и поспешно отдернула руку, и они оба засмеялись.

–Эй, не советую, – все еще смеясь, пригрозила девушка, – не буди во мне кровь предков!

После таких слов они какое-то время всерьез пытались выяснить, кто же из них сильнее и изворотливее: возились как дети, счастливо и бездумно пыхтя. В итоге Амариллис все же пришлось признать себя побежденной и сдаться на милость победителя. Она перевернулась на спину и потянулась, выгибаясь как ивовая веточка, навстречу его объятиям. Хэлдар смотрел на нее, залитую серебряным светом ночи, чувствовал, как впиваются ему в спину ее пальцы, слушал ее неровное, прерывистое дыхание... Девушка, всего только смертная девушка, и даже не принцесса, и даже правнучка орка – Амариллис дарила ему неведомое прежде наслаждение. Она представлялась ему то хрупким, белоснежным цветком, чьи лепестки он раскрывал ласковыми, осторожными прикосновениями; то вдруг ее тишина взрывалась яростным пламенем, в котором, как бабочка, горела его нежность...

Уже на исходе ночи она уснула, свернувшись клубочком в его объятиях, а он все медлил, гнал сон прочь, чтобы еще раз погладить нежное прохладное плечо, поцеловать теплый, взъерошенный затылок...

– *Амариллис*, – шептал он, засыпая.

Проснулся он как от резкого толчка в грудь, вздрогнув, рывком приподнялся – кроме него, в комнате никого не было. В распахнутое окно бесцеремонно врывался холодный предутренний ветерок, комнату заполнял невнятный, неверный предрассветный час. Хэлдар сел на постели, с силой провел ладонями по лицу, прогоняя остатки дремы.

Это было? – спрашивал он сам себя, и не знал, что ответить. Удивительное чувство, когда двое становятся одним прекрасным целым, счастье взаимного обладания, еще вчера представлявшееся ему невозможным, – уж не приснилось ли все это ему? Чудесный сон, навеянный танцем Амариллис... Эльф со вздохом опустился навзничь, повернул голову и увидел на соседней подушке короткий, светло–золотистый волос.

Это было.

Хэлдар торопливо оделся в походную одежду Вольного Лесного Стража, не обращая ни малейшего внимания на валяющийся на полу роскошный камзол, который он немилосердно топтал. Бурого цвета штаны, легкие сапоги, зеленая рубаха и серебристо-зеленая куртка, серый плащ;

резную фибулу в форме кленового листа он застегивал, уже спускаясь по лестнице. По–прежнему не понимая – и не принимая – своего порыва, но и не в силах противиться ему, он выбежал из замка и в растерянности остановился; постояв немного, но так и не собравшись с мыслями, направился в сад.

Сад уже начинал просыпаться, поеживаясь в росяной ванне; пробовали голоса птицы, настраиваясь на долгий безоблачный день. Хэлдар, остановившийся возле той самой липы, недолго оставался в одиночестве. Его слух уловил шелест шагов, и через минуту рядом с ним появился Черный Лис Гэлвин.

–Доброго вам утра, господин эльф... Раненько же изволите вставать.

–Доброго утра и вам, господин барон.

–Вижу, вы тоже оценили мою красавицу липу. Я, знаете ли, частенько обременяю ее своим обществом, мне здесь как-то по-особенному думается. М-да... Делать выбор всегда трудно, тем более, когда столь многое ставится на кон, и вся прежняя жизнь встает на дыбы...

–О чем вы, барон?

–Да так, ни о чем… не обращайте внимания на мою старческую болтовню. И все-таки, согласитесь, что последовать за поманившей мечтой – крайне неразумно и как-то несолидно... однако только этот выбор и будет истинным, господин эльф, сердце не лжет. Конечно, всегда можно уйти в сторону с незнакомого пути, предпочесть традицию и правило – это разумно и достойно, но сделает ли это счастливым хоть кого-то?

Барон тяжело вздохнул, словно припомнил что-то грустное и невообразимо далекое, и, по–прежнему не обращаясь к собеседнику, сказал:

–Они уехали еще до света, им нужно торопиться; и так задержались ради старинной дружбы с Черным Лисом. Храмовую труппу Лимпэнг-Танга ждут в Эригоне, на празднике Пятого Лета. Я велел оседлать вам коня. Прощайте, Хэлдар, и не просите пощады у Любви.

Эльф молча поклонился хозяину замка, повернулся – и уже через полчаса белогривый Искрень уносил его на восток, по старой дороге, в Эригон Баснословный.

Амариллис лежала, укутавшись в свое любимое пушистое одеяло, прислушиваясь к перестуку копыт лошадей, везущих их «девчоночий домик», из последних сил борясь с желанием сказать какую-нибудь грубость Рецине и Криолле, старательно притворявшихся спящими. В тот момент, когда она почти уже была готова поинтересоваться у Рецины, с каких это пор она перестала храпеть, как сопливый слон, в их повозку на ходу взобрался еще кто-то.

–Ами?.. – это был низкий голос Веноны.

–Да здесь я... А ты чего заявилась, Лиусс, что ли, вконец заездил? – раздраженно прошипела Амариллис.

–Возьми, – пропустив мимо ушей ее слова, сказала Венона, усаживаясь рядом и протягивая ей небольшой флакончик, – и сейчас же выпей. Это настойка горчухи.

Не возражая, Амариллис протянула руку, ощупью нашла в темноте флакон, поднесла к дрожащим губам и, запрокинув голову, выпила. Горькая, ароматная жидкость обожгла ее горло, растеклась вяжущим теплом внизу живота... Амариллис резко выдохнула, едва не закашлявшись, повернулась на живот и, словно развязав внутри себя какой-то узел, заплакала. Слезы, обжигающие не хуже горчухи, запутывались в ресницах, жгли щеки... На вздрагивающие плечи Амариллис легла рука Веноны.

–Плачь, моя девочка, плачь... слезы смывают печаль с сердца.

–Ничего подобного, – это был голос Рецины, – ничего они не смывают, только размазывают. Так что не реви, дружок, и ни у кого не проси пощады, даже у Любви.

А Криолла молча протянула руку, отыскала в теплой темноте возка голову подруги и погладила ее взъерошенные, не желающие расти волосы.

Глава вторая. Дети Лимпэнг-Танга

Арколь хотел есть. Кроме этого, он был зол, смущен и растерян. Но все-таки больше всего он хотел есть. Мальчик знал, что если он как следует сосредоточится, забудет о невообразимом шуме, производимом горластыми продавцами, о допекающей его жаре, о всех своих тревогах и превратит свое желание в туго натянутую, звенящую струну – он получит этот горячий, истекающий сладким маслом пирожок. А потом еще один. И еще – сколько будет нужно. И никто ничего не заметит. Арколь прикрыл глаза, замер... и в этот момент почувствовал на своем плече чью-то руку. Он вздрогнул, оглянулся и увидел стоящего рядом шаммахита в невероятно белой – это в рыночной-то толчее! – джеллабе и небольшом белом же тюрбане; на золотисто-смуглом лице шаммахита сверкали синие глаза. Он успокаивающе сжал плечо Арколя и негромко промолвил:

–Мудрец говорит, что насыщение благородного мужа – в воздержании. Но я думаю, что ему или никогда не случалось по-настоящему проголодаться, или он страдал жестокими желудочными болями. Уважаемый, – и он кивнул продавцу сладостей – положите нам пяток пирожков с изюмом, пяток пончиков – тех, что на кунжутном масле, и пяток медовых булочек. Этого хватит, чтобы ты дотерпел пару часов до обеда?

Совершенно растерянный, Арколь молча кивнул, взял протянутый ему горячий сверток и, недолго думая, принялся уписывать за обе щеки. Шаммахит расплатился с продавцом и жестом предложил мальчику следовать за ним. Продолжая жевать, Арколь заспешил по пятам нежданного благодетеля, раздумывая о том, что тому от него может понадобиться и почему он, первый приютский пройдоха, не в силах даже подумать о том, чтобы попросту удрать.

Они миновали шумные торговые ряды и вышли на одну из тех улочек, что вытекают из площади, словно нитки из пестрого клубка. Шаммахит остановился перед входом в какую-то захудалую лавочку и обратился к своему жующему спутнику:

–Здешний хозяин, конечно, жулик и надувала, но сад свой обустроил замечательно. А кроме того, его жена бесподобно готовит розовую воду со льдом. Пока ты доедаешь пончики, я смогу удостовериться в качестве нужного мне товара, а потом мы посидим спокойно в тени и прохладе... и поговорим. Ты согласен?

–Угу. – Более осмысленных звуков набитый рот Арколя издать не смог.

–Тогда прошу следовать за мной. И мое имя аш-Шудах, хотя «таинственный злодей в белом» тоже неплохо.

Арколь даже жевать перестал – именно так он именовал про себя незнакомца с самого начала разговора.

Когда аш-Шудах уладил свои дела, он присоединился к Арколю, сидевшему под тенью старого раскидистого дерева на покрывале с множеством расшитых подушек. (Вообще изнутри дом, а особенно сад, оказались куда более привлекательными.) Устроившись поудобнее, он отпил глоток ледяной воды из узкого стеклянного стакана и с облегчением вздохнул.

–Слава Вседержителю, мои сомнения не оправдались. А иначе все труды пошли бы под хвост моему любимому коту.

–Вы – шаммахит?– ни с того, ни с сего и без малейшего намека на почтительность поинтересовался Арколь. (И это вместо благодарности!)

–Тебя так волнуют вопросы происхождения? Что ж, это понятно... Да, я шаммахит.

–А тогда почему у вас глаза синие? – Еще более невежливо осведомился мальчишка.

–Дерзость, порожденная страхом, простительна... – усмехнулся аш-Шудах и опустил на мгновение веки. Когда же он поднял их, то глаза его были угольно-черными – как у любого чистокровного шаммахита. И как у Арколя.

–Вот это да... – изумленно вытаращился Арколь. А аш-Шудах снова закрыл глаза и снова открыл – на этот раз прозрачно-зеленые.

–Ничего особенного, – сказал он, возвращая глазам черный цвет, – таким образом я добиваюсь избирательности. Почувствовав тебя, я был поражен твоей стихийной силой и захотел увидеть ее более отчетливо. Отсюда и синий цвет – он позволяет лучше улавливать всевозможные магические эманации.

–Вы – маг? – уже гораздо более уважительно осведомился Арколь.

–На то была воля Вседержителя. А теперь позволь и мне задать тебе вопрос. Ты – эльф?

–Ага... и наследник престола Ирема впридачу... где это вы видели эльфов с черными глазами?

–Если честно, то никогда и нигде. Но и шаммахитов с острыми ушами тоже не встречал. Ты ведь полукровка, верно? По всей вероятности, сын эльфийки и шаммахита...

–Ну и что в этом такого? – буркнул Арколь.

–Да ничего особенного. Я, собственно, тоже полукровка. Мама была истинной дочерью Шаммаха...

–А отец? Эльфом, да?

–Нет, мой мальчик. Он был богом.

Вот так и получилось, что Арколь-остроухий, сбежавший из приюта Дочерей Добродетели – да вострепещет пред ними преисподняя, куда им давно пора провалиться! – попал в ученики к аш-Шудаху, величайшему из магов Шаммаха. Аш-Шудах нянчился с ним, как с собственным сыном. Он привел четырнадцатилетнего мальчишку в свой дом, вытряс из его головы остатки приютского убожества и страха, и поначалу позволял только есть

досыта да дурачиться. И только когда Арколь перестал лазать по ночам на кухню, а также прятать куски пшеничных лепешек под подушки, маг приступил к его обучению, ставшему удовольствием как для учителя, так и для ученика. От матери-эльфийки Арколь унаследовал способность ощущать потоки природных сил и использовать их, а от отца-шаммахита – остроту реакции, точность удара и вспыльчивость. Аш-Шудаху пришлось изрядно поработать, прежде чем он привел весь этот хаос способностей и качеств в состояние относительной гармонии.

–Успокой свое сердце и прохлади глаза, сын мой. Это была не самая ценная вещь в моем доме. Попробуй еще раз, и очень прошу тебя – перестань представлять себе на месте левитируемой вещи сестру... как ее там?

–Толстуха Маго.

–Вот именно. В противном случае ты так и будешь вертеть объект воздействия волчком и выстукивать им стены. Пойми, Арколь, эмоции могут понадобиться при усилении заклинания, но не при его первичном осуществлении. А теперь попробуй поставить вот эту розу в вазу на окне.

–Плохо, Арколь, никуда не годится. Если бы это был настоящий обессиливатель, ты давно лежал бы, уткнувшись носом в сапоги противника. Одной точности удара мало, это должен быть именно удар, а не касание.

– Учитель, ведь вы сами всегда мне говорили, что я должен сдерживать эмоции...

–Верно, сын мой. Но для чего, как ты думаешь?

–Наверное, для того, чтобы хоть одна ваза в доме уцелела.

–Хвала Вседержителю, сын мой, я в состоянии скупить все вазы Шаммаха и не обнищать. Сдерживай чувства, дабы стали они подобием натянутой тетивы, и тогда стрела твоей воли сокрушит любое препятствие. Ты ведь злопамятен, как эльф. Вспомни, например, как тебя пороли...

–Ха-а-аxx!!! Ой... – вырвавшаяся из сузившихся глаз подростка черная молния разнесла в мелкие осколки стоящий на мраморном столике стеклянный шар, а заодно и сам столик.

–Ой... я не хотел...

–Ничего, мой мальчик. На этот раз получилось не так уж плохо. Ступай-ка ты в сад, поработай с недозревшими абрикосами.

–А вы, Учитель?

–Я?! А я, пожалуй, займусь подсчетами, хватит ли моих скромных средств на все мраморные столики...

–Клянусь каменными клыками Краглы, Арколь, что ты себе позволяешь?! Ты уже не ребенок, чтобы так дурачиться! Ну чем тебе не угодили эти несчастные паломницы, что ты перенес весь странноприимный дом на место самого дрянного марутского борделя... кстати, а куда ты отправил сам бордель? Неужели?.. Негодник! На площадь перед Святилищем Десяти Добродетелей! Но зачем, сын мой?!

–Не сердитесь. Учитель, я не хотел вас огорчать... Просто я шел вчера мимо сбродного дома и увидел...

–Уж не толстуху ли Маго?!

–Ага, ее... И еще сестру Цинеллу, она так любила добавлять соль в воду для вымачивания розог. В кои-то веки выбрались бедняжки из своего захолустья, решили попутешествовать...

–А ты добавил им остроты ощущений... подсолил, так сказать... Только одно, Арколь: ты перенес дом утром или на ночь глядя?

–Помилуйте, учитель, кто же идет в бордель утром?

–О небо... Ладно, иди уж, – аш-Шудах не мог сдержать смеха, – сделай ночью обратный перенос, да поаккуратнее!

Прошло восемь лет. Арколь вырос, превратившись из голодного приютского мальчишки в молодого талантливого мага. Все это время он провел под кровом аш-Шудаха: много занимался, с искренним удовольствием помогал учителю в его теоретических разысканиях или небезопасных опытах, и таким же удовольствием развлекался в Маруте Скверном.

–Вот ты где, Арколь, – сказал аш-Шудах, входя в библиотеку, занимавшую добрую половину его дома, – отложи сей пыльный фолиант, сын мой. Поверь мне, его автор – редкостный зануда, поставивший перед собой грандиозную задачу: доказать осуществимость межвидового скрещивания без магического воздействия.

–Учитель, но ведь это бред какой-то...

–Вот и я ему то же самое говорил, ослу нильгайскому...

–Как говорили? Он же умер пятьсот лет назад! Вот уж не думал, что вы такой древний... неплохо выглядите для своих лет. А то, может, прикажете поддерживать вас под ручку?

–Я тебе поддержу... Оставь свои штудии и собирайся: мы едем в Миср, там скоро большой торг и я хочу сделать тебе подарок.

Миср, центр шаммахитской работорговли, был похож на просыпанную на побережье горсточку сахарного песка – крыши домов, купола храмов, полотняные палатки рынков – все было ослепительно белым. От Пойолы, где муспельские ублюдки разгружали, сортировали и оценивали свой живой товар, город отделял узкий пролив, именуемой проливом Слез – обычная морская вода была в нем настолько соленой, что в ней невозможно было утонуть, она силком выталкивала тело на поверхность. И перевозимые на огромном пароме вчерашние вольные люди с тоской и укоризной смотрели на воду, отказавшую им в последней надежде на смерть в свободе...

Аш-Шудах и Арколь пробирались между рядами и палатками рабского рынка, наконец, маг остановился и сказал своему приемному сыну:

–Мы пришли. Это место краснобородого Коатля, а у него всегда самые красивые рабыни.

Молчавший до этого времени, Арколь заметно смущаясь, ответил:

–Учитель, я... простите, я не хочу вас обидеть, но мне все это не нравится...

–Так оно и должно быть, сын мой. Мы не в силах изменить весь миропорядок, но ты можешь распорядиться участью одной из них. Выбирай.

И они вступили под белый полотняный навес. На невысоком помосте сидели и стояли девушки, почти все красивые и испуганные. Арколь внимательно огляделся и сказал магу:

–Отец мой – да будет на все ваша воля – она стоит третьей справа.

Аш-Шудах глянул в указанном направлении и недоуменно воззрился на Арколя.

–Сын мой, чем ты смотришь? Ведь она похожа на облезлого бельчонка! Может, ты имел в виду ее соседку, ту, что сидит?

–Нет, учитель, именно ее... бельчонка.

–Но почему, Арколь? – допытывался аш-Шудах, – Думаю, ты давно догадался, что я привез тебя сюда затем, чтобы ты выбрал себе наложницу, красивую и послушную, и прекратил, наконец, тратить все свои деньги на марутских девиц.

В этот момент к ним подошел – вернее сказать, подкатился – краснобородый Коатль собственной персоной.

–Хвала небу за столь высокочтимых покупателей! Чем я могу вам услужить, о достойнейший?

–Послушай-ка, Коатль, – обратился к нему аш–Шудах, – что ты скажешь вон о той девчонке в голубеньком хитоне, а?

–Не могу не удивиться вашему выбору, о светлейший, прошу вас, подойдемте поближе, может, вы измените его... Рума, выйди вперед! Рума, я кому сказал! Ах ты дрянная девчонка!

–Не напрягайся так, достопочтенный Коатль, – насмешливо заметила облезлая и дрянная, – не то удар хватит. Пора бы тебе уже запомнить мое имя, равно как и то, что я не откликаюсь на наспех данные клички.

–А каково твое подлинное имя, дева? – улыбаясь, спросил аш–Шудах.

–Меня зовут Амариллис. – Задрав нос чуть не до потолка, ответила она.

–Вот видите, досточтимые, – искрение пожаловался Коатль, – ведь она меня эдак всю дорогу шпыняет... Да что это я говорю! Это она так, притворяется, а на самом деле – смирнее курочки, нежнее лани, словечка поперек не скажет! А волосы у нее растут очень быстро, оглянуться не успеете, как снова коса будет до пояса!

–Ну ты и врать, Коатль, – с восхищением протянула Амариллис, – даже я так не смогу! И как тебе только не стыдно так бессовестно обманывать покупателей! Нет, я могу притвориться курочкой – и она скорчила преглупую рожу – но вот насчет волос ты перегнул...

На торговца было жалко смотреть – он напоминал индюка в момент любовного упоения: раздувшийся, натужно пыхтящий красный шар в пестрой шапочке...

Аш-Шудах внимательно – внимательнее, чем прежде – смотрел на девушку. Невысокая, сероглазая, на голове – волнистый беспорядок коротких волос, голубенький хитон обрисовывает легкую фигурку.

–Почему она, Арколь? – спросил он на одном из тайных наречий, вряд ли знакомом девушке.

–Она не такая, как все. Посмотрите, отец мой – да осенить вас длань Вседержителя! – как смотрит ее соседка: она ищет себе хозяина, ее глаза заискивают и боятся. А эта глядит так, будто не ее покупают, а она сама выбирает, с кем пойти. Она особенная, учитель, я это вижу.

–Сын мой, вы с ней подружитесь, но не больше. Вы слишком похожи.

–Учитель! Если вы не выкупите ее сейчас же, то я... я не знаю, что сделаю! И потом, ну чем вам так не угодили марутские девицы?! Лично меня они вполне устраивают!

Аш-Шудах засмеялся и похлопал Арколя по плечу.

–Так что же у тебя с волосами, дева ?

* * *

–Нам пришлось их остричь, детка... и вряд ли они отрастут снова.

–Это... не... самое страшное, правда?.. – речь все еще с трудом давалась Амариллис, даже такое ничтожное усилие, как шевеление губами, отзывалось короткими, болезненными судорогами во всем теле, измученном жестокой болезнью.

–Тебе лучше помолчать, моя дорогая, – сестра Тилита осторожно убрала со вспотевшего лба девушки непослушную прядь светлых волос, – твое выздоровление только началось, и понадобятся все силы, которыми снарядила тебя природа, дабы оно успешно завершилось. Постарайся уснуть… – она укрыла Амариллис одеялом, благословила ее и неслышно отошла.

Прошло несколько недель. Силы возвращались к Амариллис, и обычная прогулка по обители перестала требовать от нее мучительных усилий; теперь она могла позволить себе удовольствие хоть чуточку помогать тем, кто вернул ее к жизни: подать прищепки сестре, развешивающей белье, почистить фасоль или потолочь пряности в поварне, заправить душистым маслом кадильницы в Храме Добродетелей... Иногда Амариллис выходила за широкие, вечно распахнутые ворота монастыря, усаживалась на почерневшую и окаменевшую от времени деревянную скамейку и смотрела туда, где совсем недавно была вся ее жизнь.

Теперь там была вода. Нижний Город (не самую плохую часть Свияра, разрезанного пополам бесноватой Каджей) словно накрыли огромным зеркалом ртутно–серого цвета. Порой Амариллис казалось, что так было всегда – только застывшая водная гладь, расшитая блестками солнечных бликов; прошлая жизнь представлялась уютным предутренним сном: дом...

отец, мама, старшие братья и глупый щенок Облай, высокие потолки и светлые стены... внизу – ювелирная мастерская, где обжигает ноздри запах нагретого металла, наверху – мамино царство натертых полов, накрахмаленных скатертей и свежеиспеченных булочек. Будто и не с ней это было: заглядывание под руку отцу, вьющему морозные узоры из серебряных проволочек, шумные драки и нежнейшие примирения с братьями, пререкания с мамой по поводу плохо выглаженного белья, глупая болтовня с подружками, первый вышитый воротник – отцу в подарок...

Даже на совесть построенные дамбы не выдержали двух подряд лавин с Безымянного хребта; жаркое весеннее солнце превратило снег в воду, и она смела весь Нижний Город, как чистоплотная хозяйка аккуратно сметает крошки с обеденного стола. Амариллис спаслась чудом; невесть сколько времени она провела в холодной воде, вцепившись в какой-то стул со старым, пропахшим дрянным супом засаленным сиденьем. Она не помнила ничего – ни как попала в воду, ни где ее родные, ни как она сама выбралась... память сохранила только бесконечный холод, боль в мучительно скрюченных пальцах, да тошный суповой запах. Как и других немногих выживших в наводнении, ее поставили на ноги Дочери Добродетели.

–Как я понимаю, хоть и небольшой, но выбор у меня все-таки есть – или остаться здесь и принять послушание, или найти работу и положить конец этому дармоедству.

–А как понимаю я, выбор этот ты уже сделала.

–Ага... но как я буду искать эту самую работу?! Я хоть и не графская дочь, но в батрачки идти как-то не хочется. Что я умею? Первым делом – вышивать, шью тоже не худо... в доме прибираться, не так хорошо, как мама, но все ж таки... готовить? нет, не люблю, жарко слишком и руки вечно в каком-нибудь жире. А больше всего я люблю танцевать. Вот так.

–Не так плохо, дитя мое, – выходившая девушку сестра Тилита отхлебнула глоточек травяного чая и откинулась на спинку стула. – Но с танцами придется подождать. Срок траура еще не истек.

–Если я буду носить траур по всем правилам, то моя портниха испортит себе зрение неизбывно черным цветом, а лавка, поставляющая траурные ткани, безбожно обогатится на моих заказах, – Амариллис резко встала, отошла к окошку и остановилась спиной к собеседнице. – Я знаю, что моей семье вряд ли понравится, если я стану изображать из себя похоронную лошадь: вся в черном, а остатки волос сойдут за белый плюмажик... Фрон и Трай терпеть не могут, когда я плачу, и папа с мамой всегда говорили, что я родилась им на радость. Разве могу я их разочаровать?! Вот она я, живая, а смерть пусть подавится... – плечи ее предательски задрожали, и она замолчала.

–Знаешь, на прошлой неделе у нас в странноприимном доме остановился один мой очень дальний родственник. Он советник магистрата Ма-

норы, – снова заговорила через несколько минут сестра Тилита, – и скоро выдает замуж свою единственную дочушку. Поэтому ей срочно понадобилась своя, личная горничная, умеющая хорошо шить – чтобы побыстрее управиться с приданым, и согласная ехать вместе с хозяйкой в Арзахель – она идет за какого-то тамошнего барончика, там этого добра – как грязи в распутицу. Все расходы на гардероб и дорожные издержки он берет на себя; плата тоже неплохая – пять золотых в месяц. Если подобные условия тебя устраивают, он будет ждать завтра, сразу после первой утренней трапезы... Да погоди ты обниматься, может, он тебе и не глянется...

–Если он глянулся вам – а иначе вы бы мне ни словечком о нем не обмолвились – то уж мне грех нос воротить! Спасибо вам, спасибо!

–Не за что, дитя мое. Признаться, я привязалась к тебе, может, даже больше, чем позволяет наше Правило Беспристрастия. Я буду молиться за тебя... ну, будет, будет тебе...

Советник магистрата Маноры оказался пожилым, благопристойным господином; с Амариллис он обращался вежливо, с расспросами о прошлой жизни не лез, с неприличными предложениями – тоже. Чего же еще? Его дочь, Литана – пышный, роскошный цветок, обласканный солнцем Юга – приняла новую горничную очень даже приветливо, а когда узнала о ее незаурядном даре вышивальщицы, так и вовсе отдала в ее руки весь свой гардероб, и почти каждый вечер угощала пирожными и чувствительными разговорами. Чего же еще? Манора, похожая на пестрого и крикливого попугая, сумела согреть сердце Амариллис в своих смуглых, прокаленных солнцем ладонях, безалаберные песни под бренчание гитар вытеснили из ее памяти утробные звуки булькающей под сиденьем стула воды, и море здесь было такое теплое. Чего же еще?

На третий день плавания по морю Покоя их корабль был с поразительной легкостью взят на абордаж муспельскими пиратами (возможно, легкость была обусловлена тем, что накануне ночью помощник капитана, соблазненный звонким золотом, вышвырнул все содержимое крюйскамеры за борт). Амариллис вместе с вцепившейся в ее руку мертвой хваткой Литаной, потерявшей от вполне понятного страха всякую способность к рассуждению, отправилась в душное брюхо трюма. Потом была Пойола – самое отвратительное место во всем Обитаемом мире, разве только за Краем Света, в Незнаемых Землях, найдется что-нибудь похлеще – несколько огромных бараков для живого товара, ждущего отправки в Нильгау или в Шаммах, кучи гниющего мусора, а в качестве украшения – пара заблеванных трактиров возле паромной пристани.

Потом – предварительный торг в Мисре, где Амариллис купил краснобородый Коатль. Сказать по правде, это была незапланированная покупка, поскольку девушка даже наполовину не соответствовала его идеалу

красивой рабыни (маленькая грудь, короткие волосы, насмешливый взгляд – безнадежное сочетание); вот только купленная в жарком торге пышногрудая, длинноволосая и большеглазая Литана никак не желала отпускать руку своей горничной. Коатль очень быстро понял, что придется либо оторвать эту руку, либо купить уж еще одну девицу в качестве довеска. Немного поразмыслив и кое–что сообразив («А в знак нашего безграничного почтения к достойнейшему покупателю мы бесплатно отдаем ему любимую служанку красавицы!»), торговец снова запустил руку в кошель. И каково же было его удивление, когда действительно достойнейший (а Коатль такие вещи просекал очень четко) покупатель остановил свой выбор именно на этой белке с облезлым хвостом...

–Ты знаешь, а ведь я даже не очень удивилась тому, что ты решил меня вызволить. Как будто только так и должно было произойти. Нет, я довольно честно настраивала себя на роль служанки–вышивальщицы при какой-нибудь толстой шаммахитке – и это было самым лучшим из рассматриваемых мною вариантов! О худших вспоминать не хочу. И все равно будто ждала чего-то, да бабулю вспоминала.

–Да уж, предки у тебя занятные. Будь добра, подкинь мне персик и ходи уже, сколько можно думать!

–Лови... и не торопи меня, не люблю.

Арколь и Амариллис сидели в одном из покоев дома аш-Шудаха и играли в махшит – игру, заключавшуюся в передвижении трехцветных агатовых фигурок по довольно сложному узору, нарисованному на деревянной доске, целью игроков было достижение той точки, из которой начинал виться узор. Амариллис научилась этой игре сравнительно недавно, но это не мешало ей раз за разом обыгрывать своего более опытного партнера. Прошло уже более трех месяцев с того дня, когда аш-Шудах, отсчитав не слишком большое количество золотых монет в бездонный кошель Коатля краснобородого, стал хозяином «облезлой белки». Сразу же по прибытии в Ирем – а надо сказать, что во время этого путешествия Амариллис и Арколь болтали столько, что переплюнули всех манорских попугаев, вместе взятых: она впервые за много месяцев называла имена родителей и братьев, и взахлеб рассказывала о своем доме, он – впервые не стесняясь и почти без злости – описывал ей свое сиротское детство и, только что не лопаясь от важности, повествовал о своих успехах в магии («А Учитель и говорит мне: «Немедленно верни статую на место! она хоть и сомнительное, но все ж таки единственное украшение храмового фронтона!»). А потом они начинали спорить, до хрипоты и до взаимных оскорблений – и все из-за смиренных Дочерей Добродетели, тогда в беседу (вернее, в ругань) вступал аш-Шудах и переводил ее в более безопасное русло, кстати сказать, его предсказание сбылось – Арколь и Амариллис подружились... но и только – да, так вот по прибытии в Ирем маг дал девушке вольную и оставил в своем доме.

Амариллис снова пришлось привыкать к новому городу, вернее, к новой стране. Шаммахитский язык она освоила с помощью Арколя за пару недель, и говорила с милым северным акцентом, превращая все гортанные звуки в твердые согласные и иногда проглатывая сдвоенные гласные. Опять же с помощью – но уже не магической – Арколя она освоилась в Иреме Многодивном; поглазела на все достопримечательности Харута Высокого и, несмотря на неодобрение аш-Шудаха, сделала несколько вылазок в Марут Скверный (эти два квартала столицы Шаммаха, разделенные неторопливой Лаолой, единоводной сестрой Лиала, вот уже несколько столетий подряд замечательно сосуществовали рядом друг с другом – вероятно, благодаря разводным мостам, неизменно размыкавшимся с наступлением темноты). Она загорела, посвежела, научилась с изяществом носить джеллабу и головную накидку, и почти перестала плакать по ночам.

–Арколь, я, пожалуй, спасу тебя от неминуемого поражения. Пожалуйста, присмотри за приготовлением стотравного эликсира, не перегрелся бы, как в прошлый раз, – аш-Шудах выразительно посмотрел на ученика и тот, отвесив наипочтительнейший поклон, удалился.

–Угодно партию в махшит? – осведомилась Амариллис, ставя фигурки в первоначальный порядок.

–Угодно поговорить с тобой, дева. Не красней, о твоем ночном визите я не скажу более ни слова. Речь пойдет о твоей дальнейшей судьбе.

–Вот как, ни больше, ни меньше?

–Именно так. И за что Вседержитель ниспослал тебя на мою голову...

–За грехи, наверное...

–Я столько не грешил. С Арколем было понятно сразу – он маг, маг по рождению и призванию. А что мне делать с тобою – ума не приложу. Замуж тебе еще рано, к магии нет ни малейших способностей...

–Зато я хорошо вышиваю, а танцую еще лучше.

–Проверим. Сегодня вечером нас ждут в школе танцев при храме Нимы. Не струсишь?

–Еще чего...– и Амариллис задрала подбородок вверх. На самом же деле она не на шутку испугалась. При храме Нимы Сладкогрудой, одной из наиболее почитаемых в Иреме второстепенных богинь, была знаменитая школа танцовщиц, попасть в которую было едва ли не сложнее, чем в сокровищницу властителей Шаммаха.

Глава третья. «Стойка и пауза» — и еще пять правил школы Нимы

Храм Нимы находился на одном из многочисленных холмов Харута; изящное, невесомое здание бело–розового мрамора окружал тщательно ухоженный сад. Амариллис шла по дорожке, посыпанной золотистым песком, рассматривала затейливый узор на плаще идущего впереди аш-Шудаха и тщетно старалась побороть дрожь в коленках. Наконец они оказались перед фронтоном храма, украшенном скульптурными изображениями нежнорукой Нимы и ее весьма многочисленных возлюбленных в самых замысловатых позах; некоторые из них были вполне пристойными, а некоторые входили в прямое противоречие с законом земного тяготения. Они поднялись по гладким каменным ступеням и оказались в прохладной зале, где их уже ждала госпожа Эниджа, хозяйка школы танцев. Эниджа – немолодая, сухопарая, прямая как спица шаммахитка – почтительно поздоровалась с аш-Шудахом, не обратив ни малейшего внимания на замершую у входа девушку. Обменявшись с магом несколькими фразами, она ненадолго вышла и тут же вернулась, неся в ладони прозрачный кристалл размером с каштан. С поклоном передав его аш-Шудаху, танцмейстерша подошла к Амариллис и приветливо обратилась к ней:

–Добро пожаловать, дитя мое. Твой господин сказал мне, что ты никогда не училась танцу специально, и это даже хорошо – не придется устранять ненужные навыки. Пожалуйста, просто покажи мне, как танцуют у тебя на родине, но сначала напой мелодию, под которую ты хочешь танцевать.

–Здравствуйте, госпожа Эниджа... а кому напеть, вам?

–Нет, не мне, а вот этому камешку, – и Эниджа указала на кристалл, который рассматривал маг.

Амариллис подошла к аш–Шудаху, приняла от него сверкающий камень и ободряющую улыбку, смущенно улыбнулась в ответ и, подумав немного, пропела припев одной песенки, которую слышала еще от бабушки.

Кристалл неожиданно задрожал в ладони Амариллис и мгновенно взлетел в воздух, застыв на уровне глаз девушки. От неожиданности она ойкнула и отпрянула в сторону.

–Не бойся, – это говорил аш–Шудах, – Хранитель Мелодий принял тебя, это очень хороший знак. Теперь надо лишь вспомнить и почувствовать ту музыку, которая тебе нужна, и танцевать.

Амариллис собралась с духом, вышла на середину залы; кристалл же следовал за нею, слегка покачиваясь в воздухе. Девушка вздохнула, расправила плечи, повела перед собой руками, словно раздвигая невидимый занавес – и в этот момент зазвучала напетая ею мелодия, и она, не в силах сопротивляться ее нежной силе, начала двигаться. Сначала несмело, потом

все легче и быстрее; ее руки действительно становились похожи на ивовые ветви, о которых пелось в песне, – гибкие, манящие, тонкие, а тело словно клонилось под порывами весеннего ветра... Совершенно забыв о двух своих зрителях (да и о цели визита тоже), Амариллис порой начинала подпевать кристаллу и самозабвенно кружилась по зале, как когда-то кружилась по зеленым лугам Свияра. Она действительно очень любила танцевать... еще в той, прошлой жизни ее не раз выбирали королевой хоровода и любой парень мечтал встать с нею рядом под задорные звуки музыки, чтобы крепко, обеими руками взяв за талию, поднимать ее высоко–высоко, и принимать затем в свои объятия, а потом, под финальные переливы колокольчиков, всласть накружить на руках... Музыка затихла, и девушка остановилась, растерянно опустив руки.

–Вы были совершенно правы, о многославный. Я принимаю вашу воспитанницу в школу, – госпожа Эниджа улыбалась и выглядела очень довольной. – Прошу вас, пройдем во внутренние покои.

Втроем они прошли через незаметную боковую дверь, миновали тенистый дворик и оказались перед небольшим двухэтажным домом, с белоснежными стенами, увитыми темно–зеленым плющом с крупными пурпурными цветками. Из распахнутого окна нижнего этажа доносилась тягучая музыка Шаммаха.

–Вечерние занятия закончатся через несколько минут, – обратилась к своим спутникам Эниджа, – и я смогу познакомить тебя с твоими будущими подругами, – и она ласково дотронулась до плеча Амариллис.

–Ты можешь не бояться, в школе Нимы никто и никого не обижает, за нападки и нетерпимость наказание одно – исключение. Так что наши девушки предпочитают дружить.

–Я останусь здесь насовсем? – и Амариллис посмотрела на аш-Шудаха чуть ли не жалостно. – Отсылаете, да?

–Не совсем, – усмехнулся в ответ маг, – ты будешь жить здесь, поскольку занятия в школе проводятся каждый день по два раза, и из дому ты просто не набегаешься. Но раз или два в неделю ты сможешь приходить домой, и уж так и быть, на это время я буду отпускать Арколя, дабы вы не умерли в разлуке. Но на ночь будешь возвращаться сюда. Мне так будет спокойнее.

Амариллис мучительно покраснела.

–Итак, решено. Благодарю вас за оказанное доверие, о достойнейший, – и госпожа Эниджа раскланялась с аш-Шудахом, – Проходи, Амариллис. Школа Нимы ждет тебя. – И она жестом пригласила Амариллис войти.

Уже после того, как девушка прошла в дверь, шаммахитка обернулась к магу и укоризненно сказала:

–Ты мог бы быть с нею поласковей. И уж тем более обойтись без намеков при посторонних. Ладно уж, не извиняйся... я прослежу за девочкой, – и она вошла в дом.

Амариллис стояла на пороге довольно большой залы, занимавшей почти весь первый этаж школы. Одна стена была сплошь зеркальная, и в ней отражалась зелень кустов, заглядывавших в окна на противоположной стене, пол был деревянный, отполированный до блеска, и на нем, на маленьких шелковых подушечках сидело несколько девушек, одетых в одинаковые светло-желтые туники и легкие неширокие шаровары. При появлении госпожи Эниджи они встали.

–Девочки, урок закончен. Присядьте и отдохните, – и она легонько подтолкнула Амариллис вперед.

–Принимайте новую подругу. Назовитесь, как того требуют наши правила, и ступайте все вместе в купальню. Лалик, присмотри за новенькой на первых порах.

Эниджа уселась на одну из подушек, подтолкнув к Амариллис такую же.

–Меня зовут Гинивара, я из северного Нильгау, – у этой девушки была ярко-бронзовая кожа, резкие и красивые черты лица, длинные черные волосы забраны в два хвоста высоко над ушами, глаза смотрели приветливо и проницательно, – я будущая жрица Калима, и обучаюсь священному искусству танца, дабы достойно исполнять свои обязанности. Добро пожаловать, сестра.

–А я – Лалик, – улыбнулась Амариллис изящная смугленькая шаммахитка с волосами, заплетенными в десять кос (каждая до пояса) и симпатичным веселым личиком, – дочь Ирема Многодивного. Я здесь, чтобы суметь порадовать своего господина, первого советника Властителя Шаммаха, да продлит Вседержитель его век и да сохранит его расположение к моему ан-Нуману!

–Я – Муна, родом из Краглы, – говорившая была высокой, статной северянкой с прозрачно–зелеными глазами и светлыми, почти белыми косами, закинутыми на грудь, – сюда меня привела судьба и не скажу, что я ей поначалу не сопротивлялась. Но я буду выступать на сцене, и невероятно прославлюсь, и мой неблагодарный жених от досады сожрет свои вонючие сапоги! – она улыбнулась и подмигнула Амариллис, отчего ее лицо необыкновенно похорошело.

–Привет тебе, сестра. Меня зовут Ксилла, я из Суртона, из великого города Иссы, – это была похожая на фарфоровую статуэтку, черноглазая девушка, самая молоденькая из присутствующих, – я очень хочу выступать в Императорском Саду, в Жасминовой Беседке – как моя мама, и надеюсь достичь желаемого под руководством госпожи Эниджи.

Настала очередь Амариллис.

–Мир вам, сестры. Я – Амариллис, родом из Свияра, что на Кадже Бесноватой. Вся моя семья погибла в наводнении год назад, а мне судьба, видно, еще не отмеряна. Сюда меня привел мой господин, великий маг аш-Шудах, потому что я объела все зимние персики в его саду и он решил сохранить для себя хотя бы летние.

–А я, как ты уже знаешь от своего всеведущего господина, Эниджа – хозяйка школы танца и жрица Нимы Мягковласой. Меня не надо бояться, но прислушиваться ко мне необходимо. Ступайте, девочки, поплавайте... и расскажите Амариллис о здешней жизни.

Здешняя жизнь оказалась нескучной. Жили девушки в одной общей комнате, большой и светлой, обставленной почти роскошно. Кровати застелены вышитыми покрывалами, повсюду зеркала в резных позолоченных рамах, туалетные столики просто завалены всевозможными благовониями, декоративными красками, безделушками... В углу комнаты столик, а на нем – принадлежности для письма, рядом невысокий шкафчик с книгами на разных языках Обитаемого Мира. Шкаф для хранения одежды был невелик, поскольку все девушки носили либо простую пару для занятий, либо легкие светлые джеллабы; время пышных нарядов для них еще не наступило. Позади школы был большой бассейн голубоватого мрамора, где ученицы могли плескаться в любое время сколько душе угодно, опустошать фруктовые деревья тоже не возбранялось. Сами занятия проходили в зеркальном зале и, изредка, на травяной лужайке возле бассейна.

Девушки поднимались довольно рано, быстренько совершали утренний туалет (несмотря на обилие косметики, ею почти не пользовались – все равно от пота размажется) и бегом спускались в купальню, поплавать и размяться в воде. Потом был завтрак; в основном учениц кормили коричневым рисом, овощами с острыми приправами, всевозможными фруктами, а в обеденный час – нежным птичьим мясом или рыбой. Затем следовал книжный час, когда приглашенная учительница рассказывала о городах и государствах Обитаемого Мира, об их истории и обычаях, читала вместе с девушками книги и учила их писать стихи. (Все ученицы знали – кроме всеобщего – еще хотя бы один язык, и, постоянно общаясь, узнавали наречия друг друга). Ну а потом, смеясь и охая, они шли в зеркальный зал.

–Лалик, выпрями спину. Амариллис, прекрати стискивать зубы, расслабь лицо. Ксилла, не жмись. Итак, мы начинаем.

И они начинали. В первой половине урока девушки разучивали начерно какие-нибудь совсем несложные па, осваивали красивые жесты и позы. Потом начиналось мучение – растяжка мышц и сухожилий. В общем хоре постанываний, мычания, охов и вскриков не было слышно только Ксиллы, от природы гибкой, как ивовая веточка. Все остальные терпели и страдали.

–Где твое милосердие, Муна? Может, ты оставила его под подушкой? Сбегай, глянь, а? – и Гинивара, сидящая на полу с раскинутыми ногами, которым не давали сдвинуться ступни Муны, которая еще и наклоняла ее вперед и вниз, давя на плечи руками, застучала по полу кулаками.

–Не стони... лучше подумай о том, как ты сделаешь то же самое со мной. Что, уже лучше?

–Лалик, душенька, может хватит? – Амариллис умоляюще глядела на подругу, несущую очередную гирьку. Девушка сидела, выпрямив спину, сжимая сложенные подошва к подошве ступни руками, а на ее разведенных коленках лежали плоские гирьки, под тяжестью которых колени опускались все ниже и ниже.

–Ну вот еще две штучки, и все... Потерпи. Что?! Амариллис! И где ты только понабралась таких слов!

–В Пойоле слышала!

После небольшого отдыха, во время которого они лежали на полу, расслабленные, как тряпочки, снова приходил черед осваивать танцевальные па и линии, на этот раз – тщательно и безупречно.

–Девочки, перенесите вес на левую ногу, – Эниджа оглядывала их, словно полководец свою личную гвардию. – Правой полшага вперед, так, стоп... А теперь смотрите: бедро идет вверх и вперед, как будто вы отталкиваете мячик, и назад... попы подожмите, ступня на носке и выгнута, голень не крутить! Еще раз! Еще! Еще! Плохо. Ксилла, не дергайся так резко, плавнее, мягче надо... понимаешь? Амариллис! Не вихляй так бедрами, завяжи их в один узел соблазна... ясно? Лалик, танцевать – это не значит крутить задом напропалую, как жаждущая кота кошка. Запомните все – когда танцевала великолепная Яшма, то даже у евнухов загорались глаза... глаза! а не шаровары пучились, как в скабрезных историях, над которыми вы хихикаете! Какое наше первое правило? *Танцовщица школы Нимы славит Любовь, а не предлагает себя на ночь!*

И движение повторялось еще и еще, становясь поначалу ненавистным, затем – привычным, а в какой-то прекрасный момент – естественным; и ученицы начинали понимать, что в это движение они могут вложить любой нужный им смысл.

После утреннего урока снова был бассейн, смывавший боль и усталость, и обед. Откушав, девушки принимались вовсю отдыхать – кто прятался в тени сада и дремал, кто устраивался поудобнее с книгой, а кто предпочитал поболтать. Амариллис легко нашла общий язык со всеми ученицами Нимы, но более всего ей было приятно общество Лалик и Муны. Ксилла была чересчур молчалива и утонченна, и Амариллис не могла отделаться от ощущения, что ее не всегда пристойные выражения и вольный юмор шокируют или даже пугают маленькую суртонку. Гинивара же оказалась весьма целеустремленной особой, все свое сознательное (то есть проведенное не во сне) время она отдавала подготовке к будущему жречеству: если не танцевала или не упражнялась, то читала, медитировала, учила наизусть огромный священный календарь Калима... словом, она всегда была занята. А вот с Лалик можно было славно поболтать – о шаммахитских нравах, о придворных обычаях (Амариллис хохотала не меньше получаса, когда узнала, что приветствующий властителя Шаммаха должен опуститься на колени, голову уткнуть в пол, и задрать зад выше макушки своего тюрбана... она

долго не могла угомониться и все выкрикивала сквозь слезы: «Моя задница приветствует тебя, о Светлейший!.. Мой... ой... пук прославляет тебя, о Величайший!..»), и о мужчинах. Лалик рассказывала подружке о своем ан–Нумане, которого любила легко и весело, хвасталась его ласками и подарками, а Амариллис в один особенно жаркий полдень наконец смогла облегчить свое сердце и поделилась с нею нежной тайной...

–Если бы ты только увидела его, то поняла бы меня. В него невозможно не влюбиться... Глаза, как черные алмазы, на сердце вырезают слово страсти, и пальцев легкое прикосновенье рассудок повергает ниц...

–Это ты сама сочинила?

–Нет, это один поэт с Белого Острова.

–Неплохо для северянина. И что же было дальше? Ты стала вздыхать и грустить, ему это надоело, и он отправил тебя сюда?

–Нет... Я, видно, совсем спятила от этой любви и решила сама сделать первый шаг.

–Да ты что?!

–Именно. Взяла и заявилась к нему в покои на ночь глядя, вся такая решительная и дрожащая... если буду часто вспоминать об этом, умру со стыда. О Нима Сладкоязыкая, и кем я себя тогда возомнила?!

–А он?

–Он?.. Он взял меня за руку, отвел в сад и велел попробовать еще незрелый персик. Откусила я – фу, кислятина-то какая! Жую, морщусь, а плюнуть боюсь... проглотила кое-как и молчу, глазами хлопаю, как дура. А он спрашивает – понравилось, мол? Какое там, отвечаю, кому ж такое понравится?! Вот именно, отвечает он, мне это тоже не по вкусу. Я, когда поняла, хотела заплакать, а он взял мое лицо в ладони, в глаза посмотрел и сказал что-то... не знаю, на каком языке. Я потом Арколю попыталась повторить, он, кажется, понял, но переводить не стал, сколько я не просила. Ему-то что – сбегает к марутским прелестницам, и готово дело.

–А потом аш-Шудах отослал тебя в школу?

–Ну что сразу «отослал»! Если бы аш-Шудах захотел, так хоть в Арр-Мурра отправил бы, чтобы я его «черные алмазы» не мозолила. Он желает мне добра...

–А ты желаешь его самого...

–Ох, Лалик, я и сама иногда не знаю, чего же я желаю... Ого, кажется в колокол брякнули. Ну что, встаем? пойдем дальше руки-ноги выкручивать во имя искусства...

Второй урок начинался сразу с мучений: опять растяжка, бесконечные приседания на цыпочках, вытягивающий жилы «закат-рассвет» (это упражнение было придумано легендарной Яшмой и заключалось в медленном – очень медленном! – приседании при расставленных ногах, вывер-

нутых наружу носках, прямой спине и красиво раскинутых руках, а потом таком же медленном вставании), тренировка гибкости спины и множество других способов причинить сладкую боль телам будущих танцовщиц.

–Медленнее, Лалик, ты не под куст присаживаешься! Так... а куда это ты глаза опустила? А ну-ка, подбородок вверх... глаза на меня... и взгляд соколицы, а не курицы-несушки! Хорошо... Девочки, вспомним наше правило: *танцовщица Нимы никогда не опускает глаз ниже локтей зрителя, она смотрит на его лицо, или на герб, или иной знак достоинства, на груди пребывающий! Иначе зрители решат, что вы сравниваете наполненность их гульфиков!*

–Госпожа Эниджа, а с моим мучением вы какое правило свяжете?

–Твое, как ты выражаешься, мучение, Гинивара, связано вот с каким правилом... *Никто да не прикоснется к танцовщице Нимы руками вожделения!* А поэтому давай старайся, иначе тебя облапают на первом же выступлении! Уклоняйся мягче, не шарахайся, как испуганная девственница, перетекай, ускользай, представь себя подводной травой или лентой, плывущей по ручью... Амариллис, если я занимаюсь с Гиниварой, то это вовсе не значит, что остальные могут отдыхать. Именно так, и мне лучше знать, когда будет достаточно.

–Но я не могу больше! У меня сейчас зад отвалится!

–Выбирай выражения! А ты, Ксилла, перестань спотыкаться от каждого резкого слова! А чтобы твой зад остался на месте, сделаем вот что... – и Эниджа, подойдя к девушке, стоящей на одной ноге и вытянувшей другую параллельно полу, хладнокровно запустила кончики остро отточенных ногтей в ее ягодицу.

–Вот так и должно быть – ножка, как натянутая струна... Постой еще немного, а потом Лалик снимет груз. Что? нет, только с ноги, с головы не надо, поприседаешь вместе с ним, а то что-то у тебя спина невыразительная...

По истечении отмеренного времени, все без исключения девушки валились на пол, Гинивара так даже засыпала; потом разминали ноющие мышцы и снова вставали – учиться танцевать. Они постигали искусство импровизации, пытались рисовать пока еще разрозненными движениями осмысленные, одухотворенные сюжеты, а по истечении трехмесячного срока обучения каждой из учениц доверили Хранителя мелодий, дабы кристаллы и девушки привыкали друг к другу, ведь им предстояло действовать как единому целому.

Отдав почти все силы вечернему классу, танцовщицы Нимы смывали честный пот в небольшой жаркой купальне и устало плюхались в прохладную проточную воду бассейна; их хватало только на то, чтобы лениво пошевеливать пальцами ног, да моргать, даже болтать не хотелось. Потом был огромный поднос фруктов и кувшин простокваши на ужин, и далее девушки могли делать все, что им пожелается, а желалось им только одного – спать. (Правда, Амариллис раз в неделю – на два у нее силенок недоставало – посещала дом аш-Шудаха, присылавшего за ней закрытые носилки, и мужественно превозмогая сон, общалась с Арколем; в школу ее относили

уже тихо посапывающей в подушку.) А затем приходил новый день, и все начиналось сначала.

Прошел год с того дня, когда Амариллис попала в школу Нимы Гладкобедрой. Она и ее подруги успели многому научиться, их тела стали послушнее и выразительнее, и каждая выучила (блестяще и неподражаемо, как она считала) один особенный танец – самый любимый, самый лучший... танец для первого испытания. А заключалось оно вот в чем.

В том, что все они будут выступать на публике, никто из девушек и не сомневался. Но в школе их единственной зрительницей была госпожа Эниджа, и проверить действие своих чар (без сомнения, неотразимое) им было не на ком. Первое испытание позволяло исправить это упущение. Каждой из учениц Нимы предоставляли право исполнить тот самый танец на публике; однако места, куда их привозили поздним вечером, почти ночью, сильно отличались от тех, какие им грезились в честолюбивых мечтаниях; довольно и того, что все они находились за рекой, в Маруте Скверном.

–Ксилла, сегодня ты освобождаешься от вечернего занятия, – и госпожа Эниджа подняла руку, предупреждая взрыв вопросов, – поскольку силы понадобятся тебе для выступления. Ступай в мою комнату, там уже ждет портниха – костюм твой готов, но примерка не помешает. Потом можешь спуститься в малый зал и немного поработать... не мельчи, не прячь глаза, а главное – не затягивай паузу. Я знаю, вы до сих пор думаете, что в танце важнее всего движения... оно, конечно, так, но поверьте мне – любое движение начинается со стойки и прерывается паузой. Мастерски выдержанная стойка танцовщицы может спасти даже слабый танец, а вот затянутая – или же скомканная – пауза может испортить любое великолепие. Ксилла, ты все еще тут? Разве я сказала что-нибудь новое?! В добрый час... итак, приступим к нашим вечерним занятиям.

Когда девушки заканчивали ужинать, в комнату впорхнула – по-другому и не скажешь – Ксилла, наряженная в развевающиеся суртонские шелка цвета слоновой кости; подобно нежной хризантеме, попавшей в водоворот, покружилась она перед подругами, и ее щечки зарумянились от щедро рассыпанных ими похвал. Вскоре за ней прислали закрытые носилки и она вместе с госпожой Эниджей уехала неизвестно куда.

Вернулась Ксилла поздно ночью, заплаканная, все еще дрожащая, уже не в роскошном наряде, а в обычной джеллабе. Ожидавшие ее и поэтому не спавшие девушки бросились ухаживать за ней, принесли из купальни теплой воды для ног, раздобыли на кухне молоко и мед, закутали ее в теплую накидку, и, как ни распирало их любопытство, не задали ни одного вопроса. Ксилла, придя в себя, рассказала, как ее освистали в каком-то из второсортных марутских борделей; бледными губками она повторяла те малоприятные словечки, коими развеселая публика сопровождала ее танец, который она даже не смогла закончить.

На следующий день Муна, набравшись храбрости, спросила Эниджу:

–Почему мы должны танцевать перед таким отребьем? насколько я знаю, ни одна из танцовщиц Нимы не подвизалась в кабаках... тем более в борделях.

–Если вы сможете выступить как должно перед, как ты изволила выразиться, отребьем, то в будущем уже никакая, даже самая взыскательная публика вас не испугает, – коротко ответила госпожа Эниджа.

Следующей испытуемой стала Гинивара. И снова оставшиеся в школе девушки не спали, переговаривались о пустяках и нервно хихикали. А потом так же приводили в чувство вернувшуюся заполночь нильгайку; Амариллис так даже пришлось прыснуть ей в лицо холодной водой. Оказалось, что Гинивара, исполнявшая красивый и чувственный ритуальный танец, спровоцировала им отнюдь не религиозный экстаз, а откровенно похотливые домогательства. Отдельные прикосновения, от которых не получалось ускользнуть, девушка еще терпела, но когда один из зрителей попытался прилюдно ее облапить и порвал на ней роскошную фиолетовую тунику аж до пояса... тут она не выдержала и напомнила всем окружающим, что жрицы Калима при случае могут защитить себя.

–Я расквасила почтенному шаммахиту нос и нарушила правило Школы, – и, подражая выговору Эниджи, Гинивара пропела, – *Танцовщица Нимы да не обнажит свою грудь, тем паче зад, ибо обнаженное соблазна не имеет и ценится дешево.* О таком успехе я и не мечтала... – и она засмеялась сквозь слезы.

Через неделю пришел черед Амариллис.

Закусив нижнюю губу, она пристально смотрела в зеркало. Оттуда на нее так же пытливо взирала невысокая, легкотелая девушка, одетая в короткую зеленую тунику, длинную, просторную накидку из суртонского шелка и легкие кожаные сандалии, ее короткие волосы прятались под длинным серебристым париком. Подведенные зелеными же тенями глаза лихорадочно блестели – подобно мелким цирконам, которыми были украшены серебряные пряжки, скреплявшие накидку на плечах. Больше никаких украшений, если не считать тяжелого браслета на левой руке, от которого шли пять цепочек, обвивавших пальцы, и на котором крепился Хранитель мелодий.

Амариллис вздохнула и медленно развела руки в стороны, пробуя ткань в жесте – зеленые переливы должны были оттенять рисунок танца. Получилось действительно красиво, и она удовлетворенно улыбнулась. В дверь малого зала постучали. Пришло ее время.

Не сказавший ни единого слова слуга усадил девушку в закрытые носилки и пошел впереди них; потом помог ей забраться в лодку и выбраться из нее же; на берегу Лаолы их ждали новые носилки. Еще некоторая толика мерного покачивания, и, наконец, она на месте. В густой темноте южной ночи она с трудом различает контуры массивного здания, из его распахну-

тых окон вырывается многообещающая смесь хохота, света, запахов... это одно из развеселых марутских местечек, где за кружкой пива и подносом жареных свиных ребрышек коротают вечерок солдаты-наемники, нетрусливые мастеровые, и другие сорви-головы.

Амариллис казалось, что все происходит слишком быстро и почти независимо от нее. Слуга-провожатый открыл перед нею низенькую дверцу, она, нырнув в коридорчик, оказалась в жаркой полутьме дома, чьи стены поминутно сотрясались от рева луженых глоток, требующих пива или неистово хохочущих. Кто-то потащил ее за руку вглубь помещения, она послушно заспешила и вскоре оказалась перед куском линялого красного бархата, очевидно, заменявшего занавес. И, едва только девушка отдышалась, этот же кто-то откинул малопривлекательный лоскут и почти что вытолкнул ее на низкий дощатый помост сцены.

Она сделала несколько шагов вперед, подняла глаза от пола и тут же мысленно прокляла тот день, когда аш-Шудах привел ее в школу Нимы. Вокруг сцены стоял добрый десяток большущих столов, за которыми сидели уже изрядно подгулявшие гости – компания регочущих орков, горланящие похабные куплеты подмастерья-оружейники, солдаты иремского гарнизона... На захватанных стенах – чадящие светильники, за хозяйской стойкой – какой-то жирномордый шаммахит, пивные лужи на полу, убийственная смесь запахов мужского пота, раскаленного свиного сала и черного перца. Амариллис почувствовала, как все ее внутренности сворачиваются в подобие улитки и завязываются морским узлом – созданный ею с такой любовью танец, грациозный и невесомый, был здесь так же уместен, как милосердие в Пойоле... или как прыщ на невесте. Но отступать было некуда: не за линючую же тряпку прятаться; и она, подняв руку, выпустила Хранителя мелодий.

В тяжелый воздух залы полилась нежная, печальная музыка; стиснув зубы, танцовщица готовилась сделать первый шаг, как вдруг чей-то грубо–насмешливый голос крикнул:

–Эй ты, капустка, катись-ка обратно на грядку, да отрасти себе сиськи побольше, чтобы было на что порадоваться!

Почтенная публика так дружно заржала, как будто отродясь не слыхала ничего более остроумного. Компания подмастерьев засвистела, и один из них запустил в девушку помидором... он попал ей в плечо, оставив склизкий, противный след на изумрудном шелке, и смачно шмякнулся у ее ног.

И в этот самый момент Амариллис с восторгом поняла, что хочет отчаяться и заплакать – но не может! Вместо испуга ее охватила ярость, кровь вскипела как ядовитое варево в ведьмином котле; она была в том состоянии, когда легко убивают голыми руками.

Резкое движение кисти – и кристалл, словно поперхнувшись, обрывает тихую прелесть мелодии; еще движение – и чуть не порванная накидка летит на пол, а вслед за нею и парик... и стремительно нагнувшаяся девушка поднимает с полу помидор и с размаху швыряет его обратно в зал.

Стойка!.. Одна нога на носке держит тело, другая согнута в колене, словно готовясь пнуть, руки вытянуты в стороны, пальцы скрючены и вот-вот выпустят когти, короткие пряди взъерошенных волос похожи на иглы, а на лице хищная улыбка дикой кошки, и наконец-то дождавшиеся своего часа – клычки во всей красе! Пауза!.. Амариллис застыла, как пума перед прыжком, зачаровывая и угрожая. Хвала неведомому мастеру, Хранитель мелодий не подвел ее: выждав ровно столько, сколько нужно, он рявкнул начало разухабистой воинственной песни орков. Девушка, подпрыгнув, приземлилась на разведенные и согнутые в коленях ноги, выкинула вперед руки, словно вцепляясь жертве в горло... и начала танцевать. Она не знала, из каких глубин памяти крови всплыли эти движения – резкие, нарочито грубые, подобные замаху для смертельного удара, эти вывернутые колени, вихляющиеся бедра, бьющие, швыряющие руки и боевой оскал; она не знала, что танцует как орчиха-шаманка, призывающая победу для воинов племени. И тут один из сидевших в оцепеневшем зале орков запел:

Бей! Режь! Смейся! Рычи!
Кто остановит наши мечи?!
Смейся! Рычи! Режь! Бей!
Чашу вражеской крови испей!

После первых же слов к его хриплому голосу присоединились и другие орки, они самозабвенно орали песню воинов, отбивая такт подкованными сапожищами; гремел барабан, ухали какие-то гулкие трубы, и даже лязгало железо – кристалл Амариллис побагровел и заметно вибрировал.

–Клянусь бородой Вседержителя, я не учила ее ничему такому! Откуда же все это?! – шептала изумленная Эниджа, сидевшая в глубине зала рядом с аш–Шудахом. Стол перед нею был усеян крошками – волнуясь и переживая за обреченную на провал ученицу, она извела целую лепешку.

–Память крови. Однако она оказалась сильнее, чем я предполагал, – маг, не отрываясь, смотрел на танец-битву Амариллис. – Как она их держит... по одному ее слову они пойдут хоть в Арр-Мурра.

В этот миг девушка в последний раз взлетела в воздух и, приземлившись на самом краю сцены, замерла, как вонзившаяся в цель отравленная стрела. Музыка и пение оборвались, и тут же их сменил оглушительный рев восторга. А танцовщица, вместо традиционного изящного поклона, послала зрителям непристойный жест, впрочем, вполне их достойный и встреченный ими с восторгом. Один из орков, судя по всему – глава их отряда, с зеленовато–сизыми от старости волосами и двумя параллельными шрамами, пересекающими смуглую морщинистую щеку от уголка рта до виска встал, подошел к сцене и подал Амариллис руку, приглашая присоединиться к его – да и ее отчасти – соплеменникам. И девушка, вместо того, чтобы

с визгом убежать за линялый занавес, легко спрыгнула со сцены и уселась на придвинутый ей стул.

–Молодец, кровница, не подвела, – и орк протянул Амариллис небольшой бокал, в который налил что-то из видавшей виды походной фляжки, – ну, с боевым крещением!

Она, не раздумывая, залпом выпила предложенный напиток (по вкусу схожий с горящей можжевеловой веткой), вытаращила глаза и свистяще выдохнула:

–Маа–шти истигболи укк–тха!!!

Сидящие за столом орки одобрительно засмеялись, демонстрируя белоснежные, влажно поблескивающие клыки, а один из них, с массивной серьгой в ухе, поинтересовался:

–Дед или прадед? Что не бабка, это понятно – бабка за такие слова тебе бы рот щелоком намыла; а дед наверняка еще и нарочно подучивал. А, как?

–Ага, именно так. Только от прабабки мне все равно один раз влетело...

–Значит, прадед...

–Ага... А знаете, у него татуировка была почти как у вас, только не черная, а зеленая. Его звали Судри, – и Амариллис лучезарно улыбнулась старому орку. От выпитого зелья у нее слегка шумело в ушах, перед глазами плыли огненные круги, и она изо всех сил старалась удержаться на стуле, совершенно не замечая, что ее – очень даже бережно для орков – придерживают за плечи.

–Ну что ж, правнучка Судри из лесного клана... возьми, на память о встрече, – и старик протянул ей кольцо, с трудом стянув его с мизинца – кольцо с прозрачным, гладким черным камнем, на котором была вырезана какая-то орочья руна.

Амариллис не помнила, как вернулась в школу. Ее встретили подруги, потерявшие всякое терпение и придумывающие причины ее долгого отсутствия – одна невероятнее другой. Когда они увидели Амариллис в одной тунике, без плаща и парика, взъерошенную и совершенно ошалевшую, лица их вытянулись... но когда прошедшая испытание, потрясая кулаками и подпрыгивая на месте, понесла абсолютную ахинею – но ахинею счастливую и торжествующую, все бросились ее обнимать, целовать, тормошить – даже сдержанная Ксилла. Не скоро девушки улеглись спать, слишком многое хотелось им услышать и понять. И все же наконец они разошлись по своим постелям и угомонились.

Уже под утро Муна проснулась от холода (во сне она часто сбрасывала с себя одеяло, а северная привычка спать, укутавшись по уши, срабатывала даже в жарком Шаммахе). Девушка привстала на кровати, поднимая свалившееся на пол покрывало, и случайно глянула в сторону спящей Амариллис. И оторопела. Ибо у изголовья танцовщицы стоял высоченный, широкоплечий старик-орк, с зеленой татуировкой вокруг золотых глаз. Вот

он наклонился, ласково погладил спящую Амариллис по голове, выпрямился... и, поймав взгляд изумленной Муны, подмигнул ей и приложил палец к губам. И исчез.

После испытания девушки провели в школе еще год. Этого времени оказалось вполне достаточно, чтобы они исправили свои ошибки, научились тем необходимым премудростям, о которых раньше и не подозревали (например, тому, как усмирять не в меру ретивых поклонников) и каждая из них смогла, наконец, осознать свою истинную силу.

В день расставания госпожа Эниджа собрала их в нижнем зале. Все выглядело так, словно они пришли на вечерние занятия, только вот в спальне девушек уже ждали сложенные дорожные сундучки, а их покрасневшие носы и припухшие веки свидетельствовали о том, что все подушки придется как следует просушить на солнце. Они выстроились перед наставницей, похожие на коллекцию суртонских фарфоровых статуэток, ожидая ее напутствия.

–Вот и пришло это время, ученицы мои. Вы немало потрудились, дабы заслужить право именоваться танцовщицами Нимы, но теперь, какую бы вы ни выбрали стезю, каждое мановение вашей руки будет прославлять Сладчайшую Богиню. Довольно вы прятались от мира за храмовой стеной, пора вам померяться с ним силами. Гинивара... Ксилла... Амариллис... Муна... Лалик... мир перед вами – старый, видавший виды, опытный... удивите его, и он – ваш. И помните наше последнее правило – *на сцене может быть только одна танцовщица Нимы.*

Помолчав, госпожа Эниджа протянула руки к своим ученицам:

–Дайте я обниму вас, доченьки... вот так, всех сразу... пусть защитят вас длани Всемогущего, и клянусь его благоуханной бородой, если вы сейчас же не прекратите реветь, то будете приседать до упада!

Они разъезжались кто куда. Ксилла – домой, в Иссу, чтобы стать драгоценной игрушкой в императорской Жасминовой Беседке; Гинивару ожидало сумрачное великолепие храма Калима; Лалик с нескрываемой радостью возвращалась в объятия ан-Нумана; Муна же собиралась начать свою карьеру танцовщицы в труппе королевского театра Арзахеля. Амариллис предстояло вернуться в дом аш-Шудаха.

Глава четвертая. Дети Лимпэнг-Танга (продолжение)

–Амариллис, с тех пор, как ты вернулась из школы Нимы, ты стала чересчур часто задумываться! Можно подумать, что ты обучалась в какой-нибудь философской мыслильне... Может, партию в махшит?

–Не–а, не хочу. Знаешь, братец Арколь, ведь совсем недавно я думала о том же самом... ну, о том, что же мне делать дальше. Тогда матушке Тилите удалось пристроить меня в горничные, и это казалось такой удачей! Слушай, может порекомендуешь меня кому-нибудь из своих прелестниц?

–Не понимаю тебя, сестренка. Тебе что, плохо здесь? Но даже если ты заскучала и желаешь поблестеть на публике, тебе достаточно благосклонно кивнуть хозяину любого театра, и он приползет на коленках, держа в зубах цветочек из Арр-Мурра, только бы заполучить тебя на свою сцену! Что, разве не так?!

–А что толку? Все равно не отпустят...

Аш–Шудах, улыбаясь только ему ведомым мыслям, смотрел в большое, чуть волнистое зеркало – не на свое отражение, ибо его там не было, но на лицо спящего Арколя... несколько едва слышных слов – и на месте Арколя оказалась мирно почивающая Амариллис. Маг провел рукою над влажно поблескивающей поверхностью стекла, и лица юноши и девушки слились воедино, не соединяясь, но словно просвечивая сквозь друг друга. Вот вздрогнули черные брови Арколя, в сонном недоумении сойдясь к переносице, а вот показалась светлая прядь волос, лежащая на щеке Амариллис... Несколько минут аш-Шудах всматривался в это двойное отражение, затем, взяв из стоявшей одесную шкатулки щепоть порошка, похожего на золотистую пудру, которой шаммахитские модницы посыпали ресницы, высыпал себе на ладонь и, резко выдохнув, сдул ее прямо на зеркало. Блестящая пыльца с нежным звоном посыпалась на его волнистую поверхность и осела на ней; аш-Шудах снова улыбнулся и сказал, обращаясь к отраженным в позолоченном стекле:

–Смотрите...

Черные, отвесные скалы, несокрушимой стеной вздымающиеся из ярящегося моря... и узкий проход в этой самой природой созданной крепостной стене, опоясывающей одинокий остров... и корабль, ведомый искусным кормчим, танцующий на волнах между каменных клыков, торчащих из воды, а на веслах – одни лишь женщины, полуобнаженные, с ярко-синими волосами, заплетенными в недлинные косы. Одна из них поворачивается в сторону ищущего взгляда вещего зеркала, и спящие видят

яростно блестящие глаза, неукротимый, гордый рот никем не побежденной воительницы, вышедшей в открытое море на поиски приключений.

Серые каменные своды бесконечного коридора, мертвая утроба горы, и по ней бегут трое: мальчик, девочка и держащий их за руки старик... и эти же мальчик с девочкой, только повзрослевшие, летят сквозь пылающие кольца с трапеции на трапецию.

Молодая женщина, собирающая травы в плоскую плетеную корзину; лицо ее печально и ресницы еще не высохли от недавно пролитых слез. Рядом с нею пожилой мужчина, что-то горячо ей говорит, заметно волнуясь, а она в ужасе отшатывается от него, отталкивает готовые обнять ее руки.

Темнокожий беловолосый мужчина в жреческом одеянии спорит о чем-то с подобными себе священнослужителями... и он же, одетый в нищенские лохмотья, идет по пыльной дороге, палимый бешеным солнцем; непреклонно и горько сжаты губы, и в глазах – серый пепел отчаяния.

И вдруг эти разрозненные картинки, бестолковые, как и подобает сонным видениям, сменяет предельно четкий, *настоящий* пейзаж – стройные стволы золотистых сосен легким хороводом окружают лесное озеро, подобное дивной чаше в руках лесного духа. Нежная и сверкающая водная гладь, и вереницы облаков, отразившиеся в ней. Один берег – крутой, только кубарем катиться, зато другой – пологий, и там, между расступившимися деревьями, высится воздушно-легкий храм, к которому ведут широкие, белоснежные ступени. Внезапно чуткую лесную тишину разорвал мелодичный перезвон колокольчиков.

Амариллис вздрогнула и тихо застонала во сне; на другом конце дома Арколь так резко повернулся, что чуть было не свалился с кровати, его пальцы судорожно вцепились в шелковые простыни... но тот, кто направлял их сон, снова улыбнулся, что-то успокаивающе проговорил, легонько дунув на зарябившее было зеркало – и все успокоилось.

По ступеням храма спускался высокий, стройный юноша, его длинные волосы были заплетены во множество косичек, перевитых бесчисленными бубенцами; обнаженные узкие ступни легки и бесшумны, разворот плеч неожиданно широк, а лик – божественно прекрасен. Остановившись на последней ступени, юноша приложил правую руку к сердцу в знак приветствия и обратился к видевшим его во сне:

–Счастья и радости вам, слышащие меня – меня, Лимпэнг-Танга, бога шутов и артистов. Я призываю вас, ибо моя труппа не может быть полной без танцовщицы и того, кем ты сам захочешь стать, Арколь. Мы все ждем вас, – и в этот момент из храма вышли и встали рядом со своим богом те, кого только что сетями вещего сна ловил аш-Шудах.

–Поспешите, не позвольте мне заскучать без вас... – Лимпэнг-Танг улыбнулся широко и лукаво, как ребенок, встряхнул головой, рассыпая се-

ребристый звон, и после этого сонное видение Арколя и Амариллис стало таять, исчезать в колокольчиковом переплеске, словно утренний туман, убоявшийся жаркой ласки солнечных лучей.

А в своем покое аш–Шудах вздохнул с облегчением, провел по зеркалу сновидений шелковым расшитым платком, сметая золотистую пыльцу, и откинулся на спинку кресла. Он просидел в одиночестве не более пяти минут, когда на его плечо легла чья-то ладонь. Не оборачиваясь, маг накрыл ее своей рукою и сказал:

–Ты чересчур пунктуален для артистической натуры, брат мой, – и, встав, приветствовал пришедшего. Они дружески обнялись и от этого движения звонкие волосы младшего сводного брата аш-Шудаха раскатились серебристым смешком.

–Я несказанно польщен твоим доверием, братец, – удобно устроившись на низком диване, Лимпэнг–Танг с веселым любопытством смотрел на мага, – помнится, было время, когда ты мне и дохлой летучей мыши не поручил бы. А тут, смотрите-ка – лучший ученик, можно сказать, приемный сын, да и девушка тоже не простая. Ты уверен, что будешь доволен моим покровительством?

–Не знаю, Лимпэнг-Танг, – с усмешкой отвечал маг, – не знаю... Дохлую летучую мышь я бы тебе и сейчас не доверил, поскольку абсолютно уверен в том, что ты тут же подсунул бы это сокровище мне в шербет... или под подушку. Так что даже и не мечтай. А что касается моих детей – думаю, ты их не разочаруешь. Арколю пора отправляться в обязательное для каждого – пусть даже и очень талантливого – подмастерья странствие, а повозка бродячего театра послужит ему неплохой маскировкой.

–Но у меня уже есть мастер иллюзий! Лиусс отлично зарекомендовал себя... конечно, куда ему тягаться с твоим учеником – но даже ради тебя я не прогоню его.

–Разве я просил об этом? Не беспокойся, вряд ли Арколь захочет работать с магией бесплотных образов, его это не интересует. И роль он изберет себе другую, вот увидишь. Ну, а Амариллис... надеюсь, ты понимаешь, какой я делаю тебе подарок?

–Понимаю и безмерно тебе благодарен. Послушай, братец, а тебе не жаль отпускать ее?

–Так ты присмотришь за ними? – аш-Шудах явно не собирался отвечать на последний вопрос младшего брата.

–Да присмотрю, не переживай ты так! Может, я и не самый благовоспитанный бог в Обитаемом Мире, но детей своих обижать не позволю никому! И тебе в том числе... поэтому будь так добр, простись с Амариллис как-нибудь понежнее. Не учить же мне тебя, в самом деле!..

–Вот это верно. Спасибо тебе, Лимпэнг-Танг.

–Не за что, – вставая с дивана, ответил звонковолосый бог, – всегда пожалуйста.

Уже после того, как гость удалился так же неслышно и мгновенно, как и приходил, аш-Шудах заглянул в стоявшую на столике рядом с диваном резную хрустальную чашу с шербетом и с довольной улыбкой покачал головой – в чаше мирно плавала летучая мышь, невозмутимым презрением к миру подтверждая свою дохлость...

Утром наступившего дня магу не составило особого труда истолковать одинаковые сны, посетившие Арколя и Амариллис; перспектива попасть в храмовую труппу Лимпэнг-Танга вдохновила бы кого угодно. И точно так же Арколю не составило особого труда выбрать себе роль.

–Я думаю, что буду хорошим шутом, – и, опережая вопросы Амариллис, пояснил: – фокусы мне показывать уже как-то не к лицу, да и неинтересно, место воителя наверняка занято этой, синеволосой... акробат из меня некудышный, певец тоже не ахти. Так что придется тряхнуть стариной: в приюте мне частенько влетало за непочтительное насмешничанье. Конечно, если учитель не сочтет эту роль несоизмеримой с достоинством его ученика...

–Не сочтет, – ответил аш-Шудах.

Сборы в дорогу заняли весь день; все-таки будущим артистам предстояло немало проехать по дорогам Обитаемого Мира – через ничейные земли, мимо Маноры, к сосновым борам в предгорьях Безымянного Хребта; дорогу же в храм бога шутов им должен был указать сам Лимпэнг-Танг.

Амариллис, в последний раз проверив содержимое двух своих дорожных тюков (по привычке она все делала сама, неизменно приводя в священный ужас слуг аш-Шудаха), решила попрощаться с чудесным садом, который был так же обманчив и заманчив, как и глаза его создателя – на вид он был не больше обычного сада при богатом шаммахитском доме, на деле же в нем можно было запросто заблудиться. Девушка не спеша шла по узенькой тропке, петляющей, словно лесные речушки севера, между деревьями, иногда прикасаясь к теплой шершавой коре или вставая на цыпочки, чтобы понюхать вечерний цветок. Она полностью погрузилась в свои мысли и поэтому заметно вздрогнула, когда повернула за очередным изгибом дорожки и только что не споткнулась о сидящего на траве мага. Он же одним, воистину царственным, движением бровей прервав ее неуклюжие извинения, предложил ей присесть рядом.

–Опять предостерегать будете? – в который раз впадая от робости в дерзость, спросила Амариллис.

–Помолчи, дева, – вздохнул аш-Шудах, – для поддержания достойной беседы совершенно необязательно говорить, иногда достаточно только слушать.

Некоторое время они сидели в молчании, нарушаемом лишь приглушенными хлопками раскрывающихся цветов, да вздохами ветра в зеленой листве. Наконец, набравшись смелости, Амариллис снова решилась заговорить.

–Господин мой, если вы что-то хотите сказать мне, будьте снисходительны, скажите это словами, я ведь не Арколь, и в тишине расслышу не многое...

–Не называй меня так, Амариллис, ибо – на то была священная воля Вседержителя – твое сердце мне не принадлежит, и не перебивай. Ты отдала мне свое первое желание, но не сердце. Да помолчи же, дева. Ты слишком рано отвыкла слушаться старших; и боюсь, на тебя трудно будет найти управу...

Аш-Шудах протянул руку и коснулся волос Амариллис. Она бессознательно потянулась головой за его ладонью, словно ластящаяся кошка; подняла глаза и попыталась улыбнуться.

–Я, пожалуй, пойду...

–Ты боишься меня?

–Вот еще! – взорвалась Амариллис. – Очень надо! Вы же меня и пальцем не тронете, так чего мне бояться?! Разве только того, что я сойду с ума от скуки, пока вы тут медитировать будете... Хватит играть со мной, как сытый кот с неаппетитной мышью, жрать ведь все равно не собираетесь!!!

Уже через секунду после последнего выпаленного слова она оказалась на траве, распластанная волей аш-Шудаха как раздавленная лягушка. Она глянула в его лицо, нависающее над ней, подобно грозовой туче, и зажмурилась – молнии, вырывающиеся из «черных алмазов», вполне могли бы испепелить небольшой город.

–Ты, невоспитанная, бессовестная, неблагодарная, несносная девчонка! Видит небо, я хотел отпустить тебя с миром, но ты этого не заслуживаешь!..

Первые несколько дней пути девушка была непривычно молчаливой, но не печальной; ее спутник, догадываясь о происходившем в ее душе, не тревожил ее якобы развлекающими, а на самом деле любопытствующими разговорами, всеми силами ограждая ее покой. Когда они покидали пределы Шаммаха, миновав последние пограничные гарнизоны империи, Амариллис наконец-то отважилась заговорить, ни к кому, в общем-то, не обращаясь:

–Нет, я, конечно, подозревала о его могуществе, но даже и предположить не могла, что он в силах останавливать время...

Ехавший рядом Арколь только покачал головой:

–Я долгое время был его учеником, а с недавних пор – и помощником, и я абсолютно уверен в том, что ни истинного облика его, ни истинной его Силы мы не в состоянии постичь ни я, ни ты. Ты долго пробыла с ним?

–Не знаю. Кажется, неделю. А может быть пять минут. Не знаю. Однако долго же ты сдерживал любопытство, брат Арколь.

–Вообще-то это не мое дело... – и Арколь в смущении отвел глаза.

–Как это не твое?! Ты же мой названный брат! Старший, между прочим. Вот Фрон с Траем живо бы из меня все повытрясли, глядишь, и полегчало бы мне.

–Прости, я не думал, что вправе задавать тебе такие вопросы, боялся, ты обидишься.

–Не обижусь. Да и ничего такого, собственно говоря, я и не могу рассказать.

–Я знаю. И боялся, что именно это и смутит тебя. Так много усилий – и такой результат...

–Да уж... Лалик я бы наврала с три короба, чтобы не позориться, а тебе врать бесполезно, да и не хочу. Мне стыдно, Арколь. Какая же я дура все-таки... представляю, как я ему надоела своим ничтожеством, – и Амариллис крепко закусила нижнюю губу, снова погружаясь в молчание.

Они уже проехали изрядный кусок намеченного пути; по старому, содержащемуся в идеальном порядке торговому тракту, соединяющему Шаммах и Манору; теплым майским вечером танцовщица и шут въехали в Эрмеллино – один из пригородов Маноры, славящийся своими оливковыми рощами. Они решили остановиться на одном из гостеприимных, шумных постоялых дворов; у Арколя был удивительное чутье на безопасные места, не раз помогавшее им даже и в их на удивление спокойном странствии. На сей раз ему приглянулась «Услада Нальдино» – и путники попридержали коней; Арколь легко спрыгнул на землю, будто и не трясся весь день в седле, помог спуститься Амариллис и обратился к спешившему навстречу хозяину, Нальдино в четвертом поколении:

–Уважаемый, мы с раннего утра в дороге, надеюсь, у вас найдутся две смежные комнаты для меня и моей сестры?

–Найдутся, как не найтись, прекрасные комнаты, тихие, окнами в сад, никто не помешает благородным господам отдыхать, прошу вас, проходите!

Усталых коней увели в конюшню со строжайшим указанием вычистить, напоить, накормить – и все как следует, впрочем, конюх с такой любовью оглаживал холки чистокровных шаммахитских лошадей, что хозяйская строгость была необязательна. Оказавшись в доме, Амариллис, избалованная в школе Нимы, потребовала горячей воды и чистых полотенец, с наслаждением выкупалась в небольшой деревянной ванне, прислушиваясь к хихиканью и визгу, доносившимся из-за полуоткрытой двери – Арколь, по неизвестной причине заслуживший репутацию не то принца инкогнито, не то императорского посланника, вовсю этим пользовался. Не спускаясь в общую залу, они отужинали в комнате девушки и, собираясь как можно раньше утром отправиться в путь, улеглись спать.

Арколь проснулся с неясным ощущением тревоги. Не вскакивая и не суетясь, он прислушался: из соседней комнаты, где мирно посапывала его

названная сестра, доносился тихий, но отчетливый скрип – скрип половиц под многоопытной, но все же не эльфийской ногой. Когда Арколь понял, что шаги незваного гостя продвигаются в направлении кровати Амариллис, реакция последовала незамедлительно. Спустя пару секунд ночной посетитель, жалобно пискнув, замер, наслаждаясь приятным холодком шаммахитской стали у собственного горла. Одним жестом засветив свечу на прикроватном столике, Арколь не без иронии сказал:

–Добро пожаловать!.. Да проснись же ты, Амариллис! К тебе гость.

Амариллис, с трудом выкарабкиваясь из цепких объятий сладкого полуночного сна, присела на кровати и все еще слипающимися глазами уставилась на незадачливого воришку (или соблазнителя). Тот стоял не дыша, вытаращив и без того большущие глаза цвета незрелого крыжовника, и казалось, что даже огненно–рыжие пряди волос колышутся на его беспутной голове от ужаса.

–Умоляю! Погасите свет!

Он просипел эти слова задушенным, словно из-под подушки голосом, по–прежнему не осмеливаясь пошевелиться. Все еще недоумевая, Амариллис спросила:

–Вы что, окном ошиблись?

И тут со стороны конюшен раздался дикий рев.

–Лорка, погань ты этакая! Иди сюда, я тебе ноги оторву, кобель хренов! Ах ты паскуда рыжая, мать твою так-перетак... – а дальше пошло такое, что Арколь опустил кинжал и развернул гостя лицом к себе.

–Кто это столь высокого мнения о твоей персоне?

–Почтеннейший купец Альдобрандино, я-то думал, что он отстал, так нет ведь, выследил все-таки, старый хрен! Да погасите же вы свет!

А на дворе судя по нестихающей мощи рева давно и прочно рогатый мессир Альдобрандино сулил «рыжей харе» много чего хорошего, всполошил уже спавших слуг, разбудил постояльцев – словом, весь дом поставил на ноги. В саду замелькали факельные огни, в коридорах затопали, послышались чьи-то визги...

–Быстро! – и рыжий незнакомец схватил Арколя за руку. – Бежим отсюда! Пока он там надсаживается, успеем добежать до конюшен!

И странное дело – вместо того, чтобы выставить зеленоглазого любовничка за дверь, прямиком в объятия правосудия, Арколь и Амариллис, не сговариваясь, бросились переодеваться; ученик аш-Шудаха, отвесив добротный подзатыльник возмутителю спокойствия, засмотревшемуся на Амариллис, пихнул ему в руки один из дорожных тюков, другой схватил сам, и все трое выбрались в коридор. Немного потолкавшись с обитателями переполошенной «Услады Нальдини», они оказались во дворе, в общей суматохе пробежали к конюшне, где их ожидал неприятный сюрприз. Кони шута и танцовщицы мирно стояли в стойлах, у самого входа нетерпеливо переступал с ноги на ногу великолепный серебристый жеребец – а рядом

с ним так же нетерпеливо переминался верзила с пудовыми кулачищами и головой со среднюю репку. Голова у старого хрыча Альдобрандино еще соображала.

Увидев сие небесное видение, рыжий резко затормозил и вознамерился укрыться в доме. Увы! достопочтенный купец, успев побывать в комнате, в которой всегда останавливалась его жена, возвращаясь от замужней сестрицы, и убедившись, что супруги там, по непонятной причине, нет (ее задержало на лишний день обычное расстройство желудка), решил хотя бы наполовину добиться своего. И в эту самую минуту он, во главе небольшого отряда улюлюкающих слуг, приближался к конюшне.

Несчастный любовник заметался как заяц в западне, Амариллис, не принимая во внимание обстоятельства, помирала со смеху... положение спас Арколь.

За простейшим заклинанием быстрого сна последовал взмах длинных пальцев, сплетенных в магическом жесте – и почетный караул у конюшни был снят. Они взлетели в седла, разом дали шпоры... и решились передохнуть, лишь когда Эрмеллино был далеко за спиной. Путники остановились и, насколько позволял лунный свет, оглядели друг друга – рыжий мертвой хваткой прижимает к себе дорожный тючок, глаза–крыжовины таращатся с бледного лица, обрамленного холеной бородкой, Амариллис, взъерошенная, в криво-накосо застегнутой куртке (покинув Шаммах, она, несмотря на уговоры Арколя, предпочла южным одеяниям более практичные северные), и Арколь, в завлекательно распахнутой на груди рубашке, торчащей белым ухом из расстегнувшихся штанов... Спустя мгновение все трое дружно хохотали. Отсмеявшись, рыжий галантно поклонился нежданным спутникам, наконец-то получив возможность представиться:

–Ваш покорный слуга, Лорка Аригетто Гвардастаньо деи Верджеллези ди Сигинольфо, седьмой – и младший сын графа Манарди да Бреттиноро из Арзахеля!

–Ничего себе имечко!.. – восхитилась Амариллис, – Слушай, пока тебя к обеду зовут, жаркое не остывает? А если ты в колодец упадешь? Представляю: бежит кто-нибудь за помощью и орет: «Спасите! Помогите! Мессир Лорка Аригетто Гварилези...»

–Гвардастаньо. И прекрати придираться к чужому имени, это невежливо, – прервал ее Арколь.

–Конечно, лезть к девице ночью в окно куда как вежливее, – ехидно согласилась Амариллис, – и я не придираюсь, я просто беспокоюсь. А ну как колодец будет глубоким? Что тогда?

–Тогда будет вполне достаточно «рыжей отравы», – ухмыльнулся в ответ Лорка, – простите, но кто вы, оказавшие мне столь высокую честь, приняв в свое общество?

–Я – Арколь, а эта благовоспитанная девица – моя сестра Амариллис. Мы направляемся в храм Лимпэнг-Танга, дабы присоединиться к храмовой труппе.

–И в каком же качестве, позвольте полюбопытствовать?

–Амариллис – танцовщица, она обучалась в школе Нимы, а я – шут.

–Школа Нимы? да-а-а... повезло храмовой труппе. Но ты не похож на шута, мессир Арколь.

–Послушайте, – вмешалась в разговор Амариллис, – мы собирались выехать из Эрмеллино пораньше – не настолько, конечно, но что уж теперь... так давайте поедем наконец, что попусту на дороге стоять. Успеете наговориться, путь неблизкий.

–Благодарствую, но являться к богу вот так запросто, без приглашения – на это даже моей наглости не хватит, – с заметным огорчением ответил Лорка.

–Не скромничай, рыжая отрава, – услышав этот голос, путники как по команде повернули головы и увидели сидящего на межевом камне Лимпэнг-Танга; над головою бога мерцал целый рой светлячков.

–Смирение тебе не к лицу, паршивая овца из стада Бреттиноро. Судя по тому, как ты лазаешь в окна замужних дам, а потом удираешь по крышам, так из тебя может получиться неплохой акробат. Но мне ты нужен как вольтижер. Пока. А там посмотрим, может, Шонно и согласится поделиться своими секретами. Поспешите, дети мои, ибо я уже начинаю скучать.

Остаток ночи они провели в дороге, потом остановились в какой-то деревушке, несколько часов отсыпались на сеновале, и, наскоро поев, снова отправились в путь.

Когда до сосновых боров близ Безымянного Хребта оставался день-другой пути, их нагнали уже знакомый по вещему сну Лиусс и какой-то незнакомый юноша – северянин богатырского сложения. Как пояснил по дороге фокусник, это был Орсон, будущий силач труппы; бывший подмастерье кузнеца ухитрялся во время работы выстукивать тяжеленным кузнечным молотом медно–звонкие мелодии, чем и приглянулся Лимпэнг-Тангу. Путь они продолжали уже впятером, обсуждая обстоятельства своего призвания и пытаясь строить планы.

Трень–и–брень и динь–дилень!
Прочь с дороги, ночи тень!
В ухе – пара колоколец
Благовестят новый день!

Дадли–ди и дидли–да!
Нам и горе – не беда!
Раскрывай глаза пошире –
Мы – артисты хоть куда!

Динь–дилень и трень–и–брень!
Как скучать-то вам не лень?!
Ну-ка, жизнь, давай вприпрыжку,
Наизнанку, набекрень!

Дидли–да и дадли–ди!
Сердце – мячиком в груди!
Мы за радостью поедем
Хоть по Млечному Пути!

.

Динь–ди–да и трилли–ли!
Мы на сцене – короли!
В нашей власти – смех и слезы,
Лучше – нету на земли!

Трень–и–брень и динь–дилень!
Прочь с дороги, ночи тень!
В ухе – пара колоколец
Благовестят новый день!..

Когда они покидали храм Лимпэнг-Танга, отправляясь в свое первое путешествие, эту песенку, ставшую вскоре их гимном, горланил ее сочинитель – Лорка. Его спутники только диву давались: и когда это он все успевает? За несколько дней, проведенных в храме, он успел подкатить к Рецине и получить от нее изрядную взбучку, переключился на Криоллу – и был за шкирку вытащен из девушкиной комнаты ее разъяренным братом... После этого ему пригрозили отлучением от труппы, и взяли с него честное благородное слово, что спутниц своих он оставит в покое, отдыхая в их обществе только душой, тело же предоставит в распоряжение поклонниц.

Для легкомысленного бога Лимпэнг-Танг оказался даже чересчур предусмотрителен. Все, что могло понадобиться его артистам на первых порах – будь то посуда или костюмы, одеяла или сценический реквизит, сундук с приспособлениями для примитивной иллюзионной магии или провизия – все уже было сложено в две добротные повозки, запряженные парой выносливых коней. Вот чего он не дал своим детям вовсе – так это денег («Не мое дело» – так он выразился о финансах); зато вручил лично Лиуссу здоровенный короб с семейством чистокровных нильгайских глузд: трехметровых змей с шипастыми гребнями, обладающих гипнотическими способностями и ядовитых, отныне они должны были защищать повозки артистов во время вынужденных ночных стоянок, а также охранять театральную кассу и ценное имущество (которые, впрочем, еще предстояло нажить).

Что касается первоначального репертуара, то здесь Лимпэнг-Танг оказался весьма суровым критиком, да оно и понятно – второй возмож-

ности произвести первое впечатление у его труппы не будет, поэтому ей предстояло сразу же вцепиться публике в горло мертвой хваткой, дабы не отпускать ее до конца времен. Головокружительные полеты Шонно и Криоллы на сотворенных для них трапециях капризного бога не впечатлили; акробаты несколько приуныли, пока Шонно не вспомнил о придуманном им почти год назад номере, который отверг распорядитель иремского цирка. Брат и сестра облачились в привезенные с собою костюмы, имитирующие расцветку хищных кошек и словно обливающие тело от головы до пят, с помощью Орсона и Лиусса соорудили простую трапецию с несколькими свободно свисающими веревками и принялись выделывать такое, что скучающе посвистывающий Лимпэнг-Танг вытаращился на них, словно уличный мальчишка, и не поскупился на похвалы. Рецина получила высочайшее одобрение после того, как патрон соизволил скрестить с нею серпы смерти; Лиусс, Лорка и Орсон тоже пришлись ко двору. Арколь, как всегда невозмутимый, изобразил для собравшихся «Утро Властителя Шаммаха», заставив их хохотать до колик. И уже поздним вечером, когда на ступенях храма зажглось пламя светильников, согревающее все еще холодную темноту весенней ночи, пришел черед Веноны и Амариллис, одной – петь, другой – танцевать. Надо сказать, что поначалу Амариллис, привыкшей к своему Хранителю мелодий, участие певицы показалось лишним, однако спорить с богом она не решилась. И правильно сделала. Потому что низкий, бархатных голос травницы (каковой была Венона до призвания) сыграл для ее танца роль драгоценной оправы. Насладившись лицезрением искусства своих избранников, Лимпэнг-Танг отметил каждого из них знаком божественного признания и покровительства – отцепив со своих косичек восемь пар колокольчиков, он продел их артистам в левое ухо. На следующее утро после этой церемонии его храмовая труппа отправилась удивлять мир.

Глава пятая. Подарочек

На привал они остановились уже после полудня, укрывшись от зноя в легком, кружевном перелеске, в стороне от дороги. Лорка распряг лошадей – и верховых, и тягловых – и пустил их попастись на воле; со всех трех повозок (третью приобрели совсем недавно, для Веноны и Лиусса) сняли тенты, чтобы проветрить и просушить постели. Поскольку сегодня служить очагу должны были Шонно с сестрой, артисты, с нетерпением принюхиваясь, ждали на обед суртонский плов с курицей и красными сливами; Амариллис помогала Веноне развешивать на перекладинах для тентов пучки собранных ранним утром трав. Вот уже полгода танцовщица терпеливо штудировала толстенный фолиант «Великого флорария», на который она потратила в книжной лавке почти весь свой месячный заработок; Венона же, видя ее искренний интерес и неиссякающее усердие, помогала ей разбирать особо сложные места и даже делилась своими собственными секретами.

–Смотри, Ами, вот эта ромашка никуда не годится, можешь скормить ее жеребчику Лорки.

–Но почему? чем она хуже вот этой?

–Запомни, целебными свойствами обладает только та ромашка, у которой головки цветков в разрезе пустые... видишь? А теперь повтори, что я тебе говорила вчера о способностях этого цветочка.

–М–м–м... ромашка пригодна для полосканий при воспаленном горле и сухом кашле, справляется с желудочными судорогами, отлично изгоняет сыпи и воспаления на коже, устраняет зуд. Ее отваром хорошо умываться девочкам-подросткам, и мыть младенцев. Правильно?

–Правильно. А вот это зверобой... какой хороший! Давай-ка завтра наберем побольше одних цветочков, да сделаем масло, чтобы растирать ваши вывихи и синяки. Нет-нет, не вешай тысячелистник на солнце, иначе он утратит всю силу! Его сушат в тени, а хранят в темноте.

–А используют как?

–Заваривают как чай, делают отвар для ванн. Это отличное противосудорожное средство, может даже остановить выкидыш, поскольку одновременно и расслабляет и укрепляет мышцы.

–А моя бабка называла его молокогон, поила всех молодок в семье, такой-то горечью! – сказал, застенчиво улыбаясь, подошедший поближе Орсон.

–И была совершенно права! Вон ты какой верзила вымахал! – улыбнулась Венона.

–А я тоже такие цветочки видел. Помнится, еще удивился: такие невзрачные, а туда же, в графские покои влезли. Графиня Настаджо их на белом вине настаивала... сама пила, но мне не предлагала, – к разговору присоединился и Лорка.

–Ну еще бы, – и травница смерила его насмешливым взглядом, – тебе ведь не грозила опасность народить графу наследника с волосенками цвета морковки! Кстати, Ами, запомни этот старый арзахельский рецепт: на одну малую бутыль белого вина – две пригоршни цветов тысячелистника, настаивать не менее пяти дней. Пить по утрам, натощак, по маленькой чашечке.

–А сколько времени пить?

–Да сколько будет нужно. После того, как настойка закончится, нужно сделать перерыв на три недели, действие ее в это время сохраняется.

–Понятно. А вот эти букетики куда вешать?

–О, вот с этими букетиками поосторожнее. Давай повесим их в тени, на ветерке... так, а из каких трав мы их сделали?

–Ну... из полыни – запах ни с чем не спутаешь, эти фиолетовые цветочки – это шалфей, это мята – душистая! А еще дудник и бальзамин.

–Верно. Когда будем проезжать через цветочные луга Каджи, соберем чабрец и майоран, ближе к Эригону постараемся найти розмарин, а в городе купим хизоп, в этих краях он не растет. Собранные травы смешаем, засыпем в большую бутыль и зальем орчатской можжевеловой водкой.

–Ага, а потом выльем в канаву.

–Не спеши. Настой полмесяца выдерживают в теплом месте, фильтруют и разливают по бутылочкам. И одна маленькая ложечка натощак может прогнать глистов – за один прием!.., лечит все болезни желудка, прекращает гниение пищи в кишечнике, помогает даже при тяжелых отравлениях – в том числе и ядами... Что, стоит постараться?

–Стоит. Глисты на юге – как ревматизм на севере.

В этот момент их незастольный разговор был прерван призывом акробата уделить должное внимание его стряпне; дважды просить не пришлось никого, а вот добавки, как всегда, не хватило. После обеда бросили жребий, кому мыть посуду. Лорка – тоже как всегда – смухлевал, его поймали и отправили на берег недальней речушки с котлом и мисками искупать вину. Когда же солнечные лучи стали заметно мягче и немного посвежел воздух, артисты вновь тронулись в путь.

Верхом ехали только Лорка и Рецина, остальные устроились в повозках, раскрытых по-прежнему. Разговор вертелся вокруг предстоящих выступлений в Эригоне и периодически возвращался к событиям в замке Гэлвинов, теперь уже недельной давности. Рецина отпускала рискованные шуточки по поводу панического бегства силача Орсона из замка сразу же после окончания праздника – к бедняге с самого начала праздников приставал некий одайнский вельможа с сомнительной репутацией, одним видом своих напомаженных локонов доводя его до паники... Синеволосая амазонка сначала советовала Орсону в другой раз как следует отхлестать прилипалу вожжами, а потом посадить его голым задом в муравейник, и тут же выражала сомнение, не воспримет ли тот такие действия как изысканный способ порочного наслаждения. Орсон только отплевывался.

Лорка, от мытья посуды несколько посмурневший, вступил в разговор не сразу и, возможно, поэтому его вопрос обратил на себя общее внимание.

–Да, я так и не понял, что это за высокородная сосулька выручила Амариллис? Что, очередной эльфийский поклонник?

–Вроде того, – ответил Арколь.

–Ничего себе... Ах вот оно что... а я-то думал, откуда это ты такая встрепанная вернулась... Я ведь тебя не намного опередил, уж очень занятные у господина барона племяшки оказались. Ну и как он тебе?

–Слушай, ты, рыжая отрава, – и Амариллис повернулась лицом к вопрошавшему – если не отстанешь, я попрошу Рецину, и мы вместе посадим тебя в короб к глуздам. Они с удовольствием послушают про бароновых племяшек.

–Что, неужели все так серьезно? – ничуть не смутившись, спросил Лорка.

Ответа не последовало.

–Так я и думал, – и, ловко увернувшись от нацеленного ему в голову яблока, неутомимый искатель приключений на рыжую голову добавил: – Эй, я рад за тебя, плясунья...

Поздним вечером, почти ночью труппа остановилась на ночлег. За околицей одной из еще одайнских деревень (восточная граница княжества проходила как раз по берегу Каджи, до которого собирались добраться не позднее чем через три дня) оказался большущий фруктовый сад; быстро поладив со сторожем при помощи фляги вина да пары–тройки позвякивающих металлических кружочков, Лиусс настойчиво посоветовал всем укладываться спать, выпустил из короба соскучившихся глузд и отправился в свой возок.

День был жарким, артисты приустали и поэтому вскоре все – даже Лорка – мирно почивали. Все, кроме названных брата и сестры.

Арколь сидел на толстой войлочной подстилке, по неискоренимой шаммахитской привычке скрестив ноги и свесив кисти рук с колен, Амариллис устроилась рядом. Они сидели молча, изредка встречаясь взглядами и явно не зная, с чего начать разговор. Первым не выдержал Арколь.

–Помнится, ты как-то сказала, что на правах старшего брата я могу спрашивать тебя о делах сердечных. Кажется, это именно такой случай. Что произошло, Амариллис? Ты не без изящества отвела нам глаза, в красках рассказав о подлости Ливайны – клянусь дланями Вседержителя, при первой же встрече я заставлю ее шлепнуться в самую глубокую и грязную лужу! Поступок лорда Лотломиэль был действительно красив, хоть картину пиши... поэтому никто не удивился тому, что для выражения благодарности тебе понадобилась целая ночь.

–Тогда в чем же дело?

–А вот в чем. Во-первых, в следующий раз предупреждай, хоть как-нибудь. На этот раз вслед за тобою в замок отправился Лорка, не миновав

все того же мажордома и не забыв послать мне весточку. Иначе я бы решил, что с тобой опять сводят старые счеты ревнивые дамы и не стал бы мешать Орсону разнести все великолепие Гэлвинов к растакой-то матери, как он выражается. И тебе бы все испортили, и хозяина бы потревожили. А во-вторых, если я рядом, необязательно пить венонину горчуху, она может спровоцировать сильное кровотечение.

–Ты что, и этому учился?!

–Представь себе, да. Учитель настоял на полном курсе медицины... как всегда, не зря.

–Хорошо, брат Арколь, – немного помолчав, серьезно сказала Амариллис, – твои советы приняты. Это все?

–Нет, не все. Лорка, конечно, болван («Сам ты болван» – подумал про себя младший Бреттиноро, вовсе не думавший спать и навостривший уши с самого начала разговора брата и сестры) и несносный остолоп, греющий уши чужими словами (покрасневший как спелый южный помидор, Лорка высунулся из возка и, сказав, что нечего разводить душещипательные беседы возле пытающихся уснуть сотоварищей, плюхнулся на свое место и накрыл голову подушкой, твердо решив не услышать более ни слова) – но ведь он прав, Амариллис. («Еще бы не прав» – пробурчал себе под нос вольтижер...) Мне показалось, что вы встречались и до выступления.

–Если это можно назвать встречей, то да. Помнишь, в последний день выступлений я уходила на Быстрицу, простирнуть бельишко? Так он как раз тогда возвращался в свои благословенные леса, собрался переходить речку, а мне пыльца... ну, в общем, я чихнула.

–Клянусь каменными клыками Краглы, хотел бы я это видеть! Он принял тебя за лешего?

–Да ну тебя. Он поскользнулся от неожиданности и свалился в воду.

–Постой, попробую догадаться, что было дальше. Ты не упустила возможности повеселиться на его счет и принялась распевать свои глумливые песенки.

–Угадал. Он тогда страшно разозлился, пришпилил меня стрелой за рукав к иве... идет, весь мокрый, с волос вода ручьями, и так спокойненько сулит мне трепку. Только потом почему-то передумал и полез целоваться. Нахал остроухий.

–Эй, поосторожнее насчет ушей, – и Арколь погрозил сестре кулаком.

–Ну вот. Я сначала, конечно, изумилась – их светлости нас обычно за ровню не держат, а у меня еще и прадедова темная кровь вылезла – чего это он, с ума сошел, что ли?! От холодной воды в голове помутилось?! А потом... Знаешь, Арколь, пока он меня целовал, я простила жизни все – и свою половинку Свияра, и маму с папой, и братьев, и мерзкий трюм, и пиратские щупанья, и страх, и боль, и все, все… Однажды аш-Шудах сказал мне, что судьба не любит быть в долгу и всегда расплачивается... и не скупится.

Помолчав, девушка продолжила:

–Да, потом я удрала, как нашкодивший подросток. Представь, каково мне было увидеть его среди гостей барона, я думала, сбегу куда-нибудь... Ах, Арколь, я хотела бы забыть всю эту историю, будто и не было ничего («Ишь, чего захотела!..» – уже сквозь сон подумал Лорка) Ну зачем мне все это?! Эльф, да еще из высокородных, лорд Цветущих Сумерек... и я – танцовщица самого Лимпэнг-Танга, ученица Нимы! Да на что он мне сдался?! Вот был бы наследным принцем, тогда я, может, и подумала бы («Вот это правильно. Выше нос, плясунья!» – с последним зевком вылетело из наконец-то уснувшего вольтижера). Все, братец, не хочу я больше говорить об этом. Спать пора, я с Веноной договорилась с утра чабрец пособирать. Все. Было, и прошло.

Амариллис поднялась, потянулась, и направилась к «девчоночьему домику». И уже вслед ей Арколь сказал:

–Хочешь ты этого или нет, сестра моя Амариллис, но теперь тебе придется считаться со своим сердцем.

Как и ожидалось, спустя три неполных дня дети Лимпэнг–Танга добрались до Каджи; здесь, на равнинах Одайна она заметно отличалась от той бесноватой реки, какую помнила Амариллис – порастратив по пути свой пыл, она разливалась широко и лениво, принимая в свое лоно воды множества ручьев и речушек вроде Быстрицы. Паромные переправы и почти все судоходство на Кадже принадлежали цвергам, не зря же исток реки находился чуть ли не посредине Тархины – их столицы, великолепного скального града.

День уже начинал клониться к вечеру, но Лиусс предпочел немного переплатить пожилому седоусому цвергу, распоряжавшемуся на пароме, и заночевать уже по ту сторону одайнских земель, на каком-нибудь приличном постоялом дворе, а если такой не встретится, остаться на ночь под открытым небом и под надежной защитой глузд. Лучше уж так, шепнула ему его жена, чем провести остаток дня, созерцая вальяжное течение Каджи, ночевать возле паромной пристани, и видеть, как тускнеют глаза Амариллис, и заранее готовить ей снотворное, и окуривать «девчоночий домик» черным шиповником, отгоняющим кошмары...

Погрузив все свое движимое имущество на широченный паром (что удалось, как всегда, исключительно быстро, благодаря удивительному взаимопониманию между рыжим вольтижером и лошадями), артисты устроились кто где, всецело доверяя искусству цвергов. Амариллис, решившая не обращать внимания ни на заманчивое предложение Криоллы разобрать сундуки с нарядами (надоевшее – подарить девчушкам в первой попавшейся деревне, и приготовиться к великолепию базаров Эригона, составив два списка – того, что действительно необходимо, и того, что очень хочется... первый список, как правило терялся, и потом с ним по лавкам ходили их братья), и уж тем более – на противную дрожь в животе и подступающую

к сердцу глухую тоску, прошлась пару раз вдоль борта парома и остановилась, стараясь не глядеть по сторонам.

–Прошу прощения за беспокойство, милая леди, но не позволите ли вы мне спросить вас об этом вот колечке? – совсем еще молодой цверг, с усами чуть-чуть пониже уголков рта, стоял рядом с танцовщицей и поглядывал на ее правую руку, на среднем пальце которой было надето кольцо, когда-то подаренное Амариллис орчатским старейшиной. Так же, как и с Хранителем мелодий, она не расставалась с ним никогда.

–А... что? – не сразу сообразила девушка.

–Да уж не сочтите за грубость, но откуда у вас это кольцо? – и цверг искательно заглянул в глаза Амариллис.

–Это подарок. За первое мое выступление.

–А кто вам его подарил?

–Эй, ты, гномова подтирка, оставь леди в покое! – незаметно подошедший капитан отвесил юноше изрядную затрещину, – Что, не видишь, ихи лошади опять насра... извиняйте, леди... короче, я, что ли, за тебя подбирать это добро буду?! Пшел прочь!..

И, напутствовав любопытного пинком, капитан доверительно обратился к танцовщице:

–Вы уж не серчайте, леди, простите за беспокойство.

–Да какое там беспокойство... Хотя странно, цверг – и заинтересовался камнем. Насколько я знаю, вы занимаетесь исключительно металлами.

–Это верно, – капитан сопнул носом и напыжился от гордости, – цверги – исстари хозяева жил, рудою богатых, звонкозвенящих металлов, в жарком горниле рожденных, хранители древних секретов, тех, что кроме нас, знают лишь молот да наковальня...

–А гномам вы что оставили? – поинтересовалась сидящая поодаль на палубе Рецина, – Торговлишкой пробавляться?

–Гномы для бабских побрякушек камушки ищут, пылью гранильной дышат, да на денежных мешках сидят, ростовщики треклятые! – и капитан с нарочитым презрением сплюнул за борт.

–Понятно. А чем вам этот парнишка не угодил? – спросила Амариллис, не любившая недоговоренностей.

–Хе... если б он только мне не угодил! Он ведь гномов выкормыш, именно так. Малым робятенком попал к длиннобородым, семья, знать, бездетная была, вот и польстились на этого... то ли украденного, то ли в рабстве рожденного. А как старшой-то там помер, родственнички его и отправили восвояси, катись, мол, горошком... Не, мы его честь честью приняли, к семье работящей приписали, одежонку, инструмент какой–никакой справили. А он? Знали бы вы, что он нам вместо благодарности выдал!

–Неужто обокрал кого? – невозмутимо протянула Рецина.

–Ну, если б так, он бы счас дерьмо одной рукой собирал. Не, он вместо того, чтобы делу учиться, да пользу семье приносить, за старое принялся –

камешки гранить, узоры каки-то из проволок плести, деревца выделывать со слюдяными листиками... тьфу! порченый, одно слово. И ведь не дурак же, не бездарь – как сядет над своей наковаленкой, откуда что берется, и усердие, и терпение, а в кузню придет – как подменят его: то молот мастеру на ногу уронит, то ошпарит кого... Уж мы и пороли его, и добром уговаривали – все попусту. Не, вы гляньте на него! – и капитан вытянул короткий толстый палец в сторону.

Паренек, прибрав на палубе, уселся неподалеку и усердно гнул блестящую проволоку, оформляя контуры какой-то фигуры.

–Вот блажной-то! Неймется ему! И за что мне этакая морока...

–Да ладно вам, капитан, – и Амариллис постаралась улыбнуться послаще, – пусть его забавляется.

Когда восточный берег Каджи уже заметно приблизился, к короткоусому цвергу подошла Рецина. Глядя куда-то вдаль, она невзначай поинтересовалась:

–Что, сильно они тебя пороли?

–Да уж как умели... – и паренек виновато улыбнулся.

–А почему тебе колечко Амариллис глянулось?

–Да как же, госпожа... это ж алмаз темной крови, редчайший камень! – юноша даже покраснел от волнения, – я такой только раз видел, и то не в продаже! Откуда их орки берут – никто не знает, а они и за золотые горы не скажут.

–И что ж в нем такого? камень как камень, ничего особенного...

–Что вы! Это истинная драгоценность! Алмаз темной крови хранит своего хозяина от смерти в бою... я еще удивился, почему его девушка носит... предупреждает о предательстве, придает сил уставшему. А еще я слышал, что есть легенда, будто все эти камни суть осколки одного огромного самородка, и в минуту смертельной опасности могут передать одному камню силу всего целого.

–Вранье... но красивое. Спасибо за науку. Как тебя зовут?

–Где? – горько усмехнулся цверг. – Здесь все больше гномьим ублюдком величают, или дармоедом...

–А отец с матерью?..

–Фолькетом они меня звали, Подарочком...

–Так слушай, Фолькет. Пришвартуемся мы скоро, а вот разгрузимся уже затемно, это я тебе обещаю. Да еще у пристани подзадержимся ненадолго. Если в какую из наших повозок кто и прошмыгнет – вряд ли мы заметим... а в Эригоне, я слышала, есть ювелиры, охотно берущие подмастерьев, бывших в обучении у гномов. Ну, бывай, – и Рецина, хлопнув оторопевшего паренька по плечу, отошла.

Никто так толком и не понял, что же такое случилось с лошадями. Уж Лорка и уговаривал их, и улещивал, что твоих красоток, и даже грозился перевести на прошлогоднюю солому – все бесполезно. Упрямые животины

как белены объелись, хотя где ее взять-то, посреди реки?! В общем, пока выпихивали их с парома, пока заново запрягали в еле выкаченные повозки, да еще у Лиусса что-то бабахнуло в сундуке... Капитан, получивший изрядную мзду, суетился больше всех, покрикивал, помавал руками, и вряд ли замечал что-нибудь дальше своего носа.

Фолькет прятался, как выяснилось, под одеялом Рецины. Когда артисты остановились на ночлег, она живо выпроводила паренька в повозку к Лорке, Орсону, Шонно и Арколю, где ему и предстояло спать до самого Эригона. Молодой цверг никому не доставлял хлопот, держался скромно, но не угодливо, и никогда не упускал случая помочь хоть чем-нибудь. Он вычистил Амариллис браслет Хранителя мелодий, попеняв ей на его исключительную, как он выразился «засаленность», отполировал Рецине весь ее немаленький арсенал, и провел настоящую ревизию всех ювелирных украшений труппы, исключая серебряные колокольцы. Целыми днями он чистил, чинил, напевая себе под нос незамысловатые мелодии.

Вторая неделя пути подходила к концу, когда вдоль дороги потянулись виноградники, а в воздухе определено запахло морем и суетой – это означало, что дорога, как и полагается любой дороге Обитаемого Мира, привела путников в Эригон баснословный – расположившийся в устье Каджи торговый центр западных земель.

Глава шестая. Праздники Третьего Лета

Даже самые преувеличенные похвалы в честь Эригона не были незаслуженными. Этот город по праву задирал нос и высокомерничал, ибо ему было, чем похвалиться.

Перед тем, как соединить свои воды с горько-соленой влагой моря Покоя, Каджа распадалась на пять разновеликих рукавов, которые люди, не мудрствуя лукаво, назвали Большим, Указательным, Средним, Безымянным и, соответственно, Мизинцем. На них располагались корабельные доки, а ближе к городу тянулись бесконечные склады. На Большой привозили продовольствие и вина, на Указательный – ткани, меха, кожи... словом, тот товар, в который повелительно тычут дамские пальчики; на складах Среднего скучали дерево, пенька, и всякое другое занудство, вдоль Безымянного выстроились оружейни, а на Мизинце были самые маленькие склады и самая многочисленная охрана, поскольку товар там хранился легкоутаскиваемый и дорогой – пряности, благовония, душистые масла, лекарства...

На окраине Эригона подобно сотам лепились рабочие слободки, где по названиям таверн можно было определить род занятий их жителей: «Цепкий крюк» – у грузчиков, «Старик гвоздодер» – у ремонтников, «Недреманное око» – у складских охранников. Между собой слободки жили дружно, как кошка с собакой, однако случавшиеся с завидной регулярностью свадьбы, скажем, сына парусных дел мастера и дочери грузчика, позволяли решать мелкие несогласия в процессе раздачи ритуальных свадебных тумаков, плавно переходившем во вселенскую драку, а крупных несогласий там отродясь не бывало.

Главным украшением города была огромная торговая площадь, увенчанная дородной ратушей. В ней был великолепный, щедро украшенный позолотой зал, где собирался городской магистрат, там же, в зале поскромнее и построже, заседали судьи (все больше по торговым делам), на первом этаже, открытая для любого посетителя, палата мер и весов выставляла напоказ образцовые гирьки, портновские метры, стразы всевозможной огранки и тому подобное. Здесь же во всю стену красовался знаменитый свод «Правил честной торговли», слова которого были сложены из золотых, врезанных в каменные стены букв. Одно из правил гласило: «Если хочешь запутать покупателей, веди дела свои честно», другое советовало: «Не обманывай партнера чересчур уж хитроумно, ибо пока ты придумываешь свою хитрость, он сам успеет надуть тебя», а третье... впрочем, все они были хороши.

От площади разбегались улицы, мощеные темно-серым булыжником и содержавшиеся в почти идеальном порядке; по каждой из них можно

было попасть в недурную гостиницу, трактир, или – если будет такая надобность – в веселый дом. В Эригоне ремесло объединяло людей не только в цехи и торговые ряды, но и в жилые кварталы: соседом ювелира был ювелир, или, на худой конец, златошвея, портные селились рядом с портными – и так далее.

В общем, это был богатый и процветающий город, пекущийся в основном о благах земных (храмов в Эригоне было раз-два – и обчелся), живущий днем сегодняшним и вполне довольный и самим собой и всем миром. И только одна–единственная деталь могла удивить восторженного гостя – здесь было чересчур много ветряков. Высокие ветряки окружали главную площадь, в каждом саду при богатом особняке поблескивали на солнце посеребренные лопасти, ветрячки хоть и попроще, но вполне пристойные, вертелись на городской окраине... и только один ветряк, самый роскошный (ходили слухи, что чуть ли не золотой), царящий на вершине ратуши, всегда, даже при сильном ветре, оставался неподвижным.

–Одним словом, обычное людское тщеславие, оправленное в каменное убожество. Малюсенькие сады, спрятанные за высоченными стенами, будто в них кроется нечто крайне непристойное, цветы – исключительно срезанные, убитые... Впрочем, вам, кажется, доводилось бывать в Эригоне, лорд Лотломиэль? – и его величество Воздуха чуть приподнял уголки тонких, красивых губ, что означало у него приветливую улыбку.

–Да, я был там однажды, на одном из Торгов Третьего Лета, – и Хэлдар, бросив взгляд на карту Обитаемого мира, сделанную в виде настенного панно из различных сортов древесины, отметил про себя темный кусочек палисандра на западном бчерегу моря Покоя – светлой кленовой пластины.

–Тем лучше. Ибо я прошу вас, Хэлдар, – и король пристально посмотрел собеседнику в глаза, – отправиться туда немедля, завтрашним же утром.

–И в каком же качестве?

–В качестве просителя, – и его величество вздохнул, – а в худшем случае – покупателя. Вы должны привезти в наши леса алмаз темной крови, и как можно скорее.

В комнате воцарилось молчание. Оба собеседника обдумывали: один – необычность (и это по меньшей мере) поручения, второй – те сведения, коими он должен поделиться с подданным, дабы тот принял это поручение.

–С тех пор, как эта напасть посетила мир в последний раз, деревья прибавили по десять колец, – заговорил король, – и вот теперь, похоже, снова настало ее время.

–Тихий ветер?.. – полувопросительно-полуутвердительно сказал Хэлдар, на секунду прикрыв глаза рукой.

–Для Вольного Лесного Стража вы неплохо осведомлены о всеобщих делах, лорд Лотломиэль. Да, вы правы, – и король, встав, пригласил Хэлдара следовать за ним.

Они вышли на легкую, ажурную галерею, многократно опоясывающую башню Воздуха; король с наслаждением подставил лицо ветру, вдыхая его, словно драгоценное вино.

–Шестеро гонцов покинут Лис-Арден завтрашним утром. Вы поедете в Эригон, двое – в орочьи поселения у Края Света, двое – в Краглу, а одному придется лезть под землю, в гномов Гридд. Вы должны привезти алмаз темной крови. Их не так уж и много, но нам нужен тот, который отмечен руной первозданной силы, *феху*. Камень должен быть отдан добровольно, в худшем случае – так же добровольно продан, и никакая цена да не покажется вам чересчур высокой!.. Он нужен нам, ибо наша магия беспомощна против тихого ветра... Дарованную им неуправляемую мощь обуздает и направит *слиток солнца*, самая драгоценная из реликвий клана Огня, добытая ценой жизни вашего отца, лорд Хэлдар. Если камни подчинятся нам, их совместное усилие позволит создать *воина воздуха*, сильнейший из направляемых ветров, и сила тихого ветра иссякнет в их столкновении... которое должно произойти на море, так, чтобы по возможности никто не пострадал...

–Как вам удалось убедить ее величество Земли? она не особо считается с нашей стихией...

–Никого не пришлось убеждать, лорд Лотломиэль. Вспомните, первый порыв тихого ветра мало кто заметил... кроме нас, конечно. Так, вымерли все оазисы близ Арр-Мурра, не состоялся торг Третьего Лета – что тут скажешь?.. в пустыне и не такое случается. Во второй раз досталось уже всему побережью, захватило даже это омерзительное место, Пойолу – и опять во всем обвинили моровую язву, чуму... множество людей, ужасные условия, грязь... Третий порыв наполовину сократил муспельский флот, о чем опять же никто не сожалел, и ненадолго освободил море Покоя от пиратских кораблей. А четвертый достался Эригону. Если мы не найдем средства против этой беды, и не убедимся в том, что оно действенно, кто знает, может, шестой вздох Арр-Мурра накроет наши леса?!

–Пятый... уже в пути?

–Да. И я боюсь, что вы не успеете до начала тихого ветра найти камень, и вам придется какое-то время провести в ядовитом воздухе. Немалого труда стоило определить те места, где стоит искать камни, – и его величество Воздуха чуть заметно поморщился, – а кое–кому признаться себе, что без них нам не обойтись... вы знаете Хэлдар, я не признаю темной магии категорически, я никогда... – он осекся, махнул рукой, и продолжил – Одним словом, время мы упустили.

–Если ваше величество позволит, то завтрашним утром гонцов будет пятеро, – и Хэлдар наклонил голову в почтительном поклоне, – я готов отправиться в путь уже сейчас.

–Скорее всего, их будет двое, – и уголки королевских губ снова дрогнули, – поскольку именно к утру его величество Воды ожидает прибытия Гвальмая и Мунина из Северных Гаваней...

Самое большее через час Хэлдар, лорд Лотломиэль, покинул Лис-Арден – невесомо прекрасный, легкий город, бережно – так, что не было срублено ни одно дерево – выстроенный эльфами вокруг большого лесного озера, над которым вечно красовались не меньше десятка радуг (поскольку именно таким образом представители кланов Воды и Воздуха обменивались посланиями). Прощание с родными заняло времени не больше обычного, вдовствующая леди Лотломиэль не стала даже интересоваться причинами столь поспешного отъезда и не напомнила, вопреки обыкновению, сыну заглянуть на прощание к невесте.

Путь предстоял неблизкий – через Безымянный Хребет (гномы и цверги, навоевавшись всласть и с ног до головы умывшись кровушкой, во избежание возможных противоречий дали имена только своим столицам, оставив сами горы принципиально безымянными... поскольку им приходилось цапаться и по менее важным вопросам), одной из цверговых дорог, потом – как можно быстрее в Эригон. Хэлдар не стал говорить об этом королю, поскольку не хотел спугнуть удачу, подошедшую на расстояние полета стрелы, – но он был уверен в том, что камень уже в городе. И он знал, у кого придется просить его...

Эльф не хотел признаваться себе, что, оправдываясь соображениями долга, слишком легко разрешил своим мыслям вновь вернуться к событиям прошлого месяца.

Смешные, короткие светлые волосы, обрамляющие совсем молодое лицо, на котором сияют злорадством глаза, цветом схожие с изысканной серой нильгайской замшей, и издевательски смеется розовый рот... Теплое, доверчивое «спасибо» и ее ладони на его склоненном лице... Погоня, немыслимая и нелепая, вслед за кем? чем?.. сами боги того не ведают...

Сначала он хотел просто догнать ее, хотя бы еще раз увидеть – и увезти в свои леса, забрать с собой, без условий и договоров. Спустя некоторое время это желание уступило место другому: догнать во что бы то ни стало, чтобы исполнить обещание, данное на берегу Быстрицы – отхлестать как следует первым попавшимся прутом. Он вспоминал ее безоглядную нежность и злился еще сильнее... как она могла предать его? себя? – усомнившись, струсив и удрав, как... как... все слова, приходившие на память, были исключительно человеческими и абсолютно недостойными для произнесения. Как она могла, такая... лезть к нему в окно, да за кого она себя принимает?! Даже сейчас, вспомнив об этом, Хэлдар прикусил губу. А потом он устыдился и оборвал себя. Да что с вами такое, «мастер ельф»? не стыдно ли комедию ломать? в вашем-то возрасте... или вы забыли, кто она? Выпороть девчонку, конечно, не помешало бы, но пусть этим займется сама жизнь, а у него и поважнее дела найдутся. И спустя без малого неделю после того, как он вернулся на границу и вновь стал лесной тенью, важные дела действительно нашлись.

–Так как, ты говоришь, у вас называют этот торг? – поинтересовалась Рецина.

–«Чихай–на–здоровье», – ответил Фолькет, чуть ли не приплясывая на месте от нетерпения, – Ну господин Лиусс, долго ли еще?

–Неужто тебе так наскучило наше общество, парень? – фокусник вышел из дверей, поправляя головную повязку, – Зудишь, как кусачая муха. Говорю тебе, господа ювелиры еще почивать изволят, они же не знают, что твоя светлейшая особа уже в городе!.. Иначе у ворот почтенной госпожи Элиссы уже выстроилась бы очередь из жаждущих заполучить тебя в подмастерья.

–Да–да, вы правы, господин Лиусс, – похоже, Фолькет все пропустил мимо ушей, – так мы идем?!

–Идем, идем... подарочек, – и Рецина подтолкнула цверга к воротам.

Сразу же по прибытии в Эригон храмовая труппа Лимпэнг–Танга направилась к уже знакомому дому, находившемуся в трех минутах ходьбы от городской ратуши. Хозяйка дома, госпожа Элисса, была вдовой очень богатого торговца, сколотившего состояние на товарах с Востока. Денег в семье было настолько много, что хватило и единственному сыну на продолжение дела, и двум дочерям на сказочное приданое, и вдове – на более чем безбедное существование в их старом доме (сын предпочел построить – взгромоздить, как говорила его матушка – новые хоромы). В прошлый приезд труппы госпожа Элисса, отличавшаяся отменным вкусом и незаурядным умом, настолько пленилась искусством детей звонковолосого бога, что предложила Лиуссу переехать из гостиницы «Радостная встреча» в пустовавшее отдаленное крыло ее дома; таким образом, никто не мешал друг другу, а по вечерам хозяйка приходила послушать пение Веноны (ради которого, по правде говоря, и проявила такое радушие). И в этот раз она встретила артистов столь же приветливо, отрядила на помощь девушкам пару своих служанок – обе вернулись к вечеру с охапкой подаренных тряпок и осипшие от болтовни; и пригласила всех на ужин, дабы рассказать о городских новостях и послушать новости привозные.

Большего удобства и пожелать было невозможно: места выступлений – под рукой, ухоженный сад на радость Арколю, добродушная и снисходительная хозяйка. А конюшнями остался доволен даже Лорка. Самое время немного отдохнуть перед праздниками, уже дышащими в спину – но не тут-то было! Едва были распакованы вещи и смыта дорожная пыль, как всеобщее благодушие принялся отравлять Фолькет. Он беспрестанно ныл, чтобы его отвели к ювелиру – любому, хоть людоеду, хоть глодомору, – и сдали в ученики, а уж он там покажет, на что годен! Он делал так не из вредности, занудства природного в нем вроде бы не было, но он никак не мог справиться с нетерпением осуществить свою великую миссию и разделить

свою любовь, так долго остававшуюся безответной. Больше всех почему-то доставалось Амариллис. Фолькет ходил за нею по пятам, поперся даже в купальню, и все бубнил о своих переживаниях, о каких-то редких драгоценностях, опять расспрашивал танцовщицу об орочьем кольце... В конце концов, чтобы избавиться от цверга, почти спятившего от давшейся в руки мечты, было решено спешно отвести его к ювелиру, любезно порекомендованному хозяйкой дома.

–Ну что, его приняли? – поинтересовалась Амариллис, осторожно выглядывая из купальни, в которой она пряталась все утро.

–Как родного. Вылезай, хватит прятаться, – и Лиусс протянул ей охапку свежесрезанных нарциссов. – Это тебе за долготерпение.

–Да уж, нашему подарочку только что ковровой дорожки не расстелили, – добавила Рецина. – Как только мастер узнал, что Фолькет – гномов выученик, да еще и приемный сын, ухватился за него, как дите за медовый пряник. Ну, а дальше уже не наша печаль. Кстати, по дороге мы зашли в ратушу, к господину городскому голове, там же и распорядителя городских торжеств застали.

–Ну и как он? – спросил подошедший Лорка, – Поставщика париков еще не сменил? Помните, в прошлый раз у него локоны были как пакля, которой Рецина чистит свои железяки...

–А сейчас он кудряв, как гиацинт, – сообщил Лиусс, – и он подтвердил все прежние договоренности: мы открываем праздник по случаю торгов Третьего Лета, за нами на протяжении всех торгов остается лучшее место на главной площади – на возвышении, рядом с фонтаном, кроме того, в большом зале ратуши для нас уже соорудили сцену. Вечером надо ее опробовать, присмотреть место для трапеций... в общем, пора за работу.

С каждым часом город лихорадило все больше и больше; он и в обычные дни напоминал растревоженный муравейник, а теперь стремился превзойти самого себя, став воплощением не просто суеты, а суеты сует. И было ради чего!..

Ибо раз в три года в Эригон баснословный самые отчаянные добытчики редкостей привозили товар из оазисов, расположенных близ Арр-Мурра, самого страшного места в Обитаемом Мире, проклятой земли безумного бога. Его именем матери не пугали детей, потому что люди, дабы сохранить свой рассудок, предпочли поскорее забыть его, да и его обладателя тоже. Но пожелать кому-нибудь отправиться в Арр-Мурра – дорогого стоило, и такие слова не всякому сквернослову были по плечу, вернее, по языку.

Однако оазисы, окружавшие безумную землю, были полны всяческих сокровищ, кои нигде более не водились, и стоили немыслимых денег, и поэтому не переводились охотники дотянуться до даров пустыни. Ничто не могло отпугнуть их – ни убивающий все живое солнечный огонь, ни ко-

варные колодцы (чем ближе был Арр-Мурра, тем своенравней вели себя подземные хранилища воды – они словно переползали с места на место, повинуясь своей собственной логике, и бесполезно было ставить вешки и наносить их на карту – где вчера была вода, сегодня лишь тускло пересмеивались мириады песчинок), ни даже засасывающие ветра, от которых не было спасения – все, что попадалось на их пути, затягивалось в самое сердце Арр-Мурра. Но люди (и гномы, и цверги, и даже – хотя таких случаев было только два – эльфы; велигорам же на деньги было наплевать, поэтому они сюда не забредали), погибая десятками, продолжали надоедать пустыне своим постоянством. И раз в три года, преодолев все мыслимые препятствия и наигравшись в гляделки со смертью, они привозили плоды оазисов в Эригон баснословный.

Первыми приезжали добытчики пряностей. О, это были не всем знакомые перец или мускат, отнюдь нет! Самой простой и дешевой была ассафа – в коричневых глиняных мисках лежали белые кусочки корней какого-то растения, и достаточно было провести этим кусочком пару раз по дну посудины, где собирались готовить пищу, чтобы сообщить ей аромат молодого чеснока и душистого перца, который, между прочим, не оставался во рту... Уже подороже, но пока еще не убийственно для кошелька, можно было купить кыт*а, называемую еще ореховой травой, щепотка которой заменяла три пригоршни орехов и несказанно облегчала пищеварение, а также красноватые горошки кшахта, дающего замечательный золотистый цвет бульонам и повышающего аппетит. Эти две пряности были просто незаменимы там, где были больные и выздоравливающие (или разборчивые в еде дети).

Затем на уже благоухающей площади появлялись поставщики пряностей подороже и полюбопытнее. В фарфоровых баночках пересыпались золотистые и розовые семена илори, пахнущие как посыпанная ванилью роза; настоянные на молодом вине, или посыпанные поверх пирожного, они служили как расслабляющее и гипнотическое средство, даруя светлые и счастливые сновидения. В плотно закрывающихся сосудах темного стекла хранился хнум – особый сорт перца, жгучий, как солнце Арр-Мурра, и способный даже старца превратить в неутомимого любовника. Не менее дорого стоил блестящий порошок, приготовленный из высушенных и растертых в порошок цветков хлайи; этот афродизиак ничем не пах и был практически незаметен в еде или питье... и мужчины, и женщины, не торгуясь, отдавали за него туго набитые золотом кошельки. От торговцев они уходили, опасно улыбаясь, унося с собой соблазн, заключенный в маленькие пузыречки; и никому не ведомо, сколько девиц, отведав невинной розовой воды, враз забывали все матушкины наставления. У двух, самое большее – у трех торговцев можно было купить маат-ша, знаменитую «пряность свадебного пирога», несущую запах свежих яблок и корицы; она избавляла новобрачную от ненужной стыдливости, распаляла и без

того немалую страсть молодого мужа – словом, она стоила даже больше тех денег, которые за нее платили.

Наконец, наставала очередь самых отчаянных смельчаков, рискнувших сунуть нос аж в пределы Арр-Мурра, ступивших на границу безумной земли и умудрившихся унести оттуда ноги. И прихватить с собой еще кое-что.

Их везли в небольших плетеных коробах, заботливо уложив каждую в отдельную плетеную же коробочку на тщательно высушенные розовые лепестки. За этим драгоценным фруктом закрепилось имя зирэ, что на языке впервые добывшего его цверга означало примерно «первые нежные утренние лучи»; кисло-сладкие на вкус, желто–румяные ягодки без косточек и без малейшего намека на соединяющие их веточки составляли небольшую, с детскую ладошку, гроздь (как они держались в ней, не рассыпаясь и не сминая друг друга, было непонятно). Одна такая гроздочка зирэ стоила... но люди заплатят и не такие деньги, лишь бы еще хоть чуть-чуть отодвинуть старость. Чудесные ягодки значительно облегчали, а порой и излечивали старческие недуги, возвращали молодость телу, вновь наделяя мускулы силой, разглаживая морщины и выпрямляя спину. А одного молодого принца из северной Краглы зирэ излечили от черной меланхолии, и он смог, к великому неудовольствию своего дядюшки, взойти на престол и вполне успешно управлять своим королевством, предварительно отрубив недовольному голову.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что эти торги обставлялись со всевозможной пышностью и церемониями, а к их началу был приурочен городской праздник, с факельным шествием, с выступлениями артистов, танцами и прочими горячительными средствами. Всю неделю, пока продолжались торги, Эригон был еще более весел и неумерен, чем подгулявший подмастерье. В день же седьмый этот подмастерье явно хватал лишнего и попросту терял всякое разумение. Словно сорвавшись с цепи, город пускался во все тяжкие... Все сословные и имущественные различия переставали что-нибудь значить, портовый грузчик мог запросто похлопать жену городского головы по пышным юбкам и оттанцевать с ней разок-другой, известный всему Эригону карманный воришка мог состроить рожу судье, а то и выпить с ним доброго винца, что же касается женской половины города, то из ее памяти напрочь стирались все нормы приличия, а из лексикона пропадало слово «нет». Не веселились в этот день только больные да покойники, а остальным грех было не веселиться.

Все артисты храмовой труппы Лимпэнг-Танга пребывали в приятном ожидании веселой публики, хорошего заработка (если повезет, можно будет отдыхать всю зиму) и развлечений. В четыре дня, остававшиеся до начала праздника, они успели отдохнуть, привести в готовность весь свой реквизит и лишний раз убедиться в готовности самих себя.

–Ну что ж... праздники могут начинаться, – сказал Лиусс, заканчивая последнюю вечернюю репетицию, – Мы им покажем.

Позади были уже два дня торгов, все диковинки подешевле были распроданы, а аппетиты покупателей раззадорены донельзя. Продажа афродизиаков по традиции предварялась ночным праздником, блеск которого оплачивали торговцы соблазном, а обеспечивали дети Лимпэнг-Танга. Больше всех в этот раз отличился Лорка; на своем огромном серебристом жеребце он откалывал такие номера, что, наверное, сам себе дивился. Сцена, кулисы – все это было не для него; он словно вспорол тело толпы лезвием стремительного галопа, ворвавшись на площадь с какой-то из улочек, и каким-то чудом ухитрившись никого не затоптать. Зрители, затаив дыхание, следили за тем, как вольтижер, стоя в седле мчащейся по кругу лошади, жонглирует зажженными с обоих концов факелами, как он почти что пролетает сквозь обручи, которых искусство Лиусса заставило гореть пламенем немыслимых цветов; свое выступление Лорка превратил в настоящий фейерверк трюков, один сложнее другого, – в этой ночи самым безумным факелом была его рыжая голова.

Завершать программу предстояло Амариллис; ее танец должен был убедить доселе сомневающихся отведать коварных даров оазисов Арр-Мурра... Готовясь к выходу, танцовщица в который раз благословила выучку школы Нимы и строгость госпожи Эниджи: что бы ни творилось в ее душе, какие бы мысли не пытались заставить ее споткнуться, – ничто не имело ни малейшего значения для дисциплинированной артистки. «Танцовщица Нимы славит любовь», повторяла про себя Амариллис, натирая тело маслом суртонской белой розы, от которого кожа слегка светилась в темноте. «Никто да не прикоснется... и даже не мечтай...», твердила она, одевая блестящий золотистый парик. «Ибо открытое соблазна не имеет...» – и она лишний раз проверила, легко ли скользят застежки на юбке. Наблюдавшая за ней Венона только головой качала: куда подевалась та девчонка, которой она все утро растолковывала правила составления микстур от кашля?

–Ты не передумала? – несколько неуверенно спросила певица, – Ты уверена, что хочешь танцевать именно под эту песню? Она и на обычную публику действует как валериана на кота... как бы здешние совсем с ума не посходили. И не жалко тебе их?

–Ни капельки, – отрезала Амариллис. – Или ты забыла, сколько нам заплатили? Господин Амброджо не скупился, даже рука не дрогнула, когда задаток отдавал. И не беспокойся так... сработаем, в первый раз, что ли?!

И, уже стоя у самого края кулис (все артисты, кроме Лорки, выступали на высоком помосте), она тихо пропела–промурлыкала припев венониной песни:

Милый мой, приди ко мне,
Днем молю я и во сне.
И губам, что всех нежней,
Поцелуев не жалей...
Днем молю я и во сне –
Милый мой, приди ко мне...

С честью и блеском отработав деньги победителей пустыни, они возвращались в дом госпожи Элиссы, и уже за садовой оградой Криолла с искренним возмущением обратилась к Амариллис:

–Послушай, мы же договорились, что пойдем к ювелиру вместе!

–Да, я помню, – недоуменно ответила танцовщица. – А что, ты передумала?

–Это ты передумала! Что, думала, я не замечу?

–Чего не заметишь? – ничего не понимая, нахмурилась Амариллис.

–Ладно уж... Дай лучше посмотреть поближе, – и Криолла протянула к подруге руку.

–Да что с тобой такое? Нет у меня ничего нового, померещилось тебе, видно...

–А это что такое? – и акробатка, схватив Амариллис за руку, развернула ее ладонь тыльной стороной вверх и чуть ли не ткнула танцовщице в нос. – Светлячков приручила?!

Амариллис, посмотрев на собственную руку, ахнула: давно уже ставшее привычным кольцо, подарок старого орка, совершенно преобразилось. Вернее, изменился камень, вызвавший когда-то столько вопросов у некоего цверга... В прозрачно-черной глубине алмаза темной крови, словно в глазах у разозленной кошки, вспыхивали яркие, ядовито-зеленые искры, они лихорадочно мельтешили под поверхностью камня, метались как бабочки в горсти. За этим переплясом огоньков стала почти незаметной руна, про которую хозяйка кольца знала лишь то, что называется она «феху» и может иметь магическое значение... больше ей ничего не удалось вытянуть из Арколя.

–О Нима Безотказная, это что ж такое?! – изумленно вопросила Амариллис, ни к кому, собственно, не обращаясь.

–Эй, что у вас стряслось? – и из густой летней темноты выросла фигура Рецины. – Опять побрякушку какую потеряли?

–Да нет, скорее уж нашли, – ответила за подругу Криолла, зачарованно рассматривая камень.

–Ну-ка, покажите, – потребовала мизоанка, – Да-а-а... впечатляет. Чего это он так... сигналит?

–А я откуда знаю? – Амариллис в недоумении развела руками. – Нет, нас, конечно, учили камни различать, но в такие тонкости не вдавались.

Может, у ювелира спросить? Говорят, бывает, что камни болеют, блеск теряют и все такое...

–Слушай, а давай у Фолькета спросим? – предложила Криолла, – все равно собирались его проведать... Уж он-то знает.

–Опять этого камнееда выслушивать, – и танцовщица страдальчески закатила глаза.

–Да ладно, потерпим немножко. Он мне обещался та-а-акие браслеты подобрать, и к ним еще пару ножных, с подвесками...

–Понятно, – и Амариллис покачала головой, – Кажется, кто-то собирался идти к ювелиру вместе...

Глава седьмая. Ветряки Эригона

Утром четвертого дня девушки отправились в лавку ювелира, у которого вот уже с неделю жил в подмастерьях их «подарочек». Улицы Эригона были непривычно пустынны – город отдыхал после ночных безумств, набираясь сил к полдневному открытию торга. Криолла и Амариллис намеренно встали пораньше, почти на час опередив остальных; они решили, что будет лучше, если их братья узнают о новых побрякушках уже после того, как те будут куплены. Наскоро позавтракав и одевшись попроще – в легкие льняные платья с недавно вошедшими в моду корсажами на шнуровке – они неслышно выбрались из дома и теперь, весело болтая, бежали по свежеобрызганной мостовой в квартал ювелиров, похожие не то на двух горничных из богатого дома, не то на дочек-погодков какого-нибудь торговца средней руки.

Дом, где ныне обретался Фолькет, выделялся среди прочих и капитальностью постройки, и – и это, конечно, главное – красующимся над входом в лавку гербом. Подобный знак отличия эригонские ювелиры получали лишь в случае особенных заслуг перед городом, или же когда мастером становился пятый старший сын в роду. На этом гербе красовался свежепозолоченная ящерица, держащая в вытянутых передних лапках свой отрубленный хвост – десять лет тому назад отец нынешнего хозяина, почтенного мастера Рилло, пожертвовал добрую половину своего состояния в городскую казну, на восстановление Эригона после дуновения Арр-Мурра (и сам ювелир, и его семья выжили совершенно случайно: за неделю до начала тихого ветра они отправились в Манору, на свадьбу к любимой племяннице хозяина, и попали аккурат в самый разгар сезона «тухлой воды» или, по-научному говоря, дизентерии... болели основательно и вместо двух недель прогостили в Маноре почти два месяца). Преодолев сопротивление массивной дубовой двери, девушки вошли в дом. Амариллис, ощутив столь привычную когда-то атмосферу ювелирной мастерской, сама того не осознавая, начала принюхиваться, поводя носом словно чистокровная гончая... В просторную, с продуманной и недешевой скромностью обставленную комнату для посетителей вышел сам мастер Рилло.

–Доброго утра, красавицы. Что привело столь ранних пташек в мою мастерскую?

–Доброго утра, господин Рилло, – мило улыбаясь, поздоровалась Амариллис (Криолла, как всегда, дернула ее за рукав платья, а сама отступила на задний план – несмотря на блестящую цирковую карьеру, вне сцены она продолжала оставаться настоящей суртонкой, застенчивой до болезненности).

–Мы хотели бы поговорить с вашим подмастерьем, Фолькетом. Прошу вас, скажите, что Амариллис нуждается в его совете.

–Амариллис? – и мастер Рилло прищурился, заглядывая девушке в глаза. – Так–так... мало вам того, что по вашей милости он домой только к утру дотащился, помятый, что твоя отбивная, так еще и совет какой-то понадобился. О, только не хмурьтесь, – и ювелир примирительно улыбнулся, – будь я на его месте, пожалуй, еще и не так локтями бы работал, лишь бы поближе к сцене пробиться. Хорошо мне его ругать, я-то с балкона на вас любовался. И все-таки он малость перестарался, додумался тоже – с молотобойцами соревноваться...

–Господин Рилло?.. – из двери, ведущей в мастерскую, высунулась чья-то физиономия, и только по тонким усикам, да еще по тому, как радостно она залопотала при виде Амариллис, девушки признали в ней бывшее фолькетово лицо.

–Ты уж тут? Сказал же я тебе, отлежись малость, разве не так?! – и ювелир попытался грозно насупиться. Но, увидев неукротимый блеск в цверговых глазах, махнул рукой и отошел к высокой конторке, просмотреть бумаги.

Фолькет радостно поздоровался с гостьями и пригласил их присесть на деревянную скамью, стоявшую у окна, сам он уселся напротив, придвинув поближе трехногий табурет.

–Фолькет, зачем же ты так? – и Амариллис осторожно коснулась его рассеченной брови – пожалуй, наименее поврежденного места на лице цверга. – Разве ты нам чужой? Сказал бы заранее...

–Не стоит обо мне беспокоиться, – прервал ее Фолькет, – мало я вам хлопот доставил, еще и здесь навязываться... Я разумею, вы решились на браслеты? И правильно, скажу я вам, колец у вас достаточно, это я помню... с серьгами Криолле лучше подождать, ничего достойного пока нет, а вот браслеты...

–Да погоди ты со своими браслетами. Мне твой совет нужен. Фолькет, что с этим камнем творится? – и Амариллис, сняв кольцо с алмазом темной крови, протянула его на ладони цвергу.

Зря Фолькет доверился трехногому табурету. Столь ненадежный предмет мебели явно не был рассчитан на такие эмоции, поэтому зашатался и седока уронил. А тот вскочил, как встрепанный, брякнулся перед танцовщицей на колени, будто готовясь объясняться в любви по всей форме, и, еле дыша, уставился на кольцо. Мастер Рилло только пальцем у лба покрутил – мол, слыхал я, что гномы (то, что Фолькет был чистокровным цвергом, во внимание не принималось) на камнях сдвинутые, но этот...

–Будет ли мне позволено прикоснуться к сей драгоценности? – и подарочек просительно заглянул в глаза Амариллис.

–Да я вообще-то за этим сюда и пришла. Бери, – и она протянула кольцо цвергу, – только постарайся побыстрее, я к нему привыкла.

–О да... я... сейчас... сей же момент... вы... не уходите, – Фолькет, держа кольцо в горсти и полируя его обожающим взглядом, двинулся ко входу в мастерскую. – Я быстро...

Прошло около десяти минут. Фолькетова беседа с камнем явно затягивалась, и мастер Рилло предложил уже заскучавшим девушкам посмотреть-таки новую коллекцию браслетов, только накануне законченную «камнеедом». Поставив перед ними столик, он водрузил на него неглубокий ящик темного дерева с атласной темной же подстежкой.

–А я вот здесь папину монограмму вышивала, – и Амариллис показала на правый верхний угол стеганой подушечки, – красиво получалось: на каждой подложке, где поменьше, где покрупнее...

–А у меня, увы, нет столь искусной дочери, зато есть две лентяйки-невестки. Выбирайте, не торопитесь, – и ювелир снова отошел к конторке.

Девушки уже успели перемерять с десяток пар запястий, когда входная дверь дрогнула и легко, словно занавеска под порывом ветра, отворилась. Новый посетитель вошел совершенно беззвучно, Амариллис же была совершенно поглощена поисками подходящего узора и щебетом Криоллы, но тем не менее, словно повинуясь чьей-то неведомой воле, подняла глаза.

Только в марте небо бывает таким синим и колючим; и уставшая от зимнего выцветшего голубого ситца, твоя душа с такой радостью погружается в этот живой цвет... и тут же выныривает, хватая ртом воздух, обожженная ледяным высокомерием марта. О, это вам не рубаха–парень апрель, протягивающий всем и каждому жаркие ладони солнечных лучей, и – хочешь ты того или нет – целующий тебя теплым ветром прямо в губы. В марте никогда не бывает по-настоящему тепло. Мартовское тепло – это или подвох, или – в крайне редких случаях – обещание...

Оглядев комнату, он направился к мастеру Рилло, который уже спешил навстречу. Его взгляд отметил Амариллис точно так же, как и Криоллу, и скамейку, и деревянную обшивку стен, и конторку... С безукоризненной вежливостью ответив на почтительнейший поклон ювелира, задал тому какой-то вопрос. Рилло покачал головой и недоуменно развел руками. Посетитель слегка сдвинул брови и сказал еще что-то. Ювелир, бросив быстрый взгляд на Амариллис, начал было говорить, но осекся и, попросив у гостя прощения, подошел к притихшим девушкам. Гость же остался стоять в отдалении, даже не повернув к ним головы.

–Фолькет, ты мне нужен! Подойди немедленно! – прокричав это в полуотворенную дверь мастерской, Рилло обратился к Амариллис, – Я более чем уверен, что это ошибка, и, возможно, на этот раз интуиция подвела господина эльфа, но скажите мне, Амариллис, с каким же камнем столь долго любезничает мой подмастерье?

–Я точно не знаю, мастер Рилло, но Фолькет однажды назвал его алмазом темной крови... – Амариллис изо всех сил старалась держаться достойно, и поэтому ей не было никакого дела до бледности, разлившейся по

лицу ювелира (со своими заботами справиться бы). – Это очень дорогой для меня подарок.

–Какого же совета вы просили у... Фолькет! Сколько можно! Спустись немедля!

–Вчерашней ночью камень начал искриться... ни с того, ни с сего... мне он больше нравился прозрачным, и я решила, что Фолькет может помочь, – девушка говорила, все больше и больше волнуясь. В самом деле, куда запропастился этот подарочек?!

В этот момент в комнату вплыла супруга мастера, похожая на шелковый корабль под кружевными парусами.

–Дорогой мой, какое же поручение вы дали вашему ненаглядному гному, что он унесся из дому, даже не соизволив поздороваться со мною?

–Фолькет не гном, он цверг, – совершенно машинально поправила даму Амариллис.

–Какая разница, милая моя, – такие пустяки никогда не занимали госпожу Рилло.

–Когда это случилось? – простонал хозяин.

–Ну-у... не знаю, полчаса назад... я как раз успела... да что с вами, дорогой мой?

Вопрос был более чем уместен, поскольку мастер Рилло побледнел еще пуще прежнего, схватился за сердце и без сил опустился на оказавшийся рядом все тот же трехногий табурет. Он забыл и о высокородном посетителе, и о кудахчущей супруге... В его, Рилло, доме, его же, Рилло, подмастерье обокрал гостью! Позор! Он снова застонал и схватился за голову.

Криолла опять ухватилась за рукав подруги. Амариллис же, не желая подчиняться наступающей неразберихе, и почему-то не торопясь поверить в столь неблаговидную причину фолькетова отсутствия, попыталась переубедить и мастера Рилло:

–Мастер, не переживайте вы так, может, он за какой-нибудь книгой побежал, в соседний квартал, к архивариусам... Он вернется, вот увидите!..

–Но не сегодня. – Гость, до сих пор молча наблюдавший за происходящим, сказал это со спокойной уверенностью – с такой люди говорят о прелести рассвета поздним вечером – и по–прежнему не оборачиваясь. – Сейчас он уже далеко отсюда... я почти не чувствую камень темной крови. Прощайте, мастер Рилло.

Тяжеленная дубовая дверь снова распахнулась с невозможной легкостью, и гость исчез.

А если ты все-таки решаешься на такую глупость – испытать на своей облезлой беличьей шкурке обманчивое тепло мартовского неба – то пеняй потом на себя, моя радость... Когда в ледяной купели тебя окрестят тоскою и страстью, и ты выйдешь из нее, обожженная и замерзшая, когда

ты поймешь, что теперь тебе нужен совсем другой мир – мир, устроенный по закону твоего сердца – вот тогда ты поймешь... И признаешь, что все, дарованное тебе раньше – не более чем обещание. Тебе будет очень больно. Но ты заплатишь любую цену, лишь бы колючее и синее небо марта позволило тебе еще раз поверить ему.

–Мне показалось, что он даже и не узнал меня... Чего тут узнавать-то...

Амариллис и Арколь сидели на широком подоконнике распахнутого в сад окна; было уже поздно, ночь обещала быть жаркой и душной, в траве сходили с ума цикады, пиликая на своих скрипках кто во что горазд – ни складу, ни ладу, лишь бы погромче. От ювелира девушки вернулись аккурат к завтраку, во время которого Криолла, способная поймать подброшенный бокал с водой на повернутый плашмя меч, не разлив более трех капель, опрокинула полнехонький сливок кувшин, а Амариллис – видимо, чтобы подбодрить ее – слопала целое блюдо оранжерейной желтой малины, стоявшее посреди стола. Она рассеянно придвинула его к себе и зачерпывала ягоды ложкой, будто молочную кашу; Лорка, недавно пытавшийся угостить ее точно такой же малиной, и вынужденный в результате поделить ягоды со своим жеребцом (Амариллис терпеть не могла малины), только таращился, не решаясь, впрочем, на комментарии.

Конечно же, девушки все рассказали... ну, почти все. Мужчины насупились, Рецина бранилась – кому же приятно пригреть на груди змею? Конечно же, решили во всем разобраться, ворюгу найти и собственноручно вернуть на паром, кольцо разыскать во что бы то ни стало... Да только как? Нельзя сказать, чтобы дети Лимпэнг-Танга были совершенно беспомощны, да и с господином городским головой можно было договориться, а если бы Амариллис попросила лично господина смотрителя складов, так он ей и звезду с неба достал бы, и иголку в стогу сена нашел, не то что вороватого цверга. Но пока продолжались торги «Чихай–на–здоровье» – другого дела, кроме этого, ни для кого в городе не было.

Лиусс пытался утешить танцовщицу: всего три дня осталось до закрытия праздников, деньги у них есть, и будут еще – ничего, отыщется твое колечко, найдем, кому об этом похлопотать... а подарочку я лично пару долгоиграющих ослиных ушей сотворю. Амариллис, в конце концов, от всех этих утешений разревелась и убежала к себе в комнату, откуда вышла только к вечеру, повинуясь настоятельному зову Арколя. Брат заставил ее поесть, напоил травяным чаем; и вот уже добрых три часа они сидели на окне, слушая обезумевших цикад.

–Так что же приключилось с твоим кольцом, Амариллис? И почему ты не попросила сначала моего совета?

–Я уже говорила. Вчера ночью камень в кольце заискрился, я решила, что Фолькет вернет ему прежнюю прозрачность. Не смотри на меня так! Я вовсе не думаю, что ты глупее этого коротышки. Просто хотела еще одну

пару браслетов прикупить, не слушая твоего ворчания... мол, придется скоро еще лошадь покупать, чтобы мои побрякушки возить.

–Да-а-а... Учитель не раз говорил мне, что и Живому Миру есть пределы, бесконечна лишь человеческая глупость. Извини, но на этот раз я действительно разозлился на тебя.

–Не ты один. Я сама себя готова выпороть, был бы прут под рукой... Арколь, я потеряла его навсегда? так ведь?

–Я не знаю, дуреха. Я же не бог... и даже не его сын... и вообще пока только подмастерье.

Они помолчали. Первой не выдержала Амариллис; положив руку на плечо Арколя, она искательно заглянула ему в глаза:

–Прошу тебя, не сердись... осталось только, чтобы Лорка назвал меня безнравственной особой – и впору будет утопиться.

–Не говори ерунды, – Арколь все еще старался быть твердым в своей сердитости, но это ему уже не удавалось. – Значит, лорд Цветущих Сумерек интересовался алмазом темной крови? ну и дела...

–Да что вы привязались к моему камешку? дался он вам...

–Да нет, сестрица, дался он именно тебе. Наверно, зря я не рассказал тебе об этом, как ты изволишь выражаться, камешке. Мы ведь собирались этой осенью в Ирем, мне есть, чем погордиться и есть, о чем попросить совета; и я предполагал, что аш-Шудах справится с этим камнем. Золотце мое, я давно приглядывался к нему, все прикидывал, что могу себе позволить, а без малого год назад – помнишь, тогда, в Арзахеле? – решился-таки... Я снял кольцо, когда ты спала, и, к счастью, у меня хватило ума выйти в контадо, за городские стены. Из твоих рассказов, да и из моих наблюдений следовало, что камень к своей владелице настроен благосклонно, восполняет недостаток сил – при необходимости, подбадривает, защищает тебя. Эх ты, беспечный мотылек, если бы ты знала, сколько колдуний невысокого полета обломали себе зубы, пытаясь по заказу ревнивых жен извести твое танцующее великолепие... Алмаз темной крови отражал любой сглаз, наговор, порчу – да что угодно, отсылая все эти нечистоты обратно к отправителю, причем с удвоенной силой, и даже не сообщая тебе об этом. А это значит, что вчера ночью... или со вчерашней ночи... тебе грозит настоящая опасность, такая, которую камень не мог отвести. Поэтому и заискрился ядовитой зеленью, предостерегая тебя, Амариллис, и хотел бы я знать, от чего или от кого.

Арколь замолчал. Его названная сестра сидела тихо, не пытаясь более ни оправдаться, ни подлизаться. Хочешь–не хочешь, но взрослеть приходилось; она понимала, что мир не обещался двигаться в такт ее танцу, и может еще не раз перевернуться вверх тормашками – причем без предупреждения. Мы здесь не в игрушки играем, говорили ей Нужда и Опасность; так что будь поосторожнее, добавлял, усмехаясь, Случай...

–М-да. Так вот, я попытался раскрыть камень, обнаружить его истинные возможности, зримо проявить его силу. Признаюсь честно – так

сильно я не пугался никогда. Моих знаний хватило только на то, чтобы как можно быстрее унести ноги; мне повезло, что камень я смог лишь приоткрыть, иначе уносить было бы нечего. Однако и той малости, что с такой радостью вырвалась из темной глубины камня, вполне хватило... и я убедился, что с моими возможностями лучше и не пытаться совладать с ним. Я не думаю, чтобы ты забыла ту грозу, которая напрочь снесла одну из надвратных башен замка великого герцога Арзахельского, спалила ближайшую к городу мельницу, рассыпала ожерелье молний–сфер в главном арсенале – и расплавила большую его половину в бесформенные железные кляксы... и опалила твоему удиравшему названному братцу всего-навсего кончики ресниц. Она играла, Амариллис, эта сила проказничала, как ребенок, которого оставили без присмотра – и вот он гремит, что есть мочи, поварешкой в сковородку, швыряет материнское рукоделие в камин, пускает отцовский шлепанец поплавать в супнице, и наслаждается свободой.

–Но почему ты не рассказал мне об этом? – несмело спросила Амариллис.

–А зачем? Чтобы напугать? Да и что я мог тебе рассказать? Что в камне скрыта огромная сила – так об этом я тебе говорил, только ты не особо прислушивалась. Или что камень надо беречь – ты и без того им дорожила, кольцо не снимала даже в купальне. Хотя... может, и стоило тебя припугнуть, глядишь, не было бы сегодняшней печали.

Цикады по-прежнему истошно верещали, прямо–таки заходясь в невыносимых, надрывающих сердце руладах, которые тысячами иголок вспарывали густо-синий бархат ночи. Брат и сестра сидели молча, не глядя друг на друга. Наконец Арколь, протянув руку, прикоснулся к прохладному, гладкому плечу Амариллис и сжал его своими тонкими пальцами.

–Ну, будет тебе. Довольно купаться в водах грусти и вдыхать аромат раскаяния, это отнимает слишком много сил. Иди, и пусть легкими будут твои сны, – и он протянул ей стоявшую за его спиной тарелочку, на которой лежали два маленьких пирожных, посыпанных розово–золотистыми семечками илори. Второе Арколь взял себе.

Все праздники рано или поздно заканчиваются; радость утомляет не меньше работы, да и какой прок в бесконечном ликовании? надоест хуже горькой редьки. Торги Третьего Лета, перевалив за половину, с неумолимой быстротой приближались к седьмому, финальному дню. Все нескромные сокровища Арр-Мурра были распроданы, золото звонкими ручейками перелилось из одних кошелей в другие, трактирщики с озабоченными минами проверяли свои винные погреба, а девицы в веселых домах с удвоенным усердием запудривали темные круги под глазами и вконец опустошали флакончики глазных капель из сока белладонны. К закрытию торгов никто особо не готовился; в этот день не выступали артисты, не проходили в торжественных процессиях мастеровые избранных цехов, не устраивали очередной бугурт

солдаты эригонского гарнизона – ничего этого не было, просто в два часа пополудни городской голова или, по–здешнему, ратман, господин Сириан выходил на балкон своей городской резиденции и с приличествующей случаю торжественностью объявлял о завершении торгов. Собравшиеся на площади приезжие купцы, а также мирно прогуливавшиеся горожане отвечали недолгими рукоплесканиями и продолжали свои занятия.

В этот день город был похож на измотанного долгой дорогой путника, уже не чающего добраться до дому. За шесть нескончаемых дней и мимолетных ночей Эригон уставал как за три-четыре обычных летних ярмарки, вместе взятые; и никто и предположить не мог, какое безумное веселье затопит город вечером седьмого дня.

Все шло своим чередом: подмастерья убирались в мастерских и запирали двери и ставни, торговцы с поклонами провожали припозднившихся покупателей, хозяйки подавали ужин... казалось, что прежняя, привычная жизнь вновь вступила в свои права. И как всегда, начиналось все в каком-нибудь из веселых домов, словно неугасимый огонь, тлеющий под юбками его обитательниц, вырывался наружу. Вечер, снисходительно усмехаясь, накидывал на начинающееся столпотворение темный плащ; но люди не желали спасительной темноты, они зажигали факелы, запаливали новомодные масляные светильники. Развеселые девицы, украшенные цветочными венками, одетые в свои лучшие наряды, затевали пляски вокруг фонтана на городской площади и к ним, смеясь и взвизгивая, присоединялись девушки из самых почтенных семейств; повинуясь нарастающей лавине разгула, люди покидали свои дома, оставляя открытыми окна и двери – заходи, бери, что хочешь (и заходили, и угощались хозяйским вином, и отведывали хозяйкиной стряпни, но чтобы украсть – отродясь такого не случалось). Ближе к ночи на площади и соседних с нею улицах было не протолкнуться; пьяная, горланящая песни, танцующая на ходу толпа двигалась не то по кругу, не то по спирали, не то просто топталась на месте; в рыжем свете факелов мелькали хмельные лица: вон известный сапожник-пропойца в напяленном набекрень чьем-то новехоньком берете роскошного пунцового бархата, с ним почти что в обнимку – глава ночной стражи, старый солдат... почему-то в дамском кудрявом парике, украшенном цветочками, а вон на краю фонтана присели, отдыхая, Ризалетта Заплати-не-пожалеешь – смуглая, злоязыкая, длинноногая портовая шлюха, любимица всех северян, когда–либо заходивших в устье Каджи, и маленькая тихоня Онар, внучка госпожи Элиссы...

Так было три года назад. Этого ждали и сегодня, ибо настал седьмой день Торгов Третьего Лета.

Амариллис – в кои-то веки! – разрешила себе выспаться досыта: сны ее были настолько хороши, что их стоило досмотреть. А потом, не торопясь, проснуться и перевернуться на спину, бессмысленно улыбаясь и решительно ничего не соображая... Теплое и ленивое заигрывание с остатка-

ми дремы прервал Лорка, забренчавший прямо под окном на гитаре одну из своих лживо–восторженных серенад. Амариллис, любившая восторженность примерно так же, как и малину, решительно вылезла из постели и, высунувшись по пояс в сад, откомментировала лоркино пение в выражениях, достойных правнучки орка. После чего в великолепном настроении приступила к умыванию.

Дети Лимпэнг–Танга оставались в Эригоне еще на неделю: необходимо было доделать кое-какие дела, почтить своим присутствием торжественный ужин у ратмана, да и попытаться отыскать крысенка Фолькета тоже стоило. Но сам праздник был уже позади, свое дело они сделали и сегодня собирались как следует отдохнуть.

–Заниматься будем? или нет настроения? – спросила Венона, входя в комнату, которую Амариллис делила с Рециной и Криоллой; первая с утра пропадала на складах Безымянного канала, а вторая, наказывая себя за опрокинутый кувшин, третий час подряд жонглировала своими самыми любимыми фарфоровыми чашечками.

–Будем, – твердо ответила девушка, вытаскивая из сундука здоровенный том флорария и усаживаясь на широкий, низкий подоконник.– Мы остановились на свойствах болотных трав, и я их все выучила. Можем переходить к практическому применению.

–И перейдем, – и Венона, довольно улыбаясь, присела рядом с Амариллис.

В одном из залов иремской медицинской школы (в том, окна которого выходили в тихий внутренний дворик, а стены были расписаны старым, классическим шаммахитским орнаментом) шел выпускной экзамен второго круга. Ученики, все в одинаковых серых джеллабах, обритые наголо, сидели полукругом на толстом шерстяном ковре. Время от времени один из них поднимался и подходил к экзаменаторам, пятерым титулованным докторам, чьи имена были прославлены и за пределами Шаммаха. В прохладной тишине зала раздавались негромкие вопросы, еще более негромкие ответы, кого-то из учеников подводили к демонстрационному столу, на котором в образцовом порядке были разложены хирургические инструменты, других – к столику, тесно уставленному множеством непрозрачных скляночек с зельями.

–Ал-Ладин! – и невысокий, быстроглазый шаммахит легко поднялся, отвесил наипочтительнейший поклон и подошел к экзаменаторам.

–Юноша, вы более чем прилежно занимались в течение всего второго цикла, – дружелюбно улыбаясь, обратился к ученику один из докторов, – итоговая работа по фармацевтике вполне достойна уровня третьего круга, вашим ассистированием на операции остался доволен даже мэтр Аурело. Надеюсь, вы и сегодня не разочаруете нас. Итак, ответьте мне, какие болезни души и тела вызывают волнения воздуха, именуемые ветрами.

–Да ниспошлет вам Вседержитель свое благословение и да продлит ваши дни на благо всех скорбящих и страждущих, – традиционная формула благодарности и уважения прозвучала в устах ал-Ладина чуть-чуть чересчур сердечно, и, еще раз низко поклонившись, он приступил к ответу.

–Хладный Фракий, приносящий снег и ледяной дождь, вызывает ломоту в суставах, жестокие зубные боли. Неудержимое слезотечение, сопровождаемое чиханием и обильным выделением слизи из носовых полостей – это возможные последствия ветра с цветущих полей Суртона. Нот, Хор и Аргест – суть основные ветра, дующие с Безымянного Хребта – бывают весьма коварны и непредсказуемы в своих воздействиях, в медицинских трактатов эльфов описаны случаи временного умопомешательства и мании преследования, а знахари орков связывают с этими ветрами гнойные воспаления застарелых, незакрывающихся ран. Однако самым гибельным для здоровья любого разумного существа по праву считается тихий ветер, именуемый также дыханием Арр-Мурра.

–Отлично. Вот об этом и расскажите поподробнее.

Ал-Ладин, помолчав для приличия с минуту, приступил к ответу.

–О почтеннейшие и достойнейшие, краткость и неполнота моего ответа вызваны не нерадивостью моею, но крайне малой изученностью сего природного явления и его столь зловещих последствий. Единственное вполне научное сочинение, посвященное рассмотрению этого феномена, – трактат мэтра Аурело, – и ученик низехонько поклонился, поблескивая зеркально гладкой кожей головы, – не убоявшегося страшной болезни, но бросившего ей вызов и победившего!

–Бросьте, ал-Ладин, с вашими знаниями нет нужды льстить, и вы не хуже меня знаете, что до победы над тихим ветром мне так же далеко, как гному до велигоры. Продолжайте.

–Слушаю и повинуюсь, – и, отвесив очередной поклон, ал-Ладин продолжал: – Источник тихого ветра – проклятая земля Арр-Мурра, оттуда он исходит, повинуясь неведомой воле и без каких–либо известных нам причин. Движется тихо, не волнуя моря, не топя кораблей, лесов не ломая... всегда в одном направлении – строго на север. Запаха не имеет и лишь готовясь иссякнуть, приносит с собою тончайшую пыль фиолетового-черного цвета, и укутывает опустошенные дома и селения в погребальные пелены. Проникает сквозь малейшие щели, даже сквозь поры камня, поэтому скрыться от него весьма затруднительно.

Влияние же его на живых таково. Если кто в горести сильной воздух проклятый вдохнул, или же кто был рассержен зело, иль ревновал без меры, словом, кого сильные чувства обуревали – тот уязвимей всего. Да, а если же кто радовался столь же безмерно, ликовал, веселился – от первого же глотка тихого ветра радость его обратится бедою. Скажем, жених счастливый на пороге нового дома. Ему представится, что невеста его умерла, и, даже видя живую ее, он будет скорбеть и оплакивать кончину любимой. Или веселая

мать с долгожданною дочкой иль сыном. Ей примерещится выкидыш, иль роды тяжелые, в которых ребенка она потеряла, и будет бедняжка рыдать неутешно. Те, кто чувствуют ярко и не скупятся на горе иль радость – вот что ожидает их. Боли жестокие в области сердца иль головные, долгие, неиссякающие, их облегчить можно только самыми сильными средствами (о них скажу позже), но излечить их нельзя. Затем возможны и весьма вероятны кровотечения обильные, носовые – коль болит голова, и горловые – коль в сердце боль угнездилась. Два, самое большее – три приступа этих кровотечений – и смертная тень накрывает больного, и ничто его не спасет.

Если ж кому повезет быть сдержанным и спокойным на момент первых вдохов от тихого ветра, то и ему не избежать доли страданий. Симптомы же таковы. Вялая, мутная грусть неизвестно о чем; тоска, неприкаянность, уныние без явной причины; мысли бредовые; тупая покорность судьбе и нежеланье бороться с болезнью (и самое страшное именно это, ибо отсутствие воли быстрее убьет, чем тигр голодный). Отравленные дыханьем Арр-Мурра порою жаждут отраву эту вдыхать и вдыхать, и, на землю садясь, лицо подставляют тихому ветру и молят, чтоб превратился он в ураган и дал бы упиться собою до смерти, словно вином.

Ал-Ладин перевел дыхание и бросил взгляд на мэтра Аурело. Тот сидел, нахмурившись; видно, воспоминания были не из легких.

–Неизбывная эта грусть и безнадежность приводят к тому, что люди и не стремятся к спасению. Им кажется, что весь мир – это их город, или селенье, иль дом, а больше и нет ничего, и бежать нету смысла. Множество случаев самоубийств, реже – голодные смерти. Что же касается лекарственных средств, способных хворь ветровую смирить, то их попросту нет. Возможно лишь частично облегчить боль предсмертных часов или дней посредством...

–Довольно, – прервал ученый речитатив ал-Ладина один из экзаменаторов, – довольно. Может, у коллег есть вопросы?

Вопросов не оказалось. Удовлетворен был даже мэтр Аурело, чей трактат ал-Ладин выучил почти что наизусть; правда, в сем сочинении мэтр не открыл всей правды о недуге и ни словом не обмолвился о таком явлении, как иммунитет к дыханию Арр-Мурра... но это было его право, право пережившего эпидемию.

Спустя полчаса довольный ал-Ладин выходил из зала. Его подготовка оказалась достаточной для того, чтобы его, минуя третий круг обучения, с обязательными службами в больницах для бедных, перевели сразу же в круг четвертый, предпоследний! Если так пойдет, то уже очень скоро он сможет получить степень практикующего доктора... Слава Вседержителю, что хозяин его младшей сестры столь щедр – если бы ни любовь к нему этой славной дурехи Лалик, да не деньги ан-Нумана – так и сидел бы он в отцовской мастерской, на куче опилок, и вытачивал бы резные столбики к паланкинам... Ал-Ладин прикинул – денег, данных ан-Нуманом, и подарен-

ных сестрой вполне хватит, чтобы закончить обучение и обзавестись всем необходимым для начала. Юноша разулыбался, отвечая обступившим его мечтам, но почти сразу же оборвал себя, выпрямился и – это сразу же после экзамена! – направился в библиотеку, продолжить вчерашние изыскания.

–Так что же с корневищами кубышек? Амариллис, я второй раз повторяю вопрос, что случилось? – недоумевая, Венона наклонилась, заглядывая в глаза ученице.

–Извини, Венона. Сейчас скажу... ничего не понимаю.

–Да что такое, в самом деле?

–Ты сама посмотри. Вон там, рядом с кустом огненных лилий... видишь? ветряк.

–Ну и что тут особенного? в Эригоне мода на ветряки, тыкают, куда ни придется... этот еще ничего, изящный.

–Да не в этом дело. Высунься поглубже в окно... чувствуешь? какой ветерок приятный... и весьма ощутимый. А ветряк почему-то не крутится. Сломался, что ли?

–Не думаю, – Венона нахмурилась, – у госпожи Элиссы идеальный порядок повсюду.

–Тогда что? Ветер особенный, или как? Может, ему особый ветряк подавай? Впрочем, этих вертушек тут столько, на все ветра мира хватит. Ого, а это что?

Этот вопрос относился к череде непонятных восклицаний, донесшихся со стороны господской половины дома. Венона и Амариллис переглянулись, отложили свои занятия и направились туда.

Войдя на просторную веранду, выходящую в сад, артистки увидели и саму хозяйку дома, лежащую без чувств в деревянном кресле, и всех ее горничных (в количестве ровно пяти штук) – одна из них тщетно пыталась помочь госпоже Элиссе прийти в себя, остальные четверо рыдали, заламывая руки и закрывая головы передниками.

–Ну вот, полюбуйся, – вполголоса сказала Венона, кивая на плакальщиц, – учти, когда будешь знатной дамой: одна искренне преданная служанка стоит дюжины льстивых вертихвосток. И ведь Химена никогда не была любимицей Элиссы, так, обычная горничная. Осушите свои фонтаны, девицы, и потрудитесь объяснить, что здесь происходит.

Венона подошла к хозяйке, мягко отстранила Химену, помассировала обморочной виски, вынула из поясной сумочки металлический флакончик и сунула его ей под нос. Госпожа Элисса вздрогнула, застонала и открыла глаза. И тут же на ее лице отразился столь явный ужас, что Венона отшатнулась.

–Ветряки... Ветряки... – язык с трудом повиновался женщине, на лбу поблескивали бисеринки пота, а в глазах плескался безумный страх. Она силилась встать, но безуспешно.

–Кто-то сломал ваши ветряки? – с наилучшими побуждениями вмешалась Амариллис. – Ничего страшного, пригласите мастера, он их починит.

Похоже, ее даже не услышали. Девушки продолжали плакать, госпожа Элисса, вцепившись в плечи Веноны, пыталась что-то сказать. Наконец, ее бессвязные и нечленораздельные реплики обрели подобие осмысленной речи.

–Все ветряки в городе остановились, все до единого... так уже было, десять лет назад, а мы-то думали, конец этой напасти... Мои дети, все, все здесь... малышка Онар уехала, как хорошо... хоть она выживет.

Венона успокаивающе поглаживала дрожащие пальцы пожилой женщины, явно не зная, что же делать и чем ей помочь. В этот момент на веранду почти бегом влетел главный эконом, всегда почтенный и вальяжный, как гусак. Сейчас он был похож на насмерть перепуганного мышонка.

–Госпожа, Марчо только что с площади... ратушный ветряк заработал!.. Там люди из предместий, говорят, все их ветряки стоят, чуть ли не с полуночи. А большой вертится, еле-еле, лопастями блестит, смерти наши считает! – и, взвыв напоследок, эконом умолк, глотая слезы.

Амариллис подошла к одной из рыдающих служанок; ее звали Ула, и с нею она почти подружилась, помогла ей разучить красивый танец к свадьбе (Уле сделал весьма завидное предложение мастер-шорник, хозяин небольшой мастерской), и наклонилась к ней поближе.

–Ула, ну будет тебе так убиваться... Я, правда, не понимаю, что происходит, но ведь у тебя есть жених – уж он-то защитит тебя от любой невзгоды... да что я говорю, он и пылинке не даст на тебя упасть, в карман спрячет и домой унесет!

Ула резко выпрямилась и горестно воззрилась на танцовщицу.

–О чем ты говоришь? Разве ты не знаешь, что Бранд умер? его убили...

–Кто?.. – только и смогла спросить ошарашенная Амариллис, видевшая Бранда не далее как позавчера.

–Не знаю... его нашли под городской стеной, недалеко от тракта, с перерезанным горлом, неделю назад. Как ты могла забыть?! Ты же помогала мне шить ему саван, мы вместе плели погребальные венки...

Девушки смотрели друг на друга плача, одна – от сердечного, неутолимого горя, вторая – от жалости и испуга. Внезапно Ула вскрикнула и прижала ладонь к груди.

– Ох, как больно... – и с протяжным стоном опустилась на пол.

Глава восьмая. Планы господина ратмана

Вытяжной колпак камина в зале, где по традиции собирались члены магистрата, был украшен искусной резьбой; Сириан Мираваль, занимая почетное кресло ратмана, к которому вели две ступеньки, в который раз отметил про себя ее великолепие. Усевшись, он обвел взглядом собравшихся: весь городской магистрат в полном составе сидел за длинным столом, покрытым тяжелой синей скатертью. Глава таможни, смотритель складов, городской судья, смотритель лавок... богатые купцы, глава цеха ювелиров, командующий городским гарнизоном. Давным-давно знакомые лица, такие мрачные и сосредоточенные сегодня. Сириан кивнул сопровождавшему его писцу, тот с почтительным поклоном приблизился к ратманскому креслу, подал первому лицу Эригона небольшую книгу в черном жестком переплете с застежками и отошел на свое место, за небольшую конторку по правую руку господина ратмана.

–Милостивые государи, – Сириан обращался к собравшимся так спокойно, будто собирался обсудить размеры очередной пошлины, – я призвал вас не для того, чтобы предаваться скорби или объявить о своей отставке. Мы обязаны определить новые принципы управления городом, дабы на сей раз дыхание Арр-Мурра не оказалось для Эригона столь разорительным, как десять лет назад. Не хуже меня вы знаете, что через день-другой обе городские больницы окажутся заполненными умирающими, а еще через неделю большинство горожан – и многие из нас в том числе – перестанут различать реальность и домыслы, плавая в мутном море кошмаров. Последние из решивших уехать покинут город уже сегодня ночью. Как я и подозревал, их оказалось до смешного мало; Эригон богат и его жителям есть, что терять... поэтому большинство предпочитает отсидеться в своих домах, надеясь, как всегда, что именно их беда обойдет стороной. Что касается меня, то мне больше нравится быть ратманом Эригона, чем тестем–приживалом в одном из арзахельских замков.

–Вы говорите умно, Сириан, – откликнулся городской судья, нервно потиравший пальцы, – но что толку? Мы можем – пока еще можем – сочинить любые, какие угодно законы и правила, но кто будет их исполнять, а паче того, следить за их исполнением?! Пловцы в море кошмаров?!

Сириан согласно кивнул.

–Вы совершенно правы, сударь мой. Именно частичная или полная недееспособность горожан и была самой большой бедой прошлой эпидемии тихого ветра. Но я был бы никуда не годным ратманом, если бы не попытался предусмотреть возможности повторения этой напасти и не стал бы искать средства ее преодоления. Милостивые государи, сегодня считаю возможным объявить вам, что та часть городской казны, которую вы все

считали безвозвратно утраченной во время первой эпидемии, на самом деле была отдана магистру Аурело за его трактат о тихом ветре.

– Но позвольте, господин Сириан, – выразил всеобщее недоумение глава гильдии врачей, – зачем вы это сделали? Не посоветовавшись с магистратом, вы тратите огромную сумму на книгу, которую можно купить в любой мало-мальски приличной книжной лавке?

–Эту книгу купить нельзя, ибо она принадлежит городу и продавать ее город не станет. Поймите меня, это – и Сириан положил руку на переплет – единственный полный экземпляр сочинения мэтра Аурело, написанный его собственной рукой. Ни в одной из тех книг, которые вы купите в обычных лавках, нет вот этой главы – и, раскрыв трактат на заранее заложенной странице, ратман громко, раздельно прочел – «О случаях излечения и природной устойчивости к болезни».

Собрание заметно оживилось. Не давая беспорядку усилиться, Сириан поднял руку, призывая к тишине, и сказал:

–Милостивые государи, я не буду занимать наше время чтением всей этой многоученой книги, перейду к самому главному. Мэтр Аурело – я думаю, ни у кого не возникнет недоверия к его словам?! – утверждает, что гораздо большей сопротивляемостью тихому ветру отличаются носители темной крови, в просторечии именуемые орками. Многие из них вообще не реагируют на дыхание Арр-Мурра. Мало того, даже малая доля темной крови превосходно защищает от болезни.

–И что вы предлагаете? – спросил командир гарнизона. – Хотите передать свои полномочия мне? – и он усмехнулся, блеснув великолепными клыками.

–Пока – нет. Пока я предлагаю обязать всех темнокровок служить первостепенным нуждам города на время тихого ветра, а именно, ухаживать за тяжелобольными, обеспечивать хоть какой-то порядок на улицах... и тому подобное. Их в Эригоне не так много: солдаты гарнизона, несколько семей в контадо кузнецов, охранники в богатых лавках, кое-кто из эскорта путешествующих купцов – не больше полутора сотен.

–А вы уверены, что все мои сокровники так легко согласятся на ваше предложение? Сомневаюсь, чтобы кузнец с охотой отправился таскать горшки из-под умирающих, да еще и за здорово живешь... а солдаты так попросту пошлют меня прямиком в Арр-Мурра сесть задницей на источник ветра...

–А вы не сомневайтесь, Гвирр. Иначе будет проще простого подсказать нашим добрым, но уже малость утратившим ясность рассудка горожанам, кто виновен в этой напасти – конечно же, тот, кто сам от нее не страдает. Что за этим последует – я думаю, понятно... Так что в ваших же интересах собрать как можно больше сокровников. Чем лучше будет выполнена работа, тем больше вам – лично вам – заплатят. Извините за крайнюю некуртуазность выражений, но сейчас не время для тонких намеков. Я

полагаю, годовое жалование в десятикратном размере... – и ратман вопросительно глянул на собеседников.

–И место моего первого помощника для вашего старшего сына, – добавил глава таможни.

–Моя гильдия заплатит вам за каждого смотрителя, присланного в наш квартал... – подал голос ювелир.

–Буду рад услужить вам, милостивые государи, – Гвирр поднялся и отвесил общий поклон, – Клянусь служить Эригону не зная сна и отдыха.

–Кто бы сомневался... – Сириан улыбнулся, но как-то совсем невесело. – Вы сами решите, как организовать своих сокровников, дабы соблюсти хоть какой-то порядок в городе; не знаю, сколько продержусь я сам, в прошлый раз меня хватило на месяц с небольшим (сидящий рядом по левую руку смотритель складов завистливо вздохнул: он тогда продержался не многим более недели, после чего домашним стоило немалого труда удерживать его в пределах родового особняка, откуда он рвался уйти на поиски жены и детей, якобы украденных и проданных в Шаммах; к счастью для этого семейства, экономка, царившая в доме, была дочерью орка). Да, вот что еще: необходимо как можно быстрее оповестить горожан, что во время эпидемии – особенно в разгар дня – им лучше сидеть по домам и не высовывать носа на улицу, – ратман постучал по книге мэтра Аурело пальцем, – оказывается, тихий ветер не сразу одолевает каменные и деревянные преграды, и есть смысл прятаться от него, но вот на солнцепеке он действует в два раза сильнее!

–Я позабочусь об этом, – покивал головой городской судья.

–Мессир доктор, – и Сириан слегка склонил голову, обращаясь к главе всех врачевателей Эригона, немолодому, но все еще глянцево-черноволосому суртонцу Окка, – книга будет храниться в моем доме, вы же вольны приходить за ее мудростью хоть ночью. Немедленно распорядитесь перевести обе лечебницы на особый режим, будьте готовы уже завтра принять и хоть чему-нибудь обучить пополнение, и будьте поосторожнее с запасами лекарств, постарайтесь растянуть их месяца на два, раньше, сами понимаете, подвоза не будет.

–Мэтр Мираваль, – обратился к ратману Гвирр, – а какие будут распоряжения насчет продовольствия? В прошлый раз от голода тоже помирали.

–Если точнее, то от нежелания есть – как и жить вообще, но не от недостатка еды. Так что особых распоряжений не будет. В контадо еще месяц все будет идти своим чередом, м-да... Насильно кормить мы вас никого не обязываем. Следите, чтобы на улицах представления не устраивали, в полдень по домам сидели, чтобы в лечебницах трупы да горшки вовремя убирали, а в остальном... как пойдет, и с кем вы договоритесь. Ясно? Что ж, отлично. Благодарю за участие в общем деле, милостивые государи.

С этими словами Сириан поднялся с кресла, не глядя, подписал поданный писцом лист пергамента, на котором был запечатлен весь сегодняшний разговор, отвесил общий поклон и в сопровождении того же писца направился к выходу.

До полудня было еще далеко, тем не менее, ту сотню шагов, что отделяла ратушу от городской резиденции ратмана, Сириан преодолел чуть ли не бегом.

Выстроенный еще дедом Сириана из привозного белого с тонкими желтыми прожилками камня, особняк Миравалей был несомненным украшением Фонтанной площади. Три полных этажа, окна (самое большое, в парадной зале – витражное) с массивными ставнями благовонного шаммахитского кедра, лестница, помещенная в подобие башенки, наполовину выступающей из стены и выложенной глянцевыми плитками, крыша, похожая на чешую зеленого дракона, щедро позолоченный флюгер, парадная дверь, обитая медными полосами... А внутри – парадная зала, если не размерами, то богатством и изяществом убранства ничуть не уступавшая иным герцогским резиденциям, отдельные комнаты, предназначенные для чад и домочадцев Сириана (комнаты! а не клетушки, отделенные друг от друга лишь деревянными перегородками или коврами, как это могло быть у того же герцога), библиотека, огромная кухня с вертелами, очагами, массивными шкафами с парадной и обычной посудой, холодные и благоустроенные погреба, гостевые комнаты, парадные спальни с такими кроватями, что не стыдно предложить и королю в день (вернее, в ночь) его свадьбы, в мансарде и в небольшом пристрое – помещения для прислуги. Словом, богатый, добропорядочный и влиятельный дом.

Фундамент благополучия линьяжа Миравалей заложил еще прадед Сириана – Стенио Мираваль, первый шелковый король, сколотивший огромное состояние на торговле с суртонскими шелкопрядильнями; его сын уже не отправлялся в долгие и опасные торговые пути самолично, предпочтя скучное сидение в лавке громкой славе искателя приключений. Из этого сидения получилось то, что Миравали прибрали к своим рукам почти всю шелковую торговлю в Эригоне. Теперь, когда денег у семьи было более чем достаточно, стало возможным полюбезничать с властью. Отца Сириана избирали на должность городского судьи дважды, от ратманской же мантии он отказался исключительно по причине слабого здоровья (сказать по правде, старикан попросту хотел пожить в свое удовольствие, вскапывая грядки и ухаживая за розовыми кустами в поместье Серебряные Ключи); сам же Сириан, надев отвергнутую отцом мантию, послужил и Эригону, и своему линьяжу. Старшая его дочь вышла замуж за одного из арзахельских баронов, принеся тому в приданое средства на обновление родового замка, на содержание весьма пышного двора, на формирование собственного гарнизона... Миравали же получили влиятельного союзника и дельного советчика в делах, касавшихся внешней политики. Вторая дочь стала женой нынешнего смотрителя складов... должен же ратман знать, что творится у него под носом!..

Младший сын Сириана, Риго по прозвищу Ворон, породнил линьяж Миравалей с одним из достойнейших семейств Маноры, но – увы! – самой главной надежды этот брак не оправдал. Морелла Квиати оказалась доброй,

нежной и мудрой женой, блюдущей интересы мужа и достойно держащей дом, но никакие добродетели не могли компенсировать ее неспособности обеспечить линьяж наследником. Первую беременность Морелла не проносила и месяца, вторая прервалась, едва начавшись; через два года, потратив уйму денег на врачей и всевозможные снадобья, она смогла родить ребенка, слабенького, как вялый листик салата... малыш прожил неделю. Трудно сказать, для кого это было большей трагедией – для безутешной матери или для стареющего ратмана, жаждущего видеть внука, который унаследует богатство и власть линьяжа.

Спешно войдя в предупредительно раскрытую писцом дверь, Сириан отдышался. Сбросил мантию и шаперон на руки слуге и прошел в свой кабинет – лучшее помещение на втором этаже, с большим окном, камином и резной мебелью.

–Вы вернулись еще быстрее, чем я ожидал. Они послушались вас?

–А когда, скажи на милость, они меня не слушались? – и ратман протянул говорившему драгоценную книгу мэтра Аурело. – Возьми, убери на место.

И присядь-ка, потолкуем.

Ничего не отвечая, тот принял книгу с легким поклоном, прошел к массивному столу и запер ее в одном из многочисленных ящиков. Просочившийся сквозь толстые стеклянные кружочки окна солнечный луч неожиданно ярко осветил его, склоненного над замком: высокий, поджарый, с чуть-чуть длинноватыми руками, одет богато, но без вычурностей – темно-синие шоссы, котту и эскофль оживлял только расшитый золотом пурпурный пояс, иссиня-черные волосы, прямые и тяжелые, острижены по плечи, на узком, длинном лице кусочками антрацита поблескивают глаза, опять-таки чуть-чуть близковато посаженные, густые брови срослись у переносицы... а если добавить к этому острый крупный нос, то любому станет ясно, что свое прозвище младший сын ратмана получил не зря. Риго Ворон по настоянию отца вместо торговой школы закончил арзахельский университет и вот уже семь лет весьма успешно выполнял различные щекотливые поручения дипломатического толка как от имени линьяжа Миравалей, так и от самого Эригона Баснословного.

–Я выполнил все ваши приказания, отец. За полчаса до полудня все двери будут запираться, за этим проследит один из этих, новых слуг. Душистые травы для курений доставлены. Экономка передает все дела прибывшей на замену клыкастой особе, впрочем, вполне благовидной. Наши вещи собраны, карета готова, осталось только выбрать между Серебряными Ключами и Вересковым Логом.

–Вересковый Лог. Ты поедешь вместе с Мореллой, останешься... пока не позову.

–Простите мою дерзость, отец, но какой смысл прятать меня в этой глуши, среди хнычущего бабья и трезвомыслящих, но неумелых слуг? В прошлый раз меня хватило на три недели, и я не прочь еще раз померяться силами с тихим ветром.

Сириан посмотрел на сына и покачал головой. Они сидели рядом, на широкой скамье, крытой темным мехом, удивительно разные и схожие одновременно. У ратмана было широкое, почти квадратное лицо, массивный подбородок с ямочкой, крупный, красивого рисунка рот, зеленовато-серые глаза, опушенные белесыми ресницами; седая шевелюра аккуратно подстрижена; тело, уже несколько оплывшее и погрузневшее, все еще внушало уважение таящейся в нем силой старого медведя. Одним словом, сын явно пошел в мать, дочь богатого владельца шелкопрядилен из Иссы, умершую десять лет назад, в самый разгар эпидемии. Но внимательный наблюдатель легко мог уловить, насколько Риго напоминает отца; манера приподнимать брови, выслушивая вопрос, жесты рук и движения пальцев, интонации и тембр голоса, улыбка... все было почти одинаковым. Сириан очень любил сына. Пожалуй, больше, чем обеих дочерей, вместе взятых.

–Ты поедешь вместе с Мореллой. Вряд ли она проносит этого ребенка больше месяца, слишком слаба, да еще этот ветер... Ты будешь нужен ей. Она славная женщина... – нужно отдать должное честности ратмана: при всем желании видеть горластого, здорового младенца-внука он никогда не попрекал невестку ее бесплодием.

–Месяц? Вряд ли... если дело только в этом, я смогу приехать дней через десять.

–Ты приедешь, когда я позову. А до тех пор сиди в Вересковом Логе, утешай жену и обдумывай вот это предложение, – и Сириан протянул сыну свернутый в трубку лист бумаги, вынув его из складок эскофля.

–Так, посмотрим... Занятно... экий наглец... – и Риго вопросительно посмотрел на отца.

–Да уж. А когда обмозгуешь это, займись, пожалуй, вот этим документом, – и ратман достал из эскофля пергамент, скрепленный витым шнуром с четырьмя кистями – черной, белой, красной и синей.

–Эльфийские церемонии, – кивнул Риго, беря пергамент, – что на этот раз? Ого-го... не верю своим глазам... это чтобы их величества о чем-то просили?!. – и он изумленно поднял глаза. Ратман кивнул – читай, мол, дальше.

–Так значит, им нужен алмаз темной крови. Клянусь семью шпилями Арзахеля, это неслыханно!

–Послание доставил лорд Лотломиэль, – Сириан пропустил мимо ушей восклицание сына, – отдал его мне два дня назад. Сказал, что камень несомненно был в городе, но был украден у хозяйки каким-то цвергом. Эльф говорит, что не чувствует силы камня, а значит, он или спрятан за Краем Света, или – как это он выразился? – уснул, превратился в обычный осколок кремния. Вору от него не будет никакого проку. Даже если он маг, алмаз темной крови никогда не подчинится вору.

–А другому магу?

–Эльфы не знают. Но попытаются его приручить.

–Но для начала неплохо было бы его попросту найти... или купить, как предлагает этот тип, – и Риго помахал свернутой бумагой.

–Это я получил сегодня утром, передали через писца, а кто – он вряд ли вспомнит... у него две недели назад умерла дочь, долго он не продержится, сегодня уже все покашливал да платок прятал. Что скажешь, сын?

–Скажу, что не стоит торопиться. Поспешишь – людей насмешишь. Сигнальный ветряк крутится четыре дня... эту эпидемию нам уже не избыть. Так что поспешных покупок делать не стоит.

–Согласен. Это нам даже как-то и не к лицу. Эригон – город торговый, вот и поторгуемся. Со всеми. Ну, ступай. Бумаги убери... сам знаешь, куда. Выезжайте вечером. Ступай, сын.

Риго поклонился отцу и оставил его одного. С минуту постояв в просторном коридоре, словно обдумывая что-то, он направился в покои своей жены.

Риго открыл дверь, отодвинул рукой ковер, прорезанный по контуру проема, и вошел в комнату. Высокое окно с тремя рядами раскладывающихся ставень выходило во внутренний дворик; к нему придвинута массивная скамья-ларь, обычно покрытая вышитой тканью, сейчас же распахнутая и, очевидно, опустошенная. На небольшом расстоянии от стен – супружеское ложе Миравалей-младших, осененное роскошным балдахином, прикрепленным к потолку, с четырьмя пологами, передний из которых был искусно присобран и являл бы взору великолепие внутреннего убранства постели, если бы не скамья с высокой спинкой, выполнявшая роль ширмы. На скамье, опираясь на подлокотник в виде цапли, уткнувшейся клювом в землю, подложив под спину подушечку, сидела Морелла – тонкие, прекрасно выточенные кисти рук... одна покоится на животе, словно прикрывая от ветра нечто хрупкое, вторая подпирает подбородок; идеальный овал лица, карие глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, пышные каштановые волосы, убранные под серебряную сетку. Риго молча подошел и присел рядом с женой. Не прерывая молчания, она опустила голову ему на плечо и сжала его ладонь своими пальцами. Он чувствовал на шее ее теплое, прерывистое дыхание, выбившиеся из сетки волоски щекотали его щеку; Риго Ворон обнял жену за плечи, и, слегка касаясь губами ее лба, заговорил.

–Отец решил – это будет Вересковый Лог. Вот и хорошо, а то я никогда особенно не ладил с дедом... помнится, спер у него однажды тыквищу для октябрьского фонаря, а она оказалась какой-то диковиной, редкостью заморской... веришь ли, он мне эту тыкву до сих пор припоминает. Так что едем в Лог. Дом в дюнах, от ветра укрыт, и дорога удобная...

–Не понимаю... ты едешь со мной?! – и Морелла, подняв голову, с радостным изумлением посмотрела на Риго.

–Ну да. Меня отпускают на неопределенный срок. Отец всегда необыкновенно благоволил тебе.

–Скажи уж лучше – баловал...

–Тебе виднее. Как бы то ни было, вечером мы вместе уезжаем из города, чему я рад, признаюсь.

Риго не кривил душою. Он действительно ценил жену, ее красоту и несомненные душевные качества, что же касается любви... то этому искусству на факультете дипломатики не учили.

… И удача чернокнижника—недоучки

Если бывают на свете неслыханные удачи, перед которыми все остальные бледнеют и меркнут, как луны перед солнцем, то это был как раз такой случай. Фолькет не глядя, пятясь словно рак-отшельник, вышел из комнаты, нашарил ногой дверь и захлопнул ее за собою. По–прежнему держа ладонь лодочкой, он поднялся по узкой винтовой лестничке к себе в комнату, по дороге столкнувшись с женой мастера, больно приложился плечом о косяк, нашарил рукою в воздухе небольшой ларь, стоявший рядом с оконцем, рывком раскрыл его и выхватил давным-давно приготовленный сверток. Цверг встал на колени возле кровати, расстегнул висящую на шее цепочку, продел ее сквозь кольцо Амариллис и снова застегнул, спрятав добычу за пазуху. После этого он развернул кусок темной кожи и разложил на покрывале несколько мало согласующихся между собою предметов: высушенная птичья лапка, пучок какой-то травы с довольно скверным запахом, изрядно поистлевший лоскут материи, обрывок веревки... все это Фолькет сгруппировал (очень быстро, а значит, не в первый раз), капнул на траву маслянистой жидкостью из карманного флаконча (в таких ювелиры обычно носят несильную кислоту для проб) и с видимым наслаждением вдохнул поднявшийся над кроватью едкий пар. Еще несколько вдохов, произнесенные на выдохе слова, прозвучавшие некрасиво, словно по стеклу железкой скребли, еще вдох... Фолькет опустил лицо в самую середину уже внушительного столба пара, закашлялся – и исчез. И в доме мастера Рилло (к счастью для ювелира) больше никогда не появлялся.

* * *

Он пришел в себя, обливаясь холодным потом, отчетливо слыша мелкий перестук собственных зубов, и ощущая во рту вкус крови из прокушенной губы. Фолькет приподнялся на локтях, изо всех сил вглядываясь в полумрак пещеры и, сам того не осознавая, отползая назад. Прикосновение чужой ладони к затылку заставило его содрогнуться всем телом и истошно взвизгнуть.

–Ну-ну, все уже, все... успокойся, сыночек. Я предупреждал, что этот ритуал не из приятных. Все, все, будет плакать, сейчас домой пойдем, вот только приберемся тут, а то, неровен час, набредет кто, слухи пойдут.

–Оте-те-те-тец...

–Помолчи, малыш, не спеши. Я в твои годы трое суток после такого отходил... но нет у нас столько времени, да и ты покрепче будешь, да, что ль?! – с этими словами и ободряющим похлопыванием по спине приемный отец Фолькета прислонил его к стене, а сам, сделав несколько шагов вперед, будто рассыпал что-то невидимое из горстей и в тот же момент пещера осветилась ярким мертвенно-синеватым светом. Цверг поднял глаза и поспешно опустил их.

–Э-э-э, так не пойдет, – на сей раз голос отца звучал отнюдь не так сердечно, он говорил, словно кладбищенский ворон каркал, – а ну, подними глаза, я кому сказал! Смотри, смотри... сделано неплохо, можешь любоваться, не стыдясь!

Фолькет, повинуясь, вновь попытался оглядеть пещеру, но его хватило ненадолго; буквально через полминуты он согнулся в поясе в жестоком приступе рвоты.

–Да ты что, никак блевать собрался?! да я тебя... я тебя весь пол вылизать заставлю, если посмеешь! ах ты рабская душонка... – с этими словами старый гном подошел к Фолькету, рывком поднял его за шиворот, потряс, и, ухватив жесткими пальцами за подбородок, заставил поднять голову. Цверг пару раз содрогнулся в подавляемых судорогах, с натугой сглатывая и поскуливая; он шарил по пещере полубезумными глазами крысы, нажравшейся отравы, а его пальцы шевелились и дрожали.

–Ну, как?! неплохо ведь, правда? всего одна грубая ошибка...

–Ка-ка-каккая а-а-а-шшибка?.. – Фолькет с трудом узнал свой голос в этом крысячьем писке.

–А, интересно? быстро же ты... молодец, – и гном отпустил сыновние подбородок и ворот, – а вот где. Этот тип, ага... этот... он из тех, кому боль доставляет наслаждение, а значит, тебе в его боли никакого проку. Какой смысл на него силы тратить, отдачи-то никакой... с таким же успехом можешь нетопыря доить. Это, конечно, редкий экземпляр, даже мне не так легко было такой раздобыть, и встречаются они нечасто, но бывают. В другой раз не оплошай. Ну, нагляделся? давай прибираться.

Гном и цверг встали плечом к плечу (Фолькет уже вполне оправился и твердо стоял на ногах), вскинули руки в заклинающем жесте, гном все тем же каркающим голосом выкрикнул слова силы. Несколько секунд ничего не происходило, затем в полу пещеры с противным хлюпающим звуком стали раскрываться небольшие дыры, похожие на голодные зевы, из них потянулись черные, поблескивающие ленты языков, которые усердно принялись слизывать с пола и стен все следы фолькетовых упражнений. Пять минут – и все было кончено. Обычная пещера, каких под Безымянным Кряжем – пруд пруди.

–Хватит на сегодня, – отцовский голос вновь потеплел, – пойдем-ка домой. Мать небось уже вся извелась, не уморил ли я ее подарочка. Кстати, а с чего это ты под конец затрепыхался? все вроде получалось...

–Я понял, что это не фантомы, отец. Устал немного, внимание переключил... и заметил тень.

–Понятно... Ох, да что ж это я... чуть не забыл, – старик гном поспешно вытащил из заплечного мешка сверток и протянул его цвергу, – ну-ка, живенько!.. что, опять мне отворачиваться? экий стыдливый...

Пока отец, стоя к сыну спиной, потешался над его деликатностью, Фолькет переодел штаны; брезгливо, стараясь не смотреть на липкое пятно аккурат на гульфике, сложил грязные и сунул их в свой мешок.

–Все, что ли? эх ты, принц заморский... пойдем.

Уже перед домом отец дернул Фолькета за рукав.

–Сынок, пойди-ка, умойся в ручье, негоже перед матерью кровавой рожей щеголять, не любит она этого.

Фолькет подошел к ручью, протекавшему рядом с пещерой приемных родителей (вернее сказать, перед их пещерными хоромами), сбросил на каменный пол мешок, присел на корточки и наклонился над черной гладью воды. И тут же холодный подземный воздух огласил захлебывающийся, истошный визг и цверг, отпрянув от ручья, плюхнулся без чувств наземь.

Из парадного входа, обрамленного светящимися сталактитами, выбежала приземистая, коренастая гнома, одетая в богатое домашнее платье. Она опустилась на колени рядом с сыном, приподняла его, крепко прижимая к себе, и повернулась к мужу:

–Опять ты за свои шуточки дурацкие! Прибереги их лучше для своей родни, олух! Мальчику и так сегодня досталось, устал, бедняжка... ну что ты гогочешь, пиявка ты эдакая, помоги лучше! Кэдмон, последний раз прошу – не торопись! – и она выразительно нахмурилась.

Гном прекратил заливаться мелким, рассыпчатым смехом и подошел к жене; поводил перед лицом Фолькета ладонью и тот пришел в себя. Цверг судорожно схватился руками за щеки, ощупал нос, рот – ибо в черном зеркале ручья он слишком ясно увидел жестко топорщившиеся усы-вибриссы, наглые бусины глаз, подвижный шмыгающий нос, серую лоснящуюся шерстку и острые зубы грызуна, зубы, между которыми застряли волоконца парного мяса.

–Сыночек, ну не переживай ты так... Отец пошутил. Давай, вставай, да пойдем домой, вы как раз к ужину поспели, сегодня твой любимый ягодный пирог и моему умнице достанется серединка! А если ты ее всю скушаешь, то я покажу тебе, что припасла сыночку его мамочка... – и она расцеловала Подарочка в обе щеки.

Кэдмон умирал. Грудь, перебитая какой-то железкой, выглядела так, словно по ней прошлись плугом. Фолькет в полном одиночестве сидел возле отцовского смертного ложа, в злобном бессилии сжимая кулаки и нехорошо поминая имя матери: ну куда эта старая ведьма запропастилась, скажите на милость?! Гном захрипел, задергался... и открыл глаза.

–Сынок... я... не успел... – и Кэдмон страшно закашлялся, с уголков его рта стекали струйки отвратительно пахнущей крови.

–Отец, молчи... я что-нибудь придумаю, мать поможет, – Фолькет не знал, что еще сказать.

–Мать осталась там... мы не забираем трупы, даже самые любимые... запомни это...

–Осталась где?!

–В крысоловке... нас все-таки перехитрили... Заплатили, последние деньги отдали... не забыли своих... кха-аахх... Сын, возьми желтую склянку, там, в глубине... дай мне!..

Фолькет послушно исполнил отцово распоряжение; гном глотнул пахнущей цветами жидкости, сморщился и сказал уже более спокойно и разборчиво:

–А теперь слушай меня, Подарочек. Жить мне осталось не больше десяти минут, эта дрянь убивает нас наверняка, но напоследок дает силы. Ты не родной наш сын, это мы от тебя никогда не скрывали. Я долго искал тебя... среди гномов, цвергов, даже людей. По крови ты обычный цверг, сын раба и рабыни, ничего особенного... но в остальном – редкая удача для нас. Время появления на свет, врожденные способности, изумительная обучаемость Ремеслу... ты был всем хорош, мой мальчик.

Фолькет, мы были последним выводком подгорных крыс. Теперь ты остаешься в одиночестве. Запоминай: оба состояния, и гномово, и крысиное – для нас привычны, тебя перекинули еще в младенчестве... помнишь, я тебя все пугал отражением в ручье?.. Это было твое лицо. Я не многому успел научить тебя, сынок, а книг у нас нет... так что придется тебе самому... Ты сможешь. Может быть, даже лучше, чем под моим руководством. Ты жестокий, мнительный и злопамятный, и ты никогда не пытался подавить свою крысиную половину, позволил ей расцвести, набраться сил...

На мою родню не рассчитывай. Скорее всего, они выкинут тебя из дома еще до похорон. Так что собирайся сейчас; возьми мои инструменты – те, что сделаны под ювелирные, пояс с травами... больше ничего не бери, отнимут. Прими последний совет: ищи истинные вместилища силы, ради них не жалей ничего... даже себя; если встретишь Черного Магистра – не ярмарочного шарлатана и не побирушку... как проверить, сам знаешь... попытайся добраться до его книг, в ученики не набивайся, лучше в слуги. Не забывай...

Тут Кэдмон содрогнулся, глаза его выпучились, в горле забулькало... и старый гном начал оплывать, таять, перетекая в иную телесную форму, форму огромной крысы, не меньше гнома. Фолькет стоял рядом и смотрел. Крыса пару раз взвизгнула и вновь на ее месте оказался Кэдмон, но на этот раз в нем было поровну – и от гнома, и от крысы. Грудная клетка слабо вздымалась, дыхания почти не было слышно; жизнь спешила покинуть это неприглядное вместилище. Фолькет подошел поближе и грубо потряс приемного отца за плечо.

–Эй, вы! Прежде чем сдохнуть, скажите, у кого это нашлись деньжонки на зачарованную крысоловку! Ну!

Кэдмон дернулся, попытался что-то сказать... из ощеренной пасти вылетало невнятное шипение... ничего похожего на имя. Еще пара содроганий – и последняя в Обитаемом Мире чистокровная подгорная крыса сдохла – и в кои-то веки смерть сделала этот мир лучше и чище.

Фолькет пришел в себя, лежа в канаве, на обочине какой-то дороги, судя по всему, ведущей в контадо. Тело болело, жалобно ныла каждая косточка, а в голове кто-то любознательный ковырялся пальцем. И это было не самым худшим вариантом, неумело выполненные заклинания переноса могли разделить объект приложения силы на части и работать с каждой по отдельности. Цверг застонал, переворачиваясь на спину, с кряхтеньем поднялся и обозрел окрестности. Обычное южное редколесье, дорога, явно не из главных, но и не заброшенная, солнце уже клонится к западу... интересно, где это его промотало столько времени? Фолькет вынул из-за пазухи кольцо с темным алмазом на цепочке, подышал на него, зачем-то засунул в рот, вынул, вытер о рукав легкой рубахи, полюбовался на свет и почувствовал, как и смертельная усталость, и тупая боль отпускают его, отступая перед абсолютным ликованием. Спрятав камень на прежнее место, цверг решительно направился по дороге на север – подальше от города.

Он прошагал не многим более часа, когда увидел невдалеке недавно обкошенное поле и на краю его – неуклюжее строение, похожее на старый овин. Впрочем, овин обрадовал Фолькета сильнее, чем герцогский дворец. Он с трудом открыл рассохшуюся дверь, вошел внутрь: пыльная темнота, пронизанная лучиками заходящего солнца, утоптанный земляной пол, сваленные у стены жерди для стогов, а в глубине несколько охапок прошлогоднего сена, на которых явно ночевал какой-нибудь бродячий школяр или жонглер из тех, что не привязываются к одному трубадуру, предпочитая разнообразить своих господ (причем ночевал совсем недавно, потому что на дощатой стене чуть повыше сена белели свежепроцарапанные слова «Вирена шлюха» и «Посетите дом потаскушки Вирены – самый дешевый бордель в Ньерде» и другие, уже совершенно непристойные свидетельства размолвки между неизвестным грамотеем и Вирено). Фолькет присел на высохшую траву, потянулся и лег, закинув руки за голову. Он был доволен собой: чуть ли наугад совершенное заклинание переноса сработало, он оказался неподалеку от Ньерда – самого отдаленного контадо, последнего предместья, подчинявшегося Эригону; планировал, правда, поближе к Гридду... но спасибо и на этом. Цверг полежал немного, и сон начал одолевать его; свернувшись калачиком, подложив ладонь под шеку, Фолькет закрыл глаза и, уже засыпая, мысленно поблагодарил Амариллис. Спасибо, дуреха, избавила от хлопотного дела, сама отдала камешек... а то поди, отыщи тебя в дурной толпе вечером седьмого дня, еще обознаешься, пырнешь

кого-нибудь не того... Хотя, конечно, заманчиво было снять колечко с трупа. Фолькет омерзительно ухмыльнулся и облизал языком распухшие губы. Через минуту он спал, сном невинным и крепким, как молодой орех.

Деньги у него были, поэтому поселиться на одном из постоялых дворов Ньерда не составило труда. Заняв вполне приличную комнату во втором этаже, в самом конце коридора (подальше от любопытных глаз и ушей) и договорившись с тощим унылым хозяином о молочной похлебке на завтрак и мясной запеканке на обед, а также оговорив свое нежелание выходить из комнаты по пустякам, цверг запер дверь на задвижку, прикрыл ставни и поудобнее уселся на скамью-ларь в нише. Фолькет вытянул цепочку из-за ворота, снял кольцо и поднес его поближе к глазам. И зашипел. Его нос быстро задвигался, усишки зашевелились, зубы ощерились... черты лица цверга стали расплываться, удлиняясь и заостряясь. Он был очень зол и растерян. И было из-за чего: алмаз темной крови, прозрачный и глубокий, похожий на осколок черного льда, куда-то бесследно исчез. На его месте в оправе сидел невзрачный камешек, тусклый, непрозрачный, пыльно-серого цвета, затрапезный, как тряпка для стирания пыли. Ослепший, оглохший, беспробудно спящий камень.

Глава девятая. Мудрость господина ратмана

Спустя четыре дня после первого дуновения тихого ветра в доме госпожи Элиссы установилось хоть какое-то подобие прежнего порядка. Самые верные и уравновешенные слуги продолжали выполнять свои обязанности, другие – побеспокойнее – покинули дом; одни вернулись к семьям, другие попали в больницу для бедных... Ула исчезла бесследно. Артисты все так же занимали непарадные комнаты, впрочем, радости у них поубавилось.

Не все дети Лимпэнг–Танга оказались одинаково восприимчивы к тлетворной ласке дыхания Арр-Мурра. Хуже всех пришлось Лорке – рыжего весельчака подвела его всегдашняя чувственность, неумение жить – вполсилы, а смеяться – тихо. Лоркина гитара пылилась в углу коридора, его серебряный конь тосковал на конюшне; сам же младший Бреттиноро сидел, поджав под себя ноги, на неубранной кровати, грыз ногти и бубнил себе под нос, вспоминая все прежние обиды – начиная с семейного майората, лишившего его надежды на родовые богатства, и заканчивая последними расчетами Лиусса, якобы обсчитавшего вольтижера на крупную сумму. У него часто, почти все время, болела голова.

Немногим лучше пришлось Лиуссу и Рецине. Эти двое пока не замыкались в стенах дома, садились за общую трапезу, даже пытались участвовать в разговорах. И не менее трех раз в день жаловались на боль в сердце.

Заметно лучше других держались близнецы-суртонцы и Орсон. Воспитанные в сдержанности, привыкшие держать чувства в узде, привычно невозмутимые брат и сестра – и спокойный, как камни менгира, молчаливый северянин почти не изменились. Пройдет еще добрая неделя, прежде чем близнецы начнут заново оплакивать смерть матери, а силач Орсон уступит давнему, глубинному страху, который обессилит его руки.

Ни Амариллис, ни Веноны дыхание тихого ветра словно и не коснулось. Они, как только могли, помогали друзьям: микстурами – сонными или болеутоляющими, утешением, просто присутствием. Не оставляли они и хозяйской половины; почти каждый вечер госпожа Элисса засыпала, держась за руку Веноны. На пятый день эпидемии в доме появились гости.

Непрошеные и нежданные посетители вошли, минуя двери без стука, а домочадцев – без приветствий. Было их двое, и еще неделю назад они служили в эригонском гарнизоне. Обойдя полдома, они зашли в жилище артистов.

–Эй, кто тут у вас Амариллис? – хрипло вопросил один голосом, то и дело срывавшимся в рык.

–Я, – ответила танцовщица, отрываясь от попытки накормить Лорку его любимыми куриными клецками с ореховым соусом (она потратила на это блюдо почти час времени, щепотку кыт*а и три горошка кшахта), – а что?

–А то, – продолжил гость, – собирайся-ка, дева, пойдешь с нами. Глаза не таращь, лично нам от тебя ничего не надобно, но вот Славному Эригону ты можешь пригодиться. Нарядами не нагружайся, возьми чего попроще... в больнице тебе не до плясок будет.

–Зачем? Я не больна и не собираюсь...

–Вот именно. А другие уже собрались. А мы им вроде как в помощь.

–Мы? – Венона вошла в комнату и стояла позади солдат, – Мы – это кто?

–А орки. И те, в ком есть хоть капля нашей крови.

Венона посмотрела на растерянную Амариллис, на Лорку, тупо жующего клецку, и обреченно вздохнула. Опустив голову, сняла с шеи медальон (подарок Лиусса), и через полминуты подняла глаза – не карие и веселые, а серебристые, с вертикальными лезвиями зрачков...

–Госпожа... – опешившие солдаты синхронно согнулись в глубочайшем поклоне.

–Я пойду вместе с девушкой. Город славно принимал нас в часы радости, и мы не оставим его в час нужды, – куда подевалась прежняя Венона, ее мягкая улыбка и чувственный голос? У этой серебряноглазой женщины голос был решительным и властным, а в уголках губ притаилась миндальная горечь.

–Как прикажете, госпожа, – и вновь поклон.

–Сейчас мы идем с вами, а вечером я прошу вас вернуться и забрать в больницу этого юношу, – и Венона кивнула на Лорку, не проявлявшего ни малейшего интереса к происходившему.

–Сделаем все, госпожа, – говоривший орк почтительно наклонил голову, – мы подождем вас, собирайтесь.

Венона и Амариллис собрались быстро, поскольку нужные вещи в тщательной укладке не нуждались; увязав пару простых платьев и три смены белья в плащ, танцовщица решилась-таки задать вопрос.

–Кто ты, Венона?

–Я?.. Венона из клана Крысоловов. Тебе это ни о чем не говорит, и сейчас не время для долгих рассказов. Позже.

–Как скажете, госпожа... – и Амариллис без тени иронии поклонилась подруге.

Прошло две недели с того дня, когда дочери Лимпэнг-Танга впервые переступили порог городской больницы – той, что была предназначена для более-менее состоятельных людей. Венона, получив почтительнейший поклон от Гвирра, лично отмечавшего каждого из явившихся сокровников, имела недолгий разговор с мессиром первым доктором, после чего ее определили присматривать за приготовлением целебных микстур в аптечном пристрое; через два дня к этим обязанностям прибавилось еще и ответственность за одну из сестринских смен. Амариллис оставили при ней.

Длинное, приземистое здание эригонской больницы, выстроенное из серого камня, окруженное рядами невысоких вечнозеленых деревьев с

мягкой хвоей, находилось неподалеку от квартала ювелиров, отделенное от него каналом, одним из протоков Каджи. Внутри были просторные залы, разделенные передвижными деревянными перегородками, высокие кровати, столики для лекарств, чистота и порядок. Во всяком случае, так было до начала эпидемии. Но после того как золотой ветряк неделю поворочал лопастями, обстоятельства сильно изменились.

Все перегородки убрали, кровати сдвинули к стенам, на них теперь лежали особы, за которых просил лично Гвирр или мессир Окка; во всех трех залах были тесно–тесно расставлены походные солдатские койки – куски парусины, натянутые на деревянные рамы, проход такой, чтобы только мог протиснуться доктор. Под каждой лежанкой – горшок и корзина для кровавых тряпок, и на каждой – умирающий.

Тяжелобольных в госпиталь доставлял, как правило, полуденный патруль: именно в полдень, когда дыхание Арр-Мурра становилось особенно ядовитым, орки обходили улицы Эригона. Те, кого они находили вне домов – будь то тупо сидящие на земле и хватающие ртом зараженный воздух, или рисующие собственной кровью какие-то узоры на мостовой, или спешащие на поиски навеки утраченного – всех отправляли умирать под надзором врачей. Которые, к слову сказать, держались изо всех сил, стараясь как можно дольше не поддаваться ядовитому ветру. Кого-то из неизлечимых приводили слуги-темнокровки: они с трудом справлялись со своими хозяевами, погруженными в тихое помешательство, и на тех домочадцев, у которых иссякали силы, их уже не хватало. Каждый новый день приводил новых больных и забирал уже отмучавшихся; и служанки, стирающие больничное белье, выливали в канал из корыт темно–красную воду. За городской стеной рыли общие могилы, больше похожие на ямы, чем на место достойного упокоения, стоял чан с известью и бывший конвой, сопровождавший повозки почтенного господина Амброджо, засыпал сухой землей тела горожан.

Амариллис проснулась, разбуженная решительной Венониной рукой. Девушка выкарабкалась из жутко неудобной парусиновой койки, от которой у нее нудно ныла спина, подошла к стоявшему в углу комнаты тазу с кувшином, налила воды, плеснула себе в лицо пару освежающих горстей и почти проснулась. Вчера они с подругой до поздней ночи следили за приготовлением очередной порции успокаивающего настоя (Венона не подпускала к столь ответственному делу случайных помощников, к счастью, она успела обучить Амариллис правилам создания концентрированных эликсиров... теперь это весьма пригодилось); они растирали в порошок сухие травы, процеживали промежуточные отвары, отмеривали, кипятили, добавляли, смешивали и разливали в мерные бутылочки-капалки готовое зелье. В общую для женской больничной прислуги комнату вернулись уже заполночь, и опять же спокойному отдыху мало способствовало то, что многие из определенных в больничные служительницы темнокровки хра-

пели, явно не дружили с водой и имели отвратительную привычку плюхаться лицом вниз на первую попавшуюся койку (поэтому обе подруги спали без тюфяков, постелив на парусину свои плащи). А сегодня снова была их очередь заступать на дежурство по госпиталю.

Венона протянула сонной девушке ломоть хлеба с изрядным куском твердого сыра, глиняную кружку с травяным чаем и предложила присесть с нею рядом на длинную скамью, стоявшую у стены. Амариллис принюхалась к чаю.

–Интересно, а почему себе этой травки не добавляешь?

–Нет нужды. При желании я могу не спать хоть две недели. А вот ты зеваешь, как бегемот. Пей, пей... не брезгуй.

Они молча сидели рядышком, Амариллис прихлебывала чай, жевала хлеб и прикидывала в уме, хватит ли у нее сил через сутки добрести до канала и искупаться перед часами глухого, беспробудного сна (больше всего ей не хватало именно привычных ежедневных купаний, а вовсе не нарядов). Работы в больнице хватало: день среди больных, которым нужно было давать лекарства, менять кровавые тряпки, кормить с ложки, выслушивать их бред, на следующий день вроде полагалось отдыхать, но вместо этого подруги работали над приготовлением микстур, или вместе с другими темнокровками стирали больничное белье, мыли полы, помогали на кухне, а затем – снова в серые каменные стены, в залы, где висел густой, тяжелый запах крови и смерти.

Амариллис стряхнула с колен хлебные крошки, встала, перевязала непослушные волосы косынкой, совершенно по-детски шмыгнула носом и обратилась к Веноне:

–Ну что, пойдем, что ли? Смотри, кузнецова жена просыпается... как раз капалки разнести успеем.

–Пойдем.

Сегодня Амариллис гораздо больше обычного задержалась у постели Лорки (по просьбе Веноны и по причине его графского титула, вольтижера положили на настоящую кровать, да еще стоящую у окна). Он был очень плох; ему приходилось постоянно увеличивать дозу болеутоляющих капель, за чем тщательно следила травница, он почти ничего не ел, его жизнерадостность и легкость обернулись жесточайшим унынием и нежеланием жить; самому младшему в роду Бреттиноро казалось, что он – никому не нужный и никем не любимый приживал, разматывающий клубок никчемных, пустых дней в отцовом замке. Амариллис все крохи свободного времени отдавала Лорке, с безнадежным упорством пытаясь вернуть прежнего, веселого и неунывающего друга.

Это произошло на третий день работы в больнице. Амариллис, ошеломленная числом больных, их страданиями и постоянным присутствием смерти, терялась при каждом окрике врача или другой служительницы, все

время озиралась, ища взглядом Венону, и со своими обязанностями справлялась из рук вон плохо. Ей было страшно, противно и душно; и ее нижняя губа то и дело брезгливо поджималась.

На последней в ряду койке лежала девочка лет пяти, как она попала в больницу – никто не знал, то ли сама пришла, то ли полуденный патруль привел. Пытались найти ее родителей – не вышло, возможно, они уже и не помнили о ее существовании. Девочка лежала тихо, не обращая на себя внимания просьбами, поэтому ее уже второй день забывали перевести в зал, где находились дети.

Амариллис подошла к ней, держа в руках стакан с успокоительным настоем, присела на корточки у изголовья, изобразила веселую улыбку и попыталась посадить девочку, чтобы той удобнее было пить лекарство. Девочка села, послушно выпила настой, и Амариллис принялась разбирать ее темные спутанные локоны, отводя их от лица и заправляя за ушки. И вдруг она увидела, как из носа малышки медленно выползает толстая, темно-красная гусеница. Амариллис вздрогнула и с омерзением отдернула руку... гусеница обогнула уголок слабо улыбающегося рта, направилась к подбородку…

–Мама, тебе противно?.. пожалуйста, не сердись, я не буду... – конец фразы запутался в тряпке, которой Амариллис спешила стереть кровь. Уже через несколько минут она прибежала с болеутоляющим, едва закончив с лекарствами, принесла воды в глиняной кружке и мокрой тряпкой умыла девочку, пыталась говорить с нею, но та опять замолчала, только следила за танцовщицей лихорадочно блестящими глазами.

После этого случая (девочку так и не перевели в детский зал, после открывшегося кровотечения она прожила всего несколько часов) Амариллис перестала изображать улыбки; она просто работала – работала, как могла. А если ей становилось плохо от дурных запахов, если ныла голова от бесконечных, бессмысленных жалоб, если в лицо ей летели кровавые брызги изо рта заходящегося в кашле больного – она повторяла про себя, как заклинание: «Маме не противно. Маме не противно». Помогало это заклинание не всегда. Амариллис гораздо чаще, чем Венона, срывалась на больных, особенно раздражали ее старики; она никак не могла заставить себя спокойно выслушивать их бесконечные жалобы, и порой весьма бесцеремонно обрывала их причитания, пихая им в руки кружку с успокоительным. И нижняя губа у нее при этом поджималась все так же брезгливо.

–Жарко как... открой окно, дева... что? открыто? фу-у-у... ну принеси тогда воды... – Лорка сидел в кровати, прислонясь головой к каменной стене. Уже наступил вечер, принеся с собой желанную прохладу, но почти никто из больных не замечал ее, предпочитая липкую жару или ледяной озноб своих видений. Амариллис поставила на подоконник тарелку с нарезанной кусочками дыней и пошла за водой. На полу в коридоре стояли кувшины, на дне которых лежали небольшие серебряные слитки, и вода в них была прохладной

и долго не портилась. Поставив принесенную – и уже ненужную – воду рядом с тарелкой, Амариллис потянулась открыть зачем-то запертое Лоркой окно. Она дернула тяжелую задвижку раз, еще раз, и, вытащив наконец железный стержень из гнезда, больно защемила указательный палец. Ойкнув, девушка толкнула створку окна от себя и посмотрела на руку – на месте содранного крошечного лоскутка кожи выступила капелька крови. Не раздумывая особо, Амариллис сунула палец в стоявшую рядом кружку с прохладной водой, подержала там с полминуты и, услышав чей-то надсадный стон, побежала помочь. Когда она вернулась спустя полчаса, бледная вдвое против обычного, Лорка утирал рот ладонью и протягивал ей пустую кружку:

–Принеси еще... жарко...

Как ни странно, принесенную воду больной выпил, после чего почти сразу же заснул. Амариллис, задержавшись еще на несколько минут, уложила его поудобнее, пригладила слипшиеся от пота, потускневшие рыжие волосы, укрыла покрывалом и отправилась работать. Наступала ночь. К счастью, многие больные засыпали сами, другим помогали травы Веноны; поэтому служительницы ухитрялись даже поспать. Больничный зал заполняли невнятные стоны и шорохи, нередко слышались испуганные вскрики, переходившие в сонное бормотание; иногда Амариллис казалось, что, напряги она уставшие глаза, – то непременно ясно увидит кошмарные образы и фигуры, зависшие над спящими, склонившиеся над ними, обступившие их смертные ложа.

–Интересно, как там Арколь? Здесь нет времени ни скучать, ни вспоминать, но я истосковалась по нему. Ты уверена, что он не болен? – Амариллис обращалась к подошедшей и присевшей рядом, на низкую скамью, Веноне.

–Уверена. Не сомневайся, он нашел способ противостоять дыханию проклятой земли; он очень способный.

–Да уж. Особенно хорошо у него получается объяснять причины своих поступков. Когда он вернется, я заставлю его съесть эту вот записочку! должен покинуть... берегись Подарочка... будь осторожна... – Девушка с ехидством, сквозь которое чересчур явственно просвечивало беспокойство, передразнила спокойно-величавые интонации Арколя. Помолчав, она добавила: – Это несправедливо. Я уже теряла старших братьев. Он должен был подумать обо мне.

–Последние месяцы Арколь только этим и занимался. Как твой рыжий подопечный?

–Почему-то лучше. Даже уснул сам. А как все наши? – Венона, пользуясь своим более значительным положением, один раз в сутки непременно навещала дом госпожи Элиссы. Рецина и Лиусс вот уже три дня почти беспробудно спали (Венона попросту опаивала их сильнейшим снотворным, опасаясь предоставлять их самим себе во время бодрствования; состояние их было не столь тяжко, как у Лорки, поэтому пока их в больницу не брали), Орсон и близнецы держались, в общем, неплохо.

–Терпимо. У Криоллы, правда, глаза что-то нехорошие, возможно, от дурных снов. А ну-ка, какие травы могут помочь от дурных снов?

–Аконит в количестве охапки. Дай подумать. Значит, так: можно попробовать хмелевые подушечки, еще лучше хмель напополам с лепестками иремской розы. Потом – зверобой... мелисса... заваривать вместе с чуточкой пустырника. Хороши также окуривания черным шиповником. И семена илори.

–Молодец. Посиди-ка здесь, я пойду, принесу что-нибудь перекусить.

Немного погодя, Венона вернулась, неся кувшин, две кружки и круглую сдобную булку. Они сидели на небольшой террасе, рядом с открытой дверью в больничный покой, и неторопливо ели.

–Скажи, твои родители скрывали свою принадлежность к народу темной крови? – неожиданно поинтересовалась Венона.

–Да нет... но и не хвастались особо. У меня это по линии отца – это его дед был из Лесного Клана, а мама из Одайна. Нет, отец никогда не скрывал и не стыдился – есть, и все тут. Как-то он спокойно к этому относился. И я в детстве никогда об этом не задумывалась; а когда в школе Нимы училась, стала вспоминать, часто прадеда во сне видела... я ведь деда не застала, он погиб, уплыл за Край Света, как моряки говорят. А вот прадеда помню, он со мной нянчился, когда меня к ним привозили. Они с бабкой в лесу жили, как волк с волчицей... жаль, мало я чего тогда соображала, а помню и того меньше.

–Да... истории о Крысоловах – не лучшие сказочки на ночь для любимой внучки. Прадед не торопился, а отец, видимо, не счел нужным рассказать их тебе. Или жалел. Нас очень немного, Амариллис. Ты что-нибудь знаешь о подгорных крысах?

–Да почти ничего. Прадед, если очень сильно злился, все их поминал.

–Ну что ж... тогда слушай. Подгорные крысы – оборотни, первая их половина – гномова, но бывали случаи, когда они принимали в свои выводки детей иных рас, и выращивали себе смену, новую, свежую породу. Жуткие создания... с незапамятных времен творили страшные обряды, похищали детей... какой-то особенной цели у них нет, и не было, они не пытались кого-нибудь завоевать, или основать собственное могущественное государство. Просто жили себе отдельными выводками в подземельях Безымянного Хребта, между собой не дружили, но и не ссорились, и по мере сил отравляли жизнь ближайшей округе. Не знаю, почему, но давным-давно они избрали в качестве злейших врагов именно народ темной крови и изрядно нам ее попортили. В те времена и выделился клан Крысоловов.

Глаза Крысолова, если он того пожелает, способны за скучно-почтенной гномовой бородой распознать крысиную морду. Наш клан с незапамятных времен занимался выслеживанием и истреблением подгорных крыс; мы знали все их фокусы и повадки, могли уловить их кислую вонь в пещерных лабиринтах, и мы умели делать зачарованные крысоловки. Видишь ли, эти твари, пробираясь в дома, перекидывались в обычных крыс, и попросту обходили ловушки, но вот наших они не чуяли и не видели. Стоили они,

правда, очень дорого, и то сказать: мастер должен был в воду для закаливания прутьев добавлять свою кровь, и не помалу. Что еще? отравляли воду в их собственных, крысиных источниках... что морщишься? какой враг – такое и оружие. Я, к слову сказать, начинала свое обучение именно с изготовления ядов, лекарства шли во вторую очередь. Моя мама была одной из лучших сочинительниц отравы, за что и поплатилась. Перетравила однажды весь молодняк выводка, пока старшие были на охоте, потом – старших, уже другим ядом... в общем, один из выводка все же уцелел.

Венона замолчала, глотнула воды, покачала головой.

–Отец от горя малость рассудком тронулся; уж очень он маму любил. А я, к несчастью, вылитый ее портрет. Так и получилось, что отец, не вынеся горя и не приняв его, перенес свои чувства на меня. Пришлось мне бежать из дому, куда глаза глядят; села я в Маноре на корабль, всю дорогу как во сне была, а очнулась будто в другом мире – под ногами багровый песок скрипит, солнце по голове кузнечным молотом бьет... Ты знаешь, что означает это имя – Иста-Ксиа-Утль?

–Знаю. «Насквозь-пропитанный-кровью». Это из-за войны Безумного Солнца.

–Именно. От великого государства северное войско оставило несколько поселений, да один жалкий городишко.

–Так им и надо. Они были кровожадные и тупые.

–Ну, не все... но традиции у них, действительно, малоприятные. Я там недолго пробыла, меня вытащил из моря Лиусс, когда я топиться собиралась. Забрал с собой, обратно на север. Его изгнали из жреческой общины, за отсутствие кровожадности и тупости... Постой, кажется, кто-то зовет. Пойду, погляжу.

–Нет уж, сиди. Сейчас моя очередь, – и Амариллис направилась в темноту больничного покоя. Вскоре она вернулась. Венона сидела, прислонившись затылком к стене, и спала.

На следующее утро Амариллис забежала в палату к Лорке. Рыжий графский сын сидел на подоконнике, свесив ноги вниз, в сад, и негромко напевал. Амариллис оторопела. Она подошла к певцу, дотронулась до его плеча. Тот обернулся.

–А, привет, плясунья. Это что за скорбный дом такой? и почему я тут?

Амариллис вместо ответа захлопала глазами, села на постель и постыднейшим образом разревелась. Идя сюда, она боялась застать друга уже совершенно невменяемым, а то и бездыханным; она готовила себя к горю, и поэтому не совладала с радостью.

–Ну что ты, милая, не плачь... – Лорка присел рядом, ласково обнял девушку, поцеловал ее потускневшие волосы. – Объясни, что случилось?

–Ох, Лорка... Ты даже представить себе не можешь, как я рада. Надо скорей Веноне сказать... Как что случилось? Ах да... Город болен, Лорка,

очень болен. Дыхание тихого ветра отнимает у людей разум и жизни. А ты, со своим жизнелюбием, ты умирал, Лорка. Я боялась, что до завтра ты не доживешь. Нет, это просто чудо какое-то!

–Это просто чудо какое-то! – слово в слово повторил несколькими часами спустя мессир Окка, рассказывая по дороге в госпиталь об этом случае своему гостю. Гость, малорослый, тщедушный на вид человечек, двигался так быстро, что Окка, бывший вдвое выше, поспевал за ним почти вприскочку; в ответ на это замечание он язвительно ухмыльнулся:

–Чудес не бывает. Особенно в нашем ремесле, Окка. Может, это был последний всплеск? и теперь ваше чудо уже засыпают известью? а? Ладно, не отвечайте. Мы пришли.

Пожилой суртонец с почтением пропустил гостя в двери больничного зала и, не мешкая, приказал встретившему их врачу указать чудесно выздоровевшего.

–Добрый день, мессиры! – и Лорка склонил голову в вежливом поклоне.

–Этот день воистину добр к вам, – ответил гость, без особых церемоний взяв его за руку, дабы прослушать пульс. – А что вы помните о дне вчерашнем?

–Да немного, признаться. Почти ничего. Об этом вы лучше у Амариллис спросите, ведь это она меня выхаживала.

–Одна из призванных темнокровок, – поспешил ответить на незаданный вопрос Окка, – сейчас ее позовут.

–Не стоит. Где ее найти?

Спустя несколько минут Амариллис, вытирая слезящиеся от едкой травяной пыльцы глаза, вышла из аптечного пристроя.

–Чем могу служить, мессир доктор?

– Откровенностью и хорошей памятью.

–Амариллис, это господин Аурело Хейм, – вмешался в разговор Окка, – ты должна отвечать на все его вопросы, ничего не утаивая и ни о чем не умалчивая.

–Окка, бросьте запугивать девчонку, она и без того чуть не плачет.

–Это от горчичных семян, я их в порошок растирала, когда вы меня позвали, – машинально оправдалась Амариллис и тут же спросила: – А вы тот самый мэтр Аурело? Автор трактата об общих принципах врачевания заразных болезней, создатель новых инструментов для операций...

Настал черед гостя удивиться.

–Откуда ты знаешь об этом? Девчонок пока что не обучают в медицинских академиях, да ты и не похожа на усердную ученицу.

–Я слышала о вас от моего господина. От мага аш-Шудаха, когда жила у него в Иреме.

–Великие боги, ты собственность аш-Шудаха?! – и Аурело от изумления даже присел.

–Нет, увы... Он дал мне вольную. А насчет усердия... боюсь, тут вы правы. Немногому я научилась. – И Амариллис совершенно некуртуазно вытерла нос. Похоже, горчица была неплоха.

–Ну что ж, – мэтр Аурело смотрел на девушку уже без пренебрежения и с еще большим любопытством, – Давай-ка пройдемся по саду и поговорим.

Оставив позади Окку, врач и танцовщица направились вдоль больничных стен, к каналу. Некоторое время Аурело расспрашивал Амариллис о том времени, которое она провела в доме мага, узнав о школе Нимы, одобрительно покачал головой; эти вопросы о прежнем, милом времени, успокоили Амариллис, и она почти перестала ежиться под цепким, едким взглядом маленького человечка.

–Ты сказала, что из всей вашей труппы сильнее прочих пострадал граф Бреттиноро?

–Кто?! А, Лорка... Да, он почти сразу свалился. Неудивительно, такой-то... рыжий.

–И ты даже при таком количестве работы находила для него время? Похвально. И все–таки чудесному выздоровлению твоего рыжего друга должно быть объяснение. Вспомни, каким был вчерашний день. Его день, разумеется.

–Обычным, мессир. Утром я его умыла, он все ныл, что вода грязная и холодная, от еды отказался – мол, не желает быть нахлебником и все такое. Потом дала болеутоляющие капли, подходила изредка... он сидел в постели, кусал пальцы – потому как все ногти под корень сгрыз – да мух считал.

–Это как?

–Извините, это у меня на родине так говорят. Бездельничал, в общем. Но с крайне вдохновенным видом.

–Дальше что?

–Из всего обеда соизволил только хлебца погрызть со скорбным видом. Потом было много работы, я только на пару раз на минутку подбегала. К вечеру потише стало, я ему дыни принесла, холодной. Думала, при такой жаре соблазнится. Куда там... Запросил пить, а пока я ходила, зачем-то окно закрыл, на задвижку. Я даже поцарапалась, пока его открыла. Потом... потом умирал младший сын госпожи Элиссы.

–Не отвлекайся.

–Когда я вернулась, этот охламон успел выпить грязную воду и просил принести еще. Сразу выпил и улегся спать. Уснул сам, без венониных трав.

–Ты принесла ему грязной воды? прямо из канала, что ли?

–Нет, принесла-то чистой; я палец поцарапанный в стакане ополоснула, а воду поменять не успела. Позвали...

–Ополоснула, значит... И это все?

–Да. Ничего не утаила и ни о чем не умолчала.

–Ты чересчур дерзка на язык, дева. Но это твоя беда, а не моя. Можешь отправляться обратно, работа не ждет.

В больницу мэтр Аурело возвращаться не стал. Какой в том прок? Наблюдать больных, находящихся в разных стадиях умирания? На это он нагляделся десять лет назад. Попытаться еще раз остановить страшное поветрие силой своей воли? Пробовал уже... не вышло. С чумой в Одайне получилось, а на тихий ветер силенок не хватило. И если он, Аурело Фрасто Хейм, коего, в бытность его студентом медицинской академии славного Арзахеля справедливо прозвали «гвоздем в заднице» – и за рост, и за исключительную въедливость, и за любовь задавать профессорам каверзные вопросы, – так вот, если он и стал светилом медицины, так вовсе не из-за несомненных чудотворных способностей, а благодаря умению размышлять. И не бояться проверять результаты размышлений на практике.

Мэтр Аурело остановился в доме мессира Окка. На предложение приготовить лекарство для младшей сестры эригонский врач ответил восторженным согласием. Вечером этого же дня кашляющая кровью девушка получила из рук мэтра Аурело стакан с прохладной, подслащенной водой; на следующее утро мессир Окка мало что не валялся в ногах у коллеги, благодаря его за спасение девушки, которая впервые за последнюю неделю согласилась поесть, правда, с одним условием: чтобы ей читали вслух письма от жениха. И всю дорогу до дома господина ратмана Окка, не переставая, восхвалял его медицинский гений.

–Поверьте, мэтр Аурело, никакие слова не могут выразить и сотой доли моего восхищения вашим мужеством, – повторив это выражение по крайней мере пятый раз за вечер, Сириан поднял бокал темно-солнечного вина, созданного на лучшем винограднике его тестя, и поклонился гостю.

Мессиры доктора навестили дом ратмана уже изрядно заполдень, в то время, когда тихий ветер был наименее опасен, и можно было появиться на улице, не опасаясь, что тебя без лишних церемоний сцапает полуденный патруль. Ратман принял гостей у себя в кабинете, там же был накрыт стол для ужина – не парадно, но достаточно изысканно, чтобы привередник Аурело не воротил нос. Какое-то время они сдержанно обсуждали городские дела: все шло своим чередом, не так плохо, как в прошлый раз – но могло быть и лучше, ведь присмотр присмотром, но не мешало бы еще и лекарство хоть какое-нибудь... Из контадо новости терпимые, в рабочих слободках тоже пока порядок, в самом Эригоне... ну, где как. Кто знает, сколько эта напасть продлится – хватит ей прежних двух месяцев, или нет. На протяжении всего разговора сдержанный Окка с трудом подавлял желание сменить тему, и заговорить о вещах действительно важных.

–Благодарю вас, ратман, и в свою очередь прошу поверить, что я ее нисколько не заслуживаю. Поскольку мне тихий ветер ничем не грозит, то и в моем пребывании здесь нет никакого героизма.

И, отвечая на невысказанный вопрос собеседников, продолжил:

–Мой дед принадлежал к народу темной крови; в его ремесле это добавляло, так сказать, декоративности. Он был палачом, не один десяток топоров схоронил. А иначе я сидел бы сейчас в Иреме, не помышляя о путешествиях. Я врач, и слишком хорошо знаю, насколько драгоценна и беззащитна жизнь, чтобы вот так запросто ею разбрасываться. Прошу передать мою неизменную благодарность вашему уважаемому тестю, господин ратман, – вино у него превосходное, настоящий солнечный мед.

Сотрапезники помолчали; двое переваривали услышанное, третий попросту наслаждался вином.

–Мэтр Аурело, – обратился к гостю Сириан, – судя по тому, как мессир Окка ерзает в кресле – чего я за ним отродясь не замечал, даже во время прошлой эпидемии, – а значит, волнуется и с трудом сдерживает свое нетерпение, вы пришли ко мне по делу.

–Вы совершенно правы. Не буду вас утомлять ненужными подробностями, но похоже что я нашел средство от этого недуга.

От такой новости даже Сириан удивился.

–Вы понимаете, о чем говорите, мэтр? Я преклоняюсь перед вашими познаниями, но...

–Преклонение не обязательно, вполне достаточно доверия. Я вас не обманываю. Первый случай исцеления произошел в городской больнице, не далее как позавчера вечером. Второй – в доме мессира Окка. Целители были разные, но вот лекарство в обоих случаях – одно и то же. Признаюсь честно, я приехал в Эригон в надежде найти хоть какое-то средство облегчить эту хворь, я никак не мог простить ей моего поражения десятилетней давности, но я помыслить не мог, насколько быстро это произойдет. Это чистой воды везение... и моя наблюдательность.

–...И помните, мессиры: все, сказанное и услышанное здесь, должно оставаться тайной. Так, по крайней мере, мы сохраним в городе хотя бы подобие покоя, и избегнем чудовищных беспорядков. Случаи исцеления могут повторяться, главное, чтобы их не было чересчур много и между ними не было бы никакой связи. Скажем: единственный наследник, или горожанин, ревностно пекущийся о благе Эригона, или особо прославленные персоны... вы меня понимаете?– и Сириан вопросительно поднял белесые брови.

–Господин ратман, а дети? – и Окка поклонился, словно извиняясь за вольность вопроса.

–Что ж... пожалуй. Но осторожно, без спешки, потихоньку... и следите, в таком случае, чтобы хоть один из родителей оставался, нам ни к чему орава беспризорных сирот, в городе и без того забот хватит.

–Я думаю, вам не стоит так волноваться, – вмешался мэтр Аурело, – это ведь не чума и не холера, когда страдают тела, а не рассудки. Вряд ли кто в Эригоне заметит, что у похоронной команды поубавилось дел. Сейчас большинство сидит по домам, наматывая слезы на кулак, в больницах

же что ни пациент – то редкостный случай иллюзорного помешательства. Реальность как таковую воспринимают темнокровки да исключительно волевые люди... как вы, мессиры. Кроме того, лекарственного... хм-хм... материала необходимо смехотворно мало. Я, конечно, сделаю пару уточняющих опытов, но и без них мне понятно – чем выше разведение, тем сильнее эффект. В первом случае доля темной крови всего-навсего одна восьмая часть, да была всего только капля. Ну, это уж наше с вами дело, мессир Окка, не будем утомлять достопочтенного ратмана медицинскими теориями.

На этом гости поспешили откланяться и отправились в квартал ювелиров, в больницу – проверять истинность умозаключений мэтра Аурело. Сириан вернулся в кабинет, где уже успели убрать со стола и обрызгать пол душистой водой, и уселся в свое любимое кресло у камина.

«Так-так, господин врач. В кои-то веки хорошие новости, да и те с изнанкой. Как это говорил отец? я хотел бы рыбку съесть, да боюся в воду лезть. А ну как узнают, что это за лекарство чудотворное... поди, объясни им, что надо мало... не поверят, привыкли, что для дела надо много. А с темной кровью нам ссориться нельзя, слишком долго договаривались. Лучше уж еще месяц помучаться, чем потом полгода в осаде сидеть, да отступного выплачивать... а они своих недешево ценят. Ничего–ничего... потихоньку, полегоньку, где надо – соломки подложим, а где не стоит – не будем.

Значит, темная кровь дает защиту и выносливость. Пожалуй, этот случай упускать нельзя. Пора вызывать Риго. Неразбериха, смута – все один к одному. И навещу-ка я завтра госпиталь.»

Глава десятая. Под иными ливнями

Этот храм был под стать окружающим его лесам – лесам, подобным Жизни, избавленной от Смерти. Жизни, которую тошнило от ее собственного же преизбытка.

И менее любимым, чем Калима, богам люди возводили пышные земные хоромы; старались, гробили сотни и тысячи рабских жизней, опустошали казну до донышка, спорили со всеми стихиями сразу, пытаясь доказать Тому, Единственному, что он – самый лучший, что соседский бог по сравнению с ним – жалкая побирушка, вынужденная удовлетворяться парой цветочных гирлянд и алтариком размером с носовой платок. А Тот, Единственный, сидел на облачке, просушивая намоченные ночной грозой крылья, и все пытался понять, куда ж это люди подевали ту искру разума, которую он вложил в их головы.

В создание храма Калима, самого почитаемого в Нильгау бога, вложились поровну и обезумевшая от своей плодовитости земля, и непобедимое растительное царство, и магия жрецов. Посреди девственного нильгайского леса, на невысоком холме процветало – воистину! – его великолепие.

Для того чтобы создать этот храм, в страну не привезли ни единого камешка, и не срубили ни одного деревца, и не щелкали по потным спинам рабов бичи надсмотрщиков, и не сходили с ума от своих фантазий скульпторы, решившиеся воплотить облик бога. Калима помог своим детям.

Когда достойный паломник подходил к храму, то глазам его представало невероятное зрелище. Высоченное, под стать вековечным секвойям, здание сплошь было покрыто барельефами, а свободные места занимали статуи, примостившиеся в нишах между колоннами. Сюжетами для сих композиций послужили, как водится, подробности личной жизни бога: начиная с его зачатия (барельеф воспроизводил фантастическую сцену любви прекрасной девушки и огромного цветка) и дальше – по порядку. Калима, получеловек–полуцветок, подчинившей своей воле все растущее на землях Нильгау, творец новых растительных форм, был исключительно миролюбив и до неприличия (даже для бога) любвеобилен. Фронтон иремского храма Нимы рядом со скульптурными группами, изображавшими подвиги прекрасного бога, показался бы безгрешно-накрахмаленным, как нижние юбки старой девы. При этом поражало даже не несосветимое число подобных украшений, а виртуозное их исполнение, ни одна мелочь, вроде сбившегося набок ожерелья, не была упущена или не проработана. Статуи с выразительными лицами, застывшие в удивительно гармоничных позах, казались живыми. Да они такими и были.

Для начала, повинуясь воле жрецов, направленной самим Калима, с избранного всхолмья отступили все деревья и кустарники, оставив за собой

почти неповрежденную зелень трав. Затем руками избранных, в строго определенных местах, были посажены чудо-саженцы – и принялись расти вперегонки, вытягиваясь за час по нескольку метров. Секвойи стали опорой для будущих стен, стройные пальмы – колоннами. Потом за дело принялись лианы; они оплетали древесные стволы и ткали плотный ковер стен, перекрытий и занавесов. Венцом творения стали орхидеи. Неведомо откуда взявшиеся, они расцветали, превращаясь в дивные статуи, сплетались друг с другом, образуя сюжетные группы, и когда одна орхидея принимала в объятия другую, только что распустившуюся, то обе они тихо вздыхали от счастья.

Храм Калима и казался, и был живым – он уже не так быстро, но все же рос, с жадностью пил дождевую влагу, грелся на солнце, а ночью все его статуи и барельефы закрывали глаза и засыпали. У храма не было ограды; рядом с ним произрастали дома жрецов, поодаль – несколько обширных хижин для паломников.

–Ну вот, очень даже неплохо. Полюбуйся! – и Гай, лорд Лотломиэль, поднес зеркало к лицу все еще фыркающего сына. Хэлдар глянул и обреченно застонал: с полированной медной пластины на него смотрел смуглый, черноволосый молодой мужчина, веки его покрывала черная краска, брови были подведены чуть не до ушей... впрочем, спрятанных под волосами, губы, сложившиеся в преувеличенно горькую гримасу, блестели свежей бронзой.

–Ну, чем не нильгаец? – и Гай, чья внешность претерпела точно такие же изменения, засмеялся.

–Глазами, мой господин. Поэтому, когда вы попадете в пределы храма, советую не особо ими сверкать, – говоривший был настоящий нильгаец, пожилой мужчина. Он прибирал творческий беспорядок на столе, где только что изготовлял красящие эликсиры.

–Скажите, уважаемый мэтр, а насколько стойки эти краски? – и Хэлдар украдкой потер кожу на запястье – не вылезет ли светлая полоска?

–Достаточно, чтобы не выдать вас. Волосы окрашены соком синего ореха, если не вымыть их отваром пальмовой коры, такими и останутся; в кожу мы втирали смесь порошка черных лилий и змеиного жира, так что вода вам теперь не опасна, а первоначальный цвет вернете, искупавшись в молоке. Краски для лица – того же происхождения, я добавлял в них только чуточку нужных пигментов. Что же касается накладок на ваши уши, то они продержатся ровно месяц с сего дня, а потом клейкий сок окончательно пересохнет, и они попросту отвалятся. Ну что, вам полегчало, господин эльф? – и нильгаец усмехнулся краешками губ.

Почти целый день отец и сын провели в этой прохладной комнате, находившейся позади небольшого храмового зала в святилище Бирюзовых Змей. Рано поутру верховный жрец отвел их сюда и оставил вместе с одним из колдунов племени змеепоклонников. Тот, не тратя времени, изготовил потребные мази и настои и принялся за дело. В довершение всего он на-

нес на колени и локти эльфов какую-то мгновенно впитавшуюся жидкость, взятую из крохотного сосуда.

–Это примирит с вами змей; они не тронут вас, просто уступят дорогу. Действует зелье достаточно долго, не менее полумесяца. Можете поверить мне, я сам проверял его действие – на своем сыне.

Затем нильгаец указал на стоявшую у каменной стены скамью, на которой жалкой кучкой была сложена их новая одежда: всего-навсего пара набедренных повязок, несколько ожерелий и кожаные сандалии. Когда эльфы оделись, он жестом предложил им вернуться в храмовый зал.

Там их уже ждали – и верховный жрец, и другие служители храма. Жрец одобрительно покивал головой и сказал:

–Даже лучше, чем я думал. Вот ваш проводник, – и он указал на юношу лет шестнадцати, очень похожего на давешнего колдуна, – Все слова сказаны и медлить не следует: через два семидневья по вашему счету наступит день летнего солнцестояния. Если храм Калима не подчинит вашего камня, то его уничтожат. И помните – если вас постигнет неудача, рассчитывайте только на себя, ибо открыто помогать мы вам не можем, а об оказанной тайной помощи забудем, как только потеряем вас из виду.

–Мазруван, – жрец обратился к избранному проводником, – веди их через наши леса как своих братьев, но не забывай, что они чужаки. Твой долг – довести их до храма Калима, дальше решишь сам. Прими наставление от отца.

Юноша подошел к колдуну, тот положил ему ладонь на лоб и негромко заговорил. Прошло несколько минут. Отец и сын обнялись и разошлись; Мазруван подошел к эльфам.

–Ваше снаряжение – и жрецы подали три заплечных мешка, три массивных ножа в ножнах из грубо выделанной кожи на таких же поясах, и три плаща из тонкой и прочной змеиной кожи – свернутые, они могли уместиться в ладонях, отталкивали воду и грязь, прогретые как следует на полуденном солнце, сохраняли его тепло почти всю ночь.

Эльфы и нильгаец вышли из прохладного полумрака храма Бирюзовых Змей; солнце уже клонилось к западу, на траву ложились густые тени вековечных деревьев. Храм стоял поодаль от селений, поэтому в его округе было тихо и безлюдно, и почти сразу же за каменными плитами двора начинался нильгайский лес. Путники постояли немного, словно собираясь с духом, поклонились остановившимся на пороге жрецам-змееклонникам, и – Мазруван впереди, Гай и Хэлдар следом за ним – ступили в безумное переплетение стволов, стеблей, листьев, трав, цветов... и словно в воду канули.

Поскольку слиток солнца с незапамятных времен был родовой реликвией клана Цветущих Сумерек, то и хранился он их замке, а не в королевской сокровищнице, где хоть и декоративная, но была охрана (воровство

среди эльфов вещь неслыханная, такая же, как и щедрость среди гномов). Пока обнаружили пропажу – ведь не каждый день фамильные драгоценности выносят на свет, пока поняли, что один из гостей, прибывших из Восточных Лесов, вовсе и не эльф – не столько потому, что тот исчез подозрительно синхронно с тем самым слитком янтаря, сколько потому, что тот грубейшим образом нарушил этикет, не попрощавшись с хозяевами и не пригласив их почтить своим присутствием его дом... через несколько дней в замке Лотломиэль все же появился настоящий приглашенный. Похитители отпустили его, не причинив ни малейшего вреда (если не считать душевных страданий), как только вор с добычей убрались на достаточное расстояние, чтобы простая погоня не имела бы смысла.

Понять, кто столь вероломно воспользовался гостеприимством эльфов, было нетрудно. Исключительное мастерство внешнего преображения, граничащее с достижением полного двойничества, достойное похвалы миролюбие и нежелание причинять кому-либо боль, и безошибочное чутье на любого рода магические источники силы – все это с головой выдавало нильгайцев.

Когда пышноцветный Калима, пройдя весь положенный растению жизненный цикл, растянувшийся почти на столетие, должен был вернуться в породившую и питавшую его землю, он оставил своим детям семя, залог будущего возвращения. Размером с голову взрослого человека, заключенное в твердую скорлупу цвета гранатового сока, семя должно было спокойно дожидаться положенного часа в святилище храма. В должный срок оно выпустит на свет новое воплощение бога, более могущественное и величественное, чем прежнее, и возрожденный Калима поведет своих лиственношумящих детей на новые земли, ибо старые пределы стали им тесны. Иные расы, злобные, неуживчивые, вечно ссорящиеся, должны будут уступить, и в Обитаемых Землях наступят мир и покой, и лишь ветер будет нарушать тишину великого Леса...

Однако никто не знал, когда же оставленное в залог будущей славы семя даст побег. Поначалу жрецы Калима покорно ждали, исполняя все положенные ритуалы и ничего не добавляя от себя; спустя несколько столетий верховным жрецом зеленотелого бога стал на редкость нетерпеливый человек. Он решил, что каждый проведенный в бездействии день отдаляет желанное торжество растительного царства, и поэтому дети Калима должны сделать все возможное, дабы приблизить его. Властью верховного жреца он повелел напитывать семя магической силой, как питают обычные зерна водой; имевшиеся в распоряжении храма артефакты, могущие послужить в качестве «питания», быстро закончились. Поэтому их покупали, но чаще всего попросту крали, не разбирая, какой природы заключенная сила.

Однажды случилось так, что украденный артефакт отказался поделиться своей силой. Это весьма разгневало верховного жреца, ставшего на склоне лет еще более нетерпеливым и раздражительным, и он приказал отныне и впредь безжалостно уничтожать все непокорные талисманы, ма-

гические жезлы и иже с ними. Расточительство в чистом виде, но, с другой стороны, не отдавать же в самом деле вещицы обратно...

Гай, лорд Лотломиэль, и его сын Хэлдар отправились в Нильгау без особой надежды на успех; его величество Воздуха, вопреки обыкновению, настойчиво отговаривал Гая от далекого, опасного и почти бессмысленного путешествия. В самом деле, даже если эльфы доберутся до Нильгау по шаммахитскому торговому тракту, и немного продвинутся вглубь этой страны – что толку? Любой путешественник знал, что тракт спустя три дня пути обрывается резко, как сорвавшийся голос певца, упираясь в небольшое селение, где исстари проводились торги и мены. Приехавший за замшей из кожи серой антилопы, или за диковинными орехами и вареньями (живые плоды – увы! – дороги не выдерживали, превращаясь в неапетитную кашицу), или за покрывалами, сплетенными из перьев птиц, или за непристойными статуэтками душистого розового дерева, копирующими самые невинные фрагменты храма Калима, – купец останавливался на пару дней в этом селении, покупал то, за чем приехал, а потом разворачивался спиной к хижинам и спешил восвояси. Да и куда бы он еще мог поехать, ведь за исключением старого шаммахитского тракта дорог в Нильгау попросту не было, как не было там и городов. Все нильгайские земли без остатка занимал Лес, у которого немногочисленные племена различной степени жестокости с великим трудом выторговывали местечки для жизни. За западной границей Леса начинались земли Шаммаха, на северо-востоке сонная Шакти, больше похожая на растаявшее желе, чем на реку, отделяла от Нильгау империю Суртона, а на юге сразу же за лесными опушками начинался Океан. Никто и никогда не пытался завоевать эти земли; у любого, даже самого захапистого завоевателя при первом же взгляде на нильгайский Лес возникал вопрос: зачем это мне?! и что я с этим буду делать?! После чего он разворачивал войска и, немного смущенный, отступал.

Почти весь положенный путь отец и сын проделали молча, словно выполняя малоприятный долг. На третий день их пребывания в Нильгау выяснилось, что далеко не все нильгайские племена исповедают культ Калима, есть вполне равнодушные, есть и враждебно настроенные – например, племена змеепоклонников. Именно они и предложили помощь.

В храме Бирюзовых Змей, куда эльфов провел по одному ему заметным лесным тропам нильгаец, чьи руки были покрыты ритуальными шрамами, Гай узнал, что слиток солнца уже пытались подчинить воле верховного жреца Калима, но безуспешно; рассказывая о последствиях этого волеизъявления, змеепоклонник не мог сдержать чрезвычайно довольной, хотя и несколько плотоядной ухмылки. Эльфа предупредили и о том, что в случае повторного неповиновения слиток солнца ждет гибель, однако какая – не сказали, ибо и сами не знали, каким образом можно уничтожить источник светлой силы.

Когда Хэлдар впервые переступил порог нильгайского леса, то испытал серьезное потрясение. Дорога до храма Бирюзовых Змей заняла не более полудня, но и этого эльфу хватило с избытком. Дитя леса, рожденный под ликующие хоры весенних птиц, засыпавший в плетеной колыбели под успокаивающий лепет листвы, понимающий настроения и мысли деревьев – он чувствовал себя так, словно его давний друг сошел с ума и в ответ на просьбу о глотке воды попытался его утопить. Несколько шагов следом за отцом – и их окружила кладбищенская тишина, нарушаемая лишь хлюпанием жирной земли под ногой; ни пения птиц, ни шелеста листьев... словно они идут не по лесу, а по глубокому подземелью. Куда ни глянь – зеленое, плотное месиво из растений заполняет все видимое пространство, по ветвям сочится липкая, тяжелая сырость; эльфу казалось, что он задыхается, ему хотелось рвануться, разорвать эти зеленые сети, выпутаться из их бесконечных петель, глотнуть воздуха – вдоволь, полной грудью.

За три дня, проведенные в храме, Хэлдар немного попривык к характеру здешнего леса и даже отважился в одиночку пройтись по опушке, не теряя, впрочем, из виду хижины селения. Отец успокоил его тем, что за две недели пути до храма Калима и стольких же – обратной дороги, у них будет достаточно времени освоиться в этом зеленом безумии.

...Это была вторая прогулка по порогу нильгайского леса. Эльф – как ни невероятно это звучит – старался ступать как можно тише, но под ногами у него чавкало, как будто вслед за ним топала исключительно прожорливая свинья; лианы то и дело обвивались вокруг его шеи, цветы резали глаз утомляющей яркостью. Шаг, еще шаг... отвести от лица ветку, щедро усыпанную колючками, обойти какой-то невозможный клубок корней, скользкий, как правда шаммахита, и еще шаг... в этот миг Хэлдар услышал голос. Он услышал, ощутил его в себе... и не мог не откликнуться на его зов. Скорее всего, этот голосок принадлежал мальчику лет пяти–шести, не более, и, судя по интонации, малец был не на шутку напуган. «Помогите!.. Пожалуйста, помогите!..» – Хэлдар, повинуясь зову, отходил все дальше от леса, забыв о своем намерении попробовать силы, и, наконец, вошел в селение. Он прошел мимо нескольких хижин, крытых пальмовыми веерами, стараясь не обращать внимания на не слишком-то тактичных и весьма скудно одетых женщин, тычущих в него пальцами и что-то лопочущих, пока не удостоверился, что зовут из самой большой из них, украшенной несколькими звериными черепами устрашающего вида. Особо не раздумывая – впрочем, как всегда, когда кто-то нуждался в помощи – эльф шагнул внутрь. В кружевной полутьме хижины было пусто и просторно, а посреди тростникового пола стояла клетка. Когда Хэлдар увидел того, кто был в ней, то поневоле улыбнулся – так он был хорош. Слоненок совершенно умилительного вида и нежнейшего цвета – ни дать, ни взять розово-желтый абрикос первого урожая; малыш стоял, повесив голову и едва слышно дыша.

Он был похож на фарфоровую игрушку ребенка–великана. Почувствовав чье-то присутствие, он поднял глаза – темно-голубые, заплаканные – и эльф вновь услышал этот голос: «Прошу вас, помогите мне!.. не оставляйте меня здесь...»

–Что, нравится? – вошедший следом за эльфом хозяин хижины, лучший охотник племени, довольно прищелкнул пальцами, – Целый месяц его выслеживал!

Он явно был рад случаю в очередной раз похвалиться столь редкостной удачей и даже не спросил, что незваному гостю нужно.

–Это... слон? – в голосе эльфа прозвучало столь явное сомнение, что нильгаец удивленно пожал плечами.

–А то кто?! На удава вроде не похож. Конечно, такого не часто встретишь... это он сейчас как ягодка, а повзрослеет, станет белым, как зубки красавицы.

–И это вся редкость? больше ничего?

–А что, ему еще и плясать надо? Шаммахитам и цвета хватает. Будет любимую жену правителя Ирема возить.

Слонишка смотрел так жалобно, и – Хэлдар мог поклясться в этом! – утирал хоботом катящиеся из глаз слезы; но охотник этого не замечал, да и голоса явно не слышал. Эльф бросил взгляд на свою правую руку, и спросил нильгайца:

–Так вы говорите, почтенный, что этот товар предназначен Ирему Многодивному? Не хочу вас разочаровывать, но мне достоверно известно, что любимая жена хозяина Шаммаха... я имею в виду, та, что должна задержаться на этом месте, предпочитает лошадей. Скажите, не пытался ли покупатель сбить цену?

–Клянусь сброшенной змеиной кожей, пытался, хотя мы и договорились обо всем месяц назад! – охотник заволновался. – Еще как пытался, какими-то дорожными издержками отговаривался...

–Прошу простить мое любопытство, но во сколько он оценил ваш труд? – услышав цену, эльф украдкой перевел дух: должно хватить. Он улыбнулся со всей возможной снисходительностью, снял с указательного пальца правой руки перстень, взятый год назад в очень непростой игре у подножия священной горы Нум, и протянул его нильгайцу.

–Если я не ошибаюсь, это стоит по меньшей мере вдвое дороже. Спросите жреца, он подтвердит. Ну как, по рукам? одна редкость в обмен на другую...

Охотник облизнулся, катая в ладони драгоценное кольцо, украшенное редчайшим радужным жемчугом, и мысленно согласился; а после того, как немало удивленный такой расточительностью жрец сказал, что действительно дороже, только не вдвое, а втрое, согласился и вслух.

Сияя и глазами, и зубами охотник сам помог эльфу вывести слоненка из клетки и довел их до границы леса, после чего поспешил домой, поскорее придумать ложь поубедительнее для грядущего чернобородого покупателя.

–Ты свободен, малыш, – эльф не удержался и погладил слоненка по бархатистой спинке, – но как же я тебя отпущу одного? Опять заблудишься или в ловушку попадешь... – и он решительно шагнул вглубь леса. Благодарно сопящая ягодка следовала рядом, прижимаясь к ногам эльфа. Однако долгой дороги не получилось. Через несколько минут в сознании Хэлдара раздался другой голос.

–Благодарю тебя, услышавший, выросший под иными ливнями, – говорил мужчина, давно перешагнувший порог зрелости, но еще не боящийся немощи; судя по голосу, он вообще ничего не боялся. Эльф оглянулся... и буквально через мгновение зеленые стены леса послушно раздвинулись, пропуская того, кому они не в силах были противиться, даже если бы и захотели.

Слон, белоснежный как снега на горных вершинах, подошел совершенно бесшумно; малыш тут же метнулся к нему, прижался, гладя ноги белого великана хоботом. А тот погладил сына по голове и спинке и вновь обратился к эльфу:

–Полмира разделяет нас, сын воздуха... но ты пришел, дабы спасти мое дитя, единственное и последнее. Ты слышишь нас – услышу и я тебя, даже если ты будешь за Краем Света.

Заколыхались зеленые занавеси, Хэлдар успел почувствовать на щеке застенчивое прикосновение розового хоботка, и снова остался в одиночестве – чужак, пытающийся изобразить прогулку по опушке нильгайского леса. Узнав о его странной покупке, отец нисколько не удивился; жрец же, которому подчинялось племя, тоже не стал особо беспокоиться – через два дня чужеземцы уходили в храм Калима... что ж, пусть почудят напоследок.

Ступая по прохладным каменным плитам, коими был вымощен дворик позади храма, Хэлдар никак не мог отделаться от странного ощущения: ему чудилось, будто все это и не с ним происходит, а он всего лишь сторонний наблюдатель чужого дурного сна. Он не узнавал собственного тела – смуглое, непривычно открытое, теперь оно и двигалось как-то иначе, и эльфу казалось, что еще немного – и оно заскользит, извиваясь как змея. Хэлдар взглянул на идущего рядом отца, тот ободряюще улыбнулся ему и шепнул:

–Представь, что, если бы твоя мать увидела тебя сейчас?

–Да и вы хороши, – отозвался почтительный сын, – обоим бы досталось. Вы лучше представьте себе лицо нашего эконома, когда он узнает, что придется израсходовать на нас целых две ванны молока!

Они шли по девственным лесам Нильгау вот уже четвертый день, и эльфы почти привыкли к его нелегкому характеру. Перестала резать уши тишина, в которой еле-еле булькали слабые подобия лесных звуков, глаза освоились в постоянном полумраке, путники научились принимать редкие прогалины и поляны, поросшие невысоким кустарником, как праздник, дающий возможность остыть тяжелому ножу–мачете... и эльфы почти по-

теряли надежду понять, каким же образом их проводник ориентируется в этом пышном хаосе стволов и ветвей, переплетенных бесконечными лианами. Похоже, не нильгаец выбирал тропы и места для отдыха, а сам лес вел его в нужном направлении. В первый же день пути, спустя час с небольшим после начала похода, они вышли к маленькой речушке, больше похожей на разлившийся ручей. Мазруван остановился, опустил поклажу на землю и обратился к спутникам:

–Скоро начнутся нутановые заросли, их необходимо пройти уже сегодня и как можно быстрее, начинается вылет москитов, и заночевать там мы не сможем. Делайте как я, – с этими словами он скинул с себя набедренную повязку, опустился на колени возле глинистого бережка и принялся горстями зачерпывать жидкую грязь и размазывать ее по телу, словно создавая себе вторую кожу.

–Здешняя глина самая подходящая, она почти не трескается после того, как высохнет, и не отваливается, если не накладывать слишком много, – пояснил нильгаец, – поторопитесь, если не хотите послужить обедом для москитовой ребятни.

Эльфы переглянулись и молча принялись исполнять совет проводника. Когда все трое основательно обмазались глиной, причем Мазруван проследил, чтобы ничего не упустить (он собственноручно покрыл глиной веки эльфов), несколько просохли и стали похожи на ожившие глиняные статуи, то продолжили путь. Через полчаса продвижения по едва приметному подъему проводник вывел их к зарослям нутана, травы, возомнившей себя деревом.

Высокие, в несколько десятков метров, гладкие коленчатые стволы, заканчивающиеся одним продолговатым травянистым лезвием, вытеснили своих многолиственных собратьев и поэтому здесь было гораздо светлее, чем в самом лесу, который Хэлдар в первые минуты пути окрестил про себя «великолепной могилой». Зеленоватые стволы нутана служили прекрасной опорой для москитовых гнезд; чуть ли не на каждом стволе висела гроздь серых коконов, в настоящий момент уже пустых. Новорожденные кровососы плотными стайками радостно толклись в воздухе. Завидев пришедшую еду, писклявые детишки бросились со всех своих крылышек ей навстречу и в пару минут облепили путников с головы до ног. Но глиняная броня оказалась им не по вкусу и вскоре они разочарованно стали отваливаться от нее.

–Ну вот, об ужине можем не беспокоиться, – и Мазруван направился вглубь зарослей.

–Мы что же, здесь и заночуем? – изумленно вопросил Гай. Судя по всему, перспектива всю ночь внимать бодрящему зудению москитов его не радовала.

–Можем и здесь, только придется глину оставить. Или отойдем подальше, там есть пальмы–водохлебки, москиты их запаха терпеть не могут.

–Хвала богам за создание этого дивного аромата!..

Мазруван как-то странно хмыкнул, но перечить не стал. Прежде чем отправиться к месту ночлега, он, торопясь, срезал четыре длинных нутановых стебля, нарезал с десяток молодых побегов и, после недолгих поисков, аккуратно вырезал три зеленовато-желтых колена, росших, заметно наклоняясь к земле. Когда Гай встряхнул одно из них, послышался водяной всплеск. Предложенную же эльфами помощь нильгаец вежливо, но решительно отверг, сказав, что им надобно сначала научиться орудовать ножом в нутановых зарослях, поскольку спилы и расщепы этой травы остры как бритва, а порезы, нанесенные ими, не заживают неделями. Нагруженные, они продолжили путь. Вскоре во влажном, спертом воздухе появился слабый неприятный запах; с каждым пройденным метром он усиливался.

Гай чихнул.

–Мазруван, если бы мой вопрос не звучал как издевательство, я спросил бы, не к главной ли городской свалке вы нас ведете. Что это за отвратительный запах?

–Вот и москитам он тоже не по душе, – усмехнулся нильгаец.

Для ночлега он выбрал небольшой холм, заросший смердящими пальмочками с бочкообразными стволами, и несколько более сухой, чем окружающие места. Хэлдар выкопал в земле неглубокую яму, с помощью проводника развел костер; затем они установили принесенные нутановые жерди конусом и накрыли их нарезанными пальмовыми листьями–веерами, как черепицей; землю в убежище также застелили листьями и покрыли одним из змеиных плащей. Пока эльфы счищали с себя слой глины, снимая его как прилипшую одежду, Мазруван испек на угольях очищенные ростки нутана, выложил их на широкие толстые листья, сорванные еще им чуть ли не на опушке, добавил собранные там же темно–розовые, каплевидные плоды с приторным ванильным запахом. Все это оказалось вполне съедобным, даже вкусным, но особенно понравилась эльфам вода, плескавшаяся в нутановых стеблях – сохранившая невесть каким образом прохладу, прозрачная.

–Но скажите, почему мы не можем пить воду, собранную этими деревьями? – и Гай указал на пальмы-водохлебки, – внутри у них чуть ли не по ведру булькает.

–Эта водица смердит в десять раз сильнее, древесина гасит запах... но если хотите, можете попробовать. Там действительно не меньше ведра. – И Мазруван глотнул из длинного живого сосуда.

–Мазруван, вы говорили, что в лесу можно пить только ту воду, которую уже выпило растение, – обратился к нильгайцу Хэлдар, – это значит, что ни речная, ни озерная вода не подходят?

–Особенно озерная. Меньше чем в неделю черви задушат.

Эльфа передернуло.

–А кроме нутана, где еще может быть питьевая вода?

–У дерева путников, завтра встретим его; одного его черешка хватит на день дороги. Вдоль рек – в стеблях тростника, но срезать его можно толь-

ко после захода солнца, иначе вся вода под землю уйдет, как только тростник нож почует. На крайний случай подойдут лианы, но только не те, что закручиваются в спираль или поскрипывают в руках. Я вам все покажу.

Этот разговор шел в полной темноте, слегка разбавленной светом костерка. Ночь в нильгайском лесу наступила почти мгновенно; эльфы никак не могли привыкнуть к отсутствию сумерек – времени своего клана. Солнце, которому наскучили попытки пробиться к земле, поспешно убралось с небосклона и все погрузилось в непроглядный мрак.

–Отдых не ждет, утро наступит так же нежданно.Можете спать спокойно, с этим звери нас не потревожат, – и Мазруван подвесил на нутановую жердь резной каменный оберег в виде клубка змей, в свете костра он казался пугающе живым.

–Благодарствуем, друг, – и Гай, и Хэлдар поклонились юноше. Вскоре все трое спали. Хэлдар уснул последним; он лежал, безуспешно вглядываясь в чернильный мрак и почти так же безуспешно пытаясь привести в порядок мысли. Нильгайский лес раздражал его, и ему хотелось как можно скорее убраться отсюда; ни за что на свете он не признался бы в этом, но этот лес пугал его.

Первая неделя пути прошла для эльфов почти что даром, если не считать нескольких длинных порезов, полученных ими от неосторожного соприкосновения с листьями высокого кустарника, похожими на гибкие бритвы, и от усаженных колючками лиан; эти царапины никак не желали заживать и время от времени кровоточили. Медленно, но верно они продвигались вглубь Нильгау. Эльфы полностью доверяли своему проводнику, прекрасно понимая, что без его помощи даже с их природным чутьем и умением ориентироваться заблудились бы в течение получаса. Мазруван же старался ничем не подчеркивать их несостоятельности, тем более обидной, что дело касалось леса; он ненавязчиво указывал эльфам на съедобные плоды и источники воды, как мог, оберегал их от вредоносных растений и опасных мест.

Они успевали совершить по нескольку переходов в день, прежде чем их останавливал стремительно падающий занавес ночи. На исходе восьмого дня пути Мазруван забеспокоился. Он сорвал несколько листьев красноперой пальмы, растер их меж пальцами и долго принюхивался к запаху красновато–зеленой кашицы, затем зачем-то раскопал землю под низкорослым кустарником до самых корней. Гай, укладывавший на раскаленные камни клубни манихо, поинтересовался:

–Что случилось, Мазруван?

–Ничего хорошего. Корни совсем белые, а значит, дождя не миновать. Завтра мы двигаться не сможем, переждем здесь. Обождите, я скоро вернусь, – и нильгаец исчез в зарослях.

Вернулся он, нагруженный черенками дерева путников и несколькими гроздьями желтых серповидных плодов. Складывая все это в углу хижины, он пояснил:

–Чтобы не беспокоиться об этом завтра. А пальмовые листья стоит уложить в три слоя и накрыть плащами. Сможете?

На следующее утро эльфов разбудил какой-то странный звук – словно все листья в лесу вдруг обрели дар речи, и теперь спешили разболтать всему свету обо всем, что они видели и слышали. Мазруван уже проснулся и сидел, поджав колени к подбородку. Хэлдар выглянул из хижины и ему показалось, что перед самым входом повесили серый переливчатый занавес, сквозь который ничего не было видно.

–Это дождь. – Мазруван протянул эльфу водоносный черенок. – Не беспокойтесь, здесь будет сухо по крайней мере сутки, змеиную кожу хоть неделю поливай, все равно не намокнет. Советую как следует выспаться, после дождя идти будет еще труднее.

Нильгаец был прав. Когда они отправились в путь на следующее утро, то ноги их то и дело оскальзывались на земле, похожей на разбухшую от воды губку, а и без того влажный воздух из-за испарений стал почти жидким на ощупь. Пот стекал струйками по их плечам, заливал глаза, кожа на спине начинала зудеть. На каждом привале Мазруван протирал зудящие места какой-то жидкостью из каменного флакона и неодобрительно покачивал головой: высыпавшие пузырьки скоро вскроются и придется намазывать их жутко щипучей мазью отца, иначе они загноятся и, чего доброго, станут причиной лихорадки.

День уже клонился к закату, когда предельно уставший Хэлдар, поскользнувшись на свалившемся с дерева клубке лиан, чтобы не плюхнуться лицом в грязь, ухватился за ствол небольшого деревца, усыпанного плодами, похожими на мелкие яблоки. Предостерегающий крик проводника, увы, опоздал. Эльф растерянно смотрел на ладонь, мокрую от стекающей по стволу воды, смешанной с соком дерева. Мазруван заставил его обтереть ладонь прямо о землю и заторопил своих спутников с устройством на ночь, хотя времени еще хватало. К счастью, искать место им пришлось недолго, и вскоре Гай помогал нильгайцу, а Хэлдар лежал на куче срубленных веток, скрючившись, прижимая руки к животу. Он не мог даже пожаловаться на резкую, судорожную боль, поскольку его язык настолько распух, что едва помещался во рту и ощутимо мешал дышать... Его перенесли в хижину; когда отек несколько уменьшился, Мазруван напоил его горячим отваром: воду с плодами вскипятили в колене нутана. Хэлдар промучился полночи, уснув только под утро. На следующий день боль уступила место слабости, а ладонь горела так, словно с нее содрали кожу.

–Мазруван, меньше всего я хотел бы обидеть вас, – Гай закончил привязывать к жерди жутковатый оберег и обратился к нильгайцу, склонившемуся над Хэлдаром. Младший эльф весь день пытался изо всех сил не отставать от своих спутников, поминутно протирая глаза – их то и дело

заволакивало туманом, и проклиная дрожащие от слабости ноги. Он держался, сколько мог, но когда Гай бросил плащ на пальмовые листья, то рухнул на него ничком, как подрубленное деревце. Мазруван тем временем согрел воду, развел ею растертые сердцевинки орхидеи, за которыми ему пришлось лезть довольно высоко, и, намазав этой мазью ладонь эльфа, принялся перевязывать ее молодыми листьями нутана. Он поднял голову:

–Вы не сможете обидеть меня, даже если захотите. Вы хотите меня о чем-то попросить?

–Да. Мне необходимо поговорить с сыном, но о действительно важных вещах мы предпочитаем говорить на своем языке, а не на всеобщем.

Мазруван улыбнулся краешками рта и ничего не ответил. Гай подсел к сыну, провел рукой по его голове и заговорил:

–Хэлдар, дружок, на этот раз мама была права... не стоило нам затевать эту показную защиту фамильной чести.

–Конечно, права... как и в прошлый раз... и в позапрошлый... Вы помните хоть раз, чтобы она ошибалась? – и Хэлдар слабо усмехнулся.

–И все же... возможно, сейчас не время делиться предчувствиями, но с самого начала этого похода мне не по себе. Я словно сбился с дороги и иду совсем не туда, куда хотелось бы.

–И все, что было родным и любимым, стало чужим и жестоким... мир встал на голову, и я порой не понимаю, кто я и зачем я здесь. И еще раскраска эта нелепая, – Хэлдар дернул себя за иссиня-черную прядь волос, – до сих пор привыкнуть не могу, иной раз взгляну на вас и не понимаю: кто это? Вы учили меня, что всю жизнь мы обретаем свое лицо, ищем его, мучаемся... а мы вот так взяли и стерли еще и не совсем найденное. – И эльф замолчал, утомленный слишком длинной для обессилевшего речью.

–Сын, проводник сказал, что завтра тебе будет намного легче, но дело даже не в этом. Ты поправишься, но... сын, нам не нужны оправдания, если мы решим прекратить поиски слитка солнца. Мы просто скажем «нет», не дожидаясь очередной попытки леса убить одного из нас. Подумай, Хэлдар... если бы мы еще мир спасали, тогда уж ладно, а так... Глуп ищущий березовых почек в пору листопада, а мы, видно, еще глупее.

–Вам действительно так плохо в наших лесах? – в разговор нежданно вмешался Мазруван. И, отвечая на невысказанный вопрос в глазах Гая, сказал:

–Нет, я не знаю эльфийского языка. Но ваша речь звучит печально и тревожно, и если вы думаете, что я не замечаю, какими глазами вы смотрите вокруг, как кривятся ваши губы, и какая тоска окрашивает каждый ваш выдох, то... – и нильгаец покачал головой. – Отец предупреждал меня. Он сказал, вы из другого мира – того, что одного корня с нашим, но рос под иными ливнями. Если хотите, мы вернемся назад, обратная дорога всегда вдвое короче.

–Ну уж нет, – Хэлдар перешел на всеобщее наречие, – чтобы из-за пяти дней пути по лесу – по лесу! – эльф свернул с пути?! Никогда! Даже

если мы не вернем камня, я хочу показать спину этому треклятому храму, а не зеленым кусачим выползкам.

–Сын мой, и это ты говоришь о деревьях?! – и Гай одобрительно засмеялся.

В эту ночь Хэлдар впервые спал спокойно. Спустя пять дней они вышли к подножию холма, на котором рос храм Калима.

Они стояли у края настоящего цветочного ковра, окружавшего храм. Ступивший на ковер, по обычаю, должен войти и в сам храм.

–Мазруван, вы исполнили данное слово. Мы не вправе просить большего, – и Гай протянул юноше сверток, который достал из заплечного мешка. – Еле уговорил вашего отца, выслушал от него немало упреков за любовь к театральным эффектам. Возьмите это на память.

Мазруван развернул сверток, там оказался длинный и тонкий кинжал эльфийской работы, из тех, что режут шелковый шарф, подброшенный в воздух. Нильгаец вспыхнул и поднял глаза:

–Благодарствую, лорды. Но я предпочитаю получать вознаграждение после того, как перешагну порог отчего дома. Или это задаток, и в вашем мешке припрятан и меч?

Гай покачал головой.

–Вы не должны...

–Не должен. Но мне хочется. – И юноша жестом предложил эльфам следовать за ним.

Пока они шли по мягчайшему травяному ковру, с наслаждением подставляя лица ветерку и купая взгляды в небесной синеве, нильгаец давал последние наставления. Оказалось, Мазруван давно все продумал, и теперь эльфам оставалось только подчиниться.

Они подошли к первой храмовой постройке (хотя вряд ли так можно было бы назвать этот дом – он располагался на толстом стволе, примерно в метре над землей, и был похож на шар, сплетенный из веток) и остановились, в знак почтения низко опустив головы, Мазруван впереди, эльфы за его спиной. Зеленый шар дрогнул, несколько толстых веток плавно перетекли к земле, образовав подобие лестницы, по которой спустился жрец Калима, немолодой уже мужчина.

–Мир вам, пришедшие в дом вечного цветения. Что привело детей Змеи в наши пределы?– с понятной подозрительностью поглядывая на змеиную кожу их плащей, спросил он.

–Да будет сладок плод твоей жизни, о досточтимый, – подняв голову, заговорил нильгаец, – молю тебя об одном: выслушай недостойного, не посетуй на мое пустословие!

Жрец одобрительно кивнул. Мазруван продолжил.

–Ван – жалкое имя мое, эти же люди, стоящие рядом со мною – мои благодетели и родичи, мой родной дядя Диа и его единственный сын, мой брат, Тхиен. Всем, что есть у меня и еще будет, я обязан им, ибо, когда родители мои умерли от страшной шаммахитской заразы, – нильгаец вздрогнул и сделал отвращающий несчастия знак, – то они, едва прослышав об этом горе, пришли в мое селение, уже наполовину опустевшее, и, не убоявшись болезни, забрали меня, едва живого, в свой дом, выходили, а когда я выздоровел, дядя усыновил меня. Пять счастливых лет прожил я в доме добросердечных моих родичей, ни в чем не зная отказа, встречая лишь ласку и заботу. Месяц назад мой дядя поссорился со жрецом храма Бирюзовых Змей: тот хотел выдать свою шелудивую дочь за Тхиена, невзирая на то, что у брата моего уже была невеста, любимая и желанная. Жрец страшно оскорбился отказом и проклял моих родичей. Его черная воля поразила их приступами безумия и лишила глаза их зоркости, превратив в подобие полустертых серебряных монет.

Как только Мазруван сказал об этом, Гай и Хэлдар одновременно подняли лица и посмотрели на жреца, постаравшись придать взглядам бессмысленное и рассеянное выражение.

–Проклятие не лишило их зрения, но столь сильно ослабило его, что, когда мы шли в сей храм, брат мой в поисках опоры ухватился за мокрый ствол манцинелы, приняв ее за побег нутана, – с этими словами нильгаец шагнул к Хэлдару и заставил его показать жрецу пораженную древесным ядом руку. Жрец сочувственно покачал головой и спросил уже гораздо более дружелюбным тоном:

–Воистину, и добродетель не всегда защищает от бед. Чего же вы ищете здесь?

Ему ответил Гай:

–Правды и исцеления. Наши боги не услышали наших стенаний, они отвратили свои лица, стыдясь, что не могут помочь нам в час горя. Мы слышали – Калима велик и милосерден. Если сила его вернет здоровье мне и моему сыну, то клянусь жизнью Великого Леса, я отдам ему веру свою и любовь, и стану самым верным его почитателем.

Жрец улыбнулся и ответил:

–Возрадуйся, о нелюбимый сын вероломных богов, ибо Калима дарует исцеление чтящим его. А пока пройдите в хижину Синих Лиан, отдохните с дороги. Завтра утром храм Калима примет вас.

Путники низко поклонились, и Марзуван мало что не за руку повел эльфов, изображавших подслеповатость, к длинной хижине, усыпанной синими цветами.

Паломники, пришедшие почтить Калима, и после захода солнца не спешили разойтись по хижинам и улечься спать. Они собрались вокруг костра возле одного из растущих домов, дабы поделиться своими бедами и

надеждами, и просто поболтать. Приняв от жреца вечернюю трапезу, Мазруван разделил ее со своими мнимыми родственниками, после чего отвел их одного за другим к костру, усадил, представил собравшимся, повторив рассказанную утром жалостную историю, и завел разговор о храме: чудо, мол, нерукотворное, красоты неописуемой, только вот не охраняют его – а вдруг кто навредить решит? или, чего пуще, ограбить?

–Ты ведь первый раз здесь, мальчик? – щурясь от яркого света, спросил один из паломников.

–Конечно, в первый, – ответил за него вышедший из черного провала ночи в круг света жрец, – иначе не болтал бы такую ерунду. Не бойся, мальчик. Пусть боятся враги пышноцветного Калима, да приблизится день его возвращения!

–Но... – Мазруван явно хотел сказать что-то, но робел.

–Ну–ну, спрашивай. Лучше задать сто глупых вопросов, нежели проглотить один умный, могущий рассеять тьму невежества.

–Простите мою глупую дерзость, но ведь храм Калима – это чудесное, непостижимое, но все–таки растение? А если так, то он и беззащитен, как растение. Что может великолепный нутан против моего мачете? Или пальма против прожорливой тли?

–Ты не прав, брат, – опережая ответ жреца, в разговор вмешался Хэлдар и протянул Мазрувану свою ладонь, обожженую соком манцинелы, все еще воспаленную, с обрывками слезающей кожи.

–Вот видишь, – жрец был явно доволен таким поворотом разговора, – твой незрячий брат оказался прозорливее тебя. Если уж обычная манцинела может укусить, то и храм может постоять за себя.

То ли жрецу не спалось, то ли захотелось еще сильнее поразить воображение сомневающихся, но он уселся на подстилку рядом с паломниками и начал рассказывать. О дивном, божественном великолепии храма; о лианах, меняющих цвет в зависимости от сезона и от характера богослужения; о чудо-танцовщицах, обученных в Шаммахе и способных любую историю рассказать танцем; а также об орхидеях-людоедках, охраняющих святыни храма, о ползучих лианах, способных неслышно приблизиться к незваному гостю, обвить его сотней цепких удавок и так продержать до прихода жрецов или сразу же задушить – смотря какое у них будет настроение, о бесчисленных статуях, которые тоже обладали подобием сознательной жизни и могли весьма ощутимо выразить свою антипатию к преступнику... Слушатели сидели, разинув рот и благоговея...

– Старый дурак выболтал нам столько, сколько я сам и за год не узнал бы, – довольный Мазруван, перевязав руку младшему эльфу, укладывался спать в отведенной им хижине.

–Этого мало. – Гай не хотел портить настроение нильгайцу, но у него это получилось.

–Сам знаю. – Мазруван вздохнул. – Что поделать? придется обходиться тем, что есть. И не вздумайте завтра излечиваться, не помешал бы и приступ безумия... да только где ж его взять?

–Будет тебе безумие. – Гай усмехнулся. – Только не пугайся.

На следующий день, перед тем, как идти в храм, Гай отослал «племянника» за какой-то мелочью. Вернувшись, нильгаец застал своих родичей в совершенно непотребном виде: они сидели на земле, вцепившись друг другу в горло, с посиневшими лицами. Из их ртов вылетало разгневанное шипение, и при этом они явно не дышали. С совершенно искренним воплем Мазруван бросился к жреческим древовидным домам. Уже через полминуты вокруг отца и сына собралась толпа народу; прибежавшие на помощь жрецы пытались растащить их, но бесполезно – окоченевшие, они напоминали жутковатую статую. Тогда один из жрецов простер руки к землепитательнице и начал взывать к силе Калима, прося его о помощи. Вскоре пальцы безумцев ослабили хватку, а потом и вовсе разжались; они рухнули, обливаясь потом и, что самое главное, дыша. Благоговейный шепот прошелестел по толпе – бог милостив к этим злосчастным пришельцам... Гай, пошатываясь, поднялся с помощью Мазрувана; он сжимал пальцами виски и поминутно хватался за горло. Хэлдар все еще лежал на земле. Внезапно тело его выгнулось дугой, он громко и пронзительно застонал.

–Отец!.. Отец, прости меня! – и Гай схватился за горло – на этот раз непритворно. Его сын говорил на чистейшем эльфийском...

...Сыч проснулся. Солнечный луч, ухитрившийся пробраться через сплетение лиан, пощекотал его под носом и сказал: «Что-то случится». И Сыч ему поверил. Во всяком случае, сделал вид.

Юноша встал с пышной травяной копны, служившей ему ложем, подошел к большому, величиной с тыкву, цветку, росшему в углу, и умылся скопившейся там росой. Вскоре зашелестели осторожные шаги, и храмовый служитель поставил перед Сычом поднос с едой. Дождался, пока тот поест, и, не говоря ни слова, забрал посуду и удалился. Сыч снова остался один–одинешенек, беспомощный и никчемный, как сорванный бурей с ветки слабый листок. Его бесчисленный раны почти зажили, силы восстановились, и вернулась ясность рассудка. Что толку? из этой удивительно удобной тюрьмы выбраться было еще невозможнее, чем из той каменной ямы, откуда его выкупили нильгайцы...

Сыч был единственным сыном старейшины орчатского Южного Лесного клана, его мать принадлежала к роду Крысоловов. От нее мальчик унаследовал безжалостное чутье, от отца – знание леса и любовь к нему. Однажды Сыч – тогда еще Сычонок – самовольно отправился в одиночку в предгорья Безымянного Хребта, где и угодил прямехонько в лапы старой, опытной подгорной крысы. Его утащили далеко, в самую глубь одного из

последних крысиных поселений. Сыч стал чем-то вроде учебного пособия для молодых крысят. Обессилевшего от голода и постоянных кровопотерь, искусанного, истерзанного орка раз в неделю притаскивали на железной цепи в низкую пещеру; на него либо натравливали целую свору крысят – это было плохо, с ними он не справлялся, либо выпускали одного, подающего надежды храбреца – и почти всегда крысенок недосчитывался зубов, хлюпал разбитым носом или хромал, возвращаясь домой. А Сыча утаскивали обратно, в глубокую каменную яму, швыряли ему миску объедков (хорошо, если среди них попадались хлебные корки, если же были одни кости – Сыч оставался голодным... много столетий тому назад его клан отказался от поедания тех, кто разговаривает, и юноша не хотел возвращать к жизни тот обычай), и кувшин несвежей воды. Трижды орк пытался бежать, но сил ему явно недоставало, и посланная следом охота с торжествующим писком притаскивала его обратно. Так продолжалось два года. Через неделю после того, как Сычу исполнилось шестнадцать лет, его вытащили из ямы, завязали ему глаза, долго вели, подбадривая укусами, через подгорные ходы, и вскоре орк, приготовившийся умирать, совершенно неожиданно захлебнулся свежим воздухом – воздухом, пахнущим не камнями и землей, а сосновой хвоей и скорым дождем. Моргая отвыкшими от света глазами, Сыч наблюдал, как один из крыс принимает от смуглого, черноволосого человека окованный железом сундучок, что-то в нем пересчитывает и исчезает среди серых камней.

Орк настолько обессилел и отупел за два подземные года, что даже не обрадовался своему освобождению. И как оказалось, правильно сделал. Выкупить-то его выкупили, но вот отпускать и не подумали. Вместо этого юношу напоили снотворными травами, погрузили в закрытые носилки и постарались унести как можно дальше от тех мест, где он мог рассчитывать на помощь. Долгое путешествие через свободные земли, через жару Шаммаха, вдоль прохладной громады Края Света, на огромном плоту с домом-навесом, плывущем по мутной, сонной Шакти, и, наконец, по лесам Нильгау – все это промелькнуло как сон. Вот так Сыч оказался в одном из потайных помещений храма Калима; зачем, почему – неизвестно. Впрочем, обращались с ним неплохо, кормили хорошо, раны подлечили. Так прошло почти два месяца. Попыток сбежать орк не повторял, единожды испытав хватку лиан, со жрецами говорить было бесполезно. Но все же он поверил солнечному гостю. Недаром же ему достался слух крысолова, и он мог бы поклясться, что впервые за долгие дни тишины рядом с ним кто-то ругался и кричал попеременно то на всеобщем наречии, то на гортанном суртонском, которое Сыч хоть немного, но знал.

Глава одиннадцатая. Побратимы

Это была самая старая и глупая шутка эльфов воздуха: наглотаться родной стихии вдоволь, «про запас», и остановить дыхание, ловко имитируя удушение. А если еще при этом под рукой окажется веревка... Даже самый примерный подросток не избегал взбучки за «синемордое баловство», как его именовали в школе.

Мазруван стоял, растерянно опустив руки и переводя взгляд с одного «родича» на другого. «Дядя» едва стоял на ногах, схватившись за горло, «братец» продолжал что-то говорить, булькая и присвистывая. Неожиданно из ошалевшей толпы зрителей протиснулся старик–лекарь, он присел рядом с эльфом, помахал перед его носом каким-то корешком, вытащенным из наплечной сумы, и сказал:

–Самое первое дело против припадков, эти корешки. Они «красотку–злодейку» питают.

Мазруван вспомнил: «красоткой–злодейкой» называли орхидею удивительной красоты и такой же прожорливости, она не удовлетворялась бабочками да жуками, предпочитая самых крупных колибри.

–Да... безумным растением безумие и прогоним, а, господин жрец? Ну вот, и полегчало ему, – и старик, покряхтывая, помог Хэлдару сесть.

–Сиди, сынок, отдыхай... шутка ли, такой припадок. Я без малого четыре десятка лет знахарствую, а такие по пальцам сосчитать могу... чтобы на чужом языке безумный говорил, как на родном... А что хоть он говорил, а, господин жрец?

–Просил прощения у отца... – ответил не без уважения жрец, – мол, не хочет на избранной невесте жениться. Послушай-ка, – и жрец повернулся к Мазрувану, – ты ведь об этом рассказывал.

Мазруван кивнул. Кажется, удача снова улыбнулась им и дурацкое эльфийское представление окажется даже полезным... Видя, что проклятые жрецом–змееполонником пришли в себя, собравшиеся паломники потихоньку разошлись. Старик знахарь, отмахиваясь от благодарностей, потрусил за позвавшим его жрецом. Пора было готовиться к посещению храма.

Пышные ритуалы храма Калима никого не оставили бы равнодушным. Гаю стоило большого труда поддерживать репутацию полуслепого, так хороши были храмовые танцовщицы, Хэлдар пытался незаметно найти общий язык с растениями, которые и были храмом – получалось плохо, хуже, чем подслеповатость у отца. На исходе третьего дня пребывания в храме эльфы решили, что больше ждать нельзя. Закрытую для посторонних

глаз тайную сторону культа вряд ли продемонстрируют неофитам вот так сразу; значит, придется ее подсмотреть.

Неплохо видящие в темноте эльфы помогли Мазрувану дойти до храмовых врат, дальше было гораздо светлее от ночных лилий, раскрывшихся взамен дневных пестроцветов. С огромным трудом уговорив орхидей–привратниц поспать и сильно сомневаясь, проснутся ли они вообще, эльфы вместе с проводником отправились вглубь шелестящего коридора.

–Странно, – бормотал Мазруван, – я думал, нас вообще не пропустят, сцапают на первом же повороте...

–Им сейчас не до нас, – ответил Хэлдар, – долгий день утомил их, и сон так сладок, что ради трех ползущих букашек они его не прервут. Кроме того, основные силы храма сейчас не здесь.

–Вот–вот... а мы к ним в гости напрашиваемся. Не глубоко ли зарываемся, лорды? выкапывать-то кто будет? Ну, прирежем пару–тройку жрецов – они нам препятствовать не станут, им вера не позволяет... они свои руки в крови не марают. Да нас храм по косточкам раздернет!

–Это мы еще посмотрим, – Гай ободряюще улыбнулся проводнику, – может, мы с ним договоримся? как с теми чудными цветочками у входа...

Они шли и шли, минуя все новые повороты и залы; искать дорогу не было нужды – эльфы шли на голос солнечного камня.

Когда поздним вечером Сыч заслышал шаги, направляющиеся к его растительной тюрьме, он не слишком удивился: кто предупрежден, тот вооружен... хотя бы мужеством. Однако шли не за ним. Прошло несколько минут, и орк услышал высокопарную суртонскую ругань, пересыпанную страшными угрозами, из которых самым незначительным было обещание сварить посягнувших на наследника клана Шой Де в свежем кунжутном масле. Прошло время, и вновь в коридоре зашелестели шаги; следующий приглашенный на прогулку оказался не из болтливых, разговорам он явно предпочитал действие. Совсем недолго Сыч мог слышать приглушенный шум борьбы, завершившейся коротким болезненным вскриком, после чего шаги стали удаляться... одного из участников процессии явно волокли по полу. А потом пришли за ним.

Всю дорогу Сыч боролся с желанием спросить у жрецов, куда и зачем его ведут. Он прекрасно знал, что не смысла задавать такие вопросы, все равно не ответят, но уж очень хотелось спросить: во имя какого вонючего божка вы вспорете мне живот?

Зал, в который его привели, оказался на удивление непросторным и каким-то... уютным, что ли. Но успокаивающую тесноту святилища заполняли отнюдь не мирные персонажи. Посреди зала на алтаре, изображавшем распустившийся цветок, покоилось гранатового цвета зерно размером с голову. Одна из стен была украшена молодым суртонцем, руки и ноги которого обвивали петли лиан, а рот был заткнут клубнем манихо, на другой стене

красовался тот самый молчаливый драчун – такой же молодой шаммахит, с бородатой физиономией разбойничьего вида. С местом сычова пребывания все было понятно: его разместили напротив бородача, с теми же удобствами. Жрецов то ли из-за тесноты зала, то ли из-за приватности ритуала было немного, не больше десятка. Пока висящий на стене Сыч обозревал окрестности, в зал вошли еще двое исповедающих тайный культ Калима; они несли массивный стальной поднос, на котором лежал слиток янтаря, похожий на сгусток солнечного света. Поднеся его к алтарю, они поставили поднос на столик, мгновенно выросший из пола (сплетенные лианы – ножки, плотный пальмовый лист – столешница) и отошли назад.

Камень был куда как хорош. Размером с детский кулачок, неправильно–круглой формы, он, казалось, дышал; его хотелось погладить – вот проведешь по нему ласково пальцем, а он в ответ отдарится стайкой солнечных зайчиков... В глубине янтаря жил свет, но не пойманный насильно, не заключенный против воли, а просто уютно обосновавшийся когда-то в наплыве ароматной смолы, да так там и оставшийся на веки вечные. Однако сейчас настроение камня было отнюдь не благодушным: он ощетинился сотнями рыжих злющих искр и гладить его стал бы только возжелавший собственной мучительной смерти.

Высокий, плотный мужчина, одетый пышнее остальных, оставил на время созерцание божественного семени и обратился к принесенному камню, разговаривая с ним, как хозяин с приказчиком, который утаил изрядную сумму денег и не желает ни признаваться в преступлении, ни отдавать присвоенное добро.

–Время добрых речей прошло. Я в последний раз прошу тебя, о солнечный луч, плененный священной смолою, поделиться с великим Калима своей животворной силой. Если ты по–прежнему будешь упорствовать, мы погасим твой свет, и оставим тебя во тьме наслаждаться собственным упрямством.

Янтарь ничем не ответил, но жрец все-таки попятился назад, прикрывая изрытое свежими ожогами лицо. В этот момент один из молящихся, судя по всему допущенный сюда из особой милости, тощий старик в расшитой набедренной повязке, спросил:

–Велика сила Калима и служителей его, но как же возможно погасить свет, заключенный в камне? – спрашивая, он не переставал кланяться.

–Воззри на троих, рожденных в день затмения солнца, отмеченных знаком тьмы, пожирающей солнечный лик. – И жрец указал на троих юношей.

–Один из них – сын древнего рода, отмеченного многими злодействами, и достойный сын своих предков. Другой – жестокий пират, еще месяц назад мутивший воды моря Покоя. Третий же... взгляни на него, его темная кровь вопиет о злобности и нечестивости его породы! – жрец высокомерно поджал губы и продолжил, словно урок читал. – Храм вырвет их сердца, мы знаем, как попросить его об этом. Сначала у орка, и на место черного сердца

ляжет слиток солнца... и если он не погаснет целиком, то еще две кровавых купели ждут его.

А ты не дурак, подумал Сыч. Устроишь слитку солнца солнечное затмение... так вот зачем я вам понадобился. Не осрамиться бы теперь.

Хватка лиан стала еще прочней, орк, распластанный как потрошеная рыба, не мог даже пошевелиться; вскоре он увидел, что в ответ на заклинания жрецов из пола вырастает побег нутана и, наклоняясь, нацеливается ему в грудь. Копьевидное навершие побега при первом соприкосновении с кожей оказалось твердым, что твоя сталь, а затем, подчиняясь размеренному пению жрецов, трава начала раскачиваться, вычерчивая на груди орка длинную алеющую полосу. Капли крови, стекающие веселыми струйками, тут же оказались добычей прожорливых маленьких орхидей, похожих на крохотные ротики; невесть откуда взявшиеся, они облепили левый бок сычова тела, радуясь нежданному угощению. За последние два года Сыч привык к безнадежности своего положения, разучился жаловаться и привык просто жить – сколько осталось. Сейчас он решил, что уйдет с достоинством, не омраченным поросячьим визгом и мольбами о пощаде; но темная кровь вечно выкидывает какие-нибудь коленца, ну не может она течь спокойно. И Сыч, неожиданно сам для себя, вместо того, чтобы поосновательнее проклясть мучителей, запел. Эту песню он сложил сам, незадолго до солнечного предупреждения.

... Черна моя кровь, как пьяная ночь,
Как выдох чумного квартала,
Как сердце отца, возжелавшего дочь,
Как дочь, что отца пожелала.

Черна моя кровь, как грай воронья,
Как сны ожидающих плахи,
Как трижды клейменая честность ворья,
Как губы распутной девахи.

Черна моя кровь, как мама-земля...

Допеть эту песню до конца Сычу пришлось значительно позднее и в совсем другом месте. В храме же Калима стало в этот момент чересчур шумно и суетливо.

Орк не сразу понял, что методично вскрывающее его растение бессильно лежит на полу, срезанное под корень. А священное зерно, на которое только что молились, катится куда-то в дальний угол святилища, как детский мячик, получивший хорошего пинка. Еще через секунду он понял, что нильгайцев в зале прибавилось – появились трое новеньких, которые вели себя совершенно возмутительно.

Кровожадную травку Хэлдар срезал эльфийским кинжалом, метнув его низехонько над полом, секундой после того, как Гай святотатственно сшиб главную святыню храма с алтаря тяжелой рукоятью ножа-мачете. Теперь главным было верно использовать полученные крохи времени.

Пока Хэлдар забирал оставшийся без присмотра янтарь и снимал со стены окровавленного орка, а Мазруван делал то же самое с другими жертвами, Гай, оказавшийся быстрее жрецов, держал в руках темно-красное зерно весьма недвусмысленным образом: так, будто собирается размозжить его об пол вдребезги. Жрецы попятились, сбились в кучку, вопия о бесчинстве и возмездии. И мольбы их были услышаны.

Эльфы из последних сил удерживали лианы, соткавшие пол и стены зала, уговаривая их поспать еще немного, но одновременно сделать их сплетение непроницаемым они не могли. Через несколько минут зеленые стены зашевелились и стали понемногу расступаться, и Мазруван, вскрикнув, указал на проникающие внутрь святилища руки – это пришли статуи храма. Совсем недавно мирно дремавшие в объятиях друг друга, привыкшие вкушать или дарить самые изысканные ласки, гибкие девы и прекрасные юноши жаждали сейчас только одного – разорвать в клочья тех, кто посягнул на их бога. Освобожденные жертвы (не исключая и зажимающего рукой ужасную рану орка) не стали ждать, пока чудо-орхидеи задушат их, и схватив ножи спасителей – Сыч не побрезговал поднять с пола побег нутана, залитый его собственной кровью – принялись расправляться с ними, забрызгивая пол цветочным соком. Жрецы по-прежнему стояли в углу зала, не двигаясь и не издавая не звука.

–Это бессмысленно! – обливаясь потом, крикнул эльфам нильгаец, обрубая лилейные руки, сомкнувшиеся у него на ноге, – их там целая армия!

–Не рассуждай! – суртонец Шой Де размахивал ножом как заведенный, проявляя немалое умение в деле нанесения непоправимых увечий; глаза его горели, ноздри сладострастно трепетали, в один миг он успевал раздавить ногой шарящие по полу такие нежные на вид смуглые пальцы, размозжить тесаком пару рук... он готов был рвать их зубами.

Словно пожалев сладкие цветочные тела, храм решил прислать им помощь. Даже слабый ребенок легко разрубит цветочный стебель, но чтобы перерубить древесный ствол, понадобится не один силач. Затрещали, застонали держащие храм секвойи, пальмы... содрогнулось все тело храма, его словно трясло от гнева; и понемногу стены святилища стали сжиматься, грозя раздавить святотатцев... потолочные же балки постепенно принимали форму гигантской руки, ее многочисленные пальцы – толстенные, узловатые ветки зашевелились, зашарили в воздухе... еще немного – и они потянутся вниз, готовые сгрести возомнивших о себе букашек и раздавить их слабые, хрусткие тельца. Уже несколько минут стоявшие неподвижно эльфы (Гай небрежно бросил зерно на пол, оно так и осталось лежать у его ног... Хэлдар оставил попытки усмирить лианы, и они тотчас же принялись выбрасывать

ищущие липкие петли, несколько таких уже обвили их колени) кивнули друг другу и старший властным, звенящим страстью голосом начал выпевать заклинание, призывающее на помощь силы родной стихии. Младший вторил ему, закрепляя произнесенные формулы; они вели заклятие легко, на одном дыхании; эльфы дарили воздуху часть своей жизни, дарили щедро, не раздумывая, останется ли еще хоть что-то даже от долгого эльфьего века.

Ветер весны, щедро унизанный ледяными брызгами... Ветры июля, на крыльях несущие дождевые тучи... Ветерки, от зноя уставшие, в цветах заплутавшие... Вихри, грозы гремящие в ладонях держащие... Розги ветров осенних, от летней истомы спасение...

Они призывали их всех – от малых и еле ощутимых, до могучих обитателей крепости грома, а напоследок – впервые в жизни – они пропели имя проклятого симхана, ветра, который мореплаватели называли «пожиратель кораблей», ветра, держащего за надутыми щеками шквалы, громы и молнии, ветра, одетого в мантию, подбитую грозовыми тучами.

На секунду в святилище стало тихо и темно. Сыч, отпихивая назойливые руки орхидей, перевел дыхание... и тут спертый воздух растительной утробы разорвал оглушительный треск и между эльфами сверкнул раскалено-белый взвизг молнии. Она опалила лианы, мгновенно опавшие к их ногам хлопьями пепла. Где-то высоко над храмом, в угольно–черном ночном небе Нильгау раздались гулкие, перекатывающиеся звуки – это, разворачивая мантию, смеялся симхан, готовясь разомкнуть губы. Со стороны северного фронтона храма раздался страдальческий стон – изнеженные влажным теплом орхидеи сжимались и увядали под хлещущими наотмашь крыльями ледяного ноябрьского ветра; а вокруг эльфов и стоящих рядом с ними людей и орка взвихрился прохладный, серебряный воздушный поток.

–Ха-а-а-га!!! – им показалось, что небо раскололось под ударом гигантского молота. Симхан решил посмеяться во всю глотку.

Храм сотрясался, словно дерево под топором, и очень скоро сквозь бесконечную путаницу ветвей и листьев просочились, пробились капли дождя. Череда резких порывов ветра, нанесенных подобно пощечинам – и стены стали рушиться; симхан ломал деревья как тростинки или, забавляясь, скручивал их и гнул в разные стороны. Потолка над святилищем почти уже не было, и дождь вошел в храм, и даже нильгайскому ливню он был не чета. Сычу казалось, что ему на голову выливают одно бездонное нескончаемое ведро воды, шаммахиту представилось, что он утонул и теперь стоит на дне морском; бесполезно было протирать глаза или смаргивать капли с ресниц, – надо было учиться смотреть сквозь воду, угадывать в волнистых, невнятных контурах знакомые прежде черты.

Но даже и в этом развороченном, похожем на разломанный плод или растрепанный букет зале ветрам было тесно. Пометавшись взад–впе-

ред, взвыв пару раз, разбив водяные струи на мириады светящихся брызг, они запросились на волю. Разумеется, тех, кто одарил их возможностью так славно повеселиться, они собирались прихватить с собой. Те стояли, тесно прижавшись друг к другу, кровь Сыча пачкала змеиную кожу плаща Хэлдара, суртонец, нехорошо хрипя – пират еле успел освободить его горло от нескольких петель, усеянных мелкими колючками, – опирался на плечо нильгайца. Оглушенные, захлебывающиеся, они почти не почувствовали того мига, когда ноги их перестали попирать пол храма; ветер поднял их легко, как вызревшие одуванчики, и понес на север.

Запоздавший апрельский ветерок, бездельник и обманщик, влетел в грозовые хоромы симхана, поежился под уже затихающим ливнем, присвистнул при виде того, во что превратился храм Калима и решил удалиться, раз основная потеха уже закончилась. Прошвырнувшись по округе напоследок, он споткнулся обо что-то круглое, приятно–теплое; подкинул это еще раз, покатил, да так заигрался, что опомнился уже неподалеку от границы Леса, там, где отчетливо слышался рокот океанских волн. Апрельский негодник испугался, что его могут уличить в привязанности к симпатичной игрушке и поспешил бросить ее, как будто невзначай обронив в заросли. Послужившее мячиком зерно гранатового цвета откатилось поглубже в тень, устраиваясь поудобнее на мягкой, жирной земле и предвкушая долгий, очень долгий отдых. Ему предстояло пролежать здесь не одну сотню лет, пока оно не очистится от чужих сил и не соберется с собственными; у того, кем должно было стать это зерно, не было ни малейшего желания возвращаться к людям – глупым, нетерпеливым, жестоким... он решил, что после пробуждения останется здесь, а чтобы его не искали и не беспокоили – пошлет кого-нибудь из своих бесчисленных слуг, способных вырастать в любой форме, оказаться поблизости храма.

Небо прояснилось; далеко позади в глухом ворчании утихала гроза, а здесь, в северных лесах Нильгау, листья на верхушках деревьев уже спешили поймать первые солнечные лучи. Силы ветра, несущего беглецов из храма, иссякли разом, то ли он не рассчитал их, то ли ему что-то помешало. Серебряный поток, окружавший и поддерживавший унесенных, стремительно начал таять, и они понеслись к земле – слишком быстро, на взгляд Мазрувана, о чем он еще успел крикнуть... Их встретили все те же обитатели Нильгау: листья, сучья, ветки; после нескольких секунд треска, ударов и стонов наступила тишина.

Хэлдар с минуту лежал, прислушиваясь к голосам тела и пытаясь понять смысл их возмущенного хора; когда стало ясно, что кроме ушибов, порезов и ссадин, причин для негодования у этого хора нет, эльф приподнялся, встал и огляделся. Неподалеку лежал орк – беднягу, по-видимому, хорошенько тряхнуло, но, судя по мелкой дрожи, пробегавшей по его окро-

вавленной груди, он был жив. Мазруван уже вставал, отплевываясь кровью из прокушенной губы, и помогал приподняться пирату. Суртонец сидел, с недоумением глядя на свою неестественно вывернутую руку и что-то тихо шептал, с трудом переводя дыхание. Эльф вздрогнул и снова огляделся – отца нигде не было.

Хэлдар, не ощущая ни боли, ни слабости – вообще ничего – шагнул в сторону, еще раз, еще, – и увидел того, кого искал. Гай, лорд Лотломиэль, лежал неподалеку от зарослей нутана, и один из побегов этой травы, нарушивший границы и забежавший вперед собратьев, торчал из его живота. Копьевидный лист казался покрытым темно-красным лаком. Хэлдар подошел к отцу, опустился рядом на колени; он совершенно не понимал, что и зачем делает, не слышал шагов Мазрувана... преследовавшее эльфа ощущение чужого страшного сна внезапно оставило его и он понял, что это – его сон. Он прикоснулся к отцовскому плечу, оно было теплым и влажным от росы; Гай вздрогнул и открыл глаза.

–Сын, позаботься об этом... клыкастом певце, – Гай сумел улыбнуться из смертной тени, перевел дыхание... тут изо рта его потекла кровь, но эльф успел улыбнуться еще раз:

–*Ты волен быть кем угодно...* – и нахлынувший невесть откуда звенящий весенний ветер подхватил последний его вздох, и понес прочь из душных бесформенных лесов, выше самых высоких облаков и дальше самых дальних путей – туда, куда приводят звездные дороги и несбыточные надежды, где под легкой эльфийской поступью подрагивает радужный мост...

Прошло около часа, а Хэлдар все сидел, сжимая похолодевшую отцовскую руку, не двигаясь. Первым не выдержал Мазруван. Он подошел поближе, тронул эльфа за плечо.

–Ты... подожди еще немного, я сейчас, – и, прихрамывая, пошел вглубь леса. Когда он вернулся, пират заканчивал устраивать поудобнее сломанную, судя по всему, в трех местах левую руку суртонца: он примотал ее полосками коры к двум прямым веткам и подвесил на перевязи из лиан.

–Возьми другие лианы, вон те, темные... эти быстро осклизнут. Хэлдар, ты мне поможешь?

Эльф поднял глаза на нильгайца – тот уселся рядом, разложил перед собою принесенные корешки и веточки и принялся за работу. Вскоре под его умелыми пальцами они превратились в оберег, очень похожий на тот, что охранял их хижину во время дороги к храму Калима – небольшой, но внушающий уважение клубок змей. Мазруван протянул его эльфу:

–Подержи его, надо дать ему силы. Здесь я могу сделать это только самым грубым способом... уж не побрезгуй.

–Зачем? – в голосе эльфа было непонимание, недоумение; и нильгайца ли он спрашивал?..

–Ты же не хочешь, чтобы могилу твоего отца уже этой ночью раскопали звери? ведь нет? Мои змеи остановят любого, никто не посмеет подойти – и хоть этим ты не будешь себя мучить. Так что держи.

Хэлдар машинально взял отвратительный клубок, а Мазруван лезвием ножа провел несколько линий на правой ладони и, сжимая и разжимая руку, ронял капли крови на оберег и выпевал слова, не так давно заученные под надзором отца. Сплетение веток и корешков постепенно краснело; наконец, эльф ощутил, как оно шевельнулось. Он глянул на змеепоклонника – тот умолк, по его бледному лицу катился пот. Мазруван взял оберег и положил на грудь Гая.

–Благодарю... – Хэлдар смотрел на лежащего перед ним: смуглый, черноволосый, бронзовые губы улыбаются так легко и даже засохшая струйка крови не портит этой улыбки... он не мог узнать в этом чужаке своего отца. Это не мой отец, хотелось закричать ему, разве это может быть мой отец?!

–Оставь его, – пират остановил суртонца, раскрывшего было рот. – Одной рукой сможешь? – и протянул ему нож.

Втроем они сначала расчистили место, затем принялись копать могилу; земля была влажная и легко поддавалась широким лезвиям. Но все же это были не лопаты, и поэтому им пришлось потрудиться. Закончив копать, они выстлали могилу листьями, Мазруван принес целую охапку цветов – пурпурных, царственных орхидей.

–Послушай, парень... надо, что тут поделаешь... – пират явно не знал, что говорить. Но ему неожиданно помогли.

Хэлдар встал, расправил ссутуленные плечи и оглядел спутников.

–Где орк?

От такого более чем неожиданного вопроса они даже вздрогнули. Не повредился ли бедняга в уме? Мазруван же, присмотревшись повнимательнее, чуть не ахнул: так изменилось лицо его мнимого брата. У вышедшего из храма Бирюзовых Змей юноши не было таких жестких, колюче-синих глаз, и рот не был таким горестным и властным. Возможно, это был тот редчайший случай, когда об эльфе можно было сказать, что он постарел.

–Где орк? – Хэлдар повторил вопрос все так же ровно и спокойно.

–Да кто его знает... – растерянно ответил пират, – помер, наверно, еще в храме.

–Нет. Надо найти его. – И они послушались. С этой минуты эльф стал старшим среди них, ему не противоречили – даже чванный суртонец; его главенство никого не унижало и не раздражало.

Сыч нашелся очень скоро, и так же скоро стало понятно, что если он и жив, то ненадолго.

–Ребра помяты. Не знаю, цел ли позвоночник. А уж сколько он крови потерял... в чем только жизнь держится? – пират, которому не впервой было оценивать состояние раненых, покачал головой – придется, видно еще одну могилу рыть, не хоронить же, в самом деле, орка и эльфа бок о бок?!

–Мазруван, помоги сделать носилки. И подскажи, чем перевязать... – эльф проигнорировал слова пирата. – Мы не оставим его здесь.

И только когда были связаны носилки, а орк уложен в них, Хэлдар попросил спутников помочь ему перенести тело отца. Они уложили его на ворох пурпурных цветов, завернув в плащ змеиной кожи, на груди мертвого эльфа покоился змеиный оберег, Мазруван хотел было вложить в руки Гая подаренный кинжал, однако Хэлдар остановил его... помолчав немного, они укрыли его – сначала теми же цветами, потом листьями, и уже потом – жирной, животворящей нильгайской землей. Не было смысла как-то выделять могилу: лес все сровняет, все поглотит, всему даст приют.

–Надо идти. – Хэлдар не торопил, просто напоминал.

–Куда? – почти одновременно спросили пират и нильгаец.

–Сейчас решим. Ветер был северный, значит, мы ближе к Шакти, чем к Шаммаху. Идем к реке. Мазруван, лес проведет тебя к ней?

–Проведет. Но северные леса я знаю хуже.

–Хуже – лучше, чем никак. – И эльф обратился к новообретенным спутникам:

–Я – Хэлдар, лорд Лотломиэль.

–Шакка Шой Де, – даже с переломанной рукой суртонец оказался способен на церемонный поклон, – вечный должник ваш. Если достигнем мы вод Шакти, и доберемся до земель моего клана – сделаю для вас все, клянусь честью Шой Де!

–Меня зовут ар–Раби, и на меня вы можете рассчитывать... слово пережившего симхан! – и пират поклонился.

–Идемте же. Веди нас, Мазруван.

Они шли уже вторую неделю. Медленно, надрываясь, но не теряя надежды, что за следующим срубленным стеблем им блеснут сонные воды Шакти. Они попеременно то несли носилки с упорно цепляющимся за жизнь Сычом, то расчищали дорогу; порой у них даже не оставалось сил смастерить хотя бы навес для ночлега и они валились прямо на траву, вокруг воткнутого в землю шеста, на который Мазруван привязывал еще один оживленный кровью оберег. Все лекарства, все припасенные отцом снадобья нильгаец оставил в паломнической хижине, поэтому ничем не мог помочь своим спутникам, когда те, мучаясь, в кровь раздирали плечи и шеи, покрытые мелкими пузырьками потницы. На тех местах, где толстый стебель нутана, на котором крепились носилки-гамак Сыча, натирал их плечи, кожа угрожающе багровела, а у ар–Раби начала гноиться. А поскольку Мазруван северные леса знал хуже, то и с едой дела у путников обстояли неважно: проводник зачастую боялся ошибиться, подолгу искал знакомые плоды. На десятый день пути Сыч решил лично поблагодарить погибшего Гая за спасение.

–Хэлдар, орк умирает. – Мазруван разбудил эльфа уже на рассвете. Тот встал, ни слова не говоря, подошел к Сычу, сел рядом и положил его го-

лову себе на колени. Опустив ладонь на грудь Сыча, рядом с незаживающей раной, он пытался передать ему часть своих сил – как учил отец; странно, но эльф не чувствовал ни неприязни, ни брезгливости к темному собрату – только жалость, к которой почему-то примешивалось совершенно неуместное желание дослушать до конца ту гордую песню. Неизвестно, что было тому виной: то ли враждебность леса, то ли предельная усталость пополам со скрученным в душе горестным воплем, но ничего у Хэлдара не получалось. Ладонь даже не потеплела.

–Ты не можешь уйти. Я обещал. – Эльф говорил тихо, почти шептал, но сердце его кричало во весь голос, захлебывалось криком, молило о помощи... а орк дышал все реже, и каждый его вздох готов был стать последним.

В лесу было тихо; в нем всегда было тихо, а перед рассветом – ну прямо как под землей, словно все, что могло издавать хоть какие-то звуки, умерло, не оставив наследников.

–Я здесь. – Хэлдар поднял голову и увидел его. – Тебе дорога эта жизнь?

Эльф смог только кивнуть.

–Да будет так. Не убирай руку. – Белоснежный хобот приблизился к лицу Хэлдара и слон осторожно подул на него; от этого легкого дуновения разлетелись длинные черные волосы, а из глаз брызнули слезы. Холодная каменная рука, сжимавшая сердце эльфа, разжалась, и ему, наконец, было позволено заплакать. Белый великан поглаживал едва вздрагивавшее плечо осиротевшего сына, и в этой ласке не было снисходительности или смущения. Удивительно, но слезы не обессилили, но напротив, открыли источник новых, небывалых прежде сил, и Хэлдар почувствовал, как теплеет, оживает его ладонь, как струится сквозь нее обжигающий поток и отступает перед ним смертный холод.

Сыч вздрогнул и открыл глаза.

–Зачем?.. – он, конечно, уже успел хлебнуть горя, но еще не разучился удивляться.

–Хочу дослушать песню. – Хэлдар не счел нужным врать и утирать слезы.

–У вас будет общая песня, и не одна, – белый хобот провел по лицу Сыча, стирая остатки мертвенной бледности. – Теперь я должен покинуть вас. Не печальтесь. Скоро поредеют ряды пальм, и вы услышите сонное дыхание Шакти. Прощайте... – и он исчез так же незаметно, как и появился.

Сыч и Хэлдар избегали смотреть друг на друга, совершенно не представляя, как себя вести. Разбудивший остальных Мазруван сказал:

–Если бы я не знал, что тебе это не понравится, то уже давно валялся бы у тебя в ногах, умоляя о благословении. Это надо же – призвать Белого Слона!.. Видно, не так уж враждебны тебе наши леса.

–При чем тут ваши леса! – покачал головой Шакка. – Истинное величие духа являет себя свободно...

Через два дня пути пальмы стали расступаться все шире и шире; к полудню тринадцатого дня пути они вышли к Шакти. Собрав последние силы, построили плот, погрузили на него невеликий запас еды и нарезанного уже в темноте тростника и предоставили реке нести их, куда ей вздумается. Конечно, уже утром им пришлось взяться за шесты и помогать ленивице Шакти, но зато вознаграждение за их усердие не замедлило явиться. Явилось оно в виде небольшой пристани для суртонских кораблей, отправляющихся в большое плавание – например, с грузом оружия на остров Мизоан; хозяином пристани был один из многочисленных вассалов клана Шой Де.

Они прогостили в доме Шакка почти три месяца. За это время врачи вылечили страшную язву на ладони Мазрувана (он всю дорогу скрывал от спутников, что кровавые купели для оберегов не прошли ему даром), а Шакка уже подумывал об уроках фехтования для восстановления гибкости зажившей руки; он очень подружился с нильгайцем и уговорил его остаться пожить у себя на неопределенное время. Ар–Раби познакомился в доме Шой Де с одним из его родственников, ходившим в Арр-Мурра, и, наслушавшись его рассказов, всерьез собрался оставить пиратское ремесло и попробовать поплавать в песчаных волнах. Что касается эльфа, то он в первые недели почти не отходил от медленно, но упорно выздоравливающего орка; и самому себе он не мог бы ответить на вопрос: во имя чего? Возможно, выполняя странную предсмертную просьбу отца, Хэлдар пытался превозмочь горечь утраты? или, вытолкав смерть взашей – и это когда она уже готовилась занять Сыча как свой дом – хоть чем-то отплатить ей за ту безымянную, затерявшуюся в лесах могилу? или эльфа по прихоти случая действительно заинтересовало незаурядное поэтическое мастерство орка?

На глазах у нового лорда Цветущих Сумерек (с помощью Мазрувана он снова стал эльфом, сняв с себя надоевшую личину) суртонские врачи-чародеи меняли жесткие лубки на легкие повязки, сильнейшие снотворные настои уступали место укрепляющим отварам... Через два месяца после прибытия в дом Шой Де орк впервые встал и, опираясь на руку Хэлдара, вышел на открытую террасу, опоясывающую всю постройку.

–Тебе еще рано испытывать силы, – эльф старался говорить спокойно, но получилось сухо и надменно.

–Как скажешь... – Сыч бросил на спутника недоверчивый, но не обиженный взгляд. – Слушаюсь и повинуюсь, светлый господин.

Эльф смутился.

–Ты мне ничем не обязан, так что не стоит меня так называть.

–Так уж и ничем... ах да, разве моя ничтожная персона может представлять хоть какую-то ценность! видимо, вы спасли меня, так сказать, заодно... мимоходом.

Хэлдар вспыхнул и хотел было высказать орку все, что... но посмотрев на него, увидел не врага, не чудовище – необидную ухмылку на зелено-

ватом, исхудалом лице, совсем мальчишескую подначку в горящих глазах – и в растерянности отвернулся.

–Спасибо тебе, господин эльф, – на этот раз Сыч говорил вполне серьезно, – уж не обессудь, не умею сказать больше и пышнее...

Орк и эльф покидали Суртон вдвоем. Шакка сделал все, чтобы они ни в чем не нуждались; с умопомрачительными суртонскими церемониями и бесконечными сетованиями на то, что не обладает он, Шакка Шой Де, достойными гостей вещами, щедрый хозяин снарядил их в далекий путь. Лошади, одежда, оружие, деньги – и охранная грамота, позволявшая беспрепятственно путешествовать по суртонским землям. Не торопясь, но и не задерживаясь, миновали они границу империи, неподалеку от водопадов дивной красоты, именуемых Бородой Небесного Старца, оставили за плечами земли Шаммаха и каждый вечер с нетерпением ждали, когда же луна из бронзового гонга превратится в серебряную монету, и в воздухе повеет ароматом сосен.

Они мало разговаривали во время пути. Обсудить место ночлега, перекинуться соображениями насчет погоды, – вот и все, на что они тратили слова. Молчание вдвоем не тяготило их, тишина не угнетала. Но чем ближе спутники подъезжали к границе ничейных земель, за которой – и эльфийский леса, и предгорья Безымянного хребта, и орочьи поселения в лесах у Края Света, – тем сильнее становилось желание не отмалчиваться друг от друга, а сказать уже наконец все, что должно.

Для осеннего вечер был даже чересчур теплым; подбитые мехом плащи так и оставались увязанными в дорожные тюки. По левую сторону от дороги мелькали огоньки, ветер доносил вечерний лай собак – начинались приграничные деревни. Сыч повернулся к Хэлдару, словно собираясь что-то спросить. Ответ у эльфа уже был готов: нет, заночуем лучше в лесу, меньше будет беспокойства.

–Сложу-ка песню наугад... – совершенно неожиданно проговорил орк. Усмехнулся немного неловко и продолжил:

–Сложу-ка песню наугад
Забавы ради.
Пускай звучит ни в склад, ни в лад
В ночной прохладе.
Начну не торопясь, сквозь сон
– Сыч покачал головой –
Лягушки, дайте верный тон!

Такое предложение разговора эльф не мог отвергнуть. Помолчав с минуту, он подхватил:

–И кто же я теперь такой?!
Не фаворит и не изгой,
А под какой рожден звездой –
И сам не помню…
– и впервые за последние месяцы Хэлдар улыбнулся легко и ясно –
Я феей одарен ночной
В лощине темной.

Я не тонул в ее глазах
– и орк, словно извиняясь, развел руками, –
Наверно, струсил.
Но слез – клянусь! – не вызывал
Хрустальных бусин.
Она прекрасна и умна,
Но словно льдина холодна.

У нас с подругой разный вкус,
Я не в обиде, но боюсь
Счастливым сделать наш союз
Я не сумею…
– немного помедлив, эльф оглянулся с нарочитой осторожностью и как будто украдкой шепнул Сычу:
Сбегу-ка – пусть я буду трус! –
Да поживее!!!

Поглядев друг на друга, они с облегчением рассмеялись. И уже потом, расседлав и напоив и лесном ручье коней, они уселись у костра, на серебристых моховых подушках и не могли наговориться. Лед, растопленной немудреной песенкой, оказался совсем тонким, а под ним накопилось столько взаимного интереса, столько признаний, которые кому-то другому и в страшном сне не сделаешь, столько радостного узнавания в попутчике – истинного друга...

Сыч решил для начала вернуться в отчий дом, принять вполне заслуженную трепку и оглядеться, что к чему. Хэлдар должен был вернуть слиток солнца в родовой замок и рассказать своей матери о случившемся в лесах Нильгау. Оба понимали, что такую дружбу им придется держать в глубоком секрете и договорились оставлять друг другу весточки на одном из постоялых дворов, что между орчатскими лесными поселениями и эльфьим Заброшенным Лесом.

–Судьба у тебя такая, брат, – вирд, как говорят наши шаманы, – доставлять владыке драгоценности, а взамен получать шиш.

–А еще в моем вирде, видно, прописано, что суждено мне выслушивать грубости от всех темнокровок, с которыми я сталкиваюсь.

Сыч и Хэлдар сидели за круглым столом, покрытым полотняной вышитой скатертью. Перед ними стояли деревянные миски с июльской земляникой, кувшин с густыми, засметанившимися поверху сливками, на плоском блюде – пирог с ягодами, несколько глиняных горшочков с медом, копченое мясо на прохладных листьях салата, тминный хлеб. Торопливо собрав всю эту благодать на стол, жена Сыча выразила надежду, что с ней они как-нибудь протянут до ужина и отправилась хлопотать на кухню.

–Ты славно устроился, брат, – эльф с удовольствием огляделся. Дом Сыча стоял между небольшой речушкой и опушкой леса, был приземист и обширен, а внутри – ухожен и уютен. И, судя по прибавившимся не домоделанным предметам обстановки (вроде ковра или изящных кованых подсвечников), спрос на мед диких пчел не исчезал, и дел у Сыча не уменьшалось. Неизвестно как, но он умел договариваться с маленькими черными убийцами, испокон века обитавшими в борах близ Одайна и творившими исключительно целебный мед (одна ложка темного, прозрачного меда, разведенная в горячем молоке, – выпивая это три раза в день, можно было избыть самую жестокую простуду за неделю, а кровяной кашель – за месяц). Сыч то ли владел каким-то секретом, то ли попросту понравился пчелиной королеве, и, пользуясь этим, мог не только ухаживать за гнездами, например, переносить их в более удобные, сухие дупла сосен, но и брать соты – сколько вздумается.

–Ты говоришь это всякий раз, как приезжаешь сюда. Из этого я делаю вывод, что ты либо льстишь мне, либо тебе чего-то не хватает... даже в Лесной Страже.

–Помилуй, Сыч... и ты о том же...

–У вас с ней, в общем, разный вкус?! – хохотнул орк, подавая гостю хлеб.

–Да нет... просто я утонул в других глазах. – И, весьма довольный выражением лица сотрапезника, эльф с удовольствием принялся за еду. В Эригоне не хотелось не то что есть, дышать было неохота, земли к западу от Каджи, между герцогством Арзахельским и Одайном всегда были пустынными, так что гостеприимство сычовой хозяйки оказалось как нельзя кстати.

Видя непритворный голод друга и все еще не очень веря его словам, Сыч проглотил свои вопросы вместе с изрядным куском мяса и решил дождаться более спокойного момента. И только когда они вышли на открытое крыльцо, уселись на чистые деревянные ступени, вытянув ноги, орк сказал всего одно слово:

–Рассказывай.

И эльф послушался его. Уже солнце спряталось за верхушки сосен, удлинились и залиловели тени, и первые цикады пробовали голос, а он все рассказывал. О том, как встретил Амариллис первый раз (Сыч попробовал было закончить второй глумливый куплетец, срифмовав в непристойном четверостишии «тину» с «периной», а «лягушку» с «подружкой», но, загля-

нув в глаза друга, передумал); о празднике в замке Черного Лиса... и, незаметно для себя самого перейдя на шепот, о сумасшедшем счастье, подаренном девчонкой-танцовщицей; о королевской просьбе и больном городе. Но вот он замолчал, и Сыч решился подать голос.

–Вот что. Она вовсе не хотела обидеть тебя недоверием, сбегая из замка. Девочка попросту испугалась, струсила. Если все было именно так, как ты говоришь... она – такая, какая есть – эдаких чувств не потянет. Нет ничего хуже скороспелой любви, брат мой, дай ей время. Если сочтешь нужным, конечно.

–Знаешь, что? – Хэлдар криво усмехнулся, – по–моему, так нет ничего хуже, когда донельзя довольный и счастливый муж, угретый женой по самое темечко, пытается разглагольствовать о сердечных делах своего менее удачливого брата.

–Как скажешь. А королевское поручение мне не нравится. Будто и забыло его величество, во сколько родовой-то ваш камушек тебе обошелся... небось, и по сей день не вернул?

–Если король решил, что слитку солнца лучше пребывать у ее величества Огня и попросил меня об этом – так тому и быть. Довольно об этом.

–Довольно об этом... – передразнил орк. – Полсотни лет уж прошло, а мне до сих пор до кончиков клыков обидно! А теперь ему вынь, да положь алмаз темной крови! А луну с неба не надобно?!

–Не лично ему, Сыч. Не в перстень же камень вставлять собираются.

–А хоть в... – Сыч выругался и сплюнул. – Послушай меня, брат, возьми хоть вон тот камушек – и орк указал на мелкий гравий, которым была усыпана дорожка к дому, – отдай его своему королю и успокойся. Толку от него будет примерно столько же.

–Почему?

–А потому. С этим камнем далеко не всякий орчатский шаман справится, а уж вашим чистоплюям он и подавно не подчинится. Говоришь, его цверг украл? ну-ну... и что же это за цверг такой, что из-за камня так взволновался? Постой, моя Совушка должна знать об этом, шаманова дочь, все-таки.

Сыч позвал жену. На крыльцо вышла красивая, статная женщина лет пятидесяти, темная кровь в ней выдавала себя зеленоватым оттенком кожи и изящными, вызывающе привлекательными клыками; свое прозвище она заслужила ярко–желтым цветом больших глаз. Выслушав рассказ Хэлдара о алмазе темной крови и его бывшей хозяйке, Сова поправила эльфа:

–Не бывшей. Судя по всему, эта девушка и есть единственная хозяйка камня. Конечно, можно попытаться... но я думаю, он будет слушаться только ее. Сила у него, действительно, есть... это первый скол с огромного самородка, именно он, отмеченный руной первозданного огня, способен вызвать его к жизни. С такой мощью ваш янтарный реликт не справится, уж не серчайте. И не обуздает, и не направит... – она покачала головой, – все равно, что вязанкой хвороста реку перегораживать. Это первое. А второе вот что. Ты видел этого

цверга? Нет? жаль. Что? гномов выученик? сиротка? Сыч, – обратилась Сова к мужу, заметно волнуясь, – а не отцов ли это последыш?

–А кто его знает. Повидать бы мне его... – и орк очень нехорошо улыбнулся.

–А почему нет? сейчас брат Амариллис, маг-подмастерье, обшаривает все контадо, куда этого воришку вынесло заклятием; он – эльф-полукровка, зовут его Арколь. Я думаю, что твою помощь он примет с радостью. Совушка, твой отец вроде как ушел на покой?..

–Ты редко бываешь у нас, – без укора сказала Сова, – а все сразу не расскажешь. Моего отца на покой не затащить и упряжкой драконов. Конечно, силы у него теперь уже не те, все–таки за сотню лет перевалило, но он в этом ни за что не признается. Год с небольшим назад у отца попросило помощи одно людское семейство – крестьяне среднего достатка, вольные землепашцы... и всей воли-то – хошь ешь лук с лепешкой, а хошь – лепешку с луком. У них крысы утащили двух меньших дочек, близняшек; в общем, надрывались они пять лет, все жили из себя повытянули, но заработали – золота, чистого и полновесного. Принесли его отцу, да в ножки поклонились – сделай, мол, крысоловку, мастер-шаман. Не мог им отец отказать, сделал, да так хорошо, что сам чуть к праотцам не отправился, мать его еле выходила. Крысы оказались старые, матерые, но им все же не поздоровилось: одна, судя по цвету крови, уползла издыхать, а вторая осталась в крысоловке, с перебитым хребтом, но живая. Отец еле успел забрать ее, крестьяне хотели ее живьем поджарить.

–А ему-то она на что сдалась? – поднял бровь эльф.

– Как на что? Крыс так давно не было слышно, и вдруг нате вам! Оказалось, эти двое были последними чистокровными тварями, они дурили головы одному весьма почтенному гномову семейству, выдавая себя за их родичей, и растили себе замену, многообещающего сыночка, купив по случаю младенца–цверга. Так вот, с родителями крысоловка разобралась, а отпрыска мы так и не нашли.

–Постой, Совушка, – перебил ее Хэлдар, – откуда твой отец узнал обо всем?

-–Как откуда? от самой крысы и узнал. И не смотри так недоверчиво. Самый распоследний червяк скорее сдохнет, чем предаст своего ребенка. Но это же крыса... Мой старший брат сам спускался в гномовы пещеры, все проверял. И точно, в одном доме как раз наследство делили, приемного сына послав, куда подальше. Сам знаешь, намекать этим бородатым – мол, не все у вас благопристойно, и покойничек какой-то не такой, и вообще, их вроде как двое должно быть... – бесполезно, они в жизни не признаются, даже если их носом ткнуть. Спасибо, допустили брата в пещеру этих последышей; так вот, судя по тому, что мальчишка с собой унес – пыточный инструмент, яды, травки их мерзкие – он многому успел научиться. Одним словом, не нашли мы его. Как сквозь землю провалился.

–Да-а-а... – протянул Сыч. – Отпустишь? – и он искательно посмотрел на жену.

– Помнится мне, однажды некий орк, воспевая темную кровь, закончил песню словами «и нет надо мной господина...» – не без лукавства заметил эльф, глядя в сторону.

– Тогда я еще не был женат, – совершенно серьезно ответил Сыч.

Со времени возвращения побратимов из Нильгау прошло пятьдесят лет. Хэлдар, после того как понял, что не в силах оставаться в осиротевшем замке и особенно после того, как по королевской просьбе передал возвращенную реликвию ее величеству Огня, внял совету своего старого друга Герана и, сложив с себя полномочия официального главы клана, стал одним из Вольных Лесных Стражей. На новом месте ему никому не приходилось подчиняться, глава Вольных мог его попросить – и только; Хэлдар нигде особо не задерживался и почти никогда не отказывался от дальних поездок. Не засиживаясь на одном месте, он не успевал затосковать... и достаточно часто мог навещать Сыча.

Что касается орка, то он, отогревшись у домашнего очага, решил поискать своего места в Обитаемом Мире. Таковое нашлось спустя десять лет в сосновых борах близ Одайна, а еще через шесть лет Сыч отправился на какое-то семейное торжество – и вернулся не один. Сова подарила ему двух сыновей: Скирнира – спустя год после свадьбы, и Глитнира – еще через пять лет; старший охотился на пиратские галеры, решив перебить славу Фрагга–освободителя, а младший верой и правдой служил королю Краглы, охраняя монаршью особу, так что вот уже десять лет супруги жили вдвоем, изредка получая весточки от взрослых мальчиков. Управляться с хозяйством Сове помогала довольно покладистая чета брауни, обосновавшаяся на сеновале еще со времени постройки дома; хозяйка никогда не забывала почтить их крынкой жирного молока да свежим хлебом, оставленными на крыльце, за это бородатый карлик присматривал за скотиной, а его жена помогала со стиркой и ухаживала за овощными грядками (удивительно, но она ни разу не копнула землю цветника, считая его, наверное, пустой тратой времени и баловством).

–И куда ты теперь? К королю? чтобы и он включился в спор за орчатскую диковинку? – только и спросил Сыч, застав эльфа утром следующего дня на конюшне, седлающего легконогого Искреня.

–Не сердись, брат, я и так сделал изрядный крюк, чтобы повидаться с тобой... хотя и должен был сделать это уже после всех обязательств. Что-то подсказывает мне, что мы скоро увидимся. Передать весточку Арколю?

–Не стоит. Пусть мой визит будет неожиданным и для него тоже. Да, вот еще что хотел спросить: ты сказал, было одно предложение продать наш камень – неизвестно от кого, но мы-то знаем... – спустя три дня после

его кражи. Больше его не повторяли? нет? Странно... как это он передумал? Подчинить не мог, это ясно. Помощнички, что ли, появились? и кто же согласился помогать крысе?..

–Пока не знаю. Знаешь, Сыч, ты уж поторопись: Арколь там совсем один, не ровен час, ты прав окажешься...

–А зачем я, по-твоему, в эдакую рань на конюшню заявился? Хвосты лошадям расчесывать?! На это тут брауни имеются. И не надейся, что моя хозяйка отпустит нас без завтрака. Ни слова, умоляю: тебе лишних полчаса за столом, а мне, если не уговорю, попреков на полгода вперед. Отправимся вместе... – орк усмехнулся, – хотя бы до тракта.

Глава двенадцатая. Милость господина ратмана

Амариллис с трудом, чуть ли не помогая себе пальцами, разлепила веки: опухшие, воспаленные от постоянного недосыпа и едких лекарственных паров, они казались ей похожими на две переваренные клецки. С недавнего времени Венона, по нижайшей просьбе Окки, ушла во вторую эригонскую больницу, заменить сдавшего главного врача; Амариллис осталась одна. Ее практически освободили от ухода за больными, поскольку она одна готовила все лекарства, но если раньше она просто уставала, то теперь и вовсе выбивалась из сил. О купаниях она теперь не то что не мечтала, даже и не вспоминала; так, раз в день, умываясь, обливала голову водой – вот и вся роскошь. Пара принесенных в госпиталь платьев давно уже запачкались, измялись, передники были сплошь покрыты пятнами... и даже серебряные колокольчики в ухе словно утратили голос и уже не позванивали в такт шагам Амариллис. Конечно, можно было дать себе поблажку, передохнуть лишний раз – ведь никто не следил, не подгонял – но Амариллис слишком хорошо знала, что недоделанные настои не смогут облегчить боли и чьи-то последние часы станут настоящим кошмаром.

Она никого не просила о помощи: постоянное нахождение в омуте страданий, в который превратился некогда образцовый госпиталь, пошатнуло врожденную устойчивость к тихому ветру сиделок-темнокровок, что же касается врачей, то многие из них стали пациентами, другие держались сами, но помогать еще кому-то уже не могли. К счастью, почти выздоровевший Лорка избавил и Амариллис, и Венону от забот об остальных артистах: сам опаивал Лиусса и Рецину снотворным и болеутоляющим, менял им белье, ухаживал за близнецами и Орсоном – благо, что те держались вполне сносно. От Арколя вестей по-прежнему не было.

Целыми днями танцовщица смешивала, перетирала, заваривала, разливала, изо всех сил стараясь ничего не напутать; не один и не два раза она благословила уроки Веноны и тяжеловесную мудрость «Великого флорария». Вот и сегодня она, приведя себя в чувство горстью зажеванных горьких зерен, проделала уже привычную работу и, ощущая еще какой-то остаток сил, решила хоть чуточку облегчить жизнь тем, кто оказался в серых стенах больницы. Амариллис достала объемистую бутыль винного спирта, быстренько развела в ней розмариновую эссенцию, отчего в комнатушке повеяло бодрящим смолистым ароматом, и решила отнести эту смесь в больничные залы, обрызгать полы и стены. Плотно обхватив скользкую бутыль, девушка направилась в госпиталь, не потрудившись даже поаккуратнее повязать платок.

Миновав узкий темный коридор, Амариллис шагнула в густой, непригодный для дыхания воздух больничной залы; если не считать нескольких

случаев неожиданных исцелений – игры природы, как сказал мэтр Аурело – больных за последние дни не уменьшилось, но и не прибыло. На это боялись надеяться, даже вслух об этом не говорили... но ведь ветер не может дуть вечно, не так ли?.. Амариллис решила пройти вглубь залы, обрызгать сначала стены по периметру, а потом, если что останется, то и пол. Перешагивая через высокий порог, она подняла глаза и замерла от удивления: у окна рядом с мэтром Аурело стоял высокий, богато одетый горожанин; разговаривая, он повернул голову, и Амариллис узнала в нем Сириана Мираваля, ратмана Эригона. До полудня было еще далеко, да и больные – все как на подбор – были незаразны, и тем не менее его появление здесь удивило бы кого угодно. То ли удивление Амариллис оказалось чересчур сильным, то ли выучка храмовой школы спасовала перед полуторамесячной усталостью, но, перешагивая порог, она неудачно зацепилась ногой, пошатнулась и выронила тяжелую бутыль ароматического настоя. Во все стороны брызнуло темным стеклом и резким звоном; у ног оцепеневшей девушки темнело настоящее розмариновое озеро.

–Это зачем? Тебе что, дел не хватает?! – недовольный окрик Аурело отрезвил Амариллис и, не дожидаясь указаний, она мигом принесла щетку, совок и принялась убирать следы своей несостоявшейся заботы. И когда она уже все смела в аккуратную (даже мама бы не придралась) влажно блестящую горку, то увидела, как совсем рядом остановились черные сафьяновые сапоги, с украшенными золотом зубчатыми отворотами. Девушка почти минуту заворожено рассматривала эти сапоги... потом, сообразив, на чьи ноги они одеты, встала и поклонилась, по-прежнему не поднимая лица.

Вздрогнув от неожиданности, Сириан обернулся посмотреть, что же это так оглушительно грохнуло. Он увидел девушку, не похожую на прочих сиделок, худенькую, миловидную, ее стремление поскорее убрать разбитое стекло позабавило, почти умилило его: ну ни дать, ни взять примерная девочка разбила чашку... не сердись, мама, я уже все убрала... Он прервал разговор с врачом и подошел поближе к ней, а когда она, не поднимая глаз, изящно поклонилась, взял ее за подбородок, приподнял лицо – и узнал великолепную танцовщицу, гордость труппы Лимпэнг-Танга... сейчас, впрочем, далекую от той чародейки, что порхала по сцене в праздники Третьего Лета.

Амариллис почувствовала, как пальцы ратмана приподнимают ее лицо и, приготовясь выслушать проповедь или что похуже, посмотрела ему в глаза. Сириан Мираваль не сердился... напротив, он чуть ли не по-отечески улыбался. И глазами тоже.

–Не стоит так пугаться, милая, ибо ничего дурного ты не сделала. Такой работы не выдержала бы ни одна из моих здоровенных дочерей... и как

с ней справляется такой цветочек – уму непостижимо. Оставь все и пойди отдохни. Мэтр Аурело сказал, ты одна готовишь лекарства... это чересчур, я пришлю в помощь кого-нибудь из своих слуг. Ступай, ступай, и не нужно благодарностей.

Когда девушка покинула больничный зал, ратман повернулся к мэтру Аурело и спросил:

–Кто она?

–Танцовщица.

–Пойдемте на воздух, Аурело, и расскажите, кем она была до этого.

Они быстро шагали вдоль больничных стен – оставалось всего час до полудня – Аурело говорил, Сириан слушал.

–Ее отец был ювелиром, одним из лучших в Свияре. Его эгреты, свитые из серебряных нитей, похожие на морозные узоры на окнах, покупали даже эльфийки. Он был настоящий художник, и весьма состоятельный притом. Девочку ждала безбедная, уютная жизнь: вышла бы замуж за кого-нибудь помоложе из магистрата... а то и за одайнского князя, из тех, что поскромнее, муженек бы с нее пылинки сдувал, уж братцы бы за ним проследили.

– …Купил сам аш-Шудах?

–Ах да, вам он вряд ли известен, вы ведь не особо жалуете шаммахитов...

–…Что за непотребство…

–Помилуйте, мэтр Мираваль, да разве же в школе Нимы готовят шлюх?! Ими, как известно, рождаются... В храмовой школе обучают танцовщиц, это школа удивительная, единственная в своем роде. Вы видели, как она танцует?.. вот именно. А вы говорите... Что? а, это... прадед со стороны отца. Нет, спасибо, сегодня я отобедаю в госпитале. К ужину? пожалуй, буду.

Едва Сириан перешагнул порог дома, экономка сообщила ему о приезде сына. Как всегда, Риго ждал отца в кабинете.

–Здравствуйте, отец. Как ваше драгоценное?..

–Как никогда отменно. А вот ты, похоже, стал сдавать. И не стыдно тебе? старик–отец держится, а ты...

–До старика вам еще далеко. Простите, что задержался... – тут Риго поморщился и потер виски.

–Морелла?.. – в этом вопросе ратмана было более утверждения, чем сомнения. – Как она?

–Плохо. Вчера лихорадка усилилась, она впала в беспамятство... может, и выживет, но матерью не станет уже никогда. Ребенок прожил ровно день, – Риго вытащил из рукава платок, прижал его к носу и невнятно, из-под материи, добавил: Если бы не этот треклятый ветер, у меня был бы сын.

–Сожалею. Ну-ну, присядь, не стой... И выпей-ка это. – И ратман протянул Риго бокал с обычной мелиссовой водой, налитой им из небольшого кувшина, стоявшего на каминной полке. Он дождался, пока сын выпьет все

до дна, пока уймется кровь, капавшая на платок крупными, как ягоды смородины, каплями и сказал:

–Выслушай меня, сын. Времени у нас очень мало, тихий ветер вот–вот закончится. Ты знаешь, когда я принимаю решение, то промедлений не терплю. Тем более, когда времени в обрез. Так вот. Я не допущу, чтобы род Миравалей угас из-за неспособности Мореллы произвести на свет жизнеспособного наследника. Мне нужен внук, Риго. Это первое. Далее. Благодаря счастливой случайности мэтр Аурело нашел лекарство против тихого ветра... тебе уже лучше?... это темная кровь, очень малая доза, растворенная в воде. И он подтвердил, что темная кровь дает почти абсолютную устойчивость к дыханию Арр-Мурра и некоторым другим болезням. Мне нужен здоровый и выносливый внук. Но и Морелла мне тоже нужна; ее влияние на отца беспредельно, а он держит в руках весь манорский магистрат. А теперь докажи, что не напрасно учился в университете и сделай выводы сам.

Риго молчал не более минуты.

–Кто она?.. надеюсь, не наша новая экономка...

–Размечтался. Ей девятнадцать лет, она родом из Свияра, сирота, из очень хорошей семьи, образованна, здорова и выносliва. Ты на ней женишься.

–Что?!

–Ты плохо меня слушаешь. Я же сказал, она из очень хорошей семьи, а не из лесу.

–Тогда еще вопрос. Сколько вы заплатите городскому судье, чтобы он покрыл мое двоеженство? Мы в Эригоне... а не в Шаммахе. Да, а как же Морелла?

–Судья, который, к слову сказать, уже почти ничего не соображает и целыми днями переписывает свое завещание, а потом прячет его, а потом ищет, а потом снова переписывает... вряд ли он запомнит скромную церемонию твоего второго брака, тем более, что лекарства он, увы, не дождется. Что же касается Мореллы... по моей нижайшей просьбе мэтр Аурело навестит ее в Вересковом Логе. Я думаю, ты согласишься со мною, что твоей жене необходим отдых, и как можно более долгий.

–Понятно... Значит, сиротка из Свияра. Почему именно она?

–Она умеет обратить на себя внимание.

–Причина весомая. Когда?

Сириан покачал головой.

–Ну, заторопился... Когда она согласится, сын мой.

Вечером следующего дня Амариллис уже заканчивала смешивать сонное зелье, когда в дверь пристроя постучали. Не отрываясь от работы, девушка крикнула:

–Входите!.. сейчас будет готово. Да, и принесите мне еще воды и что-нибудь поесть. Или я умру с голоду раньше, чем от недосыпа.

–В таком случае, может, вы не откажете мне и отужинаете сегодня в моем доме?

Амариллис обернулась.

–Доброго вам вечера, господин ратман... – она поклонилась вошедшему. «Ну вот, прекрасный повод хлопнуться в обморок, – промелькнуло у нее в голове, – от усталости все как-то не получается, может, от изумления получится...»

–Он будет таким, если вы согласитесь. Мне необходимо поговорить с вами; дело важное и отлагательства не терпит. Так как?

–Я готова следовать за вами, господин ратман. Тем более что работу я уже закончила.

–Вот и прекрасно. Идемте.

Ратман весьма учтиво помог Амариллис забраться в портшез, сам уселся напротив. Вскоре они уже стояли в полумраке ратманского особняка. Сириан обратился к Амариллис:

–Дитя мое, у вас такой измученный вид, что было бы крайней жестокостью вот так сразу принуждать вас к серьезной беседе. Сейчас подойдет моя домоправительница, она проводит вас в комнаты, там уже приготовлено все необходимое... на первое время. Я буду ждать вас в кабинете. Не торопитесь, до ужина еще добрых два часа.

Тут подошла экономка, извиняясь за опоздание, и порядком струхнувшая и недоумевающая Амариллис отправилась за нею, вглубь дома Миравалей. Они поднялись в третий этаж, вошли в комнату – по-видимому, одну из гостевых спален, – и девушка, ожидавшая чего угодно, но только не этого, ахнула. Комната была неярко, приятно освещена несколькими светильниками, в углу, распространяя легкое тепло и аромат, стояла шаммахитская курильница – из многочисленных отверстий в ее медной крышке в воздух поднимались сизо-розовые змейки дыма. У окна стояла парадно убранная постель: белый батист, атласное, отороченное белым же мехом одеяло, облакоподобные подушки; на стоявшем в ногах сундуке была заботливо разложена одежда. А самое главное, возле умеренно горящего (так, чтобы смягчить холод каменного дома, но и не спугнуть его прохлады, столь отрадной в летнюю жару) камина стояла ванна. От воды поднимался душистый парок, у огня грелись кувшины с чистой водой, на скамеечке поблескивали фарфоровые баночки с жидким мылом и благовониями. Амариллис вздохнула и, все еще не веря своему счастью, спросила у сопровождающей:

–Это – мне?!..

–Тебе. Сама управишься, или помочь?

–Ну конечно сама. Что я, принцесса, что ли?..

Оказавшись в одиночестве, девушка с наслаждением выкупалась. Полежав с полчаса в горячей воде и отмокнув, она несколько раз намыливала длинную кудрявую мочалку и безжалостно растирала свое тело, пока

кожа не порозовела и не задышала. После этого Амариллис завернулась в нагретую простыню, вычерпала всю грязную воду в стоящие рядышком ушаты, ополоснула ванну и налила в нее свежей воды, перебрала все стоявшие на скамеечке баночки, придирчиво их обнюхивая, и остановила свой выбор на лавандовой эссенции – все-таки отдохнуть надо... Затем в отдельном тазу, заранее заботливо поставленном на табурет, девушка вымыла волосы, и только потом, со вздохом всепрощающего, на все заранее согласного удовольствия погрузилась в теплую, убаюкивающую воду. Она лежала, лениво разглядывая свои наконец-то отмытые пальцы, поглаживала живот и бедра... в голове была пустота, пронизанная легким звоном. Веки Амариллис отяжелели, мокрые ресницы слипались; еще несколько минут – и она бы заснула прямо в воде, но тут в дверь постучали. Девушка встрепенулась.

–Я так и знала, что ты все еще отмываешься, – с добродушной усмешкой сказала вошедшая экономка, – вылезай уже, пора одеваться.

Амариллис вышла из ванны, встала на коврик, стерла пушистым полотенцем душистые капли с теплой розовой кожи и подошла к сундуку. Накинув легкую нижнюю рубашку, она шагнула к камину, просушить волосы. Затем, расчесав их, еще влажные, вьющиеся, деревянным гребнем, принялась одеваться. Надела простое темно-голубое платье суртонского шелка, завязала длинный пояс, расшитый мелким жемчугом, завязала тонкие ремешки белых замшевых сандалий. Закончив, девушка подошла к стоявшему в углу напротив курильницы зеркалу и увидела там... впрочем, она тут же выпрямилась, развернула плечи, гордо подняла подбородок... что бы сказала госпожа Эниджа, если бы увидела эту довольнешенькую отварную курицу с опущенными плечами?! – попеняла она себе и поклялась никогда больше так не размякать.

–Я провожу тебя к господину Сириану, – домоправительница открыла дверь и ободряюще кивнула Амариллис. Они прошли по коридору, спустились по широким ступеням, и оказались перед массивной дверью ратманского кабинета.

–Добро пожаловать, дитя мое, – ратман, приветствуя Амариллис, поднялся из кресла и поклонился. – Усаживайтесь и, прошу вас, не стесняйтесь.

–Благодарю вас, мессир, – девушка ответила на поклон со сдержанным изяществом, легко прошла к столу, села на отодвинутый стул и замерла в ожидании. Весь ее прежний страх куда-то улетучился (может, остался в грязной воде), она, как нельзя кстати, вспомнила, что в доме аш-Шудаха видела и не такую роскошь, а гордая осанка в таких ситуациях – уже полдела... словом, Амариллис снова становилась танцовщицей Лимпэнг-Танга.

–Прошу великодушно простить меня, но, право слово, я весьма проголодался, и вряд ли смогу одновременно вести беседу и обонять все эти чудесные запахи. Так что давайте-ка воздадим должное ужину, а уж потом поговорим. С вашего позволения, я сам поухаживаю за вами.

Амариллис плохо поверила ратманскому голоду, но была благодарна за возможность утолить собственный, еще более обострившийся после купания. Ела она немного (правила школы Нимы запрещали объедаться на ночь глядя) и с видимым удовольствием. Однако даже это небольшое количество вкусной еды заставило ее прямо-таки осоловеть. Амариллис сидела по–прежнему прямо, изящно держа руки и лишь слегка наклоняя голову, но глаза ее предательски щурились, ресницы отяжелели, щеки горели. Ратман взглянул на нее повнимательнее, улыбнулся и сказал, наливая в бокал Амариллис золотисто-розового вина:

–Отведайте этого вина, оно настояно на семенах илори и будет для вас как нельзя кстати. Сладкие сны вам не помешают.

–Но вы же хотели поговорить со мною, господин Сириан. Боюсь, что после этого, – и она отпила немного – этой благодати к разговорам я буду неспособна. Усну прямо в кресле.

–Ну что вы, в кресле неудобно, да и кровать ваша уже приготовлена. Так что допивайте и ступайте почивать. А все разговоры отложим на завтра. Как говорит мой отец, утро вечера мудренее. И никаких возражений. Завтрак вам принесут в спальню, а уж после мы с вами и увидимся. Доброй ночи, Амариллис.

–Благодарю вас, и доброй ночи, господин Сириан.

Амариллис встала, легко поклонилась и оставила ратмана одного в кабинете. Она поднялась по лестнице, вошла в отведенную ей комнату, разделась и нагишом, презрев положенное на одеяло ночное одеяние, нырнула в теплую чистоту постели. Замерев на секунду, девушка с наслаждением потянулась, оглаживая простыни и подушки, потом свернулась калачиком, устраиваясь поудобнее. Открыв глаза, Амариллис еще раз осмотрела комнату, радуясь про себя всем ее удобствам, но вдруг вспомнила... и чуть было не вылетела из этого оазиса чистоты и уюта. «Лекарства, – мелькнуло у нее в голове, – лекарства же! Утренняя порция! На ночь хватит, даже с избытком, а как же днем?..» Но было в доме Миравалей нечто волшебное; во всяком случае, Амариллис никуда не побежала. «Да ладно... вряд ли разговор длинный будет, успею к полудню. Протянут как-нибудь с ночными излишками. И вообще, пускай врачишки животы порастрясут да что-нибудь сами приготовят (это было несправедливо, бедняги доктора и раствора соли приготовить бы не смогли, даже ради своего собственного спасения... но когда это сытость была справедлива?)... в самом деле, неужто не обойдутся?.. Да... как-нибудь...» Девушка сладко, от души зевнула, подоткнула одеяло, закрыла глаза и уже через полминуты спала.

Утро следующего дня застало Амариллис в кабинете ратмана. Хозяин кабинета, вопреки обыкновению, сидел не в парадном кресле, а в оконной нише, на крытой мехом скамье. Он знаком предложил девушке присесть на стоявшее рядом деревянное креслице, учтиво поинтересовался, как ей

спалось, задал еще несколько малозначащих вопросов, вроде того, как ей нравится Эригон, да как она переносит тихий ветер. Амариллис не менее учтиво отвечала, недоумевая про себя все больше и больше. Наконец, Сириан, помолчав минуту, сказал:

–Ваше недоумение прорывается даже сквозь ваше прекрасное воспитание. Однако вы более терпеливы, чем я ожидал. Разумеется, я пригласил вас не только для того, чтобы дать возможность отдохнуть, хотя вы заслуживаете этого как никто другой. Амариллис, я хочу, чтобы вы вышли замуж за моего сына.

Если бы ратман попросил у танцовщицы дать ему лично несколько уроков танцев, то она вряд ли удивилась бы сильнее. Сначала она просто не поверила своим ушам, потом решила, что ратман поддался общей хвори и малость двинулся рассудком. Она украдкой оглянулась: не заперта ли дверь и свободен ли путь к отступлению, и приготовилась, успокаивающе мурлыкая, сбежать как можно быстрее.

–Нет, дверь не заперта, – понимающе усмехнулся ратман, – и я еще держусь. Амариллис, я в своем уме и я буду повторять свое предложение до тех пор, пока вы не дадите ответ. Согласны вы стать моей невесткой?

Амариллис молчала. Не то чтобы вопрос был уж очень неприятный, но о замужестве она вообще не помышляла; после Свияра семья стала для нее чем-то несбыточным, память о тех днях была запрятана глубоко-глубоко, на самое дно ее души – чтобы не тревожила, не мешала жить одной. Ратман продолжал.

–Неловко расхваливать собственного сына, но Риго действительно неплохой парень. Он умен – в Арзахеле об этом позаботились, характером спокоен, без этих новомодных вывертов... И он – мой наследник, наследник линьяжа Миравалей и – что уж скрытничать – ратманской мантии. Можно сказать, наследный принц Эригона Баснословного.

–А я?... – Амариллис подняла голову и посмотрела Сириану прямо в глаза.

–Вы? А вы, моя дорогая, удивительная, редкостная драгоценность для нас. Достойное, почтенное происхождение, хорошее образование, молодость и здоровье – и в придачу к этому толика темной крови в ваших жилах. У вас есть все, чтобы подарить моему линьяжу наследника.

Амариллис попыталась осмыслить сказанное. «Темная кровь.. так им нужна моя темная кровь?... ага, ну конечно, не жениться же ратманскому сыну на... ну да... а такие, как я, и вправду не часто попадаются...»

–Как я поняла, вам нужен наследник, защищенный от тихого ветра.

–Больше, чем вы можете себе представить.

–Допустим. Но как быть с нынешней женой господина Мираваля–младшего?.. Помнится, в прошлом году, на коронационных празднествах в Арзахеле он был не одинок.

–Вот как? так вы его запомнили?

–Трудно забыть такой носище, тем более сидящий рядом с самим герцогом.

–Ах вот что... К моему искреннему сожалению, Морелла умерла полгода назад. Что вас еще смущает?

–Я сама. Вы не хуже меня знаете, кто я такая. Ни денег, ни влияния; слава?... пожалуй, но вряд ли это то, что вам нужно.

–Мне нужны вы. Поверьте, моя дорогая, линьяж Миравалей не нуждается ни в деньгах, ни в дополнительном влиянии. Этого у нас предостаточно. И мы в состоянии щедро поделиться всем этим с вами. Подумайте.

–Возможно. Но подумайте и вы, что будет, если я не смогу родить столь желанного вам ребенка? И такое случается.

–Но не с вами. Мэтру Аурело было достаточно одного взгляда, чтобы отвести подобные сомнения.

Разговор явно затягивался.

–Вот что, – ратман первым решил прекратить торги, – не будем спорить. Такое решение принять сложно и я был бы не вправе торопить вас, но... Но у меня есть все основания думать, что это последний август в моей жизни. Больше года я не проживу. И я не хочу умирать, не увидев сына Риго. Вы вернетесь в дом госпожи Элиссы, вашу работу в госпитале выполнят... не беспокойтесь, я распорядился. Побудьте в тишине, поразмыслите обо всем услышанном. Завтра вечером жду вас к ужину. До встречи, Амариллис.

–До встречи, господин Сириан. – Амариллис, подавленная и растерянная, поднялась, поклонилась и направилась к дверям. Уже у порога ее окликнул ратман.

–Не печальтесь, дорогая моя. И поверьте мне, более очаровательную невестку я не могу себе представить...

... В доме госпожи Элиссы было тихо, сумрачно; оставшиеся слуги и немногочисленные домочадцы прятались по своим комнатам, сама хозяйка последние несколько дней была на попечении Веноны, в госпитале. Пришедшую незадолго до полудня Амариллис встретил Лорка. Он крепко обнял ее и, ничего не спрашивая, проводил к друзьям. Рецина и Лиусс спали, лица у них были мертвенно–бледные, отекшие, дыхание от сонных трав стало медленным и сладковатым; танцовщица, зашедшая в их комнату, постояла с минуту и, попятившись, вышла, не сказав ни слова. В соседнем покое дремали, пережидая полуденные часы, брат с сестрой. Шонно даже в полусне крепко держал Криоллу за руку. Увидев Амариллис, они поздоровались с нею: учтиво, приветливо, но словно не узнавая и не вспоминая. Орсон сидел у закрытого окна, с тоской глядя на садовые заросли; его руки были перебинтованы, правая бессильно висела в лубке. Он даже не оглянулся на вошедшую девушку.

–Что с его руками? – спросила Амариллис, усаживаясь рядом с Лоркой на высокий порог комнаты.

–В действительности – ничего. Ему кажется, что правая полностью парализована, а левая вот–вот откажет. Криолла почти не спит, боится кошмаров, кричит во сне так, что ее братец сразу хватается за меч, ищет обидчика...

–Меч?!

–Да какой там меч... Сама посмотри – обычная хворостина. А вообще-то он оказался крепче всех, с ним почти нет хлопот. Ничего, как-нибудь протянем. Да, а ты-то здесь какими судьбами? Выглядишь против прежнего неплохо...

–Купания и сон еще никому не вредили... – буркнула Амариллис. Она никак не могла отвлечься от увиденного.

–Ну, ты что загрустила? – Лорка прикоснулся к ее плечу, заглянул в глаза. – В госпитале ты и не такое видела.

–Вот именно, в госпитале. Я ведь с самого начала этого проклятущего ветра не заглядывала сюда, не навещала вас... да и некогда было, признаться. Последний раз я видела их совсем другими...

–Понимаю. Я по первости тоже переживал. А сейчас ничего...

–Привык?

–Нет, просто знаю, что мы выкарабкаемся. Осталось уже немного.

–А ты откуда знаешь? Впрочем, неважно... ты, наверное, прав. Венона говорила, что больше двух месяцев это не продлится.

Потом, ближе к вечеру, Амариллис отправилась готовить бодрствующим ужин, а спящим – очередную порцию болеутоляющих настоев, чтобы они смогли хоть немного «погулять» (как не без иронии говорил Лорка). Всё гуляние заключалось в том, что он выносил Лиусса и Рецину поочередно в гостиную актерского флигеля и усаживал в низкие кресла; там они и сидели, глядя перед собою ничего не соображающими глазами, равнодушно пережевывая пищу, подсунутую под самый нос. Накормив друзей и вытерев им рты и подбородки, Амариллис присела рядом с Лоркой, на теплый подоконник наглухо закрытого окна.

–Ты так и не сказала, почему ты здесь, и откуда пришла.

–Горбатого могила исправит. – И Амариллис, покачав головой, выразительно глянула на Лорку. – Знаешь, как говорят у меня на родине?

–...от любопытства кошка сдохла. – смеясь, продолжил рыжий. – Ты говорила мне это не меньше сотни раз.

–И все зря. Ладно уж. Мне нужен твой совет, друг мой Лорка Бреттиноро. Как ты думаешь, выйдет ли из меня госпожа ратманша?

И Амариллис, не упуская ни малейшей подробности, передала Лорке содержание её беседы с ратманом. Он выслушал её на редкость серьёзно, не перебивая и не отпуская своих обычных шуточек. Когда девушка сказала о смерти первой жены Риго, вольтижер нахмурился, словно припоминая что-то; узнав о болезни Сириана Мираваля, недоверчиво скривился. Когда же Амариллис, закончив рассказ, вопросительно посмотрела на него, он еще

довольно долго молчал, поглаживая длинными, красивыми пальцами несколько отросшую рыжую бородку.

–Ты просишь у меня совета, Амариллис? Ты получишь его. Но не благодари и не ругай меня, ибо совет мой будет жесток. И не Лорка – рыжая отрава даст его тебе, а граф Манарди да Бреттиноро.

Лорка опять надолго замолчал, так, что Амариллис даже испугалась – не обидела ли его чем-нибудь. Но вдруг он повернулся к ней и заговорил с неожиданной горечью.

–Что ты знаешь обо мне, дева? Седьмой по счету жеребец в стойлах Бреттиноро – болтлив, пройдошист, соврет – недорого возьмет, ладит с лошадьми, и при любой оказии лезет в окно к замужней даме. Так, что ли?! Не возражай, сам знаю, что так, и у этакого типа ты просишь совета?!.. что бы сказал Арколь...

–Это все ветер... Ты все-таки еще не совсем здоров. – Амариллис уже жалела, что завела этот разговор.

–При чем тут ветер, дева, – и Лорка безнадежно махнул рукой, – со мной и без него все ясно. Отец – сиятельный граф, богат и славен, драгоценностями разукрашен, как нужник властителя Шаммаха, и туп, как задница его любимого слона. Шестеро братьев – старший, вылитый папаша, и сейчас живет припеваючи, а уж как осиротеет... Два брата служат в герцогской гвардии, оба достойны и правильны, как трактат по геометрии. Еще один водит отцовские корабли и ему вечно недоплачивают жалованья. Толстячок женился на богатой наследнице и теперь смотрит в рот тестю-торговцу. А малыш Фриар погиб... не вернулся из Арр-Мурра. Хотел мальчик на женитьбу заработать поскорее, уж больно нетерпелив был... его можно было понять, невеста чудо как хороша была, хоть и бедна, как храмовая мышка. Майорат, чтоб ему... Одному – все, остальным – шиш. И если второй по счету еще может на что-то надеяться: ну, заболеет старший брат, помрет – куда как добрые мечты!.. – то седьмому что делать прикажете? Перетравить предыдущих? Продать себя богатой вдовушке? Податься за Край Света?!

Лорка замолчал, злобно пиная сбившийся ковер. Его собеседница тоже молчала, смущенно опустив глаза. Амариллис по себе знала, что пустившийся на такие вот откровения уже на следующий день жалеет об этом, и желает лишь одного – чтобы вчерашний собеседник забыл все до единого.

–Вот что, Амариллис. И не думай даже отказаться от такого предложения. Нет уж, сама просила совета, теперь не перебивай. Ратман, конечно же, здоров как столетний дуб. Знаю я таких, они всех своих детей переживают. То, что Морелла Мираваль умерла, очень похоже на правду – женщины дома Квиати через одну умирают в родах. Ты же, дева, достойна стать не то что ратманшей, тебе и герцогский венец Арзахеля пришелся бы впору. Соглашайся, Амариллис. Подумай сама, что тебя ждет в будущем? Еще с десяток актерских лет – и это в лучшем случае – а что потом? Поблестишь,

повластвуешь, поиграешь, и?! Купишь бакалейную лавочку или трактир откроешь? На что твоих сбережений хватит, а? Или выйдешь замуж... только вот за кого? Или будешь при Арколе в старых девах жить? Посмотри правде в глаза, Амариллис. Деньги мы копить не умеем, живем как бабочки-однодневки. Да, сейчас мы на вершине, независимы, сыты. А когда пройдет наше время, и придут новые дети Лимпэнг–Танга – что тогда?!

–Но... я даже вблизи его не видела... – девушка с силой сжала край подоконника, так что даже пальцы побелели. – Разве так можно, Лорка?

–Так – не должно. Но можно. – Вольтижер взял девушку за плечи и развернул к себе. – Не крути, Амариллис. С каких это пор тебя так волнуют вопросы морали? Небось, когда в окно лезла...

–Перестань! – Амариллис почти кричала, даже Орсон обернулся на ее голос. – Прекрати! Не твое дело...

–Ах вот оно что... – Лорка грустно улыбнулся и, не обращая внимания на фырканье танцовщицы, ласково обнял девушку за плечи, так, что голова ее уткнулась ему в плечо. – А я-то, олух, совсем забыл... Бедная моя девочка, постарайся забыть об этом как можно быстрее. Эльфийский лорд и плясунья – сюжет для пошлейшей, завиральной баллады, от которой тошно эльфам и стыдно людям. Ну вот, теперь ты заплакала. Я ведь предупреждал, что совет будет жестоким. Не плачь. Выходи за Риго Ворона, роди ему сына – и тебе не придется беспокоиться о завтрашнем дне, терпеть завистливые или похотлиые взгляды... многие ли понимают и ценят твое искусство? ну, мы... да еще этот твой шаммахитский маг, да Геран. Хотя за него я не поручусь.

–Но как же вы? Я не могу вас вот так запросто бросить.

–Да уж как-нибудь. Венона вместе с Лиуссом, Рецина и в драконьей утробе не пропадет, у Арколя скоро закончится срок ученичества, ему вообще не до тебя будет. Близнецы? они всегда вдвоем, и никто им больше не нужен. Ах да, а как же Орсон? – и Лорка притворно замахал руками. – Кто же будет ему менять пеленки, он ведь у нас сущий младенец.

–Понятно. Получается, что я вам не нужна. Спасибо на добром слове.

–Да пожалуйста.

Они замолчали. Слишком многое было сказано; не то, что лишнего, но... не слишком приятного. Лорка встал и начал наводить порядок в комнате. Перенес тяжелобольных в их спальню, напоив предварительно снотворным, уговорил Орсона снять на ночь бинты, чтобы руки отдохнули, зажег курильницу с прессованными из лепестков черного шиповника шариками и отдал ее Шонно. За окнами стемнело. Амариллис по–прежнему сидела на окне и молчала.

–Ты совершенно прав, рыжая отрава. Мне от этой баллады ничего, кроме стыда, не выйдет.

Девушка поджала ноги, обхватив их руками; она сидела, зябко сжавшись, словно птичка на заледеневшей ветке.

–Я видела его. Незадолго до начала тихого ветра, у того ювелира, который Фолькета принял. Лорка, он даже не посмотрел на меня... впрочем, нет, посмотрел. Он и на стены посмотрел, и на окна, и на фолькетов табурет, и на меня... заодно. Я ненавижу его.

–Ты влюблена в него.

–Уже нет.

–Пока еще да. Иначе ты не раздумывала бы так непростительно долго над предложением Миравалей.

–Насчет «непростительно долго» ты преувеличиваешь. Ты-то сам сколько своего коняшку выбирал? то-то. А тут все–таки муж... Спой мне, Лорка... пожалуйста.

Постояв с минуту в полумраке комнаты, рыжий вольтижер вышел и вскоре вернулся с гитарой. Он уселся рядом с Амариллис прямо на пол, уютно устроил гитару в своих объятиях, тронул струны и негромко запел.

Госпожа Любовь!
Сквозь туманы и тернии,
Сквозь тоску и забвение
Я иду за тобой…
Госпожа! Мне так больно…
Соловьиные трели
Мне вонзаются в сердце ножом.
Погоди, постой!
Пусть я буду сражен,
Пусть душа моя в пепел истлеет –
Останься со мною, Любовь…

Амариллис, незаметно вытирая слезы и стараясь не всхлипывать, спросила:

–Ты расскажешь им, когда все закончится?

–Расскажу. Мы будем скучать по тебе. Хочешь, я спою еще?

–Хочу. – И Амариллис положила ладонь на голову Лорки. Вольтижер взял ее руку, поцеловал еще мокрые пальцы... он перебирал чуткие струны, а девушка перебирала, гладила его огненные, горячие волосы.

И долго еще в темном, печальном доме колдовал голос Лорки. Вечером следующего дня Амариллис, оставив два письма – для Арколя и для Веноны – ушла, чтобы никогда больше не возвращаться в гостеприимный дом госпожи Элиссы.

Через три дня в малом зале особняка Миравалей сам ратман, данной ему городом властью, соединил руки Риго Мираваля и Амариллис из Свияра; сей брак был узаконен и занесен в официальные документы судьей, который, к слову сказать, на следующий же день умер. Свадьба была более чем скром-

ной: всех своих чад и домочадцев ратман услал на время эпидемии в отдаленные поместья, вызывать их в город ради столь короткой церемонии не стали. Амариллис держалась с достоинством, сделавшим бы честь королевской невесте. У нее достало ума и такта не обряжаться в пышные, роскошно-белые одеяния – посреди всеобщего горя они выглядели бы глупо и неуважительно – но выйти к гостям в скромном платье, том самом, что приготовили ей в прошлый раз, на голову она набросила прозрачную вуаль, расшитую серебряной нитью. Подойдя к жениху, она остановилась на полшага позади его, выказывая тем самым уважение и подчинение будущему супругу. Положенные клятвы она повторяла тихо, но достаточно твердо, и когда Риго взял ее за руку, дабы надеть кольцо, пальцы ее оказались теплыми и даже не дрожали. За ужином, на котором кроме ратмана и новоиспеченной супружеской четы присутствовал мэтр Аурело, девушка отнюдь не выглядела опечаленной или испуганной, она улыбалась шуткам, в нужные моменты поддерживала беседу и даже ела. Наконец, все необходимые формальности дня были проделаны, и Амариллис Мираваль осталась одна в парадной спальне.

Девушка предпочла бы ту уютную комнату, в которой останавливалась в прошлый раз, но нынешнее ее положение обязывало подчиняться традициям дома. Она огляделась. Наполовину погруженная в обширную стенную нишу, поодаль разряженным памятником высилась кровать: высоченный балдахин, поблескивающее вышивками одеяло, несколько ступенек, покрытых мехом. Напротив – камин, чью решетку работал мастер с чрезмерно развитой фантазией; в результате украшавшие ее саламандры в свете огня казались живыми, и это производило не совсем приятное впечатление расползающегося на волю змеевника. Окно с закрытыми резными ставнями, завешенное тяжелыми гобеленами. Толстый, как мох в сосновом бору, ковер, поглощающий звуки и обволакивающие ступни.

–Жуткое место, правда?

Амариллис обернулась и на пороге комнаты увидела своего мужа. И, прежде чем голова ее успела подумать, язык Амариллис ответил:

–Кошмарное.

Риго сочувственно засмеялся.

–Да уж. Погребальные дроги супружеского счастья – так я называю этот жертвенник, – и он указал на кровать. Амариллис фыркнула.

–Мне в таких местах всегда не по себе; как будто все эти змеищи и единороги пялятся на меня, а из-за драпировок вот-вот вылезет наша старая домоправительница и завопит на весь дом, что негодник Риго запачкал драгоценные шторы и порвал простыни... и я останусь без сладкого.

–Это еще что, – оживилась Амариллис, – мы однажды останавливались в одном замке, в Арзахеле, так там я ночевала в комнате, где аккурат напротив кровати висел портрет чересчур уж достойной дамы: злющей такой старухи, с поджатыми губами и сизым носом. Мне и раздеваться пришлось под одеялом, дабы не осквернить ее взора, и сны всю дорогу снились кошмарные.

Разговаривая, они все ближе и ближе подходили друг к другу.

–Тогда, может быть, удерем? – улыбаясь, предложил Риго.

–Куда? – удивилась Амариллис.

–Да хоть ко мне. Там, конечно, не так роскошно, но возможно там ты не будешь так испуганно озираться.

Амариллис, смутившись, кивнула. Комната Риго оказалась под стать своему обитателю: удобная, просторная, умело освещенная. Предложив Амариллис свое кресло, Риго уселся на кровать.

–Тебе нужно отдохнуть, Амариллис. Слишком много на тебя свалилось. Вот что: мы можем завтра же уехать в Серебряные Ключи, это поместье далеко к северу от Эригона, возможно, там тихий ветер не так силен. Нынешний город мало подходит для медового месяца, тебе надо покинуть его, отдохнуть. Ты не против?

–Нет, почему же... так даже лучше. – Амариллис и впрямь была рада возможности удрать из Эригона.

–Отлично. Значит, завтра утром в дорогу. Поэтому сейчас же ложись спать, разбужу засветло. – С этими словами Риго встал и направился к выходу. Уже в дверях он обернулся, поймал взглядом изумление Амариллис и усмехнулся:

–Что, отец так торопил тебя? Ничего, подождет еще немного. Или я изверг какой – ребенка насиловать?..

–Я не ребенок. – Амариллис была почти обижена.

–Вот иссякнет ветер, и я приду в себя, тогда и посмотрим. – С этими словами новоиспеченный супруг вышел из комнаты, оставив свою жену в одиночестве.

Утром Амариллис проснулась от того, что кто-то ласково, но настойчиво тряс ее за плечо. Она подняла голову от подушки, села в кровати и попыталась понять, что же говорит ей Риго. Наконец, до ее сонного слуха дошло:

–Вставай, да посмотри же в окно!

Девушка, накинув на себя одеяло, как королевскую мантию, и волоча его по полу, подошла к окну, распахнула ставни, выглянула во двор и ахнула: все вокруг, деревья, трава, садовые скамьи – все было густо-фиолетового цвета. Словно раскинули прямо на земле фиолетовый бархатный ковер, деревья окутали тончайшим шифоном в тон, и даже небо затянули траурной кисеей.

–Что это значит? – растерянно спросила она.

–Это значит, что тихий ветер выдохся. И золотой ветряк остановился. Теперь нужен хороший, сильный ветер с моря, выдуть эту гадость, проветрить город – и все наладится. Но мы все-таки поедем: сейчас начнется такая неразбериха, сутолока... люди начнут приходить в себя, узнавать о своих настоящих, а не выморочных потерях... Тебе не нужно этого видеть. Одевайся, мы выезжаем через полчаса.

Отведенного времени Амариллис хватило на то, чтобы одеться да черкнуть несколько строк Лорке; письмо она оставила на столе Риго.

Уже после отъезда молодоженов Сириан Мираваль принимал в своем кабинете мэтра Аурело; предваряя этот визит, ратман достал из тайника большую шкатулку, еще раз не без удовольствия просмотрел ее содержимое, достал небольшой замшевый мешочек, а остальное спрятал обратно. Доктор вошел, плотно закрыл за собой дверь и сел в одно из прикаминных кресел.

–Они уехали?

–Да. Я передал Риго ваши снадобья. Мэтр Аурело, у меня к вам еще одна просьба; еще более сложновыполнимая и щекотливая, чем все прежние.

–Особых сложностей возникнуть не должно. Она молода, здорова, физически развита... не думаю, что ей понадобится особая помощь.

–Выслушайте меня, мэтр. Вы, должно быть, догадываетесь, что первая жена Риго жива. Она перенесла преждевременные роды, сейчас у нее горячка. Когда она выздоровеет – а она должна обязательно выздороветь – ей будет необходим продолжительный отдых, месяцев девять, а то и год. И ей совершенно незачем будет знать, что происходило в доме в ее отсутствие.

–А вот это действительно сложно. Очищение памяти, да еще двукратное... долгие периоды сна... внушение... – и мэтр покачал головой.

–Я полагаю, вам будет лестно решить такую задачу. Как это... провести небывалый ранее эксперимент.

–Где?

–Морелла сейчас в Вересковом Логе, но это поместье слишком близко к городу. Ее перевезут подальше, в небольшой арзахельский городок. Ежели он вам наскучит, всегда можно будет посетить столицу, тем более что тамошний университет который год пытается вас заполучить.

–Сколько?

–Это за согласие. – И ратман протянул Аурело тот самый мешочек. Врач развязал его, высыпал содержимое себе на ладонь, внимательно рассмотрел и снова спрятал.

–Хорошо. Мне нужны кое-какие снадобья, из тех, что привозят из Арр-Мурра, но напоказ не выставляют. Слишком опасно.

–У вас будет доступ ко всем арестованным товарам.

–Отлично. Сделаю все, что смогу. Вашей невестке действительно необходим отдых и я позабочусь о нем.

–Превосходно. Вас проводят на склад, а потом, если не возражаете, вы отправитесь к пациентке.

–Не возражаю. Тихий ветер иссяк, ничего интересного в Эригоне для меня нет. С этими словами собеседники встали, ратман проводил доктора до дверей кабинета, они обменялись поклонами и расстались.

Прошло несколько дней. Ожили все городские ветряки, постепенно свежий, пахнущий морем воздух вытеснял отравленное фиолетовое марево и город мало–помалу оживал.

Сперва Лорка надеялся, что Венона при первой же возможности вернется домой, и они начнут выхаживать друзей. Но она не появилась ни через день после того, как замерло дыхание Арр-Мурра, ни через два, ни через три. На четвертый день терпение Лорки иссякло, и он самолично отправился напомнить Веноне о больном муже. Однако в госпитале ему сказали, что Веноны нет в городе вот уже неделю, а то и больше – никто точно не помнил. На все расспросы служители отвечали, что однажды на ночь глядя явился в госпиталь один такой... весь взъерошенный, остроухий, с разодранной в лохмотья щекой. Поговорил немного с госпожой и вскоре они оба исчезли в ночи. Вот и все. Ни ответа, ни привета. В остроухом Лорка без труда узнал Арколя и сделал для себя один-единственный вывод: выхаживать собратьев ему придется одному.

... и неслыханное везение чернокнижника—недоучки

Вот уже четвертую неделю Фолькет сидел в гостинице. «Гря-а-азная, гну-у-у-усная, ме-е-е-рзкая дыра!...» – с этой хвалебной песни он начинал каждое утро. Затем он съедал принесенный служанкой молочный суп – тепловатый, с синюшными пенками – и вновь с упорством, достойным лучшего применения, принимался за свои штудии. Фолькет пытался раскрыть алмаз темной крови. Он уже испробовал на нем все знания, полученные от отца, пустил в ход кое-какие свои изобретения... все напрасно. Камень словно издевался над ним; бессильной оказалась даже магия крови – Фолькет, вспомнив прежние навыки, сцапал ночью маленькую нищенку. Но и ее невинная кровь не помогла.

Ньерд, самое отдаленное предместье Эригона, тихий ветер захватил самую малость, ощутимо пострадали только самые впечатлительные. В основном же жизнь контадо мало изменилась; по–прежнему стучали молотки на верфях, кипела в котлах смола, и как праздник ожидалось прибытие очередного «запаса». «Запасом» в Ньерде называли чудо-суда, приходившие по Кадже и сработанные одайнскими умельцами: были они целиком составлены из отборного леса, ни одним гвоздем не осквернённого, шли по реке, управляемые опытнейшими лоцманами, благоухая свежим деревом и возвышаясь вровень с прибрежным лесом, а по прибытии тут же разбирались по бревнышку, по досточке. Публика в Ньерде была самая разношерстная: мастера–корабелы, сезонные работники, торговцы и капитаны, следящие за ремонтом своих судов, матросы, ремесленники...

В тридцатый раз получив от темного алмаза щелчок по носу, Фолькет разразился потоком длинной, бессмысленной ругани, хватил кулаком по краю стола, отчего выстроенные в изощренном порядке элементы панта-

кля смешались и попадали, и решил, что на сегодня с него хватит. Выглянув в окно, он понял, что время обеда давно прошло, о нем, как всегда, забыли, и решил в кои-то веки самолично наведаться в общий зал; вернул кольцо на шейную цепочку, натянул рубаху, жилет, пригладил волосы. «Напьюсь с горя, – размышлял Фолькет, – может, что и придет в голову.» Он спустился на первый этаж постоялого двора, постоял с минуту, оглядывая духоту зала, и пробрался за угловой стол. Уселся, потребовал у служанки «чего покрепче», да копченых ребрышек впридачу, и принялся мрачно рассматривать собственные ногти. Однако спокойно посидеть ему не дали. Не успел Подарочек выхлебать и двух чарок из принесенного кувшина, как за стол к нему подсели – без приглашения и без церемоний.

–Вечер добрый да ветер попутный! – Морда у навязывающегося в собутыльники была куда как подозрительная, а его пожелание доброго вечера звучало почему-то как проклятие. По виду был он моряк, причем не из простых: слишком дорогая рубаха, жилет тисненой кожи, богато расшитая перевязь, запачканные – а чего их беречь? – замшевые сапоги; лицом же он был похож на финик, из смуглых морщин которого буравчиками поблескивают черные глазки. – Не нальете ли чарку старому морскому волку?

–Пей да проваливай, – грубо буркнул Фолькет, решив поскорее сплавить нежданного гостя. Тот, впрочем, охотно потянулся к кувшину, налил в свой, заботливо прихваченный, стакан... и тут цверг решил пугнуть его, чтоб не надоедал. Немного усилий – и охотнику выпить на дармовщинку покажется, что из его посудины вылезают черви, а сама она до краев полна помоями.

–Что, только этому и успел научиться? – невозмутимо поинтересовался моряк, преспокойно выхлебав зелье. Фолькет оторопел. А тот налил себе еще и, пошвырявшись в пахучей груде ребрышек, выбрал какое посимпатичней, с треском разгрыз его, отхлебнул из стакана – преспокойно, чуть ли не посмеиваясь.

–Да не таращься ты так, глаза вывалятся. Знаю, малыш, – и моряк омерзительно ухмыльнулся, – все знаю. Сиротинка ты наша... – тут слова уступили место довольному чавканью.

–Откуда?.. – только и смог выдавить Фолькет.

–Как это откуда? – как-то обиженно удивился гость, утер кружевным рукавом лоснящийся подбородок, и неожиданно широко улыбнулся Подарочку. Широченный оскал улыбки – и острые, злющие зубы... и вытянувшийся нос... и подрагивающие усы–вибриссы... и брызнувшая по смуглом лицу серая шерсть... Фолькет, боясь обнаружить свое потрясение, вцепился пальцами в столешницу; и под вырвавшимися на волю когтями жалобно заскрипело дерево.

–Тихо, тихо... здесь не наше место... – успокаивающе протянул моряк, а сам все еще не совсем по-человечьи поводил носом.

–Ты очень хорошо спрятался, малыш. И начал тоже неплохо. Кэдмон хоть и был еще та... – непристойное определение потонуло в глубине стакана – но дело свое знал. И хоть оно мне даже как-то не к лицу, но я рад, что нашел тебя.

–Кто вы? – Фолькет, однако, с выводами не спешил и радоваться не торопился.

–Да ты никак плохо видишь? Я, малыш, крыса, – и он горделиво приосанился, – крыса корабельная.

…Арколь, услышав знакомый усталый голосок, поднял голову от толстенного фолианта и улыбнулся. Его названная сестра, мужественно преодолев искушение сном, звала его погулять. Он расцеловал ее в обе щеки, и они отправились в сад. Арколь с удовольствием слушал рассказы Амариллис о школе Нимы, просил ее поподробнее описывать прелести ее подружек, нарываясь на надирание и без того длинных ушей, сообщал о своих успехах в учении.

–...В общем, мы единогласно признали обладательницей самых соблазнительных родинок Лалик. А ты чем на неделе занимался?

–М–да... с куда большим удовольствием я занялся бы исследованием и сравнительным изучением того вопроса, который вы, судя по всему, разрешили с непростительной небрежностью и поспешностью. Но, за отсутствием доступа к материалу исследования, я штудировал книжицу о протеичных формах жизни... оборотни всякие, двуличники... Да ну их, расскажи лучше какие у вас были критерии соблазнительности.

Амариллис уже отбыла в храмовую школу, Арколь, разделив с учителем вечернюю трапезу, вернулся к прерванным занятиям. Раскрыл тяжеленный том и...

«... однако подгорные крысы, чье племя близко к полному истреблению, вопреки бытующему мнению, не одиноки и не единственны в своем роде. В незапамятные времена часть крыс, по неизвестным ныне причинам, покинула подземелья Безымянного Хребта и устремилась на юго-запад. После долгих странствий крысы те избрали местом своего пребывания группу островов в море Покоя, именуемых Муспельскими. Там они обосновались, не образуя, впрочем, государства или даже города, но живя разрозненно и независимо. Главным занятием крыс стало мореходство; море, с его изменчивым, непостоянным характером и вечными опасностями они действительно полюбили. И еще полюбили они звонкое золото. Сейчас мы можем говорить с полной уверенностью о том, что основы работорговли заложили именно они.

Именуемые отныне корабельными, крысы, как и их подгорные родичи, способны существовать в двух обликах – человеческом и крысином; однако, в отличие от подгорных, корабельные крысы при принятии зверофор мы сильно теряют в росте, так, взрослая крыса, стоящая на задних лапах,

достает взрослому мужчине лишь до пояса, а не до середины груди. Они менее жестоки, но более подлы. Нередко нанимаются они на корабль с достойной репутацией, своими льстивыми и подлыми речами подталкивают наиболее ленивую часть команды к бунту, который обычно возглавляют, и превращают еще вчера торговый бриг в пиратский. Редко когда вся команда такого корабля состоит из одних крыс, они умеют находить подобных себе в пороках и низости среди людей, коим доверяют даже капитанские полномочия. Обычные их занятия – работорговля и разбой; магией они не владеют, больше полагаясь на точный расчет и...» – в этом месте Арколь зевнул. «Корабельные крысы очень привязаны к своему кораблю; не жалея, вкладывают деньги в его ремонт и содержание...» – еще один зевок. «Отличить корабельную крысу от обычного пирата можно...» – дальше шла магическая формула, и не в привычках Арколя было заучивать такие вещи сквозь сон: не приведи Вседержитель, не запомнится... а ну как пригодится? Поэтому прилежный ученик аш–Шудаха решительно захлопнул книгу, встал, потянулся и отправился спать.

«Так вот ты где, подарочек. Змеенок подколодный. Ах вот как... хватило ума не расставаться с камушком. Что, ручонки коротки оказались? дрянь такая...»

Арколь сидел за скользким, столетиями немытым столом, откинувшись на спинку тяжелого стула; его длинные и грязные волосы свисали на лицо, от него разило дешевым вином – еще бы, целый кувшин этой дряни вылил на рубаху и штаны; выглядел он, как спивающийся трубадур, пересчитывающий зеленые мороки, пляшущие перед ним на опустевшей тарелке. Целый месяц маг–подмастерье обшаривал контадо Эригона, проклиная свою пока еще не отточенную чуткость к магическим эманациям и полагаясь в основном на расспросы. Почувствовать алмаз темной крови он не мог – и догадывался, почему, и не мог не радоваться этому; от тихого ветра он с грехом пополам отстранился. Об оставшихся в Эригоне друзьях и младшей сестре старался не вспоминать; Арколь знал, что если камень попадет в чужие и умелые руки, то по Обитаемому Миру может повеять таким... тихий ветер действительно покажется тихим.

И вот наконец он нашел и теперь сидел и, теряя терпение, ждал, когда же выпивоха-моряк отчалит восвояси. А тот знай разливался соловьем. Арколь встал, покачался на якобы нетвердых ногах, выдохнул и направился к фолькетову столу.

Корабельный собрат не успел толком расписать Фолькету все прелести пиратского житья–бытья, как какой-то забулдыга прервал его самым бесцеремонным образом.

–А ну, пустите-ка и меня морские враки послушать... – и, потеряв равновесие, пьянчуга резко пошатнулся и опрокинул моряка вместе со

стулом. Пока тот барахтался на заплеванном полу вверх ногами, нежданный гость перегнулся через весь стол, сгреб Фолькета за грудки и рванул его к себе.

–Как жизнь, змееныш?.. Сам отдашь кольцо или сначала я твои кишки по стенам развешу?

Жизнь Арколю спасла его удивительная реакция, доставшаяся от матушки вместе с острыми ушами. Уловив за спиной ледяное дыхание смерти, он, не раздумывая, пригнулся, швырнул треклятого цверга через себя, опрокинул стол и встал на ноги в углу, спиной к стене.

Они стояли совсем рядом, шестеро моряков весьма бывалого вида, Фолькета они задвинули назад... видно, берегли. А вот Арколя, судя по всему, намеревались пустить в расход. У одного в руках зловеще поблескивал крюк, у троих были изогнутые сабли; пьяным же трубадурам оружие не положено.

–Зачем же сиротинку обижать? Нехорошо-о-о... – издевательски протянул один из моряков и широко, радостно осклабился.

–Люблю человечьи потроха, – сообщил тот, что с крюком, – ох, и поужинаю сегодня!..

–А вот это мы еще посмотрим.

Кто бы ни был этот третий за вечер незваный подарочков гость, своим появлением он дал Арколю вполне достаточно времени. Защитники сирот обернулись – зал опустел, желающих поучаствовать в сваре не оказалось, кроме одного пришлого. Он стоял, меряя их взглядом серебряных глаз с вертикальными прожилками сузившихся зрачков; на вид ему было не более сорока лет, разворот плеч и мышцы, перекатывающиеся под зеленоватой кожей, внушали почтение. Фолькет завизжал и на четвереньках метнулся к выходу, однако первый из его гостей, метнувшись из-под соседнего стола, схватил его за шкирку и швырнул под ноги Крысолову. Решив оставить трубадура напоследок, корабельные крысы все разом накинулись на орка, преображаясь в серых, голохвостых тварей – убивать они предпочитали в своем зверином обличье.

Аш–Шудах мог гордиться своим учеником. Долгий и неприятный процесс перекидывания Арколь свернул в ослепительное мучение длиной в минуту; одна из крыс и пискнуть не успела, как ее шею свернул угольно-черный хорек, выплеснувшийся лентой из-за перевернутого стола. Размерами он был под стать крысам, а ловкостью, пожалуй, превосходил их. Пятеро из оставшихся нападавших мгновенно поменяли тактику; трое насели на хорька, двое атаковали орка...

Фолькет, скрючившийся за опрокинутым стулом, стучащий от страха зубами, почувствовал, как его хватает за шиворот чья-то крепкая рука, стрельнул глазами и, увидев давешнего моряка, малость успокоился. Тот дернул цверга за собой, кивком указывая направление движения к выходу,

и, пока сцепившиеся противники выясняли, кто кого, две крысы бочком, по стеночке, прошелестели к дверям. Хорек, придушив вторую крысу, поднял голову и увидел выскальзывающие на улицу силуэты, яростно затявкал... но – увы! – броситься за ними не смог, ибо две оставшиеся требовали к себе неотступного внимания. Работы хватило и Крысолову, и хорьку – напавшие крысы были явно не из амбарных толстух, сражались они злобно и умело. В результате у орка был покусан левый бок, у зверя на спине шерсть намокла от крови, глубокие царапины пропахали мордочку в опасной близости к глазам, серьезная рана была и под правой передней лапой. А на полу скучнейшей гостиницы в Ньерде валялись шесть дохлых крыс... с тех пор ее иначе, как «Крысоловкой», не называли.

Орк подхватил хорька на руки, отчего лицо его исказилось, а колени дрогнули, но все же он сумел вытащить его на середину залы, подальше от падали. По длинному, гибкому телу зверя пробегала мелкая дрожь, он хрипло, с клекотом дышал... несколько минут все усиливающейся дрожи – и блестящая шерсть стала тускнеть, таять и на месте хорька оказался высокий, окровавленный юноша, черноглазый и остроухий.

–Скорее, беги за цвергом... его нельзя отпускать! – он попытался встать, но с полувскриком-полустоном опустился наземь.

–Сам знаю, что нельзя. Ничего не поделаешь, мэтр Арколь, но искать крысу ночью – да жена меня со свету сживет за одну такую мысль. А ну-ка, давай сюда, – с этими словами орк потянул юношу вверх, помог ему встать и, цыкнув на высунувшего нос хозяина, почти отнес его в первую попавшуюся комнату. Уложил на постель, снял разодранную крысиными когтями одежду, крикнул в коридор, чтобы принесли воды и только тогда осмотрел собственный покусанный бок. Пока Крысолов промывал раны Арколя, смазывал их какими-то мазями из своего заплечного мешка, бинтовал спину и прокушенное насквозь плечо, тот молча терпел, иногда поскрипывая зубами. Когда же орк занялся собственными повреждениями, то ученик аш-Шудаха еле слышным голосом – столь поспешная трансформация отняла у него все силы, да и схватка оказалась нешуточной – спросил:

–Кому обязан жизнью, господин?

–Своему дару... и отчасти мне. – Орк закончил шипеть, как масло на сковородке, положил на уже не кровоточащий бок чистую полотняную тряпочку и примотал ее крепко–накрепко. Затем он сел рядом с Арколем.

–Меня зовут Сыч. О тебе я знаю от Хэлдара... лорда Лотломиэль; он просил присмотреть за тобой. Вот только припозднился я малость. Как понимаю, камень уже тю-тю... – и орк сокрушенно покачал головой.

–Ну ничего, – продолжил он, – не все еще потеряно. Если они не подчинят его, то, скорее всего, будут продавать. В общем, время у нас есть, а уж как мы его потратим – решать будем не сейчас и не здесь. Завтра найду для тебя повозку покрепче и отправимся зализывать раны. А ты молодец... не

ожидал такой прыти от подмастерья, – и Сыч не смог удержаться от улыбки, уловив в глазах Арколя совсем мальчишеское самодовольство.

... Они промелькнули по ночному Ньерду как пара грязноватых теней, в одном из закоулков, у берега Каджи их поджидала лодка. Даже не вспомнив об оставшихся в гостинице собратьях, двое сбежавших уселись на весла и поспешили прочь. Потом была темная пристань, силуэты кораблей – на один из них они попали без малейшего труда. Как оказалось, обладатель грязных замшевых сапог был на нем шкипером. Фолькета проводили во вполне приличную каюту, велели не высовывать носа, пока не запахнет морем и оставили одного. Подарочек, рассудив, что лучше уж корабельные собратья, чем разозленный маг, хотя бы и подмастерье, улегся спать.

Корабль, несколько претенциозно названный первым владельцем «Покорителем бури» (крысы название менять не стали), снялся с якоря и направился вниз по Кадже, в Эригонскую бухту, а оттуда – в море Покоя, к Муспельским островам.

Глава тринадцатая. Ночной огонь

Дорога до Серебряных ключей оказалась достаточно длинной для того, чтобы новоиспеченные супруги смогли толком поговорить. Они ехали в довольно неуклюжей на вид, но неожиданно удобной карете весь день, остановившись пообедать в придорожном трактире. Почти все время до этой остановки Амариллис проспала, Риго не стал будить девушку, памятуя о ее усталости. Она сидела, прислонившись головой к подушкам, приоткрыв рот и изредка совсем по–детски вздрагивая во сне; муж накинул на нее легкий плащ и, высунувшись в окно, потребовал у возницы ехать поосторожнее. Однако после того как Амариллис с завидным аппетитом проглотила обильный обед, Риго категорически запретил ей спать («А не то бука приснится... и кроме того, что ты будешь делать ночью, проспав весь день?») и, чтобы помочь ей превозмочь дрему, принялся рассказывать о своем детстве, об учебе в Арзахеле, о своей службе. Амариллис слушала того, кто в одночасье стал ее супругом, и потихоньку начинала понимать, как ей повезло. Риго, вопреки ее опасениям, не был ни размазней, всецело подчиненным папеньке, ни бездушным распутником, относящимся к жене, как к племенной кобыле, ни занудой–книгочеем. Напротив, он оказался любезным и остроумным собеседником, и чем дальше они уезжали от Эригона, тем больше девушка надеялась, что сумеет поладить с мужем.

–...Так вот и получилось, что я привык почти всегда быть в разъездах. Сожалею, но тебе придется привыкать к моему частому отсутствию; кстати, а к чему ты вообще привыкла? я ведь немного знаю о тебе, хотелось бы исправить это досадное обстоятельство.

–Я полагаю, у нас будет на это время, – и Амариллис несмело и лукаво улыбнулась, – а что касается моих привычек, то за последние несколько лет они слишком часто менялись. Я привыкала к разному. В родительском доме, да будет благословенна его тень, я была любимой, балованной доченькой, не знала ни бедности, ни заботы, ни страха... и все меня любили, и я любила всех. Потом балованной дочке пришлось стать служанкой... не скажу, чтобы мне приходилось уж очень тяжко, но разница все же была. Потом – рабыня; как говорится, из огня да в полымя. Страху я, конечно, натерпелась нешуточного, но зато попала в Ирем, обрела названого брата взамен потерянных, и могла бы обрести настоящего друга, если бы не оказалась вопиюще безмозглой. Потом школа Нимы... это слишком долгий рассказ, приберегу-ка я его до зимы.

–А каковы привычки знаменитой танцовщицы? – поинтересовался Риго.

–Любимая работа. Дорога. Публика разных степеней распущенности... извини. Уверенность в друзьях. Знаешь, Риго, я только в труппе Лимпэнг–Танга начала расставаться со своей самой страшной и навязчивой привычкой – с сиротством...

Риго протянул руку и осторожно коснулся щеки Амариллис:

–Теперь у тебя есть дом; ты стала частью нашей семьи. И не кажется ли тебе, что круг твоей судьбы замкнулся – ты снова любимая, балованная дочь... вот приедем, загляни в сундук с подарками своего свекра – и убедишься в истинности моих слов.

–Любимая дочь – это хорошо, но меня все-таки не удочерили, не так ли? Я постараюсь не быть тебе в тягость, Риго, и не стеснять твоих привычек.

–Не говори глупостей. – Риго даже нахмурился. – Тысячи мужчин удавились бы от зависти, узнав о моем счастье, и, не колеблясь, отдали бы деньги – повесомее моих! – и титулы – погромче моего! – лишь бы занять место рядом с тобой... что там такое?

Риго открыл дверцу и в карету хлынули чернила августовской ночи, послышался лай собак и приближающиеся голоса.

–Это Озерки, селение рядом с поместьем. Скоро приедем. – И Риго улыбнулся.

–Это хорошо. – Судя по лицу Амариллис, она решила держаться со спокойным достоинством, под каковым замечательно скрывается трусость. – Буду очень рада познакомиться с твоим дедом и родней.

–Не трусь. – Риго все отлично понял и на спокойное достоинство не купился. – Дед мой хоть и чудак, но детей не обижает... извини. Главное, не забывай восхищаться садом и по грядкам не ходи. А родственники... ничего особенного, так, дальние и нестрашные. Мы по приезде сразу спать отправимся, а утром я тебя всем представлю. Ну, вот и приехали.

Поместье «Серебряные ключи» купил дед Риго, Арчеш Мираваль, и именно из-за красот этого места он в свое время отказался от ратманской мантии – ей старик предпочел садовничий фартук.

От других богатых сельских усадеб Серебряные ключи отличал редкий по красоте сад, центром которого были два маленьких родника с целебной водой, обширная оранжерея, в которой ухитрялись выживать даже растения из Нильгау, и сам хозяин. В остальном – двухэтажный дом с просторной верандой, деревянная резная мебель, смешные грелки на длинных ручках, нелощеные, но приветливые служанки, простая и сытная еда, темнеющий в отдалении лес – все было вполне обычным. Чего опять же никак нельзя сказать о хозяине...

Арчеш Мираваль встретил свое восьмидесятое лето и, судя по всему, собирался встретить и девяностое. Старший в линьяже Миравалей, он был невысок, худощав, волосы его цветом напоминали соль, в которую по неосторожности просыпали перец, а количеством... да так ли оно важно в восемьдесят лет? Лицом он походил на клевачего петуха, на него же походил и норовом; одевался же как простой садовник – полотняные просторные рубаха и штаны, деревянные сандалии, фартук. У старика была одна забавная особенность – он очень часто говорил пословицами, и выговаривал их своим ядовитым тонкогубым ртом, как в ногу клевал: остро и больно.

Кроме Арчеша в господском доме проживали дальние родственники Миравалей: пожилая бездетная пара, старый холостяк, помешанный на рыбной ловле, вдова разорившегося торговца; слуги – экономка, кухарка, пара горничных, конюх, садовник (вернее, помощник Садовника) жили в пристрое. Народу в поместье было немного: до Эригона далеко, кругом дикие леса; красиво, спору нет, но уж очень безлюдно. Не считая Озерков, рядом с поместьем других селений не было.

Несмотря на поздний час, супружескую чету встречали все обитатели Серебряных ключей; перед крыльцом выстроились слуги, кланяясь и улыбаясь, в просторной зале первого этажа собрались новые родственники Амариллис. Когда они с Риго вошли, на минуту стало тихо... девушка почти физически ощущала любопытство, переполняющее устремленные на нее глаза, и не решалась поднять собственные. Молчание прервал Арчеш Мираваль:

–Добро пожаловать, дорогой внучек, и ты, невестушка... Гость добрый, да час поздний. Ступайте-ка все спать, завтра налюбуетесь, – и, к удивлению Амариллис, все послушно поднялись и отправились восвояси. – И вы ступайте, комната ваша приготовлена. К завтраку разбужу рано, не обессудьте, так уж у нас заведено.

Молодожены поклонились и направились в свои покои, расположенные в западном крыле дома; и уже вслед им старик добавил:

–Кстати, внучек, учти, грядки с тыквами я колючим вьюном обсадил... – и довольно захихикал.

К завтраку их разбудили действительно рано. Амариллис с недовольным ворчанием вылезла из–под одеяла, Риго, спавший на другом краю широкого ложа, малодушно предложил ей право первого умывания. В столовую они спустились последними, все остальные уже сидели за длинным столом, во главе которого восседал свежий как огурчик Арчеш. Кушанья подавала экономка; к ужасу Амариллис первым блюдом оказалась каша – густая, на сливках, овсянка. Судя по выражению лиц всех завтракавших, они, глотая липкие, тугие комки, вспоминали счастливое детство. Проглотив пару ложек, девушка отодвинула тарелку. Затем подали омлет, а вскоре перед Амариллис появилась тарелочка с ягодами черной смородины. При одном виде этих северных ягод у нее свело скулы и в памяти так некстати всплыли персики из сада аш–Шудаха... решив, тем не менее, не обижать садовника, девушка оглядела стол в поисках сахара. Тут она заметила, что все, включая ее супруга, вкушают сии дары природы без оного, один только Арчеш слегка присыпал черные бусины смородины желтоватым тростниковым сахаром.

–Не стоит... – прошептал жене на ухо Риго, – сахар здесь дороговат, а дед малость скуповат. Потерпи немного, в наших покоях целый кофр с шаммахитскими сладостями.

Однако Амариллис – на правах новобрачной – все же решилась на дерзость и, потянувшись через стол, зачерпнула ложечкой из серебряной сахарницы один раз. Ложечка была очень маленькой, высыпавшиеся из нее крупинки можно было пересчитать, поэтому девушка потянулась к сахарнице во второй раз.

–Милочка, возможно в тех местах, откуда вы родом, смородина не так сладка как в наших, – Арчеш говорил вежливо и дружелюбно, – однако у нас она вполне съедобна...

Амариллис подняла глаза, с достоинством встретила насмешливый, колючий взгляд старика, спокойно взяла обеими руками сахарницу и высыпала все ее содержимое себе в тарелку. После чего поставила пустую на стол и обратилась к оцепеневшей экономке:

–Уважаемая Клеми (имена слуг ей предусмотрительно сообщил Риго), у нас закончился сахар. Будьте любезны, распорядитесь.

После чего изящно откопала ложечкой смородину из–под сахарного сугроба и отправила ее в рот. За столом было так тихо, что Амариллис слышала поскрипывание сахаринок у себя на зубах. Уловив краем уха сдавленный вздох, она посмотрела на Риго – сжав губы и выпятив подбородок, он давился от смеха.

–Я очень рад за тебя, внучок, – в отличие от внука, Арчеш Мираваль смеялся, ничуть не скрывая этого, – у нее есть характер. После завтрака я покажу вам сад, деточка. Возможно, вы найдете там что-нибудь повкуснее этой кислятины.

–Это неслыханная милость, – шепнул Амариллис супруг, – чтобы дед вот так сразу пустил к себе в сад? да еще с правом выбирать, что повкуснее?! Сделай милость, принеси мне из оранжереи пару персиков...

–Еще чего, – так же шепотом ответила ему жена, – такую милость заслужить надо. Кушай-ка смородину, дорогой муженек.

После завтрака все разбрелись кто куда; Риго закрылся в кабинете, просмотреть привезенные с собою бумаги, Амариллис занялась было разбором привезенных вещей, но от этого занятия ее освободила служанка, пришедшая сказать, что господин Арчеш ожидают молодую госпожу в саду.

Обойдя дом, Амариллис оказалась перед входом в сад – невысокой аркой, искусно выращенной в живой изгороди. Помедлив, она шагнула вперед и оказалась в царстве господина Садовника. Сад Арчеша Мираваля был весьма велик и действительно прекрасен. Прихотливо вьющиеся, переплетающиеся дорожки были засыпаны желтым песком или мелкими круглыми камешками, сочно–зеленая, шелковистая трава – ровно подстрижена; на невысоком всхолмье возвышалась оранжерея, на постройку и обустройство которой Арчеш угрохал все фамильные драгоценности своей жены – стеклянные пластины таких размеров стоили очень дорого, да и саженцы из южных пределов Обитаемого Мира тоже были недешевы. Вдоль живой

изгороди были высажены фруктовые деревья, в самом саду они располагались небольшими живописными группами.

Всевозможные цветники – от маленьких, умещающихся в каменном вазоне, до настоящих цветочных озер – поражали тонким вкусом и умением Садовника, подобравшего цветы и цвета, как вышивальщица подбирает нитки для вышивки. Причем Арчеш Мираваль не упражнялся в составлении геометрически правильных композиций и не высаживал белые махровые маргаратки в форме чайки. На одной из клумб он собрал больше десятка сортов настурций, так, что они являли собой подобие солнца, нежно-желтого в центре и истошно-оранжевого по краям; вокруг солнечных часов были высажены цветы, раскрывающиеся или благоухающие в определенное время суток – в точном соответствии с тенью на циферблате. В глубине сада было выстроено подобие каменного грота, в котором звенели две водяные струйки, стекающие по мраморному ложу в маленький бассейн с голубыми лилиями.

–Господин Арчеш, уж не возревновали ли вы к славе Калима Пышноцветного? – спросила Амариллис, подойдя к ожидающему ее Садовнику.

–Это кто? – недоуменно поднял брови старик.

–Это нильгайский бог, мне про него одна подружка в школе рассказывала. Бог–растение, желающий весь мир превратить в лес.

–А–а–а... Каких только богов не напридумывают. И где теперь твоя подружка?

–В храме Калима, она его жрица.

–Угу. Интересная, видно, школа. Ну, пойдем, невестушка, покажу тебе мои владения.

И они направились вглубь сада. Амариллис не уставала искренне восхищаться и не скупилась на похвалы; через полчаса в корзиночке, заботливо прихваченной Садовником, лежал свернутый фунтиком лист, наполненный поздней августовской клубникой, рядом с ним сизым огнем рдел десяток крупных слив, желтели медовыми мягкими боками груши. Когда же они подошли к грядкам с пряными и лекарственными травами и Амариллис обнаружила свои неплохие познания, почерпнутые из «Великого Флорария», старик Арчеш был заметно обрадован и тут же обещал допустить ее к сбору трав. В оранжерее девушка выдержала не более пяти минут, впрочем, все шаммахитские персики были уже обобраны, а других она не признавала. Наконец они подошли к гроту с целебными родниками; вошли внутрь, сели на каменную скамью. Амариллис была рада прохладе – после оранжерейной духоты, восхищена садом, и вода оказалась такой вкусной... она откинулась на спинку скамьи и разнеженно улыбалась.

–Чему это ты так радуешься? – вопрос был задан холодно и насмешливо.

Амариллис не сразу нашлась с ответом.

–Что молчишь? Придумываешь, что соврать?

–Я плохо вру, неправдоподобно. Чему радуюсь?.. пожалуй, что всему.

–Смотрите-ка... и вправду есть, чему. Выскочила замуж за принца Эригонского, из танцовщиц – прямехонько в знатные дамы, из нищей повозки – в денежный мешок... Ты мужа-то своего до свадьбы хоть разок видела? или все равно было, лишь бы взяли?

–Видела. И не раз. Но вы правы, это было неважно. Потому что меня все равно бы взяли. Зачем спорить с судьбой, когда она желает тебе добра? стерпится – слюбится...

–Это ты о ком?

–О Риго, конечно же. Сама-то я люблю его... безумно. – И Амариллис с вызовом посмотрела на старика. Тот поджал губы и ничего не ответил. Все радужное настроение Амариллис улетучилось, в памяти всплывали все страшные сказки о злющих свекровях и свекрах, а также о вредных стариках; ликующая палитра сада поблекла, как и перспектива делить кров со старейшим из Миравалей.

–Ну, хватит рассиживаться, – Арчеш хлопнул себя по коленям и поднялся со скамьи. – Погуляли и будет. Советую тебе, невестушка, найти себе какое–никакое дело, соизмеримое, конечно, с твоим нынешним положением... при здешней публике голышом не попляшешь. Ты хоть что-нибудь делать-то можешь? Кроме как задом вертеть?..

Амариллис словно ледяной водой окатили. «Летел как ангел, упал как черт... – подумала она про себя, – что это с ним?»

–Первая-то жена Риго рукодельница была, – мало что не издеваясь продолжал старик, – домовитая, да и образованная...

Амариллис встала, гордо задрала подбородок и, прищурившись, взглянула на собеседника.

–Я знаю три языка, кроме всеобщего, на каждом умею писать стихи; знаю историю, придворный этикет всех столиц, обучена началам медицины. И никто в Нижнем Свияре не вышивал лучше меня. Если вы позволите, для начала я займусь целебными травами вашего сада... да и лишние пяльцы в доме, я думаю, найдутся. А сейчас, с вашего позволения, я вернусь в дом.

–Ступай, – Арчеш кивнул, не сводя с девушки пристального взгляда. – Травы я тебе, пожалуй, доверю. Там, с южной стороны, сушильня, погляди при случае. Иди, иди... муж, небось, заждался.

Постояв с минуту в прохладном коридоре, Амариллис постучалась в дверь кабинета и, не дожидаясь ответа, вошла.

–Ну, как сад? – поднимая голову от весьма почтенного на вид пергамента, спросил Риго.

–Чудесно. – Она сказала это так, словно побывала не в саду, а на лобном месте.

–Что, попало от деда? Не переживай, он со всеми новоселами так; а привыкнет, так и замечать перестанет. Кроме того, не навеки же мы сюда приехали. Через пару месяцев все в Эригоне наладится... и вернемся домой.

Амариллис подошла к Риго, впервые так близко за все время после свадьбы, наклонилась и тихо поцеловала его. Риго не сделал никаких попыток продлить поцелуй, даже не обнял жену; он погладил ее по щеке и вновь занялся делом. Она не стала ему мешать и молча вышла из комнаты.

Прошло уже три дня, как молодые Миравали обосновались в Серебряных Ключах. Амариллис познакомилась со всеми домочадцами, обнаружила целую коллекцию рамок для вышивки и немереный запас ниток, начала пощипывать травные грядки (старик пару раз придрался, но вполне терпимо); смородину на завтрак больше не подавали, зато в большущих медных тазах, под сенью уже уставших от тепла и света августовских деревьев начали варить варенье – груши на меду, сливы с пряностями; томили в коричневой карамели маленькие пунцовые яблочки, уваривали густой виноградный сок с орехами. Было тихо, истомно-тепло, воздух, напоенный ароматами перевалившего за половину лета, сделался густым и нежным.

В этот вечер Амариллис раньше обычного поднялась после вечерней трапезы в свои комнаты. Она бесцельно прошлась по спальне, отворила окна, выходящие в сад, прямо на розарий Арчеша, зашла в небольшую кладовку, где хранились все привезенные ею вещи. Присела на пол возле одного из сундуков и открыла его: аккуратно сложенные, в нем лежали все ее наряды, в плоских коробочках поблескивали украшения, в самой дорогой, на черном атласе покоился Хранитель мелодий. Амариллис осторожно достала браслет, надела его на левую руку... все пять цепочек привычно обвились вокруг пальцев, сам же кристалл едва слышно зазвенел, приветствуя хозяйку. Дыша тихо-тихо, девушка приподняла самую верхнюю из одежд – темно-синий шелк, расшитый разноцветными нитями, под юбкой – лиф, украшенный подвесками горного хрусталя... сердце Амариллис дрогнуло и сжалось. И она поспешила отложить этот наряд в сторону; вынула второй, третий... Вокруг нее уже вздымались пышные цветные груды шелка, тяжелого атласа, газа и кисеи, а она доставала все новые и новые, гладила их, целовала, любовалась ими, и плакала, плакала...

–Вот ты где... а я уж забеспокоился, не сбежала ли от меня жена.

Он стоял в дверях, судя по всему, уже довольно давно. Словно не замечая слез Амариллис, Риго сказал:

–Какие красивые... а вот это я помню, в этом платье ты танцевала на коронационных праздниках в Арзахеле. Амариллис, ты станцуешь для меня?

Не поворачиваясь, она кивнула.

–Подождешь немного?

–Сколько тебе будет угодно. – И Риго вышел из кладовой.

С силой выдохнув, Амариллис решительно запустила руки по локоть в сундук и достала с самого дна платье – ярко-алое, длинное, обливающее грудь, талию и бедра и разливающееся книзу водопадами шелка; низкий вы-

рез и подол были украшены бахромой. Из небольшой коробки она достала пару черных замшевых туфель на низких, звонко подкованных каблучках. Никаких украшений к этому наряду не полагалось.

–Разве только живой цветок в волосах. – Под насмешливым взглядом госпожи Эниджи Амариллис и Муна стянули с себя все бронзовые побрякушки и положили их обратно в плоскую вазу, стоявшую в углу учебной залы.

Со времени их первого выступления прошло чуть больше полугода. Однажды госпожа Эниджа оставила двух своих учениц после вечернего класса, отпустив остальных пораньше. Как она им объяснила, девушкам предстояло освоить какой-то особенный танец.

–Но почему только нам? Зачем нам этот танец?

–Ответ в твоем вопросе. – Эниджа внимательно смотрела на Амариллис. – Ксилле, к примеру, и в голову не пришло бы задавать его мне. Надо – значит, надо. А у вас с Муной вечно зачем да почему. Послушайте меня, девочки. Ваш путь, в отличие от других учениц школы, невнятен. Куда и к кому вы отправитесь – неизвестно. Это умение вам не повредит... вы научились искусству шаммахитского танца, пленяющего желание мужчины. Сегодня я покажу вам, как отпустить на волю свое собственное желание.

Когда Эниджа начала танцевать, девушки сначала недоумевали: где же танец? Их наставница застыла, гордо подняв голову, чуть изогнув спину; жили только ее руки. Они то распахивались, словно крылья птицы, пробующей силу ветра, то взмывали вверх, подобно весенним древесным ветвям, дрожащим от сладкого сока, то маняще изгибались, зазывая, обещая... Но вот дрогнули ее плечи, пальцы подхватили подол, каблучки выбили дробь... шаг, поворот, повелевающее движение подбородка... ноги притоптывают, вбивая в пол заносчивое «Я – так – хочу!»... платье взлетает, на секунду обнажая бедра, и опадает, закручиваясь водоворотом... шаг, еще шаг, носок очертит полукруг, каблучок поставит точку... Ученицы смотрели, не отводя глаз и едва дыша, как на их глазах всегда такая сдержанная Эниджа превращается в миниатюрный пожар.

Амариллис научилась этому танцу очень быстро.

Девушка стояла в кладовке, уже одетая. Не хватало только цветка; но она решила обойтись без него – в ее коротких волосах закрепить цветок было нелегко. Постояв с минуту, она напела несложную мелодию-ритм, напоминая ее Хранителю, и, постукивая каблучками, вышла к мужу.

Риго сидел у раскрытого окна; в просторной комнате, служившей им гостиной, было уже сумрачно. Амариллис остановилась, выпустила из ладони кристалл, выждала паузу и начала танцевать.

Словно язычок пламени зажегся в полутемной комнате. Амариллис танцевала, обретая прежнее безмятежное счастье лучшей плясуньи Лимпэнг-Танга, танцевала, забыв о своем обязывающем положении и прочей мишуре. Сама того не замечая, она превратила изначальную мелодию в

один из лоркиных напевов. «И нет лучше в мире дороги...» – и запрокинута, словно в изнеможении, голова. «Пока не проснутся птицы...» – и Амариллис проводит языком по внезапно пересохшим губам, будто пробует их на вкус, и заполошно, в такт каблучкам, бьется ее сердце, отчаянно всплескивают руки... шаг, поворот – и она замирает, опустившись на пол у ног Риго.

Он поднял – совсем отцовским жестом – ее лицо, и, заглянув в его черные холодные глаза, девушка увидела в них пляшущие огненные лепестки; дрогнули ресницы, и в ее зрачках зажглось ответное огненное мерцание.

–Итак, ты убедила себя? – он улыбался одними губами, храня в глазах предгрозовое молчание.

– Что?.. – Амариллис подняла в недоумении брови.

–Амариллис, – он продолжал невыносимо улыбаться, – я очарован тобою... давным-давно, и меня убеждать тебе нет нужды. Ты позволишь себе – меня?..

Она позволила – обжигающе легко, словно во сне, который потом можно забыть; это не было счастьем; но как устоять перед огнем, который ты сама же и зажгла?..

Освобожденная от длинного, тяжелого в подоле платья, Амариллис легла в руки Риго – беленькая, легкая, как очищенный от коры прутик. Так ложится на землю первый снег, прозрачный и нежный. Ее тело плавилось в его руках, как податливый воск; казалось, что вся она обратилась в горячую воду, еще чуть-чуть – и исчезнет, расплещется, утечет. Но он держал ее крепко, очень крепко, и отпускать не собирался; жаркое дыхание высушивало испарину на ее лице; пальцы, сжимавшие запястья Амариллис, сомкнулись с силой капкана, и даже если бы она и захотела вырваться – ничего бы у нее, беспомощной и всесильной, не вышло. От прикосновений его сухих, искушенных губ она вздрагивала, сминая пальцами простыни; а Риго целовал ее, не торопясь, почти истязая неспешностью... эти поцелуи отнимали у Амариллис последние остатки разумения, воли, памяти, превращая ее в дрожащую от нетерпения, вожделеющую плоть. И когда он взял ее, безжалостно и сладко, она задохнулась в протяжном стоне, а потом расслабилась и замурлыкала, тихонько покусывая его плечо... покоряясь и владея. Длинные, тяжелые черные волосы перепутались с короткими светлыми, прохладный августовский воздух дрожал над их телами, и в густой тишине вязли их неровные вздохи.

Так ложится на землю первый снег... невесомые, призрачные пушинки, осыпавшиеся с ангельских крыльев, сначала редкие, осторожные, превращаются вдруг в настоящую вьюгу... но такую нестрашную, нехолодную... Уставшая, почерневшая от летних трудов земля ловит их жадными губами, слизывает, впитывает, а они все летят и летят, и нет им конца, и они ничуть не боятся падения – ведь дальше земли все равно не упадешь... Летят, чтобы прикоснуться к остывающему телу земли, прилечь на нем воздушными сугробами, покрасоваться в свой черед белизной и нежностью... и превратиться в грязь.

Они заснули уже под утро, и служанка, пришедшая будить их к завтраку, еле-еле увернулась от бокала, брошенного в нее господином Миравалем–младшим.

–Я есть хочу. – Амариллис наспех умылась и забралась в постель, безнадежно смятую и всклокоченную.

–А я и подавно. – Риго обнял ее, разгладил спутанные волосы. – И как только у меня терпения хватило...

–Просто ты не подозревал, что упускаешь... – в награду за такую нахальную самонадеянность девушка получила щелчок по носу и пару несильных шлепков.

–Вас что, специально учили выражению неблагодарности?

Назревающую первую семейную перепалку прервало появление служанки с тяжеленным подносом. Умудряясь лукаво отводить глаза и одновременно шарить ими по всей комнате, она поставила его на стол возле кровати и, пряча улыбку, удалилась.

С этого дня в покоях младших Миравалей часто звучала музыка – и под вечер, и в истомный полдень; к завтраку супруги спускались редко, под глазами Амариллис залегли легкие голубоватые тени, губы ее припухли и розовели так соблазнительно, что даже старый холостяк, существо безобидно–бесполое, увидев ее однажды идущей из сада в дом – в легком алом платье, с букетом поздних пионов – остановился как вкопанный, постоял с минуту, облизнулся, но потом махнул рукой и отправился к ручью удить рыбу. Риго совсем забросил привезенные бумаги, целыми днями гулял по саду, бездельничал, купался в небольшой заводи неподалеку от дома. И почти всегда рядом с ним была Амариллис. Он не отпускал ее от себя ни на шаг, смеялся ее немудреным шуткам, расспрашивал о прежнем житье-бытье, сам пускался в долгие запутанные повествования, и очень часто, внезапно прервав разговор, брал своими длинными, сильными руками Амариллис за плечи, разворачивал ее к себе лицом и начинал целовать так жадно, что она поначалу даже пугалась.

И когда много-много лет спустя он, Риго Мираваль, ратман Эригона Баснословного, вспоминал эти дни, перед глазами его всегда вставала одна и та же картина: ясный летний день – из тех благословенных дней, которые сами боги держат в ладонях и все не могут ими налюбоваться, – безымянный приток Каджи и переброшенный через него ствол дерева, а на нем сидит светловолосая девушка, болтая в воде голыми ногами, вздымая веера брызг и смеясь в тон звенящим каплям. В левом ухе у нее поблескивают серебряные колокольчики, легкая ткань платья спустилась с одного плеча и август спешит прикоснуться к нему, согреть, позолотить... Она оборачивается к нему, призывно машет рукой, говорит что-то... не разобрать... не слышно за пеной лет. Потом встает, удивительно легко балансируя на мшистом зеленом стволе, перебегает на берег и сама направляется к нему, улыбаясь так, что уже изрядно поседевший ратман Мираваль вздрагивает и с трудом переводит дыхание. И кажется ему, будто сердце его срывается и падает, куда-то далеко-далеко... в бездну, полную ворохами цветочных лепестков, пышных и легких

лепестков поздних пионов. И опускал свое лицо Риго Мираваль, ратман Эригона, закрывал глаза рукою и терпеливо ждал, когда уймется его сердце, когда избудет оно эти воспоминания – проклятые и благословенные...

Проходили дни, складывались недели; август вот–вот должен был уступить место сентябрю. Однажды утром Амариллис, оставив нетронутым принесенный завтрак (ей что-то не хотелось есть) и решив не будить спящего мужа, встала с постели и тут же была вынуждена схватиться за резной столбик, поддерживающий легкий полог, и присесть на край кровати – так сильно закружилась у нее голова. Головокружение скоро прошло, однако усилилась прежде едва заметная тошнота. Она недовольно покачала головой и вдруг растерянно ахнула, прижав ладонь к щеке. Девушка совсем забыла о своих днях; и прежде они проходили быстро, почти не мешая ей, но на этот раз они уж слишком запоздали – уже на полтора десятка дней, машинально прикинула она в уме. Так же машинально она протянула руку, взяла с подноса чашку с медовым молоком, и выпила больше половины.

– Моя ранняя пташка уже проснулась? – сонный голос Риго вырвал ее из хоровода всполошенных мыслей. – Не забыла – сегодня должен приехать отец. Так что давай-ка вставать.

Амариллис рассеянно кивнула. В самом деле, еще вчера в доме готовились к ратманскому приезду.

–Что, не выспалась? – если и была в голосе Риго насмешка, то очень теплая и ласковая. – Ничего, приляжешь после обеда. Подай-ка мне запеканку, дружок. И чаю налей.

Амариллис встала, налила из горячего глиняного чайника ароматного травяного чаю, и подняла крышку с серебряного блюда: на нем лежала капустная запеканка с мясом, политая коричневой подливой. Втянув носом густой, мясо-капустный аромат, девушка внезапно побледнела, выронила крышку; едва она успела отвернуться, как ее тут же стошнило только что выпитым молоком... прямо в домашние туфли супруга.

Кашляя и брезгливо утирая рот, Амариллис не знала, куда деваться. На плечи ее легла рука Риго.

–Что случилось? Болит что-нибудь? Что ты вчера ела? – судя по тону, он был искренне обеспокоен.

–Ничего не болит. Тьфу... бе–е–е… – и она помотала головой. Риго помог ей подняться и присесть на кровать. Он поглаживал ее по спине, успокаивающе, нетребовательно, как вдруг рука его замерла и он, взяв ее за подбородок, заглянул ей в лицо.

– А ты, часом, не... – казалось, он не решался выговорить это слово. – Когда последний раз были твои дни?

–Полтора месяца назад... ой... меня тошнит... – и Амариллис прижала ко рту ладонь. А Риго, не обращая внимания на ее судорожное бульканье, обхватил ее, сжал крепко-крепко... и почему-то длинно и затейливо выругался.

Ратманская карета, в сопровождении нескольких солдат городского гарнизона (уж очень отдаленное было место), подъехала к дому уже под вечер. Сириан, терпеливо выслушав все приветствия, оглядел сидящих за вечерней трапезой.

–Благодарствую... Отец, вы по–прежнему отказываетесь стареть... молодеете вместе с садом. Риго, похоже здешний воздух пошел тебе на пользу, даже румянец появился. А где же твоя молодая жена?

–Ей немного нездоровится, отец. Она прилегла отдохнуть.

И тут, словно в подтверждение этих слов, на лестнице, ведущей во второй этаж, послышались легкие быстрые шаги, за которыми торопились другие, более тяжелые.

–Да оставьте же меня в покое! Я вам уже сто раз сказала, что прекрасно себя чувствую! – голос Амариллис звучал рассерженно и нетерпеливо.

Сидящие за столом подняли головы и увидели пару босых ног, стоявших на верхней ступеньке лестничного марша; ноги спустились на пару ступенек, волоча за собой какое-то длинное и просторное одеяние, и задержались, чтобы хозяйка их успела ответить на невнятно прозвучавший вопрос.

–Да, я знаю, что должна быть здоровой. А разве для этого все девять месяцев нужно потеть под одеялом?!

И ноги снова решительно зашлепали по ступеням.

Уложенная стараниями мужа в постель почти на целый день, под вечер Амариллис взбунтовалась. Отбившись от приставленной сиделки, роль которой с охотой взялась исполнять одна из служанок постарше, она накинула на легкую рубашку просторный платок и направилась прямиком в столовую: сообщить ядовитому стручку (так она называла про себя Арчеша), что пора сажать горный чеснок в зиму, попросить у Клеми смородины из ее запасов – да покислее!, и поговорить с Риго. Спустившись, она не сразу поняла, что происходит: все смотрели на нее как-то странно, и почему-то молчали.

–Это правда? – Сириан крепко сжал пальцами подлокотники кресла, заглядывая в лицо сыну.

–Да. Надо, конечно, пригласить доктора, но... да, это правда. – Риго встал и подошел к стоящей на лестнице жене.

–Прости, я, кажется, перестарался. Но вот бегать босиком я тебе категорически запрещаю. Иди сюда, – с этими словами он подхватил ее на руки и понес обратно наверх. Когда они вновь спустились, Амариллис была одета в простое домашнее платье, обута в мягкие меховые туфли и выглядела удивительно уютно и мило. Она подошла к ратману, поцеловать по обычаю его руку, но Сириан сам встал ей навстречу, ласково взял за плечи и поцеловал в лоб.

–Здравствуйте, дитя мое, – Сириан усадил Амариллис в небольшое кресло рядом с собой. – Вот видите, я оказался прав – не прошло и месяца со дня вашей свадьбы, а вы уже готовы подарить мне внука. Риго, нечего закатывать глаза и качать головой, доживи до моих лет, тогда и поймешь, насколько внуки долгожданнее детей.

–Но... а если у меня родится девочка? – Амариллис невольно покраснела, словно сказала какую-то нелепость.

–Ни в коем случае, госпожа. – Стоявшая за креслом Арчеша Миравалля экономка возразила с достоинством и знанием дела. – Ни в коем случае. Вас тошнит по утрам, а это вернейший признак того, что это именно мальчик. Они вообще куда более капризны, уже и в утробе. От девочек не тошнит, наоборот, такой аппетит просыпается, только держись! А вы до обеда от одного запаха еды бледнели. Ничего, через месяц это пройдет.

Сириан посмотрел на экономку с благодарностью и перевел взгляд на Амариллис.

–Я останусь здесь на неделю. Риго, вернешься со мною в город, ты мне нужен. Не хмурься, я буду тебя отпускать повидаться с женой.

–Разве я не поеду вместе с Риго? – Амариллис вопросительно взглянула в глаза свекра. Тот покачал головой.

–Моя дорогая, по обычаю дома Миравалей вы останетесь в поместье. Ребенка лучше вынашивать вдали от суеты и соблазнов города, здесь вам будет спокойнее. Или вам здесь не нравится? Тогда мы можем перевезти вас в Вересковый Лог, это совсем близко к морю...

–Нет. К морю я не хочу. С вашего позволения, я останусь здесь.

Перед сном Риго зашел в комнату отца. Тот ждал его, сидя перед массивным письменным столом, кутаясь в просторный мягкий халат. Риго вошел, поклонился и протянул отцу кожаный кошель; ратман взял его, раскрыл, заглянул внутрь.

–Ты даже не распечатал их? – в его голосе прозвучало что-то, похоже на удивление.

–Именно так. Конечно, по части обаяния мне до вас далеко, отец, но... и я на что-то гожусь. Так что отдайте это мессиру Аурело, может, кому другому понадобится. Как наши дела в городе?

–Неплохо. Люди мало–помалу приходят в себя, похоронная команда уже две недели, как распущена; возвратились почти все уехавшие. Больницы потихоньку пустеют... кстати, мэтр Аурело уехал.

–И куда?

–Для начала – в Вересковый Лог. Потом – поближе к Арзахелю, помнишь, есть там одно местечко...

–Помню. Он дорого запросил?

–Ты меня удивляешь, сын. Ты бы еще спросил, солены ли по-прежнему воды морские. Конечно, дорого. Столько же, сколько в прошлый раз за книгу.

–И что он собирается с нею делать? – ни малейшей тревоги не было в тоне Риго, только интерес.

–А это уже не наша забота. Считай, что она уснула, как принцесса в сказках.

Риго покивал, усмехнулся, прошелся по комнате и присел рядом с отцом.

–Кстати, сын, что случилось с твоими манерами? Помнится, раньше ты никогда не забывал поблагодарить меня... или ты чем-то недоволен? хотя по тебе не скажешь, скорее наоборот... – и ратман, поигрывая бровями, улыбнулся.

–Я благодарен вам, отец. Так сильно, что боюсь, не пришлось потом пенять, – Риго избегал смотреть отцу в глаза и поэтому не видел, как игривое поигрывание бровями перешло в хмурую складку у переносицы.

–Я вовремя приехал. Тебе пора... иначе, чего доброго, ты совсем размякнешь. Будем считать, что я ничего не слышал, кроме благодарности за приятно проведенные полмесяца. Не стоит благодарить, сынок, – ратман отечески потрепал Риго по плечу, – ты давно нуждался в отдыхе. А теперь поди, пообещай девочке, что привезешь кучу подарков по приезде, а то ее личико совсем вытянулось... Ступай, Риго, доброй ночи.

После отъезда Риго и Сириана прошел уже месяц. Вкрадчиво, на мягких сентябрьских лапках в сад старика Арчеша прокралась рыжая лисица-осень, каждое утро намекая ему на то, что пора готовить соломенные снопы, которыми укроют на зиму розы, или выкапывать особо редкие тюльпанные луковицы, или – дошло и до этого – начинать подметать дорожки. Амариллис иногда скучала; по Риго, а не от безделья. Ей хватало забот с травами, да и затеянная вышивка тоже не сразу задалась. Однажды сидение с пяльцами у раскрытого в сад окна ей окончательно надоело, и она решила, что заслужила небольшую прогулку. Накинув теплый плащ (было еще почти по-летнему тепло, но выслушивать выговоры и уговоры всех обитателей Серебряных Ключей было выше ее сил), Амариллис вышла из дома, сказала встреченной экономке, что направляется пройтись немного... так, вокруг сада... и, не спеша, пошла по дороге, ведущей за пределы поместья. Увлекшись прогулкой, живописными окрестностями дороги, вольным воздухом, она сама не заметила, как зашла гораздо дальше, чем предполагала.

Серебряные Ключи давно скрылись за поворотом, темневший вдалеке лес надвинулся, заслоняя горизонт; облака лениво покачивались в остывающем небе, было тихо, только какая-то птица негромко посвистывала в траве. Амариллис свернула с дороги, дошла до сквозящего борка, не больше, чем в десяток сосен, и присела на толстый сухой мох, похожий на шерстяной ковер. Прислонилась к теплому сосновому боку, скрестила по-шаммахитски ноги, а правая рука как-то сама, инстинктивно, легла на живот. Она просидела так больше часа, в покое и умиротворении. Ее не тревожили воспоминания, не нудела над ухом забота, да и мыслей-то особых в голове не было. Прислушиваясь к тихому теплу, растущему в ней, Амариллис в кои-то веки чувствовала себя абсолютно правой; ни перед кем не нужно было оправдываться, и в виноватых объяснениях нужды не было. Домой она шла не спеша и вернулась уже в сумерках.

–Где это ты шлялась, мерзавка ты этакая?!

Арчеш Мираваль стоял посреди зала, злобно вытаращив глаза и только что не скаля зубы. От его крика, срывающегося на визг, Амариллис вздрогнула и остановилась.

–Куда тебя понесло на ночь глядя? в табор, что ли, вернуться решила?

–Какой табор? – недоумевая и уже злясь, спросила Амариллис.

–Да хоть какой! Отвечай сейчас же, куда тебя носило! – Арчеш таращился на нее, как кот, которому наступили на хвост, и загораживал лестницу. Так что сбежать Амариллис не могла.

–Я ходила погулять. К лесу, – и кивком головы девушка указала, куда именно ее носило. – Или это запрещено? И чего мне еще нельзя? Скажите уж сразу... – когда Амариллис обижалась, то становилась очень несдержанной на язык. – То, что с первой женой Риго мне равняться нельзя, это я уже поняла. Куда уж мне, с моим таборным прошлым. Сад ваш мне тоже не по носу – и это ясно. Травы срезаю бестолково, сушу так и вовсе без понятия, про варенья и говорить нечего – если какое пригорело, то непременно мое. Что еще? Ах да, нельзя срезать пионы без спроса. И как только вы меня терпите, господин Арчеш? – и тут Амариллис, прервав свою язвительную речь, заглянула в лицо ядовитому стручку. И замолчала. Потому что увидела в его глазах слезы... и искреннее беспокойство. И вспомнила, как точно так же кричал на нее отец, когда она загулялась однажды с подругами и явилась домой уже после ужина.

–Простите меня, я виновата. Можно, я пойду к себе, я очень устала.

Арчеш молча посторонился, девушка бочком проскользнула мимо него и поспешила спрятаться в своей комнате. За окном было уже совсем темно, порывы ветра проносились с резкостью пощечины... и Амариллис порадовалась тому, что в комнате ее закрыты ставни и разведен огонь в камине. Она присела у огня; ей было жаль утраченной безмятежности, обретенной во время прогулки, и немного стыдно. Посидев еще немного, она поела, хотя есть особо не хотелось... но – это было нужно не только ей, да и еда, оставленная на столе, заботливо придвинутом к огню, была хороша. Отдохнув, Амариллис придвинула к себе рамку с почти завершенной вышивкой, зажгла свечи и принялась за работу. Вышивка всегда успокаивала ее, скольжение легких цветных нитей убаюкивало любые тревоги, а рождение яркой, переливчатой картинки радовало сердце. Вот две бабочки порхают над ярко–зеленой травой, глянцевая букашка ползет по широкому листку, и повсюду цветы – растрепанные, причесанные, кудрявые головы. Амариллис так увлеклась, что позабыла обо всем, кроме возникающего под ее пальцами шелкового лета.

–Амариллис, тебе давно пора спать. – В голосе неслышно вошедшего Арчеша не было и тени давешней злости. Незваный гость вошел в комнату девушки, потрогал, хорошо ли закрыты ставни, и присел рядом. Амариллис поспешно накинула на вышивку кусок полотна.

–Ты уж прости меня... – начал было Арчеш, но девушка перебила его.

–Это вы меня простите, я не должна была уходить так надолго... просто я не привыкла к тому, что обо мне так заботятся.

–Да уж... Позаботились, ничего не скажешь. Оставили девчонку в глуши, среди стариков да прислуги, как клушу какую. Да-а-а... замуж выходила за ратманского сынка, а угодила в деревню... красная ягодка, да на вкус горька. Ну, не мое это дело. Ты в сад сегодня не заходила? нет? то-то и оно. Эльфья трава свернулась, пожухла, пестроцветы все листья пороняли – и это за одно утро! Да еще ветер сменился на северный... холода идут. Недаром на исходе весны почки с треском лопались, зима будет ранняя. И холодная. Так что готовься хорошенько поскучать... хотя, ты вроде пока справляешься. – И старик с интересом взглянул на закрытую от его глаз вышивку. Амариллис смутилась, но тут же решительно сдернула полотно.

–Простите, невежливо было прятать ее. Просто я хотела сделать вам подарок. Это нарядная рубаха, – с этими словами она развернула рамку к старику Арчешу.

В рамке был закреплен перед белой рубахи, по вороту и клином на груди шла наполовину законченная вышивка – пышное разнотравье, кусочек цветущего луга, пересаженный на дорогое полотно. Арчеш несколько минут молча рассматривал вышивку, осторожно прикоснулся к цветочным лепесткам, созданным из тончайшего переплетения розовых и карминно–красных нитей, и сказал:

–Зря я беспокоился. Скучать ты не будешь. Ты позволишь иногда приходить к тебе, посудачить по-стариковски, почитать тебе наставления? – и он улыбнулся, подмигнув девушке.

–Ну конечно, господин Арчеш, когда вам будет угодно, – поспешила ответить Амариллис; в самом деле, не говорить же ему: «Отстань, ядовитый стручок, и без тебя тошно...» Но Арчеш понимающе усмехнулся:

–Не бойся, надоедать не буду. А поучиться кое-чему тебе и вправду не мешает. Например, куда можно одной ходить, а куда – нельзя. Ты ведь в сторону большого леса ходила, мимо борка, ведь так? А ты знаешь, что в той стороне болота? Зеленые такие, что твой лужок, цветочками поросли, кустиками ягодными... Ты ж ведь девочка резвая, неровен час, добежала б до них – и поминай, как звали! Трясина сожрет, не подавится. Так что ты гуляй себе, сколько душе угодно, только скажись сперва, куда идешь. А сейчас давай-ка укладывайся спать, поздно уже. Спокойной ночи, невестушка.

Когда на следующее утро Амариллис выглянула в окно, то не поверила своим глазам: выпал первый снег. Ночью он прокрался в сад, выбелил все дорожки, присыпал деревья и кусты; правда, он уже начинал подтаивать, собираясь в небольшие лужицы, но все равно – это был первый снег, в самом начале октября! Тут между розовых кустов, заботливо укутанных соломой, показался Арчеш. Он кивнул Амариллис и крикнул:

–Ну, что я говорил? Рановато, конечно, да что поделаешь?! Ничего, невестушка, выше нос – алмаз алмазом режется. Спускайся после завтрака, поможешь мне. – И заспешил по садовой дорожке, оставляя цепочку четких следов.

Глава четырнадцатая. Камень преткновения

Они стояли друг напротив друга, сжимая кулаки и со свистом выдыхая воздух сквозь стиснутые зубы.

–Как ты мог допустить это?.. почему не предостерег ее? – судя по тону, Арколь задал этот вопрос уже не в первый раз.

–Ах вот что... Ты желаешь знать, как это я допустил это... так вот, мэтр Арколь, я скажу тебе, что я не просто допустил это, и не лег брюхом поперек порога, но я еще и посоветовал ей поторопиться со свадьбой, не дожидаясь, пока ты соизволишь благословить ее!

На плечо дернувшегося Арколя легла рука Орсона; он молча сбросил ее.

–А ты чего хотел? Чтобы девочка всю жизнь при тебе в приживалках состояла, детишек твоих нянчила? Нет уж, пусть лучше своими собственными обзаведется, да поскорее, пока ее прелести в цене и есть тот, кто в состоянии эту цену заплатить! И не таращься на меня так, будто я ее в рабство продал! Да за ратманского сына и герцогская дочка не то что пойдет, а вприпрыжку побежит! – и Лорка, как всегда, когда бывал зол, отпустил грязное ругательство. – Сам подумай, что ее ждет лет через десять? Замуж – да за кого?! При тебе оставаться?! А может, в монастырь пойти?!

–Идиот. – Кратко сформулировав неутешительный для Лорки вывод, Арколь протянул руку – Дай письмо.

–Да возьми. – И Лорка протянул ему сложенный лист бумаги.

Пока Арколь читал письмо, все присутствовавшие при первой серьезной ссоре среди детей Лимпэнг–Танга, – сами артисты, старший брат Лорки, капитан Яго Бреттиноро, – молчали, тяжко, словно у постели умирающего. Наконец Арколь опустил лист на колени.

–Что мне делать, Венона? – он задал этот вопрос таким недоумевающим, беспомощным тоном, какого от него отродясь никто не слыхивал.

–Для начала успокойся. Раз девочка пишет, значит, жива и здорова. Раз пишет, что совершенно счастлива, – значит, по крайней мере, довольна. А раз зовет в гости – значит, это писала наша дуреха Амариллис... так нас и пустили в ратманские покои, да еще в качестве друзей будущей госпожи ратманши. Ей это пока, судя по письму, не объяснили.

Венона усмехнулась, но тоже не особенно весело, одними губами; глаза же ее, вновь бархатно-карие, благодаря медальону Лиусса, оставались грустными.

–Простите, что вмешиваюсь в ваши семейные дела, но чем вы, собственно, недовольны? – подал голос брат Лорки, – Насколько я понял, мезальянса особого не произошло: девица происходит из уважаемой семьи...

–Девица – круглая сирота. – Сказал, как укусил, Арколь.

–Да, но в посмертии ее отец ведь не превратился в золотаря, ведь нет? Уважаемая, богатая семья, не без влияния в городе. А что Миравали? Толь-

ко что богаты, а так... не королевской крови... даже не баронской. Смею напомнить вам, что матерью нашего нынешнего герцога была мизоанка, снизошедшая до великого герцога Арзахельского... между прочим, после очень долгих уговоров! Знатности в ней было – не больше чем в дворовой кошке, а какая была герцогиня... Весь Арзахель ей под ноги ковром стелился.

Яго, совершено не похожий на Лорку, говорил негромко и размеренно; в голосе его была привычка несуетливого повелевания и спокойная уверенность в своей правоте. Был он невысок, смугл и абсолютно лыс; к Лорке относился снисходительно и ласково. В отличие от младшего брата, Яго примирился с майоратом, не считал зазорным водить отцовские корабли и получать за это жалованье... которое ему, сказать по правде, вечно не доплачивали. Именно в его дом Лорка привез своих друзей, спустя неделю после того дня, как золотой ветряк Эригона остановился.

Он не стал дожидаться возвращения Веноны и Арколя; собрал одну из актерских повозок, уложив Рецину и Лиусса и усадив близнецов и силача, запряг лошадей, сам уселся на своего Серебряного – и был таков. Не в привычках Лорки было долго раздумывать, и, кроме того, ему хотелось поскорее удрать из Эригона. Неделю с лишним ехали они по пустынному тракту, мало–помалу приходя в себя – не без помощи предусмотрительно купленных Лоркой зирэ – пока не остановились у ворот дома Яго Бреттиноро. Капитан, по счастью оказавшийся дома, принял их без излишних расспросов, пригласил для все еще мутноглазых Рецины и Лиусса врача. Артисты провели в его доме уже больше двух недель, когда однажды под вечер нежданно–негаданно явились Арколь и Венона.

Едва оправившись от полученных в Ньерде ран, Арколь наведался в Эригон, нашел Венону и, рассказав ей обо всем, без труда уговорил поехать с ним в дом Сыча. К сожалению, Венона помогла не многим – она совсем ничего не знала о повадках корабельных крыс, а выглядела так, что Сова устроила Арколю настоящий скандал – как, мол, он посмел тащить в такую даль умирающую.

–Как же ты проглядела крысенка? – только и спросил Сыч.

–Слишком хорошо знала, что с их проклятым племенем покончено. Опять же, цверг... такой весь из себя несчастный, работящий... абсолютно ничего от крысы.

На этом месте их только что начавшийся разговор прервала Сова, сказав, что не позволит мучить допросами умирающую, и увела Венону.

Утром следующего дня они сидели на просторном крыльце сычова дома – сам хозяин, его жена, Арколь, все еще неловко держащий левую руку, и Венона, выспавшаяся впервые за много дней.

–Что будем делать, милостивые государи и государыни? – нарушил молчание Сыч.

–Лорка как-то говорил, что один из его братьев – капитан. Денег у нас, после эригонских праздников, хватает... – принялся размышлять вслух Арколь.

–Можешь не продолжать, – прервал его Сыч, – посмотри лучше на мою госпожу.

Действительно, выражение лица Совы не сулило ничего хорошего предложившему морскую прогулку.

–А на аренду небольшой армии ваших денег хватит? – язвительно поинтересовалась она. – Или вы собрались штурмовать Муспельские острова втроем?

Арколь открыл было рот, но, не нашедшись ничего сказать, тут же его и закрыл.

–Остается только одно – ждать. Ждать, пока они не разобьют себе лбы об этот камень и не решат продать его.

–Почему ты думаешь, что они станут торговать таким артефактом? – и Арколь вопросительно воззрился на Венону.

–Как я поняла из твоих объяснений, корабельные крысы очень практичны. И если они не смогут подчинить себе алмаз темной крови – а скорее ты полюбишь Дочерей Добродетели – то попросту приторгуют его. На кой ляд им хоть такой, хоть разтакой артефакт, от которого нет никакого толку?! А денежка пригодится.

–Ты права. Придется ждать. – И Сыч досадливо поморщился. Он всегда предпочитал нападение обороне.

–Раз так, мы вернемся к друзьям.

–Сначала вы немного отдохнете. – Возражать Сове Венона не решилась. – Куда вы такие поедете? Вояки... Да вас мои брауни одолеют. Арколь, марш в дом, пора повязки менять. Венона, выпей-ка меду и ступай спать.

–Все это очень разумно, – подал голос Арколь – но как мы узнаем, кому крысы будут продавать камень?

–Эх, мэтр Арколь, – ухмыльнулся Сыч – когда тебе хочется развлечься, ты ведь не на кладбище идешь, а в веселый дом, к девицам, ласковым и безотказным. А если кто поторговаться желает, так он идет к торгашам... в Эригон Баснословный. А не в Лис-Арден.

* * *

–Глянь-ка, опять у сиротинки ни хрена не вышло, – и кровоногий, просоленный не хуже вяленой рыбы моряк сплюнул на серые каменные ступени, точнехонько между двумя такими же жирными плевками.

–Ага... значит, опять за свежаком топать. О, щас блевать начнет... точно. Скока раз я ему говорил, не пей много неостывшей крови. Молод еще. – И второй, точно такой же матрос снисходительно усмехнулся.

Когда «Покоритель бури» благополучно пришвартовался у одного из Муспельских островов, Фолькет, всю дорогу не расставшийся с половинкой лимона, выполз на берег, содрогаясь, с намерением никогда

больше не подходить к морю. Его уже ждали. Фолькета отвели вглубь острова, оказавшегося вполне пригодным для жизни – за серыми скалами пряталась долина, поросшая душистыми травами и кустарником, вилась крошечная речушка, скорее ручей, бравший начало у скального родника. Несколько домов, сложенных из известняка, обставленных солидно и удобно, и никаких тебе трактиров и прочих заведений; как оказалось, здесь жили немолодые, респектабельные крысы... капитаны и банкиры. В пещерах, выдолбленных руками рабов и случайно получившихся у природы, хранилось оружие, товары со всего Обитаемого мира и, конечно же, золото. Очень много золота.

Фолькета привели в один из серых домов, где он имел продолжительный и содержательный разговор с высохшим, сморщенным стариком, перед которым все замолкали и расступались. Подарочку была предложена более чем почетная роль единственного мага Муспельских островов.

–Видишь ли, сынок, мы к магии ну совсем не способны... – и старик, словно извиняясь, разводил руками, а у Фолькета мурашки ползли по спине и почему-то вспоминался Кэдмон. – А ты, судя по всему, и поучиться успел, и сам не дурак. Камешек-то при тебе? покажи...

Подарочек дрожащими пальцами вытащил кольцо из-за ворота.

–М-да... ты уверен, что не подобрал его в куче гравия? Ну-ну... шучу. В общем, так. Жить будешь в моих пещерах, я уже распорядился приготовить тебе и спальню, и кабинет. – И старик жутенько захихикал. – Инструменты твои все там... мои ребятки их прихватили. Рабочий материал получишь через месяц.

–Сколько? – осмелился поинтересоваться Подарочек.

–А сколько влезет. Это не твоя забота. Твое дело – раскрыть камень, хотя бы раскрыть... для начала. А там поглядим.

–А если не раскрою?.. – и Фолькет, вспомнив все предыдущие попытки, закусил губу.

–Ну и невелик наклад. И пес с ним, с алмазом этим. Продадим, и вся недолга. А ты нам нужен, хоть с ним, хоть без. Кэдмон тебя учил недолго, но раз он за тебя взялся, значит, ты того стоил. Я тут кое-какие книги припас, полистай, полюбопытствуй... – и старик протянул Фолькету пару книг в переплетах черной кожи. Тот схватил их и прижал к груди.

–Эй, отведите-ка нашего мага в его пещеру! – и двое одинаково кривоногих моряков, по всей видимости приставленных к Подарочку, повели его через зеленую, ухоженную долину к серым прибрежным скалам. В пещере царил полумрак, пол был усыпан мелкой галькой, по стенам змеились черные трещины. От небольшой площадки, выполнявшей роль передней, шли два коротких коридора; один приводил в маленький, неожиданно уютный покой с удобной мебелью и коврами, другой – в зал побольше, где в стены предусмотрительно были вбиты кольца с цепями, и был приготовлен алтарь. На тяжелом каменном столе подмигивали фолькетовы родные ин-

струменты, в шкафах блестело стекло многочисленных склянок... Фолькет огляделся и умиротворенно вздохнул. Он был дома.

Первые недели своего мирного жития цверг посвятил книгам. Они оказались хороши; не настолько, впрочем, чтобы он продолжал тискать их в объятиях, но все же некоторые дельные советы в них нашлись. Вспомнив все проделанные и оказавшиеся неудачными опыты, Фолькет постарался сделать то, чему никогда не учил его отец: создать что-то вроде системы, хоть как-то упорядочить производимые изыскания. Кэдмон обучал его очень беспорядочно – таким заклинанием можно любой замок вскрыть, этим травяным сбором окурить – заснут все непробудным сном, а этими щипцами очень удобно... В книгах же все то же самое было изложено стройно, строго и сопровождалось отличными иллюстрациями. Отныне Фолькет решил расстаться с образом чернокнижника-недоучки, ляпающего одно заклинание за другим – а ну как повезет? и действовать в духе полученных книг – не торопясь, постепенно усложняя приемы и не надеясь на успех, а методично его выгрызая. Как и следовало ожидать, подобный образ действий получил полное одобрение со стороны господина Брика (того самого старика), который уже через неделю потребовал у Фолькета отчета.

Почти месяц цверг упражнялся с пантаклями, коих вычертил великое множество – настроенных на звезды, на теллурические токи, на подземные реки... Потом наступил черед эликсиров; Фолькет ночами сидел возле перегонного куба, молитвенно взирал на кипящие в ретортах составы, смешивал потребные ингредиенты совершенно непотребного вида и запаха в небольшом свинцовом котле и, распевая заученные со слов матери заклинания, окунал туда камень. Однажды он решил на свой страх и риск смешать новый состав, им самим придуманный; за одной составляющей ему пришлось плыть в Пойолу и там самолично копаться в изгарной яме, куда выбрасывали умерших рабов; после этой экспедиции даже видавшие виды крысы морщились, учуяв Подарочка. Однако эликсир получился на славу: тошнотворно–густой, отливающий радужной медью, как брюшко жука-навозника, томно вздыхающий в свинцовых объятиях котла. От него исходили необычайно сильные, почти что видимые волны какой-то гнусно–ядовитой, подлой эманации; про себя цверг окрестил свое творение «отцеубийцей». Создавая его, он пустил в ход все свои знания, стараясь ничего не упустить; перебрал все известные яды, выбрав наиболее коварные и жестокие... трупные черви, содержимое кишок мертвеца, безумно дорогие порошки из самых маленьких баночек, ждавшие своего часа в шкафах «кабинета», целая пригоршня хнума... он корпел над эликсиром не меньше недели. И вот наконец, мелко дрожа от нетерпения, Фолькет взял кольцо щипцами и опустил в котел. Минуту-другую ничего не происходило, затем ржаво-глянцевая поверхность сморщилась, задрожала... и мгновенно вскипела, выхлестнув ввысь ядовитым фонтаном.

Фолькет пришел в себя спустя трое суток; к счастью – и своему, и господина Брика – он был на редкость живуч. Кожа толстым чулком спол-

зала с обожженного лица и шеи, нарывала гортань, уцелевший правый глаз был похож на кровяной пузырь, на правой руке, которой маг держал щипцы, длинные ногти расплавились, залив костяными колпачками верхние фаланги пальцев, а от кожи осталось одно воспоминание. Шарахаться от него перестали только через пару месяцев. Впрочем, на ноги он встал уже через четыре недели и только личный запрет господина Брика не позволил ему продолжить работу. Когда Фолькет перестал кашлять кровью и гноем, а правая рука его перестала быть похожа на культю прокаженного, старый крыс вызвал его к себе.

–Ну–ну... смотреть можно, хотя и малоприятно. Покажи руки. Так... неплохо. А теперь расскажи, чего такого особенного ты наварил в тот раз.

Фолькет рассказал, подробно описав принцип приготовления и состав эликсира.

–Экий ты, братец... – и Брик не без уважения глянул на цверга – сам, значит, лазил... Молодец.

–А что толку? – уныло вопросил тот – камню хоть бы хны...

–А вот и нет. Забыл, сколько раз ты его купал, в проверенных, стародавних составах – и вот тут-то толку и не было. Я так понимаю, в этот эликсир ты сам вложился – а? Этим и разозлил. Продолжай в том же духе. Постарайся вызвать силы алмаза вовне, пусть разъярится, раскроется – тут-то мы его и хапнем. Только придумай себе какой-нибудь шлем, что ли...

Через неделю после этого разговора в фолькетову пещеру привели молоденькую шаммахитку, пухленькую и некрасивую. Через сутки ее истерзанное тело помощники цверга вышвырнули в море, а сам маг, хорошенько отоспавшись, потребовал следующую порцию рабочего материала. В чем – в чем, а в этом отказа ему не было.

Цвергу пришлось выковать для алмаза темной крови небольшую темницу, поскольку после случая с эликсиром он не рисковал больше носить его на шее. Из стальных прутьев, закаленных в наговоренной воде, он сплел шар, в центре которого, продетое сквозь поперечный прут, висело кольцо. И с каждым разом, стоило Фолькету только приблизиться к жертве, камень начинал злиться все больше и больше, и маг, одновременно торжествуя и отчаянно труся, всем собою чувствовал его ненависть.

– Эй, вы... – и Фолькет, отплевываясь и хрипя, махнул рукой помощникам. – Чего уставились? А ну, тащите свежего!

Прошло полгода с тех пор, как он обосновался на Муспельских островах. Подарочек сильно изменился за это время: внешне – так почти неузнаваемо, но и внутренне – тоже немало. Исчезла его всегдашняя угодливость, взгляд потерял искательность, даже голос утратил мягкие ноты. Место застенчивого, предупредительного сиротки занял одержимый изы-

скатель, чернокнижник-недоучка превратился в настоящего мага, сильного не столько книжным знанием, сколько немалым личным опытом и безмерной злобой. Говорил он теперь резко, все больше короткими, отрывистыми фразами, двигался быстро, его гибкие пальцы ювелира приобрели еще большую ловкость и силу, и порой казалось, что кисти его рук – это самостоятельные живые существа, шевелящиеся, вздрагивающие... пара зачарованных пауков. Его даже стали побаиваться, но только не господин Брик и не помощники. Вот и сейчас они не спешили исполнить его приказание.

–Будет вам, мэтр... – успокаивая, протянул один. – Сами знаете, господин Брик не дозволяет вам так утруждаться. Вы уже третью ночь не спите, не ели ничего, кроме... хм-м-м... Ну куда это годится? Нас господин Брик по головке не погладит, если вы тут от усердия раньше времени загнетесь. Все, хватит, идите-ка отдыхать. А мы все сами приберем.

Обычно Фолькет реагировал на такие речи вполне мирно, умывался в ручье, шел на свою половину и валился спать. Но на этот раз он не послушался.

–Вы что, не поняли?! Бегом за мясом, голохвостые! А не то я вас самих выпотрошу... – тут Фолькет пошатнулся и без сил опустился на серые каменные ступени.

–И кого же вы собрались потрошить? И чем же они вам не потрафили? – к пещере Фолькета неспешно подходил сам господин Брик. Подойдя поближе, он с кряхтением уселся рядом с магом, кивком головы отослав помощников, и вытащил из-за пояса флягу.

–Вот, возьми-ка, глотни... злоупотреблять этим не стоит, но иногда можно.

Фолькет, все еще давясь, глотнул терпкой, едко-кислой жидкости, закашлялся, сплюнул комок вязкой, бурой слюны и на мгновение зажмурился. В голове у него взрывались шутихи и выли бесноватые флейты; однако уже через минуту ему действительно полегчало, исчезла дрожь в коленях, прояснилось зрение.

–А теперь говори. Я запретил тебе работать более суток без отдыха. Тебя что, на цепь посадить?

–Господин Брик. Сейчас нельзя. Останавливаться. – Все еще с трудом переводя дыхание, выговорил Фолькет. – Камень вот-вот раскроется... я это чувствую. Мера его терпения переполнена. Он лопнет. Как переспелый арбуз. Надо дожать... прямо сейчас.

Фолькет замолчал.

–Что тебе нужно? – только и спросил Брик.

–Нужна боль. Очень сильная, сильнее обычной... не просто телесная.

–А если ты прав, и камень раскроется, что будешь делать? – поинтересовался Брик.

–Все давно готово. Яд... скорее, дурман. Достанет и капли, и сопротивляться он больше не сможет.

–Понятно. Послушай, сынок, а ты не думал, что этот камень вообще невозможно подчинить? может, ты и вовсе зря силы тратишь?

Фолькет смотрел на старика и единственный его глаз наливался кровью.

-Как это нельзя?!..

–Да вот так. Нельзя, и все.

–Да?! Та белобрысая сучка вертела им, как хотела! Дура не знала об этом, ну и что? Камень слышал ее, услышит и меня.

–Ну, раз ты так уверен... – и Брик кивнул помощникам, стоявшим поодаль, – Эй, вы, топайте за свежаком. Возьмите ту, вчерашнюю, которая с брюхом.

За эти трое суток Фолькет совершенно потерял ощущение времени, бриково же питье не только прибавило сил, но и придало телу необыкновенную легкость; цвергу казалось, что он не ходит, а летает. Быстро приготовив все нужное, он остановился напротив алтаря, на котором стоял стальной плетеный шар. Камень, зависший в нем, уже не был похож на серый придорожный гравий, скорее он напоминал желудь цвета сукровицы, покрытый сетью трещин, готовый лопнуть от малейшего прикосновения.

Он был абсолютно уверен в успехе. Поэтому даже не спешил. Спокойно дождался ухода помощников, так же спокойно привел жертву в чувство, привычно бросил пару заклятий, которые отсылали всю ее боль камню и, поразмыслив пару секунд, взялся за нож. И не успел даже глазом моргнуть.

В пещере неожиданно резко запахло послегрозовой свежестью, что-то едва слышно прошелестело в воздухе... Фолькет поднял голову и увидел, что жертва бессильно повисла на цепях. Все еще не веря случившемуся, он метнулся к ней, рывком, за волосы поднял голову... она была мертва, и смерть взяла ее легко и тихо. Ошалев от неожиданности, цверг, забыв о привычных опасениях, схватил стальной шар, поднес его к лицу – в кольце, продетом сквозь поперечный прут, сидел все тот же серый, тусклый камешек, столь же послушный ему, как звезды небесные.

Что произошло потом, никто толком не понял. Задремавшие на солнце помощники были разбужены жутким воем, однако они привыкли к подобным звукам и в пещеру не поспешили. А стоило. Ибо получилось так, что Фолькет дожал-таки себя самого. Отшвырнув шар в угол пещеры, он несколько минут стоял, застыв как статуя, а потом, испустив тот самый вой, принялся крушить все, что попадалось ему под руку. Он топтал свои инструменты, на книги, лежавшие на алтаре, прямо из воздуха лился поток нечистот, шкаф трясся как в лихорадке, звеня разбиваемым стеклом; но Фолькету было мало. Эта последняя неудача не просто вывела – вышвырнула его из себя. Он то начинал принимать звероформу, то возвращался в тело цверга, он шипел, лязгал зубами, изрыгал проклятия; его мерзкое маленькое могущество металось в тесноте пещеры. И когда это стало совсем невыносимым...

Над островом повеяло вдруг нестерпимой жарой, такой, от которой прямо на глазах стали желтеть травы и увядать цветы. Ветер лизнул долину раз, другой, и его раскаленный язык заполз в фолькетову пещеру. Он вытащил оттуда визжащий, плюющийся яростью комок, провез его по земле, приподнял на высоту велигорова роста и шмякнул о камни.

Спустя полчаса оба помощника, воняющие паленым волосом, клялись господину Брику, что они к сему делу непричастны, что магик сам виноват, зарвался... сиротинка хренова. Старик спокойненько выслушал их, ухмыльнулся...

–Будет вам, олухи. Сразу видно, ничего, кроме этой лужи – и он кивнул в сторону моря – вы и не видели. Это ж ветер Арр-Мурра. Ему я, пожалуй, уступлю. Жаль. Не удалось нам этот камешек приспособить. Кольцо-то хоть нашли? То-то.

И он посмотрел на сидящего рядом – в белоснежной рубахе с кружевными манжетами, в дорогих, хотя и запачканных замшевых сапогах, – и сказал:

–Готовь корабль. Отправляемся завтра. – И добавил, кивнув фолькетовым помощникам – Как хотите, но приведите его в чувство. Пусть с нами едет, а то удавится тут с досады, неровен час.

Так вот и получилось, что бедняга Фолькет, поклявшийся никогда более не ступать на корабельную палубу, вновь оказался в море, на борту «Исполнителя желаний», одного из кораблей господина Брика. Почти вся команда корабля состояла из крыс, исключая кока, боцмана и нескольких матросов; шли они налегке, погода благоприятствовала, а встречные корабли спешили удалиться на почтительное расстояние.

Эригон встретил их вполне радушно; город уже успел оправиться после тихого ветра, все положенные случаю слезы были выплаканы, поминальные речи сказаны, а наследства поделены; пошатнувшуюся было торговлю заботливо поставили на ноги. Все шло своим чередом: в порту гремели якорные цепи, в лавках обсчитывали и приворовывали, у опустевших за время болезни домов уже появились новые хозяева, спешившие навести новый лоск на прежнюю роскошь... и господин ратман был, как всегда, занят делами города. Но для достойнейшего господина Брика нашлось время даже у такого занятого человека, как Сириан Мираваль.

Он принял их в кабинете. Поздоровался учтиво, осведомившись и о здоровье, и о торговле и лишь затем вежливо поинтересовался о причинах, приведших столь почтенного старца вкупе с его спутниками в его, ратмана, дом. Брик, покряхтев с минуту, заговорил.

– Господин Мираваль, не первый раз случается мне обратиться к вам за советом и остается лишь надеяться, что и сейчас вы снизойдете до моего ничтожества. Сами знаете, как я не люблю встревать в дела великих мира сего... домик с садиком, сытная похлебка да мягкий хлеб по зубам – вот и все, что надо старику.

Сириан слушал, прикрыв глаза, гася ресницами насмешливые искры: этот старичок держал в своих морщинистых лапках всю работорговлю, а его кораблей хватило бы на вполне приличный флот. Брик снова закряхтел, сидящий рядом одноглазый цверг поспешил подать ему бокал вина. Наливая его, он неприятно постукивал пальцами, и Сириан, вглядевшись, увидел, что на них надеты какие-то костяные колпачки. Цверг перехватил его взгляд и, поклонившись, пояснил:

–Последствия ожога, господин ратман. Я служу господину Брику скромными познаниями алхимика и, увы, не всегда успешно.

Брик наконец перестал кашлять и продолжил.

–Так вот, государь мой Мираваль, попал ко мне недавно некий камень. На вид ничего особенного, так, серенький осколочек в перстеньке; однако знающие люди приняли его за алмаз темной крови – правда, спящий. Говорили мне о неслыханной силе, о каких-то магических свойствах этого камешка, но мне это ни к чему. Только магических штучек еще не хватало, и без них беспокойства хоть отбавляй. От пиратов житья совсем не стало, хоть совсем торговлишку прикрывай. Да... так о чем это я?.. Ах да. Может статься, вы, государь мой Мираваль, примете на себя заботу об этом алмазе, переймете бремя у старика? – и Брик блеснул глазами навстречу взгляду Сириана.

–Позвольте посмотреть на него, – попросил ратман.

Повинуясь кивку старика, цверг вынул из-за пазухи небольшую шкатулку и передал ее ратману. Тот поднял неожиданно тяжелую крышку и увидел кольцо светлого металла с небольшим камнем, более всего похожим на серый гравий, коим усыпают дороги. Если бы Сириану не приходилось уже несколько раз вести дела господина Брика, а пару раз – вести дела вместе с ним, он решил бы, что старик выжил из ума... или жестоко издевается над ним, нарываясь на ссору. Повертев кольцо в руках, Сириан обратился к собеседнику:

–Я знаю, насколько щепетилен в делах господин Брик, и только поэтому позволю себе высказать некоторое сомнение в ценности этого...

Подчиняясь такому же короткому кивку, в разговор вступил цверг.

–Милостивый государь ратман, было бы странно и нелепо, если бы вы сих сомнений не высказали. Выглядит сей артефакт, прямо говоря, невзрачно. Такие кольца в базарный день телегами продают. Однако я могу похвастаться, что видел его в иные дни, когда он являл свой блеск миру и сила, заключенная в нем, дышала и бодрствовала. И буде вы пожелаете, то сможете своими глазами увидеть то же. Для этого нужно лишь приблизить кольцо к его прежней, нерадивой и недостойной хозяйке. Камень привык к ней и непременно отзовется.

–Помилуйте, сударь мой, где ж я найду вам эту особу? мир велик…

–Ее вы легко найдете. Она – танцовщица Амариллис, одна из детей Лимпэнг-Танга.

Твердый, красиво очерченный рот ратмана даже не дрогнул, не выдали его чувств холодные зеленоватые глаза, только брови чуть шевельнулись... ах вот как...

–Что ж... это меняет дело. С вашего позволения, я возьму камень. По слухам, дети Лимпэнг-Танга остановились на отдых где-то поблизости. Надеюсь, вы не будете возражать, если со мной будет ювелир, мастер Рилло, он истинный знаток редкостей.

–Ну что вы... берите, прошу вас.

–Благодарствую. Прошу вас, почтите мой дом своим присутствием, погостите, пока я успокаиваю свое любопытство. А как вернусь, мы с вами и потолкуем.

Спустя четыре дня Сириан вновь встретился с терпеливо ожидавшими его гостями. Отзвучали все положенные случаю любезности и замечания по поводу удивительно хороших дорог и затяжной весны; наконец, ратман кивнул в сторону стоящего на столе ящичка и задал всего один вопрос:

–Сколько?

–Только для вас, государь мой ратман, памятуя все ваши советы и услуги... – и Брик назвал такую сумму, что портреты прежних Миравалей, висевшие по стенам кабинета и навидавшиеся всякого, выпучили глаза и подались вперед, рискуя вывалиться из дорогущих раззолоченных рам. Однако Сириан и бровью не повел, словно и не предстояло ему расстаться с четвертью семейной казны.

–Чем предпочитаете получить?

Господин Брик заметно оживился. Судя по всему, он не ожидал такой покладистости.

–Сразу видно истинного дельца... значит, согласны. Что ж, сами знаете, сударь мой Мираваль, что я предпочитаю золото. Золото в слитках, с клеймом Тархины. Драгоценные камни предпочитаю брать в Гридде, а вот золото у цвергов не в пример чище. Погрузите на мой корабль. Как управитесь, мой помощник, – и Брик кивнул на цверга, – отдаст вам камень.

Они оба остались довольны. Старая крыса изрядно пополнила свои закрома, а ратман купил особенную игрушку для своего будущего внука; он рассудил, что раз уж камень слушается Амариллис (ему даже не пришлось надевать кольцо спящей девушке, от одного ее присутствия в доме камень оживал, глубина его прояснялась, вновь являли себя твердые очертания руны, врезанной в поверхность алмаза в незапамятные времена) – то скорее всего послушается и ее сына, и тогда линьяж Миравалей сможет вести разговор и с надменным Арзахелем, и с капризной Манорой, и даже с молодчиками с Муспельских островов – совсем в другом тоне. Королевские династии начинались и с меньшим запасом могущества.

Фолькет тоже не терял времени даром. Фальшивку он изготовил уже давно, еще в то время, когда алмаз темной крови не вымотал все его терпе-

ние, и оставалась способность рассуждать здраво. Так, на всякий случай... мало ли что. И, как оказалось, не зря. Фолькета погрузили на корабль на следущее утро после того дня, когда он непременно бы надорвался, если бы не ветер Арр-Мурра; в его сундук помощники пошвыряли, не глядя, все уцелевшие инструменты и снадобья, туда же отправилась и небольшая шкатулка со всевозможными камешками и мелкими поделками, на которые у Фолькета по первости еще хватало времени. Среди все этой дребедени колечко с прозрачным темным камешком было совсем незаметно; оборотная сторона камешка была мутно-серой.

Господин Брик был не просто дальновиден, временами он становился чуть ли не провидцем. Но в случае с Фолькетом он просчитался. Брик принял магика за такую же крысу, какой был сам – расчетливую, острозубую, жадную... забыв о том, что малыш все–таки был цвергом – обидчивым, злопамятным и жутко упрямым. Да, Фолькет смирился с тем, что сам не сможет овладеть камнем, после того, как решил исполнить-таки завет отца и найти Черного Магистра – уж он-то непременно найдет управу на этого упрямца, кроме того, алмаз можно будет предложить в качестве платы за обучение.

Подменить кольцо в момент передачи его ратману не составило ни малейшего труда фолькетовым пальцам, способным распутать лошадиную гриву, сбитую в устрашающий колтун обозленным домовым, не дернув ни единого волоска. Разговаривая с господином Бриком, он выглядел немного удрученным – так, в меру, но вполне довольным жизнью. Еще с неделю он тихо–мирно жил в своей развороченной пещере, а потом удрал на одном из кораблей, идущих в Пойолу.

* * *

Спустя две недели после заключения во всех отношениях дорогого стоящей сделки Сириан Мираваль вновь принимал у себя лорда Лотломиэль. Эльф повторил прежнюю просьбу четырех королей – на этот раз более настоятельно. Сириан клялся всем святым, что и слыхом не слыхивал о такой диковине, но сделает все возможное, чтобы найти ее; камень совсем недавно был в городе? скажите на милость, чего только не навезут в Эригон. Конечно, он лично поговорит с главой гильдии ювелиров... и со смотрителем складов... и с главой таможни… будьте спокойны, лорд, если камень все еще в городе – его найдут.

–И с поклоном подадут. Можешь спокойно уезжать отсюда, Хэлдар, ничего у нас не выйдет.

Хэлдар и Сыч сидели в общем зале одной из эригонских гостиниц. Орк приехал в Эригон после того, как узнал от одного из своих родичей о крупной партии золота, купленной ратманом в Тархине; этот самый родич самолично возглавлял охрану груза. Сыч, не теряя времени, подался в Эригон, откуда

дал знать о себе Арколю, гостящему вместе с труппой в одном из замков на юге Одайна. Дети Лимпэнг–Танга два месяца прожили в Шаммахе, приходя в себя после тихого ветра и восстанавливая силы; Лорка в это время искал труппе новую танцовщицу. Место Амариллис заняла Муна, которой наскучил помпезный Арзахель и соблазнил дух странствий и приключений. Танцевала она не хуже Амариллис, но – по–другому; во всяком случае, Герана из свиты его величества Воды на выступлениях труппы более не замечали.

Потихоньку все налаживалось; Муна не стремилась заменить или затмить свою бывшую подругу, поэтому ее приняли приветливо и дружелюбно; с помощью Веноны и Лиусс и Рецина окончательно поправились, Орсон снова с легкостью гнул подковы, близнецы-суртонцы придумали новый номер, что же касается Арколя, то он держал свои тревоги при себе и никому не докучал. Перед новой поездкой артисты навестили храм своего звонковолосого бога, заручившись его одобрением и приняв благословение. Все налаживалось... правда, писем от Амариллис больше не было.

Камня в городе нет, – эльф, казалось, пропустил слова друга мимо ушей и разговаривал сам с собой. – В этом я уверен. Не понимаю, зачем он ратману? И где он его спрятал?

–У господина Мираваля большие возможности, – усмехнулся Сыч, – может, он возжелал еще больших?

–Все спорите? – К разговаривающим присоединился Арколь, с грохотом придвинув стул и усевшись рядом с ними. – Надоела мне эта невнятица. Чего вы с ним цацкаетесь? он же врет, как сивый мерин. В глаза не видел? а за что тогда подводу золота отдал? за новую мантию на рыбьем меху?!

–Не горячись, мэтр Арколь, – успокаивающе проговорил Сыч, – не стоит спешить. Как бы то ни было, сейчас камня в городе нет. И вообще, так сразу Сириан его не продаст, за какую угодно цену, сначала выждет, старый лис, принюхается... Припозднились мы. Хэлдар, я так понимаю, в третий раз ваши короли просить не станут.

–Не станут. – Эльф даже усмехнулся, представив лица королей, просящих в третий раз.

–Ну и хорошо. Сами разберемся, без эльфийских церемоний. Ты с нами?

Эльф отрицательно покачал головой.

–Нет.

–Ясно. И куда на этот раз?

–На Иста-Ксиа-Утль.

Оба собеседника уставились на эльфа – так, как будто он сказал, что побывал за Краем Света.

–До войны Безумного Солнца южане поклонялись идолам и у одного из них – если только летописец не лжет – глаза были из черно–прозрачного камня, сверкающего подобно алмазу и способного порождать молнии.

–Ну и что? – Возмутился Арколь. – Храмы южан сравняли с землей более полувека назад! Не веришь мне, спроси у Лиусса. Там даже руин не осталось!

–Я знаю. Но остались жрецы.

Арколь хотел снова возразить, но, вспомнив, кем был Лиусс до бегства с Иста-Ксиа-Утль и призвания к детям Лимпэнг-Танга, закусил губы.

–И весьма вероятно, что они сохранили свои реликвии. Попытаться стоит. – Эльф вздохнул, допил бывшее в бокале вино.

–Ясно... – орк кивком головы подозвал слугу. – Эй, у нас вино закончилось, а на столе хоть пляши. Давай-ка исправь это недоразумение, да поживее. Ну а ты, мэтр Арколь, куда намылился? зря, что ли, коня торговал?

–Домой, – и Арколь улыбнулся. – В Ирем. Засиделся я в бродячих подмастерьях, пора учиться дальше. Замену я себе подыскал, переманил одного замкового шута; даровитый мальчик, далеко пойдет. А ты куда, Сыч?

–Тоже домой. Весна нынче затяжная, холодная, надо за пчелами присмотреть.

Все трое переглянулись, Сыч наполнил бокалы терпким арзахельским вином и сказал:

–Что ж, игра еще не закончена. И кому-то из нас придется ее доигрывать... пожелаем ему удачи. – И поднял бокал.

Глава пятнадцатая.
Благодарность господина ратмана

Как и предсказывал старик Арчеш, зима оказалась ранней, скорой и тяжелой на руку. За какую-то неделю холодный воздух, пришедший не иначе как с глетчеров Краглы, изгнал остатки осеннего тепла, дочерна сжег оставшиеся на ветвях листья и выстудил дом. Это было неслыханным делом, но топить – по крайней мере, в покоях Амариллис и старика Мираваля – приходилось дважды, утром и вечером; нелишними оказались и драгоценные меха, привезенные Риго уже после первых снегопадов. Он приезжал достаточно часто, чтобы Амариллис не чувствовала себя заброшенной и нелюбимой, постоянно привозил подарки – и дорогие, как сюрко, подбитое серебристым соболем и отороченное похожим на северное сияние мехом белой лисы, или зеркало, сделанное из полированной пластины девственного серебра и оправленное черным золотом, и просто забавные, вроде говорящего попугая из нильгайских лесов. Этот зелено-желтый тип восседал в серебряной клетке с важностью императора, клевал только отборные пшеничные зерна и очищенные от коричневой кожицы лесные орехи, а выражался так, что портовые грузчики умерли бы от зависти. К Амариллис Перышко сразу же проникся доверием, вылезая из клетки, без церемоний усаживался к ней на плечо, похлопывал крылом по щеке и что-то поваркивал на ухо. А вот кого он резко невзлюбил, так это почтенную экономку: едва завидев ее, бил крыльями, шипел, чуть ли не плевался, а потом разражался целым потоком отборной ругани, а однажды так даже нагадил бедной Клеми на чепец.

Когда срок Амариллис перевалил за половину и ее симпатичный кругленький животик стал заметен даже в просторной зимней одежде, Риго привез целый сундук тканей – тонкого полотна, нежной фланели, рулон суртонского шелка, и госпожа Мираваль засела за рукоделие. Праздничная рубаха для Арчеша была к этому времени давно готова и вызвала немало восторженных охов и ахов у всех обитателей Серебряных Ключей, вслед за ней Амариллис принялась вышивать воротник мужу – золотом на вишневом бархате, и, завязав последний узелок и припрятав рукоделие до дня рождения Риго, принялась за шитье маленьких, на вид совсем игрушечных вещичек – платьиц, штанишек, чепчиков, а одна из служанок рядом с нею кроила и подшивала пеленки.

Время в Серебряных Ключах текло тихо и спокойно, как река подо льдом. Амариллис просыпалась, заслышав шаги служанки, пришедшей растопить камин, высовывала нос из-под одеяла и тут же прятала его обратно; по комнате тянуло морозным запахом дров, фыркала береста, и пламя начинало потрескивать так весело, что девушка наконец не выдерживала и вставала. Одевалась – пока что сама – и садилась поближе к огню завтра-

кать. Теперь на ее аппетит не мог пожаловаться сам Сириан Мираваль; в первые приезды он очень уж убивался, видя бледное, осунувшееся личико невестки, присылал ей самые невероятные лакомства (вроде варений из нильгайских фруктов или нежно-розовой вяленой рыбы из Северных морей) и заметно расстраивался, когда она отказывалась их есть. Теперь же за один присест Амариллис съедала столько, сколько прежней танцовщице Лимпэнг-Танга хватало на весь день, а то и на два; она полюбила сваренную на сливках пшеничную кашу, щедро политую медом и маслом, густые супы, сваренные из нескольких сортов мяса, с пряностями и овощами, знаменитый «сыр под одеялом», который мастерски готовила экономка – конверт из румяного хрустящего слоеного теста, где нежился в тепле растопленный, мягкий острый сыр. Навестивший ее на исходе декабря Сириан одобрительно потрепал девушку по заметно округлившейся щечке и затем, за обедом, с умилением следил, как она в очередной раз тянется за розовым ломтем ветчины, попутно прихватывает моченой брусники, а потом хрустит зимним яблоком. И была еще одна пара глаз, следивших за ней с не меньшим удовольствием: девушка и не подозревала об этом, но Арчеш Мираваль самолично каждое утро надоедал кухарке советами, что бы такое повкуснее приготовить, чем бы еще порадовать обожаемую невестушку. Он даже снизошел до собственноручного приготовления соусов (в чем, признаться, был настоящим мастером: до сада страстью Арчеша была кухня) и засахаривания кисточек рябины, отдавших свою горечь утренним заморозкам.

Позавтракав, Амариллис отправлялась на прогулку; иногда – одна, чаще – со стариком Арчешом. Не спеша, они прогуливались по расчищенным садовым дорожкам, порой доходили до ближнего леса. Старик все норовил потеплее укутать шею Амариллис и немедленно тащил ее домой, стоило ей хоть раз шмыгнуть носом. Он не разрешал девушке говорить на холоде, поэтому ей поневоле приходилось молчать и слушать его рассказы – весьма интересные, к счастью. Потом все домочадцы обедали возле огромного камина в зале и шли отдыхать, а Амариллис садилась за шитье и короткий зимний день, уходя, видел ее склоненной над чем-то светлым и мягким. Вечером Арчеш шить ей не разрешал, но позволял читать или играть в махшит (кстати, он тоже знал эту игру и они постоянно что-нибудь друг другу проигрывали – то колечко, то туфлю, то ночной колпак, то любимую подушечку). На ужин Амариллис подавали легкий молочный пудинг, творог с медом и травяной чай, который она сама и готовила; кровать ей согревали медная грелка и толстый кот; одеяла были теплыми и нетяжелыми... три раза в неделю – ванна с эликсиром илори, а в белоснежных, отороченных кружевом подушках жили сонмы легких и беззаботных снов.

И Амариллис жилось так же, как и спалось – легко и беззаботно; единственное, что расстраивало ее по временам – так это отсутствие писем от прежних друзей, особенно от Арколя. Но однажды Арчеш, кряхтя и запинаясь, дал ей понять, что у детей Лимпэнг-Танга все наладилось, все

живы и здоровы, а ее они попросту оставили в покое, не желая лишний раз смущать ее прошлым. Амариллис не очень поняла, чем прошлое может ее смутить и какое может быть беспокойство от тех, кого любишь, но тосковать перестала. Она действительно прижилась в доме Миравалей, и даже нашла настоящего друга – в лица ядовитого стручка.

Арчеш чем-то трудноуловимым напоминал ей отца: то ли чрезмерной заботой, то ли манерой задорно наскакивать на собеседника, то ли умением давать точные и убийственные характеристики.

Но как бы ни было хорошо Амариллис в Серебряных Ключах, она всегда была рада видеть Риго и действительно скучала по нему. Писала письма, даже плакала. Когда Риго приезжал, Амариллис вела себя с достоинством, подобающим замужней даме, не визжала и не бросалась ему на шею, напротив, выходила степенно и чинно, волоча за собою шлейф теплого плаща, подавала мужу руку для поцелуя и так же чинно шествовала к своему креслу. Но в глазах ее загорались радостные огоньки, на щечках обнаруживались хорошенькие ямочки и Риго, усевшись у ее ног на низенькую скамеечку, не мог на нее насмотреться.

Уже ближе к весне, когда день заметно удлинился и тени на плотном, слежавшемся снегу приобрели фиолетовый оттенок, Риго тайком от отца купил поместье – за эльфийскими лесами, близ Краглы... очень далеко от Эригона. Большой сад, дом, службы, неподалеку – городишко; места красивые и тихие, почти что полусонные. Он бывал там однажды, в гостях у прежнего хозяина Кутхальта – так называлось это поместье. Подписывая купчую, Риго усмехнулся: если бы отец узнал...

Прочитав эту самую купчую, Сириан покачал головой: а если бы я не узнал?! молод ты еще, сынок... и глупее, чем я думал. Небрежно кинув секретарю Риго туго набитый кошель, ратман плотно уселся в кресло, укутал ноги меховой полостью и задумался. Поначалу он хмурился, однако поразмыслив, решил, что поводов для беспокойства нет – еще одно поместье линьяжу не помешает, к концу весны Риго ожидает долгая поездка в Шаммах, девица здорова и всем довольна, от мэтра Аурело вести вполне утешительные... еще три месяца, и он, Сириан Мираваль, выиграет еще одну большую игру. А если подумать о том, какую игрушку он недавно купил для своего внука... ратман чуть не засмеялся вслух и, позвонив, приказал слуге принести горячего вина.

Воистину, этот год оказался одним из самых неудачных для вечного везунчика Эригона. Сначала – тихий ветер, за ним – небывало ранняя, холодная зима, похожая на прикатившую без спросу двоюродную тетку, ханжу и блюстительницу приличий... и вот уже третий месяц как сидит она в самом удобном кресле у камина, отравляя существование всем домочадцам своими бесконечными придирками и нытьем, а уезжать в ближайшее время не собирается. Но – в доме появляется еще один гость, и не сказать, что ему очень

рады, но тетка все же вынуждена собрать манатки и катить восвояси, а он – долговязый, белесый, тощий тип с хрящеватыми ушами и вечным насморком, усаживается на ее место, вытягивает ноги поближе к огню и заводит разговор серый и длинный, как та колбаса из задумавшейся требухи, которую продают самые горластые торговки на рынке Свиной Башки. Давным-давно, в незапамятные времена этого типа окрестили Мартом и только одно в нем хорошо – глаза, ледяные и ласковые. А так... сизая клякса, не более.

Удивительно, но только к концу апреля в Эригон пришла настоящая весна. Арчеш уже несколько раз собирался высаживать свои знаменитые тюльпаны и гиацинты, но все как-то раздумывал, и, как оказывалось, не зря, ночи по-прежнему были холодными. Старик просто землю рыл от нетерпения, и развлекался по большей части тем, что то снимал соломенные чехлы с роз, то вновь их нахлобучивал. В середине мая, когда земля наконец образумилась и прогрелась настолько, что Арчеш не побоялся высадить свои драгоценные саженцы в открытый грунт, в Серебряные Ключи приехал Риго.

Амариллис вышла навстречу супругу с большей, чем обычно, степенностью, опираясь на руку экономки. Риго остановился у крыльца, глядя на нее так, словно впервые увидел... а она была так красива... В Амариллис не осталось почти ничего от той заносчивой и нетерпеливой девчонки, какую Риго Мираваль взял в жены. Сейчас перед ним стояла молодая женщина, похожая на только-только распустившийся цветочный бутон, словно светящаяся изнутри. Глаза ее сияли, но мягко и умиротворенно, губы улыбались чуть смущенно и радостно. Риго поднялся по ступенькам, опустился на колено и поцеловал край платья Амариллис...

–Что с тобой? – она засмеялась смехом прежней девчонки. – Или я действительно стала похожа на толстую важную королеву? Обними меня, я так ждала тебя!..

Риго осторожно обнял ее, ткнулся носом в шелковистые теплые волосы... «Ну как я ей скажу, что уезжаю?! да еще сейчас!...»

Они сидели в покоях Амариллис, в кои-то веки вместе встречая закат. Заглядывающий в комнату ветер похолодел, из сада поднимался остро–свежий запах молодой листвы; Риго встал и накинул на плечи жены накидку, отороченную лебяжьим пухом. Амариллис накрыла его руку ладонью, задержав тонкие, сильные пальцы на своем плече.

–Так надолго?.. – задав вопрос, она поспешно умолкла, подозрительно заморгав глазами.

–Я вернусь как только смогу и клянусь, что все слоны Шаммаха меня не задержат! – Риго сжал ладони жены и покаянно наклонил голову. – Не печалься, радость моя. Пойми, я не принадлежу себе, я – часть линьяжа.

–Я понимаю... – Амариллис попыталась улыбнуться, но безуспешно. – Я... просто я хотела, чтобы ты был рядом, когда...

Голос ее пресекся и она заплакала. Успокоившись, Амариллис все еще нетвердым голосом сказала:

–Я боюсь, Риго. Нет, ты сперва выслушай. Я знаю – будет здесь и доктор, и повитуха, и еще невесть кто. Кроме тебя. Так что я уж заранее скажу все, что приготовила. Если со мной что-то случится... не перебивай!.. если что-то пойдет не так, главным будет ребенок – понятно?

«Дурочка... она думает, что может быть как-то еще...»

–Обещай мне, что его назовут... – и Амариллис прошептала имя на ухо мужу. Тот удивленно поднял брови, но обещание дал.

Через два дня Риго уехал, впервые в жизни чувствуя в груди противную пустоту.

Амариллис не спеша прогуливалась по саду, время от времени подходя к Арчешу, который опять – в который раз! – укрывал соломой особо хрупкие растения.

–Ну что ты будешь делать! – почти с отчаянием обратился он к невестке, – Ты посмотри! – и повел рукой. – Эльфья трава только что вылезла, а уже скукожилась. Лопушки в трубочку свернулись, хоть дуди в них. На суртонской вишне кора побелела... ох-хо-хо...

–Опять холода? – уныло спросила девушка.

–Угу. Ночью будет заморозок, и не слабый. Ума не приложу, что мне с маргаритками делать, все сроки давно прошли, не в июле же их высаживать! Знал бы, что эдакая погода случится, заказал бы саженцы из Краглы – неказисты они, никто не спорит, но хоть что-то в саду бы росло! А я-то, дурень, шаммахитские розы выписал. Дружочек, принеси мне попить.

Амариллис направилась к родникам; взяла один из стоящих на приступке бокалов и наклонилась к воде. Серебристая, слегка пузырящаяся влага стекала в мраморный бассейн; бокал давно уже наполнилась, вода бежала через край, по пальцам Амариллис, а она все стояла и смотрела на свое отражение, неясное, зыбко покачивающееся меж голубых лилий. Выпрямляясь, она внезапно почувствовала как ребенок, что-то притихший с утра, как будто опустился вниз. Ей сразу стало гораздо легче дышать, она расправила плечи, потянулась... и тут ее живот словно кто-то сжал изнутри, сжал несильно, нестрашно. Амариллис замерла, прислушиваясь к голосу своего тела; ничего не происходило. Она еще немного постояла на месте и повернулась, чтобы идти к Арчешу. И тут вкрадчивая боль вновь опоясала ее.

–Что случилось? – заждавшийся Арчеш сам спешил к роднику. Ему хватило одного взгляда на Амариллис, чтобы самому ответить на этот вопрос.

–Хвала богам, пришел твой день... – старик взял бокал из рук невестки, и потянул ее к дому. – Пойдем-ка в дом, негоже тебе по саду бегать.

–Это еще почему? – Амариллис, похоже, пришла в себя. В конце концов, Венона ей обо всем очень подробно рассказывала и – теоретически – сама девушка была готова принять роды. И она хорошо помнила, что самое неразумное, что можно сделать, так это улечься в постель в самом начале схваток.

–Лежать сейчас нельзя, – объясняла она старику, – надо ходить. Не бегать, а ходить.

–Может, ты еще песни петь будешь? – язвительно поинтересовался Арчеш.

–А почему нет? – и, опираясь на руку Арчеша, Амариллис спокойно направились по дорожке, напевая незамысловатую песенку.

Терпения и сил Арчеша хватило на пару часов, потом его сменила экономка. Почтенная женщина пыталась уговорить девушку поберечь силы, но безрезультатно: та продолжала мерить шагами садовые дорожки, время от времени останавливаясь, чуть приседая, покачиваясь, и снова шла вперед. Лишь когда в саду окончательно стемнело, Амариллис согласилась вернуться в дом.

Ее усадили, почти уложили в кресло, напоили медовым молоком. Арчеш присел рядом.

–Амариллис, ты, верно, ничего не знаешь о здешних обычаях? – он заметно смущался и на помощь ему пришла та самая вдова.

–Дитя мое, у нас не принято, как то делается у диких народов, выставлять таинство рождения напоказ. Когда придет время, ты удалишься в отдельные покои... одна. И до того, пока не раздастся первый крик твоего сына, никто не будет вправе разделить твою боль. Потом... потом тебе помогут, но не раньше.

–Вот как... значит, ни доктор, ни повивальная бабка женщинам линьяжа Миравалей не полагаются. А я думала, здесь принято бережно относиться к имуществу... – Амариллис пыталась шутить, но на душе у нее было скверно. Она-то надеялась на помощь хотя бы многоопытной Клеми. Но – ничего не поделаешь, кто она такая, чтобы в одночасье изменить традицию? Спустя час после полуночи Амариллис отправилась в родильные покои. Под них ей отвели самую дальнюю комнату в западном крыле дома, проветренную, натопленную, чисто вымытую; там стояла кровать с высокими спинками, застеленная льняной простыней, стол с кувшином воды – и все. Девушка огляделась и вздрогнула: она услышала, как поворачивается в замке ключ. Она осталась совершенно одна.

Поначалу все было не так страшно. Боль пробовала ее тело тупыми зубами все настойчивей и чаще, но терпения пока хватало. Она то принималась ходить, раскачиваясь как гусыня, приседая, держась за спинку кровати и грозя самой себе кулаком, то укладывалась на бок, обхватив руками живот и шепотом уговаривая ребенка не спешить. Потом она вдруг поняла, что ходить больше не в силах и постаралась улечься поудобнее; кровать была жесткой и прохладной; Амариллис сняла домашнее платье и осталась в одной недлинной сорочке. Когда боль полилась сплошным потоком, Амариллис нырнула в нее, вырвалась, пытаясь открытым ртом захватить почему-то ставший густым и невкусным воздух, но поняла, что не может.

Время остановилось для нее; она не знала, ночь или день на дворе и сколько часов она изо всех сил старается не кричать.

Потом боль стала стихать и она поняла, что согласно всем трактатам по акушерству сейчас ей предстоит изрядно потрудиться. «Помни, девочка, – говорила ей Венона, – роды это самая тяжелая работа в мире. Молотобоец от такой работы надорвется, а женщина ничего, справляется».

Она не слышала ни петушиного истошного крика, ни осторожных шагов за дверью, ничего – кроме своего хриплого дыхания, казавшегося таким громким в бездонной тишине вечности. И она спустилась туда, на самое дно, через бесконечную, темную боль, и взяла там новую жизнь, и, стараясь изо всех сил, стала карабкаться обратно, к дневному свету, к теплому времени. Стоявшие у изголовья тени замерли, прислушиваясь... и вот тишину разорвал сначала слабый, а потом набравший силу требовательный, сердитый плач.

Так, ранним утром, самым первым утром наступившего лета, Амариллис родила сына.

–Ах ты бедняжка... и ребеночек-то совсем плох... – Амариллис услышала над собой чей-то голос, с трудом открыла глаза и в какой-то туманной дымке с трудом различила лицо вдовы. Потом она почувствовала, как по ее лицу провели влажной тряпкой, затем приподняли ей голову, и она увидела небольшую чашку с водой. Ничего не соображая, она потянулась к ней пересохшими, розово-серыми губами и жадно глотнула... и закашлялась, ибо ссохшееся горло отказалось вот так просто принять что бы то ни было. Кашель так сильно дернул ее за плечи, что лбом она ударилась прямо об чашку, расплескав ее содержимое.

–Ну что ты будешь делать!.. – в голосе, по-прежнему исходившем из неясной дымки, послышалось раздражение. Голову Амариллис отпустили, и она со стуком опрокинулась на жесткую подушку.

–...потеплее... да поторапливайся же! Ну?! – после этих слов и без того неясное сознание стало стремительно покидать обессилевшее тело Амариллис и последнее, что она услышала, был отзвук истошного, заполошного вопля.

Когда ранним вечером первого июньского дня Сириан Мираваль приехал в Серебряные Ключи (ратман на всякий случай решил приехать недельки на две пораньше, проследить, как и что, сын-то в отъезде), его встретила глубокая тишина, такая, какая бывает после бурных слез и криков. Войдя в дом, он первым делом спросил:

–Где Амариллис? И мой отец?

–Господин мой брат... – из сгрудившихся подобно насмерть перепуганным овцам домашних выползла молодящаяся вдовица, – Великое несчастье постигло наш дом...

–Говорите яснее! – приказал ратман, усаживаясь в кресло.

–Язык мой отказывается повиноваться мне... пойдемте, и вы все увидите своими глазами... – и вдова указала рукой в сторону родовых покоев.

Пройдя по длинному коридору, Сириан оказался перед запертой дверью. Сопровождавшая его вдова открыла ее массивным ключом и застыла, всем своим видом показывая, что внутрь заходить еще раз не собирается. Сириан перешагнул порог.

Посреди комнаты стояла кровать, на которой лежала девушка. Совершенно неподвижная. Голова бессильно свесилась набок, из-под ресниц поблескивают белки закатившихся глаз. Ее бедра окровавлены... но и лицо ее, и руки по локоть тоже в крови. А на высокой спинке кровати висит что-то тонкое, длинное, сизо-сукровичного цвета... а по кровати, да и по полу разбросано такое же кровавое рванье... ошметки... огрызки...

С минуту ратман стоял неподвижно. Затем отступил, закрыл дверь и, не говоря ни слова, запер ее. И вернулся к домочадцам.

–... ведь я говорил Риго, предупреждал его... женщины с темной кровью могут быть опасны...– Сириан, сгорбившись, сидел в кресле, озабоченно потирая лоб ладонью. – Так ведь нет, не послушал меня. Привел в дом эту особу, наперекор Морелле. Вам, небось, сказал, что она умерла? Так это он со зла. А я-то, дурак, ему поддакивал, думал, он так скорее угомонится. Морелла уезжала к отцу, в Манору – и к лучшему, преждала там тихий ветер, ребенка спокойно выносила.

–О, господин мой брат!.. – вдовица вся подалась вперед, услышав столь радостную весть, – неужели?!

–Да... – совсем не так радостно протянул ратман, – Морелла родила на днях сына. Да какие поздравления... – и он отмахнулся от родственников. – Что мне с этой... делать?!

–Но она мертва. – Строго сказала племянница Арчеша. – И любые сожаления и промедления сейчас неуместны. И если мне будет позволено высказать свое мнение, то я скажу, что семейная усыпальница Миравалей – не место для упырих. – И она так брезгливо поджала губы, как будто упырица – это что-то вроде жирного пятна на скатерти.

Наконец, Сириан решительно встал и обратился к застывшей в дверях экономке, которая утирала слезы кончиками фартука.

–Немедленно пошлите в Озерки за братьями Брейс.

Клеми вздрогнула: братья Брейс были живодерами.

–Вы так и не сказали мне, что с моим отцом.

–Вашему отцу вчера стало дурно, он очень волновался. Я дала ему успокаивающего настою. – Вдовица искательно заглянула ратману в глаза. – Он все еще спит.

–Что ж... это к лучшему. Не будите его.

Над Серебряными Ключами уже нависли сумерки – не густо-голубые, как полагается летним сумеркам, а лиловые, холодные сумерки заморозка – когда из ворот поместья выехала небольшая телега, запряженная пегой ло-

шаденкой. На козлах сидел коренастый, лысоватый мужчина, второй, очень похожий на него, примостился на краю телеги, поплевывая в придорожную пыль. В телеге лежало что-то, завернутое в грубую холстину, на которой проступали темные пятна. Они направились прямиком той дорогой, за прогулку по которой Амариллис однажды сильно влетело от старика Арчеша.

–Ты деньгу-то пересчитал? – сиплым голосом поинтересовался плюющийся.

–А то... К Поганому болоту даже я задарма не поеду, да еще на ночь глядя, – ответил второй, хлестнув вожжами чересчур неторопливую лошадь.

–А что хоть везем-то? Что за убоина?

–Не наше это дело. Кажись, девка какая-то. Тебе-то что? Шваркнем в болотину, как приказано, и всего делов. А потом в трактир, отогреемся. Ну и холодина, брат Брейс, аж яйца звенят!

–И не говори, брат Брейс. Лето, мать его... – и он снова сплюнул.

После отъезда живодеров вдова зашла к Сириану, пожелать ему спокойной ночи. Ратман принял ее, вопреки всем приличиям, уже лежа в кровати и не собираясь даже привстать.

–Господин мой брат, всем ли вы довольны?

–Не всем. Вашего сына я встретил по дороге... там все благополучно. Чудесный малыш, крепкий, здоровый... и черный глазищи Риго. А вот с девицей вы оплошали.

–Как? – всполохнулась вдова.

–А так. Когда я ее увидел, она была еще жива. Еле-еле, но все-таки... Почему? – вопрос был задан очень спокойно, но у вдовы немедленно подогнулись и задрожали колени.

–Но... она закашлялась, и так сильно... я не успела бы принести новую порцию, нужно было срочно падать в обморок, в комнату уже спешила эта проныра экономка...

Сириан молча смотрел на родственницу.

–Хорошо. Пусть так. Теперь это уже не имеет значения. Итак, наш договор вступает в силу. Дом в Эригоне, оговоренная сумма в золоте и ценных бумагах, вашему сыну – место смотрителя складов Мизинца. И еще... от меня лично. Возьмите там, – и ратман кивнул на каминную полку. Вдова взяла небольшой ящичек, раскрыла его и радостно охнула – на темном шелке переливалось, поблескивало, посмеивалось алмазное ожерелье.

–О брат мой! Сколь вы щедры, сколь великодушны!... – но ратман прервал благодарственные излияния родственницы, сославшись на крайнюю усталость. На следующее утро он уехал. Вдовица же со своим пожилым сыном уже через несколько дней оказались на дороге в Эригон, до которого, впрочем, они не доехали: их нашли в придорожной канаве, с перерезанными от уха до уха шеями и только что не раздетыми... а темный ящичек, подбитый шелком, валялся рядом. Уж очень глухие были места.

…и еще одна удача чернокнижника-недоучки

Фолькет стоял, чуть не плача от счастья, не веря собственным глазам. Он был один и на многие мили вокруг не сыскалось бы ни единой живой души, потому что так близко к Арр-Мурра подходили только собиратели зирэ – а сейчас было не их время. Цверг огляделся вокруг зудящим, налитым кровью глазом (никакие маски не спасали от мельчайших песчинок, которыми швырялся раскаленный ветер) – позади – пустыня, впереди – отвесная стена, ржаво-бурые скалы, иззубренные как пила. Тихо, радостно вздохнув, он направился к ним.

Сначала он добрался до Пойолы. Корабли с Муспельских островов ходили туда часто и беспрепятственно; на одном из них цверг и купил место – подешевле, прямо на палубе (поближе к бортам, ибо моряк из Фолькета был некудышный, с самой первой минуты плавания мучимый морской болезнью). В Пойоле он поотирался с неделю, якобы присматривая партию рабов подешевле, а затем, услышав от сведущих людей все, что они знали о хождениях в Арр-Мурра, отправился прямиком в Шибальбу – небольшое селение на побережье моря Покоя, западнее Пойолы. Лет сто назад Шибальба называлась совсем другим именем и была одним из главных городов империи южан; война Безумного Солнца не пощадила и ее. С течением времени развалины города облюбовали охотника за дарами пустыни, худо-бедно обжили их, приспособив под свои нужды. А нужно им было немного: добротная пристань, пара–тройка трактиров поразухабистее, постоялые дворы, пастбища для приземистых, кривоногих лошадок местной породы, прекрасно переносящих жару и жажду, возможность пополнить запасы продовольствия и воды, и проводники (для охотников помоложе, те, что постарше, обходились собственным разумением и чутьем). Имя же своего пристанища охотники заимствовали у прежних обитателей: Шибальбой южане называли царство мертвых... Здесь Фолькет купил пару лошадок, обычный запас продовольствия и присоединился к одному из караванов, идущих сначала вглубь материка, а затем – краем пустыни на запад; время от времени такие вполне обычные караваны проходили через Шибальбу. Дойдя до края пустыни, цверг без особых церемоний покинул спутников и один направился к безумной земле. На третий день пути одну из его лошадей утащили песчаные волки – малорослые, тощие существа со странно изогнутыми, как щипцы для орехов, челюстями; через неделю издохла вторая. Фолькет продолжал путь с упорством, достойным лучшего применения, не чувствуя ни малейшего сомнения по поводу правильности избранного пути; ноги сами несли его, и даже во сне он продолжал ползти к заветной цели. Заплечный мешок его становился все легче и легче, пока не опустел вовсе, и Фолькет равнодушно отшвырнул его. Через день после этого он увидел перед собою ржавые пограничные скалы Арр-Мурра.

Через два часа неустанной работы Фолькет понял, что все его познания бессильны перед этими камнями. На них не действовали ни разрыв–чары, ни заклинания прямого пути, заклятие же переноса не затрагивало его самого. Фолькет опустился на песок и тихо, злобно завыл. Впрочем, сдаваться он не собирался. У него был один козырь, не в рукаве, а за пазухой.

Фолькет снял с шеи массивную цепочку, сквозь которую было продето кольцо – настоящее. Постояв немного, он протянул руку с кольцом вперед и прокричал:

–Вот мое право и моя плата! А если этого мало, скажи, что тебе нужно!

И стал ждать. Его упрямство, достойное цверга, было вознаграждено.

На расстоянии десяти шагов от него песок взвихрился, повис дрожащей занавесью и осыпался. Глаз Фолькета узрел Его – почти велигорова роста, с длинными черными волосами, забранными в высокий хвост, спадающий до середины спины, тонкие черные губы улыбаются, обнаженные руки и грудь украшены странным рисунком – словно неглубоко под оливково–серой кожей ползают серебряные и золотые змеи... а за спиной неторопливо движутся огромные крылья – черные, как у нетопыря.

–Черный Магистр... – и цверг почтительно преклонил колени.

–Встань. Вот уж не думал, что ты окажешься таким почтительным сыном.

Фолькет в недоумении вытаращил на собеседника единственный глаз.

–Ну как же, – пояснил тот, – ведь тебе именно Кэдмон завещал найти меня... – тут он усмехнулся, – и украсть мои книги... – а после этих слов засмеялся.

–Ну и потеха... Так что же тебе от меня нужно, если не считать книг?

–Возьмите меня... нет, не в ученики, такой чести я недостоин... в слуги, в привратники!..

–Понятно. А в качестве вознаграждения я получу кусочек кремня?.. ну-ну, не обижайся. Знаешь, а мысль о привратнике не так уж и плоха. Да и камушек этот мне пригодится. Держи его пока что у себя, когда освоишься, посмотрим, что с ним можно сделать. Ну что ж, Фолькет, выкормыш Кэдмона, следуй за мной. Только сделай милость, не величай меня Черным Магистром... высокопарно и глупо. Достаточно будет Господина. И еще – как устроишься, непременно напиши Брику, чтобы старик не переживал за тебя, успокой его и поблагодарить не забудь.

Он небрежно махнул рукой, и ржавые скалы с отвратительным скрежетом расступились, освободив проход шириной не более метра. Фолькет с замирающим сердцем двинулся вперед, чуть поодаль от него плыла крылатая тень. Преодолев с полкилометра каменистой дороги, огражденной скалами, цверг вышел на открытое место. Он стоял на вершине холма и перед ним расстилались земли Арр-Мурра.

Глава шестнадцатая. Амариллис, боль моя

... Она приходила в себя медленно, время от времени возвращаясь в милосердное забытье; ослабевшее, измученное родами тело отказывалось повиноваться, не хотело даже поднять веки или шевельнуть губами. Вокруг все покачивалось... Амариллис казалось, что она вновь в своем «девчачьем домике», едет куда-то, и поскрипывают колеса, и совсем рядом чьи-то голоса. Потом все пропадало под густой пеленой темно–серого тумана; ее словно укутывали толстым слоем войлока... лицо-то зачем, дышать тяжело, уберите...

Телега братьев Брейс остановилась; вместе с нею закончилась и дорога. Дальше простирался зеленый, поросший пестроцветами луг, изредка оживляемый кустами или тоненькими деревцами. Над лугом, несмотря на холодную погоду, стлался плотный – ну ни дать, ни взять молочный пудинг! – туман, и даже для позднего часа было как-то уж чересчур тихо. Шагах в десяти от кромки луга росла тощая ива, пяток прутиков толщиной не более камыша; она располагалась на почти незаметном всхолмии, обведенном канавкой воды. Удивительное дело – посреди цветущего луга эдакий остров... да только местные жители слишком хорошо знали, что это не луг, а болото, а ива, которую они называли Плакальщицей, служила им пограничным знаком: увидел его – разворачивайся и дуй восвояси. Ну, а уж если ты к Плакальщице прикоснулся, да еще Скулёжницу услышал – так прозвали какую-то неведомую птицу, якобы живущую на ветвях ивы и издающую тоскливые, плаксивые трели – садись и составляй завещание, но не надейся, что его когда-нибудь прочитают. Ходили слухи, что этот холмик порою переползает с места на место, то приближаясь к самому сердцу Поганого болота, то прижимаясь к дороге, но – подтвердить их, само собою, было некому.

Тот Брейс, что сидел на козлах, тяжело спрыгнул на землю, за ним последовал и второй. Вдвоем они подошли к краю болота, присмотрелись, пока не различили в туманной пелене островок с лещиной.

–Ну что, дошвырнем до воды? – спросил лысоватый.

–Да какая разница?! Тут через два шага уже топь! Давай-ка побыстрее, муторно здесь... – и второй подошел к телеге, вытащил из нее куль, легко взвалил его себе на плечо и вернулся к брату.

–Ну, взяли... – они взялись за куль, качнули его пару раз и, как следует размахнувшись, зашвырнули шагов на восемь в болото.

–И всего делов-то... Чистоплюи господские, ни курицу зарезать, ни мертвяка утопить... – братья вернулись к телеге и через час были уже в деревенском трактире.

От удара о землю веревка, стягивавшая холстину, лопнула и сверток, попавший в Поганое болото, поплыл, разползаясь в бесформенное пятно.

Давно уже стихло поскрипывание живодеровой телеги, потревоженная было тишина вновь улеглась в туманные перины. Сверток вдруг дернулся, резко, судорогой, и из него показались руки и голова девушки.

Амариллис пришла в себя от холода, проснулась, чтобы согреться. Честно потрудившееся тело настоятельно требовало заслуженного ухода и удобств; однако поначалу пошатнувшееся сознание оставалось абсолютно глухо к его голосам; наконец, телу надоело терпеть и оно, минуя бестолкового посредника, решило действовать само. Встрепенуться... выбросить руки вперед... потянуться за ними... глотнуть свежего воздуха... Ну вот, так-то лучше. Просыпайся.

–Кто-нибудь... помогите... – куда подевались все слуги?.. Амариллис пыталась позвать кого-нибудь из домочадцев, но пересохшее ее горло не издало ни звука. Приподнявшись на локтях, девушка осмотрелась; ее разум, оглушенный питьем милосердной вдовицы, работал медленно, мысли путались в узлы причудливых форм. Перекатившись на спину, девушка отважилась сесть; от усилия у нее перед глазами поплыли кровавые круги, перехватило дыхание, но упрямая темная кровь подгоняла, и вот, наконец, ей удалось присесть на колени. Отдышавшись, она провела рукой по телу – мокрая, липнущая короткая рубашка, не прикрывающая даже колен, и почему-то плоский живот... Амариллис застонала, вспоминая... но не понимая.

... комната с кроватью... одиночество и боль... остальное память милосердно не сохранила. Потом – голос... чей? ах да, вдовы... и этот крик. И чашка с питьем!

По-прежнему отказываясь понимать случившееся, не думая и не рассчитывая, Амариллис собрала все силы и встала; пошатываясь, она шагнула в сторону каких-то кустов. И тут болоту надоело притворяться. Шагнув, девушка по пояс провалилась в трясину. Несколько минут она лежала неподвижно, вытянув руки, лбом уткнувшись в сырой мох; потом попыталась шевельнуться – бесполезно. Вздрогнув, она повторила попытку, еще и еще раз... и затихла, даже с каким-то облегчением. Через какое-то время ей уже не было холодно, боль, сводившая живот, отпустила, зато голова прояснела на удивление. Вернулись в прежней остроте зрение и слух, сами собой развязались узлы на мыслях. Вот тебе и жена ратмана... получила?! Да нет, не то... за что? и зачем?.. ах да, ребенок с темной кровью. Мой ребенок!.. я даже не увидела его... Тут она закричала. Крик, вырвавшийся из пересохшего, уже сутки не пробовавшего воды горла был более похож на клекот или хриплый вой; уже успокоившаяся и смирившаяся девушка билась в вязкой пасти болота с яростью обездоленной женщины. Внезапно она почувствовала на ногах тепло, стекающее от бедер к лодыжкам: от резких движений она вновь закровила, еще сильнее прежнего.

Через несколько минут Амариллис услышала тихое хихиканье; здесь этот звук был совершенно неуместен, и мог только померещиться. Но хихиканье не унималось, а приблизилось вплотную к девушке, взяв ее в кольцо, после чего она стала чувствовать на коже слабое покалывание. На лодыжках, под коленками, на животе. Потом закружилась голова; и постепенно Амариллис начала охватывать

слабость – не прежняя слабость усталого тела, а какая-то опустошенность... так засыпает на жаре срезанный, но не попавший в букет цветок. Девушка дышала ровно, редко, мокрый мох даже не потеплел под ее щекой, только пальцы еще слегка вздрагивали. Внезапно она подняла голову и еле слышно застонала: ее затягивало – и не просто болото. Амариллис почувствовала, что вокруг ее ног обвились тугие, ледяные петли и тянут, тошнотворно медленно тянут вниз.

Тебя же предупреждали, что будет больно. Бедный, бедный бельчонок!.. и жила – ляп за ляпом, дурость за дуростью, и умрешь некрасиво, бестолково. Твое дитя вырастит другая женщина, и ее – а не тебя – твой сын назовет мамой. А ведь знала, что не дело делаешь: иначе зачем было столько раз просить прощения у семьи, которой давно и на свете-то нет? Ну–ну, не плачь, все уже, все... Что? небо? небо как небо. Ты пришла в мир – оно было, и уйдешь – там же оно и останется. Ему не впервой отражаться в мертвых, зеркальных глазах. И какая разница, где? неужели в фамильной усыпальнице Миравалей тебе было бы уютней? гнить среди подлецов и выжиг вроде Сириана... а здесь ты хоть кого-нибудь накормишь... Успокойся и отдыхай, уж что–что, а отдых ты заслужила.

–А ну, не смей! Куда это ты собралась? Не нажилась еще! – этих голосов она не слышала уже целую вечность. Фрон и Трай, ее старшие братья. Откуда?! Рывком Амариллис подняла голову, грязной рукой стирая с глаз тину, пыталась хоть что-нибудь разглядеть в белесой пелене... ничего. Но голоса звучали, настойчиво, сердито, и девушка почувствовала, что они тянут ее наверх – живи, дуреха, живи!

–Зачем?.. – скучающим голосом осведомился кто-то рядом. – Стоит ли?

–Заткнись, уродина! Не слушай ее, сестра, живи!

Амариллис сжала кулаки и рванулась наверх. Ей казалось, что от такого усилия тело ее вылетит из болота, как пробка из бутылки, на деле же она лишь самую малость подалась вперед. Глупая, упрямая темнокровка, она не сдавалась... хихиканье усилилось и за ноги подергивали все ощутимее. Девушка ударила рукой по склизкой, пружинящей моховой подстилке и закричала.

–Помогите! Кто-нибудь, помогите!.. – этот крик не потревожил бы и спящего капризного младенца, ибо громкостью своею не превосходил шепота.

* * *

Он торопился. И хотя даже здешние неприютные места были во сто крат милее иссушенных земель Иста-Ксиа-Утль, он все же спешил поскорее оставить их за спиной. Важных новостей в этот раз у него не было, разве что новое разочарование. Поэтому он мог себе позволить задержаться и по дороге в Лис-Арден заглянуть к Сычу.

Чуткий и беспристрастный ко всем природным голосам, Хэлдар ненавидел томные, лживые вздохи болота. Вот и Искрень как-то раздраженно

тряхнул гривой и ускорил шаг: ему тоже было не по себе. Эльф успокаивающе потрепал коня по шее, продолжая прислушиваться к плотной, словно скрывающей что-то тишине. Тоскливый птичий свист... хлюпанье тухлой воды в бочажинах... мертвые голоса болотных трав... ничего.

Ничего?

–...Помогите... – этот шепот, тихий, как последний вздох умирающего, ударил его с силой колокольного звона. Тишина. Плюхнулась на болото белесым брюхом, придавила все звуки, мутноглазая, недобрая. Эльф остановил коня, спрыгнул на землю, постоял, мучительно прислушиваясь, и пошел вперед по неширокой дороге, на которой виднелся след тележных колес.

Дорога вскоре кончилась; оборвалась у гостеприимно зеленой кромки болота. Туман. Белыми рыхлыми хлопьями повис на скудной иве, прячет, ревниво закрывает от непрошенных глаз собственность болота. Хэлдар, ни минуты не раздумывая, шагнул на зеленую топь. Немногие из эльфов воздуха могли ходить, почти не опираясь на землю, пружиня на сминаемом стопой воздухе; это не требовало знания специальных заклинаний, но отнимало очень много сил и давалось далеко не всем и не всегда.

Он осторожно продвигался вглубь болота, мешал туман, липнущий к ресницам. Через десять шагов, давшихся ему немалым усилием, эльф увидел на сыром мху вытянутые руки, голову и плечи человека, уже по грудь ушедшего в трясину.

...Амариллис ненавидела, когда ее рано будили. Братья об этом хорошо знали и частенько, отправляясь на рыбалку, не упускали случая насолить сестре. Вот и сейчас, ей, разнежившейся под пуховым одеялом, что-то мурлычущей по секрету любимой подушечке, Фрон прыснул в лицо ледяной водой, а Трай кинул на спину вместо стащенного одеяла мокрую простыню. От такого способа будить нежно любимых младших сестер у Амариллис просто дух захватило, она рывком поднялась с кровати...

...и увидела лиловый ночной воздух, перемешанный с ледяным туманом. Впереди что-то темнело, и кто-то приближался, медленно–медленно... и его глаза слабо светились в темноте. И по мере того, как он подходил к ней, бестрепетно и неторопливо, мерзкое хихиканье слабело, пока не прекратилось вовсе, а тот, кто с наслаждением наматывал на свой палец водоросли, обвивавшие ее лодыжки, захлопнул пасть и убрался восвояси.

Он подошел вплотную к ней, склонился, крепко взял за руки, повыше перемазанных в грязи кистей, и потянул на себя. Поначалу тело девушки показалось эльфу намертво замурованным в трясине, но через несколько минут оно начало подаваться, а еще через полчаса он ступил на твердую почву, держа ее на руках. Хэлдар завернул девушку, больше всего похожую на грязный осколок льда, в дорожный плащ, вскочил в седло, крепко прижимая ее к себе, и попросил:

–Искрень, лес и ручей!

Конь, все это время переминавшийся с ноги на ногу и тревожно вытягивавший шею в сторону ушедшего хозяина, согласно кивнул, тряхнул белой гривой и сорвался с места как стрела, пущенная искусной рукой, унося седоков прочь от гиблых мест. Но уже через несколько минут он почувствовал, как натягиваются поводья, приказывая остановиться. Недоумевая, конь встал как вкопанный. Эльф спустился, придерживая завернутое в плащ тело девушки, уложил его наземь, раскрыл плащ... он резко выдохнул, а пальцы его помимо воли сжались в кулаки. Поспешно схватил он одну из седельных сумок и вытащил из нее небольшой, продолговатый металлический футляр, в котором оказался камень, закрепленный в металлическом же гнезде. Кончик камешка рдел оранжевым огоньком – это был огненный кремень, от одного прикосновения которого вспыхивали ясным пламенем даже безнадежно сырые, осенние дрова. Хэлдар наклонился к неподвижному телу, покрытому тиной, ошметками мха, какими-то темными каплями... эти-то последние и привлекли его внимание. Они выглядели неприятно живыми на ледяной, застывшей коже, шевелились и росли. Эльф прикоснулся к одной из капель кремнем: раздалось шипение, треск и пиявка, поспешно вытянув хоботок из тела Амариллис, свернулась тугим клубочком; эльф стряхнул ее на землю. Он снимал пиявок одну за другой, некоторые из них, сворачиваясь, тут же и лопались, поскольку эти твари сытости не знали и наслаждались до тех пор, пока их не разрывало ими же выпитой кровью. Поглядев на результат своих усилий, Хэлдар застонал сквозь стиснутые зубы – перед ним лежала замерзшая до синевы, залитая кровью девушка, жизнь которой теплилась не сильнее грошовой свечки.

Смахнув последнюю пиявку, эльф бросил на шевелящуюся кучку пучок травы и поджег ее; завернул Амариллис в плащ, и на этот раз попросил коня:

–Быстрее!..

Оказавшись в лесу (это был сосновый бор, темневший западнее дороги в Эригон), на берегу ручья, эльф развел костер, подогрел воду и, уложив девушку, по–прежнему бесчувственную, на хвойную подстилку, прикрытую попоной, снял с нее грязную, окровавленную рубаху и стал вытирать неподвижное тело горячей водой. Он смыл остатки трясины с застывшего лица; вода в котелке быстро темнела, и ему приходилось часто ее менять. Наконец, он освободил девушку от грязи и засохших кровяных потеков, одел на нее свою рубаху, проложив между бедрами другую, разорванную на полосы, и закутал в плащ. Сам уселся спиной к вековой сосне, взял Амариллис на руки, прижимая к себе так крепко, что вскоре холод ее промерзшего тела передался ему, и он вздрогнул от внезапно охватившего его озноба. Рядом стоял, сочувственно дыша, Искрень. Потрескивали в костре сосновые сучья, сгорая, они взвивались в воздух золотыми нитями, спеша хоть на секунду украсить черно–лиловый бархат холодной ночи. Эльф откинул голову назад, упираясь затылком в чешуйчатый, теплый ствол и вновь, как полвека назад, ощущая присутствие всегда незваной гостьи.

«Кого ты позовешь теперь?» – тон этого вопроса не был ни оскорбителен, ни озлоблен; она интересовалась – и только. И в самом деле, кого?!.. Самому ему не справиться: эльфийская медицина на темную кровь не рассчитана, так что даже обычного кровоостанавливающего он ей дать не может... а она кровит, кровит не переставая. Дурень, возразил он сам себе, так и полагается, после пиявок... Ну да, продолжил все тот же бесстрастный голос, а также полагается топить девчонок в болоте. И когда только ты научишься смиряться с неизбежным?!.. А если тебе уж так необходимо во всем видеть светлую сторону, то прими во внимание, что твоими усилиями она будет похоронена на берегу ручья, в вольном лесу, а не в поганом болоте. Тебе не впервой оставлять лесу самой дорогое, ведь так? А если так, то почему ты прижимаешь этот почти невесомый, недвижный сверток все крепче и крепче, словно надеясь поделиться с ним своей жизнью, почему укачиваешь его, как задремавшего ребенка, зачем зовешь?..

Хэлдар заглянул в лицо девушки, слабо освещенное отблесками костра, и вздрогнул – ему показалось, что она не дышит; дыхание ее было почти неслышно, легче ряби на воде. Он наклонился, касаясь губами ее лба, и прошептал:

–Амариллис... где ты? не уходи, вернись...

Темные, слипшиеся ресницы дрогнули. Девушка смотрела на эльфа совершенно ясными глазами, словно повстречала его где-нибудь средь цветущего сада, потом слабо улыбнулась и сказала:

–Ты уж прости, я тебе весь плащ перемазала... – и пожаловалась:

–Мне холодно...

После этих слов голова ее бессильно запрокинулась, сознание вновь покинуло измученное, настрадавшееся тело.

«Отпусти ее» – гостья не настаивала, она советовала. «Девочка совсем измучилась, ей нужен покой. В ней жизни осталось не больше, чем в полудохлой белке, – на что ты надеешься? Оставь ее, отдай мне. Так будет лучше для всех...»

«Не отдам. Замолчи. Убирайся!..» – так резко он не говорил ни с кем. Не добавив более ни слова, эльф встал, подозвал коня, сел в седло, не выпуская закутанной девушки, и приказал:

–Быстрее ветра!..

Оставшаяся у догорающего костра незваная гостья снисходительно усмехнулась, покачала головой – как будто от нее можно удрать! даже и на хваленом эльфийском скакуне! – но решила не спешить, уж она-то всегда успеет... тем более что этот кусочек плоти она уже пробовала на зуб. Тогда он был явно незрел; может, на этот раз окажется повкуснее.

Ранним июньским утром Сова проснулась, потревоженная резким стуком. Вглядевшись попристальней в сумрак спальни, она увидела

Сыча, поспешно ставившего на место прикаминное кресло. Он был совершенно одет, и, судя по сбитому ковру, уже немало времени расхаживал по комнате.

–Что стряслось? – спросила Сова, вставая.

–Пока не знаю. – Сыч подошел к постели, сел на край одеяла. – Ты ложись пока, рано еще. Да не смотри на меня так, никуда я не собираюсь... без спроса. Что-то не по себе мне.

Сова сидела молча, прислушиваясь к теням звуков, доступным ее тонкому слуху; затем встала и потянулась к лежащему на комоде платью:

–Ты прав. Кто-то спешит.

–Кто–кто... пойду-ка я вниз, открою ворота.

Не более чем через полчаса у дома остановился заметно уставший конь, с него, пошатываясь, спустился эльф и, крепко прижимая к себе кого-то, закутанного в плащ, поднялся на крыльцо. Сыч, не задав ни единого вопроса, распахнул перед ним дверь. Эльф вошел в комнату, опустил свою ношу на широкую лавку, стоявшую вдоль стены, отвернул край плаща, из–под которого показалось совершенно белое лицо девушки лет двадцати, и тихо сказал:

–Она должна жить. Брат, помоги... – он пошатнулся и упал бы, не подхвати его крепкая рука орка.

Сова подошла к скамье, распахнула плащ, оглядела девушку, потом бросила всего один взгляд, полный жалости, на эльфа. Но, взяв себя в руки, подозвала топтавшихся у порога встревоженных брауни, велела им побыстрее разжечь огонь в очаге, нагреть воды и принести побольше чистых простыней. Потом обратилась к мужу:

–Сыч, усади Хэлдара к огню. И принеси сюда весь свой запас пчелиного молочка и мои травы.

–Что, все?

–Да. Хватило бы.

Через несколько минут Амариллис лежала на столе, накрытом чистой простыней и придвинутом поближе к камину, в котором трещал огонь. Сова чуткими, длинными пальцами ощупывала живот девушки, хмурясь все больше и больше. Она повернулась к сидевшим поодаль мужчинам:

–Судя по всему, после родов ей дали отраву. Уходите. Вам нельзя на это смотреть. Сыч, уведи его подальше, она скоро придет в себя... от боли. Уходите!

Сова напрасно опасалась. Действительно, от ее травяного уксуса и от живительного тепла Амариллис вскоре очнулась и смогла даже выпить целую чашку пчелиного молока, разведенного горячим медом. Но закричала она всего один раз, да и то, когда Сова приказала ей кричать, боясь, что девушка потеряет сознание под ее руками и из этого забытья уже не вернется... Но когда брауни с трясущейся бородой выносил таз, полный кровавых

тряпок и черно-красных сгустков, а Сова мыла по локоть окровавленные руки, Амариллис, уже вымытая, одетая в чистую рубашку, приподняла голову и спросила:

–Где мой ребенок?

Сова молчала, не зная, что ответить. Амариллис закрыла глаза, замолчала; потом послушно выпила приготовленный Совой настой и уснула, прямо на столе, так что в постель Сыч пренес ее уже спящую.

Уложив Амариллис в одной из спален и приставив к ней в качестве сиделки маленькую брауни, орки спустились к эльфу, сидевшему у камина.

–Она поправится? – спросил он, не поворачивая головы и по–прежнему пристально глядя в огонь.

–Не знаю, – честно ответила Сова, останавливаясь рядом.

–Почему? Она жива...

–Да, но надолго ли... Хэлдар, я не хочу обманывать, тем более, если эта девушка дорога тебе. Первые роды и сами по себе испытание не из легких, а тут еще столько всего... Отраву я обезвредила, она, к счастью, оказалась не из опасных: так, сок непентеса, даже не концентрированный... то ли не старались особо, то ли не успели. Но холод... она пробыла в болоте несколько часов, лихорадки теперь не миновать. И пиявки... ума не приложу, как ты смог привезти ее живой, в ней крови осталось... – Сова заметила, как вздрогнули плечи эльфа и осеклась.

–Как ее зовут, брат? – спросил Сыч, неловким вопросом прерывая тягостное молчание.

–Зачем это тебе? чтобы знать, какое имя выбить на могильной плите? – Хэлдар сидел сгорбившись, бессильно опустив руки; длинные светлые волосы, намокшие в предутреннем тумане, свисали как седые нити лишайников.

–Она молода и в ней есть наша кровь. – Сыч тряхнул эльфа за плечо. – Если она захочет жить – силы найдутся. Или тебе будет спокойней, если она умрет?

Хэлдар встал, повернулся к Сычу.

–Ты умеешь утешить... Ее зовут Амариллис. Совушка, не плачь... дай мне умыться с дороги.

Серые предрассветные часы уступили место раннему, звонкому от птичьих голосов утру; в приоткрытое окно комнаты Амариллис врывался прохладный, бодрящий ветерок, несущий запахи просыпающейся земли. Хэлдар неслышно вошел, молча кивнул брауни, укрывающей девушку вторым одеялом, придвинул к постели небольшое кресло и сел. Осторожно, словно опасаясь обжечься, взял руку Амариллис; ее пальцы вскоре согрелись в его ладони, это немного успокоило и утешило его.

Такая маленькая, почти не видная под одеялами, беззащитная, глупая… Подарившая счастье и укравшая его, бессердечная, легконогая пля-

сунья, что мне сделать, чтобы ты жила? Как позвать, чтобы ты услышала и захотела вернуться – сюда, где тебе причинили боль, где тебя предали и оклеветали... и где я жду тебя.

Он сидел, сжимая ее руку, неотрывно глядя на нее, и не замечая, как наливается силой день, как накидывает на него свой сумеречный плащ вечер, как спускается на землю ночь. Трижды приходила Сова с мужем, но он не замечал и их; Сова меняла Амариллис повязку, растирала ей живот какой-то мазью, поздним же вечером Сыч развел огонь в камине, зажег свечи и они ушли, оставив их вдвоем (вернее, втроем, поскольку брауни тоже наотрез отказалась покинуть девушку).

Возвращайся, Амариллис... Этот мир потускнеет без тебя, опустеет... как моя душа, потерявшая тебя. Я виноват, я оставил тебя без защиты и помощи... что с того, что ты не просила о них, ты в них нуждалась – и этого довольно. Я виноват. Потому что слишком привык видеть мир только своими глазами. И забыл о том, что для тебя год – это так много... «мастер ельф» не успел даже как следует поразмыслить, что же это за напасть такая с ним приключилась и как ему должно себя вести, а ты успела и струсить, и обидеться, и забыть... Я видел тебя в начале зимы. Ты играла в снегу с какими-то мальчишками, а старик все унимал тебя, отряхивал, закутывал; ты показалась мне такой веселой, даже счастливой. Арколь ничего не говорил о тебе, видно, считал себя не вправе вмешиваться, и когда я узнал, что старый паук Мираваль взял тебя в семью... – тут Хэлдар оборвал свои мысли, потому что Амариллис, не просыпаясь, тихо заплакала. Эльф присел на край кровати, по–прежнему держа девушку за руку, приложил ладонь ко лбу – он пылал, вся голова была охвачена сухим, нездоровым жаром. Маленькой брауни было достаточно одного его взгляда, и она поспешила за Совой. Та пришла, вернее, прибежала, встревоженная и расстроенная; трудно было сказать, кого она жалеет больше – умирающую девушку или эльфа. Им удалось напоить Амариллис болеутоляющим отваром, рецепт которого Сова получила от своего отца, с добавлением черного меда, изгоняющего лихорадку; это помогло, жар унялся... надолго ли?..

Девушка спала; она не просыпалась после того вопроса о ребенке, словно отгородившись сном от возможного ответа. Хэлдар только под утро забылся коротким, тревожным сном, который был прерван приходом Совы, решительно потребовавшей, чтобы он отправился отдыхать. В ответ эльф только покачал головой. Три дня и три ночи он не отходил от Амариллис, застывшей между сном и явью, между жизнью и смертью, и ей, уставшей и измученной, было так сложно выбрать – куда идти, где остаться. Мир, оставшийся за спиной, был опасен и неблагодарен, а где-то совсем рядом были мама с отцом, братья... и хотя они ее к себе не звали, – видно, не ждали так скоро, – она их чувствовала... И только чей-то настойчивый голос мешал ей, отказавшись от всего, спокойно пойти им навстречу. Несколько раз она пыталась повернуться спиной к утомившей

ее боли и направиться туда, где ей уже ничто не будет угрожать, но всякий раз ее словно брали за плечо – мягко, но настойчиво, – и разворачивали обратно. На четвертый день Амариллис пришла в себя.

Она открыла глаза, глядя перед собой с вполне понятным недоумением, потом перевела взгляд на эльфа – он сидел рядом с кроватью, держал ее за руку и, похоже, не сразу понял, что она проснулась.

–Где я?

–Амариллис? Ты проснулась... – он провел свободной рукой по лицу, стирая усталость и страх, попытался улыбнуться. – Ты в доме моего друга, Сыча. Его жена вылечит тебя... нет, прошу тебя, лежи спокойно.

–А у тебя глаза действительно в темноте светятся, или мне показалось? – от этого неожиданного вопроса, заданного к тому же с неподдельным любопытством, эльф опешил.

–Что? Глаза?... нет, не всегда, все зависит от темноты. Прошу тебя, не двигайся, – и он придержал привставшую было Амариллис за плечо. Она послушно опустила голову на подушку и, протянув тонкую руку, несмело прикоснулась к плечу эльфа.

–Надо же... ты все-таки поквитался со мной... – и, видя его недоумение, девушка пояснила – ну как же, тогда ты в воду свалился, а я над этим и посмеялась... над чем, спрашивается?.. А вот пришел и мой черед свалиться, и надо мной потешились... а ты опять подставил плечо.

В эту минуту в комнату вошла Сова. Увидев разговаривающую Амариллис, она растерянно остановилась, потом немедленно прогнала Хэлдара, чтобы осмотреть и обо всем расспросить девушку. В эту ночь обитатели дома впервые уснули спокойно, ибо Сова с удивлением и радостью убедилась, что хотя за жизнь ее подопечной еще придется поспорить с незваной гостьей, но теперь в этом споре будет звучать голос самой Амариллис.

Спор продлился еще четыре долгих недели. Трижды к девушке возвращалась лихорадка, трепля ее тело своими сухими, обжигающе горячими пальцами, щипая ее за щеки и оставляя на них воспаленные красные пятна. Сове долго не удавалось остановить ставшее опасным кровотечение – в конце концов, на свой страх и риск она отважилась использовать сильное кровоостанавливающее средство, созданное эльфийскими медиками, и, как оказалось, вполне успешно; иногда давали о себе знать последствия отравления: Амариллис засыпала более чем на сутки, а во сне плакала, кричала, разговаривала с кем-то... разбудить ее мог только Хэлдар. Однако незваная гостья всегда с уважением относилась к достойным противникам и поэтому на исходе июня она покинула дом Сыча.

День, когда Сова впервые разрешила своей подопечной покинуть постель и выйти в сад, был безветрен и тих; начавшийся июль спешил наверстать упущенное холодной весной и скупым июнем, работал, не покладая

рук и не отвлекаясь на развлечения. Амариллис, уже одевшись – пока не без помощи брауни – попросила у жены Сыча зеркало, она долго смотрела на себя, потом усмехнулась и сказала:

–Надо же... как с гуся вода. Я-то думала, что по крайней мере поседею, или в лице что-нибудь этакое появится. А тут на тебе – все та же бесстыжая девчонка... хоть завтра снова в пляс пускайся.

Она опустила лицо в ладони и заплакала. Сова молча присела рядом, обняла ее вздрагивающие плечи и, дав слезам выплакаться, попыталась утешить девушку:

–Не надо, Ами, не укоряй себя. Твоей вины нет... за что ты казнишь себя? за то, что чудом осталась жива?

–За что? Я скажу тебе, за что. Сова, мой ребенок умер. – Губы Амариллис искривились, она с трудом подавила рыдание. – Он был... так долго был во мне... я знала, какие он любит песни, и что жареную рыбу терпеть не может, и он ворочался, и толкался... А теперь я ничего не чувствую, Сова... ничего. Мой ребенок мертв, а я так и не поняла, чего же мне жаль – его ли? или умершей во мне матери? – Амариллис прижала ладонь к груди. – Так пусто здесь... так пусто. Даже не больно.

–Послушай меня, – Сова говорила медленно, обдумывая каждое слово, – я не знаю, правильно ли делаю, что рассказываю тебе от этом... но и смолчать не могу. Твой ребенок жив. Выслушай сперва. Я такими словами не бросаюсь. Сыч неделю назад вернулся из Эригона, помнишь, он привез тебе илори и целую гроздь зирэ – ума не приложу, где он ухитрился их добыть, после тихого-то ветра... Так вот, в городе только и разговоров о счастье дома Миравалей – говорят, жена ратманова сына благополучно переждала отраву у манорской родни, там и разрешилась от бремени долгожданным сыном. Эригон всегда отличался вольными нравами, но не настолько же, чтобы второй женой обзаводиться – при беременной первой; все-таки не Шаммах.

Амариллис выслушала Сову молча, покусывая губы; потом она рассеянно потянула тесемку, стягивающую ворот легкого платья, распустила ее и подошла к кровати, уже застеленной хлопотливой брауни. Все так же молча девушка улеглась поверх покрывала, отвернувшись от окна; она поджала колени к животу и сказала глухим, как будто не своим голосом:

–Я не пойду гулять. Можно, я побуду одна? – и, когда Сова уже выходила из ее комнаты, Амариллис прибавила:

– И я никого не хочу видеть, кроме тебя. Никого. Никого. Никого... – и потянула на голову покрывало.

Она не выходила из комнаты еще неделю. И ни с кем, кроме Совы, не встречалась. Когда же та упомянула имя эльфа, откладывавшего свой отъезд, не решающегося уехать, не повидавшись с Амариллис, то она отчаянно замотала головой, отвернулась от Совы и беззвучно заплакала.

–Да что с ней такое?! – в сердцах спросил Сыч, видя расстроенное лицо жены, спускавшейся из комнаты Амариллис. – Что, передумала жить?!

–Не горячись. – Хэлдар подошел к другу; оседланный Искрень уже ждал эльфа у крыльца. – Совушка, что скажешь?

–Скажу, что она почти здорова... телесно. Еще месяц, и хоть снова на сцену. Но что у нее в душе творится – и подумать страшно. Ты прав, Сыч, жить она не хочет. Но вовсе не из-за того, что неблагодарна. Она не может простить – ни себя, ни тех, других. Хэлдар, мне жаль, но пока ты здесь, она не поправится. Она боится тебя.

Хэлдар ничего не ответил, только согласно кивнул головой; на прощание он расцеловал Сову, крепко стиснул руку Сыча... тот, в свой черед, сжал друга в своих медвежьих объятиях; и они расстались.

Глава семнадцатая. Линьяж

–Господин Арчеш, право, не стоит так волноваться… – вдова умильно улыбалась, заглядывая в глаза всерьез обеспокоенного старика.– Девочка она сильная, выносливая. Другие криком кричат, слезами заливаются, а она знай ходит себе да пританцовывает. Она справится, а если вы будете так переживать, я заставлю вас выпить успокоительного! – и она шутливо погрозила пальцем. Шутка ее, впрочем, не имела даже тени успеха; Арчеш мрачно посмотрел на нее и продолжил мерить шагами гостиную.

–Сильная, говоришь… – наконец, старик прервал молчание. – Может быть, и так. Но я все же предпочел бы видеть рядом с нею хорошего врача. Или хотя бы знающую повивальную бабку. Клеми, – обратился он к экономке, – помнится, ты говорила, что в Озерках есть такая?

-Как же… – заторопилась с ответом женщина – есть. Сестра моя старшая, она еще в школе обучалась. Господин Арчеш, позовите ее!

–М-да… а ну их, обычаи эти! – старик решительно повернулся к экономке. – Вели повозку запрячь. Я сам за ней поеду… так вернее будет, – добавил он, покосившись на вдову.

Когда Арчеш Мираваль уже защелкивал под подбородком резную фибулу теплого плаща, к нему подбежала вдовица, держа в руках бокал подогретого вина с пряностями, которое она делала действительно мастерски (только за это Арчеш и терпел ее в своем доме) и протянула его старику.

–Подкрепитесь перед дорогой, холодно-то как! – ароматный парок вился над бокалом, приятно щекоча ноздри. В открытую слугой дверь ворвался ветер – холодный, пронизывающий до костей, вдохновляющий разве что на выпивку, но уж никак не на прогулку. Арчеш машинально протянул руку, хлебнул разок, другой… закашлялся и выпил все до дна.

–Благодарствую, – и он решительно вышел из теплого дома в сизый вечер; вскоре послышался удаляющийся перестук копыт.

В доме было тихо. В отсутствие Арчеша никто не смел и близко подойти к покоям роженицы, слуги перешептывались по углам, домочадцы разбрелись кто куда. Потрескивали в камине дрова, за окнами сгущалась тьма. От внезапно раздавшегося треска все вздрогнули – это раскололось в огне полено, и вдруг в ночи вновь раздалось цоканье подков о мерзлую землю. Через несколько минут в дом вошел слуга.

–Что случилось? – ахнув, экономка бросилась ему навстречу. Слуга осторожно уложил в кресло Арчеша, которого он на руках внес в гостиную, и повернулся к ней.

–Не знаю… плохо господину стало в дороге. Закашлялся сперва, потом чуть наземь не упал. В себя так и не пришел… – и слуга опечаленно покачал головой.

–А ведь я говорила господину Арчешу, что ему необходимо поберечься! – вдова озабоченно поджала губы и приказала: – Отнесите господина в его покои и не тревожьте его! Я присмотрю за ним.

Пока Арчеша Мираваля укладывали в постель, пока вдова прикладывала ему на лоб какие-то примочки, пока снаряжали гонца в Эригон, – ночь перевалила за половину.

…Арчеш Мираваль с тудом, кряхтя и морщась, встал, скинул на пол одеяло, сунул босые ноги в меховые туфли и закашлялся – сильно, чуть не до рвоты. Потянул на плечи теплый плащ, лежавший на сундуке близ постели, и попытался встать. Но как только он оказался на ногах, глаза его заволокла мутная пелена, рот наполнился горькой слюной, а голова закружилась так сильно, что старику показалось, будто стены комнаты крутятся вокруг него. Как ярмарочная карусель. Он едва удержался, чтобы не упасть… сделал шаг… второй… Пошатываясь, добрел он до стены, держась за нее, дошел до дверей, открыл их. И все так же медленно, время от времени сгибаясь от мучительного кашля, спустился вниз. «Где же слуги?» – мелькнуло у него в голове… но тратить силы на призывание нерадивых служанок Арчеш не хотел, куда важнее было сейчас добраться до комнаты, в которую, словно прокаженную, заперли Амариллис. Старику было плохо; он почти не различал пальцев вытянутой руки, все плыло и качалось перед глазами, в голове шумело. Вот и дверь. Он толкнул ее, даже не успев удивиться, что она открылась, заскрипев как щипцы зубодера, вошел, шатаясь, почти падая.

–Амариллис!

Сидевшая на краю кровати девушка обернулась на его голос. Она была одета в белую рубаху, слишком просторную для такой худышки, потускневшие волосы висели бесформенными прядями вдоль бледных щек, а глаза казались двумя темными провалами. Старик неловко присел рядом, на край кровати, стараясь не раскашляться снова.

–Как ты? Плохо, видать, раз молчишь… Ну ничего, все обойдется. Ты не бойся, я за доктором послал, – тут он почувствовал, как его руку сжали холодные, влажные пальцы девушки.

–Ну что ты? Никуда я не уйду… не бойся, я тебя не оставлю. Не бойся…

…Клеми, прослужившая экономкой в Серебряных Ключах уже больше десяти лет, никого не подпускала к господину Арчешу. Она самолично выхаживала его, пораженного какой-то непонятной хворью – так и не успев выехать за пределы поместья, старик вот уже вторые сутки лежал в горячке, не приходя в себя и бредя. На дом Миравалей обрушилось столько событий, что почтенная экономка, рассудив, что со всеми ей не совладать, оставила за пределами своего внимания и страшную смерть новорожденного и бесславный уход его матери, и обретение линьяжем наследника, и визит

господина ратмана. Она осталась рядом с тем, кого искренне почитала и любила, кому служила не за страх, а за совесть; Клеми неотлучно сидела у постели старика Арчеша. Старик все время спал, неспокойным, неглубоким сном, в котором он – судя по отрывистым словам, срывавшимся с его губ, – разговаривал с Амариллис, утешал ее, успокаивал. А на следующий день после того, как ратман уехал в город, к Арчешу вернулось сознание.

Обложенный подушками, переодетый и умытый, выпивший невесть сколько укрепляющего отвара, Арчеш Мираваль наблюдал, как экономка хлопочет у камина, разводя огонь пожарче.

–Рассказывай, что произошло. – Клеми вздрогнула и замерла.

–Рассказывай. – Тон был таков, что ослушаться не посмел бы никто. Запинаясь, не умея соврать и боясь сказать правду, экономка объяснила, что произошло в доме во время болезни хозяина. Арчеш выслушал ее, не прерывая. Помолчал немного, потом спросил:

–Кто первым вошел в покои роженицы?

–Племянница ваша вдовая… я с вами была, господин, да она меня и не подпустила бы.

–Хорошо. Мой сын уже уехал? Уехал… Где он распорядился похоронить ее?

–Да не хоронили ее, господин… – экономка не выдержала и всхлипнула. – Братья Брейс ее Поганому болоту отдали.

Арчеш, не отрываясь, смотрел на огонь. Он не то, чтобы постарел, просто погрустнел, сник; он, всегда глядевший задиристым петухом, сейчас больше всего напоминал раскисшего в подушках голубя. Клеми никогда не видела его таким… да и сейчас насмотреться не пришлось. Потому что в глазах старика сверкнула – нет, не искра, а, пожалуй, настоящая молния, – он весь подобрался, сел, так что одеяло вздыбилось на коленях острым углом, и повелительно махнул рукой.

–Одеваться. И позови-ка ко мне племянницу.

Спустя несколько минут в комнату Арчеша вплыла вдовица, умильно и снисходительно улыбаясь.

–Как, вы уже встаете? Господин Арчеш, я так рада вашему выздоровлению, и мне совсем не хочется, чтобы вы снова слегли! А это случится, случится непременно, если вы вот так сразу вскочите, ну куда, скажите на милость, вам спешить?

–Не твоего ума дело. – Арчеш не счел нужным соблюдать приличия, и натягивал штаны на тощие ноги прямо под носом вдовы. Он встал, затянул тесемки на поясе и протянул руку за теплой рубахой.

–Сядь. – И старик мотнул подбородком на стул возле окна. Вдовица, видимо, решив быть снисходительной к старческим немощам, прошла и, все так же улыбаясь, села на указанное место.

–Выйди. – Экономка, подав хозяину подшитое мехом сюрко, вышла, закрыв за собою дверь.

Арчеш подошел к окну, сел на деревянный ларь, так, что свет резко обозначил черты его лица – запавшие глаза, острый нос, тонкие ядовитые губы. Вдовица, сама не зная, отчего, поежилась.

–Что это было? Непентес или сон–трава? Непентес сам по себе не дает таких отчетливых видений, но в сочетании с горячим вином… А сон-трава слишком резко пахнет… но, опять-таки винные пары…

–О чем вы, господин Арчеш? – вдова хлопала подведенными глазами.

–Ну, да это не важно. – Старик даже не слушал ее. – Не важно. Хотя, скорее всего, именно непентес. Значит, так. Я отпущу тебя подобру-поздорову, и даже разрешу забрать с собой то, чем с тобой расплатился мой сын. Но за это ты расскажешь мне все, что знаешь сама. Нет? А ты еще глупее, чем я думал. Ну, посуди сама: любой слуга в доме подтвердит, что после поднесенного тобою питья я, Арчеш Мираваль, свалился в жестокой горячке и выжил по чистой случайности. А тем временем экономка найдет в твоих сундуках немало пропавших во время оно вещиц, а в одной из шкатулок обнаружится кое-что из фамильных драгоценностей дома Миравалей. Смекаешь?! Тогда по моему распоряжению братья Брейс отвезут тебя вместе с сыночком в Эригон. А нынешний судья – что уж скромничать – очень многим мне обязан и вряд ли подвергнет сомнению предложенные мною методы дознания. Кстати, хочу тебя заверить, что отравительниц в нашем городе почему-то особенно недолюбливают.

–Но… – глаза вдовы бегали, пальцы суетливо перебирали кружево на манжетах, – но господин ратман, мой брат, не допустит подобного варварского обращения, – она даже попыталась выпрямиться.

–Сириан? – старик чуть ли не засмеялся. – Да, плохи дела дома Миравалей, раз столь щекотливые дела поручаются в нем таким непроходимым дурам… Да мой сын будет не просто рад – а прямо–таки счастлив, узнав, что вы угодили в камеру смертников. Тому, что ты выложишь под каленым железом, никто не поверит, там и не такое рассказывают, лишь бы ублажить дознавателя. А вместе с вами исчезнут единственные свидетели этой темной истории… так что я даже облегчу ему жизнь.

-Ка-каленое железо? – трясущимися губами пролепетала вдова.

–А ты как думала? Придется же выяснять, где ты раздобыла потребное зелье, и кто был твоим сообщником… а ты будешь упрямиться, не так ли? Или сразу скажешь, что непентес добыл твой вороватый сынок?

Арчеш говорил спокойно, только губы у него совсем побелели. И тут вдовицу словно прорвало. Захлебываясь, брызгая слюной, она спешила все рассказать господину судье.

–Я… меня вынудили, заставили! господин Сириан настаивал, говорил, это необходимо для блага линьяжа, а если я откажусь, он выкинет нас на улицу, нищенствовать! Велел присмотреть за девицей, чтобы была довольна и здорова. Потом, когда… дать вам снотворное, чтобы… – она осеклась, не зная, можно ли повторить слова, услышанные от ратмана.

–Не путался под ногами? – старик мрачно усмехнулся. – Ясно. Дальше?

–Дальше… да, так вот. Девицу… – взгляд Арчеша хлестнул по ее лицу, как свежая розга, и она сорвалась на визг – Да, он велел отравить ее! Чтобы никто не смог обвинить господина Риго в двоеженстве и чтобы у линьяжа появился законный наследник!

–Что ты сделала с этой несчастной девчонкой?

–Нет, это не я! клянусь вам, я не делала этого, я не успела! Она расплескала все питье, отпила всего глоток! Потом… – снова заторопилась вдова – потом мы переправили ребенка в Эригон, туда как раз должны были привезти госпожу Мореллу. А девицу ваш сын велел…

–Знаю. – Оборвал ее старик. – Знаю.

Помолчав с минуту, он бросил:

–Убирайтесь.

Вдова, вскочив, принялась было слезливо благодарить его, сама не зная, за что, но, увидев выражение лица старика, почла за лучшее удалиться как можно быстрее. Через час из поместья выехала карета, правил которой вдовицын сын; Арчеш запретил слугами сопровождать бывших домочадцев. А еще до наступления сумерек хозяин Серебряных Ключей и сам выехал из ворот, направив спокойную гнедую кобылу прямиком в сторону Поганого болота.

Он доехал до границы болота, спешился и присел на древнем, поросшем зеленым мхом пне, запахнул плотнее полы плаща. По всему было видно, что эти места знакомы ему и он не испытывает ни малейшего страха перед трясиной.

Арчеш встретил ее в те далекие времена, когда молодые девушки звали его не «ядовитый стручок», а «красавчик Арчеш», а еще – «златоуст Арчеш», и было это чистейшей правдой, потому как он тогда мог уговорить, улестить самую неприступную красотку. Звали ее Осока (в их семействе всем давали такие имена – сестру ее звали Вьюной, мать – Крапивой, бабку – Таволгой… а отцов в тамошнем хозяйстве не водилось), жила она на другом конце болота и могла, при необходимости, перейти его играючи. Арчеш застал ее однажды в господском лесу, куда она явилась без приглашения и без разрешения, нимало тем не смущаясь. У нее были темно–рыжие, с отливом в зелень волосы, и он принял ее поначалу за лесного духа, принявшего телесное обличие. Заговорив с ней, Арчеш с изумлением понял, что Осока ничуть не боится его и не смущается его господским величием. Более того, она с презрением отвергла его притязания, а предложенный золотой небрежно повертела в пальцах, испачканных травяным соком, и уронила ему же под ноги. А когда Арчеш – молодой тогда и горячий – попытался схватить ее, то девушка попросту исчезла, отступив за дерево, она как сквозь землю провалилась. Порасспрашивав в Озерках, Арчеш узнал, что семейство Осоки исстари промышляло знахарством, пользовало окрестных жителей от всяких болезней, а поскольку эти женщины открыто не признавали над собой мужской власти, жили наособицу, и много знали – слава о них шла весьма дурная. Ведьмы, одно слово.

Он стал каждый день ходить в тот самый лес, в надежде снова увидеть Осоку. И увидел. И не один раз. Он влюбился в нее со всем пылом молодости; в ней было что-то… настоящее, подлинное, что несказанно трогало и заставляло трепетать его сердце. Они были счастливы совсем недолго… Арчеша призвал отец. Попеняв сыну за бесцельное прозябание в глуши, он сообщил ему, что пора браться за ум и начинать служить не только своим прихотям – на что тебе, сын мой, было дано немало времени, – но и благу линьяжа. Ты ведь закончил арзахельский университет, сын, и это недешево обошлось нам. Тебя ожидает судейская мантия, с твоей природной пытливостью и недоверчивостью это занятие как раз по тебе. А чтобы твой новый дом не показался тебе таким уж холодным и неприветливым, женись. Да поскорее. Благо невеста уже есть.

Арчеш выслушал отца, не перебивая и не споря; он знал, что рано или поздно ему придется подчиниться его воле. Но последние слова застали его врасплох. Он не был против послужить линьяжу, расплатившись за все удовольствия разгульной жизни, был готов отдать свое время и знания… но не свободу.

Ты удивляешь меня, сынок, сказал отец. Он не сердился, не упрекал, говорил спокойно и размеренно. Мантия городского судьи на дороге не валяется, мэтр судья сам выберет себе преемника. А ты взамен женишься на его дочери. Девушка славная, милая и добрая. Свадьба назначена на первый день осени, как раз через неделю. Успеешь приготовиться.

Арчеш испросил позволения уехать на пару дней, чтобы уладить оставшиеся дела. Отец не отказал, даже предложил денег, чтобы дела были улажены поосновательнее.

Я должен уехать, сказал он Осоке. Я не принадлежу себе. Но я тебя не брошу… не бойся. Подожди, все еще уладится, я буду часто приезжать… ведь я с ума без тебя сойду!

Она слушала Арчеша, прижимая его голову к груди, гладя каштановые тогда волосы; это она успокаивала его и утешала. Ну конечно, я буду ждать тебя, я всегда буду ждать тебя, говорила она. Потому что люблю.

Проведя последнюю ночь в ее хижине на краю болота, Арчеш уехал. Странное чувство не покидало его, будто он предает самого себя, отказывается не от безвестной травницы, а от чего-то такого, что есть средоточие его души. Смехотворно банальная история: молодой повеса и деревенская красавица… да только Арчешу казалось, что он первым в Обитаемом Мире переживает ее. Потом началась полная забот жизнь городского судьи, Арчеш вошел во вкус новой роли, всецело погрузившись в судейские обязанности. Об Осоке он вспомнил только через месяц; и, улучив случай, отправился в поместье. Слуги рассказали ему, что последний раз знахарку видели, когда она отправилась, на ночь глядя, собирать на болоте сумеречные травы, те, что раскрывают свои соцветия только после того, как зайдет солнце. Она делала это не раз, зная все тропки в трясине и не боясь ее ловушек. Но в этот раз болото не отпустило Осоку.

И спустя многие годы, Арчеш так и не узнал, что же случилось с его возлюбленной. То ли подвели ее всегда такие зоркие глаза и она ступила не на ту тропку, то ли сознательно выбрала она болото как последнее свое пристанище… Так ли уж важны причины? Его единственная ушла, оставив по себе пустоту и запоздалое раскаяние. Арчеш не был счастлив с женой. И не ее в том была вина; она прилагала все старания, чтобы понравиться ему.

Иногда, размышляя о характере своего сына, Сириана Мираваля, о его успехе и тех средствах, которые он использовал при его достижении, Арчеш оправдывал сына, обвиняя себя. Ибо каким еще может быть, спрашивал старик сам себя, ребенок, зачатый во лжи и принуждении? Ни отец его, ни мать не любили друг друга, оба лгали – лгали самим себе, вот что страшно…. Они поступили так, как того требовали традиция и приличия. Предпочли Жизни – мертвую букву закона. Такая вот история…

–Такая вот история… – сам себе сказал старик, сидящий на бархатно–зеленом пне у самой кромки болота. Вскоре он встал и сделал несколько шагов навстречу трясине.

–Ну что, опять пришлось свидеться? – никто не ответил на его вопрос, только где-то в глубине болота жалобно засвистала птица. Старик стоял, словно прислушиваясь к еле ощутимым вздохам тишины.

–Экое же ты ненасытное, – Арчеш усмехнулся, – ты и старость мою решило обездолить? Забрало мой цветочек… – он неторопливо пошел вдоль обманно–зеленого дерна.

–Да чтоб тебе лопнуть!.. – пожелал Арчеш в сердцах, пнув подвернувшуюся под ногу палку. Остановившись, он пригляделся к следам, которые, благодаря сухой и холодной погоде оставались вполне четкими. Вот колея от телеги братьев Брейс, вот следы копыт их клячи. Старик сделал несколько шагов в сторону и заметил еще одни отпечатки подков, но явно не лошади Брейсов. И подкова совсем другая, да и не могла же лошадь сама выпрячься и отойти от болота подальше, а телегу, мол, сами хозяева пусть везут. Арчеш опустился на колени. Его глаза, ничуть не потерявшие остроты, осматривали примятые былинки, отмечали форму подков стоявшего здесь коня, и странный характер следов. Наконец, старик встал и, вопреки всем доводам рассудка, направился прямо к болоту, сделал несколько шагов вглубь. Постоял, глядя под ноги и что-то обдумывая, повернулся и пошел к ожидавшей его гнедой.

Вернувшись в поместье, Арчеш – видно, чтобы успокоиться – отправился в сад. Старик бесцельно бродил по тропкам, без нужды поправляя соломенные шалашики на розовых кустах, прибежавшую было экономку он прогнал, нетерпеливо замахав на нее руками. Здесь, в саду, его и застал Риго.

Арчеш смотрел на торопливо подходящего к нему внука безо всякого выражения, чуть ли не тупо, молча пожевывая губами.

–Как она? – задыхаясь, выговорил Риго. – Как моя жена? она уже…

–Уже. – Выплюнул слово старик. – Уже.

Он смерил внука яростным взглядом и, не в силах более сдерживаться, заорал:

–Да как ты посмел здесь появиться? Ты… ты… недоумок!!! Вон отсюда!!! Чтобы ноги твоей здесь не было!

Риго попятился было от столь неожиданного натиска, но все же остановился и нашел в себе мужество спросить:

–Что случилось, дед? Я, признаться, плохо соображаю… три дня не спал, все ночи в седле провел… – он покачнулся. – Что с моей женой?

На лице Арчеша Мираваля застыла горько–насмешливая гримаса. Он двинулся на Риго, словно намереваясь силой выгнать из сада.

–Твоя жена… – старик намеренно подчеркнул это слово, – жена в Эригоне, где ей и полагается быть. Поздравляю тебя, внучек, – подойдя вплотную к Риго, дед с силой ткнул его в грудь своими длинными, сильными пальцами, – у тебя родился сын!

Снова удар. Риго отступил, не сводя с деда изумленных глаз.

–Прекрасный сын, достойный наследник славы линьяжа Миравалей!!!

Еще один удар, такой силы, что Риго отшатнулся.

–Жена твоя жива и здорова, и, надо полагать, несказанно счастлива! Еще бы – родил репейник яблочко, это ж надо, какое чудо!!!

Старик наступал, обличая и язвя, сам не замечая того, что по морщинистым щекам его текут слезы.

–Так что марш отсюда!!! – Арчеш кричал во весь голос.

–Что с моей женой? – тихо спросил Риго, словно не слыша деда.

–Да ты никак оглох?! Я ж сказал тебе – в Эригоне она, сына новорожденного нянчит!

–Амариллис увезли в Эригон? – в голосе Риго было изумление…

и испуг.

Арчеш вытаращил на внука глаза и рассвирепел окончательно. В воздухе раздался сухой треск пощечины.

–Это чтобы тебе уши прочистить! Жена твоя – слышишь ли?! Жена! –

В Эригоне, будь он проклят! А Амариллис…

–Что с ней?! – Риго подался навстречу старику, схватил его за плечи, – Где моя Амариллис?

Арчеш, глядя прямо в глаза внука, процедил сквозь зубы:

–В Поганом болоте… – ухмыльнулся он, – твоя Амариллис.

Он оттолкнул Риго и, ссутулившись, направился к дому. Риго догнал его, пошел рядом.

–Ты сердишься на меня, дед? – примирительно заговорил он. – Я впрямь виноват перед ней. Нельзя было ее одну оставлять… Ты знаешь, я и до границы-то не доехал, тоска меня забрала. А неделю назад совсем невмоготу стало и я вернулся. Знаю, отец меня со свету попреками сживет… ну и пусть. Ты уж не пугай меня так. Что она? Здорова ли? – Риго шагал рядом с дедом, заглядывая ему в лицо.

–Я сказал тебе, – тихо повторил Арчеш, не поворачивая головы, – Амариллис в Поганом болоте. Она, – старик остановился и размеренно заговорил, – упокоилась с миром… и линьяж Миравалей помог ей в этом. А потом ее – как и полагается жене будущего ратмана – достойно погребли, вышвырнув, как дохлую кошку, в болото. Но ты не печалься, внучек. Поезжай-ка домой, в Эригон, скажешь, мол, предчувствовал такую для себя радость, потому и поездку прервал. Порадуйся с женой, с отцом – да про подарки не забудь! А коли поиздержался в дороге, так ты повнимательнее посмотри, может, что и осталось от нее – истрепать вещички она не успела…– Арчеш сглотнул. – Будь ты проклят, Риго Мираваль! Что толку от твоего возвращения, убирайся, не береди мне душу! Ты опоздал… навсегда.

Риго застыл, не веря услышанному. Вся его дипломатическая выдержка испарилась в мгновение ока, он побелел как мел и был не в силах сказать хоть слово. Арчешу вид внука почему-то напомнил о самой неприглядной стороне его судебной практики: иногда, в особых случаях, он был вынужден присутствовать на допросах с пристрастием. И теперь лицо Риго живо напомнило ему лица приговоренных к пытке – та же мертвенная бледность, та же недоверчивость и полыхающий в глазах ужас. Старик отвернулся и направился к дому.

Экономка, накрывая стол в покоях хозяина, сказала Арчешу, что Риго закрылся в бывшей его и Амариллис спальне и никого туда не пускает. Старик отмахнулся было, но, отужинав и собираясь уже ложиться спать, он помедлил и, выругавшись вполголоса, отправился на половину недавних счастливых супругов. Но, прежде чем пойти туда, взял небольшой сверток из прикроватного сундука. Пройдя по коридору и остановившись перед запертой дверью, он постучал и крикнул:

–А ну, открывай! Не хватало только, чтобы в моем доме кто-нибудь повесился! Открывай, кому говорю! Или я дверь в щепки разнесу… – он не успел докончить.

–Входи… – открывший дверь Риго казался постаревшим лет на десять. Он вернулся в свое кресло у окна, дед сел рядом.

–Холодно здесь, – поежился Арчеш.

Риго кивнул; было видно, что ему совершенно все равно, покроются ли резные ручки кресла инеем, или вспыхнут от невыносимого жара. Он так и не переоделся с дороги, и изрядно запыленный плащ пачкал теперь дорогую обивку. Рядом, на подоконнике, стояла почти пустая бутылка вина. Арчеш помолчал с минуту, затем развернул принесенный сверток и протянул его внуку.

–Возьми… она приготовила это к твоему дню рождения, – в руках Риго оказался воротник густо–вишневого бархата, вышитый золотым шелком, и такие же манжеты. Он держал их осторожно, словно они были живыми.

–Я купил поместье, подальше отсюда, за Одайном. Хотел увезти, когда отец получит долгожданного наследника и оставит ее в покое. И меня

тоже. Думал, смогу ездить туда, к ней… – Риго рассматривал узоры на бархате и говорил совсем спокойно, только пальцы его вздрагивали, а глаз он не поднимал.

–Понятно. Получается, и ты свою игру вел… только неудачно. Обошел тебя отец. – Арчеш констатировал сей факт без малейшего злорадства, но и без сочувствия. – А о девочке ты подумал? Плохо же ты учился, малыш, если так и не понял, что, коли уж включаешь в игру Миравалей дорогого тебе человека, то надо сперва позаботиться о его безопасности! Поместье он купил… Ты оставил ее тут совсем одну, на растерзание линьяжу… дурак ты, внучек. А не дипломат.

–Но… – Риго впервые взглянул в глаза деду. – Но с ней оставался ты. Я думал…

–Что? Что я смогу защитить ее? – старик горестно усмехнулся. – Я, внучек, давно уж от этих забав отошел. Ну какой из меня игрок?! Старый, выживший из ума земляной червь, ковыряющийся на грядках… А если бы я и попытался что-то сделать, так эту возможность твой отец тоже предусмотрел… и позаботился, чтобы меня убрали со сцены.

–Как?! – изумился Риго.

–А вот так. Ну, это уже мое дело… а ты? Что надумал?

–Ничего, – покачал головой Риго, – ничего. Поеду обратно в Шаммах. Дел там много, глядишь, задержусь на пару лет. Потом… еще куда-нибудь. Не знаю.

–Понятно, – кивнул Арчеш. – Удираешь, значит.

Старик встал, направился к выходу. И у самой двери спросил:

–А как же сын? Ее и твой? Так и отдашь его линьяжу на воспитание?

Риго смотрел на деда черными, тусклыми глазами; потом он что-то вспомнил, на лице его появилась тень улыбки.

–Сын… – он судорожно сглотнул, – Амариллис просила меня, чтобы его назвали твоим именем. Ты не против? Еще один Арчеш Мираваль…

–Не против. – Глаза старика заблестели. – Тем более что я собираюсь забрать его к себе. Ты не против?

–Нет. – Риго отвернулся к окну. – Если можешь, возьми с ним вместе Мореллу.. она поможет.

–Знаю. А ты все-таки не уезжай в Шаммах. Отдохни здесь неделю-другую, и отправляйся в Эригон. Ничего, стыд не дым, глаза не выест. Справишься.

Спустя четыре дня Арчеш Мираваль ранним утром въехал в ворота Эригона Баснословного; вместо того, чтобы поехать к дому на Фонтанной площади и отдохнуть с дороги, он направился в квартал ювелиров, затем к банкиру Миравалей, почтенному седобородому гному, с которым имел продолжительный разговор. Потом старик направился к дому городского судьи (эту должность занял старший сын прежнего судьи, умершего на исходе тихого ветра), где также пробыл более часа и вышел преобразившим-

ся – на Арчеше была парадная судейская мантия, та, которую одевают во время вынесения приговоров по особо важным делам. Он снова сел в свою карету и поехал в дом Сириана.

Когда Сириан Мираваль, задержавшийся в ратуше, вернулся домой, то был изрядно удивлен известием о приезде отца. Он прошел в свой кабинет, открыл дверь и остолбенел. Вместо маленького старичка, одетого в полотняный садовницкий фартук и озабоченного только своими саженцами, в его, Сириана, кресле сидел облаченный в судейскую мантию величественный старец. Холодно глянув на вошедшего сына, Арчеш бросил прислуге, суетившейся возле него:

–Пошли вон… А если под дверью застану – язык вырву.

После этого он обратился к Сириану.

–Садись.

Сириан, все еще недоумевая и явно не зная, как себя вести, послушно сел на указанное отцом седалище, коим оказался скромный высокий табурет.

–Отец, я очень рад…

–Помолчи. – Брезгливо оборвал его Арчеш. – Ты будешь говорить, когда я разрешу. Итак, я вижу, ты весьма доволен собой. Хотел бы я тебе сказать: хвалю, мол, сынок, славную партию разыграл… да не могу. Потому как хреновый из тебя игрок, Сириан.

Арчеш выпрямился в кресле, казалось, он даже вырос и раздался в плечах. Перед ратманом сидел истинный судья, судья по воле богов, видящий в душе подсудимого и читающий его мысли.

–Ты пренебрег главным правилом, сын мой: нельзя, чтобы в игре одного Мираваля пострадал другой. Ты чуть не убил меня…

–У меня и в мыслях не было… – попробовал было запротестовать Сириан.

–У тебя, быть может, и нет… хотя я и не уверен. А вот у вдовицы, может, и было. Мне нет дела до твоих орудий, сын, ты волен как угодно использовать людей во благо линьяжа. Но ты осмелился поднять руку на меня. – Старик смерил ратмана холодно-презрительным взглядом. – Да как ты посмел, сын мой?

Последние слова прозвучали как проклятие. Сириан поежился; он не знал, что ответить отцу.

–Добро бы ты отнесся ко мне как к старому, но все же уважаемому игроку, сказавшему не последнее слово в истории линьяжа. Ты должен был рассказать мне о своем замысле, а не превращать меня в няньку для этой девицы.

Сириан глянул на отца; тот смотрел по–прежнему холодно и невозмутимо.

–Вместо этого ты опаиваешь меня какой-то дрянью, после которой я мог и не проснуться… Ты посмел поднять руку на отца, Сириан. По законам Эригона отцеубийцу заживо закапывают в могилу убитого. А кто чтит закон более ревностно, чем ратман?!

Судья замолчал, глядя на подсудимого, как на мелкое, кусачее насекомое.

–Теперь ты мой должник, сын. Навсегда. Даже не до конца моих дней, и не надейся. Навсегда. Я тебя и из гроба достану, ибо такие долги не прощаются и не выплачиваются. Это первое.

Сириан поднял глаза на отца – какую еще напасть приготовил ему старик? Арчеш встал, прошел к окну, волоча за собой мантию, обернулся.

–Да и нельзя мне помирать, сынок, – сказал он издевательски–заботливым тоном. – Никак нельзя. Сам посуди, кто тогда убережет линьяж от дурости моего сына?

Отец подошел к Сириану и тихо спросил:

–Ты когда подводу золота за придорожный камень отдавал, фамильный склеп замуровал, что ли? Иначе стоны предков весь Эригон бы услышал. Что вытаращился? Нет, Сириан, нельзя мне умирать… получается, тебя любой рыночный воришка вокруг пальца обвести может? Получается, за тобой присматривать надо? – и старик издевательски захохотал.

Сириана словно иголкой кольнули; он вскочил, метнулся было к двери.

–Это ты куда? За крысами вдогонку? Поздновато… Они тебе фальшивку впарили, да и давай бог ноги. Или камень проверить? Надеть колечко малышу… уже надевал, сынок. Хе-хе-хе… – Арчеш не скрывал своего злорадства. – Морелла еще подивилась – эдакий невзрачный камнишка.

Сириан остановился и вернулся на прежнее место; тяжело плюхнулся на табурет и уставился прямо перед собой невидящим взглядом.

–Мало того, что ты опозорил линьяж, подняв руку на отца. Ты еще и ограбил его… это ж надо, треть казны крысам отвалил! Экий ты, сынок, щедрый! А только придется тебе за это расплатиться. Твои последние приобретения я одобрить не могу, зато вот прежние были весьма неплохи.

Арчеш вновь уселся в кресло на возвышении и тоном, не предполагающим возражений, отчеканил:

–Все доходы с серебряных рудников, а также с суртонских шелкопрядилен с сегодняшнего дня будут поступать в казну линьяжа. Тебе достанет и процентов с личного счета, а коли мало покажется – не обессудь, сам виноват. Возместишь утрату – тогда посмотрим.

Сириан не удержался и волком посмотрел на старика; Арчеш перехватил этот взгляд и зловеще улыбнулся одними губами.

–Что, не нравится, когда тебя как пешку двигают? Ты поосторожнее, сынок… не больно глазами-то сверкай. Глава линьяжа пока что я. И завещание я могу переписать.

Сириан молчал.

–Распоряжение наш банкир уже получил. Мне здесь делать больше нечего, так что после обеда я уезжаю. И, пожалуй, заберу с собой правнука. Уж очень нехороший у вас тут воздух, прямо дуреют с него люди. В Серебряных Ключах не в пример здоровее будет. Так что ты распорядись насчет младенца.

–Что я скажу Морелле? – только и спросил ратман.

–Да что хочешь. Я ее не неволю, захочет – пусть со мной едет, нет – пусть здесь остается. Мне все равно. Ступай, Сириан, разговор закончен. И считай, что дешево отделался. Узнай кто со стороны – позору не оберешься, и кто тогда с нами дела вести будет?

После отъезда отца, забравшего с собой Мореллу с малышом, ратман закрылся у себя в кабинете и открыл самый надежный тайник в доме, давным-давно показанный ему отцом. Так и есть – в простой шкатулке лежит кольцо с камешком-замухрышкой, а рядом копия с отцовского распоряжения, непререкаемая сила которого лишала ратмана львиной доли его личных денег.

Глава восемнадцатая. Обретение

В нескончаемых трудах и хлопотах июль и не заметил, как на смену ему пришел август; с радостью принялся он заканчивать начатое братом. Поливал, мотыжил, собирал, выкапывал... Амариллис уже давно свободно расхаживала по всем угодьям Сыча, даже побывала вместе с ним в бору, в гостях у пчел – с благодарностью за мед и чудесное молочко; она помогала всем – и Сове, и чете брауни; правда, ей не позволяли не то что утомиться, но даже и войти во вкус работы – сразу гнали отдыхать. Она больше ни разу не заговорила о том, что было прежде ее появления в доме орка, словно здесь она и родилась и ничего более в жизни не видела. Хозяйство, погода, урожай – ни о чем другом она не упоминала, а однажды прямо спросила у Совы, не нужна ли ей служанка.

–Нет, моя радость, служанка мне не нужна, – улыбаясь, покачала головой хозяйка сычова дома, – но вот от дочери я бы не отказалась. И хотя я считаю, что такая жизнь не по тебе... ну, по крайней мере, пока, – если хочешь, оставайся.

–Я останусь. Не знаю, как я смогу отблагодарить вас... я никто. Ни родных, ни друзей, ни денег... девица с мутным прошлым и невесть каким будущим.

–Постой-ка, – и Сова отложила в сторону длинную деревянную шпильку, которой выдавливала ядрышки из темно–красных, почти черных вишен: сегодня вечером они будут варить варенье, а пока им предстояло очистить пару здоровенных корзин вишни, – постой. Это что же такого ты натворила, что стыдишься прожитых дней? Своего искусства? Друзей? Или того, что не сбежала из Эригона в дни тихого ветра? Ах вот оно что... немного неопрятный брак с ратманским сыном.

–Если бы немного... – Амариллис с ожесточением ткнула шпилькой в ягоду, так, что багряный сок брызнул ей на лицо, – если бы...

–Что ж. Я так понимаю, ты пошла за Мираваля–младшего потому, что это была неплохая возможность устроить свои дела. Так?

–Ага. И дела устроить, и поблестеть всласть, и нос кое-кому утереть. Вот, мол, побрезговал танцовщицей – так полюбуйся теперь на госпожу ратманшу, да только издалека, эдакое лакомство не про тебя. Дура!... Дела устроить... да что там, это я себе давно простила, есть–пить всякому надо, жизнь особо рассусоливать не станет, когда я постарею. Но идти замуж за одного, чтобы кольнуть в сердце другого... – и девушка закусила губу, криво, нехорошо усмехаясь.

–И именно из-за этого ты оттолкнула Хэлдара? – тихо спросила Сова.

–Не знаю. Я ничего не понимаю, Сова. Когда я просто вспоминаю его, даже мельком – у меня словно земля из-под ног выходит. Но когда он был тут,

мне казалось, что я вымазалась в грязи с ног до головы. И он видит эту грязь. Зря он меня вытащил. Ехало бы его лордство мимо, всем было бы лучше.

–Ну вот что. – Сова протянула руку, взяла Амариллис за плечо, пачкая платье соком вишни, и резко тряхнула ее, как будто приводя в чувство. – Прекрати сейчас же. Его лордство... не забывайся, Амариллис. Хэлдар – эльф, не человек. Чего ты не можешь ему простить? Что не побрезговал тобой, из болота вытащил? Земля из-под ног уходит... А ты и не привыкла! Тебе привычнее, когда от твоего вида шалеют, всякое разумение теряют!

Постепенно успокаиваясь, Сова снова взялась за ягоды.

–Послушай меня. Его любовь примет от тебя все – и радость, и страдание, и даже грязь. К нему она не липнет; глядишь, и от тебя отстанет. Но твое сомнение для него больнее любого оскорбления, тяжелее любой обиды. Хэлдар привез тебя сюда почти что мертвую – и сам был готов умереть, лишь бы не оставить тебя одну... в смерти. Амариллис, с любовью не шутят, это не забава для капризной и заносчивой девицы.

–А я, я кто? – спросила девушка совсем тихо, подозрительно шмыгая носом. – Он тогда даже не взглянул на меня...

–А ты была готова к тому, чтобы он на тебя взглянул?

–Да... нет... все равно он уехал... – тут Амариллис выронила шпильку и, некрасиво сгорбясь, заплакала.

В этот момент среди обобранных вишневых деревьев показалась фигура Сыча.

–Совушка, так мед нужен или... о великие драконы! Опять?! Да сколько же в тебе слез, дева?! На тебе плесень вырастет, если будешь так реветь! – он сердито выговаривал Амариллис, не обращая внимания на жену, которая махала на него рукой, приказывая уйти и не вмешиваться.

–Эх ты! А еще темнокровка! – Тут он осекся, поскольку увидел выражение лица жены. Не найдясь ничего сказать, Сыч потоптался с минуту на месте и потихоньку удалился.

Амариллис закончила плакать, вытерла слезы красной от вишневого сока рукой, отчего лицо ее приобрело устрашающий вид, и решительно потянулась за следующей ягодой.

–Он прав, госпожа моя приемная мать. Я ведь все-таки темнокровка, хоть на сколько-то. – Она старалась говорить твердо, не впуская в голос дрожащих всхлипов.

– Надо же, опять все сначала... – она даже попыталась улыбнуться, – И сколько раз мне вот так рождаться заново?

* * *

Неспешно наступающая осень характером оказалась мягка и нежна, она как будто извинялась за резкость старшей сестры и хотела загладить нанесенные тою обиды. Дни стояли настолько теплые, что ночи даже радовали

своей свежестью; вода в пруду близ сычова дома оставалась по-летнему согретой, и когда у Совы и ее приемной дочери заметно поубавилось дел, они целыми днями просиживали на желтом песке, купались... А потом созрели осенние яблоки. Даже изобильный сад Совы никогда не дарил своей хозяйке такого урожая; с самого начала сентября яблоки были повсюду – в сушильне, в погребе, в корзинах на полу, под деревьями... В огромном деревянном чане бродил, бунтовал сидр; в медных тазах попыхивала пастила, и брауни, довольно ухмыляясь в бороду, таскал на скотный двор целые мешки падалиц.

Амариллис разровняла угли под треногой, на которой гордо возвышался таз с пастилой, с удовольствием облизала лопаточку, облипшую кисло-сладкой, прозрачно-золотистой массой и, взяв из корзины яблочко порумянее, направилась в дом, сказать Сове, что пора заполнять очередной противень ароматным варевом, где оно и застынет... а потом его свернут в трубки, обваляют в сахарной пудре и подвесят в погребе. Она подбрасывала яблоко на ладони, ловко ловила его, снова подбрасывала... выйдя из сада Амариллис увидела белоснежного коня, стоявшего у крыльца. Он, заметив ее, вскинул голову, узнавая и приветствуя, и тут же повернулся к хозяину, выходившему из распахнутой двери дома.

Амариллис застыла на месте, сжимая яблоко; она смотрела растерянно, даже испуганно, и, казалось, вот-вот развернется и убежит в спасительную тень сада. Эльф, направившийся было к ней, заметил это и остановился. Он ждал. Пальцы Амариллис дрогнули, разжались... яблоко, с глухим стуком упав в траву, покатилось. А она, не думая – просто забыв думать – о том, что же она делает, сорвалась с места стрелой, тоненькой, легкой, сладостно-гибельной стрелой... в его сердце.

Они стояли, обнявшись, молча; Амариллис вцепилась в темно-зеленые рукава, уткнулась лицом куда-то под плащ и, судя по всему, намеревалась простоять так весь остаток своих дней. А Хэлдар держал ее, тихо гладя светлые волосы, по-прежнему взъерошенные и короткие. И Госпожа Любовь, в чьей великой и непостижимой стране они едва не заплутали, обратила на них свой царственный взор и простерла над их головами руку жестом защиты и покровительства. Стало так тихо вокруг, что Амариллис, вздрогнув от ставшего слышным перестука собственного сердца, подняла голову, и глаза ее встретили взгляд эльфа.

Не боишься больше? – Нет!.. Иди ко мне, я жду... – Я иду... Всего один шаг, вперед, безоглядно... и вот сейчас она сорвется в пропасть, обжигающе–ледяную бездну, и погаснет ее беспомощный крик, и исчезнет, истает в неоглядной глубине ее тело... Всего один шаг – и вот она летит, взмывает ввысь, запрокинув голову и раскинув руки, и ликующая, звенящая синева омывает ее, пронизывая все ее существо – и бесследно растворяется сидящая тупой занозой в сердце боль... и уползает, разгневанно шипя, терзавший ее стыд... и страх, свивший такое уютное гнездо в укромном уголке ее

сознания, не без сожаления покидает его. Невозможное, уязвимое, сумасшедшее счастье... колючее небо марта, сияющее в эльфьих глазах – и ее душа, легкокрылая птица, впервые взлетевшая так высоко, что впору бы испугаться, если бы не эти руки, спокойные и крепкие, ждущие внизу, готовые принять ее любую.

Амариллис казалось, что она молчит целую вечность; но это не было в тягость. Слова рождались и умирали непроизнесенными – и все же услышанными. Она чувствовала руки эльфа, окружившие ее кольцом служения и покровительства, а ее такой неровный, срывающийся сердечный перебой успокоился и принял совсем другой – не ее, чужой, но такой долгожданный тон. Наконец Хэлдар взял ее лицо в ладони, наклонился и, улыбнувшись, легко поцеловал Амариллис… прикосновение эльфа показалось ей дуновением ветра.

–Амариллис, я не должен торопить тебя. Я знаю это. Но ждать не могу. – Эльф коротко вздохнул и снова поцеловал ее, на сей раз так крепко, что у Амариллис закружилась голова, и она еще сильнее сжала пальцы на зеленых рукавах, опять ища опоры. Хэлдар снова отстранился, по-прежнему не выпуская девушку.

–Меня трудно принять. Возможно, я уже потерял твое сердце… – он с силой прижал ее к себе, будто кто-то действительно грозился отнять у него это сокровище.

–Послушай, – голос девушки звучал немного невнятно, – если ты сейчас скажешь, что у тебя нет на меня никаких прав, и ты готов уйти и предоставить меня кому-то еще… – она подняла голову и взглянула прямо в светло-синие глаза. – Я убегу отсюда подальше, найду место поглуше, где тебе меня не отыскать, и утоплюсь!

–С чего ты взяла, что я скажу такую чепуху? – засмеялся Хэлдар. – Я хочу, чтобы ты была со мной – и не когда-нибудь потом, и не в памяти, и не в будущей жизни… сейчас, Амариллис. Я хочу тебя сейчас и никому не собираюсь тебя уступать. Никому… – объятия его стали невыносимо крепкими, недвусмысленно подтверждая эти слова. – Ты должна это понять, а уж всем остальным я сам объясню.

Не дожидаясь ответа, он подхватил девушку на руки, усадил на коня, сел сам и Искрень прянул вперед, унося седоков от порога сычова дома.

Весь день они пропадали в светлом сосновом бору, там, где ноги по щиколотку утопали в серебристом мху и теплые стволы ловили их пальцы ароматными потеками смолы. Лес привел их в маленькую, укрытую от ветра ложбину меж двух всхолмий, поросших можжевельником. Эльф расстелил на земле плащ; Амариллис было так отрадно просто лежать рядом с ним, слушая его дыхание, и закрывать глаза, когда он целовал их. А он, осторожно и терпеливо, помогал ей заново обретатать себя – ту давнюю, прежнюю Амариллис, канувшую в безвестность смерти, ушедшую раньше

срока, не оставив ни следа. Эльф возвращал девушке ее саму, сохраненную до поры его любящим сердцем; каждое прикосновение Хэлдара оживляло ее, воскрешая к новой жизни.

И она была так щедра в ответ, что уже очень скоро оба они стали одним, единым даром – друг другу. Так тихо было вокруг… можно было услышать, как падают на землю высохшие сосновые иглы. И, прижимаясь щекой к груди Хэлдара, чувствуя совсем рядом биение его сердца, Амариллис вдруг заплакала – не надрывно и яростно, как плакала она совсем недавно, а тихо и умиротворенно. Слезы лились сами по себе, ничуть не мешая ей; так – безболезненно, спокойно – тает снег, уходя в землю, превращаясь из грязноватого невзрачного комка в прозрачный ручей.

–Ну, будет… довольно слез. – Эльф взъерошил ее затылок. – Слышишь? Я больше не хочу печали. Я люблю тебя.

На следующий день Хэлдар вновь увез Амариллис – еще дальше, к цветочным лугам Каджи; он смог помирить ее с рекой и девушка полдня провела, шлепая босыми ногами по еще теплой воде, отыскивая речных улиток и распугивая греющихся на солнце ящериц. Купаться она, правда, вот так сразу не отважилась, и эльфу пришлось брать ее на руки и вносить в воду. Посередине Каджи выставил спину островок, поросший ивняком и лопушками мать-и-мачехи; они доплыли до него, выбрались на белый песок, отдышались. Мокрые волосы Амариллис топорщились смешными вьющимися иголками, а губы стали совсем сизыми, но щеки горели румянцем.

–А что, если река решит забрать этот остров с собой? – поинтересовалась девушка, сосредоточенно закапывая правой ступней левую. – Подпихнет его чуть-чуть, и поплывет он… в дальние дали.

–Ты так думаешь? – эльф с интересом наблюдал, как постепенно растет белый сыпучий холмик. – Ну, если ему повезет найти в дельте рукав пошире, и миновать Эригон, может, он и выйдет в море.

–Нет уж, – мириады песчинок покатились по склонам, и пальцы вырвались на волю, – пусть лучше сидит здесь. Нечего по морям шастать. Должно же быть что-то… неизменное, – она глубокомысленно покивала головой, – именно здесь, где все утекает сквозь пальцы.

–Как скажешь, – согласился эльф, ложась на спину, заложив руки за голову. Помолчав минуту, он добавил:

–Удивительно, но ты одобрила постоянство… – и засмеялся.

Этот островок так пришелся им по душе, что они возвращались к нему не раз. Легко добирались вплавь, благо течение здесь было спокойным, даже ленивым, обсыхали на теплом прибрежном песке, слушая голос ветра, шелестящего узкими ивовыми листьями. Хэлдар вспоминал все свои ребяческие забавы, и, повинуясь эльфу воздуха, ветер так высушивал волосы Амариллис, что она становилась похожей на одуванчик, потом взвихрял белый песок десятком смерчей высотой в метр и заставлял их плясать вме-

сте с девушкой. А то запевал на несколько разных голосов… или поднимал завесу радужных водяных капель, нежную и искрящуюся, и неожиданно обрушивал ее на разморившуюся на солнце Амариллис.

Они очень мало говорили; Амариллис казалось, что Хэлдар если не слышит, то чувствует ее мысли, и сама она удивительно тонко ощущала его настроения – все было так, словно два звучащих в унисон голоса вели мелодию удивительной песни.

Сыч и Сова, удивительно деликатные и понимающие, не донимали их расспросами, не вызывали на откровенность; они умели радоваться счастью друзей, не вмешиваясь и не смущая его. Но у мужа Сова спросила однажды, что все-таки собирается делать лорд Лотломиэль (она почти никогда так не называла Хэлдара).

–Не знаю, – честно ответил орк. – И я не могу ни советовать, ни сочувствовать.

–Я полюбила Амариллис, – сказала Сова, – и оставила бы ее здесь, навсегда. Признаюсь тебе, я думала, что скоро должен приехать Глитнир, – она смущенно улыбнулась.

Сыч покачал головой – ох уж эти женщины, ну никогда не устоят они перед соблазном устроить чье-нибудь счастье.

–Исключено. – Усмехнулся орк.

–Знаю. Достаточно один раз взглянуть на них. Будь что будет – так? – Сыч только кивнул и больше они к этому разговору не возвращались.

А Хэлдара и Амариллис будущее, похоже, вовсе не волновало. Они жили, погруженные друг в друга; время остановилось для них.

На исходе сентября, в один из нескончаемых теплых вечеров они сидели на крыльце дома, ожидая хозяина, отправившегося в бор проведать своих подопечных; Сова хлопотала в саду. Амариллис дремала, положив голову эльфу на колени, укрытая его плащом, пальцы Хэлдара гладили, перебирали ее волосы. Внезапно вечернюю тишину смутили какие-то нестройные звуки – перестук копыт, перекликающиеся голоса и тихий, тишаший, едва заметный звон. Амариллис вздрогнула, но не головы не повернула. Хэлдар улыбнулся и тихо сказал ей на ухо:

–За тобой приехали.

Она привстала и осторожно глянула из-за плеча. И увидела, как у дома останавливаются три таких знакомых повозки, а из них на ходу выпрыгивают люди, и замирают, увидев их. Встают, переглядываются, не решаясь заговорить и помешать им... Темнокожий беловолосый Лиусс держит за руку жену, готовую вот-вот заплакать, близнецы суртонцы, как всегда, скромно прячут глаза, боясь совершить бестактность, Орсон переминается с ноги на ногу и улыбается как дитя при виде дешевой пестрой конфеты; тепло усмехается мизоанка Рецина, за ее спиной прячется кто-то рыжий, и, без особого успеха стараясь казаться строгим, стоит впереди всех ее брат Арколь. На мгновение прижавшись к Хэлдару еще крепче, Амариллис вдох-

нула побольше воздуха и, восторженно заверещав, бросилась к друзьям. Подпрыгнув, она повисла на шее у Арколя, чуть не задушив его, что-то несвязно спрашивала, невпопад отвечала; потом ее обнимали, целовали, кружили на руках... Наконец, мало–помалу придя в себя, Амариллис оглянулась – эльф спустился с крыльца и стоял неподалеку. Светлые серебристые волосы, подсвеченные закатным солнцем, казались ослепительно белыми, в уголках губ таилась... улыбка? горечь? Поймав ее взгляд, Хэлдар рассмеялся – неожиданно весело и легко – и подошел к ней, обнял, прижимая к себе; он не казался чужим среди вольного актерского люда, и она, успокоившись, снова ухватилась за его рукав.

–Звонковолосый велел передать тебе, что твое отсутствие затянулось, – сообщил довольным голосом Лиусс, – пора возвращаться, Амариллис. Мы передохнем здесь немного и – в путь.

–Куда? – все еще неуверенно спросила Амариллис.

–В Арзахель. А потом – в Краглу.

–Вы с ума сошли, там же холодища!..

–И коронация впридачу. Нас приглашал новый помазанник лично, так что, сама понимаешь, отказать было невозможно.

Амариллис подняла глаза на эльфа; он наклонил голову и сказал:

–Лиусс совершенно прав. – И еще тише добавил, крепко обнимая ее:

–Живи.

Глава девятнадцатая. Коронация

Крагла была на месте и вся ее холодища – тоже. Огромные каменные башни, выстроенные на основании двух монолитных скал, венчающие широкие – десяток всадников свободно мог проехать – городские ворота казались серебристыми из-за покрывавшего их инея. Под ногами горожан поскрипывал снег, морозец нежно пощипывал их за щеки; целый лес труб, произрастающий над городом дымил, кто во что горазд. В королевской резиденции полным ходом шли приготовления к скорой коронации: повара приводили в съедобное состояние все, что попадалось им под руку (ходили слухи, что один чрезмерно увлекшийся кулинар залил соусом зазевавшегося поваренка, а другой, еще более ретивый, испекся сам); придворные выколачивали пыль из парадных парчовых мантий, жутко тяжелых и неудобных – но достаточно помпезных, чтобы создать настроение возвышенное и трепетное; слуги сбивались с ног, готовя все свободные апартаменты, комнаты, комнатушки и клетушки для гостей всевозможных рангов и самолюбий; герольды вопили во всю глотку, смущая окрестных петухов, и стараясь как можно отчетливей и звонче провозглашать высокие имена; управляющий церемониалом в сотый раз перепроверял правильность убранства пиршественной залы, очередность и точность развешанных по стенам стягов и гербов, порядок гостей за королевским столом и чистоту салфеток. А сам будущий монарх, а пока что наследный принц Огма целыми днями пропадал в кузнице, где наперегонки с Орсоном гнул подковы и плел косички из гвоздей.

Амариллис же занятий тоже хватало. Устроив по прибытии в северную столицу, по выражению Арколя, тряпочный бунт, они, на пару с Криоллой, порастрясли кошельки братьев и чуть не свели с ума пару портних своими безумными заказами; кроме того, ей понадобились новые украшения... она ведь вернулась к детям Лимпэнг-Танга, что называется, в первозданной прелести. Единственное, что ей не пришлось покупать (да это и не представлялось возможным) – так это Хранителя Мелодий; пока она была в Арзахеле, ей прислали из Шаммаха точно такого же. Почти все время, проведенное в славном герцогстве, она потратила на долгие, выматывающие репетиции, а рядом с нею почти неотлучно находилась Муна. Красавице северянке кочевая жизнь не подошла, так что Амариллис совершенно спокойно заняла свое прежнее место; девушки искренне радовались встрече, и Муна действительно помогла подруге вернуть былое мастерство. Запершись в одном из дворцовых залов, они танцевали с утра до ночи.

Венона потихоньку выглядывала из-за тяжелого занавеса, отделявшего сцену от пиршественного зала, рассматривала сидящую по ту сторону рампы публику и делилась сведениями с Амариллис и Криоллой.

–Ну и король, чудо неизреченное!.. ему бы в кузне молотом махать, ой!.. скипетр погнул. Эльфы... смотрите-ка, этот, из свиты Воды явился; и лорд Хэлдар. Амариллис, я ведь тебе говорила!.. может, изменим танец? Ну, как знаешь. Народу... больше, чем на площади, экая громадина этот дворец. А это кто? О-о-о... – и Венона отпрянула от занавеса.

–Что такое? – подошел к ней Лиусс.

–Сам посмотри. Похоже, Амариллис сегодня отдыхает.

–Ты права. Ами, беги в наши комнаты, запрись покрепче, как смогу, пришлю к тебе Орсона.

–Да что такое? – уже возмущенно спросила девушка, которую подталкивали к выходу.

–Твой бывший супруг явился, будь он неладен.

–Ну и что?! Я о нем уже вчера знала. Пусть себе сидит. Мне он не мешает.

–А ты ему? – покачал головой Лиусс.

–Чем? Я – Амариллис, танцовщица Лимпэнг-Танга, и я не имею ничего общего с его безвестной любовницей, утонувшей в Поганом болоте.

–А в глаза ему посмотришь? – серьезно спросила Венона.

–Посмотрю. Я его в болоте не топила.

–Но... здесь лорд Лотломиэль, – не сдавался Лиусс, – вряд ли он одобрит такое легкомыслие. Подумай сама, это ему не понравится.

–А мне-то что!... – передернув плечами, возразила Амариллис и отправилась одеваться в новый наряд, только утром доставленный от портнихи.

Хэлдар сидел и смотрел, как актеры являют миру блеск своих дарований; вспоминал, как нашел их в Маноре и как хватило нескольких его слов, чтобы они, все оставив, бросились к Амариллис. Шелестит тяжелый занавес, густеет воздух, оплывают свечи... Вот снова Лиусс поколдовал, и сцена превратилась в подобие костра, воздух над полом дрожал, вился алыми сполохами. И прямо в сердце этого огненного цветка появилась тонкая, черная фигурка, застывшая в странной, изломанной позе. Но вот ожили ее руки, взметнулись, как потревоженные птицы, подхватили тяжелый, обшитый драгоценными кружевами подол, опять уронили его... Краем глаза Хэлдар видел, как нервно Геран облизывает пересохшие губы; по щеке его царапнула чья-то тоска, вырвавшаяся из подсердечного плена, метнувшаяся летучей мышью под потолок... эльф чуть повернул голову – там, вжавшись спиной в кресло, сидел Риго Мираваль.

Риго отправился на коронацию с поздравлениями от имени Эригона, с которым северные земли связывали давние торговые отношения. Он был рад возможности уехать подальше от дома, где ему уж слишком много приходилось притворяться. В Крагле ему отвели вполне достойные посла апартаменты, грамоты с торжественными поздравлениями он вручил принцу Огме лично, половину подарков – ему же, а другую половину передал со всевозможными церемониями на половину невесты, видеть которую до дня свадьбы никому не дозволялось. Судя по тому, что вечером того же дня ему прислали приглашение посетить будущую королеву после торжеств, подарки понравились.

Сидя за пиршественным столом, Риго с тоской ожидал того момента, когда на сцену выйдет новая танцовщица Лимпэнг–Танга. Но когда она появилась… Риго решил, что это наваждение, еще одна из иллюзий Лиусса. Он смотрел и не понимал, не знал, что и думать. Это была она – его Амариллис, легконогая плясунья, милость и наказание. «Она погибла» – говорил он себе. «Она жива» – говорили ему глаза, неотрывно следящие за сценой. Сердце было готово выпрыгнуть у него из груди, он мучительно кусал губы, едва сдерживаясь, чтобы не закричать. Возможно ли, что Амариллис смогла спастись из тенет Поганого болота – совсем одна, обессиленная и измученная? Или он видел призрак, явившийся, чтобы мучить его? Риго даже не допускал мысли, что на сцене была какая-то другая танцовщица, ибо слишком хорошо помнил он этот танец и ту, что подарила его.

Она танцевала в огне, не сгорая, ибо сама была огнем. Хэлдар видел, как тело Амариллис превращается в один из красно-золотых лепестков, свиваясь и кружась. Шаг, еще шаг... поворот, и выгибается спина как у рассерженной кошки, и руки приказывают и отстраняют. Ближе, ближе... как горячо... черно–алый водоворот взвихряется вокруг ее ног, то обнажая их, то ревниво пряча. И музыка – смеется и рыдает, обещает и отвергает... переливы гитарных струн, задевающие сердце, оплетают руки Амариллис, как цветочные гирлянды и вспыхивают, и осыпаются золотыми искрами. Пощади, королева... возьми все, все, что хочешь – сердце, душу, саму жизнь... А она улыбается, бросая ему такой взгляд, что кончики ресниц его золотятся, опаленные. И уходит, уходит в самое сердце огня, замирает на миг, обернувшись к зрителям – и волей Лиусса гаснет иллюзорное пламя, и сцена погружается в кромешный мрак. По залу прокатывается согласный изнемогающий вздох, за которым следует взрыв восторга... вновь вспыхивают все светильники, на сцену летят живые цветы, немыслимая редкость для зимней Краглы, звенят, подпрыгивая и вертясь, золотые монеты, падает несколько кожаных кисетов, брошенных руками гномов, и сам новоиспеченный король встает и провозглашает хвалу дивной танцовщице и пьет за ее счастье. Хэлдар, лорд Лотломиэль, тихо улыбается, прикрыв глаза ладонью; Геран что-то говорит ему, но он не слышит.

Не дождавшись конца представления, Риго Мираваль выбрался из пиршественной залы размером с хорошую площадь. Он торопливо миновал ряды пышно накрытых столов, едва отвечая на приветствия знакомых и незнакомых людей, вышел в прохладный коридор и попытался успокоиться. Сердце все еще колотилось как сумасшедшее, отдаваясь гулом в висках. Риго должен был во что бы то ни стало отыскать детей Лимпэнг-Танга, сегодня же, несмотря на всю коронационную суматоху.

В одной из парадных комнат дворца, открытых для осмотра, куда Риго заглянул наудачу, ему посчастливилось встретить старого знакомого по арзахельскому университету, отдыхавшего в тишине от шумного пира. Они приветствовали друг друга, мало–помалу разговорились; очень скоро Риго понял, что его знакомый, ставший одним из советников герцога Арзахельского, тот еще поклонник артистов, осчастлививших коронацию. Он без устали восхвалял их несравнимые достоинства, пересказывал сплетни, одна другой невероятнее. Как бы невзначай, Риго поинтересовался, нельзя ли увидеть артистов поближе, принести свою дань восхищения, а заодно и пригласить провести зиму в Эригоне.

–Это какую зиму? – посмеиваясь, спросил советник. И тут же пояснил, что за право пригласить артистов Риго придется изрядно поспорить с десятком претендентов, да и то только следующей зимой.

–А что касается личной встречи, то, может статься, все не так безнадежно. Я когда-то помог их вольтижеру выкрутиться из весьма щекотливой ситуации, так что они ко мне благоволят. Пойдем, попытаем счастья.

Они вышли в ярко освещенный коридор, поднялись по центральной лестнице, и направились в западное крыло дворца, где по сведениям советника, и разместили детей Лимпэнг-Танга. Счастья, впрочем, они там не нашли: все двери были заперты, что было вовсе неудивительно – пиршество только-только разгорелось, и вернуться артистам предстояло еще нескоро. По предложению советника, они вернулись в огромную залу, где уже изрядно подкушавшие гости надсаживались от смеха, наблюдая за стычкой Арколя и Лорки, переодетых базарными торговками. Риго подобрался поближе к сцене, но безрезультатно – проход к двери, ведущей в кулисы, был загорожен длиннющим столом, за которым восседали особы сплошь королевских кровей, так что лезть через него не представлялось возможным. Вскоре его спутника пригласил к важному разговору какой-то эльф из прибывшей делегации, и Риго опять остался в одиночестве. Время шло. Коронационный пир медленно, но верно приближался к тому моменту, когда треть гостей сама покидает залу, отправляясь либо на покой, либо на поиски приключений, другую треть выносят слуги, а третья остается мирно досыпать под столами, никому не доставляя хлопот. Сцена опустела, артисты, с блеском отработав представление, исчезли.

Риго решил сам найти детей Лимпэнг-Танга. В конце концов, он видал и не такие дворцы, куда запутанней и темнее этого, и ничего, не терял-

ся. Он вновь вышел на центральную лестницу, поднялся на два пролета и вышел в длинный коридор. Но как только он сделал шаг в направлении комнат артистов, резкий порыв ветра загасил все факелы, все светильники и коридор погрузился в кромешную тьму.

Опешив – откуда взяться такому ветру, ведь окон здесь нет! – Риго попытался идти ощупью. Держась правой рукой за стену, он медленно шагал вглубь, надеясь нащупать дверную ручку. Напрасно. Он шел уже довольно долго, когда впереди него неслышно отворилась дверь, и затеплился огонек.

–Вы что-то потеряли? – вежливо осведомился эльф, стоя на пороге комнаты и держа серебряный светильник, наполненный светляками. Парадной одежды на нем не было, значит, пир он покинул довольно давно.

–Да… – не успев подумать, ответил Риго. Он стоял, щурясь от света и пытаясь вспомнить, говорил ли ему советник, что артистов разместили рядом с делегацией эльфов. При всем уважении к детям Лимпэнг-Танга, это было маловероятно.

–Да, я потерял своего приятеля… – и Риго сбивчиво объяснил, что разминулся с советником в зале, но видел, что тот уходил с эльфом.

–Вы правы. – Вежливо кивнул эльф. – Ваш друг действительно дал неплохой совет одному из моих сородичей. Но он давно уже отправился в свои комнаты, в восточное крыло. Вас проводить?

–Мой друг собирался повидаться со своими друзьями, храмовой труппой, – солгал Риго. – Не укажете ли вы мне к ним дорогу?

–Простите, – тон остался таким же вежливым, но понизился до температуры сугроба. – Не имею чести знать, где разместились вышеупомянутые особы. – И эльф отступил назад, закрыв дверь.

Риго вновь остался в непроглядном мраке, проклиная эльфийскую заносчивость. Он повернул назад, с трудом добрался до лестницы, где свет тоже изрядно потускнел, и задумался. Искать человека во дворце, в ночь коронационного пира – хуже, чем иголку в стоге сена, ведь стог, по крайней мере, не набросится на тебя с пьяными угрозами или еще с чем похуже. Но Риго все же решил рискнуть и хотя бы попытаться разыскать артистов; произошедшее с ним в галерее он счел лишь досадным недоразумением, не более, хотя в другое время, несомненно, серьезно бы задумался.

Чуть больше часа Риго Мираваль бродил по дворцу, наудачу открывая двери и расспрашивая встреченных слуг. Наконец, золотая монета помогла протрезветь какому-то из лакеев, и он смог указать Риго дорогу к детям Лимпэнг-Танга. Артисты разместились все-таки в восточном крыле, в одном из обширных помещений на самом верху. На стук из комнаты вышел храмовый шут, высокий, худощавый эльф-полукровка.

–Доброй ночи, милостивый государь. Чем обязаны? – вежливо поинтересовался он, не приглашая Риго зайти.

–Доброй ночи и вам. Я ищу девушку, танцевавшую сегодня. Где она? – Риго старался говорить вежливо и по возможности скрыть снедавшее его нетерпение.

–Наша танцовщица? – шут удивленно поднял брови. – Вы ищете нашу танцовщицу?

–А почему бы и нет? – Риго уже ничинал терять терпение.

–Эй, Арколь, кто это там? – мизоанка вышла из комнаты и остановилась на пороге. – Вы что-то потеряли, мессир?

–Вы напрасно ищете ее здесь. – Шут внимательно глядел на Риго. – Нашу танцовщицу пригласили эльфы… не устояли перед ее искусством.

–Так что отправляйтесь-ка спать, мессир, – добавила Рецина, меряя непрошенного гостя безразличным взглядом, – Вряд ли вы ее найдете.

Не было сказано ни одного обидного или злого слова, но Риго чувствовал, как отталкивают, как отвергают его эти люди. Он понял, что от них не добьется более ни слова и, резко повернувшись, зашагал прочь. Он шел, сжимая в бессильной ярости кулаки, не зная, что делать; коридор вывел его в просторную галерею, нависавшую над одним из дворцовых залов. Риго остановился и присел на порог стенной ниши. Было прохладно, он поежился и плотнее запахнул плащ. Ночь коронации близилась к завершению, скоро должно было наступить утро; дворец затих, празднество иссякло. Риго прислонил пылающую голову к каменной стене, прикрыл глаза; он уже порядком выбился из сил, но сдаваться не собирался. Все эти «вы что-то потеряли?» злили его, заданные наугад и из вежливости, они били в самую точку. Риго Мираваль понимал, что может обыскать весь дворец, но так и не найти этой девушки, и все это время кто-то будет водить его на незримом поводке, не давая приблизиться к ней слишком близко. «Может, оставить все?..» – эта мысль заглянула к нему в голову, но надолго не задержалась. Поразмыслив еще с минуту, Риго встал и направился вниз, в помещения дворцовой гвардии.

Ему не составило особого труда, предъявив свои посольские полномочия, поднять капитана, вырвав его из предутренней дремы, и потребовать у него сопровождения в виде троих стражников. Уже вчетвером они поднялись в эльфийские апартаменты; свет в коридоре горел ровно, и не было даже намека на сквозняки. Риго постучал в дверь и отступил.

–Что привело вас сюда, сударь Мираваль? Потеряли что-нибудь? – вышедший из комнаты эльф прикрыл за собою дверь и встал к ней спиной.

Будь Риго помоложе, он взорвался бы – сговорились, что ли, все во дворце, задавать ему один и тот же вопрос?! Вместо этого сударь дипломат вежливо, но твердо ответил, что да, потерял, но потеря его может быть возмещена, ибо находится сейчас, по его сведениям, у господ эльфов. А господа эльфы не склонны присваивать себе чужое, не так ли, лорд Лотломиэль? Эта девушка… Риго сглотнул… танцовщица храмовой труппы, он должен увидеть ее и поговорить с ней.

–Это невозможно. – Эльф говорил ровно, не отрывая взгляд от переминавшейся с ноги на ногу стражи.

–Я должен ее увидеть, – Риго повысил голос, – она знает нечто, чрезвычайно важное для Эригона. Вы не смеете мне препятствовать!

–Это невозможно, – повторил эльф. – И вы совершенно напрасно побеспокоили стражу, ведь не собираетесь же вы силой пробиваться в наши комнаты? Не думаю, что его величество Огма захочет начинать свое правление с войны… – после этих слов страже было достаточно одного жеста, чтобы дружно топая, удалиться на покой.

–Мне плевать, чего хочет Огма! – Риго Мираваль не выдержал. Он шагнул навстречу эльфу, намереваясь оттолкнуть того от дверей. Лорд Лотломиэль перехватил его руку, отбросил ее.

–Уходите. У вас нет права быть здесь.

–Нет, есть. – Риго не отступил ни на шаг. – Эта девушка – моя жена.

–Ваша жена умерла.

–Я так не думаю. Это была она, это не мог быть никто, кроме нее!

–Та, кого вы видели, не имеет никакого отношения ни к вам, ни к вашей семье. Я повторяю, сударь Мираваль, ваша жена умерла. Но если вы попытаетесь убить мою… – Эльф не договорил. Риго почувствовал, как чудовищная рука поднимает его и сжимает все сильнее и сильнее, пока сдавленный стон не вырывается у него из горла. Все плыло у него перед глазами, в ушах раздавался погребальный звон колоколов, и он не мог даже пальцем пошевелить, между тем как вокруг него не было ничего, кроме воздуха. Внезапно незримая длань разжалась и отпустила его. Стоя на коленях, опираясь на руки и хрипло дыша, Риго с ненавистью посмотрел на эльфа; не разделенные ничем, они были словно враги по разные стороны каменной крепостной стены.

–Уходите. – Повторил эльф. В его голосе не было угрозы или вызова, он словно указывал Риго на единственно возможный для него путь. И тому не оставалось ничего, кроме как подчиниться.

Поздней ночью заканчивается празднество. Хэлдар идет в свои покои, минуя длинные запутанные коридоры, освещенные по случаю торжеств, отпирает дверь, входит в комнату... в большом кресле, придвинутом к окну, кто-то сидит, поджав ноги и зябко обхватив их руками.

–Окно было закрыто... – Он не удивлен, он улыбается.

–Конечно, в такие-то холода. Оставь его открытым, и тут можно будет в снежки играть. Да и по ледяным стенам я лазать не мастерица. Это Тари. Уж не знаю, что он там себе вообразил, но я себя чувствовала почти принцессой. Явился с такими церемониями, чуть не на руках сюда донес, все порывался остаться – а ну как я заскучаю?

–Негодник… я всего лишь попросил его проводить тебя, – она чувствует, как он улыбается, и готова заплакать от счастья.

Он подходит к ней, легко поднимает ее на руки, прикасается губами к светлым волосам... и вдруг сжимает ее в объятиях так сильно, что у нее перехватывает дыхание.

–Сама напросилась, – и целует ее приоткрытые губы, и видит, как опускаются ее ресницы, и снова подхватывает легкое тело танцовщицы на руки. Воздуху ли бояться Огня? Огню ли страшиться Воздуха?

Холодная, бесстрастная северная ночь, окутавшая королевский замок роскошной, блестящей мириадами морозных искр мантией, замечает одинокий огонь, бьющийся в одном из окон. Она приближается, смотрит на него – и вдруг ей становится как-то странно, непонятное ощущение удивляет ее, и она понимает, что согрелась. Ночь растерянно улыбается, подхватывает мантию, поднимается наверх, на островерхую крышу, садится там и затихает, прислушиваясь к собственным мыслям, длинным-предлинным...

Конец первой книги

Книга вторая

Песни Драконов

Хроники дома Эркина

Ночная дорога и поспешное решение очень похожи друг на друга. Красиво, опасно и может завести черт знает куда.

Эркин, старший сын Снорри, орка из Лесных Хоромин, шел быстро и бесшумно – по–другому не умел, но при этом время от времени принимался довольно громко и обиженно сопеть носом. Ему бы себя со стороны увидеть – ну ни дать, ни взять младший братишка–трехлетка, у которого старшие дружки игрушку отняли… может, одумался бы, устыдился, да и повернул бы домой. Но подобное оскорбительное сравнение четырнадцатилетнему Эркину и в голову не приходило, и он шел себе и шел.

По сторонам белой песчаной дороги темнел молодой сосновый лес. Идти было легко, после недавнего дождя песок был влажен и не давился ногами идущего, норовя втянуть их по самые щиколотки. Пахло хвоей, смоляными стволами сосенок, на опушке поднимающихся немногим выше орочьего роста, свежим холодом майской ночи. Глотнешь такого воздуха – и враз взбодришься, позабудешь про все свои печали, а потом полезут в голову всякие шальные мысли… Мальчишка миновал поляну с тремя причудливо сросшимися соснами, где с незапамятных (для Эркина) времен уцелели остатки землянки. Когда-то она приютила то ли отшельника, то ли колдуна, про которого рассказывали истории либо восхитительно леденящие кровь, либо возмутительно трогательные – в первых он превращался в медведя, пожиравшего заблудившихся детишек, во вторых спасал медведя, попавшего в капкан и благодарный зверь так и ходил за благодетелем на манер кроткой овечки. Эркин ни за что не признался бы себе в этом, но проходя Медвежью Домушку, он невольно ускорил шаг. Дорога уводила его дальше в лес, смутно белея меж стволами сосен, рослых и стройных; если взобраться на верхушку, так можно на длинные зеленые иглы нанизывать серебряный звездный бисер, щедро рассыпанный по небу.

Эркин свернул на хорошо знакомую тропку; идти было недалеко. Вскоре он спускался к одному из здешних лесных озер, которое любил больше всех и где не так давно соорудил себе тайное убежище. Небольшую песчаную нору–пещерку, входом в которую служили огромные корни старой сосны. Там Эркин хранил оружие – свое самодельное и сломанное отцовское, запас сухарей и вяленых яблок, изрядный кусок войлока на случай холодов. И там он отсиживался, если хотел побыть один или выжидал время, пока утихнет отцовский гнев, вызванный очередной его шалостью.

В пещерке было холодно, но Эркин неженкой не был; мальчишка ловко забрался внутрь, почувствовав на лице едва ощутимый отзвук нашептанных им самим охранных слов. В этом он тоже никому бы не признался,

в его роду ворожба была чем-то предосудительным, излишним, вроде шелковых подштанников. Это еще девице простительно женихов приманивать или бабке знахарством промышлять; отец, не любивший пустословия и досужих россказней, истории о колдунах не жаловал, а из всех видов магии признавал только священнодействия своей хозяйки в кухне. Но Эркину было как-то спокойнее, когда он, уходя, чертил пальцем по песку ломаные линии и тихо наговаривал по наитию обретенные слова. Так, ничего особенного… просил место признать его за хозяина и чужому не открываться. Наговор, бывший наполовину игрой, с оглядкой и внутренней усмешкой, наполовину искренним ритуалом, как ни странно, удался.

Усевшись на войлок, Эркин поплотнее запахнул полы куртки, засунул ладони под мышки, уперся подбородком в грудь и начал обижаться. Обида поспешала на тонких дрожащих ножках рядом с ним всю дорогу от дома до пещерки, а теперь, воспользовавшись его молчаливым приглашением, забралась Эркину на плечо и принялась торопливо и горячо что-то нашептывать, будто масло из слов сбивала. А мальчишка только носом посапывал.

–… Уж не маленький, это верно. Уж говорил бы сразу, что неуч и невежа, с оружием управляться не умеешь, а в засаде как есть сразу чихать начнешь… или еще что похуже! А то – маленький! Ишь… А ты так ждал этой охоты, так ждал – первой охоты на крыс, на которую сородичи пригласили. Для любого лесного орка такое приглашение высокая честь. Обычно охотники сами управляются так, что любо-дорого (хоть и платят за это своими жизнями), а тут на помощь родичей позвали – видать, дело-то нешуточное. Вот и взяли бы его, он бы этим тварям показал, Эркин же ясно слышал, как приезжий гость сказал отцу – бери с собой, кого сочтешь нужным, охота будет большая, всем дела хватит. И подмигнул ему, Эркину. А отец как ножом отрезал – мал, говорит еще, нос не дорос с крысами воевать.

Эркин, вспомнив эти слова, засопел еще громче. А обидушка, только того и дожидаясь, залопотала еще быстрее и горячее.

–Конечно, если какая животина бестолковая, вроде любимой материной коровы, в лес забредет, так ее Эркина отыскивать посылают, для этого, небось, не мал. И сотню чурбанов сосновых переколоть – тоже можно Эркина отрядить. А тут на тебе – нос не дорос… спрашивается, где справедливость?

Мальчишка скрипнул зубами, больно прикусив клыком нижнюю губу. Он сидел неподвижно, уставившись перед собой, стараясь удержать горячие, обидные слезы. Там, снаружи, тихо вздыхало спящее озеро, шуршали шаги осторожных ночных животных. Эркин удрал из дому, когда все улеглись спать, притворившись, будто прихватило живот. Он не очень хорошо понимал, зачем это делает – ну, просидит он ночь в лесу, ну, хватятся его утром… только отец вряд ли оценит этакий подвиг. Но другого способа выразить свое негодование в глупую мальчишечью голову как-то не пришло, и Эркин, старший сын орка Снорри, что из Сосновых Хоромин, повинуясь

ударившей в ноги дури, направился в лес. В глубине души (мальчишке казалось, что это место – где-то в животе, по крайней мере, сейчас ныло именно там) он понимал, что поступок его суть осуществленная угроза трехлетнего брата. Тот однажды выпалил: «Вот уйду в лес ночью, меня там волки съедят, небось после этого не будете мне пирога жалеть!»

Он просидел так почти час, слушая сбивчивое лопотание обиды и буравя взглядом темноту. Поскольку обида повторяла одно и то же, ее речи вскоре перестали цеплять Эркина за живое, стали утомительны и неинтересны, а потом и вовсе потянули в сон. Орк свернулся на войлочной подстилке, подложив под щеку локоть, и как только закрыл глаза, тут же и уснул.

Как ему показалось, спал он чуть ли не минуту – ну, самое большее, пять. А потом проснулся от ощущения, будто кто встряхнул его хорошенько за шиворот; Эркин резко вскочил, не сообразив спросонья, где находится, стукнулся головой о низкий земляной свод пещерки, плюхнулся наземь и принялся протирать глаза, отряхиваться от осыпавшегося песка и соображать, что к чему. Проснувшись окончательно, он выглянул наружу – над озером клубились предрассветные сумерки, небо серело. Поежившись от утреннего холодка, заползшего за шиворот, Эркин рассудил, что дома, пожалуй, его вряд ли хватились, так что еще есть время вернуться и попытаться уговорить отца разрешить ему ну хотя бы начистить оружие гостю–охотнику… Орк выбрался из укрытия, смущенно оглянувшись, повторил давешний наговор, торопливо спустился к озеру – плеснуть в лицо пару пригоршней холодной воды и почти бегом поспешил прочь из лесу.

Утренняя дорога и поспешное решение очень похожи друг на друга. Все ясно-понятно, можно больше не медлить… иди вперед, и будь, что будет. Белая песчаная дорога вела орка на опушку леса, откуда было рукой подать до дома. Уже проходя Медвежью Домушку Эркин почуял запах гари. Он озадаченно покрутил носом – на лесной пожар не похоже, чересчур едко и как-то… незнакомо, что ли. Эркин никогда прежде не слышал подобного запаха. Ветер уносил запах прочь от орка, но тот все же забеспокоился и прибавил шагу. Поворот, еще поворот, сосенки уменьшились в росте, будто весь древесный молодняк выбежал из лесу побегать на лужайке. Увидев над колючими верхушками серое облако дыма, Эркин побежал к дому.

У Снорри из Сосновых Хоромин был славный дом. Крепкие стены, сложенные из сосновых бревен… когда солнце заглядывало в слюдяные окна, они казались золотыми. Лавки, крытые мехами. Сложенный из камня большой камин. Шерстяные полосатые половики. На широком столе – запотевшая крынка с молоком, свежий хлеб, нарезанный толстыми ломтями, сморщенные и сладкие зимние яблоки.

Эркин стоял возле огромной ямы, по краям которой дымились жалкие остатки разбитых в щепу бревен, присыпанные землей. Здесь еще вчера был его дом. Теперь – только дым и пепел. Мальчишка, не понимая и не при-

нимая произошедшего, растерянно оглядывался в поисках того, кто сотворил такое. Но каким же должен быть кулак, чтобы разбить одним ударом крепкий дом, разметать его, как сноп соломы… и каким должен быть огонь, в мгновение ока испепеливший дом и всех его обитателей… Эркин глянул вниз и стал спускаться.

На дне ямы, похожей на воронку, присыпанный землей, лежал камень. Небольшой, всего-то с девчачий кулачок, не более, но было в нем что-то недоброе, чужое, будто круги по потревоженной воде, от него расходились волны слепой, не рассуждающей силы. Он внушал не ужас, а какой-то благоговейный страх, как если бы был осколком солнца…

Орк соображал все еще туго – слишком сильным оказалось потрясение, а от резкого, рвущего ноздри запаха все плыло перед глазами; но если мысли и отказывались виться с привычной быстротой, то чувства оказались попроворнее. Эркин стоял, меряя камень взглядом, ощущая, как сознание заполняет безысходный, беспросветный гнев.

–Убийца!.. – прошипел мальчишка, дрожа все телом и – в этом он ни за что бы не признался – плача. Слезы текли по зеленоватой орочьей коже, смешиваясь с висящей в воздухе бурой пылью… Эркин, презрев накатывающий волнами невыносимый жар, пинал камень, то забивая его каблуком в пережженную землю, то подбрасывая носком сапога вверх. Наконец он отдышался, сплюнул горькую, вязкую слюну и погрозил камню кулаком.

–Что вытаращился? Не про тебя ясный свет… душегуб. Я тебя тут и закопаю, – посулил мальчишка и повернулся, чтобы вылезти из ямы и найти какой ни на есть обломок доски, и засыпать камень пережженной землей – понадежнее, чтобы забить этот невыносимый запах горящей полыни, погасить едкое тление, уничтожившее всю его прежнюю жизнь.

–Пощади… – голос, не старый и не молодой, не мужской и не женский, не человечий и не звериный, не эльфий и не орчатский, остановил Эркина. Он вздрогнул, оглянулся – никого… орк тряхнул головой и полез вверх.

–Пощади… – от неожиданности Эркин съехал вниз прямо на животе, и остановился. Наклонился и неожиданно для себя самого взял камень в руки, вглядываясь в темную ледяную глубину, словно надеясь разглядеть заточенного духа, подавшего голос.

–Это… ты?.. – Эркин не знал, как обращаться к камню. Первое удивление улеглось, уступив место прежней решимости; по правде говоря, ему было не очень и интересно, с чего это камень заговорил с ним и что он там болтает. Засыпать его, и дело с концом.

–Не надо, прошу… – камень словно прочитал мысли орка, и мальчишке показалось, что он задрожал – Пощади, не губи меня…

–Ты убил всех моих родных. – Спокойно, даже как-то буднично ответил Эркин. – Теперь я убью тебя. Ну, по крайней мере закопаю…

–Я не желал смерти твоим родным.

–Желал – не желал… все едино. Жизнь за жизнь.

–Да будет так. – Камень дрогнул. – Возьми.

–Чего? – способность удивляться не покинула Эркина. – Это ты о чем?

–Возьми мою жизнь. Это единственное, чем я распоряжаюсь сам, – казалось, камень вздохнул. – Я отдаю ее тебе всю. Навсегда. Тебе и твоему роду.

–Зачем ты мне? – и все же Эркин поневоле наклонил лицо, всматриваясь в сердцевинку камня, черный, прозрачный лед.

–Я обещаю служить твоему роду, твоей крови, Эркин. Дам силы выжить там, где погибнет даже надежда. Сохраню твой род, даже если придется поспорить со смертью. Я буду служить тебе и твоим потомкам. И вся моя сила… – внезапно камень потеплел, и его темная глубина полыхнула золотым драконьим огнем. Эркин вгляделся и увидел такое… в прозрачной темноте вились языки пламени, сплетаясь в узлы, закручиваясь в спирали, выстраиваясь в невероятные узоры… там, в покоящейся на его грязной ладони вечности, рождались и гибли звезды, резвились, бурлили потоки силы, способные творить миры, сотни солнц осыпались как светлячки с куста, потревоженного неосторожной рукой. Он видел, как свет выплескивается из камня, обливает его ладонь, охватывает пальцы – и капает с них, тяжелыми, гулкими каплями. Мальчишка сопнул носом, вытер слезящиеся глаза рукавом.

–Мне так много не надо. Не справлюсь я.

–Справишься, хозяин. – И камень погас.

Спустя месяц Эркин, которого забрали к себе родичи, раздал собратьям двадцать три черных, прозрачных камня, ограненных просто и строго. Хватило как раз на всех старейшин, приглашенных ради такого случая в одно из самых больших поселений близ Края Света. Эркину не пришлось самому раскалывать самородок, камень, угадав мысли мальчика, послушно распался на двадцать четыре продолговатых дольки, как головка чеснока. Недолго думая, Эркин решил отметить камешки рунами, чтобы они хоть чем-то отличались друг от друга. И опять камень послушался его – очертания рун сами проявлялись на гладкой поверхности, словно неведомый резец выводил их четко и уверенно. Двадцать четыре руны… столько же камней. Самый первый, отмеченный огненной Феху, руной первозданного пламени, порождающего и пожирающего миры, Эркин оставил себе. Жизнь за жизнь.

Глава первая. Золотые тавлеи

–Ты и впрямь думаешь, что он успокоился? – этот вопрос не застал ее врасплох; она и сама об этом думала.

–А что ему еще остается? – она невесело усмехнулась, отводя за ухо прядь светлых волос. – Благо нам с тобой, созидающим и неизменным. Я и с одним живым цветком буду счастлива, ты, брат мой, привык охранять границы того, что уже создано. А ему? Что ему здесь делать?

Тишину сада нарушал только плеск воды, стекавшей из расселины в скале по разноцветным камням на каменное ложе ручья. Женщина зачерпнула полную горсть воды и обрызгала куст огненных лилий; в ответ на это растение вздрогнуло, поежилось, стряхивая с листьев холодные капли, и немного пригасило темно-рыжее пламя, вырывавшееся из раскрывшихся соцветий. Этот цветочный огонь, смешиваясь со светом уходящего дня, зажег золотые искры в волосах женщины; она повернулась, заглядывая в лицо собеседнику. Они были настолько похожи, что никто не усомнился бы в том, что это брат и сестра; родство крови выдавали и схожие черты лица, и светлые, закручивающиеся в спирали волосы, и неторопливое изящество движений.

И тут, словно в ответ на ее вопрос, так и повисший в воздухе, раздались радостные, прямо–таки ликующие мальчишечьи голоса.

–Мама! Мама! Ты только посмотри, что отец нашел!

Их дом стоял на самом краю пропасти. Широкие угольно-черные ступени обрывались в воздухе, уходили прямо в бездну, а там, далеко-далеко внизу, ярились океанские волны. Гарм любил прыгать туда – лететь, хохоча, со свистом в ушах, пушечным ядром взорвать жидкое холодное стекло, разбив его на мириады соленых осколков… и наплаваться всласть, ныряя до самого дна, закручивая руками воющие водовороты, выплескивая волну до самого солнца. Потом он, легко оттолкнувшись босыми ногами от океанской пены, взлетал в воздух, поворачиваясь вокруг себя – сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, пока мокрые светлые волосы не взлетали щупальцами разъяренной медузы над его головой. Сделав несколько виртуозно-легких сальто и малость пообсохнув, Гарм взлетал по ступеням на террасу, входил в дом и принимался звать брата. Тот прибегал откуда-то сверху, запыхавшись, с вечным орлиным пером за ухом.

–Держи! – и Гарм протягивал руку, раскрывая доселе крепко сжатые пальцы. В ладони его оказывался то обломок коралла, похожий на когтистую лапу чудища, то кособокая, неправильная жемчужина, потешно отражавшая лица братьев, то раковина, из которой выглядывал рак-отшельник, бранившийся такими словами, что мальчишки помирали со смеху.

Это неправда, что боги любят уют и покой, селятся в тихих обителях где-нибудь на опушке леса, у светлого родника, и ласточки вьют гнезда под крышей их дома. Боги возводят свои дома на острых, клыкастых скалах, обрывающихся в неоглядную пропасть, и поднимают их так высоко, что тучи цепляются и рвутся в лохмотья о шпили башен. Сами стены обители богов кажутся плотью от плоти вековых каменных костей земли; не из тесаного камня, паче кирпича возведены они, но будто вырастают из глубинных недр несущей их тверди, великолепные и несокрушимые. Врата, обращенные на юг, выкованы из жаркого золота и узор на них никогда не пребывает в неподвижности, а между его петлями мелькают юркие саламандры. Из холодного серебра скованы врата, ведущие к северу, хрупкие морозные веточки вырезаны на них и даже летом поблескивает иней. А западные врата ведут в небо, на дорогу птиц и ветров, и створы не закрывают их проем… только гулкое эхо, отталкиваясь от каменных сводов, кувыркается в воздухе. Восточные же врата закрыты. Закрыты, замкнуты, запечатаны; охранные заклятия, принявшие со временем зримую форму замков и засовов, проросли в самую плоть камня, будто корни, вцепились друг в друга крепко-накрепко. Когда-то боги пришли с той стороны неба, откуда начинает свой путь солнце, и не было для них надежды на возвращение.

Сотни просторных, величавых покоев открываются один за другим в доме богов; молодые, еще не вошедшие в силу звезды освещают их. Теплый камень, сухой песок, влажная трава встречают неспешные шаги хозяев; в стенных нишах стоят изваяния дивных существ, держащие в лапах хрустальные фиалы, в которых плещется забродивший сок заката. Огромные залы порой оборачиваются озерами – недвижная водная гладь простирается сразу за порогом, и только изредка залетает сюда особо отважный эллил, сорвать роскошный, благоухающий цветок лотоса для подруги. Много удивительного, страшного и непонятного для смертного взора таится за порогом этих покоев… да только заказан путь в дом богов для слабого человека, покорного смерти и тлению.

Мальчишки мчались наперегонки, сломя голову, так что ветер свистел в ушах; один – высокий, гибкий, черноволосый, другой – чуть пониже, светловолосый и угловатый. Оба были одеты в тонкие белые рубахи, даже не перехваченные поясом, видимо, для большей свободы, и такие же штаны, чуть пониже колен, только у светловолосого на шее висело нелепое ожерелье – нанизанные неровно крупные красные ягоды. За ними шел мужчина, кажущийся еще более высоким из-за худобы, заметно прихрамывающий на правую ногу; у него были короткие темные волосы, торчавшие иглами во все стороны, резкие и ассиметричные черты лица – правая бровь заметно выше левой, правый же угол рта оттянут книзу белесым шрамом.

–Гарм! Фенри! – их мать обернулась, протягивая руки навстречу сыновьям. Они с разбегу налетели на нее, как пара смерчей, и принялись об-

нимать, толкаясь и наступая друг другу на ноги. – Что такое стряслось, что вы голосите как стая потревоженных павлинов? Сурт? – и она вопросительно заглянула в ртутно-зеркальные, светлые глаза подошедшего мужчины. Но он только улыбнулся торжествующе, пряча находку за спиной.

–Погоди-ка… – и Нима подцепила пальцем ожерелье, болтавшееся на шее Гарма. – Это что такое?

–Мам, смотри! – и ее сын сорвал одну из ягод, сунул ее в рот, разжевал и… через несколько секунд его кожа приобрела жутковатый фиолетовый цвет и покрылась черными разводами. – Здорово, правда? И главное, каждый раз другой цвет!

–Гарм! Эти ягоды ядовиты! – Нима всплеснула руками. – И ты об этом знаешь не хуже меня…

–Пустяки, мам… Ну подумаешь, живот поболит. Чепуха какая. Зато как страшно… Уууу!... – И он скорчил зверскую гримасу.

Но мать не оценила его изобретательности и насильно вернула нормальный облик, напоив наговоренной водой из ручья.

–А теперь, когда моему брату вернули достойный вид, хотя ему куда больше пристало шутовское обличие, я расскажу, как все было! – торжественно заявил черноволосый Фенри, важно усаживаясь на траву у ног матери.

–Нет, я! Я старший! – белоголовый Гарм оглянулся на отца. – Отец, можно?

–Ну да, старший, как же! На пять минут ты меня старше! Это не считается! – в знак протеста Фенри толкнул брата, тот не преминул ответить тем же, и через несколько секунд на траве у ног Нимы кипела замечательная драка.

–Дети мои, остыньте!.. – Сурт довольно засмеялся. – Я пока и сам не утратил дара речи, а о такой находке хочется рассказать самому. Нима, Нум!.. смотрите…

В его руках оказалась вырезанная из дерева чаша с изогнутыми краями, гладко отполированная, излучающая слабое сияние. Сурт слегка встряхнул ее, и послышался тихий звон, и сияние стало сильнее. Руки держащего чашу бога окутало золотое облако.

–Золотые тавлеи… – еле слышно выдохнула Нима.

Ее брат, Нум, протянул было руку, прикоснуться к находке, но отвел ее, будто золотое сияние обжигало хранителя границ.

–Где ты нашел их? – и он внимательно посмотрел на Сурта.

–Там, где кроме меня не бывает никто. В пустыне. Пытался выстроить подземные колодцы в цепочку, чтобы хоть кто-то из Кратко Живущих мог одолеть эти пески. Там и нашел.

–Что ты собираешься делать с ними? – любопытство загорелось в глазах Нимы.

–Как что? Играть!.. – и Сурт сел на траву, рядом с сыновьями. К этому времени мальчишки прекратили выяснять, кто из них старше и внимательнее

но прислушивались к беседе. Он вынул из чаши свернутый плат, встряхнул его, разворачивая, и расстелил перед собой. Полотно было белым, тонким, свежим, но несмотря на это почему-то казалось очень старым. Возможно, из-за богатой вышивки, из-за которой почти не было видно самого полотна – ее нити не то, чтобы потускнели или обветшали, как раз напротив – они впитали в себя само время, стали темнее и почти срослись с тканью основы. Игровой плат был круглым; в центре его был закреплен небольшой золотой кружок, вроде монетки, на которой ничего не успели вычеканить. Расходясь от нее плавными извивами, на плате расцветал первый, самый меньший цветок – вышитый оранжевым, апельсиново-ярким золотом. Он словно лежал на втором, большем цветке, вышитом червонно-красным золотом; самый же большой цветок, извивающиеся лепестки которого касались кромки плата, был соткан из нитей черного золота, матового, зажигающего редкие искры в сплетении узлов.

–Смотрите… – Сурт обращался к сыновьям. – Белый игральный плат, вышит искусной рукою. Черный цветок распустил лепестки, красный раскрылся следом. Огненно–солнечный цвет самый меньший и младший. В центре – вожделенное золото цели, воплощенье желания.

Фенри молча прикоснулся к плату ласкающим движением, а Гарм спросил:

–Отец, как этим играют?

–Не спеши, в свое время все узнаешь. Смотри… – и Сурт потряс деревянной чашей – там игровые фигуры и кости, которыми случай отмеряет число ходов на плате.

Не глядя, он запустил руку в чашу и вынул из нее мешочек из такого же белого полотна, затянутого витым шнуром; развязав узел, Сурт достал пару игральных костей, легких и весьма затертых – они немало послужили в свое время.

–Сколько в чаше фигурок – не знает никто. Их столько, сколько потребно для той партии, что разыгрывается здесь и сейчас. Хоть две, хоть полсотни. Запомните, играть на будущее могут только боги – двое, уж никак не меньше. Разыграть прошлое, чтобы вновь пережить уже забытое, или прояснить что-то, оставшееся за гранью внимания, можно и в одиночку. Но чтобы предопределить, предыграть судьбу – нужен противник. Сам с собой не сразишься. Я прав, Нум?

Брат Нимы усмехнулся и кивнул. Вот уже несчетное число лет сестрин муж почти что умолял его возобновить их давние игры с оружием, боевые состязания в силе и умении; он отказывал Сурту, имея на то веские причины, о которых предпочитал не говорить и не вспоминать.

Войско восставших вливалось в Срединную Крепость, подобно потоку раскаленной лавы, сметая на своем пути все живое. Оставив за плечами Зеркальные Врата, стальные створы которых, до блеска отполированные стер-

тыми в кровь ладонями цвергов, отражали каждый нанесенный по ним удар, возвращая его назад с удвоенной силой. Нападавшие оставили у них значительную часть войска, и если бы не остервенелый натиск альвов, возможно, и посейчас бились бы там, стоя на телах своих соратников. Те из светлых духов, кто вступили вслед за Восставшими Богами на стезю разрушения, оказались неудержимы и отчаянны в бою; неудачи только ожесточали их, полученные раны исторгали из перекошенных, пересохших ртов злобное шипение или гневный рык, и там, где уставали или отступали сами боги, альвы стояли насмерть. Перед их отчаянием не устояли и Зеркальные Врата, разбившись вдребезги и еще раз доказав миру, что не бывает несокрушимых врат.

И, ворвавшись первыми в крепость, альвы не умерили своего натиска, не повернули перед дождем стрел, коими осыпали их осажденные; доспех альва легок и прочен, закаленный небесной росой, прокаленный рассветными лучами, ничьи стрелы не страшны ему. Кроме стрел самих же альвов – закаленных росой сумерек, прокаленных расплавом заката. И они, сломившие самую мощную линию обороны Срединной Крепости, падали как спелые колосья под серпом жнеца, ибо их сокровники–лучники, державшие вторую линию, жалости не ведали и били метко.

У четырех дверей, ведущих со внутреннего двора в сердце крепости, Рассветную Башню, стояли боги–хранители. Двери за их спинами были заперты, вопреки всем обычаям – обычно они были настежь открыты, а их стражи стояли, опираясь на тяжелые щиты, и солнце играло на лезвиях ритуальных алебард. Уступать, однако, не собирался никто. Первые из нападавших отлетели, не удержав тяжелых, размашистых ударов стражников. Но вот одному из них удалось перерубить одну из алебард – ценой жизни своего клинка… и своей собственной. Его место тут же занял другой, отличавшийся от прочих, как боевое острозубое копье от тупого турнирного трезубца. На голову выше всех, двигающийся неторопливо и скупо, прячущий лицо за личиной шлема – холодной, ничего не выражающей, абсолютно бесстрастной. Он сражался двумя мечами, доверив им и нападение, и защиту. Защитник, отбросив обломок алебарды, с тяжким подсердечным стоном достал из ножен меч и поднял щит. Нападавший с неожиданной церемонностью вскинул правую руку в приветствии и атаковал. Первые его удары хранитель крепости отражал четко и продуманно, будто знал, куда будет бить его противник, не обманываясь ложными замахами и не позволяя выманить себя от дверей. Однако через несколько минут удача изменила ему; нападавший, не останавливаясь и не обращая внимания на стрелы, клевавшие ртутно-серый доспех, прижал защитника к дверям, вынудив его к глухой обороне, не давая ни единого шанса перейти в наступление. На бога–хранителя, лопатками вжавшегося в дверь, обрушились удары обоих мечей, к ним нападавший добавил всю свою нешуточную ярость. От такого удара застонали, задрожали и обрушились створы; оба сражавшихся оказались на зеленой траве окружавшего крепость сада, десяток шагов – и перед напа-

давшим окажутся белые ступени, ведущие в башню. На несколько ударов сердца его отвлек совсем молодой еще виверн, не успевший догнать в росте лошадь; меч восставшего рассек его зелено-золотые глаза. Защитник тем временем успел подняться; вновь скрестились их мечи. За ними, в открытые двери, врывались все новые и новые воины. На зеленой траве пламенели светло–пурпурные брызги, воздух стонал от свиста грифоньих крыльев, дробился от рева вивернов, трещал, разрываемый тяжелыми лезвиями топоров и мечей. В трепещущие яростью ноздри сражающихся едкой, кислотной свежестью вливался запах озона – его источала щедро проливаемая кровь альвов; иногда его перебивал тяжелый, полынный дурман крови богов.

И в тот миг, когда хранителю стало безнадежно ясно, что такого натиска ему не удержать, когда его обессилевшая рука выронила щит, а меч мог только скользить по доспеху противника, – покрывая шум битвы, прорываясь сквозь раскаленный воздух, откуда-то сверху разрывающим сердце отчаянием прозвенел крик:

–Сурт! Пощади!

Эта мольба о пощаде, невозможная и неуместная, буквально отшвырнула Сурта от поверженного. Тот же, оглушенный, способный разве что дышать, все же смог перевернуться набок, сжимая рукоять клинка и пытаясь приподняться. Между тем воин в серых доспехах, позабыв на время об обессиленном противнике, развернулся к новым врагам. Даже у богов бывают верные и преданные друзья.

Два альва, всегдашние спутники бога–хранителя, не посчитали свои жизни слишком дорогой ценой за биение сердца своего господина и были готовы послужить ему – в последний раз. Оба они были вооружены копьями – мастерски владея этим оружием, напали слаженно и ловко – старший метил Сурту в лицо, а тот, что был помоложе, старался бить по ногам. Некоторое время альвы держались, едва ли не тесня своего грозного противника – однако тот был несравненно опаснее и опытнее. Ему удалось, увернувшись от целившего в грудь копья, пустить саблю вскользь вдоль древка, отсекая юноше пальцы вместе с кистями; тот покачнулся, роняя копье – хватило единственного удара, чтобы покончить с ним. Между тем тот, кого с таким мужеством защищали альвы, уже почти пришел в себя; все еще обессиленный, он едва ли смог бы подняться на ноги. И гибель альва, и собственная беспомощность привели его в ярость; он сорвал с себя шлем и в отчаянии швырнул его в Сурта. Тяжелый шлем ударил Сурта в плечо; дернув головой, он на единственный миг подался в сторону оставленного врага – и этого мгновения оставшемуся в живых альву хватило, чтобы успеть ударить развернувшегося противника копьем под колено, вложив в этот удар все оставшиеся силы.

Ртутно-зеркальная личина дрогнула, по ней словно прошла гримаса. Названный Суртом упал, личина, по-прежнему бесстрастная, уткнулась в траву. А на его место тут же встал другой воин.

– Что ж… вам играть еще рано… – Сурт покачал головой и несерьезно нахмурил брови в ответ на недовольное фырканье Гарма. – Успеется. А вот правила знать вы должны. И лучше, чем живая игра, вам их не объяснит никто.

–Сурт, в их возрасте нас даже близко не подпускали к тавлеям, – Нима опустила руку на запястье мужа. – Повремени.

–Нас ко многому не допускали. Не бойся, Нима… Я сыграю один. – Он ласково провел пальцами по волосам жены. – Нам ли страшиться прошедших дней?

Дневной свет совсем угас, однако на поляне, где собрались молодые боги, было почти светло – отчасти от вновь раскрывшихся огненных лилий, отчасти от золотого сияния, которое источали и чаша, и вышивка на плате. Было тихо, безветренно; беспечальный покой разливался в воздухе.

Сурт взял чашу обеими руками, слегка склонил голову, закрыл глаза и сказал:

–Гибель мира, богов сотворивших и богами же сотворенного… последняя битва.

И он опрокинул чашу над вышитым платом. Из нее стали вылетать небольшие, ростом с полевую мышь, фигурки; вылетать, плавно опускаться на игровое поле, вставая каждая на свое место. Часть фигур была сделана из светлого золота, часть – из черного, еще более темного, чем нити вышивки. Гарм и Фенри глядели во все глаза. Фигурки падали на плат, замирали на мгновение, сжавшись в комочек, охватив руками колени – и спустя несколько секунд вставали, выпрямляясь во весь рост. Среди них были воины в доспехах, женщины в простых или причудливых нарядах… всего не более двух десятков фигур. Некоторые расположились совсем рядом друг с другом; некоторые из персонажей, ожидая первого броска костей, седлали коней, усаживались на вивернов.

–Ох ты… не подумал я об этом. – Сокрушенно сказал Сурт. – Многовато персон для первой игры. Боюсь, вам наскучит следить за уже известными событиями.

–Нет! Что ты, отец… – не отрывая глаз от волшебного зрелища, откликнулись его сыновья.

–Тогда слушайте правила. Для каждой фигурки – некоторые из них представляют целые расы… вот смотрите, это альвы, пока единые, это цверги… ну и так далее, – так вот, для каждой бросают кости. Выпавшее число определяет количество шагов, которое фигура проходит по полю. Движется она по спирали. Цвет вышивки, на которой фигура останавливается, определяет обстоятельства, в коих она оказывается – черный предуказывает осложнения, беды, необходимость сопротивляться и выживать. Красный – предписывает страсти, волнения, беспокойства, страдания и радости. Солнечный цвет накаляет и без того разгоряченных героев истории до предела, за который переступать небезопасно… и они все его переступают. Кроме

того, чем ближе к вожделенной цели, тем вероятнее всяческие невозможности и волшебства, – и Сурт подмигнул сыновьям.

–Если фигура останавливается на черном, то она должна сделать два шага назад, если на красном – то два шага вперед. Есть одно условие – если фигура пожелает, то может, встав на красное, вытянуть своего соратника, попавшего на черное, ценой своих призовых шагов. Если выпадут две шестерки – то можно вытянуть двоих или самому сделать двенадцать шагов. Великое дело – выбор.

–Отец, постой… – Фенри внимательно рассматривал переминавшиеся в нетерпении фигуры – Ты говоришь, если пожелает? Так они что, сами решают, как играть?

–Можно сказать, что и так. Видишь ли, сын, попадая на этот плат, фигура обретает на время игры характер и способности своего героя, ею движут те же страсти и пытаются управлять те же мысли. Нам остается только бросать кости, а случаю – определять число шагов.

–Отец, а как быть, если у противников разные цели? – спросил Гарм. – Ведь эта битва разделила всех – и богов, и альвов, и смертных. А здесь цель одна…

–Именно, что одна, сынок. Цель у всех была одна – добиться своего. Любой ценой. Одним – удержать, сохранить, не пропустить. Другим – заполучить, преобразовать, изменить.

–Отец, это… ты? – и Фенри указал на фигурку, отличавшуюся ростом и худобой, с двумя мечами за спиной. Черную.

–Угадал. А вот это ваша мама, – и Сурт прикоснулся к сидящей на грифоне девушке, – и ее брат… – фигурка стояла рядом с тремя похожими персонажами, опирающимися на тяжелые щиты и держащими алебарды. Эти фигурки были из светлого золота.

–Нум… смотри, наш отец, Эдред Вседержитель, – Нима завороженно смотрела на игру. – И Ветрогон, мой грифон. Как живые… как прежде. Сурт. – Она заглянула в глаза мужа. – Ты играл в тавлеи, хоть раз?

–Вы оба мне не поверите, – Сурт насмешливо поклонился, – но – да. Играл. Причем не на свершившееся. Однажды мы с Торольфом Лучником сцепились из-за какого-то пустяка, шла война – как обычно, а мы покровительствовали враждующим сторонам. Как только не измудрялись, уже на личности перешли, всякие пакости друг другу подстраивали… Мы так надоели старику Эдреду, что он разрешил нам обратиться к тавлеям, чтобы мы побыстрее исчерпали эту историю.

–И как? Ты его побил, да? – Глаза Гарма горели такой восторженной любовью, что в сердце его матери могла бы закрасться ревность… но только не в сердце Нимы. Она была счастлива любым проявлением любви и приязни, обращенных к Сурту.

–Нет, дружок. – Сурт потрепал светлые волосы сына. – Я проиграл. С судьбой не поспоришь. Я не сказал, на плате есть особые места, никто не

знает, где они проявятся в новой игре. Мы называли их мертвые узлы. Если фигура попадает на мертвый узел, она погибает – даже если вокруг нее нет ни единого врага и ничто ей не угрожает. Такие вот правила. Есть еще тонкости, но их я объясню за ходом игры. Пора начинать…

И Сурт перевернул мешочек над ладонью, встряхнул в горсти игральные кости и со словами: « Начинаем, дети мои!» – бросил их наземь.

* * *

Прежде всех слов и вещей были в этом мире Огонь и Лед. Один вскипал в бездонной пропасти, ничем не сдерживаемый и нечего не согревающий, другой стыл тяжкой глыбой, косный и бессмысленный. Но случилось так, что однажды Желанию вздумалось протанцевать меж ними; дорожка, оставленная его замысловатыми прыжками, соединила две пропасти. Так возник мир. Огонь получил форму, Лед обрел дыхание. Вместе с миром появились и боги, созданные им и его же создающие.

Эдред Вседержитель хранит порядок вещей, что был задан богами; никто не осмеливается противиться его власти. Его жена, Иуле, хранит память обо всем, что достойно упоминания, многие тайны мироздания ведомы ей. Пятеро детей у Эдреда и Иуле: дочь Нима возлюбила живые создания, населившие мир и сделавшие его Обитаемым, их сыновья – Нум, Торольф, Квельд и Никкар – стерегут границы и защищают покой мира.

Родной брат Эдреда – Хакон. Он всем недоволен и обо всем беспокоится; мало кто может ему противиться. Жена его, Варгамор, покинула богов; она хозяйка мира Смерти. И у них также пятеро детей: Сурт, единственный сын, несущий в мир разрушение и перемены, и дочери – Стейно, Эвриала, Сигне и Маара – они вслед отцу порождают в мире беспокойное недовольство и жажду нового.

Обитаемый Мир щедро одарен Жизнью, но над нею, имеющей тысячи ликов, знающей сотни форм, властно Время. Именно его воля уводит Жизнь в Смерть, и никому не дано повернуть ее вспять. Все родившееся должно однажды умереть – таков закон времени. Хозяйкой мира мертвых по собственной воле стала Варгамор – однажды она покинула обитель богов, чтобы уйти по дороге, ведущей через весь Обитаемый Мир, в неведомые пределы. Никто с тех пор не видел ее; только Сурт приходил иногда к вратам мира мертвых и, тоскуя, звал ее. Иногда откликалась Варгамор, и сын с матерью разговаривали, не умея даже взглянуть друг другу в глаза.

Боги не были одиноки в своем мире; их помощниками и спутниками стали светлые альвы. Они сопровождали богов в их странствиях, приносили их волю в Обитаемый Мир и следили за ее воплощением. И были те, кто хранил изначальную сущность мира – должен же был кто-то заботиться о том, чтобы несмотря на все игры богов поутру вновь вставало то же самое солнце… о них – Сущностях – редко когда вспоминали, но помнили постоянно.

За пределами мира оставалась предвечная Пустота, отделенная непреодолимой стеной, и ее ненасытимая алчность стала настолько невыносимой, что приняла зримый облик. Она стала подобна чудовищной Волчице, которую Хакон в насмешку прозвал Прорвой и Несытью, а остальные боги избегали произносить ее имя. Она томится у пределов Обитаемого Мира, рыскает у границы мира мертвых, пытаясь заглушить рвущий ее внутренности голод. Та пища, что дает ей Варгамор, лишь на время успокаивает ее, ибо кормит ее хозяйка мертвечиной, отжившей, износившейся плотью, лишенной пламенеющего духа, а Пустота жаждет быть наполненной Жизнью.

Так продолжалось несчетные века. И однажды сказал Хакон: «Зачем позволяем мы духу покидать пределы Обитаемого Мира? Смерть забирает самое ценное, оставляя лишь косную материю…» Ему ответила Иуле: «И у нее есть свое назначение, чем же еще можно насытить ту, о которой ты знаешь?» Хакон возразил: «Прорву насытить невозможно. Мы сами вскармливаем себе погибель, ибо мертвое делает ее сильнее, но не насыщает, а лишь растравляет ее голод. Придет день, и она станет настолько сильной и обозленной, что и врата Варгамор не удержат ее».

–И что же нам делать, как спасаться, брат мой? – Эдред с недоверием смотрел на Хакона.

–Я уже говорил тебе. Наполним Пустоту Жизнью. Соединим вновь миры Огня и Льда, отдадим силу новой жизни миру мертвых.

–Ты предлагаешь оживить Смерть? – изумленно подняла тонкие белые брови Иуле.

–Я лишь хочу, чтобы и за пределами жизни была Жизнь.

–Это противоречит всем установлениям, брат! Никто не согласится на такое безумие. Разве что твой сынок… – Эдред покачал головой. Редко когда он соглашался с братом, но столь резко отвечал, пожалуй, впервые.

–Если ты боишься ошибиться, давай сыграем. И пусть тавлеи ответят, так ли я безумен. И ты ошибаешься… мой сын не одинок в своем согласии со мной.

–Тавлеи? – переспросил Эдред. – Мы оба знаем, откуда взято их золото. Играть первосущностями о них же? Неплохо придумано.

Эдред и Хакон поднялись в верхний зал Рассветной Башни, где предпочитали разыгрывать те партии, исход которых мог быть слишком серьезным, чтобы делать его достоянием всех богов. Иуле, расстелив игральный плат на сером каменном столе и поставив рядом чашу с фигурками, ушла, плотно закрыв за собой дверь. Братья сели за игру. И никто так и не узнал, чем закончилась она и была ли доведена до конца; только они покинули башню вместе. И уже на пороге Эдред во всеуслышание сказал, что запрещает Хакону даже приближаться к золотым тавлеям, что гнев его падет на головы тех, кто осмелится помогать возмутителю спокойствия…

–Он желает, чтобы мы открыли врата Волчице, дабы удобнее ей было пожрать то, что с такой любовью мы творили и берегли!

–Если мы не откроем ворота и не дадим ей то, чего она жаждет, Прорва справится и без нас. И тогда она возьмет все, до чего сможет дотянуться. И никто из нас не помешает ей.

Так мир и согласие навсегда покинули мир богов. Вражда подобно заразе распространилась и на мир альвов, и на мир смертных. Она разделила их всех на две части – одни желали уберечь то, что и без того было их, другие хотели большего и готовы были рискнуть всем.

Однажды, впервые за сотни лет, Хакон подошел к вратам царства мертвых и позвал свою утраченную спутницу.

–Варгамор, ответь мне. Долго ли ты сможешь удерживать ее?

–Мои силы на исходе, Хакон. – Голос, доносившийся из-за призрачно-серой стены, был тих и печален. – Так тоскливы ее вопли… столько боли в ее стенаниях… я знаю, что однажды не выдержу и отдам ей единственную жизнь, что есть здесь – свою собственную.

–Лучше уж выпусти ее за ворота. Если Прорва получит тебя, всей нашей силы недостанет, чтобы удержать ее.

–О чем ты говоришь, Хакон? – тихий голос стал тверже. – Боги не нарушают данного слова. Я не открою ворота.

И тогда понял Хакон, что нет у него иного выхода, кроме как начать войну – войну против собственного брата и всех тех, кто держал его сторону. Отвоевать тавлеи, доиграть прерванную Эдредом партию и вновь соединить потянувшиеся друг к другу Огонь и Лед. И отдать ту силу, что родится от их союза, Пустоте и Смерти.

Летят на траву затертые игральные кости. Фигурки передвигаются по плату.

–Отец, смотри! – Фенри дернул Сурта за рукав. – Что это такое?

Фигурка, изображавшая альва, – высокого, остроухого, с огромными крыльями – застыла на черном лепестке; внезапно она рухнула на колени. Альв сжал руками голову, запрокинул ее… по лицу его прошла судорога, неслышный крик разорвал рот. И тут очертания фигурки стали расплываться, она таяла, сливаясь с черным золотом вышивки.

–Это и есть мертвый узел? – тихо спросил Фенри.

–Да. – Подтвердил Сурт. – Ты смотри…

Еще два броска костей – и почти рядом с альвом оказались Никкар и Эвриала, оба на красном золоте. Воин, спешащий занять свое место у врат Рассветной Башни, и вычурно одетая девушка верхом на молодом виверне. Обе фигурки не использовали возможность продвинуться дальше по игровому полю, а протянули руки умирающему альву.

Вы пойдете за мной, даже если мне придется стегать вас хворостиной, как стадо гусей! – и в самые спокойные времена Эвриала не умела уговаривать несогласных с ее мнением; дипломатия никогда не была ее сильной стороной.

Альвы, собравшиеся тронном зале, молчали. Тишину нарушал только шелест множества крыльев. Девушка в слишком богатом наряде, казавшемся особенно причудливым на фоне простых и строгих одеяний альвов, оглядывала их злыми, темными глазами. Верхняя юбка ее платья была расшита наподобие павлиньего хвоста и подобрана так, чтобы показать кружева нижних юбок, сплетенные из сверкающих хрустальных нитей; пышные газовые рукава переливались всеми оттенками зеленого – от темно-елового до светло-травяного, а с запястий свисали ленты и нити бус. Вызывающе низкий вырез платья обрамлял жесткий кружевной воротник, поднимавшийся от плеч искусно вырезанными зубцами, щедро усыпанный изумрудами и алмазной крошкой. Черные волосы Эвриала уложила в высокую прическу, украшенную плюмажем и нитями жемчуга.

–Вы пойдете за мной! – ее пронзительный голос, не отличавшийся приятностью, сорвался на крик; сжались тонкие, затянутые в кружевные перчатки пальцы.

– Куда? – тихо спросил ее альв, стоявший впереди других. – Ты велишь нам идти войной на тех, кому мы служим с начала времен. Опомнись, дочь сомнения, возможно ли это?

–Не пойдете – смерть все равно придет за вами, и те, кому вы служите, вам не помогут.

–Зря ты так скоро сбросила нас со счетов, Эвриала… – этот голос принадлежал входившему в зал мужчине. Он подошел к девушке, учтиво поклонился, оставив без внимания ее презрительное фырканье. Все в нем – и черно–серые тона костюма, и спокойные неторопливые движения, и вежливый взгляд зеленых глаз – все говорило о сдержанности и безупречном вкусе.

–Повторяю тебе, хотя ты и отворачиваешься от меня, я готов помочь…

–Зачем ты вмешиваешься, Никкар? Или ты думаешь, что память прежних дней заставит меня передумать и изменить своей цели?

–Я надеялся, что ты хотя бы выслушаешь меня. Эвриала, вы безумны, если ожидаете помощи от альвов. Они никогда не встанут на сторону тех, кто разрушает.

–А как быть с теми, кто увидит в разрушителях истинных хранителей?

Задав этот вопрос, альв, стоявший у окна, распахнутого в небо, подошел к богам. Он поклонился им и сказал:

–Я и мои сородичи готовы исполнить вашу волю, госпожа. И мы не одиноки, поверьте, господин, таких, как я, много…

–Опомнись… – стоявший впереди всех альв смотрел на отступника с изумлением и болью. – Ты не ведаешь, на что обрекаешь нас…

–Может быть. Но я чувствую, что жажда новой жизни, новой истины не позволит мне жить, не присягнув ей. Даже если присягать придется смертью.

–Никкар, останови их! – альв умоляюще протянул руки к богу. Но тот молча отошел, уступая дорогу Эвриале и последовавшим за ней альвам.

Расплывающаяся фигурка широко раскинула руки. Правая рука ухватилась за Эвриалу, левую сжал Никкар. Через минуту фигурок стало две.

–А почему они все еще с крыльями? – спросил Фенри.

–Неужели ты думал, что у всех пошедших за Хаконом альвов враз отсохли крылья и вылезли клыки? – засмеялся Сурт. – Такое только в сказках бывает, сын. Изменения настигли их спустя несколько недель после начала войны.

–Отступников крыльев лишил Эдред… а верных – Хакон, – тихо сказал Нум.

–А уже потом они стали меняться сами. И потому, что те, кого ваш дядя называет отступниками…

–Прости, Сурт. Привычка… – смутился Нум.

–Ничего. Так вот, они оказались куда отчаяннее и несдержаннее в бою, чем их сородичи–хранители, и гораздо более жестоки по отношению к слабым смертным. Потому обрели тот облик, что и посейчас. И отказались от прежнего имени – орки, так теперь они себя называют.

–Так эльфы и орки были некогда единым народом? – удивленно поднял брови Гарм.

–Сын мой, и ты только сейчас узнал об этом? Хорошо же ты изучал историю прежнего мира, нечего сказать… – Сурт покачал головой.

–Прости, отец… теперь я обязательно перечитаю свитки, – покаянно пообещал Гарм.

–Да уж постарайся. Играем дальше, дети мои.

И снова летят кости, определяя число ходов фигуркам. Но когда все уцелевшие собираются на лепестках раскаленного солнечного цвета, происходит что-то необъяснимое.

Маленькая фигурка девушки покидает своего грифона и склоняется над фигурой поверженного воина. Ей только что выпала редкая удача – сразу две шестерки обозначились на игральных костях, и путь перед ней открыт – до вожделенной цели не более двух десятков шагов. Она могла бы опередить всех и, возможно, выиграть, но вместо этого предпочитает с помощью другой фигурки – двигающейся с трудом, с непокрытой головой и такой же светло-золотой – втащить черного воина на спину грифона, помочь подняться брату и сесть самой. Едва она успевает взять в руки по-

водья, как вышивка игрального плата начинает двигаться. Словно хищные щупальца извиваются черные лепестки, разрастаясь, захлестывая и красное, и солнечное золото. Нити будто вскипают, дергаются, силясь вырваться из ткани, рвутся – и начинают пропадать. На глазах изумленных богов вышивка тает; диковинные цветы, предопределявшие судьбы, поглощает белизна основы. Фигурки, доигравшие почти всю партию, сворачиваются в клубочки, как в самом начале игры и так и застывают. И только грифон успевает развернуть крылья и подняться в воздух; он парит над белым, нетронутым полотном.

–Игра закончена. – Тихо говорит Сурт. Грифон опускается в центре плата, фигурки спускаются с его спины и встают рядом друг с другом.

–Чего ты хотел, Сурт? Надеялся узнать, остался ли кто за пределами Обитаемого Мира? – невесело спрашивает Нум.

–Да. – Кивает Сурт. – Уж очень быстро все тогда произошло. Нима, ты никогда не рассказывала мальчикам об этом… как вы поняли, что Прорва вырвалась?

–Тогда мне было все равно, кто победит и чья правда возьмет. Я должна была унести вас обоих в безопасное место… не смейтесь, я верила, что смогу отыскать такое, при живом фронтире…

–При ком? – спросил Фенри.

–Фронтир – это движущаяся граница мира, сын. Здесь она неподвижна, мы создали иллюзию ее удаления, чтобы не было так тоскливо. В прежнем мире границ не было – сколько бы ты ни шел, впереди было неограниченное пространство, а фронтир убегал от тебя, как живой.

–Вот это да… – мечтательно протянул Гарм. – Мне бы так…

–Я уносила вас из Срединной Крепости, не зная, выживете ли вы, и не особо оглядывалась по сторонам, но то, что я видела, особенно в Альвхейме…

–Я все думал – почему Альвхейм? Почему не мир людей, ведь он был ближе к ней, – проговорил Нум.

–Если тебя держат взаперти достаточно долго, чтобы ты успел разозлиться, то вырвавшись, ты ведь не шагом пойдешь, верно? Я думаю, Прорва вымахнула прыжком и оказалась в мире альвов… дотянулась.

–Ты прав, Сурт. Она дотянулась. – Нима опустила глаза. – Я видела, как исчезает целый мир, растворяется в гулкой пустоте… А потом она принялась за наш дом. Когда я видела, как альвы убивают друг друга, думала, что ничего ужаснее не увижу. Но это… Все мы с нашими спорами и войнами были для нее не более чем пляска пылинок в солнечном луче. И я поняла, что должна поторопиться, если хочу успеть хотя бы еще раз взглянуть на ваши лица. Ветрогон рвался из последних сил, обгоняя свет звезд, и где-то в мире людей силы его иссякли. С первыми рассветными лучами он внес нас сюда… – Голос Нимы дрогнул и она замолчала.

–А Прорва, она что, подавилась? – недоверчиво спросил Гарм.

–Хотелось бы, сын. – Вздохнул Сурт. Он обнял жену за плечи, прижал к себе. – То, что этот кусочек мира и мы в нем все еще живы, вовсе не означает, что пустота насытилась. Как только силы вернулись к нам, первое, что мы сделали – закрыли врата, которыми пришли. Слишком опасно держать открытой дверь, в которую может войти тот, кого ты не очень хочешь видеть в своем доме. Но все не так уж плохо… – И он погладил жену по волосам.

–Отец, что же с ними? – и Фенри показал на застывшие скорчившиеся фигурки.

–Не знаю. – Помрачнел Сурт. – Не вижу и не чувствую. Да что я, сами тавлеи отказались играть это. И я не понимаю, как они сюда попали – ведь хранили их в Рассветной Башне, так ведь, Нум?

–Да… – не очень уверенно сказал Нум. – Я был уверен в этом, когда стоял там. Иначе…

–Понимаю. – Кивнул Сурт. – Но теперь это не так уж важно.

Он собрал отыгравшие фигурки, сложил их в чашу, туда же убрал мешочек с костями и плат, все еще белый.

–Я думаю, вышивка проявится… позже. Если у кого-нибудь из вас возникнет охота сыграть – тавлеи здесь. – И Сурт поставил чашу у подножия скалы, из которой бил родник.

Глава вторая. Сыновья

–И занесло же нас в эдакую дыру… – раздраженно сказал высокий светловолосый юноша лет двадцати. Он сидел в распахнутом проеме ворот, выходивших прямо в небо, опираясь спиной на стену, одну ногу согнув в колене острым углом, другой болтая в воздухе. В руках у него был пышный розово-белый цветок; юноша отрывал лепесток за лепестком и отправлял их в рот.

–Опять за старое, Гарм? – спрашивавший парил перед недовольным, держась в пронзительной синеве силой огромных орлиных крыльев, заменявших ему руки. Он был черноволос, красив и, судя по выражению рта, упрям. – Ну чего тебе не хватает, скажи на милость?

–Скажу. Только пообещай, что не будешь драться.

–Обещаю.

Получив такое обещание, названный Гармом отбросил в сторону цветок, встал на самом краю западных врат, вытянул руки в пустоту…

–О! Чуть не забыл. Ты не сопротивляйся, ладно?

И прежде чем его брат успел ответить, запел. Пел он мастерски, ничего не скажешь. Голос, низкий и резковатый, терпкий как вкус терновника, не смягченного первыми морозами, облекал заклятие плотью слов и мелодии, падавшей короткими выдохами и свистящими вдохами. Песня молодого бога окружила парящего в воздухе и для начала заставила уменьшиться до размеров крапивника. Гарм протянул руку, осторожно взял брата и слегка подул на него. Вокруг крылатой фигурки взвихрился прозрачный поток, защищая ее, Гарм убрал руку и продолжил песнь.

Из ниоткуда сплетались в воздухе стальные прутья клетки. Вскоре они окружили «птичку» безнадежно непреодолимо; но этим песнь не закончилась. Клетка получилась огромной. Внутри ее волей Гарма расцвели миниатюрные сады, зажурчали родники и речушки, вспыхнуло маленькое солнце, запели ветра. И внезапно клетка исчезла. Только парил перед Гармом в воздухе зелено-пестрый, живой шар.

–Прекрасная иллюзия, не так ли? – спросил он. И попытался сорвать ветку с маленького дерева. Но пальцы его уткнулись в невидимую преграду. Клетка, как оказалось, никуда не делась. Клетки вообще не имеют привычки исчезать, их можно только сломать…

–Причем изнутри это сделать легче. – Уверенно сказал Гарм. – Ну как тебе там? Не тесно?

–Тесно! И вода у тебя соленая получилась! Хватит, Гарм!

И клетка-сад пропала. На ее месте вновь возник юноша с орлиными крыльями. Он подлетел к вратам, ступил на твердый каменный пол и встряхнул крыльями, обращая их в обычные руки.

–Тесно тебе здесь. – В его голосе было сочувствие и немного непонимания. – Понимаю… хотя и не очень. Ну чего тебе не хватает?

–Свободы. Места. Времени. Да не знаю я! – и Гарм вновь сполз спиной по стене, садясь на холодный пол. – Не знаю, Фенри.

Фенри сел рядом с братом, положив руку ему на плечо.

–В батюшку пошел, братец… Кровь бунтарская. И голова дурная… у тебя, конечно.

Гарм искоса глянул на брата и ничего ему не ответил. Эти братья при всей родственной схожести черт лица были на редкость непохожи. Фенри, одетый строго и безупречно, действительно был похож на молодого бога – красив, статен… уверенный, повелительный взгляд угольно-черных глаз, черные же волосы, облекающие плечи и спину подобием царственной мантии, на голове – венец с двумя зубьями, поднимающимися над висками… И Гарм – одетый в какие-то нелепые одеяния, на плечах – широкий воротник с фестонами, длинные дырявые рукава петлями охватывают пальцы, ткань, вышитая пестро и беспорядочно, явно нуждается в чистке… на руках и на лице бога – рисунки, сделанные соком ядовитых ягод, светлые волосы взлохмачены, а в глазах, светлых как роса небесная, – тоска и нетерпение.

–Ну да, тебе повезло, маменькин сынок… Скажи, чего ты боишься? Сколько раз мы с тобой играли, все обходилось! – и Гарм раздраженно сплюнул в небо.

–Нет, брат, и не напоминай. Не буду я с тобой на огонь и лед играть. Не буду. Хоть убей.

–Дурак.

–Сам такой.

–Ты хуже дурака, ты трус.

–Не заводись, Гарм. – Но руку с плеча брата Фенри убрал. – Сам знаешь, что говоришь неправду. Хочешь, пойдем побьемся? Глядишь, полегчает…

–Нет. Не хочу. – Гарм встал. – Пойду отца поищу. Давно не виделся. Ну, бывай, брат. – И он повернулся и пошел вглубь дома.

Сколько веков минуло в Обитаемом Мире с тех пор, как поселились в нем последние из Богов – никто не ведает. Этот осколок прежнего обширного мира, уютный и невеликий, стал их домом и – увы… тюрьмой.

Большинство в Обитаемом Мире составляли люди – светловолосые и гордые на севере, смуглые и мстительные на юге, скрытные и непонятные на востоке. А на западе этого мира поначалу обосновались альвы. Вернее те из них, что стали эльфами. Пройдя горнило братоубийственной войны, научившись – но не привыкнув – убивать себе подобных, альвы утратили способность летать, одолевая огромные расстояния и обгоняя ветер, разучились взывать к Сущностям, забыли многое из того, что прежде было им ведомо. Все, что осталось им – значительно более долгая, чем у людей, жизнь, почти что бессмертие; способность в минуты крайней опасности

различать голоса стихий и обращаться к ним; да еще обрывки воспоминаний о былом величии и могуществе.

Племя отступников, именовавших себя орками, было рассеяно по всем северо-восточным землям; в отличие от эльфов, они не создавали единого государства и не выбирали себе королей. От прежних времен у альвов-отступников не осталось почти ничего. Кожа их приобрела зеленовато-смуглый оттенок, резцы удлинились и заострились, став со временем угрожающими клыками. Такой звероподобный облик не помешал оркам общаться с людьми; они и союзничали, и воевали со смертными гораздо чаще, чем их светлые собратья. Способность орков к магии проявлялась редко, они предпочитали нападать и разъяснять все недоразумения языками мечей, нежели чем вытягивать из противника душу силой тайных знаний.

С того времени, как закончилась война богов, меж эльфами и орками установился настороженный, оскорбительно-недоверчивый нейтралитет. Они либо высокомерно не замечали друг друга, либо – при неизбежной встрече – вели себя как разделенные и спаянные вековечной кровной враждой. Стоит ли упоминать о том, что они не раз воевали и каждый из них считал другого предателем.

Кроме пятерых выживших в этом мирке оказались и свои божки, они обитали в море, в горах, а самый приметный из них избрал местом своего пребывания чудовищные леса на юго-западе. Власть этих божков была невелика, возможности – еще меньше, впрочем, как раз по мерке этого мира, вряд ли бы он вынес большее могущество.

Повзрослев, Фенри и Гарм приняли участие в обустройстве Обитаемого Мира. Фенри больше времени проводил с братом матери, Нумом; их сближало пристрастие к порядку и оформленности. Гарм же очень быстро оказался правой рукой Сурта, и если в мире что-то менялось, причем не всегда в лучшую сторону, он всегда оказывался к этому причастен. Гарм попрежнему частенько позволял себе нелепые, шутовские выходки; он часто общался с людьми. Фенри до подобного не опускался.

–Здравствуй, отец. – Гарм вошел в небольшой покой, похожий на каменный подводный грот. По стенам причудливыми узорами лепились ракушки, змеились ленты водорослей. Сурт сидел, согнувшись, положив подбородок на сцепленные руки. Услышав голос сына, он поднял голову.

–Здравствуй. Опять брата на игру подбивал? – и Сурт жестом пригласил Гарма сесть рядом.

Гарм коротко кивнул и уселся, куда указали. Он мрачно пинал босой ногой зеленый мшистый ковер, безжалостно сминая, растрепывая нежный ворс.

–Ну и дурак. – Необидно хохотнул Сурт. – Ты бы еще Нума пригласил.

–Ну хорошо. – Буркнул в ответ Гарм. – С ними все ясно. Но вы, почему вы отказываетесь играть со мной?

–Я уже объяснял, сын. – Сурт развел руками. – Слишком мне нужна эта партия. И ты не ровня мне, как игрок. А тут нельзя будет ни проиграть, ни выиграть… боюсь, так провести партию ты не сможешь.

–И что теперь? Так и будем штопать прорехи на здешнем небосклоне? Отец, чего бы мы не делали – этого мало.

–И тут ты прав. Сам я давно понял – такими вот стежками–штришками погоды не сделаешь… Да, мы что-то меняем, все больше по мелочам… но незначительные, местные улучшения не исправят тесноты и замкнутости этого мира. Если мы хотим большего – надо взорвать старое и создать новое. Только так.

–И как нам объяснить это семье? – язвительно поинтересовался Гарм.

–Никак. – Сокрушенно пожал плечами его отец. – Сын, не злись. Они сами поймут, со временем.

–И сколько веков мне еще ждать? – Гарм со вздохом распростерся на зеленом мшистом полу навзничь. – Я устал плавать вокруг этого мира, как рыба в садке. Я знаю каждую скалу, каждый корабельный остов… И летать тошно, будто тебя за ногу привязали – наматывай знай круги. Звезды все пересчитаны, все цветы сорваны, и сплетены в венки… и сердце мое молчит в ответ на все голоса этого мира. Тоска, тоска… Отец, я устал ждать, что произойдет хоть что-то новое, небывалое еще под этим солнцем…

Сурт в ответ тихо засмеялся. Как давно это было, когда он сам говорил такие же слова Хакону, своему отцу, и так же рвался в бой, и жаждал преград…

А Гарм продолжал. Он вынул из уха серьгу, плоский изогнутый треугольник, ртутно-зеркальный, ледяной на вид, и раскачивал ее, держа двумя пальцами, у себя перед глазами, будто убаюкивая сам себя.

–Мне тесно, отец… Это не скука и не лень. Да, я часто жалуюсь, мол, делать нечего в эдакой клетушке. Куда ни ткнись – упрешься в стену. Странно быть богом и постоянно ощущать свою ущербность. Этот лживый фронтир каждый день ухмыляется мне в лицо – ну, и как далеко простирается твоя божественность? А как насчет перешагнуть через меня? И еще этот постоянный рикошет… Словно щелчки кто дает. Обидно так, по лбу. Малейшее возмущение здешнего проклятого спокойствия, чуть-чуть божественного произвола,– и Гарм пренебрежительно скривил губы – и тебя тут же ставят на место. Людские маги, и те плачутся на скудость своих сил. Взывают… просят…

–Ты снисходишь до общения со смертными? – поинтересовался Сурт.

–Так же, как и вы. – И Гарм улыбнулся. – Как мой младший брат, тот, в Шаммахе? Уже вырос из пеленок?

–Уже. Способный мальчик, даже слишком.

Они замолчали. Наконец Сурт прервал затянувшуюся паузу.

–Вот что, сын. Про тавлеи ты можешь забыть – никто из нас не станет играть с тобой. А значит, надо искать другой путь… – он присел на колени

рядом с лежащим сыном, отвел от его лица раскачивающийся ртутный треугольник. – Ты давно не был у восточных ворот?

–Что? Так туда вообще никто не ходит. – Взгляд Гарма прояснился, стал цепким и любопытным. – Восточные врата, вы говорите?

–Именно. Если мы откроем их, – Сурт подчеркнул первое слово – То получим все и сразу, и быть может, даже больше, чем ожидаем. Или ничего…

–Но как же то, что осталось за вратами?

–Это ты о Прорве беспокоишься? Я думаю, что если бы ее голод не был тогда утолен, вряд ли ее удержали бы наши слабые заклятия. Что-то произошло там тогда… Вот что. Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Боги миновали анфиладу покоев, простых и причудливых; коридор вывел их к витой лестнице, ведущей в одну из башен. На самой ее вершине и был тот самый единственный портал Обитаемого Мира – бесполезный и бездействующий. Лестница закончилась, и дальше идти было некуда. Небольшой зал, куда вышли отец и сын, был на удивление скромен – никаких украшений или архитектурных изысков. Черный каменный пол, серые стены, в которых прорублены узкие, длинные окна, заставляющие ветер протискиваться и сердито свистеть, обдирая бока. И одна-единственная дверь. Две створки, обрамленные диким камнем, перекрыты тяжелой деревянной балкой засова, в массивных петлях висят замки.

–Неплохо постарались… – одобрительно говорит Сурт. – Только стражи не хватает. А теперь посмотри… – и он указывает Гарму куда-то вверх. Там, где створки, смыкаясь, образуют острый угол, из каменной обкладки выпал маленький кусочек, а на его месте беспокойно темнеет пустота.

–Ты знал об этом? – Сурт вопросительно заглядывает в глаза сыну.

–Ну… догадывался, в общем. Только не думал, что это именно здесь. Одно время даже искал – думал, правда, что будет что-то более заметное, все-таки выход в Смерть как-никак… Значит, частицы первородного огня нашли себе лазейку.

–Нашли.

–Отец, – помолчав с минуту, тихо спрашивает Гарм, – Что там, за Вратами?

–Беспредельность… Абсолют великой Пустоты, безвременье и недвиженье, являющие и поглощающие в свой черед.

Сурт вынимает из-за пазухи осколок льда, закрепленный несколькими витками серебряной проволоки, легко вынимает лед и, подойдя к двери, вставляет его на место выпавшего камня. Гарм невольно отступает на шаг назад – мало ли что… но, как ни странно, ничего не происходит. Будто замочную скважину прикрыли, не более. Не говоря ни слова, Сурт отходит и делает знак сыну – уходить. Уже на лестнице он негромко говорит:

–Нужна сила, сын. Меня и тебя не хватит, чтобы снять все эти замки и засовы, а помогать нам никто не станет.

–Это верно. Но я могу чем-то помочь?

–Можешь. – Сурт коротко вздыхает. – Льду нужен огонь. И немало…

Гарм понимающе кивнул; помрачнев, он глядел себе под ноги. Опять смертным раскошеливаться, думает он про себя.

–Иначе нельзя. – Угадывает мысли сына Сурт.

* * *

Великий Князь Одайна, по традиции безымянный, с недоверием оглядел приехавшего из Краглы королевского посланника. Молодой, вежливый, с холодными неулыбчивыми глазами, светло–серыми, как северное море; «знаю я таких…», думал Князь, «мягко стелет, жестко спать… и чего этим бандитам морским от нас надобно?»

–Князь соблаговолил выслушать послание моего короля. Каково будет слово Князя? – юноша поклонился и испытующе посмотрел на Князя.

–А что тут говорить. Только прежнее повторять. Больше, чем прежде, не можем мы вам дерева дать. Хоть озолотите. Это только трава сорная вприпрыжку растет, а лесу время надобно.

И Князь сердито засопел. Он с самого начала витиеватой речи посланника понял, к чему клонит Крагла. Флот великий задумали строить, мало им нынешнего, еще подай. Небось, на море Покоя зарятся. И пускай, Князю оно без надобности… вот только лес Крагла только в Одайне купить может. В Эригоне он дороже, в Арзахеле отродясь не торгуют, только чванятся, в Маноре не леса, а одно название, а эльфы… те за одно предложение вырубить строевой лес могут и к праотцам отправить. Все бы ничего, только Одайн и Крагла – старые друзья, и северяне не раз свою дружбу доказывали, и мечами, и золотом, и отказывать им не след. Это первое. А второе… единственная дочь Князя давным-давно была просватана за старшего сына короля Краглы, да не просто по воле родителей, а по собственному желанию. И Князю (да и соседу его тоже) не раз в голову такая мысль забредала – а что, если бы эльфий лес, что Одайн и Краглу разделяет, в собственное владение получить… тогда, глядишь, внуки в наследство получили бы такое королевство, с которым в Обитаемом Мире никто бы спорить и ссориться не стал. Даже Шаммах. А эльфы… ну что эльфы… их мало, хватит на них лесов и в восточных землях, поближе к Краю Света.

Пока Князь в который раз обдумывал все это, посланник стоял молча, рассматривая собственные сапоги. И когда князь готов уже был произнести слова отказа, он поклонился и тихо сказал:

–Да простит мне Князь мою вольность, но молчание мое стало бы нерадивостью, а она еще более непростительна.

И слово в слово он повторил Князю все то, о чем тот только что думал. Добавив про наступающий на пятки Арзахель.

–Что ж… возразить мне нечего. – Князь встал, прошел к окну. – Так тебя твой король чего испросить-то велел – леса или войны?

–Князь поймет и простит меня, если я отвечу, что не уполномочен отвечать за короля Краглы.

–Ну-ну… Ладно, ступай. И скажи своему королю, что дочь Князя Одайнского не бесприданница какая… – тут Князь оборвал себя. Он слишком хорошо знал, что приданое княжны оставляло желать лучшего, и если бы не взаимная склонность обрученных, то Крагла легко нашла бы невесту намного богаче – и наследными землями, и золотом. – Ну, ступай… – и Князь махнул рукой.

Великому Князю легко сказать – увеличьте налоги. Посланникам еще легче передать вассалам его волю. Вассалам, тем не так уж трудно собрать отряды и нагнать страху на подвластные деревни. А вот что прикажете делать тем, с кого спрашивают вдвое против прежнего поднятый налог? Отдать последнее и помереть с голоду?

Спасибо, находятся умные головы, намекают, что, мол, лес строевой нынче в цене, и одна вырубка налог покроет. А что лес тот в эльфьих владениях – так то уж эльфья беда, не людская.

–Ну что вытаращился, остроухий? – нарочито грубо говорит молодой мужик, вытирая пот со лба. Он стоит возле только что поваленной сосны, готовясь обрубать сучья. Рядом с ним еще трое – все с топорами и пилами.

–Что смотришь? Иди-ка отсюда подобру-поздорову. Не ровен час, зашибет.

–Это не твоя земля… человек. – Эльф, не отрываясь, смотрит на лежащий на земле золотистый ствол.

–А чья? Твоя, что ль? – парень кривит рот в усмешке. – А хоть и твоя… все едино. Мне, остроухий, – топор отсекает темно–зеленую ветку, – семью кормить надо. Мне либо лес твой порубить, либо по миру пойти. А у меня хозяйка прибавления ждет. – Топор поднимается и опускается с равномерностью маятника. – А леса твои… еще нарастут. Достанет с тебя… ишь, на полмира расползлись, ровно сорняки.

* * *

Однажды Фенри застает брата-близнеца в саду сидящим возле скалы – той, из которой бьет родник.

–Брат, тебя будто кто тянет к этой игрушке, – и Фенри уселся рядом. – Прямо смотреть жаль… так руки и чешутся, да? – и он необидно засмеялся.

Гарм в ответ обезоруживающе развел руками. Фенри, все еще смеясь, взял деревянную чашу, встряхнул ее и протянул брату.

–Так давай сыграем! Все равно, на что. Хочешь, разыграем Великие Леса? Кому они в итоге достанутся… Ты за кого играешь?

Вопрос был излишним. Гарм терпеть не мог альвов.

Летят на траву истертые игральные кости. Золотые фигурки передвигаются по вышитому плату. Эльфы и люди; полководцы и короли; предатели и герои. Светлый полдень застает братьев заканчивающими партию – один из эльфьих королей, пройдя сквозь все хитросплетения узора, берет гладкую монетку и, торжествуя, поднимает ее вверх. Солнце вспыхивает на золотом диске; Гарм чуть прижмуривает глаза.

–Партия твоя, брат. И все же я думаю, что приграничные леса останутся за людьми. А твои остроухие хороши, ничего не скажешь.

–Это их леса, Гарм. Сам знаешь, они к ним не как к наследным владениям относятся – скорее как к части себя.

–Причем лучшей. – Скорчив брату гримасу, Гарм убрал фигурки в чашу и поставил ее в траву, у подножия скалы.

Через несколько месяцев уже Гарм предлагает брату разыграть партию в тавлеи – уж очень любопытно узнать, кто отвоюет себе право дать имя Безымянному Хребту? Итогом партии заинтересовался даже их отец – оба предводителя, и гном, и цверг, буквально в двух шагах от вожделенной монетки попали в мертвые узлы. «Вот ведь… неймется им», – качает головой Сурт, – «Жили бы себе спокойно, места под горами хватает, ремесло они поделили, чего же еще?»

–Может, им общего врага не хватает? – спрашивает Фенри.

–Общего врага? Думаешь, их объединит угроза? Хм…

–Идея неплоха, но кто? – Гарм собирает фигурки в чашу. – Драконов здесь только в книжках рисуют, как редкость необыкновенную. Если кто у Края Света тень крыльев виверны увидал – либо от страха помирает, либо от счастья, что такое увидеть сподобился. Люди с низкорослыми воевать не станут, потому как невыгодно.

–Раз так, врага можно и создать – во имя сохранения расы… – Сурт улыбается, но тон его совершенно серьезен.

–Опять монстров плодить? Если только Фенри возьмется, у него они лучше получаются. К тому же он давно не спускался в Обитаемый Мир… прогуляется лишний раз. А, Фенри?

–Можно. – Фенри встает, потягивается и сжимает кулаки. – Врага им нужно? Будет им враг.

Созданные Фенри не без остроумия подгорные крысы первое время действительно причиняли немало беспокойства и гномам, и цвергам, заставив их забыть друг о друге. Однако спустя несколько месяцев эти милейшие твари почему-то избрали своими врагами орков; видимо, сказалась привычка Фенри давать своим созданиям слишком много свободы воли.

В другое время Фенри здорово влетело бы, и не от отца, а от матери, но в Обитаемом Мире и без подгорных крыс забот поприбавилось. То и дело, по непонятным причинам, вспыхивали мелкие войны, что ни месяц

– появлялись пророки, сулящие миру скорую гибель и вовлекающие толпы неразумных в самоубийственные ритуалы, сильные и облеченные властью совершали непростительные ошибки, а слабые расплачивались за них, проклиная день, подаривший им жизнь. Маленький, уютный Обитаемый Мир стал неспокоен и нерадостен.

* * *

Призыв отца застал Гарма в глубине океана, где он плавал наперегонки с любимыми им акулами (его забавляли их тупорылые, глуповатые морды с наивными веселыми глазками); услышав его, Гарм изогнулся, меняя направление, и поплыл к дому, обгоняя свет, пытающийся пронизать черно-зеленую толщу воды. Через несколько секунд бог исчез, ибо голос отца был тревожен, и он решил поторопиться.

Перешагнув порог залы Восточных Врат, Гарм увидел, что явился туда последним. У самих Врат стоял Сурт и, судя по выражению его лица, ничего хорошего для себя не ждал. Против него стояли Нум, Нима и Фенри; последний – опустив голову и руки. Гарм встряхнул волосами, роняя на пол холодные соленые капли, и прошел к Вратам, встав рядом с отцом.

–Гарм, прошу тебя, уйди. – В голосе Нимы не было повелительных или сердитых нот, она действительно просила.

Ее сын даже не ответил. Он только вопросительно посмотрел на отца. Тот невесело усмехнулся.

–Твой брат забеспокоился о судьбах этого мира – слишком многие беды одолевают его. Решил, что нечто враждебное проникает извне, извращая и разрушая – вот и поспешил сюда. Хорошо хоть я успел прежде него достать свой камень…

В руке Сурта темным, почти черным пламенем рдел прежде прозрачный алмаз; прищурившись, Гарм увидел, как живет, пульсирует, дышит его глубина. Сурт сжал руку в кулак.

–Ты опять за прежнее, Сурт. – Нум, судя по голосу, был раздражен.– Неужели прежний урок ничему тебя не научил? Мало тебе всего прежнего мира, хочешь и остаток Прорве скормить?!

–Смотри-ка, а ты отважился ее имя произнести… – издевательски протянул Гарм.

–Тише. – Одернул его Сурт. – Нум, ты не хуже меня знаешь, что если бы Несыть пожелала, то ни нас, ни этого мирка давно бы не было. Так что скажи лучше, что просто желаешь любой ценой оставить все, как есть… в покое. Даже если это покой болота.

–Лучше покой болота, чем пустота. – Это сказала Нима.

–Да нет никакой пустоты! Мы закрылись здесь, как испуганные дети в чулане, будто в карман спрятались… Нима, сколько раз я говорил тебе – нет той пустоты, которой вы привыкли бояться. И никогда не было. Есть

лишь Несбывшееся и Невоплощенное, что жаждет лишь одного – жизни. И мы можем дать эту жизнь. Или мы не боги?!.. – и Сурт засмеялся.

–Хватит! – Нум шагнул вперед. – Довольно! Зачем ты напитал осколок изначального льда первородным огнем? Никто из нас не решится использовать такую мощь в столь тесных пределах. Ты хоть понимаешь, что одного раскрытия этого камня хватит, чтобы от всего сущего осталась горстка пепла?

–Ты всегда преувеличивал, Нум, и решительностью тоже не отличался.

–Что ты задумал, Сурт? – голос Нимы был тих и печален.

–Открыть Врата… для начала. Потом вернуть Миру бесконечность. Творить. Разрушать. Скользить по бесчисленным отражениям Сферы. Дети мои, нас удерживают не Врата, но постыдный для богов страх.

Тишина заполнила залу. Боги стояли молча, не глядя друг на друга. Мир замер, ожидая решения своей судьбы.

–Гарм. – Сурт кивнул сыну, – Сын мой, открывай Врата – насколько сможешь. Я помогу.

Гарм улыбнулся отцу в ответ. Он, стоящий у Восточных Врат, менее всего был похож на бога. Его шутовские одежды были насквозь промокшими, с длинных светлых волос все еще капала вода, на лице красовался рисунок, сделанный ядовито–красной краской, охватывающий глаза, скулы и часть лба. Босые ноги нетерпеливо переминались на холодном каменном полу. Не обращая на застывших напротив родичей ни малейшего внимания, Гарм достал из подвешенных на низком поясе ножен длинный, узкий кинжал и одним резким ударом вогнал его в дверную щель. А потом, не заботясь ни о том, хватит ли его сил на такое деяние, ни о том, что может ожидать их всех за пределами Врат, Гарм принялся поворачивать кинжал. Как всегда, ведя заклятие, он пел. Сейчас его голос, и без того низкий и терпкий, приобрел тембр и звучание земных недр, разрываемых землетрясением… грома, сотрясающего небо после месяца жестокой засухи… И двери, казалось бы, закрытые безнадежно, подались. Застонал замок, трещина побежала по его дужке… Голос Гарма дрогнул на секунду, молодой бог пошатнулся – и устоял. И не прервал заклятия, не отпустил рукоять кинжала, продолжая поворачивать ее, раздирая, уничтожая прежние охранные чары.

–Фенри! Спасай брата! – Нима успела крикнуть это за долю мгновения до того, как…

Как выросшая из ее пальцев осока, острая и гибкая, как бритва, полоснула богиню по тыльной стороне руки. Нима взмахнула рукой и тяжелые, пахнущие полынью, багряные капли слетели с травяных лезвий и упали на лицо Гарма. Несколько выкрикнутых слов довершили проклятие – ее старший сын замер и с еле слышным стоном бессильно опустился на каменный пол.

–Ну же! Уноси его! Прочь! – Нима толкнула Фенри к брату. Фенри подошел к проклятому, принял его на руки и неверными шагами отошел к стене. Было видно, что он не верит в реальность происходящего, как ребенок пряча взгляд от пугающего зрелища. Только что его мать прокляла его старшего брата – кровь Нимы отняла у Гарма все его силы, низведя молодого бога до уровня какого-нибудь жалкого привидения или малютки эллила.

–Сурт. Отдай камень. – Нима хрипло перевела дыхание. – Отдай.

–Нет. – И прежде, чем богиня успела хоть что-то сделать, Сурт ударил свободной рукой по рукояти кинжала. Замок с неправдоподобно гулким, ватным стуком упал на пол. Скобы засова еле держались в стене.

Нум напал на Сурта первым; но если когда-то они бились один на один, то теперь бок о бок с ним нападала сестра.

…Фенри не любил летать на сотворенных крыльях, растущих на спине; он всегда предпочитал перекидывать в могучие орлиные крылья собственные руки, чтобы наслаждаться полнотой полета, чувствовать ветер, ворошить облака. Но сейчас ему пришлось воспользоваться именно сотворенными крыльями, ибо на руках он держал брата. Фенри еле успел покинуть залу Восточных Врат – вернее сказать, его попросту вышвырнуло в небо.

Сурт, не дожидаясь, пока брат с сестрой обессилят его, понимая, что воспользоваться камнем так, как было задумано, он не сможет – но и не желая растрачивать накопленную мощь на то, чтобы уничтожить противников, – попросту избавился от него. Он швырнул камень вверх… пробив крышу Восточной Башни, тот со свистом ушел в облака.

Сурт еще успел отразить удар Нума, но вот чары Нимы ударили по нему, вскользь задев дверь. Но этого вполне хватило, чтобы обрушились скобы, роняя тяжеленный засов. Врата стали отворяться.

Что происходило в башне, так и осталось неизвестным. Столкнувшиеся в ярости силы богов могли только разрушать. Фенри, крепко прижимая к себе безжизненное тело брата, сделал шаг назад – и, подхваченный воздушной волной, краем глаза успел увидеть, как рушилась башенная стена. Он завис в воздухе, переводя дыхание и пытаясь хоть что-то сделать здесь, где все, кроме него, уже сказали свое слово. Но было поздно. Дом богов рушился. Из его глубин начала подниматься огромная воронка смерча, готового поглотить все сущее. И тут до слуха Фенри донесся слабый крик:

–Спасайтесь!

Фенри готов был поклясться, что это были голоса его отца и матери. Не раздумывая ни секунды, он развернулся и изо всех сил поспешил прочь, унося брата и самого себя от места беды.

У самого южного края земной тверди силы Фенри иссякли. С трудом взмахивая крыльями, он опустился на пустынном берегу, поросшем степными травами, не отмеченном никакими следами обитания живых су-

ществ. Мягко, почти нежно уложил тело брата на теплый, сухой травяной ковер. Гарм был нехорошо, иссиня бледен, там, куда попали капли крови Нимы, багровели ожоги, дышал он медленно и вяло. Фенри сел рядом, уложив голову Гарма себе на колени, и призадумался. Ну вот, все же ему придется сказать свое слово. Так уж получилось, что он единственный уцелел в этой нелепой, самоубийственной схватке. Последний из Богов Прежнего Мира… Что с того, что Гарм еще жив? Даже если он очнется, то вряд ли его сил достанет, чтобы хоть крохотный дождик вызвать.

Гарм… неуемный, непоседливый, вечный шалопай и озорник, чьи шутки порой граничили с оскорблением (Фенри вспомнил осу, засунутую в его перчатку… дохлого вонючего спрута, подвешенного под потолком его комнаты вместо люстры), но кто неизменно брал на себя вину за все их общие проделки. Гарм, постоянно щеголявший пятью минутами старшинства, показушник и похвальбишка, бессовестно использовавший доверчивость брата, – он всегда защищал Фенри, исправлял все его ошибки, а если и сердился по-настоящему – то быстро прощал. Гарм. Последний из Богов, в котором тлела искра крови Хакона. Дух противоречия. Беспокойство и сомнение. Ему только дай волю, он все с ног на голову поставит, чтобы убедиться – а не лучше ли так? Все накопленное растранжирит, пустит по ветру все семейное золото, чтобы полюбоваться – а красиво ли летит? Ни покоя с такими, ни уверенности… и веры таким тоже нет. Гарм Разрушитель. Как же спокойно будет без тебя…

–Брат, что делать-то будем? – растерянно спросил Фенри, глядя на непривычно спокойное лицо Гарма. Сколько раз задавал он ему этот вопрос… Боги, рожденные в Обитаемом Мире, наделенные могуществом и силами, слишком часто слышали от старших богов о великолепии и безмерности Прежнего Мира – немудрено, что их обиталище стало казаться им тесным. Особенно Гарму. От скуки братья нередко совершали выходки, недостойные не то что богов, но даже и магов средней руки. А потом и звучал тот самый вопрос.

Сейчас Фенри предстояло решить, что же для него важнее – воля матери или жизнь брата. Он понимал, что если решится снять проклятие, то в лучшем случае утратит значительную часть своих сил, рискуя угаснуть совсем. Каково это для бога – умереть?.. Или остаться одному? Один мир – один бог. И никто не помешает хранить его покой…

Фенри наклонился к брату, отвел с его лица все еще влажную прядь волос, погладил холодную щеку. А потом медленно, но не раздумывая, достал свой кинжал – близнец гармова, оставленного в Восточных Вратах, – и обвил левую руку спиральной, поднимающейся от локтя к запястью, нитью пореза. Встал на колени над телом Гарма, опустил руку так, что пальцы замерли невысоко над еле дышащей грудью. В воздухе запахло полынью.

Кровь капельками стекала по пурпурной линии и сбегала вдоль пальцев, замирая на их кончиках.

–Гарм! Прими мой дар!.. – и Фенри роняет искупление на грудь брату, отдавая ему свои силы, свое могущество и власть.

Падают капли, светло-карминные, пахнущие свежо и пронзительно – молод еще отдающий их бог. Молод и нерасчетлив. Не замечает, как подкрадывается к нему самому серая бледность, вползая все выше по его щекам, как карабкается по его рукам слабость. Плечи Фенри дрожат, странно блекнут блестящие волосы цвета грозовой тучи, лиловеют губы.

–Хватит! – кто-то перехватывает окровавленную руку и Фенри падает без сил. Но не на землю, а в объятия Гарма. Тот еле успел приподняться, встать на колени – и обнять брата, поддержать его, не дать упасть.

–Дурачок… – все еще тяжело дыша, Гарм крепко обнимает Фенри. – Зачем мне столько… Куда я без тебя…

Позже они сидят на краю обрыва, свесив ноги и изредка швыряя в воду камешки. Оба бледны и невеселы.

–Сколько у нас осталось? Ты как думаешь? – спрашивает Фенри.

–Ну… я так думаю, поровну. Пара огрызков, – и Гарм усмехается.

–Что будем делать? Огрызки или нет, но мы все еще боги. – И Фенри морщится, неловко задев левую руку.

–Я домой. – Гарм швыряет камешек далеко-далеко.

–Зачем?

–Посмотреть, что там осталось – и что сталось. Ты со мной?

–Пожалуй… да.

Когда боги возвращаются на место их прежнего дома, то вместо океанских волн их встречает пустыня. Сами развалины переместились вглубь континента. Прежние леса обернулись цепью ржавых скал, крошечные оазисы, прячущиеся в бескрайних песках, – вот все, что осталось от волшебных садов Нимы. На месте прежнего дома – жуткий каменный остов скалит выщербленные клыки, не мигая, смотрит провалами бывших дверей и окон. От него веет смертным холодом; даже боги не решаются вот так сразу подойти к нему.

Гарм и Фенри выбирают местечко возле ржаво–красной скалы, садятся прямо на песок.

–Вряд ли этим все закончится, – Гарм кивает в сторону развалин, – слишком много силы пролилось зазря. Чувствуешь? Земля напитана ядом… интересно, что она породит?

–Не знаю. – Мрачно смотрит себе под ноги его брат. – Дурное место. Сердце зла.

–Сердце зла? А что, неплохое название… особенно на шаммахитском. Арр-Мурра. Так и назову.

–Зачем? Ты же знаешь, мы даем имена только тем местам, где живем сами.

–Значит, я буду жить в Арр-Мурра. – Гарм подмигивает брату.

–Твоя воля… – Фенри тяжело вздыхает, но он не особенно удивлен. С самого начала он предчувствовал, что его брат останется здесь. – Ты остаешься?

–Да. А ты?

–А я ухожу. Не по мне все это. Отец с матерью друг друга поубивали, мать тебя прокляла, дядя мне вслед молнией запустил – из-за тебя, наверно. Нет, брат, я в такие игры более не играю. Хватит.

Фенри встает и задумчиво оглядывает себя. Потом встряхивает кистями, будто воду разбрызгивает, – и весь его внешний облик меняется. Исчезает черная строгая одежда, двузубый венец… вместо них появляются широкие, яркие одежды, а волосы сами собой заплетаются в бесчисленные косички, перевитые серебряными колокольчиками. Бог переступает босыми ногами, и колокольчики заливаются тихим, щекочущим смехом. На лице Фенри появляется довольная улыбка.

–Так-то лучше. Знаешь, Гарм, я, пожалуй, имя тоже сменю. Прежнее мне теперь не по рангу – силы не те, так возьму какое позвонче, почуднее…

–Почуднее – это на старосуртонском. – Гарм одобрительно смотрит на брата.

–Хорошо. Пусть будет… Лимпэнг-Танг!

–Лимпэнг-Танг? Динь-Дон?! Трень-Брень?! – смеется Гарм. – Ничего себе имечко для бога…

–Это ты от зависти. Звон беспечального колокольчика – самое лучшее имя для бога шутов и артистов.

Лимпэнг-Танг, улыбаясь, смотрит на брата. Он похож на студента, сдавшего ненавистные экзамены и готового удрать на каникулы.

–Я приведу в мир шутов и немного веселья. У меня будут лучшие артисты… я смогу танцевать вместе с ними. Довольно мы докучали Кратко Живущим нашим могуществом. Вот ведь скукотища… А ты, Гарм?

–Я? – Гарм встает. – Я же сказал. Мое место здесь. И имя мое останется прежним. Что силы? Восстановлю как-нибудь.

–Что же ты будешь делать здесь, в Арр-Мурра?

–Искать выход. Восточные Врата нельзя разрушить… Да и камень отцов поищу. Одним словом, буду доигрывать один.

–Решение, достойное бога. – Братья смотрят друг на друга и смеются.

Что-то произошло с ними после падения дома богов, будто надломилось. Они ни слова не говорят о бесследно исчезнувших родителях, память о прежних днях покинула их. И, продолжая любить друг друга, они тем не менее расстаются легко и беззаботно, признавая право каждого на свой путь. Один уйдет в мир Смертных, чтобы развлечься самому и развеселить почитающих его. Другой – останется в проклятой земле, искать выхода за пределы мира; он по–прежнему считает его клеткой и сделает все, чтобы разрушить ее и обрести свободу.

Братья обнимаются и расходятся. Лимпэнг–Танг доходит до расщелины в скале и исчезает. Гарм, помедлив минуту, направляется прямо к развалинам. Песок гасит звук его шагов; тень полуразрушенной стены накрывает бога, меняя его облик. Исчезают пестрые краски одежды, стираются рисунки на коже… теперь Гарм одет в черное, просто и строго, светлые волосы стянуты в хвост и спадают тремя косами на спину. Когда он ступает на высокий каменный порог, за плечами его появляются два меча. Гарм прижимает правую руку к груди и легко кланяется, будто приветствует кого-то, и входит в дом.

Хроники дома Эркина

–…Что тут скажешь… неплохо, мальчик мой, неплохо. – Старик ободряюще улыбнулся. Мальчишке, к которому были обращены и слова, и улыбка, было лет двенадцать. Он сидел напротив старика прямо на земле, уже успевшей промерзнуть, но замерзшим не выглядел, хотя волосы его заиндевели.

–Немногие удостаиваются чести обрести такое полное и осмысленное видение в свой первый транс. – Старик присел рядом с мальчиком, спрятал руки в просторные рукава. – Я тут уже с полчаса стою, за тобой наблюдаю.

–Мастер, а откуда вы знаете, что мне привиделось? – мальчишка кашлянул, стараясь, чтобы голос его не казался совсем уж осипшим.

–Да уж знаю, – важно кивнул головой его собеседник, – тут многое значимо. Как ты дышишь. В какие цвета выдох окрашивается. Как выходишь из транса. Так что ты толком успел увидеть?

–Многое. – Несколько недоумевая, ответил юнец. – Историю Прежних Богов, божественных Близнецов. Падение дома Богов, – он шумно выдохнул. – Уф, неразбериха какая в голове. Будто лоскутное одеяло собирал, какой лоскуток – куда…

–Ну–ну, разберешься потом, успеешь. Ты как сам-то? – поинтересовался старик, прищурив глаза.

–Ну… прямо сказать – не слишком. – Паренек с трудом приподнялся, ноги его совсем затекли, а то и примерзли к земле. Мальчишка все же встал, пошатнулся… и упал. Но не сам. Ему помогли. Тот самый старик, в котором он признал своего наставника, мастера–шамана. Он подсек парнишку под ноги, опрокинул лицом вниз, споро скрутил затекшие орочьи руки, забил в рот кляп.

–Так-то лучше. Для меня, конечно. – Голос старика резко изменился, в нем появились свистящие, хищные нотки и горловое прищелкивание, отличавшие голоса подгорных крыс.

Происходившее дальше показалось орку (кстати сказать, звали его Ульфр и он готовился стать шаманом, заменив после всех надлежащих испытаний прежнего, старого мастера – именно его облик и приняла крыса) диким сном. Его вздернули на ноги, грубо, не церемонясь, пинком подогнали к вековой сосне и принялись приматывать его к холодному, шелушащемуся стволу.

Это испытание (которое, к слову сказать, Ульфр прошел несказанно удачно – если, конечно, не считать финала) проходило в удаленном от поселения месте, уединенной котловине, скрытой в предгорьях Края Света. Здесь никто отродясь не жил, поскольку среди орков не было принято стро-

ить дома возле капищ и прочих не слишком уютных мест. Будущий шаман удалялся сюда один, наставник сопровождал его только до поляны, где неофит должен был постигать судьбы мира, погрузившись в транс (это достигалось довольно просто – мальчишка должен был просидеть здесь всю священную для орков ночь, когда иссякала светлая половина года и всходила на престол темная… в темноте и холоде, обнаженный по пояс, покрытый сетью ритуальных порезов – девять на груди, двенадцать на спине и двадцать четыре на руках, на каждой по дюжине… только и всего). Мастер приходил уже под утро, присмотреть за возвращающимся из запредельных областей учеником, в случае чего, помочь дойти до ближайшего жилья. Или похоронить.

Так что на помощь Ульфру рассчитывать не приходилось. Что задумали крысы, понять было нетрудно – уж явно не за советом они к нему явились. Непонятно, откуда они вызнали об удивительных способностях будущего шамана, грозивших превратить его в погибель крысиного племени, но – не так это и важно, особенно когда стоишь, намертво прикрученный к дереву, еле живой от холода и потери крови, все еще ошалелый от принятых видений. Ульфр встряхнул головой, осмотрелся. Старик оказался не единственным, посетившим капище. На поляну, воровато оглядываясь, поводя носами, вышмыгнули три крысы, все как на подбор – крепкие, поджарые, крепкозубые. С такими не всякий взрослый орк справится – в одиночку, разумеется. Ульфр мысленно застонал. Ясное дело, они его сейчас порешат. Как не хочется-то. Ну никак не хочется.

Крысы явно не собирались откладывать дело в долгий ящик и обставлять смерть мальчишки какими-то особыми церемониями; но и просто перерезать ему горло они не хотели – слишком скучно. Они обложили ноги Ульфра заранее приготовленными вязанками сухого хвороста, подожгли его. Легко взвился белесый дымок, еле различимый в серо–молочном предутреннем сумраке. Крысы, сев кружком вокруг привязанного, в предвкушении скорой трапезы поводили носами, щерили острые блестящие зубы. Чуть прожаренное орочье мясо, сорванное с еще живой добычи – что может быть лучше…

Ульфр, почуяв жар, подбирающийся к босым ногам, подобрался, сжался в комок, чувствуя, как терзают изрезанную кожу грубые веревки. Все плыло у него перед глазами, стволы сосен превращались в колоннаду, уводящую его дух вглубь дома Богов, клочья тумана, повисшие на кустах, представлялись орку шелковыми платками, которые обронили феи, напуганные несносными близнецами… Внезапно зрение его прояснилось, обострился слух, все ощущения стали ясны и четки до боли. И Ульфр будто нырнул в колодец памяти – своей собственной, своих предков, своих сокровников. Глубокий колодец, стенки которого покрыты капельками крови.

«… я буду служить тебе, твоему роду… дам силы выжить там, где погибнет даже надежда…»

Ульфр почувствовал, как шевельнулся на его груди камень – его называли алмазом темной крови, и мальчишка получил его от отца, в тот самый день, когда отправился в обучение к шаману. Орку не понадобились слова, чтобы они с камнем поняли друг друга. Веревки Ульфр порвал так, будто это были гнилые нитки. Презрительно оглядел застывших в недоумевающем ужасе крыс и вместо того, чтобы бежать, раскинул руки, выпуская силу, томившуюся в прозрачной черноте камня. Огонь, вырвавшийся из алмаза, шел стеной высотой в рост велигоры; сам же Ульфр так и остался в самом сердце пламени.

Поляну выжгло в полминуты; пламя, пожрав крыс, постепенно вернулось к Ульфру, будто втянувшись в камень, висевший на его шее. Орк стоял, опустив голову, дыша ровно и спокойно. Почувствовав на опаленной, покрытой сетью запекшихся кровью порезов коже первые осторожные солнечные лучи, он поднял навстречу им лицо. И открыл глаза – серебряные, перерезанные узким веретеном черного зрачка.

Так шаман Ульфр стал родоначальником клана Крысоловов. Благодаря его удивительным способностям постигать все повадки и хитрости крыс, выслеживать и настигать их в темной тесноте подгорных коридоров, орки наконец-то стали одерживать верх в борьбе, длившейся уже сотню лет. Дети Ульфра унаследовали его дар, передав его своим детям. Именно от Крысоловов пошла у народа темной крови традиция разжигать первой ночью темной половины года высокие костры и славить богов.

Глава третья. Танцовщицы Нимы

–А ты все такая же лысая, как я посмотрю?

–И по-прежнему нет конца твоему носу…

Обменявшись такими словами, две молодые женщины рассмеялись и принялись обниматься. Они прибыли в храм Нимы самыми последними – Гинивара потому, что путь из Нильгау не близок и не легок, Амариллис потому, что задержалась в доме аш-Шудаха, уж очень приветливо ее там встречали.

В комнате уже сидели их подруги, коротая время в беседе с госпожой Эниджей.

–О боги… будто и не было этих четырех лет. Надо же, ведь никто не изменился!.. – И Эниджа встала, чтобы обнять опоздавших учениц. – Ну что, девочки… ступайте в вашу комнату, она свободна. Располагайтесь, отдохните с дороги – и марш в малый зал, встряска вам не помешает. Завтра вам предстоит танцевать для самой Нимы и я хочу проверить, на что вы потратили эти четыре года.

–А я научилась делать вот так, – и Муна, дурачась, принялась преувеличенно страстно изгибаться в самой непристойной разновидности шаммахитского танца.

–Браво. – Сдержанно усмехнулась Эниджа. – Только богине это вряд ли понравится, и грудь у тебя маловата для таких плясок. Да, и сделай-ка полсотни «закатов–рассветов», а то бедра совсем невыразительны… вихляются как ножки у старого стула. И нечего хихикать, девочки, я сама спущусь к вам в зал и уж поверьте, всем вам хватит… моего внимания.

Смеясь и болтая, собравшиеся проследовали памятной дорогой в свою старую комнату, на протяжении двух лет бывшей их пристанищем. Муна заранее причитала по поводу последствий полусотни «закатов–рассветов», упражнения, которое в свое время заставило ее не раз глотать слезы от боли в каменеющих от напряжения мышцах.

–О Нима Сладкосердечная!.. Как сейчас помню – носки вывернешь наружу, колени разведешь и приседаешь… мееееедленно… и поднимаешься… еще мееееедленнее! И спина прямая! И руки как крылья! О боги! – и северянка застонала, прикусив губу.

Ксилла – все та же фарфоровая статуэтка, маленькая драгоценность. Лалик, сердечная подружка, похожая на розу, горячую от полуденных солнечных лучей. Гинивара, потерявшая некоторую угловатость и резкость, видимо, общение с лианами пошло ей на пользу, научив мягкой гибкости. И Амариллис.

Она поднималась по широким ступеням, и ей казалось, что дорога, по которой она идет вот уже два десятка лет, вдруг резко свернула, замкну-

лась в круг, привела ее назад, обманув само время. Будто и не было ничего. И только вчера аш-Шудах привел ее в школу танцев. И все у нее впереди – годы учения, первые выступления, погоня за славой. Амариллис забыла о том, что все это у нее уже есть. Особенно слава. Она глянула на подруг – все они улыбались, безотчетно и робко, как ученицы.

Комната, в которую поднялись танцовщицы, встретила их теплой простотой и воспоминаниями. Они оглядывались, качая головами и вздыхая. Кому-то из них она казалась когда-то верхом роскоши, другие, напротив, удивились скромности обстановки. Кровати, застеленные шелковыми расшитыми покрывалами, шкафчик с книгами, зеркала повсюду. Гинивара решительно прошла к своей постели и повалились навзничь, со вздохом облегчения, столь естественным после долгой дороги.

–Вот ведь чушка нильгайская… – Амариллис увернулась от метко брошенной туфельки. – Нет чтобы искупаться сначала…

–Успеется. Уж лучше я полежу, а то Эниджа как примется нас гонять, сто потов сойдет.

Дорожные сундуки приехавших уже были расставлены возле их кроватей, а поверх покрывал была предусмотрительно разложена простая пара – туника и шаровары – в которой занимались танцовщицы школы Нимы.

–Неужели это наши костюмы? Ох, боюсь, я в свой не влезу, – Лалик с опаской примерила пояс шаровар к своей талии. – Ну вроде ничего, надеть-то надену, а вот танцевать в ней…

Они усаживались на свои кровати, разглаживали светло–желтую ткань костюмов, переглядывались, пересмеивались; повзрослевшие девочки вернулись к прежним игрушкам…

–Ну, девчонки, рассказывайте же! – потребовала Лалик, как только танцовщицы расположились на отдых. От нетерпения она ерзала на диванных подушках, будто набиты они были не гагачьим пухом, а кусачими муравьями. – Начнем с тебя, Ксилла. Мне ан-Нуман говорил, что ты любимая танцовщица императора, других он и видеть не желает. Так сколько перед тобой шестов несут?

…В Суртоне, где жизнь была переполнена ритуалами и условностями, этот обычай был одним из самых древних. Жены влиятельных и богатых людей выходили их своих домов крайне редко, но уж если такое случалось, то выход в свет обставлялся со всей возможной пышностью. Госпожу несли в роскошном открытом паланкине, одета она была как храмовая статуя – так много было на ней драгоценностей, а платье не гнулось от тяжелой вышивки. Но ведь всех нарядов сразу не одеть! И дюжину серег в уши не вдеть, и больше пяти колец на палец не нанизать. Такая вот досада. Но суртонских красавиц она не донимала. Потому как существовал обычай, согласно которому перед паланкином с хозяйкой всего этого великолепия шли парами слуги, неся нутановые шесты, на которых были развешаны все–все наряды, шкатулки, в которых были разложены все–все драгоценности… Но,

поскольку у суртонских вельмож на содержании бывало до десятка жен и несколько наложниц в придачу, то обычно хватало пары-другой слуг. Редко когда их было шестеро. Но все равно зрелище было впечатляющее.

–Так сколько? – любопытство переливалось в глазах Лалик радужной пленкой.

–Одиннадцать. – Скромно опустив ресницы, ответила Ксилла. – Пять шестов и шесть шкатулок.

Подруги только ахнули.

–Вот это да! – Лалик даже рот приоткрыла от изумления. – Ай да тихоня!.. Пожалуй, мне стоит рассказать об этом ан–Нуману, ежели ему придет в голову сопротивляться в ювелирной лавке.

–А что, он сопротивлялся? – посмеиваясь, поинтересовалась Гинивара.

–Да разве он посмеет!.. – и Лалик рассмеялась. – Теперь ты рассказывай.

Гинивара пожала плечами.

–У нас не принято рассказывать подробности о жизни храма. Скажу только, что верховный жрец мной доволен, доверяет мне главные партии утренних ритуалов. Вечерние мне пока не по рангу.

Она говорила неторопливо, с усилившимся нильгайским акцентом. Рассказывала о красотах храма Калима – большей частью то, что и так было известно, о чудо–платьях из цветочных лепестков, о венках, расцветающих на головах танцовщиц, если богу оказывается угодно их искусство. Амариллис смотрела на нее и вспоминала рассказы Хэлдара – там был совсем другой Нильгау, и храм другой, где цветы не украшали, а душили. А Гинивара, не прерывая рассказа, раскрыла одну из своих дорожных сумок из толстой кожи, вынула из нее четыре свертка и принялась раздавать их подругам.

–Подарки! – Ксилла заулыбалась и потянулась к собственным сундукам. Как и остальные девушки.

Гинивара привезла подругам статуэтки, мастерски вырезанные из душистого розового дерева. Все они изображали обнаженную по пояс девушку, стоящую в чашечке диковинного цветка, запрокинув голову и прижимая руки ладонями к груди в молитвенно-страстном жесте.

–Послушай, это же ты!.. – стреляя глазами от подарка к дарительнице, сказала Муна. – И жест это твой, ты им выпускной танец завершала.

–Может, и так. – Не стала спорить нильгайка, улыбаясь краешками губ. – Мастер волен в своих творениях. И я не могу запретить ему…

–Восхищаться тобою. – Закончила за нее Муна. – Бедняга, мне жаль его. Девочки, это вам.

И она достала четыре серебряных зеркала. Небольшие, удобно укладывающиеся в футляры из тисненой кожи, не темнеющие, не пачкающиеся, превосходно отражающие – незаменимая в дороге вещь. Сбоку к футляру крепилась деревянная расческа, такая, от которой волосы не разлетались цыплячьим пухом, не цепляющая спутавшиеся волоски, ласковая и осторожная.

–Спасибо, Муна. Мой господин любит смотреть, как я расчесываю волосы… – Ксилла лукаво прищурила глаза, – А теперь моя очередь.

Маленькая суртонка аккуратно извлекла четыре легких деревянных коробки, раскрыла одну из них и потянула вверх какое-то невесомое, позванивающее переплетение шелковых нитей и фарфоровых фигурок.

–Поющие ветра. – Пояснила Ксилла. – Повесьте их в своей спальне, и сон ваш будет сладок и спокоен, и воздух всегда будет свежим… конечно, если вы не забудете открыть окно. Не бойся, Амариллис, они очень прочные, мастера бросают их на каменный пол, прежде чем вплести в шелковые тенета. А еще они не спутываются. Как это получается, я не знаю. Вот, держите.

И она протянула Гиниваре переплетение пышных цветов, Лалик – золотистые звезды, Муне – белоснежные снежинки, а Амариллис – колокольчики и капли… не то дождя, не то слез. Девушки покачивали на вытянутых руках легкие, удивительно красивые никчемушки–безделушки, улыбаясь и благодарно кивая Ксилле.

–Наши подарки немного похожи. Твои на пол швыряют, а мои о камень колотят. – И Лалик вылила – иначе не скажешь – на колени к каждой из подруг шелковистый, переливчатый, шелестящий поток ткани. Это были настоящие шаммахитские покрывала – сотканные из тонких шелковых нитей, расшитые яркими солнечными узорами, эфемерно тонкие, полупрозрачные. На деле же это великолепие, по завершении всей работы, завязывали в узел, опускали в холодную воду Лаолы, а потом со всей силы колотили о прибрежные камни. Скручивали жгутом и снова – в воду и о камни. И так много раз.

–Поэтому вы можете не бояться порвать их или повредить узор, – поясняла Лалик, – дочкам по наследству передадите. Или невесткам подарите.

–Еще чего! – заявила Муна, обернув плечи зеленовато-голубым шелковым льдом. – Себе оставлю, духов в посмертии обольщать.

Настала очередь Амариллис. Помедлив, она достала небольшую шкатулку, открыла ее и глянула на подруг.

–Я долго не могла решить, что же подарить вам. Мне хотелось подарить что-нибудь такое, что будет напоминать нам о прежних годах, о школе, – и она вынула пять одинаковых медальонов черного золота на тонких цепочках. Четыре раздала подругам, пятый оставила себе.

В кольцо подвески была заключена фигурка обнаженной девушки, выполненная с необыкновенным для украшения мастерством. Девушка стояла, вытянувшись, поднявшись на носках и раскинув руки, словно балансируя на тонком золотом ободе. Она была похожа на натянутую струну, ждущую прикосновения пальцев музыканта; казалось, она пробует пол, готовясь сделать первый шаг.

–Амариллис, ты с ума сошла, это же черное золото…– ахнула Лалик.

–Золото ерунда, старый лис Гэлвин всегда мне потакал. А вот уговорить эльфа-ювелира – это даже мне пришлось постараться. А ведь стоило, правда?

–Да уж… – Муна держала медальон перед глазами, восхищенно рассматривая ученицу Нимы.

–У нас в Суртоне принято, что одинаковые украшения носят только сестры… это чудесный подарок, Амариллис. – И Ксилла, застегнув на шее замочек цепочки, опустила кольцо подвески на грудь.

–Таких подвесок на весь Обитаемый Мир всего–навсего пять. Мастер обещал мне никогда не повторять их, а значит – наши единственные в своем роде, как и их хозяйки. Если ко мне придет кто-то с медальоном танцовщицы Нимы, я сделаю для него все, что смогу – как если бы меня попросила родная сестра. – Амариллис улыбалась, но тон ее был серьезен.

–И я. – Кивнула ей Муна.

–И мы все. – Гинивара провела пальцами по цепочке, ласкающим движением обвела контуры украшения. – Ты умница. Даришь нам память и родство. Были и будут и другие дочери Нимы, но мы, судя по всему, самые любимые.

Долго отдыхать в школе не было принято; от установленных правил не отступили и сейчас. Отведенного на отдых времени девушкам как раз хватило, чтобы перевести дух с дороги, обменяться подарками и самыми неважными новостями, обжигающими кончик языка. Вскоре в дверь постучали, и вошедшая Эниджа решительно потребовала, чтобы лентяйки отправлялись в малый зал. Не разжалобили ее ни слезные просьбы дать отдых старым костям Гинивары, ни подарки, с любовью выбранные каждой ученицей для госпожи танцмейстерши. Так и пришлось им вставать, одевать свою старую одежду (на Лалик что-то разошлось с сухим треском…) и спускаться вниз, как четыре года назад, на ходу разминая плечи, потягивая шею и вставая на цыпочки.

–Итак… – и Эниджа обвела танцовщиц требовательным и любящим взглядом, – Посмотрим, насколько вы успели обленииться и запустить себя. Муна! А ты что же прохлаждаешься?! Шагом марш к зеркалу. Спину держи и руки не опускай. Лалик. Чем тебя кормят? Пшеничной кашей на меду со сливками? Гинивара, ты не в храме – так что не делай такого важного лица. Легче, девочка моя. А ты, Амариллис, вспомни, что умеешь улыбаться, что лицо скукожила… так-то лучше. Ксилла, ты все та же – опять позволила этим дылдам заслонить себя. А ну-ка, шаг вперед. Начинаем вечерний класс.

И они начали. Сначала улыбаясь и постреливая друг в дружку глазами и легкомысленными замечаниями, а потом со все большей серьезностью и уже молча… а потом на их коже заблестели первые тяжелые капли пота, дыхание утяжелилось. Они служили нежнорукой богине своими телами, ткущими узоры танца, оставляющими в воздухе шлейф трепещущих отражений. Но, так же, как шаммахитские покрывала нещадно колотили о камни, чтобы не поблек их узор и не разорвались их нити, так и танцовщицы

Нимы без жалости и с наслаждением выгибали, растягивали и заставляли трудиться свои тела. Прежде чем послужить богине танцем, надобно это право заслужить, потом и болью.

–Пожалуй, достаточно на сегодня. – Эниджа не скрывала довольной улыбки. – Хорошо потрудились… хорошо. Утренний класс как обычно, сначала разминка, потом сами решайте, что и как будете танцевать. Но хочу вас предупредить: танцевать в святилище непросто, и редко когда там приходят на память отрепетированные композиции. Так что лучше поупражняйтесь в импровизации. К тому же Хранители Мелодий вас слушаться не будут, поведут ту музыку, которую выберет для танцовщицы сама Нима.

–Понятно… – Амариллис перевела дыхание, вытерла рукой со лба капли пота. – Репетировать бессмысленно, музыку подбирать – тоже. Как будет угодно Ниме Мягкосердечной… А как насчет костюма?

–Тот, что на вас сейчас. Ну–ну, не пугайтесь так!.. – засмеялась Эниджа. – Любой, какой выберете. Все равно в святилище его придется снять.

–Это как? – изумилась Лалик.

–А вот так. Девочки, укротите свое любопытство, вы все узнаете, в свой черед. Ступайте, купальня ждет, – и Эниджа указала им на дверь.

В купальне на этот раз было непривычно тихо. Девушки расчесывали волосы, сидя на теплых каменных скамьях, смывали честный пот обжигающе–горячей водой, растирали кожу морскими губками, пропитанными соком мыльного корня, спускались в небольшой бассейн с теплой водой – и все это молча.

–Ох, что-то мне не по себе.

Эти слова Лалик прозвучали почти как просьба о помощи. Все повернулись к шаммахитке, расчесывающей свои косички, похожие на глянцевых черных змеек, и когда она подняла лицо, то на щеке ее были видны следы слез.

–Вы, наверное, скажете, что я дурочка и всегда ею была… Нет, я не спорю, но сегодня мне впервые стало страшно здесь, в школе Нимы. Я вот подумала – а что мы вообще знаем об этом ритуале? Помните, когда первый год нашего обучения был на исходе, тоже приезжали танцовщицы, их было не пятеро, как нас, а только трое.

–Помню. – Отозвалась Муна. – Нас тогда из школы выселили, вроде как на каникулы, в загородный дом Эниджи. Мы все сплетничали, ерунду всякую плели… не знали ничего, вот и выдумывали. Гинивара, ты у нас знаток всяких ритуалов, может, знаешь хоть что-нибудь?

–Не больше, чем ты. – Ответила нильгайка, полируя подошвы розовой пемзой. – Я и родные-то ритуалы не все знаю, потому как не ко всем допущена, а уж эти…

–Вот именно. – Лалик отложила в сторону гребень. – Что мы знаем? Нас вызвали спустя четыре года после окончания храмовой школы. Экза-

мены сдавать нам поздновато. Хвалиться мастерством? Перед друг другом, что ли? Зачем мы здесь? Амариллис, хоть бы ты что-нибудь разузнала у господина аш-Шудаха. А то как глупые курицы кудахчем – кого в пирог, кого на вертел?..

–Единственное, что я знаю – так это то, что мы будем танцевать в святилище Нимы, куда вход заказан всем, кроме нас. Даже если и опозоримся, никто этого не увидит. И я предполагаю, что ритуал нужен не только богине, но и нам самим. И еще… – и Амариллис, лежавшая на каменной скамье, подняла голову. – Никто и никогда не называл Ниму жестокой или кровожадной.

–Все равно страшно. – Но Лалик уже улыбалась. – Эниджа сказала, что костюмы придется снять. Я так танцевать не привыкла.

–Ах, бедняжка… Тогда каково же придется мне, ведь я последние полгода в шубе танцевала и в меховых сапогах! – засмеялась Муна. – Привыкла, а что поделать – зима в Крагле это тебе не южная слякоть, воздух как жидкое стекло, почти звенит!

–Правда? – доверчивая Лалик округлила глаза. – Так вот в шубе и танцевала? Тяжело же… и неудобно.

–Ничего, привыкла… – тут Муна не выдержала и рассмеялась. – Ну что ты, дуреха! В шубе только медведь пляшет. А для меня залу протапливали… перед некоторыми шесты с нарядами носят, а для других недельный запас дров за день сжигают. – И она подмигнула подругам.

–Может, нам все же стоит подумать о том, что мы будем танцевать для Нимы Нежнорукой? – Ксилла вынырнула из бассейна, уселась на мраморном бортике, отжала воду из тяжеленных волос. Только здесь, в купальне, суртонка иногда позволяла себе первой задать вопрос или быть несколько вольной в словах. – Или это будет как наше первой выступление – готовься не готовься, все одно провал.

–Вот и я о том же. – Лалик завязала волосы узлом и стала спускаться в воду. – Так все хорошо было, устоялось все, улеглось… И на тебе, опять что-то доказывать надо.

–А ты и впрямь разленилась. – Гинивара усмехнулась. – Домашняя толстая кошка. Привыкла перед своим ан–Нуманом задом крутить, танцевать, наверно, совсем разучилась, – поддела она подругу.

–Что?! – И Лалик, зачерпнув пригоршню холодной воды из стоявшего рядом с бассейном ведерка, швырнула ее в нильгайку. – Да я таких как ты десяток перетанцую! Если хочешь знать, я уже через месяц, после того, как малышку Зули родила, упражняться начала! Вот тебе! – И, схватив ведерко, Лалик выплеснула его на Гинивару. А та только засмеялась – Лалик перестала трусить, глаза ее загорелись, спина выпрямилась… этого и добивалась жрица Калима Пышноцветного.

Через секунду в тихой купальне развернулось настоящее сражение, сопровождающееся визгом и плеском, – танцовщицы похватали ведерки

с холодной водой и принялись окатывать друг дружку почем зря. Ксиллу, только-только подсушившую волосы, столкнули в бассейн, на Муну вылили целый тазик мыльной пены для очищения волос. Нахохотавшись, девушки попадали в бассейн, и началась обычная купальная болтовня, не омраченная неуверенностью или, тем паче, страхом.

Утро следующего дня девушки провели в зале, вспоминая все танцы, что когда-то танцевали сами или видели в исполнении друг друга. Они так увлеклись, что Эниджe пришлось буквально выгонять их на отдых. Когда же наступил вечер и в комнате затопили камин (нынешняя зима даже для Шаммаха была теплой, и комнаты протапливали только один раз), в дверях появилась госпожа Эниджа.

–Еще не умерли от нетерпения? Нима ждет вас. Идемте.

Вереницей танцовщицы следовали за своей учительницей. Плотно закутавшись в плащи (не сговариваясь, кроме них они надели только самые простые джеллабы), шли по заснеженным дорожкам сада, мимо живых изгородей и беседок. Поднялись по широким каменным ступеням и вошли в узкую дверь, через которую когда-то, шесть лет назад они вышли из храма в тайный сад и пришли в школу. В зале было темно и тихо. Девушки осматривались, каждая вспоминала тот день, когда впервые перешагнула порог храма Нимы.

–Следуйте за мной. – Эниджа держала в руке светильник. Повернув за колонну, она начала подниматься по винтовой лестнице.

–Мы что, на крыше танцевать будем?.. – шепнула Амариллис Муне, – Холодно же!

Как оказалось, она не ошиблась. Вслед за Эниджей все они вышли на крышу храма, плоскую, огражденную невысокой колоннадой. Строившие храм Нимы избегали резких линий и острых углов, и здесь колонны выстраивались в мягкий овал. Возле того места на крыше, откуда поднялись девушки, полукругом располагались каменные сидения; в противоположном углу находилась статуя Нимы. Богиня держала в левой руке, изогнув ладонь лодочкой, кристалл, похожий на Хранителя Мелодий, только раз в десять поболе, ладонью правой руки она придерживала верхушку камня. Легкое тело Нимы облегало тонкое платье; складки и извивы ткани, искусно высеченные из белого камня, будто развевались под несильным ветром; босые ноги богини замерли – одна чуть впереди – готовые шагнуть, побежать, затанцевать… Выражение лица статуи должно было выражать спокойную приветливость, но в уголках ее мягко улыбающихся губ пряталось лукавство. Все пространство святилища заливал почти полуденный свет храмовых светильников, наполненных смесью масла, золотой пудры и благовоний. Здесь было совсем нестрашно, и, пожалуй, даже тепло.

Повинуясь жесту Эниджи, девушки встали полукругом, возле сидений.

–Вы будете подходить к богине по очереди, когда она сама вас позовет. Надеюсь, вы помните о том, что одежда вам не понадобится. Ничего

не бойтесь и постарайтесь особенно не задумываться… будьте искренни с Нимой Снисходительной – и не пытайтесь обмануть самих себя. Обычай танцевать для нашей богини поможет вам обрести потерянное, вспомнить забытое, исполнить невозможное. Нима заботится о своих дочерях… сегодня вы поймете это сами.

Эниджа подошла к изображению богини и, склонившись перед нею, положила к ее босым ногам гирлянду живых цветов (так вот зачем храму теплицы, как-то некстати мелькнуло в голове у Амариллис). Негромко прочла она слова молитвы, призывающей Ниму, и ободряюще кивнув своим ученицам, удалилась.

Танцовщицы несмело уселись на каменные сидения, едва переводя дыхание и глядя в пол. Ничто не нарушало тишины и уже через несколько минут девушкам стало казаться, что их заливает, заполняет теплый свет; мысли успокоились, дыхание выровнялось. Белый каменный пол, невысокие колонны, каждая увенчанная пылающей чашей, яркие цветочные лепестки у ног Нимы… Над головами пришедших острыми блестками посверкивало холодное декабрьское небо, но здесь похоже сами камни, напитавшиеся солнечным жаром, отдавали его, согревая темноту зимней ночи. Первой встала Гинивара. Она развязала плащ, уронила его на пол, распустила витой шнур, стягивающий ворот джеллабы, и выскользнула из просторной рубахи. Перешагнув ворох ткани, обнаженная танцовщица подошла к богине и замерла в ожидании.

Эта странная, ни на что не похожая одежда появилась словно из воздуха. Ноги танцовщицы от колен до щиколоток и руки – от локтей до основания пальцев – охватили тугие витки белых узких, словно металлических, полос. Бедра стянула повязка, грудь – узкий лиф из таких же лент. Гинивара, уняв дрожь, охватившую все ее тело, резко обернулась. Девушки, увидев ее наряд во всей красе, с трудом подавили возгласы удивления и испуга – чашечки лифа, наколенники, перед набедренной повязки были сделаны в виде человеческих черепов. На шее нильгайки белело костяное ожерелье, острые, цепляющиеся друг за друга клыки. Бронзовокожая, черноволосая Гинивара, разукрашенная символами смерти и разрушения, предстала перед ними жестокой, не знающей пощады жрицей. Танец ее – по крайней мере, то, что остальные танцовщицы осмелились увидеть, от чего не отвратили испуганных глаз, – был исступлен и агрессивен. Гинивара нападала и разила без пощады. Первое же ее движение – резкий прыжок в сторону, сильно пригнувшись, почти стелясь по полу – заставил бы отшатнуться кого угодно; так прыгает с дерева черная пантера, тугим пряным комком смерти на плечи жертве, повергая ее бархатными беспощадными лапами ниц, без малейшей надежды на спасение.

Едва переводя дыхание, Амариллис смотрела на давнюю подругу – сдержанная, насмешливая, проницательная Гинивара, великолепно исполнявшая ритуальные танцы, продуманные, выверенные до еле заметного

движения пальцев, металась по крыше храма, как дикий зверь по ненавистной клетке. Взлетев в невозможном прыжке, вдруг падала как подкошенная… чтобы вскочить, застав врасплох, настигнуть и растерзать. Что прятала в себе все эти годы жрица Калима Миролюбивого, что тлело под спудом в ее сердце?..

Когда пронзительная, раздирающая слух музыка иссякла и танцовщицы открыли глаза, то увидели, как их подруга бессильно опускается перед богиней, обнимает ее босые ноги и плачет…

–*…потому что нет таких сил, чтобы вынести равнодушие…* – доносится до Амариллис.

Выплакав вскипающие, выжигающие глаза слезы, Гинивара возвращается на свое место, набрасывает на плечи плащ и замирает, сцепив руки на коленях.

На Лалик обрушивается золотая сетка, обтягивает ее руки, ноги… а на поясе с веселым звоном сплетается короткая юбочка из тонких золотых дисков. Такие же диски ложатся тяжелым ожерельем, от подбородка до груди. Ее танец оказывается самым простым – будто девочка танцует, не стараясь и не задумываясь. Движения Лалик легки и незамысловаты, но подруги смотрят на нее, не отрываясь – и улыбаются. Муна так даже начинает тихо подпевать кристаллу в руках богини. Улыбается и сама танцовщица; так ей тепло и отрадно живется в этом мире, ее веселье не задевает, оно согревает прикоснувшихся к нему. Но и у Лалик есть что сказать богине.

Муна становится похожей на морскую царевну – корсаж из веточек коралла, а на руках, от локтя до мизинца – подобие прозрачных плавников. Ноги северянки будто одеты в высокие сапожки, ажурные и многоцветные; приглядевшись, девушки видят, что это ракушки. Она не сразу начинает танцевать, долго прислушиваясь к музыке. Поначалу плавная и ритмичная, как колыхание волн, музыка вскоре накрывает танцовщицу с головой.

Не понять – сама ли морская дева вызвала эту бурю, или же шторм застиг ее врасплох вдали от родных мест… предупреждение ли это, подтверждение ли… Муна танцует, не слушая музыку, не подчиняясь ей – но явно переча, отвергая, пытаясь переломить ее рисунок. Амариллис кажется, что в глазах северянки плещется страх, а взмахи ее рук становятся похожи на судорожные движения тонущего человека. Как бы то ни было, Муна уходит, лишь коротко поклонившись богине, оборвав танец, не доведя его до финала.

Ксилла дольше всех ожидает воли богини. Ее наряд буквально прорастает из нее самой – это перья… маленькие, пушистые на груди и бедрах, длинные, легкие – венчиком на голове, и сильные, маховые – на поднятых руках. Когда суртонка танцует, слышен стон рассекаемого воздуха, и она

временами надолго зависает довольно высоко от пола. Поначалу она боится, даже вскрикивает, не чувствуя под ногами пола. Но, мало-помалу, напряженные руки Ксиллы расслабляются.

Они видят это: кисть, дрожащая от усилия держать жест любой ценой, пальцы, вытянутые, прижатые друг к другу плотно–плотно вдруг коротко, резко вздрагивают – будто пчела ужалила – и вот уже плывут, движутся мягко, бездумно, как подводная трава. Но все же танцовщица так до конца и не доверяется своим крыльям; она могла бы летать, но предпочитает не отрываться от земли.

Амариллис богиня призывает последней.

Переступить через одежду, будто через сброшенный кокон. Шагнуть раз, и другой навстречу себе самой… Амариллис уже догадалась. Посмотреть вглубь искрящегося кристалла. Ждать.

Ждать девушке не пришлось. В ту же секунду ее наряд вспыхнул на ней – короткое, рваное по подолу платье из темного пламени, открывающее плечи. А на шее – ожерелье из обжигающе холодных льдинок, будто взяли воду из самого глубокого и темного омута, промерзавшую до самого дна, да и разбили, а остренькие иголочки и осколки смерзлись в причудливую цепь. Такие же черные ледяные браслеты украшают запястья и щиколотки Амариллис.

…Танцуй, иначе сгоришь… или замерзнешь. Танцуй, иначе остановится твое сердце и вслед за ним солнце вздрогнет – и скатится переспелой ягодой с опрокинутого блюда небес. Если ты помедлишь еще минуту, мир не вынесет этой муки, этого ожидания танца… он истлеет, рассыплется горстью праха на ветру. Сотвори его из огня и льда, пусть моря его повинуются биению твоего сердца, пусть ветра его родятся от твоего дыхания. Станцуй этот мир, сотвори его – он весь в тебе, так выпусти его, позволь ему быть…

Она начинает кружиться – медленно, плавно, раскинув в стороны руки. Языки пламени лижут ее тело, лед посверкивает на осторожно переступающих ногах. Не прекращая кружения, она вскидывает руки, и они словно оживают, рисуют в воздухе узоры созвездий, выпускают из раскрывающихся ладоней россыпи солнц. Вдруг Амариллис замирает, прижав ладони к груди. И, коротко вскрикнув, открывает их дарящим, отдающим жестом, протягивая ввысь зачерпнутый из глубины огонь. Она не торопится. Ей надо протанцевать легкую поступь весны, отстучать дробь торопливого летнего дождика, низко-низко проскользить колючей вьюгой… и упасть осенним листом, кружась и замирая от предвкушения покоя. И снова встрепенуться – змеей, сбросившей кожу, птицей, пробующей ветер крылом, раскрывшимся цветком. И опять терять лепестки, умирать, угасать, иссякать, только для того, чтобы просыпаться, наполняться до краев, расцветать и дарить. Всю себя. И в тот миг, когда она чувствует себя напол-

ненной до краев солнечно-виноградным биением жизни, все, что она отдавала – враз, сполна возвращается к ней. Амариллис останавливается, охватив плечи руками, еле дыша, боясь расплескать, не удержать дарованное…

Потом она, как и другие танцовщицы, вернулась на свое место, машинально набросила плащ. Странно, но Амариллис не могла вспомнить музыку, сопровождавшую ее танец. В святилище вновь воцарилась тишина, девушки сидели молча, даже не переглядываясь. И вот огонь в светильниках начал медленно угасать, тепло, исходящее от каменного пола, стало иссякать, и порыв январского ветра напомнил им, что время ритуала истекло. Танцовщицы покидали храм Нимы. Каждая, прежде чем ступить на ведущую вниз лестницу, подходила к белевшей в полумраке статуе, опускалась на колени, прижималась лбом к камню под ногами богини и – обещала, просила, благодарила…

Спустя несколько минут после того, как танцовщицы Нимы покинули крышу храма, из-за колоннады неслышно вышел человек. Двигаясь легко и бесшумно, он подошел к изображению богини. Светильники, стоявшие рядом с Нимой, почти погасшие, вдруг разом вспыхнули, будто приветствуя незваного гостя. А он спокойно вступил в круг света и учтиво поклонился богине.

–Мир тебе, Нежнорукая…

Это был молодой мужчина, лет двадцати с небольшим; высокий, длинноногий и при этом довольно широкий в плечах; бледный – но, возможно, в его бледности была повинна черная одежда. Волосы его, забранные в хвост на затылке, спадали на спину тремя светло–пепельными косами. Широкий ясный лоб говорил о том, что пришедший в храм отнюдь не дурак; черты лица, четкие и ясные, вполне располагали к нему. Все бы ничего, если бы не глаза. Прозрачно–ледяные, с черными точками зрачков, создающих впечатление томительного упорства, какие-то спокойно-бешеные… достаточно было заглянуть в них один раз, и становилось понятно, что парень этот – не из тех, кого выбирают в спутники на темной дороге, потому как такой сорви–голова непременно навлечет беду. Определенные сомнения вызывал и рот гостя – тонкие губы, сжатые в упрямую линию… с таким не договоришься, поскольку он и слушать не станет. Из оружия при нем был только два легких меча, крест–накрест за спиной.

–Прости, что явился без приглашения. Как видишь, мои манеры не улучшились. Благодарю, что позволила мне полюбоваться твоими танцовщицами… – он снова поклонился, прижав правую руку к груди, – Кстати, брат, которая из них твоя подопечная? – сказал незваный гость, слегка поворачивая голову влево.

Тот, кого он назвал братом, уже стоял рядом с ним. Слабо светились в темноте белые одежды, и синим огнем горели на смуглом лице глаза.

–Ты ничуть не изменился, Гарм. Появляешься там, куда тебя не звали, и ищешь тех, до кого тебе не должно быть ни малейшего дела.

Названный Гармом склонил голову и развел руками – извините, мол, так уж вышло.

–Как ты сюда попал? – свет синих глаз стал пронзительным, холодным; казалось, два луча выходят из глаз смуглолицего, упираясь в лоб Гарма.

–Обижаешь, брат. Я и в сокровищницу здешнего царька как к себе домой могу войти, не то что в матушкин храм. Охраны здесь никакой… даже странно.

–Ничего странного. – Собеседник молодого похвальбишки повел рукой, пробуждая угасшие светильники, – Об этом ритуале, пожалуй, лучше сказать – обычае, – никто не знает. Иначе бы места за колоннами стоили бы целое состояние, а Ирем внезапно наводнился князьями и королями со всего Обитаемого Мира. Это не зрелище, это таинство.

–Ты все такой же зануда, аш–Шудах. Но объясняешь хорошо. Так кто из них твоя рабыня?

–Что, хочешь перекупить?

–Денег недостанет. Неужели та, морская?.. Боюсь, у нее злая судьба, слишком уж она непослушна и своенравна.

–Северянки все такие.

–Ну не нильгайка же… такую даже я испугался бы. И не шаммахитка – на такое добро ты вряд ли бы потратился. Маленькая птичка? Трусовата…

Гарм жонглировал предположениями, не отводя глаз от лица аш-Шудаха.

–Здесь ты бессилен, Гарм. – Оборвал его рассуждения маг.

–Зачем же лишний раз напоминать мне об этом прискорбном обстоятельстве. И сам помню. Значит, она… – и он сжал виски тонкими пальцами. – Огонь и лед. Как ее зовут, брат?

–Амариллис. – Аш-Шудах ответил, будто предупредил.

–Красивое имя. И девушка хороша. Ну, не красавица, конечно, но танцует божественно. Я так думаю, матушка ею гордится. Я бы гордился, точно.

–Послушай, Гарм. – Маг прикрыл на мгновение глаза, возвращая им черный цвет. – Зачем ты явился сюда? Испытать в очередной раз мои силы и мое терпение? Помнится мне, нам случалось переведаться… давно это было. Неужто соскучился? – Глаза аш–Шудаха потемнели… исчезли белок и радужка, глаза стали как два провала… там клубилась темнота, иссиня-черная, подобная той, что заключена в самом сердце грозовой тучи.

–У нас договор. Ты не забыл? – Гарм не отступил и говорил спокойно, но как-то весь подобрался, как кот перед прыжком.

–Я ничего не забываю, Гарм. Ничего. Шаммахитская мстительность, – и аш-Шудах, явно передразнивая гостя, будто извиняясь, развел руками.

–Что ж, пожалуй, мне пора. Отвык я от холода, да и матушке надоедать не стоит, – и Гарм поежился от порыва ветра. Он почтительно поклонился Ниме, и удалился так же бесшумно, как и возник.

–Если с ней хоть что-то случится… – аш-Шудах пристально смотрел в сторону ушедшего.

–Ты знаешь, где меня искать. – Ответил мрак откуда-то из-за колонн; затем послышался звук легкого прыжка, прошелестели почти неслышные шаги… и затихли.

–Что ему нужно от нее? – спрашивавший подходил к аш-Шудаху так же легко, как убегал только что ушедший, но отнюдь не так неслышно. Каждое его движение сопровождал легкий, мелодичный звон колокольчиков, которыми были перевиты его волосы.

–Так–так… Все братья в сборе… были. – Аш-Шудах усмехнулся, поворачиваясь навстречу Лимпэнг-Тангу. – Давно ты тут?

–С самого начала.

–И ты его не заметил?

–Нет. Впрочем, он и в детстве всегда меня обыгрывал в прятки. Так что ему нужно?

–Ты слышал весь наш разговор. И, как всегда, предпочел в нем не участвовать.

–Не надо меня упрекать. – Лимпэнг-Танг отвернулся. – Это мой выбор, и я верен ему. И да не наступит тот день, когда я буду вынужден изменить себе.

–Что, тогда нам всем не поздоровится? – усмехнулся аш-Шудах.

–Именно так. Как ты думаешь, брат, каков будет мир без радости? Что станется с ним, если никто не будет посылать ему хоть немного веселья?

–Не знаю, но жить в таком мире я бы не хотел. Ты-то зачем тут?

–Как зачем? Я так разумею, Амариллис скоро покинет мою труппу. Вот, хотел приглядеть новую танцовщицу.

–И как? Приглядел?

Лимпэнг-Танг вздохнул и, качая головой, рассыпал в морозном воздухе пригоршню серебристого звона.

–Увы мне… Я думал, Муна согласится вернуться, она уже проводила сезон вместе с моими детьми. Но я боюсь, она навлечет несчастья на труппу. А остальные девушки слишком привязаны к своим родным местам.

–Может, Гинивара?

–Не имею привычки отнимать жриц у других богов. А ну как обидится? Да и вряд ли у нее получится, ее зрители привыкли молиться, мои – наслаждаться.

–Она очень талантлива. И я не думаю, что она вернется домой, в храм Калима. Устала молиться и тоскует по радости… возьми ее. Не пожалеешь.

Лимпэнг-Танг внимательно посмотрел на мага.

–Только при одном условии. Костюмы ей буду подбирать я сам! – и засмеялся.

После ритуала танцовщицы прошли в свою комнату и – все как одна обессиленные, переполненные и опустошенные одновременно – почти что упали в постели с одной лишь мыслью – спать. Проснулись они поздно, чуть ли не за полдень. Разбудила их Эниджа.

–Будет вам спать, вставайте. Марш в купальню, а потом милости прошу ко мне. Мой повар начал заготавливать сладости для вас неделю назад, и успел столько их наделать, что даже Лалик хватит.

Покои госпожи Эниджи отличались от подобных им комнат в богатых домах разве только нетипичной для Шаммаха цветовой скромностью: все в них, начиная от стен и заканчивая подушечками, было либо сливочно–белым, либо тепло–терракотовым. Пришедших ожидал низкий стол, с немыслимой щедростью накрытый всевозможными сладостями; несколько десятков блюд, вазочки, кувшины и подносы теснились будто армия, готовая нанести решительный и беспощадный урон талиям танцовщиц.

–Ох ты, Нима Соблазнительница!.. – вытаращила глаза Лалик. – И как тут устоять?! Завяжите мне глаза, заткните нос и свяжите руки – да покрепче!

–Не переживай так, Лалик… – Эниджа пригласила учениц усаживаться. – Сегодня все можно. Я разрешаю,– и засмеялась. – Знаете, я нахожу особое удовольствие в таком вот попирании запретов и нарушении правил – эдакая сладкая вольница.

Девушки расселись вокруг стола, устраиваясь поудобнее на маленьких подушках, и в нерешительности уставились на расстилавшуюся перед ними губительную благодать.

–С чего бы начать? – и Гинивара пошевелила пальцами над столом. – Кто первый?

–Начни с хлеба богачей… – посоветовала Лалик, придвигая к себе тарелочку с чем-то воздушно–розовым и указывая подруге на блюдо, на котором золотились даже на вид хрустящие кусочки, покрытые плотным сливочным пудингом. – Слопаешь пару ложек, ничего другого уже не захочешь… потому как объешься!

–Ммм… госпожа Эниджа, а что добавляет ваш повар в абрикосовые шарики? – Амариллис держала маленькое оранжевое пирожное, сделанное из сушеных абрикосов самых сладких сортов, миндаля, хрустящего риса и кокосовой муки.

–Розовый сироп, а не яичный белок, как это делают в харутских кондитерских. Нравится?

–Очень… – И Амариллис потянулась за следующим шариком.

Ксилла, разливая в маленькие чашечки горячий чай, выглядела донельзя довольной. Ведь это она привезла его сюда, в Ирем, здесь такого даже за большие деньги не купишь. Чайные листочки, свернутые жгутами, из которых умелые пальцы суртонок сплели настоящие хризантемы. Одного такого чайного цветка с избытком хватало на целое чаепитие; цветок

надлежало сначала хорошенько пропарить в плотно закрытом чайнике и лишь затем залить – осторожно, не торопясь и не помышляя о дурном и суетном – водой, вскипевшей и две с половиной минуты назад снятой с огня. Аромат такого чая, если вдыхать его, склонившись над фарфоровой чашечкой, прогоняет печали и успокаивает сердце. Для Ксиллы, суртонки до кончиков пальцев, чаепитие было подлинным священнодействием, поэтому, когда она увидела, как Муна разбавляет горячий напиток сливками, то не преминула высказать ей все, что думает о варварстве северян.

–Мешать жирные сливки, поглощающие все вкусы, с чаем столь изысканным, что даже поэты не могут доселе найти слов для его описания… – суртонка возмущенно щелкнула пальчиками. – Ты бы еще налила в него этот ужасный забродивший отвар хмеля, который вы называете пивом!

–Дружочек, – Муна ничуть не обиделась, ей была даже забавна горячность всегда сдержанной и чопорной Ксиллы, – Горячо же. А что до вкусов, то не скрою, что мне милее наш варварский мелиссовый чай с толикой зверобоя и цветов клевера. А, Амариллис?

–Ну… суртонские чаи хороши, не скрою… но мелиссу я тоже люблю! – примиряющее улыбнулась Амариллис.

Танцовщицы отбросили все сомнения и презрели все запреты; они были похожи на детей, которым во владение отдали кондитерскую лавку: едва облизав пальцы после очередного лакомства, они тянули руки за новым. Муна не постеснялась облизать тарелку из–под лимонных долек в клубничном сиропе, Ксилла пальчиком расковыривала круглые шаммахитские пирожные, выедая начинку из меда с орехами, Амариллис на пару с Гиниварой доедали хлеб богачей, а Лалик, как на удачу надевшая просторную нарядную джеллабу, попросту придвинула к себе блюдо всевозможных слоек, пропитанных медом и пряностями, и, полузакрыв глаза, поглощала их одну за другой. К слову сказать, госпожа Эниджа не отставала от своих учениц. Вечер удавался на славу.

–Если ваш повар вдруг чем-то прогневит вас… – Лалик, с трудом разлепив пальцы, склеенные ароматным медом, взяла трубочку, начиненную взбитыми сливками, и, откусив кусочек, утратила способность разговаривать.

–И не надейся. Но если хочешь, могу принять твоего повара к моему в обучение. Хотя для тебя это может оказаться опасным, растолстеешь за месяц как бегемотиха, танцевать как будешь?

–Ну… ммм… не вечно же я танцевать буду. Кстати, девочки, а вы куда собираетесь? По домам?

–Я – да. – Ксилла подняла глаза от очередной раскопки–расковырки. – Его величество не любит ждать. Да и не стоит оставлять свое место надолго. Сами понимаете, опасно.

–А я – нет. – Гинивара со вздохом изнеможения отодвинула опустошенное блюдо. – Не хочется мне домой. Госпожа Эниджа, вы позволите мне побыть в храме? На первое время.

Эниджа коротко кивнула.

–А я, пожалуй, приму одно приглашение, – и Муна интригующе подмигнула подругам. – Меня на Мизоан зовут.

–Куда?! – изумились танцовщицы. – И зачем?

–Ну, не придворной дамой, это уж точно. Там и двора-то никакого нет. А праздники как у всех. Я сама пока мало что знаю, надо будет получше расспросить.

–Ты поосторожнее там, мне Рецина говорила, чужаков на Мизоане не любят. Ладно, твоя воля. А меня в труппе ждут, мы эту зиму в Маноре работаем. Так что я завтра удираю, пока еще доберусь. – Амариллис допила чай и поклонилась хозяйке дома. – Благодарствую, госпожа Эниджа. Теперь бы кто помог встать и дойти до кровати…

–Нет уж, идите-ка лучше в сад, прогуляйтесь. А то приклеитесь к подушкам! – засмеялась шаммахитка. И уже вдогонку уходящим ученицам добавила: – Амариллис, задержись на минуту, я хочу кое-то спросить о ваших порядках.

Когда дверь за танцовщицами, идущими нарочито медленно и неуклюже, закрылась, Эниджа присела рядом с Амариллис и тихо спросила:

–До конца зимы ты еще доработаешь. А потом куда?

Амариллис заглянула ей в глаза, усмехнулась.

–Интересно, вы одна догадались?

–Не беспокойся, я одна. Девчонки слишком заняты собой, каждой своих забот хватает. А мне о чем заботиться?.. Разве что о том, как бы найти себе преемницу. Ты никогда не думала остаться в храме Нимы? На правах Учителя.

–Я?! – искренне изумилась Амариллис. – Помилуйте, госпожа Эниджа. Какой из меня учитель? Я раздражительна, совершенно не выношу непонимания и неповоротливости – как в мыслях, так и в движениях. Да и от родных мест Ирем далековато…

–Этот город очень гостеприимен, если потрудиться понять его характер. Амариллис, я так понимаю, что замуж ты в ближайшее время не выходишь – и вряд ли выйдешь вообще. Так?

–Так. – Девушка кивнула без малейшей тени обиды.

–А значит, тебе нужен свой собственный дом. Конечно, ты всегда можешь остаться у аш-Шудаха… но, боюсь, тебе будет там скучно, поскольку в доме мага ты не у дел.

–Чего не скажешь о школе танцев. – Закончила за шаммахитку Амариллис.

–Именно. Если боги пошлют тебе дочь – лучше, чем храм Нимы, для ее воспитания места в Иреме не найти. Осчастливят сыном – думаю, Арколь будет счастлив принять его как ученика. Здесь есть, кому позаботиться о тебе и твоем ребенке.

–Амариллис сидела молча, держа на коленях подушку, разглаживая ее шелковистый ворс.

–Я… благодарю вас. Но если я и приеду в Ирем и останусь в храме Нимы, то вряд ли раньше, чем года через три. Как раз вы выпустите нынешних учениц, отдохнете и наберете новых. А тут и я подоспею… если вы согласитесь, для начала буду просто помогать вам. А там видно будет.

–Есть место, в котором ты уверена больше, чем в храме?

–Да. – Твердо ответила девушка. – Больше, чем в себе самой. Оплот неизменности в зыбком мире, твердыня любви и преданности, убежище для слабых и беззащитных.

–О Нима Нежнорукая! – ахнула Эниджа. – Неужели ты собралась в монастырь к Дочерям Добродетели?! И я дожила до этого дня!

–Да нет, что вы! – рассмеялась Амариллис, всплеснув руками.

–Скажете тоже… – и снова засмеялась. – Да меня и на пушечный выстрел к воротам не подпустят. Одно дело бедная сиротка, и совсем другое – нераскаявшаяся блудница.

–Амариллис! С каких это пор танцовщица Нимы прозывается блудницей?!

–У Дочерей Добродетели – испокон века. Так что мне в их доме делать нечего. Нет, госпожа Эниджа, я говорила о другом месте. О доме друга и сокровника. К тому же он неподалеку от Одайна. Я люблю тамошние места, привольно, леса светлые, не то, что ближе к Краю Света. Отдохну, отвыкну от дороги и приключений, глядишь, и к вам ехать побоюсь…

–Это ты про кого? – усмехнулась Эниджа. – Знаешь, Амариллис, поскольку ты почти согласилась занять со временем мое место, я открою тебе один секрет. Помнишь ваши первые выступления в Маруте Скверном?

–Разве такое забудешь… – и танцовщица невольно выпрямила и без того прямую спину.

* * *

Старик Снорри, как всегда в особо напряженные моменты, поглаживал пальцами шрамы-близнецы, пересекающие его щеку от уголка глаза до подбородка. Если мастер-шаман прав, то сегодня ему удастся, наконец, выполнить волю друга и вернуть алмаз темной крови законному владельцу. Вернее, владелице. Как на горе, и сын, и внуки капитана Дирка погибли в наводнении, накрывшем Свияр, что на Кадже Бесноватой. Чудом, иначе не скажешь, выжила только внучка. Найти ее стоило трудов – не великих, но все же ощутимых для орков Обитаемого Мира. Найти, чтобы решить – достойна ли она владеть камнем рода, или же надлежит ему храниться у одного из старейшин. Снорри допил пиво из массивной глиняной кружки, поморщился – ну, пойло шаммахитское!.. из чего они только его варят?!.. впрочем, лучше этого не знать. Орк сплюнул прямо на пол (ни чище, ни грязнее от этого пол не стал), покряхтел, по–стариковски недоверчиво оглядывая зал. Вот ведь напасть… нет бы парня судьба сберегла, видел

он их – один другого краше, высокие, плечистые, и не людские зубоньки, а почти настоящие орчатские клыки… Так нет ведь, выплыла эта девица! Ну какая из нее хранительница камня темной крови, скажите на милость?! Небось, в одних бирюльках толк знает, да еще вот плясать выучилась. Оххо-хо… Сидевшие рядом со Снорри орки от нетерпения слишком громко переговаривались, поминутно оглядывались, кто-то опрокинул кружку. И тут красная линялая тряпка, висевшая в качестве занавеса, отодвинулась, выпуская на небольшую сцену предмет их любопытства. Снорри глянул и обреченно застонал.

–О боги!... За что такая немилость?! Да что же это такое? Белка облезлая… цыпленок ощипанный… И этой пигалице я должен отдать камень?! Укк фургат!..

А пигалица с лицом, зажатым в испуганный кулачок, прошла на середину сцены и приготовилась что-то там танцевать. В тяжкую духоту залы пыталась проникнуть тихая, жалобная мелодия. Однако выступление, едва начавшись, было прервано: кто-то тоже оказался недоволен пигалицей, и выразил свое недовольство, швырнув в девушку помидором, за которым последовали откровенные оскорбления. Старый орк опустил глаза – он не любил жалких зрелищ.

…Всегда, вспоминая об этом дне, Амариллис гордо вскидывала подбородок, разворачивала плечи, а то и ногой притоптывала. Не посрамила. Не подвела. Доказала. Сама.

С трудом переводя дыхание, Снорри изумленно глядел на сцену. За всю свою долгую жизнь он ничего подобного не видел. Напуганная и беспомощная пигалица внезапно обернулась саламандрой, пляшущей в огне, на котором поджаривались зрители. А им, насаженным на вертел, хотелось только одного – еще огня, огня пожарче! И она раздувала, распаляла это пламя, одним взмахом руки заставляя его взлетать до небес, щедрыми горстями разбрасывая искры. Со свистом втянув в себя жаркий трепещущий воздух, Снорри захотел вытереть пот, выступивший на лбу, но почувствовал, что левая рука ему не повинуется и он даже не ощущает ее, будто нет ее вовсе. Орк изумленно посмотрел на онемевшую руку и тут же понял, кто этому виной. Алмаз темной крови, тихо-мирно сидевший в кольце, которое Снорри носил вот уже десять лет, проснулся. Теперь он был похож скорее на сгусток темного пламени, чем на осколок льда. Алмаз признал хозяйку. Он звал ее.

… Амариллис вспоминала, что, танцуя тогда в безвестном марутском притоне, она чувствовала себя горящей головней, выхваченной из костра. Порой ей казалось, что она видит сполохи пламени, пробегающие по ее рукам, и тяжелые огненные капли, срывающиеся с ее пальцев и разбивающиеся о пол в обжигающую пыль.

Не сказать больше и точнее – Снорри был счастлив. Этой пигалице (про себя он так и звал ее, поскольку была у старика на редкость неприятная привычка – называть вещи своими именами) он доверит камень с радостью. Выполнит волю друга, уплывшего за Край Света. Дирк сказал тогда: «Отдай камень истинному хозяину. Мой род хранил его не одно столетие. Не хочу оказаться последним. Не спеши. Сыну не отдавай… сам знаешь, почему. Присмотрись к внукам, ко всем троим. Все хороши. Решать тебе, кого ты сочтешь достойным». Амариллис, последняя из рода, дочь Оттона из Одайна, внучка Дирка-капитана, правнучка Судри из Лесного клана… прямой потомок Эркина из Лесных Хоромин. Хозяйка алмаза темной крови. Законная и единственная.

Снорри встал, подошел к сцене и протянул танцовщице руку. Она глянула на него совершенно шалыми, дурными глазами, улыбнулась так, будто солнце из-за туч просияло, и спрыгнула к орку. Когда она прикоснулась к нему, легко опираясь на протянутую им руку, Снорри вздрогнул – ему показалось, камень отозвался ее прикосновению, заметной дрожью давая ему понять, что пришла пора расставаться. Усадив девчонку за стол, Снорри в который раз поразился удивительному свойству темной крови – обнаруживать себя даже в таких «разбавленных» метисах, как Амариллис. Ее окружали чистокровные орки, зелено–смуглые, клыкастые, огнеглазые, но среди них она – тоненькая, маленькая, белобрысая – не смотрелась чужачкой, не выглядела слабой и жалкой. Было в ней что-то неуловимое… то ли блеск в глазах, то ли манера трогать кончиком языка чуть выдающиеся клыки, то ли порывистая грация движений, схожая с горением смолистой сосновой ветки. Темная кровь… ну не может она течь спокойно, вечно выкидывает какие-нибудь коленца. Старый орк, будто между делом выспросив у девчонки имя прадеда, так же мимодумно снял кольцо, с трудом стянув его с мизинца, и отдал танцовщице. Она приняла подарок, поблагодарила и, не думая, надела на средний палец правой руки. Снорри был уже слишком стар, чтобы предаваться всяческим фантазиям и выдумывать красивые сказки, но он готов был поклясться, что камень в кольце… улыбался. Он светился ровным, теплым светом, как окно родного дома в ночи. Алмаз темной крови вернулся к роду Эркина.

* * *

–Так вот, я видела ваш каждый танец. Приезжала заранее – ведь это я выбирала заведение – пряталась в уголке потемнее, но с отличным видом на сцену, и смотрела. Как зачем? Не могла же я оставить вас совсем без присмотра, мало ли что! А еще затем, чтобы поглядеть, чему вы успели научиться, и на что вообще годны. Бывало и такое, что после этого испытания девушки уходили из школы. Так вот, то, что я видела в одном из самых

скверных марутских притонов, спокойной жизни тебе не сулит. Я видела тебя на сцене и потом, но это… – и шаммахитка пожала плечами. – Уму непостижимо, откуда ты все это вытянула, что за бес в тебя вселился?..

–Я и сама не знаю. – Девушка пожала плечами. – Хотела быть сильной… да нет, хотела просто быть. И заставить всех уважать мое присутствие.

Они проговорили до тех пор, пока не вернулись с половины прогулки остальные танцовщицы и не увели Амариллис с собой.

–Помните, когда-то мы уже расставались вот так… не зная, увидимся ли. Все подушки проплакали. – Сказала Гинивара, закончив укладывать сундук.

–Помню. Ничего, увиделись же… я, признаться, очень обрадовалась, когда мне Эниджа приглашение прислала. Думала, грешным делом, что за шесть лет она нас всех позабыла. – Отзвалась Муна.

–Смешно… на самом деле мало что изменилось. – Лалик сидела в кровати, расчесывая волосы. – Только что Гинивара здесь остается. А так – с чего начинали, туда и возвращаемся. Постарели, конечно… – и она притворно закряхтела.

–Да уж, старость – не радость, – засмеялась Амариллис. – Ты так вообще – глубокая древность… матушка Лалик.

Это расставание оказалось не в пример спокойнее прежнего. Совсем немного поплакав, танцовщицы попрощались друг с другом и с Эниджей.

Глава четвертая. Ледяная птица

Она ехала верхом, чуть покачиваясь в такт неторопливым шагам лошади, и напевала себе под нос какую-то странную, невесть откуда взявшуюся мелодию:

Люди и эльфы,
Крысы и кольца,
Темная кровь
В моих жилах смеется…
Темной-то крови
Все бы смеяться…
Гномы и цверги,
Маги и танцы…

Амариллис ехала в Манору в сопровождении Арколя. Шел уже январь и дети Лимпэнг-Танга заждались своей танцовщицы; что же касается Арколя, то он, с позволения аш-Шудаха, решил провести еще пару сезонов в качестве шута.

–Надо же… – улыбнулась Амариллис – Помнишь, мы уже как-то раз вот так ехали – навстречу им всем, в родную труппу. Лорку повстречали…

Брат с сестрой переглянулись и засмеялись, вспомнив обстоятельства, при которых к артистам попал рыжий вольтижер. Путь до Маноры был недолог и безопасен.

–Да, было дело, – все еще улыбаясь, сказал Арколь. – Амариллис, ты не устала? Уже четвертый час верхом…

–Ну и что с того? Я и больше могу… – недоумевая, возразила Амариллис. И, поймав на себе заботливый, беспокоящийся взгляд брата, все поняла. – Ну вот… А я думала, только Эниджа и аш-Шудах проведали.

–Надеялась меня провести? – Арколь только головой покачал. – Куда тебе. Ты как себя чувствуешь? – судя по тону, он держал этот вопрос во рту уже не первый час, не решаясь задать – но и не умея проглотить.

–О боги, – пробурчала Амариллис. – Опять… Я чувствую себя прекрасно, как цветочек поутру! И не о чем тебе так беспокоиться. Обо мне уже побеспокоились однажды – только пылинки не сдували. Нет, в этот раз я уж как-нибудь сама справлюсь.

–Хэлдар… знает? – осторожно спросил Арколь.

–Нет. – Покачала головой танцовщица. – Я не видела его уже больше месяца. Он опять в Шибальбу поехал, уж не знаю, зачем. – И она вздохнула.

–А если бы знал, то вряд ли бы одобрил твое решение доработать сезон, – рискнул предположить Арколь.

–А вот уж это не его дело. – Отрезала его сестра. – И запомни, Арколь, это касается меня – и только меня. И решать все буду я – где мне быть, что делать, у кого спрятаться. Дорабатывать-то всего ничего – пара месяцев, а деньги мне не помешают. Не хочу нахлебницей к Сычу ехать… и просить ни у кого ничего не буду.

–Я понимаю твое ожесточение. – Арколь подъехал поближе, положил руку на плечо сестры. – Но зачем ты обращаешь его на Хэлдара? И… – тут Арколь внимательно всмотрелся в лицо Амариллис – уж не задумала ли ты скрыть от него ребенка?

–Тебе одному признаюсь – да. Собиралась. И не хмурь свои великолепные брови. Арколь, кто я для него? О!.. только не надо говорить мне о любви и самопожертвовании. Уж не думаешь ли ты, что его светлость женится на мне, введет меня в свой родовой замок как законную супругу? То-то его матушка обрадуется… А его светлейший король подарит мне на свадьбу бессмертие и острые уши в придачу… Смешно, правда? – но сама она даже не улыбалась.

Собеседники замолчали.

–Я обо всем ему расскажу, – Амариллис кивнула. – Просто я уже однажды была замужем – и возлагала на брак куда как большие надежды. И прошло-то с тех пор всего-навсего два года…

–Хэлдар сделает все, чтобы ты была счастлива.

–Знаю. Но что такое счастье Кратко Живущих для эльфа? Один день… один изумленный вдох и один короткий выдох… отражение, унесенное быстрой рекой. Арколь, я прошу тебя, оставим этот разговор.

Они прибыли в Манору как и рассчитывали – к началу января. Остальные дети Лимпэнг–Танга, заждавшиеся старых друзей, с нетерпением ждали их и встреча получилась задушевной и радостной. В составе труппы не произошло никаких изменений – молодой шут, приглашенный Арколем, предпочел остаться в Арзахеле, так что приезд мага-подмастерья оказался очень кстати. Впрочем, одно изменение было налицо – в комнате Лиусса и Веноны стояла колыбель, в которой мирно почивала их годовалая дочь. Выступления шли своим чередом, зима, в Маноре мягкая и незлая, проходила чересчур быстро для зимы. Артисты, будто сговорившись (или будучи предупреждены), ни о чем не спрашивали Амариллис, только Венона иногда позволяла себе прервать репетицию танцовщицы и отправить ее пораньше отдыхать. Вестей от Хэлдара девушка не получала – оно и понятно, Шибальба место неблизкое, да и не особо населенное.

На исходе февраля, когда дети Лимпэнг-Танга заканчивали зимний сезон в Маноре, за Арколем приехали. Один из слуг аш-Шудаха привез магу письмо, в котором учитель призывал его вернуться в Ирем как можно скорее. Арколю очень не хотелось уезжать, оставив Амариллис без своего попечения; он настойчиво звал ее с собой.

–Ну послушай же меня, вот ведь несговорчивая какая… Ну чем тебе Ирем не глянулся? Да какая жара?! Это в нашем-то доме?! Да я тебе хоть метель устрою, хоть град с потолка! Амариллис, поедем со мной. Где тебе будет лучше и спокойнее, ты мне скажи? В доме аш-Шудаха к тебе ни одна напасть не подступится, будешь жить как королева – только без скучных королевских обязанностей.

–Арколь… – Амариллис сокрушенно покачала головой и ткнулась лбом брату в плечо, – ну что ты… Не поеду я в Ирем. – И она как-то зябко вздрогнула.

–Почему? – чуть ли не в сотый раз задал этот вопрос Арколь.

–Не знаю. Не хочу. Вот не хочу, и все. Я к Сычу поеду.

–Давно решила… и крепко. – Арколь отстранил сестру, заглянул ей в глаза. – Вижу, не переспорить тебя. Твоя воля, сестрица. – Он крепко обнял ее.

–Арколь, – тихо попросила девушка. – Ты не пропадай, ладно? Как тогда, в Эригоне.

–Постараюсь. Но и ты тоже – будь поосторожнее. – Арколь помолчал с полминуты и спросил – Ты как себя чувствуешь?

Амариллис обреченно застонала.

Спустя две недели после отъезда Арколя приехали и за нею. Хэлдар, вернувшись из Шибальбы, поспешил в Манору, презрев все свои действительные и мнимые обязанности. Узнать, где проживают дети Лимпэнг-Танга было легче легкого – они снимали небольшой дом рядом со зданием театра, со старым, обширным садом, обнесенным высокой каменной стеной. Здесь они могли отдыхать, прячась от суеты и шума. Слуга, открывший эльфу ворота, не без удивления сказал, что господа артисты сейчас у себя… сезон закончили, неужто к себе пригласить хотите? Потом принял повод коня и степенно удалился.

Хэлдар вошел в дом – старые, сложенные из желтоватого песчаника стены, красновато–коричневые плитки пола, уютные закоулки и просторные комнаты, темная деревянная мебель, смешные манорские светильники, выполненные в виде зверей, держащих свечи то в лапах, то на спинах, а то и в пасти, – похоже, дом строили с намерением жить спокойно, без особых затей и вывертов. Он прислушался: где-то рядом, во втором этаже, кто-то смеялся, да так радостно, что эльф поневоле улыбнулся. Хэлдар поднялся по пологим ступеням, заглянул в комнату, дверь которой была приоткрыта. В высокие, узкие окна заглядывало все еще по–зимнему скуповатое солнце, освещая лица людей розоватым золотом; в камине полыхал щедрый огонь. А на ковре вокруг еще нетвердо стоящего на пухлых ножках малыша прыгал рыжий кот – ребенок пытался поймать кота, хлопал в ладоши, топал, даже делал по нескольку шажков в его сторону, но рыжий в руки младенцу не давался. Рядом на этом же ковре сидели две женщины, они-то и смеялись, наблюдая, как кот дразнит малыша. Сидевшая лицом к двери Венона первой заметила стоящего в дверях эльфа. Она встала, подхватила дочку на руки.

–Амариллис… к тебе гость, – и, ответив на поклон Хэлдара улыбкой, поспешила покинуть комнату.

Амариллис не стала вставать с ковра; кот, лишенный такой забавной игрушки, подошел к ней и улегся на подол ее платья. Эльф присел рядом, обнял девушку; она тихо положила голову на его плечо. Они долго сидели так, не произнося ни слова.

–Амариллис… Поедем со мной.

Она только молча покачала головой.

–Не расстраивайся, – чуть усмехнувшись, ответила она, – Арколю я тоже отказала. Он хотел увезти меня в Ирем. Но знаешь, еще меньше, чем туда, меня тянет в ваши леса. А уж тем более в Лис-Арден. Не хочется мне туда сейчас, да и зачем?

Хэлдар вздохнул. Похоже, и на этот раз ему не удастся переубедить танцовщицу. Слишком серьезно она говорила.

–Зачем? Я бы повторил свои слова, Амариллис, если бы не знал, что опять услышу отказ.

–А ты попробуй.

–Амариллис… – Хэлдар повернул к себе ее лицо, взяв за подбородок, – я прошу тебя стать моей женой.

–Нет. – Она смотрела ему в глаза; на посмуглевшем от пустынного солнца лице они казались осколками синего льда… – Нет, Хэлдар. Не быть мне твоей женой. И это не я тебе отказываю… так уж судьба распорядилась. От меня через пятьдесят лет только холмик на кладбище останется да сундук со старыми нарядами. А для тебя полсотни лет – что один летний день. Так о чем тут говорить, радость моя, – и она обвила его шею руками, крепко прижалась к нему, спрятав лицо где-то в светло–пепельных волосах.

Хэлдар смотрел на пляску огня в камине.

– Никто не знает своей судьбы. Мой отец погиб намного раньше отведенного ему природой срока. А ты выжила там, где сгинул целый город. Бессмертие эльфа – не более чем сказка; мы и смертны, и уязвимы. Амариллис, – и он сильнее сжал ее плечи, – Ты напрасно отталкиваешь меня. Это бесполезно. Я все равно буду рядом.

–Знаю… – беззвучно прошептала девушка. И уже погромче прибавила – Ты отвезешь меня к Сычу?

–Ах вот кому меня предпочли! – притворно возмутился эльф. – И меня, и мой замок с полчищами слуг, тронным залом, и страшными придворными дамами! Ну, если тебе так хочется… Отвезу. И, признаться, буду спокоен куда больше. У Совы не распрыгаешься, тем более, сейчас.

–Хэлдар… – обреченно застонала Амариллис, – И ты… Какие же вы все занудные… – И засмеялась.

–А потом?.. – осторожно поинтересовался эльф – Долго ты там не выдержишь, соскучишься.

–Потом? Знаешь, меня Эниджа пригласила в храм Нимы – на свое место. Вот не думала, что она такого высокого обо мне мнения.

–В Ирем? – Эльф недовольно пожал плечами. – Не твое это место. Северные цветы на юге быстро устают.

–Зато там я буду при деле.

–Ты могла бы остаться в труппе детей Лимпэнг–Танга, ведь Венона не покинула вас – разве не так?

–Так. – Не без ехидства подтвердила Амариллис. – Так с нею супруг вместе. Да и не в этом дело. Танцовщица Нимы – это… ну как тебе сказать… не может она матерью быть. Не может, Хэлдар. Моя подруга, Лалик – жена советника ан-Нумана – она своей дочки в глаза не видела. Ну, может потом и показали ей Зули – так, через полгода. А толку-то, она ее даже не узнала.

–С тобой никто не посмеет так поступить.

–Если я решу остаться танцовщицей Нимы – той, что выступает для сотен жаждущих глаз, я сама должна буду так поступить. Но что мне эти глаза… Я давно уже решила – это мой последний сезон. Уйду тихо, без громких прощаний. Была Амариллис, танцевала как могла… и все. Хватит.

Девушка, осторожно подвинув нагло развалившегося рыжего кота, легко встала – по ней нельзя было сказать, что меньше чем через полгода ей предстоит вновь стать матерью. Она положила руку на забрызганный грязью рукав эльфьего камзола и сказала, глядя в сторону:

–Хэлдар. Не очень мне хочется говорить об этом, но придется сказать. Я не раз слышала, что эльфки, родившие от смертных, отдают этих детей на попечение Дочерям Добродетели. А если какая и сопротивляется, так есть кому проследить за чистотой вашего рода…

Хэлдар поморщился, но промолчал.

–Так вот. Мне говорили, что эльфы, которых угораздило осчастливить своим отпрыском женщин из Кратко Живущих, делают это сами – отнимая ребенка чуть не первого часа от роду. Я сначала смысла в этом не видела, пока сама в монастыре не побыла. Хэлдар, оттуда дорога одна – по кругу, в те же монастырские ворота. Служить Добродетелям… Арколь чудом удрал, а меня отпустили, потому как не очень удобна была, в вольности воспитывалась, таких ломать долго. Хэлдар, – Амариллис вдохнула воздух, будто в воду прыгать собиралась, – Если кто-то попытается отнять моего ребенка…

–Амариллис… – эльф взглянул ей в лицо и опустил глаза.

Она прижалась на минуту к эльфу, затем отстранилась и сказала:

–Ты устал, верно? Пойдем, тебе надо отдохнуть.

Спустя неделю эльф и танцовщица покинули Манору. Амариллис распрощалась с друзьями сердечно, стараясь не огорчаться предстоящей бессрочной разлукой. Но от слез удержаться не удалось никому, даже Рецина, и та отвернулась, стирая с лица предательские капли. Слишком многое связывало их, слишком хорошо работалось и жилось вместе.

–Ами, может, ты все же вернешься? Как же мы без тебя, – все повторял Лиусс.

–Нет, Лиусс. Ты лучше позови кого-нибудь из моих подруг, вам без танцовщицы нельзя. Если успеете, так в храме Нимы оставалась Гинивара – что-то у нее там в Нильгау разладилось. Пригласи ее, думаю, она не откажет.

–Амариллис, – Лорка подозрительно шмыгнул носом, – Ты уж как-нибудь дай о себе знать. Не исчезай. А то как нагрянем…

–Да уж ты нагрянешь… – Венона отвесила вольтижеру легкий подзатыльник, – тебе бы только людей пугать. Амариллис, он все же прав, – мы твои друзья, и если вдруг тебе понадобится наша помощь…

–Или наше общество… – ввернул Лорка.

–Просто позови. – Закончила Венона и сказала: – Ну, будет. Не надо лишних слез. Тебе вредно волноваться.

Амариллис уехала тихо, незаметно. Еще никто из танцовщиц Нимы не покидал сцену так… шепотом, на цыпочках. Никто, кроме детей Лимпэнг-Танга и Хэлдара не знал, куда и почему она отправилась.

* * *

Дому аш-Шудаха не впервой было принимать важных гостей, но в таком количестве, да еще со всех концов Обитаемого Мира, – пожалуй, впервые. Гости, сопровождаемые свитой и охраной, занимали все новые и новые покои; все они были равно роскошны и удобны, так что пожаловаться не могли ни короли эльфов, ни корабельные крысы. Встреча действительных властителей мира была назначена на последний день июля.

Они собрались в небольшом зале, окна которого, оплетенные густым плющом, дававшим отличную тень, выходили в сад. Посреди зала стоял круглый стол белого мрамора, вокруг выстроились стулья с высокими спинками. Приглашенные магом входили, церемонно раскланивались и рассаживались, кто куда.

Аш–Шудах, полуприкрыв светло-зеленые глаза тяжелыми, будто усталыми веками, внимательно вглядывался в лица своих гостей.

Эльфы – ее величество Воды, высокая, тонкая, словно хлыст, со светлыми, почти прозрачными волосами, и его величество Воздуха – уголки губ приподняты, но печальные серые глаза смотрят на что-то, ведомое и видимое только им. Богато одетый, грузный, важный Карло Квиати, глава магистрата Маноры. Рядом с ним – Сириан и Риго Миравали, разительно непохожие отец и сын, представители и негласные короли Эригона Баснословного; Сириан все тот же, разве линия рта стала более жесткой, и поредели волосы. За ними – Гвидо Арзахельский, младший брат нынешнего герцога, куда более опытный в делах дипломатии и тонком искусстве политики,

чем сам герцог. Рядом с аш-Шудахом сидит шаммахит, с глазами черными и горячими, как угли, у него шрам на правой щеке, а одет он как всегда вопреки дворцовому этикету – не как советник, а как воин; это ан-Нуман, правая рука властителя Шаммаха. По правую руку от него – пожалуй, самый высокий человек среди собравшихся, с плечищами что твое коромысло, и по–детски любопытными глазами, светящимися на привычно невозмутимом лице – король Краглы, Огма. Далее – орки; один старый, ссутуленный шаман, оглядывающий собрание не менее пристально, чем маг, второй – крысолов Сыч. Рядом с орками сидят Черный Лис Гэлвин, присланный от имени короля Одайна (сам король уже слишком стар, чтобы так далеко путешествовать). Несколько поодаль от остальных сидели двое – сморщенный, высохший как изюм старичок и его спутник, помоложе, сверлящий гостей глазами–буравчиками. К старичку представители торговых городов обращались весьма уважительно, именуя его «господин Брик». Это был первый раз за всю историю мира, чтобы корабельные крысы выбрались со своих островов, обсудить заботы и беды Западных Земель.

Не прислали своих представителей только Нильгау, Суртон и живущие под горами Безымянного Хребта гномы и цверги; все они посчитали, что предмет обсуждения их не касается.

Аш-Шудах, оставив глазам цвет морской воды (он позволял ему лучше улавливать смену настроений собеседников), жестом пригласил гостей выслушать его. Не вставая, он сказал:

–Титулы и доблести почтивших мой дом слишком многочисленны и великолепны, чтобы я перечислял их; все вы равно достойны уважения – поэтому и говорить я буду как равный среди равных. Дабы не возникло досадных недоразумений и непонимания, я предлагаю всем сказать о том, что привело их в мой дом, что именно хотят они постигнуть и избыть.

Первым откликнулся Карло Квиати.

–Я скажу вам, государи мои. Хоть Манору и не считают торговым центром Западных земель, – тут он несколько шутливо поклонился Миравалям, – однако и мой город немало теряет из-за всех тех бед, что приносит тихий ветер. Я не буду утомлять собравшихся перечислением всех понесенных нашими горожанами убытках, скажу только одно – даже не они тревожат нас. Каждый раз мы ждем, что крылья этой заразы развернутся и над нашим городом.

Его слова подхватил Гвидо Арзахельский.

–Совершенно с вами согласен. Арзахель эта напасть тоже пока миновала – но что случится в следующий раз? Кто знает?.. Ветра имеют привычку менять направление – сегодня он западный, а завтра – восточный…

–Никто не знает гибельности тихого ветра лучше нас, увы… – это был Сириан Мираваль. – Эригону второй раз пришлось противостоять ему, и не только ради себя самого, но и для всех земель запада, да и для остальных тоже. – Сириан говорил так, будто его городу пришлось выдержать длительную осаду.

–Вы неплохо справились… – невозмутимо сказал ан-Нуман, – Говорят, что в Эригоне найдено лекарство от тихого ветра.

–Даже если и так. – Риго Мираваль поднял ладонь правой руки, призывая собравшихся к молчанию. – Это средство слишком опасно, чтобы заявлять о нем во всеуслышание.

–Согласен. – Кивнул ан-Нуман. – Сказать полубезумному, что его исцелит кровь… нет уж. Но вы правы, Мираваль. Не будет Эригона – вся торговля полетит в Арр-Мурра.

–Милостивые государи. – Огма говорил неторопливо, будто сам с собой о чем-то рассуждая. – Я понимаю, что говорить мы все можем долго и о многом, но заботит всех только одно – тихий ветер. Что-то он зачастил последнее время. И пробирается все дальше в Западные земли. Сначала побережье, потом Муспельские острова, потом и Эригон прихватил – кто ж на очереди, милсдари? – и Огма недвусмысленно глянул в сторону эльфьих королей.

Его величество Воздуха слегка наклонил голову в ответ на этот взгляд.

–Не буду спорить с вами, Огма, поскольку вы совершенно правы. Не скажу, что мы ничего не предпринимали для защиты наших земель, но, увы, успех наши попытки не увенчал. Мы напрасно надеялись. Перед тихим ветром мы бессильны. – При этих словах ее величество Воды болезненно поморщилась.

Аш-Шудах выслушивал гостей молча, изредка встречая их пытливые или настороженные взгляды. Он дал им выговориться, перечислить все свои заслуги или потери. И лишь потом, дождавшись достаточно долгой паузы в разговоре, позволил себе сказать:

–Так значит, досточтимые гости считают, что причина всех их бед и тревог – тихий ветер?

Почти все собравшиеся закивали головами; лишь эльфы и орки невольно переглянулись, будто знали нечто такое, что другим было неведомо.

–Я вижу, что не одинок в своих сомнениях по поводу первопричинности тихого ветра. Как странно, что все вы говорили о последствиях – будь то нарушенная торговля, убытки и прочая дребедень, или страх, что куда более неприятен и вреден. Никто из вас не спросил – что вызывает тихий ветер?

–Или кто… – глянув магу в глаза, произнес шаман-орк.

–Или кто. – Усмехнулся аш-Шудах.

–Помилуйте, аш-Шудах, – Огма пожал плечами, – Кто ж на такое способен?.. разве что вы…

–Нет, ваше величество, моих сил на такое не хватит. – И маг сокрушенно развел руками.

–Ну, тогда не томите нас и не говорите загадками… ох уж мне этот шаммахитский обычай! – Огма пристукнул кулаком по столу, отчего молчавший все время старичок (успевший к этому времени задремать) вздрогнул и проснулся.

–Тихий ветер – лишь одно из последствий того, что происходит в проклятых землях. – Аш-Шудах оглядел своих гостей. – Арр-Мурра не так мертво, как вы полагали, государи мои.

–Мы вовсе не полагали Сердце Зла мертвым, – старый орк с достоинством поклонился магу. – О том, кто избрал это место, мы знаем немного – даже имени его мы не знаем.

–Гарм. – Аш-Шудах сообщил это просто, будто напомнил.

–Вам виднее. – Нисколько не удивился орк. – Значит, Гарм. Мы знаем, что он – сын того, за кем некогда пошли наши предки. Бог, запертый в клетке нашего мира, ищущий выхода, сотрясающий прутья.

–Бог, проклятый матерью. Несущий страдание. Разрушающий. – Королева Воздуха говорила тихо, слова ее падали с нежных, тонко очерченных губ как льдинки.

–Именно так. Хотя я помню его и другим. Но именно он, о ком вы говорите, и есть причина тихого ветра.

Аш-Шудах, не вдаваясь в излишние подробности, рассказал собравшимся о выборе, сделанном богами в незапамятные времена; о братьях-близнецах, и их столь различных дорогах. Еще более скупо он поведал о том, как Гарм обосновался в Арр-Мурра…

–…Он не искал там убежища. Гарм ищет выхода – и только. В это трудно поверить, но он не злодей и не чудовище, каким представляют его легенды. Он лишь хочет покинуть Обитаемый Мир – но сделает это любой ценой, не задумываясь о последствиях для тех, кто останется в его пределах. Тихий ветер – это лишь эхо его попыток открыть Восточные Врата.

–Что ж такое получается, – заметно волнуясь, проговорил Квиати, – мы, стало быть, тут как на пороховой бочке сидим? А то, что ветер раз от разу все сильнее становится – так значит, и силы проклятого возрастают?

–Нет. Растут не силы, скорее умение и искусство. – Ответил ему Аш-Шудах. – Все свои силы Гарм вложил в Арр-Мурра. Оставшись там, он связал себя с этой землей, вне ее он утрачивает многие из своих способностей.

–И все же… Что ж, нам так и сидеть без дела, просто наблюдая, как растет смертоносное искусство бога? А что станется, если он добьется своего? Что будет, если он откроет эти ваши ворота? – спросил ан–Нуман.

–Я думаю, этого не знает даже сам Гарм. Но я вас успокою – его собственных сил и всех артефактов Арр-Мурра недостаточно для этого. Гарму – с теми силами, что у него есть сейчас – никогда не открыть Восточных Врат.

–И что, он так и смирится с этим? – Насмешливо переспросил ан-Нуман.

–Нет, к чему, а к смирению Гарм никогда не был склонен. – И аш-Шудах чуть не засмеялся – видно, представив себе смиренного старшего брата. – Подобные обстоятельства только растравят его, сделают еще более

отчаянным и безрассудным. Нет, ан-Нуман, Гарм не смирился. Более того, он почти заполучил то, что может помочь ему, даровав силу, намного превосходящую его собственную.

Собравшиеся запереглядывались, тревожно и неуверенно.

–И что же это? – задал общий вопрос ан-Нуман.

–Это алмаз темной крови. Первый скол, отмеченный руной Феху. Камень дома Эркина.

–Вы неплохо осведомлены о наших преданиях, – с уважением сказал шаман. – Да, последний представитель рода Эркина утратил камень. Но почему вы думаете, что он попал к Гарму? Если бы это было так, неужели он до сих пор не воспользовался бы им?

–Присутствующие здесь могли бы куда полнее и достовернее моего рассказать вам о судьбе камня темной крови. – Аш-Шудах выразительно посмотрел в сторону Миравалей. Сириан и Риго переглянулись.

–Боюсь, мы мало чем сможем помочь вам… да к тому же выставим себя на посмешище, однако обстоятельства таковы, что даже я пренебрегу фамильным достоинством и не скрою истинных обстоятельств. – Сириан кашлянул и продолжил: – Я купил алмаз темной крови у господина Брика… это был тайный, но честный торг. Камень, показанный мне перед продажей, был подлинным. Камень, который я положил в шкатулку, оказался подделкой. Проще говоря, меня, Сириана Мираваля, обманули.

Присутствующие с изумлением воззрились на ратмана Эригона – с таким же успехом он мог сказать, что реки отныне текут вспять, а солнце восходит на западе. Насмотревшись на обведенного вокруг пальца Мираваля (зрелище небывалое с начала времен), гости перевели взгляды на старичка Брика. Тот спокойно принял их и как-то смущенно сказал:

–Государи мои… не приписывайте мне столь сверхъестественной изворотливости. Милсдарь Мираваль, в этой истории я, как и вы, лицо пострадавшее. Но если ваша утрата измеряется звонким золотом, то моя… – тут старичок закашлял, – пострадала моя репутация. Кто же захочет вести крупные дела с торговцем, который столь бесстыдно обманывает своих партнеров? Камень, предложенный вам, был подлинным. Однако в конечном итоге вы, по совершенно независящим от меня причинам, получили фальшивку. Милсдари, чего уж греха таить… меня обманули.

Если собравшиеся за столом не рухнули на пол, так это только потому, что были достаточно выдержаны; но изумление, ясно читавшееся на их лицах, говорило само за себя.

–Вас?! Вас обманули? – Гвидо Арзахельский хлопал глазами так, будто мух ресницами отгонял. – Да за кого вы нас принимаете, Брик, вы же у лиса ухо отрежете, да ему и скормите.

–Поддерживаю. В то, что можно обмануть вас, слабо верится… – Гэлвин настороженно смотрел на старичка.

–Напрасно. И господин Мираваль, и господин Брик действительно были обмануты. – Маг смотрел на них без тени усмешки. – И алмаз темной крови действительно был украден.

–Кем, позвольте полюбопытствовать? И где этого кого-то искать? – спросил ан-Нуман.

–Зовут этого прохвоста Фолькет, – покряхтев, ответил Брик. – Бывший наш магик, цверг по крови. Он удрал с острова на одном из кораблей, что ходят в Пойолу. Куда он оттуда делся – я не знаю.

–В Шибальбу. – Ответил Брику аш-Шудах. – Там он дождался каравана, идущего вглубь материка. Те, кто был в том караване, в один голос утверждают, что одноглазый урод цверг исчез, когда караван достиг края пустыни. Думали, его песчаные волки утащили.

–Значит… камень уже в Арр-Мурра. – Иного вывода Риго Мираваль, да и все остальные, сделать не мог.

В зале воцарилась тишина. Огма сосредоточенно рассматривал свой кулак; короли-эльфы, говорившие меньше всех, казались похожими на две статуи.

–Это приговор. – Высказал общую мысль Гэлвин. – Причем смертный и обжалованию не подлежащий.

–Ну почему же, – Огма оторвался от созерцания своих кулаков и коротко, остро глянул на мага. – Я так разумею, камень попал к Гарму не вчера, а много раньше. Так чего же он ждет, скажите на милость? Если его нетерпение так велико, почему он медлит?

–Потому, что камень не подчинился ему. – Ответил королю шаман-орк. – Алмаз темной крови не станет служить никому, кроме принадлежащих роду Эркина. Это не обычный артефакт, признающий любого хозяина, способного раскрыть и подчинить себе его силы. У этого камня и рода Эркина договор – из тех, что не нарушаются никогда. Гарм бессилен перед камнем.

–Уже лучше… – Переведя дух, высказался Гэлвин. – Но Гарм наверняка знает об этом договоре, и вряд ли он оставит того, кому подчиняется камень, в покое. Он будет искать его… или ее.

–Ее. Хозяйка алмаза темной крови – Амариллис, танцовщица Лимпэнг-Танга, последняя из рода Эркина. – Аш-Шудах коротко вздохнул, словно сожалея о высказанных словах.

Не одно сердце сжалось при упоминании этого имени. Но никто из собравшихся не был привычен выставлять свои чувства напоказ; со стороны казалось, будто обладательница этого имени и вовсе незнакома им.

–Танцовщица – и целый мир… – качая головой, протянул Гвидо Арзахельский.

–Неслыханно… – Карло Квиати даже красными пятнами пошел от возбуждения, – Она танцевала в Маноре, весь зимний сезон! Если бы знать тогда…

–Да? И что бы вы сделали? – насмешливо поинтересовался ан-Нуман.

Квиати как-то странно посмотрел на шаммахита, но промолчал.

–А где она сейчас? – спросил у Квиати Гвидо.

В ответ тот пожал плечами.

–Не знаю. Дети Лимпэнг-Танга покинули мой город весной, сейчас они в Иреме. Но Амариллис среди них нет, танцовщица у них новая, это точно.

–Что ж… – Гэлвин пожал плечами. – Найти ее, я думаю, мы в силах. А что потом, милсдари?

–Странный вопрос вы задали, барон. – Голос ее величества Воды был прозрачен, ясен и холоден. – Соотношение слишком несоизмеримо – одна жизнь – и участь всего мира. Вы переглядываетесь, пряча свои мысли, но они читаются так же ясно, как если бы вы кричали о них во весь голос. Ее не должно быть.

–Это жестоко, ваше величество… но, пожалуй, вы правы. – Сириан Мираваль поклонился, и добавил – Слишком опасно оставлять ее.

–Если Гарм заполучит ее… – Гвидо потер пальцами виски. – Согласен с вами, Мираваль.

–Экие вы скорые, милсдари. – В голосе Огмы сквозило неприкрытое презрение. – Ровно крысы на девушку набросились. Ох… прошу прощения, милсдарь Брик.

Старичок замахал на короля руками:

–Да ничего, ничего, ваше величество… Я привык.

–Вы там как пожелаете, а я готов дать ей убежище. В моих землях есть такие глухие места, где ее никто не найдет.

–Глупое великодушие. – В голосе короля Воздуха презрения было не меньше. – Неуместное и опасное.

–Неужели? Конечно, мы лишим светлых эльфов возможности совершить великолепный, достойнейший подвиг – убить ни в чем не повинную девушку. Я так разумею, вы уж и армию снарядили… – Огма откровенно насмехался.

–Если Амариллис… – аш-Шудах помедлил, – исчезнет, то нам придется распрощаться с надеждой заполучить земли Арр-Мурра. Если вернуть ей камень, она сможет освободить его силу – с ее помощью проклятые земли могут стать благословением для всего мира.

–Вернуть камень? – удивился Квиати. – Возможно ли это?

–Возможно. Гарм силен только в Арр-Мурра, но и там его сила не беспредельна.

На несколько минут разговор прервался; все обдумывали услышанное, пытаясь решить, на чью же сторону встать.

–Все это так. – Первым заговорил шаман, спокойно и размеренно звучал его голос. – И вы вольны принять любое решение, произнести любой приговор. Но запомните все – если Амариллис погибнет и мы будем знать, что виной тому ваши страх и немощь, – не ждите от нас прощения.

–И от меня тоже. – Аш-Шудах недвусмысленно посмотрел на эльфов.

–И от меня. – Огма скрестил руки на груди, весьма довольный таким разворотом разговора.

–Ну что вы, милсдари… как можно! – Брик сокрушенно покачал головой, всплеснув руками. – Ссоритесь, ровно дети! И когда?! Когда нам понимание да единение как воздух потребны!.. Яснее ясного, что нельзя девицу эту убивать, никак нельзя. А ну как и впрямь милсдарь маг камень вернет? Тогда всем нам прямая выгода… Спрятать ее надобно, да получше. И чтоб охрана была.

–Мой дом вас устроит? Не самое потайное место, это верно. Однако лучшей защиты, чем здесь, Амариллис не найдет нигде. – Аш-Шудах посмотрел на орков. Шаман согласно кивнул ему. – Что ж, тогда дело за малым – отыскать ее и привезти в Ирем. И как можно быстрее.

–Это наша забота. – Не допускающим возражений тоном сказал орк-крысолов. – Мы привезем Амариллис в Ирем… или вы знаете кого-то, более достойного доверия?!

–Мой ученик – если вы, конечно, не возражаете, – поедет с вами, – Аш-Шудах мог и не задавать этого вопроса, против общества Арколя Сыч возражать уж точно бы не стал.

–Если вы позволите, – неожиданно вмешался король Воздуха, – один из моих приближенных также будет вас сопровождать. Он из Вольных Лесных Стражей, так что вы не заподозрите его в излишнем рвении соблюсти нашу волю. Меж тем, он опытный путешественник и сможет быть вам полезен. Ваш ученик, кажется, знаком с ним.

–Вот так все эти важные особы и решили, что именно мы – и никто другой – привезем Амариллис к аш-Шудаху. – Арколь рассказывал Хэлдару о состоявшихся переговорах, не особо церемонясь в своих описаниях и комментариях. Больше всего от него досталось эльфам. Их хладнокровие и невозмутимость, с какой они решили судьбу его сестры, выводили мага-подмастерье из себя и он не стеснялся в выражениях.

Друзья сидели в комнате Арколя – Сыч расположился в низком деревянном кресле, положив длинные ноги на столик, Хэлдар сидел на широком подоконнике, глядя в сад. Он ни разу не возразил Арколю, и вообще с самого начала почти не открывал рта. Кроме них, в комнате были Шонно, Венона, Лиусс и Рецина; Криолла осталась нянчиться с малышкой, Лорка куда-то запропал. Дети Лимпэнг-Танга были приглашены самим магом, который хотел избавить их от ненужных расспросов и, паче того, допросов… попросту спрятал. В самом дальнем и темном углу, в глубоком кресле дремал старик шаман.

–Вот и славно. – Сыч ловко кинул в окно крупную персиковую косточку. – Быстро, бесшумно, точно в цель. Когда едем-то, Арколь?

–Как только светлейшие гости отбыть восвояси изволят.

–Нет, Арколь. – Дверь распахнулась, и в комнату вошел сам аш-Шудах. Выглядел он обеспокоенным и огорченным; черные глаза мага тлели красноватым огнем, как потревоженные угли.

–Вы должны ехать немедленно и как можно быстрее. И я ничем не могу вам помочь – ты знаешь, Арколь, все мои силы могут понадобиться вдруг и сразу, я не вправе растрачивать их.

–Что случилось, учитель? – Арколь и сам встревожился.

… капли воды парят в воздухе, вздрагивают, трепещут… воздушные потоки окружают их, придавая форму, приручая… Из прозрачно–голубых ка пель складывается птица – небольшая, но с мощными крыльями, хищным клювом и ничего не выражающими хрустальными глазами. Потоки воздуха становятся плотнее и постепенно холодеют… все больше и больше… Очертания птицы становятся четче, затвердевают, стекленеют… Наконец, она с резким звоном расправляет ледяные крылья и пронзительный клекот вырывается из ее клюва.

Несколько строк, написанных кружевной вязью эльфийского письма, помещаются на груди птицы. Несколько слов, произнесенных мелодичным, переливчатым голосом, определяют ее путь. Она взлетает, делает круг над головами королей – и вылетает в распахнутое окно, и растворяется в небе.

–Я не могу судить светлых королей. – Маг отказался сесть и расхаживал по комнате. – Их жестокость понятна, они должны защитить свой народ. Для них соотношение и впрямь несоразмерное – одна жизнь, которая и без того недолговечна, и тысячи бессмертных…

–Так вы только подозреваете или? – Хэлдар задал вопрос, не поворачивая головы, по–прежнему вглядываясь в сад.

–Хэлдар, мой дом не более часа назад покинула ледяная птица. Как ни быстро летают сотворенные посланцы, покинуть мой дом без моего ведома не может ни одно существо… тем более, созданное магией. Единственные, кто мог сотворить ее – ваши короли, спевшие одновременно песни Воды и Воздуха. Путь ее лежит на северо-запад… а послание, которое она несет в Лис-Арден, предугадать не сложно.

–Найдите и убейте. – За мага эти слова произнес Сыч.

Глава пятая. Дорога тысячи путей

–Если так, – Арколь заметался по комнате как беспокойный дух, – если так, мы не успеем! Три недели пути – и это если повезет и никто не захочет нам помешать.

–Птице лететь четыре дня… – Хэлдар все так же всматривался в глубь сада, только пальцы его вцепились в край подоконника, – Поиски займут… если знать, где искать, не более двух недель.

Артисты, внимательно слушавшие разговор, но не позволявшие себе вмешиваться в него, переглянулись и опустили глаза. Сказать – как и сделать – было нечего. Если хоть кто-то из эльфов догадывался о дружбе Хэлдара и Сыча – он также легко мог догадаться и о том, что дом орка станет лучшим убежищем для возлюбленной эльфа.

–Господин эльф, – голос Шонно был тих и несколько неуверен; суртонцы вообще ораторскими способностями не отличались, а акробат и вовсе производил впечатление немого, так редко и мало он говорил. – Если вы ищете быстрого пути и не боитесь пройти его… может, я и смогу вам помочь.

–О чем вы, Шонно? – Хэлдар повернулся в сторону говорившего.

–О дороге тысячи путей. – Суртонец вздохнул, будто решался на нечто немыслимое, и продолжил:

–Мы, я и сестра, так давно с вами… такие же незнакомые и нелюдимые, как в первые дни нашей труппы. Но я всегда знал, что придет день, когда вы узнаете обо всем, что связано с появлением акробатов–суртонцев. Мы хранили свою тайну ради самих себя, чтобы выжить и спокойно жить. Мы расстанемся с ней, чтобы помочь той, которую мы полюбили.

Шонно встал, прошел к окну, оглядел внимательные лица друзей.

–Мое полное имя – Шонно Шой Де. Мы с сестрой единственные, кто уцелел из клана Шой Де после мятежа, во главе которого стоял наш отец. В те дни мы были еще детьми…

* * *

–Криолла! Шонно! Подойдите немедленно!

В мамином голосе прозвенела никогда до этого не появлявшаяся нотка просительного отчаяния. Шонно удивленно оглянулся и тут же получил хороший удар деревянным мечом от соперника. Не вскрикнув, только скривившись, мальчишка отсалютовал своим мечом в знак прекращения поединка и подошел к своей сестре, разбиравшей неподалеку многочисленные наряды любимой куклы – от этого занятия ее не отвлек бы и звук двор-

цового гонга, не то что мамин голос. Шонно взял сестренку за руку и они вдвоем направились к маме, стоявшей на галерее, огибавшей внутренний дворик домашней половины дворца клана Шой Де.

–Тысячелетнего процветания тебе, госпожа! – дети склонились в почтительном поклоне, и более непосредственная Криолла, пренебрегая ритуальными формулами, спросила:

–Что случилось, мама?

Их мать, третья жена Шакки Шой Де, ничего не ответив на этот вопрос, сказала каким-то бесцветным голосом:

–Дети, сейчас же идите на конюшню, мы отправляемся на прогулку.

–Мам, на какую прогулку?! И потом, я не посчитала, сколько у моей куколки пар чулочков…

Шонно дернул сестру за руку и, почтительно склонив голову в знак повиновения, молча потащил ее за собою. Они миновали дворик, прошли через многочисленные дворцовые покои, и вышли за пределы дворца. Только тут брат позволил себе высказаться:

–Ты что себе позволяешь? Разве так разговаривают с матерью? И потом… неужели не чувствуешь – что-то случилось…

–С чего это ты взял, зануда?

–Ты еще глупее, чем я думал. – Шонно понизил голос. – Мама чем-то напугана, у нее руки дрожали и голос обесцветился. Может, у отца не все благополучно?

Почти бегом они подошли к приземистому зданию конюшни, где их уже поджидал нильгаец Мазруван, один из приближенных слуг отца и их воспитатель. К величайшей досаде детей, нильгаец не стал тратить время на объяснения, а увел их в одно из пустовавших стойл и попросил как можно быстрее переодеться в принесенную им в двух узлах одежду. Повернувшись друг к другу спинами, брат с сестрой торопливо одевали теплое белье, штаны и куртки для верховой езды, прочные и легкие сапоги, плащи, подбитые мехом выдры. На этот раз первым не выдержал Шонно:

–Мазруван, да продлит небо твои годы, к чему этот маскарад? Не подобает детям господина Шой Де рядиться подобно пыльным гонцам; и потом, зачем эти плащи, ведь тепло же!

–В пути они заменят вам одеяла, маленький господин, а в горах укроют от непогоды, – ответил нильгаец.

–В каких горах?! – разом воскликнули дети.

–Тише!.. – в голосе неслышно подошедшей матери звенела тревога; госпожа Инанна уже была одета под стать своим спутникам. Она несла небольшой сверток, за плечами ее висел дорожный мешок.

–У нас нет времени на разговоры, – Инанна опустила руки на головы детей, – мы должны спешить. Вы сами еще слишком малы, чтобы править конями, поэтому ты, Шонно, сядешь с Мазруваном, а ты, Криолла, со мной. Все слова мы произнесем позже, если будет на то воля неба.

Инанна протянула слуге сверток, тот с поклоном принял его и спрятал на дне своего мешка. Затем подвел двух оседланных коней, помог сесть госпоже с дочерью, сел сам, примостив спереди маленького господина, и они отправились в путь.

Присмиревшие дети сидели молча, изредка поглядывая друг на друга. Неспешным шагом кони проходили мимо дворцовых служб; из Дома Вечно Пылающего очага тянуло вкусными запахами готовящейся еды… кажется, на ужин запекали уток в рисовом тесте и жарили розовые блинчики (Криолла с шумом втянула носиком воздух и весьма похоже изобразила урчание в желудке… брат только погрозил ей кулаком).

Все так же неспешно путники миновали Малые Ворота, возле которых – как всегда в отсутствии господин Шакка – не было стражи; затем копыта гулко простучали по узкому подъемному мосту над глубоким рвом, наполненном темной водой, и впереди показалась изукрашенная резьбой и позолотой арка Больших Ворот. Стража, разморенная не по–осеннему жарким солнцем, дремала и не обратила никакого внимания на выезжавших, приняв их, наверное, за бедных родственников кого-то из сытой дворцовой челяди. Точно следуя старой поговорке, путники медленно, но верно удалялись от дворца; сначала он походил на грозовую тучу на горизонте, потом – на сарай для сена, потом – на рисовый пирог… и вот тогда Инанна, третья жена Шакка Шой Де, привстала на стременах и сказала:

–Дети, держитесь крепче…

В тот же миг Мазруван свистнул, и этот звук подействовал на коней как удар плетью; он прянули с места, и сухая степная земля зазвенела под их копытами. Очень скоро Криоллу укачало, она побледнела и до крови закусила нижнюю губу, но мама крепко придерживала ее обмякшее тельце и, ни на секунду не придержав коня, продолжала путь. Шонно держался немногим дольше; понравившаяся сперва бешеная скачка вскоре превратилась в настоящую пытку; мальчик крепился, кусая изнутри щеки и читая про себя Каноны Истинной Доблести. Прошло немало времени, прежде чем кони замедлили бег и, повинуясь поводьям, остановились. Брат с сестрой, не издав ни звука, повалились в рыжую степную траву как два мешочка с крупой.

–Попейте, мой маленький господин… – Мазруван прижимал к бескровным губам мальчика флягу с водой. Тот сделал несколько глотков, закашлялся, и его стошнило; смутно он слышал похожие звуки у себя за спиной – это его сестра расставалась с обедом.

–Хорошо, что они не успели поужинать, госпожа… – невесело усмехнулся нильгаец. – Теперь мы можем продолжить путь.

–Подожди, Мазруван, пусть хотя бы отдышатся… – попросила Инанна.

–Пусть они отдышатся у подножия гор, госпожа, – возразил слуга, – воздух у ног отродья Шуа Ду вряд ли покажется им сладким.

И снова они взобрались на коней, и заклубилась душистая степная пыль, отмечая путь всадников.

Они остановились на ночлег уже поздней ночью и то только потому, что знаменитые своей выносливостью суртонские кони нуждались в отдыхе. Мазруван расседлала их, вычистил и, в знак особой благодарности, расчесал гривы деревянным гребнем. Тем временем Инанна вскипятила воду в котелке, бросила туда пучок терпко пахнущих трав и принялась отпаивать этим настоем совершенно измотанных детей. Вскоре им полегчало, и они уселись у костерка, молча наблюдая за матерью и слугой. Горсточка сушеных плодов да чашечка травяного чая – таков был весь их ужин.

–А дома сегодня были розовые блинчики… – вздохнула Криолла.

–Сегодня дома? – у Инанны задрожал подбородок.

–Госпожа, я думаю, дети должны знать правду. Это придаст им силы. – Подал голос слуга.

–Ты прав. Шонно, Криолла… у вас нет больше дома. У вас нет никого и ничего, кроме вас самих. Ваш отец… кто я такая, чтобы судить его?... никогда не мог довольствоваться тем, чем так щедро награждала его судьба, он жаждал заполучить все. И погубил себя и свой род. Дети, вы помните господина Эддо? Ну конечно помните, ведь он всегда привозил вам подарки. Он когда-то любил меня, но воля родителей соединила меня с господином Шакка. Впрочем, это неважно. Ваш отец возглавил мятеж против императора, надеясь вернуть Суртон к княжеской вольнице. Его поддержали многие, в том числе и клан Шуа Ду… чтобы в последний миг предать и погубить. А теперь, сынок, вспомни уроки учителя канонов и скажи, что ожидает мятежника, посягнувшего на священную особу императора?

–Черный свиток? – заикаясь, еле выговорил Шонно.

–Да. Эддо успел прислать мне известие с почтовым голубем, презрев все традиции ради нас…

–Мама, а что такое черный свиток? – дрожащим голоском спросила Криолла.

–В дом мятежника приезжает гонец и привозит черный свиток, на котором нет ни единого слова… а потом… воины господина убивают его родных, жен, детей, советников… и сами тоже… – не выдержав, мальчик заплакал, уткнувшись лицом в колени. Вслед за ним заплакала и сестра, не от горя или страха, к которым она была непривычна, но скорее от тяжкого предчувствия будущих бед.

Взрослые дали детям выплакаться, и продолжили невеселый разговор.

–Получив известие о предстоящей гибели дома Шой Де, я решила, что жизни моих детей дороже всех канонов и ритуалов, вместе взятых, и взяла на себя право увезти вас. – Инанна крепко обняла детей. – В Суртоне для нас теперь нет жизни, надо уехать отсюда, как можно дальше. Утром мы будем у подножия гор, пройдем водопады, и Мазруван проведет вас… нас вдоль Края Света в Шаммах. Там у него найдутся друзья. Я взяла все свои драгоценности, так что нужда нам не грозит.

–Мама, ты говоришь о водопадах? О Бороде Небесного Старца? – переспросил ее сын. – Но их никто еще не проходил…

–Просто никто по-настоящему не нуждался в этом, – улыбнулась ему мать. – А теперь спите. Путь будет нелегким.

Когда дети уснули, Инанна еле слышно попросила старого слугу:

–Обещай мне. Если дорога тысячи путей не примет меня… – голос ее задрожал и пресекся.

–Обещаю. – Мазруван не отвел глаз. – Я сделаю это.

Они разбудили детей через несколько часов и продолжили путь в темноте.

Эти водопады не зря называли Бородой Небесного Старца. На севере земли Суртона ограничивал Край Света – непроходимый горный массив; в его туманных глубинах брала начало полноводная Шакти – река, по которой проходила граница с империей Шаммаха и с буйными лесами Нильгау. И, возможно, те же источники, что питали Шакти, изливали здесь свои воды с уступов высоких серых скал. Небольших водопадов было около десятка, маленьких – более двадцати, и все вместе они представляли собой довольно точное подобие белоснежной, ухоженной бороды; и вся эта падающая с немалой высоты вода не производила ни малейшего шума, а лишь слегка шелестела, подобно шелковому свитку. За водопадами были неоглядные горы и бесконечный туман, но древние легенды говорили, что если найти нужные слова, то Небесный Старец снизойдет до просящего, и разведет водные струи, и укажет проход в сером камне, ведущий дорогой тысячи путей. Эта дорога ведет куда угодно и всегда приводит к цели – причем значительно быстрее, чем обычные дороги Обитаемого Мира.

Было раннее–раннее утро, солнечные лучи еще только скользили по земле, не согревая ее. Шонно и Криолла, проведя почти весь прошлый день в седле, пошатывались от усталости. Они безучастно глянули на молочно-белое, бесшумное великолепие Бороды и уселись наземь, прижимаясь друг к другу. Их мать стояла рядом, слуга – поодаль, вытянув руки.

–Погоня уже близко, госпожа. Или мы увидим солнце по ту сторону гор, или нам воссияет солнце мертвых.

–Хорошо. Будь рядом с детьми, отвлеки, если понадобится.

Инанна взяла из своего дорожного мешка сверток и, не оглядываясь, пошла к самому подножию водопада. Там она остановилась, достала четыре маленьких курильницы, заранее заправленные душистыми маслами и зажгла их, выстроив в полукруг по левую руку. В колючий утренний воздух потянулись четыре серых дымных столбика; Инанна опустилась на колени. Ее безмолвная молитва длилась долго… дети не могли бы сказать, сколько часов их мать пытается найти нужные слова. Среди тихого шелеста воды зародился новый звук; он напоминал хрипловатый голос тростниковой флейты. А затем прозрачно-белые водяные струи разошлись, и за ними от-

крылся узкий поход вглубь горы. Инанна, не оборачиваясь, махнула рукой, и Мазруван, увлекая за собой детей, пошел к горе.

–Сынок… Криолла… – Инанна прижала к себе детей так крепко, что у них перехватило дыхание. – Шонно, береги сестру. Дочка, позаботься о брате. И будьте счастливы. Ну, ступайте… вы первые.

Мазруван крепко взял детей за руки, и они пошли. Однако, не пройдя и двух десятков шагов, Шонно будто проснулся и оглянулся.

–Мама, не отставай! Мама!..

От его истошного крика вздрогнули серые каменные стены. Мальчик вырвал руку из смуглой ладони слуги и бросился назад, а вслед за ним – и сестра, спотыкаясь и всхлипывая. Там, где должна была стоять Инанна, застыл блестящий водный кокон, в котором смутно угадывались ее очертания. С разбегу дети ударились о холодную, твердую поверхность, которая даже не дрогнула. Девочка опустилась на колени, обхватила кокон руками и заплакала; брат стоял рядом, смаргивая переполнявшие глаза слезы.

–Не мучьте госпожу своим горем. Она дарит вам жизнь во второй раз – будьте же достойны этого дара.

–Мама, как же мы теперь? Что нам делать? – вырвалось у Шонно.

–Она сказала вам. Тебе – беречь сестру; ей – заботиться о том, чтобы ты не чувствовал себя одиноким в мире. Идемте. Дорога не будет ждать.

Мальчик осторожно прикоснулся к блестящей поверхности.

–Мама… спасибо тебе.

–Спасибо, мама, – прерывающимся эхом отозвалась Криолла.

Брат обнял ее за плечи, подал руку нильгайцу и они вместе двинулись вглубь горы, не оглядываясь и не разговаривая. Вокруг были серый камень, ватная тишина, полусвет–полумгла. Когда много позже они вспоминали об этой дороге, Криолла признавалась брату, что ей казалось, будто их проглотил каменный исполин, и они сами идут по каменному горлу в его ненасытную утробу. Шонно же сказал, что до тошноты боялся встретить за следующим поворотом глухую стену. И все трое отчетливо слышали судорожное дыхание остановленного времени.

На самом же деле прошло не более полусуток, прежде чем им ослепительно улыбнулось солнце Шаммаха. Последние шаги они почти бежали, затем стремглав вылетели на волю и пронеслись еще несколько десятков метров по инерции. Дорога тысячи путей вывела их куда-то на окраину Ирема, в цветущие предместья Харута.

–В Иреме нас принял старый знакомый Мазрувана, бывший циркач. Так мы и решили спрятаться под пестрым покровом жизни артистов. Вы понимаете, что раскрыть наши полные подлинные имена мы не могли, равно как и поделиться нашей историей – слишком опасно… да и зачем обременять спутников своими семейными тайнами?

Шонно оглядел слушавших его и продолжил:

–После того злосчастного мятежа император прожил недолго – видно, измена одного из приближенных приблизила его кончину. Наследника он не оставил. С тех пор и поныне власть в Суртоне принадлежит клану Шуа Ду – уж не знаю как, но эти песьи дети умудрились доказать свои права на престол…

–А вы считаете, что… – не закончил Арколь.

–Да. – Скромно ответил Шонно. – Клан Шой Де состоит в близком родстве с императорской семьей и я по праву могу претендовать на власть. Только официально считается, что все, носившие имя Шой Де, были казнены.

–Учитель! – Арколь обратился к внимательно слушавшему аш-Шудаху. – Вы никогда не говорили мне об этом – о дороге тысячи путей, правильно?

–Не говорил. Потому что, признаться, считал все касающиеся ее легенды пустыми россказнями. А проверить было как-то недосуг. А зря… Я слишком много наслушался разговоров старших братьев – о глухоте и тесноте этого мира, и даже не считал возможным существование подобной дороги. Однако мы упустили из виду немаловажную деталь. Шонно, ваша мать заплатила жизнью за ваше право пройти дорогой тысячи путей… ведь так?

–Да. – И суртонец опустил глаза.

–Странно, – Арколь не мог остановиться и все расхаживал вдоль стен, – странно… Я так понял, собственно хозяина у дороги нет. Она отстранена и безразлична к вопрошающим. Эта формула – «найти нужные слова» – слишком всеобъемлюща и пуста одновременно. Не понимаю. Нет хозяина – некому принять жертву. А значит, она нужна только как знак освобождения силы.

–Неплохо, Арколь. – Аш-Шудах кивнул в знак одобрения. – Чтобы открыть этот путь, нужна сила – и немалая. Среди всех моих артефактов вряд ли найдется способный соперничать с отчаявшимся сердцем…

–Я думаю, мы можем помочь. – Это сказал орочий шаман, казалось, проспавший все время. – Рискованно, конечно, но…

Он вздохнул и достал из-за ворота полотняной рубахи цепочку, на которой висела металлическая пластина, служившая обрамлением прозрачному темному кристаллу.

–Всего таких камней двадцать четыре. – Шаман внимательно оглядел собравшихся. – Конечно, средоточие силы изначального камня – это камень дома Эркина. Но и оставшиеся наделены силой… мы использовали ее только один раз. Должно быть, эльфы не забыли Год Зимы? – шаман неприметно усмехнулся. Это случилось давным–давно, когда потомки альвов еще выясняли, кто же из них более достойно выполнил волю богов. Однажды на исходе весны на земли эльфов обрушились нескончаемые снегопады, реки сковал лед, воздух промерз до синевы. Невиданная зима продолжа-

лась ровно год. За это время эльфийские леса, вплотную подступавшие к Краю Света, сплошь повымерзли; тем, что были южнее, тоже досталось. На освободившихся землях и расселились орки, прежде вынужденные отвоевывать каждый клочок.

–Иса? – спросил аш–Шудах шамана.

–Иса. – Подтвердил тот. – Мой дальний предшественник использовал силу, заключенную в руне льда. А потом он же, чтобы прекратить это, потратил еще и силы Совуло, иначе мы сами так и остались бы в этой бесплодной мерзлоте. Так или иначе, было решено, что использовать силу камней чересчур опасно и накладно, и нужны весомые причины, чтобы пустить ее в дело. Сейчас они есть. Сыч, возьми камень.

Шаман снял цепочку с шеи и протянул крысолову. Тот принял ее и внимательно всмотрелся в камень, лежавший у него на ладони.

–Арколь, ты сумеешь его открыть?

–Сумею. – Уверенно сказал маг-подмастерье.

–Хэлдар, ты сможешь в случае чего хоть как-то его сдержать?

–Смогу. – Эльф встал с окна и подошел к орку.

–Тогда почему мы все еще здесь?!

Спустя пять дней Хэлдар, Сыч и Арколь стояли перед тем же бесшумным великолепием. Это место было из тех, что не меняются столетиями, храня свой первозданный облик, не изменяя своему предназначению. Все те же серые скалы, та же вода, шепотом спускающаяся по выглаженным уступам, полупрозрачный туман и еле уловимые отзвуки тростниковой флейты в воздухе. Спутники стояли, оглядываясь, присматриваясь к месту; их кони пощипывали траву неподалеку.

–И впрямь на бороду похоже, – Арколь задрал голову вверх, пытаясь разглядеть истоки водопада. – Ничего борода, ухоженная. Сыч, мы тут ночевать собираемся, или?

–Или. – Орк снял с шеи цепочку с камнем, оправленным в металлическую пластину. – Кто тут магик? Работа имеется.

–Работа, говорите? – подхватил Арколь. Он подошел к Сычу, прикрыл ладонью лежащий на орочьей руке камень, прикрыл глаза… очень скоро камень начал теплеть и тяжелеть. Через минуту Сыч почувствовал, как кожу его будто покалывают горячие, незлые иголочки, будто он держит выхваченную их золы печеную картошку, шершавую, черную, тяжелую. И тут же, будто по волшебству, орк забыл о том, где он, зачем пришел сюда… он помнил и ощущал только одно – свой дом. Родной, теплый запах – тот, которым не надышаться вовек, запах, обнимающий его с порога ароматами хлеба, чистой воды и сушеных трав. Знакомые звуки – чуть скрипящая дверь, шепот листьев за окном, легкие шаги Совы. Пальцы Сыча ощутили прохладу деревянного стола, меховое тепло кошачьей спинки, гладкую кожицу спелого яблока… и ему показалось, что вот сделай он шаг – и перед

ним окажется крыльцо с широкими ступенями, и распахнется перед ним дверь – дверь его дома. Тут Арколь распахнул глаза, всмотрелся в лицо орка – так, будто видел его впервые, – и улыбнулся.

–Как все просто-то. Как дверь ключом открыть. Давай, Сыч.

–Чего? – Недоуменно переспросил орк. От недавнего взгляда Арколя у него слегка кружилась голова, и пересохло во рту.

–Открывай, говорю. Руку протяни и поворачивай… камень в пальцах зажми, ладонь вперед. Алмаз я разбудил, остальное ты сам должен сделать.

Сыч послушался. И в ответ на этот жест сквозь водяной шепот зазвучал голос тростниковой флейты.

–Куда направляешь ты свой путь, ищущий дорогу? Куда спешишь?

–Домой. – Выдохнул Сыч.

– Домой… – повторил хрипловатый переливчатый голос. – Домой…

Молочно–белые пряди воды бесшумно разошлись, обнажая мокрый серый камень.

–Дорога тысячи путей перед тобой. Хочешь обогнать судьбу – попытайся…

От века незыблемая, монолитная каменная стена начала таять; в ней явственно проявились очертания высокой арки, ведущей вглубь горы. Проход был достаточно широк и светел, будто сами стены источали неяркий свет.

Сыч, не оглядываясь, двинулся вперед; он опустил руку, сжав алмаз в кулаке. За ним шли Арколь и Хэлдар, ведя в поводу коней. Несколько шагов – и вместо степной рыжей травы под их ногами оказался гладкий каменный пол.

–Не оглядывайтесь, – на ходу посоветовал Арколь, крепче ухватывая поводья. – И не торопитесь…

Второе его предостережение оказалось излишним. Каменный коридор, по которому шли друзья, был заполнен полупрозрачным, вязким на взгляд туманом, на расстоянии вытянутой руки уже ничего нельзя было разобрать… при этом никаких препятствий на их пути не было. Но из-за тумана очертания стен, пола и потолка казались нечеткими, невнятными, каждый шаг приходилось делать будто наугад, осторожно и пытливо – как на молодом льду. Хотелось разогнать эту клейкую дымку, стереть липнущую к глазам пелену – но приходилось терпеть, шаг за шагом продвигаясь вглубь горы.

Хроники дома Эркина

Дирк-капитан тащил полное ведро воды, перехватывая мокрую, грубую веревку, чуть ли не пояс перевесившись за борт корабля. Вытащил и с размаху выхлестнул соленую, холодную влагу на палубу, схватил швабру и принялся привычно–усердно надраивать доски. Для своих пятнадцати лет Дирк-капитан был довольно рослым, но ничем таким особенным не отличался – поджарое, угловатое тело подросшего щенка, зеленоватая кожа, покрытая синяками и ссадинами, хвост темных волос, посекшихся от морской воды; от остальных матросов команды «Бродяги» его отличали разве что серебряные глаза, доставшиеся в наследство от батюшки–Крысолова, и амулет на шее – черный, оправленный в металл камень. Да еще прозвище: как ни крути, но юнг все–таки чаще величают Недотепами, Олухами или Балбесами, а тут – Капитан… Причем дано это прозвище было не кем иным, как самим капитаном, Фраггом–Освободителем, охотником за рабскими галерами; а данное таким человеком прозвание сомнению не подвергалось и прилипало покрепче имени, данного отцом–матерью.

Дирк, старший сын Крысолова Судри из южных лесов, впервые вышел в море в неполные двенадцать лет. Мальчишка бредил кораблями, парусами, волнами и прочей морской дребеденью лет с десяти, когда его отцу угораздило взять сына с собой в Манору. Попав в порт, Дирк поначалу остолбенел, а потом ноги сами понесли его к первому попавшемуся кораблю, пришвартованному к причалу – грузчики закатывали по деревянному трапу бочки, заполняя брюхо трюма, кто-то записывал принятый на борт груз… Мальчишку, сунувшегося прямо под ноги грузчиками, чуть не затоптали; но вовремя успели дать затрещину, выругать и прогнать к отцу, где его ожидали те же гостинцы. Однако такой приветливый прием Дирка ничуть не смутил, и он на следующий же день опять отправился в порт – уже без отца.

С утра до вечера он бродил по причалам, зачарованно разглядывая торговые манорские коги – похожие на детские лодочки, с квадратными парусами на единственной мачте, с массивным воротом брашпиля на кормовом замке. Он видел матросов, смуглых и ловких, и, кажется, один раз даже разглядел капитана – человека, одетого богаче и строже всех, разговаривавшего с главой складской охраны (родным дядей Дирка). Одним словом, ни покоя, ни толку от вернувшегося домой Дирка ждать не приходилось; парень словно помешался. И родные сочли за благо не ломать его волю, а отпустить восвояси куда глаза глядят и куда душа тянет – в море. Отец, провожая сына, неожиданно сам для себя снял с шеи семейную реликвию – камень, похожий на осколок черного льда, оправленный в металлическую пластину, – и отдал сыну. «Не знаю, что делаю… – как-то

недоуменно сказал отец, – но тебе, похоже, он нужнее. Всю жизнь я его слушался, и сейчас спорить не стану».

Стараниями дяди Дирка взяли на один из торговых когов юнгой. Поначалу все было, как и полагается – работа, схожая с пыткой, насмешки и тычки, тоска и растерянность. Дирк обдирал в кровь ладони мокрыми, тяжеленными канатами, его сбивало с ног звеньями якорной цепи, а однажды во время шторма чуть не смыло за борт. Небольшая команда кога никогда не упускала случая повеселиться на счет новенького, причем ни добротой, ни утонченностью шутки эти не отличались. Дирк сносил все оскорбления молча, стиснув зубы, понимая, что пока он не станет здесь своим, права ответить у него нет. Первое плавание из Маноры в Арзахель и обратно, длившееся чуть более месяца, показалось Дирку бесконечным. Но, несмотря на оханья дядиной жены и уговоры самого дяди бросить эту блажь и вернуться домой в привычные оркам леса, Дирк вернулся не домой, а на борт коги. Второе плавание оказалось немногим менее мучительно, третье запомнилось тем, что когу попытались сцапать пираты, и шкиперу пришлось проявить все свое умение, чтобы увести корабль от более быстрой и маневренной муспельской каравеллы. А дальше все пошло само собой; Дирк привык к работе, корабельному распорядку и команде. Спустя два года кога и вместе с ней Дирк попались муспельским пиратам.

Произошедшее тогда Дирк вспоминать не любил. Как заехали по голове рукоятью палаша, как пришел в себя в вонючем трюме, среди десятков таких же бедолаг, обреченных на рабство, как вытянули вскорости на палубу, чтобы посадить к веслам… И как на меньше чем через месяц на палубу пиратского корабля поднялись другие крысы, у которых, судя по почтению, которое им оказывали, была и труба повыше и дым погуще. Вместе с крысами был еще кто-то, явно не их крови – намного выше, одетый во все черное, держащийся особняком. До слуха Дирка донеслось имя главного из удостоивших гостей – господин Брик. Но особо прислушиваться ему было некогда, успевай только весло ворочать.

–Эй, ты!.. Кто таков будешь? – Дирк поднял голову. Напротив него стояли господин Брик и тот тип в черном, на вид совсем молодой, ртутноглазый и невозмутимый.

–Что молчишь? Онемел, никак?

–Дирк… Крысолов из Южных лесов. – Мальчишка счел нужным слегка склонить голову в поклоне.

–Ах ты, вот ведь как судьба повернула… И чего только не наглядишься – крысолова в море понесло. А это у тебя что такое, а? – и Брик ткнул пальцем в висевший на шее простенький амулет с черным камнем.

–Отцово благословение, милсдарь… – Дирк провел ладонью по лбу, стирая крупные капли пота.

–Не особо оно тебе помогло, – подал голос парень в черном. – А что скажешь, Дирк, – может, обменяешь свое благословение на свободу? Прямо сейчас, пока тебя на шаммахитские рудники не продали?

–Ты подумай, парень, только не долго… – Брик усмехнулся, глядя сверху вниз на одуревшего от тяжкой работы Дирка.

–И думать тут нечего, – Дирк неожиданно для себя выпрямился. – Не обменяю.

Брик и безымянный переглянулись. «Да забрать…» – «Не могу…» – «Как не могу?! Ты?!» – «Только сам. Должен отдать сам.» – «Не можешь забрать – выиграй.» Высказав это предположение, Брик снова обратился к Дирку.

–Воля твоя, крысолов. А как насчет честной игры? Ты свой амулет поставишь, да и мы, чтобы тебе не скучно было, ставку сделаем…

И действительно, ставку они сделали очень быстро. В отверстие для стока воды в фальшборте просунули доску, наспех закрепив ее бочками, а в качестве первой ставки капитан пиратского корабля («чтобы почтить уважаемых гостей и дабы никто не заподозрил его в скупости») выставил самого ценного из своих «постояльцев» – шкипера одного их сторожевых арзахельских кораблей, несмотря на молодость, изрядно успевшего насолить крысам. Дирк за то немногое время, что провел на пиратском бриге, успел наслушаться о Фрагге – и как он ловко пиратские корабли гонял, и как в бою хорош был. А теперь он стоял на доске, выдвинутой в море, со связанными за спиной руками.

–Ну вот, парень, твой амулет против этой жизни. Прошу, – и Брик с поклоном подал ртутноглазому стаканчик, в котором погромыхивали кости.

–Тавлеи… – усмехнувшись, произнес тот. И, не глядя, стукнул стаканом об услужливо подставленную перевернутую бочку. – Мне везет – шесть и шесть. Твой черед.

Дирк взял дрожащей от усталости рукой стакан, встряхнул и так же стукнул о бочку.

–Ишь ты, ему тоже везет. Шесть и шесть. – Без тени удивления произнес Брик. – Видно, ставка маловата. Эй, хозяин, а девицы у тебя не припасены? – и небрежно махнул рукой, чтобы прежнюю ставку убрали.

Увидев, как падает в воду шкипер Фрагг, Дирк со вполне понятным воплем вскочил со скамьи, громыхая цепью, пытаясь ударить хоть кого-то. Тут не выдержал и его противник; он схватил мальчишку за шкирку и протянул руку к амулету. Уцепился за цепочку, рванул…

А дальше произошло нечто невообразимое. Немногие из уцелевших сочиняли истории про морское чудовище, поднявшееся со дна, чтобы покарать мерзких крыс, а заодно и подкрепиться. Во всяком случае, корабль, на котором пытались разыграть в кости алмаз темной крови, разлетелся в щепки, будто весь трюм был забит бочками с порохом и все они разом рванули. Стоявшему рядом кораблю гостей тоже досталось, но его куски оказались несколько покрупнее. Во всяком случае, Дирку повезло – вынырнув,

он наткнулся на подобие плота из палубного настила. Море помогло ему взобраться на него. Отдышавшись, Дирк огляделся – куда ни глянь, волны, тлеющие обломки кораблей… только тут он понял, что с его рук исчезли кандалы. А еще через секунду увидел, как поднимается из воды изрядный кусок мачты, а на нем – бессильное, бесчувственное тело молодого мужчины со связанными за спиною руками.

Так вот и получилось, что Фрагг, которого Дирк из последних сил перетащил на свой утлый плот, и Крысолов дальше путешествовали вместе. Их странствие продлилось немногим более десяти дней. Недолго, но запомнилось навсегда. Дирк собирал воду (на их счастье ночи оказались дождливыми) в свернутые жгутами полотняные моряцкие штаны, однажды на их плот плюхнулась стайка жирных летучих рыб. Но всего этого было удручающе мало, чтобы поддержать две жизни. Да еще Фрагг не приходил в себя… Дирк не раз отчаивался, видя его безжизненное, застывшее лицо. Но продолжал выжимать воду в полуоткрытый, пересохший рот шкипера, пытался согреть его, обняв и уложив себе на колени. На их счастье, Фрагг был оглушен, но не ранен, да и Дирк остался целехонек; так или иначе, кровь не сопровождала их путь и не привлекала к ним хищных рыб.

Последние два дня пути Дирк провел в каком-то забытьи. Что-то делал, на что-то уже не хватало сил, и он терял сознание, чуть ли не наполовину свесившись с плота. И надо же такому случиться, что ветра и течение пригнали их в арзахельские воды, и подобрал их сторожевой корабль…

Глава шестая. Лесные тропы

Амариллис проснулась от негромкого птичьего посвиста – какая-то птаха уселась на подоконник распахнутого окна и выводила свою немудреную песню. Девушка подняла голову, прищурилась… спросонья контуры предметов были невнятны, поначалу она даже не поняла, что это – раннее утро или поздний вечер? Птица, потревоженная проснувшейся, улетела, оставив по себе ощущение некоторой неловкости, будто ее согнали с законного места. Амариллис потянулась, села на кровати, потянула к себе разложенную на прикроватном сундуке одежду, до сих пор непривычно просторную. Подумав, накинула теплый плащ, – все-таки августовские утра прохладны, – и направилась в сад. Сова, по-видимому, все еще спала; вчера она допоздна не ложилась, ожидая приезда старшего сына. Глитнир должен был приехать на исходе августа, да не один, а с женой. Сова все сокрушалась, что Сыча нет дома и он, возможно, так и не успеет повидаться с сыном.

Девушка вышла на крыльцо, постояла с минуту, присела на верхнюю ступеньку. «Доброго утра», – послышалось снизу. Пробегавший мимо брауни выслушал ответное приветствие Амариллис, приветливо покивал ей и побежал дальше – хлопотать по хозяйству. Подумав еще немного, танцовщица вернулась в дом, и отыскала на кухне жену брауни, ту самую, что год назад помогала ее выхаживать.

–Доброго утра и теплого дня. Я собираюсь прогуляться – в лес, к Медвежьей Домушке. Сыч мне разрешил туда ходить, места там безопасные. Прошу, собери мне поесть, а то сейчас чего-то не хочется.

Брауни заулыбалась, кивнула и через минуту для Амариллис был готов маленький заплечный мешок, в котором лежали фляга с топленым молоком, белый хлеб и ломоть сыра. Как раз столько, чтобы подкрепиться, но не пропустить обеда.

К Медвежьей Домушке Амариллис ходила нередко. Впервые она набрела на это место, гуляя с Сычом по окрестным лесам. Орк почти потерял надежду научить девушку хоть как-то ориентироваться в лесу. «Городское отродье…» – ворчал он, – «Ты еще на муравейник сядь… Елку от сосны отличить не можешь, даром, что к Лесному клану принадлежишь». Во время прогулок он пытался передать Амариллис хоть какие-то знания.

–И куда это ты повернула, а?

–Домой… – пожимала плечами танцовщица.

–Ну-ну… Пошли… Глядишь, к зиме до Краглы и доберемся. Ами! Мы из дому вышли в северную сторону. Значит, возвращаться надо в южную.

–Тебе виднее.

–Благодарствую за доверие. Ну, куда идти-то?

–Эээээ… Ммммм… К югу…значит, так. Ты говорил, что с южной стороны стволы деревьев порастают мхом, – но, бросив на орка взгляд, девушка поспешила поправиться, – То есть с южной они как раз лысые…

–А еще? – ехидно поинтересовался Сыч.

–Нуууу… У муравейников южный склон пологий, и ветки у деревьев длиннее. Так, что ли?

–Что ли так. Пошли уж…муравейник искать да ветки мерять. Вот же тропа, мы ею раз десятый проходим! Недотепа городская…

Однажды лес вывел их на небольшую поляну; поначалу девушку привлекли три причудливо сросшиеся сосны, она походила, оглядываясь, а потом, неожиданно для себя, направилась куда-то в сторону, по едва приметной тропке. Сыч быстро нагнал ее, ядовито интересуясь, не намеревается ли она поиграть в прятки или поискать съедобных грибов, и тут же предложил ей разжиться семейкой облепивших пень поганок. Но Амариллис даже не услышала его, она спешила выйти туда, куда ее властно и ласково позвали.

Этим местом оказалась обширная поляна, отмеченная немалой ямой, заросшей мхом. По краям топорщилось несколько кустов малины, пестрели разноцветы. Ничего особенного.

–Ты что, Амариллис? Нездоровится никак? – спросил Сыч, встревоженный молчанием девушки, застывшей на краю ямы.

–Ты как думаешь, Сыч, – не заметив его вопроса, сказала она, – что здесь было? Может, жил кто?

–Может, и жил. Только давно очень. Я, во всяком случае, ничего об этом не знаю. Тут окрест хуторов немного.

–Ага… – протянула Амариллис. Она опять едва ли слушала орка. – Можно, мы тут побудем?

И, не дожидаясь ответа, пошла по поляне, оглядываясь и прислушиваясь. Сыч не стал ей возражать и уселся рядом с кустом малины, обрывая мелкие сладкие ягоды. Походив немного, девушка вернулась и присела рядом с орком.

–Знаешь, Сыч, мне здесь хорошо. – Недоуменно сказала она. – Непонятно. Ты сам знаешь, я в лесу беспомощна, не особо мне уютно, даже страшновато бывает… а тут… Хоть ночевать оставайся!

Сыч глянул на Амариллис с насмешкой – прежде одна мысль отправиться на ночь глядя в лес заставляла ее боязливо ежиться, а тут вдруг расхрабрилась.

–Прям–таки и ночевать?

–Да. Знаю, ты мне не веришь, но я бы осталась.

–Ну, может, как-нибудь. Но не сегодня. Пошли-ка домой, смотри, солнце уже за верхушки клонится.

С тех пор Амариллис часто приходила на эту поляну; в последнее время реже, потому как идти до нее было неблизко, а Сова сердилась, если Амариллис уходила одна далеко от дома. «Мало ли что!..» – хмурилась она. Но сюда девушка предпочитала приходить одна.

Неторопливо (по–другому теперь не получалось) Амариллис спустилась с крыльца, поплотнее запахнула плащ и направилась давно знакомой тропой – через сад, через выгон, мимо редколесья, немного вдоль опушки – и в лес. На этот раз идти пришлось почти час (скоро мне полдня понадобится, чтобы сюда доползти, с неудовольствием подумала Амариллис). Растаял утренний холодок, плащ пришлось распахнуть, а потом снять и нести в руках. Выйдя на поляну, девушка сначала чуть зажмурилась от яркого света, а потом раскинула руки, уронив плащ в траву, потянулась, выгибая спину, и пошла, чуть-чуть пританцовывая, греясь, улыбаясь…

Потом подошла к яме, спустилась вниз, расстелила прихваченный плащ, устроилась поудобнее, полусидя-полулежа и закрыла глаза. Спать ей не хотелось, но, как и прежде, ласковая дремота провела легким рукавом по ее лицу, смежила веки, выровняла дыхание. Со стороны могло показаться, что девушка уснула, таким спокойным, безмятежным было ее лицо. Ей и самой поначалу так казалось. Когда Амариллис впервые спустилась в яму и задержалась там ненадолго, то пережитые ощущения и обрывки видений она приняла за мимолетный сон, привидевшийся за несколько минут. Но вскоре ей пришлось признать, что с обычными ее снами это состояние не имеет ничего общего. Оставаясь на дне моховой ямы, она грезила наяву, видя рядом с собой семью орков, причем чаще всего попадался ей на глаза мальчишка лет тринадцати–четырнадцати, упрямый и своенравный. Амариллис видела и других орков – то смутно знакомого мужчину в моряцкой одежде, то паренька, исполосованного сетью порезов, привязанного к дереву, а однажды увидела своего прадеда, схватившегося с довольно неприятным на вид созданием. Иногда мимо нее проходили вереницей эльфы, пробегали стайкой дети, размахивая пустыми лукошками… под ее пальцами оказывались то прохладный, влажный после долгого осеннего дождя мох, то свежий снег… Амариллис понимала, что здесь время не властно, что прошлое, уже свершившееся проходит перед ее глазами, навсегда сохраненное этим местом, и те, кого она видела, кто притягивал ее внимание, – все они как-то связаны с нею.

Что же касается ощущений, то они сводились к покою и умиротворению. Волшебное место щедро делилось с нею присущей ему силой; Амариллис принимала ее с благодарностью, «про запас».

Она никому не рассказала о том, куда в действительности ходит. Что-то удерживало ее от этого, и поскольку она всегда возвращалась из лесу вовремя и выглядела довольной, никто особо и не расспрашивал ее.

Сегодня она также привычно доверилась магии лесного «дома»; однако вопреки ожиданиям тени минувшего не посетили ее, только и было, что теплый мох, мягкая шерсть плаща под локтем и тишина. Под конец Амариллис действительно задремала, уложив голову на согнутую руку и прикрыв глаза от солнца. Сколько она проспала, сказать было трудно, поэтому про-

снувшись, она не стала задерживаться, а поднялась наверх, как смогла поклонилась «дому», и направилась обратно, к дому Сыча. Пока она отмеряла положенные обратной дороге шаги, ничто не тревожило ее, не пугало и не беспокоило. Тот же лес, та же тропа, кусточки можжевельника, веретенообразные глянцевые листья ландышей, теплые, прогретые августовским солнцем стволы сосен… ветер, доносящий звонко–монотонный голос кукушки… ветер, несущий запахи хвои, смолы… Вскоре она уже вышла к выгону, прошла садом, отводя руками ветки яблонь, вновь, как и два года назад, клонящихся к земле под тяжестью плодов. Запыхавшись, остановилась отдохнуть и увидела, что во время ее отсутствия в дом Сыча пожаловали гости.

На крыльце сидели Сова и незнакомый Амариллис орк – высокий, молодой и красивый, с такими же, как у Совы, желтыми глазами. Он окликнул кого-то и из сада – со стороны, противоположной Амариллис, – вышла юная женщина, светловолосая, невысокая, одетая в просторное легкое платье, не скрывающее ее беременности. «Так это же Глитнир с женой!» – подумала танцовщица. – «Придется Сове двое родов принимать. Странно, а мне она не сказала, что ее сын человеческую дочь взял в жены. Наверно, Глитнир ее саму удивить хотел. Надо же, прямо как мои прадед с прабабкой…» Она еще хотела подумать о том, как хорошо и правильно, когда в такое время рядом с тобой тот, кто не испугается твоей боли, но не успела.

Внезапно неспешно идущая женщина как-то резко вздрогнула, будто ее кто толкнул, остановилась – и Амариллис поняла, что из горла у нее торчит стрела, серебристо-серая, эльфья. Женщина не издала ни звука, медленно, подогнув колени, опустилась на землю и замерла. Еле-еле, на пороге слуха Амариллис различила шелестящий свист, повернула голову в сторону дома – Глитнир, не успевший отбежать от крыльца больше трех шагов, лежал, уткнувшись головой в выброшенные вперед руки, и его спина была украшена тремя такими же стрелами. Они же опрокинули Сову на ступени крыльца, расцветив ее льняное платье багровыми пятнами по нагрудной вышивке. Еще два коротких вскрика со стороны конюшни. И тут Амариллис начала различать вокруг себя фигуры эльфов.

Она видела их совсем рядом, и поодаль, и даже слышала их дыхание, отдающее ландышевой горечью. И снова видела стрелы, летящие к дому Сыча, горящие стрелы, впивающиеся в крышу, стены, влетающие в распахнутые окна. Эльфов немного, не более полутора десятков, но Амариллис они показались целой армией. Она прижалась к стволу яблони, скользя по нему, разрывая рукав платья и в кровь царапая плечо, в тщетной надежде укрыться от их цепких, всевидящих взоров, обхватила ладонями живот… У Амариллис не получилось испугаться; она оглядывалась, как затравленный зверь, не видя спасения – и не понимая, не постигая, как такое возможно, что же такое случилось с миром, что те, кого считали воплощенным достоинством и честью, убивают подло и хладнокровно. Она готова была рас-

пластаться потрошеной рыбой, слиться с землей, прорасти травой, лишь бы ускользнуть от этих безжалостных охотничьих глаз и серебристо–серых стрел. Запах гари, едкий, отчаянный, горестный запах гари обжигал ее лицо, заставляя стонать и – в конце концов – раскашляться.

…Амариллис проснулась от кашля. Она уняла его, хлебнув молока, и попыталась перевести дыхание, успокоить бешено стучащее сердце. Только сон, говорила себе она. Только сон. Но сама же возражала – здесь не бывает просто и только снов. И гарью в лесу обычно не пахнет. Да и откуда бы взяться на ее рукаве прорехе, будто острым сучком оставленной – ведь когда она засыпала, рукав целехонек был. И рваной царапины на плече тоже не было… Острые, холодные зубы страха вонзились в затылок Амариллис. Надо прятаться, бежать – но куда? И с какими силами? Девушка на минуту замирает, прижав пальцы к вискам, сжавшись комочком на дне моховой ямы… потом открывает глаза, встает, аккуратно одевает плащ, поправляет завязки мягких кожаных туфель и быстро выбирается наверх. В ее лице нет более страха и неуверенности; она знает, что ей делать и куда идти. Амариллис кланяется и спешит к лесу. Помедлив на опушке не более полминуты, она сворачивает в сторону Медвежьей Домушки. Идет она быстро, словно знает дорогу – или идет за кем-то, кто ведет ее, уверенно и спокойно.

–Господин!.. прошу Вас, идемте со мной!

Ответа на этот истошный крик, раскатившийся кувыркающимся эхом по огромной зале, не последовало. Кричавший замер, закусив губы, мучительно раздумывая, стоит ли вновь взывать к тому, кто не возжелал явиться. Но вспомнив, что привело его в столь неподходящий час, гостем незваным и – он знал об этом – желанным не более, чем чума, он яростно блеснул единственным глазом и возопил еще громче:

–Господин!... Где Вы?!..

Тихий вздох прошелестел под неразличимыми во тьме сводами залы… едва уловимое раздражение и обидная снисходительность были в этом вдохе. Кричавший замер, сжавшись, на пороге, тщетно вглядываясь темноту. Через секунду после этого он снова закричал – на этот раз от боли. От непереносимой боли в единственном глазу, потому что вспыхнувший в зале свет ударил по нему ослепительно-белоснежным хлыстом, прожигая до самого дна. Сквозь слезы пришедший различил того, кого так самонадеянно потревожил. Под самым потолком зависло тело, напряженное, натянутое как струна – выгнутая грудь, запрокинутая голова и руки, опущенные вниз, с ладонями согнутыми подобием чаш. Названный Господином неспешно открыл глаза, с сожалением вздохнул и встряхнул небрежно кистями – его кровь, стекавшая из витых порезов на запястьях в чаши ладоней, выплеснулась в воздух и застыла в нем темно-карминными сгустками. Затем он так же неспешно спустился и направился к пришедшему.

–Фолькет… – он говорил тихо и чуть ли не грустно. – Поверь, мне было бы жаль лишиться такого слуги как ты. Но поверь также, что создать голема такой же толковости мне не сложней, чем тебе – почесать затылок в минуту раздумья. Или по-твоему этот ритуал настолько ничтожен, что ты позволил себе прервать его за минуту до завершения своими воплями?.. Или по-твоему моя кровь создана для того, чтобы творить из нее всякие пустяки, вроде вот этого?..

Через мгновение один из сгустков распался на сотни мелких капелек, каждая из которых обратилась осой, вооруженной тонким стальным жалом. Звонко жужжащий рой окружил несчастного цверга… вскоре на его лице, руках, шее появился странный, причудливый рисунок. Впрочем, приглядевшись внимательнее, можно было различить буквы шаммахитского алфавита, кудрявые и затейливые, они складывались в слова, а слова – в назидание, повторяющееся несколько раз – «Не тревожь Господина понапрасну». Фолькет даже не делал попыток отмахнуться от ос, с ужасом глядя на оставшийся кровавый сгусток.

Гарм махнул рукой, и осы отлетели в сторону.

–Так что привело тебя, Фолькет? Что показалось тебе настолько важным?

–Кккамень… – цверг выпустил это слово из дрожащего от боли рта. – Ожил…

–Камень ожил? Так что ж ты молчал?!... – Гарм улыбнулся и раскрыл руки, будто собираясь обнять слугу. Но вместо этого он собрал парящую в воздухе кровь, придав ей форму червя, и одним взмахом отослал ее прочь, во внешние пределы бывшего Дома Богов, в земли Арр-Мурра.

–Ну что застыл? Идем! Показывай, как твой питомец возвращается.

Они спустились по крутой, осыпающейся камнями лестнице, прошли анфиладой то ослепительно освещенных, то непроглядно мрачных комнат и вошли в покой, ничем не украшенный, совершенно пустой. На одной из стен было видно что-то похожее на дверь – вросшую в стену, почти стертую, но все же заметную. Посреди покоя стоял алтарь, на каменной поверхности которого лежал алмаз темной крови – тот самый, что когда-то носила Амариллис на правой руке. По–прежнему закрепленный в кольце, ничем не сдерживаемый. Увидев его, Гарм на миг замер – камень горел ясным, теплым огнем.

–Оооо… – и бог со свистом втянул воздух сквозь зубы. Он не спеша подошел к алтарю, провел рукой над камнем. Ничего. Гарм взял кольцо в руки, положил на ладонь – алмаз лежал спокойно, все так же светясь.

–Хвала всему сущему… Она жива, нашлась… – Гарм улыбался, купая взгляд в прозрачной глубине камня. – Ну конечно…ты не мог оставить ее на погибель. Дотянулся. Будь по-твоему… Веди ее. А я тебе помогу.

Осторожно положив камень на алтарь, Гарм, не поворачивая головы, сказал:

–С этого момента ты сюда больше не входишь. Только если я укажу. Не будем торопиться…

И Фолькет почтительно поклонился и вышел из покоя.

Амариллис шла не торопясь, но и не задерживаясь ни на секунду. Через полчаса она, однако, остановилась – лишь для того, чтобы подобрать палку подходящего размера, на которую было бы удобно опираться, и продолжила свой путь. В правой руке – посох, левая поддерживает тяжелый живот, лицо спокойно и даже как будто безмятежно. Можно было подумать, что она возвращается в родной дом, где ее ожидают тепло и защита, и если ей что и угрожает – так это укус припозднившегося комара или выговор от старой няньки за слишком долгую прогулку.

Еще через полчаса девушка увидела, как в просвете меж соснами блеснуло зеленым зеркалом озеро. Она спустилась пологим берегом, подошла к сосне, чьи огромные, вывороченные корни казались похожими на арку, и остановилась перед ними.

–Пусти меня – переждать опасность… Укрой меня – от несущих смерть. Последний листок на древе, последнее зерно в колосе, последняя капля в иссохшем источнике. Не оставь меня, защити…

Выговаривая эти слова, Амариллис водила перед собой рукой – пальцы словно рисовали в воздухе витой, плавный узор. Закончив, она повела руками, отодвигая невидимую завесу, и вошла, пригнувшись, в убежище, давным-давно сотворенное Эркиным.

В пещерке было сухо, почти тепло, пахло песком и сухим мхом. Амариллис положила к стене посох, собрала в небольшую подстилку раскиданный по пещерке мох, осторожно присела, вздохнула, переводя дыхание, откинулась на спину, достала из мешка флягу, глотнула молока…

Стрелы. Серебристо–серые стрелы. Полные колчаны смерти. Глаза. Промерзший до дна в Год Зимы родник. Светлые, ясные глаза смерти. Вышивка. Красными сполохами по льну. Красными брызгами по коже.

Там, в саду, она держалась, сколько могла. Но когда один из эльфов повернул голову на зов другого – застонала и без сил опустилась на колени, разрывая рукав, в кровь царапая плечо. Это был Тари – почтительно-любопытный, всегда такой дружелюбный… А тот, кто звал его, кивком головы указав в сторону конюшни, откуда выглянул брауни, – это Геран.

Молоко в кожаной фляге, топленое, пахнущее теплом и медом. Амариллис осторожно закрыла горлышко, поставила флягу на песок. А потом прижала ладонь ко рту и закричала – беззвучно, отчаянно. Слезы, редкие, тяжелые, прочертили пару мокрых дорожек от уголков глаз к вискам. Она еще не успела унять дрожь в плечах, как со стороны противоположного берега послышался топот копыт. Всадник… и не один.

… Как будет угодно Вашему Величеству. Воля Королей священна для эльфа. Ибо чувство долга в нем сильнее всех прочих чувств – ежели они вообще имеются.

Ледяная птица прилетела в Лис-Арден в первый день августа. Послание, запечатленное морозной вязью на ледяной груди, читает Ее Величество Земли, потом передает притихшую птицу в ладони самому молодому королю – Его Величеству Огня. Им хватает одного взгляда, глаза в глаза. Слова Воды и Воздуха должны быть исполнены – и кому их исполнять, как не подданным сказавших эти слова.

…Воля Королей будет исполнена. Что еще может сказать первый советник Ее Величества Воды, Геран из клана Тайных Истоков? И кого он возьмет в путь, как не свой отряд, в который не так давно принял племянника своего лучшего друга… Тари прекрасно стреляет из лука. И что с того, что услышанное имя переворачивает его сердце, подбрасывает его к горлу, заставляя трепетать и вздрагивать. Последнее, что видит Геран, выходя из тронного зала, – это лужа холодной воды, растекающаяся по подоконнику. Все, что осталось от Ледяной птицы.

Эта любовь была для Герана наказанием. Он не мог простить себе, что позволил своим чувствам осилить его, взять верх. А какой смехотворной казалась ему эта схватка поначалу… Девчонка ничтожных человеческих кровей, да еще с примесью проклятой темной крови, забавная игрушка, но – не более. Увлечение таким предметом простительно для заскучавшего лорда, увлечение на неделю–две, но – не более. Он поначалу так и думал, что всего лишь взглянет в ее сторону, и вот – застыл, не в силах отвести глаза, едва переводя дыхание… очень надолго. Он ненавидел себя за это, проклинал свою слабость, не умея даже промолчать о ней. Но даже если бы это легконогое создание и одарило бы его своей нежностью, то Геран отверг бы ее с насмешкой. Принять любовь заведомо презираемого, враждебного по своей сути существа?!.. Тянуть руки – и отдергивать их, едва уловив прикосновение. Улыбаться при встрече – и отворачиваться, чуть ли не брезгливо кривя губы. Первым утренним вдохом втягивать в сердце ее имя – и выдыхать этот воздух, будто отраву.

Воля Королей, прозвучавшая вначале как смертный приговор, оказалась для Герана помилованием. Боги сыграли с ним нечестно – так почему бы не поймать их на этом, не вывести из игры Амариллис – их крапленый козырь.

Найти дом орка оказалось не так легко, но две недели поисков привели их к цели. Эльфы окружили дом, скользя меж стволами яблонь, хмелея от аромата спелых плодов, изредка проводя пальцами по их шелковистым, румяным щекам. Геран следил, как стрелы клюют их одного за другим – двух орков, сидящих рядом, и человеческую девушку, ждущую ребенка. Все так, как должно. Но его не оставляло странное, неприятное ощущение совершаемой ошибки. Именно оно заставило его спешиться, подойти к уже горящему дому, к перенесенной на крыльцо девушке, и перевернуть ее, чтобы увидеть лицо убитой. Оглянувшись на стоящих поодаль собратьев, он коротко приказал:

–В седло. Обыскать все окрестные леса.

Через десяток-другой минут кони выносят Герана и нескольких его спутников к лесному озеру.

Амариллис замерла в пещерке, как ящерка, почувствовавшая взгляд на своей спине. Она видела только бело-рыжий песок, стебли осоки и кусочек воды. Что же, так вот сидеть и ждать, пока ее не найдут и не вытащат отсюда, как ядовитую змею? Сиди, сиди, сказал внутренний голос, дрожащий и прерывающийся. Нечего геройствовать. Не тот случай. Может, и не заметят тебя. Как же, не заметят, возразила она сама себе. Я ж по песку шла. Она закрыла глаза, постаралась успокоить дыхание…

Красивые места, отметил Геран про себя. Надо будет при случае вернуться сюда, побродить по здешним лесам. Он спрыгнул наземь и пошел вдоль берега озера, ведя коня в поводу. То, что девушка совсем недавно проходила где-то здесь, не вызывало у него ни малейших сомнений. Эльф чувствовал ее присутствие. Знаком показав своим спутникам осмотреть высокий берег, Геран стал спускаться к воде. Бело–рыжий песок, сухо шелестящая осока, зеленоватая вода… сосны, растущие на берегу, корнями впивающиеся в песок. У одной корни просто огромные, настоящие ворота…

-Только не визжи… – Гарм лежит, опираясь на локоть, на листе лотоса, плавающего по черно–зеркальной воде. В стенных нишах этого покоя (немногого из восстановленных им полностью) сидят каменные лягушки, у каждой в раскрытом рту – фосфоресцирующая радужная жемчужина величиной с голову человека; свет этих жемчужин отражается в воде рассыпанным ожерельем. Гарм смотрит прямо перед собой – не на свое отражение, а на сидящую на песке девушку, закрывшую глаза, прижимающую ладони к животу.

–Главное, ничего не бойся. – Несколько назидательно произносит бог. – Он тебя не увидит… тихо… тихо…

Геран подошел к корням, наклонился, заглядывая внутрь. Пещерка – полутемная, пыльная, пустая. Ничего. Эльф выпрямился, постоял с минуту, глядя по сторонам, потом зачем-то еще раз заглянул под сухие сосновые корни.

–Уходи… – Гарм прикасается пальцем к отражению эльфа, заставляя его расплываться, терять четкость очертаний. – Поищи еще где-нибудь, остроухий. Не здесь. Слышишь?

Гарм опускает руку в воду, разбивая всю картинку, разбрызгивая ее. Потом откидывается на спину, закладывает мокрые руки за голову и закрывает глаза.

Девушка так и не поняла, что произошло на самом деле. Она отчетливо видела, как эльф остановился напротив ее убежища. Видела его лицо, глаза, пристально оглядывающие стены, пол. Вот только по ней самой эти глаза скользнули, не отметив и не признав. Будто и нет ее вовсе. Геран дважды заглядывал в пещерку, но так ничего и не увидел. Вскоре он ушел. Ама-

риллис разлепила стиснутые губы, позволила себе дышать чуть глубже, протерла глаза. А потом, повинуясь наитию, зашептала, сама не зная кому:

–Спасибо… спасибо, спасибо… – шептала она, запинаясь, глотая слезы и так и отпуская рук с живота.

–Не за что, Амариллис, – не открывая глаз, улыбнулся Гарм.

Амариллис просидела в пещерке еще чуть более часа; заставила себя немного поесть, допила молоко. Наконец, набравшись решимости, вышла на берег озера. День только-только перевалил за половину, было тепло и безветренно. Амариллис умылась озерной водой, сполоснула флягу, наполнила ее; постояла немного, прислушиваясь к себе. Потом поклонилась сохранившему ее убежищу и направилась в лес. Тропа, выбранная ею, вела на юг.

На счастье Амариллис, здешние леса были легкими и нестрашными; сосны, иногда березовые перелески, под ногой – мох или невысокая трава. Но и спрятаться в таких кружевах было негде. Она шла не торопясь, но и не задерживаясь, разрешив себе первый отдых не ранее, чем через час после того, как лесное озеро скрылось из виду. Присела на сухом пригорке, вытянула ноги, попыталась успокоить невесть откуда взявшиеся мысли, скачущие в панике беспорядочно и бестолково. Пока она шла, думать было некогда, но стоило только остановиться, присесть и вздохнуть свободно, а не в такт шагам… Куда? Как? К кому? Рой вопросов и страхов окружил ее голову. Единственное, что она могла сделать – зажмуриться и заговорить с ними. Куда? Да уж куда-нибудь да выйду. Как? Ногами, как же еще. К кому? К людям…

Отдохнув, девушка поднялась и отправилась дальше. Старалась, чтобы солнце было справа, чтобы встреченные муравейники обращали к ней крутые склоны, старалась не кружить и не сходить с тропинки, еле заметной, почти что придуманной. Несколько раз останавливалась, чтобы поесть черники. Первым серьезным препятствием стала для нее обширная просека; Амариллис было страшно выходить на открытое пространство, где не увидеть ее мог бы только слепой. А перебежать от одной опушки к другой, через бесчисленные пеньки, кусты болиголова, оставленные срубленные деревца было невозможно. Она переходила вырубку долго, запинаясь, спотыкаясь, больно ударилась лодыжкой о сучок.

Шагая по траве, приостанавливаясь, чтобы передохнуть, обрывая с кустиков ягоды брусники, похожие на крупные розовые бусины, Амариллис старалась не думать о том, что дни в августе уже не такие долгие и хочет она того, или нет – а придется ей провести ночь в лесу. И, скорее всего, не одну. Сначала она подумала, что для того, чтобы не было так страшно, лучше ей не останавливаться, а идти – сколько хватит сил. Но потом, поразмыслив, девушка решила, что если и есть лучший способ безнадежно заблудиться, так это идти вовсе с завязанными глазами. Ближе к вечеру шаги ее заметно

отяжелели, замедлились; все чаще она выгибала назад ноющую спину. Наконец, выйдя на невысокое всхолмье, поросшее можжевельником, она отважилась остановиться с тем, чтобы здесь и переночевать.

Амариллис постояла, несколько растерянно оглядываясь. На ее счастье, не было ни ветра, ни, паче того, дождя. Но у нее с собой ничего не было – ни ножа, ни кремня – только котомка с остатками хлеба. Хорошо, хоть плащ теплый накинула, благо утро было прохладным. Поскольку выбирать особо не приходилось, она села меж двух кустов можжевельника, росших рядом, прислонившись спиной к одному из них. Попила воды, доела хлеб. И вскоре поняла, как же она устала. Ныла спина, жаловались ноги – словом, тело, готовящееся к не самому легкому из испытаний, явно выражало свое недовольство. В лесу темнело, подавали голоса ночные птицы; Амариллис было пожалела о том, что не может развести огонь, который и согрел бы, и защитил, но тут же подумала, что не стоит лишний раз обозначать свое присутствие – мало ли чьи ясные глаза могут увидеть его.

Амариллис легла, постаравшись укутаться плащом, положив под голову котомку, свернутую валиком. И почти мгновенно заснула. Первый усталый сон взял ее легко, без усилий и предупреждений, но, к сожалению, оказался недолог. Девушка проснулась от холода – выпрямившись во сне, она выпростала из-под плаща ноги, вытянула руки… Открыв глаза, она увидела темноту, едва разбавленную контурами травинок и можжевеловых веточек; привстала, растерянно огляделась, протирая глаза. Напугавшая поначалу тишина успокоила ее, будто по голове погладила. Амариллис села, укрыла плащом колени, накинула на голову капюшон и попыталась унять дрожь. Поначалу она хотела встать и походить немного, чтобы согреться (ну хоть вокруг можжевельника хороводом), но как-то скоро отказалась от этой идеи. Ей подумалось, что вставая и расхаживая, она только растеряет тепло. Поэтому она постаралась получше подоткнуть плащ, расслабить плечи и спину и не думать о теплых одеялах, каминах и прочих излишествах. Амариллис глядела прямо перед собой, прислушивалась – вот зашуршало что-то в траве где-то слева, вот подала голос ночная птица, ветер провел пальцами по уснувшим головам деревьев… Ничего страшного. Но Амариллис знала, что дрожит не только от холода, не такого уж сильного. Она вспоминала все рассказы Сыча о том, что только городские дурочки боятся ночного леса, что его мама вешала люльку на ветку на всю ночь, и ничего, никто им, Сычонком, не поужинал, что в лесной тишине и темноте спать не в пример спокойнее, чем в городской суете. Она уговаривала себя, успокаивала, даже гладила ладонями по плечам и щекам. Примерно через час таких уговоров девушка снова уснула, свернувшись под плащом. Проснулась она уже утром – пригорок оказался солнечным, так что она вполне согрелась. Полежала совсем немного, готовясь к долгому пути, настраивая себя на работу и терпение, встала, сняла плащ – было уже тепло – и пошла. Стараясь, чтобы солнце было слева, муравейники отворачивались крутыми склонами, и едва заметная, почти придуманная

тропка не терялась. Она сошла с нее, только заслышав шелест ручья – напиться, умыться и наполнить флягу водой.

Амариллис измеряла сосновые леса Одайна своими шагами, останавливаясь, чтобы отдохнуть немного или поесть. В августе в лесу только слепой умрет с голоду. Девушке попадались полянки, поросшие кустиками черники, от которой чернели кончики пальцев, и на языке набивалась оскомина, заросли шиповника, чьи твердые, невкусные ягоды она насобирала про запас. Однажды тропка вывела ее к заброшенному хутору, от которого остались только холмик на месте дома и одичавший сад, заросший кустарником. Там Амариллис нашла облепиху – маслянистые, желтые ягоды оказались на удивление сытными, а вот яблоки совсем выродились, в горькие, румяные дички. На третий день пути, основательно проголодавшись к полудню, девушка отважилась отведать сырых грибов, благо что нашлась полянка, давшая приют семейству крепконогих боровиков. И хотя ей почти всегда хотелось есть, а от ягод порой тошнило, силы у нее были – и для себя, и для того, кто согревал ее, ободрял, радовал, отзываясь нетерпеливыми движениями на ее слова и ласковые поглаживания.

На пятый день пути Амариллис попала в ловушку. Она обходила поваленное дерево и успела расслышать тонкий свист… и тут же на ее ногу обрушилось бревно. Коротко вскрикнув, девушка упала. На ее хоть какую-то удачу ловушка оказалась рассчитанной на некрупного зверя и бревно, хоть и пребольно ударило, все же не переломило ногу. Плача от боли и испуга, Амариллис вытащила ногу из-под бревна, отползла подальше и осмотрела лодыжку.

–Опухнет скоро… идти не сможешь. – Голос, низкий, похожий на ворчание, доносился откуда-то снизу. Амариллис вздрогнула, оглянулась… Поодаль, опираясь на копье, стоял человечек – ростом с кошку, вставшую на задние лапы, с волосами, стоящими дыбом, будто иглы, с личиком, похожим на шишку – темным и рябым, но вполне дружелюбным. Глаза смотрели сочувственно и серьезно.

–Придется… – Растерянно ответила Амариллис. – Я должна… А вы кто?

–Я-то? – Человечек улыбнулся. – Я Моховик буду. А ты?

–Я Амариллис. – Девушка стерла с лица слезы, попыталась приподняться и с коротким стоном опустилась наземь.

–Я ж говорю – не сможешь.

–Ничего, как-нибудь. Вот посох возьму, полегче будет.

С посохом Амариллис, действительно, смогла встать и даже сделать несколько шагов. Но каждый из них давался ей с трудом и болью.

–Далеко ты так не уйдешь. Говорил я Ежовичу, не ставь ты тут ловушку. Куда ты так торопишься, цветочек?

–Я? Не знаю… – У Амариллис опустились руки. – Не знаю.

–Из дому, что ль, сбежала?

–Выгнали… – С трудом улыбнувшись, ответила Амариллис. – Теперь вот ищу, куда спрятаться.

–От кого? – назвавшийся Моховиком недоумевал все сильнее. Он, в отличии от Амариллис, знал, что люди поблизости не живут, что у них, у людей, как-то не принято, чтобы беременные женщины расхаживали по лесу без сопровождения, да еще так далеко… Откуда взялась эта девушка? Кто может преследовать ее, и без того беззащитную и беспомощную?

–От эльфов. – Вырвалось у Амариллис. Она вновь опустилась на траву. Она так устала от одиночества, неизвестности, страха, что не смогла удержаться и открылась первому же встреченному в лесу живому существу.

–С каких пор остроухие охотятся на кратко живущих? – Моховик даже рот разинул. – Может, ты, цветочек, путаешь чего? И не их это леса вовсе…

Амариллис не выдержала и расплакалась. И дело было даже не в том, что нога болела все сильнее, и давал знать о себе голод; просто наконец-то перед ней был кто-то нестрашный, понятный… и можно было высказать свои страхи, разжать кулаки…

–Ну что ты, – Моховик подошел поближе, погладил девушку по плечу. – Пойдем…

Узнать, куда позвал ее Моховик, Амариллис не успела. Через поваленное бревно перепрыгнул человечек, очень похожий на Моховика.

–Отец! Вот вы где! А там, у нас-то, что делается! Эльфы – это в наших-то лесах! С десяток остроухих, все верхом, да не Вольные, а… – тут он заметил сидящую за Моховиком девушку, осекся и замолчал, вытаращив на нее глаза.

–Эльфы, говоришь… – Моховик бросил на Амариллис быстрый взгляд. – А зачем припожаловали?

–Так это… – сын Моховика растерянно переводил взгляд с отца на девушку, – Это… Сказывают, девица одна, из человечьих детей, кого-то из лордов обворовала, фамильную рельки… рекли… релихвию украла… Так они ее ищут, мол, вещица та уж очень опасна. А девица, мол, далеко уйти не могла, ибо на сносях…

Тут сын Моховика замолчал, более чем красноречиво разглядывая живот Амариллис. Она инстинктивно прикрылась ладонями, мысленно прикидывая, что будет, если она треснет одного лесовичка палкой, другого оттолкнет, и попытается удрать… ну хоть попытается…

–На сносях, сказывали. От кого твое дитя? Уж не от эльфа ли? – Моховик строго глянул в глаза Амариллис.

– Да. – Девушка не отвела взгляда. – Да, от остроухого, светлоглазого, благородного эльфьего лорда.

–М–да… Что ж, получается, ты их действительно обворовала. Ну, наши-то обычаи с ихними не сходятся… ишь, чего удумали – дите у матери отнимать, изверги патлатые! – Моховик сердито топнул ногой. – Вот что, парень. Давай-ка топай домой да предупреди наших, чтоб поостереглись с остроухими болтать. Скажешь, что ничего похожего на девицу на сносях не видели, разве только вот охотник пять лун назад проходил, да и тот в болоте

увяз. Матери скажешь, что я к старому дому пошел, что у грибных полей. Боле – никому ни слова. Ясно, что ли? Тогда дуй!

Повторять Моховику не пришлось. Его сын кивнул и опрометью бросился бежать обратно. Сам лесовичок повернулся к Амариллис:

–Так-то. Вставай, цветочек. Если не ошибаюсь, тебе не впервой от судьбы удирать. Отведу тебя к нашему старому дому, на ваш-то глаз он не больше, чем холмик, мхом поросший, там и спрячешься. Как остроухие уедут – помогу из лесу выйти, там, глядишь, и до своих доберешься. Ну… пошли, что ли?

И он зашагал, оглядываясь, успевает ли за ним хромающая девушка. Она старалась изо всех сил не отставать и не шуметь. Они успели пройти не больше двух сотен шагов, как вдруг Моховик остановился, прислушался… и Амариллис не успела опомниться, как он шагнул вперед, будто загораживая ее собой, рывком распустил завязки маленького мешочка, висевшего у пояса, выхватил пригоршню какого-то порошка и швырнул его в воздух. Через мгновение из-за деревьев неслышно вышли эльфы.

Моховик приложил пальцы к губам, взглядом умоляя Амариллис молчать. Она съежилась, как под ледяным дождем, но проглотила тонкий, рвущийся из горла крик.

–Странные здесь места… – Эльф, опустившись на колено, пристально разглядывал землю. – Не пойму… Геран, если это и следы, то не те, что мы ищем. Мы уже проходили здесь или нет?

–Лесовички чудят. – Геран усмехнулся. – Конечно, проходили. За дичком – тут он указал прямо на замершую Амариллис, – спуск в овраг, за ним молодой лесок. Не поиски, хоровод какой-то. Вернемся к болоту.

Когда эльфы так же неслышно скрылись, Моховик, знаком приказав Амариллис стоять, побежал вслед за ними. Вернувшись минут через десять, махнул рукой – пошли, мол. Девушка не стала его расспрашивать, понимая, что сейчас не время для расспросов и разговоров. Она поспешила вслед за лесовичком. Он шагал быстро, то обходя поваленные стволы, поросшие мхом и поганками, то ныряя под лапы вековых елей, то перепрыгивая ниточки ручеков; несколько раз он позволял девушке отдышаться, попить воды, – и снова вел за собой. К вечеру они вышли на небольшую поляну, на которой возвышался моховой холм – высотой не более самой Амариллис, зеленый, украшенный бусинами брусники. Подойдя поближе, Моховик притопнул ногой, как-то затейливо подпрыгнул, стукнув в воздухе пяткой о пятку, – и в ответ в глубине холма что-то зашумело, глухо стукнуло, и прямо перед ними в земле открылся ход.

–Спускайся. Понимаю, нелегко тебе под землю лезть. Но по-другому никак. Давай, я первый полезу.

Амариллис пришлось присесть на корточки, потом и вовсе встать на четвереньки и ползти вслед за лесовичком вглубь холма. К счастью, лаз оказался недлинным, и вскоре она смогла выпрямиться – хотя и стоя на коленях. При свете собранных в корзиночки светляков она увидела залу, из которой вели не-

сколько коридоров; как Амариллис поняла, это было что-то вроде передней. Из крайнего левого коридора вышел лесовичок, волосы его, не в пример Моховику, завивались тугими кудрями, а основным цветом одежды был бурый.

–Доброго здоровья, Вьюн, – приветствовал хозяина Моховик.

–Благодарствую, братец… Приключилось что? – и Вьюн удивленно глянул на Амариллис, старающуюся усесться поудобнее, не повредив при этом обстановки.

–А то как же. Вот что, Вьюн. Мне сейчас недосуг все как есть рассказывать, домой заглянуть надо. Ты девицу приюти, накорми, напои, да устрой ей постель здесь потеплее. Притомилась она совсем. Да, и ногу она ударила. Я утром вернусь. Тогда и решим, что к чему.

Вьюн согласно кивнул головой. Амариллис умоляюще посмотрела на Моховика, но он ободряюще потрепал ее по плечу (как раз дотянулся) и исчез в лазе.

–Ну, что ж… – кашлянув, сказал Вьюн. – Сначала еда. Посмотрим, что я найду в кладовке…

Через несколько минут Амариллис за обе щеки уплетала принесенный хозяином старого дома ужин: ореховые лепешки, мед, копченое мясо, нашпигованное ягодами можжевельника, горячий травяной чай. Не беда, что и чашечки, и тарелки лесовичков были малы для девушки, – хозяин не ленился и не жадничал, знай подкладывал и подливал. Единственное, от чего Амариллис отказалась, сморщив нос, – так это от плошки с черникой. Пока наевшаяся девушка отдыхала, Вьюн натаскал из комнат перинок, одеял, плетеных камышовых циновок и устроил для нее вполне сносную, хотя и маленькую постель. Поблагодарив, девушка улеглась, накинула на плечи плащ и даже не успела пожелать Вьюну доброй ночи – сон подкрался на мягких кошачьих лапах, дунул ей в затылок, и она уснула, крепко и спокойно. Она даже не почувствовала, как Вьюн растирает ее опухшую ногу мазью, пахнущей болотными травами, и туго перебинтовывает полосками простыни.

На следующее утро Амариллис разбудил хозяин холма, и, прежде чем накормить завтраком, помог выбраться наружу, указал тропку к ручью и подал чистое полотенце и мыльный корень. Девушка, мысленно представив себе свое лицо – после ползания под землей, слез, долгой дороги, – охнула и поспешила умываться. Пока она отмывалась, Вьюн перенес завтрак из холма на его вершину, и вскоре они уже пили чай, наслаждаясь теплым утром. Тут их и застал вернувшийся Моховик.

–Доброго утра. Не боитесь так открыто рассиживаться? Ладно, ладно, не пугайся… если Вьюн из холма вылез, значит поблизости никого нету. Налейте чаю, что ли… – и Моховик сел рядом с Амариллис. – Как твоя нога?

–Спасибо, намного лучше… – девушка улыбнулась Вьюну. – А как у вас дома? Все ли благополучно?..

–Боишься? Как бы нам твое спасение не аукнулось? – Моховик отхлебнул чай, поставил чашку на колено. – Ничего, цветочек, не тревожься.

Ночью остроухие уехали, назад к северу повернули, и я так понял, они тебя живой уже не ищут.

–Если бы не вы… – голос Амариллис дрогнул.

–Ну–ну, погоди благодарить-то. Вот доберешься до своих, там видно будет.

–Я хотела спросить, – природное любопытство девушки взяло верх. – А что это было вчера? Я Герана как вот эту сосенку видела, а он меня за дичок принял.

–Это пишог. – Гордо ответил Моховик. – Он же заклятая дерновина. Есть еще названия, но они не для женских ушей. Удобная штука, цветочек. Ты своего недруга видишь, а он ну совсем не соображает, где находится. А что видит – все не то. Остроухие еще добрый час плутали, пока их отпустило.

И он довольно ухмыльнулся.

–Почему вы мне помогаете? – Амариллис вытянула ногу, помогая Вьюну снимать повязку. – А что это за мазь такая? Никогда прежде не видела такой…

–Помогаем почему? Да потому что только изверг или живодер какой такую, как ты, травить будет. Нам эльфы с их спесью не указ, и князь тоже. Мы от века сами по себе. – Вьюн одобрительно покачал головой – опухоль на лодыжке почти спала, и Амариллис могла пошевелить ногой, почти не морщась. – А мазь такую еще моя прабабка делала, от нее и научился. На болотных травах делаю, за основу гусиный жир беру. Однако поразительно быстро ты поправляешься…

–Мои ноги тоже сами по себе. – Усмехнулась Амариллис. – Я танцовщица. Благодарствую за все, только я ж ведь вас объем… обычно-то я ем немного, но сейчас… – И она виновато развела руками.

–Ничего, как-нибудь справимся. Тебе раньше, чем через три дня, идти нельзя. Не пущу. Срок-то когда?

–Меньше месяца осталось. А может, и скорее.

–Так это не первый? – Удивился Вьюн.

–Не первый. – И Амариллис закрыла глаза.

Лесовички не стали расспрашивать ее дальше; Вьюн растер ногу девушки мазью, снова туго перевязал и велел оставаться у холма. По правде сказать, она и сама не помышляла о прогулках – и без того устала; вскоре после перевязки Амариллис спала на пригретом солнцем холме.

Три дня, назначенные Вьюном, пролетели как одна минута; этого ему показалось мало, и он потребовал еще и четвертого. Утром пятого дня к моховому холму пришли Моховик с сыном.

–Вдвоем сподручнее. – Пояснил лесовичок. – Это вот Багульник, мой старший. Вьюн, моя хозяйка тебе велела к ней поспешать, мы твои запасы все подчистую заберем.

–Ага… Сам сбегаешь, а меня к ней снова под начало. – И Вьюн пояснил – Его жена мне сестрой старшей приходится. Ладно уж, к вечеру соберусь. Ну что, пошли, что ли, мои кладовые опустошать.

Вскоре трое путников покинули полянку с моховым холмом; Амариллис сердечно распрощалась с Вьюном, с которым успела подружиться и для которого припомнила не один рецепт из тех, что сама узнала от Веноны. Они двигались на юг – так что Амариллис не изменила той, почти придуманной тропке; шли, не торопясь и не медля. Ночевали в легких шалашиках, в корнях деревьев, вставали засветло, останавливались затемно. Разводили маленькие, почти бездымные костерки, чтобы заварить в котелке пучки собранных по дороге трав, запечь на углях тушку подстреленного Багульником рябчика или съедобные корни.

Через пять ночей, в самом начале шестого дня Амариллис заметила, что почти придуманная тропка исчезла – и лес закончился. Это была не вырубка, не просека – опушка, за которой в утренней дымке проглядывались редкие перелески, разделявшие поля, плавные линии холмов.

–Ну вот, дальше ты сама. – Моховик переступил с ноги на ногу. Было заметно, что лесовички чувствуют себя неуютно. – Большие леса закончились. Там – редколесье, а значит, – люди. Поспешай, тебе нельзя одной оставаться. Удачи тебе, цветочек…

–Не знаю, как и отблагодарить вас. – Амариллис развела руками. Ничего ценного у нее не было, разве что только подвеска черного золота, изображающая танцовщицу Нимы, но это украшение слишком много значило для нее и отдать его она не могла.

–Как отблагодарить-то? – Моховик усмехнулся, отступая вглубь леса. – Выживи. Просто и только – выживи.

И лесовички бесшумно исчезли. Амариллис еще с минуту постояла у опушки, вглядываясь в тень деревьев; казалось, что все произошедшее только почудилось ей, – уж очень неправдоподобно добрыми и бескорыстными были ее проводники… как в старой сказке. Но лежавшие в котомке маленькие лепешки, баночка с мазью и мешочек с порошком («Мало ли что, вдруг и пишог сгодится») подтверждали реальность случившегося. Помедлив еще немного, девушка поклонилась и повернула в сторону холмов.

По открытым местам идти оказалось труднее; Амариллис старалась прятаться от солнца в тени перелесков, но иногда ей приходилось переходить заросшие высокой травой луга. Ноги вязли в траве, голова кружилась от жары и запаха цветов, живот ощутимо потяжелел и как-то опустился. Дышать после этого стало легче, но Амариллис поневоле заспешила – ребенок давал ей знать, что вскоре запросится на свет. Поэтому она не прекратила идти даже после захода солнца. Вскоре после того, как стемнело, она прошла негустой сосновый борок, вышла на дорогу. Места казались ей смутно знакомыми, будто виденными не то в далеком детстве, не то во сне. Теряя последние силы, она дошла до каких-то зарослей и опустилась наземь. И тут поясницу ее опоясала резкая боль, будто сомкнулись стальные челюсти капкана. Амариллис охнула – она не ожидала, что роды начнутся вот так сразу, без предупреждений в виде нудных, тянущих судорог.

Девушка расстелила плащ, оторвала от платья изрядный кусок, укоротив его до колен, – чтобы было во что завернуть младенца. Она подняла голову – небо, прежде такое ясное, усыпанное крупной солью августовских звезд, померкло, его заволокло тучами; на лицо Амариллис упала первая капля теплого дождя. Луна, не спрятавшаяся за пологом туч, выглядывала половинкой бледно-золотого лица. Ну, а поскольку Амариллис не успела привыкнуть к страданию и смириться с его неизбежностью, следующая же волна боли заставила ее закричать.

–Господин!.. Господин!.. – слуга, заглянувший в комнату, был встревожен, почти напуган.

–Ну что там такое стряслось? – ответил ему резкий, недовольный голос.

–Господин, простите, но оборотень-то снова объявился! Да где, чуть ли не у ворот! Где-то в саду воет да кричит, сторож перепугался, за подмогой прибежал. Что делать-то будем, господин, а?

–Ох ты… – выругался старик, сидевший в кресле у камина. – Оборотень… Воет… Олухи вы все, как я погляжу. Какой оборотень на убывающей луне, голова твоя садовая?! Небось из Озерков кто забрел да с перепою песни голосит. Ну пошли, пошли… зови слуг, глянем, что там за страшилище.

Как сквозь сон Амариллис видела рыжий, рваный свет, плавающие в тумане пятна. «Факелы…», догадалась она, «откуда?..» Кто-то осторожно приподнял ее голову, поворачивая лицо к свету.

–Неужели ты?! – голос, дрогнувший, пресекшийся, не был незнакомым. Амариллис отвела с глаз пряди мокрых волос, прищурилась, всматриваясь в говорившего.

…Ничуть не изменился. Разве только больше стало соли, чем перца, в волосах. А так – все тот же клевачий петух, ядовитый стручок. В чью честь Амариллис назвала своего первого сына – Арчеш Мираваль. Но не успела ничего сказать, задохнувшись от боли. Она едва осознавала, что ее поднимают, несут куда-то, потом почему-то прекратился дождь, и стало теплее. Все это было неважно, Амариллис поняла, что наконец-то может не думать о том, что будет делать потом, когда все это закончится. У нее и без того было чем заняться в последний день лета…

Глава седьмая. Должник Арчеша Мираваля

Как это хорошо и правильно – выспаться, как следует выспаться после трудов, утомивших и отнявших все силы. Как сладко вытянуться на чистых, прохладных простынях, опустить голову на пахнущую мелиссой подушку, смежить веки и улыбнуться первому сну. Как же это приятно – засыпать в безопасности, с осознанием выполненного долга, зная, что рядом тот, кто защитит и не выдаст.

Амариллис проспала, казалось, целую вечность. А когда проснулась – было позднее утро, заглядывавшее в окно теплым ветром и ароматами поздних цветов. Она открыла глаза, осмотрелась – светлая, просторная комната, стены, обшитые деревянными резными панелями, простая мебель. Рядом с кроватью девушка увидела колыбель, возле которой сидел ее давний знакомый. Заметив ее пробуждение, старик радостно заулыбался, приподнялся, подавшись поближе к своей любимице.

–Проснулась? Вот и славно. Хвала богам, Амариллис, что дорога привела тебя к моему дому. Кто знает, что случилось бы… – тут он оборвал себя. – Это судьба, цветочек. Второго сына рожаешь в Серебряных Ключах. Благословенны будь они до скончания веков!.. – с этими словами он наклонился над колыбелью, взял спеленутого младенца и подал его приподнявшейся Амариллис. Он смотрел, как она берет на руки маленькое, теплое тельце, смотрит на него – изумленно, распахнув глаза, словно не веря им, как осторожно прижимает к груди своего сына, едва осмеливаясь прикоснуться губами к его умилительному и серьезному личику… Смотрел, незаметно смахивая слезы. Когда Арчеш нашел Амариллис ночью, под дождем у живой изгороди своего сада, поначалу он своим глазам не поверил. То, что девушка была жива, он знал – уж очень догадлив был. Но что она вот так, из ниоткуда появится в его поместье… Арчеш думал, что она где-то под надежной защитой своего эльфийского лорда и вряд ли когда захочет вспомнить, паче того, посетить эти места. Слишком ей солоно здесь пришлось.

Но в который раз эта темнокровка доказала ему, что в мире всегда есть, чему удивиться. Придя в себя от изумления, старик приказал отнести девушку в дом, поднял с постели Клеми, сначала напугав ее до полусмерти, а потом несказанно обрадовав. К радости Арчеша, помогать экономке вызвалась Морелла. Жена Риго жила в Серебряных Ключах безвыездно, не отходя от своего сына; впрочем, своим она считала его лишь по праву воспитания.

–Чей это ребенок? Кто его мать? – это были первые вопросы, которые Морелла задала Арчешу, когда их оставили в покое растить малыша вдали от Эригона. Арчеш, подумав и заглянув в глаза женщине, рассказал ей… почти все. Как он и думал, меньше любить мальчика Морелла не стала; она приня-

ла ребенка как драгоценный подарок, данный на время. Арчеш–младший рос очень похожим на отца, Риго Ворона: черные огромные глазищи, крупный нос, и уже к концу второго года – длинные черные волосы. От матери ему достались, главным образом, порывистая грация движений – малыш рано начал ходить, а бегал чуть ли не танцуя, – и характер: легкий, озорной, ласковый.

Амариллис смотрела на своего сына. А он, немедленно после того, как его вынули из колыбели, проснувшийся, смотрел на нее. Две пары глаз – серые и светло-синие – рассматривали друг друга. Острые маленькие ушки. Смешной носик. И – Амариллис поневоле ахнула и засмеялась – пара уже прорезавшихся острых клычков, значительно более выдающихся, чем у нее самой. Пух светло-пепельных волос под ее ладонью. А он видел плещущееся в серых глазах счастье, ощущал тепло ласковых, осторожных рук, и запах молока – дразнящий, щекочущий ноздри, сладкий… Вдохнув его несколько раз, младенец подумал и заревел.

–Уже и проголодался… – Амариллис повернула голову и увидела входящую в ее комнату Клеми. Экономка подошла к кровати, улыбаясь довольно кивая головой. – Господин Арчеш, извольте нас покинуть.

Арчеш засуетился, встал и удалился, прикрыв за собой двери. Подумав, он направился в сад – там, под присмотром Мореллы, играл его правнук.

–Она проснулась? – Морелла повернулась к подходящему старику.

–Да. С ними все хорошо. Как ты думаешь, стоит ли ей говорить?..

–О том, что ее первый сын жив и здоров? И что он бегает бок о бок с ней? Разве можно умолчать о таком…

–Не боишься? – Арчеш покачал головой.

–Чего мне бояться? – Морелла улыбнулась. – Господин мой, наш линьяж в таком долгу перед этой женщиной, что добавить к нему еще хоть малость невозможно. Я могу сама сказать ей… и поблагодарить.

–Ну–ну… ты ее не знаешь. Да и я, признаться, не знаю, что она сделает в ответ. Может, захочет забрать Арчеша.

Их разговор прервался – в сад спешила экономка, изумленная и испуганная.

–Да что ж это делается! – Причитала она на ходу, – Где ж такое видано! Господин Арчеш, хоть вы-то ее уймите!

–Что случилось? – Арчеш невольно схватился за сердце.

–Она встала – это через пять-то часов после родов! – сама еле ходит, приказала собрать вещи, хоть какие, и еду в дорогу. Какая дорога?!.. – экономка умолкла, с трудом переводя дыхание.

–Пойдемте, господин мой. – Морелла кивнула экономке. – Присмотри за мальчиком.

Когда они вошли в комнату Амариллис, девушка действительно уже оделась.

–Амариллис. – Арчеш испуганно глядел на девушку. – Ты что это? Куда собралась? Ты в себе ли?

–Господин Арчеш, – Амариллис подошла к кровати, схватилась за спинку – стоять ей было еще трудно, подкашивались колени. – Я должна покинуть ваш дом. Немедленно.

–Да куда ты пойдешь такая?

–Неважно. Лишь бы подальше от вас. Слишком опасно держать меня в доме… – девушка скривилась, как от боли.

–Амариллис, вам нельзя уходить вот так сразу. Надо отдохнуть, набраться сил. Не ради себя… – Морелла подошла к девушке и помогла ей лечь на кровать, присела рядом.

–Кто вы? – Амариллис бросила вопросительный взгляд на Арчеша.

–Я Морелла Мираваль. Жена Риго.

–Ах вот что… И вас сюда сослали.

–Амариллис, объясни, что такое случилось, что ты мечешься как птица в сетке? Если тебе нужна защита, так сразу и скажи – от кого, какая… я ведь не последний нищий! – Арчеш даже ногой топнул.

–Знаю. Только я уже видела смерть приютивших меня, давших защиту… Больше не хочу. Чем быстрее вы от меня избавитесь, тем лучше. Я хуже чумы… – и Амариллис беззвучно, кусая губы, заплакала.

–Рассказывай. – Приказал Арчеш таким тоном, что возразить ему не представлялось возможным. – Он придвинул к кровати деревянное кресло с низкой спинкой, основательно, глубоко уселся и уставился на девушку с вызовом. Амариллис, понимая, что без объяснений ее не выпустят не то что из дома, но даже и из комнаты, постаралась успокоиться и рассказать обо всем. Стоило ей начать рассказ, ребенок, уже несколько раз беспокойно ворочавшийся в колыбели, проснулся и заплакал, словно понял, каково его матери вспоминать и заново переживать случившееся. Морелла осторожно вынула его, подала Амариллис… та прижала легкий теплый сверток к груди, принялась укачивать, продолжая тихо говорить.

Ее выслушали в полном молчании. Закончив, Амариллис без сил опустилась на подушки, все так же крепко прижимая к себе новорожденного сына.

–Тебе нельзя волноваться. – Как-то машинально сказал Арчеш. Он сцепил пальцы замком, опустил на них подбородок и задумался. Морелла встала, принесла девушке воды, дала платок – вытереть слезы.

–Ты права. Здесь тебе оставаться нельзя, слишком близко к эльфам. Могут найти.

–Ей необходим отдых… – Попыталась возразить Морелла.

–Да погоди!.. – Отмахнулся от нее старик. – Так. А как же ребенок?

–Что?! – Переспросила Амариллис. – Что значит как? Со мной. Уж вам ли не знать.

–Понимаю. Получается, ты без сил, кровишь и еле ходишь. Да еще младенец. Славно. Куда ни кинь – всюду клин. – Старик встал, прошелся по комнате. – Ну, вот что. Я тебе помогу.

Как – это моя забота. А ты отдыхай.

Оставив Амариллис на попечение Мореллы, Арчеш прошел в свою комнату, достал из стенной ниши небольшую шкатулку, сел на прикроватный сундук, положил ее себе на колени. Поразмыслив немного, достал из-за ворота ключ на цепочке, открыл шкатулку и достал из нее серьгу странной треугольной формы, ртутно-серебряную, и очень холодную на вид. Старик взял серьгу двумя пальцами, поднес ее поближе к глазам. Эта вещица ждала своей очереди почти шестьдесят лет – именно столько пролежала она в шкатулке, надежно спрятанная, но не забытая. Она попала в руки Арчеша Мираваля в те уже давние времена, когда он только начинал привыкать к мантии городского судьи. Его предшественник, он же и тесть по стечению обстоятельств, как мог, ввел Арчеша в его новую должность. Но он был уже слишком стар, чтобы вникать во все дела, и во многом полагался на своих помощников, далеко не всегда добросовестных; старый судья умер спустя год после того, как Арчеш занял его место. Для молодого Мираваля начались нелегкие времена: собственного авторитета у него пока что не было, судейские крючкотворы вовсю пользовались его неопытностью и позволяли себе то давать оскорбительные советы, то говорить в таком снисходительном тоне, что городской судья с трудом удерживался от желания самому нарушить закон и как следует вздуть какого-нибудь господина в парадной мантии.

Это дело поначалу не вызвало ни малейшего интереса у эригонского судьи – обычная кража, каковых в торговом городе случалось несколько десятков на дню. Однако когда он внимательнее прочитал поданные на рассмотрение бумаги, то решил, что этим делом займется лично.

Был ограблен склад семьи Тьеполо – один из складов Мизинца, тех, что малы, но охраняются так, что и мышь не проскочит. Семейство Тьеполо исстари занималось экспортом пряностей и дорогостоящих снадобий, вроде эликсиров молодости или противоядий. Последнее время в Эригоне поговаривали, что дела у Тьеполо идут нее так хорошо, как прежде… что из двух сыновей младший все время проводит в игорных притонах, а старшего так и вовсе обвиняли в пристрастии к шаммахитским курениям – тем, после которых человек поначалу испытывал неземные наслаждения, а потом готов был продать самого себя, лишь бы вновь вдохнуть острый, дурманящий дым. Денег на такие развлечения, понятно, надо было немало. Сам Тьеполо, уже порядком уставший и потерявший всякую надежду увидеть свое дело в надежных руках, бился из последних сил, пытаясь сохранить хоть что-то от прежнего благополучия и достатка.

Вором оказался совсем молодой еще человек, светловолосый и светлоглазый; на свое несчастье он не смог удержаться от соблазна испробовать

кое-что из содержимого сундуков Тьеполо, не рассчитал своих сил и потерял сознание прямо на месте преступления. Где и был найден приказчиками. Те, не теряя времени, быстренько сбегали за стражей, кое-как привели молодчика в чувство, чтобы препроводить в тюрьму. И все бы ничего, но вор, прежде чем впасть в забытье, столь характерное для любителей шаммахитского зелья, поначалу впал в исступление и разгромил весь склад. Пристав, явившийся вместе со стражей, попросту остолбенел от такого зрелища – пол был усеян вдребезги разбитыми склянками, остатками порошков и сушеных трав. Все имущество торгового дома Тьеполо было уничтожено.

Арчеш Мираваль поначалу посочувствовал старику – будто мало ему было несчастий. Однако и личность вора, и какие-то смутные обстоятельства всего произошедшего смущали его. К этому времени Арчеш успел познакомиться со всеми ворами Эригона, знал их короля и их законы; он понимал, что для того, чтобы пробраться на склад Мизинца, одной дерзости недостаточно, слишком хорошо эти места охранялись. И вряд ли одному воришке, да еще не из местных, чужаку, такое было бы под силу. А значит, у него либо были пособники (вероятнее всего, из приказчиков самого Тьеполо), либо он всего лишь разменная монета в новой воровской шайке, либо… И зачем было допускать этот бессмысленный погром? Ценности, хранившиеся на складе, с легкостью можно было и унести, и продать – какой прок разбрасывать их по полу?

Озадаченный этими несообразностями, Арчеш решил лично допросить вора. Парня притащили из общей камеры – все еще очумело хлопающего глазами, бледного, ничего не понимающего.

–Как тебя зовут?

В ответ судья получил лишь долгий ничего не выражающий взгляд.

–Откуда ты?

Ответ тот же.

–Кто тебе помогал?

К прежнему ответу добавилось бормотание, из которого можно было разобрать только несколько слов: «огонь», «сила» и какие-то невнятные ругательства. Одним словом, понятнее не стало.

Арчеш в сердцах стукнул кулаком по столу. Вот ведь олух несчастный. Ясно как день, что не он один виновен, а отдуваться придется в одиночку. И плети все ему достанутся, и на рудники без компании пойдет. Несправедливо как-то получается.

От своих людей судья узнал, что торговый дом Тьеполо все же избежит разорения и, пожалуй, даже выиграет на этом ограблении. Всего за неделю до этого все имущество было вновь застраховано на немалую сумму… узнав об этом, Арчеш призадумался. Вот уже год, как Тьеполо не мог себе позволить и выплачивать крупные страховые взносы, и содержать команду охранников. Но огульно обвинять в мошенничестве почтенное торговое семейство он не мог, а прямых доказательств у него не было. Проще было бы отправить

пришлого неудачника искупать неизвестно чью вину, махнув рукой на справедливость и прочие нежности. Но Арчеш не спешил выносить обвинительный приговор. Вместо этого он не поленился лично посетить разгромленный склад – к этому времени там уже все убрали, несколько нарушив распорядок следствия, а остатки выбросили. Взяв в сопровождающие приказчика с соседнего склада, судья принялся копаться в куче сора. К великому недоумению приказчика, в остатках не оказалось и следа дорогих снадобий, коими славился дом Тьеполо, одна горчица, лавровый лист и немного сушеных цветочков мать-и-мачехи. Услышав это, Арчеш хмыкнул и отправился к себе в ратушу.

Однако оправдать неизвестного неудачника и подвести под судебное расследование на предмет мошенничества почтенное купеческое семейство оказалось не так-то просто. Едва Арчеш подписал бумаги, к нему явилась целая делегация из высших судейских чинов и кое-кого из влиятельных торговцев. Молодого судью долго убеждали, что не стоит вот так огульно чернить репутацию дома Тьеполо, ибо это может отрицательно сказаться на репутации всего Эригона. И всем будет лучше, если это дело закрыть, тихо и незаметно; виновный, конечно же, нужен, а попавшийся незнакомец просто идеально подходит для этой роли. Арчеш выслушал все доводы, что прошелестели ему на уши, покивал головой и, неожиданно для себя самого, наорал на делегацию в полный голос. И выгнал всех вон.

В тот же день Арчешу сообщили, что незнакомец совсем не в себе, впал в забытье и вот уже сутки не встает. Судья снизошел до того, чтобы зайти в общую камеру, мельком глянул на лежавшего в углу на куче прелой соломы юношу и вышел, брезгливо прижимая к лицу надушенный носовой платок. Спустя час больного перенесли в дом Миравалей. Спешно приглашенный доктор только головой покачал, предсказал юноше скорую кончину и удалился, пряча в карман положенную плату.

Однако предсказание доктора не сбылось. Пометавшись в жестокой горячке с неделю, юноша пошел на поправку; правда, перед этим у него открылось такое сильное носовое кровотечение, что о выздоровлении его мог подумать только сумасшедший. Однако, промочив своей странно пахнущей кровью чуть ли не простыню, он пришел в себя, попросил воды – не пить, а умыться, – и заснул, спокойно и беспечально. Проспал он чуть ли не полдня, а проснувшись, сразу засобирался восвояси. Пришедшему навестить его Арчешу юноша соизволил представиться:

–Меня зовут Гарм. – После чего, видимо, решив, что с формальностями и церемониями покончено, уселся на кровать и стал молча смотреть на судью, предоставив ему вести разговор.

–А меня Арчеш. – Мираваль, вместо того, чтобы возмутиться такой вопиющей наглостью, представился сам (даже голову наклонил), сел на стоящий у стены табурет и задал вопрос:

–Скажи, как ты попал в Эригон?

–Долгая история. Арчеш, почему ты защитил меня?

–Сам не знаю. – И судья пожал плечами. – Не скажу, что я такой уж праведник или правдолюбец. Но уж очень нагло эти купчики себя вести стали, им волю дай – так и новые законы пропишут. Откуда ты?

–Издалека. Знаешь, если бы не ты, так я, пожалуй, надолго мог бы опуститься… мог и не подняться вовсе.

Арчеш глянул на собеседника – молод, невозмутим, хорош собой, довольно высокомерен… наверное, очередной искатель приключений из какой-нибудь разорившейся дворянской семьи. Арчеш успел повидать таких, как Гарм; сам не так давно был таким же. И все же было в нем нечто неуловимо чуждое, будто он не был, а только притворялся человеком. От этого Арчеша то и дело охватывал озноб, и ему поневоле хотелось пригнуться, спрятаться от спокойного, немигающего взгляда серебристых глаз.

–Куда ты теперь?

–Домой. – Гарм потянулся, с удовольствием расправляя плечи. – Стыдно, конечно, после такого возвращаться, но, боюсь, в других местах меня не ждут.

–И как ты собираешься туда попасть? Я так разумею, дом твой далеко отсюда, иначе я бы с тобой уже не раз бражничал да за девками гонялся.

–Пожалуй, что так. – Гарм усмехнулся. – Я бы с тобой поладил, будь мы ровня.

–Или ты летать умеешь? – Арчеш пропустил мимо ушей последнее оскорбительное замечание, будто и не про него речь шла. Спросил и тут же подумал, что сморозил очевидную глупость… будто у солнца спросил, умеет ли оно греть.

–Здесь и сейчас не смогу. Провинился. – И Гарм развел руками. – Мне бы до южных земель добраться, а там как-нибудь сам.

Арчеш не знал, то ли возмутиться, то ли засмеяться – его собеседник ничего не просил, он просто говорил, что ему нужно – словно зная наперед, что отказа не будет.

–Место на корабле, идущем в Пойолу, тебя устроит?

–Буду признателен.

Так вот и получилось, что вечером того же дня Арчеш выпроводил нежданного гостя восвояси. Прощаясь, Гарм вынул из левого уха серьгу – странной изогнуто–треугольной формы, ртутно–серебряную – и протянул ее Арчешу.

–Возьми. Свою судьбу ты уже определил и моя помощь тебе вряд ли понадобится. Оно и к лучшему. Но может статься, ты захочешь помочь еще кому-то, вроде меня, а силы будут уже не те… или сам на рожон полезешь, мало ли что бывает. Если очень понадобится, позови меня.

Арчеш взял протянутую ему вещицу и ладонь его дрогнула – такой она оказалась нежданно тяжелой и холодной. Он встретил взгляд Гарма – и подумал, что попросит его о помощи только в самом крайнем случае. И то… может, предпочтет тихо-мирно умереть.

И вот, по прошествии стольких лет, этот крайний случай и приключился. Арчеш понимал, что сам он Амариллис помочь не сумеет; что он может? Снарядить ее в Эригон, дав охрану в виде деревенских увальней? Или спрятать где-нибудь на отдаленном хуторе, чтобы получить потом вести о его нежданном разорении и гибели всех обитателей? Девушке была нужна защита – мощная, непререкаемая, такая, чтобы заставила отступить даже эльфов. Защита и убежище. Арчеш крепко-накрепко сжал в кулаке серьгу и тихо, решительно попросил обещанной когда-то помощи.

Ждать почти не пришлось. Жарким южным ветром качнуло прикроватные занавеси, Арчешу почудился запах золотистого горячего песка, и невесть откуда в его комнату шагнул тот самый, некогда спасенный им юноша.

–Мир твоему дому, Арчеш.

Все тот же… и Арчеш этому совершенно не удивился. Есть даже в непрерывно меняющемся мире вещи и сущности неизменные, вечные – высокий, подтянутый, светлые волосы, забранные на затылке, серебристые глаза с остановившимися острыми точками зрачков, упрямый и нежный рот. Гарм.

–Ты совсем не изменился. Будто вчера виделись… Добро пожаловать, Гарм.

Арчеш поднялся и поклонился гостю. Тот вежливо ответил на поклон, прошел к окну, присел на резной деревянный диванчик, вытянув длинные ноги в черных высоких сапогах. Старик протянул ему серьгу.

–Вот, возвращаю. Столько лет держал, уж думал, не пригодится. Ан нет… И то – всякому овощу свой срок. Помнится, ты обещал свою помощь, Гарм.

–Обещал. Чем могу помочь? – Гарм пристально смотрел на старика, слегка улыбаясь.

–Я прошу тебя спрятать одного человека. Девушку. Она чем-то сильно не угодила эльфам, они ищут ее и, если найдут, убьют. Мне бы этого очень не хотелось, Гарм. Надо защитить ее и спрятать… до поры. Ты сможешь сделать это в память старого долга? Но предупреждаю – это опасно. Остроухие убили семью, давшую ей приют, гнали ее, беременную, через леса, как зверя на охоте. Я опасаюсь, что скоро они дознаются, куда она могла выйти, – места тут глухие, а моя усадьба ближе других к Лесу. Не побоишься против эльфов встать?

Гарм засмеялся – негромко, протяжно.

–Альвы… Никогда их не любил. А ты сам, Арчеш, как думаешь – побоюсь ли я их или нет?

Арчеш глянул на гостя и ответил:

–Ты вряд ли знаешь, что такое страх. И это они пусть тебя побоятся. Верно?

–Куда уж вернее. Я догадываюсь, к девице младенец прилагается?

–Да.

Гарм подошел к двери, взялся за ручку.

–Пойдем… не будем мешкать. Сборы не понадобятся – дорога не займет много времени. На твое счастье, я подкопил немного силы – расходовать, правда, собирался по своему. Идем. Время не ждет.

Амариллис полусидела-полулежала в постели, по-прежнему прижимая к себе ребенка. Она чувствовала себя бесконечно усталой, хотела есть и пить, а еще больше – спать, но в то же время ощущала удивительную уверенность в себе, знала, что если понадобится, то она сможет и выдержит многое. Она вздохнула и открыла глаза – этот взгляд немного беспокоил ее; Морелла Мираваль смотрела на нее, не отрываясь, испытующе и как-то тревожно.

–Вы так странно смотрите на меня. Почему?

–Амариллис. Я должна сказать вам… достаточно было потрясений, вы устали, измучались… – Морелла покачала головой, встала и зашагала по комнате.

–Раз должны, то говорите. Иначе у вас может не быть другого случая. Вряд ли я задержусь здесь надолго.

–Я скажу. Подождите немного. – И Морелла вышла.

Прошло несколько минут и она вернулась – но не одна. Она вела за руку мальчика, черноволосого и черноглазого, ступающего довольно уверенно для своих двух лет. Амариллис смотрела на него и не верила… не осмеливалась поверить. У нее пересохло во рту, похолодели руки, глаза сделались огромными и блестящими, – будто хлестнул по лицу наотмашь ледяной северный ветер, выбив крупные жгучие слезы. Морелла подвела мальчика поближе, взяла его на руки и присела на край кровати.

–Это ваш сын. Арчеш Мираваль. Я не осмеливаюсь просить у вас прощения, ибо, хоть сама и не причастна к тому, что сделал линьяж Миравалей, все же являюсь его частью. И хоть это и слабое утешение, поверьте, Амариллис, мы все здесь очень любим Арчеша. – Морелла запнулась, но продолжила. – Я очень люблю его.

–Я знаю. – Голос отказался слушаться Амариллис, она кашлянула. – Знаю.

–Возможно, вы захотите забрать его – это ваше право. Мы не будем препятствовать вам.

Амариллис заглянула в глаза Морелле – чего стоили ей эти слова? Очевидно, немалого, поскольку и ее глаза обжег тот же ледяной, неласковый ветер. По тому, как Морелла держала мальчика, как легко поглаживала его волосы, прикасалась щекой к его затылку – по всему было видно, что она не лжет и не рисуется. Любовь, теплая и неизменная, озаряла лицо приемной матери Арчеша.

–Нет. У него уже отнимали мать – довольно и одного раза. Мне достаточно знать, что он действительно жив… и любим. Вы… вы позаботитесь о нем?

Морелла кивнула, еще крепче прижимая к себе мальчика. Тот, недовольный подобными притеснениями, с громко выражаемым негодованием высвободился, слез с колен Мореллы и, подойдя поближе к изголовью, с

любопытством уставился на Амариллис. Она протянула руку, прикоснулась к черноволосой голове…

–Арчеш… – И вместо того, чтобы отдернуть пальцы и зарыдать, Амариллис взъерошила теплые волосы и улыбнулась своему сыну. – Вот и свиделись, хвала богам. Надо же, как ты на отца похож.

В эту минуту в комнату вошли – Арчеш–старший и незнакомый юноша лет двадцати.

–Амариллис! – старик обратился к девушке и осекся, увидев, как взобравшийся на кровать правнук рассматривает лежащего на руках у Амариллис младенца, как новую, невиданную прежде игрушку.

–Твой брат. Его зовут Судри. Тебя вот назвали в честь прадеда по отцу, а его я назову в честь моего прадеда – Судри из Лесного клана. Ты запомни его хорошенько, кто знает, может, и встретитесь когда… – Амариллис подняла глаза на старика, увидела Гарма и все поняла. – Мне пора?

–Пора. – Гарм кивнул. – Соберите только самое необходимое. Дорога недолгая, а в моем доме не знают, что такое недостаток.

–Недолгая? – Амариллис недоуменно нахмурилась. – Где ж вы меня поблизости спрячете?

–Амариллис, поверь мне, если я говорю, что дорога недолгая, то это вовсе не означает, что она короткая. Собирайся.

Арчеш, заметив, что девушка сомневается и колеблется, подошел к ней.

–Не сомневайся. Гарм сможет и спрятать, и защитить тебя. Было бы время, я бы рассказал тебе о нашей с ним встрече, но как раз его у нас нет… как-нибудь в другой раз. А сейчас вставай, бери своего мальца и ступай за Гармом.

Амариллис внимательно оглядела своего нежданного заступника: слишком молод, чтобы быть давним другом Арчеша, не похож ни на купца, ни на судейского, однако же одного взгляда достаточно, чтобы внушить уважение… но не симпатию. Девушка представила себе, что вот сейчас придется покинуть спокойный, надежный дом Арчеша вместе с этим незнакомцем, остаться одной на его милость – и невольно вздрогнула. Сказать по правде, уходить ей очень не хотелось. В Серебряных Ключах она была спокойна; таких мест в Обитаемом мире было для нее немного. Здесь не нужно было мучительно решать – верить собеседнику или, мило улыбаясь, приготовиться получить изрядную порцию вранья. Сама Амариллис лгать не умела – может, именно поэтому верила каждому сказанному ей слову. Но выбора у нее не было; надо было довериться тому, кого она видела первый раз в жизни, довериться самой и доверить жизнь сына. Она встала, уложила младенца в колыбель.

–Мне надо переодеться в дорогу. И запеленать Судри. Я скоро буду готова.

–Хорошо. Приходите в комнату господина судьи. Мне удобнее уходить по своему же следу. – Ободряюще кивнув Амариллис, Гарм вышел вслед за Арчешом.

Ничего не понимая, все сильнее беспокоясь, девушка принялась собираться. Почему в комнату ядовитого стручка, а не на крыльцо? По каким еще следам уходить? Неужели придется идти пешком? Да она и часа не продержится!.. Переодевшись с помощью Мореллы, взяв на руки сына, Амариллис последовала в покои Арчеша Мираваля–старшего; жена Риго шла за ней, ведя за руку мальчика. Когда они уже подходили к дверям, Морелла тихо спросила:

–Амариллис, если вас будут искать, кому мы можем сказать о вашей судьбе? Или вы прикажете хранить молчание и никто, кроме нас, не должен знать о том, что с вами приключилось?

–Пусть Арчеш решает. – Не раздумывая, ответила танцовщица. – Он знает моих друзей и не скажет лишнего даже им.

Гарм и Арчеш ждали их, сидя у окна; они о чем-то тихо беседовали.

–Я совсем забыла спросить, – Амариллис обратилась к Гарму, – Куда же вы все-таки собираетесь спрятать меня? Хотелось бы знать, где придется прожить уж наверное не меньше года…

–Я собираюсь спрятать вас в своем доме. Это достаточно далеко отсюда… так далеко могущество эльфов не простирается.

–Амариллис, – вмешался в разговор Арчеш, – я понимаю твое беспокойство. Но поверь мне – чем меньше даже мы будем знать о том, куда и каким путем ты направилась, тем больше вероятность сохранить это в тайне. А сейчас важно именно это.

–Вы правы. – Кивнула танцовщица и повернулась к Морелле, державшей Арчеша–младшего за руку; присела, провела свободной рукой по загорелой свежей щечке. Она сказала что-то так тихо, что понял ее только мальчик – смотревший неожиданно серьезно, чуть нахмурив широкие черные брови. А потом она немного неловко сняла с шеи цепочку с легкой круглой подвеской черного золота и надела ее сыну, легко притянула его к себе, поцеловала в лоб, и встала.

–Пожалуй, я не стану прощаться… – голос ее дрогнул и она замолчала.

–Еще свидимся… – попыталась улыбнуться Морелла.

–На все воля богов. – Арчеш тяжело вздохнул, подошел к Амариллис, осторожно обнял ее. Она на миг прижалась лбом к его плечу; как же не хотелось ей уходить!.. Старик мягко и решительно отстранил ее, передавая Гарму.

–Она твоя гостья. Гарм, ты отвечаешь за нее, за ее жизнь и за жизнь ее сына.

–Она моя гостья. – Юноша положил руку на плечо Амариллис. – Право гостя свято в моем доме. Я твой должник, Арчеш Мираваль, и в уплату долга я беру ее под свою защиту.

Не снимая руки, он сделал несколько шагов к окну. Амариллис невольно последовала за ним, недоумевая еще сильнее.

–Главное, ничего не бойся… – голос, терпкий и тихий, прошелестел у ее уха. Танцовщица вздрогнула – она уже слышала его, и слова были те

же самые. Она попыталась что-то сказать, но не успела – горячий, тяжелый ветер ворвался в окно; нестерпимый жар заставил ее отшатнуться и зажмуриться. А когда она открыла глаза, то увидела, что стоит не на ковре, а на песке, и вокруг – бесконечные, монотонные волны песка, уходящие в неоглядную даль, сливающиеся с белесым небом.

–Испугалась? – В голосе Гарма не было насмешки, скорее, участливый интерес.

Амариллис оглянулась. Юноша стоял чуть позади нее, спокойно оглядывая окрестности.

–Осталось совсем немного, скоро будем на месте. Идти далековато, и ничего интересного в этих землях нет…

Он замолчал, отступил назад. Едва заметно встряхнул кистями рук, и вокруг него взвихрилась песочная завеса, скрыв его от глаз Амариллис шуршащей, вибрирующей завесой. Через несколько мгновений завеса замерла и опала. Гарм стоял, опустив голову и сжав скрещенные руки на груди. Вздохнув, он поднял лицо и его тонкие черные губы ободряюще улыбнулись, а светло-ртутные глаза – пожалуй, единственное, что осталось от прежнего Гарма, – внимательно сузились.

–… А поэтому мы полетим. – Закончил он. Шагнул к девушке, едва переводящей дыхание, наклонился, легко взял ее на руки. За плечами Гарма развернулись, заходили огромные нетопырьи крылья, поднимая ощутимый ветер.

Амариллис казалось, что она пребывает в каком-то странном, беспокойном сне. Невозможная усталость тяжелым металлическим обручем давила на лоб, сжимала виски. Девушка давно уже перешагнула порог своих сил; за последние дни ей пришлось пережить так много – на несколько лет жизни хватило бы… Поэтому она не удивлялась и не боялась, безропотно принимая все происходящее. Она скосила глаза вбок, уловив краем глаза движение – так и есть, рисунок, покрывавший руки и грудь Гарма, двигался.

Золотая и серебряная змеи ползли бок о бок, свиваясь в петли и кольца причудливого узора, их неторопливые, плавные движения надолго задержали взгляд девушки. Глядя на них, она постепенно теряла все свои мысли, одну за другой; веки ее тяжелели, дыхание замедлялось, и только руки продолжали по-прежнему крепко и надежно держать ребенка. Так она и уснула.

Песнь Первого Полета

Ты волен быть, кем угодно –
Железом, что в камне таится,
Последней надеждой усталого бога,
В истории мира любого
Последней и первой страницей.

Ты волен вечно меняться,
Терять отраженья, приметы,
Святыней быть и святотатцем,
В закатной крови искупаться
И вспыхнуть сердцем рассвета…

Ты знаешь, Шедар испытывал тогда истинное наслаждение. Каждый взмах крыльев, каждый росчерк хвоста по звездной пыли приближали его к месту сбора Драконов. Но и сам по себе полет и сопровождающая его песнь настолько нравились ему, что порой он забывал, куда и зачем летит. Это было простительно – и на опытных, построивших не одни Врата Драконов легкий воздух Междумирья действовал как хмельной напиток, что уж говорить о нем, только что рожденном. Шедар оглядывал свое тело – живой, трепещущий расплав молодого серебра блистал и ослеплял, как исполинская молния, и только внутренняя поверхность крыльев была цвета обратной стороны ивовых листьев, более мягкого, с едва ощутимым намеком на оттенок зеленого. В нем были соединены невероятная красота и невероятная же мощь; но пытаться вашими человеческими словами описать Истинного Дракона – все равно, что ложкой вычерпывать море. *Мне придется очень постараться, чтобы ты хоть что-то поняла, а значит, тебе должно быть интересно… может, тогда ты не уснешь.*

Их было восемь, тех, кто терпеливо ожидал Шедара. Он увидел их издалека – семь ярких цветных вспышек и одна, постоянно меняющая цвет, и все они неторопливо кружили вокруг старой, остывающей звезды. Шедар с сожалением умерил размах крыльев, замедляя полет, пропел последнее слово Песни и остановился, ожидая приглашения войти в круг.

* * *

Никто не знает, когда и где впервые появились Истинные Драконы. Вполне возможно, что они вечны, как само Мироздание. Во всяком случае, сами они именно так и думали. Ибо с самого момента своего рождения они могли читать Мироздание как любимую книгу, знали все его правила и не

уставали удивляться и радоваться его бесконечным причудам. Каждый из неисчислимого множества миров являл собой лишь одну из возможностей Мироздания, воплощал одну из его фантазий, но все они были связаны в одно удивительное целое – великое единство различий. И для того, чтобы это подобие ожерелья, нанизанного из звезд, не распалось, существовали Драконы. Их свободный полет в легком (как сказали бы краткоживущие, пустом) воздухе Междумирья, сила исполинских крыльев не давали этому воздуху застояться, закиснуть в неподвижности. И еще Драконы строили Врата – пробивая окружающую каждый мир оболочку отражений, они открывали его бесконечности. Благодаря этому мир мог расти и обновляться, а те существа, что обладали в нем наибольшим могуществом и знаниями, могли выходить за его пределы и посещать другие закоулки Мироздания. Они называли себя богами, но, к слову сказать, Драконы их почти не замечали, потому что силы богов в сравнении с их собственными были воистину смехотворны.

Уже устала? Ничего, весенние ночи только кажутся длинными; и это по зимней привычке они так цепляются за холод, ну совсем как ты за тот старый дрянной стул. Я еле оторвал тебя от него, думал, сиденье так и останется в твоих сведенных пальцах. Ты плавала в обнимку с ним, будто танцевала…

Так сложилось, что Истинных Драконов всегда было восемь. Каждый из них от рождения обладал своим, только ему присущим цветом, определяющим его преобладающие способности; впрочем, это не мешало Драконам достигать совершенства во всем и не однажды случалось, что Зеленый Дракон становился великим воином, а Красный строил Врата в какой-нибудь водный мир.

Синим Драконам благоволит стихия воды, изменчивая и своевольная, Белые Драконы лучше других ладят с силой холода, и никто лучше них не может обеспечить стабильность и постоянство. Их Серые собратья, Драконы камня, связаны с неподатливой, памятливой основой земли, Красные даже своим видом напоминают полыхающий костер и отличаются непредсказуемостью и удивительной даже для Драконов красотой движений. Зеленые Драконы чутки к любым формам жизни, от малейшей былинки до тех, кто считает себя венцом творения. Серебряный и Золотой Драконы – воины, а о тех, с кем им приходится меряться силами, лучше ничего не знать. Черный Дракон – хранитель ритуалов и знаний, люди назвали бы его магом.

А тогда все они выстроились в кольцо, подобное нимбу над пылающей звездной головой. Внезапно от кольца отделился Дракон, меняющий цвета и, плавно взмахивая полупрозрачными, радужно переливающимися крыльями, приблизился к Шедару.

–Здравствуй, сын.

Голос его был одновременно тише шелеста травы и оглушительнее июльского грома. Шедар глянул в глаза приветствующего – и увидел тот же

неукротимый пронзительно синий пламень, что и в своих глазницах. Он чувствовал – а значит, знал – что в жилах говорящего бурлит такой же расплавленный рубин, как и у него. Шедар выдохнул и склонил голову в приветствии, почтительном и радостном.

Радужно-бесцветный Дракон засмеялся, и по его хребту побежали струи лилово-белого огня.

–Мы ждали тебя. Пришло время вступить в круг и назвать имена.

Вдвоем они приблизились к остальным Драконам, и на краткое время круг вместил девятерых.

–Альхаге.– Тело Синего Дракона свивалось в кольца, постоянно меняя их размер и число.

–Менкар. – Белый застыл в неподвижности, только едва заметно подрагивали крылья.

–Бенетнаш. – В голосе Серого Дракона был гул камнепада, под графитово-серой чешуей будто перекатывались тяжкие валуны.

–Мицар. – Зеленый Дракон излучал свет… такими бывают солнечные лучи, смягченные летней зеленью.

–Ригель! – Взревел Красный и расправил крылья, полыхнувшие в темном, легком воздухе.

–Мегрец. – И Золотой собрат приветственно улыбнулся.

–Адхара. – Негромко прозвучало со стороны Черного Дракона.

–Альфард. – Назвал себя бесцветный.

Дракона, уходящего из восьмерки, в силу давней традиции именовали Мастером. Тот, кто достигал Бесцветия как девятой ипостаси Истинного Дракона, мог принять телесный облик и получал возможность опыта смерти. При этом Мастера ухитрялись сохранять свое драконье отношение ко времени, признающее только Всегда и Сейчас, умудрялись переводить на примитивные наречия слова своего универсального языка, и были вольны проходить в любые миры – даже в те, где не было Врат, и принимать формы живущих там существ, и на собственном опыте познавать все многообразие жизни. Но прежде чем уйти, Мастер должен был оставить преемника.

…Ты дрожишь, как осенний лист на ветру. Давай-ка я возьму тебя на руки; не надолго – боюсь, что не захочу отпускать. Но согреть успею. Вот так. И не смей зевать. Слушай дальше.

–Шедар. – Серебряный Дракон назвал свое имя, бывшее – как и у всех его собратьев – именем звезды, давшей ему жизнь и погибшей при его рождении. Когда Дракон чувствовал в себе достаточно сил, чтобы покинуть восьмерку и отправиться в свободное странствие, он избирал молодую и сильную звезду, способную вступить с ним в союз. Совершая ритуал мистического брака, Дракон окутывал светило бесчисленными витками полета, и когда все росчерки драконьего хвоста сливались в один светящийся

кокон, Дракон и звезда соединялись. Она отдавала ему схожую с алмазной пыль, хранившуюся до времени в самом ее сердце; только лишь схожую, это вещество по сравнению с алмазом было примерно тем же, чем был алмаз по сравнению с пеплом. Дракон погружался в нее и терял цвет… и обретал способность и право невозбранно входить в любой из закоулков Мироздания. Он же в свой черед отдавал свое семя, которое могло выжить, только будучи погруженным в раскаленную утробу звезды.

Многие годы проходили, прежде чем чрево звезды ощущало первые нетерпеливые движения молодого Дракона. Он рос, вспоминая все, что знал его отец, и, принимая всю мощь, которую отдавала ему мать. Жар звезды питал его, давал силы расти, – и неуклонно, постепенно убывал. Звезда остывала, становясь из ослепительно голубой – тускло красной, ее прежде бурлящая потоками первородного огня поверхность затвердевала подобием глиняной корки. И когда молодому Дракону приходил черед расправить крылья – приходил ее черед умирать, ибо он разрывал ее, как бабочка кокон. Последние содрогания, последняя ослепительная вспышка заставляли вздрогнуть все Мироздание… и непорочно белый свет расходился как круги по воде от места, где родился Истинный Дракон.

–Приветствуем тебя, брат, – обратился к Шедару Адхара, – и теперь мы готовы принять твою Песнь, Мастер Альфард.

Потом Шедару еще довелось слушать Песнь Уходящего, но услышанная впервые от Альфарда всегда казалась ему самой лучшей: сладкой и прохладной, как весенний дождь, мудрой и радостной, как золото осенней листвы. А когда его отец покинул восьмерку, Шедар занял его место, рядом с Золотым.

Глава восьмая. Пепелище

Как долго они шли – никто из них не мог бы сказать. Давно был утрачен счет неслышным шагам, еле заметным поворотам каменного коридора, подъемам и спускам; час превращался здесь в вечность, а вечность становилась чем-то пугающе ощутимым. Они шли и шли, не оглядываясь и не разговаривая, ибо каменные своды гасили произнесенные слова, впитывали их, как песок – воду; вроде безвредное, но неприятное ощущение – будто кто-то ворует сказанное, схватывает слова у самого рта. Даже цоканье лошадиных копыт по каменному полу, и то было еле слышно.

–Ни дать, ни взять, шайка конокрадов после удачного промысла, – пробурчал себе под нос Сыч,– коням копыта войлоком обвязали, сами идут, тишиной от радости давятся… Долго ли нам еще кружить, мэтр Арколь?

–Тебе виднее, Сыч, – отозвался Арколь. – мы ж к тебе домой идем, ведь так? Ты нас ведешь…

Последние слова прозвучали не совсем уверенно, что не могло укрыться от внимания Крысолова.

–Не уверен... Моя б воля – после первого же поворота мы к одайнским борам бы вышли.

–Так пожелай этого, брат. – Тихо попросил Хэлдар, проводя ладонью по глазам. – Изо всех сил пожелай.

–Эх, брат эльф, куда уж сильнее. Не мастер я в этих магических штучках, не умею… – и орк помахал в воздухе руками, изображая псевдомагические пассы. – А так – все мои мысли о доме.

Тут Сыч неожиданно дернулся, как от удара, и из носа у него хлынула кровь. Да так сильно, что пришлось им остановиться, и Арколь, несмотря на протесты орка, заставил его лечь на пол, сам сел рядом и положил его голову себе на колени. Он ощупал своими длинными, чуткими пальцами лоб и шею Сыча, потом крепко сжал переносицу, и довольно долго держал свою узкую кисть на зеленоватом орочьем лбу. Не сразу, но кровь унялась, но Сыч еще с полчаса кашлял и сплевывал под ноги.

И снова тянется тусклой серой лентой каменный коридор. Как ни странно, путники почти не чувствовали усталости, не испытывали жажды и голода, и кони их так же безропотно, терпеливо шли навстречу неизвестности.

–О боги! Что за воздух тут! – не выдержал Сыч. – Не иначе на паутине настаивали. Поскорее бы на вольный ветер!..

И словно в ответ на его нетерпеливую просьбу тесный коридор сначала резко расширился до размеров небольшой пещеры, а затем и оборвался, сразу за порогом. Путники замедлили и без того небыстрые шаги и остановились, не решаясь выйти наружу. Арколь, подойдя совсем близко к порогу пещеры, осторожно выглянул наружу и присвистнул.

–Ну и дела! – и шагнул наружу, махнув друзьям рукой, мол, выходите.

Впереди серым крупным гравием рассыпался некрутой спуск, росли невысокие, редкие деревья, по правую руку темнела кряжистая, приземистая горная цепь, совсем рядом по крупным, обомшелым камням прыгала шустрая мелкая речушка, белая от пены. Дальше предгорное редколесье густело и переходило в настоящий лес.

–Это ж Безымянный Хребет! – оглянувшись, кивнул на горы Сыч. – И эти места я хорошо знаю…

Он оглянулся, внимательно вглядываясь в очертания серых массивных скал, подошел к речке, наклонился и зачерпнул горстью воды, но пить не стал, а поднес ладонь к лицу и втянул только ему заметный запах.

–Похоже нас, други, крысиным лазом провели. Мне этот запах не забыть. Когда меня нильгайцам продавали, именно отсюда на белый свет и выволокли. А из речки этой я тогда пил – напиться не мог, после их подземной отравы.

–Похоже, ты прав. Это действительно Безымянный, – подтвердил Хэлдар. – И если мы поспешим… – он не договорил.

–Надо коней напоить. И самим не помешает в себя прийти, путь неблизкий. – Сыч подошел к Арколю, перенял у него повод своего коня и повел его к воде, осторожно ступая меж камней.

–Вода очень холодная. – Арколь уселся на большущем зеленом от мха валуне, нагнулся и плеснул себе в лицо пригоршню, фыркнул, плеснул еще, смывая остатки затхлого воздуха. – Студеная, как говорит Амариллис.

–Даже чересчур, – озабоченно отозвался эльф. – Даже для горной речки середина лета хоть что-то да значит. Сыч, надо спешить!

–Не меньше твоего знаю, – нахмурился орк. – И тороплюсь не меньше. Но верхом мы быстрее поспеем, так что не след пока лошадей морить. Ты лучше скажи, сколько, по–твоему разумению, времени прошло, с тех пор, как мы в кишку эту каменную залезли.

–Шли мы не больше суток, а то и того меньше. Но, судя по всему, август уже сильно за половину перевалил.

–Не может быть, – запротестовал Арколь. – Три недели вот так легко не скрутишь!

–Ты так в этом уверен? – под неподвижным взглядом эльфа Арколь поежился.

Они были в пути уже три дня. Останавливались, только чтобы дать краткий отдых коням, а заодно и самим хотя бы попить, смочить пересохшее горло. О сне и разговора не было – все трое при необходимости могли не спать довольно долго. Они почти не разговаривали; все думали только об одном, вернее, об одной, и слишком много страхов и опасений одолевали их, чтобы еще и облекать их словами. Вскоре после того, как они встретили четвертый рассвет в пути, Сыч не выдержал и хлестнул усталого коня – за следующей излучиной небольшой лесной реки был его дом.

За эти нескончаемо долгие три дня пути Хэлдар успел привыкнуть к тянущему, монотонному страху; он более ничего не говорил своим спутникам о времени, но сам не мог не знать, что быстрой дороги не получилось. Там, где он надеялся увидеть начало последнего летнего месяца, его встречала притаившаяся осень. Каждый порыжевший лист, каждая сухая травинка шептали ему о потерянном времени. Эльф гнал от себя все сомнения в успехе их попытки опередить его сокровников, запрещал себе даже думать о том, что могло – или уже случилось с Амариллис и с домом Сыча. Но с той минуты, как пальцы его заломило от холода в воде предгорной речки, надежды у него не было.

…Славный был у тебя дом, брат мой. Светлый, теплый, крепкий. Широкие ступени крыльца, по которым так приятно сходить, не торопясь, и так легко подниматься, да и сидеть на них тоже славно. И сад был хорош. И как год назад, обещал яблоки – много, много яблок. Так много, что обламываются ветви, не выдерживая тяжести плодов, да что там ветви, стволы трещат и разламываются надвое и никакие подпорки им не помогают. Приходится тогда спиливать перестаравшееся дерево, и яблоневые дрова заполняют всю комнату уютным, сладковатым запахом. Сладкий яблоневый дым…

…он заставит тебя задохнуться, брат мой. Он ударит тебя, железной хваткой сдавит горло. И ты натянешь поводья, заставляя коня вскрикнуть от боли, и спрыгнешь наземь. Ты не поверишь своим глазам, и будешь оглядываться, чтобы вдруг понять, что в кои-то веки ты заблудился и это не твой дом. Обугленные остовы стен, пара уцелевших оконных проемов смотрят невозмутимо, уже ничему не удивляясь, проломленный обрушившейся крышей пол, камин, черный из-за толстого слоя жирной сажи. Вот и все, что оставило пламя, пожравшее твой дом; оно накинулось на него, как изголодавшийся зверь на легкую добычу. Дом почти мгновенно оказался внутри огненного стога, изрыгающего в небо клубы черного, страшного дыма, стреляющего редкими искрами. Все, что создавалось вами с любовью и терпением, огонь уничтожал с жадным, неистовым ревом, будто желая выжечь память о вас, умертвив саму землю, на которой вы жили.

…Медленно, очень медленно ты пройдешь по выгоревшей траве и увидишь – в стороне, там, где начинался сад, высится свежий могильный холм, обложенный принесенным с опушки дерном. На склоне холма лежит щит – круглый, с выпуклым железным диском посредине, такие носят гвардейцы короля Краглы. На нем орочьими рунами что-то написано…

Звездной дорогой в неведомый край
Ушедшим – свет и покой…

У Сыча будто подломились колени; он рухнул наземь, сжал голову руками и тихо, протяжно завыл. Арколь и Хэлдар замерли, не решаясь подойти ближе. Осмысление того, что произошло здесь, придет позже, пока же

было ясно одно – у орка больше нет дома. И все, кого он ожидал встретить, мертвы. Когда Сыч наконец обернулся, маг охнул – так сильно исказилось лицо орка. Глаза сузились, рот ощерился белоснежными, разъяренными клыками. Сыч медленно поднялся с колен и пошел навстречу спутникам. Он со свистом втягивал воздух сквозь оскаленные зубы, вены на его шее вспухли и заметно пульсировали – так ярилась в них обезумевшая от горя кровь. Внезапно орк взревел:

–Эльфийское отродье!.. – и стоявший в оцепенении Хэлдар едва успел отразить удар Сыча, так неожиданно быстрым и мощным оказалось нападение.

–Будьте вы прокляты! Весь ваш подлый, поганый род!

Сыч наступал, его меч уже единожды задел эльфа, оказавшегося совершенно неготовым к этой схватке, исход которой представлялся очевидным – еще минута, и орк отомстит за смерть семьи совершенно неповинному в этом эльфу. Но раздался глухой хлопок, в воздухе запахло резкой послегрозовой свежестью, а Сыча словно молнией ударило – он выронил оружие и упал ничком. Арколь, все еще дрожа всем телом, опустил руки, воздетые над головой и сжатые в магическом жесте. Тяжело дыша, эльф разжал пальцы, выпуская меч на траву, подошел к Сычу, перевернул его на спину. Опустившись на колени с ним рядом, он пальцами провел по искаженному лицу друга, стирая бешенство и безумие. Маг присел рядом; не прячась, он плакал.

–Что ж теперь делать? – Арколь всхлипнул, утер ладонью слезы. – Как же так?

Хэлдар не ответил. Он, как когда-то давным–давно, обнимал лежащего без памяти, полуживого Сыча и всеми силами пытался вернуть его, не думая, что, придя в себя, орк, возможно, вновь попытается его убить.

–Он очнется… скоро, – поспешно ответил на невысказанный вопрос маг.

Эльф промолчал. Тянущий страх отпустил его, уступив место безнадежности. Вот и закончилась их погоня за ускользающей возможностью все исправить и предотвратить. Не так уж и долго задержала их дорога тысячи путей, но и этого хватило. Они опоздали на каких-то десять дней… и потеряли все. Самый вид пепелища был для эльфа как удар наотмашь, ибо лишал всех упований и обрекал на предельное одиночество – тех, кто уничтожил дом его побратима, он не простит никогда. И никогда не назовет своим народом. Хэлдар осторожно опустил голову Сыча на землю и направился к обгорелым останкам дома. Каждый шаг давался ему с видимым трудом, но он все же нашел в себе силы войти в черные останки стен. Опустившись на колени, эльф напряженно вглядывался в пепел и неузнаваемые обломки, время от времени осторожно вороша их рукой.

–Что ты ищешь? – недоуменно спросил Арколь. Маг выглядел совершенно беспомощным и потерянным.

–Стрелы, – не оборачиваясь, ответил эльф. – Наконечники должны были уцелеть. Я должен знать, кто именно…

Тут его глаза уловили в крошеве пепелища нечто знакомое; он поднял закоптившийся, но ничуть не потерявший форму, изящный наконечник стрелы. Древко и серое оперение сгорели, но наконечник был цел и невредим – хоть какая-то доля мастерства предков–альвов досталась эльфам. Хэлдар очистил кусочек железа и смог разглядеть клеймо хозяина. Это была капля воды.

–Кто?.. – от звука этого голоса эльф дернулся, вскочил на ноги и метнулся в сторону очнувшегося. Сыч пытался встать, отмахиваясь от Арколя и его помощи. Орка шатало – Арколь не успел смягчить силу удара, но лицо его было прежним, без следа недавнего исступления. Он бестрепетно опер-ся о плечо эльфа, отдышался и повторил:

–Кто? Чье клеймо?

–Геран. – И эльф протянул на раскрытой ладони наконечник стрелы. – Стрелы детей Воды, а поверх – клеймо его клана. Даже не сочли нужным уничтожить следы…

–А зачем? – Криво усмехнулся Сыч. – Кроме эльфов никто не стал бы выжигать мой дом как осиное гнездо, вместе со всеми обитателями. Это было их решение. А что до нас… так мы никому не скажем. Только войны нам сейчас не хватало.

Орк был прав – объяви они сокровникам Сыча, какая судьба постигла его дом, какую смерть приняли его родные – войны с эльфами не избежать. Деланно–безразличный нейтралитет рухнул бы мгновенно, а о последствиях этого и думать не хотелось.

–Простите меня… – Арколь, казалось, справился со своими чувствами и старался говорить ровно и спокойно. – Но здесь был еще кто-то. – И он указал на могильный холм.

Втроем они подошли к нему, и Сыч прочитал вслух:

Звездной дорогой в неведомый край
Ушедшим – свет и покой.
Вечно гореть погребальным огням.
Оставшимся – память и боль.

Сова, дочь Коша-шамана, супруга Сыча-крысолова
Глитнир, сын Сыча
Инта, супруга Глитнира

По краю щита шел узор, похожий на цепочку следов животного. Сыч вгляделся и кивнул.

–Это щит Кройна. Глитнир дружил с ним, они вместе служили в Крагле. Кройн вернулся домой год назад, принял главенство в семье. Я думаю,

мой сын послал и ему весточку, что приедет погостить с молодой женой. Вот он и приехал повидаться с другом…

–Глитнир женился? – переспросил эльф.

–Да. Писал нам, какая она хорошая девушка, хотя и не наших кровей…Хэлдар… – орк медленно повернулся к эльфу, глядя на него снова темнеющими глазами.

–Они искали молодую женщину, ждущую ребенка. И орков, давших ей приют. – Не отводя глаз, сказал эльф. – И нашли то, что искали. Все люди для них на одно лицо. Они сочли свои стрелы достойными этой мишени.

Все трое замолчали.

–А… как же Амариллис? – наконец решился задать вопрос Арколь.

–Жива. – Кратко ответил эльф. – Ты так ничего и не понял? За нее лично расплатилась Инта. Ее смерти здесь нет. Но где она теперь… и как ее искать…

–Тут неподалеку есть место, она его очень любила. Думаю, она была там, когда… – Сыч не договорил. – Но спрятаться там невозможно. Идем, это недалеко.

Они направились тропой, так хорошо знакомой Амариллис,– через почерневший от огня и сажи сад, через выгон, мимо редколесья, немного вдоль опушки – и в лес. Уставшие кони ступали тяжело, но еще тяжелее было на сердце у путников. Они боялись даже думать, что могут найти там, куда ведет их Сыч.

Но поляна встретила их тишиной и покоем. Все те же редкие кустики малины по краям ямы, уже подсохшая и пожелтевшая трава. Они спешились, огляделись. Ничего. И никого. И никаких следов. Вот только Арколь вел себя, как чистокровная гончая, спущенная с поводка. Он сразу же метнулся к яме, замер на мгновение на краю и начал спускаться. Оказавшись внизу, он встал на колени, а потом и вовсе свернулся калачиком, будто отдыхать собрался. Эльф и орк переглянулись, но мешать магу не стали. А он лежал неподвижно, даже дышать перестал. Это оцепенение продолжалось немногим более пяти минут. Внезапно Арколь вскочил и вскарабкался вверх.

–Ну и местечко!.. – Ни к кому, в сущности, не обращаясь, сказал он. – Ты говоришь, она тут часто бывала? Ну и дела… Если б я еще на пару минут задержался, меня б разорвало. Не по моим силам такое место. – Но она здесь была, – торопясь, продолжил Арколь. – И не так давно. Дней десять назад. А ушла будто не одна… Нет-нет! – увидев взгляд эльфа, Арколь поспешил оговориться. – Нет, не с эльфами. Мне сказали, что ей указывали путь в безопасное место.

–Постой-ка, мэтр. – Сыч недоверчиво прервал Арколя. – Кто это тебе сказал?

–Не знаю, – смутился маг. – Не те у меня пока возможности, чтобы такие места как книгу читать. Что смог, сделал.

–И где же это безопасное место? Кругом лес… Она и суток бы тут не продержалась. А если и продержалась, куда ей идти? Куда?!..

–Постой. Если мы примем за правду, то, что удалось прочитать Арколю – а иного выбора у нас нет – то единственное знакомое Амариллис место в здешних краях – это Серебряные Ключи.

–Да?! Я помню, какую ты привез ее из этих Ключей. В чем только жизнь держалась! Думаешь, ей снова захочется такого гостеприимства?

– Не скажу, что она вспоминала о нем часто и с любовью, но там есть человек, желающий ей добра и способный защитить ее. Арчеш Мираваль. А больше ей некуда идти, Сыч. Больше некуда.

–Ну, как скажешь. – Сыч махнул рукой. – Вы как знаете, а я домой… попрощаться. Один. – Предупредил он.

–Мы будем ждать здесь. Сколько нужно.

Сыч оставил друзей; он с трудом держался в седле, сильно сгорбившись, опустив повод почти до земли. Казалось, и силы, и грубоватое жизнелюбие, и стойкость – все разом покинуло его. Одно присутствие прежнего Сыча заставляло пламя веселее плясать и вселяло уверенность даже в самых слабых и уставших, а нынешний… от него веяло угрюмой безнадежностью. Сыч остался один как перст, ни дома, ни семьи – только где-то в дальних краях старший сын, Скирнир. Где те двери, что распахивались навстречу ему?.. Кто встретит его усталого после дальней дороги, кто постелет ему ложе?.. Судьбе было угодно распорядиться так, что побратимы так печально сравнялись – одинокие, бездомные скитальцы, и у обоих тяжкий груз на душе.

Арколь и Хэлдар расседлали коней, пустили их свободно пастись, сами присели на опушке, на прогретом солнцем, поросшем серебристым сухим мхом пригорке. Дувший с утра ветерок натянул на небо тучи, похожие на рваные серые тряпки, и посыпал мелкий дождь.

–Это я виноват. – Арколь поплотнее запахнул плащ, прислонился спиной к стволу сосны.

–Даже так? И Ледяную Птицу тоже ты отправил? Не наговаривай на себя, Арколь…

–Я должен был предусмотреть, что этот путь, будь он неладен, неуправляем! Сколько он у нас времени сожрал!

–Быстрее мы бы не успели, – эльф покачал головой, – да и что теперь гадать. Все уже свершилось.

Ближе к вечеру они продолжили свой путь – почти без надежды, обессилевшие и разбитые. У всех троих на лицах застыло выражение безнадежной решимости, и только Арколь, самый молодой из них, иногда не справлялся с горем и намеренно отставал от спутников, чтобы они не заметили его слез. Они продвигались очень медленно; на юг, узкими лесными дорогами, и не раз эльф замечал следы отряда всадников – сами того не зная, они почти повторяли тот путь, которым не так давно проходил Геран. Не то, чтобы не

спешили; желание успеть отпустило их, словно кто-то ясно дал понять – спешить более некуда. На исходе пятого дня пути одайнские леса закончились, и путники оказались совсем рядом с поместьем Миравалей.

Всю последнюю ночь пути шел дождь, крупный, частый, не слишком теплый; им, остановившимся на ночлег уже затемно, между невысокими всхолмьями, поросшими пустыми ажурными кустиками черники, спрятаться от него было негде, поскольку сосны от дождя защищали плохо, а сооружать какое-то убежище не было ни сил, ни охоты. Они попросту продремали всю ночь, сидя у постоянно потухавшего костра, закутавшись в плащи, надвинув капюшоны по подбородки. К утру дождь приутих, но солнце так и не вышло, несмотря на разгулявшийся ветер. С деревьев капало, мох под ногами так разбух, что следы коней мгновенно наполнялись водой. В лесу было тихо, вся живность попряталась по норам, кому же охота по такой сырости разгуливать, только какая-то птица изредка подавала голос – и в нем слышались недоумение и тоска, мол, что ж это мне одной не спится, что за несправедливость такая.

–Сова терпеть не могла такую погоду… и время это тоже не любила. – Сыч стер с лица капли, оброненные отяжелевшей сосновой веткой. – Любила лето, чистое и солнечное.

Это был первый раз за четыре дня, когда орк заговорил о погибших. Все это время он молчал, изредка нехотя высказываясь, все больше по пустякам. Молчал и эльф. Да и Арколь не рисковал, слишком плохо голос ему повиновался. Весь их путь был похож на погребальное шествие, в полном молчании, с опущенными головами.

–Она любила то, что было ей сродни, – отозвался эльф. – Я никогда не забуду, как увидел ее впервые: приехал навестить тебя, как всегда, ото всех прячась. А она из сада шла… увидела меня, глазищами своими желтыми уставилась и думает – верить им или нет.

Сыч усмехнулся.

–Ты видно не счел нужным предупредить ее, каких я кровей. На мое счастье, ты следом шел, а не то я бы так легко не отделался. – И, глядя на Арколя, Хэлдар пояснил: – Она мне в голову полную корзину ягод швырнула…

–Из тебя впору было варенье варить… – фыркнул Сыч. – Помню, застыл ты в седле как истукан, все лицо в черно–красных пятнах, а потом спустился осторожно так и говоришь…

–Хорошо, что вы не яблоки собирали… – Вспомнил эльф и улыбнулся.

–Ты не переживай так за меня, мэтр Арколь, – Сыч дотянулся до плеча мага и хлопнул по нему тяжелой, мокрой ладонью. – Думаешь, я не заметил, как ты все подколдовать что-то пытаешься, горе мое утолить. Ничего, жить буду. В счастье – это вряд ли, а в остальном… Цель у меня есть, найдутся и средства. Так что руки на себя накладывать пока погожу. За четыре жизни сперва взыскать надо. Да и за ним вот проследить не помешает, – и орк кивнул на эльфа. – Как бы он первый от позора топиться не пошел.

–Ну, не так скоро, – возразил эльф. – Наши с тобой цели не сильно разнятся. Сделаем, что сможем, а то и сверх того, не так ли, брат?

К Серебряным Ключам подъехали еще засветло; молочно-серый свет, пробивающийся сквозь иссякшие тучи, окрасил все вокруг в какие-то призрачные, тоскливые цвета. Сад старика Мираваля, промокший, ошалевший от чрезмерного количества воды как пьяница от нежданной и обильной выпивки, встретил их тишиной, редким кап-кап на дорожку с потревоженной ветки. В промозглом оцепенении застыли деревья, решетки куртин казались скелетами, с нелепой игривостью украсившими себя побегами плюща. Все цветы или плотно закрылись, или уронили мокро–пушистые головки наземь. Высокие, статные георгины тоже выглядели не лучшим образом: они явно перебрали дождевой воды, и теперь клонили свои яркие соцветья к земле, покачиваясь и тяжко вздыхая.

У самого крыльца незваных гостей встретил слуга, крепкий, высокий парень, выглядевший посмышленее обычного деревенского увальня, держащий на плече заряженный арбалет. Он неприветливо оглядел промокших, усталых путников и бросил сквозь зубы:

–Постоялый двор в Озерках. Вашим коням и получаса езды не будет.

И отвернулся, давая понять, что разговор окончен и на гостеприимство этого дома пришлые могут не рассчитывать.

–Вот что, любезный, – Сыч спрыгнул на землю, угодив прямо в изрядную лужу и щедро окатив грязными брызгами слугу. – Ты коней прими, да проследи, чтобы их вытерли насухо, суконками растерли как следует и накормили.

В руки разинувшего рот слуги легли три пары поводьев, а путники прошли на крыльцо.

–Э… куда это вы?! – парень пришел в себя и заметался, не зная куда девать насильно врученные поводья и кого звать на помощь.

–В дом, – пожав плечами, пояснил Арколь. – Согреться. Одежду просушить. И с хозяином здешним повидаться.

Они один за другим прошли в просторный холл, в котором обитатели Серебряных Ключей когда-то встречали чету Миравалей. Не сговариваясь, разом подошли к камину, и также разом обернулись на голос – резкий, насмешливый, но вполне приветливый.

–Вечер добрый, милсдари. Говорят, незваный гость хуже пьяного велигоры. Чем обязан такой чести?

Говоривший спускался по лестнице, держась за перила больше для вида, чем по надобности; вид у Арчеша Мираваля был усталый, но спокойный. Остановившись на нижней ступеньке, он оглядел своих гостей, поджал губы.

–Так–так. Я разумею, милсдари, никто из нас уже не торопится. А посему отправляйтесь-ка вы по комнатам, переоденьтесь, обсушитесь… сей-

час прикажу вам ужин подать. А как отдохнете, милости прошу в мои покои. Там и потолкуем.

Спорить с этим было бы нелепо, поэтому, поблагодарив хозяина, друзья поднялись вслед за ним наверх и разошлись по комнатам. Их будто ждали – в каждой горел камин, грелась вода для умывания, расторопные слуги унесли промокшие и потерявшие всякий вид одежды и принесли чистые и сухие. А когда гости переоделись, экономка проводила их в небольшую комнату с накрытым к ужину столом. Они ели, не торопясь, почти не разговаривая. Слуга, принесший воду для мытья рук, вызвался проводить их к хозяину дома.

Арчеш Мираваль ждал своих гостей, сидя в низком деревянном кресле у камина, вытянув худые ноги поближе к огню. Он указал вошедшим на три таких же кресла и первым начал разговор.

–Полагаю, я достаточно испытывал ваше терпение. Хотя выглядите против прежнего неплохо. – И, глядя прямо в лица гостей, сказал: – Ее здесь нет. Да вы и сами догадались…

–Она все-таки пришла к вам… – Хэлдар попытался улыбнуться. Он выглядел как собственный призрак – мертвенно-бледный, с серыми губами, остановившимся взглядом. За все время пути он ни разу не произнес имени Амариллис, ни разу не заговорил о ней – он боялся. Смертельно боялся услышать, что та, с кем он однажды уже спорил за жизнь Амариллис, на этот раз не пожелала уступить и забрала себе причитающееся. Поэтому он и не набросился с вопросами на Арчеша, едва войдя в дом, страх оказался сильнее даже желания узнать, что с его любимой, прекратить эту пытку неизвестностью.

–Из последних сил. И сама пришла, и вашего сына донесла, господин эльф.

–Когда? – эльф, не мигая, смотрел на старика.

–Вчерашней ночью. Заставила меня на старости лет в чудеса поверить. Да прекратите вы так на меня смотреть! – В сердцах крикнул Арчеш, топая ногой, безуспешно стараясь скрыть волнение. – Вот уж не думал, что эльфьи слезы увижу, но смотреть на такое сил моих нет. Жива Амариллис, жива и здорова. И сын ваш тоже… я, правда, в младенцах мало смыслю. Она назвала его в честь своего прадеда – Судри. Вы уж на нее не сердитесь, что вашего мнения в таком важном вопросе не спросила, она очень спешила. Чего–чего, а времени ей почти и не оставили.

Старик говорил нарочито громко, не зная, куда девать глаза и как самому удержать душевное равновесие. Эльф же, с трудом поверив в то, что самая безумная надежда не обманула его, и Амариллис жива, и жив их ребенок, отвернулся и заплакал.

–Ну, наконец. А я уж думал, добрые вести забыли о нас. – Сыч отвел глаза от эльфа и так же громко спросил: – В честь прадеда, говорите? Значит, малец в нашу кровь пошел?

–Вашу кровь, как шило в мешке, и захочешь – не утаишь. Зубки почти как ваши будут. А глаза эльфьи. Да что же это такое, не могу я так!..

С этими словами Арчеш встал, отошел к окну и принялся с непонятным усердием высматривать что-то в глубине сада, время от времени громко сморкаясь.

–Простите. – Эльф выпрямился, встал и прошелся по комнате, пытаясь успокоиться.

–За что?! – Арчеш обернулся от окна. – За то, что в кои-то веки повели себя по–человечески?..

–Сядь, Хэлдар. – Орк подошел в эльфу и силой усадил его обратно в кресло. – Сядь, тебя же ноги не держат. А вы, господин, расскажите нам – как оно все случилось. Вы ведь даже имен наших не спросили…

–А что спрашивать. Она мне про вас все рассказала. Это, небось, ее братец названый, магик.

Арколь поднялся и поклонился старику; все это время он молчал, не находя нужных слов.

–Господин эльф… и вы, Сыч. – Арчеш замолчал, склонил голову. – Соболезную. Такое горе, как ваше, не в вине, а в крови топить придется. Я ведь, признаться, не вас ждал. Тех, других, которые ее лесами гнали. Если бы не Лесной Народец, она бы живой не ушла…

И Арчеш не торопясь, выбирая слова, принялся рассказывать обо все, что узнал от Амариллис. Договорив о том, как он нашел ее и перенес в дом, Арчеш ненадолго умолк.

–А поутру, как проснулась, сразу и уходить собралась. Младенца своего в охапку и к дверям. В чем жизнь держится, думаю, а все туда же… Беда… Одно было ясно – я ее защитить не смогу, силы не те. Так что, милсдари, уж не посетуйте, что доверил эту заботу чужаку. Не беспокойтесь, его на это хватит.

–И кто взял на себя такую ношу?

Арчеш смущенно отвел глаза.

–Да я и сам о нем почти ничего не знаю. Довелось мне по молодости совершить почти благородный поступок, спасти невинного от каторги. Я думаю, он уже тогда был кем-то из ваших собратьев, господин маг, во всяком случае, силы его явно превосходили человеческие. В знак благодарности он оставил мне свою серьгу – мол, понадобится помощь, зови. Как тут было не позвать?..

–Но хоть имя-то его вы знаете? – Арколь, вне себя от волнения, терзал пальцами подлокотники кресла.

–Его зовут Гарм.

–Как?! Не может этого быть… Как он выглядит? Ростом с велигору, крылья нетопыря, серая кожа? – Маг вскочил и чуть ли не приплясывал на месте.

–Да что вы за страсти рассказываете, мэтр. Неужто я такому страшилищу Амариллис отдал бы. Выглядит он как самый обычный человек,

высокий, одежда черная, волосы светлые. Погодите-ка. Что там на словах стараться.

Арчеш подошел к столу, стоявшему в стенной нише, присел и принялся что-то набрасывать пером на листе бумаги. Через минуту он протянул рисунок Арколю.

–Ну как, знаком он вам? Может, у учителя своего встречали?

Друзья смотрели на набросок Арчеша: из скупых, четких линий складывался более чем похожий портрет того самого спутника господина Брика, рискнувшего в минуту крайнего нетерпения, граничащего с умопомешательством, сдернуть у Дирка-капитана с шеи алмаз темной крови. Тогда ему пришлось дорого заплатить за такое поведение, еще более непростительное для бога. Его и без того невеликих сил (по мере удаления Гарма от Арр-Мурра они уменьшались) хватило, только чтобы не утонуть. Огромная волна–убийца вышвырнула его в направлении Эригона; видимо, его, полумертвого, выловили у складов Мизинца слуги Тьеполо. А тот быстро сообразил, что сама судьба посылает ему козла отпущения и грех будет такой возможностью не воспользоваться. И если бы не упрямство молодого судьи, кто знает, сколь долгим оказалось бы падение молодого, обессиленного бога.

–Нет, я никогда не видел его. – Сокрушенно признался Арколь.

–Не встречал. Лицо приметное, особенно глаза. Такого не забудешь. – Покачал головой орк.

Эльф кивнул – ему изображенный Арчешом тоже знаком не был.

–Ну… что поделаешь. Может, оно и к лучшему, известность Амариллис сейчас не нужна.

–Арчеш, но куда он увез Амариллис? Возможно, мы еще успеем их догнать…

–Это вряд ли. Гарм путешествует быстро. Только что был тут, глядь – и нету его. А что до того, куда он ее увез… Я не знаю. Он не из тех, кто мне докладываться будет. Сказал – отвечаю за ее жизнь и за жизнь ее ребенка, в уплату старого долга беру их под свою защиту. Я ему верю.

Арчеш выдержал взгляд эльфа, не отводя глаз. – Поверьте и вы. Иного выхода у меня не было.

В комнате воцарилась тишина. Как странно – вот и закончилась их дорога. И известия оказались не так уж плохи, даже обнадежили. Вот только тоска, изводившая сердце, не унялась.

–Благодарю вас. – Хэлдар подошел к Арчешу Миравалю, опустился на одно колено и склонил голову в глубоком поклоне. Старик засуетился, пытаясь избежать подобных почестей.

–Да что вы!.. Господин эльф, зачем же так? Мне Амариллис как дочь и если бы не обстоятельства, я был бы рад увидеть ее здесь. А хоть бы и насовсем поселилась…

–Благодарю вас, – повторил эльф, поднимаясь. – И верю вам. Но я буду искать ее. Не знаю, где и как. Это не имеет значения.

–Кто бы сомневался, – пробурчал Сыч. – Не далее как завтра и отправимся.

–Для начала – в Шаммах. – Голос Арколя первый раз за последние дни звучал уверенно. – Если этот человек, – и он указал на рисунок Арчеша, – способен управлять порталами, а то и создавать собственные, аш-Шудах не может не знать о нем.

–Ну, вот и порешили, – Сыч хлопнул себя по коленям. – Только на этот раз обычной дорогой. Так оно вернее.

Они остались в доме Арчеша на ночь. Прежде чем отправиться на отдых, еще немного и осторожно поговорили – о том, какой путь избрать, чтобы привлечь к себе как можно меньше внимания, сколько времени может занять дорога. Сыч написал и попросил Арчеша отправить горестную весть своему старшему сыну, в порт Маноры. Наступившее утро мало чем отличалось от предыдущего: те же плотные пепельно–серые тучи, дождь, продрогший сад. Пока гости завтракали, Арчеш не раз предлагал им переждать непогоду, – разумеется, безрезультатно. Прощание оказалось коротким и сердечным; и долго еще Арчеш Мираваль смотрел вслед покидавшим его дом друзьям.

Дождь, успевший утихнуть и начаться снова, смывал зелень с листьев, обнажая спрятанную летом позолоту. Следы коней у крыльца расплылись и наполнились водой, а он все стоял, плотно запахнувшись в плащ, слушал жалобный лепет своего сада и думал, что он уже слишком стар для таких событий. К его выцветшим ресницам неотвязно липло низкое, мокрое насквозь небо, мешая разглядеть хоть что-то определенное чуть подалее вытянутой руки. Но Арчеш не уходил и все продолжал всматриваться куда-то, где терялась из вида извилистая дорога.

Глава девятая. Пустыня

–И надо было видеть его лицо, когда Арколь вытащил тот портрет.

Сыч глянул поверх кружки на собеседника – немолодого шаммахита, поджарого, жилистого, основательно прокопченного пустынным солнцем. В коричневом полумраке трактирной залы его лицо порой будто растворялось в воздухе, и только тлеющие черным огнем глаза позволяли не потерять его из внимания.

–Почтенный господин маг вытаращился на несчастный рисунок как монахиня на непристойное слово, выцарапанное на стене молельни. И много чего сказал… увы, Арколь отказался переводить – мол, не для наших ушей такие слова. Рисунок в кулаке сжал; Арколь потом его развернул – а бумага ровно опаленная.

–Я никогда не видел учителя в таком гневе, – подал голос Арколь, сидевший справа от Сыча. – Я думаю, что если бы не наше присутствие, он десятком молний не ограничился. Спалил бы полдома начисто…

–А толку? – Сыч пожал плечами, отхлебнул из кружки, поморщился – черное пиво, столь любимое в Шибальбе, было уж очень крепким, – и поставил ее на стол. – Ему только и оставалось, что гневаться. Что и говорить, обидно, опередил его братец.

–Ты ничуть не изменился, Сыч. – Шаммахит улыбнулся, влажно блеснув зубами. – По–прежнему выражаешь сочувствие, тыкая в самое больное место.

–Ты мне льстишь, ар-Раби,– И Сыч церемонно склонил голову. – Так вот и получилось, что пропажа наша нашлась… по крайней мере, стало ясно, где ее искать. И представь – ни я, ни Хэлдар не забыли, что один из наших давних знакомых однажды поменял ремесло пирата на промысел охотника за дарами Арр-Мурра.

–И вы решили обратиться за помощью к старому другу… – шаммахит оглядел сидящих вместе с ним за столом. – А я-то думал, что задержался в этом городишке случайно, а оказалось – вас дожидался.

–Тебя почти невозможно застать здесь. Я всякий раз, когда бывал в Шибальбе, спрашивал о тебе – и все без толку. Или ты уже ушел, или еще не вернулся, а искать тебя на твоих тропах – благодарю покорно. – Хэлдар говорил спокойно, ровно; он выглядел немного усталым – эльфы плохо переносили жару и сушь, – но довольным. Им и в самом деле посчастливилось – ар-Раби, спасенный вместе с Сычом из храма в нильгайских лесах, стал одним из лучших проводников по проклятым землям. И все еще был жив.

–Ты прав, я редко бываю здесь, а задерживаюсь еще реже. Пустыня крепко держит меня – только в ее объятиях я засыпаю спокойно. Здесь, – ар-Раби повел рукой, указывая на окружающие их стены, – здесь мне не-

уютно. Слишком много всего – людей, вещей, слов… Так что собирайтесь быстрее – долго я вас ждать не буду.

–А чего нам особо собираться. Так ты согласен вести нас? – Сыч явно был обрадован словами ар–Раби.

–Возможно, ты не все и не совсем понял. – Хэлдар внимательно глянул на шаммахита. – Мы должны идти в самое сердце проклятых земель. Не по окраинам пустыни. Не в оазисы. Даже не по границе Арр-Мурра.

–Да, так глубоко я не захаживал. – Согласно кивнул ар-Раби. – Но могу тебя утешить, господин эльф, – так глубоко не захаживал никто. Так что более знающего проводника, чем я, вы вряд ли найдете. Вот если бы Пьющий Песок не ушел двумя неделями раньше, может, он и согласился бы вести вас.

–Пьющий Песок? – эльф недоуменно приподнял бровь. – Так он и впрямь существует? Признаться, я думал, это не более чем легенда. То, что я слышал о нем, – какие-то неправдоподобные россказни…

–Неужели? – усмехнулся шаммахит.

–Ар-Раби, кто же поверит тому, что человек способен пройти сквозь пыльную бурю, или вести за собой подземный колодец, будто ручного зверька?

–Человек и не способен. А вот Пьющий Песок – он и не такое может. – Шаммахит, не спеша, отпил глоток воды – иных напитков он не употреблял – и продолжил.

–Боюсь, что уподоблюсь хранителю старинных баек, в которые никто, кроме желторотых новичков и еще живых ветеранов не верит, но уж позвольте самую малость помучить старых друзей. Это случилось, когда я впервые попал в решетчатые дюны – впрочем, вы ведь не представляете себе, что это такое, по вам, пустыня это ровный песочек, вроде морского побережья… Я помню, как сам был поражен, впервые увидев ее великолепие – бескрайние холмы… застывшие волны, звезды, серпы, полукружия… – и шаммахит прикрыл глаза, вспоминая и наслаждаясь. – А в решетчатых дюнах и опытному проводнику заблудиться не стыдно, такая там путаница, и ориентиров никаких. А у меня тогда всего пара походов за плечами была. Вот и плутал я там сутки, а потом и вторые. А на закате третьего дня, когда я уже еле ноги волочил, на меня прямо из-за бархана вышел Пьющий Песок. Присел рядом, дал воды из своей фляги напиться – и пусть меня сожрут пустынные волки, если эта вода не была холодна как сердце моей бывшей жены! Потом велел держаться левой стороны лабиринта, сам встал и пошел себе куда-то восвояси. А на прощанье протянул горсточку леденцов, завернутых в розовые лепестки, и сказал…

–Что сказал? – не утерпел Арколь.

–Что в пустыне нельзя отчаиваться и падать духом. «Ты же любишь ее, так пусть любовь и ведет тебя». Через несколько часов я вышел из дюн.

–Разве ты не пошел за ним? – изумился маг.

–А разве он меня пригласил следовать за собой? – в свою очередь изумился проводник.

–Даже если и так. – Хэлдар отодвинул от себя пустой бокал. – Что нам толку от этого чудотворца?

–Он прав. – Кивнул Сыч. – Нам, кроме как на себя и на твое мастерство, рассчитывать не на кого. Да оно и к лучшему. Приказывай, ар-Раби – когда и с чем отправляемся.

–Прошу прощения у милостивых господ… – неслышно подошедший слуга склонился в почтительном поклоне. Разогнувшись, он внимательно оглядел сидевших за столом, задержав выпуклые глаза на Хэлдаре и Арколе. Последний не удержался от того, чтобы не присвистнуть негромко сквозь зубы – слуга был одним из коренных жителей побережья Пустынных земель. Осталось их немного, возможно, именно поэтому они так цепко держались за свои обычаи; у слуги, как и полагается чистокровному южанину, голова была сплющена с висков, мочки ушей непомерно растянуты плоскими дисками серег, а передние зубы обточены на манер акульих.

–Прошу прощения, – слуга ясно улыбнулся, заставив и Сыча негромко чертыхнуться, – господин призывает эльфа к себе.

С этими словами слуга отодвинулся и скупым мановением руки указал на сидящего в отделенном полутемном углу посетителя – ничем не приметный человек лет сорока, с короткими седыми волосами, что-то высматривал на дне своей кружки. Друзья недоуменно переглянулись, а ар-Раби что-то негромко прошептал себе под нос – то ли выругался, то ли помолился…

–Господин призывает эльфа, – повторил слуга, не понимая, чего еще надо этим пришлецам, каких еще слов они ждут от него.

–А с чего бы это? – принахмурился орк.– Ишь, призывает… Хэлдар, ты его знаешь?

–Замолчи, Сыч. – Шаммахит поднял руку. – Хэлдар, советую не медлить. Это Пьющий Песок… и задуши меня суховей, если я понимаю, как он тут оказался. Иди же…

Эльф пожал плечами, встал, и последовал вслед за слугой.

Тихо поскрипывает песок под сапогами. Здесь, в Шибальбе, он повсюду – тонким слоем на полу, мети – не мети, на сто раз протертых столешницах перекатываются под тарелками рыжие песчинки, в любом кушанье – они же неизбежной приправой, и на дне всякой кружки оседает песчаный осадок. В волосах, в карманах, в шелестящем глухом южном выговоре – песок. Под подушками, под ногтями, под солнцем – песок. Здесь, в Шибальбе, на побережье – рыжий, местами светло–желтый; чем дальше в пустыню, тем он светлее и мельче. Сухим песком пахнет ветер, сырым – вода… Если долго смотреть на песчаные волны, то можно заметить, как они движутся – еле заметно, как грудь крепко спящего исполина. Если долго смотреть на пустынное солнце, то можно понять – оно тоже песчинка, желто-рыжая, горячая, круглая… скатывающаяся с неба на край земли. А если однажды встать на тропу, вьющуюся меж песчаных холмов, то песок сначала слегка

втянет в себя ноги шагнувшего, а потом отпустит, и так легко будет идти, и тропа будет виться как причудливый рассказ, и не отпустит уже никогда.

Хэлдар подошел к столу, отодвинул тяжелый стул, присел. Пригласивший его все так же невозмутимо вглядывался вглубь кружки с водой. Эльф, наученный давним опытом, разговора первым заводить не спешил и ждал. Наконец, человек поднял глаза от воды и в упор глянул на Хэлдара.

–Рад встрече. Давно тебя жду… что так медлил?

На эльфа смотрели глаза цвета выгоревшего пустынного неба, опушенные белесыми ресницами; заглянув в них, эльф ощутил что-то до боли знакомое – усмехающийся свет… память и власть… готовность слушать и слышать все голоса мира.

–Вы ждете меня. Зачем?

–Разве об этом ты хотел спросить? – Пьющий Песок приподнял бровь.

И голос… нет, голос был другим. Тот был весел даже в минуты безнадежного отчаяния, в нем словно поблескивали золотые искорки, а этот – ровен, негромок, и собеседнику поневоле приходится напрягать слух, чтобы различить оттенки в этом серебристо-сером бархате.

–Вы звали меня. – Эльф сам не знал, чего тут было больше – вопроса или утверждения.

–Неужели?

Нет, он явно насмехался. Хэлдар отвел глаза, с неподдельным вниманием рассмотрел чахлые кустики, царапающиеся в пыльное оконное стекло короткими толстыми колючками, и быстро глянул на собеседника. Нет, исключено. То лицо было тонким, четок и резок был рисунок рта, брови будто переламывались над висками, и улыбка – Хэлдар помнил ее. Помнил застывшей на бронзовых губах, украшенную тонкой струйкой крови, стекающей на подбородок… Проводник ни красотой, ни тонкостью черт не отличался. Ничего общего. Вот только глаза…

–Мальчик, не думаешь же ты, что все мы на одно лицо? – усмехнулся Пьющий Песок.

–Вы не похожи на эльфа, – ничего умнее Хэлдар не придумал сказать.

–Так я и не эльф. Хотя… может, как-нибудь. Так о чем ты хотел спросить меня?

–Вы знали моего отца? – с трудом выговаривая слова, настолько нелепым казался ему этот вопрос, спросил Хэлдар.

–Знал. Что еще?

–Но… когда это было? Он ничего мне про вас не рассказывал… и, судя по вашим годам, он мог знать вас разве что младенцем.

–Наоборот. Это я старше его. Да и какой возраст у тех, кто не знает времени? Так, видимость одна.

Хэлдар помолчал. Разговор грозил затянуться, а как раз временем эльф не располагал.

–Вы – Пьющий Песок? – решил все же уточнить эльф.

–Пока да.

–Тогда не согласитесь ли вы быть нашим проводником в Арр-Мурра? – здесь, в Шибальбе, было верхом невежливости вот так прямо обозначать цель дороги, но Хэлдар решил пренебречь церемониями.

–Вот прямо так? Ты даже имени своего мне не назвал…

–Хэлдар, сын Гая. – Имя рода Хэлдар не произнес.

–Так вот, Хэлдар, сын Гая, я не пойду с вами в Арр-Мурра. Это твоя дорога, и не мне ее переходить.

Пьющий Песок взял кружку и надолго припал к ней. Обычную воду он пил как дорогое вино – впрочем, это было в обычае у всех проводников. Ни привозного вина, ни местного черного пива они не пили – только воду. Эльф, на мгновение опешив, перевел дыхание, стараясь ничем не выдавать своего негодования.

–И на том благодарю. Но зачем же вы меня звали?

–Я давно тебя жду, – пожал плечами Пьющий Песок. – Она там совсем одна, Хэлдар. И помощи ей, кроме как от тебя, ждать неоткуда. Поспеши, мальчик.

И проводник вновь устремил взгляд в глубины кружки, давая понять, что разговор закончен. Хэлдар, однако, так не считал.

–Вы говорите загадками. И, боюсь, я вас плохо понимаю.

–Глупости какие… – укоризненно качнул головой проводник, – все ты прекрасно понимаешь.

–Значит, я должен поверить тому, что вы когда-то знали моего отца, и если меня не обманывают глаза, вы не просто знали его, вы… одной крови. И моя Амариллис… ее вы тоже будто только вчера видели. И всему этому я должен поверить?

–Ты уже поверил. И довольно об этом. Повторяю – у тебя мало времени. Ар–Раби хороший проводник, пустыня любит его. Да и тебе пора вспомнить все, что ты умеешь… вот уж не думал, что придется тебя уговаривать.

И проводник опять опустил глаза. Хэлдар невольно проследил за его взглядом – прозрачная вода в темной глиняной кружке, все тот же песок на дне… вдруг среди белесых песчинок вспыхивает одна золотая искорка, потом еще одна, и еще… Хэлдар не успел их сосчитать, потому как спокойно искрам не сиделось и они метались в воде, выписывая петли и закручиваясь в спирали.

–Возьми. – Очнувшись, эльф вздрогнул и поднял глаза на собеседника. Тот положил перед ним небольшой сверток, укутанный в грубое полотно. – Возьми, посмотришь потом, когда выйдете из Шибальбы. Это карта Пустынных земель. От всех бед она вас, конечно, не избавит, но кое-что поможет обойти.

Эльф встал; он как-то очень ясно почувствовал, что разговор действительно закончен, и тянуть его не имеет смысла, а возможно, даже опасно. Он взял сверток, сдержанно поклонился и вернулся к своим спутникам.

–Ну что, он пойдет с нами? – нетерпеливо спросил Сыч.

–Нет, – покачал головой Хэлдар. – Не пойдет.

–Эээ… – разочарованно протянул орк. – А чего ради звал?

–Ради этого, – эльф спрятал сверток в сумку. – Он дал мне карту Пустынных земель.

–Уже неплохо, – покивал ар–Раби. – Ты все такой же скрытный, мастер эльф. На тебе лица не было, когда вы говорили… будто призрака увидел.

Эльф промолчал.

–Как бы то ни было, нам пора. Даю вам остаток этого дня на сборы, сегодня в ночь выходим. Лошади у меня свои, я их для каждого похода сам подбираю, так что озаботьтесь только припасами. Вернее, их оплатой. А то, вам волю дай, вы вина накупите и солений, – и ар-Раби хохотнул. – Пожалуй, я сам пойду с вами. Так оно вернее.

Когда несмело заблестели в небе первые звезды, Шибальба была уже далеко позади. Ехали молча, все распоряжения ар–Раби уже сделал, все наставления преподал. Он предупредил их, что передвигаться по пустыне можно только ночью, в предрассветные и сумеречные часы, а на вопрос Сыча, что же им останется делать днем, коротко ответил: «Умирать». Поначалу ар-Раби предложил сначала двигаться по нахоженным караванным тропам, но потом сам же от этого отказался.

–Мы потеряем слишком много времени. Я так понял, вам нужно в самое Сердце Зла – а все тропы кружат вокруг да около. Что нам хороводы водить, идем туда, куда нужно.

И решительно свернул вглубь каменистого плоскогорья, оставив тропу по левую руку. Они ехали на низкорослых лошадках, еще трех вели в поводу. Когда первая ночь в пустынных землях подошла к концу, и небо побледнело, будто ужасаясь предстоящему восходу солнца, ар-Раби остановил свой маленький караван и приказал готовить стоянку. Сыч и Арколь выкопали в сухой, звенящей земле яму глубиной около трети роста взрослого человека, достаточную для того, чтобы вместить всех четверых путников. Над этим странным укрытием, больше напоминающим могилу, ар-Раби и эльф соорудили навес – первый слой из белого полотна, закрепленный камнями, и второй, отделенный от первого небольшими деревянными стойками, сделанный из ткани, сплетенной из серебряных нитей; при свете занимающегося утра она выглядела как рыбья чешуя. Лошадям было позволено щипать колючие кустики, путники ели сухие медовые лепешки, вяленые фрукты, запивая их водой. Поев, ар-Раби напоил лошадей и дал каждой по пригоршне какой-то сухой травы, которой у него была целая сумка. После этого лошади опустились наземь и замерли, будто одурманенные, проводник накрыл их кусками полотна, прижав их края ткани камнями.

–Так им легче прожить день, – пояснил он. – Мы делаем то же самое. Эта трава вызывает что-то вроде временного оцепенения, замедляет дыха-

ние, сердцебиение… говорят, это похоже на тихую смерть, но лучше уж так, чем в полном сознании тихо сходить с ума, лежа целый день и не смея даже пальцем пошевелить.

–И долго так может продолжаться? – брови Арколя изумленно поползли вверх.

–Лошади выдерживают меньше месяца, если не давать им отдыха в оазисах. Люди – больше двух.

–А идти нам? – не договорил эльф.

–Как повезет. Может, месяц, может больше. Меня больше беспокоит вода. Придется поискать…

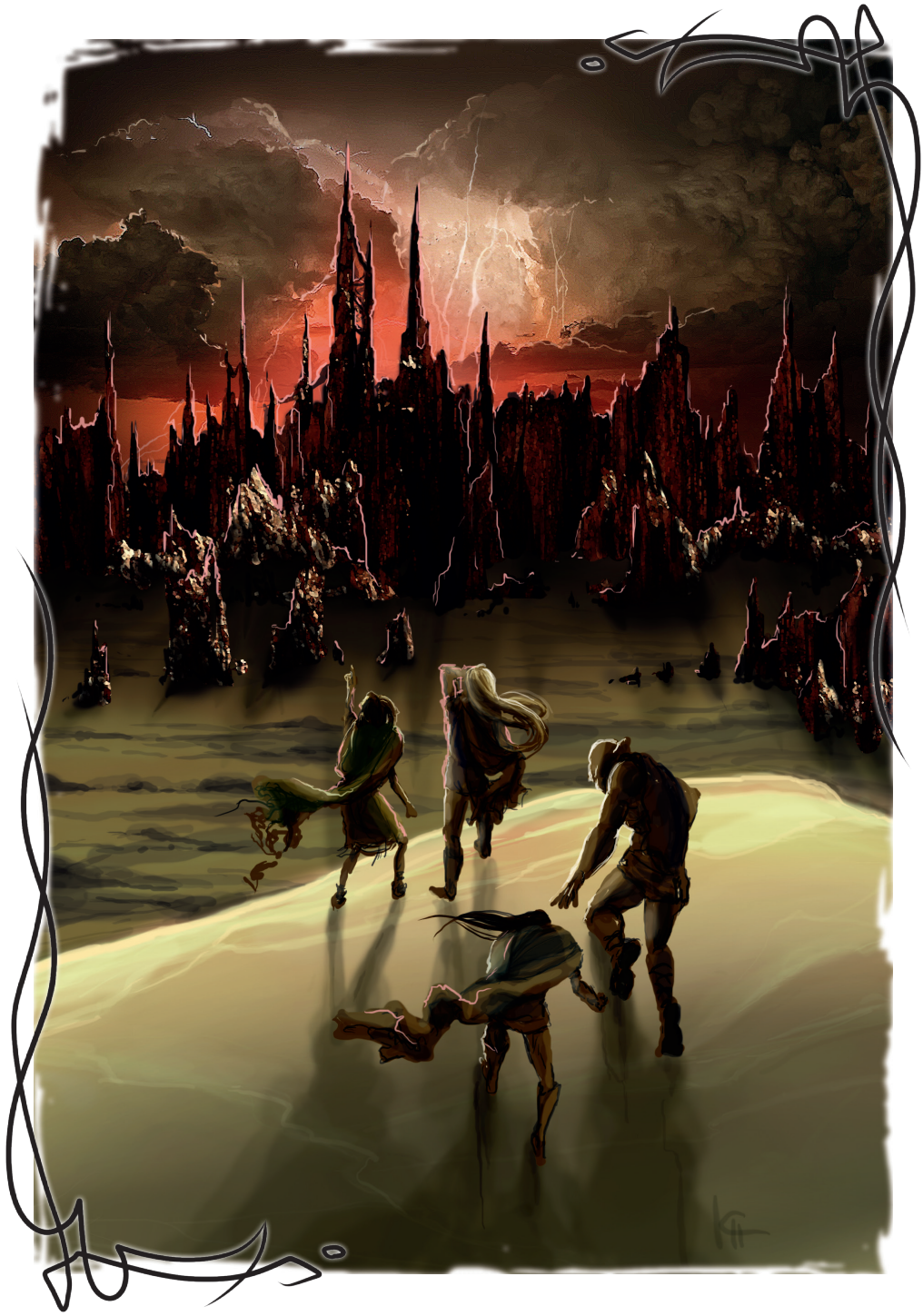
–А если не проснешься? Я слышал о таких травах, они очень опасны! – молодой маг вертел в пальцах тонкий хрупкий стебелек, глядя на него как на ядовитую змею.

–Опасны, а как же. Но не более чем здешнее полуденное солнце. Если остаться и бодрствовать с ним один на один – тогда точно не проснешься. А травка эта оставляет хоть какую-то надежду. Ну, довольно разговоров. Уже слишком светло. Советую всем развязать пояса и выправить рубахи. Ложитесь и отдыхайте от трудов земных… – и ар-Раби усмехнулся.

Шаммахит проследил за тем, как они улеглись под навесом, сам еще раз прошел вокруг, посыпая землю заранее запасенной золой («Чтобы пауки не лезли», – пояснил он), и только потом сам забрался в укрытие. Действие дурмана не заставило себя ждать. Верхний слой навеса еще только начинал раскаляться, а все путники уже впали в тяжелое забытье.

Сердце затаилось в груди и лишь изредка вздрагивает, разгоняя оцепеневшую от жары кровь. Легкие крошечными порциями вбирают раскаленный воздух, обжигающий ноздри. Тело бессильно распластано, словно марионетка с обрезанными веревками, словно тряпичная кукла, брошенная хозяйкой на пол.

Куда тебя несет, мастер ельф? Неужели нельзя попасть в царство мертвых более приятной дорогой? Что гонит тебя? Долг? Чувство вины? Ах любовь…Ты все еще надеешься спасти ее, унесенную в самое сердце проклятых земель… Без нее твоя жизнь потеряла всякий смысл. Самые важные события проходят мимо, не трогая, не задевая тебя. Слова великих и властных едва доходят до твоего слуха. Ты потерялся в этом мире, что-то непоправимо, безнадежно разладилось в тебе. Без нее – только и просто Амариллис. Не хозяйки алмаза темной крови, повелевающей невиданной силой, на которую позарился даже бог. Тебя такие малости не трогают. Мастер ельф хочет вернуть свою возлюбленную… Скучно и трогательно. Ее величество Воздуха наверняка бы с презрением вздернула подбородок и сказала, что эльфу равняться с героями глупых человеческих баллад – все равно, что ездить верхом на осле. А тебе все равно. На осле так на осле.



Они начали приходить в себя, когда солнце уже зависло над горизонтом как бумажный красный суртонский фонарь.

–Ну и травка, мать ее… – просипел Сыч, с трудом приподнимаясь на локте и из последних сил подавляя протесты своего желудка. – И что, так теперь каждый день?!

Ответом на его вопрос послужили слабые стоны Арколя, пытающегося выползти из–под навеса прямо на животе на манер земляного червя. Ар-Раби проснулся раньше всех и, подняв лошадей, принялся помогать спутникам.

–Ничего, первые дни самые тяжелые. Потом привыкнете, голова болеть перестанет… Ничего не поделаешь. Без дурмана нам не обойтись, никому не выдержать полуденной жары в полном сознании, даже и в укрытии. Кровь свернется, если ее не угомонить. Сыч, помоги мне поднять Хэлдара.

Эльф перенес действие дурмана тяжелее всех; как, впрочем, и саму пустыню тоже. Ему единственному ар-Раби увеличил порцию воды. Получив строжайшее предупреждение от проводника ни в коем случае не утаивать от него недомогания («Знаю я вас! Предпочтете помереть, пыжась от гордости, чем признаться в слабости!»), эльф честно и спокойно отвечал на вопрос о самочувствии: «Хуже еще не бывало».

Еще до полного захода солнца он напомнил друзьям о полученной им карте. Ее достали, развернули – и ахнули. Карта была вышита золотом, черным, красным и белым и поначалу показалась похожей более на причудливый узор. Но, приглядевшись, проводник рассмотрел на ней знакомые очертания.

–Вот это – и его палец провел извилистую линию вдоль черного лепестка, – это похоже на восточную окраину. Это явно Неделя Солончаков – и он указал на семь неровных красных пятен.

Ар-Раби еще долго рассматривал карту.

–Странно, – сказал он, отдавая ее эльфу, – кажется, что это и не карта вовсе. Поначалу я подумал, что Пьющий Песок пошутил… это вполне в его духе. Его шуток не понимает никто, кроме него самого. Больше на цветы похоже. А приглядеться – и впрямь карта, причем отличная. Если бы не ней еще и источники были… – и он вздохнул.

После первых трех дней пути, когда каменистое плоскогорье осталось за спиной, начался обширный песчаный участок, протянувшийся до самого горизонта. На закате четвертого дня пути ар-Раби принялся искать воду. Им повезло – совсем рядом с их стоянкой нашелся священный знак обо – высокая жердь, увешанная костяными погремушками и увенчанная лошадиным черепом. В трех шагах от нее был источник, укрытый от солнца маленьким куполом, сложенным из камней. Размотав длинную веревку, связанную из многих узких кусков кожи, небольшим кожаным же ведерком натаскали воды, напоили лошадей, наполнили фляги и бурдюки.

–Как получилось, что ты остался при этом ремесле? – поинтересовался Сыч у ар-Раби. Они шли, ведя коней в поводу, давая им возможность отойти от действия дурманных трав. К этому времени трое новичков начали привыкать к новому порядку дня, и даже начали разговаривать.

–Скорее это оно оставило меня при себе, – шаммахит протянул орку пригоршню сухих слив и продолжил, – вот, начинай свой завтрак. Мой первый поход был на редкость удачен, из отряда выжила почти половина, и я в том числе. Добычей со мной поделились по справедливости, и я смог сразу же купить себе дом в Шибальбе и завести собственную конюшню. Покупать для каждого похода лошадей у барышников – сплошное разорение, своих держать дешевле, опять же подбираешь сам: ближний путь – можно и слабых взять, не страшно, а как сейчас – самых лучших пескам скормлю.

Ар-Раби на ходу раздал эльфу и магу их порции сушеных морщинистых ягод. Те взяли их и без особого удовольствия принялись жевать.

–И, раз уж удача улыбнулась мне здесь, я счел за благо остаться и продолжить столь удачно начатое. Несколько раз попадался, не без этого, но она – и шаммахит улыбнулся, оглядывая пустыню, – всякий раз отпускала меня. Полуживого, обожженного, готового умирать – отпускала… Да и к травам я привык, вне пустыни их никто не употребляет, а здесь без них не выжить. А мне уж очень хорошо спится после двух-трех стебельков.

Тут он прервался и приказал всем остановиться. Усевшись на песок, его спутники ждали воды. Ар-Раби сам определял, сколько кому полагается драгоценной влаги, сам делил ночную норму на порции и никому не приходило в голову поспорить с ним.

Прошла первая неделя дороги; потом еще одна, и еще. Они просыпались поздним вечером и начинали ночной переход, еще не полностью очнувшись от действия дурмана, – шли в оцепенении, похожие на вереницу душ умерших, шествующих к месту успокоения. Потом, когда всходила луна, и ее серо-серебряный свет разбавлял холодный темный воздух ночи, путники приходили в себя настолько, чтобы остановиться и поесть, ощущая вкус вяленых фруктов и кусочков темно-коричневого сахара, сваренного с молоком. Иногда даже разводили костер, наломав колючих, толстых веток кустарника, стелющегося по земле. Они шли всю ночь напролет, не спеша и почти не отдыхая. Рано утром останавливались, ар-Раби находил место для дневного убежища, и, раздав спутникам утреннюю порцию воды, торопил их с устройством дневки. Сменяя друг друга, они выкапывали яму («братскую могилу», как мрачно шутил орк), расстилали полотно, укрывали лошадей. И ложились рядом, на сухую мертвую землю, не пахнущую ничем, не теплую и не холодную, безучастно жесткую. Закрывали глаза и впадали в тяжкое забытье, без снов и грез, каждый раз не зная – настанет ли пробуждение.

Путешественникам удалось преодолеть песчаный лабиринт, почти не заплутав в барханах, похожих друг на друга как две песчинки – исключи-

тельно с помощью карты и, как ни странно, интуиции эльфа, который, преодолев оцепенение первых дней, смог неплохо ее читать. Арколю и ар–Раби удавалось находить источники воды, когда иссякали ее запасы. Они прошли мимо солончаков, миновали несколько бессточных котловин, где столетиями тлела в неподвижности горько–соленая вода. На берегу последней из котловин пали три из шести лошадей: придя в себя повечеру, они, не дожидаясь пробуждения хозяина, спустились к воде… там их ар-Раби и нашел.

–Помнишь Нильгау, ар-Раби? – голос Сыча стал немного ниже и тяжелее, но держался он поразительно – казалось, его выносливость не имеет предела. – Там от слякоти не знали куда деться, все хлюпало и скользило…

–А здесь того и гляди глаза усохнут и вывалятся, – буркнул Арколь, – не знаю как вы, а я этим скотинам почти завидую – напились досыта и издохли счастливыми…– еще прошлой ночью маг жаловался на несильную боль в животе и, судя по тому, как он кривился и бледнел, лучше ему не стало.

–Лично я издыхать пока не собираюсь и тебе не советую, мэтр, – орк протянул руку, чтобы дружески хлопнуть мага по плечу, но в этот момент Арколь так резко вздрогнул, будто его ударили, и упал. К счастью, судороги оказались несильными и скоро закончились, друзья даже не успели как следует испугаться.

–Ну вот… – ар-Раби достал из сумки мешочек, высыпал пригоршню какого-то белого порошка во флягу и принялся взбалтывать, – вот и началось. А я думал, первым Хэлдар не выдержит. На вот, пей. – Он сел рядом с Арколем и протянул ему питье.

Арколь все еще дрожащей рукой взял флягу, отхлебнул и закашлялся, отплевываясь.

–Да ты что, ар-Раби?! Она же соленая!

–Конечно, я ее при тебе подсолил. Пей. Или хочешь в судорогах через каждый час падать? Надо было тебя еще вчера напоить, может, и обошлось бы.

Пришлось магу через силу, корча рожи, выпить соленой воды; потом он всю ночь мучался от жажды, еще более сильной чем обычно, но судороги не возвращались. Из-за Арколя шли медленнее, чаще останавливались; на одном из привалов ар-Раби развел костер, вскипятил воду, заварил кипятком сушеные абрикосы, добавил горсть засахаренных розовых лепестков и разлил отвар по кружкам.

–Пейте. Сегодня ровно месяц, как эта земля позволяет нам ходить по ней. Вам уже повезло – многие из шагнувших на песчаную тропу сходили с нее на половине этого срока.

Молча, наслаждаясь нежным, почти забытым запахом плодов, путники пили горячую воду.

–Скажи, ар-Раби, неужели все рассказы об оазисах лживы? – спросил Арколь, с трудом отрываясь от кружки. – Месяц пути, и ни одной передышки!

–За пределами Арр-Мурра оазисов почти нет, – покачал головой проводник.

–А долго ли еще?..

–Нет. – Голос эльфа был тих и уверен. – Мы почти у цели. Смотрите.

И он развернул карту, разложил ее на песке. В отсветах костра она казалась чуть ли не живой, так искрились и трепетали вышитые золотом контуры.

–Мы здесь, – Хэлдар указал на точку в сплетении красных нитей. Рядом с нею начинал извиваться тонкий черный лепесток, затем следовал несимметричный узор из красных и черных пятен, а за ним была чистая золотая сердцевина. – Я так понимаю, это граница Проклятой земли.

–Пожалуй, что и так. – Ар-Раби довольно улыбнулся. – Вот и славно… а то вы совсем заскучали.

Арколь поперхнулся и закашлялся.

–И что же нас ждет в Арр-Мурра? Мы, оказывается, уже на пороге, а ты нам так ничего толком и не рассказал об этих благословенных местах.

–А зачем? Вы и так немало успели наслушаться, пока в Шибальбу доплыли. Все, что слышали – правда. Неполная, конечно, потому как ни один из охотников за пустынными редкостями всей правды о своих вылазках не расскажет – кто ж в такое поверит, а слыть лжецом не всякому приятно.

Ар-Раби помолчал, вспоминая что-то и кивая своим воспоминаниям.

–Легкая дорога закончилась. И не кривись, Арколь, она и впрямь была легкой для нас – даже пустынные волки ни разу не побеспокоили. Дневное убежище теперь придется заговаривать – надеюсь, это ты умеешь? Как от кого? От обычных хищников, от тех, кому по вкусу теплая кровь и плоть. Пойдем, как шли, но с оглядкой. По Арр-Мурра идти ночью вот так просто нам не позволят. Я бывал здесь не раз, и всякий раз дивился богатству фантазии создателя… Со здешними тварями разговор короткий – или ты их, или они тебя. Хуже с зачарованными местами – они нападают неявно. Один из прежних моих спутников погиб, попытавшись перейти по битому зеркалу до оазиса – решил, игра стоит свеч, несколько порезов заживут за пару дней, а в оазисе будет чем поживиться. Вот только путь оказался слишком длинным, здесь так бывает, что близкое оказывается далеким. А оазис и вовсе растворился в воздухе, когда он до него дошел.

–И как ты об этом узнал? И что это за битые зеркала такие?– невозмутимо поинтересовался Сыч.

–Я пошел в обход зеркала. Морок был отражением оазиса, а сам оазис – за первым же барханом… Тот человек истек кровью в какой-то сотне шагов от спасения. Арр-Мурра не любит, когда незваные гости не проявляют почтения и прут напролом. Но я надеюсь, что с картой и чутьем Хэлдара нам будет проще. А битое зеркало… сами увидите.

–Вот уж никогда не подумал бы, – Сыч кивнул в сторону эльфа, – что остроухое отродье в песках будто в родном лесу вольготно разгуливать бу-

дет. Я, признаться, ожидал – не обижайся, брат, – что тебя придется на себе тащить, настолько не твое это место.

–Место и вправду не мое, – кивнул эльф – И я сам боялся того же. Я думаю, это карта позволяет мне слышать здешние земли.

–Не хочу показаться назойливым, но может и я на что-нибудь сгожусь? – Арколь, облизывая пересыхающие от жажды губы, с благодарностью принял от ар-Раби вторую порцию горячего отвара.

–Скажите, какой скромник выискался! – хохотнул Сыч. – Наполовину эльф, наполовину магик… Если бы здоровьем хлипковат не был, впору одному эти пески штурмовать.

–Славная компания подобралась, – улыбнулся шаммахит.

Они сидели вчетвером вокруг костра, и изредка пламя выхватывало из темноты их лица – похудевшие, обветренные, усталые, но спокойные. В глазах, отражающих маленький рыжий костерок, не было отчаяния и боли; решение, принятое в доме аш-Шудаха, – идти за Амариллис хоть в Арр-Мурра, хоть за Край Света, – при всей его нелепости и невыполнимости дало им покой. Их отговаривали все – и маг, и сородичи Сыча, и даже актеры. Кроме Лорки, запросившегося с ними. «Сначала вас измучает пустыня, потом Гарм всласть наиграется с вами, как змея с птичками… неужели вы думаете, что он подпустит вас к ней?»

–К слову сказать, я так и не спросил, какой ветер гонит вас в эти земли. Мы зашли вместе так далеко, что вы можете больше не таиться от меня.

–Если я скажу тебе, что мои жена и сын в Проклятых землях и мы идем за ними? – эльф внимательно смотрел на проводника. – Или ты сочтешь нас сумасшедшими и лучше придумать причину повесомей, вроде талисмана невиданной силы, спрятанного в одном из оазисов и нужного позарез одному из моих королей?

–Жена и сын? Что же может быть весомей? Подумаешь, талисман… большинство их только здесь и действуют, а как вынесешь из песков – или рассыпаются, или просто угасают.

–Ты даже не удивился, – заметил орк. – Будто знал.

–Ну… не буду скрывать, пару месяцев назад у нас ходили слухи, что молодой хозяин принес кого-то в свой дом. И выселил Одноглазого на границу внутренних земель, поэтому туда лучше не соваться.

–М-да… – протянул Сыч. – Скрытность шаммахита, умноженная молчаливостью пустынного охотника. Почему ты молчал о своих догадках?

– Здесь привыкаешь молчать. – Пожал плечами ар-Раби. – И держать свои догадки при себе, пока не представится случай их проверить. Всех здешних охотников я знаю наперечет, новичков тоже за версту видно. И вдруг появляетесь вы, эльф, орк и магик – милая компания, ничего не скажешь. А приплываете на обычном торговом корабле, хотя Хэлдару вроде как положено с гораздо большими почестями путешествовать. Вы не то чтобы прятались, но явно торопились и не откровенничали даже со мной.

Нетрудно было догадаться, что на нашу окраину вас привело что-то очень важное. Любой из даров Арр-Мурра – хоть самый редкостный – вы можете просто купить, незачем ради этого самим подвергаться стольким опасностям. А больше здесь ничего ценного нет, кроме того, о чем знали только вы.

–Скажите на милость… – Пробурчал Арколь. – Здесь все такие догадливые?

–Ты мне льстишь, мэтр Арколь. Пьющий Песок понял все гораздо раньше меня. Ведь он говорил именно с Хэлдаром и карту отдал ему – потому что кто как, а он эту дорогу пройти должен. А мне помогла привычка молчать и слушать. Я просыпаюсь раньше всех вас, и уже привык слышать ее цветочное имя. Хэлдар, ты зовешь ее во сне…

Рассвет застал их уже за цепью искрошенных временем, рассыпающихся скал; не тех, движущихся, что окружали внутренние земли Арр-Мурра, до них было еще добрых две недели пути. И все же им удалось зайти достаточно далеко – целыми и невредимыми.

Глава десятая. Проклятые Земли

Амариллис проснулась. На этот раз сон покинул ее решительно и бесповоротно; это удивило ее – все предыдущие короткие пробуждения заканчивались возвращением неодолимой дремоты. Не найдя в себе желания вернуться в сон, бездумный и беспробудный, она вздохнула и открыла глаза.

Как и полагается после долгой недвижности, тело ослабело и с трудом понимало ее приказы, тоже, впрочем, не особо внятные. Решив поднять руку, чтобы протереть глаза, Амариллис обнаружила, что может только пошевелить пальцами. Немного полежав, она чуть приподняла голову и огляделась. Оказалось, что она лежит на широкой кровати, со всех сторон окруженная занавесью из тонких темно–зеленых лиан, усыпанных мелкими белыми и темно–красными цветами, ниспадавших откуда-то сверху, наверное, с потолка. То, что поначалу показалось девушке легким покрывалом, закрывающим ее обнаженное тело до шеи, тоже оказалось чем-то живым. Это были такие же лианы, обвивавшие ее осторожно, но цепко; некоторые – с белыми цветами – еле держались и, стоило Амариллис пошевелиться, как они соскальзывали с ее тела, а другие все еще тесно прижимались к ней. Девушка собралась с силами, приподняла руку, зацепила пальцем одну из таких веток и потянула на себя. Темно–красные цветы, уткнувшиеся раскрытыми венчиками в ее бедро, оторвались с тихим щелчком, оставив по себе едва заметные следы от тонких проколов, и только в одном месте выступила капелька крови.

–Не пугайся… и лежи спокойно. Не вскакивай вот так сразу.

Знакомый голос отвлек ее; поднявшееся было тяжелое, тошнотворное воспоминание о хихикающих пиявках Гиблого болота отпустило. Амариллис повернула голову – у ее изголовья, раздвинув живую занавесь, стоял тот самый юноша, что принес ее в это место. К счастью, в своем изначальном облике, иначе Амариллис снова стало бы не по себе.

–Лежи, лежи. Просыпайся потихоньку, а я тебе пока все объясню. Сын твой жив, здоров, растет быстро, как весенняя травка. Как только встанешь, сразу к нему и пойдем.

Гарм подошел к Амариллис и начал осторожно освобождать ее от лиан.

–Это, в общем-то, обычные кровохлебки, но для тебя они постарались. Ты, как только сюда попала, вдруг как-то сразу умирать собралась. Не удивительно – столько тягот и никакой помощи… удивительно, как ты вообще выжила. Но в мои планы твоя скоропостижная кончина никак не входила. Я сам хоть и лишился матери в далеко не младенческом возрасте, но… – лианы тихо пощелкивали, скользили по телу Амариллис, будто поглаживали ее на прощание. – Да и Арчешу слово дал. Так что уговорил я эти цветочки погонять твою кровь, пока ты сама была не в силах даже это сделать.

Амариллис лежала молча, слушала, что говорит Гарм, смотрела, как он расплетает гибкие зеленые стебли, не так давно полные ее сонной кровью. Она сама удивилась, насколько мало взволновало ее чудесное спасение («У меня скоро войдет в привычку умирать… и в последний момент передумывать, » – подумала она).

–Ну вот, пожалуй и все. Попробуешь встать?

Амариллис, вспомнив, каким трудом дались ей самые легкие движения, собрала все силы и приподнялась на локтях. Ей казалось, что тело ее, непослушное и вялое, слеплено из мокрой ваты и толку от него никакого не будет.

–Ничего… не сердись так сразу. Два месяца сна кого хочешь в кашу превратят. Все вернется, Амариллис. Я помогу.

Гарм подошел, обнял девушку за плечи и усадил ее. Дав ей время отдышаться, он щелкнул пальцами; раздался негромкий топоток и Амариллис увидела, как сквозь зеленую занавесь проскользнул маленький человечек, напомнивший ей брауни, живших у Сыча. Ростом он был ей по пояс, одет в просторное белое платье, а на его выразительном личике причудливо соседствовали молодые блестящие глаза и глубокие морщины. За спиной у него дрожали прозрачные стрекозьи крылья. Поклонившись, он протянул Гарму сверток, в котором оказалось легкое короткое платье и шаровары до колен, – суртонский женский наряд, неизменно вызывавший уважение Амариллис за практичность. Гарм, ничуть не смущаясь, сам одел девушку.

–А сандалии зря принес, – сказал он человечку, – ей полезнее походить босиком. Быстрее ноги оживут. Знакомься, Ами, это Чиро, эллил. Жил здесь еще в прежние времена. Когда я был мальчишкой, мы дружили… и половина моих проделок была вдохновлена именно им. Потом… все изменилось. Но Чиро и тогда не пожелал покинуть этих мест…

–Только не строй иллюзий, Гарм, – ворчливо заметил человечек, – просто я привязался к дому. Только и всего.

–Кто бы сомневался, Чиро. Как там малышня?

–А что им сделается? Недавно проснулись, слопали все, что я приготовил… теперь резвятся вовсю. Когда я уходил, близнецы тролли затеяли строить мост через ручей, а Судри ползал наперегонки с саламандрами. Ох и шустрый у вас мальчик, госпожа, – и эллин поклонился Амариллис, – но честный. Знает, что бегом он их легко перегонит, а они девчонки обидчивые, так не счел за обиду и поползать – так, мол, честнее будет.

Амариллис не сразу сообразила, но Гарм предупредил ее недоумение.

–Чиро не заговаривается. Видишь ли… Вот так, осторожнее…

Он помог девушке встать.

–Давай ты хоть пару шагов сама сделаешь, а дальше я тебя понесу. Я решил, что твоему малышу одному тоскливо будет. Его, конечно, каждый день приносили к тебе, чтобы знал, что ты его не бросила, просто никак выспаться не можешь, потому что очень устала. Но компания хоть какая-то ему нужна. Спасибо Чиро, он подсказал. Мы с ним пригласили всю окрест-

ную малышню приходить сюда играть, отдали им почти весь сад и малый зал, он поуютнее будет.

Опираясь на руку Гарма, Амариллис сделала первый шаг – пошатываясь, еле держась на ногах; у нее кружилась голова, и все тело дрожало, будто от непосильной работы.

–Тяжело? – сочувственно спросил эллил. – Гарм, может, не стоит ей так надрываться?

–Ничего… – еле слышно ответила сама девушка. – Я привыкла. В школе еще и не так гоняли.

Позволив ей самостоятельно дойти до середины комнаты, Гарм затем подхватил ее на руки.

–На сегодня хватит. Сейчас отнесу тебя к сыну, а потом отдыхать.

Пока он нес ее по коридору, где стены были выложены плитками из ракушечника, она спросила:

–Ты сказал, я спала два месяца. А он говорит, мой сын уже ходит… Как такое возможно?

–Здесь по-другому сплетается время. Я и так постарался его замедлить. Я все тебе объясню, Ами. Немного позже.

Из прохлады коридора они вышли на просторную террасу, на теплом полу которой сплетались в замысловатый узор тени от листвы вьющихся растений, оплетавших тонкие резные колонны и свешивавшихся с крыши. Пологие каменные ступени спускались в сад, мало похожий на королевство Арчеша Мираваля; здесь совершенно не чувствовалась рука садовника, растения росли так, как им вздумается, не считаясь ни с чьими прихотями. Зеленые лужайки, окруженные густыми зарослями жасмина, где можно найти уйму уютных потайных местечек, белые каменные вазы, давно заросшие вьюнами, будто вскипающие цветами, источник, спокойно льющийся по плавно обточенным камням. И детские голоса, доносящиеся откуда-то неподалеку. Гарм только успел спуститься к траве, как ближайшие заросли огромных, запущенных пионов зашевелились и выпустили на свет сначала одного, а потом и другого малыша – серокожих, одетых в полотняные рубашонки, с большими руками и ногами. Увидев Чиро, они поклонились и хором сказали:

–Господин Чиро, нам нужна веревка. Чтобы над ручьем натянуть. И держаться за нее, когда переходишь. А то мостик скользкий очень получился. Его водой все время заливает. Потому что водяной вредничает.

Они говорили спокойно, с достоинством, а Амариллис во все глаза смотрела на них – она никогда не видела троллей, тем более маленьких, а эти двое были на редкость симпатичны – лупоглазые, большеротые, кряжистые.

–Будет вам веревка, – ответил эллил, – сейчас госпожу Амариллис отнесем на поляну, и я схожу в кладовую.

Тролли отвесили почтительный поклон и нырнули обратно в заросли.

–Исключительно воспитанные, даже для троллей. И толковые, – обратился Чиро к Амариллис, – вот водяной, тот озорник. И саламандры, если

перегреются, тоже не подарок. Впрочем, ваш сын со всеми ладит, такой уж у него характер…

Гарм шагал по густой траве, и бессильно свисавшие ноги Амариллис задевали ветки кустарников. Наконец он спустился по тропинке меж апельсиновых деревьев, усыпанных одновременно и цветами, и ярко–оранжевыми плодами, и вышел на поляну, посреди которой росло огромное дерево с невероятно широкой кроной, дававшей желанную прохладу и тень. Возле ствола сидела старушка с волосами, похожими на свежесвязанный веник, а вокруг нее в траве копошился десяток детей. Один из них, светловолосый и остроухий, обернулся на зов эллила. И у Амариллис перехватило дыхание. Гарм сделал еще пару шагов, осторожно усадил ее на траву и отступил.

–Судри?.. Судри!.. – Амариллис протянула руки, только что дрожавшие и вдруг враз окрепшие. Мальчик серьезно посмотрел на нее, узнал… заулыбался и заспешил, путаясь в траве ногами. Не раздумывая, он прижался к Амариллис, уткнулся лицом в ее шею и засопел. Она обнимала его крепко-крепко, и еле дышала, боясь, что все это окажется сном. Судри чуть отстранился и посмотрел ей в глаза.

–Мама…

Этого слова оказалось достаточно, чтобы Амариллис не выдержала и расплакалась. В ее голове не очень укладывалось, что этот по виду годовалый мальчик – ее сын, что он уже ходит, говорит. И он узнал ее. И ей ни с кем не придется делить его.

–Мой сын. Мой… – она прижимала его к себе, гладила светлые легкие волосы, то отстраняла, чтобы получше рассмотреть тонкие черты лица, то снова принималась обнимать…

–Ну вот и славно. Теперь тебе будет гораздо легче договориться с нею. – И эллил кинул на Гарма быстрый взгляд. Бог стоял в тени апельсиновых деревьев и, не отрываясь, смотрел на Амариллис. Не дождавшись ответа на свое замечание, эллил помолчал и снова заговорил.

–Не зря старались. Хотя, признаться, я привык этой мелюзге. Да и мальчишка у нее хороший, никаких с ним хлопот не было. Ты уже решил, что будешь делать?

Гарм кивнул, не отрывая взгляда от Амариллис.

–Для начала – верну ей прежние силы. В таком состоянии она и с мухой не сладит. Пусть отдохнет, сыном своим нарадуется. Не будем ее торопить. Нам спешить некуда, верно?

Эллил усмехнулся.

–От кого я это слышу?!.. Да ты и трех минут ждать спокойно не можешь! Даже на месте спокойно не постоишь, всю траву окрест вытопчешь.

–Ничего, потерплю. Поспешил однажды… повторять не хочется. И вот что, Чиро. Ты уж проследи, когда меня дома не будет, чтобы Фолькет и

близко к саду не подходил. Я ему приказал, но кто знает, где его терпение закончится. Не ровен час, она его увидит… или он ее.

–Да уж. И зачем вы только этакого взяли… мало вам окрестных тварей, так еще домашнюю завели.

–Чиро, я это тысячу раз от тебя слышал. Фолькет мне нужен. И довольно об этом.

–Ладно, ладно… – ворчливо согласился эллил. – А что мне с Амариллис делать прикажешь?

–Как что? Комната ее давно готова, просто перенеси туда постель Судри. Рассказывай побольше о ребенке, ей это будет интересно. Первые дни она будет постоянно засыпать, предупреди, чтобы не пугалась. Для начала пусть привыкнет ко всему. Подождем пока с объяснениями.

–Долго ждать не придется, – уверенно заметил Чиро, – она не из тех, кто терпит молча. Так что вы уж не удаляйтесь надолго.

–Как скажешь, мой друг… – и Гарм слегка наклонил голову.

Постояв еще с минуту, он неслышно отошел в сторону; повернулся спиной к поляне, залитой теплым солнечным светом, укрытой спасительной прохладой тени, и двинулся напрямик через сад, минуя все его вольное великолепие. Зайдя в дом, он быстро прошел коридором, свернул и остановился у высоких ступеней лестницы, ведущей куда-то наверх. Гарм поднялся на несколько пролетов, легко, не замечая несоизмеримой крутизны ступеней; повинуясь его руке, отодвинулся тяжелый засов, держащий дверцу. Поднявшись, бог выпрямился и огляделся. Он стоял на плоской, похожей на шаммахитскую, крыше дома, впереди и внизу был сад, переливающийся разными оттенками зелени, прямо под ногами – серый истертый камень. Еле заметная невеселая улыбка тронула губы Гарма, и он позволили себе задержаться еще на минуту, прежде чем принять тот облик, в котором привыкли видеть его земли Арр-Мурра. Развернув тяжелые крылья, он взмыл в небо; преодолел незримую преграду, обозначившуюся заметным усилием его крыльев и еле слышным хлопком, вроде того, что издает распускающийся цветок.

С такой высоты была видна совсем другая картина. Везде, куда хватало взора, – пустыня… мертвые земли, руины, наполовину засыпанные песками, окаменевшие остовы гигантских деревьев. Вокруг этого великолепия – рваная ограда рыже–ржавых скал, похожая на лабиринт. За ними – та же пустыня, безрадостная череда каменистых и глинистых плато, редких стоящих особняком возвышенностей, бесконечных песчаных холмов, изредка оживляемая немыслимыми здесь одиноко растущими деревьями, больше похожими на грибы из-за высоченного ствола и единственного плоского листа. И над всем этим – совсем не то ласковое солнце, что согревало сад, оставшийся далеко внизу; над головой Гарма плавилось в безысходной ярости невыносимо белое светило.

…Плавно, неторопливо движутся тяжелые нетопырьи крылья, сминая раскаленный воздух, свиваются в причудливый узор серебряные и золотые змеи. Сознание того, что давно задуманное близко к исполнению, приятно даже богу. Посмотрим, устоят ли Восточные Врата теперь – теперь, когда у него есть и сила, и право воспользоваться ею. Сила, вот уже не одну сотню лет томящаяся в осколке первородного льда, названного кратко живущими алмазом темной крови. И право выпустить эту силу, не будучи разметанным ею по закоулкам мироздания, право указать и открыть ей путь. Тонкие черные губы улыбаются… осталось совсем немного. Уговорить ту, в чьих слабых руках волею слепого рока оказалось это право; просить ее о помощи, рассказать ей о тоске гибнущего мира, о незавидной участи жизни, задыхающейся в уютной клетке. Она поймет – Гарм уверен в этом, он видел, как она танцует. Как там сказал Чиро? Не из тех, кто терпит молча…

Гарм опустился на край листа, венчающего одно из гигантских деревьев, присел, зачерпнул узкой ладонью воды – она оказалась неожиданно холодной, прозрачной, пахнущей свежестью раннего утра. Но пить богу не хотелось, и он небрежно стряхнул влагу со своих пальцев вниз; капли испарились, не успев долететь до земли.

С того самого дня, как Гарм переступил порог разрушенного дома богов, прошло не одно столетие. Он знал, что то место, в котором он сам пожелал остаться, мало чем похоже на его былой дом; он надеялся найти останки, руины, разрушенное великолепие – но никак не то, что встретило его за порогом. И чтобы хоть как-то определить суть произошедшего здесь, Гарм представлял себе Дом богов прекрасным рисунком, смятым, скомканным безжалостной рукой. Все четкие, строгие линии оказались изломаны и искривлены, все пропорции были нарушены, цвета смазаны и перемешаны. Первое время Гарм пытался восстановить разрушенное – но почти все его попытки оказались тщетными. Само пространство отказывалось слушаться его, да и время выкидывало шутку за шуткой. И все же ему удалось отстроить для себя небольшое крыло и сохранить малую часть сада (именно там он нашел Чиро, чудом уцелевшего в момент катастрофы), хотя и пришлось постоянно тратить силы на поддержание ограды вокруг этого мирного места, ибо остальные обитатели Арр-Мурра не соглашались вот так просто оставить его в покое.

Гарм понимал, что причиной искажения Дома богов стало его краткое соприкосновение с иной реальностью, находящейся за порогом Врат. Когда Сурт открыл их, в Дом словно ворвался сквозняк – на несколько секунд, и только, но и этого хватило, чтобы изменить саму сущность того места, где он просвистел, до неузнаваемости. И молодой бог, решившись дать новое имя старому дому, обрек себя на зависимость от него. Если Фенри и стал Лимпэнг-Тангом, то он все же играл… пусть уже не одну сотню лет, но играл. А Гарм действительно менялся.

Гарму пришлось привыкать к тому, что место океанских волн заняли бескрайние пески, что повылезавшие из уголков и закоулков смятого рисунка твари оказались крайне надоедливы и не всегда дружелюбны. Но самым тяжелым оказалось для него привыкать к одиночеству. Он скучал по брату, по матери, даже по дяде; но более всего – по отцу. Гарму не хватало его неизменной поддержки, понимания и ласковой иронии. Но шло время… и он привык быть один и ни в ком более не нуждался. Все свои силы, знание и любовь Гарм отдавал Арр-Мурра. Земли с сохранившимися руинами и его личным оазисом бог окружил лабиринтом, рисунок которого ежечасно менялся, скалы, образующие его, двигались бесшумно и быстро, расчерчивая песок красивым узором теней. А за пределами скальной границы на многие мили тянулась пустыня, разукрашенная гармовыми художествами, ибо нет ничего хуже, чем бог, томящийся от скуки.

То ли в шутку, то ли всерьез Гарм создавал одну за другой ловушки, как будто было кому посягать на тайны его земли. Первой его удачей были зеркальные такыры – огромные площадки сухой глинистой земли, чуть вогнутые к центру; если кому случалось попасть в центр такыра, он чувствовал себя стоящим на дне гигантской тарелки. В Арр-Мурра глина была до такой степени отполирована ветром, что отражала почти как зеркало, и отражение разбивалось на десятки правильных четырехгранных кусочков в черно-красных глазированных черепках такыра. И там, где проходил излом черепка, на теле отражающегося появлялся порез, тонкий, глубокий, сочащийся горячей кровью. Так что, если учесть размеры «битых тарелок», как их небрежно называл сам Гарм, то добрести от края до края и не истечь кровью было делом затруднительным.

Следующей причудой бога стали деревья. Само по себе решение вырастить новый, доселе невиданный вид деревьев именно в пустыне было достойно уважения. Причем Гарм не хотел просто увеличивать или увечить привычные этим местам колючие кустарники и ползучие травы, больше похожие на ременные плети-девятихвостки. Он приложил немало стараний, несколько творений пришлось уничтожать в спешном порядке, но результат оказался достоин всех ожиданий. Посреди выжженных солнцем песков поднялись тонкие, упругие стволы, увенчанные единственным плоским листом, желто-зеленого цвета, заимствованного у болотных трав. Они росли очень быстро и за пару десятков лет вымахали почти на двадцать метров. В углублении толстого, гладкого листа вопреки всем законам и правилам всегда была вода – прохладная, свежая; как она не испарялась в мгновение под сумасшедшим пустынным солнцем – один Гарм знал о том. Однако добыть эту воду было делом нелегким; в тени от того же листа-водоноса жара и духота только усиливались, а ствол дерева был так гладок, что взобраться по нему потребовало бы огромных усилий.

Гарм создавал и другие достопримечательности; нередко он снисходил до того, чтобы пообщаться с теми созданиями, что оказались заброшены в его земли из неведомых пределов в момент неудачного открытия Восточных Врат. Любимцами бога стали вьюнцы. В Арр-Мурра частыми были грозы; они приходили в эту землю или сами по себе, но чаще – в ответ на очередные магические упражнения Гарма, как грохочущий и сверкающий рикошет. Раскаты грома силились разорвать в клочья непроглядно черную ткань неба, ветер вздымал в воздух песчаные смерчи, сталкивал их со столбами ледяной воды, низвергающейся из тяжелых туч, завывал на разные голоса. А за несколько минут до начала этого великолепия в Арр-Мурра принимались играть молнии. Они десятками падали с черного неба на темно–красную, мертвую землю, зависали на несколько секунд дрожащими белыми сполохами – и в это время появлялись вьюнцы. Для этих созданий не было наслаждения выше, чем обвиться всем своим гибким змеиным телом вокруг выросшего на мгновения стебля молнии и замереть так, умирая и воскресая одновременно. Они метались по пустыне, стараясь поймать падающую молнию, выписывая фигуры диковинного танца. Зачем, почему – Гарма такие мелочи не интересовали, его радовали быстрота и гибкость неведомых тварей, их бездумное наслаждение смертельной опасностью.

Иногда, в моменты снисходительного благодушия, сын Сурта забавлялся, придумывая диковинки для оазисов Арр-Мурра; однажды, решив порадовать Чиро, он вырастил для эллила зирэ. Но все это было лишь отдыхом, отвлечением от единственно важного для Гарма дела – открытия Врат. Для начала он потратил немало сил, чтобы найти их в той сумятице обломков, уцелевших комнат, обрушившихся лестниц, зависших в воздухе галерей и жутких провалов, в которую превратился его дом. Не сразу, но ему удалось найти остатки башни, где на одной из уцелевших стен был едва заметен контур прежних Врат; они и прежде были крепко заперты, а уж сейчас… и стена, и дверь слились в каменный монолит.

Вспоминая свои первые попытки открыть Восточные Врата, Гарм усмехался и краснел, настолько жалкими и безграмотными они ему теперь казались. Первые сотни лет он все еще надеялся на собственные силы и почти истязал себя, только что головой в камень не бился. Потом ему пришлось смириться с тем, что придется искать помощи. К брату Гарм не обращался, знал, что Лимпэнг–Танг вряд ли заинтересуется Вратами. Аш–Шудах… в нем Гарм нашел скорее противника, чем союзника; им довелось столкнуться в открытом противостоянии, и, поскольку Гарм был далеко от Арр-Мурра, ему пришлось отступить. Но однажды он вспомнил, что отец его не надеялся только на свои силы, вспомнил об осколке первородного льда, хранящем невиданную мощь, – и решил отыскать его любой ценой. Отыскать алмаз темной крови оказалось куда легче, чем за-

получить его. И только случайная оплошность последней в роду Эркина, добровольно отдавшей камень сумасшедшему цвергу, помогла богу добиться своего.

В последние пятьдесят лет у Гарма появилась еще одна причина желать открытия Врат. По видимому, замкнутость Обитаемого Мира, его непроницаемость привела к тому, что сам воздух стал застаиваться и загнивать. Все чаще и чаще в искаженных, изломанных закоулках Арр-Мурра зарождались облака ядовитых испарений, сливающиеся в плотные тяжелые тучи. Гарм не мог допустить, чтобы они скапливались в одном месте, и был вынужден гнать их прочь, в сторону населенных земель. Когда ядовитый воздух покидал пределы Арр-Мурра, Гарм терял возможность повелевать им, и тогда ветер нес тучи, куда вздумается. Так приходил в Обитаемый мир тихий ветер.

Солнце успело излить на землю сегодняшнюю долю ярости, и на Арр-Мурра опустилась ночь, принеся с собой мертвящий холод. Купол над оазисом Гарма уплотнился и засиял неярким зеленоватым светом, будто предупреждая нежданных гостей, что так просто им внутрь не войти. Взошла луна; здесь она была еще более далека, чем в других местах Обитаемого Мира, и казалась похожей на одинокую жемчужину, закатившуюся на дно старого сундука. Приветствуя ее появление, ночные жители проклятых земель один из другим выходили из своих дневных убежищ и подавали голоса – и от самого приятного из них кровь стыла в жилах. На западной окраине ночная темнота сгустилась до предела, стала почти осязаемой – как всегда перед началом грозы, и уже кое-где там мелькали гибкие фосфоресцирующие силуэты вьюнцов. Откуда-то из-за окраины такыра раздался истошный нечеловеческий визг, – это вышел на охоту кровяной червь и кое-кто из приветствовавших полную луну поспешил убраться куда подальше. Первый удар грома прокатился по земле, стукаясь о стволы деревьев и скалы; первая молния, вспыхнув, упала в застывшие от холода пески, заставляя вьюнцов приплясывать от нетерпения.

Гарм, сидевший неподвижно несколько часов, будто статуя на храмовом фронтоне, потянулся и плеснул себе в лицо пригоршню холодной воды. Улыбаясь, он расправил крылья, собираясь полетать наперегонки с вьюнцами. Их стремительные движения завораживали бога. Неслышно сорвался он с края исполинского листа, и крылатая тень поплыла над проклятыми землями. Гарм поднялся повыше, так, чтобы увидеть свои владения во всем их великолепии, вдохнуть ледяной воздух ночной пустыни. Опрокинутая в небо чаша полной луны обливала его потоками жемчужного света, в котором нежились золотые и серебряные змеи, щекочущие изнутри его кожу. Черно-синее небо, пески и скалы, неуловимые движения неведомых тварей, невыносимая жара и невозмутимый холод… Гарм любил Арр-Мурра.

* * *

–Как быстро здесь темнеет… – Амариллис укутала уснувшего сына и повернулась к Чиро, весь день не отходившего от нее. Эллил следил, чтобы она не переутомлялась, помогал, чем только мог. Он познакомил девушку со старой мшанкой, следившей за детьми; старушка была достаточно строгой, чтобы малышня ее слушалась, но при этом достаточно доброй, чтобы не вгонять их в тоску. Конечно, Чиро был у них высшим авторитетом, но крики: «Матушка мшанка, больно коленку!» или «Матушка мшанка, саламандры кусаются!» раздавались с завидной частотой.

Амариллис весь остаток дня просидела на поляне, не отрывая глаз от сына. Вместе с ним она потихоньку добрела до ручья, где с удовольствием умылась, потом с еще большим удовольствием поела – вместе с детьми, которые были готовы есть целый день, о чем ворчливо сообщил Чиро. Играть у нее сил пока что не было, и она уселась на траву, прислонилась к теплому стволу, и смотрела, смотрела… Ближе к вечеру, когда солнце покинуло сад и стало прохладно, эллил и мшанка отвели детей в дом, в небольшую уютную залу, где пол был устлан мягкими коврами, повсюду валялись подушки, а по углам стояли короба с игрушками и сластями. Чиро под ликующие вопли детей достал с полки огромную книгу, уселся в невысокое кресло и принялся читать сказки; дети сидели вокруг него, не дыша, ибо читал эллил мастерски, да и актером был неплохим. А когда за окнами совсем потемнело, малышню уложили спать; уставшие от долгого дня, игр и беготни, дети безропотно разбрелись по своим кроватям. Чиро проводил Амариллис в тихую комнату, расположенную рядом с детской, обставленную спокойно и разумно – небольшой стол, рядом кресло, скамья–ларь у окна, выходящего в сад, и две кровати – одна для Амариллис, другая, маленькая, стоящая у изголовья первой – для Судри.

Эллил помог Амариллис уложить сына и сел у окна, подождать, пока она сама соберется отдыхать.

–Здесь всегда так, госпожа. Не успеешь оглянуться – уже и ночь настала. Вам пора отдыхать. Завтра будет новый день… успеете на своего Судри наглядеться.

–Я знаю… – Амариллис покачала головой. – Вернее, надеюсь.

И вправду утомившаяся девушка все еще неверными ногами шагнула к своей кровати. Усталость навалилась на нее, положила на плечи мягкие тяжелые лапы, норовя опрокинуть в подушки. Амариллис разделась, натянула на голову ночную рубаху, заботливо разложенную поверх покрывала.

–Чиро, ты мне расскажешь, как он рос? Я все еще не могу поверить… уснуть, держа на руках младенца одного дня от роду, а проснуться и застать такого взрослого…

–Конечно, расскажу. Завтра. А сейчас отдыхайте, иначе я на вас матушке мшанке нажалуюсь.

Амариллис сонно улыбнулась и в который раз приподнялась на локте, чтобы взглянуть на спокойно спящего сына. Она рассматривала его лицо, такое серьезное и безмятежное, взгляд ее скользил по прядям светлых волос, падающих на острое ушко, перебирал полукружие темно–пепельных ресниц, бросающих легкую тень на загорелую щеку… и, сама того не замечая, она дышала в такт его сонному дыханию, мерно вздымающему одеяльце. Насмешливый рот наблюдавшего за ней эллила смягчился; ни за что на свете он не признался бы в том, что привязался к Судри больше, чем ко всем остальным детям, и в том, что одновременно и ждал, и боялся этого дня. Чиро опасался, что Амариллис окажется неготовой к материнству, испугается, а то и не признает сына. Страх отпустил его, едва он увидел как эти двое обнимаются, как отражаются друг в друге их лица; эллила поразило, как час назад совершенно безвольные пальцы смогли крепко и ласково держать детскую ладонь.

Наконец Амариллис снова опустила голову на подушку и закрыла глаза; уже сквозь сон она спросила:

–Совсем забыла… Чиро, где мы? Что это за место? – и, не дожидаясь ответа, через мгновение уже спала.

Эллил спрыгнул с сундука и пошел к дверям. Уже на пороге он оглянулся и тихо сказал:

–Это Арр-Мурра, госпожа. Здесь вы в безопасности.

И вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Песнь Открывающих Врата

Открывай глаза. И не бойся увидеть Тьму.
У нее в короне – расплав предрассветного олова.
Просыпайся, мною избранный, ведомый мне одному.
Улыбнись. И скажи свое первое слово.

…Ночь уже перевалила за половину. Еще немного подождать, и начнет светать. Что? Нет, я не оставлю тебя здесь одну. Не бойся. Как бы рассказать тебе о Ритуалах, чтобы ты не уснула? Вот ведь…

Бенетнаш любил здесь отдыхать. Он открыл это место не так давно, но успел оценить его по достоинству. Невероятных размеров мир, тяжелый и спокойный, как родная стихия этого Дракона. Здесь не было никого из тех, о ком всегда заботился его брат Мицар, ни единой живой души. Один только камень. Каменные равнины, горы и пропасти, каменные реки и водопады, каменные леса… В этом мире, окрашенном в графитово–серые тона, можно было увидеть вереницы причудливых изваяний, созданных временем и ветрами, ни на что не похожих и удивительно красивых. Здесь необозримые равнины, усеянные блестящими мелкими обсидиановыми осколками, были похожи на расстеленный мех, играющий на солнце. Плоскогорья, подобные гигантским лестницам, прорезали узкие извилистые ущелья, в которых ветер то насвистывал залихватские мелодии, то принимался гудеть торжественно и гулко, как орган. Высокие арки, устремляющиеся в черно–зеленое небо, выстраивались в длинные ряды, в уводящие неизвестно куда аллеи. Освещали все это молчащее великолепие два бледных серебряных светила, будто два немигающих глаза, лишенных всякого выражения, бесстрастные и невозмутимые.

… Что? Ну, это место изначально не для подобных тебе; впрочем, если бы ты была камнем, тебе бы там понравилось.

Бенетнаш всегда приходил сюда после ритуала – неважно, Открытия ли, или же Запечатывания. Приходил, чтобы побыть в молчаливом достоинстве родной стихии, поразмыслить о том, что ожидает тот мир, которому они оказали честь своим прикосновением. Он сжимал свое бестелесное тело до безопасного для каменного мира размера и усаживался на вершине одной из плоских гор, похожих на спилы каменных деревьев, или вытягивался на дне гигантского каньона, или как сейчас – ложился на поверхность каменной реки и позволял ей нести себя, лениво покачиваясь на неспешно текущих округлых валунах.

А ведь не так давно он, такой спокойный сейчас, носился в легком воздухе Междумирья подобно раскаленному кристаллу горного хрусталя, выписывая ритуальные петли…

От начала времен мир, в который строились Врата, выбирал один из Драконов. Он наблюдал за ним, иногда не одно столетие, потом созывал своих собратьев и просил их помощи. Редко когда Драконы отказывали собрату, однако если такое случалось, тот никогда не держал обиды. Чаще всего Врата строили Зеленые Драконы, реже всего – Черные; к слову сказать, ваш мир избрал именно Черный. Если вся восьмерка соглашалась с тем, что избранный мир достоин быть открытым Мирозданию, проводился ритуал, о котором можно сказать очень немногое, да и то – с изрядной долей неуверенности в убогих человеческих словах. Начинал его выбравший – он двигался по одному ему понятному рисунку, оставляя за собой мерцающий шлейф. Вслед за ним начинали движение и другие Истинные Драконы; один за другим вступали они в это подобие танца с неимоверно сложными фигурами, разучивать которые приходилось сразу же во время премьеры. В финале они двигались один за другим, будто живая цепь, не имеющая ни начала, ни конца, где золото плавилось в ледяном пламени, а черные тени прорастали молодой травой. Восемь становились Одним – и в этот миг они обращались стрелой, летящей в самое сердце закрытого мира, проходили сквозь все тысячелетние наслоения отражений, пронзали их – так тонкая стальная игла прокалывает шелк. Одного этого мгновенного удара-укола было достаточно. Танец Драконов замедлялся, один за другим они покидали его; последним всегда уходил Черный.

…Бенетнаш перевернулся, погрузился в неспешный каменный поток, но даже такое движение казалось ему излишним. Дракон вынырнул и поднялся в воздух. Несколько минут полета – и он опустился на ровную площадку высоко в горах, откуда ему была видно бескрайняя равнина, монотонность которой прерывали редкие группы черных ониксовых изваяний, похожих на замерзшие водоросли, извилистые и тонкие. Дракон сел, сложил крылья, положил голову на прохладный камень и прикрыл глаза. Если бы кто-то сподобился увидеть его со стороны, то вряд ли отличил от таких же серых, бугрящихся выступами валунов, громоздящихся над пропастями.

И все же ритуал Открытия приносил им немалую радость, всем, даже невозмутимому Белому и ему, неподатливому и недоверчивому Серому. Чего никак нельзя сказать о ритуале Запечатывания.

Бенетнаш помнил, что когда его настиг тот самый призыв, он облетал окраинные миры. Этот зов не терпел отказа или промедления, повинуясь ему, Дракон изо всех сил устремлялся туда, где рвалась ткань Мироздания. Такое случалось, если в открытом Драконами мире принимал последнюю смерть бесцветный Мастер. Тогда то, что было материей, и светом, и огнем, и движением – все обращалось в темноту, пустоту и бессмысленность; мир будто выворачивался наизнанку и втягивал в себя все, до чего мог дотя-

нуться. Если бы не Запечатывание, со временем такие ненасытные черные омуты (Бенетнаш, со слов одного из Мастеров, называл их прорвами) могли бы поглотить большую часть Мироздания.

А тогда дела обстояли хуже некуда – два открытых живых мира были расположены так близко, что боги одного могли запросто заглянуть в окна соседских божеств. И в одном из них Бесцветный сомкнул веки и не пожелал более новых пробуждений.

Никогда еще Драконы не проводили ритуал Запечатывания так отчаянно и поспешно – никому из них не хотелось быть свидетелями того, как пустота поглотит соседний мир, совсем еще молодой. Бенетнаш вспоминал, как метались в пространстве Золотой и Серебряный – так быстро, что шлейфы их переплелись подобием сетки, как сам он выстраивал на пути пустоты бастионы из осколков звезд, как обессилел и рухнул в глубины Междумирья Зеленый… Они успели спасти живой мир, остановили грозящую поглотить его бездну – но она успела подойти слишком близко. Черный Дракон, Адхара, высказал опасение, что в недобрый час богам пограничного мира может припасть охота заглянуть за возведенную Драконами стену. И когда это действительно случилось, он даже не удивился. Но все попытки богов оказывались безуспешными, пока не произошло нечто, чего не мог предвидеть никто.

Рождение новой звезды всегда сопровождается немалым потрясением Мироздания; но эта новорожденная своими содроганиями создала вибрацию такой силы и тональности, что стена, оберегавшая Обитаемый мир от поглощения, стала рушиться как песчаный замок во время прилива. Бенетнаш, разгонявший легкий воздух на окраине Мироздания, услышал не призыв – вопль Зеленого. Мицар звал собратьев, в голосе его были страдание и гнев. Серый спешил как мог, но прибыл последним, и его слово вопреки всем законам и обычаям, мешалось со словами Черного. Они нарушили тогда все, что могли – ритуал Запечатывания оказался похож на мелодию, сыгранную задом наперед, на дом, который начали строить с крыши. Но все же они успели, успели спасти хоть малую часть Обитаемого мира, драгоценного для них, как и все миры, наполненные жизнью.

… Вот так вы и оказались в западне. Здешние боги попытались однажды разрушить защищающие ваш мир стены, но не преуспели в этом. Спрашиваешь, откуда я об этом знаю? Ну, можно сказать, от близких друзей. Девочка, откуда столько недоверия в одном движении бровей? И после всего, что я для тебя сделал, ты еще смеешь мне не доверять?! В наказание я изгоняю тебя с моих коленей обратно на холодную крышу. Ничего–ничего, ты достаточно согрелась и вполне потерпишь до утра. В другой раз будешь повежливее.

Глава одиннадцатая. Проклятые Земли (продолжение)

Амариллис жила в Арр-Мурра вот уже около месяца. Первые дни она, как и предупреждал Гарм, почти все время спала; приходила, еле волоча ноги, на поляну, где играли дети, садилась рядом с мшанкой, и уже через полчаса тихо посапывала, уткнувшись носом в вышитую на шаммахитский манер подушку. Сны ее были легкими и пустыми, как рассохшиеся деревянные бадейки; иногда они оставляли по себе ощущение неявной тревоги, которая проходила, стоило Амариллис протереть глаза и увидеть бегающего неподалеку сына. Просыпалась она ближе к полудню, обедала и снова засыпала, рядом с детьми. После этого сна ей все же удавалось несколько часов пободрствовать, поиграть с Судри, поговорить с эллилом, немного походить по саду. А потом приходил вечер, ночь обрушивала на Проклятые Земли свой холодный черный занавес, и Амариллис вновь засыпала. Когда закончилась первая неделя такого времяпрепровождения, девушка спросила Чиро:

–Это что же, я так и буду чуть что, носом в подушку валиться? Сколько можно спать?

–Что, уже надоело? Я разумею, отдыхать надоело? – Чиро усмехнулся. – Я так и думал. Не переживай так, скоро отоспишься и все станет как прежде.

–Ну хорошо. А как насчет моих ног? Я до сих пор будто на медузьих щупальцах передвигаюсь. – И танцовщица недовольно оглядела свои ноги, словно нечто купленное впопыхах и оказавшееся не впору.

–А вот тут ничем помочь не могу. Это скорее по твоей части. Вспоминай выучку прежних лет, Амариллис. А еще лучше – бегай с ними… – и эллил кивнул в сторону детей, – играй, пробуй повторять все их движения. Ручаюсь, что через полчаса ты с ног будешь валиться, но это тебе только на пользу пойдет.

Амариллис посмотрела на поляну – там, в густой зеленой траве, под мягким послеполуденным солнцем, вертелись, возились, смеялись дети. Ее взгляд отметил плавные извивы саламандр, резкую и трогательную неуклюжесть троллей, прихотливые дорожки шагов двух маленьких цветочных фей… и уверенные, легкие движения ее сына. Она подумала немного и шагнула вперед.

Первая же ее попытка станцевать вместе с феями закончилась плачевно; мало того, что тело ее не слушалось и все время норовило упасть, так еще и девчонки оказались весьма насмешливы и так пронзительно хихикали над неловкостью бывшей танцовщицы, что она засмущалась и отошла в сторону.

–Сбегаешь?.. – эллил протянул кувшин с прохладной водой и, потянув ее за подол платья, усадил на разбросанные под деревом подушки, избегая при этом смотреть ей в глаза.

–Изучаю противника. – Ничуть не смутилась Амариллис.

Усевшись, она глотнула воды, вытерла ладонью пот со лба. Когда к ней подбежал сын, она уже успела отдышаться и поэтому с охотой встала и последовала за ним, играть в жмурки. Дети очень быстро смекнули, что на их счастье появился еще один взрослый, кроме Чиро, готовый разделять с ними игры, и вскоре вовсю этим пользовались. Теперь стоило Амариллис появиться на поляне, как к ней уже бежали, дергали ее за платье, взбирались к ней на руки, наступали ей на ноги – ничуть не заботясь о том, что сил у нее пока что маловато.

–Это хуже школы Нимы! – как-то пожаловалась она эллилу, спрятавшись от детей в кустах жасмина. – Эти разбойники меня на кусочки разорвут. Или загоняют насмерть. Ты это видел? Подавай феям хоровод в две сотни кругов с выкрутасами, и все тут. У меня после первого десятка в глазах помутилось, а они знай притоптывают!.. И это после того, как я изображала голодного аиста, а они лягушек…

–Особенно хороша лягушка из водяного, – заметил Чиро, – он так мелодично квакал…

–Да, и за ноги меня он щипал сильнее всех! Не лягушка, а крокодил!

–Ну… три недели назад ты еле ходила. – Философски заметил эллил. – А сейчас смотри, уже и хороводы водишь. Признаться, я от тебя такой прыти не ожидал.

–Да? А чего ожидал? Что я буду под деревом сидеть и плакать?

–Это вряд ли… – засмеялся эллил. – Ты слишком любишь жизнь, чтобы тратить ее на жалобы.

В этот момент со стороны поляны донесся дружный детский вопль: «Амариллис!!! Мы идем искать!». Девушка вздрогнула – похоже, без ее ведома там началась новая игра и если она не удерет в ближайшие десять секунд, выкрутасов ей не миновать. Эллил сочувственно хмыкнул и сказал:

–Понимаю… Дух перевести не дают. Ладно, пойдем, я тебя спрячу, отдохнешь немного.

Амариллис покачала отрицательно головой. Чиро глянул ей в глаза:

–Неужто все о сыне беспокоишься? Ты кому-то здесь не доверяешь?

–Нет, Чиро, – быстро ответила Амариллис, – всем доверяю. Просто мне страшно оставлять его одного. Знаю, что спала два месяца кряду, а с ним ничего плохого не случилось… кроме того, что за это время он чересчур быстро вырос. От отдыха не откажусь. Но только вместе с Судри.

–Он уже бывал там, – эллил встал, отряхнул с одежды приставшие травинки. – Думаю, тебе тоже понравится. Пойдем, я сначала отведу тебя, потом его. Годится?

–Вполне. – После недолгого раздумья ответила девушка.

Быстро и тихо они прошли по саду, миновали влажные зелено–пестрые заросли, спустились по каменному руслу ручья, и в конце небольшого овражка, поросшего бузиной, Амариллис увидела полуразрушенную мраморную беседку. Уцелевшие колонны были тонкими и стройными, от купола, к сожалению, остались лишь крупные обломки, белевшие из зарослей кислицы, но зато сохранились ступени и одна из скамей, на подлокотниках при желании можно было даже разглядеть следы искусной резьбы, похожей на морозный узор. Вслед за эллилом девушка поднялась по трем пологим ступеням, и, повинуясь приглашающему жесту, села.

–Помнишь, я говорил тебе, что, Арр-Мурра непростое место. Мало того, что мы окружены пустыней и само наше существование посреди песков уже чудо. Здесь есть места, похожие на потайные комнаты в старом замке. Думаешь, что перед тобой глухая стена, а за ней, оказывается, спрятана целая зала. Причем битком набитая сокровищами. Надо только знать, где вход… – Чиро широко улыбнулся, поклонился и повел рукой. – Один из них – прямо за твоей спиной. Замри!

Амариллис с трудом удержалась от желания повернуться и самой все увидеть.

–Погоди. Запомни, Амариллис, это место священно для меня. Здесь когда-то обитала моя семья. А теперь милости прошу.

Девушка медленно обернулась.

За ее спиной был лес. И старый замок. И что было чем – трудно сказать. Под ногами росла трава, зеленая, густая, нехоженая, и прямо из травы ввысь устремлялись колонны, смыкавшиеся в стрельчатые арки, уходящие сумрачными рядами вдаль. Серый камень порос мхом, а из травяного ковра прорастали широкие каменные плиты. Рядом со статуей, изображавшей высокого мужчину с чашей в руках, буйно разрослись папоротники; деревья не пытались соревноваться с колоннами в росте, прятались в их тихой тени или выбирались на свободное место, коего было предостаточно. Здешний камень, казалось, дышал, а зелень была умиротворенной и тихой. Садящееся солнце окрасило арки и сохранившиеся стены в пепельно–розовый цвет, в тон рассыпанным возле каменной плиты, прямо у самых ног Амариллис, ягод, похожих на бусы. Или крупных бус, подобных спелым ягодам. Здесь царила легкая тишина, подобная неслышному спокойному дыханию.

–Ох, Чиро… какая красота… – выдохнула Амариллис.

–Рад, что тебе понравилось. – Эллил спрыгнул с камня в траву и тут же, словно только его и ждали, из-за колонн вылетело несколько поразительно похожих на него существ – у них были такие же прозрачные стрекозьи крылья. Двое женщин и мужчина, такие же пепельноволосые и зеленоглазые, с телами, млечно просвечивающими как утренний ледок. Не успел Чиро с ними поздороваться, как Амариллис вздрогнула от знакомого голоса, прилетевшего из прохладной глубины леса–замка.

–Мама! Мам!.. – И вскоре из серо–зеленой полутьмы выбежал мальчик; судя по всему, он чувствовал себя здесь как дома. Он ловко вскарабкался на основательно вросший в землю камень, спрыгнул, потом обежал все встретившиеся на пути колонны, поднырнул под водопад ивовых ветвей, перепрыгнул через моховую кочку – словом, развлекался как мог. Подбежав к матери, он обхватил ее колени, задрал вверх голову и ничуть не запыхавшимся голосом сообщил:

–Здесь дом Чиро. Мне нравится. – И радостно улыбнулся.

–Мне тоже. – Амариллис крепко обняла сына.

Потом она взяла его за руку и не торопясь пошла по траве, с удовольствием принимая босыми ступнями щекочущую прохладу. Не далее как вчера она говорила эллилу, что быстрое взросление Судри иногда пугает ее. Никто не смог бы попрекнуть девушку невниманием, паче того – нелюбовью к ребенку; она даже дышала в такт с ним. «Понимаешь, Чиро, – говорила Амариллис, – я попросту не успеваю за ним. Вчера он начал выговаривать по нескольку связных слов кряду – и это в неполных четыре месяца! Я собиралась менять ему пеленки, как делала это дочке Веноны, а вместо этого бегаю с ним наперегонки. Думала, буду трясти погремушкой, а с ним уже можно разговаривать… Что дальше? Попросить у тебя азбуку?!».

Она сильно изменилась. Стала одновременно мягче – и решительнее, взгляд ее посерьезнел – и погрустнел. Амариллис запретила себе даже думать о том, что оставила за пределами этих земель; она понимала, что помощи ей ждать неоткуда, да и сбежать вряд ли получится. Она сказала себе: «Все уже свершилось» – и поблагодарила за возможность жить дальше. Танцовщица проделала это очень старательно – и не один раз, спасаясь от неизбежного страха перед неизвестностью и одиночеством. Нередко, сидя на прогретой траве, вдыхая спелые, радостные запахи летнего полудня и глядя на играющих детей саламандр, троллей, фей она вспоминала минувшие дни – большие города, заполненные людьми, площади и залы, где яблоку упасть негде от зрителей, уставившихся на нее во все глаза, важных господ и простолюдинов, успехи и утраты. Нельзя сказать, что прежняя ее жизнь была размеренной и спокойной; мир не раз ставил ей подножки как раз тогда, когда она собиралась протанцевать особенно красивую фигуру, – и не раз подавал руку в тот момент, когда она совсем уже собиралась падать с намерением не подниматься больше никогда.

Но все, происходившее с Амариллис в пределах Обитаемого Мира – будь то чудесное спасение в наводнении, обретение друзей, встреча с Хэлдаром, – все оставалось понятным… Даже подлость Миравалей была обычной людской подлостью, в желании Сириана заполучить наследника и избавиться от неуместной невестки не было ничего сверхъестественного. Амариллис вспоминала свою жизнь и понимала, что это была ее история – это она родилась и росла балованной дочерью и любимой сестрой, это

она плакала от боли после уроков и торжествующе смеялась после первого выступления в школе Нимы, это она была одной из Детей Лимпэнг-Танга и ее появление на сцене заставляло замирать даже королей. Причудливый, яркий узор… Амариллис сама сочиняла его канву, сама подбирала нити, сама вышивала свою жизнь.

Все изменилось в тот миг, когда она увидела, как расцвели на груди Совы кровавые цветы. Мир Амариллис разбился, как блюдце о каменный пол, бесповоротно, вдребезги. Нити ее вышивки спутались и порвались, и ей было отказано в праве самой рисовать узор. Из вышивальщицы она стала иголкой, которую чьи-то уверенные пальцы направляют туда, куда ведомо только им. Все, что происходило с ней после того страшного июльского дня, происходило слишком быстро, тот, кто вел ее, не давал опомниться, не позволял отдышаться и оглядеться. Когда Амариллис задумывалась об этом, ей становилось очень страшно – она не понимала, в какую историю попала, не могла сложить рассыпавшийся мир, не чувствовала земли под ногами. Если бы не Судри, ей вряд ли удалось бы сохранить душевное равновесие; но мальчик возвращал ее к реальности, заставлял верить в то, что она еще жива.

Амариллис и Судри подошли к Чиро и его сородичам; оказалось, мальчик был здесь частым гостем, эллилы тут же принялись ласково тормошить его, ерошить волосы, украшать их побегами повилики. Одна из сестер Чиро предложила ему нарвать вишен, и они убежали; оставшиеся сели в траву у подножия массивной колонны, украшенной глубокой резьбой.

–Друг мой, – обратилась танцовщица к эллилу, – скажи-ка мне, как удалось моему шустрому сыночку оказаться в твоем доме раньше нас? Что-то я в толк не возьму…

Эллил смущенно развел руками.

–Не знаю, госпожа. На этот счет мне Гарм ничего не говорил и не предупреждал. Про то, что быстро расти будет, – сказал, и не раз. А это… Я и сам не сразу понял, что Судри никакие ворота не нужны – ни тайные, ни явные. Первый раз я привел его сюда как и тебя, тем же путем. А потом, когда пригласил его снова, он только кивнул, убежал куда-то в сад, и я нашел его уже здесь. Похоже, если он хочет куда-то попасть, то находит самую короткую дорогу – причем ведомую только ему. Такой вот талант. А главное, мне ни разу не удавалось за ним уследить.

–Он как лучик света – иногда звонкий, солнечный… иногда задумчивый, лунный… – подал голос второй эллил. – Проникает везде. И ничего не боится. Скажи нам, госпожа, кто его отец?

–Эльф. – Коротко ответила Амариллис. – Эльф Воздуха, глава клана Цветущих Сумерек.

Эллил уважительно склонил голову.

–Вы очень отважны, госпожа. Наши старшие собратья никогда не отличались мягкосердечием к кратко живущим.

–Он особенный. Да и я… – не договорила Амариллис. – И очень тебя прошу, прекрати называть меня госпожой.

–И все же даже во времена прежнего могущества альвы не обладали таким даром – подчинять себе пространство, скручивать его как ивовую ветку. – Чиро покачал головой.

Они пробыли в лесном замке достаточно долго, и лишь когда Судри, прикорнувший у матери на коленях, стал явно засыпать, Чиро повел своих гостей обратно.

–Прости, что не предлагаю ночлега – хотя мог бы. Но каждая проведенная здесь ночь будет привязывать вас к этому месту, вы будете приходить за здешними снами все чаще и чаще… пока не забудете дорогу назад. А когда перестанете тосковать по оставленной жизни, у вас отрастут крылья. И двумя эллилами в Арр-Мурра станет больше. – И уже у мраморных ступеней Чиро негромко сказал, обращаясь к Амариллис: – Клянусь, если бы ты не повторяла каждую ночь во сне одно и то же эльфье имя, я бы так и сделал.

Позже, вечером, когда Судри уже спал, а танцовщица и эллил сидели у раскрытого в сад окна, Амариллис достала из небольшой шкатулки мешочек, расшитый лиственным орнаментом. Развязала его и осторожно пересыпала половину содержимого – легкого прозрачного порошка – в другой мешочек, вышитый ею собственноручно.

–Не обессудь, что не многим могу отдариться, – и она протянула мешочек эллилу. – Ты поделился со мною благодатью своего дома – я делюсь подарком друзей. Только поосторожнее с ним.

–Что это? – удивленно спросил Чиро, вертя в руках тщательно завязанный кисет.

–Это пишог. – Амариллис улыбнулась. – Лесовички из Одайнских боров одарили.

–Пишог? – изумленно переспросил эллил. – Ну и дела… Стало быть, они помнят. А мы этот секрет давно утратили. Благодарствую, Амариллис.

И Чиро спрятал подарок в небольшой кошель, висевший у него на поясе.

Спустя ровно месяц после пробуждения Амариллис в Арр–Мура вернулся Гарм. Он появился на поляне ближе к вечеру, неслышно вышел из зарослей апельсиновых деревьев и остановился, наблюдая, как Амариллис учит цветочных фей танцевать. К этому времени она настолько окрепла, что эти мелкие насмешницы перестали над ней хихикать и мало того, что приняли ее всерьез как настоящую танцовщицу, но и снизошли до того, чтобы чему-то у нее учиться. Пришлось Амариллис вспоминать все хороводные танцы, какие она только знала, а то и самой сочинять фигуры посложнее.

–…а теперь делаем плетенку вправо, потом – влево, и смотрите не запутайтесь в подолах! – девушка хлопнула в ладоши и, повинуясь ей, Хра-

нитель мелодий, неизменный ее спутник, зазвенел несложной, легкой музыкой, будто разбрызгивая по траве серебряную росу.

Гарм смотрел и удивлялся – конечно, он знал, что эта девушка, несмотря на молодость и беззащитность, успела много чего повидать и уже не раз доказывала свою похвальную привычку жить и радоваться жизни. И все же то, как скоро она восстановила силы после испытаний, какие и не всякий крепкий мужчина бы выдержал, удивило его.

–Доброго вечера всем.

–Ну наконец ты изволил вернуться… – ворчливо заметил Чиро, отставляя в сторону блюдо с орехами, которые он чистил, и подходя к Гарму.

–Доброго вечера и вам… – Амариллис прервала танец и поклонилась. Чтобы не мешать детям, взрослые отошли к дереву, сели на траву. Эллил с нескрываемым удовольствием оглядывал вернувшегося Гарма – он скучал по нему. А Гарм с таким же удовольствием оглядывал Амариллис; она даже засмущалась.

–Прекрати так таращиться на нашу гостью, – Чиро погрозил пальцем, – иначе она сейчас сбежит. Что, не ждал такой прыти? Думал, она все еще в подушках вылеживается?

–Признаться, да. Что ж, я очень рад… – Гарм улыбнулся и на миг его ртутные глаза потеплели.

Он рассказал, что провел это время в оазисах («Дети любят зирэ… Чиро, я принес достаточно, хватит даже нашим прожорам»), успокоил Амариллис, ответив на ее невысказанный вопрос («Не беспокойся так. Арчеш жив–здоров и все его домочадцы тоже»). А потом стал расспрашивать о Судри: как он, всем ли доволен, чему еще успел научиться.

–Судри бегает как ветерок. Разговаривает… – Амариллис развела руками, – Я мало чего понимаю в детях, мои братья были старше меня, потом тоже… не сложилось. Но Судри особенный, это даже мне видно. Он уже сейчас мне друг… обнимает так, будто защищает. И я ни разу не видела, чтобы он ссорился с кем-то или сердился.

–Для каждой матери ее ребенок – особенный, – поддразнил Амариллис эллил, – у твоего сына просто на редкость добрый и легкий нрав. К тому же он настолько недешево тебе достался, что ты теперь будешь видеть в нем все возможные достоинства и вообще…центр мироздания, – и эллил необидно засмеялся.

–Хочешь сказать, что я клуша, которая видит в своем цыпленке белого лебедя? – возмутилась девушка. – Ах, смотрите и дивитесь, мой сын бегает! И уже разговаривает! Ах что вы, какие там годы – ему четыре месяца от роду!..

Гарм и Чиро переглянулись и засмеялись.

–Видимо, здешний воздух пошел ему на пользу, – усмехаясь, заметил Гарм. – А что касается доброго нрава, не особенно обольщайся. Это ведь и твой сын. Пока кровь отца сильнее, но дай срок – и твоя непременно даст о себе знать.

–Белый лебеденок… – поддел Амариллис Чиро. – С его клыками в лебедях не засиживаются.

–Ну, будет о детях. – Гарм внимательно глянул на собеседницу. – Ты сама как?

–Благодарю, все хорошо. – Поспешила ответить девушка.

–Она здорова. – Вмешался эллил. – Силы почти вернулись.

–Это я и сам вижу. А как насчет вкуса к жизни? И ко всем ее радостям?

–Моя радость со мною… – Амариллис отыскала взглядом сына, – И радость, и жизнь… все в нем.

–Это понятно. А как ты сама? Где ты? – Гарм взял девушку за плечи и развернул лицом к себе. – Где та Амариллис, из-за которой мой звонковолосый братец чуть не полмира перевернул, так усердно он тебя ищет? Та, которая всех перетанцевала – и птичку, и хищницу… Где та, из-за которой три спрятавшихся бога затаили дыхание, будто мальчишки – такое нечасто увидишь…

–А… но в храме никого, кроме нас не было!.. и где ты прятался?.. – растерянно протянула танцовщица.

–Какая разница. За колоннами. Как и мои братья.

–Вот не думала, что боги такие бессовестные. Так Лимпэнг-Танг – твой брат?!

–Его истинное имя Фенри. Мы близнецы.

–Ясно. А другие кто?

–Другой. Такого, как аш-Шудах, хватит и одного. Он наш сводный брат, по отцу.

Амариллис молча переваривала услышанное.

–Однако в любопытную компанию ты попала, госпожа, – и эллил сочувственно покачал головой.

Вечером того же дня Гарм появился в комнате Амариллис.

–Ты, я вижу, ничем особым не занята? – бог стоял на пороге, перекинув через руку какое-то платье. – Тогда собирайся. Вот, переоденься и выходи.

–Куда? – удивленно спросила девушка, сидевшая у постели спящего сына.

–Узнаешь. Хватит тебе тут киснуть, совсем на себя непохожа стала. Давай, поторапливайся.

Амариллис встала, не торопясь, подошла к кровати, на которую Гарм бросил одежду: белую тонкую рубаху, корсаж на шнуровке и широкую юбку – темно–зеленые, небогатые, но вполне добротные, и в придачу пара звонко подкованных, украшенных медными пряжками туфель. Так могла одеться дочка зажиточного фермера, собравшаяся в гости. Пожав плечами, девушка принялась переодеваться; как и следовало ожидать, платье пришлось ей впору, будто специально для нее шили.

Гарм поджидал ее за порогом; они пришли в одну из комнат, куда без него попасть было невозможно. Там было тихо и пусто, в полутемном воздухе плавали пылинки, пахло сухими листьями, и прямо посреди комнаты

начиналась лестница, поднимавшаяся на пять–десять ступеней над полом и неожиданно обрывавшаяся. Бог начал не спеша подниматься, не выпуская руки Амариллис, и, остановившись перед последней ступенью, пропустил девушку вперед.

–Ну проходи, неужто испугалась? – и Гарм подтолкнул ее в спину. Не успев возмутиться, она шагнула в пустоту и неожиданно для себя оказалась в большой, ярко освещенной трактирной зале. Направляемая Гармом, придерживавшим ее за локоть, она, совершенно ошалев, ничего не понимая, прошла к одному из немногих свободных столов, где они и уселись.

–Как думаешь, где мы? – подмигнув, спросил Гарм.

–Не знаю… – пожав плечами, ответила девушка, едва переводя дыхание. – Такие места в любом городе найти можно.

Она огляделась: темный потолок, массивные прокопченные балки, огромная люстра–колесо, обшитые досками стены – обычный трактир, она таких десятки видела. Тяжелые столы и стулья, за которыми сидят, вольготно развалившись, завсегдатаи, беря разгон перед длинной ночью, смачивая начало разговоров в первой кружке пива. Ни одно из лиц не показалось Амариллис знакомым, однако было здесь в самом воздухе нечто неуловимое, напоминавшее танцовщице ее первое выступление.

–Ничего себе публика… не то солдатня, не то матросня… и выговор здесь странный – будто со всего света слов в один рот намешали.

–Ну да. – Гарм невозмутимо пожал плечами. – А какой еще выговор можно услышать в «Бездонной бочке», трактире с дурной репутацией… дурной даже для этого квартала. Даже для Шибальбы. Зато здесь самые лучшие музыканты, – и он улыбнулся.

А музыканты и впрямь были хороши: сидевший на бочке волынщик, видом своим более всего напоминавший утопленника – иссиня–бледный, впалые щеки того и гляди друг к другу прилипнут, с черными мокрыми космами, и стоящие рядом скрипач – старый, седой как лунь, с испитым и пройдошистым лицом, и мальчишка – с хулиганистой рожей, украшенной синяком, держащий в руке немудреную флейту-сопелку. Как раз к тому моменту, когда Гарм и Амариллис уселись, они заканчивали полоскать глотки пивом и переругиваться со служанками.

И не успела Амариллис отпустить язвительное замечание, что, мол, музыкантам больше пристало в дудки свои дуть, а не пиво, а не то придется их вскорости на ставне выносить, как они заиграли. Не сговариваясь, не переглядываясь… просто мальчишка притопнул и, просвистев на флейте залихватскую трель, звонким, чистым, как апрельская капель голосом завел песню про старого пивовара, из вредности утопившегося в чане октябрьского эля. Амариллис оторопела. Она, избалованная Хранителем Мелодий, угадывавшем ее настроения и чувства, знавшим все мелодии Обитаемого Мира, чувствовала себя так, будто попала под летний ливень – частый, крупный, прохладный… и совершенно нежданно обрушившийся на голову

как раз тогда, когда ты идешь, напыжившись, в парадной обновке в гости к соседям. Музыканты перебрасывали друг другу мелодию песенки, иногда по очереди подпевая мальчишке–флейтисту; у скрипача голос был хриплым и тяжелым, а у волынщика – гулким, как эхо в морском гроте.

–Ну как? Понравилось? – Судя по блеску ртутных глаз, Гарм и сам не остался равнодушным.– А потанцевать не хочешь?

Амариллис хотела было с возмущением отказаться, но тут музыканты снова заиграли и она предпочла замолчать. Иначе ей пришлось бы солгать…

…Твой разум может обмануть тебя, говаривал ей аш-Шудах. Повинуясь соображениям выгоды или тщеславия, он с легкостью убедит тебя в чем угодно. Твое сердце может обмануться – повинуясь несбывшимся желаниям, принимая видимость за сущность, оно поведет тебя обманным путем, обещая счастье и обрекая на разочарование. Но твое тело всегда право. Причини ему боль – и оно не скажет тебе, что испытало наслаждение. Заставь его работать сверх сил – и оно честно сломается, не страдая геройством. Слушай свое тело, Амариллис, слушай внимательно…

Она прислушалась. Ее плечи вздрагивали, подергивались, пальцы четко выстукивали ритм по столешнице, а ноги… ноги попросту приплясывали под столом, совершенно этого не стыдясь. Было бы чего стыдиться…

В этот момент кто-то, напоминающий комплекцией среднюю копну сена, подошел к их столу, заслонив свет и заполнив все свободное пространство.

–О! Гарм! – нежданный гость грохнул на стол свою кружку и сам уселся, не дожидаясь приглашения. – Давненько не виделись. Кого это ты к нам привел?.. – и он оценивающе глянул на Амариллис.

–Давненько, приятель. – Согласился Гарм, жестом подзывая служанку. – Амариллис, это Турс, мой давний знакомец в этих краях.

–Вон оно как… – громила потопил конец фразы в кружке. – Какими судьбами? Заскучал, поди?

–Это она заскучала. – И Гарм кивнул на Амариллис.

Великан поперхнулся пивом, закашлялся, грохнул пару раз по столу кулаком и, наконец, насилу перевел дыхание.

–Заскучала?! Твоя гостья?!.. – и он изумленно воззрился на Амариллис.

–А что тут удивительного, дружище, и я не всесилен… – Развел руками Гарм. – Потому и привел сюда. Чтобы кто-то скучал в «Бездонной бочке» – не припомню…

–И то верно. А что ж ты, дева, сидишь, ручки сложив? Не в храм пришла. А может, ты танцевать не умеешь?

–Так это смотря какой храм… – улыбнулась Амариллис. – И я, пожалуй, потанцую.

Вежливо наклонив голову, она упредила Турса, уже привставшего, чтобы подать ей руку.

–Благодарствую, я и одна управлюсь. А если нет… попрошу вот его помочь. Не знаете, кто это?

И танцовщица подбородком показала на сидящего в самом дальнем углу и полном одиночестве седого, непритязательно одетого мужчину – тот сидел, уперев в стол локти, и созерцал свое отражение в кружке. Ничего примечательного в этом человеке не было, разве то, что изредка он развлекался тем, что поднимал глаза и смотрел на горящую перед ним на столе свечу. Через минуту пламя начинало заметно колыхаться, как лоскуток оранжевого шелка под порывами ветра.

–Эхм… – Закашлялся громила, проследив за взглядом Амариллис. – А ты, дева, случаем, не ошиблась? Силенки свои не переоценила? Вытащить танцевать Пьющего Песок?! – и он с сомнением покачал головой. – Это, дева, возможно самый лучший из проводников в Арр-Мурра, он свое имя заслужил… сам я с ним в пустыню не ходил, не довелось такой чести сподобиться, но если десятая доля того, что о нем рассказывают, правда – так я только на то и годен, чтобы его коню копыта полировать. А ты его в хоровод звать собралась…

Амариллис не ответила, только передернула плечами… встала, расправила складки юбки и направилась в залу, в самую гущу пляшущих.

Ни особым умением, ни легкостью движений завсегдатаи «Бездонной бочки» не отличались, но с вполне возмещали это лихим азартом, с которым они кружились, притоптывали, вытанцовывая несложные фигуры простых сельских танцев. Амариллис легко скользила между танцующими, вдыхая запах разгоряченных тел и крепкого пива, с головой ныряя в пенящийся, хмельной поток музыки. Протолкавшись почти в центр толпы, она пару раз пихнула локтями в стороны, освобождая себе немного места для начала, и дождалась, когда музыканты прервались на минутку, перевести дух.

–Эй, а «Пьяную Карусель» сыграть можете? Или кишка тонка?

Ее неожиданно ставший пронзительным голос услышали все. На девушку немедленно уставились десятки глаз, все повернулись в ее сторону, желая разглядеть, кто же это так лихо начинает свой вечер в «Бездонной Бочке». «Пьяная Карусель» была развеселой песенкой, не очень приличной, но чтобы оттанцевать ее, предельно быструю, вкручивающую мелодию в уши скрипичными трелями… Эта песня стремилась заставить ноги танцора споткнуться, не выдержав темпа, сбивала его неожиданными синкопами и перебивами ритма. Скрипач опустил скрипку и поднял голову. Увидев стоящую, подбоченившись, Амариллис, он усмехнулся, подмигнул мальчишке–флейтисту и тот повел мелодию, сначала обманчиво медленную, закружившую юбку танцовщицы колоколом.

–Хо! – и оборвав переливчатую трель флейты, мальчишка прямо-таки завопил первый куплет «Пьяной Карусели».

Но ему не удалось обмануть Амариллис; она будто только этого и ждала. Скрестив руки, сжав локти пальцами, она начала вытанцовывать по кругу, будто деревянные бусы рассыпая из–под каблуков. Вздернут подбородок и сверкают глаза. Закружившись на месте, девушка чудом поймала вновь изменившуюся мелодию, прохлопала в ладоши ответ музыкантам, подхватила подол, уперла руки в бока и пошла вокруг одного из танцоров, стоявшего столбом с самого начала «Карусели». Заставив его почти что свернуть себе шею, она пошла танцевать вокруг другого, третьего, пятого… Она летала будто сумасшедший бродячий огонек, ловко ускользая от протянутых к ней рук. Ни разу не ошиблась танцовщица, ни разу не споткнулась, не остановилась перевести дыхание. И не было в этом танце особого изящества или изысканности, были лишь невозможно быстрый перестук каблуков, вызывающе выставленные локти, повороты и легкие прыжки, будто дите по лужам скачет, поднимая тучу брызг и несказанно этому радуясь.

Музыканты сдались первыми. Отнял флейту от губ мальчишка, опустил смычок старик, и смолк волынщик. Амариллис, воспользовавшись этим, не глядя, сцапала с оказавшегося рядом стола чью-то кружку, полную страшным, черным пивом, крепким, горько-сладким и единым махом выпила ее. Поставила обратно на стол, вытерла рукавом подбородок…

–Неплохо для начала. – Мальчишка подмигнул танцовщице. – Чего теперь пожелаешь?..

-Как чего?!.. – Она даже рот приоткрыла от изумления. – Танцевать!..

И засмеялась. Было ей хорошо, легко и свободно; что-то, казалось, безвозвратно потерянное в лесах Одайна, вернулось к ней, и теперь вскипало в крови и щекотало сердце. Упали путы, стягивавшие ноги, мешавшие двигаться и дышать.

–Вот сумасшедшая девчонка… – одобрительно пробурчал Турс. – Где ты ее нашел?..

Чиро дремал в низеньком кресле, изредка протягивая руку, чтобы укутать Судри, вечно норовившего сбросить одеяло на пол. За окном тихо перешептывались кусты, ветер иногда вставлял словечко–другое в их полночную беседу; в подсвечнике оплывала белым воском свеча; пахло тишиной и сном. Чиро почему-то было не по себе; он то ежился, хотя сквозняка в комнате не было и в помине, то тяжело вздыхал, будто ему не хватало воздуха.

Дверь открылась бесшумно. Эллил, почувствовавший неладное, поднял голову – в дверях стоял кто-то невысокий, одетый в длинные темные одежды. Вот он перешагнул порог и Чиро с ужасом узнал уродливое лицо привратника Арр-Мурра – того, кому было запрещено приближаться даже к внешним руинам Дома богов, не то, чтобы входить в пределы сада. Его единственный глаз уставился на застывшего эллила, по губам змеей скользнула тень улыбки.

–Не спится?..

Незваный гость говорил тихо, не желая никого пугать прежде времени. Эллил весь сжался, стараясь не выдавать своего испуга.

–Фолькет… ты с ума сошел. Я никогда не испытывал к тебе теплых чувств, но мне страшно подумать, чего тебе будет стоить эта прогулка.

–Знаю, знаю… – и цверг удрученно покачал головой. – И за что такая немилость? Хоть бы ты, малявка, за меня словечко замолвил. А то что ж это получается – я, как проклятый, сторожу вас, слежу, чтобы пустыня ваш покой не потревожила, а самому вход в дивные цветущие сады заказан.

–Каждому свое. – Эллил встал. – Поздновато ты спохватился.

–Ну-ну… Ты не шуми, малявка. Еще разбудишь кого. – И Фолькет внимательно всмотрелся в спящую темноту. – Так вот кого вы от меня прятали. Значит, верно мне доложили – она не одна сюда пришла. Да, Чиро, господин наш велик, не спорю, но и на него помрачение находит. Ведь достаточно мне просто подойти поближе – и она наизнанку для нас вывернется… мне и делать ничего не придется. А если и придется…

–Убирайся немедленно! – свистящим шепотом приказал эллил.

–Успеется. Ты на него нагляделся, дай и мне… – и Фолькет шагнул в комнату.

Чиро смотрел, как скользит к кроватке низкая тень, как тянутся к спящему мальчику длинные, искусные пальцы цверга–ювелира; эллил с трудом переводил дыхание и бестолково шарил в висящем на поясе кошеле.

–А что, если я его к себе заберу? Ему тут, поди, уже прискучило… – Фолькет обернулся к эллилу, подмигнул ему единственным, совершенно безумным глазом.

Молиться было некогда. Поэтому Чиро, не призвав в помощь никого из известных ему богов, просто выхватил из кошеля мешочек, подаренный Амариллис, и с размаху вытряхнул все его содержимое в лицо цвергу.

–Просыпайся, Судри. Просыпайся. – Эллил тряс мальчика за плечо, настойчиво и твердо. – Проснулся? Вот и хорошо. Судри, тебя нельзя здесь оставаться. Беги в мой дом. Позови мою сестру, и уходите в самое сердце леса. Выйдешь оттуда, если только позову я. Или мама за тобой придет. Больше не слушай никого. Ты понял меня? – и Чиро всмотрелся в серьезное, совсем не сонное лицо Судри.

–Я понял, Чиро. А ты? – и мальчик со страхом посмотрел на застывшего уродливой статуей цверга. Оплывающая свеча давала немного света, но и этого было достаточно, чтобы напугать кого угодно.

–Я должен остаться. Беги, Судри. Кому говорю?!

Судри встал, и как был, в рубашонке, босиком, осторожно обошел Фолькета и выбежал в коридор. Его легкие шаги вскоре прошелестели по траве и стихли – короткий путь, известный только ему, увел его в безопасное место. Чиро с облегчением выдохнул, метнулся к окну, закрыл его, затем вылетел из комнаты, закрыл за собой дверь и сполз на пол – он не в

силах был оставаться там. Эллил не знал, сколько времени будет действовать пишог, не знал, куда и надолго ли Гарм увел Амариллис, не знал, у кого искать помощи.

Пока он беспорядочно соображал, бежать ли будить остальных детей и где прятать их, тишину спящего дома нарушили шаги – торопливые, неровные. Амариллис первой увидела скорчившегося на полу эллила; она сначала застыла на месте, а потом ринулась к нему, рывком подняла за шиворот, встряхнула.

–Чиро! Что случилось?

И, не дожидаясь объяснений, распахнула дверь. Ей хватило одного взгляда.

–Где мой сын?!..

И эллил мог поклясться, что Гарм, увидевший и застывшего цверга, и лицо Амариллис, испугался.

Глава тринадцатая. Попытка

…Что заставило тебя прервать такой чудесный вечер? Музыка, танцы… почти позабытая беззаботность… Словно кто-то стиснул ледяными пальцами твое сердце, да так, что перехватило дыхание; и ты отстранила Пьющего Песок (он все-таки согласился танцевать с тобой и даже встал, чем вызвал несказанное изумление у завсегдатаев «Бездонной бочки»), подбежала к Гарму и потребовала: «Домой!». И вот ты бежишь по непроглядно темному саду, как грозовая туча, подхваченная вихрем, а глаза твои, переполненные слезами, ничего не видят. Смутно помнишь, как давясь словами, эллил спешил тебя успокоить. Едва услышав, куда отправился Судри, ты поспешила прочь из дома, и никто не стал задерживать тебя – с таким же успехом можно было пытаться задержать лавину.

Амариллис бежала сквозь заросли, расшвыривая руками ветки, влетела в какой-то ручей, споткнулась, упала, на четвереньках вскарабкалась по невысокому склону, продолжая, сама того не замечая, рычать. Глаза ее, замутненные слезами и отчаянием, почти ничего не различали в темноте; ночной сад обступил ее, жутковатый и безразличный. Каким-то чудом Амариллис, не умевшая найти дороги и при свете дня, смогла добраться до мраморной беседки. Задыхаясь, она присела на скамью, обернулась – кто-то осторожно дергал ее за рукав. Это бы один из сородичей Чиро.

–Не плачь. Идем со мной.

Не прекословя, она поспешила за эллилом. Идти пришлось недолго – ведь она, сама того не зная, прибежала почти вслед за мальчиком. Эллил раздвинул ветви ивы – ее сын сидел там, как в шатре, обхватив колени руками, глядя перед собой огромными, полными слез глазами. Амариллис рухнула на колени, крепко обняла его, прижавшегося к ней, дрожащего от ночной прохлады.

–Мы еле удержали его здесь, – эллилы, собравшиеся вокруг них, смотрели сочувственно и печально, – он хотел бежать тебе навстречу. Он плакал.

Они дождались, пока она успокоится, принесли теплые плащи – Судри их одежда оказалась впору, одеяла и подушки, чтобы беглецы могли отдохнуть. Все это время эллилы не позволяли себе вмешиваться в бессловесный разговор матери и сына, да и сами почти не разговаривали. Наконец Амариллис смогла разжать руки и чуть отстранить от себя Судри; мальчик с удовольствием укутался в плащ, забрался к ней на руки и почти мгновенно уснул. Как ни странно, и сама Амариллис уснула вслед за ним.

Когда они проснулись, сквозь сквозной зеленый полог ивовых ветвей просвечивало солнце, пели птицы, и все вокруг дышало миром и покоем, и

Амариллис показалось, что все случившееся ночью было просто страшным сном. Увы, сидящий рядом Чиро выглядел подавленным и печальным, и с надеждой на призрачность кошмара пришлось распроститься.

–Как спалось?

–Прекрасно. – Амариллис ничуть не покривила душой, спалось ей действительно хорошо, легко и спокойно.

–Значит, ты отдохнула. Пойдем, Ами, я провожу вас к Гарму.

–Ну уж нет. Мы отсюда не уйдем. – Амариллис решительно покачала головой. – А если это страшилище все еще там?! Мне Арколь достаточно про него порассказывал. Как он сюда попал, Чиро?

–Гарм его в привратники взял, – неохотно ответил эллил.

–Что?! Так они друзья?

–Не стоит преувеличивать. Фолькет всего лишь слуга, причем не из любимых. А друзей у Гарма, к слову сказать, нет.

–Все равно. Хороших слуг он нанимает…

Проснувшийся Судри завозился, вылез из одеяла.

–Ладно, сначала идите умойтесь и поешьте. Потом поговорим.

Амариллис отпустила Судри поиграть, но с условием – не убегать далеко, чтобы она могла его видеть.

–Не бойся, здесь ему ничто не угрожает.

–Именно так я думала и о том доме, – и девушка неопределенно махнула рукой, явно имея в виду Дом богов. – Думала, мы там в безопасности. Пока Фолькета не увидела своими глазами. Прямо у кровати Судри… Чиро, я хотела спросить, а почему Гарм не пришел сюда сам? Почему тебя прислал объясняться?

–Он не знает, как ты его примешь. Проще говоря, боится.

–Ничего я не боюсь.

Эллил и танцовщица обернулись – Гарм стоял возле статуи высокого мужчины, держащего в руках чашу.

–А ты даже для любимого слуги позволяешь себе слишком много.

В ответ на такое замечание эллил сморщился, будто надкусил лимон, но промолчал.

–Ты ведь ждешь от меня объяснений, Ами? Ждешь извинений и чего-то еще в этом роде?

–Достаточно будет и объяснений. – Амариллис пристально смотрела на Гарма. – Кто ты, куда привел нас с сыном – и зачем мы тебе понадобились? Мы… или я…

–Это уже легче. Извинения мне никогда не удавались. Скажи, ты вернешься в дом? Или решила остаться здесь?

–Я думаю, вряд ли ты позволишь мне остаться. Я вернусь. Но Судри останется здесь.

–Амариллис, это невозможно, я же говорил тебе…

–Я помню, Чиро. Я постараюсь побыстрее выполнить то, чего он, – и она кивнула в сторону Гарма, – от меня хочет, и мы уйдем отсюда. Может, за Краем Света найдется место и для нас.

Амариллис встала, подошла к эллилу, положила руки ему на плечи и заглянула в глаза.

–Чиро, ты можешь мне обещать, что с Судри ничего плохого не случится, пока он здесь? Я уйду со спокойной душой, если ты будешь с ним рядом.

–Послушай, я позаботился о том, чтобы Фолькет не совал своего носа в мой дом. – Гарм явно был недоволен тем, как мало с ним считается какая-то танцовщица. И ему было неловко от того, что какой-то привратник нарушил его планы. – Считай его… ну, почти мертвым.

–Почти?.. – Амариллис усмехнулась. – До тех пор, пока он тебе снова не понадобится?

–Ты все еще не доверяешь мне? – бог был явно обижен. – Чего тебе еще не хватает?

–Не мне, а тебе. Так, самой малости. Немного жалости. И совести. – Амариллис явно не давала себе отчета, с кем она так разговаривает… – Чиро, я жду ответа.

–Что я могу тебе обещать, Ами? Что не спущу с твоего сына глаз? Пожалуй. Я не думаю, что Фолькет настолько хорошо знает здешние закоулки, чтобы так просто добраться сюда, так что какое-то время можешь не беспокоиться. Ступай, Амариллис, делай, что решила. Я присмотрю за мальчиком.

–Прекрасно. – Сморщился Гарм. – Могу я, в свою очередь, уверить вас в том, что привратник более не переступит границ сада?

–Ты уже однажды пообещал, что принимаешь меня в свой дом. И ручаешься за мою жизнь. – Амариллис, не мигая, смотрела в глаза Гарма. – Знаешь ли, Гарм, однажды меня вот так же поставили на игральную доску. Вероятно, это была не такая большая игра, как твоя, но моя жизнь с тех пор, увы, не подорожала. Я для вас всего лишь игральный камешек… вы ставите меня, передвигаете, и у вас свои цели. А я только средство, – впрочем, без него вы, похоже, бессильны. Идем, Гарм. Я готова вернуться в твой дом. Чтобы ты мог продолжить свою игру. Но мой сын в ней участвовать не будет.

Гарм промолчал и жестом пригласил Амариллис следовать за ним.

Он привел ее в тот самый покой, откуда не так давно отводил глаза эльфу, охотившемуся за девушкой. Усадил Амариллис на один из листов лотоса, сам устроился на другом; здесь было тихо, только колыхания воды отражались еле слышным эхом от каменных стен. Ровным светом горели жемчужины в лягушачьих ртах, бело-розовые лепестки цветов лотоса чуть поблескивали, словно были присыпаны сахаром, и пахли влагой и чем-то сладким.

–Люблю это место. – Он оттолкнулся ногой от порога комнаты, улегся на спину, заложив руки за голову. – Оно меня умиротворяет… успокаивает…

–Я больше люблю открытый воздух. – Амариллис подобрала под себя ноги, обхватила колени руками. – Да и воды я побаиваюсь, по старой привычке.

–Ты чего-то боишься? Брось, тебе это не к лицу. Чуть не забыл, у меня для тебя кое-что есть.

Гарм соскользнул с листа в воду и поплыл куда-то вглубь залы, бесшумно, надолго пропадая под водой. Вынырнул он возле одной из ниш, где сидели каменные лягушки, подтянулся, встал на черный, влажный постамент и запустил руку в раскрытый лягушечий рот, за светящийся шар. Зажав что-то в кулаке, он на этот раз не отказал себе в удовольствии прыгнуть в воду, подняв тучу брызг, долетевших до возмущенно ахнувшей танцовщицы, и поплыл прямо к ней. Подняв из тяжелой, черной воды мокрую голову, Гарм одной рукой ухватился за край листа, а другую протянул девушке.

–Держи. – И разжал пальцы.

На его влажной узкой ладони лежало кольцо – простое, с одним прозрачно-черным камнем, похожим на здешнюю воду, отмеченным орочьей руной.

–Мое кольцо?! – Амариллис, не веря своим глазам, нерешительно взяла кольцо – и быстро надела его. И перевела дыхание.

–Надо же… вот не чаяла, что снова мы будем с ним вместе. – Она не отрывала глаз от камня, заметно потеплевшего на ее руке.

Гарм забрался на свой лист, сел на краю, свесив ноги в воду, и с удовольствием смотрел на Амариллис. А она отвела наконец взгляд от своего кольца, и – впервые за все время – улыбнулась Гарму.

–А ведь я ничего о тебе не знаю. Расскажи. – Просто сказала она, усаживаясь поудобнее, на шаммахитский манер скрестив ноги и свесив с колен ладони. – Кто ты? Кто твои родители? Твоей матушке я только посочувствовать могу, поди-ка уследи за этаким сыночком… – и, помахав руками, Амариллис изобразила полет Гарма.

–Возможно, мне стоит напомнить, что я бог.

–Это я уже поняла. Неужели ты никогда об этом не забываешь? Бедняга… Ну, бог… а дальше? Вы такие разные, ты и Лимпэнг-Танг. Даже ты – и тот, кто нес меня через пустыню.

-Тот, кто нес, – и Гарм преувеличенно величаво помахал руками, повторяя движение девушки, – это, если можно так сказать, мои парадные одежды. Я одеваю их для Арр-Мурра. Или если хочу произвести впечатление.

Через несколько минут они разговаривали так спокойно, будто и не было между ними ничего пугающего или чуждого. Гарм с удовольствием рассказывал о своей семье. Он рассказывал обо всем – об отце и его нежелании терпеть в Доме богов закрытые Врата, о прежней дружбе с Фенри, даже золотые тавлеи вспомнил. Амариллис слушала, изредка спрашивая о чем-то, совершенно ей непонятном, или улыбаясь неожиданной откровенности бога. Она вытянула из воды за длинный стебель цветок лотоса и,

отщипывая лепесток за лепестком, утолила голод. А Гарм так увлекся, что, похоже, забыл обо всем на свете, уйдя с головой в давние дни. Наконец, он спохватился.

–Ты удивительно терпелива, Ами. Разговоры о минувшем кого угодно в тоску вгонят… Довольно обо мне. Давай поговорим о тебе.

–Как скажешь, Гарм. Спрашивай – я обо всем расскажу и ничего не потаю, – и Амариллис невесело усмехнулась, припомнив один из таких разговоров, когда вопросы ей задавал знаменитый врач Аурело.– Но может не сейчас? Гарм, я устала.

И Амариллис неожиданно для себя самой легла на лист лотоса, перекатилась на край и опустила голову в воду – окунулась в черную прохладу, словно не желая ни слышать, ни видеть более ничего – хотя бы несколько секунд. Потом она поднялась, протерла глаза, отвела с лица налипшие мокрые волосы.

–Понимаешь, так уж случилось, что до тебя я с богами почти не общалась. Аш-Шудах никогда подчеркивал своего происхождения, да и до бесед со мной он редко снисходил. Лимпэнг-Танг – для него я танцевала и видела его глаза… и этого было довольно. А ты… Вот я смотрю на тебя и вижу такого же, как и я, Кратко Живущего – ты нетерпелив и самоуверен, и тоска тебя берет в здешней тесноте, сил много, а померяться не с кем – ни дать, ни взять скучающий младший сын обедневшего арзахельского вельможи. Наверное, поэтому я так с тобой разговариваю… не падая ниц. Но после всех слов мне достаточно заглянуть в твои глаза – и я понимаю, что в этих вот каменных жабах куда больше человеческого, чем в тебе. Хотя… возможно, нелепо ждать от бога человечности…

Они замолчали.

–Давай договоримся. Я зачем-то тебе нужна, ведь так? Тогда позволь мне привыкнуть к этой мысли – и к тебе тоже. Конечно, ты можешь заставить меня…

–Нет. – Гарм резко оборвал ее. – Заставлять кого-то из рода Эркина – благодарю покорно.

–Я сейчас вернусь к Чиро. И ночевать останусь там. А завтра снова приду – сюда, или куда ты скажешь. И буду слушать.

Остановившись на пороге зала-озера, Амариллис сказала:

–Та игра, о которой ты говорил… тавлеи. Никак не могу вспомнить… Похоже, я видела что-то подобное.

–Не может быть… – Гарм посмотрел на нее как на снеговика, возникшего посреди пустыни – недоверчиво и чуточку испуганно.

–Постой… – Амариллис наморщила лоб, вороша свою память. – И ведь не так давно это было, я еще подумала – надо же, какая роскошь на таком месте… О! Вспомнила! – Торжествующе воскликнула она.

–Неужели?.. – Гарм стоял на листе лотоса, балансируя на самом краю.

–Точно. Я видела точно такую вышивку – и уж поверь мне, в чем – в чем, а в вышивке я толк знаю – в этой, как ее… «Бездонной бочке».

–Где?! – Гарм застыл, уже готовый поставить ногу на каменный порог залы.

–У Пьющего Песок. Он соизволил встать, чтобы принять мое приглашение и потанцевать. Тогда я ее и заметила. Он на ней сидел…

* * *

Утром следующего дня Гарм привел Амариллис в один из закоулков Дома, где спокойно молчали ничем не украшенные серые стены.

–Они были здесь… – Гарм провел рукой по каменной кладке вдоль едва заметной трещины. – Восточные Врата. Я должен их открыть.

–Это твой долг? Или мечта? – Амариллис стояла посреди покоя, оглядываясь.

–Все сразу, Ами. Все сразу.

–Я так поняла, что если их не открыть… этот мир попросту задохнется. Подумать только, там – и она неопределенно кивнула головой, имея в виду Обитаемый Мир – там все думают, что тихий ветер твоих рук дело. Как там говорил Аурело? «Порождение проклятых земель, обители безумного бога…» Это он про тебя, Гарм.

–Лестно, ничего не скажешь. Но – в кои-то веки – я к этой напасти непричастен.

–А если их все-таки удастся открыть? Ты обретешь долгожданную свободу, мир вдохнет вольного воздуха… Или нас всех сожрут? А может вообще ничего не получится – уж если ты не смог, куда мне…

–Не знаю. – Гарм обернулся, ловя взгляд Амариллис. – Но думаю, что силы, с которой у тебя договор, хватит, чтобы открыть Врата. А там видно будет.

–Если останется, кому смотреть. – Съязвила Амариллис. – Что я должна делать?

–Что, вот так сразу? – Гарм заметно удивился.

–Послушай. Я не думаю, что тебе стоит медлить. Поспеши, пока я не начала думать и бояться.

–Хорошо. – Гарм усмехнулся. – Медлить и вправду не стоит. Я успею подготовить все нужное сегодня после полудня. Твоя помощь мне не понадобится, так что иди к сыну. И ни о чем не беспокойся. Твое дело – открыть камень. А дальше моя забота. И вот еще что… помогать нам будет Фолькет. Прости, но без него никак. Догадываюсь, какое впечатление он производит и что тебе братец о нем порассказывал…

–Гарм, – прервала его Амариллис, – даже если ты решишь призвать на помощь сонмы фолькетов, я не изменю своего решения. Делай, что должен. Я открою для тебя камень.

Гарм замолчал и посмотрел на Амариллис так, будто впервые увидел ее. Потом подошел совсем близко, положил руки ей на плечи и развернул лицом к себе.

–Ты не перестаешь удивлять меня. Я думал, что тебе понадобится не менее полугода, чтобы восстановить силы – а ты проснулась уже через два месяца. Чиро боялся, что ты не сможешь ходить – а ты через месяц танцевала с маленьким народцем. А то, что происходит сейчас… – он отпустил ее, но остался стоять почти вплотную.

–Ты хоть понимаешь, что я собираюсь сделать? Клянусь песками, тебя даже не пришлось уговаривать – а я был готов, даже трогательную речь сочинил. Куда ты так торопишься?

–Гарм, – Амариллис не двинулась с места, только голову подняла, чтобы лучше видеть глаза бога, – ты когда-нибудь купался в одайнских озерах в начале мая? Так вот, сейчас ты собираешься совершить нечто подобное. Влететь с разбегу в ледяную купель, нырнуть, выплыть, едва дыша… И стоять на берегу, и чувствовать себя заново родившимся. Знаешь, я никогда подолгу не переминалась с ноги на ногу, а раздевалась одним махом, и прыгала в воду. Так может, мне сочинить трогательную речь для тебя?!.. Чтобы прыгал побыстрее.

–И ты не боишься, что я – и весь мир вместе со мной – утонем?

–Боюсь. До тошноты боюсь. А чего ты ждал от меня, слабой смертной? Что стану реветь в голос и просить времечка, попрощаться с сыном? Еще раз увидеться с любимым? Гарм, да мне вечности не хватит, чтобы на них наглядеться. Невозможно быть готовым к страданию – оно всегда захватывает врасплох. И если мне суждены еще потери – никто не переживет их за меня.

Неожиданно Гарм улыбнулся, наклонился и поцеловал ее в лоб.

–Удивительно. Рядом с тобой я впервые чувствую, что делаю то, что нужно. Не пытаюсь завершить начатое отцом, не потворствую собственным прихотям… Сегодня мы откроем Врата, Амариллис, обещаю тебе. И в этом мире станет намного легче дышать.

Гарм быстро вышел, оставив девушку в одиночестве. Когда она вернулась из дома эллилов, ждать ей пришлось недолго, вскоре пришел и Гарм, вслед за ним шел Фолькет. Помимо воли, она уставилась на него во все глаза. Хорош… и в прежние времена статью не отличался, а тут совсем усох, будто финик, лицо – жуткая маска из морщин и шрамов, и совершенно безумный взгляд единственного глаза. Шел он медленно, руки прятал в широкие рукава длинного одеяния. Как ни странно, на Амариллис не обратил ни малейшего внимания, а тихо встал за спиной молодого бога, почтительно ожидая приказаний.

–Ты знаешь, что должен делать. – Гарм достал из ножен длинный узкий кинжал; металл лезвия отсвечивал красным и поэтому казался горячим. Повернув голову к Амариллис, стоявшей в углу, он приказал:

–Ами, когда я протяну к тебе руку, будь готова открыть свой камень. Я думаю, тебе достаточно будет просто попросить его явить свою мощь.

После этих слов он встал почти вплотную к стене, примерился и несколько раз с силой ударил кинжалом по серому камню. Амариллис невольно ахнула – от таких ударов кинжал неминуемо должен был сломаться, но этого не случилось. После второго или третьего удара Гарму удалось загнать лезвие в еле заметную щель, обозначавшую контуры прежних Врат. Фолькет подошел поближе и встал лицом к двери («Будто привратник…» – мелькнуло в голове у девушки). Простояв так с минуту, словно испытывая всех на прочность, Гарм взялся за рукоять обеими руками, откинул голову назад и запел. Амариллис еще не успела как следует удивиться его голосу, как он протянул к ней руку.

…Это не сон. Это слишком даже для сна. Как много всего было. Как мало.

…Я не хотела тебя. Ты пришел сам. То ли как награда за удачное начало, то ли как возмещение невосполнимой утраты. Кем я была тогда? Последним листиком на ветке – листиком, возомнившем о себе, что научился кружиться по собственной воле, а не подчиняясь ветру. Кто я сейчас? Тот же листик. Но кое-что я все–таки успела понять. Да, я слаба, мала и жизнь моя быстротечна. И силы мои смехотворны в сравнении с силами ветра. Но если не будет меня, с кем тогда он будет играть? Как же скучно и пусто будет ветру без листьев. Ветер танцует листьями… ветер живет ими.

Амариллис стоит ровно, выпрямившись, тихая и строгая. Спокойно раскрывает она ладонь, смотрит на лежащее кольцо. А камень… рдеет как черная вишня на солнце. С каждой секундой он светится все ярче, и вдруг словно лопается – будто то же зерно, переполненное соками. По ладони Амариллис течет свет; течет, капает на пол, собирается в лужицы.

–Еще. Этого мало.

И в ответ на ее просьбу камень снова лопается – и на этот раз свет не течет, он вырывается из алмаза как пламя из глубинных недр, заливая все вокруг непорочно белым сиянием. Амариллис оглядывается – она стоит словно в сердце звезды, окруженная светом и мощью. Она откуда-то издалека слышит Гарма, выпевающего заклятие, слышит и Фолькета – он и впрямь поставлен привратником, призванным не пустить в дом незваных гостей, и ему приходится ой как несладко, слова вытекают у него изо рта вместе с кровью, а вскоре он падает на колени, но с места своего не сходит. Как был упрямый цверг, так им и остался.

Амариллис с удивлением смотрит на собственные руки – они почти прозрачны, да и все ее тело превратилось в мягко сияющий, живой язык пламени. И то, что она чувствует сейчас… Это все равно, что быть первой каплей, вслед за которой обрушивается ливневый шквал. Она вдруг пони-

мает, что любая радость, испытанная живым существом, отзовется в ней – и во всех других обитателях этого мира. И любая боль отзовется. В тех, кто ближе, отзовется сильнее, в дальних и закрытых – слабо, почти неощутимо, но даже эта малость пошатнет равновесие… Она и камень становятся единым существом, ровно, мягко горящим светилом, и в тот же миг Амариллис понимает, что сама единым существом быть перестала.

Словно оказавшись внутри зеркального шара, она воплощается, отражается во множестве жизней. Одновременно она оказалась в разных местах, разных временах… Ее двойники возникали отовсюду, появлялись из далеких неведомых миров, которых было такое множество, что у девушки закружилась голова. Она видела себя маленькой девочкой, сидящей на корточках в углу, торопливо поедающей украденные на кухне винные ягоды («Папа всегда смеялся, когда вспоминал, как я ввалилась совершенно пьяная – это в пять-то лет! – к чинным гостям в парадную столовую»). Видела застывшую в предсмертной тоске девушку, наполовину затянутую в болото, окруженную белесым липким туманом. Видела женщину, еще молодую, которая стояла на вершине скалы и оглядывала каменистое всхолмье, переходящее в поросшие лесом горы, – у ног женщины сидел медно–рыжий охотничий пес – таких Амариллис прежде не видела, а на плече сидела серо–черная птица с белым хохолком. Зеркальный шар вздрогнул, закружился, – и она увидела Амариллис – торопливую белку, мелькающую по стволу, Амариллис – цветок… камень… птицу… Ее отражения разбежались по мирам и тысячелетиям, эти семена вечной жизни, заброшенные в бескрайность Мироздания, перелетали от одного мира к другому, несомые могучими и ласковыми ветрами. И в то же время все они были ею самой. Одновременно. Вечно.

Амариллис попыталась охватить эту бесконечность времени и пространства, попыталась понять, кто же реален – она или все эти копии, и изначальна ли она сама… В какой-то момент она поняла, что сила разбуженного камня, ее свет и покой находятся в нем самом – и в ней; она, Амариллис, и есть алмаз темной крови.

Проходит совсем немного времени, и она начинает чувствовать, как тесно в каменных стенах выпущенной ею силе. Что-то не так… Да, воля Гарма сильна и он знает, чего хочет. И сила, послушная Амариллис, готова служить ему. Но похоже, он не знает что именно нужно сделать с этой силой, чтобы она послужила ему как должно. Он упрямо продолжает петь, накапливая все больше и больше сияющей мощи, уже вся комната залита раскаленным светом, стены дрожат, и до Амариллис доносится слабый запах полыни. Гарм, внезапно оборвав пение, резко поворачивает кинжал – лезвие ломается с сухим коротким треском. В следующий миг дом богов содрогается от основанья до вершин, а в комнате Восточных Врат словно кто-то раскусывает переполненную соком виноградину – и так и брызгает во все стороны прохладой и свежестью.

Амариллис перевела дух. Она стояла, цела и невредима, даже дыхание ее было ровным. Неподалеку лежал на полу Фолькет, не двигаясь и, похоже, не дыша. А у противоположной стены лежал Гарм.

Она подошла к нему, все еще не веря в то, что бога можно сразить, опустилась на колени, приподняла его голову.

–Ты… – голос его еле слышен, из прокушенной губы сочится кровь. – Ты останешься здесь за хозяйку. Я засыпаю… теперь надолго…

Слова давались ему с трудом, он произносил их через силу, стремительно погружаясь в сон. Амариллис осторожно уложила Гарма на пол, поднялась и через силу подошла к Фолькету, наклонилась – он был жив. Глаз цверга уставился на нее с неприятной проницательностью, но отнюдь не враждебно.

–Фолькет!.. – ей самой это чувство было удивительно, но она была рада тому, что маг жив. – Не двигайся, я сейчас позову Чиро, мы отнесем тебя… ой!

Фолькет вцепился в ее руку, стиснул пальцы до боли.

–Почему?

–Ну напугал… откуда мне знать? Да не дергайся ты так!

–Теперь все равно. – Фолькет как-то сразу успокоился, притих. – Я за ним. Слышала, что он сказал? Теперь ты здесь хозяйка.

Цверг усилием воли подавил сотрясавшую его тело дрожь, сомкнул веки, отстранил склонившуюся к нему девушку. Похоже, он знал, что делать, и уже через минуту ушел в такой же глубокий сон, что и Гарм.

Амариллис встала, огляделась. Ну и дела, подумала она растерянно. Хозяйка Арр-Мурра.

Глава четырнадцатая. Пьющий Песок

Ар-Раби разбудил своих спутников двумя часами раньше обычного.

–По темноте в здешних местах расхаживать станет только сумасшедший. Особенно на полной луне, когда кровяные черви на охоту выходят. Понимаю, что времени у нас мало, но все же поначалу придется попридержать коней.

Помимо воли Арколь фыркнул – трое из выживших коняшек выглядели смурными, заморенными и уж никак не производили впечатления резвых скакунов, коих следовало попридержать.

–И не фыркай, мэтр, а лучше скажи этим безропотным созданиям спасибо… – ар-Раби огладил лошадку по шее. – Так что идем до темноты, потом пережидаем до рассвета – и вряд ли скучать придется. Ну, а там поглядим, может, когда и ночью идти получится. Надевайте накидки, для вас еще слишком солнечно.

Действительно, даже давно перевалившее за полдень солнце совсем не ласково обжигало кожу; пришлось всем четверым накинуть поверх голов тонкие покрывала белого полотна, закрепив их витыми полотняными же жгутами. Со сборами и едой задерживаться не стали, проводник торопил в дорогу. Наскоро прожевав сухие фрукты и запив их водой, они начали путь – впервые за месяц при свете дня.

Идти засветло было непривычно и, несмотря на жару, от которой хотелось снять с себя собственную плоть, путники смотрели на пустыню во все глаза – и не могли насмотреться. И хотя окружающий пейзаж у всех, кроме ар-Раби, вызывал неприятие, а у эльфа почти отвращение, они не могли оторвать от него глаз. Было что-то странное, отталкивающе–привлекательное в открывшихся им землях; мертвые, но являющие миру отвратительное подобие жизни, они казались издевательским вызовом живым существам, пришедшим в это царство смерти раньше времени и по собственной воле. Прежде путники видели только темные силуэты барханов, невыразительные каменистые пустоши и монотонные всхолмья; весь прошлый месяц они пробирались по затаившейся пустыне как тени, незаметно и безучастно. А здесь… сразу за выщербленными скалами начинался обрыв – в незапамятные времена здесь протекала река и теперь еще на дне русла белели пережженные солнцем раковинки речных моллюсков. За высохшим руслом простиралась равнина, усеянная высокими каменными столпами, расчертившими песок строгим узором теней; за ней путники с удивлением углядели обширные заросли не то кустарников, не то низкорослых деревьев, похожих на свернувшихся в клубки ежей, и даже издалека было заметно, как подергиваются колючие плети, стелющиеся по земле.

–И как через них продираться? – мрачно спросил Сыч.

–Ишь, разбежался. Вот дойдем, там и решим. – Усмехнулся в ответ ар-Раби. – а теперь повторяю последний раз – я иду первым, вы за мной, и никто – даже ты, эльф! – не геройствует. До сих пор вы прислушивались ко мне – и как, видите, пока живы. Что ж… для начала переберемся на тот берег. И вот еще… – ар–Раби оглянулся и неожиданно улыбнулся своим друзьям, – Я никогда не бывал в этих краях. В Арр-Мурра я всегда заходил с востока, все привычные мне тропы там. Так что глядите в оба.

И он, не спеша, принялся спускаться по осыпающемуся мелкими камешками склону. Переглянувшись, остальные последовали за ним, скользя на мелком щебне и кашляя от поднявшейся душной пыли. Оказавшись на дне русла, ар-Раби остановился, огляделся, прислушался…

–Слышите?

Действительно, то, что во время спуска показалось им грохотом катящегося камня, потревоженного впервые за сотни, а то и тысячи лет, повторилось вновь – на этот раз ближе и явственнее. Глухие гулкие раскаты прокатились по белесому небу.

–Не может быть! – вытаращил глаза Арколь. – Гроза?! Здесь?!

–Похоже на то. На равнину сейчас выбираться не стоит, не нравятся мне эти столбы – не ровен час, молния ударит, а то и вьюнцы повылезут. Отсидимся здесь, только поднимемся повыше.

Ар-Раби указал спутникам на небольшой выступ, на котором мог разместиться их караван. Пока они поднимались – подъем оказался намного тяжелее, чем они ожидали, склоны осыпались, рушились в прах у них под ногами, заставляя падать, в кровь царапая руки и лица острыми камешками, – гром несколько раз принимался гудеть в барабан, то громче, то тише. Кое-как устроившись на относительно прочном выступе, путники отдышались, протерли запорошенные пылью глаза. Теперь к затихающим раскатам грома прибавился еще какой-то неясный звук, похожий на гул рассерженного пчелиного роя.

–Сухая гроза… впору пустыне, – откашлявшись, сказал Сыч. – Ффуу… проклятая пыль, все горло забила! – он снова закашлял.

–Тихо. – Ар-Раби прислушивался, беспокойно глядя на небо – по–прежнему совершенно безоблачное, уже темнеющее. – Это…

Договорить он не успел. Из-за крутой излучины прямо на них шла стена воды. Пенящаяся, мутная, она мгновенно заполнила минуту назад сухое русло, подхватила ошеломленных людей и понесла их, крутя и швыряя. Ар-Раби, мертвой хваткой вцепившись в поводья лошади, пытался и удержаться на плаву, и править к берегу. Черноволосая голова Арколя то пропадала, то вновь показывалась над ревущей водой; Сыч что-то выкрикивал, но грохот внезапно ожившей реки перекрывал его голос. Все они были застигнуты врасплох; здесь, в пустыне, они ждали песчаных бурь и удушающей жары – а попали в самое настоящее наводнение. Только что мечтавшие о глотке воды, чтобы прополоскать саднящее от пыли горло, они захлебы-

вались холодной, темной влагой, тщетно пытались совладать с разъяренной рекой, так не вовремя воскресшей. Она тащила их, не разбирая дороги и не особо церемонясь, не давая возможности перевести дух. И все же эльф успел заметить, что они были не единственными игрушками реки – невесть откуда взявшиеся, мимо проплывали стволы деревьев, какие-то не поддающиеся определению обломки, один раз сквозь пену мелькнула оскаленная пасть песчаного волка.

Закончилось это так же внезапно, как и началось. Вода в русле стала стремительно убывать, и через несколько минут пловцы оказались распластаны на дне. Отплевываясь, кашляя, они поднимались, все еще не веря случившемуся. Однако насквозь мокрая одежда, оборванные поводья в руках ар–Раби и Хэлдара, и слой жидкой бурой грязи, перемешанной с белыми мелкими раковинками, на дне опустевшего русла убеждали их, что наводнение им не пригрезилось.

–Если бы не мокрое исподнее, я решил бы, что сошел с ума! – Сыч подошел к Арколю, ошалело сидевшему в грязи, и помог магу подняться.

–Ух ты… – маг с трудом переводил дыхание, он наглотался воды и выглядел почти испуганным. – Хэлдар… она неуправляема, так?

–Так. – Отозвался эльф через несколько минут; он стоял на коленях, опираясь руками о землю – за минуту до окончания наводнения его крепко задело массивным деревянным обломком, и теперь ему было все еще не по себе. – Я слышал тебя и пытался сам, а потом меня славно съездили по загривку, не то креслом, не то столом… И впрямь – Проклятые земли…

–А где же вода? – спросил орк. – Пролилась где-то там грозой, точнехонько в прежнее русло, и что?

–А кто знает? – пожал плечами проводник. – Откуда пришла, туда и ушла. Лошадей унесло… жаль. Я вам говорил, бесполезно искать здесь привычного смысла, здесь и время, и пространство, и причинность – все как с ума посходило. И все ваши заклинания вряд ли помогут. Хэлдар, ты не потерял карту?

–Нет. – Поднявшийся на ноги, слегка пошатывающийся эльф вытянул из-за пазухи мокро поблескивающий сверток.

–Уже везенье. Ну что, выбираемся наверх? Пока опять не загремело. Посмотрим, что оставила нам река, и поднимаемся.

Оказалось, что река оставила не так уж много: большую часть припасов унесло вместе с лошадьми, чудом уцелели два кожаных мешка с водой, мешок с провизией, сверток с полотном, мечи орка и эльфа, еще несколько мелочей.

Выудив свои пожитки, оскальзываясь на быстро высыхавшей грязи, они поднялись по склону и увидели, что унесло их довольно далеко от того места, где они спустились; столпы–колонны еле виднелись где-то по правую руку, а сама равнина казалась до самого горизонта устланной белоснежными овечьими шкурами, курчавыми, плотными, чуть розоватыми. Идти по

таким легко и приятно, как по рассветному облаку; бело-розовые, упругие на вид завитки так и манили сделать первый шаг, пробежаться, прилечь отдохнуть…

–Невозможно. Это соль.

И ар–Раби скривился.

–Придется вернуться. Здесь нам не пройти. Это застывшая соль, она проест подошвы за час, и примется за ноги. Даже если успеем выйти из солончака, идти босиком пока не хочется. Так что возвращаемся.

Еще до темноты они пришли к месту, где заканчивалась нежно–розовая соль, уступая темному, почти черному песку. Шли по самому краю обрыва, не решаясь спускаться вниз, избегая наступать на соляные наплывы. Дошли до первой колонны и опустились у ее подножия, почти без сил, голодные и злые.

–Все, ни шагу больше сегодня. – Ар-Раби оглядел своих спутников. – Нас встретили с таким вниманием, что не стыдно и отдохнуть.

–Надо же, – усмехнулся Арколь, передавая Сычу воду, – я так наглотался воды, пока она меня туда–сюда швыряла, что только сейчас вспомнил, что здесь пустыня и все время хочется пить. Ар–Раби, а мы с такими запасами сколько протянем?

–Не бойся, мэтр. Здесь часто встречаются оазисы, один на три дня пути уж точно.

–Предусмотрительно. Иначе ни один гость долго не протянет, а так, хоть какая-то надежда… – Хэлдар разложил карту на песке и пытался определить, куда их занесло. – Бьюсь об заклад, ар-Раби, этот узор изменился. Я эту вышивку не первый день изучаю, так вот этих спиралей я не припоминаю, – палец эльфа указывал на завихрения черно–оранжевых полосок в центре, – потому что их не было…

–Все может быть, – невозмутимо отозвался проводник, подавая эльфу горсть подмокших фиников, – изменились земли – изменилась и карта. А теперь советую поспать, хоть немного. Здесь всему свое время: пока пропускают – идем, нет такого доверия – отдыхаем. Чем больше уважения к Арр-Мурра, тем дольше продлится твой день.

И ар-Раби уселся, прислонившись спиной к теплой на ощупь колонне, и мгновенно задремал. Спутники последовали его примеру и вскоре все четверо спали, впервые за последний месяц обычным усталым сном.

Проснулись они незадолго до рассвета, почти одновременно, как по команде. Оказалось, что все четверо здорово замерзли, возможно, именно это почти позабытое ощущение и заставило их прервать сон.

–Скоро рассвет, – Арколь указал на светло-карминную полоску вдоль края небес. – Что прикажешь, ар-Раби? Яму копать или еще что?

–Неужто не выспался? – язвительно поинтересовался Сыч. – Эдак мы тут надолго задержимся.

–Не задержимся. Чем выше солнце, тем холоднее в тени, – проводник указал на начинающие расти тени колонн. – Я думаю, если не выходить из тени, можно идти хоть весь день.

–А куда идти-то? – Арколь озирался по сторонам.– К тем колючкам?

–Не стоит, слишком уж они… – ар-Раби не закончил, словно боясь обидеть кого-то неосторожным словом. – Идем лабиринтом теней, а заросли попытаемся обойти.

Действительно, идти в тени каменных столпов оказалось возможным даже днем; но именно и только идти, поскольку там было настолько холодно, что дыхание стыло на губах и стоило остановиться, как начинала колотить ознобная дрожь. Греться же на полуденном солнце Арр-Мурра никто не осмелился. Только Сыч сообразил насыпать в куски полотна раскаленный песок, свернуть их, засунуть за пазуху и хоть так согреваться. Они шли и шли, стараясь не слишком забирать влево, в сторону солончака; передвигаться по лабиринту теней оказалось не так просто – зачастую четкий узор теневых дорожек терялся из виду, иногда его заслоняли каменные столпы, сказывался и неестественный холод. У всех четверых путников, успевших привыкнуть к жаре, после полудня заметно утяжелился шаг; Арколь, никогда не живший в холодном климате, однажды даже сделал попытку прилечь и подремать у подножия каменного исполина, и друзья с трудом смогли растолковать ему, только сонно хлопавшему глазами, что со сном придется подождать. После этого он решил выйти отогреться на солнце и ар-Раби с трудом удержал его от этого: «Вот как хватит тебя удар и что нам с тобой делать? Этому солнцу половины минуты хватит, чтобы тебя свалить, ты и так ошалел и обессилел. И я не поручусь, что даже твое молодое сердце выдержит такое… ».

У всех четверых путались мысли, слова замерзали на губах, волосы эльфа заиндевели и стали похожи на седые мхи одайнских лесов.

–Что за злая ирония… – слова вылетали хрусткими льдинками, ломались, трескались, в кровь раня сизые губы Хэлдара. – Замерзать насмерть в пустыне…

–Ага… если бы я не боялся, что мои легкие разлетятся на сотню ледяных осколков, то славно посмеялся бы, – через силу ответил ар-Раби.

– Вы только посмотрите на себя! – Сыч подул на ладони и потер свои побелевшие уши. – В двух шагах песок в стекло плавится, а они трясутся, как февральские птички на ветке…

И, спрятав руки подмышками, он негромко пропел:

–Мне суждено от жажды умирать
У родника,
Дурачить время, строя замки
В облаках,
Мне греться лютой стужей,
Стылым льдом…

–И на чужбине обрести родню и дом…
– подхватил эльф.
–Лишь для меня горчит полынью
Мед,
Мне ведомо, как пламя переходят
Вброд,
Как лапка кроличья свершает
Чудеса…

–И как верны твои невинные глаза! – они допели вместе, не обращая внимания ни на обжигавший горло ледяной воздух, ни на то и дело пересекавшееся дыхание. У этой давней песни Сыча, одновременно и горестной, и насмешливой, выпущенной в сумасшедший воздух Арр-Мурра, был странный смешанный вкус – эльфьей и орочьей крови, сочившейся из потрескавшихся губ поющих.

–Словно альв прикусил язык ненароком. Давненько я такого не слышал…

Даже такой мороз не выстудил в них способности удивляться; обернувшись, они не сразу разглядели говорившего – и не мудрено, поскольку он сидел на верхушке одного из столпов, скрестив ноги и опираясь локтями на колени. Рядом с ним лежал деревянный посох и стояла деревянная же чаша, отполированная до теплого золотистого блеска. Одет незваный гость был незамысловато и просто, на голове его было такое же, как и у четверых путников, белое покрывало, прихваченное свернутым из пестро расшитого платка жгутом. Но на нем оно казалось только проявлением вежливости к пустыне, данью традиции, которую нарушать слишком хлопотно – объяснений не оберешься. Он сидел и смотрел вниз, щуря спокойные серые глаза и едва заметно улыбаясь.

–Любопытная у тебя привычка, сударь орк, – чуть помирать собрался, или еще какое небольшое затруднение – сразу петь. Это ты себя подбадриваешь или беде зубы заговариваешь?

Задав вопрос, Пьющий Песок легко поднялся, расправил плечи, подхватил посох, допил воду из чаши и убрал ее в видавший многие виды дорожный мешок. Потом он слегка кивнул головой стоявшим внизу в тени – мол, нам пока по пути, – и шагнул прямо в воздух. Замерев, путники во все глаза смотрели, как он медленно, растянув шаг до невозможных пределов, перемещается к стоящему на расстоянии двух десятков шагов каменному столпу. Потом так же невозмутимо перешагивает на следующий; и именно, что не перелетает, не перепрыгивает – знай себе шагает, неспешно и спокойно.

–Ущипните меня, – не отрывая глаз от Пьющего Песок, попросил ар-Раби. – Или мы уже умерли и он провожает нас к месту упокоения, или нам неслыханно повезло…

–И он отведет нас туда же, – мрачно пошутил эльф. – Смотрите, он идет именно к тем милейшим колючкам. И я так понимаю, мы последуем за ним?

–Именно так, недоверчивый мой друг, – ар–Раби даже как будто отогрелся, заметно повеселел и приободрился. – За ним, да побыстрее, и прими мою благодарность, Сыч, – если бы не твоя песня, были бы здесь к вечеру еще четыре застывших столпа.

Торопясь, борясь из последних сил с омертвляющим холодом, спотыкаясь на застывших, онемелых ногах, они следовали за неспешно идущим в вышине проводником. Как ни странно, эта дорога оказалась легче и быстрее уже пройденной – то ли потому, что день уже перевалил за половину и тени немного потеплели, то ли потому, что присутствие Пьющего Песок ощутимо согрело их. Во всяком случае, меньше чем через час они оказались у границы зарослей.

–Советую поторопиться, – бросив через плечо эти слова, Пьющий Песок, уже стоявший на земле, спокойно ступил под сень колючих, неприятно подергивающихся ветвей и через минуту скрылся; заросли расступались перед ним, да и он сам скользил меж ужасающих растений как змея…

–И что теперь?! – Арколь задал этот вопрос с непередаваемым возмущением. – Ничего себе проводник! Лучше бы он нам сразу по камню на шею повесил, пока мы в речке бултыхались!

Он стоял, все еще дрожа, шмыгая носом, и оглядывал своих спутников, таких же замерзших и недоумевающих. Даже ар-Раби казался озадаченным. Они всеми силами старались держаться подальше от колючек, и вот на поди…

–Еще и поторопиться велел! – кипел Арколь. – Помирать, что ли, побыстрее?!

–Это ты всегда успеешь, – неслышно вышедший из зарослей Пьющий Песок стоял, опираясь на палку. – Хэлдар, твое промедление становится непростительным.

–Неужели?... И что же я должен сделать? – судя по интонации, эльф был изрядно зол и растерян. – Летать – увы! – не умею. Ветер здесь звать в помощь? – опасно, еще песчаную бурю накличу. Пойти напролом и напороться на шипы? – тут он осекся, ибо память чересчур услужливо вернула его к тому давнему дню, когда в непроходимых лесах Нильгау погиб его отец, пронзенный острым ростком нутана.

–А еще ты можешь остаться здесь и перебирать все свои потери, вспоминать неудачи, заодно можешь пожалеть и пожаловаться. Когда надоест, можешь поискать дорогу.

Бросив этот совет, Пьющий Песок шагнул в заросли и исчез. Несколько секунд эльф с трудом удерживал себя, чтобы не броситься за ним, презрев все препятствия, и не вцепиться ему в горло. С огромным трудом, подавив это желание, Хэлдар повернулся к друзьям.

–Ну что, так и будем стоять? Ар-Раби, я думаю, нам стоит развести костер и отогреться; солнце заходит.

К счастью, рядом с колючими кустарниками росли и вполне обычные, не пытающиеся самостоятельно двигаться, пустынные колючки; из них путники и соорудили небольшой костерок и вскоре с наслаждением прихлебывали сладкий кипяток. Солнце торопливо покинуло небо Арр-Мурра, окрестности заполнила тихая темнота.

–Ну что ж… – эльф поставил на песок кружку, придвинулся к костру, – за два дня эти земли неплохо позабавились на наш счет. Едва не утопили как котят, обобрали до нитки, потом попытались заморозить – посреди пустыни!. А в результате мы с радостью позволили загнать себя в самое гиблое место. Отсюда нам идти некуда.

–А придется. – Арколь привстал и напряженно вслушивался в спокойную тишину. – Тихо… Слышите?

–Нет… – Сыч, настороженно огляделся. – Тебе, часом, не померещилось?

–Слышу. – Отозвался медленно поднимающийся эльф. – Слева в десятке шагов… и справа… А у нас из оружия?

–Пара мечей. – Сыч вытянул из-за голенища длинный узкий нож и перебросил его ар-Раби, сам же поднял лежавший под правой рукой клинок. – Твой и мой. Бывшему пирату с ножом сподручнее, так что ли?

–Бывших пиратов не бывает, – ар–Раби привычно ухватил нож, – как и бывших шлюх.

–Посветишь нам, мэтр Арколь? – хохотнул в ответ Сыч. – А то от этого посверкивания только темнее становится…

И действительно – к замершим у костра путниками медленно приближалась неровная цепочка огоньков, мерцающих бледно-синим пламенем.

–Рад помочь. – Негромко откликнулся Арколь. – А то они нас всяко разглядеть успели, а мы и не знаем, кто на ночь глядя припожаловал.

Маг вытянул руки, соединил кончики пальцев на уровне груди, негромко произнес нужные слова – и меж его ладоней зародился оранжевый огонек, с каждой секундой разгоравшийся все ярче и ярче, когда же он превратился в пылающий шар величиной с крупный померанец, Арколь выпустил его на волю. Шар завис на высоте велигорова роста и выхватил из темноты непрошеных гостей – и сразу стало понятно, почему они так упорно прятались от света и не спешили подойти поближе. Ни красотой, ни статью пришедшие не отличались; ростом они были не выше гнома, а обличием походили на оживший кошмар больной фантазии. Передвигавшиеся на двух конечностях, неприятно вывернутых в коленных суставах назад, существа имели еще по две пары длинных суставчатых отростков по бокам, ближе к голове, и непрестанно складывали и разворачивали эти отвратительные подобия рук. На головы их и вовсе смотреть не стоило – вытянутые и изогнутые, рассеченные узкой щелью пасти, усеянной похожими на крючья зубами; при всем этом пасть располагалась вертикально.

Гости переминались с ноги на ногу, не решаясь начать знакомство, молча распахивали и закрывали пасти, изредка высовывая длинные синие языки, посверкивая мелкими, собранными в грозди глазками. Было их около десятка – более чем достаточно.

–Хороши… – с непонятным удовлетворением протянул Арколь. – Ар-Раби, что скажешь?

–Лично вижу впервые. – С заметным сожалением ответил шаммахит. – Но наслышан. Очень прочный панцирь, уязвим в местах сгибов. Хорошо прыгают. Огня не боятся.

–Это что же, стражи здешние? – осведомился Сыч.

–Да нет, обычные трупоеды, – отозвался ар–Раби. – Наверно, следили за нами еще днем, надеялись, что к ночи мы как раз доспеем.

–Мда… Придется разочаровать ребяток… – Арколь выпрямился, опустил руки, замер в обманчиво расслабленной позе.

–Не геройствуй, мэтр, – ар-Раби предостерегающе поднял руку, – нам к себе внимание привлекать не стоит. Эти красавчики здесь не единственные живут, и, надо тебе сказать, они не из первых лиц будут. Так что постараемся…

Закончить он не успел. Сразу трое из ночных гостей нарушили мирную дистанцию и перешли в наступление – все так же бесшумно. Подпрыгивая над землей почти на весь свой рост, они набросились на путников. Не дожидаясь смерти самых любопытных – или нахальных, их сородичи поспешили присоединиться. Так что Арколю пришлось пренебречь предупреждениями проводника и вступить в бой. Длился он недолго и когда последний непрошеный гость замер на песке, судорожно подергивая суставчатыми конечностями, друзья перевели дух и переглянулись – и оказалось, что все что все четверо почти что рады… наконец-то произошло хоть что-то, в чем они смогли принять посильное участие.

–А ты уходить собирался, – укоризненно сказал магу орк, вытирая меч, избавляя его от густой серо-красной сукровицы. – Такое развлечение бы пропустили…

И тут темную прохладную тишину прорезал до содрогания неприятный звук – нечто среднее между истошным воплем и безумным хохотом. Звук этот пульсировал, усиливаясь, наполняя ночь тошнотворным страхом.

–А я предупреждал, не стоит здесь шуметь… Хотя теперь уже не важно. Это приветствие кровяного червя – все слышали, я полагаю? – ар-Раби стер пот и кровь со лба.

–Что, все так плохо? – спросил орк.

–Как сказать… рассказывают только слышавшие его. Видевших нет. Кто услышал и смог сбежать – те выжили. Остальные…

–Ясно. А почему кровяной?

Внезапно все четверо почувствовали резкий запах полыни. В круге света показалось плавно льющееся по песку тулово, не отмеченное ни по-

добием головы, ни конечностями, все ровно багрового цвета, сочащееся мутной кроваво–красной жидкостью. Размеры даже этого видимого куска внушали нешуточное почтение.

–Хэлдар, тебе стоит поторопиться. – Сыч кивнул в сторону зарослей. – Какое-то время его удержим мы, потом колючки. Как с ними будешь справляться ты – уж не знаю, спой им, что ли… Да не стой ты столбом. Уходи.

Нет. – Эльф покачал головой, облизнул пересохшие губы, поудобнее перехватил рукоять меча. – Нет. Моя кровь не краснее твоей, брат.

–Знаю. Но тебя, возможно, еще ждут.

Коротко вскрикнул ар-Раби – протянувшиеся по песку струйки крови червя добежали до его ног и мгновенно вытянулись тонкими жгучими струнами, оплели голени, стискивая, прожигая кожу, стреноживая. Отсеченные ножом, кровяные сгустки падали на песок и спешили вернуться в выпустившее их тело, и вновь потечь, извиваясь и шипя, к желанной добыче. Через несколько минут стало ясно, что не случайно среди видевших кровяного червя не было ни одного выжившего. Струйки крови все прибывали и прибывали, они взвивались в воздух нитями жгуче–липкой паутины, падали на плечи и захлестывали шеи… Воздух вокруг обороняющихся сгустился, наполнился тяжелым гнилостным запахом мертвой плоти, возомнившей себя живой. Мало–помалу путники стали отступать в сторону зарослей. Кровяной червь давил на них, не давая ни малейшей возможности пробиться к тяжелому тулову, порождавшему ядовитые нити.

–Хэлдар! – рявкнул орк. – Ты что же, оцарапаться боишься?

–Правее. – Со свистом выдохнул эльф, оглянувшись назад. – Нам правее.

–Что? – Арколь из последних сил удерживал чистым пространство над головами, рассыпая режущие искры; он был бледен, обильный пот наступающего бессилия стекал по вискам – пустыня оставила ему совсем немного сил для подобных упражнений.

–Я вижу тропу. Она прямо за нами… – и эльф спокойно шагнул в неимоверное переплетение колючих подергивающихся ветвей. – Быстрее.

Последнее было излишним – задерживаться не собирался никто. Стараясь идти за эльфом след в след, путники один за другим шагали в заросли, на ходу стряхивая, срезая с себя кровавые нити. Червь тоже поспешил за ними, но, не имея ни глаз, ни их подобия, тут же напоролся на шипы длиной с добрую саблю и столь же острые. И остановился.

Они шли, как могли быстро, насколько позволяли иссеченные ноги и боль от тонких, длинных ожогов; впереди неслышно шел Хэлдар – почти не веря собственным глазам, он видел то, чего не замечали остальные – едва заметную, слабо светящуюся тропу под ногами. Она вела их сквозь заросли, позволяя оставаться целыми и невредимыми. Вела хитро, сглажи-

вая повороты и минуя развилки, мало того, что безопасная – она была еще и быстрой.

–Ну, вот и пришли.

Все четверо, один за другим, вышли на открытый воздух. Впереди совсем близко неясно темнели очертания деревьев, слышался шум воды, ветерок донес не с чем несравнимый запах свежей зелени. На усталых, измученных путников повеяло неясной, беспечальной благодатью, вроде той, которую дарят ранние осенние сумерки – все неотложные и важные дела закончены, отдыхай, живущий, набирайся сил… Тихо, умиротворяюще шелестела листва, шелково перешептывались мягкие травы у них под ногами, звезды заглядывали в зеркало маленького озера, а по берегам его уже начинали раскрываться бутоны ночных лилий, выпуская облачка серебристой пыльцы, пахнущей молодым льдом.

–Оазис… – еле слышно прошептал ар-Раби, хватаясь за орка, чтобы не упасть. – Хэлдар, во имя всех богов, почему ты не вел нас с самого начала?!..

Песнь Мастера

Я хочу быть.
Львом, мотыльком,
Светом и тенью,
Птицей и рыбой,
Стрелой и мишенью,
Старцем, юнцом,
Мудрецом, дураком,
Бурной рекой
И надежным мостом.

Я хочу жить.
Видеть, терпеть, ненавидеть и драться,
Ждать, вспоминать, засыпать, просыпаться,
Верить, любить, отдавать, принимать,
Хлеб преломлять и девиц целовать…

…В мире, дитя мое, нет ничего более постоянного, чем то, что все изменчиво. Я так думаю, что ты уже поняла это – на горьком личном опыте; беда только в том, что люди быстро забывают такие уроки или вовсе не осознают их… и тебе придется постигать эти вечные истины снова и снова. И хотя Адхара всегда говорил, что повторение суть мать учения, мне жаль тебя… ибо уж очень болезненны ваши уроки.

Так вот, если случалось такое, что, несмотря на все старания Драконов разогнать пустой воздух Междумирья, Мироздание вдруг застывало в опасном равновесии, – именно тогда в одном из Драконов просыпалась жажда перемен. Он понимал, что исчерпал себя как перводвигатель и строитель врат, и осознавал готовность принять девятую ипостась – стать Мастером, уйти в жизнь. Это решение не было вынужденным, хотя само Мироздание, не терпящее пустоты и постоянства, инициировало его; нет, любой истинный Дракон был счастлив, услышав в себе голос девятой ипостаси.

И он уходил, покидал восьмерку, оставляя преемника. И открывал глаза уже в каком-то из бесчисленных миров, оглядывался с любопытством, брал в руки посох, или меч, или перо, или погремушку – это зависело от воли случая – и отправлялся в путь познания жизни. И как только новый Мастер делал первый шаг, все остальные Мастера, застывшие в нетерпеливом и беспокойном ожидании в самых дальних краях Мироздания, выдыхали с облегчением и возвращались к своим делам. Они терпеть не могли равновесия, оно действовало на них как зудение комара. А первые шаги Мастера были именно тем едва заметным колебанием, вслед за которым обычно следуют великие перемены.

…Еще не спишь? Давай, я поправлю плащ, тебе нельзя мерзнуть. К утру вода спадет, мы спустимся с крыши и я отнесу тебя к воротам монастыря, там найдется, кому о тебе позаботиться. Ну, слушай дальше.

Если Мастер умирал – а это случалось даже с ними – то вся полнота памяти оставалась с ним, когда он просыпался уже в другом мире. Впрочем, ему было совершенно необязательно умирать, чтобы переменить место обитания, он был волен войти в любой из миров, закрытых или открытых, неся с собой то, что кратко живущие называют волей судьбы. Мастер узнавал эту самую судьбу, какие бы обличья она не принимала – короля, мага, воителя… или беспомощной девчонки, барахтающейся в ледяной воде наводнения. Его делом было… ну, например, вытащить уже захлебнувшуюся девчонку, растереть шерстяной рукавицей, закутать в плащ и переждать рядом до утра, чтобы ей не было страшно и одиноко; а чтобы она не так скучала, рассказывать ей сказки…

Странствия Мастера длились целые эоны времени, но бесконечными все же не были. Наступал момент, когда он, познавший все в мире, становился готов стать самим миром. Он принимал последнюю смерть в одном из обличий, и вместо нового пробуждения возвращался к своей прежней драконьей ипостаси – становился Темным Драконом. Не Черным, не Бесцветным – именно Темным, чья темнота поглощает все цвета, как поглощает мать–земля тела умерших. Размерами он превосходил своих Истинных собратьев так же, как они превосходят обычную виверну. Темный Дракон удалялся подальше от обитаемых миров, и обретал покой. Он спал и грезил о всех чудесах жизни, которым был сам свидетель, и о тех, время которых еще не пришло. И он исчезал, истаивал, рассыпался во прах, и мельчайшие частички этого праха великий Ветер нес и рассеивал в легком воздухе Междумирья, наполняя его и избавляя от пустоты. Все, что только было в Мироздании, все было создано из праха Темных Драконов. Ну вот, ты и уснула наконец…

–Не-а… – она разлепила пересохшие губы, облизнула их. – Какая интересная сказка. Только очень сложная. Спасибо тебе…

–За что? – прищуренные серые глаза вспыхивают улыбкой. – За то, что я подарил этому миру немного надежды? Или за то, что уступил тебе теплый плащ?

–За сказку. – Она закашлялась, завозилась под плащом. – Если не забуду, буду ее детям рассказывать.

–Ишь, чего захотела. К утру ты ни слова не вспомнишь. Забудешь все, даже мое имя. И если доведется нам повстречаться, ты посмотришь в мою сторону своими замшевыми серыми глазами, мило улыбнешься и спросишь – не знаете, кто это?

–Конечно, спрошу. Сам-то ты мне своего имени так и не назвал.

–Неужели? – он тихо смеется и плотнее укутывает ее плащом. – Неужели не назвал?

Глава пятнадцатая. Хозяйка Арр-Мурра

–…Так они и лежат. И давай уже решать, что делать будем. – Амариллис закончила рассказывать Чиро о произошедшем и выжидающе смотрела на эллила.

–Ну и дела. – Эллил покачал головой. – Откуда же мне знать? Не сердись, Ами, я и впрямь мало что смыслю в здешнем устройстве. Вот Фолькет, тот да…

–Ну, от него сейчас мало проку. Успокойся. Ты здесь испокон веку живешь, не может быть, чтобы ничего не знал.

–Ты права. – Чиро вскочил на ноги, снова сел и снова вскочил. – Итак, с чего начнем?

Как только Амариллис убедилась в том, что ни Гарма, ни Фолькета ей не разбудить, она покинула покои Восточных Врат и поспешила найти сына, игравшего под присмотром Чиро в доме эллилов. Схватив мальчика в охапку, она долго простояла так, зарывшись носом в его волосы, покачивая его легкое тело. Судри, видимо почувствовав серьезность момента, прижался к ней и – как всегда, когда они были вместе – Амариллис почувствовала себя защищенной и сильной. Эллил не мешал им, хотя сам был изрядно взволнован, ибо уже не раз видел, чем заканчивались попытки Гарма открыть Восточные Врата, и полынный запах крови был ему слишком хорошо знаком. Но он терпеливо дождался, пока Амариллис успокоится, отпустит мальчика бегать и присядет на траву. Сев напротив, он протянул ей чашу с родниковой водой – а вода в роднике эллилов была на редкость вкусна и пахла зелеными яблоками, – и приготовился слушать. Не вдаваясь в подробности своих собственных переживаний, девушка рассказала Чиро обо всем произошедшем. Посоветовавшись, они согласились, что не будут трогать Гарма и его привратника; Чиро с помощью сородичей решил принести в покои пару низких легких деревянных кроватей, чтобы богу и цвергу спалось спокойнее и уютнее. Гораздо сложнее было придумать, что же делать с куполом, защищавшем личный оазис Гарма.

–Амариллис, я думаю, что в твоих силах защитить не только Дом Богов, но и весь Арр-Мурра, – эллил выразительно посмотрел на кольцо с алмазом темной крови.

–Если бы я могла направлять эту силу, то – да, – согласилась танцовщица. А так я только сама купаться в ней могу, да еще другим передавать. Могу тебе передать. Сладишь?

–Да ты что?! – Чиро так замахал руками и крыльями одновременно, что даже приподнялся над землей. – Куда мне… У меня таких прав нету.

–Хотела бы я знать, у кого они вообще есть, – удрученно проговорила Амариллис. – Так что с куполом?

–Боюсь, что ничего хорошего. Он творение Гарма, поддерживался исключительно его волей. Думаю, что вот так сразу, в одночасье, он не исчезнет, но будет постепенно ослабевать, как догорающая свеча.

–А когда совсем погаснет?

–А вот тогда, моя храбрая девочка, вам с Судри придется переселиться в мой дом. Навсегда. Здешний закоулок так просто не найти, что бы ни происходило там, – Чиро говорил и о пустыне, и обо всем Обитаемом Мире сразу, – в моем доме вам будет хорошо. И знаешь – я уверен, что вам обоим пойдут крылья.

Не говоря ни слова, Амариллис протянула к эллилу руки, обняла его – крепко–крепко, и замерла так ненадолго. Потом мягко отстранилась, стерла с лица Чиро холодные соленые капли.

–Благодарю тебя. Но мы не будем торопиться, ладно? Может, все еще переменится? Может…

–Все еще ждешь его? – эллил сочувственно покачал головой.

–И никогда не перестану. – Улыбнулась Амариллис. – Ну, хватит бездельничать. Пойдем, покажешь границы моих владений. А то я за все время так и не удосужилась их обойти. И вот еще – что нам делать с остальной детворой? Вернуть их всех домой, в такие же закоулки?

–Так они не у всех есть. Водяной здешний. Саламандры с Полуденных Песков, я туда не пойду, туда только сам Гарм мог дойти. Фей отведем домой.

–А троллей? – надо сказать, тролли были любимцами танцовщицы, она ценила их спокойный, добрый нрав и вежливые манеры.

–А вот с ними сложнее. Гарм привел их из внешних пределов. Ты уже знаешь, в здешних развалинах полно порталов, Гарм умел ими пользоваться, чувствовал, если они менялись местами. Знаешь, пусть они остаются с вами. Судри с ними дружен. А потом… что ж, думаю, здесь им тоже понравится.

На том и порешили. Отдохнув немного, Амариллис поднялась, попросила эллилов присмотреть за Судри, сказала сыну, что скоро вернется и отправилась вместе с Чиро к границам Дома Богов. Однако не успели они спуститься по мраморным ступеням беседки, заросшим мягкой травой, как послышался легкий топоток и из зарослей бузины вынырнул Судри.

–Вместе, – заявил он тоном, не предполагающим возражений. Амариллис и Чиро переглянулись и спорить не решились. Втроем они быстро дошли до поляны, где обычно играли дети, и направились дальше. Сад оказался довольно большим, но идти под древесными кронами, в прохладной ласковой тени, было одно удовольствие – если бы не конечная цель прогулки. Скоро стало очевидным, что вел их Судри – сами того не замечая, старшие шли туда, куда он направлял их. Когда деревья уступили место низкорослым кустарникам и рыжей выгоревшей траве, воздух заметно потеплел. На окраине оазиса дыхание пустыни несильно, но все же ощущалось.

–Скоро вечер. Сегодня не стоит долго здесь разгуливать, давай хотя бы посмотрим на эту самую границу, а завтра вернемся, пройдем вдоль нее, – предложила Амариллис.

С ней согласились. Кусты встречались все реже и реже, под ногами поскрипывал песок; вскоре они увидели вдалеке цепь ржаво–рыжих скал.

–Хватит. – Судри потянул Амариллис за рукав. – Мама, стой!

–Что, уже пришли? – переспросила Амариллис, но все же остановилась и принялась внимательно оглядываться. Не сразу, но она заметила – будто самое прозрачное из шаммахитских покрывал растянули в воздухе. Когда она осторожно прикоснулась к куполу, он пропустил ее пальцы без малейшего напряжения.

–И как же эта паутинка могла нас защищать все это время? – недоуменно спросила она.

–Думаю, для тех, чьи намерения кровожадны, купол настроен соответствующе.

Словно в подтверждение словам эллила, из-за ближайшей скалы показался тарантул – ростом примерно с откормленную кошку. Он устремился прямо к стоявшим за куполом и передвигался настолько резво, что они и ахнуть не успели, как паук–переросток со всего размаху ударился о «паутинку» будто о каменную стену. Тарантул завертелся волчком, то ли по инерции, то ли от недоумения. Потоптался, подумал – и отправился восвояси, в скалы.

–Ох… – перевела дыхание Амариллис. – Экий шустрый… Пойдемтека домой, уже вечереет. Не хочется раздражать тех, кто здесь выходит гулять, на ночь глядя. Судри, бери нас за руки – и пойдем.

Не без протестов, Судри позволил себя увести – судя по всему, его ничуть не пугала перспектива увидеть воочию ночных жителей Арр-Мурра; он вообще был довольно любознателен, если не сказать любопытен.

Укладываясь спать, Амариллис, немного смущаясь, обратилась к эллилу:

–Чиро, я буду тебе очень признательна, если ты согласишься ночевать в нашей комнате. Так как-то уютнее. На моей кровати места хватит десятерым таким как ты. Не против?

–Конечно, нет. – Эллил успокаивающе погладил девушку по руке.

На следующий день, с утра пораньше, они – опять втроем – обошли границу оазиса. Когда они вернулись к ней через пару дней, оказалось, что она довольно заметно сдвинулась, в сторону сада.

–М-да… Владения мои тают на глазах… – мрачно протянула Амариллис. – Если так пойдет и дальше, через месяц мы и носа не высунем за пределы твоего дома, Чиро. Иначе придется общаться с этими вот, – и она кивнула в сторону своры неприятно крупных насекомых, дерущихся неподалеку из-за мелкой добычи.

–Если только Гарм не проснется.

–Ну, на это рассчитывать не приходится. Чиро, может, ты ловушки делать умеешь?

–Не умею. Да и не напасешься их, по всей-то границе расставлять. Хотя… Страшно даже подумать, кто здесь по ночам разгуливает.

–А ты их видел? – поежилась Амариллис.

–Некоторых сподобился. Не буду тебе ничего рассказывать, зачем пугать впустую. Но учти – как только граница зайдет за деревья сада, я уведу вас с мальчиком к себе. Против здешних тварей мы бессильны. Слишком их много, да и добрым нравом они не отличаются.

–Зачем же Гарм их наплодил? – брезгливо поинтересовалась танцовщица. – Нет бы цветочки развел.

–Скажешь тоже – цветочки. Амариллис, скучающий молодой бог – это, скажу я тебе, та еще напасть. Да и не всех он сам создавал, многих сквозняком занесло. Ну, нагляделась? Пойдем-ка отсюда.

Дни шли один за другим, торопясь, не задерживаясь. Каждое утро Амариллис приходила к границе безопасных земель и смотрела, насколько далека теперь поставленная накануне вешка.

«Хозяйка Арр-Мурра… тоже мне хозяйка. Хозяек из дому пинками не выгоняют. И что за нелепость – носить эдакую силищу в колечке и не уметь ничего с ней сделать». Амариллис пока никому в этом не признавалась, гнала эти мысли даже от себя – но ей было очень тяжело. А временами попросту страшно. Особенно тяготило бессилие, как назло оттененное сознанием невероятного могущества, остающегося только лишь возможностью. Она оказалась в тупике, из которого не могла даже попятиться назад. По нескольку раз на дню она принималась терзать себя сомнениями и сожалениями; пыталась вызвать вовне силы камня – он слышал ее, откликался… и Амариллис понимала, что она сама в полной безопасности, что камень уничтожит любого, посмевшего посягнуть на нее – но не более. Ничего более с его помощью она сделать не могла.

Спустя две недели после того, как уснул Гарм, Чиро отвел всех, кроме троллей, по домам. Саламандры, оказавшись не робкого десятка, отправились в свои Полуденные Пески сами; их отпустили спокойно, поскольку девочки были довольно кусачие и в случае чего могли постоять за себя. В Доме Богов остались Амариллис с сыном, Чиро и его сородичи, которые почти никогда не покидали пределов своего дома, тролли. И старушка мшанка.

–Послушай, Чиро, – Амариллис сидела, расчесывая волосы, у окна, недоверчиво глядя в спокойно шелестящий сад, – Здесь есть оружие?

–Оружие? – недоуменно переспросил Чиро. – Какое? И зачем тебе?

–Ну хоть какое. Я только танцевать с ним училась, и Рецина говорила, что мне только деревянные кинжалы в руки давать можно, а настоящими я или убьюсь или покалечусь… Все равно. Так есть или нет?

–Надо поискать. – Чиро пожал плечами. – Утром поглядим.

–И еще. Когда Фолькет объявился, меня Гарм водил в Шибальбу. Через портал. Я помню эту комнату. Может, стоит попробовать еше раз?

–Ни в коем случае! – Эллил даже подпрыгнул от волнения. – Забыла разве – здешние двери редко когда ведут в одно и то же место. Тогда это была Шибальба, в этот раз может оказаться открытое море – и заранее не узнаешь, что именно.

–Знаешь, Чиро… – Амариллис отложила расческу, села, обхватив руками колени. – Мне это очень не по нраву – вот так просто сидеть, смотреть, как купол съеживается. И ничего не делать. Что я за хозяйка такая?!

–А что ты можешь сделать? Зачем корить себя, Амариллис? Другая на твоем месте давно бы закрылась на замки–засовы и плакала бы день напролет. Жалела бы себя.

–Ну, это не про меня. Если бы Судри был постарше…

–То что? Собрала бы еды в дорогу и отправилась бы домой, на север? Сквозь пески и пустоши?

–Не исключено. Чиро, я бы хоть попыталась убежать! А здесь… сижу в мышеловке и смотрю, как медленно захлопывается дверца.

На следующий день все оставшиеся в оазисе собрались в саду, на поляне под огромным деревом, в корнях которого жила мшанка. Дети играли, бегали наперегонки, брызгались в ручье; Амариллис прикидывала, насколько еще хватит купола. Устав сидеть, она поручила малышню мшанке и в одиночку отправилась проверить, не сдвинулась ли граница с утренней отметки. Она отошла довольно далеко, голоса детей почти не доносились до нее, но вокруг все еще были деревья – утром она сама поставила вешку на пустоши, поросшей ползучим кустарником.

Она шла, отводя с тропинки ветки, иногда смахивая с лица паутинки. Остановиться ее заставил не громкий треск, и не утробное бульканье, а резкий отвратительный запах паленой кожи; через мгновение прямо из зарослей диких вьющихся роз на нее выкатилось создание, более всего напоминающее непомерно откормленную свинью, состоящую в близком родстве с ежами. Почти круглое, гремящее игольчатой щетиной создание весьма быстро передвигалось на своих коротеньких лапах, с бульканьем выдыхало смрадный воздух, распахивая широкую пасть, и озиралось, одновременно недоуменно и радостно. Так, должно быть, выглядит лис-куроед, нежданно-негаданно угодивший в никем не охраняемый курятник. Увидев Амариллис, существо сначала замерло, примеряясь к размерам и доступности ранее не виданной добычи, а потом, не мешкая, бросилось с явным намерением вцепиться ей в ноги.

Первой реакцией девушки был совершенно непотребный бабий визг, противный и трусливый, вырвавшийся у нее помимо воли. Амариллис отпрыгнула и завизжала, демонстрируя игольчатой свинье готовность стать ее обедом. И алмаз темной крови не защитил девушку, будто оглушенный ее визгом. Но

она и не ждала помощи от него, ей и думать об этом было некогда. Амариллис рассердилась, прямо-таки рассвирепела – и на свинью, и на себя. Не очень понимая, что делает, девушка шагнула в сторону чудища, выкрикивая самые разные слова, вроде «тварь ты эдакая» и «погань вонючая». Свинья несколько опешила и остановилась. А танцовщица – маленькая, босая и безоружная – продолжала наступать на нее, топая ногами. Чудище присело на задние лапы, готовое удрать, и тут Амариллис, резко замахнувшись, будто швырнула в ее сторону что-то, зажатое в кулаке. И хотя этот замах был неподдельно искренним, у девушки не было ничего, что могло бы сойти за оружие… даже палки.

…Сказать, что от свиньи осталось мокрое место, было бы неверным, ибо земля, где она только что сидела, обуглилась. А алмаз, выпустив волю своей хозяйки, потеплел, будто обрадовался, что она вновь доказала ему, что слопать ее непросто.

Сделав еще несколько шагов по инерции, Амариллис развернулась и вновь пошла в сторону границы оазиса, словно случившееся было рядовым, привычным эпизодом. Однако прошла она немного; колени ее задрожали и она, пошатнулась, бессильно опустилась на траву, прислонилась спиной к дереву. И заплакала, горько, безутешно заплакала.

Я не могу больше. Не могу. Силы мои на исходе – неужели ты не чувствуешь этого? Мне страшно. Мне одиноко. Где же ты? Я не могу больше справляться без тебя. Я не могу больше просто – без тебя. Мой свет гаснет, я не в силах удержать его одна. Как мне позвать, чтобы ты услышал меня? Погребенную в самом сердце проклятых земель, оставленную без помощи и надежды на спасение… Где ты?.. Хэлдар! Где ты?..

–Мама… – Амариллис резко отняла руки от лица – рядом с ней стоял Судри. – Не плачь, я пришел.

Амариллис уже привыкла, что ее сын мог оказываться в нужном ему месте почти мгновенно; она поняла, что резкий всплеск ее отчаяния не остался незамеченным, – Судри был необыкновенно чуток. Ощутив ее страдание, он тут же побежал к ней – утешением и спасением. Она обняла его, усадила к себе на колени, и постаралась успокоиться. Когда ей почти удалось справиться со слезами, с той стороны, где деревья уступали место пустынным кустарникам и теплел воздух, где тропа сворачивала круто направо, послышался шум и треск. Кто-то направлялся прямо к ним, шагая напрямик и напролом, торопясь и не прячась. Амариллис замерла, стиснув сына, потом медленно встала, отодвинула его за спину и приготовилась разобраться с еще одним охотником до даровых обедов. Бежать было поздно. Она была на пределе сил; отчаяние и боль горели в ее глазах, превратив их в расплав серо-синего стекла.

Хруст веток раздался совсем близко; еще несколько шагов – и гость, продравшись сквозь заросли, почти что выбежал из-за поворота прямо на Амариллис.

…Он впервые видел ее такой – дрожащей от еле сдерживаемого гнева, готовую биться до последнего вздоха, измученную – и опасную. Мать, закрывшая собою ребенка, будь то волчица или зайчиха, – все равно; только изверг нападет на такую. Он извергом не был и поэтому остановился. А она смотрела на него, не веря глазам, все еще готовая сражаться и умереть. Он шагнул вперед, протянул к ней руки.

–Амариллис… ты звала меня. Я пришел.

И, не дожидаясь ответа, шагнул к ней, и успел подхватить падающее, милосердно покинутое сознанием тело.

Амариллис успела только почувствовать то, что чувствует перетянутая струна, перед тем, как порваться, и тут же у нее в глазах потемнело, мягко зашумело в ушах, земля поплыла из–под ног, и воздух отказался вдыхаться. Она успела только поверить своим глазам и стала тонуть в чем-то пышном, легком… И пришла в себя, лежа на теплой земле. Взгляд ее, недоуменный и рассеянный, остановился на лице эльфа.

–Это… ты?!

Он помог ей подняться, придерживая за плечи, усадил, отвел с лица пряди волнистых перепутавшихся волос. И будто не было ничего – ни пустыни, ни причуд скучающего бога, ни тоски безнадежного ожидания. Они снова были вместе. И все встало на свои места.

–Как ты сюда попал? – она провела пальцами по его непривычно смуглой щеке, разглаживая тонкие морщинки в углах рта.

–Пришел, – насмешливо улыбнулся эльф в ответ. – Вот как он, – и кивнул в сторону Судри, подошедшего к Амариллис с чашей воды.

–Или ты думала, что все самое хорошее у сына от тебя? – Хэлдар притянул мальчика к себе, обнимая за плечи. – А я так, не у дел остался… Пей, Амариллис. Здесь от воды отказываться как-то негоже. И пойдем, покажешь мне здешний дом.

Она пила холодную воду, глядя на них – удивительно похожих, светлых, сильных… ей думалось, что вот сейчас самый подходящий момент зарыдать, или снова упасть в обморок, или сказать что-нибудь такое, запоминающееся. И не могла. Потому что все действительно встало на свои места, и не нужно было лишних трескучих слов, и слезы вдруг враз закончились. Все так, как должно быть, хорошо и правильно. Поставив чашу наземь, Амариллис потянулась к эльфу, прижалась к нему, уткнувшись носом – как она любила – в его шею. Судри сидел рядом, вполне спокойный и довольный, смотрел на них и как-то понимающе улыбался.

–Похоже, у Чиро прибавится постояльцев, – Амариллис оторвалась, наконец-то, от Хэлдара.

–Чиро? – вопросительно поднял бровь эльф. – Вроде как здешнего хозяина зовут Гармом?

–Гарм спит. Как говаривал Лорка, без задних ног. А Чиро – эллил, и наш большой друг. Пойдем, он, наверно, беспокоится.

Ну конечно, он беспокоился. Бегал по поляне, кругами вокруг дерева, так, что крылья трепетали, вне себя от тревоги – он и уйти не мог, оставив троллей на одну старушку мшанку, и оставаться в неведении был не в силах. Увидев выходящих из-за деревьев эльфа, девушку и мальчика, Чиро сначала замер, глядя на них во все глаза. Потом направился навстречу и за несколько шагов остановился, глубоко поклонился Хэлдару.

–Рад приветствовать и милости прошу, светлый господин.

–Здравствуй, младший брат, – Хэлдар улыбнулся и поклонился в ответ.

На этом церемонии были завершены. Чиро схватил Судри в охапку и принялся выговаривать девушке.

–И куда тебя понесло, скажи на милость?! Ишь, героиня выискалась! Я же говорил, купол в любой момент может дать трещину и неизвестно, что оттуда полезет!

–Подумаешь, свинья игольчатая вылезла, – пожала плечами Амариллис. – Ничего особенного.

–Похвальбишка, – засмеялся Хэлдар. – То-то ты ее в землю от страха забила. Давайте присядем под деревом, и вы все мне расскажете. А я – вам.

* * *

Им понадобилось немало времени, чтобы действительно все рассказать.

–Так ты оставил их в оазисе? – переспрашивала Амариллис. – Сыч жив? А Арколь?

–Все живы, не беспокойся. Сильнее всех досталось ар–Раби, но он справится. Оазис поможет ему.

–Хэлдар, как Сыч… – Амариллис не закончила вопроса.

–Не простил и не смирился. Но не озлобился, – тихо ответил эльф. – Радость моя… – и еще крепче обнял ее.

–Хэлдар, – эллил озадаченно пощипывал свое крыло, – как я понял, у вас с сыном схожие способности – находить короткий путь? Причем на небольшие расстояния вы можете проводить с собой еще кого-то…

–Да. Но в долгую дорогу спутников взять не можем.

–Когда ты узнал об этом? – Амариллис выглянула из–под руки эльфа. – Раньше за тобой такого не водилось, всегда был такой неторопливый, никакого терпения не хватало.

–Просто ты всегда слишком спешила. Даже для человека, – поддразнил ее эльф. – Я узнал об этом всего два дня назад.

И он рассказал им о событиях той ночи, когда их скромную стоянку почтил сам кровяной червь; при упоминании о нем Чиро передернуло, и он с ужасом посмотрел на Хэлдара.

–Как вам удалось выжить? Это невозможно! То есть…

–Так и есть. Но именно тогда, когда я понял, что в этой битве нам не победить, и похоже вот оно и пришло, мое время умирать, – тогда я понял, что пока что и сам умирать не собираюсь и более того – на смерть не имею права. Сыч был совершенно прав, напомнив, что меня ждут.

–Неужели ты в этом сомневался? – и Амариллис несильно дернула эльфа за прядь выгоревших, белесых волос.

–Именно тогда я впервые увидел тропу. Видимо, надо было дойти до края отчаяния и понять, что это еще не Край Света.

–А Судри умеет видеть тропы с рождения. Что ж, теперь есть, кому за ним приглядывать. Послушай, а я ведь тоже видела этого вашего… Пьющего Песок. Значит, это он научил тебя видеть тропы…

–Скорее, заставил меня вспомнить, что я сам умею это делать. Я никогда не говорил об этом, но в детстве у меня получалось что-то похожее на то, что проделывает наш сын. А потом забылось за давностью лет.

Они просидели так до вечера, разговоров было много, и еще больше – желания не расставаться даже на минуту, быть рядом до скончания века; когда солнце медленно, нехотя покатилось к западу, Амариллис спросила:

–Ты так и не рассказал, как же смог попасть сюда. И что это за оазис, где ты оставил Сыча, братца и вашего проводника?

–Оазис? Чудесное место. Если бы не столь неприглядное окружение, я и сам постарался бы почаще там бывать. Не беспокойся за них, Амариллис. Да, все мы устали, измучились этой дорогой, но там даже воздух кажется целебным; обычная озерная вода заживляет раны, а зирэ растут в таком изобилии, что никаким болезням не устоять. Когда я оставил их, они лежали на траве в прохладной тени деревьев, дремали… боюсь, я нарушил их покой. Ты так отчаянно звала меня, радость моя, что я не удержался – кричал, звал тебя в ответ, словно ты могла услышать. Я почувствовал, что сердце мое разрывается от тоски по тебе… Возможно, именно горе добавило мне зоркости, и я смог увидеть тропу, все ее извивы и петли, она плыла в воздухе как туман над водой, скручивала пространство…

–Как ивовый прутик, – подсказал Чиро.

–Если не легче. И она была моей. Не было этой тошной зависимости, как в подгорном коридоре, я чувствовал себя хозяином тропы, она вела туда, куда было нужно мне, сама стелясь под ноги. Она знала, что делать. И привела меня к тебе.

Поздним вечером они сидели вдвоем на широком низком подоконнике, поглядывая на детскую кровать, где крепко спал намаявшийся за день Судри.

–Признайся, ты был удивлен… – Амариллис не договорила.

–Еще бы. Я рассчитывал увидеть колыбель и младенца в пеленках…

–Я тоже, знаешь ли. Конечно, Гарм предупредил меня, но когда я увидела нашего сына впервые – наверное, даже испугалась. Но Судри стоило

просто посмотреть на меня… – голос ее прервался. – И он пошел ко мне, понимаешь – пошел ко мне…

–Не плачь. – Хэлдар обнял. – Я так хотел бы сказать, что все наши беды закончились… Но как бы там ни было – теперь мы вместе. И завтра будет новый день. И ты проснешься рядом со мной. Это я могу обещать тебе даже здесь.

–А больше ты мне ничего не пообещаешь? Например, что вот так сразу уснуть ты мне не позволишь…

–Как это чудесно, Амариллис, – тихо засмеялся Хэлдар, – обещать то, что так легко и сладко выполнить.

Я могу опустить плотный шелковый полог, и он спрячет нас с тобой, отгородит наше ложе от всего мира. Я могу зажечь свечу, и она затеплит маленькое золотое солнце в изголовье. Я могу присесть на край постели рядом с тобой, и смотреть, как светится вечная весна в твоих глазах.

Я могу прикоснуться к светлой путанице твоих волос, и ты прильнешь к моей ладони. Я могу целовать твою нежную шею, слыша, как учащается твое дыхание. Я могу забыть о себе и чувствовать только тебя.

Опрокинулась в небо луна – серебро через край.
Отогрей мое сердце, красавица. Не обжигай.
Разольется холодным закатом усталая кровь.
Говори со мной тихо, любимая. Не прекословь.
Сам я путь выбирал – от беды до беды.
Одари меня лаской – тише травы и слаще воды…

–Что значит, «хорошие песни твой побратим сочиняет»?!.. Опять вся слава Сычу!.. Это моя песня.

Поздним утром, оставив сына играть в доме эллилов, Хэлдар попросил Чиро и Амариллис:

–Я хочу увидеть Гарма. И эти Врата, из-за которых он так беспокоился.

Они открыли покои Восточных Врат, тихо, стараясь не нарушать покой спящих, вошли внутрь. Хэлдар опустился на колени рядом с низким ложем бога, долго смотрел на него. Потом подошел к стене, скрывающей так и не поддавшиеся Врата.

–Это здесь?

–Да. Ты бы видел, что тут творилось, когда он их открывал.

–С твоей помощью?

–Так ведь он ее так и получил. Понимаешь, Гарму нужна была сила камня, моя сила – ума не приложу, кому пришло в голову наделять пигалицу вроде меня эдаким могуществом.

–Мотылек со слоном на поводке, – тихо засмеялся эллил, поправляя покрывало Гарма.

–Можно и так сказать. Я открыла алмаз темной крови – а что толку? Все вылилось помимо рук. Гарм не воспользовался самой малейшей частичкой того, что кипело в камне.

–Значит, не смог... – покачал головой эльф. – Уж если богу это не по силам, так кому же?

–Наверное, тому, у кого есть на это право, – ответила Амариллис. – Тогда вокруг бушевала такая мощь… если бы Гарм смог обратить ее тараном, никакая дверь бы не выдержала. Пойдем отсюда… не будем мешать спящим.

–*Ты ему не помешаешь, даже если запоешь во весь голос.*

Они вздрогнули и обернулись разом – настолько неожиданно прозвучал этот голос.

–Гарм сейчас очень далеко, и дозваться его будет непросто.

–Но ты уж постарайся, сынок. Ты ведь однажды вытянул его… издалека. Попробуй еще раз. Оно того стоит.

Каждый шаг вошедшего первым сопровождался переливом бесчисленных серебряных бубенцов. А второй... не так давно он сидел на вершине каменного столпа, слушая, как поют побратимы – эльф и орк.

Глава шестнадцатая. Игра

Лимпэнг-Танг оглядывал комнату Восточных Врат с нескрываемой неприязнью; слишком тяжелые воспоминания она пробуждала.

–Ты неисправим, брат мой, – он подошел к ложу Гарма, опустился рядом на колени. – Но это слишком даже для тебя – разбивать голову об одни и те же Врата, и снова лежать в беспамятстве в этой проклятой комнате.

–Да, упрямый у тебя братец, ничего не скажешь, – Пьющий Песок стоял рядом, опираясь на посох. – Что ж… пусть полежит, отдохнет.

–Ну уж нет, – живо возразил Лимпэнг-Танг, – не для этого я пришел сюда.

–Как же так? – удивленно переспросил проводник. – Помнится мне, некий молодой бог не так далеко отсюда и не так уж давно давал зарок никогда не впутываться в дела своего чуть старшего брата.

–И что, разве от этого мир стал хуже? – с вызовом спросил Лимпэнг-Танг, – Я занимался тем, что радовало меня – и приносило радость людям.

–Это не так мало, – согласился Пьющий Песок. – И я не упрекаю тебя. Но и Гарм, при всей его одержимости и неразборчивости в средствах, не был злом для вашего мира. Пытаясь взломать клетку изнутри, он, сам того не зная, пытался спасти… Так чего же ты смотришь? Или все–таки оставишь брата спать?

–Нет. – Резко бросил Лимпэнг-Танг. – Но не здесь.

Он легко поднял брата на руки и понес к выходу. Пьющий Песок проследил за ним взглядом и обратился к стоящим неподалеку:

–Я думаю, он справится. Но проследить все же не помешает, раз уж я здесь.

Не успел он сделать и пары шагов, как с трудом сдерживавшаяся до сих пор Амариллис не выдержала.

–Во–первых, здравствуйте, милсдарь. Во–вторых, может, вы хоть назовете себя? И скажете, что собираетесь делать с Гармом? Он хоть и бог, но не совсем нам чужой…

Пьющий Песок обреченно вздохнул.

–Здравствуй. Я уже называл тебе свое имя, ты забыла его.

–Не может быть, как раз на имена у меня отличная память. Я даже лоркино имя помню – Лорка Аригетто Гвардастаньо деи Верджеллези да Сигинольфо, седьмой и младший сын графа Манарди да Бреттиноро! И потом, что нам в вашем имени? Кто вы? Еще один бог?

Проводник пожал плечами – мол, не знаю, все может быть. И направился к выходу.

–А как же он? – Хэлдар указал на Фолькета, осунувшегося и походившего на плохо сохранившуюся мумию.

–Ну, раз ты за него попросил… – Пьющий Песок подошел к спящему цвергу, прикоснулся к нему посохом, от чего спящий дернулся как от удара. – Или пусть спит?

–Пусть спит. – Поспешно, в один голос ответили Амариллис и Чиро.

–Ты в меньшинстве, сынок, – пожал плечами проводник и направился к выходу. – И, пожалуй, они правы. Ты подал за него голос лишь повинуясь привычному долгу, не испытывая к нему ни любви, ни ненависти. Сейчас не время заниматься мелкими тварями… да и не к лицу нам с тобой как-то.

Переглянувшись, эльф, девушка и эллил последовали вслед проводнику. Они нашли божественных братьев в саду, под тем самым деревом, где в мирные времена играли Судри и его друзья. Было тихо и мягко-солнечно; все это спокойное, дышащее умиротворением, цветущее изобилие казалось нерушимым, словно и не было совсем рядом пустыни и населяющих ее чудищ. Гарм лежал в густой, мягкой траве, а Лимпэнг-Танг сидел рядом, скрестив ноги на шаммахитский манер; в этот момент он живо напомнил Амариллис Арколя.

–Я смогу разбудить его, – обратился бог шутов к Пьющему Песок. – Но мы станем еще слабее, чем сейчас. Какой тебе толк от таких немощных богов? Почему ты сам не…

–Я?! – оборвал его Пьющий Песок. – Я – сам?! Это ваш мир, дети. Какие же вы боги, если отказываетесь править им? Да просыпайтесь же, оба!

И Лимпэнг-Танг, вместо того, чтобы рассердиться, согласно кивнул головой, освобождая переливчатый звон колокольчиков, и косички его рассыпались по плечам, груди, спине. Медленно, словно все еще раздумывая, бог снял один из серебряных колокольцев, украшавших его волосы, вложил Гарму в ладонь, сжал пальцы брата в кулак, и положил сжатую руку брату на грудь. Минуты шествовали мимо – спокойные, неспешные, напоенные шелестом травы и запахом недавно распустившихся лилий, и ничего не происходило. Чиро, стоявший рядом с эльфом, вздохнул и устало присел на траву; крылья его поблекли.

Лимпэнг-Танг поднял голову – и стоявшие рядом увидели на его лице следы слез; он взял лежавшую на груди брата сжатую в кулак руку, раскрыл ее и, положив свою ладонь на ладонь Гарма, с силой, резко, судорожно сжал. Дрогнул притихший воздух, прозрачные крылья эллила отразили еле видимую вспышку чистейшего света, и поднявшийся ветер понес по саду горький запах полыни.

Зажатый в ладонях братьев серебряный бубенец распустил лепестки, раскрылся, превратившись в подобие суртонских звездочек – изящного и весьма опасного оружия.

И в этот миг с косичек Лимпэнг-Танга стали сами по себе осыпаться колокольчики; они скользили, издавая еле слышный, прощальный звон, падали в траву и исчезали, таяли как роса поутру. А потом и косички расплелись и волнистые пряди разгладились, легли на плечи бога ровной черной волной.

Изменилась и одежда – ни следа не осталось от прежней пестрой роскоши, легких и ярких тканей; одеяние стало черным, строгим и простым, как…

–Как у Гарма. – Шепнула изумленная Амариллис, стискивая от волнения пальцы Хэлдара.

А Гарм… он лежал все так же недвижно, вот только дыхание стало чаще и глубже. Сначала освободились стянутые на затылке волосы, заплетенные в три косы. Освободились, чтобы немедленно перепутаться и взлохматиться. Потом одежда распростилась с чернотой и аскетичностью, появились какие-то немыслимые вышивки, фестончатый воротник, и даже прорехи. И в довершение всего на лице Гарма будто проявились симпатические чернила, причудливым узором закружившись вокруг глаз, на лбу и скулах.

Лимпэнг-Танг осторожно разжал пальцы, чуть отстранил свою руку и сначала вытянул половину четырехлепесткового лезвия из ладони брата, и только потом – из своей. И когда он уронил распустившийся бубенец в траву, с его волос скатился последний колокольчик, каким-то чудом еще державшийся. И тогда Гарм проснулся. Он открыл глаза, на мгновение недоуменно нахмурился, сел, опираясь на руки, и, коротко вскрикнув, отдернул раненую руку от земли…

–Фенри! Опять ты… Ну никак без кровавых ритуалов обойтись не можешь, да? – и братья обнялись, то ли смеясь, то ли плача.

Гарм, не раздумывая, оторвал от края рубахи пару лоскутов, один протянул брату – перетянуть пораненную ладонь, потом обернулся к стоявшим неподалеку.

–Рад вас всех видеть и милости прошу в Дом Богов… только, боюсь, здесь несколько неприбрано.

–Да уж, – ядовито согласилась Амариллис. – При таких домашних зверюшках трудно рассчитывать на чистоту и порядок. А без тебя они совсем распустились и лезут чуть ли не в комнаты.

–Что ты говоришь… – посочувствовал Гарм. – Ну ничего, сегодня же займусь починкой клеток и загонов.

–Это как-нибудь потом. – Пьющий Песок оглядел преобразившихся братьев. – Думаю, сегодня у вас будет занятие поинтереснее. Но сначала приведи сюда Судри, – попросил он эллила. – Я сам присмотрю за ним, чтобы они – и он кивнул в сторону Хэлдара и Амариллис, – лишний раз не беспокоились.

–Благодарю, – эльф шагнул вперед, – но я и сам в силах защитить своего сына.

–И тебе придется проделывать это не раз, – Пьющий Песок улыбнулся. – Особенно когда он поймет, что кроме крыльев, у него есть еще и клыки. Он не сразу решит, когда чем пользоваться… так что он предоставит тебе такую возможность, будь спокоен. А сегодня доверь это мне.

Эльф долго смотрел в спокойные серые глаза проводника, потом коротко кивнул.

Чиро убежал. Боги сидели на траве, неподалеку присели эльф и танцовщица.

–Ну спроси, – примирительно сказал Пьющий Песок, обращаясь к Амариллис. – Не мучайся так.

–Спасибо. Может, скажете, что вы тут затеяли?

–Да ничего особенного. Обычную игру.

–Игру? – переспросил, оживляясь, Гарм.

–Игру? – настороженно переспросил Фенри.

–Игру, – подтвердил Пьющий Песок. – Нехорошо оставлять дело на полдороге, а уж игру – совсем непростительно. Ваши родители оборвали ее на самом интересном месте, а значит, вам ее и доигрывать. Самое необходимое для игры у вас есть. – И пояснил: – Игроки, то есть вы сами.

–Ты говоришь об игре на Огонь и Лед? – не веря своему счастью, заулыбался Гарм.

–Это невозможно, – запротестовал его брат, – из-за этой игры и началась война! Я не буду играть Первоосновами!

–Будешь. Ты всю жизнь об этом мечтал, вот только боялся огорчить Ниму. Но сейчас-то она об этом не узнает, уж точно.

Фенри сверкнул глазами в сторону Пьющего Песок, но спорить не стал.

–Даже если и буду. Даже если и есть самое главное – игроки. Но чем же нам играть? Где тавлеи?

–Здесь, – развел руками проводник, указывая на поляну. – Хэлдар, я надеюсь, ты не потерял карту?

В ответ эльф молча достал из-за пазухи небольшой сверток, обернутый полотном, развернул его и расстелил на траве. Золотые нити вышивки заиграли, заискрились на солнце красными, черными, апельсиново-оранжевыми бликами… словно расцвел в траве невиданный цветок.

–А чаша? – после недолгого молчания тихо спросил Фенри.

–Эта сойдет? – Пьющий Песок достал из заплечного мешка простую деревянную чашу, отполированную до теплого медового блеска.

–Почтем за честь, – склонил голову Фенри.

–А как же фигурки? – подал голос Гарм, все это время молчавший, чтобы не спугнуть удачу. – Надо же, а я не поверил Амариллис, когда она сказала, что видела у вас игральный плат… Но где же нам взять фигурки?

–Да вот же они, – Пьющий Песок указал посохом на сидящих рядом эльфа и девушку. – По-моему, они это заслужили. И вы, дети, сможете доиграть прерванную Эдредом партию и вновь соединить потянувшиеся друг к другу Огонь и Лед.

Через несколько минут Чиро привел мальчика; к слову сказать, Судри подошел к проводнику как к близкому другу, доверчиво подал ему руку и с интересом принялся оглядывать происходящее.

Хэлдар и Амариллис подошли к Пьющему Песок.

–Эта игра… что она такое? – спросила девушка.

–Она похожа на жизнь, – ответил проводник. – Только в отличие от жизни она заканчивается. Вы готовы?

И, не дожидаясь ответа, щелкнул пальцами.

В мгновение ока они оказались на дне деревянной чаши, окруженные гладкими золотисто–коричневыми стенами. Амариллис ахнула, кинулась эльфу на шею, он крепко обнял ее и, не раздумывая ни о чем и не желая терять возможно последние мгновения, стал целовать ее… да так, что и она через минуту позабыла, где находится. А потом чаша наклонилась, перевернулась вверх дном и они полетели вниз, мягко кувыркаясь и так и не размыкая объятий, и только у самой земли неведомая сила разлучила их, раскидала по разные стороны игрального плата.

Амариллис огляделась – она стояла на широком лепестке светлого золотого шитья, вокруг простирался плат, а вдали стояла знакомая фигурка эльфа, такая же маленькая, как и она.

Вот так. Все сначала. Ноги сами по себе ступают по золотой вышивке плата, отсчитывая положенные шаги. Амариллис приходит в голову, что она похожа на звезду, совершающую свой путь по небу, и что она не в силах ни шага сделать в сторону – но и от каждого ее движения зависит очень многое.

–Кем будешь играть? – спросил Пьющий Песок у Гарма. – Огонь или Лед?

–Огонь, конечно, – ответил за брата Фенри. – Мне больше нравятся игроки поосновательнее.

–А с каких это пор ты выбираешь за меня? – деланно возмутился Гарм. – Конечно, Огонь. Льдом сам играй, как раз для такого зануды, как ты.

Когда Пьющий Песок перевернул чашу над платом, оба бога впились взглядом в плавно падающие фигурки. У самого плата они разделились, и фигурка девушки опустилась на стороне Гарма, а эльф оказался по сторону Фенри.

–А кости? – запоздало спохватился Гарм.

–У себя в кармане пошарь, – невозмутимо посоветовал проводник. – Там столько мусора, может, и кости найдутся.

И вправду, нашлись. И вот летят на траву старые, истертые кости, брошенные божественными руками, нетерпеливыми и азартными. Двигаются по плату фигурки, послушно отмеряя названное количество шагов, проходя по красным, апельсиновым лепесткам… Первым на черное золото попадает эльф – там, на игральном поле, он вновь переживает смерть отца. Маленькая фигурка стоит на коленях, сжимает голову руками и плечи ее вздрагивают…

–Не печалься так, – тихо говорит Пьющий Песок, – твой отец – мастер Менкар, Белый Дракон – всегда легко принимал смерть. И уходил всегда вовремя – Лед знает, когда ему таять. А тебе как раз пора было начинать жить своим умом.

Вскоре и фигурке, которой играет Гарм, приходит время испробовать черное. Амариллис, до этой минуты спокойно и ровно шагавшая по игральному полю, останавливается, судорожно взмахивает руками и застывает, опутанная черными нитями. Они захлестывают ее как волны, поднимаясь все выше и выше – от колен почти до груди, и кажется, что вот-вот они поглотят беспомощную, бессильную фигурку. Как вдруг… словно чья-то незримая рука вытягивает Амариллис из цепкого переплетения беды и переносит на безопасный красный лепесток. Если присмотреться, то на лице девушки ясно читаются удивление и радость.

–Вспомнила? – усмехается Пьющий Песок. – И впрямь у тебя хорошая память на имена…

Игра продолжается. Перед золотыми фигурками чередуются завитки и лепестки узора, они шагают по полю, вспоминая и вновь переживая свои жизни; все радости и горести возвращаются к ним, проживаясь в десятки раз быстрее и в десятки раз острее. Когда Амариллис в следующий раз шагает на черное золото, рядом оказывается Хэлдар; эльф вытягивает танцовщицу из мертвого узла и им удается пройти несколько ходов рядом, пока воля случая вновь не разводит их по разным завиткам узора.

Наконец, обе фигурки оказываются в центре плата, совсем близко к чистому золоту победы. И когда они застывают в шаге от него, замирают в предвкушении развязки и сами играющие боги.

–Ну… мой черед! – Гарм кидает кости.

Пусто.

–А теперь мой! – почти торжествует Фенри.

Пусто.

–Ха! А ну-ка… – Гарм стискивает кости в чуть дрогнувшей руке, встряхивает и кидает на траву.

Пусто.

–Хм… – Фенри повторяет попытку.

Пусто.

Боги поднимают глаза друг на друга, хмурятся… каждый уверен, что соперник каким-то неведомым образом жульничает.

–Вы так до скончания века прокидаетесь, – Пьющий Песок почти открыто смеется над богами. Он берет по одной игральной кости, одну дает Гарму, другую Фенри.

–А теперь бросайте – вместе. – И, наклонившись к Судри, Пьющий Песок тихо, доверительно говорит ему на ухо: – Вот так и вершатся судьбы мира, сынок. Одним броском игральных костей. И при этом никто не думает о последствиях…

Оба кубика падают в траву почти одновременно, и каждый смотрит на игроков гранью с одной–единственной черной точкой.

Всего один шаг. До вожделенного чистого золота. Шагнуть на солнечный диск, протягивая руки тому, кто ступает на него одновременно с тобой. Вот так. Все к этому и шло. И неужели кто-то пытался помешать нам?!..

Боги как завороженные смотрят на игральный плат, в центре которого стоят две крепко–крепко обнявшиеся фигурки.

–Доиграли. – Голос проводника выводит их из оцепенения. – А что теперь?

–А… – Фенри смотрит словно спросонья. – Игра соединила Огонь и Лед. Гарм, что дальше?

–Отец говорил, что это создаст силу, которая позволит заполнить алчущую пустоту Прорвы и…

–Ну, для начала эта сила разнесет в клочья все ваши Врата. Конечно, после этого ваше заточение закончится и ты сможешь всласть прогуляться… Но построенная Истинными стена тоже вряд ли удержится, – Пьющий Песок покачал головой. – Вы подумали об этом, прежде чем начинать игру? Можете не отвечать. Когда это боги думали о последствиях своих игр?..

–Но… ты сам… и потом… – ничего более вразумительного братья не могли сказать. Фенри посмотрел на Гарма, Гарм – на Фенри и оба были сейчас похожи на нашкодивших мальчишек.

–Вот так всегда… – Пьющий Песок вздыхает, улыбается и говорит стоящему рядом с ним мальчику: – Держись крепче, сынок.

Ему достаточно просто стукнуть о землю посохом, чтобы эта самая земля завертелась под ногами богов с немыслимой скоростью, так, что все слилось в сплошную зелено–пеструю мозаику красок, запахов, звуков… и остановилась. Оглядевшись, боги с изумлением увидели, что стоят на игральном плате, рядом с обнявшимися фигурками. Не было только Чиро.

–Как ты это сделал?! – Фенри, и прежде смотревший на Пьющего Песок с почтением, был неподдельно изумлен могуществом проводника. – И кто же будет играть нами?!

–Оглянись, братец… – советует ему Гарм, сам восторженно вертя головой во все стороны. – Никто нами играть не будет, и я так понимаю, это не мы умалились, а плат вырос. И все-таки, как ты это сделал?

–Интересно, а почему ты не спрашиваешь, кто он? – спросила Амариллис, предусмотрительно спрятавшись за спиной эльфа. – Такое впечатление, что ты его ни разу не видел, но знаешь достаточно много, чтобы не пытаться ему помешать. И даже не начинаешь выяснять, кто из вас сильнее… – не удержавшись, съязвила она.

–Где это ты там прячешься, а? – съязвил в ответ Гарм. – Амариллис, я ведь тебе уже, помнится, говорил, что я – бог. Извини, так уж вышло. И если ты вспомнишь об этом, то, наверное, поймешь, что мои глаза видят

больше твоих. И память моя хранит больше твоей. В общем, я знаю и вижу достаточно, чтобы не меряться силами с Истинным Драконом.

–Мастером, – поправил брата Фенри. – Отец говорил, что телесно воплощаются только Мастера.

–Может, достаточно обо мне? Причем в моем же присутствии… – проводник усмехнулся. – У вас осталось несколько минут, решайте уже, что будете делать.

–Несколько минут до чего? – осторожно спросила Амариллис.

–До конца этого мира. – Просто ответил проводник. – Такого, каким он был. Вы все – и боги, суть законы и правила мира, и сущности, суть тело и дух мира, – достигли того, чего так долго и так страстно вожделели. Исполнение таких желаний не может пройти бесследно.

–Ами, посмотри, – и эльф указал ей в сторону запада, там, где несколько неуклюжие, тяжелые очертания узора расшиты по краям красных лепестков черными нитями. – Тебе это ничего не напоминает? Это же очертания северных земель, а черным обозначено море…

–Мне это не нравится. – Нахмурилась танцовщица. – Когда мне выпадало черное, ничего хорошего… – она оборвала себя.

–Ты права, – ответил ей Гарм. – Судя по всему, там сейчас буря, и очень сильная. Небывало сильная… Ох ты. Фенри! Смотри!

–Да вижу уже… – Его брат сосредоточенно вглядывался в очертания карты, распростертой у них под ногами. И видел, как расползались черные узоры–трещины по красным и золотым лепесткам, вклиниваясь, врезаясь туда, где их отродясь не было.

В Северном море бушевал ураган, перед которым даже симхан, пожиратель кораблей, выглядел легким бризом. Волны небывалой высоты с такой яростью обрушивались на гранитные берега, что даже вековечные скалы не выдерживали этого натиска и рушились с грохотом, разрывающим исступленный вой ветра. Гулкое эхо этих ударов донеслось до корней Безымянного хребта, и посыпались камни по стенам подгорного Гридда, поползли трещины по полу тронного зала во дворце Хвергельмира, короля гномов… да так быстро, что прежде чем его длиннобородое величество успел как следует разгневаться и отправить в отставку смотрителя дворца, они успели добежать до скальной Тархины и впиться в основание ее фундамента. В эльфийских лесах невесть откуда взявшийся ветер валил корабельные сосны, ломал толстенные дубовые сучья; берег озера, вокруг которого был построен Лис-Арден, начал угрожающе проседать. Далеко-далеко, в Суртоне, земля внезапно ощутимо задрожала под ногами людей, заходила ходуном, заставляя легкие суртонские домики складываться подобно карточным… А стоящие на шитой золотом карте видели только, как рвутся нити вышивки, как расползается сама ткань основы…

–Не надо! Прошу вас, сделайте что-нибудь! – Амариллис, совсем недавно вновь пережившая ужас наводнения, бросилась к Пьющему Песок, схватила его за руку. – Неужели совсем ничего нельзя сделать? – и она обернулась к близнецам. – Вы же боги! Сами не можете – позовите на помощь! Аш-Шудах никогда бы не допустил такого! Почему вы…

–Он сейчас и без того занят, – остановил ее проводник. – Если бы не он, у нас и этого времени бы не было.

Гарм, помрачнев, глядел себе под ноги.

–Что, опять смертным раскошеливаться? – повторяет он свой вопрос, ни к кому, в общем, не обращаясь. – Разве нельзя иначе? – и смотрит на проводника.

–Можно. – Отвечает тот. – Если найдется кто-то, согласный заплатить такую цену. И имеющий, чем заплатить.

–Отдать силу, что родится от их союза, пустоте и смерти… – тихо говорит Фенри. – Не на это ли мы играли, брат?

Не сговариваясь, близнецы посмотрели на Хэлдара и Амариллис. А потом на Судри, держащегося за руку отца.

–Даже и не думайте. Никто не вправе назначать такую цену! Если этому миру суждено погибнуть – пусть гибнет. Хотите быть первыми?!..

И Хэлдар положил ладонь на рукоять меча. Пьющий Песок удивленно поднял брови – даже он никогда не видел эльфа таким откровенно разозленным и ничуть этого не скрывающим. Амариллис, чувствуя, что начинает дрожать мелкой дрожью, не имеющей ничего общего с противным ознобом испуга, отошла от проводника и встала рядом с Хэлдаром.

–Я не знаю, кто вы, – и она кивнула в сторону Пьющего Песок. – И не очень хорошо представляю себе пределы вашего могущества. – Снова кивок, в сторону братьев-богов. – Но я разнесу вас и все ваше величие, если вы хоть шаг сделаете к моему мальчику.

–Впечатляет. – Пьющий Песок уважительно наклонил голову. – Жаль, что я так и не успел потанцевать с тобой тогда, в Шибальбе. Уверен, это было бы… Ну что ты. Никто не обидит Судри. И вам больше никогда не придется расставаться друг с другом.

–Тогда кто? – не выдержав, почти закричал Гарм. – Нам, что ли, Прорве в пасть отправляться? Или, может, ты сам?..

–Непременно. Они, – проводник указал на эльфа, танцовщицу и их сына, – и я. А вам там делать нечего. И нет там никакой Прорвы…

–А что там есть? – детский голос прозвучал совершенно неожиданно, так, что все взрослые вздрогнули. Судри, все это время молчавший, но, судя по вопросу, все слышавший и понимавший, смотрел на проводника с любопытством из–под отцовской руки.

–Наконец-то. Хоть один вопрос, не пропитанный страхом. – Проводник дружески подмигнул мальчику. – Там вас ждут. Леса… реки…

горы… Дожди и ветра, птицы и звери, города и державы… Для этого мира вы сейчас сущее бедствие, он вас не выдерживает, – и проводник подбородком указал на рвущийся, ломающийся узор вышивки, – а там именно вас и не хватает.

Пьющий Песок указал посохом в сторону, и они, повернув головы, вдруг увидели возникшие из ниоткуда Врата – точную копию Восточных, почти сросшихся с каменным монолитом стены, еле обозначенных тонким контуром. Гарм скорчил страдальческую гримасу и деланно застонал:

–Что? Опять мне в этот камень головой стучаться?

–Зачем же. Помнишь, Гарм, ты как-то сказал, что клетки лучше всего ломать изнутри. На ваше счастье, в этом мире есть сила, способная преодолеть стены, возведенные Истинными Драконами, и заклятия, сотворенные старыми богами. Амариллис, подойди ко мне.

Проводник, оставшийся внешне совершенно таким же, все же изменился; стало совершенно очевидно, что его облик – не более чем обличие, принятое для того, чтобы они, кратко живущие, могли говорить с ним и слышать его. И танцовщица безропотно шагнула ему навстречу.

–*Альфард?.. Мастер Альфард?* – несколько неуверенно спросила она.

Он только улыбнулся в ответ.

–Но только силы мало, не так ли, Гарм? Нужно еще и право открывать такие Врата. Хэлдар, мы ждем тебя.

Не выпуская руки сына, эльф подошел к проводнику.

–По праву рожденного от Бесцветного Мастера ты волен находить дорогу и открывать двери, ведущие в открытые миры.

Эльф поклонился ему и встал рядом с Амариллис.

–Чтобы вы смогли преодолеть переход между мирами, вам понадобится проводник. И поскольку это моя дорога, я помогу вам. Открывайте Врата. Нам пора.

Черные трещины подползли совсем близко к золотому кружку, на котором они все стояли, и слишком многое в узоре Обитаемого Мира изменилось. И не было времени ни на понимание услышанного, ни на прощание с теми, кому суждено остаться. Переглянувшись, Хэлдар и Амариллис крепко взяли сына за руки и почти одновременно прикоснулись к каменной глыбе Врат. И удивительно было видеть, как от легкого прикосновения камень, казавшийся несокрушимым, вздрогнул и створы начали медленно открываться.

–Я… – Амариллис обернулась через плечо, глядя на застывших в ожидании богов, – Я буду скучать. Гарм, помоги Сычу и Арколю выбраться отсюда. И Арчешу скажи, что со мной все хорошо… Обещаешь?

–Обещаю. – Гарм улыбнулся, от чего рисунок на его лице словно ожил. – И я буду скучать.

–Амариллис. Ты была моей самой любимой танцовщицей, – и Фенри поднял руку в прощальном жесте.

* * *

Шагнув за порог, в легкую темноту, они на мгновение потеряли почву под ногами… и тут же поняли, что это не падение, а полет. Они летели на спине невероятно огромного Дракона – бесцветного, неуловимо переливающегося всеми оттенками радуги. По сторонам проносились неясные очертания, в которых они узнавали некогда виденных людей и легендарных персонажей, места, в которых им довелось побывать и давно забытые, и сотни, тысячи мелькающих обрывочных видений.

–Это отражения, – ответил на их невысказанный вопрос Дракон, чуть повернув голову. – Отражения вашего мира.

–Куда ты несешь нас? – эльф крепче обнял жену и сына.

–Опять ты спрашиваешь не о том, о чем хочешь… – Хэлдар готов был поклясться, что Дракон улыбается. И, помедлив секунду, он спросил:

–Мой отец был таким же, как ты?

–Да. – По спине Дракона пробегает всполох бледно–лилового огня. – Только, прежде чем стать Мастером, изначально он был Белым Драконом. Отсюда твоя хваленая эльфийская холодность и постоянство.

–Значит, он жив?

–Конечно. Все живы, Хэлдар. Здесь ли, еще где-то… Мироздание велико, ветер драконьих крыльев не утихает, и искрам Первородного Огня не суждено гаснуть.

–Ничего себе… – Амариллис прижалась к эльфу. – А я-то надеялась, что ты всего-навсего высокородный эльф… И все–таки, куда вы нас несете, Мастер Альфард? И зачем?

– В Обитаемый Мир. Скоро узнаете…

Впереди, в легкой темноте, рассеиваемой светом Мастера, вырисовываются очертания массивных ворот, очень похожих на те, что они не так давно открыли. Дракон с непостижимой легкостью изгибает свое тело так, что сидящие на его спине оказываются совсем рядом с вратами.

–Открывайте! – Его голос звучит тише шелеста травы и оглушительнее июльского грома, в нем перекатываются, сталкиваясь и звеня, глыбы первородного серебра.

Эльф и танцовщица протягивают руки, и согретые мимолетным касанием их ладоней врата с готовностью открываются – будто только их и ждали.

Амариллис решилась, наконец, открыть глаза и чуть разжать пальцы, держащие руку Судри. Они стоят под открытым небом, безоблачным и мягко–бирюзовым; под ногами у них – мягкая трава, вокруг – деревья, охотно разговаривающие с теплым ветром бесчисленными зелеными языками листьев.

–Как здесь красиво… – и танцовщица улыбается навстречу беспокойному взгляду эльфа.

–Значит, вопрос «куда?» больше тебя не страшит?

Обернувшись на этот голос, взрослые поневоле вздрагивают, а ребенок восторженно верещит и хлопает в ладоши.

Там, где деревья расступаются, будто придворные при появлении короля, высится небольшой холм. И на вершине его сидит Дракон – тот самый, который нес их сквозь легкий воздух меж мирами. Значительно уменьшившийся, впрочем, но все равно…

–Рад, что тебе здесь понравилось. Ведь вы здесь надолго.

–А зачем? – это спрашивает эльф.

–Чтобы помочь. – Дракон наклоняет голову, выдыхает… и его дыхание оседает серебряной пылью в волосах подошедших к нему. – Я, Мастер Альфард, отдаю вам этот мир, ибо именно вы ему нужны. Здешние боги покинули свой дом давным-давно… Теперь боги этого мира – вы.

От этого спокойного утверждения у Амариллис помимо воли подогнулись колени; и то сказать, никакая храмовая выучка не поможет спокойно принять такое известие. Она ухватилась за руку эльфа, и заглянула ему в глаза – а они было всего лишь удивленными, в тот время как на ее лице читалась откровенная паника.

–А я так надеялась, что нас оставят в покое… – и она уткнулась носом в плечо Хэлдара, не зная, то ли смеяться от счастья, то ли вопить от ужаса.

–Я бы и рад. Но ты все равно больше двух недель покоя не выдержишь… – и Дракон насмешливо сверкнул глазами. – И вот еще. У меня для вас подарки. Целых два.

Он раскрыл крылья, закрывшие, как показалось Амариллис, полнеба, а когда вновь сложил их, то она увидела, что по правую сторону Дракона стоят две фигурки – одна совсем маленькая, с прозрачными стрекозьими крыльями, и вторая – значительно выше и массивнее. Высокий поднял руку в приветственном жесте, усмехнулся и солнце влажно блеснуло на его белоснежных клыках.

–Сыч! Чиро! – и в следующую минуту они обнимались, радуясь до слез и едва веря самим себе.

–Ну вот, все в сборе.

На лице Судри промелькнуло разочарование – Дракон исчез, а чуть поодаль, в тени раскидистого дерева сидел Пьющий Песок.

–Как тебе удалось? – не договорила Амариллис.

–Я же проводник. – Пьющий Песок подмигнул орку. – Кого хочу, того и беру с собой. И никто мне не указ, – и засмеялся.

–Что мы должны делать, Мастер? – с почтением спросил эльф.

–Для начала оглядитесь. Убедитесь в собственных силах. А там сами увидите…

Пьющий Песок встал, опираясь на посох, и направился в тень леса.

–Ты уходишь? – Амариллис и сама огорчилась, и увидела, как вытянулось лицо сына. – Почему так скоро?

–Мне пора. – Просто ответил Пьющий Песок. – И я не прощаюсь.

На долю мгновения они увидели, как окутывает фигуру проводника бледно-лиловое пламя, как оно проявляет совсем другие очертания… и тут же все исчезло.

Амариллис вздохнула и огляделась: в траве возились Судри и эллил, несказанно счастливый возвращением к своему питомцу, рядом стоял Сыч, скрестив руки на груди, исхудавший, но живой и здоровый; поймав ее взгляд, он отвесил новоявленной богине шутливый поклон. Вокруг царила оживленная тишина летнего леса, наполненная голосами птиц, шепотом листьев… Солнечный свет, пропущенный сквозь решето ветвей, смягченный свежей зеленью, ласково согревал; где-то неподалеку лопотала речка.

–Мы дома, Амариллис… – И Хэлдар, неожиданно тепло засмеявшись, обнял ее крепко-крепко, так, что девушка тихо охнула. Она подняла голову, увидела его глаза – эльфьи глаза цвета пронзительного мартовского неба, умиротворенно вздохнула и ответила:

–Пожалуй, да. Дома.

…Это неправда, что боги не любят покоя и уюта и вечно норовят основать свой дом на острых клыкастых скалах, взгромоздив над пропастью неприступные стены, и взметнуть башни и шпили в запредельную высь, так, чтобы рвались в клочья подолы туч. Пока боги еще не совсем осознали свои силы и не успели насладиться отдыхом от прежней, беспокойной и быстротечной жизни Кратко Живущих, они селятся в тихих обителях где-нибудь на опушке леса, у светлого родника, и ласточки вьют гнезда под крышей их дома. Пока боги еще не осознали, зачем же призвал их этот новый мир, и не озаботились всерьез его делами, они могут позволить себе просто немного пожить, не задумываясь о последствиях своего существования.

Они шли по лесу, едва поспевая за Сычом и Судри – им-то и принадлежала честь находки, сделанной через несколько дней после того, как они поселились в своем новом доме. Этот дом, оказавшийся прямо за холмом, куда их принес Дракон, оказался одновременно достаточно велик, чтобы всем достало места, красив и пригоден для жилья, даже уютен; более всего он напоминал замок–лес во владениях эллилов. Первое время они неторопливо обживали его, отдыхая и наслаждаясь покоем. Покой закончился в тот день, когда Сыч, взяв с собой Судри, отправился прогуляться по лесу.

Вернувшись довольно скоро, они, с трудом сохраняя терпение, ибо рассказ об увиденном так и вертелся у них на кончике языка, потребовали, чтобы все последовали за ними, поскольку находка того стоит.

Так оно и оказалось. Только Сычу приметная лесная тропка вывела их к лесному озеру, похожему на круглое зелено–голубое зеркало, в которое смотрятся лесные духи. Спустившись чуть не кувырком с высокого берега, они увидели храм – небольшой, со стройными белыми колоннами и широкими ступенями, ведущими к воде. Нехоженая трава вокруг храма пестрела бесчисленными колокольчиками, и место это казалось покинутым давным-давно.

–Не может быть… – Амариллис ахнула от удивления. – Это же…

–Не знаю, – неуверенно сомневаясь, пожал плечами орк. – Мало ли, храмы везде одинаковые.

–Ну, не совсем. – Возразил эльф.– Подойдем поближе.

Амариллис в это время уже взбегала по ступеням; когда-то она входила в такой же храм, и на пороге ее ждал Лимпэнг-Танг, звонковолосый бог шутов и артистов. Войдя внутрь, она остановилась – не от страха, от почтения. Здесь было довольно светло – достаточно, чтобы увидеть и оценить красоту настенных росписей; и, хотя храм и был покинутым, он не был тосклив или мрачен. Амариллис подошла к стене, чтобы внимательнее рассмотреть роспись.

…Это был сам Лимпэнг-Танг, смеющийся, веселый бог, в легких пестрых одеждах, совершенно такой, каким она его помнила. А если у нее и оставались еще какие-то сомнения, то следующие картины их развеяли, ибо на них среди других избранных она увидела одну из тех, кому он покровительствовал.

–Смотрите… – растерянно сказала Амариллис вошедшим следом за ней друзьям.

На этом фрагменте росписи была изображена танцующая светловолосая девушка, выписанная с мастерством и любовью, даже колокольчики в ее левом ухе были слегка посеребрены.

–Это – я?.. – Амариллис оглянулась вокруг почти с испугом.

–А ты и вправду была его любимой танцовщицей, – Хэлдар успокаивающе обнял ее. – Конечно, это ты.

–Ну и ладно. – Как-то сразу успокоилась Амариллис. – Раз мы теперь боги, то почему бы нашим лицам не быть запечатленными на храмовых росписях?

–Нет… – не согласился с нею Сыч. – Это очень старые росписи, Ами, а в ранг богов вас возвели несколько дней назад.

–М–да, не сходится, – развел руками эллил. – Похоже, это действительно храм Лимпэнг-Танга.

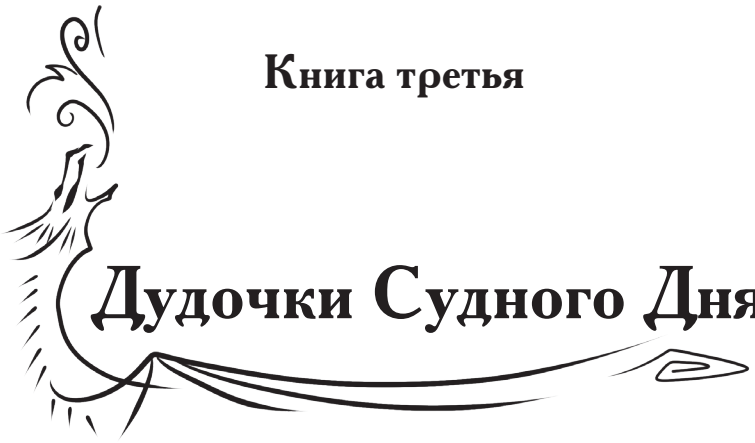
–Тогда я совсем ничего не понимаю, – и эльф растерянно потер лоб. – Такие места невозможно перекидывать из мира в мир, даже Мастерам!

–Значит, его и не перекидывали, – пожала плечами Амариллис, – ой, смотрите, это же Лорка! Лиусс всегда делал так, чтобы все кольца горели разноцветным огнем… а однажды он чуток перестарался и Лорка потом вопил, что Лиусс хотел спалить ему волосы от зависти, – и Амариллис засмеялась.

–А раз так, – не удержавшись, засмеялся в ответ эльф, – то мы действительно у себя дома. Помнится, Мастер сказал, что несет нас в Обитаемый Мир; оказывается, это надо было понимать буквально. Сколько же лет минуло с тех пор, как Гарм и Фенри покинули свой дом? И что тут произошло в наше отсутствие?

–Скоро узнаем, – уверенно сказал орк. И указал на последнюю роспись, прячущуюся в тени у дверей.

Конец второй книги



Книга третья

Дудочки Судного Дня

Когда пышноцветный Калима, пройдя весь положенный растению жизненный цикл, растянувшийся почти на столетие, должен был вернуться в породившую и питавшую его землю, он оставил своим детям семя, залог будущего возвращения. Размером с голову взрослого человека, заключенное в твердую скорлупу цвета гранатового сока, семя должно было спокойно дожидаться положенного часа в святилище храма. В должный срок оно выпустит на свет новое воплощение бога, более могущественное и величественное, чем прежнее, и возрожденный Калима поведет своих лиственношумящих детей на новые земли, ибо старые пределы стали им тесны. Иные расы, злобные, неуживчивые, вечно ссорящиеся, должны будут уступить, и в Обитаемых Землях наступят мир и покой, и лишь ветер будет нарушать тишину великого Леса...

Фрагмент одного из манускриптов, найденных Вишей Вельда

Карл Брохус был одним из тех мальчиков, которых любящие мамы называют крепышами, а не склонные к церемониям сверстники попросту толстяками. Глядя на него, невысокого, белесого, очкастого увальня, копошащегося на капустных грядках, фермерша Брохус часто спрашивала себя – в кого уродился таким нескладехой ее младшенький? Однако на этом ее сожаления и заканчивались. Карл был добрым, смышленым мальчиком, хорошо учился, диких выходок, как другие фермерские мальчишки, не устраивал, а уж что касается работы на огороде, так уж тут даже и взрослым с ним не сравниться. Те грядки, за которыми ухаживал Карл, были так хороши, что хоть на выставку отправляй, кусты и деревья, оказавшиеся под его попечением, и цвели пышнее, и плодоносили щедрее. Да и трудился Карл, прямо сказать, не покладая рук; в семье об этом не распространялись, но всем прекрасно было известно, что младший не только полет–рыхлит–поливает, но еще и песенки своим питомцам поет, и разговоры с ними разговаривает. В их мире такая любовь, высказываемая растениям, была по меньшей мере странной, но Карла – то ли как младшенького, то ли как отчасти блаженного – не задевали и в душу к нему не лезли. Даже разрешили свою личную грядочку завести, только для цветов. Ну, нравятся они ему, что ж тут плохого? Здесь, на ферме, все растения сортовые, отобранные… не опасные, одним словом. Не то, что в Лесу, что тяжкой громадой темнеет за высокой изгородью, через которую пропущен ток.

Да и сам Карл, если бы его спросили, откуда вдруг такая любовь к растениям, вряд ли смог бы вразумительно на этот вопрос ответить. Просто они ему нравились – шершавые огуречные листья, наглый задиристый запах чеснока и округлость яблочных бочков; он любил лечь на живот и прислушиваться к току воды в упругих стеблях, мог часами смотреть на распускающийся цветок, сливаясь с ним воедино, трепеща от восторга души, открывающей себя миру. К слову сказать, Карл ничего не имел против сбора урожая; срывать созревшие плоды казалось ему столь же естественным, как и сажать

новые семена. Так что Карла Брохуса можно было бы назвать одним из тех счастливцев, кто где родился – там и пригодился; мальчик только и мечтал о тех временах, когда он закончит наконец не очень-то нужную ему школу и не надо будет отрываться от возлюбленной земли, чтобы написать никому не нужное сочинение или отрешать порцию уравнений.

Сейчас он как раз прищипывал побеги томатов и ворчливо рассказывал им, сколько ему опять назадавали, что он, в самом деле, эльф, что ли, какой… абстракциями тешиться (Карл недавно вычитал это мудреное слово в учебнике истории). Побеги в ответ согласно кивали, ежились, когда пальцы мальчика срывали лишние листья и, в общем, сочувствовали.

На ферме было тихо; мать с отцом были в дальнем саду, старший брат с сестрой ползали вдоль морковных грядок, прореживая ажурную поросль, работенка это муторная, не до разговоров. Работники тоже при делах – все как всегда; на ферме летний день год кормит, как говорили раньше, теперь же стоило сказать – сотням жизни прибавляет. Было пасмурно, но солнце припекало и сквозь белые плотные облака; ветер, несущий прохладный лесной воздух, затих.

Карл попрощался с томатами, пообещав напоследок опрыскать их вечером настоем листьев табака, чтобы не так докучала тля. Брат с сестрой все еще копошились с морковью и Карл, пожалев их, неумех, взялся закончить их работу, а самих погнал в дальний сад, помочь отцу с матерью. Где–где, а в огороде старшие слушались младшего беспрекословно; не стали спорить и на этот раз. Пройдясь по морковной ботве как частый гребень по спутанным волосам, Карл еще немного повозился с огуречными плетями и решил, что можно и отдохнуть. Он ушел в свой личный уголок, где росли его любимые цветы и травы, и улегся прямо на землю, носом в стебли, и завел только ему внятный разговор – о том, какой жаркий и сонный сегодня воздух, даже бутоны лениво раскрывать, но воды в земле еще довольно, а ветер непременно переменится уже к вечеру… за разговором Карл сам не заметил, как задремал.

Нападения на фермы редкостью не были, но в последние годы это были мелкие вылазки, больше похожие на разбой, чем на военные действия. На эти случаи фермеры держали огнеметы и кислотные опрыскиватели, с которыми умели управляться все, от мала до велика. На самый крайний случай были еще емкости с мощными дефолиантами, расставленные по периметру садов, примыкавших к санитарной вырубке; если фермерша (наверное, нелишне будет напомнить, что на фермах главой исстари была именно хозяйка) приводила в действие механизм, опрокидывавший их, то на спасение рассчитывать не приходилось никому – ни нападавшим, ни людям. В случае небывалой удачи люди еще могли успеть укрыться в подземном убежище и переждать там, пока город не пришлет помощь или не явятся нежданно–негаданно эльфы, которым было в принципе все равно

где сражаться, а подобные короткие и яростные стычки были для них как глоток воздуха в духоте ожидания последней битвы. Стены убежища были достаточно прочны, чтобы выдержать натиск корней и не пропустить отраву, были там запасы воды и воздуха, а психика у фермеров, живущих бок о бок со смертельными врагами, была достаточно устойчива и недолгое заточение не могло ее сломать. Однако случаи чудесных спасений можно было по пальцам пересчитать, и когда регулярные войска ослабляли хватку Леса на горле города, новой семье, пришедшей на очищенную землю, оставались в лучшем случае полуразрушенные строения и остатки посадок.

Сквозь сладкий дневной сон Карл слышал чьи-то торопливые шаги, метнувшиеся в направлении дома, потом еще, и еще, а потом – приглушенные крики. Немногим позже он узнал, что это кричал его старший брат, Якоб. Он слишком хорошо знал, зачем фермерша Брохус направилась в дом, приказав всем домочадцам укрыться в убежище.

–Мама! Мама, Карл еще в саду! Я за ним!

Добежав до любимой карловой грядки на подгибающихся от ужаса ногах, Якоб наклонился, схватил все еще посапывающего младшего брата и рывком поднял его на ноги.

–Ну же, проснись! Бежим!

Карл озирался по сторонам и постепенно перед глазами его прояснялась картина, страшнее которой он ничего не мог себе представить.

Это не было похоже на те злобные выходки, какие иногда позволял себе Лес; Карл много слышал о них, да и сам однажды наткнулся на поросль ядовитого плюща, за одну ночь проросшего через все защитные вырубки и успевшего оплести стволы нескольких десятков яблонь. Все эти семена, летевшие в работавших фермеров из-за городьбы со скоростью и мощью снаряда, паразиты, пробирающиеся под землей и нашептывающие гниль корням садовых деревьев, выбросы ядовитой пыльцы – все это были мелочи, проявления скуки младшего командного состава. Сейчас, похоже, о себе заявил кто-то рангом повыше.

Санитарной вырубки Карл не увидел, она вся была заполнена армией Леса. Стена, несущая оголенные провода, была повалена. А ухоженный сад Брохусов превратился в пестро–зеленое месиво. Пришедшие не пощадили своих собратьев. Дети Леса передвигались медленно, тяжело подтягиваясь на впивающихся в землю корнях, но там, куда доставали их многочисленные ветви, уцелеть было невозможно. Они шли неровной, волнующейся стеной – еще молодые деревья, не достигшие и десяти метров роста, дети опушки, годами наблюдавшие за землями, осквернеными двуногими созданиями, нарушающими гармонию всего сущего. Не было дня, когда они, молодые и сильные, не желали вернуть этим землям покой и тишину, раскинуть над ними умиротворяющий полог Леса. Сдерживало их даже не столько терпение, сколько осознание своей правоты и вера в неизбежность победы. Эта война была священна. А спешка при священнодействии неуместна.

Но сегодня известия, полученные от омелы, давшей всходы на одном из дубов, вывели их из себя. Они потерял еще часть земель у Мертвого озера. Почуяв воскрешающую поступь Леса, остроухие предпочли отравить воду, умертвить саму землю на глубину пустынного корня, только бы не уступить. Их Город как язва, выжженная на теле, причинял постоянную боль и вселял тревогу… как оказалось, не напрасную. Этим смертоносным созданиям оказалось мало мертвой земли, где они осмеливались жить; они захотели расширить свои владения. Перейдя пограничные области, пораженные мусорными растениями, остроухие распылили какой-то новый яд, который, соединяясь с воздухом, накрыл Лес тяжелым туманом. Яд стекал по ветвям и стволам задыхающихся деревьев, убивая саму землю, взрастившую их. И все потому, что остроухим стало мало места для их отвратительных машин…

Карл все никак не мог выйти из оцепенения, переводя бессмысленный взгляд из стороны в сторону. Он не мог понять, почему дети Леса так жестоко расправляются с его садом. Их ненависть к людям была объяснима, но чем же провинились кусты и травы? Терпение Якоба лопнуло и он силком потащил брата к дому; Карл оглядывался, но послушно перебирал ногами. И вдруг уперся, да так, что Якоб чуть не упал.

–Мои цветы! Они… мои цветы!

И, гневно погрозив кулаком наступающим на сад деревьям, оттолкнул брата и пошел прямо вглубь сада.

–Уходите! Нечего вам тут делать!

«Он сошел с ума», – мелькнуло в голове у Якоба. – «Свихнулся со своими цветочками…»

Тут Карл болезненно вскрикнул – земля, державшая его любимые цветы, вспучилась и из нее выхлестнули белесые щупальца корней, и один из нападавших буков заметно приблизился к мальчику. Однако вместо того, чтобы бежать, Карл поправил очки, выпрямился и заговорил так спокойно и уверенно, будто был школьным учителем, а деревья – нашкодившими детьми.

–Ты не понял меня? Уходи немедленно. Вон из моего сада. Иначе я накажу тебя. Ты плохой! И друзья твои негодные!

Что происходило дальше, Якоб увидеть не смог, потому что на его голову обрушился тяжелый удар, и он упал, потеряв сознание. А посмотреть было на что. Поначалу деревья даже не услышали гадкого маленького двуногого и продолжали методично освобождать землю от людских растений, чтобы потом приняться за их же уродливые постройки, а потом и за них самих – если они к тому времени не уберутся сами. Но Карл не отступил. Сам не заметив как, он перестал говорить привычными человеческими словами. Его сознание легко настроилось на ту тональность, в которой он обычно общался со своими цветами; мысли стали четкими, почти осязаемыми и очень сильными.

Этого нападавшие не заметить не могли; дети Леса приостановились в недоумении – каким образом эта вредоносная ошибка мироздания про-

никла в святая святых, в их общий ментальный поток, омывающий и соединяющий весь Лес? Мало того, что проникла, она еще и пытается управлять им! А пока они недоумевали и не верили, мысль Карла Брохуса свилась в тугой жгут и хлестнула по ним с размаху, как хлещет кнут пастуха медлительное стадо коров.

Покачиваясь, они на мгновение замерли… и начали отступать. Сначала вопреки своей воле, ропща и пытаясь сопротивляться. Но кнут хлестал все больнее и больнее, он заставил их устыдиться содеянного и, не позволяя думать, приказывал уходить. И они шли – уже безропотно, безмолвно. Их разум оказался бессилен перед волей и разумом мальчика, диктующего им так властно, что сопротивляться не было сил… не было сил…Они уходили, пристыженные, униженные, но совсем не питающие злобы.

А Карл смотрел на них без удивления и уже без гнева; он почти успокоился. Интуитивно мальчик понимал, что этот урок запомнится детьми Леса надолго и вряд ли теперь есть необходимость восстанавливать изгородь и подводить к ней провода.

Карлу Брохусу повезло. В магистрате нашлись умные люди, которые настояли на том, чтобы мальчика оставили в покое и позволили ему повзрослеть. И только когда Карлу исполнилось восемнадцать, его пригласили в город, в небольшую школу для особо одаренных юношей. В неполные двадцать Карл Брохус смог понять природу своих способностей и начал искать себе подобных. В двадцать пять он основал школу ментального контроля растений, которую после его смерти назовут Орденом брохусов. Но до этого он еще очень много успел – обучил не один десяток сподвижников, выяснил, что способности брохуса передаются по мужской линии и наследуются только мальчиками, освободил многие земли от постоянной обработки препаратами, убивающими сознание растений, и сделал фермерские продукты гораздо более похожими на естественные и почти безвредными, женился… И если учесть, что на все про все у него было каких-то пять лет – этот толстый нескладный очкарик оказался довольно шустер. Карл умер тридцати лет отроду. Дольше брохусы не жили.

Глава первая. Виша из дома Вельда

–Уху, просыпайся. – Виша ласково провела пальцами по круглой гладкой голове птицы, уютно дремавшей в стенной нише. – Притворяться бесполезно. Ругаться тоже. Ну, просыпайся же! – уже потребовала девушка, и, немного помедлив, добавила уже тише: – Мне пора в Лес.

Сова распахнула глазищи, похожие на две живые золотые монеты – еще из тех, давних времен, о которых Виша читала в книгах по истории, и уставилась на девушку с нескрываемым удивлением. И было чему удивляться. Осенью, еще не знавшей первого снега, темнеет рано; сейчас за окнами уже начинало смеркаться. А значит, в Лес Виша попадет самое раннее – к началу вечера, к тому времени, когда свет убывает быстро, как вода в решете, и темнота подползает откуда-то из-за спины, быстро и необратимо. А ведь еще надо будет собрать ягоды и вернуться домой. И как это глупая девчонка рассчитывает все успеть?..

–Глупая девчонка не хуже тебя знает, что готовый сбор никто мне под деревце не поставит. Только ты забываешь, совушка, – Виша оторвалась на минуту от застежек серо–зеленого комбинезона, выглянула из-за створки шкафа и подмигнула птице, – ты забываешь, что никакой девчонки там не будет. А будет сова… круглая голова… желтые глазищи… и вот эдакий умище… Знаю, знаю, куда уж мне. Только там, куда мне сегодня надо, совы днем не летают. Опушка такое еще проглотит, а вот Мхи – вряд ли.

Виша застегнула последнюю пряжку, туго стянув ворот, и потянулась за стоявшим на самой последней полке ящичком, невысоким и довольно тяжелым. Простой металлический ящичек был снабжен кодовым замком; в нем, закрепленные на специальных распорках, лежали длинные, выше локтя, перчатки. Прежде чем одеть их, Виша критически оглядела свои ладони; их украшал сложный рисунок, более всего напоминавший растительный орнамент, который столетия назад создали ювелиры Эригона. На ладонях рисунок был золотисто–желтый, на нижних фалангах пальцев – оранжевый.

–Да, ты была права, Уху. Мне нужен красный. А то куда это годится – братья уже настоящими брохусами стали, вахты держат… а я все еще до середины Леса не дошла. Места я эти знаю, днем не раз хаживала.

Девушка бросила взгляд в зеркало и быстро вынула из ушей все свои серьги, числом ровно семь (полумесяц, две звездочки, снежинку на тонкой цепочке – с правого уха, и гирлянду с тремя темно-зелеными кристаллами из левого… что с того, что кристаллы настоящие, оправа все равно серебряная, а с металлом на себе в Лес только самоубийца пойдет). Она ссыпала серьги на дно ящичка, достала перчатки и старательно их натянула, потерла ладонь о ладонь, подышала на них, снова потерла. Вытянув руки перед со-

бой, Виша выжидающе смотрела на них. Через минуту с небольшим светло-серый материал перчаток зарябил как вода, по которой тормозит разбежавшийся ветер; почти сразу же рябь прекратилась, перчатки разгладились, даже как-то задышали, все швы, морщинки и неровности исчезли. Уж не знаю, сколько братья заплатили за это чудо эльфьей науки, но оно того стоило, подумала девушка. Конечно, кристального напыления на них не было, но оно ей и ни к чему. И без того – гибкость такая же, как и у родной кожи, а защита как у брони – ни порезать, ни прожечь, ни отравить. Хотя, усмехнулась Виша, я стою не дешевле, и вообще-то у меня вся рабочая одежда такой должна быть; оно конечно, у собирателя руки вперед всего лезут, а вишин тотем позволял еще и на обуви экономить, поскольку левитируя много сапог не стопчешь, но… то ветка хлестнет, то листва мокрая весь бок облепит – все ведь до разу. Ну ничего, утешила себя девушка, несколько визитов во Мхи и достанет и на боевой эльфий наряд, придется только серебряные оплечья спороть. Тут она резко оборвала себя – ишь, размечталась, нечего тут… обычаи нарушать и время тратить.

Девушка взяла с пола довольно объемный рюкзак, ловко закинула его за плечи и подошла к окну. Подтверждая довольное урчание кота, спавшего прямо на вишиной подушке, на улице шел дождь – несильный и нескончаемый осенний дождь. Конечно, рабочий костюм водонепроницаем, но все равно не очень-то приятно выходить из дома в сырость и холод.

Никто не знал, что Виша собралась в Лес; даже мама. Так полагалось. Меньше волноваться будут. Виша подошла к стенной нише, в которой сидела наблюдавшая за ней Уху, и осторожно взяла птицу в руки.

–Нам пора. – Девушка направилась к выходу. – Постарайся долететь до дому, не мокнуть же тебе все мое время под дождем. Ну конечно ты можешь переночевать на дереве, я ничуть в тебе не сомневаюсь. Хорошо, как скажешь.

Незаметно выйдя из дома, девушка перешла по разводному мосту через небольшой ров, облицованный керамическими плитками и заполненный дистиллированной водой; прямо над поверхностью воды чернели отверстия труб, оттуда при необходимости подавалась концентрированная смесь, превращавшая воду в ядовитый кипяток, сжигающий любую органику. Узкая тропа вела через обширные огороды, с ровными, аккуратными грядками, куполами теплиц, к фруктовому саду. Когда Виша подошла к последнему ряду садовых деревьев, рослых и безобидных, дождь слегка поутих, словно давая ей возможность сосредоточиться. Девушка остановилась под раскидистой яблоней, посадила сову на низкую ветку и посмотрела прямо в золотые глаза совы; птица со спокойным достоинством приняла взгляд ее карих глаз, похожих на переспелые вишни. Они смотрели друг на друга долго, и совиные глаза постепенно становились все более и более

сонными, теряли ясность и выразительность, а потом и вовсе сомкнулись. Виша глубоко вздохнула, медленно отошла от дерева. Несколько минут она стояла, выравнивая дыхание, и когда оно стало легким и неслышным, сорвалась с места и побежала. К Лесу.

Для Виши это было уже почти привычное занятие. Она бывала в Лесу и весной, когда наливались соком березовые почки, настой которых дорого ценили медики, и летом, когда созревала малина на Опушке и осенью, когда Лес готовился к холодам, сбрасывал все лишнее – листья, ягоды, и поэтому можно было позволить себе задержаться подольше и взять побольше. Виша и другие собиратели были самой редкой разновидностью Измененных, появившихся в Обитаемом Мире после великого разделения земель. В те давние дни Безымянный хребет стал границей между землями, где растения стали полновластными хозяевами и стерты были сами воспоминания о людях, – и землями, где дети Леса и потомки некогда царивших в Обитаемом мире рас были вынуждены жить бок о бок. Мирным это сосуществование не назвал бы никто. Одна сторона не теряла надежды вернуть измученное тело земли под воскрешающую сень лиственного покрывала, а вторая раз и навсегда решив, что вымирание – это не для нее, создавала все новые способы и возможности выжить в изменившемся мире.

Собирателей было даже меньше, чем брохусов, хотя их уникальные способности были схожи. Брохусы умели подчинять своей воле все без исключения растения, от информаторов до воинов (пост из двух десятков брохусов мог держать в подчинении детей Леса по всей границе городских земель на глубину чуть более ста метров); они же обрабатывали все фермерские посадки, формируя у саженцев ровный, покладистый нрав и ликвидируя их интеллект. Собиратели тоже могли безнаказанно проникать в Лес – намного дальше контролируемых городом земель. Они уходили в чистые, первозданные области, не осквернённые дефолиантами и пожарными прогалинами, и приносили оттуда ягоды, листья, цветы – ведь с их целебной силой не могло сравниться ни одно искусственное лекарство, особенно если речь шла о восстановлении сил. Химики давным–давно научились синтезировать витамины, но почему-то кружка отвара из ягод лесного шиповника возвращала румянец на щеки больного куда быстрее и эффективнее. В мире, где большая часть пищи была искусственной, где фермерские продукты стоили дорого и не всем их хватало, где растительные элементы исчезли даже из орнаментов – запах июльской земляники кружил голову даже самому богатому горожанину.

У каждого собиратели был свой личный тотем – не символический, а живой; собственно, сроком жизни тотема и определялись начало и продолжительность карьеры собирателя. Тотем – животное или птица – появлялся перед своим избранником всегда неожиданно, и не одна мать застывала на пороге детской, увидев у изголовья спящего сына или дочери лесного зве-

ря. Возраст избранника мог быть и младенческим и вполне сознательным; к Више из дома Вельда сова прилетела в десятую годовщину ее рождения. Между избранным и его тотемом устанавливалась тончайшая ментальная связь; они понимали друг друга с полумысли и общались как духовные близнецы. Позже, при помощи техник, полученных от брохусов, собиратель научался блокировать на время свое сознание, принимая сознание тотема как собственное; человек прятался за личиной зверя, как болотная трясина – за зеленой сочной травой. В этом состоянии ментальной мимикрии собиратель мог спокойно отправляться в Лес – зверей и птиц там терпели не в пример спокойнее, мог брать любые ягоды и даже коренья (если тотемом был крот), не ведерную корзину, разумеется, но довольно вместительную заплечную сумку. Тотем–птица так даже позволял своей второй половине левитировать, недолго, конечно, и не слишком высоко.

На все время заимствования тотем впадал в полусонное–полубессознательное состояние, похожее на зимнюю спячку; но если в это время нарушали его покой, контакт между человеком и зверем прерывался и собиратель оказывался в положении пришедшего на официальный прием в одном нижнем белье. И обычным скандалом он не отделывался. Почти все избранники разбуженных тотемов погибали, не успев дойти до контролируемых территорий. Поэтому и бытовала поговорка – «Собиратель – это не профессия, а участь». Однако при этом никто из избранных не отказывался от своего дара, никто не стремился избавиться от тотема раньше времени. Любого, хоть раз побывавшего в Лесу, тянуло туда снова и снова. Лесные сокровища стоили недешево, и хотя часть своей добычи собиратели отдавали в казну брохусов (отчасти потому, что были благодарны за обучение, отчасти потому, что здоровье брохусов действительно было дорого) но почти две трети оставались в их личном распоряжении. И продавались весьма недешево. Но даже не деньги заставляли собирателя возвращаться в Лес; редко кто признавался в этом, но гибельное лесное очарование приникало в кровь после первого же набега. Самым удачливым удавалось, минуя охранные заросли, проникнуть в Покинутые Поселения. Города, брошенные людьми до наступления равновесия, остались почти нетронутыми и все их сокровища только и ждали того, кто протянет к ним руку. Само собой, таких было очень мало, и еще меньше было тех, кому удавалось вынести эти сокровища за пределы Леса.

К собирателям, как и к брохусам, отношение у людей был разное. Кто-то считал их выродками, сорящими деньгами и прожигающими жизнь, а кто-то молиться на них был готов… большинство же просто привыкло к их существованию и не утруждало себя размышлениями об их сущности.

Виша из дома Вельда была старшей дочерью фермерши из Одайна. У Виши были мать, три отца, два брата и тотем сова. Первый отец, собиратель, подарил ей жизнь и погиб, когда Више не было и года. В память

о нем девушка окрашивала длинные волосы на затылке в черный цвет и подстригала их в форме ласточкиного хвостика (отец был откуда-то с юга, с той стороны, откуда прилетают по весне ласточки). Второй отец, брохус, подарил ей двух братьев, и стал ее личным наставником после появления Уху. В год его смерти Више было шестнадцать, и она уже могла похвастать золотистыми ладонями. Третий отец, самый обычный фермер, появился в доме Вельда три года назад; спокойный и трудолюбивый, он легко прижился на ферме, ладил со всеми домочадцами и обожал свою жену. А Мэй Вельда, хозяйка одной из ферм в контадо Одайна, наконец-то наслаждалась покоем и определенностью в его обществе.

Что касается золотистых ладоней, то это был один из старейших обычаев собирателей. Из своих первых походов в Лес они приносили с опушки цветы зверобоя, венчики пижмы, молодые орехи; из этих растений получали очень стойкий краситель золотистого оттенка. В каждом городе у собирателей был свой мастер–татуировщик, он умел делать краску и знал порядок и правила нанесения рисунка на руки избранных. Первые завитки сложного узора делали в центре ладони. Из следующих набегов собиратели приносили молодые ягоды шиповника; из них рисовальщик получал оранжевую краску и продолжал ею узор до нижних фаланг пальцев. Одним словом, чем глубже заходил в Лес собиратель, тем богаче был его узор, тем больше оттенков украшало его ладони. У опытных средние фаланги покрывала прозрачно–красная вязь, сделанная из сока клюквы, растущей на болотах; у самых отчаянных подушечки пальцев были плотного, пульсирующего, красного цвета – они собирали на прогретых солнцем лесных пригорках землянику, ягоду капризную и нежную. Собирать ее было муторно и долго, да и опасно. Одним словом, пожимая руку собирателя, можно было легко определить кто перед вами – новичок или матерый волк.

На вишиных ладонях рисунок был достаточно красив и богат, чтобы утереть нос братьям–брохусам. Золотисто-желтые и оранжевые оттенки перетекали один в другой и покрывали всю ладонь, заходя на нижние фаланги пальцев. А ведь собирательство не было ее единственным занятием. Второй отец прекрасно понимал, что собирательство может быть любимым опасным развлечением для девочки с таким характером, но не должно становиться ее единственным занятием. Он подметил интерес падчерицы к истории и настоял на том, чтобы она продолжила образование после окончания обычной школы.

В пятнадцать лет Виша поступила в Высшую Школу при магистрате – это было единственное учебное заведение Одайна, где давали академическое образование и чей диплом был действителен и в других городах. Она успешно закончила начальный курс и легко поступила на факультет истории; выбрать специализацию ей помог ее наставник, профессор Джесхет Ломар, тоже в прошлом собиратель. Это был очень высокий, худой мужчина лет сорока, с резко вырезанным, неподвижным лицом; он очень ред-

ко улыбался, никто не видел его смеющимся, но между тем о его шутках – порой весьма мрачных – ходили легенды. Его волк умер от старости лет пять назад, оставив своему избраннику невообразимой красоты татуировку от кончиков пальцев до сгиба локтя, богатый опыт по части пребывания в Лесу и память о посещении мертвого города. Джесхет, утратив тотем, тосковал по Лесу, поэтому поначалу Виша Вельда заинтересовала его как родственная душа, с которой можно провести время, вспоминая Лес. Понятное дело, он зачастую смотрел сквозь пальцы на вишины прогулы (она нередко жертвовала учебой в пользу очередной вылазки) и вообще был более чем снисходителен. Чем Виша без зазрения совести пользовалась.

Однажды так случилось, что Виша Вельда должна была сдать в срок очень скучную и очень важную работу, а время, отведенное на подготовку к ней, предпочла потратить в «Мертвецкой». Явившись на экзамен не выспавшейся, смутно помня свои вчерашние подвиги, Виша все же попыталась хоть как-то вызвать расположение профессора Ломара – не знаниями, так хоть общностью интересов.

Вместо достойного ответа она принялась рассказывать ему о своей последней вылазке и так увлеклась, что незаметно для себя начала привирать – сначала понемножку, потом все очевиднее. Джесхет Ломар слушал, понимающе кивая головой, а потом остановил ее вопросом.

–Виша, вы сказали, что добрались до самых Мхов, и только страх перед трясиной помешал вам собрать ягоды. И вы успели вернуться засветло?

–Не совсем, солнце уже садилось…

–Виша. – Профессор снял узкие черные очки (от дневного света у него уставали глаза) и что-то начеркал в ее личном листке успеваемости. – У вас замечательный тотем, но у него, как, впрочем, и у остальных, есть слабое место. Уху может появиться днем на опушке и немногим дальше – но уж никак не во Мхах. Совы не летают днем. Профессор такое, может быть, и проглотит, но Мхи – вряд ли.

Он протянул ей листок с совершенно незаслуженной положительной оценкой и добавил:

–И в следующий раз будьте осторожнее. Я тоже иногда захаживаю в «Мертвецкую», тамошний бармен такой шутник… никогда не знаешь, чего он намешает в бокал.

Виша встала и, сгорая от стыда, направилась к выходу. Весь оставшийся день и весь вечер она потратила на сочинение покаянного послания. Этому искусству ее научили братья, Тень и День. Обладая фантазией, вкусом и зная техники брохусов, можно было создать картину, сопровождавшуюся музыкой и словами, и переслать ее, минуя обычные коммуникаторы. Получатель обычно бывал застигнут врасплох и тем сильнее было его впечатление от нежданного видения. Для Джесхета Ломара нерадивая студентка сочинила лесную (как же иначе…) поляну, заросшую ландыша-

ми, как могла точно воспроизвела их запах, вместо музыки вспомнила сумеречное дыхание листьев… сопровождать словами это менто она не стала. И так все было понятно. Извинения были приняты, о чем недвусмысленно говорило видение, полученное ею в ответ – лесная тропа, уводящая куда-то в чащу, где было темно, страшно и интересно, с еловых лап падали в траву светляки, и ничто не нарушало шуршащей хвойной тишины.

Безнаказанно обмениваться подобными посланиями было невозможно; и, совершенно случайно столкнувшись вечером следующего дня в музейном хранилище, они довольно долго просидели там над коллекцией недавно переданной магистратской школе по завещанию кого-то из собирателей. В целом школьный музей был небогат, и вся его экспозиция не составляла и одной трети любой частной коллекции, которая, впрочем, на всеобщее обозрение и не выставлялась. Поэтому любому пополнению здесь были рады, особенно Виша, получившая чуть не с первого дня допуск в хранилище. Она проводила там большую часть свободного времени, любовно перебирая осколки прежних времен, сама составляла композиции для тематических выставок… Ходили слухи – впрочем, им мало кто верил – что она даже вытирала там пыль.

–Профессор, вы только гляньте, это же настоящая ручная работа! – и Виша приложила к груди короткое ажурное ожерелье. На фоне слегка загорелой гладкой кожи почерневшие от времени серебряные веточки, усыпанные потускневшими, но все еще блестящими камешками смотрелись неплохо, хотя все остальное – и черная короткая майка, и мешковатый комбинезон, и тяжелые ботинки – особым изяществом не отличалось. Виша вообще не любила, как она говорила, «подарочной упаковки», предпочитая одеваться удобно.

–Мда. Как же ты умудрилась сдать прикладное искусство периода разделения земель?

Джесхет так пристально посмотрел на грудь Виши, что она смутилась и отложила ожерелье.

–Виша, такие цацки на ручную работу тянут примерно так же, как твое прилежание на оценку «отлично». Дешевый сплав. Не лучшие стразы, половина из которых вывалилась еще при жизни первой хозяйки. Да и сам рисунок – ни изящества, ни стиля… – и ученый пренебрежительно фыркнул.

Виша еще успела подумать о том, какой профессор все-таки зануда, когда он взял ее за подбородок.

–Да, Виша, тебе еще очень многому надо учиться. – Сделав такой вывод, он поцеловал ее. Видимо, чтобы закрепить воспитательный эффект.

Спустя неделю после того, как Виша перебралась жить к Джесхету, он предложил своей ученице выбрать редкую и не совсем безопасную специализацию.

–Я давно заметил, что тебя совершенно не интересуют нематериальные аспекты изучения истории. Ты помираешь от скуки, пытаясь запомнить королей какой-нибудь северной династии, а над бусиной из музейного хранилища мурлычешь как сытая кошка. Ты любишь вещи, а они любят тебя. Виша, ты прирожденный реликварий.

–Спасибо на добром слове. Только где же я буду обучаться? Вернее, у кого? Настоящих реликвариев по пальцам пересчитать, и мало кто вообще их знает. К такому человеку можно попасть только по личной рекомендации… и кто мне такую даст?

–Я. – Джесхет довольно засмеялся, увидев, как расширились от удивления вишины глаза. – Считай, что я тебе ее уже дал. Завтра и начнем.

–Не поняла… чего начнем?

–Учиться, глупая девчонка. Учиться тому, что подобает знать будущему реликварию. Как ты думаешь, почему эльфы так со мной носятся? Никогда не обращала внимания, кто написал раздел по прикладному искусству для последнего переиздания учебника их светила Эредиа? Виша… какая же ты невнимательная. К слову сказать, профессор Эредиа довольно легко признал, что в человеческих бирюльках я разбираюсь лучше, поскольку сам всегда больше тяготел к исследованию утраченных технологий и вообще к истории техники.

–А вы?

–А меня всегда больше занимали люди – как они выглядели, что ели, где жили, во что наряжались… К тому же знание прикладного искусства всегда неплохо оплачивалось – кому же захочется покупать поддельные древности? Все эти наши легенды о покинутых городах, стоящих в неприкосновенности среди Леса, хранящих бесценные свидетельства жизни и былого могущества наших предков… Кому не захочется прикоснуться к памяти? Какая женщина откажется надеть ожерелье, которое украшало шею иремской красавицы? Или заколоть шарф фибулой из Краглы? Да, конечно, можно сделать реплику, но – ты не хуже меня знаешь, какова разница между природным и искусственным алмазом. Мы живем на островках, окруженных враждебным морем Леса, и тешим себя, перебирая осколки своей истории. Добытые такими как ты и я…

После того, как Виша получила доступ к личной библиотеке Ломара, к его коллекции и записям, ей большого труда стоило не бросить обучение на факультете ко всем чертям. Она могла чуть не сутками листать старинные книги – не раз профессор, возвращаясь домой, заставал ее спящей прямо на развернутом фолианте. Все записи, касавшиеся его пребывания в мертвом городе, она выучила наизусть; любой из экспонатов его коллекции могла бы узнать на ощупь. Разумеется, профессор Ломар и слышать не желал о том, что Више жаль тратить время на разглагольствования других учителей.

–Я без того слишком тебе потакаю. Пока не выучишь перечень ратманов Эригона Баснословного, а не только пауков Миравалей, даже и не думай протягивать ручонки к моим записям.

–Это нечестно! Ну зачем, скажи на милость, запоминать годы правления этих торгашей? На это есть справочник. И потом, что в них такого выдающегося? Все как обычно – управляли городом в пользу своего линьяжа, все как один разводили семейственность, передавали свой пост по наследству, пока не находилась какая ни на есть паршивая овца или просто род не иссякал. Торговали, богатели, процветали. Скучища.

–А тебе все войны и мор подавай.

–Нет, но… вот династии эригонских ювелиров запомнились сами собой. Могу хоть сейчас всех перечислить.

–Давай.

Виша отодвинулась на противоположный край дивана, села, выпрямив спину и положив руки на колени.

–Итак. Семейство Сайрус, работали исключительно на заказ и с самыми богатыми клиентами. Никаких полудрагоценных камней, никакого серебра, жемчуг не меньше горошины и только розовый или черный. Ну, еще радужный, разумеется. Собственно, только Сайрусы с ним и работали. Самые богатые свадебные уборы, коронационные регалии, орденские цепи для высших иерархов, ратманские печати… то, что потом становилось или фамильной реликвией, хранимой в сейфе у цвергов, или музейным достоянием, защищенным получше иного банка. Клеймо – распустившаяся роза, тонко гравированная. Семейство Крэддок. Работали исключительно с орденским и наградным оружием. Рукоятки, гравировка на лезвиях, ножны. Клеймо – трилистник. Секрет их скани утрачен еще до первых лесных войн. Сейчас в коллекциях вряд ли найдется больше десяти подлинных работ этой мастерской. Продолжать?

–Помилуй, ты же только начала.

–Семейство Рилло. Пожалуй, самые утонченные художники среди ювелиров вышли из их дома. Не браковали никакой исходный материал, лишь бы он давал неповторимый эффект. Самые изысканные формы и самые фантазийные сюжеты. Из дошедших до нас – морская коллекция, сделанная для герцогини Арзахельской XII, использованы кораллы, жемчуг, даже перламутр, но при этом никаких камней, также ожерелье из Маноры, сочетающее золотое кружево, черное золото и алмазную крошку. Стоимость материала средняя, а вот сама вещь… Клеймо – ящерица на задних лапках, держащая свой отрезанный хвост. В твоей коллекции есть подвеска работы Рилло. Я могу рассматривать ее часами.

–Только не забывай потом протереть ее замшей и убрать на место.

–Семейство Эльслер. Короли колец. Без обручального кольца от Эльслера жених мог не показываться на порог невестиного дома. Клеймо – летящая голубка. Семейство Моран. Работали только с жемчугом. В качестве

клейма использовали черную жемчужину, оправленную в серебро. Изобрели ожерелья–ошейники из нескольких рядов жемчуга, а еще бархотки – за них папаша Моран выгнал своего младшего сына – мол, нечего единство семейного ассортимента нарушать. Нахал младший посмел не утопиться с горя, а основал собственную мастерскую и процвел. Имя, кстати, сменил. Его мастерская – дом Руфус – была самой демократичной в ценовой политике, никогда не опускаясь до откровенных дешевок. Незамужние девчонки, которым настоящие драгоценности были не по носу, его просто боготворили. Руфусы делали легкие, веселые вещицы, фирменный элемент – круглые серебряные бубенчики. Клеймо – цветок маргаритки. Семейство Фрихольм. Делали парадную посуду. Серебряные лоханки, сплошь покрытые гравировкой, лебеди, плывущие с бочонком икры в спине, верблюды, несущие груз фруктов и пряностей, и прочая буфетная роскошь. Но попадались вполне художественные вещицы, мне вот нравится молочник в виде коровы. Уютный такой.

–Хочешь, подарю тебе реплику?

–Ненавижу молоко.

–Я тоже. Продолжай. На тройку ты уже набрала, но если желаешь оценку выше…

–Желаю. Тройки магистратским сидельцам ставь. Семейство Арриго занималось глиптикой – резали камеи на многослойных агатах, сердоликах, яшме и сардониксе. Клейма не ставили, все равно так как они не мог никто. Особенно как Луиджи Арриго – он резал геммы на морских раковинах. Судя по описанию в учебнике Эредиа, это было что-то сказочное. Единственная сохранившаяся вещь его работы – светильник, на округленном боку раковины вырезан женский портрет, оживающий при подключении светового элемента. Собственность профессора Эредиа, наследство от отца, боевого генерала. Интересно, сколько он за него заплатил?

–Дорого, малыш. Даже эльфийская военная медицина не всесильна. Особенно если эльф прикрывает не свою задницу, а найденные в упавшем на землю пару столетий назад флюге сокровища. Виша, когда твои глаза так загораются, я готов пересказать тебе хоть всю энциклопедию прикладного искусства… Ладно, слушай. Флюг перевозил коллекцию древностей эригонского ратмана – тогда уже было ясно, что Эригон не выстоит, и первая же атака симбиотов прикроет его лавочку. Ратман, Мейно Мираваль – кстати, его дед совершенно заслуженно вернул ратманский титул в семью, очень толковый был политик, – так вот, Мейно первым делом бросился спасать миравальские сокровища. Он сам управлял флюгом. Жену и детей доверил телохранителю. Что случилось с флюгом Мейно, Эредиа так и не понял. Некогда было.

–А сокровища вытащить успел… – ехидно протянула Виша.

–Они были хорошо упакованы. Мейно взял самое дорогое – хроники тысячелетней давности, фамильные драгоценности, портреты первых Ми-

равалей – подлинники, разумеется, так что все это уместилось в два металлопластиковых ящика.

–И что, генерал Эредиа тащил эти ящики на своем эльфийском горбу?

–Именно так. До своего боевого флюга. Пока дотащил… сама понимаешь, помощников у него не было, до него дотянулись, и не один раз.

–А как же законные наследники миравальских сокровищ? Неужели не пытались вернуть спасенное добро?

–В настоящее время род Миравалей официально считается прерванным. Мейно погиб вместе со своим флюгом. Его жена и дети, равно как и сопровождавший их телохранитель, пропали без вести. Эредиа пытался найти их, но безуспешно. Так что он имел все основания оставить недешево добытые реликвии себе. Так что там с эригонскими ювелирами?

–Эээ… семейство Вальдес работало с янтарем из Краглы. Самое знаменитое их творение – малый будуар второй жены Огмы III, бывшей танцовщицы. Для его создания пришлось опустошить всю янтарную кладовую, но и результат превзошел ожидания. Клеймо – морская звезда. Семейство Кадат изготавливало всевозможные флаконы из хрусталя, крупных драгоценных камней, иногда из цветного пузырчатого стекла. Оправы делали выше всяких похвал. Постоянно роднились с семьями парфюмеров, что неудивительно. Изобрели душистые ожерелья, ввели моду на ароматный янтарь, из-за чего у Вальдесов случился семейное светопреставление. Есть сведения, что дом Кадат изготавливал перстни с потайными емкостями для яда или с выдвигающимися шипами, покрытыми контактным ядом. Разумеется, своего клейма – бабочки и стилизованной «К» – на этих изделиях они не ставили. Все.

–Неплохо.

–И только?!

–Ты не назвала клейма Фрихольмов, забыла, что кроме парадного оружия, Крэддоки делали серебряные погремушки для титулованных младенцев, и на них был не трилистник, а четырехлепестковый клевер, что геммы на морских раковинах делали и до Луиджи Арриго, он достиг вершин в этом искусстве, но не изобретал его. Не упомянула кубки из витых раковин, отшлифованных до слоя перламутра, оправленных в белое золото его же работы (а вот это как раз его личное изобретение). Так что неплохо – и только. Марш за уроки.

Они прожили вместе около года. Для Виши это было счастливое время – она занималась тем, что ей было более всего по душе, если что, всегда могла спрятаться за Джесхета, ее любили и баловали. Однажды осенью она вернулась в Одайн после удачной вылазки в Лес. Не заходя домой, почти вприпрыжку бросилась в мастерскую к татуировщику Гроуги – так не терпелось ей похвастать новым рисунком на ладонях; к счастью, краска из ягод готовилась быстро, и уже через три часа Виша, гордо задрав подбородок, по-

дошла к дому профессора Ломара. Переступив порог, она поняла, что что-то не так. Дом был каким-то огорченным, что ли. Притихшим. Виша прошла в гостиную – вся немногочисленная мебель была на месте, вот только исчезло несколько картин, однако в кабинете дела обстояли куда хуже. Книжные полки почти полностью опустели, того, что на них осталось, не хватило бы и на библиотечку запасливого первокурсника. Выдвинутые ящики письменного стола тоже были пусты; стенной сейф, где профессор Ломар держал свою коллекцию реликвий, был открыт и, разумеется, тоже пуст. Виша оглядывалась с недоумением, быстро переходящим в испуг. Атмосфера брошенного, разоренного жилья, всего пару недель назад бывшего ей почти домом, действовала более чем угнетающе. Наконец, ей пришло в голову заглянуть в свою комнату. (Несмотря на общую спальню, Джесхет настоял на том, чтобы занималась Виша отдельно и просто могла уединиться при желании.)

Ее комната осталась не потревоженной; все вещи на своих местах: на широком столе разбросаны кристаллы с записями, в стеклянном запаянном экошаре меланхолично шарится по дну бирюзовая креветка, предоставленная себе самой на веки вечные, на спинке кресла висит домашняя рубашка в сине–белую клетку, отнятая у Джесхета в первый же вечер после вишиного переезда. На небольшом столике, стоящем у дивана, белеет листок бумаги, придавленный небольшой коробочкой. Виша уже не торопясь взяла записку – на письмо эти торопливо начерканные малопонятным почерком профессора Ломара слова не тянули, и медленно, словно переводя с малознакомого языка, прочитала… Он благодарил ее за прожитый вместе год, сообщал, что она может жить в его доме, сколько захочет, что он очень сожалеет, но… разумеется, искать его бесполезно. Они больше не увидятся. Никогда.

Виша села на краешек дивана, смяла в кулаке зашуршавший листок. Потом машинально взяла в руки и открыла коробочку – в гнезде из фиолетового бархата лежала та самая подвеска работы дома Рилло, так полюбившаяся ей. Ажурный, легкий, хранящий дыхание ранней зимы медальон. Схваченные нежданным морозом цветы, застывшие, припорошенные инеем, похожие на карамель. Переведя дыхание, Виша закрыла коробочку и поставила ее на стол. Это было уже слишком. Она знала, сколько стоит эта вещица, и не намерена была таскать на шее целое состояние. Когда она найдет Джесхета, то выскажет ему все, и – не исключено – кинет в него этой коробкой… и тут ей показалось, что кто-то сильно ударил ее под колени. Опустив лицо в ладони, Виша опустилась на пол и заплакала.

Неделю она слонялась по пустому дому, не в силах заставить себя выйти хоть на минуту. Ей казалось, что Джесхет вот–вот вернется и этот дурной сон, в котором она обречена ходить из комнаты в комнату, вздрагивая от несуществующих шорохов, прекратится. Он вернется. Вернется. Но при условии, что она никуда не будет выходить. Нелепость подобного убеждения не казалась ей такой уж очевидной, скорее она видела в ней за-

лог успеха. Еду она заказывала через коммуникатор, все остальные каналы связи, работающие на вход, блокировала, днем спала, ночью просматривала свои старые записи, исчерканные Джесхетом, слушала музыку, плакала, бродила по комнатам, опять плакала, рисовала на стенах, что-то ела, опять плакала… Она даже не обратила внимания на то, что куда-то исчезла Уху, ее тотем; признаться, она о ней и не вспоминала. А потом в дверь постучали, она открыла, и на пороге оказался не парень из службы доставки, а ее младшие братья, и на плече одного из них сидела сова. Тень и День никогда не вмешивались в жизнь своей сводной сестры, считая это неприличным и небезопасным. Увидев Вишу, они, не сговариваясь, охнули, переглянулись и ни о каких правилах больше не вспоминали.

Она сидела в углу, поджав под себя босые ноги, и что-то царапала на стене – неровные, ломаные строчки…

В руки твои попаду
ненароком
стану твоим кратковременным
обмороком
саднящей ссадиной
на разбитой коленке
в ладонных впадинах
скользнувшей лентой
Стань моим преждевременным
опытом
настоящего счастья…

Аккуратно, почти ласково Тень убрал ее убежденность в необходимости домашнего ареста, погасил сопротивление, усыпил самостоятельность. Потом братья быстро помогли ей, мало что соображавшей после манипуляций Тени, собрать вещи, и отвезли сестру к себе. На вахту им было только через три дня, так что они успели как следует поработать с ее разбитым сердцем.

Техники брохусов предполагали ментальный контроль растительных сообществ, однако орден смог добиться некоторых успехов и в диалоге с человеческим сознанием. Эти знания не афишировались и официально не признавались, и даже владеющие методикой работы с людской психикой брохусы старались не практиковать в этой области. Вишины младшие братья не были исключением, просто они очень любили свою сестру. День смог договориться с вишиной памятью, и она убрала с глаз долой сам образ Джесхета Ломара – то, как он выглядел, как звучал его голос, каким было его прикосновение. Тень уравновесил эмоции сестры, сумел направить ее внимание вовне. Это не означало, что Виша все забудет и начнет жить, словно ничего и не было; но мучиться она перестанет. Братья хотели быть спо-

койными, оставляя ее одну в городе на время своей вахты. Проснувшись через сутки крепкого, спокойного сна Виша поняла, что братья позаботились о ней, как могут только брохусы. Она прислушалась к себе: любовь никуда не делась, чувство потери тоже, но они отступили, смягчились и не напоминали о себе каждую секунду. Можно было жить дальше.

Когда Тень и День отправились в сторожевую башню, оставив Вишу хозяйкой в своей огромной квартире, она собралась с силами и отправила запрос на факультет. В ответ получила холодный приказ явиться к руководству. Виша подозревала, что вряд ли ее встретят с распростертыми объятиями – слишком много хвостов тянулось за ней, да и семестр начался чуть ли не месяц назад, а она не соизволила даже появиться в Школе. Тем не менее, она надела парадную форму (к руководству в рабочем комбинезоне не являются), и пошла. Как выяснилось, не зря. Ректор Высшей Магистратской Школы, на дух не выносивший профессора Джесхета Ломара, зеленеющий от зависти при одной только мысли о его репутации лучшего реликвария в Одайне, не упустил случая отыграться на его ученице. Више припомнили все – и старое, и новое, и за десять лет вперед авансом. И выгнали с треском, как есть в парадной форме.

Глава вторая. Тяжелый квест

Виша шла, сунув руки в карманы и глядя перед собой невидящими, лихорадочно блестящими глазами; в ее голове, в такт неровным, быстрым шагам, билось одно только слово: «Ненавижу, ненавижу, не–на–ви–жу!!!..» Полы ее длинного, ярко фиолетового плаща раздувал ветер, одетая так некстати сегодня парадная форменная одежда отсвечивала тусклым серебром, а туго застегнутый высокий воротничок заставлял высоко держать голову, спесиво задрав подбородок. На щеках девушки поблескивали две мокрых дорожки, начинавшиеся где-то в уголках глаз, рот был так крепко сжат, словно вознамерился не выпускать более ни одной улыбки. Она была похожа на мстительного духа, одного из тех, что были изображены в древнем трактате по демонологии… в коллекции ее бывшего учителя были и такие книги.

Когда она свернула в грязный, неосвещенный переулок – конечно, можно было и по чистой и относительно безопасной улице топать, но так было короче, а вишино терпение было на исходе, – от стены отделилась и поползла ей навстречу какая-то тень. Доползти до Виши и тем более сформулировать свои требования тень так и не успела, потому что девушка, прямо скажем, обрадованная преподнесенным ей поводом, окатила ее таким менто, что ей самой даже полегчало на секунду. Безусловно, обучение подобным приемам не входило в программу школы при магистрате, да и собиратели ментальные атаки на людях не практиковали, но вот брохусы имели свои собственные техники и при случае могли ими воспользоваться. И уж чем–чем, а всяческими гадостями младшие вишины братья делились с ней охотно. Тень громко охнула, схватилась за голову и, перемешивая стоны с ругательствами, уползла в темноту подворотни.

Следующим под раздачу попал металлический мусорный контейнер, заполненный под завязку и, как водится, незакрытый. Проходя мимо, Виша со всего маху поддала по нему подкованным носком высокого сапога. Гулкий грохот отрикошетил от кирпичных стен, а потянувшаяся шлейфом густая вонь вызвала в памяти девушки тонкие длинные губы, с видимым удовольствием прожевывающие слова: «Исключить… без права восстановления…» К счастью, контейнеров было два. Второй и подлетел выше, и звучал богаче.

Дойдя до невысокого заборчика, Виша легко перемахнула через него, и очутилась на узкой, но довольно чистой и ярко освещенной улице, вымощенной гладкими черными плитами. Впереди справа шумел небольшой фонтан, изображавший какой-то мудреный механизм; вода в нем, окрашенная в разные цвета, то появлялась, наполняя прозрачные емкости и выливаясь из обрезанных труб в округлую чашу небольшого бассейна, то исчезала в недрах переплетенных металлических кишок. В художествен-

ной ценности фонтана Виша всегда сомневалась, но вот в практической – никогда. Ей не раз приходилось окунать чересчур разгоряченные головы приятелей в цветную воду, чтобы вернуть им хоть долю разумения; да и ей самой он не раз служил ту же добрую службу. За фонтаном улица круто сворачивала, и сразу за поворотом светилась хорошо знакомая Више вывеска – радостная сине-зеленая физиономия и название – «Мертвецкая». Девушка кивнула сама себе и зашагала к приоткрытым дверям.

В старом городе, кроме «Мертвецкой», было немало заведений, где можно было со вкусом провести время – маленькие уютные бары, подземные танцполы, рестораны, культивирующие изысканную растительную кухню. Одайн, в отличие от своего южного соседа и соперника Эригона, не пострадал от Леса, все военные действия заканчивались в пределах отдаленных пригородов. Сам Одайн не пришлось приспосабливать к войне, город сохранил в неприкосновенности свои старые кварталы с их булыжной мостовой, узкими улочками, домами с двускатными крышами и окнами–фонарями. Городское правление, как и сотни лет назад, располагалось в ратуше, Высшая Школа занимала огромный купеческий особняк на Торговой площади, вот только все парки и сады, так украшавшие серые камни Одайна, давно стали воспоминанием. На их месте либо строили новые дома, высокие и узкие (была такая мода у архитекторов первых десятилетий после разделения Мира), похожие на шестигранные стержни графита, которыми какой-то великан пытается расчертить небо, либо – если участок земли, освободившийся из-под выжженного садика, был мал, устраивали на нем искусственный водоем. Воду в таких бассейнах окрашивали в яркие цвета, и разводили в них люминесцентных медуз. Когда у этих созданий начинался брачный период (примерно раз в два месяца), они собирались в гирлянды причудливых форм, дрейфовали по ровной глади цветной воды и мерцали. С наступлением холодов медузы опускались на подогреваемое дно бассейна и засыпали, почти погасая. В фонтане рядом с «Мертвецкой» медуз не было, зато жил старый зеркальный карп, глухой и невозмутимый; и когда очередная хмельная голова погружалась в цветную холодную воду, карп встречал ее скучающим взглядом и не спеша отплывал в сторону.

Толкнув дверь, Виша спустилась по трем широким ступенькам и оказалась в мягко освещенном холле, из которого через невысокую арку можно было попасть в зал. За стойкой гардероба дремала пожилая гнома, в углу за круглым столом, размерами похожим на таблетку, сидел хозяин заведения, по совместительству вышибала. Когда он встал, чтобы поприветствовать Вишу и помочь ей снять плащ, то головой почти уперся в потолок.

–Здравствуй, Виша. Ты как всегда вовремя – час назад наши ребятки сдали вахту. И сразу ко мне. Я им говорю – вы бы хоть рожи свои сонные умыли.

–Здравствуй, Гиес. Ты за них не переживай, фонтан рядом… умоются.

Виша расстегнула плащ, терпеливо дождалась, пока Гиес деликатно стянет его, стараясь не подметать пол дорогой фиолетовой тканью.

–Держи, Котта, – и хозяин бара передал плащ гардеробщице; вглядевшись внимательно в лицо своей давней знакомой, он пару раз хмыкнул, но все же решился и спросил – А что, сова твоя здорова ли?

–Здорова.

–А как господин Ломар?

–Не знаю, – чересчур резко для равнодушного ответа буркнула Виша.

–А как дела на ферме?

–Отлично.

–Эээ… так что, конец света уже завтра?

–Вполне может быть.

И Виша, считая разговор законченным, направилась к арке.

–Виша! – позвал ее Гиес, а когда она обернулась, сказал, двусмысленно показывая пальцем на горло:

–Ты хомут-то свой ослабь.

–Непременно, – вежливо кивнула в ответ девушка. – У тебя ведь все здесь застраховано?..

В зале «Мертвецкой» было уже достаточно людно: вся вахта брохусов в полном составе, с десяток студентов магистратской школы, несколько завсегдатаев. На пока еще скупо освещенной сцене артисты настраивали инструменты, пытаясь выжать из них максимум мощности. Столы, расставленные на возвышении, тянущемся по периметру всей залы, блестели хромом и черной эмалью, в светильниках покачивались люминесцентные нити сине–зеленого цвета. Высокий потолок терялся в темноте; на выкрашенных темно–синей краской стенах висело несколько картин, содержание которых весьма способствовало подавлению избытка веселости, если такой у кого-нибудь появлялся. Виша подошла к барной стойке, расположенной по левую руку от сцены. За ней хозяйничал очень худой и очень длинноволосый человек, родившийся явно не в городских стенах, а в каком-то заброшенном контадо, где не скупились на дефолианты, и плоды, которые давала земля сразу после обработки, не уничтожали, как на городских фермах, а употребляли в пищу. Впрочем, он последствиями такой неосторожности не тяготился, и вторая пара рук – заметно меньше и слабее, но вполне работоспособных – ему явно пришлась впору.

–Привет, Бриарей. – Виша уселась на высокий табурет. – Какой будет твой диагноз на сегодня?

Бриарей, подняв одну пару рук в знак приветствия, поставил перед ожидающим своей очереди посетителем широкий толстостенный стакан с напитком темно–красного цвета, достал из–под стойки металлическую капсулу, отвинтил крышку и сыпнул щепотку золотистого порошка, растворившегося с едким шипением. Потом аккуратно долил поверх приго-

товленного пойла чего-то прозрачного и искрящегося и пододвинул стакан клиенту. Тот одобрительно кивнул, забрал напиток и удалился.

–Привет, Виша. – Бриарей подошел к девушке, поставил перед нею вазу с мелкими цветными конфетами: снаружи глазурь, внутри шоколад, и то, и другое голая синтетика, но, в общем, вкусно.

–Как ты думаешь, он успеет все выпить или свалится под стол на половине?

–На последней четверти, – авторитетно сказала девушка и кинула в рот зеленую конфету. – Так что насчет меня?

–Не спеши. Быстрый диагноз – скорые похороны. Особенно в моем деле. Девочка, ты просто застала его с какой-то другой дурочкой или все действительно так плохо?

–Меня исключили из магистратской школы. Насовсем. – Помолчав, Виша совсем тихо добавила: – А Джесхет уехал, пару недель назад. Видимо, как-то тоже так… насовсем.

–Понятно. – Бриарей потянулся – той рукой, что подлиннее – к полке, достал высокий, довольно объемный бокал, придирчиво осмотрел его на свет и поставил на стойку. Затем очень быстро налил в шейкер жидкость из двух или трех бутылок, Виша и рассмотреть не успела, из каких именно, встряхнул и сунул в охладитель.

–А как Лес? Ты, помнится, обещалась клюкву принести…

Вместо ответа Виша протянула бармену ладони – на них золотился затейливый узор татуировки, начинавшийся в центре ладони и растекающийся к пальцам и запястьям. На средних фалангах пальцев краснела совсем свежая, прозрачно–красная вязь.

–Молодец. Надо отметить. – И бармен наклонился куда-то глубоко под стойку, поднялся, держа тяжелую пузатую бутыль. Он опрокинул ее над вишиным бокалом, и из липкого на вид горлышка потянулась густая, почти черная жидкость. Налив совсем немного, Бриарей заботливо припрятал бутылку, покрутил бокал в руках, распределяя жидкость по стенкам. Потом достал шейкер, встряхнул еще пару раз и вылил содержимое в подготовленный бокал.

–Бриарей, ты моей смерти хочешь? – довольно засмеялась Виша.

–Пока нет. – Бриарей жестом фокусника выжал в напиток половинку настоящего лимона (от плеснувшего в стороны запаха встрепенулись все сидящие в зале) и пододвинул бокал девушке. – Прошу.

Виша взяла свое лекарство и быстро (терпение кончилось уже минуту назад) отпила большой глоток. Опустив бокал на стойку, она на вдохе втянула в себя воздух:

–Небо мое синее… – и протяжно выдохнула: – Золотая луна…

Бриарей довольно засмеялся, отчего глубокие морщины на его сером лице собрались в причудливые узоры.

–Не знаю как другие, а мои уроки ты помнишь. Ну что, полегчало?

Виша ухмыльнулась, резко дернула воротник–стойку, выпуская наружу белое кружево рубашки, и глотнула еще раз, и еще. После третьего глотка лишним показался не только тугой воротник, но и весь тесный камзол, поэтому Виша, особо не раздумывая, стянула его и швырнула куда-то в сторону. Бриарей поставил перед нею стакан с чистой холодной водой, в которой плавали кубики ядовито голубого льда, и отошел к следующему клиенту.

–А я смотрю, кто это тут форменными камзолами швыряется? Я слышал, тебя можно поздравить?

Девушка резко обернулась, почти дернулась к говорящему – невысокому, худощавому, но довольно плечистому парню лет двадцати, одетому в хорошо знакомую ей униформу брохусов – ядовито оранжевый комбинезон с объемным капюшоном, обычно прикрывающим гладко выбритую голову с металлическими дисками вживленных контактов.

–С чем ты собрался меня поздравлять, Тойво?

–Эээ.. – Тойво немного отодвинулся, явно опасаясь сказать не то. – С новым рисунком, разумеется. Мы по дороге сюда встретили Мастера Грогуи, он сказал, ты приходила к нему позавчера, принесла клюкву со Мхов. Поздравляю, Виша.

–Благодарствую. – Девушка серьезно кивнула, подняла бокал и отпила изрядную порцию. Потом внимательно посмотрела в глаза Тойво, отчего он покраснел и еще немного отодвинулся, необидно засмеялась и сказала: – Отвали, подгузник.

После таких слов парень заалел как маков цвет и возмущенно залепетал:

–Ты не должна была… и вообще, собиратели не могут…

–Не могут, – подтвердил новый посетитель «Мертвецкой», усаживаясь между ним и девушкой. – Но у тебя, парень, все на лбу написано, так что не надо быть даже начинающим брохусом, чтобы прочитать твои менто. Как говорится, к гадалке не ходи и так все ясно. Вечер, Виша.

–Вечер, альх-Хазред.

Виша поставила бокал, чтобы обнять старого знакомого. Альх-Хазред был флюгером – пилотом, управляющим флюгом, небольшим летательным аппаратом, рассчитанным на двух–трех пассажиров и небольшой груз. Начинал альх-Хазред юнгой на моргенштерне, обслуживающем линию Арзахель – Одайн. Его отец был капитаном моргенштерна, как и его дед, прадед… ну и далее по списку. А в те времена, когда моргенштерны еще не изобрели, предки альх–Хазреда водили корабли; была даже семейная легенда, будто один из пращуров был пиратом. Видимо, его кровь и взыграла в младшем сыне капитана аш-Шаддата. Окончив с отличием летную школу, он мог спокойно выслужиться от юнги до капитана, пройдя все положенные ступени. Однако, честно отработав по нескольку месяцев во всех местах огромного летательного аппарата – от нижней складской до верхней технической палубы – альх-Хазред сумел

договориться с каким-то нетипично рисковым цвергом и вскладчину с ним купил флюг. Надо сказать, долг цвергу он отдал уже через год самостоятельных полетов. Мало того, что альх-Хазред работал честно, чисто и аккуратно; то самое пиратское наследие предков сделало его не просто пилотом, а настоящим искателем приключений. Он вылетал в любую погоду, в любое место, не особо заботясь о том, куда и как будет садиться, его не пугали даже полеты на небольшой высоте. Альх был красив – уходящей из Обитаемого Мира шаммахитской красотой, сочетающей угольные глаза, бронзовую кожу и невозможно белозубую улыбку, щедр и красноречив; надо ли говорить, что в «Мертвецкой» он был желанным гостем, подобным жаркому солнцу среди обычных сумрачных завсегдатаев.

–Давно в городе? – поинтересовалась Виша, расстегивая последнюю пуговку пышного кружевного ворота рубашки.

–Третий день пошел. – Альх-Хазред допил воду (крепче нее он ничего в рот не брал) и запустил руку в вазочку с конфетами.

–Могла бы и сама догадаться, – покивала Виша. – Усталость рабочую уже смыл, усталость разгульную еще не нагулял. Свеж и бодр как брохус–новобранец. Мои, кстати, сегодня на вахту заступили, так что присмотреть за мной некому… если только ты согласишься… – она смотрела на флюгера как незадолго до этого на выпивку – нетерпеливо и с любопытством.

В ответ альх-Хазред протянул руку и потрепал девушку по коротко остриженной голове.

–Виша, я не самоубийца. Если будет нужно, я засуну тебя в фонтан, донесу до дому, заплачу за тебя… но присматривать за тобой… Благодарю покорно. Лучше золотое масло голыми руками собирать.

Виша засмеялась. Золотым маслом называли ягоды, росшие на деревцах со страшно колючими ветками; даже приручeнные, они все–таки сохраняли дурной характер, и собирать их было сущим наказанием. Однако как почти всегда с растениями, игра стоила свеч: выжимки золотого масла превосходно залечивали раны и редко какой брохус, проходящий процедуру подключения, обходился без этого снадобья. Своим братьям Виша собирала и готовила золотое масло лично.

–Ну и ладно. Но я ловлю тебя на слове – насчет фонтана.

Она встала, потянулась, отчего прозрачная белая блузка вызывающе натянулась на груди, допила бриареево лекарство, поставила стакан на стойку и задумчиво огляделась. Сегодня посетители «Мертвецкой» не торопились сделать вечер запоминающимся; сдавшие вахту брохусы сидели за двумя столами и вовсю резвились с творениями барменского гения, меняясь бокалами. Из других знакомых Виша заметила только нескольких старшекурсников–химиков и компанию техников, обслуживающих информационный центр магистрата. На какое-то время ее внимание привлекли сидевшие в отдалении под самой мрачной картиной эльфы – двое военных, затянутых в лиловые мундиры с серебряными оплечьями. Она даже сделала

несколько шагов в их направлении. Но, поскольку о неспособности эльфов радоваться жизни ходили легенды – говорили, что на пике веселья эльф обычно поет походный марш, – Виша не сочла их достойными внимания и, резко развернувшись, направилась прямиком к музыкантам, которые все никак не могли собраться и выдать хоть что-то, похожее на музыку.

Подойдя к солисту, терзавшему допотопного вида струнный инструмент, формой похожий на до неприличия крутобедрую женщину, Виша отстранила микрофон и зашептала музыканту на ухо. Судя по выражению его лица, что-то весьма интересное. Да и сам певец был примечателен: как и полагается гному, невысокий и плечистый, и как совсем не полагается гному, гладко выбритый. Недостаток волос на подбородке компенсировался темно-рыжей шевелюрой, заплетенной в толстые жгуты. На лице гнома выделялись узкая полоска красных зеркальных очков, полностью закрывавших глаза, и невозможно большой рот, в который, как говорили, певец мог запихать оба своих гномьих кулака. Чем и заслужил свое прозвище Маульташ, Рот–Комод. Альх-Хазред, с любопытством наблюдавший вишины передвижения, понимающе покачал головой: устоять перед девушкой было невозможно. Невысокая, ладная, одетая в туго обтягивающие брюки, перехваченные в талии форменным серебряным поясом, и блузку, расстегнутый кружевной воротник которой лежал белой пеной вокруг стройной тонкой шеи, она была похожа на школьницу, удравшую с уроков. Короткие волосы Виши были серебристо-пепельными, и только хвостик, спускавшийся от затылка и ниже лопаток, был глянцево-черным и раздвоенным. Все шалые духи выпитого снадобья выглядывали из вишиных глаз, и иногда казалось, что еще немного – и кончики ее длинных пушистых ресниц вспыхнут.

Маульташ выслушал все, что Виша сочла нужным нашептать ему в ухо, улыбаясь (при этом он перестал петь, играть и совсем смял и без того нестройное выступление) и только последними ее словами он чуть не подавился. Поразмышляв не более двух–трех секунд, он отложил в сторону крутобедрый инструмент, и, махнув рукой, подозвал друзей. Виша отошла в сторону и села за ближайший столик, к знакомым брохусам. Там она приняла эстафету обмена бокалами и перестала обращать на сцену внимание. А музыканты, посовещавшись и обмениваясь отчаянно-веселыми взглядами, вернулись на места. Певец же, поглядев в потолок и не найдя там ни поддержки, ни опровержения, вытащил из кармана губную гармошку и принялся нажаривать на ней так, что любо-дорого, а когда разудалый мотив подхватили и повели музыканты, запел. Причем никто из присутствующих не ожидал услышать такого – только что звучавший хорошо поставленный, но вполне обыкновенный голос стало выворачивать на то разбойничьи, хищные, то глумливые, шутовские интонации… и к тому же язык у певца поворачивался выдавать такой текст, что заинтересовались даже эльфы. За первой песней последовала вторая, потом третья…

Старая бабка,
На что ты похожа?!
Сиськи обвисли
И сморщилась рожа,
Волосы будто
Гнездовье седое,
Страшно подумать
Про остальное!..

Вот что, сопляк,
Ты язык придержи-ка!
Я ведь горячей была
Как аджика,
Смолоду времени
Зря не теряла,
Много любила
И щедро давала!

А у тебя?! Нет ни шлюх,
Ни подружек,
Видно, ни тем, ни другим
Ты не нужен.
И – докажи мне,
Что это не так! –
Любит тебя
Только правый кулак!..

Усидеть на месте становилось уже невозможно. Вскоре пространство вокруг сцены оказалось заполнено танцующими; за столами остались только эльфы (впрочем, один из них вполне заметно притоптывал в такт, а второй подпевал) и те, кому бриареевы творения спеленали ноги.

–Что ты с ним сделала? – поинтересовался флюгер, подхватывая Вишу.

–Я попросила его спеть те песни, после которых его выгнали из консерватории Арзахеля. Мне про него братья рассказывали. – Виша вывернулась из рук флюгера и продолжила танцевать, почти вплотную прижавшись к недавно отвергнутому «подгузнику». Совсем ошалевший от такой невиданной милости брохус не знал, куда ему девать руки – туда, куда хотелось, он боялся… а над головой держать утомительно.

–А что ты ему посулила в награду? – не унимался альх-Хазред, наклоняясь к Више.

–Сказала, что… – ответ девушки утонул в грохоте – это, выполняя вишино пророчество, свалился под стол один из почитателей таланта Бриа-

рея, свалился эффектно, прихватив с собой почти всю посуду со стола (хромированные металлические бокалы в сочетании с каменным полом составили неплохую конкуренцию музыке) и запутавшись ногами в стуле.

И в который раз Виша убедилась в том, что, попросив у мающегося от тоски мужчины чего-то артистично–неприличного, хулиганского, она оказалась в выигрыше. Музыканты вошли в раж и завели дремавшую публику «Мертвецкой» так, что мало не казалось даже им самим. Певец уже не перебирал лениво струны, а выдавал песни одна другой чуднее, швыряя в глотку кружки пенящегося грибного чая. От такой порции хмельного многие уже бы и первой строчки детской песенки не связали, но у него, судя по всему, была неплохая закалка. Он только утирал пот, градом катившийся по лбу, и продолжал петь. Его песни, которые Виша впервые услышала, придя в гости к братьям, когда те отмечали завершение своей первой вахты, были сегодня как нельзя кстати. Еще тогда она отметила для себя их особенность –при всей их вызывающей незамысловатости, какой-то подростковой наивной глумливости, они почти мгновенно завладевали вниманием слушателя и любое его настроение превращали в угодное себе, безбашенное и отвязное. Когда Више случалось засидеться сверх меры за скучными уроками, или серьезно с кем-то поссориться и начать терзаться угрызениями совести, она загружала в свой коммуникатор записи тех самых песен, героями которых были похотливые эльфы, пьяницы-гномы, сумасшедшие ученые и веселые шлюхи. И когда этот беспардонный карнавал, который вел за собой Маульташ по прозвищу Рот–Комод, накрывал ее с головой, она забывала обо всех печалях и неудачах. Так что сегодня это было то, что доктор прописал.

Ведь еще никогда Више не было так плохо.

Кроме глумливых песен, она еще очень любила танцы. Не сказать, чтобы очень уж умела танцевать, но в таких местах как «Мертвецкая» это не суть важно, да и не всегда кстати. Одна из вишиных сокурсниц закончила балетную школу в Арзахеле. И что? Осанка у нее, конечно, была что надо, шея не гнулась вообще, но как только дело касалось того, чтобы просто пойти и поплясать без претензий на аплодисменты, все ее мастерство тут же и заканчивалось. А Виша ничему такому специально не училась (если не считать пары месяцев, когда ее соседкой по квартире была стриптизерша – иногда она репетировала свои закидоны прямо в кухне и Виша частенько ей подражала), но вот ее умению радоваться можно было позавидовать. Поэтому сейчас, когда оглушенные алкоголем кошки перестали точить когти об ее душу, тоска взмыла до небес и обернулась развеселым отчаянием, танец оказался именно тем, что надо – возможностью выразить все, ни о чем не думая и ничего не боясь.

Виша танцевала так, что альх–Хазреду пришлось отпихивать от нее чересчур назойливых поклонников, хотя сам он, давший однажды слово не принимать во внимание подруг своих заказчиков (а Джесхет Ломар был

одним из первых, поверивших в счастливую звезду пилота), с трудом удерживался от желания нарушить это незыблемое правило. Что касается Тойво, то он двигался уже в каком-то трансе, не отрывая от девушки горящих звериных глаз.

А Виша несомненно нарывалась. Альх-Хазреда она оставила в покое, но вот Тойво ее очарования доставалось даже с избытком. Руки его уже давно были именно там, где ему хотелось, и то крепко обнимали девушку, то гладили ее спину и бедра; Виша стянула с брохуса капюшон и расстегнула форменный комбинезон почти до пояса. И будто этого было мало, она доверчиво–бесстыдно раскрыла свое сознание, так что Тойво без труда мог прочесть ее менто. Как оказалось, они были настолько сильными, что прочел их не он один.

–Эй, малец, подвинься. Такая девочка не про тебя.

Бросив эти слова, один из брохусов резко оттолкнул Тойво и властно положил руку на плечо Виши.

–Ты ведь пойдешь со мной, Виша? – это прозвучало не вопросом. Брохус отдал приказ, как если бы девушка была деревцем, которому надо привить покладистый характер. – Ты пойдешь со мной.

Оглушенному алкоголем, уязвимому сознанию Виши этого хватило. Она потянулась к новому хозяину, прижалась к нему, улыбаясь и жмурясь как неразборчивая кошка. Она знала его – Гэлвин был одним из самых старых брохусов, ему было больше двадцати пяти. Возможно, именно это сделало его еще более неприятным, чем он был от природы; Гэлвин без зазрения совести пользовался своими способностями помимо вахт, не раз бывал уличен в нечестной игре и вымогательстве. Конечно, брохусы не просто высоко ценились в любом городе Обитаемого Мира, прямо сказать, они были бесценны и, как следствие, ни в чем не нуждались, имея все, что душе угодно: неслыханные заработки, прямой доступ в любые общественные заведения и здания, бесплатное и свободное перемещение на моргенштернах, третью долю в принесенном собирателями из Леса... Одним словом все, кроме человеческих чувств. Не то, чтобы существовали какие-то законы, запрещающие брохусам практиковать на людях; просто в самом Ордене это считалось настолько дурным тоном, что редко кому приходило в голову обращаться с себе подобными как с растениями. Так что если не считать нескольких стычек с озверевшими от гарнизонной скуки эльфами (надо сказать, остроухие брохусов ненавидели, как одну из причин, по которой не начиналась последняя битва, ожидаемая ими вот уже сотню лет) брохусы были мирными людьми.

Но в семье, как водится, не без урода; вот и Гэлвин был неприятным исключением. Шельмовал и вытягивал деньги он скорее от злобной тоски и желания напакостить. И хотя он отличался довольно приятной, гладкой наружностью, взгляд его светлых пустых глаз не согревал и не прикосновения не радовали, так что несколько раз он пытался добиться благо-

склонности девушек посредством менто–приказов. Может, на ком-то и срабатывало, но с Вишей брохусу явно не повезло. Когда он попытался пару месяцев назад заполучить ее здесь же, в «Мертвецкой», она ответила ему самым оскорбительным менто, какому только научили ее предусмотрительные братья, да еще и оплеуху отвесила. Так что сегодня Гэлвин получил заслуженный реванш.

Однако долгого торжества у него не получилось. Неизвестно, насколько серьезными были планы Тойво насчет Виши, но самолюбие его было не в отпуске и к всепрощению он наклонностей не имел.

–Положи на место. – Услышав это, альх–Хазред, несмотря на действительную серьезность случая, прыснул. – Не твое.

–Твое, что ли? – Гэлвин издевательски притянул к себе ничего не соображающую Вишу.

–И не мое. – Тойво стоял напротив Гэлвина, все еще в расстегнутом комбинезоне, тяжело дыша. – Это не вещь.

–Измельчала молодежь. – Гэлвин с издевательским сожалением покачал головой. – Дожились, в кабаке морали читаем. В мое время за такое…

Договорить он не успел, поскольку Тойво сделал именно то, что делали и в его время тоже – со всего размаху врезал Гэлвину в ухо. Уже через несколько секунд вокруг двух брохусов образовалась пустота.

Музыканты, почуяв неладное, стихли. Альх-Хазред, тихо проклиная свое решение зайти именно в «Мертвецкую», вытянул все еще ничего не соображающую Вишу из–под руки уже забывшего про нее Гэлвина и спрятал девушку себе за спину. А заглянувший в зал хозяин, привлеченный неожиданной тишиной, коротко сообщил самому себе:

–Как в воду глядела, – и, зайдя внутрь, поудобнее устроился за барной стойкой. Драка брохусов – такое случается реже, чем конец света.

Гэлвин вытер испарину со лба и оценивающе прищурился. Размышлял он недолго, и руками размахивать не стал – брохусу это было как-то не к лицу, его сила не в мышцах. Если им и случалось подраться, то не с помощью тумаков и оплеух.

Несведущему могло показаться со стороны, что противники просто стоят, глядя друг на друга пустыми глазами. А они прощупывали – причем делая это как можно более болезненно – сознание соперника, выискивая слабые места. Первым атаковал Гэлвин; его удар заставил Тойво пошатнуться и обхватить голову руками. Но уже через несколько секунд он ответил, и тоже неслабо. Публика на всякий случай отошла подальше, ибо словить сорвавшееся у дерущегося брохуса менто не улыбалось никому.

Пришедшая в себя Виша осторожно выглянула из-за спины пилота. Брохусы уже не обменивались ударами по очереди, ментальные атаки шли одна за другой, без перерыва. Поле агрессии окружало их подобно сфере, светящейся нехорошим, неровным светом; воздух в пределах этой сферы заметно вибрировал; а сами брохусы уже ничего вокруг не видели и не слы-

шали. Они левитировали в полуметре от пола, то выгибаясь в жестоких судорогах – если удар противника оказывался особенно точным, то застывая в минутном напряжении, накапливая силы для атаки.

–Не понимаю… – как-то разочарованно протянул стоящий рядом с Вишей молодой брохус. – А! Вот оно!

В этот момент Гэлвину удалось пробить защиту соперника. Тойво упал на пол, словно сметенный ударной волной. Виша охнула и альх-Хазреду пришлось придержать ее на месте, чтобы эта дуреха не бросилась на помощь обиженному.

Тойво поднялся сам; пошатнулся, но устоял на ногах; его обычно беспокойные и веселые глаза, освещавшие некрасивое лицо, были прищурены, как у насмерть обозленного хищника. Гэлвин издевательски вздернул юношу в воздух, как тряпичную куклу, словно намереваясь повторить сладкий миг победы. Однако второго раза не получилось. Тойво, которому, судя по всему, надоело сдерживать себя, соединил ладони за головой, с усилием развел их – в его правой руке дрожал тугой жгут золотого света. Брохус размахнулся и хлестнул.

–Наконец-то, решился – откомментировал вишин сосед. – Не повезло Гэлвину. Тойво самый лучший в отряде карателей.

–Тойво?! – изумилась Виша.

–Ну да, – подтвердил брохус. – Поэтому и осторожничал. Хороший он парень, скромный. Не выпендривается, хотя мог бы. Ну все, Гэлвину можно бронировать больничную палату с мягкими стенами. Тойво ему сейчас внутричерепной салат сделает…

Но Тойво был действительно лучшим; наказывая, он не позволял себе распускаться, упиваясь собственными силами, держал в руках и себя, и свои смертоносные менто. Он не стал добивать упавшего противника, свернул золотой кнут и опустился на пол. Гэлвина оттащили подальше, уложили на обитый черной кожей диван у стены, кто-то сердобольный положил ему на лоб пакет колотого льда – и оставили приходить в себя, с дикой головной болью, поверженным самолюбием, но, по крайней мере, в здравом уме и твердой памяти. Могло быть гораздо хуже, разреши Тойво себе удар–другой действительно посильнее, из тех, что превращают воинов Леса в бессильно лепечущую луговую траву. До брохуса дошло, как же по-дурацки он выглядел… и его самочувствия это не улучшило.

А Тойво огляделся, нашел Вишу, поглядывающую на него с явным интересом, и протянул ей руку. А когда девушка подошла, с неожиданной хулиганской ухмылкой подхватил ее и подбросил. И не дал опуститься. Вообще-то, левитация не была непривычна Више, в Лесу эта способность не раз ее выручала. Так что она не стала визжать и махать руками. Девушка хлопнула в ладоши и кивнула музыкантам. Те только этого и ждали.

–Ну все, понеслось. – Сообщил Гиес Бриарею. – Ты посмотри, вся вахта зависла. А поутру ползком… летуны.

–Хороший вечер, Гиес, – отозвался бармен. – Все, как полагается: и драка, и музыка что надо, и разгул такой, что еще месяц вспоминать будем. Ты смотри, что творят…

А посмотреть было на что. Брохусы, позабыв про усталость трехнедельной вахты, танцевали то на полу, то под самым потолком, поднимаясь и опускаясь как сгустки разогретого воска в волшебном фонаре. Люди не отставали и даже эльфы – кто бы поверил! – присоединились к всеобщему веселью. Музыканты, честь им и хвала, не позволяли накалу страстей ослабеть, и певец, сознавая, что такой звездный час может не повториться никогда, спешил раздать все, что было накоплено, выстрадано, вышучено…

Посмейся надо мной. Я так нелеп,
Что хочется заплакать.
На склоне лет, в лохмотьях бед твой смех –
Не худшая заплата.

Насмешки милой терпкий вкус
Мне тешит душу.
И клянусь – тобою преданный союз
Я не нарушу.

Тебя любить – тяжелый квест:
Вранье, интриги…
Как только мне не надоест,
Шанс на успех не больше фиги.

Кладу в приманку леденец
И ставлю сети.
Самонадеянный птенец, ты попадешься – и пипец…
За все ответишь!

Виша не очень хорошо помнила, как снова оказалась за барной стойкой. Кажется, это альх–Хазред отвел ее сюда, усадил и о чем-то попросил Бриарея. Во всяком случае, перед девушкой вскоре оказался бокал с ледяной водой. Отпив, Виша поперхнулась и почувствовала себя несказанно оскорбленной.

–Эй! Бриарей, ты издеваешься?! Ты бы мне еще молока налил!

–Виша, не вопи. Ты здесь не одна. Вот закончу с господином эльфом, и займусь тобой.

Бриарей сосредоточенно смешивал напиток, стараясь, чтобы цвет его был в точности как мундир эльфа. Добившись, наконец, невозможного сходства, он с вежливым поклоном подал бокал офицеру и повернулся к Више.

–Так, теперь ты. Крепче того, что у тебя уже есть, сегодня не получишь. Я бармен, а не убийца. Во всяком случае, не сейчас. – С этими словами Бриарей отошел на противоположный конец стойки, явно не желая продолжать беседу.

От такого афронта Виша даже дар речи потеряла; потом, пытаясь справиться с жаждой, выпила немного воды, но ее жажда была явно не того порядка, что утолялся этим напитком.

–Что, не помогает? – сочувственно осведомился эльф, откидывая за спину белоснежные, тяжелые, обрезанные на уровне лопаток волосы. В сине–голубом освещении блеснули серебряные, усыпанные алмазной крошкой цепочки, прошнуровавшие ушные раковины от мочек до острых кончиков, закрытых наконечниками.

–Не-а, – и Виша уныло посмотрела в свой бокал. – Не больше чем припарки покойнику.

–Может, мой вариант вам больше подойдет? – и, не глядя в ее сторону, эльф придвинул стакан с лиловым, даже на вид жутковатым питьем. – Не могу смотреть, как человеку мешают достичь предела падения.

–Любите наблюдать последствия? – поинтересовалась девушка, надолго припадая к стакану.

–И не только. Участвовать тоже. Благодарствую, – и эльф одним махом допил великодушно оставленную Вишей половину. – Я Иво.

–Я Виша. А приятеля вашего как зовут?

–Которого? – и эльф, сощурив серебристые глаза, оглянулся на того, что танцевал в глубине зала.

–Того, что рядом с вами, разумеется.

–Эээ… – Иво растерянно посмотрел в сторону. – Похоже, бармен был прав. Нас тут двое, вы и я.

–Ну да, и еще твой приятель, – лучезарно улыбнулась Виша, переходя на ты, что было несколько рискованно в общении с эльфами, все еще соблюдавшими определенные условности. – Он как хочет, а тебя я забираю потанцевать. Пошли? – она встала и протянула руку эльфу. А потом вдруг резко, без предупреждений наклонилась и очень нежно поцеловала его.

–Позор и неделя гауптвахты, – вставая, сам себе сообщил Иво, растягивая в довольной улыбке тонкие губы. – Как же я этого ждал… Идем, Виша.

Как оказалось, Иво был неплохим танцором, но вот левитация ему не давалась. Поэтому вскоре Виша без зазрения совести бросила его, но возвращаться к Тойво не стала, поскольку намерения брохуса становились все серьезнее и серьезнее. А вскоре и певец, оставив своих музыкантов играть одних, подошел к ней, чтобы потребовать обещанного в самом начале вечера. В результате Виша, уже плохо соображавшая, спряталась в единственном месте, куда эти трое не рискнули бы войти.

Здесь было тихо и довольно холодно; с потолка на витых шнурах свисали круглые белые лампы, в огромном, во всю стену, зеркале отражались темно–синие двери кабинок; один из кранов подтекал, и его мерное крап–крап отражалось эхом от хромированной раковины. Виша открыла воду, попыталась наклониться, чтобы охладить пылающий лоб, и потеряла равновесие.

Сидя под раковиной на черном каменном полу, сжимая голову руками, не давая ей расколоться на куски, девушка отчаянно пыталась понять – где она, что она здесь делает, давно ли и с какими последствиями… Хвала богам, она еще помнила, как ее зовут.

–Каким именно?

–Что?!.. – простонала Виша, с трудом поднимая голову на голос.

–Я спросила, каким богам ты воздаешь хвалу? – голос был дружелюбный и сочувственный.

–Какие боги, подруга?.. – Виша пыталась разглядеть спрашивавшую. Сквозь муть жуткого опьянения она смогла увидеть только то, что она невысокая, одета во что-то черное, кажется, светловолосая. – Кто здесь еще верит в богов?!..

–Это не важно. – Голос приблизился и Виша ощутила тонкий, горьковатый аромат весенних цветов. – Главное, что мы в вас еще верим. Давай-ка, поднимайся, а то отморозишь себе… центр тяжести. Давай руку…

Виша ухватилась за протянутую ей руку, со стоном выпрямилась и схватилась за раковину. Это оказалось непросто, потому что раковина отказывалась хвататься и норовила уплыть вдаль, двигаясь по какой-то тошнотворной кривой. Пол тоже вел себя не лучше, раскачиваясь и меняя цвет. На потолок Виша смотреть не решалась.

–Ну ты и надралась… – с уважением и сочувствием констатировала неизвестная. – Не уследил за тобой альх–Хазред. Куда теперь?

–Туда, – Виша махнула рукой в сторону кабинки. – И смой хорошенько, ладно?

–Ну уж нет, – тихо засмеялась светловолосая,– у меня другие планы. Давай так: обманутых тобой я беру на себя, а ты вместе с альх–Хазредом уходишь потихоньку. Фонтан на старом месте, окунись, глядишь и полегчает. Ну как, идет?

–А-а-а…

–Значит, идет. Ну, пошли.

Виша была настолько не в себе, что даже не поинтересовалась, откуда это незнакомка знает, как ее зовут. И – вот чудо! – стоило ей открыть дверь и шагнуть в зал, как мучившие ее тошнота, головокружение, головная боль исчезли, будто и не было у Виши в желудке бриареевых снадобий в совершенно непотребном сочетании. Несказанно обрадованная этим, она встряхнулась, как кошка после дождя, и как-то сразу передумала окунаться в фонтан. Вместо этого девушка направилась вглубь залы, покусывая в предвкушении губы.

–Я так и знала… – прошелестело еле слышно над ее ухом, и тихий смех просыпался девушке за шиворот. – Ну, держись…

Что произошло потом, сама Виша объяснить не смогла. Будто ее встряхнули и расправили как перчаточную куклу, и наполнили силой и легкостью; она осталась собой, Вишей из дома Вельда, с которой кто-то неведомый поделился так щедро, что девушка ощутила чужие способности как свои собственные. И не преминула ими воспользоваться. То, что она вытворяла в ту ночь в «Мертвецкой», вспоминали еще очень долго…

* * *

Как она ни пыталась удержаться на колеблющейся поверхности сна, его слабеющие волны подталкивали ее, настойчиво и мягко, к тверди пробуждения. Со вздохом сожаления Виша вынырнула, открыла глаза, поморгала, фокусируя взгляд, повернулась на другой бок, и замерла – в постели она была не одна. На самом краю, свернувшись калачиком, мерно посапывал брохус. На его висках и у основания черепа матово отсвечивали металлические диски, на худой спине выступали позвонки, как узлы на веревке. Виша попыталась вспомнить…и тут же отказалась от этого занятия, ибо память возмущенно отвергла любые усилия. Девушка тихо встала, опустила ноги на пол – а там, вповалку, спали флюгер и эльф. Виша икнула и поджала ноги под себя.

В этот момент дверь бесшумно открылась. На пороге, пошатываясь, с полузакрытыми глазами и блуждающей сонной улыбкой на лице стоял еще один эльф. Абсолютно голый. Наготу его скрадывали разве что только усы, переходящие в недлинную бородку, заплетенную в две косички, перевитые узкой металлической лентой, да еще поблескивали серебряные наконечники на острых ушах. Виша сжалась в комок и потянула на себя одеяло. Эльф сделал пару шагов и мягко рухнул на пол; через минуту он уже спал, крепко и безмятежно.

Какое-то время Виша едва осмеливалась дышать, вжимаясь в кровать. Но воздух под одеялом закончился, и ей пришлось вылезать. Выставив голову, она осторожно огляделась, прислушалась – вроде как все спали… а терпеть сил уже просто не было. Виша собралась с духом, откинула одеяло, поднялась на ноги, перешагнула через флюгера, по стеночке прошла мимо эльфа, открыла дверь и, облегченно переводя дыхание, вышла из комнаты. И только тут до нее дошло, что это не ее квартира. Особо раздумывать над этим она не стала – некогда было, и поспешила найти туалет.

Плотно закрыв дверь, Виша покидала на пол белье и забралась в душ. Тугие горячие струи воды брызнули со всех сторон, пощипывая приходящее в себя тело. Девушка собралась с духом и резко повернула кран с холодной водой; потом с горячей, потом снова с холодной. Через пять минут подобных упражнений она снова была в состоянии разговаривать, есть, пить, ходить и отвечать за себя. Она совсем уже собралась выйти и отправиться на поиски какой-нибудь еды, как дверца душевой скользнула в сторону, и в облако водя-

ного пара вошел брохус. Словно не замечая оторопевшей девушки, он переключил душ так, что все струи собрались наверху и окутали его теплым дождем. Все так же молча, он протянул руку, обнял Вишу и притянул ее к себе.

–Напугалась? – тихо спросил брохус.

–А что было-то? – Виша сморгнула капли воды и рискнула заглянуть Тойво в глаза. А он их так и не открыл. Так и стоял, зажмурившись, крепко прижимая к себе девушку.

–Ничего особенного. Ты поставила на уши всю «Мертвецкую», – он прикоснулся губами к ее виску, – налеталась до того, что рухнула бы из–под потолка на пол, если бы Иво тебя не поймал, – Тойво перевел дыхание, – и потом…

–Что?!.. – представив себе спящую в комнате компанию и свою теперешнюю репутацию, Виша похолодела.

–Ничего. – Тойво чуть отстранился. – Не пытайся вспоминать, ничего не было. Я только позволил себе снять с тебя сапоги и пояс.

–А чей это дом?

–Мой. Так что не стесняйся… – брохус по–прежнему не открывал глаз, будто спал и не желал просыпаться. Капли воды разбивались о его голый череп, стекали по спокойному, некрасивому лицу, задерживались на вживленных металлических дисках, повисали на темных слипшихся ресницах. Виша смотрела на него и с трудом могла поверить в то, что этот худой, совсем еще молодой брохус – каратель, один из тех, о ком сами брохусы рассказывают легенды…Что-нибудь вроде того, как один парень взглядом выжигает акры Леса. Тойво дышал медленно, размеренно, будто и вправду спал.

И вдруг Више стало так одиноко, так тоскливо, словно не осталось на земле ни одного человека, что любил бы ее и помнил о ней. Она прижалась к брохусу, спасаясь от вновь вернувшегося к ней понимания – не будет больше так, как было раньше. Не будет Высшей Школы с гарантированным дипломом, не будет музея, не будет работы реликвария, не будет Джесхета… все закончилось враз, без предупреждений и снисхождения. Не закончив прежних дел, не получив признания, она была отброшена в начало пути.

Если бы не Тойво, неизвестно, на что бы она решилась. Может, отравила бы воду в бассейне у ректорского особняка, ибо было чем. А может, отправилась бы искать Джесхета – как иголку в стогу сена.

…Тойво целовал вишины закрытые глаза и распутывал ее мысли так осторожно, что поначалу она даже не почувствовала его прикосновений; легко и безболезненно гасил тоску и обиды, словно вытаскивал занозы. Брохус успокаивал хаос ее сознания как плачущего ребенка. Виша не стала сопротивляться – кто же отказывается от обезболивающего? Теплая вода струилась по вишиным волосам, по спине... и точно так же ее распутанные, успокоенные мысли струились сквозь пальцы Тойво, и вся печаль стекала, уходила… Виша целовала губы Тойво – обветренные, искусанные

как у подростка, гладила влажную спину, запинаясь пальцами на закрытых разъемах системы жизнеобеспечения, чувствовала его прерывистое, горячее дыхание у себя на шее и это было хорошо. Тойво, сам не веря своему счастью, пытался быть настолько нежным, насколько это было возможно для такого как он; и это было очень хорошо.

Брохус поглотил взрыв ее отчаяния, спрятал от горя за теплыми струями воды. И пока он любил ее, Виша не чувствовала себя, не помнила о себе, и не было в те минуты ни боли, ни печали.

Когда Виша вернулась в реальный мир, то оказалось, что вода в душе уже выключена, а сама она, закутанная в огромное пушистое полотенце, сидит в низком круглом кресле, и больше никого, кроме нее, в ванной комнате нет. Девушка еще немного посидела, потом встала, оделась, расчесала почти сухие волосы, заблестевшие молодым серебром, и отправилась искать кухню. Ей было одновременно легко и как-то не по себе – она не любила новых мужчин уже целый год, с тех самых пор, как стала ученицей Джесхета Ломара и поселилась в его доме, к тому же с брохусами у нее до сегодняшнего дня тоже не получалось. Конечно, можно было принять случившееся как акт милосердия… или как терапию… или вообще решить для себя, что Тойво так и не проснулся и она была его предутренним сном.

В кухне за большим столом сидели все те, кого Виша видела спящими вповалку на полу спальни. На черной стеклянной столешнице тускло светились фарфоровые чашки, судя по рисунку, достойные любой музейной коллекции, голограмма окна демонстрировала чистое синее небо и стайку резвящихся бабочек, которые по прихоти программы иногда превращались в пестрых рыбок. Из недр холодильного шкафа вынырнул Тойво.

–Увы, – он поежился, закрывая шкаф, – пусто. Я же только вчера с вахты.

–Ничего, не стоит беспокойства, – подал голос один из эльфов, не знакомый Више Иво, а другой, любитель спать голышом. – Это утро не так уж и нуждается в еде.

–Скорее в выпивке… – усмехнулся его собрат.

–Не надо… – с чувством попросила Виша, усаживаясь в легкое кресло. – Шиповничка бы…

–Пожалуйста, – брохус достал из шкафа плотно закрытую стеклянную банку, в которой краснели сморщенные сухие ягоды. – Сама заваришь или тебе помочь?

– Помочь. Не ровен час, ошпарю кого-нибудь.

Потом они все молча пили шиповниковый отвар, рассматривая кто чашки, кто птице–рыбок, кто соседей по столу. Первым не выдержал флюгер.

–Я надеюсь, все достаточно пришли в себя, чтобы обсудить наш заказ, как говаривал мой папаша, когда переключал меня с коммуникаторных игрушек на управление флюгером.

–Какой заказ? – переспросила Виша, отрываясь от чашки.

–Наш, общий. Пока вы там развлекались, кто во что горазд, я обсудил все условия и принял задаток.

На флюгера уставились четыре пары удивленных глаз.

–Это ты о чем, Альх? – первой спросила Виша.

–Что, неужели совсем ничего не помните?! – в глазах флюгера промелькнуло что-то, похожее на зависть. – Хотя она предупредила меня, что переговорила со всеми вами, но после такого разгула некоторые провалы в памяти вполне возможны.

–То есть ты хочешь сказать, что вчера мы заключили с кем-то некий договор, а потом напились до перерыва в жизнеописании и теперь совсем ничего не помним? – недоверчиво спросил Иво.

–Ну хоть что-то вы должны помнить, – не менее недоверчиво ответил флюгер. – Договаривалась с нами молодая женщина, я вот только имя ее никак не могу вспомнить… с короткими светлыми волосами, одета в темно–зеленое платье… Она подошла ко мне сразу после того, как ты, Виша, вылила на себя воду, которую тебе предложил Бриарей, вид у тебя, надо сказать, был еще тот, даже у Гиеса глаза повылезали. Пока ты там зажигала в мокрой белой блузке, сквозь которую…

–Хватит! – Виша показала альх–Хазреду кулак. – Я поняла.

–Так вот, она подсела ко мне, представилась… вот черт, не помню и все тут. Сказала, кого берет в команду. Назвала всех вас, поименно… похоже, она много что про нас знает. Мне так показалось, что больше чем мы сами. А потом озвучила заказ.

–Мне ее платье показалось черным… – Виша поставила на стол чашку. – Я ее помню.

Она несколько растерянно оглядела собравшихся. Рассказывать им о том, что произошло в дамской комнате, не стоило. К тому же, это касалось только ее.

– И я помню. – Отозвался второй эльф. – Правда, я был уже настолько… не в себе, что принял как должное, что она обратилась ко мне на «ты» и по имени.

–И что она тебе сказала? – невозмутимо поинтересовался флюгер. – С твоего позволения, будем без церемоний, раз уж согласились работать вместе.

–«Ика, тебе не стоит так расстраиваться по поводу неслучившегося назначения. Или тебе мало тридцати лет патрульной службы, семнадцати лет гарнизона и десяти в командовании?»

–Откуда она могла узнать? – Иво чуть не поперхнулся шиповником. – Наши перемещения по службе, твое назначение?.. Она эльф?

–Не думаю. Клыки у нее чересчур выразительны даже для человека. Да и не в клыках дело, всех офицеров соответствующего ранга, имеющих доступ к служебной информации, я знаю. А ее видел в первый раз. – Ика

покачал головой. – Но вот что она мне предложила… и как я согласился… не помню. А ты, брат? Совсем ничего?..

–Как сказать… – заметно смутился Иво. – Не совсем.

–Ну и славно, – с облегчением выдохнул альх–Хазред. – Чем больше вы вспомните, тем меньше мне вам растолковывать.

–Боюсь, то, что помню я, тебе мало поможет. – Иво опустил глаза. – Предлагал ей я, а она мне отказала. Сказала, что одного остроухого ей вполне достаточно.

–Ничего себе… – покосился на собрата Ика. – Что-то Бриарей перестарался с твоим «Лиловым экстазом».

–А ты, Тойво? – флюгер постарался перевести разговор, поскольку для эльфов обсуждение подобных тем было довольно неприятным.

–А я все помню. – Брохус едва заметно улыбнулся. – Хотя она и постаралась приглушить меня, но сделала это так ласково и легко, что я не стал обижаться. Вот только как ее зовут… что-то похожее на название цветка, амарант… ирис…

–Приглушить тебя?! – Виша поежилась, вспомнив недавнюю драку.

–Почему же нет, она, кажется, даже извинилась потом.

–Так что она тебе предложила?

-То же, что и всем остальным. Отправиться в город–призрак, он же Ирем Многодивный, и найти там поющий кристалл. Тот, что в храме Нимы. Задаток она отдала альх–Хазреду, у него же координаты покупателя.

–Кхм… – прокашлялся Ика. – Ничего себе заказ. А каков задаток?

–Примерно столько, сколько стоит моргенштерн, на котором мой отец служит капитаном. А еще второй флюг для вас, полная зарядка обеих энергетических установок и прочие мелочи. Флюг потом можем оставить себе. – Флюгер выразительно поднял брови.

Сидящие за столом переглянулись. Сумма была весьма впечатляюща. Вот так, из обрывков воспоминаний и уверенных слов складывалась вполне определенная картина. Никому прежде не известная женщина, имени которой почему-то они не могли вспомнить, появилась в «Мертвецкой» именно тогда, когда все они были готовы ко встрече с ней. Их выбрали неслучайно, это было ясно как день. Вишу исключили из магистратской школы, и она была свободна как птица, которую пинком выкинули из гнезда, один из эльфов не получил заслуженного повышения по службе, друг разделял его негодование по поводу этой несправедливости, и оба они совсем не торопились вернуться в регулярные войска, Тойво только что закончил вахту и теперь располагал тремя месяцами отдыха, а альх–Хазред о таком заказе всю жизнь мечтал. Так что нехваткой времени или занятостью отговориться не мог никто. Что касается их способностей, то они были как раз те, что нужно: собирательница, способная передвигаться по Лесу, к тому же ученица Джесхета Ломара, лучшего реликвария в Одайне, эльфы, знающие и ненавидящие Лес с пеленок, брохус-каратель,

флюгер… как на подбор. Они смогут добраться до Ирема (если, конечно, он существует), найти редчайшую реликвию (вот только где и как?) и вернуться обратно за вознаграждением, которое, судя по задатку, обещает быть небывало щедрым.

–А… где нас будет ожидать покупатель? – спокойно поинтересовался Иво.

–В Лис-Арден. – Так же спокойно ответил альх–Хазред, как будто покупатель ждал их в соседней комнате.

Они снова переглянулись и на какое-то время замолчали.

–Скажи, альх–Хазред, а ты сможешь вернуть задаток? – не поднимая взгляда от стеклянной столешницы, спросила Виша.

–Я его и не брал пока что. Код активации флюга у меня, доступ к зарядникам тоже, а все остальное… она сказала, обратитесь в банк цвергов, будто у нас другие есть… В одайнское отделение. Назовите свои имена. И все.

–Перед флюгом не устоял, да? – усмехнулся Тойво.

–Не устоял, – обезоруживающе улыбнулся альх–Хазред.

–Я не пойду. – Виша встала из-за стола, отошла к окну. – Даже за такие деньги я не согласна на преждевременную смерть.

–Пожалуй, – Ика покачал головой. – Я не помню своего соглашения, но слова отказа произношу при свидетелях. Я не пойду.

–Я тоже. – Коротко сказал Иво.

–Знаешь, альх–Хазред, если бы не Ирем, я, возможно, подумал бы, что нашел, чем заняться на каникулах. Но это слишком даже для меня, – развел руками брохус. – Она неплохо все рассчитала, ей не откажешь в умении собрать команду и заинтересовать ее, но идти в Ирем – это чересчур. Такого не делал никто и никогда.

–Ошибаешься, друг мой, – не без удовольствия заметил флюгер, – делали. Мой предок, капитан ар–Раби…

–Альх, – прервала флюгера Виша, – я наслышана про твоего знаменитого предка. Но только когда это было?! Извини, но истории такой давности больше похожи на сказку, где главный герой – не то пират, не то проводник…

– Он был охотником за дарами оазисов. Умел найти нечто очень ценное там, где искать будет только безумец. И выжить при этом ухитрялся.

–И тебе не дают покоя его лавры. – Съязвила Виша. – Нет уж, я отказываюсь от такого приключения.

–Я понял, – склонил голову флюгер, подняв руки ладонями от себя. – Все отказываются. Что ж… нет, значит, нет. Как говорил я моему отцу, отрываясь от игры, это слишком тяжелый квест.

В молчании они допили шиповниковый отвар; первыми, церемонно раскланявшись, ушли эльфы. Потом альх–Хазред заторопился проведать свой драгоценный флюг. Вслед за ним засобиралась и Виша, все больше смущавшаяся оставаться с брохусом вдвоем.

–И куда ты теперь? – спросил Тойво, подавая девушке плащ, на удивление чистый. – От приключения отказалась, из школы ушла, в Лесу была совсем недавно…

–В Лис-Арден, – ответила Виша. – Если наш ректор думает, что его школка единственная во всем мире, то мой долг – указать ему на ошибку.

–У эльфов нет высших школ, во всяком случае, не для людей.

–Зато у них есть учителя. Я училась по книгам профессора Эредиа, и профессор Ломар отзывался о нем весьма уважительно. Деньги у меня есть, а платные уроки еще никто не отменял.

–Ты уверена, что Эредиа согласится? Говорят, он затворник, ни с кем не общается, никого не принимает.

–Меня примет. – Виша старалась быть уверенной.

–Удачи тебе... – Брохус чуть помедлил и спросил: Может, увидимся в Лис-Арден? Я собирался проведать там своих друзей…

–Ну… тогда дай знать, когда приедешь. Буду рада. – Виша привстала на цыпочки, поцеловала брохуса в щеку и сжала пальцами его плечо. – Спасибо, Тойво.

–Всегда пожалуйста, Виша. – И Тойво слегка поклонился и закрыл за ней дверь.

Спустя пару часов Виша сидела в любимом кресле своего брата Дня и с увлечением обсуждала недавние события с Альх–Хазредом.

–А потом я пошла в «Мертвецкую», напилась, устроила там какую-то оргию, если ты не привираешь. Очнулась в постели брохуса-карателя, занималась с ним любовью в душе, потом мы пили шиповник всей странной компанией, и я вернулась домой, к братьям. Вот, сижу в любимом кресле Дня. А что делать дальше, не знаю.

–Альх-Хазред никогда не привирает, красавица. И что тебе делать, ты прекрасно знаешь, ясноликая.

–Если ты будешь говорить, как шаммахит из дурацких анекдотов, вырублю коммуникатор. – Виша стукнула кулаком по столу.

–Не вырубишь. Не маме же про любовь в душе рассказывать будешь.

-Точно. Так ты думал, я действительно в Лис-Арден отправлюсь? На поклон к остроухим?

–А почему бы и нет? Знаний у тебя достаточно, денег тоже, наклоняешься ты вполне изящно…

–Встречу – убью… – но вопреки грозным словам, Виша засмеялась.

–Ничего, как-нибудь переживу, – засмеялся шаммахит в ответ. – Лис-Арден удивительный город, Виша. Моргенштерны летают туда каждый десятый день. Так что если ты не пособираешься, то вполне успеешь на завтрашний. Он называется «Облачный сон» и командует им мой отец. И я буду за тебя совершенно спокоен.

–Спасибо, Альх. – Виша улыбнулась. – Слушаю и повинуюсь.

* * *

–Я ничего не понимаю!!! Я же все продумала, все предусмотрела!..

Вне себя от раздражения, она почти бегала по комнате, от окна к стене и обратно.

–Угомонись. Где твое божественное спокойствие? – он сидел на широком подоконнике, свесив ноги в сад.

–Плевать я на него хотела! – она схватила первое, что попалось под руку (к счастью, это оказалось только яблоко из стоящей на столе корзины) и, что есть сил, запустила его в окно. Сидящий пригнулся и засмеялся.

–Они просто идеальны для нашего замысла! Они… они просто не могли отказаться, не могли!

–Именно, что могли. Ты учла все – их таланты и характеры, личные обстоятельства, даже слабости. Кроме одного – ты забыла, что они совершенно необязательно захотят просоответствовать твоему замыслу. Мы не можем знать, что взбредет им в головы.

–Но я предложила им такую возможность проявить себя… и не задаром, между прочим! – Она подошла и присела рядом с ним на краешек подоконника. Из сада тянуло вечерней прохладой, ветер укладывался на ночь где-то в зарослях начинающего отцветать жасмина.

–Вообще-то ты предложила им пойти туда–не знаю куда с совершенно самоубийственной миссией, – усмехнулся он. – Задаром это было бы както неприлично. Неудивительно, что они отказались. Я бы тоже отказался.

–Ты соглашался и на более самоубийственные миссии. – Она несильно дернула его за длинную светлую прядь волос.

–О, у меня были совсем другие мотивы. – Он притянул ее к себе и поцеловал. – Ты умница. Они действительно идеальны для нашего замысла. И то, что ты нашла их – уже большая удача. Теперь нужно, чтобы они сами захотели стать нашим замыслом. И никаких бесплатных флюгов и фантастических вознаграждений! Аттракцион небывалой щедрости закончился. Чем скупее помощь богов, тем больше ее ценят.

–Что, они захотят за здорово живешь лететь в несуществующий для них город? – Недоверчиво покачала она головой. – Через леса нашего потерявшего разумение собрата?

–Захотят. Уж слишком торопливо они разбежались. А значит – очень скоро им снова придется встретиться… Эта девочка так похожа на тебя… уж она-то не даст им спокойной жизни.

Глава третья. Безупречный город

Летательные аппараты, похожие на огромные веретена с прикрепленными к ним многопалубными корпусами, были изобретены уроженцем Краглы, инженером Оле Моргенштерном незадолго до падения Ирема. К тому времени, когда земли восточнее Безымянного хребта оказались потерянными для людей, стало очевидным, что именно воздухоплавание – наиболее безопасный способ передвижения. Наземные дороги, равно как и реки слишком часто подвергались нападениям Леса, да и сохранность их оставляла желать лучшего: что толку укладывать дорожное полотно, когда корни растений разрушали его в несколько дней. Поэтому сначала махины моргенштерны, а затем, как только появились компактные энергетические установки, и небольшие флюги стали главным транспортом, сохраняющим связь между городами западных земель.

«Облачный сон» был моргенштерном последнего поколения, его воздушная капсула была сделана из шелкового пластика и защищалась оболочкой из металла с измененной кристаллической решеткой, прочного и гибкого. Между капсулой и оболочкой проходили лестницы и подъемники для обслуживающих техников, крепились запасные топливные баки. По обе стороны капсулы крепились на изогнутых балках кабины пилотов, стены кабин меняли степень прозрачности в зависимости от интенсивности светового потока. Под брюхом наполненного воздухом веретена располагались палубы: верхняя, закрытая для пассажиров (там находилась основная энергетическая установка), прогулочная, палуба первого класса, палуба развлечений, второго класса, третьего, и, наконец, складская.

Полет от Одайна до Лис-Арден на моргенштерне длился чуть более суток. Конечно, при необходимости можно было разогнать летающий отель и побыстрее, но к подобным полетам давно относились как к развлечению, так что спешка не приветствовалась. На моргенштерне было все, необходимое для легкого времяпрепровождения – рестораны, бары, несколько танцевальных залов, бассейн, небольшой театр, открытая палуба для прогулок в небе. И роскошные каюты, разумеется. Для тех, чьи кошельки могли пережить подобное опустошение. Впрочем, каюты попроще тоже отличались комфортом.

Виша убедилась в этом лично. В последний раз она летала на моргенштерне пару лет назад, из Одайна в Арзахель и обратно, на каникулы. Тогда она не думала о необходимости экономить деньги, чтобы хватило на оплату уроков эльфийского светила науки, и заняла каюту в средней части пассажирской палубы первого класса, с витражным иллюминатором во всю стену и ванной размером с небольшой пруд. В этот раз Виша решила быть поскромнее, но каюта на палубе второго класса оказалось вполне уютной.

Девушка дождалась, пока корабль поднимется и ляжет на установленный курс, затем вышла в длинный коридор, нашла винтовую лестницу, ведущую на верхние палубы и поднялась до открытой, прогулочной. Моргенштерн был заполнен не более чем наполовину, поэтому открытая палуба выглядела не как оживленный променад, а скорее как улица в час поздних сумерек, когда прогуливающиеся проплывают мимо тебя как немногочисленные тени. Виша подошла к ограждению, облокотилась о перила. Внизу проплывали земли Одайна. Сам город уже остался позади – Одайн и в прежние времена не был велик, теперь же о расширении своих территорий люди и не мечтали. Ровные зеленые квадраты ферм сменялись бурыми проплешинами, заросшими мусорными растениями. Они вырастали на землях, отравленных войной, и были печальным напоминанием, что ни одна из сторон в итоге не получит от войны ничего хорошего. Для Леса мусорные растения были бесполезны – они были немы и бессмысленны, и голоса их не вливались в единый хор лиственношумящих. Людям от них тоже толку не было – бурые, рыжеватые кустарники и трава цвета старого кирпича не годились ни в пищу, ни в производство, вообще никуда. Даже дышать на мусорных пустошах было тяжело, не в пример опушке Леса или той же ферме. А между тем земли, занятые сорняками, было очень трудно вновь вернуть под другие растения; мусорное разнотравье цепко держалось за жизнь.

Мусорные пустоши сменились зеленым, ровно дышащим покрывалом Леса, уже слегка тронутым желтизной. Виша смотрела на Лес с высоты птичьего полета и вспоминала, какой была ее последняя вылазка. Все прошло удачно, особенно если учесть время – почти ночь, и место – болото. Лучшая клюква росла на болоте, а какой был смысл рисковать жизнью из-за нелучшей?! Виша тогда быстро добралась до Мхов, стараясь как можно легче ступать, по упругим кочкам практически долетела до клюквенных кустиков, устилавших влажную землю, и принялась за работу. Пальцы, затянутые в эльфийские перчатки, уверенно брали ягоду – созревшие темно–красные бусины легко отделялись от веточек, безболезненно и безропотно ложась в легкие пластиковые контейнеры. Даже в густой осенней темноте Виша видела как поблескивают их тугие бока. Она заполняла последний, как вдруг ее слух задел звук, совершенно неуместный для Леса. Это был детский голос.

–Она же кислая?!.. – вопрос прозвучал прямо над ее ухом.

Не спеша, Виша повернула голову и увидела мальчика лет восьми, такого светловолосого, что волосы его светились, будто впитав сияние луны. Крепко усвоенные под суровым руководством брохусов техники не позволили Више даже тени эмоций – этим она бы выдала себя. Вместо этого девушка – здесь и сейчас сова – трезво оценила опасность пришельца – ничтожную, значимость его для себя – невеликую, и отвернулась. Пальцы ее ни на миг не прекращали обирать ягоды.

–Я тебе мешаю? Извини. – И вместо того, чтобы отойти и не мешать, мальчик подошел еще ближе. – Только ведь они такие кислые… – Судя по

всему, этот вопрос занимал его не на шутку. – Как ты будешь есть такую гадость?!

Это все газ. Болотный газ. Так решила про себя Виша. Прячась за сознанием Уху, она пыталась понять, откуда возникло это видение, и нашла единственный возможный ответ.

–Видно, ты и впрямь занята.

Виша медленно подняла голову. Мальчик стоял совсем рядом. Перехватив ее взгляд, он приветливо улыбнулся и у девушки перехватило дыхание – в лунном свете блеснули клыки, белоснежные и острые.

–Ты здорово прячешься. – С уважением сказал незваный гость. – Вот только сейчас выглянула. Но здесь тебе лучше так не делать… конечно, я смогу тебя защитить, но придется потом маме объяснять, и вообще… – сейчас он выглядел и говорил как самый обыкновенный мальчишка, удравший гулять не вовремя. – Так что ты уходи отсюда, ладно?

Виша еле заметно кивнула. С таким советом не поспоришь. Она тщательно застегнула заплечную сумку, перебросила ее через плечо, с удовольствием ощущая тяжесть заполненных контейнеров. Медленно, словно потягиваясь, девушка встала.

–Так и быть, я тебя провожу. – Мальчишка решил быть великодушным. – Иди за мной.

Стоило ему сделать шаг в сторону, как под его ногами слабо засветилась тропа, которой до этого не было, Виша могла бы в этом поклясться. Точно, это все болотный газ, надышалась, пока брала ягоду, подумала она, ступая след в след за мальчиком, который шел впереди, ведя за собой нездешний свет. Почему-то у нее не возникло ни малейшего сомнения, та ли это тропа и туда ли она ведет. Ей показалось, что шли они совсем недолго, как Лес закончился, отступило опушечное редколесье.

–Ну вот, пришли. Здесь ты уже в безопасности. – Мальчик остановился, повернулся к Више. – Счастливо оставаться. И все–таки как ты будешь есть эту кислятину?

–Посыплю сахаром, – будто во сне, с трудом разлепив губы, ответила девушка.

–Вот как… Тогда тебе придется вывалить на горстку ягод всю сахарницу целиком, – мальчишка весело засмеялся, демонстрируя клыки. Продолжая хохотать, он поднялся над землей. Виша, решив что болотный газ и не такое может вызвать, спокойно следила за тем, как смеющееся видение растаяло в ночном воздухе.

Виша собиралась рассказать об этом Джесхету, но не пришлось. Так и остался этот забавный эпизод в ее памяти. Она понимала, что дешево отделалась тогда – ведь могла бы и не дойти до опушки, одурманенная болотным газом, или, что еще хуже, потерять контроль над собой. Но она слишком привыкла к опасности, и не считала ее достойной особого внимания.

День на моргенштерне прошел легко и приятно. Виша нагулялась на свежем воздухе, с аппетитом поела, заглянула в театр и честно продремала небольшую пьесу. На танцпол ее не тянуло. Поэтому спать она отправилась рано, надеясь уже утром увидеть безупречный город Лис-Арден.

Когда-то, давным–давно, в незапамятные времена, первый Лис-Арден строили лесные эльфы, подданные четырех Королей. Строили вокруг большого озера, не тревожа деревьев, сплетали легкие мосты, возводили галереи вокруг стволов вековых сосен. Город был соединен с лесом как вышивка с тканью. Когда начались первые войны с детьми Калима, эльфы пытались понять нападавших, несколько десятков их сгинуло в паломничествах в пределы Нильгау. Когда люди потеряли все свои земли восточнее Безымянного хребта, все города поспешили избавиться от растений в своих стенах – но не Лис-Арден. Эльфы доверяли своим возлюбленным друзьям. Ни одно дерево не было срублено в их городе. И, надо сказать, до дня Падения ни одного нападения растений в пределах Лис-Арден не было. Но никто не мог предположить, что корни всех деревьев города соединял паучий вьюн – растение–паразит, постепенно отравлявшее их сознание, подчинявшее его воле Леса.

Первыми на город эльфов напали симбиоты. До этого их существование не было доказанным; немногочисленные рассказы слишком отдавали страшной сказкой, ветеранской байкой, рассчитанной на то, чтобы как следует попугать новобранцев перед первым рейдом в Лес. Говорили, что попавших в плен эльфов растения не убивают, но успешно ассимилируют в своих телах. Эльфы более других населяющих Обитаемый Мир рас были чувствительны к голосам Леса. Тем легче они ему подчинялись.

Первая война эльфов и Леса оказалась недолгой. Против остроухих Лес применил все, что было у него в арсенале: и грубую силу деревьев, и ядовитую пыльцу, от которой перехватывало дыхание, и семена–снаряды. И симбиотов, похожих на те же деревья, но пугающе антропоморфных, с лицами, выглядывающими из складок коры, способных передвигаться быстро и легко. Эльфы оказались тем более уязвимы, чем больше нетронутых растений оставалось в Лис-Арден; все они напали разом, подчиняясь приказам своего бога. Всего за неделю эльфы, попавшие в кольцо осады, вынужденные обороняться во всех направлениях, как раса были практически истреблены, однако сохранить за собой земли им удалось – разумеется, недешево. Его величество Огня, последний из эльфийских королей, оставшийся в живых, в отличие от своих собратьев не слишком доверял технике и не забыл о той магии, что еще оставалась в крови потомков альвов. Он сумел пробудить древнейший артефакт, более тысячи лет хранящийся в святилище Огня – слиток солнца. Силы, накопленной живущим в янтаре светом, оказалось достаточно, чтобы выжечь все живое в пределах Лис-Арден и на несколько миль вокруг. Эльфы, успевшие укрыться в редких каменных строениях, под землей или у воды уцелели; все остальные были

обречены. Спустя несколько часов после огненной бури на месте лесного города осталось серое, страшное пепелище: огромный котлован на месте озера, черная пережженная земля, присыпанные пеплом обугленные останки армии Леса… Его величество Огня умер, отдав ритуалу все свои силы; его похоронили вместе с опустошенным, расколовшимся на две части слитком солнца. Ни королей, ни королев у эльфов больше не было; власть взял на себя военный совет.

Вопреки ужасу, который вызывали изувеченные земли, эльфы не оставили их. Утратив почти все, они ожесточились. В их сердцах угасла любовь ко всему живому, и тот свет, что оставался в них как наследие альвов, истаял безвозвратно. После дня Огненной Купели главным делом эльфов стала война.

Свой единственный город, Лис-Арден, эльфы отстроили заново – на той же земле. Прежний Лис-Арден остался в славном прошлом, как сказка, в которую никто уже не верит, но новый – стал воплощением гордого, непреклонного, не знающего сомнений духа вымирающей расы. Безупречный город.

Котлован, оставшийся на месте высохшего озера, углубили и использовали для устройства подземных плантаций – увы, эльфы не могли полностью отказаться от растительной пищи, ибо от нее зависело их долголетие, но и зависеть от поставщиков продовольствия они не хотели. Работа на полях под искусственными солнцами была крайне неуважаемой и трудились там в основном наемники–люди, либо эльфы, на которых было наложено дисциплинарное взыскание. У этой огромной подземной фермы была своя, не самая скучная история. Дети Леса не раз нападали на нее, изыскивая все новые и новые способы, от микроскопической пыльцы, проникающей по воздуховодам, до движущихся корней, вызывающих опасную вибрацию почвы.

На месте бывшего озера располагался мемориальный парк: в центре его располагалось подобие водоема, устроенное в виде неглубокой круглой чаши, заполненной жидким черным стеклом. Края чаши, облицованные темно–красным ониксом, располагались вровень с землей, а величина ее была такова, что стоящие диаметрально противоположно люди казались друг другу не больше лесной белки. В идеально ровной, спокойной поверхности черного стекла никогда и ничего не отражалось.

От водоема расходились радиальные дорожки, вымощенные тем же ониксом. По сторонам от них были установлены молочно–белые плиты из полированного до зеркального блеска подгорного камня – за их изготовление гномы не взяли с эльфов ни единой монеты, хотя потрудиться им пришлось немало. Подгорный камень, способный светиться в темноте и всегда теплый на ощупь, труден в обработке, зато отполированный по всем правилам, он отталкивает от себя любую грязь, воду или пыль, и всегда остается чистым и сияющим. Эти плиты были напоминанием о тех, кто навсегда остался в прошлом, горя и не сгорая в Огненной Купели. На белых

светящихся поверхностях гномьими резцами были выведены имена – воинов, их прекрасных дам и целых кланов.

Сам город располагался концентрическими кольцами, расходящимися как круги по воде от центра – черного стеклянного озера. Все здания в кольце были одной высоты, и чем дальше от центра было кольцо, тем выше были составляющие его строения. Концентрические круги были прорезаны широкими прямыми улицами. Целый район Лис-Арден занимали здания военной академии: казармы, тренировочные комплексы, исследовательские институты и лаборатории, склады, информационные центры – некоторые из них были связаны открытыми галереями или подземными переходами, сообщение с отдаленными обеспечивали флюги; это стальное кольцо располагалось в середине города. Жилые кварталы высились ближе к окраине, центр был отдан науке, управлению и памяти.

От всех других выживших городов Лис-Арден отличался еще и отсутствием общего для остальных элемента архитектуры: здесь не было башни брохусов. Башни – сторожевого поста, легко узнаваемой и привычной. Эльфы подобных ухищрений не признавали.

Вокруг города простирались мертвые земли – даже не мусорные пустоши. Земля здесь была слишком ядовита даже для неприхотливых ржавых растений; в этом районе были выстроены ангары для военной техники, боевых флюгов, арсеналы, химические заводы. Далее брало свое мусорное разнотравье; тут располагались испытательные и учебные полигоны.

Этот город поражал воображение. Лис-Арден вырастал на выжженных войной пустошах как остановленный взрыв. Здания, выстроенные из камня, многослойного стекла и стали, стояли ровно и невозмутимо, как солдаты на параде. Ничего лишнего, триумф функциональности и долга. Сердцем города было кладбище – то, что иные города прятали, отодвигали на окраину, Лис-Арден сделал своим смыслом. Город был подобен идеальному чертежу – выверен, отточен, лаконичен… и прекрасен. И если кому-нибудь из эльфов могло прийти в голову такое кощунственное сравнение, то если прежний Лис-Арден был как живой летний лес, то нынешний был лесом зимним, опутывающим пространство черными четкими линиями, страшным в своей безупречности.

Виша Вельда наблюдала панораму эльфийского города второй раз, но дух захватывало как в первый. Близился вечер, и постепенно все ярче становился свет, заливающий улицы, зажглись сигнальные огни на крышах высоких зданий внешнего кольца. К одному из них и пришвартовался моргенштерн. Лифт доставил его пассажиров внутрь здания, в центральный зал воздушного вокзала, откуда можно было попасть в город.

Затерявшись в толпе, Виша позволила ей нести себя, не задумываясь. Она пришла в себя, стоя у огромного окна – в руках дорожная сумка, за плечами рюкзак со всем собирательским добром, на плече проснувшаяся

Уху. Сова с достоинством взирала по сторонам, не обращая внимания на любопытные взгляды. Постояв с минуту, Виша решила, что неплохо бы выпить чего-нибудь для храбрости. Интуиция подсказала ей, что вокзал вряд ли может обойтись без бара; вскоре она сидела у стойки, и вежливый эльф–бармен наливал ей блестящий, пахнущий озоном напиток. Пара глотков немного ослабила напряжение и Виша спросила эльфа:

–Простите за беспокойство, вам, наверно, такие вопросы ужасно надоели… но я здесь не на экскурсию. Я приехала учиться. Вы не подскажете, где я могу остановиться – так, чтобы надолго?

–Надеюсь, ты не стал бы рекомендовать ей трущобы за городским кольцом?

Эльф, неслышно севший рядом с девушкой, не дал бармену и рта раскрыть. Виша обернулась.

–О, вот это неожиданность! – и немного неуверенно добавила: – Привет.

–Привет, Виша. Вряд ли я ошибся – не так много девушек с совой на плече и приметной татуировкой собирателя на руках сошло с «Облачного сна». Но для порядка уточню – ты Виша из дома Вельда?

–Я. Как я догадываюсь, нашей встрече я обязана альх–Хазреду?

–Верно. Он просил меня встретить тебя и помочь найти жилье. Лис-Арден большой город, а ты… – эльф не договорил и улыбнулся. Он был непохож на знакомых Више эльфов – коротко стриженный, одетый не в военную форму, а в темно–зеленый комбинезон с черными нашивками на рукавах, и совсем не строгий. Лицо его, подвижное и невозможно обаятельное, вызывало желание немедленно улыбнуться в ответ.

–Ну да, куда уж мне. Потеряюсь и буду под дождем плакать.

– Вполне возможно, тебе придется испытать и это. Повторю еще раз, Лис-Арден – большой город, это тебе не Одайн. Давай допивай и пошли, время позднее, а путь неблизкий.

–Слушай, с чего ты взял, что я вообще с тобой куда-то пойду? Я даже не знаю как тебя зовут!

–Правда? Неужели Альх ничего тебе не рассказывал о своих друзьях в Лис-Арден? Про тебя он рассказывал, и немало… – и эльф выразительно приподнял брови. – Можно?

И, не дожидаясь разрешения, он взял девушку за руку и развернул ее к себе тыльной стороной. Держа ее ладонь в своей, он провел длинными чуткими пальцами по завиткам красно–желтого узора.

–Впечатляет. Альх не врал… даже странно.

Тут он развернул ее руку, осторожно прикоснулся губами к запястью и, склонив голову, наконец-то представился:

–Я – Сорью из дома Клеис. Рад встрече с тобой, Виша.

Девушка немного опешила от такого обращения, церемонного даже для эльфов. Она даже забыла про то, какой была реакция бармена на появ-

ление ее собеседника: тот сначала отстранился, чуть ли не шарахнулся, затем взял себя в руки, но в их сторону старался не смотреть. Она отодвинула в сторону недопитый бокал, встала, вскинула на плечо рюкзак.

–Позволишь? – и эльф взял ее сумку. – Идем, мой флюг у западного выхода.

Они вышли из огромного зала, заполненного прилетающими и улетающими пассажирами моргенштернов; выйдя на улицу, Виша со свистом втянула в себя воздух – она и забыла, каким может быть воздух Лис-Арден. Чуть горьковатым, чересчур свежим, всегда холодным – и все из-за добавок, производимых стоящими по периметру города обогатителями. Вокруг Лис-Арден не было лесов, поэтому, чтобы сделать воздух более пригодным для дыхания, было решено не разводить фермерские хозяйства, а вбрасывать в пустой воздух все недостающие вещества, производимые искусственно.

–Что, вспомнила, как оно бывает? – Сорью открыл дверь флюга, забросил сумку на заднее сидение, и жестом пригласил Вишу садиться.

–Как спирт для привыкшего к вину. – Ответила Виша, снимая рюкзак и усаживаясь, устраивая Уху на коленях.

Сорью сел в кресло пилота, закрыл дверцу, натянул управляющие перчатки. Его флюг поднялся в воздух, вывернув ребром гибкие металлические крылья, делающие его похожим на хищную птицу, и полетел. Эльф вел флюг легко, не без изящного хулиганства; в окно Виша успевала разглядеть улицы, похожие на движущиеся ленты в механизме, фасады домов, уловила краем взгляда огромную арену, на которой скрещивались и вспыхивали лазерные лучи. Наконец, Сорью посадил свой флюг во внутреннем дворе полукруглого здания, расположенного неподалеку от центра Лис-Арден.

–Эй. – Выходить Виша не спешила. – Я же сказала, что не на экскурсию собралась. Мне бы место подешевле. А ты в самый центряк привез. Что это за дворец такой?

–Дешевле не найдешь. Это, как бы помягче выразиться, гауптвахта. Тюрьма.

–Что?! – Виша вытаращила глаза. – Тюрьма?! Посреди города?! Рядом с мемориалом Огненной Купели?! Да ты меня за последнюю дуру держишь!

–Ну–ну, не шуми. Сову свою испугаешь. Что находится под мемориалом, знаешь?

–Плантации ваши замечательные. Можно сказать, место силы.

–А кто на них работает, помнишь?

–Аааа… – протянула девушка. – А здесь они живут, так сказать, недалеко от места службы.

–Наказания, Виша. Наказания. Во всяком случае, для эльфов. А люди живут вот там, – и Сорью показал на второе полукруглое же здание, расположенное таким образом, что оба полукружия не соприкасались, а были развернуты одно по часовой стрелке, другое – против. – Я думаю, тебе там

будет вполне удобно. Квартиры там небольшие, но удобные, есть балкон для Уху, а мои работники соседи мирные и неопасные.

–Твои… кто? Ты здесь кто, Сорью?

–Я? Цветовод. – И Сорью обезоруживающе улыбнулся. – Я здесь главный цветовод, Виша. Начальник гауптвахты, если говорить официально.

–Ничего себе… – и девушка с уважением оглядела спутника.

«Цветовод» – это была презрительная кличка эльфов, уличенных в снисходительном обращении с растениями, неважно, добровольном или вынужденном, как у тех, кто был наказан работой. Все остроухие, работающие на подземных полях, носили зеленые комбинезоны, не чая от них избавиться, не имели права на металлические украшения для ушей, но в ответ на брошенное в спину «цветовод» могли и ударить. Наемникам–людям было проще – они не заморачивались относительно моральности своего труда, их привлекала его высокая оплата и превосходные условия. Изредка среди них появлялся брохус, чтобы обработать новую партию семян и саженцев, чтобы они дали жизнь бессловесным и безвольным растениям, годным только в пищу.

Работы на подземных полях хватало всем: и техникам, и химикам, и сборщикам. Новых земель эльфы обрабатывать не собирались, поэтому им приходилось выжимать все из этих. Они создавали все новые удобрения и техники выращивания, чтобы каждый эльф каждый день мог получить свою долю растительной клетчатки – нет, это не были овощи в привычном виде, сырые ли, приготовленные ли. Эльфы превращали их в обработанные паром, спрессованные в брикеты порции полезных – да что уж там, жизненно необходимых им веществ. Есть – да, по жестокой необходимости. Но наслаждаться – ни за что.

Виша вышла из флюга, вскинула на спину рюкзак, посадила Уху на плечо и пошла вслед за Сорью. Он привел ее к самому дальнему входу в дом работников–людей. Они поднялись на лифте, как показалось Више, под самую крышу, и вышли.

–Вот твоя квартира, – и Сорью, пройдя по коридору, открыл крайнюю дверь.

Виша вошла и огляделась. Холл, из него арочный вход в комнату, одновременно спальню и гостиную, маленькая кухня в нише, дверь в ванну. Теплый пол, покрытый искусственными циновками, легкая плетеная мебель, подушки и покрывала в коричнево–бежевую клетку.

–Устраивает?

–Спрашиваешь… – Виша поставила на пол рюкзак и повернулась к эльфу. – И как мне тебя благодарить? Ума не приложу. Хотя…

Она наклонилась, открыла рюкзак, пошарила там и вытащила небольшую коробочку из своих, собирательских.

–Что-то мне подсказывает, что для тебя цветовод – это не проклятие. Если это так, то тебе должно понравиться. А если я ошиблась, то прошу прощения. Здесь шиповник. Собирала сама, в августе. Возьмешь?

Сорью протянул руку и взял шиповник. Открыл коробку, высыпал несколько ягод себе на ладонь, покатал, ссыпал обратно.

–Конечно, возьму. Спасибо, Виша. Ну, устраивайся тут. Вот ключи. О квартирной плате поговорим позже, когда ты определишься с работой, и не беспокойся – она здесь невелика, кому такое соседство надо. Номер моего коммуникатора – на столе. Был рад встрече. Пока!

Эльф вышел, притворив дверь. Виша решила разобрать вещи, принять душ и лечь спать, ибо искать на ночь глядя светило эльфийской науки неразумно. Она разулась и прошла в комнату. Огляделась, раздвинула шторы – и застыла. Вид из ее окна впечатлил бы кого угодно. С высоты как ладони были видны полукружие темно–красной ониксовой чаши, ровные дорожки, белые плиты. Квартирка Више досталось что надо – с видом на кладбище. Неплохо для начала, подумала она, нервно сглотнув, и принялась развешивать в стенном шкафу свои вещи.

Утром, выспавшись и приведя себя в порядок, Виша Вельда выбрала самые скромные брюки и рубашку, наскоро выпила заваренный с вечера настой листьев дикой смородины, и спустилась вниз, в общий холл. Первый же встреченный ею охотно сообщил, что информационный центр находится в восточном крыле. Подключив свой коммуникатор к инфокапсуле, девушка вытянула из нее план города, основные транспортные развязки, нашла дом профессора Эредиа – он был расположен на северной окраине квартала военных, в получасе лета от центра города. Решив не затягивать с неопределенностью своего положения, Виша собрала все документы, касающиеся ее познаний в области истории и реликварного дела, и отправилась к эльфийскому профессору–отшельнику.

К дому Эредиа девушка подходила с изрядно увядшей решимостью и почти нескрываемой дрожью в коленках. Серо-черная громада каменного цилиндра, рассеченного зеркальными полосами окон, не то чтобы глядела неприветливо – она вообще Вишу не замечала. Дверь оказалась под стать окнам – черное полированное стекло переливалось волнистой поверхностью, превращая посетителя в колышущееся чудовище. Выдохнув остатки храбрости в холодный воздух, Виша позвонила. Прошло не больше минуты, дверь бесшумно открылась, пропуская ее в холл, больше похожий на приемный покой военного госпиталя, чем на уютное жилое помещение. Вверх вела широкая винтовая лестница без перил. Виша остановилась посреди холла, не зная, что делать.

Шаги, спускающиеся сверху, заставили ее чуть не пискнуть. Чьи-то подкованные сапоги, ступающие медленно и четко, вызванивали по поли-

рованному металлу ступеней подобие марша. Виша подняла голову и с трепетом и нетерпением ждала того, кто спускался.

Вскоре она увидела – сначала высокие серые сапоги, затем полы длинного сюртука цвета графита, а затем и лицо хозяина дома – и вот тут-то Виша не удержалась и тихо ахнула. Потому что всегда считала профессора Эредиа мужчиной, все говорили о нем именно так. А к ней спустилась женщина – очень высокая, худая эльфка, с чертами лица, совершенными в своей заостренности, напоминающими ледяные узоры на стекле. Она была похожа на февральский ветер, свистящий над черной водой.

–Чем обязана столь раннему посещению? – эльфка оглядела Вишу спокойными, ничего не выражающими глазами, переливающимися перламутром морской раковины.

–Доброго утра и простите за беспокойство. – Виша поклонилась так низко, как еще никогда еще не кланялась. – Я прошу чести увидеть профессора Эредиа.

–Только увидеть? – Голос у эльфки был низким, говорила она с едва заметным усилием.

–Не только. – Виша перевела дыхание. В ее голове почему-то крутилась дурацкая мысль: какой краситель, синтетический или травяной, вводила Эредиа в корни волос, что они приобрели такой ярко–синий цвет?

–Хорошо. А я уж было подумала, что превратилась в достопримечательность. Чего ты хочешь от меня?

–Профессор… Я Виша из дома Вельда…

–Я знаю, кто ты. – Эредиа прервала ее жестом пальцев, затянутых в серые перчатки. – Подробности твоего обучения в жалкой магистратской школе меня тоже не интересуют. Чего ты хочешь?

Виша поняла, что либо она высказывается решительно, либо повторяет недавний вылет с треском.

–Я хочу, чтобы вы взяли меня в ученики. Я реликварий.

Эредиа запрокинула голову и рассмеялась: так могла бы закаркать старая ворона, наблюдая за дракой воробьев.

–Я училась у Джесхета Ломара. Он рекомендовал бы меня вам… я в этом уверена.

–Вот как? – В глазах эльфки появился интерес. – А почему не написал рекомендации по всей форме? Был чересчур занят… догадываюсь, чем. Джесхет всегда любил начинающих. А ты?

–Что… я? – растерянно спросила Виша.

–Ты его любила?

–Да. – Виша не опустила глаз. – Любила. И если бы не братья…

–Понятно. Брохусы-утешители. Что ты успела взять от Джесхета, кроме его неосторожной любви? Погоди, не отвечай. Пройдем в сад, экзамены я провожу там.

Сначала Виша подумала, что ослышалась. Сад?! В Лис-Арден? В доме Эредиа? Но послушно зашагала вслед за эльфкой, направившейся вглубь дома. Как оказалось, цилиндр здания оказался полым внутри. Круглый внутренний дворик мог бы быть чудесным местом для вечернего отдыха… Дорожка, выложенная плитами черного камня, скручивалась в спираль, сужаясь к центру. Вдоль нее действительно были высажены растения – деревья, цветы в каменных чашах, кустарники. Все они были еле живыми – у одного огонь сглодал и внешнюю, и внутреннюю кору, обнажив заболонь, у другого ствол был расщеплен надвое, третье плавало в растворе дефолианта. И все были залиты совершенно прозрачным стеклопластиком, позволявшим сохранить растению остатки жизни и наблюдать за его нескончаемыми мучениями. Вишу, привыкшую видеть растения живыми и прекрасными, передернуло.

Профессор Эредиа ступала по спиральной дорожке не спеша, то и дело останавливаясь, чтобы приподнять бессильно обвисший лист, будто подбородок потерявшей сознание жертвы, или заботливо поправить корни, погруженные в кислоту. Она остановилась около молодой, наполовину сожженной сосны, исходящей смолой, присела на камень, скрестив длинные ноги, и жестом пригласила Вишу присесть рядом. Виша опустилась на колени, стараясь держать спину прямо и не горбиться.

–Покажи свои ладони.

Виша положила раскрытые ладони на колени.

–Так… девочка с характером. С твоим опытом идти в ночной Лес – весьма похвально. Какое клеймо ставили мастера Фрихольм?

–Кленовый лист, черенком вниз.

–Джесхет говорил, что твое прилежание оставляло желать много лучшего. Перечисли кланы, претендовавшие на императорский престол после мятежа Шой Де.

Виша с трудом перевела дыхание, сглотнула.

–И он, в кои-то веки, был прав. – Эльфка не смотрела на Вишу, глаза ее были полуприкрыты тяжелыми веками. – Какой стиль господствовал в литературе Арзахеля в период расцвета торговых городов?

–Барокко. – Виша выпалила ответ так, словно от этого зависела ее жизнь.

–Основные черты?

–Вычурность и избыточная пышность форм, перегруженность деталями, усложненность композиции, наслоение смыслов…

–Достаточно. Какая династия наследовала королю Огма?

–Морганы–ап–Керриг…

–Драго–ап–Крайт. – Эредиа приоткрыла глаза и бросила на девушку насмешливый взгляд. – Старшие орочьи руны… назови первую, шестую и последнюю.

–Эээ… Феху… Совуло… Дагаз… или Отила. Не помню.

–Виша из дома Вельда. Ты пришла проситься ко мне в ученики, не зная алфавита. – Профессор Эредиа смотрела на девушку не без интереса. – Все–таки люди – удивительная раса.

Она встала, протянула руку, похлопала по обугленному стволу; Више показалось, что сосна вскрикнула, не сдержавшись от боли. По стволу потекли свежие капли смолы.

–Я беру тебя, Виша. Но, поскольку успехи твои более чем скромны даже для магистратской школки, плата за мои уроки будет втрое больше обычного. Триста экв за час.

–Благодарю вас за честь. Я согласна. – И Виша, вскочив, поклонилась эльфке.

Пока она шла вслед за хозяйкой дома к выходу, в голове ее пронесся вихрь панических мыслей. Триста экв… мамочки мои… даже с моим заработком собирателя я смогу проучиться не больше месяца. Что ж делать-то?!

–Неподалеку от места, где ты живешь, есть довольно высокооплачиваемая работа, – отвечая на невысказанный вопрос, бросила через плечо эльфка. – Для тебя она не зазорна. Только когда будешь приходить ко мне на занятия, переодевай их форменный комбинезон… у меня в соседях – военные химики, а они довольно задиристы. Цветоводов изводят при любом удобном случае.

Виша, не рассуждая, кивнула. Совет был хорош, поскольку другой работы в Лис-Арден она вряд ли бы нашла.

–Не вздумай являться раньше, чем через месяц. Тебе необходимо восполнить пробелы в начальном образовании, привыкнуть к постоянной работе и научиться жить в Лис-Арден.

После этих слов дверь за спиной Виши закрылась.

Вернувшись домой, девушка первым делом залезла в душ, смыть липкий холодный пот, потом, завернувшись в полотенце, набрала в коммуникаторе номер, оставленный Сорью.

–Доброго дня. – Виша поздоровалась и откашлялась. – Сорью, не найдется ли у тебя работы для собирателя моего уровня?

–И тебе доброго. Уроки эльфов дорого стоят… убедилась?

–Ага. Так как насчет работы?

–Будет тебе работа. Приходи через час в «Шестеренку», это через два квартала от наших домов, пообедаем вместе и все обсудим. Увидимся.

Виша отложила коммуникатор в сторону (перед этим она отправила короткое сообщение братьям, которое состояло наполовину из проклятий в адрес алчных эльфов), сбросила полотенце и подошла к окну. Черное жидкое стекло, белые могильные плиты, освещенные мягким осенним солнцем, тонкое фарфоровое небо. Виша вздохнула – что ж, по крайней мере глазеть в окно вместо учения уроков ей не грозит.

«Шестеренка» оказалась вполне уютным заведением для этого города, не стремящимся запугать посетителя и напрочь отбить у него аппетит. Сорью ждал Вишу за столиком в стенной нише, потягивая какой-то пузырящийся напиток. Когда она присела, он улыбнулся ей как старой знакомой.

–Как тебе здесь?

–Неплохо. А чем здесь кормят?

–Тем же, чем и везде. Рыбные лепешки, мясо, сырные хлебцы… вот только растительная пища здесь особая, придется тебе привыкать. И никакого алкоголя, увы.

–Теперь понятно, почему эльфы так надираются у нас.

–Ну надо же иногда отдыхать. Что будешь есть?

–Не важно, что порекомендуешь. Сорью, так что там насчет работы?

–Не спеши и не переживай. Сначала поешь. Что-то ты бледная…

Пришлось Више, торопясь и не вникая во вкус, прожевать тарелку каких-то водорослей с рыбными стружками.

–Теперь ты доволен? – она отодвинула тарелку и отхлебнула того же сильно газированного напитка. Обычной воды, как оказалось.

–Теперь да. Виша, через две недели у меня уезжает один из ухаживающих за саженцами. Заработал на свадьбу и был таков. Хочешь занять его место?

–Конечно, хочу. Я все–таки на ферме росла, так что кое–что умею. Тебе не придется за меня краснеть.

–Знаю, потому и предложил тебе эту работу. У меня есть еще пара вакансий техников, туда я тебя и на пушечный выстрел не подпущу. – И эльф засмеялся. – А теперь я тебя прогоню, у меня много дел. Да и у тебя тоже. Если ты не против, могу зайти к тебе вечером, прогуляемся по городу.

–Почту за честь, – Виша встала, улыбнулась и протянула эльфу руку.

Через несколько минут после того, как она вышла, за столик Сорью сел до сих пор стоявший у стойки эльф. Он был статен и высок – даже более чем все эльфы, волосы его были по старинной моде заплетены на висках и сколоты пряжкой на затылке. Даже темно–зеленый комбинезон сидел на нем как парадное одеяние. Сорью смотрел на него с нескрываемым восторгом, грозящим перейти в настоящее обожание.

–Счастлив видеть тебя.

–Взаимно, брат мой. Ты помог ей?

–Твое слово закон для меня. Если ты так заботишься об этой девушке, мое дело сделать для нее все возможное.

–Не столько я, сколько моя супруга. Сорью, как те саженцы, что я тебе дал?

–Невероятно! – Эльф покачал головой. – Они совершенно миролюбивы, общительны, доверчивы…

–Кроме тебя их никто не должен видеть. Пока еще рано.

–Да, они спрятаны, в моих личных апартаментах есть небольшая лаборатория, я постарался устроить их поудобнее… Скажи, откуда они? Или это тайна?

–Нет, никаких тайн. Они из нашего сада. И скажу тебе еще больше – они сами вызвались погостить у вас. Они знают, на что идут. Так что можешь быть с ними совершенно откровенен. А теперь мне пора, мой обеденный перерыв закончился. Пойду, иначе господин Сорью будет недоволен… – эльф засмеялся и встал.

–Не покидай нас. – Сорью смотрел на своего подчиненного с искренней мольбой в глазах.

–До встречи, брат. – Эльф ободряюще улыбнулся и направился к выходу.

Первые две недели Виша, как и полагается прилежному ученику, не отходила от инфокапсулы. Через пару дней к ее постоянному присутствию там привыкли, и никто из пришедших утром не занимал ее стул. Когда оказалось, что некоторые нужные Вишу сведения можно получить только в ифнокапсуле, подключенной к эльфийскому инфоцентру, Сорью устроил ей пропуск в корпус, где проживали его сородичи; там на нее косились первое время, но потом привыкли, и заметив нешуточное усердие девушки (иногда она засыпала у экрана, уронив голову на подлокотник кресла), даже здоровались при встрече. Виша понимала, что теперь ей не будет ни снисхождения, ни поблажек, и поэтому старалась не упустить ничего.

Когда пришла пора выходить на работу, Виша получила полный комплект форменной одежды цветоводов и впервые облачилась в зеленый комбинезон. Сорью решил сам проводить ее к месту работы. Лифтовая кабина перенесла их вместе с другими работниками глубоко под землю, где под светом искусственных солнц, на грядках тщательно обработанной земли и в сосудах с синтетической почвой росли ненавидимые и необходимые эльфам растения. Виша проходила между зарослей карликовых яблонь, отягощенных сотнями неестественно красивых плодов, с интересом разглядывала прозрачные цилиндры, обвитые огуречными плетями; ей, с детства знакомой с фермерским трудом, эта картина была и знакома и странна одновременно.

Сорью привел девушку в один из отдаленных секторов плантации, отведенных под ягоды.

–Ты издеваешься? – Виша рассматривала ровные узкие грядки, засаженные кустиками полевой клубники. – Может, я морковку подергаю?

–Тут нужны как раз такие руки как у тебя. Ягода капризная, эльфы ее просто давят, в итоге в контейнерах каша. А у тебя пальцы чуткие, в меру сильные… так что вперед. Контейнеры на стеллажах, чем больше соберешь, тем больше заплатят.

Виша согласно кивнула. Мама была бы довольна, подумала она, дочка наконец-то занята семейным делом.

И еще две недели прошли не сказать, чтобы легко. С утра и до трех пополудни Виша работала под землей, после обеда ее уже ждали в эльфийском инфоцентре. В квартирку с видом на кладбище она возвращалась затемно, пила травяной чай и ложилась спать. Она совсем не заметила, как закончилась осень и в Лис-Арден пришло предзимье. Впрочем, особо замечать было нечего – только стал немного холоднее воздух, иногда ветер приносил редкий сухой снег, и небо над городом приобрело оттенок сизых голубиных крыльев. Ровно через месяц Виша получила на свой коммуникатор лаконичное сообщение от профессора Эредиа; та просто поставила Вишу перед фактом, что занятия начинаются первого дня первого зимнего месяца.

Глава четвертая. Коллекция дома Эредиа

Никогда еще зима не пролетала так быстро для Виши из дома Вельда. Все ее время было занято – работой или учебой; некогда было печалиться или предаваться сожалениям. Утро она встречала вместе с бледным зимним рассветом, не успев как следует замерзнуть по дороге на работу, отогревалась на подземных полях. Когда ей совсем надоело собирательство, она попросила Сорью о другой работе и он отправил ее ухаживать за рассадой. Поздним днем, немного отдохнув, Виша будила свою сову и отправлялась к ближайшей станции наземки (теперь ей приходилось экономить), садилась в холодный узкий вагон, привозивший ее на северную окраину района военной академии, откуда было недалеко до дома профессора Эредиа; эльфка отнеслась к ее тотему неожиданно тепло и позволяла Уху делать все, что захочется. Уроки оказались совершенно не такими, как ожидала Виша. Эредиа то заставляла ее смотреть старые фильмы, еще беззвучные и нелепые, а потом рассказывала, как менялись мода и нравы в те далекие времена; и в раскрашенных, расфуфыренных актерах девушка начинала видеть отражения целой эпохи. В другой раз эльфка могла принести какой-нибудь предмет из свой коллекции реликвий и работая только с ним одним успевала дать столько информации, сколько в ином учебнике не найдешь. Виша очень уставала, но каждый раз Эредиа приходилось буквально выгонять девушку домой. Если же Виша ныла и выпрашивала еще порцию знаний, то эльфка обычно начинала втолковывать ей основы, например, литейного производств у гномов времен расцвета Гридда, или приносила альбом старинных чертежей, выполненных на тонкой полупрозрачной бумаге, изображающих неведомые механизмы. Тогда Виша сдавалась. Первое время Эредиа сердилась на такое невежество.

–Ты глупая девчонка! Неужели тебе не надоели эти бесконечные цацки?! Сколько можно любоваться этими нелепыми платьями?! Во-первых, это дурновкусие. А во-вторых, на технических артефактах можно заработать гораздо больше, если это для тебя аргумент. Нет? И тем не менее, Виша, ты должна хоть немного разбираться в истории техники!

Виша согласно кивала, честно пыталась разобраться, как работали паровые двигатели последних мирных дней, или читала биографию Оле Моргенштерна, или пыталась запомнить основные типы наземных машин, вышедших из употребления за сотни лет до ее рождения. А под этими книгами у нее неизменно прятался или альбом с картинами старых мастеров, или подшивка модных журналов…

Через два месяца занятий профессор Эредиа допустила Вишу в свой архив. Сделала она это просто, без церемоний, но Виша очень хорошо по-

няла, какая ей оказана честь. Теперь она могла свободно листать старые, довоенные, как выражалась эльфка, книги, и даже заходить в хранилище и рассматривать – а то и работать – с коллекцией дома Эредиа. Она превосходила коллекцию Джесхета Ломара на порядок; Джесхет свою собирал сам в одиночку, а эта была наследием не одного поколения эльфов. Виша была очарована; попадая в гулкую анфиладу комнат, уставленных музейными шкафами, она теряла голову, не помнила ни времени, ни усталости и готова была провести там хоть всю свою жизнь. Только изредка, время от времени, ей вдруг ни с того, ни с сего становилось настолько не по себе, что она поминутно оглядывалась, даже если в руках ее была подлинная вещь эпохи мирного сосуществования. Виша никак не могла понять, что в доме Эредиа способно вот так выводить ее из равновесия. Кроме самой хозяйки она никого не встречала в череде прохладных, пустых комнат, казалось, кроме нее никто чужой не бывал здесь вот уже много лет. В доме царили тишина, чистота, покой и строгий порядок. И все-таки что-то периодически дергало Вишу за сердечные струны как марионетку за нитки, заставляя ее волноваться, смущаться… а однажды даже тайком расплакаться, спрятавшись в ванной комнате. Она не решалась поделиться своими переживаниями с Эредиа, поскольку страх ее перед эльфкой был сильнее доверия к ней.

В один из таких невеселых дней к ней заявился Сорью – без предупреждения, на ночь глядя, когда Виша уже собиралась завести долгий разговор с подушкой.

–Привет! Так и думал, что ты еще не спишь. Одевайся и пошли, да поскорее. А меня моя подружка попреками замучает, если я ее выступление пропущу.

–А куда идти-то? – растерянно спросила Виша.

–Сегодня у цветоводов вечеринка, ваши девочки организуют. В смысле, люди. Одевайся быстрее!

Поскольку отдыхать Виша не приходилось вот уже несколько месяцев, она решила не пренебрегать таким приглашением. Флюг Сорью донес их до огромного полузаброшенного здания на окраине города. В одном из более–менее сохранивших вид залов и в прилегающих к нему коридорах и комнатах цветоводы и устроили себе праздник. В избытке было разноцветных мерцающих надписей на стенах, полуобнаженных девушек, пенящегося грибного чая и музыки. Явно не хватало мест, где можно спокойно присесть, качественной крепкой выпивки и толкового бармена. Сорью тут же бросил Вишу и растворился в толпе. Виша крикнула ему вслед пару добрых слов и сцапала первый же попавшийся под руку сосуд с грибным чаем. Он оказался совсем неплох, и ей вскорости полегчало. Она пошла по полутемным коридорам, рассматривая встречных и кивая редким знакомым.

Ноги вынесли ее в большой зал, украшенный гирляндами люминесцентных шаров. Середина зала была пустой, желающие выступить девушки

толпились у зеркальной стены, зрители же сидели прямо на полу, на циновках и плоских подушках. Виша отыскала свободное местечко и уселась. Как оказалось, не напрасно. Когда глаза ее привыкли к цветному полумраку, она разглядела самозваных артисток получше и, надо сказать, немало удивилась. Были они разного возраста, разной степени красивости, но одеты были все в одном стиле, который Виша, несмотря на свои знания, никак не могла определить. Длинные прозрачные юбки, короткие лифы, иногда накидки – и обилие фальшивого золота, поддельных драгоценностей, а то и просто цветных стекляшек, превращавшее девушек в разбогатевшие огородные пугала. Не удержавшись, Виша хихикнула.

–Нас бы за такие россыпи лишили воскресного сладкого, которое мы получали раз в месяц. Или поставили бы на пару сотен глубоких приседаний, тоже вариант, – кто-то подпихнул Вишу, усаживаясь рядом на тощую подушку.

Виша оглянулась – смутно знакомое лицо, светлые легкие волосы… запах весеннего леса…

–Погоди, они сейчас еще танцевать начнут, – посулила незнакомка. – Вообще живот надорвешь. Что они сделали с шаммахитской школой… уму непостижимо. Позор и падение.

–С какой школой?

–С шаммахитской. Ты вряд ли знаешь о ней, она ушла очень давно, Шаммах был по ту сторону Безымянного хребта, так что увы. А ведь были времена… Я помню, как танцевала моя подруга, Лалик. Я видела ее во дворце властителя Шаммаха, в зале Полночного Часа. Ты не поверишь, как она была хороша! И как танцевала! Из всех нас шаммахитский стиль подчинялся ей одной. – Девушка прикрыла глаза и мечтательно продолжила: – Представь – черный мраморный пол, тонкие колонны, уходящие в небо, сияющее тысячами звезд, невозможные, сладкие розы Шаммаха, льющийся атлас занавесей, шелк и кашемир подушек, и сладости на золотых подносах, такие сладости, что… – она не договорила и закусила губы.

–И посреди всего этого великолепия, в свете звезд и свечей, танцует моя Лалик: десять кос, нежно–смуглая кожа, тонкий рисунок хной на босых ногах, ступающих прямо по сердцам смотрящих. Она не приглашала полюбоваться собой, не хвалилась мастерством, не искала себе покровителя – Лалик каждым своим шагом славила Любовь, как истинная дочь Нимы.

Она замолчала, опустив голову.

–Как тебя зовут? – вопрос вырвался у Виши, как незаслуженная удача из рук проходимца.

–Вот так сразу? Мы ведь уже виделись… ты уже забыла мое имя? Хотя, если вспомнить, сколько ты тогда выпила… Сегодня зови меня Лис, Виша. О, смотри, началось!

И действительно, началось. На середину зала вышла девушка – худощавая, светлокожая, одетая в темно–красные одежды, увешанная гирлян-

дами искусственного радужного жемчуга, и принялась выделывать такие движения, что, будь они исполнены искусно и с наслаждением, зрители (особенно мужчины), несомненно, оценили бы ее танец. Но у тощей блондинки не было ни искусности, ни таланта, да и особой радости на лице ее тоже не было заметно. Виша полминуты терпела, а потом отвернулась и захихикала.

–Без слез не взглянешь, – откомментировала Лис. – Дай выпить, что ли. На такое без анестезии смотреть нельзя.

Она отхлебнула грибного чая из вишиной кружки.

–И почему девушки–цветоводы выбрали именно этот стиль? Ох ты…

Уже другая танцовщица, выйдя из вереницы пестрых претенденток, приседала под музыку, стараясь удержать на голове длинную палку; палка падала вот уже третий раз.

–Зачем меня Сорью сюда приволок? – сама себя вслух спросила Виша, отводя глаза от странных упражнений.

–Его подружка будет танцевать. А она, кстати, очень даже неплоха. Вон, смотри, в белом с золотом, темноволосая такая…

–Небо мое синее, Лис, она же толстая!

–А ты глупая. Шаммахитские танцы тощим малявкам вроде тебя заказаны. Жалкое зрелище. Вот, как раз ее очередь. Смотри и завидуй молча.

И она оказалась права. Подружка Сорью двигалась легко, улыбалась искренне, и танец ее оказался весьма зажигательным; по крайней мере, Сорью, сидевший в первых рядах, глаз от нее не отрывал.

–Слушай, а это… даже красиво. И волнующе… почти как ты рассказывала, – Виша обернулась к соседке. – А ты тоже так умеешь?

–Обижаешь. Я умею намного лучше.

–Так почему не пойдешь и не покажешь, как это должно быть?

Лис почти уныло вздохнула.

–Мне нельзя. Не к лицу.

–А может, ты просто трусишь? Или не умеешь…

–Виша. – Лис заговорила серьезно, и Виша слышала каждое ее слово в оглушительном гаме праздника. – Виша, ты забыла, как я поделилась с тобой, тогда, в «Мертвецкой»? А ведь я дала тебе ничтожную часть своего умения. Если я буду танцевать здесь и сейчас, мало вам не покажется. Теперь мой танец не для людей.

–Кто ты? – Виша, заглянув в светло–серые глаза Лис, вспомнила, какой заказ она им сделала, куда хотела их отправить. – Тойво говорил, тебя зовут как цветок, и ты смогла приглушить его… а это вообще невозможно!

–Надо же, мальчик почти запомнил мое имя, – улыбнулась Лис. – Вот было бы интересно, если… Виша, знание моего происхождения тебе сейчас не нужно. Да и не ради тебя я здесь сегодня.

–А ради кого?

–А вот, полюбуйся, – и она указала на эльфа, сидящего рядом с Сорью. Эльфов в зале было мало, но даже если бы их собралась толпа, этот выглядел бы королем среди подданных. Он что-то сказал Сорью, поднялся и исчез в толпе.

–Ты что, следишь за ним?

–Конечно. Мало ли что.

–Что, боишься, кто-то станцует лучше тебя? – не удержавшись, съязвила Виша.

–Нет, она боится, что я окажусь в страшной опасности, а она не успеет меня спасти. – Эльф словно вырос у них за спинами. Он опустился на пол, обнял вишину собеседницу, прильнувшую к нему как гибкий стебель. – И теперь я понял, откуда такое внимание к тебе, Виша. Вы ведь одного поля ягоды. Собеседник намекает тебе на свое немереное могущество, а ты в ответ дерзишь. Напрашиваешься. Вот если бы ты еще танцевала, вместо того, чтобы заниматься артефактами…

–Вот еще! – Запротестовала Виша. – То есть зачем мне это непотребство… в смысле, есть и более приличные занятия…

Она замолчала, понимая, что несет какую-то оскорбительную чушь. Но эльф и его подруга, вместо того, чтобы обидеться, расхохотались.

–И вот так всегда! – вытирая слезы, сказала Лис. – С тех пор, как Лимпэнг–Танг ушел из этого мира, искусство артиста стало неприличным. Да и радости заметно поубавилось. Ладно, друг мой, нам пора. Еще увидимся, Виша.

–А если вдруг… как вас найти? – девушка спросила, не надеясь услышать ответ. И ей вдруг стало немного страшно.

Уже вставшая Лис остановилась. Улыбнувшись, она наклонилась к девушке.

–Даже здесь, в этом безысходном и безупречном городе, есть вещи, которые помогут тебе найти меня. Будь внимательна, ты же реликварий.

После ухода своих нежданных собеседников Виша еще недолго посидела, приходя в себя, не замечая ни музыки, ни людей. Потом поднялась и пошла искать Сорью. Она нашла его в одном из самых темных закоулков, занятого и не расположенного к общению. И тут совсем некстати в ее памяти всплыли картинки, словно полускрытые струями воды, – закрытые глаза Тойво, слипшиеся мокрые стрелы ресниц, металл висков брохуса под ее пальцами, теплый пар, поднимающийся белыми клубами… Виша усилием воли сосредоточилась, покашляла, постучала носком сапога по стене, и, не услышав ответа, окликнула эльфа.

–Виша, иди куда шла… – Сорью даже не обернулся.

–Пойду, как только ты скажешь, откуда взялся тот эльф, что говорил с тобой. И как его найти в вашем безблагодатном городе.

–Что?! Что ты сказала? – Сорью отодвинул свою подружку, повернулся лицом к Више.

–То, что слышал. Золотая моя луна, кто он? И откуда у него такая пряжка на волосах? Таких ваши мастера не делают уже тысячу лет, две хранятся в частных музеях, еще одна в коллекции герцога Арзахельского. Знаешь, Сорью, такие вещи не носят вот так, запросто, как твой собеседник.

Сорью что-то тихо сказал на ухо своей девушке, она понимающе кивнула, неожиданно тепло улыбнулась Више и убежала.

–А если я скажу тебе все, что знаю о нем, ты поделишься своим знанием о той, с которой он ушел? О его супруге?

Такого ответа Виша не ожидала. Она подошла к эльфу поближе, заглянула ему в лицо.

–Расскажу. Хотя особо нечего рассказывать. Я даже не знаю, как ее зовут.

Сорью жестом пригласил девушку присесть; подоконник у выбитого окна был широким и вполне удобным, ветра не было. Они сели рядом, почти соприкасаясь головами, как заговорщики.

–Впервые я встретила ее еще в Одайне. Она предложила мне и моим друзьям очень странное и очень опасное задание. Мы отказались. И вот сегодня она подсела ко мне, как ни в чем не бывало. Мне показалось, ей не хватает подружки, что ли. Ну, с кем можно поехидничать, поболтать о пустяках, вспомнить веселое прошлое. И она хотела танцевать, но не пошла.

–А ты не расскажешь о тех странностях, без которых вряд ли обошлась ваша первая встреча? – усмехнулся эльф.

–Эээ... она сняла все мое опьянение – а оно было страшным – в один миг. И дала мне дар танцевать так, что весь мир лежал у моих ног в тот вечер. И мне показалось, что она знает обо мне все. И любит меня.

Сорью понимающе кивнул.

–Когда я встретил его, он одним прикосновением вылечил мою экзему. Всего три месяца назад я не снимал перчаток, а если и снимал, то вместе с кожей. Профессиональное заболевание, куда деваться. И он знал, что я цветовод не только по должности. Виша, тебе можно это знать… я люблю растения. Люблю и слышу. Совсем как эльф ушедших времен. Поэтому он дал мне саженцы из своего сада – чистые, доверчивые души, открытые и светлые. – Сорью лучезарно улыбнулся. – Я готов умереть за них.

Виша не нашлась, что сказать. Помолчав, она продолжила.

–Сегодня она рассказывала о своей подруге, которая танцевала во дворце властителя Шаммаха, когда… о боги, когда же это было?! Сотни лет назад! А для нее это будто вчерашний вечер… и она смогла приглушить Тойво, что в принципе невозможно. В этом мире нет никого сильнее карателей.

–Виша, чего она хотела от вас тогда, в Одайне?

–Чтобы мы отправились в Ирем, город–призрак, нашли храм Нимы – а кроме меня, никто и не знает, кто это вообще! А я помню, потому что

картинки ее храма часто рассматривала вместе с Джесхетом. Она просила привезти ей поющий кристалл из рук богини.

–А меня он попросил вырастить саженцы. И высадить их на наши поля. Виша, ты все еще не понимаешь, кто они?

–Нет. – Виша была растеряна. – Нет, я ничего не понимаю.

–Значит, еще не время. – Сорью ободряюще потрепал ее по волосам. – Не обижайся. Понимание придет само, когда будет нужно. Постарайся не забыть то, что она сказала тебе. Это важно.

–Ну, я пока на память не жалуюсь. Сорью, ты можешь быть уверен, я сохраню твои слова в тайне.

–Знаю. – Эльф улыбнулся. – Довольно на сегодня, Виша. Мне пора уходить, ты со мной?

–А… как же твоя подружка? Мне не хочется портить тебе вечер.

–В моем флюге вполне поместятся трое. Давай вытряхиваться из этого безобразия. Меня эти ходячие ювелирные прилавки до икоты довели, в жизни так не смеялся.

Спустя несколько недель после этого вечера Виша занималась в доме Эредиа. Эльфка выглядела несколько рассеянной, почти не слушала девушку, думала о чем-то своем. Виша, рассказав о своих изысканиях по поводу эволюции торговых путей в эпоху мирного сосуществования, замолчала. Профессор Эредиа сидела напротив нее, опустив глаза, оперев острый подбородок на крепко сжатый кулак; Виша уже успела привыкнуть и к неестественно синему цвету ее волос, и к неизменному серому сюртуку, застегнутому наглухо, и к отстраненно–язвительной манере общения, и к заостренным, украшенным гравировкой серебряным наконечникам на ушах. Теперь она понимала, почему Джесхет упорно именовал эльфку «он». Девушка уже успела понять, как велико оказалось ее везение – знаний, полученных здесь, ей хватит, чтобы стать лучшим экспертом у себя в Одайне; если, конечно, ей позволят остаться хотя бы на год.

–Вот что. – Эредиа прервала молчание первой. – Я довольна твоим прилежанием, Виша. Все–таки Джесхет не брал в ученики кого попало.

У меня сегодня особый день, и я приглашаю тебя разделить его со мной. Праздника, вроде того, на который тебя таскал бездельник Сорью, не обещаю, но думаю, тебе будет интересно.

Она привела Вишу в последнюю комнату музейной анфилады, обычно скрытую за массивной дверью. Посреди небольшого зала стоял письменный стол – редкий образчик искусства краснодеревщика, заваленный бумагами, свернутыми в трубку пергаментами, мелкими вещицами, словом, всем тем барахлом, что годами пылится в музейных запасниках. Вдоль стен стояли все те же застекленные витрины, сами стены были украшены портретами в массивных позолоченных рамах; и если рамы были искусными репликами, то сами портреты были пугающе подлинными. В углу комнаты

стояло удобное легкое кресло, рядом с ним, на подставке, небольшая инфокапсула. Окон не было, с потолка лился ровный, спокойный свет.

–Это то, о чем я подумала? – не веря своим глазам, спросила Виша. – Я видела эти портреты в учебнике…

–Да, я позволила снять с них копии. Так Джесхет рассказывал тебе про главное сокровище семьи Эредиа? Это архив Миравалей, самой знаменитой династии эригонских ратманов. – Эльфка с видимым удовольствием уселась в роскошное кресло, стоящее за письменным столом, и уложила длинные ноги в сапогах прямо на драгоценную столешницу красного дерева.

–Небо мое синее… – выдохнула восхищенная ученица. – Это ж надо… Значит, это…

Она указала на ближайший к ней портрет, с которого, сквозь толщу столетий и сеть трещин, на нее смотрели невеселые угольно-черные глаза остроносого, смуглого мужчины. Он был одет строго, почти сурово, в простой черный камзол, единственным украшением которого был воротник из вишневого бархата, искусно вышитый золотой нитью, и такие же манжеты. Его широкие брови сходились у переносицы, придавая лицу настороженное выражение, которое смягчалось едва заметной улыбкой, а в черных гладких волосах, несмотря на уже не юный возраст, не было даже намека на седину.

–Это Риго Мираваль?

–Да, он самый, Риго Ворон, один из лучших ратманов Эригона.

–А это кто? – и Виша указала на висящий рядом портрет седовласого, немного грузного мужчины, глядящего спокойно и немного высокомерно.

–А это его отец, Сириан Мираваль.

–Надо же, они совсем не похожи! Зато вот с этим парнем Риго точно был в родстве! – И Виша подошла поближе, чтобы лучше рассмотреть одного из Миравалей.

Действительно, фамильное сходство этих двух портретов было очевидно. У юноши, на которого указала Виша, были те же черные глазищи, брови, сходящиеся у переносицы, острый крупный нос. Но его губы уже не намекали на возможность улыбки – они улыбались, улыбались и глаза; и вообще, этот Мираваль явно был не такой деловитый как все остальные.

–Это сын Риго, Арчеш–младший. Мой любимец, – немного смущенно призналась Эредиа. – Я посвятила не один год этому семейству, знаю о них многое, о некоторых, например, о том же Сириане, почти все. Но Арчеш, это совсем особая история. Вот, посмотри, – эльфка, вытянув длинную тонкую руку, указала на тщательно выписанный художником распахнутый кружевной ворот белоснежной рубахи, – видишь медальон?

Виша подошла поближе и пригляделась. Действительно, на груди Арчеша был изображен круглый медальон.

–Что скажешь?

Виша на минуту задумалась.

–Материал – черное золото. Судя по легкости композиции и тонкости работы, кто-то сумел уговорить эльфа–ювелира сделать это произведение искусства. Сюжет тоже не совсем обычен – обнаженная девушка, похожа на танцовщицу. Мне так кажется… она словно ждет своей музыки, чтобы начать танцевать.

–А ты ничего не слышала о таких медальонах? Не красней, о них почти никто не знает. Считается, что их было всего пять, по числу хозяек – они сами, собственно, и изображены на своих медальонах. Это дочери Нимы, ученицы храмовой школы танцев.

–Храмовые реликвии? Но откуда на шее у эригонского ратмана подвеска храмовой танцовщицы? Самый известный храм Нимы был в Иреме, возможно, при нем и была школа танцев, но вряд ли там обучались мужчины.

–Хороший вопрос, Виша. Арчеш–младший вообще темная лошадка. Судя по семейным летописям, обстоятельства его рождения были не самыми обычными. Мне стоило немалого труда разобрать все эти полунамеки, откровенную ложь и стыдливую полуправду – и выяснить, что Арчеш был незаконнорожденным. Сын своего отца, но от другой женщины. Не Морелллы Мираваль.

–А кого? – Виша смотрела на эльфку, от любопытства приоткрыв рот.

–Полной уверенности у меня нет, но все указывает на то, что матерью Арчеша была как раз одна из танцовщиц Нимы. Отсюда и медальон, очевидно, ее подарок.

–Похоже на старую сказку, – улыбнувшись, сказала Виша. – Из тех, что читают девочкам на ночь. Тайная любовь танцовщицы и ратмана, подмененный наследник и все такое. Интересно, какой была та дочь Нимы? Наверно, роскошной красавицей, из тех, ради которых предают интересы семьи, бросают жен и пускаются на всяческие безумства.

–Я бы так не сказала… – усмехнулась эльфка. – Даже среди людей встречаются куда более красивые и роскошные женщины.

–Откуда вы знаете? Вряд ли ее портрет заказывали для фамильной галереи, не тот случай.

–Верно, но на наше счастье сохранилась одна вещь, светильник, сделанный Луиджи Арриго по рисунку старого судьи Арчеша, или как его называют, Арчеша–Садовника. Он очень хорошо рисовал. Возможно, эта танцовщица какое-то время жила в его доме и он, желая сохранить память о ней, и заказал такой необычный портрет. Луиджи оставил особую запись в своей книге заказов, ведь он нечасто работал по чужим эскизам. Хочешь посмотреть?

Виша только кивнула. Эредиа улыбнулась и, подойдя к одной из витрин, достала морскую раковину. Осторожно вставила светоэлемент, включила его. Бока раковины засветились ровным, розово–золотым светом и стало видно, что на ней вырезана гемма – портрет молодой женщины. Виша вглядывалась в сияющее лицо и чувствовала, как у нее последовательно отнимаются голос, ноги и способность рассуждать здраво. Не сказать, что

танцовщица Нимы была такой уж дивной красавицей, но как быть, если видишь среди музейных древностей портрет того, с кем разговаривал с месяц тому назад?

–Виша, что с тобой? – Эредиа почувствовала неладное. – Ты так побледнела, будто твоя сова проснулась не вовремя.

–Я ее знаю. – Хрипло прошептала девушка. И повторила громче: – Я ее знаю.

–Не поняла. – Эредиа даже удивилась.

–Я видела ее. И говорила с ней. У себя, в Одайне, и здесь, в Лис-Арден. Это точно она, я уверена.

–Что ты говоришь, девочка, – впервые в голосе эльфки проскользнули теплые, беспокойные ноты, – ты не в себе. Возможно, ты видела кого-то похожего…

–Нет! – Виша не знала, как ей убедить Эредиа. – Понимаете, не такое уж особенное у нее лицо, да и ростом она не вышла, но спутать ее с кем-то невозможно.

–Виша, присядь. – Профессор усадила девушку в свое кресло, сама присела на край стола. – Успокойся. Ты утверждаешь, что видела и говорила с человеком, жившим – если жившим – тысячу лет назад. Так?

–Так. – Упавшим голосом подтвердила Виша.

–Хорошо. Что ты можешь о ней сказать, кроме того, что ростом она не вышла? Какая она? О чем вы говорили? Чем она тебе запомнилась?

Виша задумалась. Может ли она рассказать профессору Эредиа все без исключения? Она ведь обещала Сорью, что будет осторожна и оставит свое знание при себе, поскольку оно касалось не ее одной. Девушка подняла глаза, поймала взгляд проницательных, острых светлых глаз и поняла, что попалась.

–Ты мне не доверяешь. Или, скорее всего, связана обещанием молчать. И то, и другое понятно. Но ты уже проговорилась, Виша. Я не буду сегодня настаивать на объяснении, но вопросы мои, даже не прозвучавшие, вопросами и останутся. И ответы за тобой. У тебя есть время их обдумать. Урок закончен, Виша. Тебе пора уходить.

Уже в дверях, ожидая, когда они откроются, Виша обернулась и спросила:

–Скажите, чем замечателен сегодняшний день? Вы сказали, он особенный для вас.

–Сегодня годовщина смерти моего отца. Как тебе известно, это он спас архивы Миравалей. Когда он привез их, я была еще ребенком… отец позволял мне часами играть с этими бесценными реликвиями. Возможно, это и определило мое призвание.

В Лис-Арден пришла оттепель – неприглядная, неуютная, неспокойная. Здешняя зима тоже особой красотой не отличалась; не то, что белые

пышные зимы Одайна, привычные для Виши. Безупречный город становился в холода еще строже и суше, если такое вообще было возможно. Но оттепель сделала его нездоровым и нервным; небо приобрело оттенок белесого рыбьего брюха, вспучилось бесформенными тучами, воздух пах сырым подвалом, в котором десятилетиями держали химикаты, один за другим прошли три сильных дождя вперемешку с мокрым снегом. Все это сделало атмосферу Лис-Арден болезненно раздраженной, как если бы аскет позволил себе напиться до пьяных слез, а потом возненавидел всех, кто эти слезы видел.

В тот день Виша, прежде чем спускаться под землю, нашла Сорью. Апартаменты начальника гауптвахты и главного цветовода были расположены на промежуточном уровне, выше основных плантаций, и занимали немало места. Сорью, сидящий в легком кресле из металлических трубок и работающий со своей личной инфокапсулой, терялся в огромном кабинете, больше похожем на тренировочный зал.

–С чем пожаловала? – Эльф закрыл экран инфокапсулы и кивнул девушке на второе кресло. – Садись и рассказывай. На тебе лица нет, а значит, скучно мне не будет, и я не зачту тебе прогул.

–Сорью, я ее видела.

–Что, так скоро? – поразился эльф.

–Нет, не ее саму, а ее портрет. Профессор Эредиа оказала мне честь и пустила в свой фамильный музей. Так вот, в коллекции эригонских древностей есть светильник, морская раковина с геммой тысячелетней давности – это ее портрет, Сорью.

–Ты в этом уверена? – недоверчиво приподнял бровь эльф.

–Небо мое синее, вам меня не запугать! – Виша приподнялась и стукнула кулаком по столу. – Терпеть не могу, когда меня переспрашивают о том, в чем я совершенно уверена! Да, да, да! Это она, точно такая, какой я видела ее месяц назад. И, надо сказать, тысячелетие на ней не сказалось.

–Что такое тысяча лет для подобных ей? – эльф улыбнулся. – Рассказывай дальше.

–А что еще рассказывать? – Виша пожала плечами. – Я не удержалась, брякнула, что знаю ее, мол, встречала не один раз. Разумеется, профессор Эредиа заинтересовалась таким знакомством. Пришлось мне уйти в глухую оборону… она дала мне отсрочку, но все свои вопросы она мне задаст, уж будь уверен.

–Ничуть не сомневаюсь. Бедняжка Виша, попала меж двух огней… – Сорью встал и подошел к двери, ведущей в лабораторию, о чем извещала узкая табличка. – Тебе стоит больше доверять своему учителю. Я знаю Вильму Эредиа не первый год, она добрее, чем кажется. А сейчас пойдем со мной, отвлечешься.

Виша послушно встала и они прошли длинным коридором, миновали несколько небольших помещений, занятых оборудованием и закрыты-

ми высокими контейнерами. За одним из них Сорью отодвинул в сторону стенную панель и, набрав цифровой код, открыл тяжелую дверь. За ней оказалась просторное помещение, похожее на лабораторию селекционеров, с высоким потолком, прекрасно поставленным светом, имитирующим интенсивность и качества солнечного, с оросительной системой, протянувшей хромированные трубки вдоль стен, топырящей разбрызгиватели над участками почвы.

–Мой тайный сад, – Сорью пропустил Вишу вперед. – Заходи, познакомлю тебя с моими питомцами.

Виша шагнула вперед, с наслаждением втягивая влажный, вкусный, душистый воздух. Раз, другой… ее легкие трепетали, словно листья, омытые дождем.

–О боги… бывает же такое… – Виша едва не плакала от непонятного счастья, обнимавшего ее тысячами лепестков. Сорью положил ей руку на плечо, успокаивая.

–Я сам первое время только на коленях мог здесь стоять. И даже сейчас сердце замирает.

–Что это такое, Сорью? – Виша повернулась к эльфу, заглядывая ему в лицо мокрыми глазами.

–Это просто сад, Виша. Почти все растения тебе знакомы, кроме редких цветов, но их у меня пока немного. Они особенные – к ним не прикасались ни мысли брохуса, ни воля безумного бога. Это чистые, любящие души. Они не одержимы желанием поглотить весь мир, не питают к нам ни малейшей злобы, готовы делиться собой и питать нас.

Сорью пошел вдоль стены, по которой вился плющ, ласково гладя темно–зеленые побеги.

–Посмотри, какая красота! – эльф показал девушке на небольшой куст лилейника, росший в металлической емкости. – Раскрылся только сегодня, для тебя, наверное.

На упругом стебле, возвышающемся над гибкими узкими листьями, светился карминно–красный цветок, с нежно–белыми прожилками на лепестках, изящно отогнутых вовне.

–Да… красавец, ну просто сердцеед, – Виша осторожно погладила стебель, дрогнувший от удовольствия. – Как он называется?

–Это *амариллис*.

–Что?.. – Више, и без того оглушенной воздухом живого сада, словно по голове ударили, и, не в силах более держаться на ногах, она присела прямо на пол, рядом с ней опустился эльф.

–Амариллис, цветок из семейства лилейных. А если ты еще где-то слышала это имя от кого-то особенного, – эльф приложил палец к губам, – то не стоит кидаться им попусту. Только если тебе действительно будет что ей сказать.

–Кому, Сорью? Почему вы, эльфы, всегда говорите загадками, как же это меня раздражает! – Виша прикусила нижнюю губу. – Точно такой же цветок на гемме украшает вырез ее платья. Я могла бы и сама догадаться, да? Сама вспомнить ее имя…

–Ты и вспомнила. Теперь не забудь. С их именами всегда такая морока – кажется, вот оно, дрожит на губах, но не выговаривается никак, не дается…

–Так кто же она, Сорью?

Эльф иронически приподнял бровь.

–Неужели тебе так трудно выговорить это слово? Она – богиня.

–Сорью, о чем ты говоришь? Какие боги в нашем мире?! – Виша развела руками. –Хватит нам и того спятившего дерева, возомнившего себя властелином. Мы не верим в богов, Сорью, мы забыли о них, не поклоняемся им вот уже сотни лет, так с чего бы это им вдруг вспомнить о нас? Мы тут заперты в этой бесконечной войне, ходим по кругу, а круг сужается, и нет нам спасения. Какие боги, Сорью? Наш мир распадается на две части, корчась от ужаса и продолжая убивать сам себя. Если и есть в нем боги, то я не желаю их видеть. А уж служить им и подавно.

Виша замолчала. Она не вытирала слезы, не пыталась их остановить.

–Знаешь, когда-то Джесхет рассказывал мне, что боги – это правила, по которым живет все сущее. Что они плоть от плоти мира, принадлежат ему, как вода принадлежит морю. Он называл их – сотворенные творцы.

–Общение с эльфами не прошло для него даром, – Сорью осторожно прикоснулся к мокрой вишиной щеке, стирая злые человеческие слезы. – Это знание наших предков. На первый взгляд, совершенно умозрительные конструкции, игры разума, бесполезные как… как вот этот цветок.

Эльф уселся удобнее, скрестив ноги, уложив ладони на острые колени.

–Подумай сама, Виша, что, если однажды тебе пришлось покинуть свой дом? И вот ты вернулась, и не узнала его. Брошенный сад зарос сорной травой, кто-то разбил окна, везде паутина и грязь. Что ты будешь делать?

–Убираться, – буркнула Виша. – А цветовода пошлю сорняки полоть.

–Так и они. Вернулись в некогда оставленный дом… наверное, пришли поначалу в ужас. А теперь вот наводят порядок.

–Нашими руками, как я понимаю.

Сорью засмеялся.

–Помилуй, Виша, когда это боги действовали сами?! При их могуществе это опасно, да и зачем тогда мы?

–Она сказала мне, что не может здесь танцевать… – начала понимать Виша.

–А ты представь себе – она танцует, а земли бывшего Шаммаха накрывает снегопадом. Или просыпается спящий вулкан. Или птицы падают дождем с неба. Наш мир и без того на пределе. Божественного танца ему не выдержать.

Виша провела ладонями по лицу, крепко потерла глаза.

–Я бы не отказалась сейчас от какого-нибудь из творений Бриарея. Как жаль, что у вас запрещены крепкие зелья. Ох…

–Прости, ничем не могу помочь. Я законы не нарушаю. – И эльф погрозил девушке пальцем.

–Разумеется. Ладно, Сорью, ты растишь сад. А я зачем понадобилась?

–Насколько я помню, ты должна найти поющий кристалл. Место поиска тебе указали, команду помощников подобрали. Осталось дело за малым – принять решение тебе самой. Виша, я не собираюсь сейчас спорить о степени самоубийственности такой миссии, – и эльф поднял вверх руки. – Я свое решение принял. Чего и тебе желаю.

Уже уходя из огромного кабинета начальника гауптвахты Виша остановилась и неуверенно сказала:

–Сорью, мне кажется, что за мной кто-то следит. Понимаю, это звучит смешно, кому я тут нужна в вашем городе. Но иногда мне хочется спрятаться в шкаф или бежать сломя голову. Ты никого не замечал рядом со мной?

–Ну, если не считать того, что некий брохус регулярно шлет мне запросы касательно твоего здоровья и благополучия, тобой никто особо не интересовался.

–Брохус?! – Виша покраснела. – Тойво Маарви?

–А ты ждала кого-то другого? Пожалуй, я дам тебе сегодня отгул. Все равно работать не сможешь. Ступай домой и выспись в кои-то веки.

Дневной сон оказался желанен, но тяжел; Виша проснулась с ощущением незаслуженного похмелья. Даже душ не помог ей совладать с тяжестью в сердце и путаницей в голове. Но все же ей было не настолько плохо, чтобы пренебрегать занятиями с профессором Эредиа. Наскоро поев, Виша машинально натянула на себя форменную одежду цветоводов, накинула поверх комбинезона куртку – за окном вялыми хлопьями падал мокрый снег. Уху дремала на спинке кресла. Виша подумала, и не стала ее будить.

Уже сидя в полутемном вагоне наземки, Виша сообразила, что зря так оделась, но возвращаться по такой погоде было выше ее сил. Она сидела, прислонившись головой к мокрому холодному окну, пытаясь вернуть ясность мыслям.

Когда Виша вышла из вагона, ветер, будто только того и дожидавшийся, с размаху сорвал с нее капюшон, залез за шиворот, залепил глаза и нос липким снегом. Задыхаясь и щурясь, девушка почти бежала по прямым улицам, стараясь держаться в тени и не привлекать к себе внимания. Она уже вышла к повороту, за которым стоял дом Эредиа, как ей неожиданно преградили дорогу.

–Вы только посмотрите, кто к нам пожаловал!

Виша подняла взгляд – перед ней стояла стайка эльфок, одетых в черные с серебряными оплечьями мундиры. Это были военные химики, «Отравы», как они сами себя называли. Не участвующие в военных действиях (если не считать обязательной для любого эльфа гарнизонной службы после окончания академии и регулярных сборов), они тешили свою ненависть, создавая мощные дефолианты, новые горючие смеси для оружия «Углежогов» – орков, сородичей эльфов, предпочитающих огнеметы. Их соратники, «Аспиды», оставались верны искусству фехтования, впрочем, весьма изменившегося. Химики славились тем, что никогда не обслуживали невоенные заказы. Все лекарства готовились в лабораториях медиков, пищевые добавки и витамины синтезировались в ведомстве Сорью. Как правило, отравами становились девушки маленького роста и не слишком сильные, которых не приняли в ряды аспидов.

–Да это же цветовод!

Виша оглянулась – судя по тому, что четыре эльфки заходили ей за спину, удрать по-простому не выходило. Не зная, чего ожидать, она растерянно молчала.

–И даже не потрудилась снять свои омерзительные зеленые тряпки… – немного удивленно протянула одна из отрав, отводя от лица мокрые острые пряди волос. – Удивительная наглость, разве нет?

–Достойная наказания, я бы сказала. – Сказавшая это отрава шагнула к Више.

–Что, приехала заработать на наших бедах? – и она ударила Вишу по лицу, резко, коротко, почти не замахиваясь. Девушка отшатнулась, закрываясь руками. Кто-то толкнул ее, кто-то обхватил сзади за плечи, не давая возможности защищаться.

–Мне придется научить тебя вежливости и уважению к нашим обычаям, человеческое отродье… – эльфка стиснула вишино горло, в руке ее блеснуло узкое лезвие скальпеля. Глаза отравы блестели как мокрые ягоды, дыхание отдавало резким запахом кислоты.

Что произошло потом, описать нелегко. Сначала вскрикнула одна эльфка, потом та, что замахнулась на Вишу скальпелем, упала навзничь – на ее груди, вцепившись ей в горло, сидел зверь. Виша стояла, не в силах даже пошевелиться. Рванув пару раз лежащую жертву, зверь бросил ее и одним прыжком оказался рядом с девушкой. Это был волк, матерый, поджарый, с белыми подпалинами на шее. Он поводил в стороны окровавленной мордой, скалил клыки и тихо, злобно рычал. Виша зажмурилась, когда влажная от эльфийской крови морда ткнулась в ее руку. Отравы, кроме одной, лежащей на камнях мостовой в темной расползающейся луже, разбежались. Виша посмотрела на мертвую эльфку, взгляд ее против воли задержался на разорванном горле, из которого толчками выбивалась уже иссякающая кровь, ей стало совсем дурно и она пошатнулась.

–А ну не смей!

От звуков этого голоса, резкого и пронзительного, девушка чуть не завопила от радости. Профессор Эредиа встряхнула ее, несильно хлопнула по щеке.

–Виша, ты мне нужна!

Девушка открыла глаза, несколько раз резко выдохнула и хриплым, не своим голосом спросила:

–Где волк? Он…

–Он спас твое лицо, а может, и жизнь. А теперь корчится в нестерпимых муках в ближайшей подворотне. Пошли, мы должны найти его и отвести ко мне домой. Только сделай милость, не ори, когда увидишь его. Ты привыкла совсем к другому…

Виша еще не окончательно пришла в себя, поэтому задавать вопросов не стала, а послушно пошла за Вильмой Эредиа. Идти пришлось недалеко. Рядом с домом Эредиа был небольшой сквер – несколько симметрично расставленных имитаций друз горного хрусталя, подсвеченных фиолетовыми светоэлементами, невысокая каменная стена по периметру. Там, на холодном мокром камне, лежал мужчина – длинный, худой, совершенно голый. Он застонал, стон его перешел в вой… и Виша увидела, как расплываются контуры его тела, как человеческий облик тает, уступая место звероформе. И еще она успела увидеть руки мужчины – от кончиков пальцев до сгиба локтя покрытые невообразимо красивой татуировкой.

–Джесхет?! – девушка задохнулась, прижала пальцы к губам.

–Я же просила тебя не орать. – Оборвала ее эльфка. – Слезами ты ему тоже не поможешь.

Эредиа шагнула к зверю.

–Джесхет, приступ только начался. Ты должен вернуться в мой дом, здесь слишком опасно. Пойдем, друг мой…

И она прижала к волчьей морде руку. Волк дернулся, потом обмяк и повалился наземь. Эредиа показала Више ладонь – в ней был медицинская губка, очевидно, пропитанная снотворным. Вдвоем, спотыкаясь и оскальзываясь на мокрых камнях, они дотащили зверя до дома. Там они торопливо отнесли его, оставляя на чистейшем полу грязные следы, до отдаленной комнаты. Когда зверя уложили прямо на кровать, Эредиа закрыла дверь. Виша стояла, трясясь от холода и страха, ничего не соображая. Эльфка стянула с себя насквозь мокрый сюртук, швырнула его в угол и присела на край кровати.

–Смотри, он уже приходит в себе. И это после дозы, рассчитанной на сутки покоя!

Волк дернулся, его прошила крупная дрожь, он оскалил зубы, зарычал… тело его вытягивалось, исчезала серая шерсть, и через несколько минут перед Вишей был Джесхет Ломар. Когда он открыл глаза, в них было столько боли, что даже эльфка вздрогнула. Как оказалось, она успела при-

готовиться – в голую разноцветную руку Джесхета, чуть ниже сгиба локтя, впился медицинский инъектор.

–Это немного ослабит боль… – Эредиа провела ладонью по лбу Джесхета, стирая пот. – Ты справишься.

И, оглянувшись на стоящую в оцепенении девушку, добавила:

–Это белковая лихорадка. Самое редкое профессиональное заболевание. Как ты помнишь, тотемом Джесхета был волк. Он умер, но часть его все еще жива в сознании нашего друга… и пытается получить свою долю в его теле. Обычно человек в состоянии держать свою звероформу под контролем, но если его вывести из равновесия, то это может спровоцировать приступ. Это неизлечимо, но и незаразно. Так что не стой столбом, а принеси воды и смой кровь с его лица.

Приступ продолжался около часа. Више этот час показался вечностью. Она сидела напротив профессора Эредиа, на придвинутом к кровати стуле и смотрела, как белковая лихорадка ломает тело Джесхета. Когда все закончилось, и обессиленный человек впал в забытье, они вдвоем с эльфкой поменяли постельное белье, окровавленное и порванное, надели на Джесхета майку и легкие брюки, уложили его поудобнее и оставили отдыхать. Эредиа закрыла дверь, посмотрела на девушку и покачала головой:

–Тебе не помешает горячий душ. Пойдем, я провожу тебя в гостевую комнату, сегодня переночуешь у меня.

Позже, вымытая, переодетая в пижаму самой эльфки Виша сидела с ней за столом в небольшой гостиной и пила горячий грог – почти такой же вкусный как у Бриарея.

–Не воду же после такого пить, – так откомментировала появление крепкого напитка у себя в доме Эредиа. – Если у тебя есть вопросы, Виша, самое время их задавать.

–Значит, все это время мне не мерещилось, – Виша отхлебнула горячий, щиплющий язык напиток, – и Джесхет действительно жил в вашем доме? А я-то думала, откуда это чувство… его присутствия. Мне было стыдно спросить вас об этом, я боялась, что вы поднимете меня на смех.

–Джесхет приехал ко мне еще год назад, после первого приступа. Попросил убежища. Я была готова оставить его прямо тогда, но он не в силах был расстаться с тобой. Только когда его накрыло так, что он не успел уйти из дома, а ты по случайности задержалась и пришла часом позднее, он понял, что ваше время закончилось. Приди ты вовремя, кто знает, чем закончилась бы такая встреча.

–Но сегодня он спас меня, – Виша стиснула пальцы так, что побелели косточки на кулаках. – Я не верю, что он может причинить мне зло… даже и в таком состоянии.

–Контроль звероформы очень мучителен и не всегда успешен. А потом, ты уверена, что смогла бы жить с таким Джесхетом? Уверена, что хотя бы не боялась его?

Виша замолчала.

–А вы его не боитесь?

Эредиа усмехнулась.

–Я знаю Джесхета Ломара без малого тридцать лет. Нам привелось быть и врагами, и друзьями. И если он попытается порвать мое горло, я пристрелю его без малейшего сомнения. Именно поэтому он и пришел ко мне…

–Понятно. Получается, что он следил за мной?

–Иногда. Сегодня город совсем больной, эта оттепель всех с ума сводит. В Академии молодняк бесится – углежоги подпалили казарму аспидов, медики вместо пыльцевых прививок обкололи цветоводов какой-то дрянью, от которой у тех мозги вскипели… Давно такого не было. Вот и Джесхет почуял неладное, у него чутье всегда было отменное, а уж сейчас тем более. Вышел встретить тебя, чтобы никто не обидел – и, как оказалось, вовремя.

–Неужели ему ничем нельзя помочь?

–Ничем. Белковая лихорадка неизлечима. Ею не болеют, ею умирают, Виша. Со временем приступы учащаются, их даже провоцировать не нужно, сами приходят, и однажды тело не выдерживает таких перегрузок и… – Эредиа поджала губы. – Собственно, не так долго уже осталось. Это пятый приступ за последний месяц.

Она внимательно посмотрела на девушку. Виша залпом допила горячий грог и налила себе полный стакан.

–Слишком много событий для одного дня… – пробормотала она себе под нос. – А что с той… которой он помешал? Так и лежит там, под дождем, в луже собственной крови?

–Виша, это не твоя забота. У дома Эредиа найдется, кому поручить подобные дела. И пить тебе больше, пожалуй, не стоит. Ступай спать. Завтра Джесхет придет в себя и вы сможете повидаться.

Поскольку у Виши не только слипались глаза, но и голова отказывалась что–либо соображать (только потом девушка вспомнила, что сама эльфка так и не отпила из своего стакана), ей не оставалась ничего, кроме как встать, пошатываясь, добрести, держась за стены, до комнаты и рухнуть в кровать. И почти мгновенно уснуть, провалиться в темную бездонную пропасть, где гаснут все звуки и краски.

Когда утром следующего дня Виша заглянула в комнату, где оставила Джесхета, осторожно, едва дыша приоткрыв дверь, чтобы не потревожить его сон, то оказалось, что тревожить уже некого. Кровать была пуста, на столике лежал использованный инъектор, окровавленные медицинские губки валялись на полу. Виша вошла, присела на кровать, помолчала с ми-

нуту… а потом опустилась на подушку, прижимаясь к ней лицом, изо всех сил вдыхая запах – так хорошо знакомый, так когда-то любимый.

–Опоздала? – в дверях стояла Вильма Эредиа. – Может, оно и к лучшему. Он вряд ли бы позволил тебе… да и себе.

–Вы знали? Знали, что он сбежит? – не поднимая головы, спросила девушка.

–Догадывалась. И потом – ты ведь уже перевернула эту страницу, так зачем оборачиваешься? Иди вперед, Виша. Смирись с тем, что ничем не можешь помочь ему и что его любовь покинула тебя. Продолжай учиться жить без него. У тебя это неплохо получалось. И прости ему, что он не хочет видеть страх в твоих глазах.

–Спасибо. – Виша поднялась, повернула бледное лицо к эльфке. – Вы очень жестоки. Сейчас это как раз то, что нужно.

Тут она сморщилась, пытаясь не выпустить слезы из глаз, потерпела в этом сокрушительное поражение… Профессор Эредиа села рядом, обняла девушку, притянула ее к себе и позволила выплакать терпкое сердечное горе, промочившее насквозь серый строгий сюртук.

Оттепель закончилась; на ее место пришли холода, последние перед весной. Размякший, распустившийся город выстудило в одночасье, сухим ветром унесло остатки нездоровой влаги.

Ни Вильма Эредиа, ни Сорью не позволили Више прервать работу или обучение. Оба настояли на немедленном продолжении прерванных занятий, не оставляя девушку ни на минуту в покое. Сорью отправил ее собирать ягоды для золотого масла, и боль от уколов древесных колючек странным образом отвлекала от шипа, засевшего в сердце.

История с нападением, закончившемся для одной из отрав более чем печально, чудесным образом была замята. Теперь у наземки Вишу встречал казавшийся ей немым эльф в форме младшего военного советника (нашивки на рукаве говорили о его работе в военном инфоцентре), который провожал ее до дома Эредиа, а потом отводил до той же наземки. Попытка девушки хотя бы здороваться была пресечена в зародыше и ей ничего не оставалось, как всю дорогу молчать, чувствуя себя конвоируемой преступницей. Профессор Эредиа начала читать Више курс прикладного искусства эльфов – от времен четырех Королей до преображения Лис-Арден, устроив девушке пропуск в Обитель Памяти, лучший музей обитаемого мира. По выражению самой Виши, ей продохнуть было некогда, голова раскалывалась… но она была благодарна за такую заботу. Жизнь опять продолжалась.

Глава пятая. Немного истории

Когда Сорью впервые пригласил Вишу помочь ему в тайном саду, девушка сначала ушам своим не поверила, а потом чуть не запрыгала от счастья. Они прошли тем же путем и вновь девушку с головы до ног окатило чувство ни с чем не сравнимого наслаждения – чистым, живым воздухом.

–У меня подросли саженцы душистого горошка, – Сорью стоял, закрыв глаза, с блаженным выражением лица. – Можешь высадить их вдоль стены, потом протянешь для них нити–опоры. Я должен идти, сегодня прибывает брохус, отшибать ум очередной партии семян, так надо его встретить. Говорят, прислали кого-то особенного. Я вернусь за тобой. Наслаждайся.

Поначалу Виша обошла весь сад, улыбаясь и благодаря каждый лепесток, каждый стебель. Она не отказывала себе в удовольствии погладить упругие листы, потрогать теплые почки; впервые в жизни она разговаривала с растениями и, похоже, ее понимали. Потом она нашла контейнеры с торфяными ячейками, из которых тянулись к свету тонкие бледно–зеленые стебельки с мелкими листочками. Виша выбрала для них место, взяла лопатку и принялась за работу: выкапывала ямку, доставала ячейку и осторожно высаживала росток в почву. Она вела себя с саженцами как с детьми, ласково и открыто. Высадив все ростки, девушка полила их, обрызгала водой и уселась на перевернутое ведро, любоваться делом рук своих. Виша чувствовала себя отдохнувшей, полной сил и почти счастливой. Ее не смущало даже то, что сегодняшний урок она приготовила из рук вон плохо: не от лени (новенькая заключенная, эльфка–медик, из тех, что колдовали с прививками для цветоводов, разбудила ее, уснувшую уже заполночь у инфокапсулы, и не без сочувствия выпроводила из инфоцентра), а только лишь потому, что материала по заданной теме – военная история эльфов – в свободном доступе оказалось очень и очень мало. Явно недостаточно, чтобы заслужить разрешение поработать в зале Миравалей, куда Виша напрашивалась вот уже вторую неделю.

Из блаженного оцепенения Вишу вывело появление Сорью. Эльф неслышно прошел по саду, одобрительно кивнул ей.

–Отличная работа. А сейчас пошли, тебе пора. Сегодня тебя ждут в доме Эредиа пораньше, так что можешь отправляться как только переоденешься.

Спорить было не о чем, и Виша послушно вернулась домой, переодеть темно–зеленую форму цветовода. Как только она застегнула куртку, заурчал коммуникатор. Увидев на экране имя запросившего контакт – Тойво Маарви – Виша несколько замешкалась, смутившись. А потом ответила.

–Как ты, Виша? – голос Тойво тоже звучал несколько смущенно, что придало девушке храбрости.

–Да вот, работаю. И учусь. А ты какими судьбами в Лис-Арден?

–Не поверишь – по работе. Не знаю, надолго ли… может, встретимся?

–Конечно. Только я почти все время занята. Тебя совсем поздний вечер устроит?

–Вполне. Где встречаемся?

«У меня» – чуть не брякнула Виша. Ей совсем не стыдно было сознаться себе, что она будет очень рада увидеть Тойво… и не только увидеть.

–Давай в «Шестеренке», – ничего другого Виша предложить не могла, поскольку вела неведомый ей доселе монашеский образ жизни. Ни в одном другом месте Лис-Арден, пригодном для спокойного отдыха, она не была. Если не считать сада Сорью.

–Согласен. Зови, когда освободишься.

Закончив разговор, Виша еще немного поулыбалась и отправилась получать нагоняй от профессора Эредиа.

Выслушав более чем скромный ответ Виши, эльфка не без сарказма спросила:

–Что, в свободном доступе больше ничего не нашла?

–Не нашла, – призналась Виша. – А открывать военные архивы мастер инфоцентра отказался даже за большие деньги.

–И сколько ты ему предлагала?

–Тысячу экв. Братья подкинули мне на бедность, так что…

–Ясно. Что ж, Виша, не будет тебе сегодня зала Миравалей. Вместо него придется посетить музей военной истории. Тот, что при Академии. В Обители Памяти экспозиция бедновата.

Виша вытаращила глаза как только могла.

–Да кто ж меня туда пустит?!

–Деточка, просто возмутительно, насколько низко ты ценишь возможности дома Эредиа. Я, к твоему сведению, глава Совета Памяти и могу распоряжаться любыми музейными фондами и архивами. И мое появление в Академии никого не удивит, у меня там много друзей, некоторые достались в наследство от отца.

–Вы будете там прогуливаться, окруженная славой, а мне в каком-нибудь темном углу голову отрежут, потому что уши на ней не той формы… – тихо пробурчала Виша.

–Виша, не уши делают эльфа. К тому же ночью обычных посетителей в музей не пускают. Времени еще достаточно, так что ступай пока в свою комнату и почитай.

Эльфка протянула девушке здоровенный том в фиолетовом переплете. Раскрыв его, Виша прочла название – «Военная история эльфов», и имя автора – Тари Эредиа.

–Отец был блестящим историографом, – не без гордости сказала эльфка. – Сейчас это основной учебник военных историков–первокурсников.

И Више ничего другого не оставалось, как отправиться в комнату, где она не так давно ночевала, и приняться за чтение. Одолеть учебник за полдня и вечер – ей случалось и за меньшее время, но те учебники были не такими толстенными. И не такими интересными. Несмотря на то, что история войн совсем не привлекала Вишу, она не могла оторваться от книги, написанной боевым генералом Эредиа.

Рисунок на первом форзаце книги открывал мир тех эльфов, которые давно стали достоянием прошлого. Два короля – его величество Воздуха, за плечами которого подобно крыльям простирался плащ, и его величество Огня, держащий в руке пылающий факел. И две королевы – ее величество Воды, проливающая из фиала тонкий ручеек влаги, и ее величество Земли, украсившая свои косы венком полевых цветов. Под этими фигурками были нарисованы главы эльфийских кланов, числом более четырех десятков, каждый под своим гербом; особняком стояли вольные лесные стражи, вооруженные луками, показавшимися Више скорее изящной деталью их образа, чем оружием. Этот рисунок обрамляла гирлянда из листьев и цветов, когда-то традиционный, а теперь невозможный для эльфов растительный декор.

Последний форзац Виша разглядывала не менее получаса, стараясь запомнить изящно выписанную схему, изображающую новый мир. Шесть облеченных властью лордов и подчиняющиеся им общественные институты и сообщества. Первой была, разумеется, армия: эльфы–аспиды и орки–углежоги, на схеме их изображали две фигурки – легкая, с двумя мечами за спиной, и массивная, с тяжелым ранцем на плечах. Титул лорда–командующего армией не был наследуемым, его получали за исключительные боевые заслуги и талант стратега. По традиции особняком стояло подразделение «Симхан» – боевыми эльфийскими флюгами командовал лорд–воздухоплаватель. Он же занимался всеми делами, связанными с военной техникой.

Четыре лорда держали в подчинении тыл. Военную Академию возглавлял лорд–учитель; развитие науки, занимающейся исключительно военными нуждами, направлял лорд–наблюдатель, ему же подчинялись информационные центры. Лорд–эконом имел в своем ведении весьма обширное ведомство: все городское хозяйство, гауптвахта, запасы продовольствия, арсеналы, склады военной химии. Лорд–целитель отвечал за работу медиков, изыскания фармакологов, также под его попечение было отдано душевное равновесие расы, и ни одно назначение на пост или перевод из гарнизона в боевой отряд, или из патруля в разведку не проходило без контроля его ведомства.

Возглавлял этот военный совет лорд–маршал, помогавший шести лордам находить общий язык, координировать свои действия и держать в состоянии постоянной готовности массивный военный механизм. Он обладал исключительным стратегическим мышлением, невозможной выдержкой, опытом и знаниями. Эта должность, как и остальные, была вы-

борной; и если шестерых выбирали профессиональные сообщества, то лорда–маршала выбирали шестеро уже избранных.

Виша просидела над книгой весь день и весь вечер, с трудом оторвавшись на короткую трапезу. В результате она одолела ее более чем на треть, подолгу задерживаясь, чтобы хорошенько рассмотреть рисунки. Когда за окнами стемнело, за ней зашла профессор Эредиа.

–Что, захватывает? Достаточно на сегодня, нам пора. Вот, возьми это, тебе придется переодеться.

«Это» оказалось формой студента Академии. Виша не стала спорить и быстро надела темно–серые брюки, китель и черную рубашку. Они вышли в предвесеннюю, холодную и сырую ночь, сели в флюг (вел его все тот же молчаливый вишин провожатый) и вскоре очутились на небольшой музейной площади. Эредиа, не тратя слов, прошла мимо постового, охранявшего вход в музей, едва кивнув ему; Виша шла вслед за ней, не поднимая головы. Внутри было пусто, сумрачно и тихо.

–Общий свет я обычно не включаю. Экспозиции освещены точечно и только выигрывают от этого, а если понадобится, можно осветить отдельно зал. Пойдем. Можешь оторвать глаза от пола, на нем ничего интересного не валяется.

Что бы ни происходило потом в ее жизни, Виша никогда не забывала этот ночной визит в музей военной истории эльфов. Полутемные, иногда совсем мрачные залы, шаги, гулким эхом отлетающие от высоких потолков и каменных стен, выхваченные пятнами света голографические фигуры, застывшие в чеканных позах. Ей казалось, что волей странного волшебства она оказалась на страницах учебника Тари Эредиа и идет сквозь главы, мимо рисунков, вдаль и вглубь.

Первый зал был посвящен самой первой войне, в которой приняли участие эльфы, и благодаря которой они стали самостоятельной расой.

–Начнем с начала. То есть с мифологии. Какой же уважающий себя народ упустит случай породниться с богами?

И Вильма Эредиа жестом пригласила Вишу следовать за ней.

Когда они вошли в зал, он постепенно заполнился голограммами, изображавшими чудесных существ – похожих на эльфов, высоких и очень красивых, за плечами которых плавно ходили огромные крылья. Последними появились еще двое – одетая со сказочной роскошью женщина, судя по выражению лица не на шутку разгневанная, и мужчина, весь в сером, скорее печальный. Они стояли в центре зала, а крылатые создания окружили их, как растревоженная стая птиц.

–Никкар и Эвриала, дети Старших Богов, – оглядываясь по сторонам, уверенно сказала Виша. – И альвы. Те, кем были эльфы и орки до дня Гнева.

–Совершенно верно. И момент выбора – за кем идти и кому служить.

Эредиа прошла к стене, где в неприметной нише прятался пульт управления учебной программой и запустила следующую иллюстрацию мифологической истории мира.

Следующие голограммы проявлялись постепенно, располагаясь по кругу, и изображали грандиозные батальные сцены, которые – будь такая возможность – Виша могла бы рассматривать часами, поскольку очень любила всяких мифологических существ. А их в битве участвовало предостаточно: молодые виверны, грифоны, мантикоры… На одной из последних картин над телом погибшего альва склонялись те же бог и богиня, Никкар и Эвриала, любовники–враги. Они держали его за руки и постепенно альв исчезал. Поддерживаемые богами, с земли вставали две новые сущности – бескрылые, остроухие, разные и похожие одновременно эльф и орк. Они выпрямлялись и вставали, повернувшись спиной друг к другу, отталкивающиеся половины разбитого целого. Орк принимал из рук Эвриалы тяжелый меч, Никкар протягивал эльфу лук и стрелы.

–Мы приняли сторону порядка, они предпочли хаос. Признаться, всегда им завидовала. Идем дальше.

Эльфка отключила учебную программу и прошла в следующий зал.

За залом первой пра–войны следовала целая анфилада комнат, посвященных истории войн древнего мира. Залы чередовались – война с людьми, война с орками, война с людьми… и так далее. Вишу поразила экспозиция, посвященная Году Зимы – она увидела выстуженные, мертвые леса, эльфов, лежащих в снегу, обратив белые лица, на которых не таял снег, к низкому зимнему небу, где вместо солнца сиял прозрачный черный кристалл с вырезанной вертикальной чертой – руной Иса.

–Это единственный случай, когда орки использовали магию в войне. Мы тогда сильно потеснили их, а жить им хотелось не меньше нашего. Так какая это руна, Виша?

–Иса. Руна льда. – Виша покраснела, вспомнив, как осрамилась со старшими рунами.

–Как ты видишь, собственно экспонатов в первых залах почти нет. И то, какие здесь могут быть артефакты? Перо из крыла альва? Меч короля Тенариана, разбившего войско Одайна и закрепившего за эльфами их земли? Орочья руна?

–Можно было бы сделать реплики, – подала голос Виша. Голограммы ей очень нравились, но вещей, которые можно потрогать руками, все же не хватало.

–Мы не держим в этом музее реплик, – несколько надменно ответила профессор Эредиа. – Так что не вздумай в следующих залах цапать экспонаты без разрешения.

Военная история нового времени начиналась для эльфов после падения Лис-Арден. Залы, отведенные этому периоду, отделялись комнатой,

ничем не украшенной и совершенно пустой. Как если бы прошлое не перестало что-то означать, но перестало быть значимым. И можно было начинать заново, писать хронику на чистом листе, заполнять экспонатами пустые комнаты. Над входом в следующий зал Виша прочитала надпись: «Войны закончились. Началась Война».

Профессор Эредиа проводила Вишу по залам, посвященным эволюции вооружения и показывала, как менялось оружие эльфов, приспосабливаясь к новым врагам.

–Мы так и не нашли в себе сил отказаться от легких мечей и искусства танца со смертью; конечно, стальные клинки пришлось модифицировать. А с другой стороны, вся эта стрельба, столь любимая людьми, в новой войне оказалась совершенно бесполезной. Стрелять в дерево – что за нелепость… а вот перерубить его – совсем другой разговор. Вот, полюбуйся, с чего начинали первые аспиды.

На открытом стенде размещались повидавшие виды, послужившие на своем веку плазменные мечи – такие вышли из употребления не менее полусотни лет назад. Тогда еще не умели создавать достаточно стабильное магнитное поле, удерживающее плазменный клинок, и поэтому надежностью это оружие не отличалось; теперь его не без снисхождения именовали «горелкой» и использовали разве что в показательных целях.

–Смотрится трогательно, не правда ли? Эти игрушки из последней партии, их разрабатывал тогдашний лорд–наблюдатель в бытность свою обычным оружейником.

И Эредиа взяла со стенда старинный меч аспида – в отключенном состоянии он выглядел как эфес без лезвия, с полой рукоятью и массивной гардой. В полой рукояти, выполнявшей функции воздухозаборника, крепился искусственный кристалл. Эльфка щелкнула защитной задвижкой и кристалл соприкоснулся с воздухом. Виша инстинктивно шагнула в сторону.

–Не бойся, я в молодости была не худшей в отряде.

Воздух уходил в рукоять с тугим свистом; поверхность гарды, защищающая руку, была покрыта слоем металла с измененной структурой, способным генерировать постоянное и мощное магнитное поле, удерживающее вырывающийся плазменный клинок. Вильма Эредиа взяла второй, парный меч, запустила и его. Когда она, двигаясь легко и бесшумно, проделала первые каты аспида, Виша поневоле залюбовалась – настолько хороша была эльфка.

–Было время, когда это представлялось самым лучшим, на что мы способны. – Эредиа отключила мечи и вернула их на место. – Пока не появился тихоня Кейри Гааль, сумевший переубедить нас. Ты когда-нибудь видела аспида в боевых перчатках в действии? Нет? Сейчас исправим.

Эльфка подошла к стоящему особняком стенду, сняла с распорок перчатки – такие же, как у Виши, только с блестящей, словно металлизированной внутренней поверхностью, и надела их. А потом привычным щелчком

пальцев скинула с ушей серебряные наконечники и шагнула в расположенную рядом со стендом учебную голограмму.

Виша стояла, раскрыв рот, заворожено наблюдая танец аспида. Со стороны казалось, что эльфка двигается, плавно поводя руками; ладони ее были напряжены, но пусты. И только рассекаемые напополам стволы, летящие во все стороны ошметки веток и брызги листьев указывали путь невидимых клинков. По воле аспида они могли становиться широкими или узкими, длинными как у старинного меча–двуручника или короткими как кинжал. Такое волшебство было возможно благодаря природным способностям эльфов и гению Кейри Гааля. Из учебника Эредиа Виша узнала, что Кейри Гааль – к слову сказать, в настоящее время возглавляющий ведомство отрав, тех милых девушек, одна из которых недавно чуть не покалечила Вишу, изобрел карпалим – вещество, изготовляемое из живых поющих кристаллов.

В нынешнем Обитаемом мире от кристаллов зависело очень многое. Когда-то, давным–давно, живые поющие кристаллы использовали в своих практиках танцовщицы Нимы; тогда не особо задавались вопросом, каким образом кристаллы рождают мелодию, синхронную настроению и характеру хозяйки, и как еще их можно использовать. Знали только, что кристаллы сами выбирают себе танцовщицу, и у одной будут звучать как хор мартовских котов, а у другой смогут уловить тончайшие оттенки эмоций и передать их чудесной музыкой. Гораздо позднее, уже во времена после разделения земель, люди первыми смогли использовать кристаллы как источники энергии, настраивая их на особую частоту звучания. Живых, природных кристаллов было не так много, поэтому пришлось озаботиться созданием их искусственных аналогов. В этом, как и в добыче живых кристаллов, смогли преуспеть только цверги. В своих подземных лабораториях они выращивали источники энергии, от которых зависел весь мир.

В стеклянные формы, дно которых было покрыто слоем порошка из драгоценных камней, растертых в мельчайшую пыль, помещали живые камни. После долгой, мучительно тонкой настройки они начинали звучать так, что частицы драгоценной пыли спекались в мелкие кристаллы, подобные по своих свойствам породившему их. Разумеется, они были намного слабее и далеко не такими чуткими, но все же их было достаточно – и они были намного дешевле.

Кейри Гааль, бывший обычным военным химиком, непривычно тихим и незадиристым для эльфа, в один прекрасный день продал все, что осталось от фамильных ценностей (его предки до дня Огненной Купели были ювелирами), и купил один живой поющий кристалл в личное пользование. Продавшего его цверга, вероятно, хватил бы удар, если бы он увидел, как Кейри распорядился своим новым приобретением: безжалостно растер его в мельчайшую пыль, на основе которой и начал эксперименты.

Он поставил на кон все – и выиграл. Созданный Кейри Гаалем материал, карпалим (на староэльфийском это означало «проворный»), нанесенный на внутреннюю поверхность перчаток, позволял эльфам концентрировать ту часть природных сил, которые они одни способны были улавливать, и преобразовывал ее в силовые поля. Эльфы никогда окончательно не отказывались от практики общения с родными стихиями, и теперь это сослужило им добрую службу. А острые уши помогали им находить невидимые потоки и вихри; чтобы не раздражать их чувствительность лишний раз, эльфы–аспиды носили металлические, обычно серебряные наконечники.

Закончив демонстрацию, Эредиа вышла из голограммы, посмотрела на свою оценку (она оказалась максимально высокой), довольно хмыкнула и, аккуратно сняв, уложила боевые перчатки на место. Потом она закрыла чувствительные уши и, не без удовольствия выслушав вишины восторги, направилась дальше.

Следующий зал был отведен углежогам. Орки были первыми, кто пришел на помощь эльфам после падения Лис-Арден. Они собрали выживших, выходили раненых, обороняли границы выжженной пустоши от остатков армии Леса. Эльфы приняли их помощь – просто и спокойно, как принимает старший брат руку младшего, который, когда пришла беда, был очень далеко, но вернулся, как только смог. С тех самых пор эльфы и орки шли одной дорогой; возможно, по мнению многих она вела в никуда, но иного пути для себя потомки альвов не видели.

В этом зале Виша увидела, как менялись тяжелые доспехи углежогов, защищающие их от попадания дефолиантов и пламени.

–Вот, попробуй, примерь, – и Эредиа опустила на плечи Више подобие рюкзака, вместительные баллоны для напалма или дефолианта. Даже пустые, они легли весьма ощутимо, заставив девушку согнуться.

–Держи, – и в руках Виши оказался распылитель, крепящийся к гибким металлическим шлангам, отходящим от баллонов. – И попробуй выпрямиться.

Виша честно попыталась – но и заплечный груз, и тяжесть в руках тянули ее вперед и вниз. Эльфка засмеялась и помогла девушка снять оружие.

Походив вдоль экспозиции, налюбовавшись доспехами – и опаленными боевыми, и нетронутыми выставочными, Виша спросила профессора Эредиа:

–Скажите, а почему здесь нет посвящения павшим в день Огненной Купели? Это была страшная битва, но разве можно представить военную историю эльфов без нее?

Эльфка ответила не сразу.

–Этот зал открывают один раз в году. Мы справляем свою тризну в одиночестве, не приобщая к ней остальной мир. У меня нет свободного доступа в этот зал, а даже если бы и был… идем дальше, Виша.

Следующий зал был огромен – иначе размещенные в нем экспонаты, боевые флюги, попросту не убрались бы. Это был единственный зал реплик – в мире, где ресурсы были обозримо исчерпаемы и немногочисленны, было бы непозволительной роскошью держать рабочие машины без дела. Виша, с позволения своего профессора, залезла в каждый флюг, чувствуя себя ребенком на параде военной техники.

В свое время, еще до ее встречи в Джесхетом Ломаром, альх–Хазред, желая произвести на нее впечатление, подолгу рассказывал ей об устройстве флюга.

Насколько моргенштерны были велики и медлительны, настолько же флюги были изящны и быстры. К вытянутой округлой капсуле крепились два крыла, способных поворачиваться вокруг своей оси и при этом достаточно гибкие. В крыльях располагались небольшие двигатели, работающие на искусственных кристаллах, настроенных под определенный живой, находящийся в самой капсуле и оживляющий основную силовую установку. Управление флюгом обеспечивали перчатки, подобные боевым. Благодаря карпалиму крылья флюга слышали руки пилота и повторяли все их движения.

Виша, сидя в реплике последней модификации боевого флюга, вспоминала, как альх-Хазред демонстрировал ей свое мастерство.

Чтобы разбудить поющий кристалл, флюгеры использовали камертоны; они носили их на шее и берегли как зеницу ока. Обычно цверги, находя живой кристалл, достаточный для флюга, выращивали под него комплект вспомогательных кристаллов и настраивали камертон; однако бывали случаи, когда флюгеры подстраивали к поющему кристаллу свой собственный голос и определенные образом пропетая терция запускала основную силовую установку. Альх-Хазред предпочитал камертон. Он ударял им по тяжелому золотому браслету, который получил в наследство от деда и никогда не снимал. Затем шаммахит надевал управляющие перчатки, разминал пальцы и кисти, дожидаясь, пока звучание поющего кристалла у него над головой не превратится в несложную мелодию, напоминающую тягучую музыку его утерянной родины. Он укладывал руки на подлокотники кресла, начинал тихо подпевать кристаллу и в какой-то момент его флюг словно просыпался.

Аль-Хазред был отличным флюгером, бесстрашным и доверчивым. Поднимая флюг, он плавно выворачивал ладони ребром к полу и крылья машины повторяли его движения, как если бы были его живым продолжением. Уже в воздухе флюгер задавал положение крыльев, от которого зависели скорость полета и возможные маневры; если флюгер сближал ладони, скорость мгновенно возрастала, разводил – и флюг замедлял движение. От того, насколько были синхронизированы кристаллы самого флюга, карпалим перчаток и интуиция флюгера, насколько гармоничным было их сочетание, зависели все качества полета.

Профессор Эредиа позволила Више оставаться в музее почти до утра. Она не стала напоминать ей, что завтра чуть свет на работу, что нельзя за один раз все углядеть и все потрогать. Похоже, эльфка сама любила ночной музей и не спешила его покинуть. И только когда Виша, присевшая в зале трофеев рядом с симбиотом, залитым в прозрачный стеклопластик, клюнула носом так, что чуть не свалилась на пол, профессор решила, что на сегодня хватит.

Она сама довезла девушку до дома. Засыпая на ходу, Виша добрела до своей квартиры. В длинном коридоре было тихо, все обитатели спали крепким предутренним сном. А у вишиных дверей, сидя на полу, прислонившись спиной к стене, так же крепко спал кто-то в ядовито–оранжевом комбинезоне брохуса.

–Тойво? – даже сквозь сон Виша почувствовала весьма чувствительный и заслуженный укол совести. Она совсем забыла о назначенном свидании; чудеса эльфийского музея затмили все.

–Виша? – брохус мгновенно проснулся, протер глаза каким-то детским жестом и улыбнулся. Похоже, он совсем не сердился. И Више стало еще стыднее.

–Прости меня, – девушка протянула брохусу руку, помогая встать с пола. Продолжая несвязно извиняться, она открыла дверь, пропустила гостя вперед. – Я даже не знаю, что и как сказать…

–Будет тебе, Виша. – Тойво с интересом оглядывался. – Главное, мы все–таки увиделись. Ты уж извини, но я ужасно спать хочу. Я ведь не так давно пришел, в «Шестеренке» оказалось вполне весело… – и он душераздирающе зевнул.

–Ох, и я тоже. Я всю ночь провела в музее, такого нагляделась… нет, на работу я завтра не пойду. Усну под кустом, и какой от меня толк? – и Виша зевнула не менее выразительно.

–Тогда укажи мне место, куда можно упасть, и до завтрашнего утра я тебя не побеспокою.

Виша с минуту смотрела на брохуса, потом покачала головой и улыбнулась.

–Ну уж нет, сегодня моя очередь затащить тебя в свою кровать. Она прямо за тобой. Туда и падай. Места нам хватит, а вот за одеяло не ручаюсь.

Она подошла к постели, из последних сил стащила с себя сапоги, брюки и китель, через голову стянула рубашку и упала на подушки. Тойво, не сказать, чтобы очень уж озадаченный, подошел к противоположному краю кровати, скинул свой форменный комбинезон и обувь, и опустился рядом с Вишей. Когда оба улеглись и одеяло было по справедливости – две трети девушке, жалкий огрызок брохусу – поделено, Тойво успел только взять Вишу за руку… уже через минуту оба спали.

Виша проснулась ранним утром, разбуженная назойливым писком бестактного будильника. Машинально повозив ладонью по полу, она нашарила пискливца и одним точным хлопком заставила замолчать. Потом все–

таки встала, добрела до кухни, напилась воды и одним глазом заглянула в коммуникатор. Ее ждали два сообщения: от Сорью и от профессора. Сорью уложился в одно предложение – «Объявляю тебе благодарность за три месяца безупречной службы и поощряю одним выходным днем и премиальными в размере ста экв». Профессор обошлась тремя словами: «Сегодня уроки отменяются». Виша посмотрела на кровать совсем другими глазами, в один момент оказалась под одеялом, прижалась к безмятежно спящему брохусу, наслаждаясь теплом спящего тела, и преспокойно уснула.

Проснулась она просто от того, что выспалась; такого с ней не случалось уже давно. Потягиваясь, Виша перевернулась на другой бок и увидела, что Тойво все еще спит, повернувшись к ней спиной. Она тихо подвинулась ближе, прижалась к нему и провела рукой по прохладному плечу. Више стало немного стыдно, что брохус всю ночь проспал не укрытый, и, возможно, замерз; она накинула на него одеяло и прижалась к его спине еще крепче.

–Так вот как просыпается твоя совесть… – Тойво тихо засмеялся, повернулся к Више, – Она является в облике теплого одеяла…

Виша засмеялась в ответ, уткнулась носом в шею брохуса и несильно дернула его за ухо; Тойво же, воспользовавшись ее доверчивостью, резко дернул край одеяла и поспешил подмять его под себя. Такого вероломства Виша простить не могла и поэтому не без удовольствия стукнула брохуса по голове подушкой. Через минуту кровать была похожа на фабрику постельных принадлежностей после взрыва, в ней кипела замечательная драка, закончившаяся еще более замечательным примирением. И снова Више было хорошо как никогда; ее наполняла уверенность в том, что эта толика счастья – для нее.

Тойво покинул Вишу, когда было уже сильно за полдень, только после того, как его вызвал сам Сорью и мягко, но настоятельно предложил явиться для выполнения своих обязанностей. Брохус нехотя встал, оделся, наскоро выпил в кухне какого-то вишиного травяного чаю, подошел к двери и обернулся, потому что в затылок ему врезалась пущенная меткой рукой маленькая подушечка… Виша лежала на животе, подпирая подбородок кулачками и болтая в воздухе босыми ногами. Она сверкнула вишнево-карими глазами из–под белесой челки и показала Тойво язык. Брохус не устоял и подошел к ней.

–Я не хочу, чтобы ты уходил, – призналась Виша, прижимаясь к оранжевому комбинезону Тойво. – Вот не хочу, и все.

–Ну… если ты позволишь, к вечеру я вернусь. – Тойво взъерошил вишины волосы, отчего она стала похожа на обесцвеченного ежика. – Ты только не пропадай на всю ночь, или оставь мне пару подушек под дверью, а то пол в коридоре довольно–таки жесткий.

–Договорились, – Виша поцеловала брохуса в кончик носа. – Пожалуй, я буду ждать тебя здесь. Так что завидуй мне.

И она плюхнулась в постель и укуталась по самые уши.

В течение следующих двух недель брохус каждый вечер возвращался в общежитие наемных работников. День он проводил под землей, выполняя работу для Сорью, потом наскоро обедал в общей столовой, стараясь не привлекать к себе внимания, потом снова делал что-то, облегчающее жизнь цветоводов. И спешил к Више, которая к тому времени уже возвращалась от профессора Эредиа. Они проводили сумеречные, лиловые вечера ранней весны, сидя на широком низком диване, закутавшись в мохнатые покрывала, обложившись десятком подушек и предусмотрительно заварив целый чайник настоящего липового цвета – Виша сама собирала его и хранила целый год для особых случаев. Примерно для таких, как этот. Они говорили обо всем на свете; брохус с удовольствием слушал вишины рассказы о вылазках в Лес, о жизни на ферме, об учебе у эльфийского профессора. О себе Тойво рассказывал немного, отчасти потому, что о жизни брохусов Виша знала от своих братьев, отчасти же потому, что предпочитал слушать и спрашивать. Оба отдыхали рядом друг с другом, ни одна забота не смела потревожить их, и постепенно воздух Лис-Арден становился для них не таким уж и горьким.

В этот вечер Виша задержалась против обычного – профессор допустила ее до работы в зале Миравалей и оторваться от архивов эригонских ратманов было весьма сложно. Когда она вернулась домой, Тойво ждал ее, меряя шагами комнату из угла в угол.

–Вечер, Тойво, – Виша кинула на вешалку непромокаемую куртку, стащила сапоги и подошла к брохусу. – Сердишься, что я опоздала?

–Вечер, Виша, – брохус улыбнулся, отчего его худое некрасивое лицо посветлело, и растрепал ее волосы. – Хочу пригласить тебя на прогулку.

–Куда?! – поразилась Виша. – На прогулку? Хороша парочка, нечего сказать – брохус и цветовод… да мы и двух кварталов не пройдем, как нас какой-нибудь аспид прирежет. Я, конечно, могу переодеться в штатское и прикинуться запоздавшей туристкой, но вот тебя, как не переодевай, не замаскируешь.

–Собственно, я и не предполагал, что мы отправимся прогуливаться по окрестностям Академии. Я тут нашел одно место… хочу, чтобы ты его тоже увидела.

–Ух ты. – Виша уважительно посмотрела на брохуса. – Куда это тебя занесло? Я, по правде говоря, заметила, что ты немного сам не свой последние пару дней. Засыпаешь из рук вон плохо даже для брохуса, вопросы невпопад задаешь… как будто научился нервничать. Что-то случилось?

–Надо же… – Тойво поцеловал девушку. – Какие мы наблюдательные. Мне тут новую работу предложили. Само по себе удивительно, от нас обычно спешат избавиться, сделал свое дело – и выдавливайся, прыщ. Не порти общей картины. А тут сам лорд–наблюдатель…

–Что ты сказал?! – Виша даже рот открыла от изумления. – Кто–кто?!

–Лорд–наблюдатель. Между прочим, он вполне лоялен в общении, я бы сказал, даже уважителен.

–И как ты к нему попал?

–Получил приглашение на коммуникатор. Сначала подумал, что это чья-то дурацкая шутка, но когда через полчаса за мной прилетел его личный флюг, пришлось поверить. Он и предложил мне – а что, сама увидишь. Одевайся и пошли.

Виша, только что не повизгивавшая от любопытства, мигом переоделась и вскоре они уже сидели в вагоне наземки, следя как проплывают за окном огни Лис-Арден.

Ехать пришлось довольно долго; Више показалось, что они уже пересекли городское кольцо и оказались за пределами города. Когда она высказала свое опасение спутнику, он только улыбнулся:

–Мы уже минут десять как покинули Лис-Арден. Скоро приедем. Дальше района ангаров и химзаводов наземка все равно не идет, так что прогуляемся по разнотравью, – мрачно пошутил брохус. – Пройдемся пешком, там не очень далеко.

–До чего не очень далеко? – спросила Виша.

–До испытательных полигонов.

–Ничего себе. Знаешь, на такие свидания меня еще никто не приглашал – ночью шарахаться за городом, шариться по мусорным пустошам в поисках эльфийских полигонов, про которые такие слухи ходят, что я бы и днем туда носа не сунула.

–Я рад, что заинтересовал тебя. – Ухмыльнулся Тойво. – А то ты совсем заскучала…

Довезя своих пассажиров до последних ангаров с боевыми флюгами, наземка сверкнула боковыми полосами сигнальных огней и повернула обратно. Тойво и Виша наглухо застегнули куртки, натянули капюшоны и, переглянувшись, отправились вглубь темнеющих за ангарами мусорных пустошей. Тойво прихватил пару люминесцентных фонарей, к тому же было довольно ясно и лунный свет немного разбавлял темноту весенней ночи. Они шли быстро, почти не спотыкаясь и не задерживаясь; Више было не привыкать быстро и тихо передвигаться в темноте, а брохус, казалось, не шел, а парил над землей.

–Как здесь тихо, – почти пожаловалась Виша, обходя разросшийся приземистый кустарник. – В Лесу все дышит, все говорит… а тут как на погосте. Хоть бы травка какая прошуршала.

–Это точно. Тишина здесь мертвая. А значит, неприятная. – Заключил брохус. – Уж я-то знаю, что говорю. Хотя… может, это они только при нас так затихли.

–И стоят нам страшные рожи в спину. – Виша взяла брохуса за руку. – Пошли отсюда побыстрее.

–Уже почти пришли. Видишь ту громадину справа? Это личный полигон лорда–наблюдателя. У меня есть пропуск.

–А у меня? – споткнувшись, Виша остановилась. – Мне что, ползком туда пробираться?

–Зачем? У тебя есть я. – И Тойво тихо засмеялся. – Твоего присутствия никто не заметит. Я блокирую их восприятие. Ты только стой рядом и старайся двигаться синхронно со мной. Сможешь?

–Смогу. Надеюсь, ты с места в пляс неожиданно срываться не будешь? – и Виша дернула брохуса за ухо. – Спасибо тебе, Тойво, давно я так не развлекалась. Пожалуй, с тех самых пор, как встретила в Лесу клыкастого любопытного мальчишку.

–Кого? – поразился брохус. – В Лесу – мальчишку?

–Ну да. – Самодовольно ответила Виша, улыбаясь тому, что смогла удивить брохуса. – Потом как-нибудь расскажу. Кажется, мы пришли.

Действительно, они стояли в тени, которую пересекал ровный луч прожектора, освещающий вход в невысокий ангар. У входа стоял часовой, над дверью была расположена автоматическая турель.

–Теперь веди себя тихо, пока я не разрешу. На счет три – идем вместе. Раз… два…три… – и Тойво спокойно шагнул в полосу света. Виша, замирая и кусая губы, шагала след в след, стараясь даже дышать в такт брохусу.

–Личное разрешение лорда–наблюдателя. – Тойво протянул часовому свой пропуск. Тот просмотрел его, невозмутимо оглядел брохуса и кивнул, разрешая пройти внутрь. Виши он в упор не заметил, как если бы она была тенью брохуса, волочащейся за ним по земле.

Как только они вошли, брохус сделал несколько шагов и остановился. Виша ткнулась ему в спину и недоумевающее пискнула.

–Здесь слишком много посторонних глаз, – тихо сказал Тойво, кивая на камеры слежения, расположенные по периметру коридора. – Смотри, что у меня есть.

И он вытащил из кармана небольшую металлическую штуковину, похожую на растолстевшего майского жука. Брохус сжал «жука» пальцами, тот щелкнул, по его спинке пробежала синяя полоска.

–Все, теперь нас не видно. Эта штука затирает все, вместо движущегося изображения остаются только помехи. Пошли.

В самом здании они миновали еще два поста охраны, спустились по пандусу вниз и остановились у массивных дверей. Тойво набрал код («Лорд не очень осмотрительно набирал его у меня на глазах… а я помню числа до пятидесяти символов длиной…» – прошелестело в голове у девушки менто брохуса), дверь бесшумно ушла в стену и они вошли в темное, прохладное помещение. Брохус повернул выключатель и запустил мягкое верхнее освещение, потом предусмотрительно закрыл дверь и, взяв Вишу за руку, сделал приглашающий жест.

–Проходи. Не скажу – будь как дома, тебе это ни к чему, но можешь хорошенько осмотреться. – Он выглядел довольным, прямо как мальчишка, забравшийся в лабораторию класса химии накануне общего практикума.

Виша огляделась. Помещение было довольно большим, по периметру располагались лабораторные столы, несколько инфокапсул, какое-то оборудование, отчасти даже не распакованное и не настроенное. Посреди находилось нечто, никогда воочию Вишей не виденное, но настолько хорошо знакомое по рассказам братьев, что она безошибочно определила его назначение.

–Да это же пост брохусов! – И она изумленно оглянулась на Тойво, ища подтверждения.

–Ага, – брохус кивнул и добавил: – Не совсем обычный… не стандартный.

–Я и обычного-то не видела… – Виша подошла поближе.

Пост брохусов представлял собой два десятка специально оборудованных мест, расположенных по кругу, замкнутых в кольцо. Рабочим местом брохуса было кресло, где он мог провести положенные ему четыре недели транса, подключенный к системе жизнеобеспечения, а также к общей для его соратников ментальной сети.

–Хочешь, покажу как мы работаем?

И Тойво Маарви привычно устроился в ближайшем кресле: уложил голову на выгнутую эластичную мембрану, сделал вид, будто подключает к височным дискам разъемы связи, затем вытянул ноги, скрестил руки на груди, закрыл глаза и захрапел. Вид у него был безмятежный и бессовестный.

–Так вот как зарабатываются самые большие деньги в мире! – Виша захихикала. А потом представила своих братьев – как они полулежат в таких же креслах, от их спин тянутся полые трубки, уходящие куда-то вглубь системы жизнеобеспечения, лица сосредоточены и печальны. А рядом такие же брохусы, и их выбритые головы венчают полукруглые обручи, заходящие с затылка на виски. И все обручи соединены в цепь, закольцованы, чтобы ничто не потревожило, не поколебало волю брохусов, хранящую покой всего города. Виша представило себе это, и ей стало грустно. Она присела на соседнее кресло, на самый краешек.

–Что случилось? – Брохус открыл глаза и смотрел на Вишу. – Откуда вдруг печаль?

–Не знаю. Вспомнила братьев… невесело у вас тут.

–Как сказать. Иногда случаются всякие экстренные случаи… – и брохус сделал большие глаза. – Но обычно… да, особого веселья на вахте нет.

–Послушай, – у Виша расширились глаза – до нее, наконец, дошло. – Небо мое синее, это что ж такое? Пост брохусов – у эльфов? Зачем?! У них же нет таких способностей!

–Нет, – подтвердил Тойво, улыбаясь.

–И они вас терпеть не могут, считают, что вы только мешаете вести их священную войну!

–Именно так, – брохус улыбался еще шире.

–Тогда за каким… они все это затеяли? – и она выразительно обвела взглядом зал. – Это же стоило уйму денег, и вообще…

–Да уж, немало. Особенно если учесть то, чего ты еще не заметила. Как говорится, найдите десять отличий. – И он выразительно повел руками.

Виша огляделась – уже внимательнее, стараясь вспомнить все, о чем рассказывали Тень и День. Она осмотрела соседнее кресло и брови ее поползли вверх.

–Тойво, они же все именные! Смотри, на мембране имя – Клаус Рифен. А здесь, – она изогнулась и заглянула за плечо, – о, а здесь ты – Тойво Маарви. А у тебя кто?

–У меня – Лори Штеллер, мой учитель, между прочим. Он среди нас самый старший. И самый сильный. Это обычные брохусы с годами слабеют, а мы только набираем обороты…

–Погоди-ка… так этот пост рассчитан только на карателей?! – Виша встала с кресла и попятилась.

–Ну да. Там дальше имена моих хороших знакомых, с кем-то учился, с кем-то работал.

–Ты так спокойно говоришь, будто вы в каком-нибудь цверговском банке штаны просиживали. Ничего себе работка у вас…

–Работа как работа. Скажешь, твое собирательство безопаснее? И не отвлекайся, ты пока только одно отличие нашла.

–Ну ладно. Итак. Вместо двадцати мест – десять. Раз. Кресла именные, видимо, рассчитаны на конкретных брохусов, откалиброваны, так сказать. Два. Все брохусы уровня карателей. Три. А это что такое?

Виша подошла поближе к оставленному креслу, залезла в него с ногами, стараясь заглянуть вглубь, за спинку.

–Насколько я знаю, обычный пост предполагает соединение всех брохусов в единую цепь, для этого эти ваши короны жуткие. А тут, смотри, от каждого звена идет что-то вроде кабеля… и все сходится в… Тойво, это что такое?

–Ты сто раз это устройство видела, Виша.

–Ну да. Только оно было раз в десять меньше. Ты хочешь сказать, что это действительно емкость для живого кристалла?

–Именно так. Как мне объяснил лорд–наблюдатель, самый лучший усилитель – мощный, чистый, надежный – это именно кристалл. Я пока не до конца понимаю, чего он пытается добиться, замкнув нас в цепь, да еще выведя наше менто через такой усилитель. И где он такой кристалл возьмет, ума не приложу.

–А я знаю. – Виша перестала разглядывать сплетения проводов и села. – И ты тоже. В храме Нимы, в Иреме. Я не так давно штудировала

один труд по сакральной скульптуре, там храму Нимы немало внимания уделили. Я помню, что на вершине храма была площадка, куда допускались только сами танцовщицы, будто там проводился некий ритуал, во время которого они танцевали перед своей богиней. И там была статуя Нимы, по свидетельствам очень красивая, и в руке у нее был поющий кристалл, величиной с ладонь. Храм Нимы до последнего оставался действующим и при этом закрытым. Так что некая вероятность того, что кристалл все еще в руке богини, есть.

–И именно за ним нас и пытались отправить в Ирем. Смотри-ка, а у наших эльфов уже появились конкуренты…

–Ну хорошо. – Виша снова встала и прошлась вокруг поста. – Допустим, что храм сохранился, и статуя цела, и кристалл на месте. И даже больше – мы добрались до него и привезли сюда, и запустили всю эту установку. Зачем? Тойво, какое у всего этого назначение?

–Спроси чего полегче, Виша. – Брохус пожал плечами и собрался было еще что-то добавить, но вдруг замер, настороженно прислушиваясь к тишине ангара. Через несколько секунд он вскочил и, схватив Вишу за руку, потащил ее к стоящему в углу шкафу.

–Эй, ты чего?

–Тихо! – прошипел брохус. – Сюда идут, крапиву им под простыни! Спрячься здесь, – и он втолкнул ее в недра шкафа, предназначенного, по–видимому, для служебной документации, – я постараюсь выпроводить их. Не бойся, я тебя не оставлю. Все, сиди тихо.

Он оглянулся и закрыл дверь шкафа.

С минуту Виша пыталась устроиться поудобнее в углу, стараясь занять минимум места; и только она прекратила копошиться и замерла, как комочек пыли, за пределами шкафа зазвучали голоса. Виша затаила дыхание и прислушалась. Один голос – негромкий, немного встревоженный – это Тойво, другой – удивленный, но вполне дружелюбный, а вот третий… резкий, холодный и такой знакомый. Голос Вильмы Эредиа. Виша зажмурилась.

Тойво поприветствовал эльфов и попытался объяснить свое присутствие любопытством и желанием немного привыкнуть к новой технике. Судя по тому, что обладатель незнакомого Више голоса не стал хвататься за штатное оружие и звать охрану, объяснения были поняты и приняты, и вскоре и брохус, и эльф начали обсуждение какой-то из деталей установки; как оказалось, Тойво обнаружил немалые познания в технике. Но удивляться Више было некогда, поскольку второй визитер, насколько она могла определить по отчетливому постукиванию каблуков, начал обходить залу, останавливаясь перед собранным оборудованием. Прошло не так много времени (Виша даже не успела испугаться как следует), когда шаги остановились перед злополучным шкафом. Девушка мысленно распрощалась со всем сущим.

–Какое ничтожное содержание для такого обширного вместилища. – В проеме распахнутой дверцы Виша, сквозь зажмуренные ресницы, видела знакомый силуэт. – Зачем такой огромный шкаф? Неужели вы предполагаете, что после этого опыта останется настолько много документации?

–Шкаф стандартный, Вильма. – Лорд–наблюдатель даже не обернулся. – Лучше обратите внимание на усилитель менто–сигнала. Не слишком ли велико гнездо для кристалла?

–Хорошо. – Эльфка захлопнула дверцу шкафа и направилась к говорящим. Виша выдохнула и стала похожа на сдувшийся воздушный шарик. Эльфы пробыли в зале брохусов еще около получаса, после чего ушли, оставив Тойво привыкать к своему именному креслу.

–Ты жива? – брохус открыл дверцу и присел рядом. – Жива… Когда она сунулась сюда, я думал, у меня глаза из орбит вывалятся.

–А я думала, что вообще умру. – Виша приоткрыла глаза. – Они ушли?

–Ушли. Может, и мы пойдем? Хватит с тебя приключений на сегодня.

–Вполне. Помоги мне встать, кажется, я от страха забыла, как ходить.

Тойво помог ничтожному содержанию покинуть обширное вместилище и оба они уселись в кресла, бессильно откинувшись на спинки. На вишином запястье запищал коммуникатор.

–Ну кто еще, в такой час?!.. – но, поглядев на мерцающий экран, девушка осеклась. – Тойво, это профессор Эредиа. Ты ведь не дашь ей меня убить, правда?

И она открыла сообщение.

–Странно. Профессор приказывает нам сейчас же идти в ангар боевых флюгов. И все. Никаких объяснений, кроме указания, как туда пройти. Что будем делать?

–Я так думаю, выбора у нас нет. Идем, куда позвали. Похоже, мы угодили в историю.

Глава шестая. Приключение

Выйдя из здания той же дорогой, что и пришли, они направились прямиком к ангарам, темневшим в отдалении приземистыми громадами. Ходьбы было около получаса; все это время они промолчали, обдумывая как бы им выкрутиться. Очутившись возле указанного ангара, они остановились, потом, не сговариваясь, крепко–крепко обнялись и стояли так несколько минут. Тойво первым разомкнул объятия – но только для того, чтобы поцеловать Вишу. Прошло еще несколько минут.

–Ну что, пойдем? Перед смертью не надышишься. – И брохус взял девушку за руку и решительно повел ее вглубь здания.

Как только они вошли, раздался громкий щелчок и под сводами ангара загорелись длинные трубчатые лампы. Тойво и Виша поневоле зажмурились, ослепленные ледяным, пронизывающим светом. Когда они проморгались и смогли спокойно оглядеться, то оказалось, что ангар, рассчитанный на несколько десятков боевых флюгов, пуст, если не считать пары довольно потрепанных машин, стоящих по левую руку от входа. Правда, рядом с ними стоял еще один флюг, не эльфийский, выглядящий как свежеоблизанный леденец.

–Где же все? – с комичным недоумением спросила Виша.

–А ты ожидала, что тебя здесь армия поджидает? – знакомый голос раздавался со стороны эльфийских машин. На крыле одной из них сидела профессор Эредиа, на плече ее дремала сова; кивком головы эльфка подозвала к себе пришедших.

–Это новостройка. Предназначена для подлежащих капитальному ремонту флюгов. Я надеялась, что у меня есть еще хоть неделя, чтобы успеть подготовить тебя, Виша. Но, судя по тому, что я сегодня увидела, у меня и часа нет.

Эредиа свесила длинные ноги с крыла флюга и спрыгнула наземь; потревоженная Уху бесшумно взлетела, сделала круг под потолком ангара и опустилась на плечо законной владелицы.

–Опять же, то, что вы оба здесь – редкая удача. Иначе мне пришлось бы вызволять Тойво, добром бы его не отпустили. А еще одного карателя его уровня им придется поискать. О, а вот и ваши спутники.

Брохус и Виша обернулись. В ангар вошли трое – два эльфа, одетые в мундиры подразделения «Симхан», белые с темно–синими оплечьями, и шаммахит.

–Виша! И ты здесь! – Шаммахит без церемоний обнял девушку, потом поклонился брохусу.

–Привет и тебе, альх-Хазред, – все еще не пришедшая в себя Виша во все глаза глядела на эльфов – узнать в разодетых флюгерах виденных в чем

мать родила Ику и Иво было не так легко. – И вам, господа хорошие. Тойво, ты хоть что-нибудь понимаешь?

–Догадываюсь смутно. – Тойво крепко сжал ее пальцы. – Может, спросим у профессора Эредиа? Вряд ли кто-то лучше нее знает, почему и зачем мы здесь.

–Разумные слова, Тойво Маарви. Времени у нас немного, поэтому слушайте внимательно. Мы – я и еще несколько членов Военного совета, их имена вам знать ни к чему – берем на себя ответственность отправить вас с заданием, тем самым нарушая волю всего остального совета и, возможно, обрекая себя на смерть. Это мы обсуждать не будем; Виша, закрой рот, не позорься. По нашему мнению, то, что задумали наши собратья, чревато такими последствиями, что думать о мелких личных обстоятельствах неуместно.

Эредиа внимательно посмотрела на братьев–эльфов и едва заметно улыбнулась.

–Приношу извинения за ваше разжалование. Но теперь это не столь важно; из командиров в рядовые, конечно, обидно, а вот дезертирам вся субординация до одного места… сами понимаете.

Эльфы переглянулись и неожиданно для всех захохотали.

–Теперь о том, для чего вас собрали. Вы полетите в Ирем, найдете там храм Нимы, отыщете статую богини и заберете у нее поющий кристалл, который она держит в руках. И уничтожите его. Не спрячете, не расколете – уничтожите безвозвратно. Это понятно?

Все кивнули, будто действительно все поняли.

–Полетите на двух флюгах. Один – и Эредиа кивнула в сторону потрепанной машины – для эльфов. Не надо так морщиться, все не так плохо. Мои мастера только не отполировали внешнюю броню. А в остальном это самый лучший вариант из имеющихся; полный боекомплект, дополнительная энергоустановка, и еще кое–что интересное. Камертон настройки – рядом с приборной панелью. Второй – разумеется, этот неприличный летающий балаган вашего дружка–шаммахита. Уж не знаю, как он договаривается со своей энергоустановкой, но быстрее и маневреннее его не летает даже лорд–воздухоплаватель. Все понятно? Тойво и Виша летят с альх-Хазредом, а вы – профессор Эредиа повернулась к эльфам – прикрываете их спины.

–Простите, но кто же за нами погонится? Альх летает куда хочет, а пропажу этого потрепанного флюга вряд ли так скоро заметят, не бог весть какое сокровище. – Виша высказалась и замолчала, закусив нижнюю губу.

–Кого точно пустят по вашему следу, сказать не могу. Но то, что это будут кусачие и резвые гончие, несомненно. А ваше сокровище – это он, – и Эредиа кивком указала на брохуса. – Самый сильный из найденных нами карателей, без него установка бесполезна. Все, достаточно слов. Что делать, вы знаете. Выполняйте.

И эльфка отошла в сторону. Иво и Ика, молчавшие все это время, синхронно поклонились ей, прижав руки к бокам, и направились к своему флюгу.

–Небо мое синее, хоть бы слово сказали… – оторопело проговорила Виша.

–А зачем? – альх-Хазред не сдвинулся с места. – Им все и без слов понятно. А вот мне – нет. Помнится, мы в том же составе уже получали подобное предложение, причем за весьма солидное вознаграждение и в более любезной форме. Так все отказались, помните? Почему же сейчас одного пинка этой госпожи достаточно, чтобы отправить нас по тому же адресу, причем без осязаемой выгоды? – он вызывающе выставил вперед подбородок и из его любезно–наглой улыбки выглянула пара десятков поколений предков–шаммахитов, торговцев от бога.

–Как я могла забыть, что спасение мира не может быть аргументом для шаммахита… – профессор Эредиа сокрушенно покачала головой. – Да и обаяния мне недостает, особенно в сравнении с вашим милым божеством. Чем же мне заплатить тебе, альх-Хазред? Деньгами? Вряд ли они тебя заинтересуют, даже и в достаточном количестве. Ну а как же священный город твоих предков? Ирем Многодивный, сокровище Шаммаха? Неужели тебе не хочется увидеть его собственными глазами, альх-Хазред, увидеть, и запомнить, и рассказывать потом немногим оставшимся соплеменникам, как он прекрасен… его свивающиеся в клубки улицы, мраморные дворцы и храмы, мосты, выгнувшие спины над водами Лиала… – Издевательская нота в голосе эльфки была еле уловима. – Ты ничего не потеряешь, отправившись туда, а найти сможешь гораздо больше, чем ожидаешь.

–Неужели? – шаммахит прищурился, будто прицениваясь. – Что, например? Гарем властителя, брошенный им впопыхах и чудом сохранивший свою прелесть? Или парочку кладов, зарытых где-нибудь на видном месте? Виша, не пинай меня, я знаю, что говорю. Глупо бросаться сломя голову, не очень-то понимая, куда и зачем. Этим, – и он кивнул в сторону эльфов, молча наблюдавших за людьми, – этим, конечно, вполне достаточно одного ее слова. А мне одного приказа маловато, я вообще по приказу не работаю. Так что либо мне все объяснят – главным образом, чему мы должны помешать и зачем, либо ищите себе другого флюгера.

Эльфка с интересом посмотрела на шаммахита.

–Вот как. А я ведь прихватила с собой пару антикварных цацек подороже, думала, ты польстишься. Ваш народ всегда ценил вещи дороже знания, но ты, судя по всему, особенный. Скажи мне, альх-Хазред несравненный, флюгер волей богов, когда в последний раз ты испытывал наслаждение от полета – такое, чтобы не помнить себя самого? И когда ты в последний раз летал над незнакомыми землями?

–Звучит заманчиво, – понимающе склонил голову шаммахит. – Одну выгоду я засчитываю.

–Мои смутные опасения не лучший мотив для решительных действий. – Тойво тоже решил высказаться. – Думаю, будет лучше, если вы объясните нам, что в действительности происходит. И чего будет стоить

наша неудача. Простите нам наше неверие, но… вы застали нас врасплох. Виша, кажется, сейчас заплачет.

–Что?! Да ничего подобного! – Виша больно закусила изнутри щеку, обычно это помогало ей удерживать слезы в положенных им пределах. – Просто как-то невесело убегать вот так, даже не собравшись, не попрощавшись ни с кем, неизвестно почему и зачем. У меня такое чувство неприятное, будто мне нечем заплатить за номер в гостинице и я сбегаю, как трусливый мошенник, даже как следует штаны не застегнув…

–Хорошо. Будь по–вашему. Но рассказ будет краток, уж не обессудьте.

Эльфка помолчала, словно взвешивая слова – какие говорить, какие оставить при себе.

–Идея создать установку, аналогичную сторожевому посту брохусов, но настроенную на карателей и значительно сильнее разгоняющую их менто–волну, принадлежит лорду–маршалу. В юности он оказался свидетелем того, как один каратель вывел из окружения отряд аспидов, и так впечатлился, что сумел преодолеть вековые эльфийские предрассудки и всерьез занялся изучением феномена брохусов. Шло время, идея его обретала все более четкие очертания и искренних сторонников. Особенно значимой оказалась поддержка старейшины орков. Вас, людей, наши внутренние дела не касаются, но имейте в виду – несмотря на то, что наши кровные братья разделили нашу судьбу, от своей они тоже не отказались. Городов они никогда не строили, так что и терять их им не пришлось. Война тоже не была им в новинку, так что судьбу солдат–бессрочников в нашей армии они приняли легко и не без удовольствия. Вроде как вполне гармоничная картина: легкие аспиды и ходячие танки–углежоги, полное взаимопонимание, общность интересов и общая же беспросветность и бессмысленность… ибо победа в этой войне суждена не нам.

–Какая ирония… – эльфка криво усмехнулась и пожала плечами. – Века миновали, прежде чем народ альвов воссоединился – и все для того, чтобы одновременно улыбаясь и проклиная, шагнуть в бездну. Однако при всем том эльфы не забыли, что орки сумели каким-то неведомым способом сохранить свои поселения вдоль Безымянного хребта. Никак не укрепленные, малонаселенные, они должны были пасть под пятой Леса первыми по нашу сторону гор. А вот не пали. Стоят до сих пор, обитаемые, жилые… Когда лорд–маршал понял, что даже его установки и самых сильных брохусов ему не хватит, чтобы выполнить задуманное, он с тоски чуть не удавился. Метался, как бешеный пес в клетке, со всеми единомышленниками перессорился… на его счастье, одним из посвященных в идею повторения Дня Огненной Купели – но уже для Леса – оказался глава углежогов, сын последнего шамана.

Эредиа замолчала, переводя дыхание.

–Когда лорд–маршал рассказал шаману о своем бессилии, тот сначала напомнил ему о существовании тех самых поселений, а потом спросил –

мол, как ты думаешь, брат мой, кто защищает наши земли? А теперь ответь мне, Виша, что было единственной драгоценностью, ценимой орками?

Не задумываясь, девушка сказала:

–Алмазы темной крови, да. Правда, ни один из них не сохранился, и вообще у этих реликвий статус легендарных. Они ведь не для украшения были. У орков целая мифология вокруг этих камней выстроена…

–Расскажешь ее своим спутникам потом, – прервала ее эльфка. – Только не забудь про должное почтение, потому как сила в этих алмазах не мифологическая, а вполне реальная. Оказывается, в каждом из орочьих поселений есть святилище, в котором хранится один из сохранившихся с незапамятных времен камней. Они и обороняют свой народ, не позволяя Лесу нападать.

Эльфка оглядела слушателей, резко выдохнула и продолжила.

–Мы теряем время. Короче, я не буду в подробностях расписывать замысел лорда–маршала и его техническое воплощение. Итог примерно таков: брохусы-каратели излучают особые менто–волны, их цель – не удержать в повиновении, а уничтожить чужеродный разум. Кристалл соединяет эти менто и усиливает, а затем направляет разогнанную волну на орочьи святилища с их реликвиями. Первый же эксперимент на куцем подобии установки выдал такие результаты, что весь Совет поддержал лорда–маршала. Отраженная волна выжигает в растениях саму способность мыслить, убивает их сознание, превращая просто в клеточную массу. Растущую, цветущую, дающую плоды – и совершенно бессмысленную. Если вас опередят, и привезут сюда кристалл, и найдут еще одного карателя, и запустят эту адскую машину… то ее мощности, помноженной на алмазы темной крови, хватит, чтобы убить душу Леса. Навсегда.

–Это ужасно… – только и смогла сказать Виша.

–Но так уж вышло, что среди эльфов до сих пор есть те, кто сохраняет любовь к потерявшим рассудок братьям. Отец в жизни бы не поверил… – Эредиа оборвала себя и продолжила: – Нас немного и мы вынуждены молчать. И подтверждать свою лояльность… помнишь мой пыточный сад, Виша? Как тебя там ломало… да будь я именно той Эредиа, какой меня считают, ты вылетела бы на мостовую за одну только гримасу сострадания!

Виша кивнула и опустила глаза.

–Зато репутация дома Эредиа от таких демонстраций только укреплялась. И я получила доступ туда, куда тот же дом Клеис и близко не подойдет. Поэтому вы все сейчас стоите здесь – стоите и пялитесь на меня как на утопленника, вместо того, чтобы убираться подальше из Лис-Арден! Я и мои друзья рискуем жизнями не для того, чтобы я могла читать вам тут лекции… Ну что, Тойво Маарви, теперь цена вашей неудачи тебе очевидна? А ты, альх-Хазред, согласен помочь потерявшим надежду эльфам задаром? Тебя я не спрашиваю, – взгляд эльфки, обращенный на девушку, неожиданно потеплел, – ты давно ждешь этого приключения. С того самого дня, как Джесхет

Ломар сбежал умирать в одиночку, оставив мне испачканные кровью простыни и вторично брошенную им девочку, захлебывающуюся слезами, ошалевшую от жалости к себе. Вы все – беретесь за это дело или мне все придется делать самой? – в жемчужно–серых глазах Вильмы Эредиа вскипал холодный гнев; казалось, она видит их насквозь – и это зрелище ее не вдохновляет.

–Не беспокойтесь, госпожа. Никто из ваших флюгеров не сможет меня догнать, уж поверьте. Я полечу в Ирем. Ваша правда, иначе я превращусь в захудалого каботажника. – Альх-Хазред улыбнулся так, словно солнце просияло из-за туч, и низко поклонился эльфке.

–И я полечу. – Тойво протянул руку, взял узкую ладонь Вильмы и церемонно, не хуже эльфа, поцеловал ее. – Берегите себя.

–Ну, договорились, наконец. – Профессор Эредиа вновь вернулась к своему холодному, язвительному тону. – Однако я не верю своим глазам – вы все еще здесь?! Марш по машинам! Чтобы через пять минут вашего духу тут не было!

Альх-Хазред, дожидаясь, пока раскроется над ними крыша ангара, надел управляющие перчатки – тыльная их сторона, покрытая тончайшим слоем карпалима, была стандартного для всех флюгеров черного цвета, а вот внешняя была богато расшита золотыми нитями, выводящими затейливый шаммахитский узор; размял пальцы и кисти, готовясь принять управление. Когда едва слышный металлический лязг оповестил его о том, что путь свободен, он вытянул из-за ворота камертон и легонько стукнул им о массивный золотой браслет, наследство легендарного предка–пирата. По кабине поплыл приятный, вибрирующий звон, и ему почти сразу отозвался кристалл, питающий силовую установку флюга, а за ним запели, задрожали упругие крылья, готовые нести машину вдаль и ввысь. Шаммахит, отрешившись от всего на свете, откинулся в кресле флюгера, прикрыл глаза и запел. Эта песня была похожа на посвист ветра над прокаленной степью, на гудение тяжелого полуденного воздуха; не было в ней особой выразительности и мелодия ее была небогата, но само время вязло в ней как пчела в меду и погружалось в дрему, и то, что внутри флюга казалось спокойным и неторопливым, за его пределами было молниеносным. Так, Више виделось, как альх-Хазред неспешно проделывает руками все такие же мягкие, плавные движения и крылья флюга, слегка изгибаясь и вибрируя, становятся их продолжением. Добившись за считанные минуты почти полной синхронности движений своих рук и крыльев машины, флюгер несильно сжал пальцами подлокотники кресла, и его флюг замер, ожидая приказа, дрожа от нетерпения. Шаммахит улыбнулся, открыл глаза и легким движением кистей поднял флюг в воздух. Следом за ним поднялись и эльфы.

В черном мокром небе зависли два флюга – потрепанный и блестящий, похожие на видавшую виды дворнягу и холеного породистого пса, собравшихся вместе на поиски приключений. И поскольку долго выбирать

дорогу не пришлось – все карты были загружены в инфокапсулы флюгов, и цель была определена – то, нарушая все правила, пилоты погасили бортовые огни, и их корабли растворились в ночи, и лишь короткий порыв ветра помнил о том, что еще секунду назад они были еще здесь.

Вильма Эредиа, переводя дыхание, все еще не веря в то, что ей удалось опередить своих сородичей, начертала вслед исчезнувшим в небе флюгам древний жест благословения – когда-то именно им эльфийские короли напутствовали тех, кто отправлялся в дальний путь и не надеялся на возвращение.

Тойво, впервые очутившийся во флюге шаммахита, вертел головой, пытаясь разглядеть в полумраке подробности довольно просторной для флюга кабины. Кресло пилота располагалось впереди, за ним – два пассажирских места; собственно, этим сходство машины альх-Хазреда с обычными флюгами и заканчивалось. Альх-Хазред, любивший свою машину как дом родной, обустроил капсулу по своему вкусу и нраву.

Капсула флюга была традиционно овальной, слегка вытянутой с одного конца формы; верхняя часть изготавливалась из стеклопластика, меняющего степень прозрачности от почти полной до непроницаемой – в зависимости от интенсивности солнечного света и от желания пилота. Кресло флюгера располагалось в вытянутой части капсулы, оно было самым большим и удобным; по левую сторону от него в металлических когтях покоился шар силовой установки – стальная сфера надежно защищала поющий кристалл, дающий жизнь машине, а по правую сторону была смонтирована инфокапсула, из которой вечно торчали какие-то провода, часть защитных панелей отсутствовала, однако все это не мешало ей работать – причем быстро и безотказно. Сразу за пилотским креслом пол кабины плавно повышался, и со стороны инфокапсулы уступами, одно над другим располагались пассажирские кресла, а с другой – Тойво сначала глазам своим не поверил, настолько это было нетипично – было обустроено ложе. Именно ложе, поскольку назвать это место просто кроватью язык не поворачивался. Оно занимало почти всю левую сторону капсулы до стенки грузового отсека, и было обустроено и разукрашено не хуже, чем опочивальня во дворце властителя Шаммаха в былые дни. Подниматься к нему надо было по трем низким ступеням, устланным черным медвежьим мехом, черное же атласное покрывало по низу украшала шелковая вышивка, превращавшая мягкую ткань в раскрытый павлиний хвост, бесчисленные подушки – разноцветные парчовые, бархатные, меховые и маленькие белые лебяжьи – рассыпались как драгоценности из опрокинутого сундука. И все это великолепие осенял невысокий (сколько высота капсулы позволяла) балдахин из фиолетового газа, расшитого серебром.

– Ничего себе… – брохус вот уже десять минут таращил глаза, забыв, где он и что вообще происходит. – Это музейный экспонат или можно потрогать?

–И поваляться тоже можно, – не оборачиваясь, ответил флюгер. – Только разувайся. И раздевайся, разумеется.

За пассажирскими креслами проходила стенка, отделявшая грузовой отсек; там располагались крошечная кухонька, вмещавшая холодильный шкаф, откидной столик и нагреватель для воды, собственно контейнеры для перевозки – был даже массивный сейф, и туалет. Под полом, кроме обязательных баков с дефолиантами и воспламеняющейся жидкостью для огнемета, также были оборудованы места для перевозимого груза. Помимо необычного спального места в глаза бросались также роскошный ковер, постеленный под ноги флюгера и золотая статуэтка, представляющая копию одного из фрагментов иремского храма Нимы – она украшала сферу энергоустановки. На нее Тойво пялился еще больше, чем на балдахин.

–Послушайте, вы все. Мы что, действительно летим в Ирем? – Виша отвела взгляд от беспросветного ночного неба, разливающегося за полупрозрачной сейчас стенкой капсулы. – Меня как будто по голове стукнули, я ничего не соображаю. Пару часов назад я была уважаемым наемным работником в местной тюряге, а сейчас чувствую себя каким-то спасителем мира. Вот ведь бред!

–Виша, ты похожа на спасителя мира, как плевок на потоп… извини, такая у нас поговорка.

–Спасибо, Альх… очень лестное сопоставление.

–Виша, тебе страшно? – и Тойво, сидевший выше, наклонился и взъерошил вишины волосы.

–Ну… пока вроде нет. Уху спокойна, а значит, все хорошо… эй, ты! Ты что делаешь? – этот возмущенный возглас относился к флюгеру, который вдруг свел ладони так, что они почти соприкасались пальцами, резко подбросил их и пропел короткую фразу на шаммахитском. Флюг замер и прянул вверх. Потревоженная сова, задремавшая на спинке вишиного кресла, захлопала крыльями, недовольно ухнула.

–Проснись, детка! – флюгер обернулся, подмигнул девушке и вычертил руками замысловатый узор. Повинуясь ему, флюг полетел гораздо быстрее, да еще и по сложной траектории, как будто наперегонки с нетрезвой летучей мышью. – Не страшно, говоришь? Сейчас сделаем!

–Альх, прекрати!

На приборной панели, слабо светившейся перед флюгером, запищал коммуникатор и из небольшого динамика раздался голос Ики:

–Альх-Хазред, я подписался прикрывать твою задницу, а не кувыркаться в небесах как клоун. Что у вас там происходит?

–Ничего страшного, Ика. Только хотел развеселить Вишу.

–Ааа… Вы лучше делом займитесь, карты посмотрите, выберите покинутое поселение для первой остановки. Я, знаешь ли, во сне давно уже не летаю. – И динамик замолчал.

–В следующий раз развесели меня как-нибудь по–другому, альх-Хазред… – Виша скорчила флюгеру в спину страшную гримасу. – И спасибо, что встряхнул. Сколько нам до Ирема лететь?

–Ну, разбежалась. Для начала доберемся до Маноры – это не считая покинутых поселений, где мы будем отдыхать. К оркам, я так думаю, заглядывать не будем? Вот… От Маноры до Мисра, а вот оттуда уже в земли Шаммаха, в Ирем. А там, глядишь, если все получится, можно и в Арр-Мурра податься…

–Типун тебе на язык! Давай без этого обойдемся, пожалуйста.

–А можно я карты посмотрю? – брохус смущенно улыбнулся.

–Да милости прошу! Присаживайся тут… и вообще, будь как дома.

Тойво аккуратно ступая, перебрался к инфокапсуле, уселся на среднюю ступеньку, крытую черным мехом, и принялся перелистывать на экране изображения земель. Виша, понимая, что сейчас ей тоже лучше заняться чем-нибудь осмысленным, чтобы справиться с ситуацией, для начала отправила сообщение братьям – чтобы не беспокоились, потом встала, перебралась в грузовой отсек и принялась инспектировать его содержимое. Оказалось, что о снаряжении позаботились, причем основательно: еда, вода, медикаменты, подходящая одежда – все было собрано основательно и с толком. Судя по показаниям приборов, баки с дефолиантами и горючкой были полны, распылители отлажены.

–Ну как, нам не забыли дать в дорогу пару бутылок из запасов Бриарея? – поинтересовался флюгер.

–Альх, ты же кроме воды ничего не пьешь, даже грибной чай отвергаешь!

–Так это я о вас беспокоюсь, надо же вам как-то лететь все эти дни, дети мои. Хотя… кровать еще есть, но я боюсь, что вы слишком стыдливы, чтобы ею воспользоваться, – и довольный собой шаммахит засмеялся.

–Очень смешно… – хмыкнула Виша. – А если серьезно, нас выдернули на ночь глядя, а я, между прочим, весь день работала, сначала в теплицах, потом в архиве. Устала я.

–Дело говоришь. – Ответил флюгер. – Я вот тоже не озаботился заранее выспаться, а к рассвету и вовсе сморюсь. Так что еще пара часов – и будем садиться. Тойво, как там на картах, есть что-нибудь подходящее?

–Есть. Первое поселение примерно в часе лета, второе – двух или трех. Оба небольшие, но где спрятать флюги, думаю, найдем.

–Вот и прекрасно. Повтори все это нашим сопровождающим…

Брохус переключил коммуникатор и передал эльфам предложение шаммахита. Помедлив, Ика ответил:

–Согласны. Однако прошу принять первый вариант посадки. Через час.

–Почему? – встрял в разговор альх-Хазред. – Устать вы не могли, вы вообще не устаете. Флюг капризничает?

–Похоже на то, – ответил эльф. – У нас по правилам одна норма загрузки, а по приборам – совсем другая.

–Какая разница? – шаммахит прекратил зубоскалить и сделался абсолютно серьезен.

–Почти пятьдесят мер в минус.

–Нехорошо. Разбалансировка вам все управление попортит. Садимся в… как оно там называется, Тойво?

–Лунный Клык. Странное название для маленького городишки.

–Это же пограничье, Тойво. Там когда-то была башня сторожевая, вот из-за нее город так и назвали, собственно, сначала это был гарнизон, а уже потом…

–Хм… – Нарочито громко кашлянул флюгер. – Кажется, я попал на урок истории…

–Ладно, ладно… – Виша не стала обижаться. – Раз вам неинтересно, я замолкаю. Пойду подремлю, пока вы тут так заняты.

Спустя час вновь раздался тихий писк коммуникатора, на этот раз говорил Иво.

–Наш навигатор показывает группу строений, уже в пределах видимости. Думаю, заявлять о своем прибытии мы не станем? Где будем садиться?

–Сейчас решим, – и флюгер попросил Тойво: – Слушай, парень, увеличь план города и глянь, нет ли там чего-нибудь вроде склада или театра, но только под крышей.

–Есть. Не пойму, что это такое, но в плане выглядит достаточно большим. Вот точные координаты. – Похоже, брохусу понравилось быть штурманом у знаменитого флюгера.

–Отлично. Я иду на посадку. А вы пока позависайте, малышня.

Смотреть на альх-Хазреда было одно удовольствие: шаммахит весь сиял, казалось, он общался со своим флюгом как с большой, послушной и живой игрушкой. Стеклопластик капсулы стал почти прозрачным, но кроме все той же холодной, непроницаемой ночи ничего не было видно. Флюгер опустил машину, выставил крылья, сведя их почти вплотную, и включил внешние осветители. Прямо перед ними проявились контуры большого здания, не слишком высокого, зато довольно обширного. Ко входу вела широкая лестница, усеянная обломками и мусором.

–Добро пожаловать! – и альх-Хазред прямо–таки вплыл в провал когда-то огромных дверей, рассчитанных на толпу посетителей. Они сразу оказались в просторном круглом зале, и пилот отвел флюг в сторону, чтобы освободить место для эльфов, и посадил его.

–Где это мы? – спросил, озираясь, Тойво.

–Неужели не узнаешь?… – Виша оглядывалась, выхватывая из расступающейся пыльной мглы все новые подробности: амфитеатр кресел, поднимающийся под самый потолок, невысокий барьер по кругу зала, смутно различимые в вышине осветительные приборы и какие-то крепления. – Это же цирк… а мы на его арене. Очень символично, по–моему. Циркачи

всегда были самыми безрассудными из артистов. Если захотите, потом расскажу, я в архиве Миравалей такие подробности про божественных циркачей раскопала…

В это время эльфийский флюг, поднимая клубы едва начавшей оседать пыли, влетел на цирковую арену и опустился на нее.

–С прибытием! – альх-Хазред был доволен – видимо, в «Симхане» знали свое дело. – Ждем, пока тут приберутся, и выходим. Посмотрим, что у вас там по дороге отвалилось. Виша, метлу в руки и – твой выход!

Когда пыль осела, шаммахит, девушка и брохус вышли из флюга, на арене их уже ждал Ика – Иво остался за управлением.

–Ну вот что. Давай-ка приподнимись на высоту роста, и посмотрим для начала, что у вас там с содержимым баков – может, какой-то просто не до конца заполнили, или на заводе с комплектацией напутали.

Иво выполнил просьбу шаммахита, поднял флюг в воздух и открыл нижнюю палубу. На первый взгляд, все было в полном порядке, но когда Ика полез осматривать баки с горючей жидкостью, то стоящая ближе всех Виша услышала сначала длинный свист, а затем за ним последовало короткое и выразительное эльфийское ругательство. Ика отошел в сторону, лицо его помимо воли выражало крайнюю степень изумления.

–Иво, выгрузи первый бак с горючкой, и осторожно переверни.

Хорошо видимый за стеклопластиком эльф кивнул и вслед за этим из недр флюга медленно выдвинулся кронштейн, на котором крепился продолговатый бак; когда он попал в полосу света, стало ясно видно, что в стенке бака вырезано приличных размеров отверстие.

–Ого. Интересная модель – «Оставь свой след на земле»! Виша, отойди-ка в сторону, – и аль–Хазред скомандовал эльфу: – Переворачивай, сольем остаток и нейтрализуем пеной.

Медленно и бесшумно бак переворачивался, но из него не выпадало ни капли жидкости; шаммахит и эльф недоуменно переглянулись, а брохус вдруг громко засмеялся и сказал:

– Ну, это вы вряд ли пеной нейтрализуете…

После этих слов из перевернутого бака в желтую пыль с гулким стуком вывалилось тело. Все невольно шарахнулись в стороны, и только брохус продолжал хохотать. Тело полежало с минуту, потом поднялось сначала на четвереньки, и затем и на ноги. Судя по всему, это был гном. С темно–красными волосами, свитыми в толстые жгуты, длинными руками и таким огромным ртом, что даже страшно было, как он сам себя за обедом не проглотил. Гном, похоже, проспал мертвецким сном весь полет, и теперь приходил в себя – пытаясь понять, где он и кто все эти люди.

–Маульташ?! – Виша попятилась от изумления. – Небо мое синее, ты как сюда попал?

–Это я ему помог.

Все как по команде обернулись на этот голос – звонкий, детский, совершенно неуместный здесь, среди пыли и векового запустения. Говоривший сидел на крыле флюга альх-Хазреда, болтая ногами и с интересом разглядывая собравшихся. Это был светловолосый мальчик, одетый в простые полотняные рубаху и штаны и босой. На груди его болталось самодельное ожерелье из ярко–оранжевых ягод, за поясом торчала палка.

–Ну ничего себе. – Шаммахит протер глаза, сморгнул и снова уставился на гостя. – Вы все это видите?

–Ага. – Виша кивнула. – У нас у всех общая галлюцинация, причем у меня это не в первый раз.

–А… может, ты нам объяснишь… – брохус явно не знал, как говорить с детьми.

–Что именно? – мальчишка вскинул бровь. – Про Маульташа или про меня?

–Про Маульташа. – Сглотнув, ответил брохус.

–Он мне нравится. – Сообщил, улыбаясь, мальчик. – Он очень добрый и веселый, хотя язык у него как у гадюки. Мама делает вид, что сердится, когда я пою его песни, это так смешно… а потом сама отцу повторяет и хихикает. Он был в эльфийском городе, пел для тех, кто танцует со смертью, и немного не рассчитал со своими словами. Эльфы такие обидчивые и глупые, хотели его наказать. Я терпеть не могу наказаний! – парень нахмурился и воздух вокруг его головы заметно заискрился. – Я привел его в большой заброшенный дом на окраине, где стояла эта машина, – и он кивнул на флюг эльфов. – И спрятал в ней.

–Понятно. – Вежливо кивнул брохус. – А чем же вы так бак разворотили? Там же многослойный металл…

–Слышь, ты, мыслепила, – гном пришел в себя и даже почти не шатался, – у каждого уважающего себя гнома есть резак.

Гном попытался вытащить резак из чехла, висевшего на ремне, но вместо него вытащил из кармана штанов плоскую золотую флягу, посмотрел на нее, громко икнул, зашатался и чуть не упал.

–А еще уважающий себя гном не ходит без фляжки с настойкой серого мха. – Не без зависти констатировал Ика. – Спится с нее превосходно, так, что ли?

–Ага. – Гном вновь обрел равновесие и оглядывал всех собравшихся прищуренными блестящими глазами.

–Возьмите Маульташа с собой. – Мальчик просительно улыбнулся. – Прошу вас, возьмите. С ним весело.

–Раз ты просишь за него, конечно, возьмем. – Неожиданно для всех первым согласился Ика. – Пусть летит с нами, чего уж там.

–Вот здорово. – Мальчик благодарно улыбнулся. – Ну, мне пора. Еще увидимся!

Он встал на крыло флюга, примерился, легко перепрыгнул на крышу и, сделав шаг куда-то в сторону, исчез. Растворился в клубах пыли.

–Ну и дела. Друг, ты давай отойди в сторонку. А ты, Иво, закрывай брюхо и сажай машину. – Шаммахит выглядел малость озадаченным, но, как ни странно, довольным. Главное, с машиной все в порядке, а гном флюга не обрушит. – Давайте на ночлег устраиваться, все устали, особенно Виша. Спим до полудня, а там поглядим, что и как.

Глава седьмая. Плавающие сады Маноры

Шаммахитское ложе во флюге альх-Хазреда оказалось не только роскошно изукрашенным, но и весьма удобным. Виша, брохус и флюгер разместились на нем без боязни, что придется поворачиваться с боку на бок по команде. Как там устроились эльфы и гном – неизвестно, а вот гости шаммахитского флюга, обложившиеся подушечками, укрытые легкими одеялами и опустившие балдахин, чувствовали себя как во дворце. Они еще немного поболтали – совсем малость – и уснули усталым крепким сном, самым сладким – таким, какой приходит лишь под утро, часов в шесть, да и то при условии, что прободрствуешь всю ночь.

Полдень следующего дня застало их сидящими на широких ступенях входа в цирк. Флюги, готовые продолжать путь, остались на арене, а путники решили выйти на воздух и немного отдышаться.

Открывшийся их глазам пейзаж был вполне достоин украсить собой стены «Мертвецкой». Цирк, в котором флюги нашли приют на ночь, располагался на небольшой площади, поросшей мусорным разнотравьем. Невысокие и когда-то красивые здания разрушались, брошенные и никому не нужные. Чернели дверные проемы, по стенам ползли корявые трещины, в оконных провалах проглядывали смутные очертания прежней жизни. Над одной из дверей все еще держалась вывеска – «У старого клоуна»; когда-то это был маленький уютный ресторанчик, с цветными фонарями на столах, мозаичным полом и деревянными резными ставнями. Теперь от него веяло серой, унылой жутью; клоун был не просто стар – клоун был мертв. Рядом с ним доживала свой век «Красотка» – во всяком случае, именно это слово, выложенное из потускневших зеркальных плиток, можно было прочесть над огромным окном, щерящимся осколками стекол. Внутри можно было разглядеть опрокинутые или перекошенные парикмахерские кресла, разбитые витрины и какой-то мусорный куст, вольготно разросшийся в мраморной вазе посреди зала – возможно, на месте душистых комнатных роз. Куст был тускло–рыжего цвета, колючий и некрасивый. По левую сторону площади начиналась аллея, уводящая к реке. На месте деревьев были традиционные для этих мест гранитные столбики, частью поваленные; в начале аллеи белела чаша фонтана, наполовину заполненная заплесневелой водой, отвратительной даже издалека. День выдался пасмурный, какие нередко бывают ранней весной, с северо–востока тянул тихую песню промозглый, безрадостный ветер.

–Тихо-то как. Даже не по себе, так и тянет песню заорать, – сообщил уже совсем протрезвевший Маульташ. Гном принял известие о цели путешествия со стоическим спокойствием и даже не без интереса.

–Не надо. – Попросила Виша. – Тут и без того жутко, а ты своим ревом еще разбудишь, кого не надо, в недобрый час.

–Да кого тут будить? – недоуменно переспросил гном. – Растения этими землями брезгуют, окраины и те не полностью зарастают. Звери? Натравишь на них свою сову, пусть полетает, поухает. Люди? Убрались восвояси лет сто назад, не меньше.

–Я бы не была так в этом уверена. Мой учитель бывал в потерянных поселениях. И однажды встретил там людей – но таких, что счел за благо перекинуться в волка и удрать. Об этой встрече он вспоминал без особого удовольствия, я бы сказала, даже со страхом.

–А кто твой учитель?

–Профессор из Одайна, Джесхет Ломар, если тебе это что-нибудь говорит.

–Представь себе, говорит. Он консультировал моего папашу, и во всем, что касалось антиквариата, мой хрыч смотрел долговязому профессору в рот. Ладно, с песнями подождем. Уважаемые, может, посвятите нас в свои планы? – этот вопрос Маульташ адресовал флюгерам, уже с десяток минут что-то тихо обсуждавших.

–Непременно. – Ика кивнул. – Маршрут примерно такой: Манора – Миср – Ирем. Два мертвых города и один город–призрак. Мелкие стоянки не считаем. Напрямую лететь, увы, невозможно – остановиться негде, не в лесу же отдыхать. Остаются небольшие покинутые поселения. В этом направлении почти никто не передвигается, так что летим спокойно. Пока вы спали, Иво перенастроил связь – оставил только канал для внутренней связи между машинами и максимально защитил его. Не знаю, как долго мы сможем наслаждаться безмятежным полетом. Наше отсутствие уже обнаружили, а Вишу и Тойво сможет прикрыть Сорью… но не надолго.

–Мне была назначена аудиенция у лорда–маршала, – сообщил, смущаясь, брохус. – Сегодня вечером, в шесть пополудни.

–Ну вот. Как только ты на нее не явишься, прозвенит первый звонок. Потом тебя поищут в Лис-Арден – до утра и без особого успеха, надо полагать. И даже если Сорью сумеет их как-то задержать, они дадут второй звонок.

–Могу сказать, когда прозвенит третий. – Альх-Хазред перебил эльфа. – У меня тоже назначена аудиенция – правда, не такая пафосная, но тоже ничего себе: у лорда–эконома возникла надобность в моих услугах. Приватная перевозка небольшого груза. Не спрашивайте, подробностей и сам не знаю. Я должен был явиться в его резиденцию завтра, точно в полдень. Надо же, сам себе не узнаю – от такого заказа отказался…

–Меньше, чем через двое суток, военный совет спустит на нас весь «Симхан», – упавшим голосом подвела итог Виша.

–Ну, не весь, – утешил ее Ика, машинально подергивая свою оплетенную металлической лентой бородку–косичку. – Самое большее – пятерых.

–Но это будут лучшие пятеро, – мрачно парировал Иво. – Мы с тобой им не соперники.

–Это мы еще успеем выяснить, – сказал шаммахит. – Значит, у нас двое суток форы. Более чем достаточно. Если повезет, они даже не поглотают поднятой нами пыли. Так что хорош рассиживаться, пора в дорогу.

–А… это… – неуверенно протянула Виша. – Раз уж у нас такая фора, может, вы дадите мне часок, осмотреться тут?

–Ты хочешь сказать, пошариться? – неделикатно уточнил шаммахит. – Неужели ты надеешься найти что-то стоящее в этой помойке?!

–Понимал бы чего. – Невежливо ответила девушка. – Я первый раз в покинутом поселении!

У нее горели щеки и блестели глаза; впервые за последние сутки она выглядела прежней Вишей – не послушно следующей, куда поведут, а лезущей напролом – туда, где интересно.

–Короче, я такую удачу не упущу. – Девушка встала, расправила плечи и огляделась по сторонам. – Уху мою не будите, она этого не любит. Я сама пройдусь, не Лес. Загляну хотя бы в соседние дома…

–Эй, ты только что запретила мне даже петь, а теперь сама собираешься гулять?.. – возмутился гном. – А если там сидит какой-нибудь монстр и только и ждет, пока ты подойдешь поближе? Я с тобой.

–Да вы что, с ума посходили? – изумился Ика. – Нас не на прогулку отправляли, кажется. Альх, призови своих людей к порядку!

–Слушаюсь, мой светлый господин. – Альх-Хазред иронически поклонился эльфу. – Виша, твою глупость мы обсудим позднее. А сейчас марш в машину, я повторять не стану. И не скалься так. Давай, давай…

Через десяток минут двух флюгов, летящих к югу, и след простыл. Осела пыль, поднятая двигателями, и в брошенном городке вновь воцарился мертвый покой.

Альх-Хазред с легкостью вел свой флюг, ловя руками–крыльями потоки воздуха, лавируя в его завихрениях; пределом этой легкости были восемь часов – потом наступала усталость, руки флюгера теряли гибкость и чуткость. Конечно, шаммахит мог лететь и десять, и пятнадцать часов без отдыха, но это было чревато потерей его синхронности с флюгом, а то и падением. Пока «Симхан» не дохнул им в спину, рваться нужды не было; разумнее было беречь силы. Около восьми часов пополудни флюги сели в поселке, расплющенном возле шахты. Земляной вал из отработанной породы, сгруженной огромными кучами, окружал несколько десятков жилых домов, весьма скромных и по размерам, и по убранству (они более походили на вагоны, чем на дома), технические сооружения и неожиданный в этих диких местах храм. Прибежищем им послужили приземистый, обширный ангар, в котором тихо ржавели остатки шахтерского оборудования.

В городке было настолько неприютно и некрасиво – причем так было всегда, даже в самые лучшие его времена, если только таковые бывали, – что

путники решили немного отдохнуть перед очередной порцией сна, не выходя из флюгов. Эльфы и гном отдали дань восхищения флюгу альх-Хазреда; они все вместе расселись кто на сидениях, кто на полу, Виша забралась в кресло флюгера. Немного сушеных до несъедобности яблок, синтетические конфеты и содержимое фляжки Маульташа составили их первый ужин. Они жевали, тихо переговаривались; Тойво был беспокоен и чувствовал себя не лучшим образом.

–Что случилось? Ты сам не свой… – Виша заглянула брохусу в глаза. – Или это тайна?

–Плохое здесь место. – Тойво коротко вздохнул. – Если бы можно было выбирать, ни за что на свете не остался бы тут.

–А что не так? Шахтерский поселок не курорт, конечно, но переждать-то можно.

–Виша, я знаю, что мои менто гораздо острее твоих, но если не боишься – попробуй прислушаться к здешнему воздуху… приглуши свой голос… позволь этому месту дотронуться до себя.

Виша пересела на меховую ступеньку поближе к брохусу, опустила голову на руки и затихла. Минут через пять она вздрогнула и прижалась к Тойво.

–Вот… ну ничего, все это дело прошлое и мы скоро улетим отсюда.

–А что, собственно, не так? – осведомился гном. – Я и не в таких дырах бывал. Чего это вы так насупились?

–Точно не скажу, я побоялась слушать, – ответила Виша. – Это отвратительное место, Маульташ. Они здесь людей убивали.

–Древнее поле битвы? – поинтересовался Иво. – В этих местах вполне возможно.

–Нет, поля сражений молчат. Или тихо стонут, но их голос вызывает скорбь и почтение, не страх. А здесь… – Тойво передернуло. – Гулкие, утробные звуки, вой, перемешанный с чавканьем. Здесь не сражались, нет. Я не хочу об этом говорить.

–Неужели ты все это так остро чувствуешь? – Ика посмотрел на брохуса с состраданием. – Мне жаль тебя.

–Я могу не прислушиваться, – Тойво погладил Вишу по голове. – И тебе хватит напрягаться, расслабься. Переключи внимание.

–Согласна. Маульташ, может ты споешь нам? Обещаю, эти эльфы не будут пытаться наказать тебя за твой ядовитый язык. Спой, будь другом – ну, например, «Пьяный аспид и береза».

–Знаешь что, девочка, – гном прищурил свои и без того узкие глазки, – помнится, ты мне уже как-то раз кое-что обещала. На полном серьезе. Посул твой был хорош, так что я тогда постарался от души. И что же получил в награду? Ты отбыла под утро на плече у этого красавчика, – гном кивнул в сторону флюгера, – вообще никакая. Только и могла, что икать и хихикать. Я такие обломы не забываю.

–Маульташ… – Виша засмущалась. – Ладно тебе… Ты тогда был великолепен, правда. И если бы я так не напилась…

–Хорош подлизываться, малявка. – Ухмыльнулся гном. – Щас спою, так и быть.

Маульташ вытащил из-за ворота цепочку, на которой крепился живой кристалл. Это был редчайший случай, чтобы эта драгоценность использовалась по своему древнему назначению – создавала для своего хозяина музыку. Гном уселся поудобнее, расправил плечи и запел.

Яблоко было не очень-то спелым,
И даже – возможно – немного червивым,
И, в общем, на ветках немало висело
Тех, кто бы мог стать альтернативой.

Не было в нем красоты крутобокой,
И пламенных красок не наблюдалось,
Просто росло оно, сука, высоко,
И падать к ногам моим не собиралось.

Это и было причиной стараний
В кровь раздираясь и страха отведав,
Лезть на вершину и делать желанье
Греющей сердце греховной победой.

Но – не случилось. Не дотянулся.
Яблоко там же, глаза мне мозолит.
Ну и виси. И пусть тебе будет
Холодно, скучно, несладко, небольно.

–Еще одна история облома, – откомментировал песню Ика, подергивая себя за оплетенную двумя металлическими ленточками бородку. – Маульташ, тебя что, часто так кидают?

–Не поверишь – через одну, – вздохнул гном. – Это тебе в наказание, Виша. Не обижай меня больше. А сейчас, так и быть – господа эльфы, заткните свои уши! – моя новая песня, за которую мне чуть не оторвали язык вместе с головой – «Эльфка в храме Калима».

Надо отдать эльфам должное – над чудовищно неприличной и смешной песней они хохотали громче всех.

Гном пел почти час и гнетущее сердце настроение почти развеялось. Не сговариваясь, беглецы решили поспать все вместе, благо флюг шаммахита позволял. Они улеглись и, выслушав напоследок колыбельную от Маульташа, легко задремали. Всю ночь отдыхающие флюги вздрагивали от легких сотрясений земли – это оседала почва в выработанных недрах;

сквозь сон людям чудился шорох гравия, перетекающего в открывающиеся каверны. В два часа ночи неумолимый Ика разбудил экипаж альх-Хазреда и они вновь отправились в путь.

Эльфы запросили пощады, немного не дотянув до девяти утра; местом третьей стоянки стал уже один из пригородов Маноры. Когда-то здесь были чудесные виноградники, судя по всему, городок жил за счет виноделия. Маульташ, услыхав об этом от Виши, все порывался разведать, не осталось ли чего от стародавних запасов в городских погребах. Однако поразмыслив, рассудил, что пить уксус, в который наверняка превратилось здешнее вино, ему совсем неохота и вместе со всеми завалился спать. Еще один перелет – и перед ними была Манора.

Было около трех часов пополудни, когда экипажи флюгов собрались за подобием обеда, состряпанным Вишей на скорую руку. Наскоро прожевали сублимированные брикетики непонятного вкуса, запили их витаминным настоем, общее мнение о котором выразил Маульташ: выхлебав предложенную кружку, гном скривился, изломав рот наподобие синусоиды, и сказал:

–Такого отстоя не подают даже за столом моего папаши. Виша, это точно не растворитель для сортира?

–Точно. Тот пахнет лучше, – страдальчески сглатывая, отозвался альх-Хазред. – Это больше похоже на содержимое сортира…

–Скажите, какие мы капризные! – Виша попробовала и отставила кружку на крыло флюга, заменившее им стол. – Беее… кто хочет мою порцию?

–Вот он, – Ика кивнул на Иво, который со стоическим спокойствием тянул желтоватый раствор из кружки. – Смотри, как старается растянуть удовольствие.

–Пошел ты… – Иво поставил пустую кружку на крыло и неприкрыто, бесстыже рыгнул. – Виша, убереги это до той поры, пока мы не начнем помирать от авитаминоза. А пока давай обойдемся водой.

–Согласна! Я просто хотела, чтобы мы подкрепились немного, кто знает, чем нас встретим Манора и когда мы сможем поесть…

Когда-то, давным–давно, Манора была самым красивым приморским городом, какой только можно себе вообразить. Причем главной причиной ее невообразимого великолепия стало то, что поначалу угрожало самому ее существованию. Море. Тихое, коварное, бирюзовое море Покоя. Выстроенная на самом краю прибрежной земли, Манора с течением лет стала постепенно опускаться, грозя когда-нибудь опуститься на морское дно и стать прибежищем рыб и прочих морских обитателей. Но в планы городского магистрата подобное расточительство никак не входило; южные изворотливые люди нашлись и в этот раз. Те здания, что представляли историческую и художественную ценность и размещались не так близко к морю, укрепили

и оставили на своих местах. А те, что располагались почти у кромки воды, в чьих подвалах уже плескалась вода, а фундаменты крошились и трескались, попросту перенесли туда, где море уже не могло повредить им – на насыпные острова, соединенные дорогами–дамбами, и на высокие платформы, похожие на те, что строят для буровых установок. Уже сама переноска дворцов и парковых комплексов вызвала в Обитаемом Мире настоящий переполох; затаив дыхание, люди следили за тем, как огромные моргенштерны поднимали скрепленные сложными конструкциями здания и медленно несли их над морскими водами на приготовленное им место. Неимоверно сложная, заоблачно затратная работа оправдала себя.

На месте умирающего, гниющего города–призрака возник небывалый прежде город–остров, город летающих дворцов и вырастающих прямо из морской пены садов. Побережье, островки и платформы связывало множество дорог – канатных, транспортных, пешеходных. Дворцы, оказавшись вознесенными над мирской суетой, согретые и просушенные, обрели вторую молодость и расцвели заново. Счастливчики, попадавшие в них, чувствовали себя героями забытых сказок, нашедшими королевство фей и волшебников. Насыпные острова превратились в буйно цветущие цветочные клумбы, плывущие по спокойному морю, лениво покачиваясь на волнах. И не было во всем мире лучше места для свадебного путешествия или долгожданной измены, чем Манора.

Война не пощадила этот рукотворный рай. Манора оказалась в числе покинутых городов и, вновь оставленная на растерзание одиночеству и времени, покорилась своей участи. В пустых палаццо гуляли ветра, в роскошных залах поселилась печаль и перешептывались призраки, неухоженные, растрепанные сады не были столь агрессивны, как дети Леса, но и особым гостеприимством тоже не отличались. Город, прежде рождавший восторг и вдохновение, наводил тоску и располагал разве что к самоубийству.

Обо всем этом Виша рассказывала своим спутниками почти час, пока не выдохлась.

– А меня всегда интересовало, неужели все до единого горожане уходят из своих городов? Не может быть, чтобы хоть кто-то не остался. Тем более в такой красавице как Манора. – Засомневался Тойво.

– Официально покинутые поселения мертвы. Там нет ни военных, ни городских властей, ни закона. А вот люди да, встречаются. Немного, конечно, десятки, самое большее пара сотен. Но профессор Ломар, а вслед за ним и профессор Эредиа твердили мне в один голос – если повезет и ты окажешься в мертвом городе, не зевай и не вздумай расслабляться. А уж если увидела людей – беги, Виша, беги. Если понадобится – убивай, лишь бы сбежать. А лучше не суйся туда вообще. – Серьезно ответила девушка.

– Ничего себе совет, – отозвался флюгер. – Дельный.

– А они других и не давали.

Время шло, флюги рассекали воздух острыми крыльями, оставляя позади южное редколесье. До сих пор дети Леса не делали попыток помешать им и не нападали первыми – то ли не считали пару флюгов достойными внимания, то ли были слишком погружены в предвесеннее оцепенение. Уже наступила ночь, Тойво дремал, опустив голову Више на колени, альх-Хазред тихо переговаривался с эльфами. Вдруг он замолчал, несколько раз втянул воздух носом и сказал, не поворачивая головы:

–Мы на месте. Я этот запах ни с чем не спутаю, он у меня в крови. Море, Виша. Это море.

–Тебе виднее. – У Виши екнуло сердце. – Куда будем садиться? Я неплохо знаю Манору, это был любимый город Джесхета…

–Надо подумать. Как считаешь, палаццо уцелели? Те, что на платформах?

–Думаю, да. В них вложили столько труда… и потом, мы же верим, что найдем Ирем. А побережье тебя не привлекает, нет?

–На море безопаснее. Иди, открывай карту и выбирай дворец поосновательнее.

Вскоре дыхание моря стало столь ощутимым, что его почувствовали и все остальные. Внешнего освещения флюгеры по–прежнему не включали, и только когда указанная Вишей платформа оказалась прямо под ними, Ика включил мощный прожектор. Сноп белого света выхватил из ночного мрака темную поверхность мерно дышащего моря и плоскую крышу, украшенную по краям причудливыми изваяниями, выполненными в стиле, который господствовал в искусстве начала разделения земель и культивировал абсолютное отсутствие содержания при крайней изысканности формы.

–Садимся. Виша, ты молодец. Идеальное место. – И альх-Хазред повел свой флюг на посадку.

Поскольку время было позднее, почти полночь, решили не выходить никуда, а переждать до рассвета. Уже почти привыкшие жить восьмичасовыми циклами, путники улеглись спать, подозревая, что возможно это их последняя спокойная ночевка.

Виша проснулась первой. Осторожно выбралась из–под одеяла, перебралась в кресло флюгера и немного посидела, приходя в себя. За пределами флюга уже рассвело. Подумав еще немного, Виша рассудила, что ее охотничий инстинкт, который она безжалостно подавляла вот уже несколько месяцев, должен быть удовлетворен – и немедленно. Прямо под ее ногами был настоящий дворец – еще из тех, самых что ни на есть древних времен. Ни один реликварий не устоит перед подобным вызовом. Виша наскоро умылась, выпила, морщась, остатки витаминного настоя, перекинула через плечо сумку и открыла нижний люк. Оглянувшись, она мысленно пообещала вернуться через пару часов и покинула флюг.

Манора встретила ее прохладой, ветром и тишиной. Виша постояла с минуту, привыкая, потом подошла к краю крыши и огляделась. Флюги

стояли на одной из самых удаленных платформ, впереди было только море, позади – несколько таких же парящих над морем сооружений, и совсем вдалеке виднелись смутные очертания островов. Девушка прошлась вдоль ограды, рассматривая статуи. Нельзя сказать, что они очень ей понравились, скорее наоборот – в их текучих, размытых очертаниях не было ничего человеческого, будто создавали их не люди, а морские чудища – угри, мурены, скаты. Виша поежилась от холодного ветра и решила поискать спуск вниз. Таковой нашелся, и вскоре она уже шагала по ступеням лестницы, ведущей на верхний этаж.

Вопреки вишиным ожиданиям, самый заманчивый для реликвария этаж – чердак, этот склад всевозможных вещей – оказался заперт, а поскольку у нее не было времени сражаться с массивной железной дверью, она предпочла спуститься вниз, на жилые этажи, разведать, что и как. Ни за что на свете девушка не призналась бы в этом, но когда она шла по узкой лестнице, стараясь ступать как можно тише, сердце ее сжималось от страха. Она, опытный собиратель, не боящаяся ночного леса, жестоко трусила; и только упрямство и гордость не позволяли ей убежать с визгом. Когда Виша решила, что спустилась достаточно, она собралась с духом и открыла дверь, ведущую с технической лестницы в просторный коридор.

В коридоре было сумрачно, свет просыпающегося солнца рассыпался сразу за окном, оставляя остальное пространство в тени. Пахло сыростью и запустением, но – Виша не могла этого не признать – здесь было все еще довольно красиво. Полы, выложенные мрамором, похожим на кипяченое молоко, стены – неровные, имитирующие рябь на море, в нишах – вазы на высоких постаментах. Виша взяла одну из них – разумеется, это была подделка, кто же поставит подлинник суртонской вазы эпохи династии Шуа Ду в коридоре? Но таких качественных подделок она еще не видела. Девушка полюбовалась вазой и не без сожаления поставила ее на место. Пройдя дальше по коридору, она попала в обширный зал; возможно, это была танцевальная комната или общая гостиная. Большие окна были до половины задрапированы атласными шторами, подобранными в пышные фестоны, по углам залы располагались кресла и диваны, на низких столиках все еще стояли бокалы. Следующей комнатой оказалась библиотека; здесь Виша рисковала задержаться очень надолго, поэтому она, наскоро просмотрев содержание шкафов и поняв, что ничего неизвестного ей там нет, погнала себя дальше. Однако у дверей задержалась.

На низком столике, вокруг которого стояли пуфы, похожие на набитые мешки, лежали принадлежности для настольных игр: доска со спиральным узором и трехцветные агатовые фигурки – для шаммахитского махшита, раскинувшиеся веером мизоанские карты, реплика классической колоды из трех кругов Воительниц, Ведьм и Возлюбленных, серебряная шкатулка с хрустальными шариками. Но не они привлекли внимание реликвария. Виша подняла шкатулку и вытащила из–под нее искусно выши-

тую салфетку, встряхнула ее, расправила – и мысленно поздравила себя с удачей. Судя по всему, это было игровое поле, вышитое золотыми нитями трех оттенков. Виша видела похожие игры: кости, на которых выбрасывали число ходов, передвигаемые по полю фигурки, само поле. Но такой узор игры она видела впервые, так же, как и сочетание грубого полотна и золотых нитей. К сожалению, ни игральных костей, ни чаши с фигурками на столе не оказалось. Возможно, это игровое поле уже тогда использовали не по назначению, а всего лишь как антикварное украшение. Виша аккуратно сложила вышивку и убрала ее в сумку, на самое дно; машинально сцапала несколько хрустальных шариков и сунула их прямо в карман куртки.

Дальше по коридору была ванная комната, совершенно огромная, Више она показалась похожей на какой-то странный концертный зал, где вместо сцены – ванна размером с хороший бассейн на каменном ступенчатом постаменте, а занавеска из белой металлизированной парчи вполне сошла бы за занавес. Театральности добавляло и витражное окно, раскрашивавшее пол и стены в разные оттенки розового и сиреневого. Виша заглянула в шкаф, стоявший в углу: на белых полированных полках пылились уже совершенно слежавшиеся полотенца, висело несколько купальных халатов. В маленьком шкафчике с блестящими черными дверцами девушку поджидали хрустальные флаконы, когда-то полные духов, фарфоровые баночки с серебряными крышками, заколки для волос, украшенные – и это была несомненная удача – янтарем и жемчугом. Настоящими. Уже ради этого стоило кусать губы, борясь с тошным невнятным страхом; а когда Виша взяла в руки один из флаконов, то с трудом удержалась от радостного возгласа. Это был хрустальный флакон, на его боку была выгравирована бабочка и вытянутая литера «К» – эта изящная штучка вышла из мастерской дома Кадат, и женщину, когда-то переливавшую в него свои любимые духи, явно баловали сверх всякой меры. Не спеша поверить в удачу, Виша тщательно осмотрела дно флакона – так и есть, оно не было идеально гладким, посреди него прощупывался дефект, похожий на тугой пупок, лучшее свидетельство того, что флакон действительно был когда-то одухотворен точным выдохом стеклодува. Всего в шкафчике оказалось три таких флакона, остальные оказались стандартной штамповкой, а вот фарфор тоже приглянулся девушке – приятный на ощупь, легкий, расписанный в старосуртонском стиле рыбками и лотосами. Словом, в ее сумку перекочевал хрусталь работы дома Кадат, четыре фарфоровых баночки и драгоценные заколки.

Закрыв дверцы, Виша перевела дух и решила, что дальше испытывать судьбу не стоит. Пора возвращаться на флюг. Приняв это решение, она как-то сразу расслабилась, словно экзамен сдала; вышла в коридор, оглянулась и заметила еще одну дверь, последнюю перед галереей, выходящей на море. Помедлив с минуту, Виша нерешительно шагнула вперед, открыла дверь и поняла, что задержится еще ненадолго. В комнате были окна со стеклами чуть розоватого оттенка, в углу стояло огромное наклонное зеркало

в овальной резной раме; рассмотрев его, Виша застонала – такая редкость, настоящее манорское зеркало, идеально прозрачное, не искажающее, любящее свою хозяйку… за такую реликвию она могла бы получить столько, что хватило бы на пару лет учебы у профессора Эредиа, и братьям на подарки бы осталось. Но в одиночку ей его и с места не сдвинуть, как не пыхти. И Виша повернулась к зеркальным шкафам, стоящим по периметру комнаты.

В первом шкафу оказались шубы и меховые палантины, запакованные в специальный пластик и поэтому какие-то непривлекательные, плоские как шутки Маульташа. В следующем шкафу скучали теплые вещи, а вот в третьем Вишу встретили, поблескивая и шурша, вечерние платья. Их было не меньше сотни: коротких, длинных, полупрозрачных и тяжелых, красных, лиловых, белых, черных… украшенных перьями нильгайских птиц, жемчугом, стразами и вышивкой…

У девушки перехватило дыхание и зарябило в глазах. Она протянула руку, вытянула первый попавшийся рукав – длинный, шелковый; он выскользнул из ее ослабевших от счастья пальцев водяной струей. Виша, почти не осознавая себя, сняла с плеча и поставила на пол сумку, расстегнула куртку, потянула вниз брюки, сняла ботинки. Стоя перед распахнутым шкафом почти обнаженной, она мечтательно перелистывала платья, не в силах сделать выбор. Наконец пальцы ее запнулись на одной из вешалок. Виша вытянула платье из разноцветной глубины и ахнула: оно было нежным, как суфле из предрассветного облака, легким и соблазнительным. Лиф, обнажающий плечо, недлинная многослойная юбка, расшитая поверху коралловыми веточками из бисера; переходящие друг в друга белый, розовый, серебристый цвета… Не раздумывая ни секунды, девушка нырнула в него, окунувшись в прохладу пышной ткани. Вынырнула она совсем другим существом. «Я как верхнее пирожное в вазе», – подумала про себя Виша, взбивая пальцами белый верхний слой юбки, – «Так бы и съела такую прелесть!» Тут она сообразила, что у шкафа, в котором жили все эти сокровища, створки зеркальные и ей пора посмотреть, насколько же она хороша. Виша шагнула назад и сомкнула створки.

В голове ее не было ни единой мысли, слишком счастлива она была; возможно, именно это спасло ее рассудок. Из глубины зеркала на нее глянула девушка, похожая на фею рассвета. Но это был не единственный встреченный ею взгляд. За ее спиной стоял кто-то высокий и тяжелый, у него было рыхлое и бледное лицо, цветом и формой напоминавшее прокисшее тесто, глаза его смотрели на Вишу с ледяной, нечеловеческой злобой. Девушка почувствовала прикосновение чего-то металлического у основания шеи, тело ее пронзила острая боль и на этом для нее все закончилось.

Тойво проснулся около девяти часов утра, в непонятном и неприятном ему самому расположении духа. Разбудил шаммахита, бесцеремонно

пихнув его в бок, умылся и сел в кресло флюгера, пытась справиться с глухим раздражением.

–Утро, брохус, – не утруждая себя передвижениями, Иво обратился к Тойво через коммуникатор. – Наш одаренный друг вам еще не надоел?

–Ты о Маульташе? – переспросил брохус, чувствуя, что неясная тревога обретает пугающие очертания. – Его здесь нет. Виша у вас?

–Нет. – Иво замолчал. Видимо, понял.

Через пару минут четверо оставшихся стояли на крыше между двумя флюгами и решали, что же им делать.

–Найду – отлуплю тапочкой. – Альх-Хазред покачал головой. – Говорили же ей – не суйся ты в эти города треклятые… Чокнутая собирательша. А этого куда понесло? Боги мои, нас в любой момент могут накрыть с воздуха!

–Ика останется сторожить флюги. – Эльф был немногословен более обычного. – А мы идем искать Вишу и гнома. Подождите меня.

Когда он спустился из флюга, на руках его были боевые перчатки аспида.

–Так мне спокойнее. Тойво сам по себе оружие, а ты…

–А я – шаммахит, – перебил его флюгер. – Я без оружия с постели не встану. Слушай, раз такое дело… выпусти вишину сову. Пусть тоже ищет.

Они быстро прошли тот же путь, что и Виша, и остановились в коридоре, украшенном вазами.

–Она была здесь, – Тойво огляделся и быстро зашагал к последней полуоткрытой двери. – Сюда.

В комнате их встревоженные лица идеально отразило манорское зеркало; а на полу перед зеркальным шкафом стояла вишина сумка и лежала ее одежда.

–Теперь понятно, – сообщил флюгер, распахнув шкаф. – Девочка не устояла и одела что-то из этой благодати. Видимо, совсем от счастья нюх потеряла… и они этим воспользовались.

–Не они. Она. – Уточнил бледный брохус. – Это была женщина. Злая настолько, что меня тошнит. Но Виша жива, хвала богам.

–Куда ее потащили? – спокойно спросил эльф. – А гном? Он с ней?

–Нет. А куда… не знаю. Я… я слишком волнуюсь. Поэтому плохо работаю, ничего не слышу, – брохус побледнел еще сильнее.

–Тойво, не паникуй. – Сказал флюгер. – Еще ничего непоправимого не случилось. Пошли, обыщем этот дворец, отсюда выход один – в море.

Пока они совещались, стоя у раскрытого шкафа с нарядами, по одной из опор несущей платформы спускалась массивная фигура. Она уверенно цеплялась за торчащие скобы и прутки арматуры; издалека казалось, что с ее плеч безжизненно свисают две куклы: одна маленькая и нарядная, в пышном платьице, похожем на взбитые сливки, с длинным черным хвостиком на затылке, а вторая нескладная, коротконогая и рукастая, с длинными красными волосами. У кукол для удобства переноски лодыжки и запястья

были перемотаны липкой лентой. Фигура добралась до самого низа опоры и спрыгнула в поджидающую ее лодку, швырнула свою добычу на дно и запустила двигатель.

Виша пришла в себя от того, что чьи-то сильные руки, освобождая ее от пут, слишком сильно сдавили ее запястья.

–Извини. – Маульташ наклонился над ее ногами и одним движением разорвал широкую ленту. – Не хотел тебе боли, так уж вышло. Как сама?

–Вот увидела тебя, и сразу полегчало. Честно. Это что такое было, Маульташ? Так шею больно…

–Обычный шокер, только помощнее. Вырубает на раз. Особенно если знать, куда приставить.

–Да я не об этом. Кто там был? В зеркале, за моей спиной…

Виша села, подтянула под себя ноги, обхватила колени ладонями. Юбка вечернего платья распушилась бело–розовыми слоями, бисер поблескивал коралловыми каплями.

–Красивое платье, – неожиданно улыбнулся гном. – Тебе стоит почаще так одеваться, а то вечно как мальчишка. Не знаю кто был в твоем зеркале, а меня вырубила какая-то страхолюдина, когда я поперся за тобой в этот дворец, будь он неладен. Я даже пикнуть не успел, иначе ты бы меня услышала. Хотя… если это платье было там не одно, могла и пропустить мимо ушей.

–Какая страхолюдина? Здоровенная, морда как гриб переросток, и смотрит так, что описаться можно?

–Примерно такая. Хотя при такой морде ей в зеркале делать вроде бы нечего… но любая баба, даже и образина, мимо зеркала просто так не пройдет.

–Ну вот, что-то уже прояснилось. Здоровенная уродина вырубила нас шокером, связала как кукол и приволокла сюда… интересно, куда именно? И зачем…

–Препочитаю выяснить только первое и унести отсюда ноги, пока она не приступила ко второму. Как по–твоему, где мы?

–Маульташ, тут темно, холодно и сыро. Неужели непонятно, мы в палаццо Вечной Весны! – Вишу мелко трясло, она всхлипнула. – Они нас убьют, да?

–Ну что ты… – Гном придвинулся к девушке, обнял ее за плечи. – Успокойся, девочка. Я…

В этот момент раздался скрежет, и их, сжавшихся в углу, окатило потоком нездорового, синеватого света. Свет хлынул из коридора, оказавшегося за металлической дверью, отъехавшей в сторону. Проморгавшись, Виша разглядела, что они находятся в небольшой комнате, похожей на клодовку: по стенам висят шкафчики и полки, на полу несколько массивных ларей, прямо перед ними решетка, а за ней стоят двое: невысокие, узкопле-

чие, одетые в какие-то балахоны. Лиц не разглядеть, поскольку свет им в затылок, но может оно и к лучшему.

–Неплохо. Совсем неплохо. – Голос у одного из них был таким низким и красивым, что будь обстоятельства иными, Виша непременно заинтересовалась бы его обладателем. Но сейчас ей, признаться, было не до того.

–Как я вам уже не раз говорил, Нифа лучшая охотница. К нам теперь редко заглядывают гости, – второй мерзко хихикнул, – а она чует их за версту.

–Надо будет как-то поощрить ее… что ты там говорил про ее коллекцию?

–Обойдется, – отрезал хихикающий. – Нечего баловать.

После этих слов дверь захлопнулась, и снова стало темно и тихо.

–Совсем обнаглели. – Констатировал гном. – Даже не представились. Виша, не реви. Сейчас малость выждем, и я открою дверь.

–Чем? – удивилась девушка и перестала дрожать.

–Я ж говорил – уважающий себя гном без резака из дому не выходит. – Гном вздохнул. – Жаль, не догадался я еще и фонарь прихватить. Придется в темноте работать. Так что ты сиди тихо и жди.

Выждав с десяток минут, Маульташ ощупью нашел решетку и Виша увидела, как в темноте их тюрьмы зажегся оранжевый язык резака. Запахло горячим металлом, просыпался сноп искр и вскоре гном положил на пол кусок решетки.

–Ну вот, полдела готово. Как открою дверь, с минуту подождем, и пойдем потихоньку. Ты, главное, ничего не бойся. Договорились?

Виша кивнула. Вслед за этим последовало тихое шипение резака, разгрызающего замок. Несколько минут – и дверь свободно закачалась на петлях. Гном осторожно приоткрыл ее, впуская в камеру свет.

–Как глаза, привыкли? Тогда пошли.

Они вышли из камеры в коридор, широкий, освещенный трубками, заполненными голубоватой светящейся жидкостью. Пройдя несколько шагов, гном и девушка остановились. Виша, замерзнув в своем вечернем наряде, немного потерпанном и испачканном, но от того еще более похорошевшем, переступила по железным листам пола босыми ногами. Она машинально расправила бант сзади на поясе, встряхнула, распушила юбку.

–С ума сойти, – усмехнулся гном. – Пойдем, поищем тебе зеркало. А то оглядись, может здесь найдется.

Виша улыбнулась гному.

–Оглядеться никогда не помешает. Никак не пойму, мы под землей, что ли? И что это за росписи здесь такие, надо поближе посмотреть.

Она подошла к стене, вдоль которой располагался ряд фресок, написанных в неглубоких нишах прямо по зернистой поверхности штукатурки. Техника росписи была грубовата, но выразительна, краски сохранили яркость, что же касается содержания… через минуту у Виши застучали зубы, а подошедший Маульташ неодобрительно хмыкнул.

–Вот уроды. Как только выберемся отсюда, натравлю на них моих эльфов–ветрогонов. Пусть сожгут здесь все…

На ярких, несколько примитивных картинках были изображены ритуалы, принадлежащие какому-то малочисленному культу, возникшему в брошенной Маноре, на островах. Вероятно, когда-то здесь было очень красиво: на насыпных островах разбивались сады, похожие на плывущие по морю букеты цветов. С течением времени сады, предоставленные сами себе, израстались, чахли и угасали; место прежних изнеженных садовых жителей занимали совсем другие растения. Или, как это случилось здесь, грибы. Манора всегда была дорогим городом, она любила баловать своих гостей роскошными апартаментами, красивой одеждой, утонченной кухней. Только здесь можно было отведать огромных морских крабов, запеченных в собственных панцирях, здесь выпекали самые воздушные пирожные, делали самые необычные конфеты. Сюда приезжали, чтобы познать многочисленные способы приготовления манорских оливок – величиной с перепелиное яйцо, мясистых, необыкновенно вкусных. И только здесь, на насыпных островах, выращивали сорта самых изысканных грибов.

Небольшие плантации располагались неглубоко под землей, на уровне обычного погреба, и выращивали на них грибы всевозможных форм и вкусов. И вот на одном из островов грибы разрослись, вышли на поверхность, приобрели новые свойства и оказались предметом поклонения группы людей, потомков тех, кто остался после всеобщей эвакуации. Судя по содержанию фресок, грибы обладали наркотическим эффектом: выражение лиц жрецов, поедающих шляпки угольно–черного цвета, было блаженным и идиотским. Свою признательность люди выражали традиционным способом – приносили в жертву предмету поклонения себе подобных. На одной из картин бессильные тела оплетала грибница, высасывая из них все соки, на другой жрецы заставляли жертву есть землю, на третьей с отвратительной отчетливостью было изображено, как изо рта человека прорастают грибы. Словом, на островке процветал весьма отвратительный культ.

–Маульташ, они тут все сумасшедшие… – Виша с трудом узнала свой голос.

–Ну, не все. Эти ребятки в балахонах вполне вменяемы, – гном ободряюще стиснул плечо девушки. – Они тут неплохо устроились – и власть, и развлечения, и кайф. Причем бесплатно. Знаешь, пойдем отсюда. Давай за мной, потихоньку.

Они пошли по коридору, держась вплотную к стене, прислушиваясь и оглядываясь. Через несколько минут впереди показался широкий дверной проем, ведущий в небольшую пыльную комнату, что-то вроде чулана для культовых тряпок и посуды, с одним окном. Когда-то это была не то кухня, не то мойка, вдоль стены шел длинный стол с каменной столешницей и с парой раковин, пол был плиточный, холодный и потрескавшийся. Они

прокрались туда, и как только Виша поравнялась с окном, за ним мелькнул крылатый силуэт.

–Уху! – девушка остановилась, прижалась к оконному стеклу. Сова села на внешний подоконник, сложила крылья. Они смотрели друг на друга сквозь толстое стекло, ведя только им слышный разговор.

–Нет, – покачала головой Виша. – Нет, я его не оставлю. Да и окно заколочено, мне не выйти незамеченной. Лети, зови на помощь. Все очень плохо!

Сова сорвалась с места и исчезла.

–Я мог бы вырезать стекло. – Гном выразительно постучал пальцем по лбу. – И вылезла бы по–тихому.

–Я без тебя не пойду. – В глазах Виши метался страх: похоже, она действительно струсила. – И не проси. Никуда я одна не пойду. Ни за что.

–Хватит. Я понял. – Гном обеспокоенно глянул на девушку. – Ты только не причитай, ладно? Сдохнем вместе, так и быть. – И он скорчил радостную рожу.

Они прошли через комнату, стараясь держаться рядом. Из нее вела только одна дверь. Маульташ осторожно приоткрыл створку и с полминуты смотрел в открывшийся проем. Оттуда доносилось какое-то невнятное бормотание, шелест и поскрипывание.

–Похоже, ребята решили закусить перед работой. – Деловито сообщил гном. – Сидят вокруг круглого гриба с меня ростом и откусывают прямо от шляпки. У некоторых зрачки уже под лоб закатились. Забористый, видать, гриб-то.

–Мы туда пойдем? Думаешь, они нас не заметят?

–Они через полминуты и шила в своих задницах не заметят. Идем тихохонько, как воры, по стеночке. Там какие-то колонны, тень… ну, готова? Пошли…

Затаив дыхание, они выскользнули из двери как потерявшиеся сновидения; легкими, мелкими шагами двинулись вдоль стены, прячась за колоннами. Собравшимся было действительно не до них – покончив с трапезой, они завели благодарственное песнопение, на удивление благозвучное и выразительное благодаря голосу того самого жреца, что с час назад рассматривал пленников в темной комнате. Виша, на минуту заслушавшись, будто забыла, где она и кто поет этот гимн. Ей захотелось подойти поближе, опуститься на колени, причаститься этому таинству, быть допущенной в самое сердце культа. Почуяв неладное, гном нашарил руку девушки и крепко, до хруста пальцев, сжал своей широкой лапищей. Виша вздрогнула, сморгнула выступившие слезы – и улыбнулась ему. Маульташ еле заметно кивнул, и они продолжили путь. Через бесконечно долгие минуты перед ними оказалась дверь. Массивная, разукрашенная, настоящая храмовая дверь. Гном открыл ее спиной, выскальзывая наружу и увлекая за собой девушку. Сделав еще пару шагов, они оглянулись. За спиной у них была неслышно закрывшаяся дверь, а впереди – выщербленные каменные ступени, ведущие

на небольшую площадь, окруженную кованой оградой. На площади стояли люди – немного, около пяти десятков, одетые в черные балахоны и наголо обритые. Они молча смотрели на вышедших из храма пустыми глазами.

–В рот мне ноги. – Только и успел сказать Маульташ. Сзади на их плечи легли те же тяжелые руки, что притащили их сюда. Двери храма распахнулись. Пришло время ритуала.

* * *

–Пусти! Пусти меня! – Она билась в его руках, изворачивалась не желающей купаться кошкой и даже изловчилась пнуть его в голень.

–Нет. – Он держал ее крепко, а в ответ на пинок только зашипел сквозь белые, ровные зубы. – Ни за что.

–Я не допущу ее смерти! Прошу тебя, позволь ей помочь! – Она прекратила брыкаться и просительно заглянула ему в глаза – холодные, синие эльфийские глаза. – Неужели ты допустишь, чтобы эти уроды ее… – и она заплакала.

–Она справится. Должна справиться. – Эльф провел ладонью по ее лицу, стирая слезы; с его пальцев в высокую траву сорвалось несколько сверкающих капель. – Не плачь, иначе алмазы обесценятся.

–Знаю, что должна. Но я не могу вот так просто на это смотреть, это невыносимо!

–Что, трудно быть богиней, Амариллис? – задавший этот вопрос стоял поодаль, опираясь на простой посох. Он пришел как всегда – ниоткуда, бесшумно и ненадолго. – Все хочется сделать самой и по–своему?

–Ну хотя бы помочь… – Она резко высвободилась из рук эльфа и подошла к гостю. – Тебя давно не было, Мастер Альфард. Может, ты разрешишь мне…

–И не мечтай. – Гость нахмурился. – Если не позволить детям совершать их ошибки, кто сделает это за них? Своему сыну ты разрешаешь искать скрытые тропы там, где ему заблагорассудится… между прочим, я на днях видел его в Арр-Мурра. Том самом. Он гонял наперегонки с каким-то мерзким на вид насекомым размером с собаку.

–Опять?!

–А ты думала, он в здешнем лесочке гуляет, собирает на зиму шиповник? – и гость засмеялся.

–Ты так смеешься, будто сам ему туда дорогу показал. – Амариллис нехотя улыбнулась.

–Даже если и так. – Уклонился от ответа гость. – Мне можно. А тебе – нет. Еще не время.

–Ну хоть присмотреть…

–Не попрошайничай! Хэлдар, уведи ее уже куда-нибудь. И позовите вашего мальчика, у меня для него подарок.

Глава восьмая. Оседлавшие ветер

Когда дорога закончилась, толстуха–охотница прекратила подталкивать пленников в спины чем-то острым. Гном и девушка, окруженные толпой одурманенных людей, остановились на границе настоящего грибного царства. Травы и мелкие кустарники уступали место грибам, росшим большими и маленькими группами, и поодиночке. Грибов было неестественно много и размеры их вызывали оторопь. Шляпки, морщинистые и гладкие, черные, лиловые и белые, возвышались над землей на добрые метры.

Маульташа и Вишу подтащили к двум грибам, росшим у входа в заросли, привязали к скользким ножкам. Тепло живых тел заставило грибы издавать резкий древесный запах, от которого кружилась голова, и рот наполнялся вязкой слюной. Из толпы вышли уже знакомые жрецы, неся в руках миски, наполненные чем-то черным с белыми нитевидными вкраплениями – согласно ритуалу, жертву полагалось сначала досыта накормить землей, перемешанной с грибницей. Когда к вишиному рту поднесли ложку, она замотала головой и попыталась увернуться. Но такое поведение было не в новинку здешним хозяевам, и та самая охотница подошла к гному и приставила к его глазу свой здоровенный тесак. Выразительно глядя на девушку, она кивнула жрецу. Тот снова поднес ко рту Виши ложку земли, и ей ничего не оставалось, как глотать это жуткое угощение, давясь и плача. После того, как ей скормили половину миски, пришла очередь гнома. Он проглотил свою долю молча, шумно дыша носом.

–Мауль… мне плохо… – Виша повисла на веревках, ее тошнило, грибные споры, посыпавшиеся из–под шляпок, мешали дышать.

–Держись, Виша. – Гном закашлялся – спор становилось все больше. – Уже недолго. Дыши глубже, так быстрее…

–Я не хочу так… – Виша почувствовала, что теряет себя: грибные споры подавляли волю, гасили чувства, превращая трепещущую жертву в спокойную, как сама земля, пищу.

Как сквозь сон она чувствовала, что их отвязали и потащили еще дальше вглубь грибных зарослей. Через несколько десятков шагов еле передвигавшую ноги девушку швырнули наземь, она упала и ударилась головой обо что-то твердое, но упругое. С трудом разлепив веки, она посмотрела вверх – над нею возвышался огромный гриб. Где-то рядом тяжело дышал гном. Через несколько минут девушка даже сквозь оцепенение ощутила на обнаженных ногах покалывание; приподнявшись на локте, она посмотрела на ноги – они были словно закутаны в толстую паутину, шевелящуюся и растущую. Нити грибницы выползали из земли и оплетали ее тело. А совсем рядом девушка разглядела холмик земли, формой схожий с лежащим

человеком; там, где полагалось быть голове, рос молодой гриб, его молочно–белая, круглая шляпка возвышалась на полметра, источая тонкий трюфельный аромат. Виша уронила голову, теряя сознание.

Флюги летают бесшумно, поэтому появление незваных на ритуал гостей оказалось неожиданным. Для брохуса уровня Тойво удержать в повиновении более примитивное сознание грибов было несложно, да и с людьми он рассчитывал справиться. Эльфы тоже не могли отказать себе в удовольствии продемонстрировать, на что способен не на шутку разозленный аспид. Однако они не ожидали увидеть того, что увидели; надеялись, что успеют до начала жертвоприношения. Их глазам предстала картина, достойная страшной сказки: под огромным черным грибом лежали две игрушечные фигурки, будто оброненные ребеноком–великаном. У куклы–девушки белое личико было выпачкано землей, из–под пышной юбки выглядывали подогнутые тонкие ножки, кукла–гном все еще пыталась удержать в руке резак, и обе они, как и полагается игрушкам, не дышали. Поэтому никто не стал бы винить их друзей за то, что они сделали.

Тойво, безошибочно узнав в толпе тех, кто более других наслаждался ритуалом, развернул золотой кнут карателя и, возможно впервые в жизни, прекратил сдерживать себя. Ему не составило труда обездвижить всех собравшихся, чтобы не торопясь и без помех расправиться с ними. Уже через минуту два главных жреца выли от дикой головной боли, катаясь по земле и пытаясь выцарапать себе глаза. Тому, у которого был красивый голос, это удалось быстрее. Охотница, рванувшая было навстречу брохусу, споткнулась от одного его взгляда и упала на колени. Когда катавшийся по земле жрец с кровавыми дырами на месте глаз толкнул ее, она одним взмахом перерубила его шею. Второго жреца толстуха долго и усердно била по голове тяжелой рукоятью резака, а когда он прекратил дергаться, этим же резаком вскрыла свой живот, как набитый мешок. Остальные, исповедавшие культ, падали наземь, закрывая затылки руками и причитая; один за другим, под кнутом Тойво эти люди вскрикивали и затихали.

Если бы Виша могла бы увидеть сейчас Тойво Маарви, она вряд ли бы узнала его: вместо спокойного доброго юноши на поляне свирепствовал безжалостный брохус. Такого даже она не рискнула бы обозвать «подгузником». Его менто выжигали в людях остатки разума, причиняя сильнейшую боль, а потом отнимали жизнь. И судя по выражению лица и блеску глаз, Тойво наслаждался этим. Когда наказывать стало некого, брохус с явным сожалением свернул кнут.

Эльфы, оставив людей на расправу Тойво, выкосили грибные заросли подчистую. Иво и Ика не один десяток лет прослужили в войсках аспидов и знали, что грибы не так проворны, но недооценивать их не стоит. Однако ни споры, ни липкая паутина грибницы эльфов не смутили и почти не помешали. Они танцевали с ядовитой, зажравшейся смертью, не давая ей ни малейшего шанса уйти живой.

–Виша! Виша, очнись! – Брохус обнял девушку за плечи, приподнял ее с земли.

–А ну-ка, дай посмотрю… – подошедший шаммахит оттянул девушке веки, прижал пальцы к ее горлу. – Ясно.

Через несколько минут он вернулся из флюга, неся сумку. Присел рядом с брохусом, достал металлический пузырек и небольшую фляжку. Отвинтив крышку пузырька, альх-Хазред сунул его под нос Више – от этого девушка резко дернулась и задышала.

–Вот умница… Ика, возьми, помогите гному. А теперь, пока ты еще не совсем в себе, выпей-ка… – и флюгер прижал фляжку к вишиным губам. Она сделала несколько глотков, и буквально тут же ее вывернуло наизнанку.

–Отлично! Тойво, подержи ей голову, и вообще… нет, этого хватит. От большей дозы она с кишками расстанется. Как зачем, Маульташ? Сейчас и тебя угощу. Такого рвотного ты нигде не найдешь, как раз то, что вам сейчас нужно, землееды вы наши. Ты же не хочешь стать грибной грядкой? Я так и думал… Пей, не брезгуй.

Гнома и девушку тошнило довольно долго и мучительно, зато вся грибница, смешанная с землей, покинула их желудки. Как только спазмы прекратились, неудавшиеся жертвы были перенесены во флюги. Поднявшись над иссеченной эльфами поляной, флюги встали рядом, затем разлетелись и пилоты, коротко посовещавшись, решили использовать огнеметы. Через полчаса небольшой остров, когда-то бывший местом паломничества гурманов (дом, где держали пленников, был самым знаменитым грибным рестораном Маноры), был выжжен дотла. Черная проплешина замечательно просматривалась с воздуха, да и дым был весьма заметен. Но все это не шло ни в какое сравнение с теми чувствами, которые испытал Маульташ – он, еле живой после ритуала и шаммахитского рвотного, лично управлял огнеметом. Эльфы не могли на него налюбоваться; Ика закладывал виражи один круче другого, чтобы гном потешился от души. Виша оказалась не настолько вынослива, она лежала как мокрая белая тряпочка на коленях брохуса и иногда постанывала, когда судороги напоминали о себе.

–Ну, все. Хорош веселиться. – Аль–Хазред не без сожаления поднял флюг над дымящимся островом. – Вечереет уже. Куда направимся? Предлагаю лететь отсюда, пока не… поздно.

–Вижу, – отозвался в коммуникаторе голос Иво. – Это Симхан. Надо же, как кстати – мы даже размяться успели. Ну что, обеспечим нашим собратьям теплую встречу?

–Обойдутся, – отрезал шаммахит. – Удираем. Вы идете за мной, и никакого геройства – мы не на войну призваны.

–Слушаюсь. – Отозвался Иво. – Веди, я готов.

Симхан выслал по их души пять флюгов; выстроившись в ровную линию, похожую на тонкий пунктир, они приближались с тоскливой неотвратимостью судьбы. Альх-Хазред, успевший во время поисков пропавших друзей осмотреться в городе, раздумывал недолго.

–Поиграем в прятки во дворцах, – бросил он в коммуникатор. – Скоро совсем стемнеет, так что если повезет, ночь пересидим. А там видно будет…

Два флюга развернулись и метнулись в сторону моря. Виша, почти придя в себя, добралась до кухни, и напилась воды. Там же она умылась, стащила с себя запачканное землей, потрепанное платье и переоделась: на дне шкафа она увидела знакомую сумку и сверток, в котором опознала свою одежду, брошенную перед зеркальным шкафом. Не удержавшись, Виша раскрыла сумку: так и есть, все ее находки на месте… она усилием воли заставила себя положить сумку на место, натянула брюки, куртку и только чистую майку позаимствовала у альх-Хазреда.

–А вот и наш великий реликварий пожаловал! – Не оборачиваясь, приветствовал девушку флюгер. – Ожила?

–Вполне, – ответила Виша. – Ты планируешь размазать нас по стене первого попавшегося палаццо?

–Не хотелось бы… – Флюгер не принял шутки. – Сядь и не мешай.

Виша села рядом с брохусом, чуть поодаль сидела ее сова. Они притихли и смотрели, как пролетают под флюгом острова. Вскоре показались первые дворцы на платформах. Они миновали несколько, вокруг одного альх-Хазред облетел пару раз, но чем-то остался недоволен и метнулся дальше. Темнело.

–Альх, выбирай уже хоть что-то, – раздался в коммуникаторе голос Иво. – В темноте без бортовых огней я тебя потеряю.

–Понял. А… вот оно. – И флюгер направил машину к вызывающе высокому зданию, взметнувшему к фиолетовым небесам тонкий шпиль.

–Альх… – Виша изумленно смотрела на приближающиеся стены темно–красного камня. – Да это самое заметное строение! И самое знаменитое… извините, не буду. Но как ты туда собираешься попасть?

–А что? – поинтересовался флюгер. – Туда пропуск нужен?

–К твоему сведению, окна там все витражные и узкие, верхние галереи все в стрельчатых арках и просматриваются насквозь, а нормального входа нет, поскольку это был храм, и попасть туда можно было только по воздуху! Паломники на воздушных шарах прилетали, вон видишь, башенка такая с балконом – так это пристань для них была.

–И нам сгодится. Иво, следи за мной. Крылья сведи до предела, насколько сможешь. Должно получиться.

Флюги один за другим проскользнули в башню сквозь арку, осветили пыльный коридор, с трудом протиснулись по нему в в небольшую залу, служившую для приема паломников, и опустились на пол. Пол слегка дрогнул, но выдержал.

–Ну вот, – удовлетворенно произнес шаммахит, – коридор изгибается, как я и ожидал… бока я себе попортил, но зато нас отсюда не видно. Сюда они не сунутся. Так что отдохнем, нам это не помешает.

–Какой тут отдых, – тихо отозвалась Виша. – Они нас точно не заметят?

–Точно. Не бойся. Знаешь, что – давай-ка выпей снотворного и ложись спать. Хватит с тебя ужасов на сегодня.

–Поддерживаю, – подал голос из коммуникатора гном. – Толку от тебя сейчас никакого, а намучалась ты изрядно.

Маульташ говорил так спокойно, будто и не ему пришлось несколькими часами раньше есть землю и готовиться умирать.

–Не надо снотворного, – брохус мягко притянул Вишу к себе, усадил рядом. – Посмотри на меня… не сопротивляйся… вот так… – и поцеловал ее.

В ответ Виша только тихо вздохнула, зевнула, в несколько шагов добралась до ложа и мягко рухнула в подушки. Из последних сил она подняла голову, показала Тойво язык, улыбнулась и закрыла глаза. Через секунду она уже спала.

–Тебе тоже не помешает немного поспать. Весь день в воздухе, надо отдохнуть.

–Неплохо бы. Чуть позже… может быть. А пока давайте решать, куда направимся утром.

–А никуда. Отсидимся здесь, – предложил гном. – Эльфы полетают–полетают, да и сгинут. А мы тут переждем.

–Как же, сгинут они… – перебил его Ика. – Альх, ночью они нас здесь не высмотрят, это ясно. Но вот потом…

–Они переждут ночь так же, как и мы. – Иво вздохнул. – А потом двое будут патрулировать Манору по периметру, а остальные тут все повытрясут. Не получится отсидеться, Маульташик.

–Я тебе дам Маульташик, хлыщ остроухий! – судя по звукам, доносившимся из коммуникатора, гном кинул в эльфа чем-то тяжелым.

–Эй вы, там! – Прикрикнул альх-Хазред. – Значит, решаем так. Я и Ика – спать. Остальные как хотите, но один должен бодрствовать. Мало ли что, вдруг здесь тоже кто-нибудь негостеприимный живет. Как рассветет, будите нас.

Шаммахит встал, прошел к кровати, деликатно примостился в ногах спящей Виши и попросил:

–Тойво, не мог бы ты и мне помочь со сном… снотворного мне нельзя, я после него никуда не гожусь. Только давай обойдемся без поцелуев, ладно?

– Как скажешь. – Усмехнулся брохус. – Чего уставился? Спи уже.

После этих слов флюгер, вопросительно смотревший на Тойво, уронил голову на подушку и уснул.

–Я подежурю, – и Тойво устроился поудобнее, вытянув ноги, заложив руки за голову. – Мне успокоиться надо.

–Хорошо. Я следующий. – Ответил ему Иво.

Више очень редко снилось что-нибудь яркое и запоминающееся, но этот сон оказался необычным даже сверх меры. Ей привиделся прекрасный и грозный пейзаж: темно–синее ночное небо, высокие угольно–черные скалы, море, разбивающееся о камень мириадами брызг–осколков. Продолжением скал вырастал дворец: ведущие из него широкие лестницы заканчивались прямо в воздухе, шпили цеплялись за облака, а над одной из башен кружил кто-то огромный, похожий на дракона, каким его запомнила Виша из иллюстрированной книги древних легенд. Внезапно башня приблизилась, и девушке стал виден опоясывающий ее балкон, огражденный каменной балюстрадой. Из распахнувшейся двери на балкон выбежала вишина знакомая: растрепанная больше обыкновенного, одетая в простое легкое платье, босая и расстроенная. Она остановилась, чуть было не налетев на перила, и уставилась на море, смаргивая слезы. Через минуту она решительно вытерла глаза, поцеловала кольцо с прозрачным черным камнем и легко вспрыгнула на ограду. Но шагнуть в бездну не успела, потому что внезапно перед нею в воздухе появился дракон: огромный настолько, что от взмахов его могучих крыльев стонал воздух, а весь замок казался рядом с ним детской игрушкой.

Вишина знакомая застыла на месте как ребенок, которого застигли за кражей конфет: спрятаться негде, отовраться не получится, и рот вытирать поздно. А дракон постепенно уменьшился, его тело, прежде отчасти призрачное, перетекающее из одного цвета в другой, словно стало плотнее и тяжелее; когда через несколько минут он опустился перед девушкой на каменный пол балкона, замок ощутимо дрогнул, от башенных шпилей до скального основания. Застигнутая с поличным повернулась к дракону, спрыгнула с перил, и, запинаясь, подошла ближе. А потом Виша увидела, как она обнимает дракона, прижимается к нему, а он бережно охватывает ее крыльями.

Виша мало что разобрала из их диалога, но одно было понятно – ее знакомая, которую Сорью без тени насмешки именовал богиней, о чем-то просила дракона. Просила как слабая – сильного, как подданная – своего короля, горячо и искренне. И он не устоял, не смог ей отказать. Покачав красивой, массивной головой, он одним движением крыла подбросил девушку, так что она оказалась у него на спине, и взмыл в воздух. В своем сне Виша была вольна последовать за ними; она видела, как плавно взмахивая крыльями, дракон летит над неспокойным морем, как жмется к его спине маленькая фигурка.

Он унес ее очень далеко от берега, уже давно перестал быть виден самый высокий серебряный шпиль, повсюду, куда ни глянь, только волны и небо. Но вот внизу показался остров – совсем маленький, скорее, гряда скал с ровной плоской верхушкой. Ничего не было на этом островке, одни голые камни, подставляющие черные бока соленым брызгам, а спины – звездному свету. Дракон завис над скалами, девушка легко соскользнула наземь. Отступив на пару шагов, она низко склонилась в благодарственном поклоне. Дракон кивнул в ответ, поднялся ввысь и стал кружить над островом.

Девушка, оставленная на плоской каменистой вершине, неторопливо обошла ее, словно пробуя босыми ногами камень. Потом она оглянулась, тщательно выбрала место, встала и замерла. Лицо ее было сосредоточенно, но не напряжено, губы даже слегка улыбались. Поющий кристалл, выпущенный ею из переплетения цепочек в ладони, ждал, покачиваясь в воздухе. И вот, выждав ровно столько, сколько надо, выдержав идеальную паузу, Амариллис (именно сейчас Виша смогла вспомнить ее имя) начала танцевать.

Сначала совсем просто, переступая шаг за шагом по кругу, едва касаясь босыми ступнями черного камня, и от этого незатейливого танца притихло море, замер воздух, а вот островок, напротив, весь напрягся, как зверь перед прыжком. И разливалась вокруг прозрачная, обманчиво легкая музыка, закручивая вокруг танцовщицы хрустальные спирали. Постепенно мелодия темнела, становилась туже и сложнее, и танец Амариллис менялся на глазах. Не сказать, что она двигалась тяжело – это просто было невозможно, но казалось, что она танцует глубоко под водой, преодолевая ее молчаливое сопротивление. Виша смотрела, не в силах оторвать взгляд от явленного человеку впервые за многие столетия искусства танцовщицы Нимы. Она едва переводила дыхание, и трепетала сама. Этот священный трепет передался не только ей – ровное море покрылось рябью, воздух задрожал.

И вот, после череды поворотов, танцовщица упала на колено и воздела руки в повелительном жесте. В ответ море, только что ровное и едва дышащее, выхлестнуло волны такой высоты, что на мгновение танцовщица оказалась словно на дне водяной пропасти. Холодные, блестящие капли окатили ее, воздух заискрился водной пылью. Легко скользя по мокрому камню, Амариллис преодолевала, изменяла характер мелодии, и уходила вынужденная тяжесть бездействия, и пространство заполнялось силой и светом.

Рисунок танца вернул ее в начало, к месту паузы; опустившись на оба колена, танцовщица прижала руки ко лбу и, резко опустив их, ударила сжатыми кулаками черный камень скалы. Више показалось, что в ответ дрогнуло, загудело само морское дно. Трижды повторяла Амариллис это движение, после третьего удара Виша увидела кровь на ее разбитых пальцах и ощутила, как к запаху моря примешивается свежий, горький запах полыни. И каждый раз уже штормящее море вздрагивало, и от подножия скалы начинала разбег волна, уходящая за горизонт и стремительно растущая.

Мелодия, рожденная кристаллом, несколько ослабила тугие петли, но лишь затем, чтобы выбрасывать их одну за другой, все быстрее и быстрее, заставляя танцовщицу кружиться по самому краю островка, едва не срываясь в ревущие волны. Виша слышала в музыке свист ветра, видела, как треплет он подол испачканного кровью платья и ей казалось, что Амариллис танцует не одна, что ветер равный ей в этом танце. И когда над ее головой уже бушевал настоящий ураган, она остановилась, замерла на самом краю обрыва, простирая руки ввысь. С потемневших небес бесшумно упала

крылатая тень, подхватила танцовщицу и понесла ее прочь, без малейшего усилия преодолевая хватку разбуженного богиней симхана.

Тойво бодрствовал около трех часов, потом разбудил Иво, послав ему менто.

–Пока все тихо. Ваши флюгеры великолепны: все сделали, как и предсказывал Альх. Двигаются точно, слаженно, по насестам расселись так, что только в паре мест было слышно. И все–таки до нашего шаммахита им далеко. Я чувствую, как они летают – они командуют, распоряжаются… а Альху достаточно подумать. Флюг его любит. Так что у нас есть шанс удрать живыми.

«Неплохо бы… но ни я, ни Ика и вполовину не дотягиваем до уровня альх-Хазреда», – подумал в ответ эльф. «Но, в крайнем случае, прикроем вас».

–Иво, ты хорошо меня слышишь? – невпопад спросил вдруг брохус.

«Хорошо. Непривычно, но… пожалуй, я даже чувствую тебя».

–А кто из вас лучший флюгер – ты или Ика?

«Ика».

–Тогда разбуди его.

Не спрашивая, зачем и почему, Иво выполнил просьбу брохуса, и вскоре оба эльфа вели неслышный разговор.

–Ика, ты хорошо меня слышишь? – повторил свой вопрос Тойво.

«Отлично».

–Тогда позволь мне управлять тобой. Вернее не мне, а альх-Хазреду. Я буду лишь передающим звеном. Если ты откроешься настолько, чтобы подчиниться, я смогу передать ваш флюг Альху. Понимаешь меня? Наши флюги будут полностью синхронны.

«Ну ты и хитрюга, Тойво. Шаммахит воистину летает как бог. Если он поведет оба флюга…»

«Мы будем связаны и поэтому более уязвимы». Это был Иво. «Но от нас будут ждать именно маневров с разделением…»

«Мы можем с них начать». Снова Ика. «А потом я передам через тебя управление Альху. И вот тут мы их удивим…»

–Альх сможет удрать от Симхана. – Уверенно подумал брохус. – Тогда я немного отдохну. Иво, разбуди на рассвете.

Прошло около пяти часов. Ничто не нарушало покоя спящей Маноры; флюги эльфов, как хищные птицы, притаились в ожидании, ничем не выдавая своего присутствия. Иво приподнял ресницы – так и есть, поворот коридора, о который шаммахит ободрал бока своего нарядного флюга, окрасился серо–розовым светом. Там, снаружи, вставало солнце.

Им всем хватило нескольких минут, чтобы проснуться, наскоро привести себя в порядок и, по настоянию альх-Хазреда, подкрепить свои силы.

–Я сам не слишком жалую искусственные стимуляторы, но сейчас они не помешают. Виша, твои братья знали неплохую комбинацию пре-

паратов, у меня в аптечке ты найдешь все компоненты. Как смешивать помнишь?

–Помню. Готовить на всех?

–На всех.

Чтобы обсудить план, предложенный Тойво, им хватило десятка минут, после чего эльфы и гном вернулись в свой флюг.

–Жаль, отрепетировать нельзя, – с сожалением сказал шаммахит, осматривая энергетическую установку. – Я польщен вашим доверием, но начнем порознь. Заставим их погоняться как следует. Виша, ты что, спишь? На тебя даже стимуляторы не действуют ранним утром, сова?

–Я не сплю, – ответила Виша, все еще сидя на краю меховой ступеньки и глядя в одну точку. – Я вспоминаю.

–Что? Этих грибников? Не надо… – шаммахит махнул рукой.

–Нет, не их. Я видела что-то очень важное… Тойво меня разбудил, когда… Когда они улетели, а ураган пошел в море…

Тут Виша умоляюще посмотрела на спутников, пытаясь объяснить им свой сон.

–Сейчас что-то случится. – Только и успела сказать она.

Первая волна–убийца достигла пределов Маноры как раз на рассвете. Она ударила по опорам дворцов, как под колени, заставляя их стонать и сгибаться, и пошла дальше, навстречу островам и побережью. Храм, где прятались беглецы, устоял, несмотря на легкость и изящество архитектуры. Его опоры лишь слегка разошлись, отчего он покачнулся, рассыпал витражные стекла по пыльным полам и не смог удержать хрупкую галерею, соединявшую башни.

–Спокойно. – Альх-Хазред сидел в своем кресле, перчатки каким-то чудом уже были на его руках, и кристалл уже ответил на звон золотого пиратского браслета. – Спокойно. Ика, как будешь готов, скажи. Не спеши. Летим, как решили. Сколько сможем, порознь. Как только поймешь, что тебя загоняют, зови Тойво.

С минуту тишину нарушало только пение шаммахита; на этот раз в его песне проявились новые, резкие и гортанные ноты. Он звал свой флюг не просто полетать – он настраивал его на сражение.

–Я готов. – Кристалл в эльфийском флюге, слабо слышный в коммуникаторе из-за голоса Ики, тоже звучал не по-мирному.

–Тогда… посмотрим, кого сегодня больше любят боги!

Флюг ожил по мановению рук альх-Хазреда; дрожа от нетерпения, как боевой конь, он выбрался из узкого коридора и рухнул вниз, в воющие водовороты. Вслед за ним со свистом в небеса прянул флюг эльфов.

Виша зажмурилась – там, снаружи, уже рассвело; внизу было беснующееся море, наверху – свинцовое небо, и повсюду был ветер. Немысли-

мой силы. Он подхватил легкие флюги и швырнул их как бумажных птичек. Шаммахит обогнул одну из покривившихся опор, вывел флюг на уровень платформ и успел крикнуть в коммуникатор:

–Ика! Это симхан! Не спорь с ним, жалей крылья!

И в этот миг из-за пелены дождя показались эльфийские флюги. Бело–синие, острокрылые, безжалостные. Они разделились – трое направились к шаммахиту, двое – к собратьям.

Виша мало что запомнила из этой невозможной гонки; к вящей досаде альх-Хазреда она почти ничего не могла рассказать об этом. Память сохранила только скорость, от которой ее мутило, виражи, от которых у нее темнело в глазах, порывы ветра, выкручивавшие флюгам крылья и опрокинувшие один из флюгов–преследователей в море. Она не помнила, как уворачивался альх-Хазред от падающих дворцов, падающих обманчиво медленно, с протяжным гулом, похожим на вздох облегчения. Она не помнила, как он заманил эльфов в какой-то музей, выстроенный на нескольких платформах, соединенных ажурными хрустальными переходами, – и сам успел пронестись стрелой по длинной анфиладе залов, в грохоте бьющегося стекла и скрежете проседающих стальных балок, а вот преследователь его оказался не столь удачлив. Порой до нее доносился спокойный голос Ики; эльф держался на высоте, не подпуская сородичей к флюгу шаммахита. Время остановилось для Виши, пространство свернулось в безумную спираль гонки, которую рассекали по минутам то наваливающаяся откуда-то сверху мраморная громада, то ливень огромных стеклянных лезвий, то пара бело–синих флюгов, безуспешно пытающаяся свернуть эту спираль. Но как пришла вторая волна – вот это Виша запомнила. Она почувствовала ее приближение за минуту.

–Альх! – Крикнула она, цепляясь за ступеньки, ничего уже не соображая, но всем своим существом зная – вот оно, вот! – Идет еще волна!

В этот момент Тойво встал, цепляясь чуть ли не за пол, добрался до пилотского кресла и встал позади флюгера.

–Ика зовет. Я не помешаю тебе, не беспокойся. – И тонкие, сильные пальцы брохуса легли на затылок и шею Альх-Хазреда. Флюгер даже не вздрогнул.

–Не нужно командовать. – Тойво говорил так спокойно, будто они вылетели поразмяться на окраину Лис-Арден, а не метались между ревущим морем, рушащимся городом и вихревыми потоками. – Ика передал все управление тебе. Флюги полностью синхронны…

Жаль, некому было увидеть это со стороны, увидеть и полюбоваться тем, как два флюга – все еще блестящий и еще более потрепанный – сначала зависли, подрагивая от ураганного ветра, нос к носу, а потом встали один над другим, так, что потрепанный оказался чуть выше и сзади. Воспользовавшись их минутной задержкой, флюги Симхана подобрались с трех сторон. А со стороны моря пришла волна – вторая, раза в два выше первой.

Альх-Хазред рванул флюги в сторону и вверх, успев избежать цепкой хватки эльфов. Он направил машины прямо навстречу водяной стене, закрывшей полнеба; он вычерчивал в небе какую-то немыслимую траекторию, затейливую как шаммахитские орнаменты. Оказалось, что та скорость, с которой он еще недавно метался по разрушающемуся городу, для него не более чем разминка и проба сил. Руки альх-Хазреда, напряженные и прекрасные, словно танцевали, а сам он пел, и это пение, в котором слышались и протяжные голоса жителей пустыни, и властные молитвословия шаммахитских священнослужителей, странным образом сплеталось с пронзительным голосом урагана. Альх-Хазред и симхан пели вместе, и поэтому пожиратель кораблей – так в древности предки шаммахита называли этот смертоносный ветер – принял того, кто рискнул полетать рядом с ним, наравне с ним, соприкасаясь крыльями.

Третий из эльфийских флюгов не вовремя выполнил разворот и оказался буквально смят хваткой симхана и рухнул в море. Оставшиеся двое преследователей продолжили погоню. Когда шаммахит оказался совсем рядом с волной–убийцей, чуть ли не окунув нос в воду, он развернул флюги, подняв их вверх, ведя вдоль блестящей мокрой стены. Там, где край волны начинал заворачиваться вовнутрь, альх-Хазред опрокинул флюги, описал полный круг, еще один, еще – словно наматывая спираль, с каждым разом чуть дальше отодвигаясь от воды. А потом, отсчитав нужное и только ему ведомое число витков, совершил нечто и вовсе неправдоподобное: на секунду застыв, уронил флюги вниз, как с отвесной горки. И полетел над взрыкивающим морем со скоростью, от которой у всех, включая эльфов, потемнело в глазах. Крылья флюгов, сведенные до предела, превратились в тонкие иглы, пронзающие пространство. Альх-Хазред вел свои корабли по туннелю, в который сворачивалась падающая волна; позади него туннель сужался, но впереди еще была надежда успеть. Если не задержат все еще торчащие из моря остовы платформ, если не ветер не поранит крылья случайным осколком… и если не сбрасывать скорость ни на йоту – даже если у флюгера сердце заходится и вены на руках пульсируют, грозя вот–вот лопнуть, а у полуобморочного брохуса глаза закатились так, что видны одни белки.

Они успели. Выведя флюги из водной трубы, альх-Хазред поднял их на безопасную высоту, развернулся. Их преследователи сгинули. Как и предсказывал Маульташ: полетали–полетали, и сгинули. Сегодня боги были на стороне беглецов.

–Ика! Хорош отдыхать! – Шаммахит немного расслабил руки.

–Готово. – Брохус снял пальцы с шеи флюгера, и осел прямо на пол, позади его кресла. – Дальше они сами справятся.

–Какие будут распоряжения? – Голос эльфа звучал обманчиво ровно.

–Уходим от моря подальше. Виша! Как там твоя интуиция? Еще волны будут?

–Не знаю… – Еле слышно простонала девушка. – Но лучше не проверять…

–Верно. Уходим на восток. И побыстрее. Держитесь рядом, и не расслабляйтесь особо – симхан шутить не станет.

Спустя десяток минут, когда они уже успели отдышаться, Виша, сдавленно вскрикнула – с моря шла третья волна.

–Ну все. Манору можно стирать со всех карт. – Мрачно констатировал шаммахит. – Идем выше, Ика, так безопаснее.

Прошло около трех часов, когда два флюга приземлились на пустынном, каменистом побережье, где-то поблизости от Мисра. Из них буквально выпали шестеро беглецов и, не сговариваясь, бросились обниматься. Гном пустил по кругу золотую чеканную флягу, от чего объятия стали еще более жаркими.

–Альх! Ты… ты невозможно великолепен! – Виша повисла на шее у шаммахита.

–А ты только сейчас это заметила? – флюгер поцеловал ее в нос и поставил на землю. – Я несказанно польщен. Но учти – если ты еще хоть раз потащишь свою маленькую задницу куда не следует, я тебя из флюга до самого Ирема не выпущу. Даю слово пережившего симхан.

–Во всех смыслах. – Смущенно пробормотала Виша. – А… а моя сумка… вы ничего из нее не потеряли? Там такие заколки были, и вышивка…

Все переглянулись и в голос засмеялись.

–Прекратите хихикать… – Обиженно протянула Виша. – Сама знаю, звучит нелепо, но там такая вышивка была… эх вы, неучи… – И засмеялась сама.

Спустя несколько минут они принялись решать, сколько часов отдыха обязаны себе позволить.

–Я на пределе, – признался шаммахит. И в самом деле, выглядел он неважно – бледный даже сквозь природную бронзу кожи, дрожащие руки, мгновенно проявившаяся синева под глазами. – Сейчас упаду и пока сам не проснусь, лучше не трогайте.

Он с трудом, пошатываясь, добрел до своего флюга и исчез в капсуле.

–Я, пожалуй, тоже не буду смущать вас своим видом, – Ика тоже выглядел так, что в гроб краше кладут.

–Так иди отдыхай… доходяга, – Иво помог собрату дойти по флюга и вернулся к остальным.

–Вы подежурите здесь, ладно? – неожиданно попросил оставшихся Тойво. – А мы с Вишей погуляем немного, нам хочется побыть вдвоем.

–Ага… – прогудел гном. – Идите… Только далеко не забредайте, мы не будем прислушиваться. Верно, Иво?

Они ушли не так чтобы далеко; когда пара поворотов морского берега, изрезанного известняковыми лагунами, скрыла от них флюги, они

укрылись в одной из них. Забрались немного повыше – там, между теплыми камнями тихо посвистывал ветер, шелестели стебли какой-то бессловесной полусухой травы, растущей у подножия скалы, мягко белел мелкий песок. Тойво, не говоря ни слова, совсем как тогда, в душе, прижал Вишу к себе и начал целовать ее.

–Сколько тебе лет, Тойво? – вдруг спросила Виша, чуть отстраняясь.

–Двадцать три. – Брохус не удивился этому вопросу.

–Значит, мы можем рассчитывать на семь лет безоблачного счастья, – всхлипнула Виша. – Если раньше времени нас не доконает наша страсть к приключениям…

–Не так уж и мало. – Тойво лизнул ее мокрую щеку. – Главное – правильно воспользоваться отведенным временем. И не шарахаться в одиночку черт-те где. Мне не очень нравится работать с людьми, но ты не оставляешь мне выбора – прошу тебя, помни, что я убью любого, кто попытается тебе повредить. Я люблю тебя, Виша. И я буду защищать тебя, и помогать тебе, и всегда буду рядом – хорошо ли тебе, плохо ли…

Он не стал дожидаться ответа, крепко обнял, прижимаясь металлическим виском к ее голове.

Песок оказался на удивление теплым и мягким, он оставлял на коже легкий белесый шлейф, осыпался с тихим шорохом, когда они поворачивались, не размыкая объятий. Више все происходящее снова казалось сном; ее сознание перестало справляться со слишком быстрой чередой событий, но Тойво всегда действовал на нее умиротворяюще, с ним она успокаивалась, открывалась ему и забывала о себе.

И Тойво, и Виша впервые в жизни любили не в замкнутом пространстве человеческого жилья, а под огромным небом, под боком у бескрайнего моря. В мягком свете дня их бледная, не знающая загара кожа отливала прозрачным перламутром, казалась тонкой и уязвимой, особенно вдоль голубых ручейков вен. Импланты брохуса вдруг перестали быть привычно–естественными, их чужеродность резала Више глаза, ей казалось, что все эти разъемы, контактные диски, шунты причиняют Тойво боль. Она прикасалась к его телу с осторожной нежностью, чуть не плача от нахлынувших чувств. А Тойво, ловя эти мотыльковые касания, погружаясь в них, уже не мог сдерживаться и открывался Више так глубоко и сильно, как никогда и подумать не смел. Его мысли стали для нее как открытая книга; с каждым вздохом, слетавшим с их губ, на секунду прекративших поцелуй, она все яснее понимала, кем была для брохуса.

Виша видела его, влюбленного и тоскующего так сильно, что душа его была словно искромсана руками неумелого аспида, – и уже готового воспользоваться своей силой, чтобы добиться ее взаимности. Тойво отказался от этого намерения не потому, что был чересчур совестлив; просто именно тогда, после разгульной ночи в «Мертвецкой» Виша сама пришла к нему.

Виша заглядывала в глаза Тойво, он улыбался ей и она видела, как он убивает – безжалостно и умело; из темной, затуманенной наслаждением глубины выглядывала смерть. Она всегда была там, и никуда не денется. Виша даже не догадывалась, насколько Тойво силен и как страшна его сила, но это ее не испугало; и в ответ на его откровения ее ласки становились еще нежнее. Теперь пришла ее очередь успокаивать темные волны беспокойного сознания.

Они лежали на теплом белом песке, затерянные в одной из сотен лагун на морском побережье, и им казалось, что они последние – или первые человеческие существа на этой земле. Они дышали и двигались в такт с морем, сомкнув глаза, слушая друг друга.

Дети умирающего, искалеченного мира, отмеченные его болезненными милостями – они были прекрасны, как юные боги, потому что любили.

Глава девятая. Нечестная игра

За четыре дня – спешить не было сил – они добрались до тех мест, где, если верить старым картам, начинались земли империи Шаммаха. Еще день, и карты уверили их, что они если и не вступили в Ирем, город тысячи колонн, то находятся совсем рядом, где-то на его окраине.

–И где тут город? – мрачно вопросил Маульташ, сидя на крыле флюга.

Он озирался по сторонам, словно надеясь увидеть Ирем, выглядывающим из-за скалы или прячушимся под чахлым кустом, слишком озабоченным добычей воды из глубины каменистой почвы, чтобы обращать внимание на путников.

–Должен быть здесь, – обескуражено ответила Виша. – Маульташ, я знаю, что говорю. Горы на месте, река – тоже. Город должен быть здесь.

–Но его нет. – Подвел нехитрый итог шаммахит. – А я говорил…

–Что?! Что ты говорил? – Виша обернулась к флюгеру. – Все знают, что Ирем – город–призрак, и вот так просто в него не попадешь. Мы прилетели, это уже удача. Будем искать.

–Что? – острожно поинтересовался Ика.

–Городские ворота, – совершенно серьезно ответила Виша. – Пошли, пройдемся.

Разумеется, ни эта, ни последующие прогулки по пустынной местности результатов не дали. Они осторожничали, чтобы не наткнуться на живой оазис или не заблудиться. Полеты результатов тоже не дали. Через два дня все заметно занервничали.

–Ты мне объясни, – в который раз пристал гном к Више, – ну что это такое – город–призрак? Что это значит? Город из легенды, никогда и не бывший на земле? Или реальный город, разрушенный людьми и временем? Или очередная выдумка реликвариев?

–Сам ты выдумка, – огрызнулась Виша. – Причем глупая. Ирем был столицей империи Шаммаха, скажешь, и она тоже – выдумка? И вообще, чего ты ко мне привязался со своим Иремом? Если уж кого доставать, так это нашего великого флюгера. Я уверена, что он знает о городе куда больше моего. Слишком мало осталось шаммахитов, а значит, память свою они берегут и чтут.

–Что скажешь, Альх? – гном повернулся к альх-Хазреду, сидящему на плоском камне, скрестив ноги и свесив кисти рук с колен. – Мы тут уже два дня время теряем, а ты все отмалчиваешься.

–А что говорить? – помедлив, отозвался флюгер. – Не так уж много я знаю… Ирем… – он замолчал, а потом продолжил, нараспев и негромко.

– Ирем, алмаз в короне владений моих, город царей и богов… Нет в этом мире подобных тебе, нет и в иных мирах. Дворцы вырастают в свете

зари, сияя, подобно грезам о власти и славе; оникс и мрамор, порфир и гранит оживают в каменном кружеве… Храмы твои, о Ирем, растворяются в сумерках, тают, как чудные сны – легкие, светлые, благостные… А в садах твоих отдыхает полуденный зной, прячется в тень, лоб охлаждает цветочным венком… Дремлют кошки на крышах, и розы цветут – каждая как поцелуй…

–Это – высокий Харут. А в скверном Маруте пьют и дерутся, воруют и держат ножи наголо. – Подхватила Виша. – И не счесть кабаков, веселых домов и грязных лачуг. Это словословие Ирему и я знаю, Альх.

Они замолчали. Через несколько минут гном снова подал голос.

–Так почему ваш распрекрасный город стал призраком?

–Магия. – Выразительно пожав плечами, ответил шаммахит. – Когда из Нильгау перестали возвращаться караваны, и стало ясно, что продвижение растений на запад неизбежно, ученики школы аш-Шудаха сказали свое слово. Силы их были не те, чтобы бросать вызов Калима; на это был способен разве что сам аш-Шудах, но он к тому времени давно покинул Обитаемый мир, призванный божественными братьями. А если не драться – значит, прятаться. Маги спрятали Ирем. Уж как они это сделали – не знаю, не моего ума дело, но город, весь целиком, со всеми храмами и дворцами, по–прежнему здесь. Стоит, где стоял веками. Но чтобы попасть в него, нужно нечто большее, чем просто желание увидеть Ирем.

–А что именно, никто не знает. – Мрачно констатировала Виша. – Хорошенькое дельце. Мы чуть шеи не свернули, добираясь сюда, а ему этого, видите ли, недостаточно. Слушай, Альх, а как насчет людей? Они тоже вместе с городом тут… прячутся?

–Вряд ли. Многие покинули Ирем перед проведением ритуала, а те, кто остался… слишком много лет прошло, Виша.

–Тогда что нам остается? – спускаясь из капсулы, спросил Иво. – Задание не выполнено, значит, о возвращении речи не идет. Может, полетаем еще, поищем?

–Да с таким же успехом можно камни переворачивать и под ними искать! – Виша топнула ногой, подняв облачко рыжеватой пыли. – Хотя летать, конечно, приятнее.

Они сидели вокруг небольшого костерка, устроенного эльфами из высохших до окаменения веток степного кустраника, пили травяной чай из запасов шаммахита. Вокруг были тишина, темнота и огромное, черное шаммахитское небо, настолько великолепное, что и смотреть на него было страшновато. Тихий их разговор был нарушен брохусом: он вдруг как-то подобрался, жестом приказал всем замолчать и с минуту вслушивался в ночь. Потом, не вставая, повернул голову вправо и сказал кому-то, находящемуся за пределами света костерка:

–Вы слушаете нас уже довольно давно. Видимо, ничего интересного мы не сказали, иначе вы подошли бы поближе, ведь так?

–Возможно. – Кто-то ответил Тойво из темноты, но подходить не стал.

–Может, вы разделите с нами этот ночлег? – пригласил неизвестного брохус. – Скучно быть одному в этой пустыне.

–Разве это пустыня, – и в свете костра появился незваный гость. – Даже ваш мирок знавал такие пустыни, по сравнению с которыми эта – цветущий сад. – Он подошел ближе и спокойно уселся на камень, на котором днем сидел альх-Хазред.

Это был мужчина средних лет, седой, одетый в подобие рясы, подпоясанной простой веревкой, в руках его был посох, с плеча свисал тощий мешок.

–Эээ… всегда рады гостю, – Маульташ справился со своим лицом и выдал несколько торопливое приветствие. – Чем обязаны такой честью? То есть, тьфу… Виша, ну скажи уже что-нибудь!

–Добро пожаловать, – тоже не слишком радушно выдавила Виша. – Тойво, ты что-нибудь понимаешь?

–Не очень, – признался брохус. – Я почувствовал, что мы не одни минут десять назад; сначала подумал, почудилось… а потом вы сами окликнули меня, ведь так?

–Так, – кивнул пришлец и внимательно оглядел всех сидящих у костра. – В этих краях меня зовут Пьющий Песок. А вы, как я понимаю, и есть те самые неудачливые паломники в Ирем?

–Ага. – Гном кивнул, ополоснул свой стакан, налил в него травяной отвар, пахнущий чабрецом, и подал гостю.

–Благодарю. – Тот принял стакан, вдохнул горячий пар и с наслаждением глотнул. – Что ж…могу быть вашим проводником.

–То есть? – подалась вперед Виша.

–Так и есть. Проведу вас в Ирем, город тысячи колонн и прочей чепухи.

–Каким образом? – спросил Ика, насмешливо приподнимая брови.

–У меня свои секреты, остроухий. И я держу их при себе.

–А какой ценой? – этот вопрос задал Иво.

–А вот это уже интереснее. – Гость поставил стакан рядом с собою, еще раз оглядел собравшихся, словно выбирая кого-то. – Один из вас сыграет со мной. В полночь, когда звезды занимают подобающее положение, партия в махшит с одним из немногих уцелевших шаммахитов – что может быть лучше? В последний раз я проиграл и это немного беспокоит меня. Ты ведь нашла игральную вышивку? – Пьющий Песок обратился к собирательнице. – Она вполне заменит нам доску.

–Но… там был совсем другой рисунок, не для махшита, – Виша даже не спросила, откуда пришелец знает о вышивке.

–Ничего, и тот подойдет. Неси, чего сидишь.

Недоумевая, Виша поднялась, залезла во флюг, нашла свою сумку и спрятанную на самое дно вышивку. Не разворачивая ее, и зачем-то прихватив разворошенную сумку, она вернулась к костру и протянула гостю вы-

шивку. Тот взял ткань, одним движением встряхнул и расправил в воздухе – и она зависла, паря над землей, поблескивая золотыми нитями.

–Ничего себе… – протянул гном. – Старая магия. Впечатляет. И чем тебе, Виша, рисунок не угодил? Самый что ни на есть правильный.

Виша присмотрелась – действительно, прежние, виденные ею узоры куда-то пропали, а на их месте оказались спирали махшита.

–Неплохое начало, – подал голос альх-Хазред. – А как насчет фигурок?

–Найдутся и они. – Гость запустил руку в свой мешок и, пошарив там, достал пригоршню разноцветных агатовых фигур. Он высыпал их небрежным жестом на вышитое игровое поле, и фигурки сами по себе встали на отведенные им тысячелетним обычаем места. – Готово. Ты играешь, альх-Хазред?

– Я играю. – Шаммахит встал, подошел к игровому полю. – Но никто не играет в махшит без ставок. Твоя понятна – ты проведешь нас в Ирем, если проиграешь. А моя?

–Если я выиграю, ты умрешь. – Совершенно спокойно сказал Пьющий Песок.

Неловкая тишина, повисшая над собравшимися, была нарушена гномом.

–Что?! – Взревел Маульташ. – Где это видано…

–Не надо, Маульташ, – остановил его шаммахит, улыбаясь так коварно, как может только шаммахит. – Иво, сядь, и даже не думай меряться силами с нашим гостем. Вы и пикнуть не успеете… Удивительно, у эльфов отшибло память, а люди помнят.

–Что помнят? – Виша дернула шаммахита за рукав. – Ты с ума сошел, разве можно такие ставки делать? А вы… откуда вы только взялись… Тойво, ты почему молчишь?!

–Виша, замолчи. – Альх-Хазред погрозил ей пальцем, не сводя глаз с игрового поля. – Он запросил несказанно мало, всего–навсего одну мою жизнь. Я согласен.

–Я рад. – Кивнул Пьющий Песок. – Твой ход, мальчик.

–Тойво… – Зашептала Виша в ухо брохусу, сбиваясь и глотая слоги, – это что ж такое… Они что, серьезно? Сделай что-нибудь, кто он такой вообще…

–Тихо… – Так же шепотом ответил ей брохус, – не мешай ему. И если не боишься, попробуй сама посмотри, кто он такой.

Виша возмущенно посмотрела на Тойво, но он и бровью не повел. Она пожала плечами и попыталась сосредоточиться на усвоенных от братьев приемах. Осторожно, деликатно, не привлекая внимания, заглянуть в мысли человека, снять верхний слой непрекращающейся болтовни, которую Тень именовал словесным поносом, и прочесть то, что прячется за этой шуршащей пеленой.

–Ай! – Виша вздрогнула и оглянулась – она могла поклясться, что кто-то только что дал ей хорошего подзатыльника.

–Ну что, – невозмутимо поинтересовался Тойво, – много разглядела?

–Вообще ничего. – Виша потерла затылок. – Тойво, там нет ничего, пусто… – и в этот момент ее снова треснули, не так сильно, но все же вполне ощутимо.

Тойво не выдержал и захихикал.

–Дурочка, думай, что говоришь…Скажи еще что там, – и он показал взглядом на бескрайнее небо, – пусто и ничего нет. И замолчи уже, и сиди тихо, и не вздумай что-нибудь выкинуть. Альх-Хазред не дурак. Из всех нас только он один, похоже, и знает, кто предложил ему партию в махшит посреди пустыни. Все, тихо. Альх-Хазред сделал свой ход. Игра началась.

К несчастью, Виша не умела играть в махшит. Джесхет пытался научить ее этой древней как мир игре, но каждый раз отступался. Виша не могла запомнить правила, вечно путала очередность ходов и старшинство фигур, и ей лениво было выстраивать хитрые комбинации. Ее профессор мог сколько угодно втолковывать ей о том, как развивает махшит логику, как захватывающе может быть построение выверенных стратегий, да и, в конце концов, реликварию просто стыдно не уметь играть в игру богов и царей – все было бесполезно. Виша стыдливо выслушивала все соображения, вертя в руках резную каменную фигурку, и сбегала куда-нибудь под любым предлогом. Так что сейчас она могла только смотреть, как шаммахит и незнакомец передвигают по висящему над землей вышитому полотну фигуры, то пропуская ход, то делая сразу два, меняясь фигурами и снимая их с игрового поля.

Она изнывала от нетерпения – по лицам играющих ничего нельзя было определить, в выигрыше кто-то из них или наоборот, проигрывает, спрашивать Тойво она не решалась, гном, выражая свое крайнее неодобрение происходящему, даже не смотрел на игровое поле, а лица эльфов почти скрывались в ночной тени. Виша знала, что партии в махшит требуют немало времени, особенно если соперники достойны друг друга. Прошло около получаса.

После очередного хода альх-Хазреда его противник чуть сдвинул брови; Виша сочла это хорошим знаком – противник озадачен, еще немного, и Альх выиграет. Через несколько минут Пьющий Песок огорченно покачал головой и развел руками. Виша заулыбалась и облегченно выдохнула. И тут шаммахит заговорил.

–Принять поражение от такого соперника почетно. Я сдаю партию. Выигрыш ваш.

–Что?! – Виша не поверила своим ушам. – Как же так?

–А так. – Мрачно ответил Маульташ. – Нашего флюгера разделали как кролика.

–И что теперь? – Голос брохуса был спокоен, но сидящая рядом Виша видела, как лихорадочно пульсирует жилка, уходящая под металлический височный диск.

–Теперь я, пожалуй, покину вас.– Пьющий Песок собрал фигурки в мешок, встал, поднял с земли посох. – Быть вашим проводником вашим мне не судьба, так что простимся.

–А моя ставка? – Шаммахит встал, жестом прося остальных не вмешиваться.

–Помилуйте, неужто вы решили, что я вот так, запросто, при ваших друзьях… лишу вас жизни? Вы сами поставили жизнь на кон. Мне она не нужна. А вот за игру я не поручусь, она может и потребовать обещанного. Но когда и как – не знаю. Прощайте.

Он повернулся и, неслышно шагая, ушел куда-то в темноту. Несколько минут все сидели молча, переглядываясь и недоумевая. Все произошедшее казалось нелепым эпизодом бестолкового сна.

–Альх, ты чего в чай добавил? – покашляв, поинтересовался гном. – Странное видение посетило нас…

–Да уж, – поддакнула Виша, с облегчением выдыхая. – Приснится же такое.

Она встала, подошла к вышивке, лежащей на земле, подняла ее и собралась убрать в сумку.

–Слушай, – шаммахит тряхнул головой, словно отгоняя назойливое насекомое, – а ведь ты так и не показала, чем разжилась в том дворце. Давай, похвались. И не забудь – теперь это воистину бесценные реликвии, последнее, что было найдено в Маноре, покоящейся на дне морском. Не жадничай.

–Он прав, – отозвался Ика. – Теперь самая дешевая манорская цацка настоящее сокровище. Вытряхивай свой мешок.

–Скажешь тоже – вытряхивай. Стекло на камни. Умник. – Виша опасливо покосилась на эльфа. – А чего это ты так тему сменил, Альх?

–А то. Что толку обсуждать. Все уже закончилось. – Шаммахит явно уходил от разговора.

–Да кто это вообще такой был?! – Не сдавалась Виша. – Мне показалось, что и ты, и Тойво что-то знаете, но предпочитаете молчать и делать дурацкие загадочные лица. Это нечестно.

–Согласен. – Поддержал девушку гном. – Нечестно.

–Так рассказывать особо нечего, – оправдываясь, возразил шаммахит. – Но в наших легендах дервиши… это, Маульташ, такие нищие мудрецы, вечно странствующие по миру, всегда помогают попавшим в беду путникам. С ними нельзя лукавить и храни Вседержитель попытаться обмануть дервиша. Они одиноки на своем пути, не ищут ни славы, ни богатства, но обладают всей мудростью мира и только им ведомо тайное знание…

– Какое именно тайное знание? – спросил Иво.

– Откуда же мне знать. На то оно и тайное. – Отговорился флюгер.

–Ясно. Значит, ты решил, что этот бродяга и есть дервиш из легенды, и… – Виша оборвала фразу на полуслове. – А ты, Тойво? Так и будешь молчать?

–Ага. – Брохус смотрел в огонь костерка, прищурив глаза. – Я лучше промолчу.

Растерянная, недовольная Виша машинально протянула сумку флюгеру – мол, разбирайся сам, и села поближе к костру. Альх-Хазред принялся доставать один за другим артефакты, взятые Вишей у Маноры.

–Так-так… Это украшения для волос, да? Скучные какие-то. Все–таки вы, северяне, не умеете польстить женщине. Даже украшения делаете с оглядкой, как бы она не слишком заблестела, а ну как кому понравится. То ли дело наши мастера…

–Альх, ну что ты сравниваешь! Ты еще сравни лето с зимой. – Виша снисходительно улыбнулась. – Слишком разные школы.

–Вот и я говорю – наша женщине в радость, ваша – вложить деньги в драгоценности. Так, а это что? Виша, какой толк в пустых флаконах, где и тени благовоний не осталось?

–Это работа дома Кадат, олух. Посмотри, какая красота. Легкие, изящные, один из резного хрусталя, другой – из пузырчатого стекла… на свет смотри, на свет! Видишь, там как будто радуга внутри! А пробки, между прочим, золотые.

–И правда, красиво, – признал флюгер, рассматривая один из флаконов на просвет, любуясь узором, образованным завихрениями мельчайших воздушных пузырьков. Он повертел флакон в руках, попытался открыть – и не смог. Пробка прилегала плотно и даже не дрогнула под пальцами шаммахита. Его это только раззадорило, и он принялся крутить драгоценную вещицу и так, и сяк, старательно ощупал всю гладкую литую поверхность – все бестолку.

–И как же этим хозяйка пользовалась? – язвительно поинтересовался гном. – Если уж шаммахит не открыл, куда там женщине!

–А может, здесь распылитель был, сверху, – и флюгер резко нажал пальцем на верхушку пробки. От этого движения что-то тихо щелкнуло и пробка раскрылась как цветочный бутон на три гладких лепестка. Под ними оказалась миниатюрная, искусно выполненная из черного золота змейка – она лежала, свернувшись кольцами, приподнимая точеную головку, украшенную венцом из рубинов.

–Красавица… – Шаммахит прикоснулся пальцем к головке змеи. – Ай! Кусается… – И засмеялся.

–В смысле? – Вздрогнула Виша.

–В прямом. Она действительно кусается, несильно, но вполне ощутимо. Видимо, несложный механизм какой-то. И это все, что ты успела насобирать?

–Там еще было зеркало, – съязвила Виша. – В полтора моих роста. И ванна из мрамора. И витражное окно. Я подумывала их прихватить, но что-то поленилась.

–Слушайте, поздно уже. – Подал голос кто-то из эльфов. – Если у Виши в сумке не припрятаны тайные ключи от Ирема, то советую всем пойти поспать. Толку от таких ночных размышлений нет. Утром встретимся и решим, что делать дальше.

Не видя поводов спорить, неудачливые путники разошлись по флюгам. Первым делом Виша принялась тщательно разглядывать флакон со спрятанной под пробкой золотой змеей; потом она присела рядом с альх-Хазредом, который что-то налаживал в инфокапсуле.

–Альх… ты как себя чувствуешь? – и она заглянула в глаза шамммахита.

–Отлично. – Подмигнув ей, шаммахит отвернулся и продолжил копошиться в недрах инфокапсулы. – А откуда такая забота вдруг? Из-за того проигрыша? Не стоит, мне и раньше приходилось проигрывать.

–Не из-за проигрыша. Из-за–твоей ставки, будь она неладно.

–Брось. Пьющий Песок сам сказал – ему моя жизнь не нужна. А так… смерть все равно придет за каждым. Не тревожься заранее. – И шаммахит ласково погладил девушку по руке.

Виша накрыла его пальцы своими, перевернула его узкую, сильную ладонь.

–Ты сильно поранился об это украшение?

–Да уже и не помню. Кажется где-то тут след остался, – и он посмотрел на подушечку указательного пальца. Кожа была совершенно чиста, кроме еле заметного красного пятнышка в центре.

–Что ты так беспокоишься? – Шаммахит недоумевающе приподнял брови. – Может, объяснишь?

–Виша, скажи ему. Или я сам скажу. – Тойво вышел из крохотной душевой, вытирая лицо. – У меня нет сил слышать твой страх.

–Хорошо, скажу. – И Виша замолчала.

–Великолепно. – Засмеялся альх-Хазред. – Виша, ну что такого замечательного было в этих твоих Кадатах, что от одного пузырька их работы тебя ломает как от рожи вашего ректора?

–Это работа не дома Кадат. Там, в Маноре, у меня не было времени и я не особо старалась… короче, на этом флаконе клейма Кадат нет. Я его только что наизнанку не вывернула.

–Ну и что? – не понял шаммахит.

–А то, что такую красоту мог сотворить только стеклодув дома Кадат. Своего клейма они не ставили только в том случае, если… Если не хотели нести ответственности за то, чем становилось их искусство. Они были отравителями, Альх. – Виша, наконец, решилась выговорить это слово. – Любили использовать контактные яды. Вроде того, как эта змейка. Конечно, маловероятно, что за столько лет яд сохранил свои силы, да и вообще нет никаких доказательств, что это действительно смертоносный флакон, а не обычный, но…

–Но шанс умереть от зубов золотой змеи у меня есть, так, что ли? – Флюгер отвлекся от своей работы, повернулся к Више. – Виша, где ты его нашла? В обычной, хотя и весьма роскошной ванной комнате. Не в сейфе, не в запертом шкафу. Сама подумай, кто будет хранить орудие убийства вот так, в свободном доступе? Ну вот… и успокойся, и иди уже спать.

Отправив девушку отдыхать, шаммахит вернулся к прерванной работе и первым делом додумал ту мысль, которую не стал договаривать вслух:

«Ну разве что тот, кто решил применить эту вещь по назначению и положил ее поближе к той, для которой была предусмотрена такая изысканная смерть…»

Ранним утром они собрались для запланированного разговора – но только впятером. Альх-Хазред остался в постели, по причине крайне плохого самочувствия.

–Ему стало плохо ближе к утру. Сначала он проснулся от дурного сна, застонал, заметался так, что упал с кровати. А когда пришел в себя, то понял, что ноги его почти не слушаются, ниже от колен совсем онемели. – Виша поплотнее запахнула куртку, затянула пояс. – Потом были первые галлюцинации. Не очень страшные. Ему казалось, что флюг перестал его слушаться, главное было убедить его в том, что мы на земле. Очень хочет пить, но после питья его сразу же тошнит. Сейчас паралич поднялся уже почти до середины бедра.

–Подведем итоги. Галлюцинации, тошнота, восходящий паралич… альх-Хазред отравлен. – Иво сжал пальцами подбородок. – Виша, это твои находки виноваты, ведь так? Как его там?..

–Дом Кадат. – Тихо ответила девушка. – Будь он проклят.

–Кто бы мог подумать… через столько лет… – Иво острожно покачивал на ладони тот самый смертоносный флакон.

–Мы можем чем-то помочь? – спросил Ика.

–Вряд ли, – отозвался его собрат. – Слишком мало времени и возможностей. Ни распознать, ни обезвредить яд мы не сумеем. Чего уж там, самый обычный анализ крови и то не сделать… – и он махнул рукой.

–И что теперь? – Маульташ отбросил с лица жгуты волос, с силой протер глаза. – Без Альха мы никуда не полетим, это ясно. Если только двое останутся здесь, с ним. Да чего там рассуждать, все, засели мы.

–Эй вы, скорбная команда! – Альх-Хазред высунулся из дверного проема капсулы. – Что, поняли, наконец, что без меня вы никуда не годитесь? – И, совершенно пренебрегая серьезностью ситуации, издевательски захихикал. Но потом посерьезнел и заявил совсем другим тоном:

–Есть идея. Дурная совершенно, но других нету. Короче говоря, вы сооружаете мне какое ни на есть средство передвижения, хоть летающее кресло, и мы все вместе направляемся искать мой родной город.

–Куда? – страдальчески переспросила Виша.

–Да без разницы! Туда! Туда! Туда! – И шаммахит помахал рукой в разные стороны. – Он тут везде, теперь я в этом уверен. И не надо лишних вопросов. Хватит время терять , чтобы через час мой паланкин был готов. И учтите – в неудобном не поеду.

–Если наш друг желает совершить прогулку – почему бы не помочь ему в этом? – переглянувшись, эльфы встали и направились к своему флюгу.

Через час из демонтированного флюгерского кресла и энергоустановки, снятой с крыла эльфийского флюга, Ика соорудил шаммахиту «паланкин». Они усадили альх-Хазреда поудобнее, захватили немного воды и отправились сопроводить шаммахита в его поисках. Умирающий альх-Хазред отправлялся на поиски города–призрака.

Они шли еле-еле, нога за ногу, вслед за неслышно плывущим над сухой землей флюгерским креслом. Говорить было не о чем, простирающаяся вокруг пустынная местность к восторгам не располагала; у каждого были свои невеселые мысли. Виша шла рядом с альх-Хазредом, держа его за руку; на спинке кресла дремала сова. Девушка смотрела себе под ноги, наблюдая, как покрываются ее сапоги красноватой пылью, как сменяется сухая глинистая почва каменистой россыпью, хрустящей под каблуками. Изредка она поднимала глаза к небу, смаргивала слезы, и снова опускала лицо. Примерно через два часа альх-Хазред перестал сжимать пальцами ее ладонь. Почувствовав, как расслабилась рука флюгера, Виша вздрогнула и заморгала еще сильней.

–Ничего… пока дышу… – альх-Хазред говорил тихо, но страха в его голосе не было.

Прошло немногим более получаса, и Виша почувствовала что-то странное в воздухе, будто кто-то уронил неподалеку корзину, полную пряностей – но давным–давно, еще на заре времен, когда Ирем только-только обзавелся первой тысячей колонн. Сладкое розовое масло и кошачья мята… запах перекаленного масла и чеснока... мед и орехи… Виша тряхнула головой, прогоняя наваждение, и упрямо не поднимала взгляда, боясь увидеть неотвратимое. И чем дольше смотрела она вниз, тем меньше было похоже на россыпи щебня то, что являлось ее глазам. Щебень оборачивался камнем, камень выравнивался, пока окончательно не превратился в ровную, гладкую плитку правильной формы. Краем глаза Виша видела, что этой плиткой вымощена дорога, а по левую руку от нее – неглубокий, но довольно широкий желоб, по которому течет вода.

«Я перегрелась… или это грибы аукаются…» – думала Виша, не желая привлекать внимание. Но когда она не выдержала и оторвалась, наконец, от созерцания мощеной мостовой, то увидела такое, что удержаться от изумленного возгласа было невозможно.

Перед изумленной девушкой открылась городская площадь. Окруженная зданиями, сохранившимися еще с далеких времен – с четко вычерченными геометрическими формами, овальными арками и нишами, укра-

шенными бирюзовыми изразцами, с пронзающими небо остроконечными башенками. Точно таким Ирем был изображен в учебнике по истории древнего мира. Но присмотревшись внимательнее, Виша поняла, что площадь – вовсе не образец средневековой архитектуры, сохраненный городскими властями как приманка для туристов, не музей и не декорация. За ней, сколько хватало взгляда, простирался соответствующий ей пейзаж, в котором не было ни одного здания, больше, чем в три этажа, зато были видны расположенные на холмах храмы, а на востоке просматривались очертания самого великолепного дворца, какой только мог пожелать себе человек. Город расцветал у нее на глазах, проявлялся как переводная картинка. Еще несколько минут – и исчезли малейшие признаки пустыни, и вокруг них были бирюзовые изразцы и серый камень, свешивающиеся из-за стен гибкие ветки, усыпанные розовыми цветами, львы, вырезанные из белого мрамора, темно-зеленые свечи кипарисов – это был Ирем, столица Шаммаха.

–Я что, одна это вижу? – не выдержав молчания, неуверенно проговорила Виша.

–Ну как тебе сказать… – Отозвался альх-Хазред. – Я увидел первые колонны около часа назад.

–И ты молчал?!

–А вы поверили бы моим словам? Десять минут назад вы шли с унылыми лицами по пустыне… а я видел, как из ниоткуда возникает дворец властителей Шаммаха…

–А я сначала увидел верхушки башенок, они висели в воздухе как стрелы, пущенные в небо, – мечтательно проговорил Ика.

Тут их всех словно прорвало, и они заговорили, перебивая друг друга, восторгаясь красотой города, пряным ароматом его воздуха, самими собой и всем миром. Впрочем, вскоре их востроги поутихли – рядом с их другом шла смерть, и уходить не собиралась.

–Что теперь? – вопросил гном, переминаясь с ноги на ногу. – Пойдем медика искать?

–Маульташ, ты что? Неужели не чувствуешь? Здесь нет людей, – покачал головой Тойво. – Никого, кроме нас.

–Город–призрак, – подтвердила Виша. – Это Ирем тысячелетней давности, тень минувшего. Нам позволили войти сюда… почему?

–А потому. Я, как–никак, умираю. – Альх-Хазред попытался улыбнуться. – Где это видано, чтобы Ирем отказал в помощи своему сыну, истинному шаммахиту?

В этот момент альх-Хазреду отказал язык. Он еще дышал, но уже с заметным усилием, хрипло и неглубоко.

–Что нам надо сделать? – Тойво положил руку на лоб флюгера. – Просто подумай… противоядие? В аптеке при медицинской академии? Нет? В храме? Успокойся, Альх.

–Ннне надо… – С трудом выговорил шаммахит. – Я могу и сам за себя сказать.

–Ну вот что. – Виша огляделась по сторонам. – Мы на площади Полудня, в Харуте Высоком. Если пройдем через сады на холмах, то окажемся как раз в квартале медиков. Там и сама Академия, и их храм, и школа фармакологов. Это недалеко. Должны успеть.

–И что? – переспросил гном. – Помолиться предлагаешь?

–Не откажусь, – просто ответил альх-Хазред.

Отказать в столь простой просьбе умирающему никому не пришло в голову, поэтому вскоре они вышли с площади на дорогу, ведущую в холмы. Опасаться здешних садов тоже никому не пришлось: роскошные цветники, рощицы акаций и кипарисов, стройные пальмы, словно сошедшие со страниц иллюстрированного тома шаммахитских сказок, оказались такими же призрачно–осязаемыми, как и весь город. Они жили своей собственной жизнью, не имеющей никакого отношения ко дню настоящему.

Путники поднялись высоко в холмы, миновав несколько садовых каскадов, обходя искусственные озерца. Дорога, выложенная прохладным белым мрамором, вела их к храмам, по соседству с которыми и располагалась Академия медицины. Еще несколько десятков минут быстрого хода – и перед ними возникло серое квадратное здание с куполообразной крышей, с широкими дверями, которые по традиции никогда не закрывались. И на этот раз они оказались гостеприимно распахнуты. А на пороге стоял высокий шаммахит, одетый в простую серую джеллабу, прячущий руки в широкие рукава; у него было узкое лицо, острый нос с горбинкой, черные глаза с неповторимым шаммахитским выражением непечальной грусти. Завидев путников, он улыбнулся, словно давно ждал их и вот наконец дождался.

–Мир вам, страждущие, – шаммахит склонил в поклоне гладко выбритую голову. – Я вижу, друг ваш нуждается в помощи. Позвольте мне, ал–Ладину, пятому ректору Академии, оказать ее. Проходите, я провожу вас в смотровую.

Они переглянулись, не зная, верить ли своим глазам.

–Идемте, – нарушила молчание Виша. – Ал–Ладин был великим врачом, он учился у лучших медиков своего времени, и превзошел своих учителей во всем – в усердии постижения науки врачевания, в отважности и дерзании ученого, а самое главное – в милосердии и сострадании. И если его тень почтила нас своим вниманием, – девушка посмотрела в глаза ал-Ладина, слушавшего ее спокойно, ничуть не возмущаясь словом «был», – мы должны довериться.

Все вместе они перешагнули порог Академии и оказались в тени ее стен, украшенных простым старошаммахитским узором. Вслед за ал-Ладином они прошли несколько комнат, миновали лекционный зал, коридор, лестницу, вышли во внутренний дворик, где тихо пел нескончаемую

песню фонтан, и, пройдя по открытой галерее, вошли в просторную комнату с окном, затененным листьями плюща. Посреди комнаты стоял смотровой стол, вдоль стен располагались шкафы, несколько низких столиков.

–Я очень люблю здесь работать, – ал-Ладин накрыл смотровой стол белоснежной простыней, сняв ее с полки высокого шкафа из шаммахитского кедра, – все под рукой, тихо, и пациенты меньше нервничают. Помогите вашему другу перебраться на стол. И снимите с него сапоги.

Эльфы легко подхватили флюгера и уложили его на стол. Ал-Ладин сначала ополоснул руки водой, затем плеснул на ладони немного жидкости из бутыли темного стекла, протер ею кисти рук. Подойдя к флюгеру, он долго всматривался ему в глаза, потом прощупал живот.

–Хороший яд, – без малейшего осуждения в голосе констатировал пятый ректор Академии. – Грамотный. Но скучный.

–Это в каком смысле? – опешил гном.

–А в том, что обезвредить его, все равно, что прямую дорогу по равнине проложить. Северяне составляли, вечно у них фантазии не хватает. Никаких тебе взаимодействий с противоядиями, никаких послевкусий… банально и заурядно. На твердую тройку.

Ал-Ладин отошел к столу, уставленному химической посудой, отобрал несколько колб, мерную трубку, стеклянную палочку. Затем он прошелся вдоль стен, открывая и закрывая шкафы, доставая с полок тщательно закупоренные флаконы, встряхивая их, рассматривая на свет, что-то ставил на место, что-то забирал. Не торопясь, но и не медля, он колдовал над зельями. В итоге перед ним оказались три колбы, на треть заполненные сложными составами.

–Это выпить немедленно, – и поддерживаемый Вишей под голову, флюгер выпил нечто, похожее на самую простую воду, над которой, тем не менее, врач трудился более всего. После последнего глотка его дыхание заметно полегчало, щеки порозовели и глаза перестали закрываться в предсмертной дремоте.

Перевернув пару раз небольшие песочные часы, ал-Ладин подошел к флюгеру, снова долго изучал радужку его глаз, вернулся к рабочему столу, добавил пару капель во второй эликсир и велел выпить его. На вкус он оказался не настолько нейтрален, и пах как сапоги дезинфектора, но альх-Хазред не капризничал. Через несколько минут его заколотила настолько сильная дрожь, что даже зубы застучали как град по крыше, ноги заскребли по столу, флюгер сильно покраснел, на лбу и висках выступили крупные капли пота.

–Отлично, – с удовлетворением отметил ал-Ладин, бережно разжимая сведенные судорогой пальцы Альха и растирая их имбирным маслом. – Помогать сильному – честь для врача.

Переждав, пока стихнет дрожь, уймется сердцебиение и альх-Хазред сможет спокойно дышать, врач протянул ему третий состав.

–Это поможет тебе поспать, пока я буду работать с последствиями отравления. Не то, чтобы я сомневался в твоем мужестве, но зрелище это не из приятных, – палец врача указал на открытый футляр, лежащий на придвинутом к смотровому столу столике с инструментами. В футляре поблескивали длинные тонкие иглы. – У тебя, как бы это попонятнее объяснить, оглушены все нервные центры. Иглы разбудят их и заставят снова работать, чтобы твое тело могло делать все, что ему полагается. Вы собираетесь наблюдать всю процедуру? – Врач повернулся к друзьям. Все они как по команде покачали головами. Ал-Ладин понимающе кивнул и жестом отпустил их, но прежде чем они покинули комнату, попросил:

–Юноша, да, вы… – Он обращался к Тойво. – Останьтесь, прошу вас. Здесь есть еще одна кушетка, а вам не помешает небольшой отдых. Вы работаете на износ и знаете об этом, я полагаю. Пока ваш друг засыпает, я займусь вами. Как давно вы должным образом обрабатывали ваши… улучшения? Даже отсюда я вижу, как воспалена кожа. Не стоит испытывать себя на прочность во всем.

Тойво послушно присел на стоящую у окна кушетку, снял капюшон, расстегнул молнию комбинезона, спустил его с плеч и спины.

–Виша, иди, – подтолкнул ее в спину гном, – или желаешь посмотреть как Альха будут иглами… того? А брохуса твоего не обидят, не бойся. Он сам кого хочешь уделает… ну, ты сама знаешь.

Виша совсем не желала наблюдать сеанс иглотерапии; через минуту все они – Виша, Маульташ, Иво и Ика сидели возле фонтана в тени старого разросшегося жасмина.

–У меня вопрос. – Ика по привычке подергал свою бородку, оплетенную гибкой металлической лентой.

–Только один? – бровь Иво выразила бесконечное удивление.

–Чем мы будем расплачиваться? – Ика приподнялся на локте и оглядел друзей. – Услуги врачей, а уж тем более самого ректора иремской Академии, стоят… всегда чего-то стоят. Денег, ответных услуг, в общем, когда как. Чего попросят у нас взамен спасенной жизни альх-Хазреда? Виша, ты вроде как неплохо знаешь обычаи древности, что скажешь?

–Врачам платили по факту выздоровления, – начала Виша, вспоминая уроки Джесхета, – деньги, драгоценности, дом могли подарить. Если человек был совсем беден, но хотел отблагодарить исцелителя, то мог отработать – год, два. Были случаи, так и оставались в доме спасителя, становились ближайшими помощниками.

–Ну и что ты волнуешься? – Перевернулся на спину Мальташ. – У нас есть драгоценности, цацки эти твои из Маноры.

–Это для нас они драгоценности, ал-Ладин такие и служанке бы не подарил, – возразила Виша. – Фигня это все. Стекляшки и дешевые камешки. У Альха во флюге есть золотая статуэтка, но и ее, боюсь, маловато.

–Так что, нам остаться и отработать? – Маульташ поскреб в затылке.

–Не вам. – Виша покраснела. – В учебниках об этом не особо распространялись, но судя по кое-каким деталям, пятый ректор иремской Академии был тем еще… любителем женщин. Ладно, хорош об этом рассуждать. Как ал-Ладин скажет, так и сделаем.

Прошло еще немного времени, и они, уставшие, задремали в тени куста, под влажный лепет воды в фонтане. Когда они проснулись, солнце уже клонилось к западу, воздух посвежел; умывшись прохладной водой, они поспешили к оставленным друзьям.

–Доброго здоровья этому дню и всем последующим, – ал-Ладин приветствовал их легким поклоном. – Ваши друзья отдыхают, но будут рады видеть вас. Прошу со мной.

Они вновь перешагнули порог больничной палаты. Альх-Хазред, довольный собой и миром, дремал на маленьком диване у окна, вытянув ноги на подушки. Тойво же крепко спал на кушетке, обнаженный, прикрытый по пояс простыней. Он лежал на животе, подложив под голову руки.

–Он проспит до утра, – пояснил врач, – и, если бы не ваша спешка, я бы прописал ему не менее суток сна. Уж не знаю, что ваш друг вытворял со своими нервами, но потрепал он их как кот моток шелка. Это все равно, что смотреть на солнце, наслаждаясь светом и одновременно выжигая глаза. Сепсис, который дал бы о себе знать через пару дней, я погасил. Пока я чистил все эти… – и врач неопределенно покрутил пальцами в воздухе, – Тойво объяснял мне, зачем и ради чего подобное насилие над телом. Он воистину страстотерпец. Вот уж не думал, что в будущем потерпят такие варварские практики.

–Так что с нашим флюгером? – спросил гном. – Тойво выспится, а как Альх?

–Я бы рекомендовал ему небольшую прогулку, чтобы он убедился в том, что силы вернулись к нему и солнце по–прежнему улыбается сыну Шаммаха. И все. Больше никаких игл и микстур. Ваш друг здоров.

–Вы великий врач, ал-Ладин. Никто не сравнится с вами в искусстве врачевания. – Виша поклонилась, прижав руки к груди на шаммахитский манер. – Как мы можем отблагодарить вас?

Пятый ректор иремской медицинской Академии улыбнулся как змея – или как шаммахит, что, впрочем, одно и то же.

–Само ваше появление здесь – награда для меня. Ты права, я всем сердцем предан искусству врачевания, и еще раз выиграть чью-то жизнь у смерти – большая удача. Но есть еще кое–что. Когда город возвращает меня к жизни, а случается это нечасто, я вновь могу быть с живыми и служить им. Я могу осязать ваши тела, прикасаясь к ним и исцеляя их. И я могу принять благодарность живых – теплую, трепетную благодарность. И раз уж ты задала этот вопрос, то тебе и быть моей наградой за отыгранную жизнь.

Врач оглядел друзей Виши.

–Вам я посоветую устроиться на ночлег в соседних комнатах, там вполне удобно. И не беспокойтесь за свою спутницу. Она проведет ночь со мной.

Ни у кого не нашлось слов согласия или отказа на это условие; в полном молчании Виша и ал-Ладин вышли из палаты. Врач взял девушку за руку; его пальцы оказались горячими, сухими и твердыми – пальцами живого человека.

–А вы действительно призрак? – Бестактно спросила Виша. – Не очень-то вы на него похожи.

–А ты очень сведуща в том, что касается призраков? – Ответил вопросом на вопрос шаммахит. – Посмертие бывает разным, впрочем, как и жизнь.

Он привел ее в свои покои, оказавшиеся достойными Ирема в своей роскоши, усадил на невероятно мягкий и удобный диван.

–Выпей это, – и ал-Ладин протянул девушке белоснежную фарфоровую чашечку. Он налил в нее воды из высокого кувшина и бросил щепотку какого-то снадобья, хранившегося в лаковой шаммахитской шкатулке для пряностей со множеством отделений. Напиток пах как свежеиспеченный яблочный пирог и приятно пощипывал язык. Пока врач зажигал курильницу, из которой потянулись струйки белого ароматного дыма, Виша пыталась вспомнить, где же она читала про такую пряность, где ее продавали и почему она так дорого стоила…

–Это маат–ша, верно? – у нее закружилась голова, но это не было неприятно, а вскоре головокружение сменилось легкостью и каким-то радостным бесстыдством, вскипающим в крови.

–Верно, – ал-Ладин присел рядом, забрал у нее пустую чашечку. – Незаменимое средство для маленьких северянок. – И он легко опрокинул ее в подушки.

Виша глубоко вздохнула, открыла глаза и увидела над собой смуглое лицо, глаза, горящие как угли – с переливами красноватых огоньков в черной глубине, почувствовала, каким теплым, легким стало ее тело… и улыбнулась ал-Ладину.

–Мне кажется, что все это уже было когда-то, – она гладила его плечо, стягивая с него серую ткань докторской джеллабы, – и я пыталась снискать твою благосклонность, но ты отказал мне. Или это была не я?

–Не ты, – подтвердил ал-Ладин, расстегивая ремень на вишиных брюках. – Один наш апокриф рассказывает, что Амариллис – Танцующая Судьба, будучи совсем молодой, возжелала аш-Шудаха, величайшего из магов Обитаемого мира. Он не принял ее, памятуя о том, что другой предназначен ей госпожой Любовью.

Ал-Ладин помог Више избавиться от куртки, и, стягивая с нее майку, приподнял за плечи и легко поцеловал в лоб.

–Не беспокойся, я не столь щепетилен в делах любви. Я не совершу подобной ошибки.

–Мы исправим ее вместе, – и Виша поцеловала горячие смуглые губы человека, жившего столетия назад.

Утро следующего дня застало их в огромной, смятой и разворошенной постели; Виша спала, положив голову на шелковую, обшитую кружевом подушку, свесив руку с края. Обнимая ее бедра, уложив свою голову в самом низу ее спины, спал пятый ректор Иремской медицинской Академии, светило науки и великий врач ал-Ладин. Он спал бы еще долго, поскольку ночью на сон почти не потратился, но чья-то легкая рука осторожно прикоснулась к его плечу. Врач приоткрыл глаза, присмотрелся и лицо его погрустнело. Он высвободил спящую девушку из своих объятий, встал, набросил на себя валявшийся неподалеку шелковый халат, запахнул полы, завязал широкий расшитый золотом пояс. Наклонился над спящей девушкой, прикрыл ее плечи покрывалом, ласково погладил коротко стриженый затылок.

–Ты неисправим, ал-Ладин. Твоя сестра была права, когда рассказывала нам о твоих подвигах, – незваная гостья говорила шепотом, в котором, впрочем, не было слышно ни капли осуждения.

–И что же такого наговорила тебе моя дуреха Лалик? – таким же шепотом поинтересовался врач, знаком приглашая гостью выйти через стеклянную дверь во внутренний сад.

–Что ты обещал ей золотые горы, лишь бы она провела тебя в нашу спальню, – фыркнула гостья. – И помнится мне, один молодой шаммахит был застукан за подглядыванием за нашим купанием в большом бассейне в саду…

–Ты кинула в меня персиком, о божественная, – шаммахит склонился в низком поклоне перед молодой светловолосой женщиной. – И ведь попала, прямо в лоб…

И они тихо засмеялись.

–Спасибо тебе, ал-Ладин, – названная божественной взяла его руки в свои, крепко сжала. – В который раз ты выручаешь нас?

–Не в последний, госпожа, – шаммахит улыбнулся. – По первому твоему зову я вновь явлюсь там, где ты прикажешь. А сейчас, раз уж ты сама пришла разбудить меня, мое время закончилось?

–Да. Тебе пора отдыхать, друг. Пойдем? Цветы еще не раскрылись, трава будто в серебре, не обувайся, пойдем по росе, босиком… пойдем.

И так и не размыкая рук, они тихо покинули сад, не потревожив ни единой травинки, не всколыхнув ни одного лепестка.

Они, все шестеро, шли по безлюдным, тихим улицам Ирема. Самыми первыми проснулись эльфы; Иво нашел Вишу, разбудил ее и вместе они пошли будить флюгера и брохуса. Позавтракав плодами, сорванными в саду, и холодной водой, они присели в тени у фонтана, прежде чем покинуть Академию.

–Куда теперь? – спросил альх-Хазред.– Если кого-нибудь это интересует, я превосходно себя чувствую, будто неделю на моргенштерне отдыхал. А ты как, Тойво?

–Отлично. Я действительно запустил свои разъемы, – брохус развел руками. – Не до них было, и потом, я никогда сам их не обслуживал. Особенно спинные. Так что все было вовремя… включая сон.

–Вот и хорошо. – Несколько торопливо высказался Маульташ. – Насколько я помню, вам было поручено найти и уничтожить поющий кристалл неслыханных размеров? Так не пора ли заняться делом? Где искать будем? Во дворцовой сокровищнице? – Выпалив очередь вопросов, гном перевел дух, украдкой покосился на Тойво и перевел дыхание.

Эльфы переглянулись, но ничего не ответили.

–Бери выше, Мауль. – Виша надкусила желтую сливу. – В храме Нимы. Это не так далеко от Академии, но я думаю, нам стоит поторопиться. Город впустил умирающего шаммахита… кто знает, сколько он будет терпеть эту вот улыбающуюся физиономию?

–Это верно. Ты знаешь, куда идти? – флюгер допил воду, поставил стакан наземь.

–Знаю. Выше, в холмы, там весь храмовый комплекс Ирема. Я видела его реконструкцию, надеюсь, она не сильно отличается от исторической правды.

Выйдя из ворот Академии, они направились на восток, дорога, ведущая в этом направлении, заметно шла в гору. В Ирему царили тишина и покой, так не свойственные этому городу; шаги путников отдавались от серых каменных стен шелестящим эхом, голоса их звучали приглушенно, как в музее.

–Виша, а этот храм, он какой? – гном шел рядом с девушкой, чуть впереди всех остальных.

–В смысле?

–Ну, я как-то читал, что в храм так просто не попасть, там всякие ловушки, западни…

–Да ну тебя, Маульташ, начитался дешевых книжек! – усмехнулась Виша. – Храм Нимы был прекрасен, это же не склад и не крепость. Это именно храм – в нем молились, проводили ритуалы…

–Интересно, а там тоже есть призраки? – гном бросил на Вишу быстрый взгляд.

На щеках девушки вспыхнул румянец, она закусила губу.

–Если есть, то тебе повезет, Маульташ, там были очень красивые жрицы, а еще школа танцовщиц, единственная в своем роде.

–Звучит обнадеживающе. Так как ты сказала, каков он был… этот храм?

Виша посмотрела на гнома долгим взглядом, и ответила одним словом:

–Великолепен. – И зашагала дальше, прибавив шаг.

Глава десятая. Немного везения

Добраться до храма Нимы оказалось проще простого; город был по–прежнему пуст и необитаем, подъем в гору, не успев утомить, сменился ровной, широкой дорогой, вымощенной белым камнем. Немногим менее часа – и путники оказались у подножия холма, на котором размещался храмовый комплекс: само святилище, сады, дома служительниц и школа. Ни ограды, ни ворот, только лестница, обрамленная легкими колоннами, ведущая вглубь земного дома Нимы. По ней они бы и поднялись, если бы не одно обстотельство. Начало этого они почувсвовали еще на пути к храму Нимы: прежде абсолютно безлюдный Ирем начал меняться.

Первыми проявили себя звуки – сначала Ика услышал гудение пчелы над ухом, потом на Маульташа залаяла собака, он заозирался, но так ничего и не высмотрел, а потом каскад звуков обрушился на всех сразу, как ведро воды, выплеснутое служанкой в окно, прямо на головы случайных прохожих. На разные голоса шелестел, посвистывал ветер, перекрикивались погонщики ослов, спорили за душу покупателя базарные торговцы, вела свой нескончаемый разговор река толпы, и все покрывал тонкий, небесно–пронзительный голос священнослужителя, вышивающий узоры молитвы в небесах. Едва путники успели привыкнуть к этой какофонии, как начали зримо проявляться и те, кто ее создавал. Виша не успела испугаться, но вскрикнула:

–Ой! Смотрите, кот! Какой важный! Ну настоящий Сириан Мираваль!

И в самом деле, на ступеньке лестницы, ведущей во внутренний дворик, возлежал полосато–серый, холеный, спокойный кот, с таким важным выражением морды и высокомерным взглядом янтарных глаз, что так и хотелось спросить у него совет за жизнь, ну, по крайней мере, дорогу.

–Это нехорошо. – Шаммахит как-то подобрался, оглянулся.

–Ты не любишь котов? – Виша уже сидела на корточках и тянулась погладить теплый серый бочок.

–Виша, отойди. Не стоит трогать голыми руками артефакты тысячелетней давности, тебя разве этому не учили? Кто-нибудь, кроме меня, еще понимает, во что мы вляпываемся?

–Возможно. – Отозвался Ика. – Нас втягивает в прошлое? Как полноценные, действующие части минувшего.

–Чтобы мы прожили остаток дней в Иреме, пополнив его и без того немалую копилку судеб, – подтвердил альх-Хазред.

–Э… я на такое не подписывался,– запротестовал гном. – Мне не нравится здешняя кухня и отношение к гномам.

В этот момент прямо на них из-за колоннады вышла женщина в традиционном жреческом наряде и легком головном покрывале, рядом с ней шел

статный, одетый в белые ткани шаммахит, полы его джеллабы веяли снежным холодом, из–под белого тюрбана сверкали угольно–черные глаза; будто и не заметив путников, они свернули на лестницу и вскоре затерялись наверху. Вот только женщина прошла быстро и не оглядываясь, а мужчина задержался на несколько секунд, и на это время – Виша могла в этом поклясться! – он смотрел прямо на них уже синими глазами; впрочем, он только едва заметно улыбнулся и проследовал за жрицей храма Нимы. Хотя мимолетный жест его правой руки истолковывался явно как приглашающий.

–Уффф…. – гном вытер пот со лба. – Так мы что, для них невидимки?

–Почти для всех. Но ненадолго. Так что стоит поторопиться. – Тойво совершенно неуместно улыбался. – Альх, ты понял, кто это был?

–Что я по-твоему, северный олень, что ли? – оскорбился флюгер. А потом опустился на колени и благоговейно прикоснулся губами к ступени, на которой секунду назад стояла нога синеглазого шаммахита. – Аш-Шудах величайший, светоч мира, вечная сила, благослови детей своих, сохрани на темном пути…

–Аш-Шудах? – и вишины колени подломились сами собой, и она присоединилась в флюгеру. Переглянувшись, их друзья сочли за лучшее присоединиться к молитве альх-Хазреда. Затем они поднялись, и, миновав каскад цветников, вышли к храму. Не сговариваясь, все мужчины присвистнули.

–Ого-го…это… ну… – Маульташ откашлялся, перевел дух, но ничего более умного не придумал.

–Удивительно… Какое изящество композиции, смелость замысла… – Иво прижал пальцы к тонким губам, скрывая змеящуюся улыбку.

–Ага. И восхитительная непристойность! – Ика, смеясь, подмигнул собрату и во все глаза уставился на знаменитый скульптурный ансамбль, украшавший фасад храма.

–Не будет мне спокойных снов, пока… вот так же… и вот так… – альх-Хазред облизнул пересохшие губы, тихо застонал. – О боги, только бы не забыть!..

–Забудешь такое… – гном с трудом отвел взгляд от скульптур. – Ну хватит, мы сюда не за этим шли! Виша, дальше куда?

–А… если источники не врут, святилище Нимы располагалось на крыше храма, она плоская, это отличительная черта шаммахитской архитектуры, чего не скажешь о скульптуре, – Виша показала язык эльфам. – Пойдемте, надо подняться.

Они обошли храм со стороны восточного фасада, оказались во внутреннем дворике, из которого шел усаженный цветами крытый переход, в проеме которого просматривались очертания невысокого здания, а из открытых настежь окон доносилась музыка.

–Тихо… – прошептала Виша, прижав пальцы к губам. – Там школа. Небо мое синее, это все правда, при храме была школа танцев… хоть бы одним глазком…

–Виша, приди в себя! – Иво несильно дернул ее за хвостик.– Может, ты хочешь остаться там навсегда?!

–Не в этот раз. – Одетый в белое шаммахит, по–прежнему синеглазый, стоял за их спинами, и явно наслаждался произведенным эффектом. – В школу Нимы не берут более пяти учениц, а я как раз приходил просить за свою подопечную. Ей здесь как раз самое место. Так что, Виша из дома Вельда, не обессудь.

–Что вы… я и не смогла бы, наверно. – Виша смотрела на шаммахита во все глаза, запоминая каждую черточку, каждую складку на его тюрбане.

–Вам не следует медлить. – Аш-Шудах вернул глазам черный цвет, прикрыв на мгновение веки. – Сейчас в святилище никого нет, вам никто не помешает. Но вот как вы будете договариваться с Нимой... – и он выразительно пожал плечами.

–Богиня никогда не была жестокосердой, – осмелилалась ответить Виша.

–Неужели? – Аш-Шудах усмехнулся. – А как вы назовете ту, что прокляла своей кровью своего сына? Милосердная богиня… скажите еще, осторожное землетрясение. Или – и он мельком глянул в сторону остроухих – смиренный эльф. Но тут я вам не помощник. Удачи.

Он не стал исчезать, испаряться, а просто прошел по желтоватому мрамору внутреннего дворика и вошел в одну из дверей, ведущий в храм.

Наверху их встретило уже ощутимое шаммахитское солнце, заставлявшее жмуриться и искать тень. Крыша была ограждена баллюстрадой, у края, противоположному лестнице, располагалась небольшая каменная же скамья, человек на пять–шесть, не более. А на восточной стороне на невысоком постаменте возвышалась статуя богини. Изваянная из розоватого мрамора с тем же вдыхающим в камень жизнь мастерством, она держала в руках сверкающий на солнце кристалл.

–Мы на месте. – Иво прошел вперед и оглянулся. – Не будем медлить. Пора выполнить приказ.

Он подошел ближе к Ниме, склонил голову, приветствуя богиню древности, протянул руку и обхватил пальцами кристалл.

И вот тут кажущаяся простота задания и закончилась. Для начала им пришлось убедиться, что между кристаллом и мрамором изваяния вполне явственно просматривается пустота; прохладные гладкие руки богини не держали кристалл, и никаких хитроумных креплений не было – ладонь эльфа легко проходила между артефактом и ладонями Нимы. Все попытки хоть как-то сдвинуть с места кристалл оказались безуспешными. Эльфы озадаченно замолчали.

–И что, вместе со статуей нам его забирать, что ли? – сердито вопросил гном. – А что, она красотка еще та… только не утащить. Тяжеловата будет. Ну вот что, вы все отойдите, я отобью ей руки, уж их-то мы донесем.

–Еще чего! – Возмутилась Виша. – Варвар! Да ни за что на свете!

–А ты что предлагаешь? Весь храм на воздух поднять? Так у нас для этого нет ничего, оба флюга где-то в степи, а с ними и все оружие… И какая разница, я так понял, вам приказано кристалл захватить…

–Не захватить. Уничтожить. – Поправил Маульташа Иво.

–У нас есть одна энергетическая установка, – напомнил всем Ика.– Мы решили не таскать за собой кресло, а вот ее сняли. Хотя не знаю, как это может нам помочь. Активировать ее можно, но, боюсь, мощности маловато. Тойво, а ты что скажешь?

–А что тут говорить? Приказ вам дали недвусмысленный, мы обещали вам помогать. Отделить кристалл от статуи не получается, значит, выход один – уничтожить их вместе.

–А вы сразу храм взрывайте, чего там… – Виша чуть не плакала, сознавая, что осталась в одиночестве: никто, даже Тойво не поддержит ее. – Я в этом участвовать не буду. Идите вы все…

–Виша, тебя никто и не заставляет. – Холодно парировал Ика.

–И не заставите. – Не очень хорошо соображая, что делает, Виша отвернулась от друзей, упала на колени перед статуей и обхватила руками ноги богини. – Не позволю повредить ей. Ни за что. Лучше умру.

Остальные попятились, растерянные и недоумевающие. Религиозностью Виша никогда не отличалась, поэтому ее порыв никто не понял, даже Тойво.

И все же эльфийское чутье было невероятным. И в этот раз оно не подвело: почти одновременно Ика и Иво переглянулись и крикнув:

–Ложись! – Потянули всех наземь.

Над крышей храма Нимы бесшумно всплыл сине–белый флюг – последний из подразделения «Симхан», пущенный по следу лордом–маршалом. То ли поломка задержала его в пути, то ли оглушило в бою среди рушащейся под согласными ударами волн и ветра Маноры и завалило обломками, – теперь это было неважно. Теперь он нависал над храмом как острокрылый ангел мщения, настигший беглецов. Еще секунда – и флюг откроет огонь на поражение. Распластанные на плоской крыше вокруг мраморной статуи люди – несложная мишень. Даже как-то неловко такому асу палить по ним, как из пушки по воробьям, но приказ есть приказ, и не эльфу его обсуждать.

Виша, вжавшаяся в постамент, вдруг почувствовала, как прохладные гладкие пальцы гладят ее щеку. Она подняла голову и увидела – богиня присела и склонила над ней свое беломраморное, вечно улыбающее лицо.

–Не бойся, девочка. Я не позволю тебя обидеть, – услышала Виша слова, произнесенные мраморными устами. – Ты можешь забрать мой кри-

сталл, он понадобится одной из моих дочерей. А чтобы в этом даре не было для тебя беды, скажи, не найдется ли у тебя, чем отдариться? Что ты можешь дать мне взамен, чтобы не быть обязанной судьбе? Мне самой ничего от тебя не нужно, но таков закон – и я подчиняюсь ему в первую очередь.

–Есть… – еле дыша, выговорила Виша. – У меня есть дар для тебя, богиня любви.

И она с силой дернула цепочку, которую всегда прятала под майкой. Через мгновение на ее раскрытой ладони лежал прощальный подарок Джесхета Ломара: подвеска работы дома Рилло, медальон, в котором застыли похожие на ледяную карамель цветы, искрясь на полуденном солнце Шаммаха алмазным инеем. Казалось, иней вот–вот растает, и лепестки цветов расправятся и задышат.

–Цветы поздней любви… – Нима понимающе улыбнулась. – Принимаю.

И она взяла с вишиной ладони драгоценность, дав цепочке соскользнуть на пол, приложила медальон к груди – ровно к тому месту, где расходились края ее одеяния, обнажая нежную ложбинку. Когда Нима отняла руку, оказалось, что на месте медальона расцвели настоящие цветы, и алмазный иней растаял, дрожа на их лепестках каплями росы.

–Мой храм – моя сила! – с этими словами Нима выпрямилась и простерла ладонью вперед и вверх свободную от кристалла руку. Она сделала это, потому что эльф – флюгер симхана справился со своим изумлением и начал стрелять. И все, распростертые вокруг нее, оказались словно под невидимым куполом, которому боевой эльфийский флюг повредить не мог.

–Возьми мой кристалл, – и, слегка наклонившись, Нима протянула Више сияющий камень. – Ты можешь брать его свободно, обмен дарами возможен между богами и людьми.

Виша обеими руками приняла дар богини.

–А теперь поспеши покинуть это место, Виша. Тени минувшего набирают силы, и если вы задержитесь в Иреме, он не отпустит вас.

Девушка внимательно посмотрела на говорящую с ней Ниму – что-то было не так, ведь еще минуту назад мрамор статуи лучился гладкостью, нежностью, а сейчас… щеки богини покрылись тонкими черными трещинками, такие же ломаные линии разбежались по рукам, исчертили летящие складки платья. Грозно и неотвратимо прикоснулась к Ниме старость, как только выпустила она из рук поющий кристалл.

–Это не страшно. – Понимающе улыбнулась Нима. – Здесь и сейчас мы расстаемся, для твоего времени я давно уже прах и обломки. Пришла пора мне вернуться туда, где сияет мрамор этого воплощения, или выбрать другое. Прощай, Виша.

Девушка почувствовала, как ее крепко взяли за руку (кажется, это был Тойво), дернули и как все, поневоле пригибаясь, она побежала к выходу с крыши. Флюг по–прежнему в ярости и непонимании растрачивал свой боезапас и от бессилия был готов поливать голый камень крыши де-

фолиантом. У самого спуска Виша оглянулась – богиня стала бело-черной из-за множества трещин, проникающих в ее мраморное тело все глубже. Она по-прежнему сдерживала силу флюга. Но вот тело ее дрогнуло, будто камень вздохнул, и медленно двинулось вниз с постамента. И мгновенно распалось, пронзив воздух миллионами мраморных осколков, ослепив и флюгера, и убегавших вспышкой звездно-белого цвета.

–Виша, очнись же!..– откуда-то издалека донеслось до девушки. Это кричал гном, подталкивавший ее в спину. – И пропусти меня, я знаю, где нам спрятаться!

–А где? – выдохнула девушка, прыгая по ступенькам. Гном протиснулся мимо нее и понесся вниз с такой скоростью, какой от него никто не ожидал. Где-то рядом заполошно хлопали совиные крылья.

–Потом! Успеем – сама увидишь!

И они поспешили вслед за Маульташем. Перепрыгивая по нескольку ступенек, успевая краем глаза увидеть стайку девушек, одетых в светло-желтое, спускаясь все ниже и ниже, по каким-то переходам и галереям, о которых Маульташ оказался осведомлен не хуже, чем о закоулках в родном доме. В полутьме, а то и в темноте, они миновали уровень кладовых и погребов, проскользнули в узенький ход, прятавшийся за ложным выступом стены, обдирая бока, спустились по лестнице, вырубленной уже в скальной породе.

–Стоять. – Маульташ скомандовал загодя, так что они не успели впечататься друг в друга и в камень. – И даже не смейте бояться. Нам это вбивают в голову раньше, чем таблицу умножения.

Гном, судя по звукам, шарил по глухой стене руками. Самое большее, через минуту разадался щелчок. Вскоре – еще один, и еще. Когда Виша насчитала более десятка таких звуков, Маульташ глубоко вздохнул и все поняли, что он во что-то с силой упирается. А поскольку гном все сделал абсолютно правильно, дверь открылась перед ним и его спутниками.

Они оказались в небольшой зале, полукруглый потолок слабо светился лиловым, время от времени по нему словно проходило слабое движение. Вошедшие стояли на узкой полосе каменного выступа, выстроившись вдоль стены. Почти все свободное пространство занимало какое-то сооружение, похожее формой на капсулу моргенштерна, но не столь округлое. Воздух был на удивление свеж; тишину нарушал только перебой дыхания беглецов.

–Куда это… ты нас привел? – переводя дух, спросила Виша. – И что это такое?

–Это станция. Станция подземной дороги гномов. – Пыхтя и отдуваясь, отозвался Маульташ. – Давайте-ка все присядем… для начала.

Гном подошел к сооружению, ощупал ребристый металлический бок и откинул наверх выгнутую дверцу. Внутри оказалось не так уж и страшно: ряд удобных сидений, откидной стол, даже что-то наподобие бара в нише –

впрочем, пустого. Не было только ничего похожего на пульт управления. И окон тоже не было. Не дожидаясь повторных приглашений, все забрались внутрь, уселись и, не сговариваясь, уставились на гнома.

–Ну чего таращитесь? – недовольно пробурчал Маульташ. – Я вообще-то не должен был вас сюда приводить. Должен был геройски помереть на крыше. Но как-то настроения не было. Можете гордиться – кроме вас, про эту дорогу никто с начала времен не знал, кроме моего народа. Устроена она в незапамятные времена, станции были во всех городах Обитаемого мира. Их расположение, подходы к ним и шифр, открывающий двери, всякий гном заучивает прежде всех других уроков, как только начинает говорить. Как считалку. Каким образом тут все работает – не спрашивайте, не знаю. Забыли задолго до моего рождения.

Помолчав, гном добавил, глядя куда-то в сторону:

–А двери открываются только в одну сторону. В смысле, выйти отсюда уже нельзя. Только уехать.

–А почему так светло? – неожиданно для себя спросила Виша.

–А когда станции строили, вывели породу светящихся каменных червей, тут они и прижились. Весь потолок облепили.

–Какие черви, мать твою?! – взорвался Ика, стукнув кулаком по подлокотнику кресла. – Ты о чем говоришь? Где дорога? Тут сплошь камень вокруг, ни рельсов, ничего нет! Ты привел нас в этот каменный мешок, запер двери… ты что натворил?!

–Спас ваши шкуры, – огрызнулся Маульташ. – Я же сказал – это тайная дорога, и нечего на меня орать. Сейчас все объясню.

Гном почесал щетинистый подбородок, еще раз оглядел друзей.

–Значит, так. Отец говорил, что в центральный паз на панели управления вставляется поющий кристалл. Гномы их давным–давно использовали как источник силы, значительно раньше всех остальных. Закрепляется, значит, кристалл, и запускается преобразователь. И все. Нет, сначала определяется маршрут.

–Как определяется? – стараясь говорить вежливо, поинтересовался Иво. – Где? На карте, циркулем и карандашом, или просто пальцем?

–Иво, не язви, – одернула эльфа Виша, придерживая на коленях кристалл Нимы.

–На карте, – кивнул гном. – Вон она, на внутренней стороне двери выбита.

На гладкой каменной поверхности двери, совершенно слившейся со стеной, действительно была карта, выведенная искусными резцами гномов – похожая на редкую сеть, узлы которой украшены бусинами. Причем и сами бусины, и желобки направлений были вырезаны довольно глубоко. Рядом с картой на стене было закреплено нечто, похожее на стеклянную лейку с мерными делениями и какими-то потеками на стенках, она держалась на чем-то, похожем на кронштейн с несколькими сочленениями.

–Собственно, это и есть маршрутизатор, – покашливая, сказал гном. – Располагается напротив пункта отправления, в нашем случае это Ирем.

Гном встал, вылез из капсулы и потянулся к лейке. Кронштейн натужно заскрипел, но задвигался, и вскоре узкий носик оказался напротив одной из углубленных бусин.

–Видите, здесь деления, – обернулся Маульташ, – напротив каждого написано название пункта назначения. Все просто.

–Проще некуда. – Отозвался Тойво. – Только чем заполнять это… устройство?

–А разве неясно? Кровью. Гномовой кровью. Это древние так наколдовали, чтобы никто другой уж точно не смог воспользоваться нашей дорогой. Заполняешь, значит, столько, сколько нужно, чтобы добраться до… кстати, мы куда направляемся? И как раз этого количества хватает, чтобы прочертить маршрут, от и до.

–Допустим. – Ошарашенно проговорил Ика. – Даже если и так. Но куда эта махина поедет? В смысле, как?!

–Кристалл запускает преобразователь, – повторил гном. – И дорога появляется там, где она нужна. Камень, почва, вода, да хоть дерьмо – неважно, они попросту… исчезают, что ли. Преобразуются в структуру, где способна передвигаться эта машина. А противоположный преобразователь возвращает прежнюю структуру. Вот и все умные слова, которые я знаю, и не спрашивайте меня больше ни о чем.

Он как-то неловко потоптался на месте, повозил пальцем по желобкам карты.

–Если хотите знать, я до сегодняшнего дня считал эту дорогу бабкиными сказками. А тут… все как есть.

Виша встала, осторожно прошла по салону, лавируя между креслами, и оказалась перед панелью тускло–желтого цвета. В центре панели был регулируемый разъем, куда Виша и поместила кристалл. Правда, пришлось раскрыть разъем на максимум, на такие крупные кристаллы он явно не был рассчитан.

–Что дальше? – спросила она. – Как запускать этот… преобразователь?

–Погоди, Виша, – альх-Хазред наконец обрел дар речи. – Для начала надо решить, куда мы направляемся.

–Можно к нам, в Гридд, – предложил гном. – Там ваш кристалл живо в пыль разотрут. И всего делов.

–Не пойдет. – Виша усмехнулась. – Слишком просто. И никаких гарантий, что твоя родня не продаст кристалл эльфам, как только прослышит о нем.

–В Лис-Арден, – хохотнул Ика. – Выполним заказ, если кто помнит, что такой был.

Все посмотрели на него как на цветовода, даже Тойво.

–Может, в орочьи поселения? – неуверенно предложил Иво. – Теплого приема не обещаю, но справедливость гарантирую. Они не выдадут даже лорду–маршалу.

–Это уже что-то, – оживился гном. – Не убьют – и хвала богам. Еще варианты есть? Может, кто-нибудь хочет в Нильгау прокатиться?

Ухмыляясь, гном достал из кармана резак, опустил кронштейн, придвинул к себе резервуар с делениями.

–Эй, может, поможете? – Маульташ обернулся. – Надо будет руку перевязать.

–Я помогу. – Ика поднялся с кресла, снял с себя изрядно потрепанный бело–синий китель, стянул через голову рубаху. – Рукав тебя устроит? Не стерильный, конечно… но уж как есть.

И он с треском оторвал рукав парадной рубахи, вышитый по оплечью серебряной нитью. Гном, закусив губы, запустил резак и провел им вокруг запястья левой руки – трижды, будто туго наматывая нитку. Запахло паленой гномьей шкурой, Маульташ зашипел от боли, опустил кисть руки в резервуар и приказал эльфу:

–Следи! Чтобы не перелилось…

Эльф присел, придерживая резервуар, и внимательно смотрел, как медленно наполняется он густой, темной кровью гнома.

–Похоже на нефть, – констатировал Ика. – Я так и думал, что гномы на нефти работают.

–А эльфы на метане, – сквозь зубы парировал гном. – Ты следи лучше, нам излишков не надо.

Прошло не меньше получаса, кровь Маульташа текла медленно, словно нехотя; Виша, старательно рассматривавшая носки своих сапог, не вытерпела и бросила на гнома взгляд. И тут же побледнела, отвернулась и прижала руку ко рту.

–Ничего, девочка, – неожиданно мягко проговорил гном, – мне не больно, не переживай так. Скоро наберется… Ика, готовь жгут.

Через несколько минут гном с перетянутой рукой с помощью эльфа установил резервуар с кровью над углублением, означавшим Ирем, наклонил его, дождался, когда первые капли заполнили его и потекли в желобок. Тогда он еще раз проверил крепления кронштейна, и вошел в капсулу, закрыв за собой дверь.

–Ну все. Порядок. – Маульташ похлопал съежившегося в кресле альх-Хазреда по плечу. – Да не напрягайся ты так, милсдарь флюгер. И под землей можно летать… неужели испытать не хочешь?

Словно в ответ на его слова капсула чуть дрогнула, кристалл заискрил, запахло как перед грозой.

–Мауль, почему здесь ни одного иллюминатора нет? – спросила Виша. – Так посмотреть хочется, как все это происходит.

–С ума сошла? Вечно тебе, Виша, чего-то особенного хочется… тут специально защитные экраны поставили, чтобы глаза пассажиров уберечь. Смотри, сейчас даже кристалл колпаком накроет… вот. Поскучай, деточка. Поскучай.

Движение капсулы было настолько плавным, почти незаметным, что вскоре все пассажиры расслабились, устроились в креслах поудобнее и завели тихий разговор о том, что ожидало их в орочьих поселениях.

* * *

–Все честно. Ты мне проспорил, значит, моя очередь хотеть.

Заявивший это мальчишка выглядел донельзя довольным, настолько, что хотелось задать ему перевод пары страниц текста на стросуртонском, чтобы посбавить ликование. Его собеседник, седой мужчина, не стал с ним спорить и только спросил:

–И что на этот раз?

–Хочу сладких желейных червяков! – выпалил мальчишка. – Ну пожалуйста, Пьющий Песок…

–А я-то думал, ты попросишь какую-нибудь редкую книгу почитать… Ладно, ладно, не злись. Пойдем, Судри.

Через несколько минут одним им ведомого пути мальчик и мужчина оказались в той самой пещере, откуда недавно отправились в путь эльфы, гном, флюгер и брохус со своей девушкой. Пьющий Песок вытянул свой посох и ткнул им в самую середину червивого клубка, копошащегося на потолке. Клубок задрожал и свалился прямо в подставленную деревянную миску.

–Предупреждаю – язык еще пару дней будет таким же лиловым, – сказал Пьющий Песок, глядя, как Судри зацепил пальцем первого червяка, лизнул его, зажмурился и засунул в рот.

–Ммммм… да хоть год. Вкуснотища!... – мальчик выхватил из рук Пьющего Песок миску. – Пошли домой. Я Чиро угощу.

И они ушли так же, как и приходили.

Через минуту после их ухода потревоженные черви продолжали копошиться, пытаясь восстановить прежний порядок. Со стороны двери черви оказались то ли слишком активными, то ли неловкими, но в результате их усилий целый сгусток лиловых липких телец оторвался от потолка и пополз вниз по стене. Медленно, но верно он полз прямо на вырезанную в камне карту.

Глава одиннадцатая. Истинный бог

Путешествие по подземной дороге гномов оказалось настолько спокойным, что они почти что задремали. Сонное молчание нарушил Альх-Хазред.

–Не хочу портить всем настроение, но давайте посмотрим, с чем мы остались. То, что мы все целы и невредимы, будем считать толикой везения, которую мы заслужили. А как насчет…эмм…земных благ?

–Негусто. – Разом подвела итоги Виша. – В моем мешке осталась только золотая вышивка, пара персиков из сада Академии, фляга с водой. А у вас?

–При нас только перчатки, – невесело улыбнулся Ика. – У меня даже рубахи целой теперь нет.

–У меня из имущества резак, фляга – увы, давно пустая… Прав был мой батюшка, когда сулил мне нищету. – Ухмыльнулся гном.

–Кинжал, браслет, камертон. – Альх-Хазред засмеялся. – Готов к погребению…

–Вы все забываете о том кристалле, – Тойво кивком головы указал в сторону панели управления. – Он там не навечно, ведь так? Закончим путешествие, заберем его с собой. Как я понимаю, по назначению его использовать не придется. Так что мешает нам превратить его в материал для перчаток аспидов? По крайненй мере, хватит, чтобы не помереть с голоду первое время.

–А что, идея. – Отозвался шаммахит. – А ты, оказывается, практичный человек, брохус. Виша, а что, много у тебя воды?

–Полная фляга. Я жажды не терплю, запаслась вот, на всякий случай…

В этот момент капсула, легко двигавшаяся под землей, дрогнула, как будто уперлась носом в непреодолимую преграду, и рывком остановилась.

–Эттто что тттакое?! – Вытаращил глаза гном.

Он вскочил и бросился к преобразователю.

–Что такое, Маульташ? – спокойно спросил Иво. – Что-то оказалось не по зубам нашей землеройке? Что-то сломалось?

–Болван! – Рявкнул гном. – Здесь нечему ломаться, все слишком примитивно! Капсула останавливается только когда заканчивается маршрут! А до орочьих поселений нам как до звезды небесной.

–Тогда что? – поинтересовался второй эльф.

–А все. Хана нам. – Гном стукнул кулаком по стенке капсулы и сполз на пол. – Все, все. Кристалл молчит, установка вырубилась. Приехали. Дальше пешком.

–Но… ты же все точно отмерил там, у маршрутизатора… – Виша еще не успела испугаться; впрочем, как и все остальные, видевшие тщательные

приготовления и чувствовавшие уверенность гнома в правильности совершаемых им действий. Они же не могли видеть липкой лиловой дорожки, стекающей с потолка оставленной ими станции, вязнущей на желобках и углублениях карты, не видели жирного кома червей, перекрывших их путь, отмеченный кровью Маульташа.

–А толку? Виша… и вы все! Придите в себя. Похоже, наше увлекательное путешествие закончилось.

–Братской могилой? – невозмутимо спросил Ика.

–Да. – Гном сгорбился, обхватив колени длинными руками.

–Вот еще! – возмутился шаммахит. – Эй, любезный, ты чего раскис? Раньше смерти не помрешь. Вода у нас есть, еда… ну, девушке на пару дней хватит, оружие есть.

–И с кем ты побиться предлагаешь? – поднял голову гном.

–С судьбой. – Ослепительно улыбнулся шаммахит. – Мы можем выйти отсюда?

–Куда?! – гном смотрел на альх-Хазреда как на слабоумного. – Земли поесть? Спасибо, недавно угощали. Не хочется больше.

–Маульташ. – Шаммахит не стал обижаться. – Обрати внимание, я сижу возле стены. И когда мы так неожиданно остановились, я слегка приложился об нее головой. И скажу тебе, моя голова не настолько пуста, чтобы издавать такие звуки.

И шаммахит легонько постучал по стенке капсулы. В ответ отозвалась пустота.

–Там может быть все, что угодно, – оживая на глазах, сказал гном.

–Ага… пещера с сокровищами, – Виша заплакала, прижав пальцы к губам.

–И это тоже, – Тойво мягко провел по ее затылку рукой, – Успокойся, моя белочка.

–А меня кто утешит? – притворно захныкал Ика.

–Иди сюда… – поманил его пальцем собрат. – Вспомним дни былые…

–Иди ты! – шарахнулся эльф. – Нашел тоже, чем утешить.

–Будем пререкаться, или попробуем выйти? – смеясь, спросил брохус. – Маульташ, твой резак возьмет эти стенки?

Вместо ответа гном подошел к месту флюгера, отстранил его, простучал стену, и почти не примеряясь, одним движением вкрыл стену, вырезав контур двери. Металл оболочки, поколебавшись с секунду, подался назад и вниз и упал, грохнув о камень.

В капсулу пахнуло сырым, но не затхлым воздухом, метнулись тени на стенах пещеры, не видевшей света с незапамятных времен. Гном осторожно выглянул, осмотрелся.

–Чудовищ вроде нет. – Сообщил он. – Как я и сказал, дальше пешком. Надо же, а из меня недурной предсказатель. Виша, ты смотри, кристалл не забудь. Мало ли что, вдруг пригодится.

Все еще нервно пересмеиваясь, они вышли из капсулы, подкованные сапоги эльфов гулко цокали на каменном гладком полу. Оглянувшись, они увидели, что капсула их прекратила движение как раз в самом узком месте пещеры, что было за ней – неизвестно, и узнавать не хотелось.

– Пошли вперед? Тем более, других вариантов нет. – Флюгер задрал голову, пытаясь разглядеть потолок. – Что у нас со светом?

– Тут в капсуле есть несколько небольших фонарей, заполнены какой-то белесой дрянью, но светят ничего себе, – и гном протянул шамахиту фонарь.

Они шли неровной цепочкой по широкому каменному коридору, в который выходила их счастливая пещера, оказавшаяся обычным тупиком одного из ответвлений. Вокруг был сплошной камень, и сколько они не шарили бледными фонарными лучами, им не удалось выхватить ни одного следа хоть чьего-то присутствия. Через сотню–другую шагов не по себе стало даже гному, поскольку он никак не мог узнать в этом подземелье ничего из творений гномов или же цвергов.

–Не наше место. – Обреченно повторял он. – Очень глубоко, не слышу ни работающих шахт, ни выбранных каверн. И не слышу воды. На мили вокруг – ни капли воды. Да где же мы?

–Почему обязательно как под землей, так непременно ваше место? – спросил Иво. – Почему не просто сеть пещер и коридоров? Природная…

–А потому, что природа так не делает, – сказал, как отрезал, Маульташ.

–Остановитесь. – Брохус бросил менто всем сразу, резко и бесцеремонно. – Идите ко мне.

Не споря, все подошли к зашедшим вперед брохусу и Више, встали вокруг.

–Там, впереди, – Тойво по–прежнему не размыкал губ, – кто-то живой. Не зверь, не человек… не растение.

Эльфы, тем не менее, не сговариваясь, надели боевые перчатки.

–Он один… и очень слаб, я еле слышу его. Я пойду первым, аспиды – за мной. Остальные подождут здесь.

В полной тишине они разошлись: трое остались стоять, затаив дыхание, трое направились вперед. Через десяток минут ожидания, вязнувших в тишине как пальцы в густом меду, раздался голос Иво:

–Идите сюда.

Коридор вывел их в просторную, но невысокую пещеру; никаких источников света, кроме белесых гномовских фонарей, не было, поэтому разглядеть все в подробностях не представлялось возможным. Брохус и аспиды стояли возле чего-то, похожего одновременно и на алтарь, и на погребальные дроги.

На высоком каменном столе лежал юноша, судя по размерам стола, роста он был совсем не человеческого, и, если бы не его лицо, можно было

бы предположить, что это последний чудом выживший велигора. Юноша был не просто худ, он был изможден до последней степени, о таких говорят – «кожа да кости». Его длинные черные волосы свешивались со стола, кольцами завивались на полу, терялись в полумраке залы. А лицо, несмотря на истощенность, было молодым и прекрасным. Эту изначальную молодость не могли отменить даже бесчисленные морщины. Кожа неизвестного была странного зеленоватого оттенка, не похожего на орочий, руки и ноги, казалось, уже сливаются с камнем стола, но широкая грудь все еще слабо и редко вздымалась.

Виша уловила странный звук, повернула голову – и застыла. Оба эльфа стояли на коленях. Их плач был почти беззвучен, лишь изредка прорывался горестный стон, но такая была в нем боль, что девушке стало не по себе. Она отыскала взглядом Тойво – он стоял у изголовья лежавшего.

–Виша. – Тихо позвал ее брохус. – Дай мне воду.

Спотыкаясь, Виша подошла к Тойво, нашарила в сумке флягу с водой из иремского фонтана и протянула ее просившему. Тойво открыл флягу и очень осторожно наклонил ее над губами юноши, сжатыми, пересохшими как два цветочных лепестка, засушенных между страницами книги. Несколько капель пролились и скатились вниз, по щекам, даже не смочив иссохший рот. Но следующие уже впитались в затрепетавшие губы, а следующие заставили их раскрыться. Тойво приподнял голову лежащего и чуть сильнее наклонил флягу. Тонкая струйка воды поблескивала в свете фонарей, вздрагивало морщинистое горло… Очень скоро небольшая фляга опустела.

Он открыл глаза, огромные, и, что особенно поразило Вишу, радостные, оглядел всех, склонившихся над ним. И улыбнулся. Вздохнул поглубже, медленно привстал, опираясь на руки–плети.

–Братья мои… – он звал эльфов. – Идите ко мне.

Эльфы встали с колен, приблизились к оживающему на глазах юноше. Он оглядел их, все так же улыбаясь.

–Вы повзрослели.

Виша смотрела на говорившего, не помня себя от изумления. Это лицо, расцветающее у нее на глазах, – широкий лоб, плавно изогнутые брови, глаза, приподнятые к вискам, тонкий нос, губы красивого и чувственного рисунка, – она видела его, и не раз. В музее искусств в Лис-Арден, в отделе нильгайских древностей, особое место занимали скульптурные изображения Калима. Эльфы не стали уничтожать их или прятать в самые дальние запасники, оставили все как есть. И у Виши была не одна возможность рассмотреть нильгайского бога как следует, тем более что от созерцания такой красоты оторваться было сложно. Перед ними, слабый и изможденный, едва живой – был Калима, бог всех растений Обитаемого мира.

–Прости нас. – Хрипло выговорил Иво. – Мы предали тебя. Ведь мы всегда знали, что это не ты…

–Братья… – Калима смотрел на эльфов с такой любовью, что у Виши заныло сердце. – Вы не могли поступить иначе. Не казните себя.

Кто-то тихо дернул Вишу за рукав. Это шаммахит, не вынеся напряжения, хотел и боялся спросить, что происходит.

–Альх… – Брохус позвал флюгера. – Открой свое сознание. И ты, Мауль. Слушайте меня.

Виша поняла, что хочет сделать Тойво и с готовностью распахнула свой разум. И все они увидели то, что совсем недавно узнали эльфы, что повергло их в такое раскаяние.

Давным–давно, волею случая, принявшего облик двух эльфов, спрятавшихся за личинами нильгайцев, зерно, хранящее росток будущего Калима, было совобождено из храма, где жрецы всеми силами пытались ускорить его пробуждение. Калима был недоволен подобным своеволием, он не хотел спешить и был рад возможности оказаться подальше от своих почитателей. Чтобы обезопасить себя, он создал себе двойника – такое же зерно цвета гранатового сока. Но творя себе подобного, бог поступил легкомысленно и поддался соблазну переместить в него все те темные энергии, которыми так щедро питали его жрецы. Его самого они раздражали, как термиты или древоточцы. Себе он оставил совсем немного заимствованных сил, его же собственные спали. Калима устроил так, что двойник, по сути, его брат–близнец, оказался в пределах его старого храма, развороченного симханом. А сам улегся спать, чтобы явиться миру в срок – и ни часом ранее. Шли дни, утекали годы, таяли столетия… и вот однажды Калима разбудили.

Он был тогда слабым, юным ростком по своим силам, он только-только начал отрываться от земли. Кто-то схожий с ним, но гораздо более сильный – и властный – сковал его волю, и приказал тем, кого Калима любил больше себя самого, унести его из Леса. Его спрятали глубоко под землей, в лабиринте лавовых коридоров, которые не пропускали ни звука, ни света, ни капли воды. Тот, другой, швырнул юного бога на каменный стол, наслаждаясь своей силой, и сказал:

–Теперь я бог этих созданий. Я поведу их к славе и могуществу. С тобой они были лишь жалкими слугами. А ты… ты сгниешь здесь.

Калима остался один. Но и сквозь толщу земли и камня он слышал, как один за другим его дети сдаются на уговоры и посулы самозванца, чувствовал, как ломается сознание Леса и как начинается война. Угасая в кромешной тьме, едва живой, он был с каждым из своих детей в их смертельном самоослеплении. И он был со своими братьями в день их скорби. Когда пал Лис-Арден, Калима впал в забытье, подобное смерти, и вряд ли бы превозмог его, если бы не…

Кто сказал, что черные лавовые коридоры – пристанище смерти, что жизни нет дела до них? В крохотные трещины, проточенные водой, спустились длинные, цепкие корни деревьев. Они, жители окраин, жалкие остатки бывшего эльфийского леса, остались верны своему богу. И в награду за это

им дано было стать его спасением. Они не могли дать ему света, но могли понемногу питать его, не позволяя угаснуть во тьме. Благодаря им Калима смог дождаться.

–Так вы знали, что тот, в Нильгау – не истинный Калима? – недоуменно спросил шаммахит эльфов.

–Мы знали Калима. – Только и ответил Ика. – Все понимали, что Лесом правит узурпатор. И ничего не сделали, чтобы найти истинного бога.

–Постойте, – перебил их гном. – Лавовые коридоры? Остатки эльфийского леса? Так я вам скажу, где мы. Ох ты… Мы за мусорными пустошами, прямо под стенами Лис-Арден.

–Ну не вот прямо под стенами, – поправил гнома Иво, – но близко.

–Что мы можем сделать? – Виша несмело посмотрела в огромные миндалевидные глаза бога. – Как помочь?

–Виша… – Калима вздохнул. – Мне нужен свет, и вода, и тепло, без этого я не верну свои силы. Но еще больше я нуждаюсь в своих детях. Они суть моя душа…

–Но те, кто там, – Ика кивнул наверх, – продали свои души. И даже брохус не заставит их услышать тебя.

–Не отчаивайтесь. – В голосе Виши была такая радость, что все удивленно уставились на нее во все глаза. – Я знаю, что говорю. Вы все знаете Сорью из дома Клеис – главного цветовода, вашего тюремщика. Так вот, чтобы вы знали – в своей лаборатории он выращивает растения… как бы это сказать… из сада богов. Они чистые, свободные, – какими были прежде, еще до войны. А может, и до начала времен. Сорью любит их всей душой, он пустил меня в свой сад только когда уверился, что я… что подруга того, кто приносит ему саженцы, доверяет мне. Если мы поможем Калима добраться до лаборатории Сорью, его душа вернется к нему. И тогда мы поговорим с самозванцем по–другому.

–Постой-ка… – протянул гном. – Из сада богов, говоришь? И кто же это способен на такое?

–Боги, Маульташ. Боги. – Ответил ему шаммахит. – Неужели не понятно?

–Виша, – Иво улыбался.– Это та самая девушка тогда, в «Мертвецкой»?

–Да. – Виша улыбнулась эльфу в ответ. – Амариллис, отвергшая тебя, остроухий. Потому что одного такого ей вполне достаточно.

–А ее спутник?

–Хэлдар, – ответила девушка. – Я видела его вместе с Сорью. Если у эльфов были короли, то даже среди них он… был эльфом. Ну, вы меня поняли.

–Значит, мы должны попасть в самое сердце Лис-Арден – ты не забыла, где расположена тюрьма и угодья Сорью? Да еще и сопроводить Его? – Альх-Хазред потер переносицу. – Хотя наши личности тоже не слишком популярны, чего уж там.

–Вы… сможете идти? – Виша прикоснулась к руке бога.

–Пока нет. Но я не буду вам в тягость, – грустно улыбнулся он в ответ. – Я как высохший стебель…

Они переглянулись, не зная, чем еще помочь. Само лицезрение живого божества почему-то не очень смущало их, возможно, события последних дней несколько притупили их впечатлительность. Кроме того, Калима вызывал не смущение, не благоговение, тем паче страх; он сам излучал любовь – и вызывал ее в сердцах доверившихся ему.

–Виша, – обратился к девушке брохус, – помнишь, ты рассказывала мне о том жутком месте в доме профессора Эредиа? Ты называла его сад пыток.

–Разве такое забудешь? Эредиа держит его ради поддержания своей репутации, но место это действительно жуткое. Почему ты о нем вспомнил?

–Потому что это наш единственный способ связаться с единственным эльфом, кто может нам помочь. У Сорью не те возможности, я знаю. Если как-то донести до растений в дом Эредиа весть о Калима, и о нас, возможно, они сумеют передать ее своей… хозяйке.

–Вильма сможет. – Уверенно заявил Ика. – Она сама прекрасно водит флюг, и ни перед кем не отчитывается.

–Калима, – Тойво обратился к богу, устало прикрывшему глаза. – Могут ли деревья, питающие тебя, добраться до сада в Лис-Арден и позвать на помощь?

–Деревья вряд ли… – прошелестел тихий голос. – Возможно, петров крест…

Черные пряди волос Калима заволновались, видимо там, во тьме, они соединялись с корнями выживших на границе мусорной пустоши деревьев.

–Виша, ну Виша… – гном настойчиво толкал девушку в бок.

–Чего тебе?

–Ты не забыла, что у тебя кристалл Нимы? Может…

–Не может. – Покачал головой Иво. – Без энергоустановки для нас он бесполезен.

–Они говорят, что слишком далеко. – Выдохнул Калима. – Петров крест не успеет обойти пустоши…

–Калима, – брохус подбирал слова, – а меня твои дети могут услышать? Ведь я всю свою жизнь разрушал сознание Леса, не знаю, смогу ли я стать проводником твоего слова…

Калима приподнял голову, открыл глаза и долго смотрел на Тойво. Под этим взглядом каратель очень скоро поежился, потом болезненно сморщился и крепко сжал кулаки. Бог заметил это, но не оторвал своих глаз от брохуса. Через несколько бесконечно долгих минут, когда Тойво просто уже откровенно корчился и кусал губы, Калима прикрыл глаза и опустил голову.

– Ты сможешь. Но тебе будет гораздо больнее… – с сожалением произнес он. – Слишком разные у нас вибрации. Я могу говорить через тебя, но только ломая и мучая, как ты – моих детей…

– Не надо… – Вырвалось у Виши.

– Ничего, – Тойво стер со лба выступившие капли пота. – Я выдержу. Только ты постой рядом… и возьми меня за руку.

–Ты не сможешь стоять так долго, – мягко проговорил бог. – Я помогу тебе.

Через несколько минут собравшиеся услышали сухое шуршание: сверху, из влажной темноты спускались корни – бледные, усеянные тонкими волосками, похожими на кошачьи вибриссы, толщиной со змею. Они окружили Тойво, прикасались к нему; Калима, не открывая глаз, сказал:

–Тойво… ты можешь им доверять. Они лишь проводники меня, через них мой голос войдет в тебя, и ты сможешь усилить его… так далеко, как только сможешь.

–Тойво, – Виша не отходила от брохуса, отводя в сторону липнущие и к ней корни. – Ты знаешь, кого искать?

–Знаю. Все растения на подземных фермах лишены сознания, стерильны. По сути, они мертвы. Я сам их такими сделал. Судя по твоим рассказам, сад Вильмы Эредиа полон страдания, но он жив. В Лис-Арден вряд ли есть еще такие места. Я найду сад Эредиа, поверь мне.

–Сядь, Тойво. – Калима чуть повернул голову; было видно, что он бережет силы. – Сядь.

Волосы бога поднялись с пола тяжелыми черными волнами, окружили брохуса, и он, повинуясь их тяжести, опустился в них, как в подобие кресла, опустив свою обритую голову на широкий черный извив, вытянув ноги на волнистых прядях.

–Очень похоже на рабочее место, – силясь улыбнуться, сказал брохус.

–Твой кнут… раскрой его.

Не возражая, Тойво соединил перед собой ладони, развел их с усилием, словно вынимая из ладоней золотое сияние кнута.

–Соедини наши руки.

Брохус вскользь ударил кнутом об пол, ухитрившись захлестнуть петлей кисть Калима; тот, не торопясь, несколько раз обернул кнут вокруг своего запястья, так же поступил и Тойво. Меж тем черные волосы продолжали обвивать тело Тойво – прихватывая его торс, ноги, оставшуюся свободной руку.

–А теперь… сделай то, чего не можешь сделать. Откройся моим детям.

Белесые корни, повинуясь воле своего бога, обвили голову брохуса, свили клубки на его височных дисках, облепили шейный разъем.

–Впусти мой голос… мою волю… – и Калима сжал в тонких пальцах кнут, и корни впились в голову брохуса.

Через несколько минут Виша уже рыдала в спину шаммахита, кусая свои пальцы.

–Зачем это геройство? Почему он так сопротивляется?

–Дурочка… – сдавленным голосом отвечал альх-Хазред, то и дело отводящий взгляд от брохуса. – Он бы и рад, да только как полетишь на флюге

без перчаток? Как повернешь всего себя вспять? Ему приходится предавать себя, ненавидеть… – голос флюгера прервался.

Тело брохуса корчилось от невозможной боли в жестком сплетении черных волос бога, его сотрясали судороги, из–под височных дисков стекали струйки крови. Но Калима крепко держал кнут и тихо повторял:

–Прими мою волю…

Этот кошмар продолжался так долго, что даже эльфы наконец запросили пощады.

–Мы убиваем его, Калима. – Возвысил голос Ика. – Довольно!

И в этот миг Тойво закричал – первый раз за все время этой добровольной пытки… и вслед за этим отчаянным криком тело обмякло, свободно легло в ставшие мягкими волосы Калима. Не открывая глаз, брохус разлепил искусанные губы, и прошептал:

–Да будет воля твоя.

И замер. Теперь он искал сад Эредиа в глухой пустоте Лис-Арден.

Снова потянулись минуты тяжелого ожидания; Виша уже не плакала, ей просто было больно. Корни ослабили хватку на голове брохуса, лицо Калима застыло и казалось неживым.

–Я нашел их. Говори, они услышат. – В голосе брохуса, несомненно, была радость.

Что говорил бог своим детям, для друзей осталось тайной, однако длился их разговор недолго – Калима явно жалел брохуса. Очень скоро корни совсем отпустили голову Тойво, а Калима последний раз воспользовался кнутом.

–Тойво… я отпускаю тебя. Теперь твоя воля… Благодарю тебя, брат мой.

И бог выпустил кнут. Волны черных волос мягко опустили тело брохуса на каменный пол.

Виша бросилась к Тойво, ничуть не озабоченная тем, что топчет волосы бога. Она опустилась на колени, приподняла его голову.

–Я жив, моя радость. – Брохус еле дышал, но улыбался. – Не поверишь… я говорил с ними. Говорил…

–А теперь помолчи!.. – Виша гладила его голову, стирала пальцами кровь с висков. – Кто знает, как ты еще расплатишься…

–Нам остается самое тяжелое – ждать, сделав все, что мы были в силах. – Ика уселся на пол рядом с брохусом, взял его за руку, то же самое проделал и Иво.

–Мы можем поделиться своими силами, – пояснили эльфы. – Чего там, мы почти утратили этот навык, наши предки могли и со смертью поспорить, а мы… ну, хоть дыхание поддержим. Все лучше, чем ничего.

Флюгер сел на пол рядом, скорее за компанию, да и страшновато было ему созерцать Калима, впавшего в забытье, окруженного сонмом еще неспокойных волос. Гном же расхаживал по подземелью, постепенно расши-

ряя круги, пытаясь найти выход. Время от времени он принимался напевать себе под нос, в тишине пещеры звук разносился гулко, так что всем были слышны обрывки песен и откровенная нервная галиматья.

–Дарило лето мне тепло,
Но это было все фуфло…
Идут из Краглы холода,
А вместе с ними нам…
тьфу, проклятый балладный строй, отвяжись!

И он снова топотал в темноту, откуда вскоре неслось:

–Может ли ждать незабвенная долго,
Разве что только из глупого долга,
С цепью на шее, с молитвою в сердце
И то ведь придумает, как отвертеться…

Слушая такое, друзья поневоле усмехались. Время, разбавленное в кои-то веки такими звуками, казалось, смягчилось и старалось двигаться легче, не утомляя своей тяжелой поступью. Оно шло и шло себе, кровь брохуса уже засохла и не липла к пальцам Виши, его пальцы давно похолодели в ладонях эльфов. Вдруг пение гнома оборвалось.

–Эй! – позвал он из темноты. – У нас гости.

И бегом вернулся к друзьям. Спустя несколько минут раздался звук приглушенного взрыва, потом еще одного – совсем рядом, по ощущению, метрах в десяти; там, наверху, что-то глухо ухало, здесь, внизу, сыпались мелкие камни, вздрагивал пол. Когда они решились поднять головы и посмотреть на произведенный эффект, то увидели, что темнота подземелья разбавлена светом угасающего дня, льющимся в провал. Еще через секунду послышались шаги, кто-то легко спрыгнул вниз и направился к друзьям, ровно отстукивая шаги подкованными сапогами по каменному полу.

–Профессор! – задохнулась от счастья Виша.

–А ты кого ждала? Лорда–маршала? – язвительный, холодный голос Вильмы Эредиа показался им соловьиным пением.

Эредиа на минуту остановилась у алтарного стола, где лежал Калима. Их менто остались тайной для окружающих; эльфка взяла руку бога, поцеловала и почти нежно опустила ему на грудь.

–Поторопимся. Я прилетела одна, так что все, кто не при смерти, встали и за дело.

Они перенесли во флюг Калима – бога пришлось положить на пол, подтянув ему колени к животу и обвив их руками, иначе он не убирался, рядом уложили Тойво, сами забрались внутрь и ждали приказаний эльфки.

–Виша, что это ты прячешь под курткой? И говорите сразу, куда лететь. Я не настолько гениальный флюгер, но тебя, альх-Хазред, к своей машине не подпущу.

–Вильма, – обратился к эльфке Иво, – нам надо попасть в тюрьму.

Секунду Эредиа смотрела на собрата ничего не выражающим взглядом, а потом захохотала. Когда до всех остальных дошел смысл сказанного Иво, они присоединились к Вильме.

–Ну, будет… а если серьезно?

–Да уж куда серьезнее. Мы должны доставить Калима в лабораторию Сорью…

–Ясно. Тайный сад, – кивнула Эредиа. – Что ж… то, что я решила навестить бездельника Сорью, вряд ли у кого-то вызовет подозрения. Виша, как только окажемся во дворе тюрьмы, пошли ему менто, не раньше. Что значит, как? Тебя этим техникам учили, не меня. К этому времени уже стемнеет. Все, остальное решим на месте.

Послать менто Сорью оказалось не так уж и сложно. Он узнал о приближении флюга от своей системы охраны и был вполне настроен на диалог. Просьбу Виши не высылать охрану, а подойти самому, желательно с парой носилок, принял вполне спокойно. Как только флюг сел в полукруглом тюремном дворе, Сорью оказался рядом.

–Не утруждайтесь. – Он закончил все объяснения одним жестом. – Я все сделаю.

На одни носилки они уложили Тойво – чтобы нести первым, мало ли что, обессиленный брохус вопросов не вызовет. На вторые, все в той же позе зародыша, устроили Калима. И, стараясь не бежать, направились в личные апартаменты Сорью. Им повезло, никто из встреченных эльфов не проявил ни малейшего интереса к их процессии, хотя Више стоило большого труда удерживать волосы Калима под покрывалом.

–Мы должны уложить его среди цветов, – Сорью указал собратьям, несшим носилки Калима, куда им двигаться. – Сейчас, я помогу.

Пока он передвигал ящики с рассадой, Виша оглянулась и поразилась – насколько разросся его сад. Те растения, которые она помнила тоненькими ниточками рассады, стали взрослыми и сильными. И они узнали ее – она почувствовала их приветственные голоса всем свои существом. И снова не сдержалась, несмотря на весь ужас ситуации, – улыбалась и гладила их зеленую плоть.

Калима усадили среди цветущей лаванды и розмарина, подложив под спину наспех свернутый комбинезон цветовода, рядом уложили Тойво. Калима попросил, чтобы затылок брохуса находился в его ладони – и все видели, как пальцы бога вросли под височные диски, а Тойво даже не заметил этого. Виша сидела рядом, плакала, чтобы не сказать отчаянно ревела, но брохус так и не пришел в себя.

–Нам лучше уйти… – Сорью огляделся: все его растения, выхоленные, выпестованные ценой смертельной опасности, словно проснулись. И без того живые, они встрепенулись все до единого, каждый лепесток, каждый лист потянулся к Отцу, чтобы поделиться с ним своей силой, своей неиссякающей жизнью. Сорью повернул рычаг, и с потолка тонкими струйками полилась вода. Калима подался ей навстречу всем телом…

–Пойдем, Виша, – гном очень ласково, но настойчиво взял ее за плечи, помог встать и повел к выходу.

Стараясь двигаться бесшумно, они покинули райский сад, оставив бога наедине со своими детьми.

Глава двенадцатая. День гнева

Виша не плакала так со дня ухода Джесхета Ломара; она отошла ото всех, села на пол, сжавшись в комок, зажмурилась и закрыла уши руками. Ей казалось, что это уже слишком, пусть этот мир катится в преисподнюю, она не давала обязательств жертвовать своими любимыми, почему именно Тойво должен расплачиваться за всеобщее спасение… ее мелко трясло и она подвывала почти вслух. Кто-то рискнул подойти к ней и сесть рядом.

–Виша… – Это был Сорью. – Виша, не надо, не мучай себя так. Лучше плачь.

И он силой отвел ее руки от головы, поднял ее опущенный подбородок. Виша распахнула глаза, переполненные слезами, открыла рот, чтобы ответить – и вместо этого в голос заплакала. Она вцепилась руками эльфу в плечи, ее так трясло, что он вынужден был развернуть ее, почти усадить к себе на колени, крепко обнять и позволить ей плакать, кричать, все же удерживая ее на грани осознания. Минут десять спустя к ним подошла Вильма Эредиа. Она присела, погладила Вишу по спине, а потом крепко вцепилась ей своими тонкими пальцами в затылок.

–Я не твои братья, поэтому не обещаю, что больно не будет. – И сжала пальцы еще сильней.

Више показалось, что ее окатили ведром ледяной воды, а потом окунули в сугроб. У нее перехватило дыхание, и, похоже, даже сердце остановилось. Вслед за этим ее тряхнуло, совсем как в детстве, когда она добежала до изгороди на ферме и, споткнувшись, упала и задела ее рукой. Хорошо, что ток был на минимуме, иначе осталась бы от непослушной девчонки кучка углей, по крайней мере, так говорила мама.

–Вильма, поласковей!

–Заткнись, Сорью, ты со своими ласками ее угробишь. А теперь вот так.

И Вишу снова окунули в воду, не такую ледяную, но, по ощущению, стремительно несущуюся куда-то не то вверх, не то вниз. Вода почти срывала с нее кожу, когда все вдруг закончилось. Виша вдруг поняла, что жива и это обрадовало ее.

–Вот и славно. – Эредиа будто читала ее мысли. – Я люблю тебя, девочка, прости, что так обошлась с тобой.

Такого обращения Виша не ожидала. Она отпустила Сорью, сползла на пол, села на колени, выпрямилась.

–Как вы думаете, Тойво выживет? – она спросила об этом именно эльфку.

–Не знаю. – Эредиа грустно усмехнулась. – С богами никогда ничего нельзя знать наверняка. Без помощи Калима твой брохус сейчас уже был бы мертв. А с его помощью… Мы можем только ждать.

–Не только. – Отозвался Сорью. – Мы можем верить.

Военный Совет эльфов собирался в Палатах Памяти, напоминающих соборы старого Арзахеля: центральное здание, увенчанное стеклянным куполом, отходящие от него высокие галереи и уходящие вниз туннели. Собрания, подобные сегодняшнему, случались нечасто. Вильма из дома Эредиа воспользовалась своим правом принадлежности к правящим домам и потребовала у всех управляющих лордов прибыть в Палаты Памяти в назначенный ею день и час. Лорда–маршала это тоже касалось. Кроме лордов, прибывали и другие высокопоставленные советники, ученые, хранители инфоцентров, главы аспидов и углежогов, старейшины орков, главы правящих эльфийских домов. Словом, публика строгая, занятая и несколько обеспокоенная. Многие из собравшихся знали Вильму Эредиа, и сказанные ею слова – «ради спасения наших душ призываю вас» – приняли с тревогой.

Зал собраний располагался под самым куполом, откуда открывался впечатляющий вид на Лис-Арден. Собравшиеся поднимались по широкой винтовой лестнице, идущей вдоль стен, негромко переговариваясь, и все как один избегая обсуждать повод сегодняшней встречи. Когда все приглашенные прибыли, лорд–маршал, явившийся одним из первых, встал со своего места, находящегося чуть впереди полукружия кресел его лордов–помощников, за которыми сидели все остальные. Он осмотрел собравшихся своими светлыми, почти ледяными глазами, выдающими его происхождение от Эльфов Воды, церемонно поклонился.

–Высокое собрание. – Тут он сделал паузу, выдохнул и продолжил. – Я знаю, вы ждете объяснений. Но, к сожалению, я осведомлен не более чем вы о причинах, побудивших главу высокочтимого дома Эредиа призвать всех нас. Нам остается только ждать и верить, что они достаточно весомы.

По залу пронесся негромкий ропот: как такое возможно, что лорд–маршал не знает даже времени появления Вильмы Эредиа, мало того, он согласился ждать?!

Лорд–маршал вернулся на свое место и сел, положив подбородок на переплетенные пальцы рук. Его, судя по всему, опоздание Вильмы Эредиа ничуть не беспокоило. Тем более что долго ждать не пришлось.

Шаги поднимающихся по лестнице, заставили многих напрячь и без того исключительный слух. Легко узнавались скользящие шаги четырех эльфов, короткие шаги гнома, шаги двух людей – девушки и взрослого мужчины. А вот поступь первого в этой процессии определению не поддавалась. Она была почти невесомой, как пух одуванчика, сдуваемый одним выдохом, и неимоверно тяжелой, как память о скорбных днях. Эта винтовая лестница, дававшая возможность еще раз переговорить о важном перед самим собранием, в этот раз показалась неимоверно длинной.

Двери зала собраний распахнулись; высокий, не менее трех метров, проем оказался низок для входящего и ему пришлось нагнуть голову.

Это был прекрасный юноша; темно–зеленые глаза его светились добротой, а чувственно изогнутые губы улыбались. Ни единой морщинки не было

на его коже цвета молодой травы, на широкой обнаженной груди перекатывались мышцы. Его волосы цвета вороньих ягод падали до пояса, ничем не скрепленной, свободной волной. Одеждой юноше служили цветы и листья, как бы обвивавшие его тело и, как было видно тем, кто оказывался рядом, на самом деле растущие из него. За ухом у него красовался бело–золотой цветок лотоса. Он прошел в зал и остановился. За ним вошла его свита.

–Мир вам, братья мои. – И Калима простер руки к эльфам.

И весь зал заполнился невероятно прекрасной смесью звуков, запахов… летний дождь в лесу, шелест тростников в озере, свеженадкушенный персик, июльская земляника, щебет птиц в ветвях, осторожные лисьи шаги на осенней листве, примятая трава… И была во всем этом такая сильная, безусловная любовь, такое бескорыстие и щедрость, что все, что так томило и мучило прежде, смыло этой зелено–золотой волной. Эльфы словно заново рождались. Многие не могли усидеть на местах, подходили поближе, опускались на колени.

–Я вернулся. – Калима улыбнулся им всем, опустил руки, давая прийти в себя, отдышаться, хоть отчасти привыкнуть к благодати, оказавшейся повсюду. – И не один.

–Братья мои, вам ли не знать, сколько несчастий принес с собой узурпатор. Я могу простить ему то, что он сделал со мной, но ваша боль не может быть прощена. Мне горько сознавать, что есть и моя вина в случившемся. Мои братья и мои дети были беззащитны… что же я за бог, если не потрудился дать розе ее шипы?

Калима оглядел внимавших ему в благоговейном молчании – понимают ли они его?

–Я не отниму у вас себя и моя любовь останется неизменной. Тот, кого вы называли брохусом-карателем, стал моим единоправным братом. Я сделал его подобным себе, наделил божественными силой и властью. Отныне он мой и ваш защитник. Моя темная половина, Гираш.

Калима вынул цветок лотоса из-за уха и подбросил его в воздух. Цветок вспыхнул подобно звезде, весь зал затопил горький запах полыни и рядом с Калима появился еще один юноша.

Такого же роста, столь же юный и прекрасный. Только глаза его светятся как два королевских рубина, и тонкие губы улыбаются с изрядной долей сарказма. Кожа цвета отполированной стали, гребень волос, торчащих белоснежными иглами, острые, колючие черты лица. А одет он в так хорошо знакомый всем ядовито–оранжевый комбинезон брохусов, только ткань, из которой он сшит, кажется то лоскутами пламени, то плотной дымкой ядовитого газа. На поясе у него висит свернутый кольцами кнут. И если от Калима ощутимыми волнами исходит миролюбие, то его брату оно совсем не свойственно.

Гираш оглядел собравшихся, повернулся к брату.

–Ты призвал меня, чтобы я провозгласил День Гнева. Я готов. А вы?

Этот вопрос он небрежно бросил в зал, едва повернув голову к собравшимся. Но они ответили ему таким согласным криком, словно всю свою жизнь только и ждали этого вопроса.

Все были счастливы. И только одна маленькая собирательница, несостоявшийся реликварий, Виша из дома Вельда, тихо плакала, спрятавшись за спину флюгера альх-Хазреда. Она не видела ничего от своего любимого Тойво Маарви в том существе, пред которым пал ниц весь цвет Лис-Арден.

Вильма Эредиа пригласила ее погостить у себя, однако Виша отказалась и предпочла вернуться к себе, в маленькую квартирку с видом на кладбище. Она старательно отмыла следы долгого путешествия, наконец смогла переодеться, отправить с коммуникатора сообщение домой, даже что-то съела. А потом села на широкий подоконник, подобрала под себя ноги и завороженно уставилась на ряды белых могильных плит. Уху сидела рядом и смотрела в ту же сторону.

–Ну вот, мы снова вдвоем. Как в старые добрые времена. – Виша протянула руку, погладила сову по круглой голове. – И я думаю, нам пора домой, Уху.

–Не возражаю. – Такой знакомый, спокойный голос Тойво, прозвучавший из-за спины, чуть не заставил Вишу потерять равновесие и свалиться с подоконника. – Мне так будет намного спокойнее.

Боясь обмануться, Виша медленно обернулась: на самом краю кровати сидел ее брохус, совершенно такой… вот только ни на голове, ни на шее не осталось и следа разъемов и вживленных металлических конструктов. А так – все тот же Тойво Маарви, с его несмелой улыбкой, темными глазами и лысым черепом. Виша слезла с подоконника, медленно подошла к брохусу.

–Сначала объясни, как. – Потребовала она, закусив губу.

–Попробую. – Тойво протянул руку и взял вишины пальцы в свои. – Так мне легче собраться с мыслями. Помнишь, Сорью навязал тебе растеньице из своего сада, даже сам сюда внес. Это и был мой пропуск. Виша, сейчас я – Тойво Маарви, больше никто. Это моя награда, – и он улыбнулся.

–Ты теперь можешь менять свою телесность по своей воле?

–Можно сказать, что и так. Тот, кого ты видела в Лис-Арден, мое истинное обличие… и не кривись, лучше быть живым богом, чем мертвым брохусом. Принимая форму растения, я волен выходить из нее кем угодно. Со всей полнотой памяти…

И он притянул ее к себе. Виша молча подчинилась, села рядом.

–Так ты хочешь, чтобы я уехала домой?

–Я хочу, чтобы ты была в безопасности. А я буду рядом, когда только ты этого захочешь.

–Вот не думала, что боги так беззастенчиво врут. Тебе будет не до моих желаний, война все–таки…

–Это не твоя война, Виша, – примирительно сказал брохус.

–Ошибаешься. Оба мои брата, как я понимаю, призваны под твои знамена. Врочем, они всегда любили подраться, так что просить тебя спрятать их подальше не буду.

–Тебе необязательно просить. Я все сделаю, чтобы ты была счастлива. – Как ни странно, сейчас Тойво выглядел еще более неуверенным, чем в самом начале их знакомства, когда Виша обозвала его подгузником.

–Да? – Виша неуловимым движением улеглась брохусу на колени. – Докажи.

На следующий день моргенштерн, все тот же «Облачный сон», уносил Вишу из Лис-Арден. Одну, потому как все остальные ее спутники пожелали остаться. Потом из Одайна она без труда добралась до пригорода, гда процветала ферма дома Вельда. Мать и отец встретили ее не без удивления (они считали Вишу с ее характером и склонностью к приключениям «отрезанным ломтем»), но с радостью.

–Нужно отдохнуть? – понимающе спросил отец.

–Ага, – односложно отозвалась Виша, заходя в дом.

–Тогда увидимся за ужином,– сказала мама.– Твоя комната в неприкосновенности. Даже коллекция сережек. Иди, отдыхай.

Виша поднялась на второй этаж, привычно пересчитывая ступеньки, Уху сидела у нее на плече. Вторая дверь направо, характерный скрип, похожий на голос козодоя. Окно–фонарь, платяной шкаф, кровать, укрытая лоскутным покрывалом, стол и креслице, из которого она так и не собралась вырасти. Виша стала в дверях, грохнула на пол сумку, а потом разбежалась и прыгнула на кровать, растянулась на ней, раскинулась как морская звезда, потом свернулсь клубком, потом опять потянулась… Тойво оказался прав. Дом, милый дом. И Виша перехотела плакать.

Прошло несколько дней. Домочадцы успели привыкнуть к вишиному возвращению, она же вновь освоилась на ферме. И однажды поздним весенним вечером все вспомнили, что не далее как завтра Више исполняется полных двадцать лет. Особого праздования устраивать не стали, слишком хорошо помнили неприязнь именинницы к трогательным речам и публичному одариванию, но какой-никакой праздничный ужин организовали. Уже поздним вечером в комнату к Више заглянула Мэй Вельда.

–Зайди ко мне, – и обещающе улыбнулась.

Несколько заинтригованная Виша немедленно бросила учебник военной истории эльфов (один из подарков Вильмы Эредиа) и отправилась на половину матери. Мэй ждала ее, сидя в низком кресле у окна, держа на коленях плоскую шкатулку.

–Присаживайся, – пригласила она дочь занять второе такое же кресло. – У меня, как ты догадываешься, подарок. И впридачу история.

–Что сначала?

–Конечно же история, получив подарок, ты убежишь примерять его и вряд ли услышишь хоть слово.

Мэй помолчала, покачивая шкатулку в руках.

–Это украшение… хотя я думаю, это гораздо больше, чем украшение, ну да бог с ними, с моими мыслями. Оно передается в нашей семье уже очень давно, от матери – к старшей дочери. Как оно попало в дом Вельда – отдельная история, многое из которой забыто, а многое тщательно скрывалось. Ты очень хорошо училась, Виша, поэтому я думаю, что история ратманов Эригона тебе знакома. В том числе, семейства Мираваль.

–Еще как знакома, – кивнула Виша. – Больше, чем многим профессорам из нашей одайнской школы.

–Тогда ты должна знать, что Риго Миравалю наследовал Арчеш–младший Мираваль. По лицу вижу, что знаешь. Так вот, мало того, что сам Арчеш–младший был незаконным сыном Риго, а матерью его была танцовщица из священной храмовой труппы, так еще и сам Арчеш–младший, женившись по распоряжению своего линьяжа на девице со связями и приданым, нашел свою любовь совсем в другом месте.

–В доме Вельда, разумеется, – подвела итог Виша.

–Именно здесь. Наша прапра… в общем, Тамина Вельда стала его возлюбленной и родила ему его любимую дочь, Итиль. И она же стала первой хозяйкой этого украшения. Сам Арчеш–младший получил его из рук своей матери, что достоверно подтверждается его дедом, Арчешем–садовником. Кем была эта женщина, простившая Миравалей, укравших ее сына и чуть не погубивших ее саму, сейчас сказать трудно. Записи Арчеша садовника сохранили несколько ее портретных зарисовок и имя. Ее звали Амариллис.

–Странно, я даже не удивлена, – тем не менее, Виша сцепила пальцы в замок и явно побледнела.

–А теперь пришло время отдать это украшение тебе. – Мэй открыла шкатулку и протянула дочери круглый ажурный медальон черного золота на легкой цепочке. На круглом ободе медальона стояла обнаженная танцовщица, легко-напряженная, как стрела на тетиве, готовая сделать первый шаг.

Виша приняла украшение из рук матери, положила себе на ладонь.

–У нас в роду она получила имя «Танцующая Судьба». – Мэй внимательно смотрела, как Виша дрожащими пальцами застегивает цепочку с медальоном у себя на шее. – По поводу ее волшебных свойств ничего сказать не могу, потому что не знаю, есть ли такие. Но то, что ни одна из женщин дома Вельда, носившая этот медальон, не прожила уныло-размеренной жизни, это ты и без меня знаешь. Я со своими тремя мужьями, сыновьями-брохусами, твоими выходками… и восстановлением фермы с нуля выгляжу просто жалкой домохозяйкой. Что уж говорить о тебе, моя девочка. А теперь давай примем немного печали.

И Мэй потянулась к подоконнику, на котором стоял поднос с высоким графином темного арзахельского стекла, такие же бокалы, тарелки с

нарезанными лимонами, орехами, какими-то сладостями. Она налила себе и дочери настойки, пахнущей тимьяном и вишнями.

–Это пришло с месяц назад. – И Мэй протянула дочери конверт. – Он был из твоей школы, поэтому я посмотрела, что в нем. Это извещение о смерти Джесхета Ломара. Он умер в Лис-Арден и там же и похоронен.

В молчании они выпили по полному бокалу настойки, Виша выронила листок на пол, встала, подошла к матери и опустилась возле нее на колени.

–Мам… можно я поплачу? – и уронила голову, не дожидаясь разрешения.

–Ты ведь знала о том, что Джесхет умирает, верно? – пальцы Мэй гладили серебристый затылок дочери. – И все равно не легче. Какая-то из наших бабок говорила, что нельзя приготовиться к боли – она всегда будет первой, чтобы подкрасться из-за спины и вонзить свои острые зубы в твое нежное тельце. Или сердце, если уж совсем не повезет. Так что не стыдно и заплакать, тем более что Джесхет достоин оплакивания больше, чем кто-то еще… – и Мэй подозрительно шмыгнула носом.

Прошло около двух недель. Вести, доходившие до фермы Вельда, были разными, но большей частью неопределенными. Однажды вечером, возвращаясь из теплиц, Мэй остановилось у окна–фонаря вишиной комнаты, подняла с земли камешков и кинула один в окно. Створка фонаря распахнулась и высунулась удивленная Виша – обычно таким способом ее вызывали братья, а их дома не было, так что увидеть мать, стоящую с пригоршней гравия, было довольно непривычно.

–Иди, собирай урожай! – и Мэй засмеялась.

–Какой урожай, мам? – Виша захлопала глазами. – На ночь глядя какие сборы?

–Иди–иди, это уж точно не для меня выросло… – Мэй махнула рукой в сторону теплицы. – Я такого не сажала.

До Виши наконец дошло, что произошло и кто воспользовался своим правом человеческого воплощения. Она метнулась из комнаты, просыпалась по лестнице, как струйка сахара, долетела до теплицы. Там было тихо, только изредка тяжелые капли воды срывались с потолка и шлепались на листья. Виша, осторожно ступая, пошла вдоль по дорожке. В самой глубине теплицы, там, где росли какие-то нильгайские редкие фрукты, которые Мэй выращивала для ратманской жены – с нежными, мелкими желто–розовыми гроздьями ягод, гладкими мягкими листьями, – нашелся тот, кого она так долго ждала. Тойво лежал прямо на другоценных ягодах и спал, подложив руку под голову. Виша посидела рядом с минуту, глядя на него, а потом Тойво, не открывая глаз, протянул руки, схватил Вишу и опрокинул ее на себя, прямо в цветы, ягоды и теплую, мягкую землю.

–Виша… – и последний звук ее имени утонул в его поцелуе. Он обнимал ее, гладил ее спину и не мог оторваться от ее губ, отпуская, только она начи-

нала задыхаться. Потом перевернулся, удерживая ее тело, опустил ее голову на землю. Виша засмеялась, слизала с его щеки ягодный сок, потянула вниз, насколько смогла, молнию оранжевого комбинезона. Меньше через минуту на них не осталось ни одного предмета одежды; Тойво всегда был очень нежным, но сейчас Виша почувствовала, что ему не до игр. Он вошел в нее, распластанную среди травы и ягод, раскрывая ее, как растущий стебель раскрывает землю. Она всегда закрывала глаза, когда они любили друг друга, но сейчас не могла оторвать взгляда от его лица. Она видела, как прорывается сквозь его зрачки рубиновый огонь, чувствовала, как падают на ее плечи белоснежные иглы волос. И каждое его движение делало ее одновременно слабее, потому что она словно растворялась в том буйстве листьев, ягод, стеблей, цветов, которое уже давно дышало вокруг них, – и сильнее, ибо становилась частью того, чья сила неизмерима, время бесконечно, а любовь неисчерпаема.

Когда Виша пришла в себя, за прозрачными стенами теплицы заметно потемнело и, судя по всему, похолодало, но здесь, в развороченной грядке, было тепло. Виша подняла голову с живота Тойво, села и огляделась.

–Куда… – и Тойво легко притянул ее к себе. – Не убежишь. Прикажу своим подданным, они тебя живо спеленают. Шучу, дурочка. Не хмурься.

–Лучше прикажи им, чтобы они грядку после нас в порядок привели, – захихикала Виша. – Мама мне голову оторвет…

–Не думаю… – Тойво нежно поцеловал ее в довольно жмурящиеся глаза, провел пальцами по позвоночнику, обхватил ладонями пониже спины, приподнял и усадил на себя. – Я изголодался, Виша. Ты даже не представляешь, как…

–Да неужели? – Единственное, что еще оставалось на Више, был тот самый медальон черного золота. Возможно, именно его голосом она и заговорила. – И что, я должна испугаться… подгузник?

Тихое рычание предупредило ее, что Тойво Маарви все-таки не смог остаться только собой. А она наклонилась над ним, легко положив ладони ему на плечи, и без страха встретила ощутимо горячий, красный огонь его глаз. И наклонилась еще ниже, чувствуя, как высыхает на лбу испарина, и провела языком по его губам – все таким же обветренным и искусанным, как тогда, после дебоша в «Мертвецкой», когда он спасал ее, брошенную и отчаявшуюся.

–Тойво… – она не могла назвать его иначе; «Гираш» – это было имя бога, возможно, когда-нибудь она научится выговаривать и его, но пока… пока в ее руках был Тойво. И целовать его было сладко и все-таки немного страшно, особенно когда он чувствовал этот ее страх и смеялся, смеялся совсем новым для нее смехом…

Они проснулись довольно рано, во всяком случае, вокруг было тихо.

–Ты пойдешь со мной, – еще не проснувшись, Тойво говорил не совсем своим голосом.

–Ахха.. – Виша только-только открыла глаза. – Что?! Опять? – и укладывая голову на теплое, чуть влажное плечо, спросила: – Куда?

–На войну, – спокойно ответил Тойво, так же спокойно, как когда-то пригласил ее на прогулку за город.

–Мммм… – Виша огляделась, подцепила висевшую над ней чудом уцелевшую ягоду, сунула ее в рот. – Кхм. Ну да, на войну. Куда ж еще.

Ближе к полудню возле фермы Вельда сел очень хорошо знакомый Више флюг, ухоженный и блестящий как леденец. И уже через минуту она обнимала шаммахита, знакомила его со своими домочадцами, звала смотреть дом и сады.

–Виша, – смущаясь, ответил альх-Хазред, – я бы с радостью, но вот этот… хмм… наш друг требует, чтобы ты немедля садилась ко мне и улетала.

–Странно, непохоже на нашего друга, – нарочито громко сказала Виша. – Ну, не будем спорить, в конце концов, это было наше приключение, нам его и заканчивать. Мам, мне пора. Не скучай.

Они крепко обнялись, отец, выше их вдвое, без труда обнял их обеих, стиснул, похлопал Вишу по спине.

–Наведите там порядок.

–Да уж… – Мэй Вельда поспешно вытерла щеки. – Твои вещи уже во флюге, я все собрала. Уху там же, ждет тебя. В добрый путь, дочка.

Когда Одайн остался далеко позади, Виша спросила:

–Может, ты все же расскажешь, что нас ждет? Понимаю, что война… но какая? Эльфы собрали все свои силы и собираются напасть на Нильгау?

–Ну почему же только эльфы?.. – Тойво, лежащий на все таком же неприлично–роскошном ложе шаммахита, повернул голову. – Все брохусы. Немногие из людей – их попросту немного. И я… – и засмеялся.

–А… а как же Лес? – поинтересовалась Виша. – Хоть кто-то услышал Калима?

–Услышали. Многие. Не мусорники, конечно. И не те, кто слишком рядом с двойником. Только понимаешь, те, кто услышал… они же вспомнили, что дети Калима – мирные существа, и заставлять их сражаться мой брат не станет. Поэтому они пропустят нас – но не более.

–Хороша помощь… – разочарованно протянул шаммахит.

–И без них обойдемся, – отмахнулся Тойво. – Нам только до храма добраться… Все города отдали нам все свои моргенштерны. Надеюсь, хватит.

Города отдали не только моргенштерны – и флюги тоже, все, что были. А воздушный флот эльфов оказался гораздо большим, чем думали все остальные расы. Поэтому все, кто пожелал принять участие в решении судеб мира, разместились если не с комфортом, то в общем без мучений.

Виша впервые в жизни видела регулярное войско Лис-Арден и не знала, то ли ей ужасаться, то ли восхищаться. Накануне вылета она встретилась с Вильмой Эредиа.

–Личный сопровождающий бога… – протянула она, явна дразня Вишу. – И как оно тебе?

–Не знаю пока. Вообще-то меня в приказном порядке посадили к альх-Хазреду и не велели высовываться.

–Разумно. Шаммахит и сам удерет, если что, и тебя вынесет. Хочешь, посмотрим мой сад?

Виша вытаращила глаза.

–Пойдем, не бойся. Там уже давно побывал Калима, так что я прощена, а они – живы.

Сад Вильмы Эредиа оказался невелик, но вполне уютен. В нем не осталось ни следа тех прежних, жутких эманаций боли и ужаса; только тишина и покой.

–Я попрощаюсь с ними, хорошо? – И Вильма пошла вдоль дорожки, негромко разговаривая, иногда прикасаясь к стволу или цветку. Виша стояла в стороне… ей тоже было, что вспомнить об этом доме.

–Нам пора.

–Вильма… – Виша впервые назвала профессора Эредиа по имени.

–Что? – впервые улыбнулась ей в ответ эльфка.

–Зачем я ему здесь?

–Кто знает… Но свои сердца боги предпочитают держать поближе к себе.

Потом Виша вспоминала дорогу, первые стычки с мусорными пустошами, а на границе с Нильгау – и с Лесом. Вспоминала дожди дефолиантов, огненные облака, десанты аспидов. И она очень отчетливо помнила, как увидела вершины храма Калима – вернее, его узурпатора. Над зеленым рваным бархатом джунглей высились остроконечные, изогнутые, переплетенные в неестественных пропорциях купола, галереи, оплетенные шипастыми лианами… и не было во всем этом красоты, нежности, да и мощи почему-то особой не чувствовалось. Словом, всего того, что способно вызвать созерцание обильно цветущей розы, невесомого цветка липы или корабельной сосны, пронзившей небо, – ничего подобного не было здесь. Будто текли в телах здешних растений не соки, а яды, и хотели они чего-то не своего, а навязанного, но настолько давно и искусно, что это чуждое уже стало частью их, болезненной, бестолковой, но частью – от которой так просто не избавишься.

Моргенштерн, в котором находились оба божественных брата, сел совсем рядом с храмом – прятаться было негде, лес на лиги вокруг был заменен на поля ядовитых трав, аконита, болиголова и сотен подобных, да и незачем было прятаться. Углежоги в полчаса освободили дорогу для небольшой процессии, прошедшей до половины дымящегося поля.

Виша, покинувшая моргенштерн под защитой своих старых знакомых, вновь надевших форму аспидов, стояла где-то посередине процессии, держа свою ношу обеими руками. Она была одета в свой старый, потрепанный комбинезон собирателя – Калима сказал ей, что она должна гордиться этой одеждой.

–Ибо сколько же надо было отваги такой маленькой птичке, чтобы залетать так глубоко к моим больным детям… – он улыбнулся Више, снял у себя с груди расцветший там цветок, похожий на крупный камень в ожерелье, и приложил ей к волосам. Цветок мгновенно оплел стеблем вишино ухо и замер у нее на виске.

–Это амариллис?

Калима только наклонил голову в ответ.

И вот они стояли – Калима и Гираш, эльфы, орки, люди… как в старой сказке, картинки к которым я так любила рассматривать в книгах Джесхета, мелькнуло в голове у Виши. Долго ждать не пришлось. Не открывались ворота, не рушились стены… всего только непомерно огромный дуб, весь оплетенный омелой, росший недалеко от храма, наклонился и протянул в их сторону одну из ветвей. Она все тянулась, бесконечная, как змеи Нильгау, пока не донесла до них того, кто сидел на ней. А он сидел так спокойно, поигрывая тростниковой дудочкой, покачивая босой ногой в воздухе.

Когда он встал перед своими так долго жданными гостями, они увидели… Калима. Тот же рост, та же красота… только волосы его были почти сплошь седыми, глаза горели желтыми голодными огнями, и даже Виша видела глубокие морщины на лице узурпатора.

–Добро пожаловать, – и он поднес к губам флейту.

Происходившее дальше Виша помнила плохо, впрочем, как всегда, когда ее накрывало событиями и страхом. Когда отзвучала первая мелодия, она выглянула из–под рук Иво – впереди стоял Гираш, похоже, даже не обративший внимания на первую атаку, Калима окружали живым кольцом аспиды и углежоги. Узурпатор издевательски развел руками – мол, извините, разочаровал, – и вновь заиграл. Играл он бесподобно, стоило признать, и силы, вызываемые им, заслуживали уважения. И когда ему удалось задеть Калима – вырвавшиеся из–под земли корни попытались добраться до бога – Гираш решил, что довольно игр. «Мы пришли убивать» – услышала его менто Виша. «Смерть заждалась его. Поможем ей».

И в этот миг оба аспида, Иво и Ика, подхватили Вишу на руки, потом усадили ее себе на плечи. А она сбросила защитную скорлупу со своей драгоценной ноши; и, сама того не понимая, жестом Нимы – той, что стояла в иремском храме, взяла поющий кристалл, держа его на уровне груди. В кристалл ударили молнии, чистый, первозданный огонь, посланный Гирашем

– и вернулись в его раскаленные руки, чтобы из них ударить узурпатора. Перед такой силой устоять не мог никто.

Сначала вспыхнула тростниковая дудочка – и сгорела в минуту, рассыпаясь в пепел и прах. Потом пришел через самозванца. Виша не знала, с чем сравнить это горение; и только потом на память пришли костры нужды, зажигаемые по традиции глубокой осенью с незапамятных времен. Эти костры всегда складывали из сырых, прогнивших за осень веток, горели они плохо, давали много едкого дыма, пламя их было невеселым, то лиловым, то блекло-красным. Но потом, после долгих хороводов и песен, костры нужды вспыхивали злобным, бело–оранжевым огнем, не давая света, только сильнее подчеркивая непроглядную темень предзимней ночи. Так сгорел и он, не получивший своего истинного имени, не завоевавший своего мира… да и вряд ли хоть кого-то сделавший счастливым.

Когда эльфы осторожно опустили Вишу на землю, кристалл в ее руках нежно, чуть жалобно прозвенел – и начал рассыпаться, сотнями осколков, совсем не острых, не ранящих, шелково скользящих меж ее пальцами, падая на измученную землю, растворяющихся в ней. Виша медленно опустилась на колени и заплакала – а что ей еще было делать? Она гладила сухие комья, обожженные обломки стеблей, вытирала слезы, размазывая по лицу ядовитую пыль. И вдруг, повинуясь голосу сердца, который нет необходимости объяснять, прижала обе руки к медальону и тихо-тихо, еле слышным шепотом попросила:

–Амариллис, помоги нам…

Цветок за ее ухом шевельнулся, упал рядом. И вот уже Вишу обняли тонкие, сильные руки, и ее щека прикоснулась к вечной путанице светлых волос.

–Виша, – карие и серые глаза встречаются… оказывается, богиня плачет совсем как девчонка, и нос у нее краснеет. – Твои глаза… ну совсем как у моего Арчеша, свет ему под ноги в любом из миров… Теперь можно. Теперь помогу.

Они встают.

–Нам покинуть это место, госпожа? – Калима кланяется и Гираш ему вослед.

–Зачем? – Амариллис смеется. – Боитесь, что я разучилась танцевать? Нет, никому не надо уходить. Вот только ты, – и она подходит к Гирашу, – смотри у меня…

–Непременно, – Гираш опускается на колено и целует ее руки.

–Амариллис, от кого ты научилась так запугивать богов? – Эльф, все это время стоявший сзади Калима и закрывший его от всего, что пропустили и аспиды, и углежоги – а было этого ужаса немало, – тоже смеется.

Виша заметила, что некоторые эльфы, и орки и даже пара людей стоят как-то очень рядом со спутником Амариллис. И среди них – цветовод

Сорью из дома Клеис, и профессор Вильма Эредиа, и ее знакомая эльфка из инфоцентра, которая всегда разрешала ей засиживаться намного дольше оплаченного срока…

–Они уходят со мной, Виша, – заметив ее взгляд, грустно улыбнулся Хэлдар. – Для кого же мы разводили райские сады? Не печалься. Не бывает вечных разлук.

Они расходятся, чтобы освободить место для Танцующей Судьбы, которая выглядит, надо сказать, как девчонка, удравшая от домашних дел, побегать по полю в простеньком коротком льняном платье, вышитом по груди красной нитью. А она подходит к Калима и о чем-то его просит; тот сначала пытается отказать, но потом нежно гладит ее обнаженные руки – от плеч до кончиков пальцев, проводит раз за разом, оставляя за собой тонкие красные полосы.

–Довольно! – на этот окрик Хэлдара Амариллис даже не поворачивает головы. Еще несколько движений – и она подпрыгивает, зависает в воздухе как пушинка и целует Калима в лоб.

Она встает посреди пустоши – дважды проклятая, отравленная, убитая земля под ее босыми ногами рассыпается в пыль. И откуда-то приходит музыка, даже не музыка, сначала только ритм – редкий, глухой. Не сразу Виша понимает, что это дождь. Вслед за ритмом начинает звучать мелодия – такая ласковая, чистая и радостная, что удержаться от слез не могут даже углежоги. А Танцующая Судьба срывается с места и первым же жестом выбрасывает высоко в небо десятки красных капель, чтобы смешались они с дождем и успокоили измученную землю. И начинает танцевать. Под запах полыни, перестук первого летнего дождя, шелест очнувшихся от кошмарного бреда листьев, голоса птиц, слетевшихся посмотреть на такое чудо… Виша видит, как каждое движение Амариллис снимает злые чары с земель Нильгау, как земля начинает не задыхаться – а дышать, как изломанные купола храма просто опускаются на землю, чтобы стать ее частью, и как расходится волной сила от каждой капли божественной крови – очищая и освобождая.

Сколько длился этот танец – никто не мог сказать. Он закончился только тогда, когда откуда-то из-за моргенштерна вышел неприметный человек, одетый в простой дорожный плащ, с посохом, рядом с которым шел мальчик. Мужчина подошел к Амариллис, замершей как стебелек, раскрыв ладони над землей.

–Отличная работа. А теперь отдыхать…

И на его месте оказался Дракон, к которому Амариллис без сил опустилась на шею. Он бережно поднял ее крылом, едва повернув голову в сторону Хэлдара, бросил: «Я отнесу ее домой», кивнул мальчику, который резво взобрался ему на спину. Ни Калима, ни Гираша зримым вниманием он не удостоил, хотя, судя по их лицам, кое-что они от него все-таки услышали.

Дракон поднялся над землей – из которой уже начинали пробиваться первые зеленые лоскутки травы. Хэлдар с теми, кому предстояло покинуть Обитаемый Мир, исчез за минуту до этого.

–Вот и все. Закончилась твоя сказка, – Виша оглянулась на голос, старавшийся казаться глумливым или хотя бы насмешливым. Это был Маульташ.

–Ну и что. – Виша взяла гнома за руку. – Я не единственная в этом мире. И вообще… моя сказка вон, видишь, с братом рядом стоит. Так что...

–Что? Не угасают искры вечного огня? – усмехнулся Маульташ. – Ну, гному об этом не спорить. Пойдем, Виша.

–Куда это ты ее ведешь? – Гираш оказывается рядом в доли секунды. – Размечтался.

–Ох ты, скажите, какой грозный. – И Маульташ отвесил Гирашу поклон, предварительно скорчив рожу. – Забирай свое сокровище, Тойво Маарви.

–Иди ко мне, – и Гираш поднял Вишу на руки, прижал к груди, еще пахнущей раскаленным металлом. – Устраивайся поудобнее, ты здесь надолго.

Вскоре поле опустело. Оставшиеся в живых ушли в моргенштерн, Гираш унес Вишу туда, куда было ведомо только ему, и только Калима остался стоять на своей вновь обретенной земле.

Эпилог

–Я выиграл! Я выиграл! Йоу!!! – Так вопить может только десятилетний мальчишка, выигравший свою первую Игру.

–Ну, выиграл. – Снисходительно улыбнулся Пьющий Песок.– Отчасти потом, что я тебе совсем чуть-чуть поддался…

–Как это – поддался?! – Судри возмущенно оскалил клыки. – Ты сам говорил, что в этой Игре поддаваться и мухлевать нельзя!

–Так это смотря кому… – засмеялся его противник.

–И по какой причине на этот раз вопли и ликование? – поинтересовалась Амариллис, вошедшая следом за Хэлдаром. – И где носит Сыча, хотела бы я знать?

–Сыч просил передать, что красавцы, которых оставил вам в наследство Гарм, сами по себе не переведутся. Так что он задерживается в окрестностях Краглы и просит не беспокоиться и не мешать. Его сородичи согласного с ним мнения.

–Герой… – В голосе Амариллис было только тепло. – Так, а почему вы все-таки так голосили?

–Мы? – Переспросил Пьющий Песок. – Судри, ты давай собирай фигурки, складывай плат… я, что ли, за тобой прибирать буду?

–Мам! – Судри был так горд собой, что проигнорировал эту просьбу. – Я выиграл у Пьющего Песок! Я! Выиграл! Йоу! – И он весьма похоже изобразил победный вой полярного волка.

–Поздравляю… – Не без удивления протянула Амариллис. – Мне вот пока еще ни разу этого не удавалось… А ну, постой-ка. Дай сюда.

И прежде чем Пьющий Песок успел смести все фигурки в свою чашу, а из нее – в мешок, она успела выхватить пару.

–Ах ты… – Она задохнулась. – Ах ты чешуйчатая задница!..

–Ну-ну… – Примирительно вытянул перед собой руки Мастер Дракон. – Только без рукоприкладства, прошу тебя. Не шлепать же мне тебя при твоем сыне…

–Хэлдар! – Амариллис оглянулась и поняла, что у эльфа поддержки не получит – он сидел на краю каменного стола, на котором все еще был разложен вышитый трехцветным золотом игральный плат, и смеялся.

–Да как ты посмел! Ты позволил ему играть нами! – Она держала в руках фигурки эльфа и танцовщицы, все еще не веря своим глазам. – Играть богами!

–Подумаешь… Чем боги хуже, что ими нельзя играть? – Пьющий Песок взял у нее из рук фигурки, убрал их в мешок. А вслед за ними – фигурки девушки с длинным раздвоенным на спине хвостиком, гнома с волосами, заплетенными в толстые жгуты, волка, сову, двух эльфов в красивых мундирах, эльфку в длинном сюртуке, две очень красивые фигурки побольше – одну зелено–золотую, другую платиново–рубиновую…

–Но ему еще рано… – Амариллис присела рядом с сыном, обняла его за плечи.

Мальчик поднял на нее взгляд, и в глазах его ясно читалось – мама, не вмешивайся и не позорь меня.

–Уже можно. Первый свой выигрыш он взял и теперь – Пьющий Песок наклонился и потрепал мальчика по светлым волосам, – теперь вряд ли остановится. Ох, и поиграем мы с тобой, Судри, сын Хэлдара…

Конец третьей книги

Лис, создающая и созданная, хочет сказать:
Прощай, Амариллис, моя танцующая судьба,
И ты, остроухий лорд, и ты, смеющийся бог,
Прощайте, мои моря, леса, города,
Прощай, Обитаемый Мир, спасибо, что стать смог
Живым для меня. А я обещала – и вот
Сделала все, что могла, чтобы были живыми – вы.
Чтобы ноги ваши сминали листья травы,
Чтобы вы целовали, и убивали, и шли напролом,
Чтобы тусклый покой вам не был знаком.
Чтобы вас настигала страшная, сладкая боль,
Что зовется любовью в любом из миров.

Лис-Арден

Алмаз темной крови

трилогия

Редактор
Компьютерный набор
Верстка
Иллюстрации
Форзац

Сайт автора
Страница автора Вконтакте

Подписано в ппечать хх.хх.2014
Формат 00х00/00. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.-печ.л. 00,0.
Тираж 000 экз.

Отпечатано
х